

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:

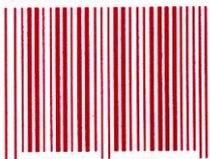
теория и практика

2024

№ 5(233)

- *Жуков В.Н.* Э. Фромм: религия как механизм власти
- *Чуксина В.В., Якимова Е.М.* Формы государства: традиционная модель и ее трансформация
- *Мионов В.О., Зин Н.В.* Прогресс человеческого общества и глобализация
- *Раттур М.В.* Идентичность в аксиологии конституционализма: от социального конструкта к правовому концепту
- *Шатская И.И.* Налоговая политика: изменения и тенденции современного развития
- *Фидель П.М.* Использование интеллектуальных технологий для обеспечения транспортной безопасности
- *Тимонина И.В.* Защита трудовых прав и интересов работников в Российской Федерации
- *Пухнаревич С.И.* Политико-правовые предпосылки реформирования судебной системы Российской Федерации
- *Тхакумачев Б.Ю.* Проблема правовой регламентации, позволяющей правильно оформить результаты изъятия компьютерной информации в процессе производства оперативно-розыскных мероприятий
- Другие материалы

ISSN 1815-1337

9 771815 133771

**ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:
теория и практика. (18+) 2024. № 5(233)
Федеральный научный юридический
ежемесячный журнал**

**LAW AND STATE:
the theory and practice. (18+) 2024. № 5(233)
Federal scientific juridical
monthly journal**

Учредитель: А.И. Бобылев

Издатель: Издательство «Право и государство пресс»

Главный редактор: С.В. Алексеев –
доктор юридических наук, профессор (Москва)

Ответственный редактор: С.В. Зубкова

Редакционный совет:

С.В. Алексеев – д.ю.н., профессор (Москва),
Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва)
Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Грозный),
С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),
Е.Ю. Грачёва – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),
В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),
А.И. Землин – д.ю.н., профессор (Москва),
С.А. Комаров – д.ю.н., профессор (Санкт-Петербург),
В.М. Корякин – д.ю.н., профессор (Москва),
П.В. Крашенинников – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),
Н.В. Кроткова – к.ю.н. (Москва),
А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов),
И.М. Мацкевич – д.ю.н., профессор (Москва),
Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва),
Е.А. Фролова – д.ю.н. (Москва)
В.В. Чубаров – д.ю.н. (Москва)

Редакционная коллегия:

И.В. Ершова – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва),
П.А. Калинин – д.ю.н., профессор (Москва),
В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва),
М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва),
М.М. Милованова – к.ю.н., доцент (Москва),
В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.А. Соколова – д.ю.н., доцент (Москва),
Р.Ф. Степаненко – д.ю.н., профессор (Казань),
О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)

Constitutor: A.I. Bobylev

Publisher: Publishing house «Law and state press»

Chief editor: S.V. Alekseev –
Doctor of Law, Professor (Moscow)

The editor-in-chief: S.V. Zubkova

Editorial council:

S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow),
E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Grozny),
S.A. Bogolyubov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
E.Yu. Gracheva – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.N. Zhukov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
A.I. Zemlin – Doctor of Law, Professor (Moscow),
S.A. Komarov – Doctor of Law, Professor (Saint Petersburg),
V.M. Koryakin – Doctor of Law, Professor (Moscow),
P.V. Krasheninnikov – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),
N.V. Krotkova – Associate Professor (Moscow),
A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov),
I.M. Matskevich – Doctor of Law, Professor (Moscow),
T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
E.A. Frolova – Doctor of Law (Moscow)
V.V. Chubarov – Doctor of Law (Moscow)

Editorial board:

I.V. Ershova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.M. Zolotuhina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.M. Milovanova – Candidate of Law, Associate Professor (Moscow),
V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.A. Sokolova – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow),
R.F. Stepanenko – Doctor of Law, Professor (Kazan),
O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17836.

Почтовый адрес редакции:

140050, Московская область, Люберецкий район, п. Красково, ул. К. Маркса, 81-119.

E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospress.ucoz.ru.

Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20

**Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки РФ
в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
(5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI).

При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы».
Подписка 2024. Первое полугодие. Наш индекс 11193.

За достоверность и точность данных, приведённых в статье,
ответственность несут авторы статей и других материалов.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Издательство «Право и государство пресс», 2024

СОДЕРЖАНИЕ 2024 № 5(233)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Жуков В.Н.</i> Э. Фромм: религия как механизм власти.....	8
<i>Фастович Г.Г.</i> Цифровые технологии в современной России (на примере исследования логистической инфраструктуры).....	13
<i>Фастович Г.Г.</i> Правоприменительная деятельность как эффективное условие реализации государственного контроля в сфере защиты прав человека: теоретико-правовой аспект.....	15
<i>Червяков М.Э., Власов В.А.</i> К вопросу о судебной компьютерно-технической экспертизе средств сотовой связи (часть вторая).....	18
<i>Очир-Гаряева И.К., Мучаева Д.Г., Менкносов А.С., Топорова Б.В.</i> К вопросу о законности с позиции правосознания и объективной ценности права.....	22
<i>Палеха Р.Р., Павлов Е.А.</i> Естественно-правовая школа: генезис идей.....	25
<i>Бредихин А.Л., Байкеева С.Е., Проценко Е.Д.</i> Властеотношения и основания их возникновения.....	29
<i>Шенин В.М.</i> Правовое регулирование обеспечения безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц войсками национальной гвардии.....	32
<i>Немченко С.Б., Смирнова А.А., Сулима Т.Г., Уткин Н.И., Шенин В.М.</i> Проблемы правового регулирования гарантий и компенсаций, предоставляемых пожарным и спасателям, работающим (проходящим службу) в Арктической зоне Российской Федерации.....	35
<i>Чапчиков С.Ю.</i> Правовые средства обеспечения национальной безопасности: общетеоретические аспекты.....	39
<i>Абдуллина Л.Р.</i> Становление принципа разумности в научном дискурсе античного периода.....	42
<i>Асеев И.А., Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю.</i> Правосознание и правовая культура как ключевые элементы профессиональной деятельности полицейского.....	46
<i>Чуксина В.В., Якимова Е.М.</i> Формы государства: традиционная модель и ее трансформация.....	50
<i>Бойко Н.Д.</i> Социально-коммуникативная природа общественного договора в современной социально-правовой мысли.....	53
<i>Королев Б.И.</i> К вопросу о формировании и выражении конституционных представлений земского деятеля А.А. Остафьева в 1905-1907 гг.....	56
<i>Бредихин А.Л., Гончар А.А.</i> Правосознание и правовая культура: соотношение понятий.....	59
<i>Галузо В.Н.</i> О «новелле» относительно опубликования правовых актов в городе Москве.....	61
<i>Мионов В.О., Зин Н.В.</i> Прогресс человеческого общества и глобализация.....	65
<i>Исаенко В.А.</i> Краткий исторический обзор кодификационных работ.....	68
<i>Оситов Д.Д.</i> К вопросу о современном состоянии института частной детективной деятельности в Соединенных Штатах Америки.....	71
<i>Очир-Гаряева И.К., Мучаева Д.Г., Акаева А.Г., Кравцова А.Э., Сарангаева Г.А.</i> О некоторых аспектах эволюции российского законодательства о борьбе с терроризмом во второй половине XIX в.....	74
<i>Ле Хуин Дык, Нгуен Тхи Тхыонг, До Тхи Ван Фыонг</i> Роль государства в развитии: концепция «государства развития» (опыт Вьетнама).....	78
<i>Терениченко А.А.</i> Возможности правового регулирования имущественных отношений в браке.....	83
<i>Чернова Э.Р.</i> Категория правосознания в истории российской теоретико-правовой мысли.....	86
<i>Гухнаревич С.И.</i> Политико-правовые предпосылки реформирования судебной системы Российской Федерации.....	89

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Редкоус В.М.</i> К вопросу о законодательном определении гражданского общества (опыт Республики Беларусь и государств – участников СНГ).....	93
<i>Рычкова К.О.</i> Принципы регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении.....	96
<i>Фидель П.М.</i> Использование интеллектуальных технологий для обеспечения транспортной безопасности.....	99
<i>Шерстнев В.Н.</i> Структурно-организационные судебно-строительные трансформации.....	102
<i>Хажнагоева И.З.</i> Принципы основ конституционного строя Российской Федерации в системе принципов конституционализма.....	106
<i>Шатская И.И.</i> Налоговая политика: изменения и тенденции современного развития.....	110
<i>Жмурова С.С., Магомедов Ф.Б., Лукерина О.М.</i> Подходы к определению понятия экотуризма.....	114
<i>Крохина Ю.А.</i> Влияние термина «финансы» на системообразующие категории финансового права.....	118
<i>Колеева А.Э., Колеев В.В.</i> Индивидуализация земельных участков.....	122
<i>Бокова А.О., Палеха Р.Р., Хохлов Н.С.</i> К вопросу о конфликте интересов и нормативно-правовой основе его регулирования на государственной гражданской службе в Российской Федерации.....	125
<i>Моторина И.С.</i> Перспективы искусственного интеллекта в судебной деятельности.....	129
<i>Виноградова Е.В.</i> Институционализация доктрины конституционного контроля.....	132
<i>Раттур М.В.</i> Идентичность в аксиологии конституционализма: от социального конструкта к правовому концепту.....	137
<i>Садловская А.В., Сафронов В.В.</i> Контроль в сфере государственных закупок в Российской Федерации.....	140
<i>Спиридонов Д.В.</i> Баланс жизненно важных интересов личности, общества и государства как необходимое условие устойчивого социально-экономического развития и безопасности страны.....	143
<i>Коробова А.П., Свиридова А.В.</i> Методы повышения эффективности работы налоговых органов при взимании налога на имущество организаций.....	153
<i>Ковалев Д.В.</i> Подготовка специалистов и применение миноискателей в деятельности полиции.....	156
<i>Ильющина И.С.</i> Способы придания информации статуса персональных данных.....	159
<i>Васяев А.А.</i> Защита Бродского.....	162
<i>Усманова Р.М., Тимофеева Р.И.</i> Роль добровольчества (волонтерства) в сфере конституционных поправок.....	168
<i>Адриановская Т.Л., Баева С.С.</i> Обычай в трудовом праве.....	171
<i>Корчагин А.Г., Филиппов Д.В., Гулевский Я.Е.</i> Правовые меры борьбы с картелями и иные антиконкурентные соглашения в эпоху цифровой экономики.....	175
<i>Айвазян Э.Д.</i> Цели и задачи института полномочных представителей Президента Российской Федерации.....	179
<i>Демидо Е.В.</i> Формирование состава и деятельность комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов: актуальные вопросы прокурорского надзора.....	182
<i>Курьинов И.С.</i> Анализ правового статуса прокурорских работников.....	186
<i>Ласкавая М.А.</i> Право субъекта федерации на изменение своего статуса в контексте территориальных трансформаций в современной России: вопросы реализации.....	189

<i>Гаврилина Т.А.</i> Особенности реализации государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства в сфере высшего образования.....	192	<i>Орлова А.И.</i> Диспаритетный характер условия договора о неустойке как основание для ее снижения судом.....	279
<i>Семенова А.А.</i> Административно-правовые меры по совершенствованию деятельности полиции в противодействии противоправным увлечениям подростков и молодежи.....	195	<i>Камышинова А.Е.</i> Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта в сфере интеллектуальных прав.....	282
<i>Слепцов А.Н.</i> Новеллы правового режима традиционной охоты народов Севера.....	199	<i>Соловьев Д.В.</i> Некоторые вопросы договора подряда для нужд уголовно-исполнительной системы.....	285
<i>Степанова А.А.</i> Федерализм как принцип и как процесс.....	203	<i>Черкашина Н.В., Огнев А.В., Разумеев В.В.</i> Ответственность за отказ в предоставлении надомных социально-медицинских услуг инвалидам в Российской Федерации.....	288
<i>Тимошина И.В.</i> Защита трудовых прав и интересов работников в Российской Федерации.....	207	<i>Степанов Д.А.</i> Исследование проблем страхования ответственности в трудах дореволюционных и советских ученых.....	291
<i>Новикова А.Е.</i> Конституционная формализация языка в странах Африки.....	210	<i>Шлейников А.В.</i> К вопросу о нововведениях в законе о несостоятельности (банкротстве).....	295
<i>Мирошниченко М.Н.</i> Проблемные вопросы защиты интересов органов прокуратуры по делам о взыскании судебных расходов, рассматриваемым в порядке арбитражного судопроизводства.....	214	<i>Болдырева Э.А.</i> Теория доказательств и аргументации в гражданском и арбитражном судопроизводстве.....	299
<i>Глушко О.А.</i> Проблемы образования земельных участков.....	217	<i>Болдырева Э.А.</i> Правовые проблемы участия представителя в гражданском и арбитражном процессе.....	302
<i>Конякин М.Н.</i> Подходы к развитию регулирования технологии искусственного интеллекта в Великобритании, США и ЕС.....	219	<i>Чурсина А.С.</i> Алименты на содержание нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей в Республике Беларусь: теория и практика.....	304
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ			
<i>Вагизова Д.Т.</i> Выделение исковых требований как разновидность злоупотребления правом.....	223	<i>Баттахов П.П.</i> Некоторые вопросы правового регулирования экономических направлений в Арктике.....	307
<i>Исмаков Е.В.</i> Перспективы внедрения цифровых технологий в беспилотном транспорте в Российской Федерации.....	226	<i>Овчинникова Ю.С.</i> Функции страхования в обеспечении национальной безопасности.....	311
<i>Правкин С.А., Смирнова В.В.</i> Соглашения и инвестиционное сотрудничество в транспортной сфере.....	229	<i>Чурсина А.С.</i> Отмена ограничения дееспособности физического лица (на примере Республики Беларусь).....	315
<i>Ложкин В.А.</i> Волшебная трансформация промышленного образца в товарный знак или как срочное право превратить в бессрочное.....	234	<i>Шпеньков А.А.</i> Особенности правового регулирования деятельности по реструктуризации долгов в процедуре несостоятельности (банкротства) предприятий оборонно-промышленного комплекса.....	318
<i>Кузнецов Д.А.</i> Защита публичного интереса в арбитражном процессе и возможность ее решения в рамках административного судопроизводства.....	238	<i>Юлбердин А.А., Семиглазов А.Г.</i> Особенности исполнения договора перевозки пассажира.....	321
<i>Пирогов П.П.</i> Правовое регулирование порядка исполнения уголовных наказаний в отношении женщин в 1917-1941 гг.....	241	<i>Чиранова И.П., Волостнова Т.И.</i> Развитие социального обеспечения в России.....	324
<i>Выщепан Д.А.</i> К вопросу о распределении компенсации между правообладателями при нарушении права на наименование места происхождения товара.....	245	<i>Летихов Н.В., Алтухова О.Н., Птицына Е.А., Сухова А.С., Селезнева И.Г.</i> Формирование правового поведения молодежи.....	328
<i>Бажанов С.А.</i> О некоторых вопросах доказательственного процесса в гражданском судопроизводстве.....	249	<i>Шшикин С.Н.</i> Некоторые аспекты правового обеспечения публичного сектора экономики.....	331
<i>Глинщикова Т.В., Метов В.Р., Хун Б.М.</i> Коллизионное регулирование брачно-семейных отношений в международном частном праве.....	251	УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Гоньшев М.А.</i> Становление правового регулирования искусственного интеллекта в России на современном этапе.....	254	<i>Иванов П.И.</i> История зарождения и становления уголовного сыска в России.....	336
<i>Громоздина М.В.</i> Дети и родители как субъекты наследственных правоотношений: историко-теоретический аспект.....	257	<i>Меретуков Г.М., Чирьев И.С.</i> Криминалистическая деятельность следователя по работе с документами и предметами в ходе их осмотра.....	340
<i>Коцарь Ю.А.</i> Смарт-контракт как форма исполнения обязательства с обусловленным исполнением.....	262	<i>Чихулина А.Р.</i> Судебно-контрольное производство при избрании меры пресечения.....	343
<i>Ефимцева Т.В., Петров В.И.</i> Некоторые правовые аспекты правового обеспечения конкуренции в условиях цифровой экономики в Российской Федерации.....	265	<i>Ивлиев П.В., Пантелеев В.А.</i> Перспективы развития экологического лизинга в современной России.....	346
<i>Измайлов Р.Р.</i> Методы правового регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства.....	270	<i>Ишмухаметов Я.М., Сабанов А.Ю.</i> Концепция и цель судебной реформы системы судов общей юрисдикции.....	349
<i>Каирова А.И., Подкидышев С.К.</i> Проблемы обеспечения занятости инвалидов в Российской Федерации, пути их решения, совершенствование механизмов по трудоустройству инвалидов в Российской Федерации.....	273	<i>Ермаков А.А., Азархин А.В.</i> Вопросы ответственности лица, нарушившего условия досудебного соглашения о сотрудничестве.....	352
<i>Мартянова Г.В., Шахназарян К.Э.</i> Правовые аспекты реализации судебной защиты прав инвалидов в ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».....	276	<i>Асеев В.Е.</i> Некоторые особенности назначения и производства судебно-экономических экспертиз при расследовании уголовных дел.....	356
		<i>Тищенко Ю.Ю.</i> О действии факторов, оказывающих влияние на принятие решения начальником отряда в воспитательной работе с осужденными.....	359
		<i>Ходжалиев С.А.</i> Штраф как вид уголовного наказания и его место в системе уголовных наказаний.....	362

<i>Ахъядов Э.С.-М., Альханов Н.М., Дадашов М.М.</i> Телефонный терроризм как вид информационного терроризма.....	365	<i>Смирнова А.С.</i> Сравнительно-правовое исследование охраны прав граждан на свободу совести и вероисповедания.....	417
<i>Луговой С.В.</i> Подделка протокола собрания собственников жилья многоквартирного дома как проблема современного жилищно-коммунального хозяйства.....	368	<i>Хисматуллин И.Г.</i> Проблемные вопросы производства дознания по уголовным делам о побоях: уголовно-процессуальный и криминалистический аспект.....	421
<i>Власова С.В.</i> К вопросу о сущности «материального детерминизма» как причины догматизма в уголовно-правовых науках.....	372	<i>Холевчук А.Г., Полева Е.К.</i> Визуализация следов пальцев рук с помощью нингидрин/хлорида индия с последующим возбуждением флуоресценции импульсным зеленым лазером: опыт Японии.....	425
<i>Дмитриева Е.С.</i> Гендерное равенство через призму смертной казни.....	376	<i>Томащук Я.Ю., Барсова Е.Р.</i> Анализ эффективности мер, направленных на противодействие коррупции в России на современном этапе.....	431
<i>Шариков Н.Р.</i> Особенности правового регулирования производства по уголовным делам об экономических преступлениях.....	379	<i>Тхакумачев Б.Ю.</i> Проблема правовой регламентации, позволяющей правильно оформить результаты изъятия компьютерной информации в процессе производства оперативно-розыскных мероприятий.....	434
<i>Закаев С.А.</i> Организация взаимодействия органов внутренних дел по розыску лиц, пропавших без вести, в условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов.....	383	<i>Тарасов А.А.</i> Обыск как мера уголовно-процессуального принуждения, оправданная только необходимостью получения доказательств.....	438
<i>Лобунец Е.С., Усова Е.И.</i> Особенности уголовной ответственности за геноцид.....	386	<i>Сафронов Д.М.</i> Уголовное судопроизводство в особых условиях: права отдельного лица не могут быть выше интересов безопасности нации.....	442
<i>Азархин А.В., Петросян Г.Т.</i> Использование цифровых технологий в процессуально-правовых отношениях: теоретический и сравнительно-правовой анализ.....	389	<i>Латынин Ю.А.</i> Рассрочка при выплате судебного штрафа.....	445
<i>Кожевников И.И., Антонов Е.Ю.</i> Уголовная политика в сфере охраны свободы совести и вероисповедания в сети Интернет.....	392	<i>Старицын А.В.</i> Противодействие террористической деятельности.....	448
<i>Новокишинов Д.В., Шенишин В.М.</i> О преступлениях против безопасности России.....	394	<i>Пантелеев И.А., Копылова (Горожанкина) Д.В., Выгузова Е.В.</i> Проблемы законодательной конструкции и реализации сокращенного дознания в уголовном процессе.....	451
<i>Иванов П.И.</i> Профессор В.М. Атмажитов - великий учитель-ордэшник.....	398	<i>Панкратова В.Н., Симонихин В.С., Ушаков Р.М.</i> О введении уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств и психотропных веществ.....	457
<i>Маркова Е.А.</i> Регламентация ответственности за преступления, совершенные с использованием электронных средств платежа, в законодательстве отдельных стран ближнего зарубежья (постсоветского пространства).....	400	<i>Тебиев Р.Р.</i> Осмотр места происшествия по уголовным делам о преступлениях, связанных с деятельностью майнинговых ферм.....	461
<i>Курилова Е.Н., Ушакина Ю.С.</i> Противодействие экстремизму в приграничных регионах Российской Федерации.....	403	<i>Еремеева А.Н.</i> Криминалистическая характеристика личности преступника (на примере организатора организованной группы, занимающейся незаконным сбытом наркотических средств, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»).....	466
<i>Омелин В.Н.</i> «Ситуации, не терпящие отлагательства» как оценочное понятие в оперативно-розыскном законодательстве.....	406	<i>Иванов П.И.</i> О структурных элементах системы обеспечения экономической безопасности сферы бюджетного финансирования.....	469
<i>Меретуков Г.М., Жукова П.С.</i> Методические аспекты в современной методике расследования преступлений.....	409	<i>Усачева А.П.</i> Актуальные ошибки и сложности при квалификации преступлений против здоровья с привилегированным составом (анализ судебной практики).....	475
<i>Хаметова А.Р.</i> О современных технико-криминалистических средствах и возможностях их применения при расследовании преступлений.....	412		

CONTENTS 2024 № 5(233)

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Zhukov V.N.</i> E. Fromm: religion as a mechanism of power.....	8
<i>Fastovich G.G.</i> Digital technologies in modern Russia (using the example of a logistics infrastructure study).....	13
<i>Fastovich G.G.</i> Law enforcement activities as an effective condition for the implementation of state control in the field of human rights protection: theoretical and legal aspect.....	15
<i>Chervyakov M.E., Vlasov V.A.</i> On the issue of forensic computer-technical expertise of cellular communications (part two).....	18
<i>Ochir-Garyaeva I.K., Muchaeva D.G., Menknozonov A.S., Toporova B.V.</i> On the issue of legality from the perspective of legal awareness and the objective value of law.....	22
<i>Palekha R.R., Pavlov E.A.</i> Natural Law School: the genesis of ideas.....	25
<i>Bredikhin A.L., Baykeeva S.E., Protsenko E.D.</i> Power relations and the grounds for their occurrence.....	29
<i>Shenshin V.M.</i> Legal regulation of ensuring the safety of senior officials of the subjects of the Russian Federation (heads of the highest executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation) and other persons by the troops of the National Guard.....	32
<i>Nemchenko S.B., Smirnova A.A., Sulima T.G., Utkin N.I., Shenshin V.M.</i> Problems of legal regulation of guarantees and compensations provided to firefighters and rescuers working (serving) in the Arctic zone of the Russian Federation.....	35
<i>Chapchikov S.Yu.</i> Legal means of ensuring national security: general theoretical aspects.....	39
<i>Abdullina L.R.</i> The formation of the principle of reasonableness in the scientific discourse of the ancient period.....	42
<i>Aseev I.A., Karimov R.R., Karimova G.Yu.</i> Legal awareness and legal culture as key elements of a police officer's professional activity.....	46
<i>Chuksina V.V., Yakimova E.M.</i> Forms of the State: the traditional model and its transformation.....	50
<i>Boyko N.D.</i> The socio-communicative nature of the social contract in modern socio-legal thought.....	53
<i>Korolev B.I.</i> On the question of the formation and expression of constitutional ideas of the zemstvo figure A.A. Ostafyev in 1905-1907.....	56
<i>Bredikhin A.L., Gonchar A.A.</i> Legal awareness and legal culture: correlation of concepts.....	59
<i>Galuzo V.N.</i> About the "novel" regarding the publication of legal acts in the city of Moscow.....	61
<i>Mironov V.O., Zin N.V.</i> Progress of human society and globalization.....	65
<i>Isaenko V.A.</i> A brief historical review of codification works.....	68
<i>Osipov D.D.</i> On the issue of the current state of the Institute of private detective work in the United States of America.....	71
<i>Ochir-Garyaeva I.K., Muchaeva D.G., Akaeva A.G., Kravtsova A.E., Sarangaeva G.A.</i> On some aspects of the evolution of Russian legislation on combating terrorism in the second half of the 19th century.....	74
<i>Le Huin Duc, Nguyen Thi Thuong, Do Thi Van Phuong</i> The role of the State in development: the concept of the "state of development" (the experience of Vietnam).....	78
<i>Terenichenko A.A.</i> Possibilities of legal regulation of property relations in marriage.....	83
<i>Chernova E.R.</i> The category of legal awareness in the history of Russian theoretical and legal thought.....	86

<i>Pukhnarevich S.I.</i> Political and legal prerequisites for reforming the judicial system of the Russian Federation.....	89
PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES	
<i>Redkous V.M.</i> On the issue of the legislative definition of civil society (the experience of the Republic of Belarus and the CIS member states).....	93
<i>Rychkova K.O.</i> Principles of regulation of artificial intelligence in healthcare.....	96
<i>Fidel P.M.</i> The use of intelligent technologies to ensure transport security.....	99
<i>Sherstnev V.N.</i> Structural and organizational ship-building transformations.....	102
<i>Khazhmagoeva I.Z.</i> Principles of the foundations of the constitutional system of the Russian Federation in the system of principles of constitutionalism.....	106
<i>Shatskaya I.I.</i> Tax policy: changes and trends in modern development.....	110
<i>Zhmurova S.S., Magomedov F.B., Lukerina O.M.</i> Approaches to the definition of ecotourism.....	114
<i>Krokhina Yu.A.</i> The influence of the term "finance" on the system-forming categories of financial law.....	118
<i>Kolieva A.E., Koliev V.V.</i> Individualization of land plots.....	122
<i>Bokova A.O., Palekh R.R., Khokhlov N.S.</i> On the issue of conflict of interest and regulatory framework its regulation in the civil service in the Russian Federation.....	125
<i>Motorina I.S.</i> Prospects of artificial intelligence in judicial activity.....	129
<i>Vinogradova E.V.</i> Institutionalization of the doctrine of constitutional control.....	132
<i>Rattur M.V.</i> Identity in the axiology of constitutionalism: from a social construct to a legal concept.....	137
<i>Sadlovskaya A.V., Safronov V.V.</i> Control in the field of public procurement in the Russian Federation.....	140
<i>Spiridonov D.V.</i> The balance of vital interests of the individual, society and the state as a necessary condition for sustainable socio-economic development and security of the country.....	143
<i>Korobova A.P., Sviridova A.V.</i> Methods of increasing the efficiency of tax authorities in collecting corporate property tax.....	153
<i>Kovalev D.V.</i> Training of specialists and the use of mine detectors in police activities.....	156
<i>Ilyushina I.S.</i> Ways to give information the status of personal data.....	159
<i>Vasyaev A.A.</i> Protection of Brodsky.....	162
<i>Usmanova R.M., Timofeeva R.I.</i> The role of volunteerism in the field of constitutional amendments.....	168
<i>Adrianovskaya T.L., Baeva S.S.</i> Custom in labor law.....	171
<i>Korchagin A.G., Filippov D.V., Gulevsky Ya.E.</i> Legal measures to combat cartels and other anti-competitive agreements in the era of the digital economy.....	175
<i>Ayvazyan E.D.</i> Goals and objectives of the Institute of Plenipotentiaries The President of the Russian Federation.....	179
<i>Demido E.V.</i> Formation of the composition and activities of the commission on compliance with the requirements for official conduct and conflict of interest resolution: current issues of prosecutorial supervision.....	182
<i>Kuryshov I.S.</i> Analysis of the legal status of prosecutors.....	186

<i>Laskavaya M.A.</i> The right of a subject of the Federation to change its status in the context of territorial transformations in modern Russia: issues of implementation.....	189
<i>Gavrilina T.A.</i> Features of the implementation of state control and supervision monitoring compliance with legislation in the field of higher education.....	192
<i>Semenova A.A.</i> Administrative and legal measures to improve police activities in countering illegal hobbies of teenagers and young people	195
<i>Sleptsov A.N.</i> Novelties of the legal regime of the traditional hunting of the peoples of the North.....	199
<i>Stepanova A.A.</i> Federalism as a principle and as a process.....	203
<i>Timonina I.V.</i> Protection of labor rights and interests of employees in the Russian Federation	207
<i>Novikova A.E.</i> Constitutional formalization of language in African countries.....	210
<i>Miroshnichenko M.N.</i> Problematic issues of protecting the interests of the Prosecutor's office in cases of recovery of court costs considered in the order of arbitration proceedings.....	214
<i>Glushko O.A.</i> Problems of land plots formation.....	217
<i>Konyakin M.N.</i> Approaches to the development of regulation of artificial intelligence technology in the UK, USA and the EU.....	219
PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES	
<i>Vagizova D.T.</i> The allocation of claims as a kind of abuse of law	223
<i>Ismakov E.V.</i> Prospects for the introduction of digital technologies in unmanned transport in the Russian Federation.....	226
<i>Pravkin S.A., Smirnova V.V.</i> Agreements and investment cooperation in the transport sector.....	229
<i>Lozhkin V.A.</i> The magical transformation of an industrial design into a trademark or how to turn an urgent right into an indefinite one.....	234
<i>Kuznetsov D.A.</i> Protection of public interest in the arbitration process and the possibility of its solution in the framework of administrative proceedings.....	238
<i>Pirogov P.P.</i> Legal regulation of the procedure for the execution of criminal penalties against women in 1917-1941.....	241
<i>Vyshchepan D.A.</i> On the issue of distribution of compensation between right holders in case of violation of the right to the name of the place of origin of goods.....	245
<i>Bazhanov S.A.</i> On some issues of the evidentiary process in civil proceedings.....	249
<i>Glinshchikova T.V., Metov V.R., Khun B.M.</i> Conflict of laws regulation of marital and family relations in private international law.....	251
<i>Gonyshv M.A.</i> The formation of legal regulation of artificial intelligence in Russia at the present stage.....	254
<i>Gromozdina M.V.</i> Children and parents as subjects of hereditary legal relations: historical and theoretical aspect.....	257
<i>Kotsar Yu.A.</i> Smart contract as a form of performance of an obligation with conditional performance.....	262
<i>Efimtseva T.V., Petrov V.I.</i> Some legal aspects of the legal provision of competition in the digital economy in the Russian Federation.....	265
<i>Izmailov R.R.</i> Methods of legal regulation in the field of housing and communal services.....	270
<i>Kairova A.I., Podkidyshev S.K.</i> Problems of ensuring the employment of disabled people in the Russian Federation, ways to solve them, improving mechanisms for the employment of disabled people in the Russian Federation.....	273
<i>Martianova G.V., Shakhnazaryan K.E.</i> Legal aspects of the implementation of judicial protection of the rights of persons with disabilities in the Federal Law "On Social Protection of persons with Disabilities in the Russian Federation".....	276
<i>Orlova A.I.</i> Disparate nature of the terms of the penalty agreement as a basis for its reduction by the court.....	279
<i>Kamyshanova A.E.</i> Problems of legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual rights.....	282
<i>Solovyov D.V.</i> Some issues of the contract for the needs of the penal enforcement system.....	285
<i>Cherkashina N.V., Ognev A.V., Razumaev V.V.</i> Responsibility for refusal to provide home-based social and medical services to people with disabilities in the Russian Federation.....	288
<i>Stepanov D.A.</i> Research on the problems of liability insurance in the works of pre-revolutionary and Soviet scientists.....	291
<i>Shleynikov A.V.</i> On the issue of innovations in the law on insolvency (bankruptcy).....	295
<i>Boldyreva E.A.</i> Theory of evidence and argumentation in civil and arbitration proceedings.....	299
<i>Boldyreva E.A.</i> Legal problems of the representative's participation in civil and arbitration proceedings.....	302
<i>Chursina A.S.</i> Alimony for the maintenance of disabled people in need in the help of parents in the Republic of Belarus: theory and practice.....	304
<i>Battakhov P.P.</i> Some issues of legal regulation economic trends in the Arctic.....	307
<i>Ovchinnikova Yu.S.</i> Insurance functions in ensuring national security.....	311
<i>Chursina A.S.</i> Cancellation of limitation of legal capacity of an individual (using the example of the Republic of Belarus).....	315
<i>Shpenkov A.A.</i> Features of legal regulation of debt restructuring activities in the insolvency (bankruptcy) procedure of enterprises of the military-industrial complex.....	318
<i>Yulberdin A.A., Semiglazov A.G.</i> Features of the execution of the passenger carriage agreement.....	321
<i>Chiranova I.P., Volostnova T.I.</i> Development of social security in Russia.....	324
<i>Lepikhov N.V., Altukhova O.N., Ptitsyna E.A., Sukhova A.S., Selezneva I.G.</i> Formation of legal behavior of youth.....	328
<i>Shishkin S.N.</i> Some aspects of the legal support of the public sector of the economy	331
CRIMINAL LAW SCIENCES	
<i>Ivanov P.I.</i> The history of the origin and formation of criminal investigation in Russia.....	336
<i>Meretukov G.M., Chiryev I.S.</i> Forensic activity of the investigator on working with documents and objects during their inspection.....	340
<i>Chikulina A.R.</i> Judicial control proceedings in the election of a preventive measure.....	343
<i>Ivliev P.V., Panteleev V.A.</i> Prospects for the development of environmental leasing in modern Russia.....	346
<i>Ishmukhametov Ya.M., Sabanov A.Yu.</i> The concept and purpose of judicial reform of the system of courts of general jurisdiction.....	349
<i>Ermakov A.A., Azarkhin A.V.</i> Issues of responsibility of a person who violated the terms of a pre-trial cooperation agreement.....	352
<i>Aseev V.E.</i> Some features of the purpose and production forensic economic expertise in the investigation of criminal cases.....	356
<i>Tishchenko Yu.Yu.</i> On the effect of factors influencing the decision-making by the head of the detachment in educational work with convicts.....	359

<i>Khojaliev S.A.</i> Fine as a type of criminal punishment and its place in the system of criminal penalties.....	362	<i>Smirnova A.S.</i> Comparative legal study of the protection of citizens' rights to freedom of conscience and religion.....	417
<i>Akhyadov E.S.M., Alkhanov N.M., Dadashov M.M.</i> Telephone terrorism as a type of information terrorism.....	365	<i>Khismatullin I.G.</i> Problematic issues of the investigation in criminal cases of beatings: criminal procedural and criminalistic aspect.....	421
<i>Lugovoy S.V.</i> Forgery of the minutes of the meeting of the owners of the apartment building as a problem of modern housing and communal services.....	368	<i>Kholevchuk A.G., Poleva E.K.</i> Visualization of finger marks using ninhydrin/indium chloride with subsequent excitation of fluorescence by a pulsed green laser: The Japanese experience.....	425
<i>Vlasova S.V.</i> On the issue of the essence of "material determinism" as the cause of dogmatism in criminal law sciences.....	372	<i>Tomaschuk Ya.Yu., Barsova E.R.</i> Analysis of the effectiveness of measures aimed at combating corruption in Russia at the present stage.....	431
<i>Dmitrieva E.S.</i> Gender equality through the prism of the death penalty.....	376	<i>Thakumachev B.Yu.</i> The problem of legal regulation, which allows to correctly formalize the results of the seizure of computer information in the production of operational investigative measures.....	434
<i>Sharipov N.R.</i> Features of the legal regulation of criminal proceedings on economic crimes.....	379	<i>Tarasov A.A.</i> Search as a measure of criminal procedural coercion, justified only by the need to obtain evidence.....	438
<i>Zakaev S.A.</i> Organization of interaction of internal affairs bodies in the search for missing persons in the context of counter-terrorism operations and armed conflicts.....	383	<i>Safronov D.M.</i> Criminal proceedings in special conditions: the rights of an individual cannot be above the interests of the security of the nation.....	442
<i>Lobunets E.S., Usova E.I.</i> Features of criminal liability for genocide.....	386	<i>Latynin Yu.A.</i> Installment payment for the payment of a court fine.....	445
<i>Azarkhin A.V., Petrosyan G.T.</i> The use of digital technologies in procedural and legal relations: theoretical and comparative legal analysis.....	389	<i>Staritsyn A.V.</i> Countering terrorist activities.....	448
<i>Kozhevnikov I.I., Antonov E.Yu.</i> Criminal policy in the field of protection of freedom of conscience and religion on the Internet.....	392	<i>Pantelev I.A., Kopylova (Gorozhankina) D.V., Vyguzova E.V.</i> Problems of legislative design and implementation of a shortened inquiry in criminal proceedings.....	451
<i>Novokshonov D.V., Shenshin V.M.</i> About crimes against the security of Russia.....	394	<i>Pankratova V.N., Simonikhin V.S., Ushakov R.M.</i> On the introduction of criminal liability for the promotion of narcotic drugs and psychotropic substances.....	457
<i>Ivanov P.I.</i> Professor V.M. Atmazhitov is a great teacher of the order.....	398	<i>Tebiev R.R.</i> Inspection of the scene of the incident in criminal cases of crimes related to the activities of mining farms.....	461
<i>Markova E.A.</i> Regulation of liability for crimes committed using electronic means of payment in the legislation of certain countries of the near abroad (post-Soviet space).....	400	<i>Eremeeva A.N.</i> Criminalistic characteristics of the criminal's personality (using the example of the organizer of an organized group engaged in the illegal sale of narcotic drugs using the Internet information and telecommunications network).....	466
<i>Kurilova E.N., Ushakina Yu.S.</i> Countering extremism in the border regions of the Russian Federation.....	403	<i>Ivanov P.I.</i> On the structural elements of the system of ensuring economic security in the field of budget financing.....	469
<i>Omelin V.N.</i> "Urgent situations" as an evaluative concept in operational investigative legislation.....	406	<i>Usacheva A.P.</i> Actual errors and difficulties in the qualification of crimes against health with a privileged composition (analysis of judicial practice).....	475
<i>Meretukov G.M., Zhukova P.S.</i> Methodological aspects in modern crime investigation methodology.....	409		
<i>Khametova A.R.</i> On modern technical and forensic tools and the possibilities of their use in the investigation of crimes.....	412		

Э. ФРОММ: РЕЛИГИЯ КАК МЕХАНИЗМ ВЛАСТИ E. FROMM: RELIGION AS A MECHANISM OF POWER

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич,

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ).
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус);
главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: pifagor2002@mail.ru;

ZHUKOV Vyacheslav Nikolaevich,

Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science
of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia;
Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: pifagor2002@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается психология религии Э. Фромма и ее связь с властными механизмами. Фромм, понимая религию предельно широко, как факт поклонения какому-либо объекту, различает религии авторитарные и гуманистические, матриархальные и патриархальные, а также религии, основанные на аристотелевской логике и парадоксальной логике. Существование вопроса сводится к тому, что религия, которой подчиняется индивид, отражает психологию личности, ее стремление быть зависимой или самостоятельной. В этом отношении религия нацелена либо на психическое закрепощение человека, либо на его свободное развитие. Преобладание той или иной разновидности религии, делает вывод Фромм, предопределяет свойства политического режима.

Abstract: the article examines the psychology of religion by E. Fromm and its connection with power mechanisms. Fromm, understanding religion extremely broadly as the fact of worshipping an object, distinguishes between authoritarian and humanistic religions, matriarchal and patriarchal, as well as religions based on Aristotelian logic and paradoxical logic. The essence of the issue boils down to the fact that the religion to which an individual obeys reflects the psychology of a personality, its desire to be dependent or independent. In this regard, religion is aimed either at the mental enslavement of a person, or at his free development. The predominance of one or another kind of religion, Fromm concludes, determines the properties of the political regime.

Ключевые слова: Фромм, психоанализ, религия, политический режим, авторитаризм, гуманизм.

Keywords: Fromm, psychoanalysis, religion, political regime, authoritarianism, humanism.

Для цитирования: Жуков В.Н. Э. Фромм: религия как механизм власти // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 5(233). С. 8-12. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_8.

For citation: Zhukov V.N. E. Fromm: religion as a mechanism of power // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 5(233). pp. 8-12. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_8.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

Э. Фромм (также как и Фрейд) – атеист, признающий огромную роль религии в жизни людей. В исследовании религии он опирается на идеи Фейербаха, Маркса и Фрейда. У первых двух берется мысль, что Бог есть проекция сущностных сил самого человека: Бог – это сам человек, отчужденный от себя, противостоящий себе и ставший предметом поклонения. У Фрейда заимствуется концепция религии как невроза. Фромм (подобно Фрейду) видит в психоанализе средство лечения, способное заменить религию. Религия, по Фромму, – элемент надстройки, опосредуемый социальным характером. Природа религии – по большей части психологическая: люди обращаются к Богу не потому, что верят в него, а чтобы избежать мучительных сомнений и в поисках защиты. Вера в Бога основана на переживании отчужденности и стремлении ее преодолеть. Именно поэтому психологи и психиатры рассматривают эту тягу как один из симптомов нервного заболевания. Потребность в Боге неискоренима, она рождается условиями человеческого существования. Во всех религиях Бог представляет собой высшую ценность, самое желанное благо. Поэтому понимание Бога зависит от того, в чем состоит для человека самое желанное благо. Таким образом, чтобы понять концепцию Бога, необходим анализ структуры личности верующего¹.

Ни одна культура, по Фромму, не может обойтись без религии, поскольку она позволяет сформировать относительно надежные ценностные ориентиры. У людей всегда есть предмет религиозного поклонения, но они, как правило, путают его с установленным официальной догмой. Так, если человек внешне проповедует религию любви, но при этом поклоняется власти, то последняя и является его подлинным предметом поклонения. Для психоанализа главным является вопрос не о природе религиозности человека, а о потребности любить как фундаментальном человеческом свойстве. Так как религию отменить невозможно, то главный вопрос для Фромма сводится к установлению ее творческого освобождающего потенциала: она развивает собственно человеческие качества или тормозит (парализует) их. Все люди идеалисты в том смысле, что стремятся к достижению какой-то идеи, какого-то идеала, который как-то уравнивает противоречие между их природным (биологическим)

¹ Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 140-144; Фромм Э. Психоанализ и религия // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 222, 226; Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 143.

и духовным существованием. Они отличаются друг от друга не наличием или отсутствием у них идей, а содержанием этих идей. Свои худшие качества человек проявляет благодаря не своей плоти, а своему духу. Поэтому утверждение, что духовность человека ценна сама по себе не только ошибочно, но и опасно. Духовность (в т.ч. религиозная) может быть источником деструктивного поведения. Идеалы (содержание религиозного культа) должны проверяться на предмет истинности, т.е. на предмет их соответствия принципу всестороннего развития человека, его гармоничного сочетания с окружающим миром¹.

Полагая, что Фрейд прав, назвав религию формой невроза, Фромм предлагает несколько изменить эту формулу: невроз есть личная форма религии, это регрессия к примитивным формам религии. Положение религии в современных обществах Запада напоминает ситуацию с североамериканскими индейцами, которые внешне приняв христианство, по сути, остались язычниками. Современные западные народы в полной мере исповедуют различные виды идолопоклонства (культ силы, успеха, власти рынка), что представляет собой формы невроза. В современных обществах существует множество индивидуальных примитивных религий (неврозов), где есть свой культ предков, свои ритуалы, свой фетишизм и т.д. Так, культ предков проявляется в форме невротической фиксации на отце или матери, которые часто превращаются в объекты религиозного поклонения со стороны детей. В этом случае индивид до конца жизни продолжает чувствовать себя ребенком, испытывать чувство опасности и страха. Тотемизм наблюдается в преданном служении государству, партии или вождю, например, в условиях фашизма и сталинизма, когда миллионы людей приносят честность и разум в жертву принципу «моя страна – хорошая или плохая – превыше всего». Вместе с тем религиозный культ отличается от невроза тем, что он приносит большее удовлетворение. Религиозный культ дает ощущение единения с другими людьми, а вместе с этим – чувство безопасности и стабильности, не свойственное невротикам. Любая доктрина или практика (в том числе чело-веконенавистническая), если она разделяется группой, становится источником душевного комфорта. Миллионы людей скорее поверят в самую абсурдную и иррациональную идеологию, чем согласятся быть отлученными от общества².

Авторитарные и гуманистические религии. Фромм трактует религию предельно широко: это психическое состояние, при котором человек поклоняется выбранному объекту. Объектом не обязательно выступает Бог, главное – факт поклонения. Отсюда – своеобразное деление религий на теистические (поклонение Богу) и светские (поклонение другим объектам). И теистические религии, и светские бывают авторитарными и гуманистическими. Возможен и симбиоз, состоящий из авторитаризма и гуманизма (например, христианство).

Авторитарная религия (показательный пример – учение Кальвина) предполагает признание высшей силы, требующей от человека подчинения, почтения и поклонения. Главной добродетелью такой религии является послушание, самым тяжелым грехом – неповиновение, преобладающее настроение – печаль и чувство вины. Человек может ощутить силу от такой религии только в случае, если всецело подчинится божеству. «Этим актом подчинения он утрачивает свою независимость и цельность как индивид, но обретает чувство безопасности и защищенности благодаря внушающей страх и благоговение силе, частью которой он как бы становится»³. Тому же принципу следуют светские авторитарные религии.

В авторитарной религии, продолжает Фромм, Бог становится единственным обладателем разума и любви человека. Чем более совершенным становится Бог, тем менее совершенным представляется человек. Индивид проецирует все лучшее на Бога, тем самым обедняя себя. Здесь работает механизм проекции, формирующий психологию мазохиста: человек, благоговей перед другим человеком, приписывает ему свои достоинства. Благодаря этому же механизму политические лидеры (даже самые бесчеловечные) наделяются качествами высшей мудрости и доброты. Авторитарная религия тесно связана с садомазохистским типом личности: с одной стороны, у нее преобладает иррациональное влечение быть слабой и бессильной, с другой – стремление к господству. Садомазохистский характер особенно явно проявляет себя в авторитарных политических режимах (светских авторитарных религиях), где отказ от собственной воли корреспондируется с желанием подчиняться вождю в надежде на похвалу с его стороны⁴.

Механизм проекции ведет к отчуждению человека от самого себя. В случае с религией единственный путь индивида к самому себе лежит через Бога. «Поклоняясь богу, он пытается установить контакт с той частью самого себя, которую он утратил в процессе проекции. Отдав богу все, что он имел, он просит его вернуть ему хоть что-нибудь из того, что первоначально принадлежало ему. Но, потеряв все свое, он оказывается полностью отданным на милость божью. Он по необходимости чувствует себя "грешником", поскольку лишил себя всего самого лучшего и только божьей милостью или благодатью может снова обрести то, что делает его человеком. А чтобы вымолить у бога хоть немного любви, он должен доказать ему, насколько сильно он ее лишен. Чтобы убедить бога руководить собой, проявляя высшую мудрость, он должен доказать ему, как недостает ему этой мудрости, когда он предоставлен самому себе»⁵. Отчуждение человека от самого себя делает его не только зависимым от Бога, но и ущербным: он становится неспособным любить и свободно мыслить. В итоге мир для человека разделяется на божественный и мирской. В мирской жизни он живет без любви, в религиозной – чувствует себя грешником (жить без любви – это значит жить в грехе). Данная раздвоенность заставляет индивида восстановить свою утраченную целостность посредством общения с Богом. Человек пытается получить свое прощение, подчеркивая свое ничтожество. Попытка заслужить прощение приводит к формированию установки, из которой проистекают грехи. Человек оказывается перед мучительной дилеммой: «Чем больше он славит бога, тем более опустошенным он становится. Чем опустошеннее

¹ Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 140-141; Фромм Э. Психоанализ и религия // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 239-240; Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 143.

² Фромм Э. Психоанализ и религия // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 241-242, 244-245.

³ Там же. С. 246.

⁴ Там же. С. 259-260.

⁵ Там же. С. 257.

он становится, тем более грешным он себя чувствует. Чем более грешным он себя чувствует, тем больше славит он своего бога – и тем менее способен становится он вновь обрести самого себя»¹. При авторитарном способе управления люди испытывают страх и чувство зависимости от власти, что делает религиозные переживания авторитарными. Как только религия становится инструментом светской власти, она неизбежно превращается в авторитарную. Действительным грехопадением является не отпадение от Бога, а отчуждение человека от самого себя под видом поклонения Богу².

В авторитарной религии совершить грех означает пойти против могущественной власти. Нарушение нормы рассматривается как акт бунта, который может быть искуплен только ценой еще более жесткого подчинения. «Испытывая чувство вины, грешник считает себя порочным и бессильным, полностью отдается на милость властей, и только в таком случае он может надеяться на прощение. Настроение раскаяния в этом случае – это настроение страха и трепета. В результате такого раскаяния грешник, испытывая чувство собственного ничтожества, морально слабеет, преисполняется ненавистью и презрением к самому себе, а значит, становится готовым к совершению нового греха, после того как закончится безудержное самобичевание. Реакция будет не столь сильной, если религия предлагает ему возможность обратиться к специальным обрядам искупления или за утешением к священнику, которому предоставлено право отпущения грехов. Но за такое облегчение боли, вызванной чувством вины, грешник платит зависимостью от тех, кто наделен правом отпускать грехи»³.

Гуманистическая религия, по Фромму, напротив, сосредоточена на человеке и развитии его способностей. Гуманистические религиозные переживания развиваются в обществе, где индивид чувствует себя свободным и ответственным за свою судьбу. Исповедуя данную религию, индивид осознает ограниченность своих возможностей, развивает в себе чувство солидарности с другими людьми и единства со всем сущим. Преобладающее настроение гуманистической религии – радость. Если гуманистическая религия является теистической, Бог в ней – символ собственных сил человека. Примеры таких религий – ранний буддизм, даосизм, учение Исаяи, Иисуса, некоторые направления иудаизма, учения Сократа и Спинозы. Во всех великих религиях, рассуждает Фромм, прослеживается связь между запретом инцеста и движением к свободе. Будда видел освобождение человека на пути полного одиночества, радикального разрыва родственных и дружеских уз (по терминологии Фромма – инцестуальных связей). Согласно иудаизму и христианству, история освобождения человека начинается с разрыва с Эдемом, в результате акта грехопадения (иначе говоря, акта неповиновения). Центральной идеей учения пророков Авраама и Моисея является борьба против инцестуозного поклонения государству, родной земле и даже своему народу. Трагедия мировых религий состоит в том, что, став бюрократической организацией, они изменяют собственным принципам свободы, заставляя поклоняться не Богу, а людям (клиру)⁴. В гуманистических религиях склонность нарушать нормы рассматривается с пониманием и любовью к человеку. Реакцией на осознание вины является не ненависть к самому себе, а активное стремление стать лучше. В случае совершения греха реакцией будет не страх, а забота о спасении души, признание сил человека, а не его бессилия⁵.

Подлинный конфликт, заключает Фромм, – это не конфликт между верой в Бога и атеизмом, а конфликт между гуманистической религиозной установкой и установкой идолопоклонства, маскирующейся под религиозность⁶.

Матриархальные и патриархальные религии. Согласно Фромму, развитие человечества представляет собой процесс освобождения от природы, что нашло отражение в стадиях (формах) религии. Первая стадия - тотемизм: человек продолжает ощущать себя тождественным с миром животных и растений; избранное в качестве божества животное становится тотемом. На второй стадии человек благодаря освоению ремесел перестает полностью зависеть от природы и ее даров, предметом его поклонения становятся изделия его собственных рук - идолы, сделанные из глины, серебра или золота. «Человек переносит свои силы и свое мастерство на созданные им вещи и тем самым в отчужденной форме поклоняется своему могуществу и своей собственности»⁷. На третьей стадии богам придается человеческий образ, поскольку человек осознает себя как величайшую ценность. На этой стадии боги определяются по полу, а также устанавливается природа богов и природа любви к ним⁸. На третьей стадии религии совершают эволюцию от материнских к отцовским. «На матриархальной стадии мать - наивысшее существо. Она и богиня, и властительница как в семье, так и в обществе... Материнская любовь безусловна, она всему покровительствует, все укрывает собой; поскольку она безусловна, ею нельзя управлять, ее нельзя завоевать. Когда она есть, тот, кого любят, испытывает блаженство, а когда ее нет, он испытывает чувство опустошенности, глубокого отчаяния. Поскольку мать любит своих детей за то, что они ее дети, а не за то, что они "хорошие", послушные, исполняют ее желания и распоряжения, материнская любовь основана на равенстве. Все люди равны, потому что они все - дети одной матери, потому что все – дети матери-Земли»⁹.

Патриархат, утверждает Фромм, – единственная подробно изученная стадия, знания о которой получены непосредственно, а не путем реконструкции и умозаключений. В этот период мать лишается своего верховного положения, верховным существом, как в религии, так и в обществе становится отец. Отцовская любовь устанавливает принципы и законы, любовь отца к сыну зависит от послушания последнего и выполнения установленных требований. Отец больше всех любит того сына, который больше всего похож на него, самого послушного, самого подходящего для продолжения его дела и способного быть наследником его собственности. Вследствие такого положения дел структура патриархально-

¹ Там же. С. 258.

² Там же. 258-259.

³ Там же. С. 286.

⁴ Там же. С. 245-248, 282-283.

⁵ Там же. С. 286.

⁶ Там же. С. 305.

⁷ Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 144.

⁸ Там же. С. 143-144.

⁹ Там же. С. 144.

го общества иерархична, равенство братьев сменяется неравенством, соперничеством и раздором. Вместе с тем поскольку потребность в материнской любви полностью неискоренима, образ любящей матери продолжает оставаться в пантеоне богов. В католичестве материнский образ воплощается в Церкви и Святой Деве. Католическая идея о добрых делах является частью патриархата: добрые дела есть требования, исходящие от Отца, выполняя которые можно заслужить его любовь. В протестантизме материнский компонент более значим¹. Отказ от доктрины «добрых дел» указывает на материнскую любовь, которую «нельзя заслужить; она либо есть, либо ее нет; все, что я могу сделать – это верить»².

Характер любви к Богу, полагает Фромм, в значительной степени зависит от соотношения в религии матриархальной и патриархальной сторон. Патриархальный компонент побуждает любить Бога как отца: за неукоснительное выполнение его требований человек рассчитывает стать избранным, любимым сыном. Благодаря матриархальному компоненту Бог воспринимается в виде матери, которая, как представляется индивиду, любит его независимо от его свойств и статуса, не выделяет других детей в качестве лучших, всегда выручит и простит. В обоих случаях любовь человека к Богу и Бога к человеку неразделимы³.

По Фромму, в патриархальных религиях степень зрелости в понимании Бога и любви к нему выше. Здесь образ Бога эволюционирует от антропоморфности к полной безличности. Иначе говоря, восприятие Бога развивается от катафатического (познание Бога путем придания ему каких-либо черт) к апофатическому (познание Бога путем последовательного отрицания всех его качеств)⁴.

В патриархальной монотеистической религии Фромм выделяет, как минимум, два важных аспекта. С одной стороны, индивид в своем восприятии Бога как отца чувствует себя ребенком и остается им до конца своей жизни. В этом, утверждает Фромм, Фрейд был прав. Но с другой стороны, подлинное ядро монотеистической религии в ее апофатическом варианте с неизбежностью ведет к превращению Бога в символ, слабо связанный с его жизнью. В этом случае любовь к Богу понимается как стремление к полной реализации человеком своих сущностных сил. В этом смысле любить Бога означает желание если не стать Богом, то максимально приблизиться к нему. Логическим следствием монотеистической религии становится отрицание всякого знания о Боге, а значит – со временем и самого Бога⁵.

По Фромму, существует психологическая связь между любовью ребенка к родителям и любовью к Богу. Поначалу объект любви ребенка – мать, в которой он видит источник своей жизни, безопасности и любви к нему. Позднее появляется любовь к отцу, устанавливающего ребенку нормы мысли и поведения. ребенок стремится заслужить похвалу отца и избежать его недовольства. В период полной зрелости он освобождается от внешнего влияния отца и матери, но сохранив в себе материнское и отцовское начала. «Он стал сам для себя и отцом и матерью; он сам теперь есть и отец и мать»⁶. То же развитие наблюдается в истории человечества: «от первоначальной любви к Богу как беспомощной привязанности к Богине-Матери, через послушную привязанность к Богу-Отцу – к состоянию зрелости, когда Бог перестал быть внешней силой, когда человек сам проникается принципами любви и справедливости, когда он сам становится единым целым с Богом, и наконец – к тому моменту, когда человек говорит о Боге только в поэтическом, символическом смысле»⁷. «Если человек не отошел от кровосмесительной привязанности к матери, клану, нации, если он сохраняет в себе детскую зависимость от карающего и вознаграждающего отца или какой-либо иной власти, он не способен развить в себе более зрелую любовь к Богу; его религия – это религия раннего периода развития, когда бог воспринимался как покровительствующая мать или карающий и вознаграждающий отец»⁸.

В современных религиях, делает вывод Фромм, есть все стадии развития от примитивной до высшей. Понятие Бога может означать как вождя племени, так и философскую категорию «абсолютного Ничто». Как верно показал Фрейд, взрослый индивид также сохраняет в себе все стадии психического развития, начиная с периода беспомощного младенца. Природа любви к Богу соответствует природе любви к человеку. Любовь к человеку (а значит, и к Богу) определяется структурой общества и его социальным характером. Если общество построено на власти (какого-либо лица, рынка или общественного мнения), понятие о Боге будет инфантильным, незрелым⁹.

Аристотелевская и парадоксальная логика в религии. Фромм утверждает, что существуют две разновидности логики: аристотелевская, основанная на отрицании противоречия, и парадоксальная, признающая противоречия. Согласно религии, построенной на парадоксальной логике (это главным образом восточные религии: брахманизм, буддизм, даосизм, иудаизм), Бог непознаваем, любовь к Богу достигается не мыслью, а действием, эмоциональным переживанием единства с ним. В рамках такой религии особое значение приобретает правильный образ жизни. В Новое время парадоксальная логика иудаизма нашла свое выражение в учениях Спинозы, Маркса и Фрейда. Парадоксальная логика в религии имела два следствия: во-первых, она вела к терпимости; во-вторых, делала упор на преобразовании человека, что оттесняло догму и науку на задний план¹⁰.

Для западной мысли и религии (а это главным образом христианство), полагает Фромм, характерна аристотелевская логика, т.е. стремление найти истину и познать Бога. В ходе развития христианства такая установка привела к формированию догматов, бесконечным спорам об их формулировках, к нетерпимости к «неверующим» и еретикам. Главная религиозная цель объявлялась «вера в Бога», требование правильного поведения уходило на второй план. В результате верующий в Бога, но не соблюдающий его заветов, чувствовал себя выше тех, кто

¹ Там же. С. 144-145.

² Там же. С. 145.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 145-147.

⁵ Там же. С. 147.

⁶ Там же. С. 152.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 148-151.

соблюдал заветы, но в Бога не верил. Еще одним следствием парадоксальной логики стало появление разработанной догмы, науки и техники¹.

На Западе, заключает Фромм, любовь к Богу означает умозрительную процедуру, на Востоке – эмоциональное переживание единства с Богом.

Библиография:

1. Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 140-144.
2. Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 143-152.
3. Фромм Э. Психоанализ и религия // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 222, 226, 239-242, 244-248, 257-260, 282-283, 286, 305.

References:

1. Fromm E. To have or to be? // Fromm E. To have or to be? M., 1990. Pp. 140-144.
2. Fromm E. The art of loving // Fromm E. The soul of man. M., 1992. Pp. 143-152.
3. Fromm E. Psychoanalysis and religion // Fromm E. To have or to be? M., 1990. Pp. 222, 226, 239-242, 244-248, 257-260, 282-283, 286, 305.

¹ Там же. С. 151.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ) DIGITAL TECHNOLOGIES IN MODERN RUSSIA (USING THE EXAMPLE OF A STUDY OF LOGISTICS INFRASTRUCTURE)

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института,
Красноярский государственный аграрный университет,
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru;

FASTOVICH Galina Gennadyevna,

Senior Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Mira ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы развития цифровых технологий логистической инфраструктуры современной России. Автор приходит к выводу, что цифровая логистика становится эффективным, клиентоориентированным механизмом развития экономической и правовой системы Российской Федерации.

Abstract: The article discusses the development of digital technologies of logistics infrastructure in modern Russia. The author concludes that digital logistics is becoming an effective, customer-oriented mechanism for the development of the economic and legal system of the Russian Federation.

Ключевые слова: цифровые технологии, институт логистики, инновационные процессы, эффективность, цифровое производство, территориальные логистические процессы, цифровизация.

Keywords: digital technologies, institute of logistics, innovative processes, efficiency, digital production, territorial logistics processes, digitalization.

Для цитирования: Фастович Г.Г. Цифровые технологии в современной России (на примере исследования логистической инфраструктуры) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 13-14. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_13.

For citation: Fastovich G.G. Digital technologies in modern Russia (using the example of a study of logistics infrastructure) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 13-14. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_13.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2024

На сегодняшний день цифровые технологии стали незаменимым инструментом в сфере логистики и транспорта современной России, которые стремительно набирают обороты развития. Процесс цифровизации является объективным и очевидным, особенно эффективность этого явления проявляется в логистической направленности [1].

Под «цифровым» транспортом и логистикой подразумевается клиентоориентированный механизм развития экономических систем, на основе цифрового взаимодействия, ценностных потоков данных, необходимых для получения сетевого эффекта при решении оперативных и стратегических задач государства, бизнеса и населения. В основе цифровой логистики, должна лежать множественность цифровых платформ с децентрализованным подключением, управление которыми возлагается на провайдеров логистических услуг. Концепция логистики — это система взглядов на совершенствование хозяйственной деятельности предприятия или группы предприятий путём рационализации управления материальными потоками.

Платформа - функциональный блок, интерфейс и сервис которого определяется стандартом, вводимым международной организацией либо группой фирм. Характеристики платформы подбираются таким образом, чтобы ее можно было использовать в большом круге задач. На юге Красноярского края практически реализован крупный межрегиональный проект строительства железнодорожной линии «Кызыл–Курагино», обеспечивающей доступ к минерально-сырьевой базе Республики Тыва и перспективным железорудным месторождениям Казырской группы на юге края [2].

В сфере водного транспорта, учитывая идущее освоение нефтегазовых ресурсов севера края, а в перспективе и разработку континентального арктического шельфа, ключевым является проект сохранения и развития Северного морского пути, включая транспортную систему «Енисей-СМП». В этой связи со стороны государства целесообразно сохранение и развитие порта Диксон, как гаранта безопасности присутствия судов на Северном морском пути и опорной базы его развития. Порт является срединной точкой на Северном морском пути и расположен в закрытой глубоководной бухте, позволяющей осуществлять круглогодичный заход судов и ледокольного флота.

Росту значения порта будет способствовать развитие добычи коксующихся углей экспортных кондиций Западно-Таймырского угленосного бассейна и развитие нефтедобычи с выходом на правый берег Енисея, что поставит вопрос о возрождении проекта строительства нефтепровода на Диксон с последующим экспортом нефти морским транспортом.

Развитие воздушного транспорта предусматривает создание на базе аэропорта Емельяново международного транспортного хаба, ориентированного преимущественно на осуществление грузовых перевозок. Одной из приоритетных задач на предстоящий период является реконструкция аэропорта «Емельяново» с целью обеспечения потребностей текущего и планируемого пассажиропотока и создания современных и комфортных условий воздушных перевозок.

Для обеспечения запланированного развития воздушного транспорта должны получить дальнейшее развитие система управления

воздушным движением, оснащение аэропортов края современным навигационным оборудованием, внедрение системы контроля и слежения за воздушным движением на основе системы ГЛОНАСС (Глобальная навигационная спутниковая система — российская спутниковая система навигации, одна из двух полностью функционирующих на сегодня систем глобальной спутниковой навигации).

Стоит отметить, что оптимизация мультимодальных грузовых перевозок, создание платформенных решений для выполнения бесшовных перевозок, быстрое и качественное оформление грузов, в том числе в трансграничном сообщении. Сюда же входит сопровождение грузов на всех этапах перевозки с использованием систем прослеживаемости и электронных товарно-транспортных документов.

Крупнейшим проектом федеральной сети дорог является автодорога Р–255 «Сибирь» (Новосибирск–Красноярск– Иркутск) и строительство на ней второй очереди глубокого обхода Красноярска, а также реконструкция автодороги Р–257 «Енисей» (Красноярск–Абакан–Кызыл–граница с Монголией) [4].

На сегодняшний день идет оптимизация процесса формирования и развития Красноярской агломерации предусматривающая новую транспортную схему Красноярска, как ядра агломерации, осуществить интеграцию транспортного каркаса города и смежных территории. В перспективе до 2030 года приоритетным направлением будет являться развитие дорожной инфраструктуры на территории селитебной зоны Красноярска, включая крупные проекты строительства четвертого мостового перехода через Енисей и транспортных развязок на ул. Авиаторов и Брянской. Улично-дорожная сеть Красноярска к 2025 году претерпит значительную позитивную реконфигурацию, которая приведет к росту ее пропускной способности, сокращению неэффективных перепробегов, снижению размеров транспортных заторов, улучшению экологической обстановки. Ведущие компании транспортной отрасли подписали протокол общего собрания учредителей о создании ассоциации «Цифровой транспорт и логистика» (ЦТЛ). В церемонии участвовали «РЖД», «Автодор», «Аэрофлот — российские авиалинии», «РТ-Инвест Транспортные Системы», «ЗащитаИнфоТранс», «Глосав» и НПП «Цифровые радиотехнические системы». Мероприятие прошло в рамках XII Международного форума и выставки «Транспорт России» в присутствии министра транспорта Евгения Дитриха. Ассоциация станет центром компетенций по одному из ключевых направлений Минтранса России. Одной из главных задач ЦТЛ является создание и развитие единого мультимодального цифрового транспортного и логистического пространства на территории России на основе отечественных решений и программного обеспечения.

Связанность территорий РФ и занятие позиций в международных транспортных системах – ключевой фактор Цифровой экономики. В Указе Президента РФ поставлены задачи что «первенство в исследованиях и разработках, высокий темп освоения новых знаний и создание инновационных продуктов являются ключевыми факторами [7,8], определяющими конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальной стратегии безопасности». В значительной мере это достигается за счет: «связанности территорий Российской Федерации за счет создания интеллектуальных транспортных систем, а так же занятия и удержания лидерских позиций в создании международных транспортных систем» [5].

Таким образом, являясь инфраструктурной отраслью, транспорт способствует успешному развитию других отраслей экономики и формированию комфортных условий для проживающего на территории края населения. В результате реализации крупных проектов по развитию авто- и железнодорожной инфраструктуры края будет повышена экономическая связанность территорий края, в том числе с районами интенсивного освоения – Нижним Приангарьем, богатыми горно-рудным сырьем южными территориями края. Получит развитие система внутреннего водного транспорта Енисейского бассейна с выходом к Северному морскому пути. Получат дальнейшее развитие магистральные, в том числе кроссполярные [6], и местные авиaperевозки, обеспечивая как внешние связи края с регионами России, Северной Америкой и странами Юго-Восточной Азии, так и транспортную доступность отдаленных территорий края

Библиография:

1. Айзатов Р. М. Проблемы логистики торговли средствами производства. Ростов-на-Дону: РГЭА, 2015. - 231с.
2. Григорьев Г.М. Адаптация АПК региона // Междунар. науч.-практ. конф. (г. Барнаул, 15 апреля 2015 г.) / ГНУ СибНИИЭСХ Рос- селхозакадемии. — Барнаул: ООО «Спектр», 2015. — С.189-192.
3. Лукиных В.Ф. К вопросу о проекте развития логистической сети агропромышленного комплекса Красноярского края // <http://www.sitebs.ru/blogs/37966.html> (дата обращения 01.02.2024 г.).
4. Левкин Г. Г. Логистика в АПК : Учебное. пособие. 2-е изд. / Г.Г. Левкин. —М.: Берлин: Директ-Медиа, 2014 - 245 с.
5. Фастович Г.Г. Модернизация государственного механизма в контексте развития институтов цифровой экономики // Право и государство: теория и практика. 2021. № 5 (197). - С. 24-26.
6. Фастович Г.Г. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЦИФРОВИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ // Аграрное и земельное право. 2020. № 7 (187). - С. 31-32.
7. Тепляшин И.В., Фастович Г.Г. Вопросы эффективности Российской судебной системы в выступлениях Президента Российской Федерации 2008-2010 гг. // История государства и права. - 2011. - № 8. - С. 44-47.
8. Тепляшин И.В. Формы участия граждан в управлении делами государства: классические, перспективные и допустимые // Конституционное и муниципальное право. -2016. -№ 5. -С. 18-21.

References:

1. Aizatov R. M. Problems of logistics of trade in means of production. Rostov-on-Don: RGEA, 2015. - 231s.
2. Grigoriev G.M. Adaptation of the agro-industrial complex of the region // International Scientific and Practical conference (Barnaul, April 15, 2015) / GNU SIBNIIIESH Ros- agricultural Academy. Barnaul: LLC "Spectrum", 2015. — pp.189-192.
3. Lukinykh V.F. On the issue of the project for the development of the logistics network of the agro-industrial complex of the Krasnoyarsk Territory // <http://www.sitebs.ru/blogs/37966.html> (accessed 02/01/2024).
4. Levkin G. G. Logistics in agriculture : Educational. stipend. 2nd ed. / G.G. Levkin. —M.: Berlin: Direct Media, 2014 - 245 p.
5. Fastovich G.G. Modernization of the state mechanism in the context of the development of institutions of the digital economy // Law and the state: theory and practice. 2021. No. 5 (197). - pp. 24-26.
6. Fastovich G.G. LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF DIGITALIZATION IN THE SYSTEM OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION // Agrarian and land law. 2020. No. 7 (187). - pp. 31-32.
7. Teplyashin I.V., Fastovich G.G. Issues of the effectiveness of the Russian judicial system in the speeches of the President of the Russian Federation 2008-2010. // History of the state and law. - 2011. - No. 8. - pp. 44-47.
8. Teplyashin I.V. Forms of citizen participation in the management of state affairs: classical, promising and permissible // Constitutional and municipal law. -2016. -No. 5. -pp. 18-21.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES AS AN EFFECTIVE CONDITION FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE CONTROL IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS PROTECTION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института,
Красноярский государственный аграрный университет.

пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.

E-mail: Fastovich-85@mail.ru;

FASTOVICH Galina Gennadyevna,

Senior Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute,
Krasnoyarsk State Agrarian University.

Mira ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.

E-mail: Fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы правоприменительной деятельности современной России в контексте эффективного условия реализации государственного контроля и соблюдения прав и свобод человека. Автор дает определения основам правоприменительной деятельности, устанавливает основополагающие вопросы и принципы государственно-властной деятельности в Российской Федерации и укрепления гражданского общества и правового государства.

Abstract: The article examines the issues of law enforcement in modern Russia in the context of an effective condition for the implementation of state control and respect for human rights and freedoms. The author defines the basics of law enforcement activity, establishes the fundamental issues and principles of state power activity in the Russian Federation and the strengthening of civil society and the rule of law.

Ключевые слова: эффективность, органы государственной власти, государственность, правоприменительная деятельность, права человека, российское законодательство, гражданское общество, правовое государство, государственный контроль.

Keywords: efficiency, public authorities, statehood, law enforcement, human rights, Russian legislation, civil society, rule of law, state control.

Для цитирования: Фастович Г.Г. Правоприменительная деятельность как эффективное условие реализации государственного контроля в сфере защиты прав человека: теоретико-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 15-17. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_15.

For citation: Fastovich G.G. Law enforcement activities as an effective condition for the implementation of state control in the field of human rights protection: theoretical and legal aspect // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233), pp. 15-17. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_15.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2024

В современных условиях развития российского права, правовое регулирование общественных отношений должно дополняться индивидуальным регулированием общественных отношений, в т.ч. с учетом таких категорий как: правовое противодействие, позитивное содействие, социальное взаимодействие [1]. Конкретизацию права можно рассматривать как развитие права — выработку управомоченными органами и лицами в процессе правотворческой деятельности более детальных, конкретных, уточняющих и т. д. принципов и норм права в иных формах национального или международного права, реализующихся в государстве, имеющих меньшую юридическую силу. Конкретизация права характеризуется процессом детализации, уточнения, прежде всего, принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе национального и (или) международного права. Конкретизация осуществляется со стороны уполномоченных правотворческих и исполнительных органов власти и должностных лиц.

Как правовая государственность, так и зрелое гражданское общество характеризуются целостностью, гармоничностью всех их сторон, интенсификацией общественных процессов и их модернизацией. В состоявшемся гражданском обществе присутствует организованная система взаимодействия с государственным аппаратом, участие в деятельности государственных органов и учреждений [2]. Эти обстоятельства обуславливают необходимость совершенствования механизма реализации и гарантирования прав человека. Соответственно, правоприменение в процессе реализации прав человека должно быть объективно обусловлено потребностями цивилизованного общественного развития на пути укрепления гражданского общества и правового государства [3].

Правоприменение нацеливается на создание условий наиболее полной и эффективной реализации прав человека, а также на осуществление необходимого государственного контроля за правильностью их использования, на корректировку путей их реализации в сторону благоприятствования [4].

Поскольку в правовом пространстве России действуют, как правило, правовые нормы общего характера, в качестве одной из ключевых проблем правоприменения можно обозначить тот факт, что данная категория как таковая не способна функционировать самостоятельно. Для эффективной реализации правоприменительной деятельности ее необходимо дополнять индивидуальным регулированием. С позиции концепции интегративного правопонимания действительно существующие коллизии между принципами и нормами права могут преодолеваются, например, судами посредством применения принципов и норм права, имеющих большую юридическую силу. При отсутствии норм права в «зако-

нодательстве», в частности, суды могут применять принципы права — самостоятельные средства правового регулирования общественных отношений [5]. Пробел в праве в этих случаях является мнимым.

Стоит отметить, что с позитивистской точки зрения потенциал и содержание права ограничено, прежде всего, правовыми нормами, содержащимися в российском законодательстве. В свою очередь, норма права обладает такими признаками, как нормативность, общеобязательность, формальная определенность, системность, гарантированность [6]. Индивидуальное правовое регулирование стоит рассматривать не как форму применения норм права, а как замену правоприменению в условиях невозможности претворять какую-либо конкретную или определенную правовую норму. Ко всему пробелы в праве фактически препятствуют эффективному процессу правоприменения. Стоит заметить, что в специальной литературе разрабатываются критерии эффективности реализации права в различных сферах правовой деятельности, в т.ч. в системе государственного механизма и управления [7].

Возможность конкретизации права в процессе правоприменения — одна из наиболее обсуждаемых и дискуссионных проблем среди советских и российских научных и практических работников. Многочисленные исследователи полагают, что конкретизация права в процессе правоприменения теоретически обоснована и практически необходима. Среди сторонников данной точки зрения необходимо назвать В.В. Лазарева, В.М. Баранова, Н.Н. Вопленко, А.Ф. Черданцева, Н.А. Власенко и др. Так, по мнению Н.А. Власенко конкретизация в правоприменительном процессе состоит в индивидуализации - переводе общего и абстрактного веления нормы права в веление индивидуального характера; при этом конкретизация также может быть и правотворческой [8].

Изложенные выводы и аргументы представляются теоретически дискуссионными. Это обусловлено тем, что необходимо разграничивать правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. Также с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания представляется теоретически обоснованным рассматривать правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории. Прежде всего, это объясняется абстрактным и относительно определённым характером принципов и норм права, многочисленными коллизиями и пробелами в праве, многообразием фактических общественных правоотношений, динамикой их развития. Кроме этого, учитывая абстрактный и относительно определённый характер принципов и норм права, компетентные органы и должностные лица конкретизируют «общее» право, вырабатывая более конкретное «особенное» право, также обязательное для неопределённого круга участников фактических правоотношений.

В результате индивидуального регулирования фактических правоотношений субъекты реализации права вырабатывают, например, индивидуальные правовые судебные акты, обязательные только для участников данного судебного разбирательства. При таком понимании необходимо разграничивать конкретизацию права как процесс выработки на основе абстрактного, менее определённого права в большей степени определённого права, и «индивидуализацию права», наделение «персональными (субъективными) правами и обязанностями участников правоотношений». Более того, в связи с изложенными теоретическими аргументами, спорным является и само понятие «индивидуализация права». Представляется теоретически более обосновано, во-первых, исходить из родового понятия «регулирование общественных отношений». Во-вторых, в частности, разграничивать регулирование общественных отношений на правовое и индивидуальное регулирование. Отсюда, например, суд не «индивидуализирует право», а в соответствии с уже выработанным и формализованным правом индивидуально регулирует спорные конкретные фактические правоотношения.

Посредством государственно-властного руководства обществом, путем вынесения индивидуально-определённых юридических предписаний осуществляется необходимое воздействие на экономическое, политическое и социально-культурное развитие общества и государства, решаются различные задачи, возникающие в данном процессе. В настоящее время эти задачи обусловлены реформами, происходящими в обществе и государстве, и во многом их успех зависит от реального воплощения правовых предписаний, в первую очередь, касающихся признания прав человека в качестве высшей ценности в российском обществе и государстве [9].

Вместе с тем, учитывая изложенные выше общенаучные и теоретические аргументы, теоретически более обосновано разграничивать конкретизацию права и «индивидуализацию права», а точнее, индивидуальное регулирование общественных правоотношений. На наш взгляд, конкретизация права и индивидуальное регулирование общественных отношений — это различные, самостоятельные и нетождественные правовые категории. Конкретизация права — это объективный процесс выработки управомоченными правотворческими органами и лицами на основе абстрактного и неопределённого права, также права, но в большей степени определённого. В то же время индивидуальное регулирование общественных отношений — это процесс регулирования общественных отношений органами и лицами, реализующими уже выработанное право, в результате которого устанавливаются индивидуальные права и обязанности только участников данных конкретных правоотношений. Поскольку в соответствии со ст. 125 и 126 Конституции РФ Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ не обладают правотворческими функциями, постольку действительно имеющая место фактическая конкретизация права в процессе, например, судебного правоприменения, полагаю, не только является теоретически дискуссионной, но и не соответствует Конституции России.

На наш взгляд, толкование права с точки зрения содержания деятельности, происходящей в процессе её осуществления, является одним из видов индивидуального регулирования общественных отношений, например, индивидуального судебного регулирования, в результате которого происходит уяснение права для себя (органа или лица, толкующего право) и разъяснение права для других (участников спорных фактических правоотношений). В результате на основе неопределённого (не конкретизированного) или более определённого (конкретизированного) права принимается, например, индивидуальный судебный акт, в котором устанавливаются права и обязанности только участников спорных фактических правоотношений, т. е. вырабатывается неправо. Напротив, конкретизация права производится управомоченными правотворческими ор-

ганами и лицами, в результате которой на основе неопределённого и абстрактного права вырабатывается более определённое конкретное право, обязательное для неопределённого круга лиц. Например, в соответствии с принципами права, содержащимися в Конституции РФ, вырабатываются принципы и нормы права в кодексах и других федеральных законах.

В результате исследования проблем конкретизации права считаем возможным и необходимым сделать следующие итоговые выводы.

1. Необходимо разграничивать правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. При этом конкретизацию права и толкование права следует понимать как различные правовые категории.

2. Конкретизацию права следует рассматривать как объективный процесс восхождения от абстрактного, менее определённого права, к праву в большей степени определённого, конкретному. Такой подход следует сопровождать выработкой уполномоченными правотворческими органами или должностными лицами более детальных, уточнённых специальных правовых принципов и норм права в национальной системе [10].

3. Толкование права с точки зрения содержания правовой деятельности, происходящей в процессе её осуществления, является одним из видов индивидуального регулирования общественных отношений. Например, речь может идти об индивидуальном судебном регулировании в результате которого происходит уяснение права для себя и разъяснение воли законодателя для участников спорных конкретных фактических правоотношений.

4. С целью объективного развития действующего права, его непрерывного движения от меньшей степени определённости к его большей степени определённости, компетентные органы власти, прежде всего, должны вырабатывать специальные принципы и нормы права не произвольно, а в порядке их конкретизации. Такая конкретизация должна касаться, во-первых, основополагающих принципов национального или международного права, во-вторых, специальных принципов права, содержащихся в других формах права и имеющих более высокую юридическую силу [11].

В итоге, правоприменение — это организационно-правовая форма государственной деятельности, направленная на реализацию (превращение) правовых предписаний в жизнь, общественные отношения [12]. В то же время индивидуальное регулирование — это конкретизация юридических норм участниками правовых отношений, решение ими юридически значимых вопросов, которым законодатель не дал исчерпывающей нормативной регламентации.

Библиография:

1. Панченко В.Ю. Юридическое противодействие и юридическое содействие как парные правовые категории // Lex Russica. 2015. Т. 109. № 12. С. 30-42.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Консультант плюс: Законодательство.
3. Тепляшин И.В. Формы участия граждан в управлении делами государства: классические, перспективные и допустимые // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 18-21.
4. Хахалев К.Р. Правоприменение в механизме реализации прав человека // Право и практика. 2015. № 3. С. 13-18.
5. Хахалев К.Р. Место правоприменительных актов в процессе обеспечения реализации прав человека // Современная научная мысль. 2015. № 3. С. 163-169.
6. Ершов В.В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. 2016. № 3 (119). С. 5-36.
7. Минникус И.А. Индивидуальное правовое регулирование и правотворческая деятельность // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 2. С. 150-153.
8. Тепляшин И.В., Фастович Г.Г. Вопросы эффективности Российской судебной системы в выступлениях Президента Российской Федерации 2008-2010 гг. // История государства и права. 2011. № 8. С. 44-47.
9. Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7 (211). С. 60-75.
10. Фастович Г.Г. Функционирование институтов гражданского общества как фактор повышения эффективности деятельности государственного механизма // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 51-55.
11. Фастович Г.Г. К вопросу о реализации принципа эффективности в деятельности механизма государства Российской Федерации: общетеоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2010. № 12(72). С. 23 - 25.
12. Богатова Е.В. Внешнее проявление правовой культуры: основные формы и методика установления // Теория государства и права. 2018. № 4. С. 18-23.

References:

1. Panchenko V.Yu. Legal counteraction and legal assistance as paired legal categories // Lex Russica. 2015. Vol. 109. No. 12. pp. 30-42.
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Consultant plus: Legislation.
3. Teplyashin I.V. Forms of citizens' participation in the management of state affairs: classical, promising and permissible // Constitutional and municipal law. 2016. No. 5. pp. 18-21.
4. Khakhalyov K.R. Law enforcement in the mechanism of realization of human rights // Law and practice. 2015. No. 3. pp. 13-18.
5. Khakhalev K.R. The place of law enforcement acts in the process of ensuring the realization of human rights // Modern scientific thought. 2015. No. 3. pp.163-169.
6. Ershov V.V. Legal nature, functions and classification of principles of national and international law // Russian justice. 2016. No. 3 (119). pp. 5-36.
7. Minnikes I.A. Individual legal regulation and law-making activity // Izvestiya Irkutsk State Academy of Economics. 2012. No. 2. pp. 150-153.
8. Teplyashin I.V., Fastovich G.G. Issues of the effectiveness of the Russian judicial system in the speeches of the President of the Russian Federation 2008-2010. // History of the state and law. 2011. No. 8. pp. 44-47.
9. Vlasenko N.A. Concretization in law: methodological foundations of research // Journal of Russian Law. 2014. No. 7 (211). pp. 60-75.
10. Fastovich G.G. Functioning of civil society institutions as a factor in increasing the effectiveness of the state mechanism // Law and the state: theory and practice. 2016. No. 7 (139). pp. 51-55.
11. Fastovich G.G. On the issue of the implementation of the principle of efficiency in the activities of the mechanism of the state of the Russian Federation: general theoretical aspects // Law and the State: theory and practice. 2010. No. 12(72). pp. 23-25.
12. Bogatova E.V. The external manifestation of legal culture: the main forms and methods of establishment // Theory of state and law. 2018. No. 4. pp. 18-23.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_18

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ) ON THE ISSUE OF FORENSIC COMPUTER-TECHNICAL EXPERTISE OF CELLULAR COMMUNICATIONS (PART TWO)

ЧЕРВЯКОВ Михаил Эдуардович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебных экспертиз Красноярского государственного аграрного университета.
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: mc256gt@gmail.com;

ВЛАСОВ Валерий Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права и экологических экспертиз Красноярского государственного аграрного университета, доцент кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России, доцент кафедры государственного и муниципального управления Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, действительный член РАЕН, член РАЮН, член Общественной палаты г. Красноярска, член Совета Красноярского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: vav.70@mail.ru;

SHERVYAKOV Mikhail Eduardovich,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Forensic Examinations
Krasnoyarsk State Agrarian University.
Mira Ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: mc256gt@gmail.com;

VLASOV Valery Alexandrovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Land Law and Environmental Expertise
Krasnoyarsk State Agrarian University, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor
of the Department of Public and Municipal Administration
Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
full member of the Russian Academy of Emergency Situations, member of the RAEN, member of the RAYUN,
member of the Public Chamber of Krasnoyarsk, member of the Council of the Krasnoyarsk regional branch
of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia".
Mira Ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: vav.70@mail.ru

Краткая аннотация. В данной статье авторами предпринята попытка изучить отдельные актуальные вопросы компьютерно-технической экспертизы средств сотовой связи, поскольку извлечение информации из электронных карт и блоков памяти средств сотовой связи осуществляется в ходе проведения именно данного вида экспертизы. Достаточно актуальной является проблема получения доступа к информационному содержанию мобильного телефона в случаях, когда возможность изучения информации ограничивается различными техническими способами. Наиболее распространенные способы ограничения доступа к информации и функциям мобильного телефона – установка PIN-кода на SIM-карте, использование функции «только эта SIM-карта», установка пароля на телефон. В исследовании описан общий порядок действий эксперта по решению задачи преодоления таких блокировок посредством использования современных научно-технических средств.

Abstract. In this article, the authors make an attempt to study certain topical issues of computer-technical examination of cellular communications equipment, since the extraction of information from electronic cards and memory blocks of cellular communications equipment is carried out during the course of this particular type of examination. The problem of gaining access to the information content of a mobile phone is quite relevant in cases where the ability to study information is limited by various technical means. The most common ways to restrict access to information and functions of a mobile phone are to set a PIN code on the SIM card, use the "only this SIM card" function, or set a password for the phone. The study describes the general procedure for an expert to solve the problem of overcoming such blockages through the use of modern scientific and technical means.

Ключевые слова: проблема, средство сотовой связи, мобильный телефон, судебная компьютерно-техническая экспертиза, информация, технические устройства, SIM-карта, PIN-код, «Мобильный криминалист».

Key words: problem, cellular communication device, mobile phone, forensic computer-technical examination, information, technical devices, SIM card, PIN code, "Mobile criminologist".

Для цитирования: Червяков М.Э., Власов В.А. К вопросу о судебной компьютерно-технической экспертизе средств сотовой связи (часть вторая) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 18-21. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_18.

For citation: Chervyakov M.E., Vlasov V.A. On the issue of forensic computer-technical expertise of cellular communications (part two) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 18-21. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_18.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2024

В научно-практической литературе приводятся вопросы, решаемые судебной компьютерно-технической экспертизой средств сотовой связи:

- к какому типу (марке, модели) относится мобильное устройство, кто его производитель?
- каковы технические характеристики и параметры телефона?
- имеется ли в телефоне SIM-карта, каковы ее номера ICCID и IMSI?
- имеется ли в памяти телефона или внешних источниках памяти информация о входящих и исходящих вызовах за период (указывает-

ся конкретный промежуток времени: время, число, месяц, год) (в том числе удаленные)? Если да, то, когда и с кем происходили соединения, их продолжительность и содержание sms, mms и голосовых сообщений?

- имеется ли в памяти телефона или внешних источниках памяти изображения, видео-, аудиофайлы, записки календаря, памятки (в том числе удаленные)? [4; С. 38-39].

В зависимости от конкретных обстоятельств перед экспертом могут быть поставлены и другие вопросы. Не претендуя на исчерпывающее рассмотрение рассматриваемой темы в рамках одной статьи, целесообразно обратить внимание на некоторые особенности производства экспертного исследования средств сотовой связи.

Первое, что необходимо сделать после поступления на экспертизу объектов исследования – сфотографировать упаковку. Мобильный телефон (смартфон, другие средства сотовой связи) извлекаются из упаковки и фотографируются по правилам измерительной фотографии с масштабной линейкой. Затем следует описать внешний вид и общее состояние мобильного телефона, для чего могут быть использованы рекомендации, имеющиеся в криминалистической литературе [3; С.54]. Дальнейшие действия эксперта зависят от того, в каком состоянии мобильный телефон поступил на экспертизу – выключенном или включенном.

Спецификой криминалистического исследования средств сотовой связи является необходимость обеспечения включенного состояния исследуемого объекта, поскольку только в таком состоянии у эксперта имеется техническая возможность получить доступ к его информационному содержанию. Кроме того, если телефон будет направлен на экспертизу в выключенном состоянии, то попытка включить его может быть заблокирована системой кодов, паролей, а также защитой на основе биометрических данных пользователя мобильного телефона. Разумеется, когда эксперту известен пароль входа в систему средства сотовой связи, то разблокирование доступа к нему не составит большого труда. Однако, если такой пароль или код не известен, а пользователь мобильного телефона не доступен как физический носитель аутентифицирующей информации, то активирование сотового аппарата будет существенным образом затруднено, а в ряде случаев невозможно.

Следует так же учитывать, что при осуществлении операций включения/ выключения может быть потеряна часть информации, находящейся в оперативной памяти мобильного телефона, а она практически всегда имеет важное криминалистическое значение. Наиболее оптимальным представляется порядок действий, при котором уже на этапе обнаружения сотового телефона с предположительно содержащейся в нем криминалистически значимой информацией, сотрудник правоохранительных органов обеспечит непрерывное поддержание включенного состояния устройства, сохраняя его таким на всем временном отрезке от момента обнаружения до момента передачи на исследование специалисту в области компьютерной техники.

В то же время, необходимо иметь ввиду что современные модели электронных изделий с функцией сотовой связи позволяют дистанционно включать, выключать, видоизменять (копировать, уничтожать) информацию, содержащуюся в памяти устройства. Используя эту особенность, заинтересованные лица, не желая, чтобы изобличающая их информация попала в распоряжение правоохранительных органов, могут направить по сети сигнал с задачей уничтожения информации, записанной в картах памяти мобильного телефона. Чтобы не допустить подобного развития событий, и в то же время сохранить включенное состояние телефона, его необходимо изолировать от сети. С этой целью обнаруженный телефон следует поместить в чехол из металлизированной ткани (так называемая «клетка Фарадея»), которая обладает свойством экранировать внешние электромагнитные сигналы и не допускать их прием антенными блоками телефона. Еще один технический способ изоляции телефона от сети – перевод его в так называемый «авиарежим» (режим «в самолете») – то есть состояние, при котором управляющая система устройства прерывает его связь с телефонной и компьютерной сетью, не реагируя ни на один входящий сигнал. Перевод устройства в «авиарежим» осуществляется путем нажатия соответствующих клавиш на панели управления телефона. Во всех случаях своевременное отсоединение мобильного телефона сетевых каналов связи позволяет сохранить содержащуюся в нем электронную информацию и исключить дистанционное воздействие на нее со стороны правонарушителя и других заинтересованных лиц.

Какой из этих двух вариантов защиты сотового телефона выбрать – решает специалист, выполняющий операции по обнаружению и изъятию мобильного устройства. В принципе оба они дополняют друг друга и могут применяться в комплексе. Принимая во внимание, что после доставки в помещение, в котором будет производиться компьютерная экспертиза, мобильное устройство необходимо вынуть из защитного чехла, предпочтительным является осуществление этой операции и более того – всего экспертного исследования в целом – внутри рабочего объема, так же экранированного от внешних электромагнитных полей. В этом случае весь рабочий кабинет эксперта превращается в «клетку Фарадея», внутрь которой снаружи не может проникнуть ни один электромагнитный сигнал. Нахождение телефона внутри такого помещения гарантированно исключает возможность дистанционного управления его функциональными блоками и обеспечивает сохранность информации, созданной в результате работы телефона в качестве многофункционального средства сотовой связи.

Если мобильный телефон поступил на исследование во включенном состоянии, то эксперт после принятия описанных выше мер предосторожности и описания внешнего вида устройства приступает к изучению его информационного содержания. С этой целью сотовый телефон (смартфон, другое мобильное устройство) подключается к стендовому оборудованию с присоединенными к нему машинными носителями, имеющими достаточно места для записи компьютерной информации. Затем на эти дополнительные носители эксперт осуществляет посекторное копирование электронных данных, обнаруженных в энергонезависимой памяти мобильного телефона, а также подключенных к нему съемных носителях информации. Одним из таких носителей всегда является SIM-карта – электронный модуль идентификации абонента в сотовой сети. В памяти SIM-карты фиксируется информация о входящих и исходящих вызовах с телефона абонента, записи телефонной книги, содержание СМС-сообщений. Эта информация, а также содержимое долговременной памяти, копируются на дополнительные машинные носители, с тем

чтобы создать своеобразного электронного двойника – полную виртуальную копию электронных документов, а также иной информации, записанной в памяти мобильного телефона. Весь процесс дальнейшего исследования сотового аппарата осуществляется по этой цифровой копии, благодаря чему отпадает необходимость проводить различные манипуляции с оригинальным массивом цифровых данных, созданных в результате технической эксплуатации средства связи. В случае необходимости процесс создания электронного двойника может быть повторен в целях более детального изучения содержимого памяти мобильного телефона.

Конечно, представление мобильного телефона на экспертизу во включенном состоянии является благоприятным вариантом развития событий, однако такое возможно далеко не всегда. Нередко телефон, получаемый экспертом не включен, либо включен, но вход в него заблокирован.

Если сотовое устройство отключено и его электрическое питание отсутствует необходимо проверить уровень заряда аккумуляторной батареи. При недостаточном уровне батареи следует зарядить от лабораторного источника питания, либо заменить на другую аналогичную батарею с высоким уровнем заряда. Затем производится включение мобильного устройства. Дальнейшие действия зависят от того, будут ли установлены ограничения на доступ к информации и функциям средства сотовой связи. В большинстве случаев такие ограничения имеются и могут быть выражены в блокировке доступа PIN-кодом на SIM-карте мобильного телефона, функцией «только эта SIM-карта» и/или паролем на телефоне.

В случае, когда доступ ограничен PIN-кодом, эксперту необходимо обратиться к следователю с ходатайством о предоставлении ему информации о PUK-коде SIM-карты, использованной для звонков с исследуемого мобильного телефона. PUK-код представляет собой восьмизначное число, которое вводится при блокировке SIM-карты в случае трехкратного неправильного ввода PIN-кода. С процессуальной точки зрения с целью получения сведений о PUK-коде, эксперт в соответствии с п.2 ч.3 ст. 57 УПК РФ должен направить в адрес следователя ходатайство о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения [6]. Следователь, как инициатор назначения экспертизы, обращается с запросом о предоставлении данных о коде к оператору сотовой связи, в котором зарегистрирована SIM-карта телефонного абонента. Поскольку запрашиваемая информация относится к категории конфиденциальной, обеспечивающей конституционное право гражданина на тайну сообщений, возможен еще один вариант ее получения – производство выемки соответствующих документов с данными о PUK-коде в учреждении или у сотрудника оператора сотовой связи. Для осуществления такого действия необходимо предварительно получить разрешение суда (п.7 ч.2 ст. 29 УПК РФ, ст. 165 УПК РФ) [1; 6]. Получив данные о PUK – коде, эксперт вводит его в мобильное устройство, устанавливает на нем новый PIN-код и уже под этим новым паролем получает доступ к сведениям, содержащимся в памяти телефона.

Доступ к информации и функциям мобильного телефона, защищенного функцией «только эта SIM-карта» может быть обеспечен при условии, если эксперт получит сведения об идентификационных параметрах SIM-карты, представленных двумя числовыми кодами – номерами ICCID и IMCI. При отсутствии SIM-карты сведения о ее идентификационных параметрах могут быть получены аппаратным путем в ходе исследования энергонезависимой памяти мобильного телефона. По общему правилу, содержание энергонезависимой памяти в полном объеме исследуется после преодоления всех блокировок телефона, однако современные программно-аппаратные комплексы позволяют создать на дополнительном машинном носителе частичную копию долговременной памяти, которая во многих случаях содержит в себе сектор с данными ICCID и IMCI. Установив значения идентификационных кодов, эксперт может войти в систему мобильного аппарата следующим образом: записать коды ICCID и IMCI в пустую специализированную SIM-карту, вставить ее в мобильный телефон, вывести на экран телефона панель управления мобильного устройства. Если доступ к информации и функциям будет ограничен PIN-кодом, необходимо, как было сказано выше, обратиться к оператору сотовой связи с запросом о предоставлении PUK-кода восстановленного модуля идентификации абонента в сети.

Нередко доступ к информации и функциям мобильного телефона защищается паролем. В этом случае для разблокировки устройства приходится использовать специализированные программно-аппаратные комплексы. Одним из наиболее эффективных средств подобного рода является российский программно-аппаратный комплекс «Мобильный криминалист» [2]. С его помощью могут быть исследованы практически все модели электронных устройств, выполняющих функции средства сотовой связи. «Мобильный криминалист» позволяет преодолеть блокировку в виде пароля путем его сброса или подбора необходимой комбинации кодовых обозначений. Однако на этом возможности комплекса не исчерпываются: система позволяет создавать виртуальные образы долговременной и оперативной памяти мобильных телефонов, восстанавливать сохранившиеся на них электронные данные (в том числе удаленные), получать доступ к облачным хранилищам информации в сети Интернет, сведения на которых были размещены с исследуемого мобильного телефона. Комплекс обладает так же функцией определения местоположения абонента на поверхности Земли (система геопозиционирования), обнаружения наглядного представления общих контактов нескольких пользователей на графе коммуникативных связей.

После того как доступ к мобильному устройству будет разблокирован, эксперт может без ограничений исследовать всю информацию, записанную в электронной памяти мобильного телефона, смартфона, другого средства сотовой связи. Поскольку методика исследования предполагает копирование этой информации на дополнительный машинный носитель, в результате исследования на рабочей станции эксперта создается виртуальный образ информационного содержимого мобильного телефона. Каждую составляющую цифровой копии следует описать в соответствии с рекомендациями, принятыми в судебной компьютерно-технической экспертизе [5; С. 193-195]. При необходимости отдельные файлы с текстом смс-сообщений, записями устной речи, видеозаписями могут быть вторично скопированы на отдельный носитель (оптический диск, USB-накопитель) и вместе с заключением эксперта переданы инициатору назначения экспертизы. Материальные носители скопированной информации в соответствии с п.3 ч.1 ст. 81 УПК РФ могут быть признаны вещественными доказательствами, а зафиксированная на них инфор-

мация вместе со сведениями, изложенными в заключении эксперта, служить дополнительным доказательством совершения вменяемых подозреваемому, обвиняемому, противоправных действий.

В заключение следует отметить, судебная компьютерно-техническая экспертиза средств сотовой связи обладает значительным доказательственным потенциалом, реализовать который помогает современное назначение экспертизы, проведение всесторонних и полных исследований, использование современных методик и программно-аппаратных средств. Очевидно, что роль и значение экспертизы средств сотовый связи как способа собирания доказательств по уголовным делам будет только возрастать, поэтому изучение методических аспектов ее назначения и производства на протяжении долго времени будут сохранять свою актуальность и практическую значимость.

Библиография:

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. - КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: – <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.02.2024).
2. Мобильный Криминалист найдет больше, чем вы ожидаете [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vk.com/mkriminalist> (дата обращения 18.02.2024).
3. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / В.Ф. Васюков, Б.Я. Гаврилов, А.А. Кузнецов [и др.]; под общ ред. Б.Я. Гаврилова. - Москва: проспект, 2019. - 160 с.
4. Справочник по судебным экспертизам для следователей: справочное пособие / под общей ред. А.И. Бастрыкина. - М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. - 202 с.
5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. - 568 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) - КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.02.2024).
7. Что такое клетка Фарадея [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://elektrik.info> (дата обращения: 18.02.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020. - ConsultantPlus: the official website of the ConsultantPlus company [Electronic resource]. - Access mode: – <https://www.consultant.ru> (date of access: 02/18/2024).
2. The Mobile Criminologist will find more than you expect [Electronic resource]. - Access mode: <https://vk.com/mkriminalist> (accessed 18.02.2024).
3. Methods of obtaining evidence and information in connection with the detection (possibility of detection) of electronic media: textbook / V.F. Vasyukov, B.Ya. Gavrilov, A.A. Kuznetsov [et al.]; under the general editorship of B.Ya. Gavrilov. - Moscow: prospekt, 2019. - 160 p.
4. Handbook of forensic examinations for investigators: a reference guide / under the general editorship of A.I. Bastyrykin. - M.: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2017. - 202 p.
5. Standard expert methods for the study of physical evidence. Part I / Ed. by Candidate of Technical Sciences Yu.M. Dildin. General edition of the Candidate of Technical Sciences V.V. Martynov. – M.: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. - 568 p.
6. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ (as amended on 12/25/2023) - ConsultantPlus: the official website of the ConsultantPlus company [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.consultant.ru> (date of access: 02/18/2024).
7. What is a Faraday cage [Electronic resource]. - Access mode: <https://elektrik.info> (date of application: 02/18/2024).

К ВОПРОСУ О ЗАКОННОСТИ С ПОЗИЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ОБЪЕКТИВНОЙ ЦЕННОСТИ ПРАВА ON THE ISSUE OF LEGALITY FROM THE STANDPOINT OF LEGAL AWARENESS AND THE OBJECTIVE VALUE OF LAW

ОЧИР-ГАРЯЕВА Ирина Калиновна,

кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, 358000, Россия.
E-mail: kalinovna7@yandex.ru;

МУЧАЕВА Дарима Геннадьевна,

ассистент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, 358000, Россия.
E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

МЕНКНОСОНОВ Алексей Сергеевич,

студент специальности «Судебная и прокурорская деятельность»
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, 358000, Россия.
E-mail: alekseymenknosonov@gmail.com;

ТОПОРОВА Баина Владимировна,

студентка специальности «Судебная и прокурорская деятельность»
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, 358000, Россия.
E-mail: baina.toporova@gmail.com;

OCHIR-GARYAEVA Irina Kalinovna,

Candidate of Law, Associate Professor B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 Pushkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: kalinovna7@yandex.ru ;

MUCHAIEVA Darima Gennadievna,

Assistant, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov.
Pushkin str., 11, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

MENKNOSONOV Alexey Sergeevich,

student of the specialty "Judicial and prosecutorial activity"
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 Pushkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: alekseymenknosonov@gmail.com;

TOPOROVA Baina Vladimirovna,

student of special effects "Judicial and prosecutorial activities"
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 Pushkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: baina.todorova@gmail.com

Краткая аннотация: Формирование правосознания в современном обществе существенно зависит от сложившегося социального порядка, который обычно предшествует формированию субъективных представлений о нём.

Abstract: The formation of legal consciousness in modern society significantly depends on the existing social order, which usually precedes the formation of subjective ideas about it.

Ключевые слова: законность, правосознание, институциональный подход, социальный правовой порядок, правовая идеология.
Key words: legality, legal consciousness, institutional approach, social legal order, legal ideology.

Для цитирования: Очир-Гаряева И.К., Мучаева Д.Г., Менкносонов А.С., Топорова Б.В. К вопросу о законности с позиции правосознания и объективной ценности права // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 22-24. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_22.

For citation: Ochir-Garyeva I.K., Muchaeva D.G., Menknosonov A.S., Toporova B.V. On the issue of legality from the standpoint of legal awareness and the objective value of law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 22-24. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_22.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

Законность может быть рассмотрена с двух сторон: институциональной и связанной с правосознанием. Институциональная сторона законности связана с методами, режимами и принципами, которые определяют структурно-функциональный аспект идеи законности и различные аспекты институционализации. Однако институциональная сторона законности не содержит идейного содержания и не оценивается с точки зрения мировоззрения. Эта сторона передается и воспроизводится на различных уровнях юридической реальности, таких как структура правовой системы, иерархия нормативных правовых актов, программные и доктринальные акты и т.д.

Важно понимать, что односторонний институциональный подход имеет общее понимание. Если законы и нормативы являются универсальными свойствами законности в общественной жизни, то законность должна рассматриваться как общественно-политическое требование.

Она имеет ценностно-рациональный и целерациональный характер и признается как необходимое средство формирования упорядоченного социального бытия.

Дефекты и упущения правосознания являются основной причиной возникновения и фиксации проблем в сфере институционализации и функционирования законности.

Формирование правосознания в современном обществе существенно зависит от сложившегося социального порядка, который обычно предшествует формированию субъективных представлений о нём. С увеличением кругозора и изучением опыта других стран, индивидуальное правосознание приобретает более сложные и дифференцированные критические оценки в отношении правопорядка. Однако, после усвоения масштаба оценок, сложившихся внутри социального правового порядка, субъективное правосознание начинает применять их для оценки правопорядка. Р. Иеринг сравнил эту связь со связью между ребёнком и матерью, где ребёнок, усвоивший урок от матери, начинает применять к ней те же критерии, которые он усвоил от неё, когда повзрослеет. В результате, развитие социокультурных факторов и других факторов современности влияет на дальнейшую эволюцию правосознания.

Л.И. Петражицкий в своих работах акцентировал внимание на субъективном характере права, указывая, что оно может быть осознано только через специальные психические переживания, присутствующие в сознании каждого индивидуума. Он также подчеркивал, что то, что воспринимается уменьшенным как право, действительно является правом.

Н.Н. Вопленко, в свою очередь, выделял значимые элементы психологической сферы, которые требуются для соблюдения законности. Среди них выделяются чувство законности, установка на правомерное поведение, привычка к соблюдению законности и ориентация на законность, а также микроклимат и атмосфера, которые способствуют соблюдению законности¹.

В работе Н.Н. Вопленко обсуждаются психологические установки, которые способствуют выполнению законности. Этот взгляд является значимым, однако автор не учитывает социальную сторону законности, а не только ее политический аспект. Таким образом, психологические установки рассматриваются как самодостаточное явление, но они также являются вспомогательным фактором для обеспечения законности.

С начала советской эпохи и до наших дней, понятие законности было связано с определенными идеологическими интерпретациями. Эти интерпретации определяли содержание понятия законности и требования к ее соблюдению. На практике, законность реализовывалась через сочетание официальной доктрины и обыденных представлений о ней. Тем не менее, теоретически законность представляла собой идеальное состояние, когда все требования были исполнены.

Автор А.А. Солуков утверждает, что в период СССР идея законности была частью официальной правовой идеологии и являлась наиболее унифицированной в правовой доктрине. Однако, со временем ее содержание подвергалось изменениям в зависимости от политической ситуации и потребностей режима.

Важность соблюдения законности неоспорима в любой системе права, но в СССР она имела особое значение. Она была связана с идеологическими принципами, которые определяли политическую и экономическую жизнь страны. В то же время, она была часто нарушена в интересах партийной элиты и государственных структур.

В постсоветский период, идея законности продолжает оставаться важной, но ее смысл и значение изменились. Она стала более связанной с защитой прав и свобод граждан, а также с принципами демократии и гражданского общества. Однако, нарушения законности все еще происходят, и это оставляет недовольство и разочарование у граждан².

Содержание идеи законности сегодня значительно более динамично и дифференцировано, чем ранее³. В целом, правовая идеология в период Советского Союза была однородной, однако периодически подвергалась корректировкам и изменениям.

В XX веке релятивизм и прагматизм оказали разрушительное влияние на философские основания правосознания и разъяснение проблемы законности. Релятивизм стал одним из симптомов юридической мысли XX века, который продолжает подпитываться стилями социокультурного мышления. А. Кауфман справедливо заметил, что Г. Радбрух, стремясь «материализовать философию права», понес высокую цену, которой стали философский релятивизм и относительность ценностей⁴.

В современном мире политическая этика или идеология заполняют вакуум, который возникает при отмене универсальности законности и объективной ценности права. Узконормативная версия проблемы права и закона сужает их роль до набора инструментов для политических интересов и целесообразности. Это создает пространство для политических маневров, что было наглядно продемонстрировано опытом XX века. Традиционно законность в современном мире рассматривается как локальная, гибкая, "мягкая" и т.д., однако, ее односторонность становится неудобной для политических целей.

В отечественной юридической науке активно обсуждаются проблемы законности, которые часто сравниваются с зарубежным опытом и "лучшим" правосознанием. Однако, на сегодняшний день, главным интересом являются узкогрупповые интересы и цели, которые могут быть успешно достигнуты без необходимости обязательств перед кем-либо. Идея "модернизированной" законности в лучшем случае не требует обязательности, поскольку более важен дискурс о праве и его значении, чем сама обязательность. Таким образом, идея всеобщей, равной, справедливой и законной системы воспринимается как устаревшая и не соответствующая современному правосознанию.

Идеология советского марксизма основана на материалистических принципах и доминирующей роли социально-экономического опыта западного общества. Она предусматривает отрицание вечных ценностей, таких как право, нравственность, религия и т.п. при условии успешной

¹ Вопленко Н.Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права: дис. доктора юрид. наук. - Волгоград, 1983. - С. 12.

² Солуков А.А. Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование: дис. канд. юрид. наук / А.А. Солуков. М., 2012. - С. 9.

³ Там же.

⁴ Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg: Müller, 2004. S. 15.

пролетарской революции. В контексте правосознания, интерпретация проблемы законности на основе идеологии советского марксизма является неверной, так как она утопически конструирована для коммунистического общества.

Роль рационализма и идеализма в понимании права существенно сократилась под воздействием марксизма на советскую идеологию, а также в результате последующих уточнений и дополнений в юридической теории.

В своих исследованиях А.А. Солуков подчеркивает, что советская законность является представителем законности режимного типа. Однако он также отмечает, что законность связана с определенной правовой идеологией, которая является формой общественного правосознания и правовой политики государства, что является важной характеристикой законности¹.

При обсуждении данной темы необходимо различать идеологию законности и идею законности. Идея законности играет ключевую роль в понимании сущности права и выражает связь права с социальным порядком, что является необходимым для его воплощения в жизнь. Однако, понимание законности в контексте сравнительно-исторического измерения представляет сложную задачу. Советское право было основано на идеологической модели, но содержало и нормы, и законы, выражающие специфические идеологические установки, и те, которые были универсальными и не связаны с идеологией.

В течение трех последующих десятилетий в постсоветский период законность как состояние и как требование была неоднородна. Однако, в периоды перемен и кризисов, призыв к порядку становится жизненной общественной потребностью. Это актуализирует проблематику законности, что требует её идеологической фиксации и рефлексии в сознании, а также адекватного практического обеспечения на всех уровнях: от философско-правового до обыденного. В западноевропейской юридической литературе сообщается о том, что нарушения законности, особенно в пользу политической целесообразности, стали нормой в современном демократическом обществе².

Идеология направлена на управление поведением людей, исходя из сконструированной реальности, которая обычно искажает действительность. В демократическом обществе идеализация процедур принятия решений становится существенной идеологемой политического режима, несмотря на то, что ссылка на демократические процедуры зачастую рассматривается как показатель лучшего способа принятия закона. В то же время, демократическое законодательство не способствует снижению уровня преступности, количества правонарушений и проблемы недоверия к законодательству. Кроме того, оно поощряет лоббирование и политические решения, нацеленные на узкогрупповые интересы.

Проблемы в сфере правосознания возникают из-за явных искажений в обеспечении связи теории и практики законности. В разных странах законность часто рассматривается как условная ценность, которая избирательно воспроизводится как критерий оценки и принцип выбора. Законодатель, хоть и напоминает о законности, делает это фрагментарно и избирательно, что вызывает недостаточность осознания ее значения и впечатление неуверенности. Если закон, установленный порядком, является обязательным, то законность неотъемлемо является его частью. Однако, если закон постоянно напоминает о необходимости его соблюдать, то это свидетельствует о том, что его обязательность еще не полностью признана законодателем.

Библиография:

1. Вепенко Н.Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права: дис. доктора юрид. наук. - Волгоград, 1983. - С.12.
2. Солуков А.А. Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование: дис. канд. юрид. наук / А.А. Солуков. М., 2012. - С. 9.
3. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg: Müller, 2004. S. 15.
4. Солуков А.А. Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование: дис. канд. юрид. наук / А.А. Солуков. М., 2012. - С. 14.
5. Gnisa J. Das Ende der Gerechtigkeit: ein Richter schlägt Alarm / Jens Gnisa; unter Mitarbeit von Petra Thorbrietz. 2. Auflage. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2017; Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия. Перевод с французского / Гарapon А.; Науч. ред.: Ковлер А.И.; Пер.: Чуршук Г.В.; Предисл.: Рикер П. М.: Nota Bene, 2004.

References:

1. Vopenko N.N. Theoretical problems of the rule of law regime in the application of the norms of socialist law: dissertation of the Doctor of Law. sciences'. - Volgograd, 1983. - p.12.
2. Solukov A.A. Legality in the Soviet and post-Soviet periods: a comparative study: dis. cand. Jurid. Sciences / A.A. Solukov. M., 2012. - p. 9.
3. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg: Müller, 2004. S. 15.
4. Solukov A.A. Legality in the Soviet and post-Soviet periods: a comparative study: dis. cand. Jurid. Sciences / A.A. Solukov. M., 2012. - p. 14.
5. Gnisa J. Das Ende der Gerechtigkeit: ein Richter schlägt Alarm / Jens Gnisa; unter Mitarbeit von Petra Thorbrietz. 2. Auflage. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2017; Garapon A. The Keeper of promises: the court and democracy. Translated from French / Garapon A.; Scientific ed.: Kovler A.I.; Trans.: Churshukov G.V.; Preface: Riker P. M.: Nota Bene, 2004.

¹ Солуков А.А. Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование: дис. канд. юрид. наук / А.А. Солуков. М., 2012. - С. 14.

² Gnisa J. Das Ende der Gerechtigkeit: ein Richter schlägt Alarm / Jens Gnisa; unter Mitarbeit von Petra Thorbrietz. 2. Auflage. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2017; Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия. Перевод с французского / Гарapon А.; Науч. ред.: Ковлер А.И.; Пер.: Чуршук Г.В.; Предисл.: Рикер П. М.: Nota Bene, 2004.

ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ШКОЛА: ГЕНЕЗИС ИДЕЙ NATURAL LAW SCHOOL: GENESIS OF IDEAS

ПАЛЕХА Роман Робертович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства
Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Воронеж).
ул. 20-летия Октября, 95, г. Воронеж, Воронежская обл., 394006, Россия.
E-mail: paleharr@mail.ru;

ПАВЛОВ Егор Андреевич,

студент Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Воронеж).
ул. 20-летия Октября, 95, г. Воронеж, Воронежская обл., 394006, Россия.
E-mail: egor.pavlov2007@yandex.ru;

Palekha Roman Robertovich,

candidate of Law, assistant professor, assistant professor of chair of theory and history of law and state
The Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, Voronezh region, 394006, Russia.
E-mail: paleharr@mail.ru;

Pavlov Yegor Andreevich,

1st year full-time student of the Faculty of Continuing Education for the training of specialists for the judicial system
The Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, Voronezh region, 394006, Russia.
E-mail: egor.pavlov2007@yandex.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье представлена естественно-правовая школа правопонимания, которая имеет богатую историю своего становления и развития. В статье рассмотрен генезис идей данного направления правовой мысли. Предпринята попытка выявления сущности естественно-правовой школы. Особое внимание обращено к нравственной составляющей данного типа правопонимания, выступающей её ценностной константой.

Abstract: this article presents the natural law school of legal understanding, which has a rich history of its formation and development. The article examines the genesis of the ideas of this area of legal thought. An attempt has been made to identify the essence of the natural law school. Special attention is paid to the moral component of this type of legal understanding, which acts as its value constant.

Ключевые слова: право, правопонимание, естественно-правовая школа, нравственный идеал, юридическая наука.
Keywords: law, legal understanding, natural law school, moral ideal, legal science.

Для цитирования: Палеха Р.Р., Павлов Е.А. Естественно-правовая школа: генезис идей // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 25-28. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_25.

For citation: Palekha R.R., Pavlov E.A. Natural Law School: genesis of ideas // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 25-28. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_25.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2024

Правопонимание представляет собой сложный и уникальный общественный феномен, выступающий в качестве научной категории, применяемой в области теоретико-правовой науки, а также вызывающей повышенный интерес у философов и ученых-гуманитариев. Вместе с тем, исследование указанного вопроса в настоящее время связано с определенными особенностями.

В первую очередь, возникает проблема, что следует понимать под понятием «правопонимание». Существует множество точек зрения по этому поводу. Важнейшим достижением современности и наиболее значимым следствием эволюции взглядов и борьбы мнений явилось то, что сейчас, как никогда ранее, появилась полная палитра взглядов и воззрений на проблему правопонимания [1, с. 116], которая позволяет наиболее полно обозреть все без исключения аспекты данной проблематики, что позволит в итоге наиболее полно обозначить свою позицию, найдя подтверждение своим словам в речах корифеев науки. Это своего рода дискуссия не того что может быть, а того, что уже есть и требует своего объяснения.

Анализируя современные отечественные издания, посвященные проблематике правопонимания, стоит заметить, что категория «правопонимание» и типы правопонимания ученые рассматривают с разных углов исследования, в зависимости от того аспекта, который они считают основным. При анализе философских и логических приёмов, теоретических и методологических вопросов правопонимания современные российские и зарубежные авторы предлагают определенные основополагающие подходы к правопониманию, среди них: естественно-правовой, позитивистский, интегративный, марксистский, либертарно-юридический.

В современном мире наиболее авторитетным типом правопонимания в юридической науке и практике остается концепция естественного права (юснатурализма). Это вызвано, прежде всего тем, что на сегодняшний день проблематика соотношения права и нравственности по-прежнему является одной из самых обсуждаемых [2, с. 156-160] и представляет собой предмет дискурса для широкой области теоретико-правовой науки и общественно-политических отношений. А также, появлением многочисленных подходов и современных учений о справедливости, рассуждать о которых стоит лишь после изучения концепции естественного права.

Развитие естественно-правовой школы правопонимания началось на территории Древней Греции и Древнего Рима и является первой по времени своего появления, формулирования и систематизации идей. Юснатурализм служит основой данного направления правопонимания. Главная идея которого состоит, во-первых, в том, что естественное право всегда выступает как положительная ценность, и эти ценности, то есть универсальные, абсолютные, неизменные принципы справедливости, истины, добра, свободы и разума, рассматриваются как присущие природе

человека и общества. Во-вторых, естественное право, как «правильное», «высшее», нравственно-оправданное право, как правило, отличается сторонниками юснатурализма от положительного права, создаваемого государством, и рассматривается в качестве всеобщего стандарта действительности положительного права. В-третьих, естественное право, наиболее часто используемое в качестве средства легитимации той или иной правовой идеологии [3], в той или иной степени наделяется качествами универсальности, неизменности, идеальности, за счет которых оно и может выступать в качестве априорного или эмпирического первоначала всего юридического стандарта, на который может ровняться право [4, с. 26-33].

В современных условиях, исследуя теоретико-методологические особенности естественно-правовой доктрины, необходимо детально рассмотреть одну из актуальных тем о важности ее применения в центре внимания ученых и практиков. Несмотря на их постоянный вклад, работы ученых остаются актуальными, иногда даже превосходя достижения современных гуманитарных достижений в некоторых областях. Справедливо В.С. Нерсесянц отмечал, что «естественное право – это везде и всегда наличное, извне преданное человеку, исходное для данного места и права времени право, которое как выражение объективных ценностей и требований человеческого бытия является единственным и безусловным первоисточником правового смысла и абсолютным критерием правового характера всех человеческих установлений, включая позитивное право и государство» [5, с. 64]. Автор верно устанавливал, что естественное право – право действующее, занимающее свое место наряду с позитивным правом. Это говорит о том, что в результате такого смешения естественное право представляет собой симбиоз различных социальных норм, образующих ценностно-содержательный и нравственно-правовой комплекс.

Впервые о естественном праве заговорили юснатуралисты еще в античный период, считая таковыми разумные законы природы, которым подчиняется все живое – люди, звери; просветители естественно-правовой школы правопонимания убеждены в том, что права человека – это его свойство и естественное право человека появляется с рождения и заканчивается его смертью.

На рубеже XIX-XX вв. естественно-правовой доктрине уделялось особое внимание и в идеях русских философов-государствоведов, таких как А.Н. Радищев, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, С.Л. Франк, А.С. Яценко, И.В. Михайловский и др. прослеживалась концепция возрожденного «естественного» права, которую многие исследователи называют «неоидеализмом», «неолиберализмом», а П.И. Новгородцев отмечал, что использует понятие «естественное право» лишь за отсутствием иного, более точного. Так, русский юрист-правовед П.И. Новгородцев (1866-1924) глубоко был убежден в том, что главными достоинствами человеческого общества являются право и нравственность, которые друг без друга «не могут рассчитывать на прочное существование... Находясь в этой связи, они и развиваются совместно, повинувшись общему ходу исторического процесса...» [6, с. 113]. Общественное значение юридических и нравственных норм, по словам П.И. Новгородцева, состоит в том, что право и нравственность в своей совокупности служат важным средством, некими силами, обуздывающими человеческий произвол, вносящими мир и порядок в отношения людей, противопоставляющими «эгоизму частных стремлений» интересы общего блага и требования справедливости [6, с. 112].

В частности, большой вклад в обоснование нравственного содержания в праве внесли такие известные отечественные философы и теоретики права, как В.Ф. Залеский, Г.Ф. Шершеневич, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьев, Л.И. Петражицкий, С.А. Муромцев, Ф.В. Тарановский, А.И. Ильин и др. Особый интерес в данном ключе представляет работа «О нравственной ответственности и юридической вменяемости» известного отечественного психолога конца XIX в. философа, профессора Московского университета Н.Я. Грота [7, с. 172].

Сторонник естественно-позитивной интегративной сущности современного российского права В.М. Шафиров указывает: «В новых условиях как никогда требуется такое видение права, для которого мерой всех вещей действительно выступает благополучие социально-правовой жизни каждого конкретного гражданина. Речь идет не просто об учёте, уважении интересов личности, а о человеческом измерении права. А это уже совершенно другой подход, выражающий принципиально иной взгляд на право. Он зиждется не на противопоставлении различных концепций, а на их интеграции (и особенно естественно-правовой и юридического позитивизма) ...системообразующим критерием выступает человеческое измерение права. Это позволяет предложить на роль первичного элемента структуры права, вместо нормы – права и свободы. Осознание, закрепление и гарантирование прав и свобод личности – главная миссия, предназначение, преимущество права (перед другими социальными регуляторами) в обществе, государстве» [8, с. 86, 87].

Фальшина Н.А., подвергнув анализу проблему влияния теорий русской естественно-правовой на правовую культуру общества в начале XX века, обоснованно приходит к выводу о том, что существенным для естественного права всегда признавался его рациональный и универсальный характер, поскольку естественное право является, в первую очередь, разумным правом [9, с. 114].

Представляя собой самые прекрасные образцы отечественной философской и правовой мысли из дореволюционной России, отечественные ученые конца XIX - начала XX веков считались лучшими образцами такого мышления в дореволюционной России. Требование о включении морали в закон было признано всеми. В этой связи, представляется возможным обратить внимание на то, что всесторонне изучая и подвергая осмыслению соотношения права и нравственности (особенно в новых российских условиях), форм, методов, способов такого взаимодействия, обобщение уже имеющихся в данной области исследований многие труды ученых не потеряли своей актуальности и сегодня, а в некоторых вопросах даже превосходят достижения современного отечественного гуманитарного знания. На основании этого, необходимо рассмотреть предложенные рекомендации по углублению и повышению эффективности взаимодействия нравственности и права в процессе осуществления реформ, происходящих в Российской Федерации на современном этапе.

Целью законодателя является своеобразное «примирение» законов, которые существуют в обществе, и нравственного идеала, особенности которого также нельзя не учитывать в процессе государственно-правового строительства. Правда, нельзя не отметить, что в известной

степени сам нравственный идеал может изменяться, по крайней мере если не его существо – так называемые «руководящие идеи», которые общество может на определенном историческом этапе просто «забыть», но его проявление во вне – так называемая общественная мораль. Способствовать его изменению может и государство, когда оно, например, руководствуется определенными идеями, которые не разделяются всем обществом, или которые выражает его самая малая часть, и то, часто не вполне их понимая. Так, например, в истории России это произошло с коммунистической идеологией. Обществу постепенно «прививались» идеи о классовой борьбе, строительстве социализма, и т.д. Однако для их лучшего восприятия нельзя было не облечь эти идеи в удобную форму, которая бы находила отклик в традиции общества. Такой формой стало христианство. Нельзя здесь не отметить идеи коллективности, взаимопомощи, и т.д., – то есть соборности, которую, используя термин знаменитой «триады», можно назвать еще и народностью. Не случайно английский историк А. Дж. Тойнби назвал коммунизм «псевдорелигиозной ересью». То есть для безрелигиозного сознания не существует иной альтернативы либеральной демократии, кроме как той же безрелигиозной, которая, как, например, фашизм, способна только скомпрометировать саму идею альтернативы либерализму.

В настоящее время осуществляющаяся в России концепция правового реформирования также способствует тому, что сознание общества изменяется. Но, приведенный пример только подтверждает тот факт, что законодатель не может в своей политике не учитывать нравственный идеал, существующий в обществе, даже в том случае, если этот идеал «отрицательный», – то есть он говорит об относительности всех ценностей, кроме прав и свобод человека и приоритете автономной человеческой воли. По словам Л.А. Тихомирова, демократия держится на количественной силе, а монархия – на нравственном идеале [10, с. 148].

Сущность ответственности власти раскрывается в русской правовой культуре на примере ее отношения к нравственному идеалу. Сущность правовой культуры России заключается в православной традиции, без возврата к которой невозможно, выражаясь современными терминами, построение «эффективного государства». По словам К.Н. Леонтьева, «...ни нация, ни политическое самоотвержение права не имеют. Нельзя строить политические здания ни на текучей воде общественных интересов, ни на зыбком песке... либеральностей» [11, с. 165].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нравственное измерение русской политико-правовой мысли основывалось на религиозном идеале, а непродуманное восприятие ценностей западной правовой культуры, центральная идея которой заключается в обосновании автономной воли человека, способно разрушить этот фундамент.

В заключение следует отметить, что естественно-правовая школа правопонимания является мировоззренческой редукцией, которая имеет конкретные исторические и культурные основания, ключевым звеном в котором выступают права человека, представленные ему от рождения. В этой связи, в целях консолидации общества, возможного только на основе абсолютного нравственного идеала, необходима обусловленность прав человека его нравственным долгом. И, как отмечается в «Декларации о правах и достоинстве человека» X Всемирного Русского Народного Собора: «Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию... угрожало бы существованию Отечества. Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями» [12].

В центре естественно-правовой школы, на наш взгляд, должен находиться мировоззренческий идеал, который «наряду с прошедшими историческую апробацию традиционными ценностями, должен вбирать в себя и так называемые универсальные ценности, которые именуется по-разному, но разделяются абсолютным большинством людей. К их числу можно отнести неприкосновенность человеческой личности, идеи свободы, общего блага, солидарности, патриотизма и мн. др.» [13, с. 116].

Таким образом, естественно-правовая школа представляет собой самостоятельное направление правовой мысли, уникальный тип правопонимания, имеющий богатую историю своего становления и развития, характеризующийся нравственной константой, имеющей непреходящее значение, вселяющей уверенность на справедливую организацию государства и функционирование общества, что выступает залогом безопасной жизни людей и их свободного и гармоничного развития.

Не вызывает сомнения, что нравственный тип правопонимания, который символизирует естественно-правовая школа, представляет собой значительный смысло-жизненный и идейно-мировоззренческий ориентир, который выступает «маяком» для правотворческой и правоприменительной деятельности, а также для правового поведения обычных субъектов правоотношений, прежде всего, физических лиц.

Нравственный тип правопонимания – это, своего рода, правовой иммунитет, который позволяет защитить личность и общество от произвола, своеволия, несправедливости. Естественно-правовая школа – это благородная идея, которая для того чтобы воплотиться в правовую жизнь, должна быть обеспечена (подкреплена) нормативной основой позитивного права. И только тогда, когда идея соединяется с правовой нормой, органично будет вплетена в ткань законодательства, нравственный тип правопонимания обретет реальную форму, станет действенным, способным оказывать позитивное преобразующее воздействие на социум.

Библиография:

1. Палеха Р.Р. Интегративный подход в правопонимании: история зарождения идей и современное состояние / Р.Р. Палеха // Правосудие. - 2020. - Т. 2, № 1. - С. 116.
2. Сазонникова Е.В. На пути к нравственному государству (государство и нравственность: точки соприкосновения) / Е.В. Сазонникова // Государство и право. 2023. № 10. С. 156-160.
3. Михайлов А.М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. М., 2016; Михайлов А.М. Юридическая герменевтика и правовая идеология в романо-германской традиции // Парадигмы юридической герменевтики. Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2017. С. 176-182; Михайлов А.М. Постсоветская теория права и проблематика правовой идеологии // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М., 2016. С. 202-205; Михайлов А.М. Понятие правовой идеологии и его место в составе идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 355-379; Михайлов А.М. Роль правовой идеологии в сравнительном правоведении // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М., 2013. С. 122-129; Михайлов А.М. Правовая традиция и правовая идеология // Правовые традиции. Жидковские чтения. Материалы международной научной конференции. Под ред.

Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М., 2014. С. 78-85.

4. Михайлов А.М. Философия права: идея естественного права: учебное пособие для вузов / А.М. Михайлов. - М.: Издательство Юрайт, 2020. – 463 с.
5. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник / В.С. Нерсесянц. - М.: Юр. Норма, 2004. – 944 с.
6. Новгородцев П.И. 1866-1924. Право и нравственность / П.И. Новгородцев // Правоведение. 1995. - № 6. - С. 103-113.
7. Соловьева Л.Л., Павлова Е.В. Проблемы нравственной ответственности и юридической вменяемости в контексте правопонимания Н.Я. Грота / Л.Л. Соловьева, Е.В. Павлова // Современное отечественное правопонимание: состояние и перспективы развития: Сборник материалов Межвузовской научной конференции / ФГБОУВО «РГУП», Центральный филиал; отв. за вып. Р.Р. Палеха, В.И. Филатов. Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2016. С. 172-178.
8. Шафиров В.М. Правопонимание: человекоцентристский подход / Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской Академии Правосудия / Под ред. В.М. Сырых и М.А. Заниной. 2-е изд. М.: РАП, 2010. С. 86-91.
9. Фальшина Н.А. Русская естественно-правовая школа и ее влияние на формирование правовой культуры в России / Н.А. Фальшина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2015. - № 3. - С. 111-114.
10. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории / Л.А. Тихомиров - 6-е изд., дополненное. - Москва : Изд. «ФИБ», 2012. – 808 с.
11. Леонтьев К.Н. Храм и церковь / К.Н. Леонтьев. - М.: Изд. АСТ, 2003. – 636 с.
12. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора [Электронный ресурс] - URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/16935.htm> (дата обращения - 10.01. 2024).
13. Основы российской государственности: учебник / коллектив авторов; под. ред. А.В. Малько. - М.: КНОРУС, 2024. – 272 с.

References:

1. Palekha R.R. Integrative approach in legal understanding: the history of the origin of ideas and the current state / R.R. Palekh // Justice. - 2020. - Vol. 2, No. 1. - p. 116.
2. Sazonnikova E.V. On the way to a moral state (state and morality: points of contact) / E.V. Sazonnikova // State and Law. 2023. No. 10. pp. 156-160.
3. Mikhailov A.M. Actual issues of the theory of legal ideology and methodology of jurisprudence. M., 2016; Mikhailov A.M. Legal hermeneutics and legal ideology in the Romano-Germanic tradition // Paradigms of legal hermeneutics. Under the general editorship of E.N. Tonkov, I.L. Chestnova. St. Petersburg, 2017. pp. 176-182; Mikhailov A.M. Post-Soviet theory of law and problems of legal ideology // Problems of post-Soviet theory and philosophy of law: collection of articles. M., 2016. pp. 202-205; Mikhailov A.M. The concept of legal ideology and its place in the composition of ideology and its place in the composition of theoretical and legal knowledge // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2017. Vol. 21. No. 3. pp. 355-379; Mikhailov A.M. The role of legal ideology in comparative jurisprudence // Methodology of comparative legal research. Zhidkov readings. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Edited by G.I. Muromtsev, M.V. Nemytina. M., 2013. pp. 122-129; Mikhailov A.M. Legal tradition and legal ideology // Legal traditions. Zhidkov readings. Materials of the international scientific conference. Edited by G.I. Muromtsev, M.V. Nemytina. Moscow, 2014. pp. 78-85.
4. Mikhailov A.M. Philosophy of law: the idea of natural law: a textbook for universities / A.M. Mikhailov. - M.: Yurayt Publishing House, 2020. – 463 p.
5. Nersesyants V.S. Philosophy of law: textbook / V.S. Nersesyants. - M.: Jur. Norma, 2004. – 944 p.
6. Novgorodtsev P.I. 1866-1924. Law and morality / P.I. Novgorodtsev // Jurisprudence. 1995. - No. 6. - pp. 103-113.
7. Solovyova L.L., Pavlova E.V. Problems of moral responsibility and legal sanity in the context of the legal understanding of N.Ya. Grot / L.L. Solovyova, E.V. Pavlova // Modern domestic legal understanding: the state and prospects of development: A collection of materials of the Interuniversity scientific conference / FGBOUVO "RGUP", Central branch; rev. for the issue of R.R. Palekh, V.I. Filatov. Voronezh: LLC "Publishing House "RHYTHM", 2016. pp. 172-178.
8. Shafirov V.M. Legal understanding: a human-centered approach / Theoretical and practical problems of legal understanding. Proceedings of the III International Scientific Conference held on April 22-24, 2008 at the Russian Academy of Justice / Edited by V.M. Strykh and M.A. Zanina. 2nd ed. M.: RAP, 2010. pp. 86-91.
9. Falshina N.A. The Russian natural Law school and its influence on the formation of legal culture in Russia / N.A. Falshina // Actual problems of humanities and natural sciences. - 2015. - No. 3. - pp. 111-114.
10. Tikhomirov L.A. Religious and philosophical foundations of history / L.A. Tikhomirov - 6th ed., supplemented. - Moscow : Publishing house "THEBES", 2012. – 808 p.
11. Leontiev K.N. Temple and church / K.N. Leontiev. - M.: AST Publishing House, 2003. – 636 p.
12. Declaration on Human Rights and Dignity of the X World Russian People's Council [Electronic resource] - URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/16935.htm> (date of appeal - 10.01. 2024).
13. Fundamentals of Russian statehood: textbook / team of authors; edited by A.V. Malko. - M.: KNORUS, 2024. – 272 p.

ВЛАСТЕОТНОШЕНИЯ И ОСНОВАНИЯ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ Power relations and the reasons for their emergence

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: axel_b@mail.ru;
ORCID 0000-0001-5906-5966;

БАЙКЕЕВА Светлана Евгеньевна,

профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: baykeeva_sveta@mail.ru;

ПРОЦЕНКО Евгений Дмитриевич,

профессор кафедры государственного права РГПУ им. А.И. Герцена,
доктор юридических наук, профессор.
набережная реки Мойки, 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.
E-mail: arrow54@yandex.ru;

Bredikhin Alexey Leonidovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.
Pilyutov Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: axel_b@mail.ru;

Baikeeva Svetlana Evgenievna,

Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Pilyutov Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: baykeeva_sveta@mail.ru;

Protsenko Evgeniy Dmitrievich,

professor of the department of public law
of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen, Doctor of Law, Professor.
Moika River embankment, 48, St. Petersburg, 191186, Russia.
E-mail: arrow54@yandex.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье авторы рассматривают властеотношения как особый вид общественных отношений, главной спецификой которых является наличие властного субъекта, который имеет безусловные права по отношению к подвластному лицу. Автор выделяет и дает характеристику основаниям возникновения властеотношений и приводит примеры реализации этих оснований из действующего законодательства Российской Федерации.

Abstract: In this article, the authors consider power relations as a special type of social relations, the main specificity of which is the presence of a powerful subject who has unconditional rights in relation to the subject. The author identifies and characterizes the grounds for the emergence of power relations and gives examples of the implementation of these grounds from the current legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова: властеотношения, властный субъект, основания возникновения властеотношений, конституционные принципы, правонарушения, административно-распорядительные акты, судебные акты

Key words: power relations, power subject, grounds for the emergence of power relations, constitutional principles, offenses, administrative acts, judicial acts

Для цитирования: Бредихин А.Л., Байкеева С.Е., Проценко Е.Д. Властеотношения и основания их возникновения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 29-31. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_29.

For citation: Bredikhin A.L., Baikееva S.E., Protsenko E.D. Power relations and the reasons for their emergence // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 29-31. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_29.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2024

Властеотношения представляют собой вид общественных отношений, связанных с процессом осуществления государственной власти. Власть — это способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность и поведение людей с помощью каких либо средств [1, с. 63]. Особенностью государственной власти является то, что властным субъектом является государство как правовой институт и осуществляется она в правовых и организационных формах. Неправовое осуществление власти не может являться предметом исследования правовой науки.

Основываясь на том, что государственная власть осуществляется на основе права, можно предположить, что властеотношениям присущи признаки правовых отношений. Традиционно под правовыми отношениями понимают особый вид общественных отношений, участники (субъекты) которых связаны взаимными юридическими правами и обязанностями [2, с. 171].

Между тем, правовые отношения возникают на основании определенных норм права и всегда конкретны. Властеотношения представляют собой обобщенную теоретическую конструкцию. Таким образом, властеотношения не являются разновидностью правоотношений в чистом виде, хотя и существуют в правовом измерении.

Правовые отношения возникают на основании юридических фактов под которыми принято понимать определенные жизненные обстоятельства (ситуации, условия), с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений [3, с. 370]. Властеотношения также имеют основания, с которыми связывают их возникновение. Однако, присутствие в субъектном составе властеотношений источника правотворчества (государства), не позволяет назвать эти основания юридическими фактами. Обычные правоотношения характеризуются наличием взаимных прав и обязанностей у их субъектов, а властные правоотношения, как правило, предполагают наличие прав у субъекта власти и обязанности у иных субъектов: физических и юридических лиц.

Основания возникновения властеотношений, это те обстоятельства которые порождают обязанность определенных лиц исполнить государственно-властное требование. Невыполнение этих обязанностей обеспечено силой властного принуждения.

Представляется, что властеотношения возникают из следующих оснований:

1. Конституционные принципы. Это те основополагающие начала, которые содержатся в конституционных актах, предписывающие те или иные обязательные действия или воздержание от этих действий. Например, ч. 4 ст. 3 Конституции Российской Федерации гласит: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону.» Здесь выражено государственно-властное требование воздержаться от покушения на присваивание власти, т. е. покушения на саму действующую власть.

Примером является и часть 1 ст. 59 Конституции РФ устанавливает, что «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации».

Конституционные принципы закрепляют статус государственной власти, придают ей авторитет и безусловное подчинение этой власти. Порядок и условия реализации конституционных принципов установлены специальными законами и подзаконными актами [4, с. 60-71].

2. Административно-распорядительные акты. Это индивидуальные ненормативные акты, принимаемые государственными органами в отношении конкретного лица (физического или юридического), предписывающие обязательное поведение.

Такие акты принимаются контрольно — надзорными и правоохранительными органами. Например, согласно ч. 1 ст. 24 Федерального закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» представление об устранении нарушений закона вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения, и подлежит безотлагательному рассмотрению. В течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме.

Пункт 6.4. Постановления Правительства РФ от 30.06.2004 № 327 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору» устанавливает, что органы Россельхознадзора вправе применять предусмотренные законодательством Российской Федерации меры ограничительного, предупредительного и профилактического характера, направленные на недопущение и (или) ликвидацию последствий, вызванных нарушением юридическими лицами и гражданами обязательных требований в установленной сфере деятельности, с целью пресечения нарушений законодательства Российской Федерации.

Такие ненормативные акты могут быть обжалованы в вышестоящую инстанцию, а также в судебном порядке по правилам, установленным процессуальным законодательством (в частности, Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, Арбитражно-процессуальным кодексом Российской Федерации). Однако сам процесс обжалования не отменяет обязательную силу указанных ненормативных актов.

3. Судебные акты. Акты, применяемые судебными органами подлежат обязательному исполнению. Так, согласно ст. 210 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации решение суда приводится в исполнение после вступления его в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения, в порядке, установленном федеральным законом. В продолжении этого в ст. 2 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» установлено, что задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также в целях обеспечения исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации.

Изложенное выше дает основание сделать вывод о том, что судебное решение является государственно-властным индивидуальным актом, которое исполняется в безусловном порядке от имени государственной власти. Несмотря на то, что судебное разбирательство может происходить между частными лицами, само судебное решение порождает обязанность его исполнить в первую очередь перед государственной властью.

4. Правонарушения. По этому основанию обязательства возникают из факта совершения лицом преступления либо правонарушения. Такого рода обязанности реализуются посредством принудительного претерпевания санкций либо принудительным исполнением специальных мер.

Согласно ч. 1 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Также, ч. 1 ст. 3.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях указывает, что административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем,

так и другими лицами.

Кроме того, процессуальным законодательством предусмотрены специальные меры, которые связаны с осуществлением производства по рассматриваемым делам, но не связаны с исполнением наказания, но они тоже должны выполняться неукоснительно. Так, например, Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает такие обеспечения как: задержание, домашний арест, наложение ареста на имущество и др. Эти меры применяются до назначения санкции за совершенное правонарушение, но непосредственно с ним связаны и исполняются принудительно правоохранительными органами от имени государства.

Как правило, основаниями возникновения властеотношений, как и любых отношений являются события и действия, с которыми связано возникновение конкретного общественного отношения. Между тем, для возникновения властеотношения на основе конституционных принципов достаточно наличия состояния гражданства либо нахождение в юрисдикции государства иностранных граждан и лиц без гражданства.

В статье 3 федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ сказано, что гражданство Российской Федерации - устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. В статье 11.1. указанного закона содержится текст присяги, лица приобретающего гражданство, где явно отражено вступление лица именно во властеотношения: «Я (фамилия, имя, отчество), добровольно и осознанно принимая гражданство Российской Федерации, клянусь: соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации, права и свободы ее граждан; исполнять обязанности гражданина Российской Федерации на благо государства и общества; защищать свободу и независимость Российской Федерации; быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции».

Между тем, возникает вопрос о декларируемых обязанностях государства по отношению к гражданину. Не нарушает ли это логику властеотношений как таковых. Следует предположить, что такие обязанности по своей сути властные дозволения государства, а значит нельзя говорить о корреспондировании прав и обязанностей между гражданином и государством. В системе государства нет субъекта, который бы мог принудительно без учета воли государства принудить его к выполнению той или иной обязанности.

Таким образом, властеотношения являются особыми социальными отношениями, в которых присутствует субъект власти, на который наделен соответствующими безусловными правами, и подвластный субъект, у которого имеются обязанности по отношению к субъекту власти. Властеотношения возникают из конституционных принципов, административно-распорядительных актов, судебных актов, правонарушений. Нарушение обязанности со стороны подвластного субъекта ведет к безусловной ответственности.

Библиография:

1. Рассказов Л.П. Теория государства и права: Учебник для вузов. - 2-е изд. - М., РИОР, 2009.
2. Абдулаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. - М.: Финансовый контроль, 2004.
3. Мелехин А.В. Теория государства и права: учеб. / А. В. Мелехин. — М.: Маркет ДС, 2007.
4. Ерыгина В. И., Ерыгин А. А. Правовые и неправовые отношения в системе народного представительства // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 4. – С. 60-71.

References:

1. Rasskazov L.P. Theory of State and law: Textbook for universities. - 2nd ed. - M., RIOR, 2009.
2. Abdulaev M.I. Theory of state and law: Textbook for higher educational institutions. - M.: Financial control, 2004.
3. Melekhin A.V. Theory of state and law prav: ucheb. / A.V. Melekhin. — M.: Market DS, 2007.
4. Yerygina V. I., Yerygin A. A. Legal and non-legal relations in the system of national representation // Citizen. Elections. Power. - 2021. – No. 4. – pp. 60-71.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВЫСШИХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)
И ИНЫХ ЛИЦ ВОЙСКАМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
Legal regulation of ensuring the security of senior officials
of the subjects of the Russian Federation (heads of the highest executive bodies
of state power of the subjects of the Russian Federation) and other persons
by the troops of the National Guard**

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.
Московский пр-т, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия.
E-mail: vitya-shen@mail.ru;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
Moskovsky Ave., 149, St. Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: Нападения на высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц обусловили необходимость внесения изменений в законодательство, регламентирующее вопросы правового регулирования деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации. В представленном исследовании раскрываются некоторые такие особенности.

Abstract: Attacks on senior officials of the subjects of the Russian Federation (heads of the highest executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation) and other persons necessitated amendments to legislation regulating the legal regulation of the activities of the National Guard troops of the Russian Federation. The presented study reveals some of these features.

Ключевые слова: обеспечение безопасности, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, войска национальной гвардии Российской Федерации, услуги, Росгвардия.

Keywords: security, the highest official of the subject of the Russian Federation, troops of the National Guard of the Russian Federation, services, Rosgvardiya.

Для цитирования: Шеншин В.М. Правовое регулирование обеспечения безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц войсками национальной гвардии // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 32-34. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_32.

For citation: Shenshin V.M. Legal regulation of ensuring the security of senior officials of the subjects of the Russian Federation (heads of the highest executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation) and other persons by the troops of the National Guard // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 32-34. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_32.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2024

В условиях возникновения новых угроз безопасности Российской Федерации¹ возрастает роль эффективной деятельности государственных органов обеспечения безопасности по их выявлению, предупреждению и пресечению, что требует всестороннего совершенствования их правового положения и правового регулирования их деятельности². Совершенствование государственного управления в области обеспечения национальной безопасности³ в последнее время во многом связано с развитием правового положения Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и войск национальной гвардии Российской Федерации⁴.

Приход «губернаторов новой волны» совпал с установлением нового порядка обеспечения их безопасности. Федеральным законом от 07.03.2018 № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» внесены изменения в Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», связанные с возложением на войска национальной гвардии Российской Федерации задачи обеспечения по решению Президента Российской Федерации безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц.

Указанным законом Росгвардия наделена полномочиями по обеспечению по решению Президента Российской Федерации безопасности

¹ Колесник, А. А. Научное обеспечение модельного законодательства в ОДКБ: потребности и перспективы / А. А. Колесник // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 3(60). – С. 6-15. – DOI 10.61260/2074-1626-2023-3-6-15. – EDN ТОСНЕО.

² Редкоус В. М. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности государств-участников СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия юридические науки. 2007. № 2. С. 23-31.

³ Григонис, В. П. Правовые основы использования искусственного интеллекта при выполнении служебно-боевых задач военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии в условиях санкционного давления Запада (окончание, начало см. в № 2 журнала за 2024 год) / В. П. Григонис, Н. В. Носов, Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 3(320). – С. 40-45. – EDN CVCOWT.

⁴ Герасимов, А. А. Совершенствование правового регулирования обеспечения безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации войсками национальной гвардии / А. А. Герасимов, А. А. Тищенко // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Национальная безопасность России: актуальные аспекты». ГНИИ «Нацразвитие». Март 2018 : Сборник избранных статей, Санкт-Петербург, 29 марта 2018 года. – Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2018. – С. 104-108. – EDN OVEFVJ.

высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и иных лиц¹.

Установлено, что обеспечение безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц осуществляется в порядке, утверждаемом Президентом Российской Федерации. При этом обеспечение безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) осуществляется исключительно на договорной основе, а иных лиц, как правило, на договорной основе, если Президентом Российской Федерации не будет принято иное решение.

Реализация закона осуществляется организациями (органами), финансируемыми из федерального бюджета, за счет бюджетных ассигнований, предусмотренных им на руководство и управление в сфере установленных функций, а также органами государственной власти субъектов Российской Федерации – за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации (за исключением межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение).

Принятие Федерального закона № 40-ФЗ предписывает Президенту Российской Федерации издание указа об утверждении порядка обеспечения войсками национальной гвардии Российской Федерации безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц, а также Правительству Российской Федерации принятия постановления о порядке определения тарифов на оказываемые войсками национальной гвардии Российской Федерации услуги, связанные с обеспечением безопасности названных лиц.

Обратимся к анализу Федерального закона от 07.03.2018 № 40-ФЗ, которым часть 1 статьи 2 Федерального закона № 226-ФЗ дополнена пунктом 9 следующего содержания:

«9) обеспечение по решению Президента Российской Федерации безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц.».

Часть 1 статьи 9 дополнена пунктом 21.1 следующего содержания:

«21.1) обеспечивать в порядке, утверждаемом Президентом Российской Федерации, безопасность высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц. При этом обеспечение безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) осуществляется исключительно на договорной основе.».

Часть 1 статьи 30 Федерального закона № 226-ФЗ предписывает, что средства, получаемые войсками национальной гвардии по договорам возмездного оказания услуг, связанных с обеспечением безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц, являются доходами федерального бюджета и зачисляются в федеральный бюджет в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации в полном объеме.

Тарифы на оказываемые войсками национальной гвардии услуги, связанные с обеспечением безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц, определяются в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации (часть 4 статьи 30).

В приказе Росгвардии от 23.10.2018 № 471 «Об утверждении Методики установления тарифов на оказываемые войсками национальной гвардии Российской Федерации услуги, связанные с обеспечением безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц», принятом на основании постановления Правительства Российской Федерации от 16 июля 2018 г. № 830 «О порядке определения тарифов на оказываемые войсками национальной гвардии Российской Федерации услуги, связанные с обеспечением безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц» установлена согласованная с Министерством финансов Российской Федерации Методика установления тарифов на оказываемые войсками национальной гвардии Российской Федерации услуги, связанные с обеспечением безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц.

Тарифы на услуги устанавливаются Центром специального назначения вневедомственной охраны Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, управлениями (отделами) вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации по субъектам Российской Федерации и утверждаются приказами начальников указанных подразделений.

Следует обратить внимание, что Методика разработана в целях выработки единого подхода к ценообразованию на услуги, связанные с обеспечением безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц.

Тарифы на оказываемые войсками национальной гвардии Российской Федерации услуги, связанные с обеспечением безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц, устанавливаются по каждому виду услуг:

физическое обеспечение безопасности.

¹ Григонис, В. П. Войска национальной гвардии как элемент механизма Российского государства в обеспечении национальной безопасности в современных условиях / В. П. Григонис, Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 3(308). – С. 58-67. – EDN NVGWUA; Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAУMY.

техническое обеспечение безопасности.

При расчете тарифов используются расходы по статьям бюджетной классификации Российской Федерации, предусмотренные сметой расходов получателя бюджетных средств, плановый фонд служебного времени, количество часов в показателях на 30 декабря 2011 года.

Отметим, что инцидент с губернатором Мурманской области А. Чибисом актуализировал вопрос об охране высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации). Вплоть до начала 2000-х губернаторы официально входили в список охраняемых государством лиц. Их защиту обеспечивали подразделения региональных управлений МВД России, которые командировали своих сотрудников, имевших все необходимые навыки телохранителей.

В начале XXI века, с приходом централизации управления, государственную охрану у губернаторов забрали. Тренду даже не помешало убийство в 2002 году в Москве губернатора Магаданской области В. Цветкова.

С появлением и развитием контрактной системы, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) стали отдавать услуги частной охраны на аутсорс (контракту ЧОПы и охранные агентства). Однако почти следом началась новая волна «деохранизации» губернаторов. Ее предвестником стал громкий скандал с охраной губернатора Челябинской области М. Юревича.

Исходя из этого в России могут пересмотреть подход к организации охраны высших должностных лиц после резонансного нападения на губернатора Мурманской области А. Чибиса.

Таким образом, более широкое участие войск национальной гвардии в обеспечении безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц позволит говорить о формировании новой области обеспечения безопасности в региональном масштабе – обеспечения безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц¹.

Охрану губернаторов стоит сделать обязательной – по крайней мере, на время проведения специальной военной операции.

Библиография:

1. Редкоус В. М. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности государств-участников СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия юридические науки. 2007. № 2. С. 23-31.
2. Герасимов, А. А. Совершенствование правового регулирования обеспечения безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации войсками национальной гвардии / А. А. Герасимов, А. А. Тищенко // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Национальная безопасность России: актуальные аспекты». ГНИИ «Нацразвитие». Март 2018 : Сборник избранных статей, Санкт-Петербург, 29 марта 2018 года. – Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2018. – С. 104-108. – EDN OVEFVJ.
3. Чяснавичюс, Ю. К. К вопросу оценки эффективности деятельности руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области обеспечения безопасности от ЧС / Ю. К. Чяснавичюс // Экономика превентивных мероприятий по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций и аварийно-спасательных работ. – Москва : Объединенная редакция, 2020. – С. 60-64. – EDN OUZGTN.
4. Шакиров, В. Ф. Обеспечение безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации / В. Ф. Шакиров // Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 09 декабря 2016 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 268-271. – EDN ZETKQZ.
5. Григонис, В. П. Правовые основы использования искусственного интеллекта при выполнении служебно-боевых задач военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии в условиях санкционного давления Запада (окончание, начало см. в № 2 журнала за 2024 год) / В. П. Григонис, Н. В. Носов, Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 3(320). – С. 40-45. – EDN CVCOWT.
6. Григонис, В. П. Войска национальной гвардии как элемент механизма Российского государства в обеспечении национальной безопасности в современных условиях / В. П. Григонис, Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 3(308). – С. 58-67. – EDN NVGWUA.
7. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.
8. Колесник, А. А. Научное обеспечение модельного законодательства в ОДКБ: потребности и перспективы / А. А. Колесник // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 3(60). – С. 6-15. – DOI 10.61260/2074-1626-2023-3-6-15. – EDN TOCHEQ.

References:

1. Redkov V. M. Problems of legislative provision of national security of the CIS member states // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. The series of legal sciences. 2007. No. 2. pp. 23-31.
2. Gerasimov, A. A. Improving the legal regulation of ensuring the security of senior officials of the subjects of the Russian Federation by the troops of the National Guard / A. A. Gerasimov, A. A. Tishchenko // Materials of the All-Russian scientific and practical conference "National Security of Russia: relevant aspects". GNI "National Development". March 2018 : Collection of selected articles, St. Petersburg, March 29, 2018. – St. Petersburg: Private scientific and educational institution of additional professional education Humanitarian National Research Institute "National Development", 2018. 104-108. – EDN OVEFVJ.
3. Chyasnavicius, Yu. K. On the issue of evaluating the effectiveness of the heads of the supreme executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation in the field of emergency safety / Yu. K. Chyasnavicius // The economics of preventive measures to reduce the risk of emergencies and emergency rescue operations. – Moscow : United Edition, 2020. – pp. 60-64. – EDN OUZGTN.
4. Shakirov, V. F. Ensuring the safety of senior officials of the subjects of the Russian Federation / V. F. Shakirov // Topical issues of improving the activities of police services and units in the field of public order protection and public safety : Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, December 09, 2016. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. – pp. 268-271. – EDN ZETKQZ.
5. Grigonis, V. P. The legal basis for the use of artificial intelligence in the performance of service and combat tasks by military personnel and employees of the National Guard troops under the conditions of Western sanctions pressure (end, beginning, see No. 2 of the magazine for 2024) / V. P. Grigonis, N. V. Nosov, N. V. Zubarev // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2024. – № 3(320). – Pp. 40-45. – EDN CVCOWT.
6. Grigonis, V. P. Troops of the National Guard as an element of the mechanism of the Russian state in ensuring national security in modern conditions / V. P. Grigonis, N. V. Zubarev // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 3(308). – Pp. 58-67. – EDN NVGWUA.
7. Iroshnikov, D. V. Security as a category of international public law: a theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAYMY.
8. Kolesnik, A. A. Scientific support of model lawmaking in the CSTO: needs and prospects / A. A. Kolesnik // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 3(60). – Pp. 6-15. – DOI 10.61260/2074-1626-2023-3-6-15. – EDN TOCHEQ.

¹ Шакиров, В. Ф. Обеспечение безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации / В. Ф. Шакиров // Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 09 декабря 2016 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 268-271. – EDN ZETKQZ.

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГАРАНТИЙ И КОМПЕНСАЦИЙ,
ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ПОЖАРНЫМ И СПАСАТЕЛЯМ, РАБОТАЮЩИМ
(ПРОХОДЯЩИМ СЛУЖБУ) В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**Problems of legal regulation of guarantees and compensations provided to fire-
fighters and rescuers working (serving) in the Arctic zone of the Russian Federation**

НЕМЧЕНКО Станислав Борисович,

начальник кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.
Московский пр-т, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия.
E-mail: nemchenko-st@mail.ru;

СМИРНОВА Анна Александровна,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат исторических наук, доцент.
Московский пр-т, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия.
E-mail: Smirnovaanna@igps.ru;

СУЛИМА Тимофей Геннадьевич,

заместитель директора Департамента образовательной и научно-технической деятельности МЧС России,
кандидат военных наук.
ул. Давыдовская, 7, г. Москва, 121352, Россия.
E-mail: t.sulima@mchs.gov.ru;

УТКИН Николай Иванович,

профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России,
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.
Московский пр-т, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия.
E-mail: utkinnick@mail.ru;

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.
Московский пр-т, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия.
E-mail: vitya-shen@mail.ru;

NEMCHENKO Stanislav Borisovich,

Head of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
Moskovsky Ave., 149, St. Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: nemchenko-st@mail.ru;

SMIRNOVA Anna Alexandrovna,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
Moskovsky Ave., 149, St. Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: Smirnovaanna@igps.ru ;

SULIMA Timofey Gennadievich,

Deputy Director of the Department of Educational, Scientific and Technical Activities of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Candidate of Military Sciences.
Davydovskaya str., 7, Moscow, 121352, Russia.
E-mail: t.sulima@mchs.gov.ru

UTKIN Nikolay Ivanovich,

Professor of the Department of Theory and History of State and Law
at St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
Moskovsky Ave., 149, St. Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: utkinnick@mail.ru;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
Moskovsky Ave., 149, St. Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: В представленном исследовании обобщаются краткие выводы, подготовленные на основе отчета о научно-исследовательской работе НИР «Север-23»¹. Характеризуется комплексный, всесторонний и полный анализ гарантий и компенсаций, предоставляемых пожарным и спасателям, работающим (проходящим службу) в Арктической зоне Российской Федерации. Выявлены особенности правового регулирования гарантий и компенсаций спасателям, работающим (проходящим службу) вахтовым методом в Арктических

¹ Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Исследование тактико-технических возможностей техники и технологий в условиях Арктической зоны Российской Федерации в ходе проведения межведомственного опытно-исследовательского учения сил и средств единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне Российской Федерации (Безопасная Арктика – 2023)». (ИКРБС 223111300013-7) (Регистрационный номер 123032400088-3).

комплексных аварийно-спасательных центрах МЧС России, сделаны выводы и сформулированы научно обоснованные предложения по изменению действующего законодательства.

Abstract: The presented study summarizes the brief conclusions prepared on the basis of the report on the research work of the Research institute "North-23". It is characterized by a comprehensive, comprehensive and complete analysis guarantees and compensations provided to firefighters and rescuers working (serving) in the Arctic zone of the Russian Federation. The features of the legal regulation of guarantees and compensations for rescuers working (serving) on a shift basis in the Arctic integrated emergency rescue centers of the Ministry of Emergency Situations of Russia are revealed, conclusions are drawn and scientifically based proposals for changing the current legislation are formulated.

Ключевые слова: пожарные, спасатели, гарантии, компенсации, Арктическая зона Российской Федерации, Арктический комплексный аварийно-спасательный центр, вахтовый метод, северные гарантии, северные компенсации.

Keywords: firefighters, rescuers, guarantees, compensations, Arctic zone of the Russian Federation, Arctic integrated emergency rescue center, shift method, northern guarantees, northern compensations.

Для цитирования: Немченко С.Б., Смирнова А.А., Сулима Т.Г., Уткин Н.И., Шеншин В.М. Проблемы правового регулирования гарантий и компенсаций, предоставляемых пожарным и спасателям, работающим (проходящим службу) в Арктической зоне Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 35-38. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_35.

For citation: Nemchenko S.B., Smirnova A.A., Sulima T.G., Utkin N.I., Shenshin V.M. Problems of legal regulation of guarantees and compensations provided to firefighters and rescuers working (serving) in the Arctic zone of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 35-38. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_35.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2024

Гарантированное спасение и сохранение жизни человека при его нахождении в Арктике – одна из приоритетных задач МЧС России в Арктическом регионе¹.

Необходимо отметить, что функция предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне наиболее полно раскрывает ее значение и важность для человека, общества и государства². Укажем на два основных фактора, обуславливающих важность данной функции. Во-первых, техногенные чрезвычайные ситуации в Арктической зоне могут вызвать катастрофические последствия, во-вторых, ликвидация чрезвычайных ситуаций в Арктике требует колоссальных усилий и ресурсов³.

Считаем необходимым более детально рассмотреть вопросы совершенствования нормативного правового регулирования деятельности МЧС России в Арктической зоне Российской Федерации, а также правовой статус арктических спасателей, пожарных и добровольцев.

В ходе проведения исследования в рамках научно-исследовательской работы НИР «Север-23»⁴ проведен анализ северных гарантий и компенсаций, а именно:

- в сфере оплаты труда (денежного довольствия);
- пенсионного обеспечения;
- образования;
- отпуска⁵;
- сокращенной рабочей недели для женщин;
- дополнительного неоплачиваемого выходного дня при наличии ребенка до 16 лет;
- ежегодного оплачиваемого отпуска в период поступления ребенка до 18 лет для сопровождения;
- компенсации расходов проезда и провоза багажа к месту отпуска и обратно;
- компенсации пенсионерам расходов проезда к месту отдыха и обратно;
- расходов, связанных с переездом в районы Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера;
- проезда в другой населенный пункт и обратно для посещения медицинского учреждения;
- выходных пособий и содержания на период трудоустройства;
- жилищных субсидий при переселении.

Указанные гарантии и компенсации предоставляются лицам, работающим и проживающим в районах Крайнего Севера, местностях, приравненных к районам Крайнего Севера⁶, спасателям профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований, спасателям военизированных горноспасательных частей, сотрудникам федеральной противопожарной службы, военнослужащим спасательных воинских формирований МЧС России.

Отметим, что уровень социальной защищенности пожарных и спасателей МЧС России, дифференцирован по видам мер социальной поддержки и по категориям сотрудников⁷.

¹ Интервью начальника Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства РФ по делам гражданской обороны и ликвидации последствий стихийных бедствий генерал-лейтенанта внутренней службы Богдана Васильевича Гавкалюка в еженедельнике «Звезда» от 02.11.2021 // [Электронный ресурс]. URL: <https://zvezdawebweekly.ru/news/202110281550-PD5Hk.html>. (Дата обращения: 08.10.2022)

² Арктическое право: концепция развития / А.И. Абрамова [и др.]; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИД «Юриспруденция», 2014. 152 с.

³ Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия в 3-х т. / под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Аспект Пресс, 2013. 360 с.

⁴ статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Исследование тактико-технических возможностей техники и технологий в условиях Арктической зоны Российской Федерации в ходе проведения межведомственного опытно-исследовательского учения сил и средств единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне Российской Федерации (Безопасная Арктика – 2023)». (ИКРБС 22311300013-7) (Регистрационный номер 123032400088-3).

⁵ Демко, А. А. Право на отдых и гарантии его реализации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях / А. А. Демко // Вестник Сургутского государственного университета. – 2016. – № 4(14). – С. 89-92. – EDN XWZHJD.

⁶ Митюшин, А. П. Льготы и Гарантии для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях / А. П. Митюшин // Вологодские чтения. – 2005. – № 51. – С. 44-48. – EDN HSNTUH.

⁷ Немченко, С. Б. Формирование законодательства в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике (обзор материалов "круглого стола") / С. Б. Немченко, А. А. Смирнова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2(59). – С. 6-21. – EDN AWRCLK.

В сфере оплаты труда (денежного довольствия) объем гарантий и компенсаций для различных категорий совпадает при незначительных отличиях в порядке расчета северных надбавок и коэффициентов.

Имеются значительные отличия в сфере пенсионного обеспечения, где наиболее благоприятные условия приобретения права на пенсию установлены для военнослужащих спасательных воинских формирований, а наименее благоприятные – работникам военизированных горноспасательных частей. Также значительны отличия в порядке предоставления основных (оплачиваемых) отпусков. Здесь наиболее благоприятный порядок предусмотрен для сотрудников федеральной противопожарной службы ГПС МЧС России, наименее благоприятный – для работников военизированных горноспасательных частей.

Оценивая в комплексе систему северных гарантий и компенсаций по рассматриваемым категориям спасателей и пожарных МЧС России можно обозначить следующую иерархию уровней их социальной защищенности в Арктической зоне Российской Федерации (от высшего к низшему): военнослужащие спасательных воинских формирований МЧС России; сотрудники федеральной противопожарной службы ГПС МЧС России, имеющие специальные звания; спасатели профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований; работники военизированных горноспасательных частей.

Предоставление гарантий и компенсаций указанным лицам, отнесено к стратегическим приоритетам государственной политики¹.

Действующая в настоящее время система предоставления социальных гарантий и компенсаций лицам, работающим и проживающим в районах Крайнего Севера, местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, спасателям профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований, спасателям военизированных горноспасательных частей, сотрудникам федеральной противопожарной службы, военнослужащим спасательных воинских формирований МЧС России не в полной мере обеспечивает уровень возмещения их физических, моральных и материальных затрат, связанных с проживанием экстремальных природно-климатических условиях.

Такая система будет эффективна при условии внесения соответствующих изменений и дополнений в действующее нормативно-правовое регулирование.

В процессе проведения исследования выявлено несовершенство отдельных положений отечественного законодательства в отношении гарантий и компенсаций, предоставляемых лицам, работающим и проживающим в районах Крайнего Севера, местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, спасателям профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований, спасателям военизированных горноспасательных частей, сотрудникам федеральной противопожарной службы, военнослужащим спасательных воинских формирований МЧС России, которые работают (проходят службу) в Арктической зоне Российской Федерации.

Принятие четких критериев отнесения той или иной территории к Арктической зоне, другим районам Крайнего Севера послужит качественным критерием предоставления гарантий и компенсаций лицам, работающим и проживающим в районах Крайнего Севера, местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, спасателям профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований, спасателям военизированных горноспасательных частей, сотрудникам федеральной противопожарной службы, военнослужащим спасательных воинских формирований МЧС России².

Существующая тенденция к унификации законодательства, в котором не учитывается «северная специфика», а также исключение из него отдельных уже действующих норм привело к ухудшению правового положения лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера, местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, спасателей профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований, спасателей военизированных горноспасательных частей, сотрудников федеральной противопожарной службы, военнослужащих спасательных воинских формирований МЧС России, работающих (проходящих службу) в Арктической зоне Российской Федерации.

Для улучшения качества жизни лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера, местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, спасателей профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований, спасателей военизированных горноспасательных частей, сотрудников федеральной противопожарной службы, военнослужащих спасательных воинских формирований МЧС России, работающих (проходящих службу) в Арктической зоне Российской Федерации, а также членов их семей, необходимо решить вопрос обеспечения равных гарантий и компенсаций для проживающих в районах Крайнего Севера и в Арктической зоне Российской Федерации указанной категории работников и сотрудников, а также членов их семей, установить дополнительные экономические и социальные стимулы для привлечения и закрепления молодых кадров для комплексного развития данных территорий.

В результате проделанного исследования в рамках научно-исследовательской работы НИР «Север-23» авторами были выявлены следующие проблемные вопросы нормативного правового регулирования в рассматриваемой сфере:

1. В настоящее время отсутствует правовое регулирование предоставления северных гарантий и компенсаций пожарными спасателям, направленным для выполнения задач в особых условиях в районы Крайнего Севера, местности, приравненные к районам Крайнего Севера. При этом в соответствии с Приказом МЧС России от 12 мая 2020 г. № 305 срок направления может длительно до 6 месяцев, и в этот достаточно продолжительный период сотрудники будут испытывать то же неблагоприятное воздействие арктических условий, что и проходящие службу в Арктической зоне на постоянной основе. Также отсутствуют сопоставимые нормы права для спасателей и сотрудников иных федеральных органов исполнительной власти, что не позволяет провести сравнительно-правовое исследование. При этом имеются сопоставимые нормы для

¹ Гавриленко, В. А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах арктического региона / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 10-14. – EDN BDGFUV.

² Халдеева, Н. В. К вопросу о гарантиях и компенсациях работникам Крайнего Севера / Н. В. Халдеева // Юридическая мысль. – 2013. – № 2(76). – С. 64-69. – EDN RUBPDN.

работников нефтяной отрасли, ранее действовали сопоставимые нормы для командированных научных работников, возможно, имеется сопоставимый опыт локального правового регулирования и зарубежных правовых порядков.

2. Требуется обоснование внесения изменений в Федеральный закон от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей», которыми будут регламентированы особенности предоставления спасателям профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований сокращенной рабочей недели, дополнительного неоплачиваемого выходного дня при наличии ребенка до 16 лет, ежегодного оплачиваемого отпуска в период поступления ребенка до 18 лет для сопровождения, компенсации расходов проезда и провоза багажа к месту отпуска и обратно, расходов проезда к месту отдыха и обратно необходимо внести соответствующие изменения и дополнения, гарантий и компенсаций расходов, связанных с переездом в районы Крайнего Севера, местности, приравненные к районам Крайнего Севера, жилищных субсидий при переселении.

3. Требуется обоснование целесообразности приведения в соответствие перечня отдаленных местностей, установленного постановлением Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941, с перечнем районов Крайнего Севера, местностей, приравненных к районам Крайнего Севера (установление льготного коэффициента исчисления выслуги один месяц за два для всех районов Крайнего Севера).

4. В целях повышения социальной защищенности пожарных и спасателей без дополнительных расходов средств федерального бюджета требуется провести анализ целесообразности внедрения и эффективности различных видов нематериальных гарантий для пожарных и спасателей, работающих (проходящих службу) в районах Крайнего Севера, местностях, приравненных к районам Крайнего Севера.

5. В целях эффективного выполнения задач системой Арктических комплексных аварийно-спасательных центров¹ планируется создание поисково-спасательных постов и специализированных вахтовых подразделений. Дежурство спасателей в Арктических комплексных аварийно-спасательных центрах планируется осуществлять вахтовым методом – один-два месяца. В соответствии с законодательством возможность применения вахтового метода прямо предусмотрена только для спасателей военизированных горно-спасательных частей, для остальных категорий профессиональных спасателей нормы прямого действия об организации работы вахтовым методом отсутствуют. Действующее законодательство о службе в федеральной противопожарной службе ГПС и в спасательных воинских формированиях МЧС России понятия «вахтовый метод организации службы» не содержит. В этой связи требуются дополнительные исследования по обоснованию и разработке предложений о внесении изменений в действующее законодательство в части предоставления гарантий и компенсаций спасателям, работающим (проходящим службу) в Арктических комплексных аварийно-спасательных центрах вахтовым методом, поскольку обозначенное направление выходит за рамки технического задания настоящей НИР.

Библиография:

1. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия в 3-х т. / под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Аспект Пресс, 2013. 360 с.
2. Арктическое право: концепция развития / А.И. Абрамова [и др.]: отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИД «Юриспруденция», 2014. 152 с.
3. Гавриленко, В. А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах арктического региона / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 10-14. – EDN BDGFUV.
4. Демко, А. А. Право на отдых и гарантии его реализации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях / А. А. Демко // Вестник Сургутского государственного университета. – 2016. – № 4(14). – С. 89-92. – EDN XWZHJD.
5. Митюшин, А. П. Льготы и Гарантии для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях / А. П. Митюшин // Вологодские чтения. – 2005. – № 51. – С. 44-48. – EDN HSNTUH.
6. Немченко, С. Б. Формирование законодательства в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике (обзор материалов "круглого стола") / С. Б. Немченко, А. А. Смирнова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2(59). – С. 6-21. – EDN AWRLCK.
7. Остапчук, Е. Е. Анализ реагирования Мурманским арктическим комплексным аварийно-спасательным центром МЧС России на чрезвычайные ситуации / Е. Е. Остапчук // Актуальные вопросы развития защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Сборник трудов Международной научно-практической конференции, Химки, 01 декабря 2022 года. – Химки: Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, 2022. – С. 56-60. – EDN TWNRQO.
8. Халдеева, Н. В. К вопросу о гарантиях и компенсациях работникам Крайнего Севера / Н. В. Халдеева // Юридическая мысль. – 2013. – № 2(76). – С. 64-69. – EDN RUBPDN.

References:

1. The Arctic region: problems of international cooperation: Anthology in 3 volumes / under the general editorship of I.S. Ivanov. M.: Aspect Press, 2013. 360 p.
2. Arctic law: the concept of development / A.I. Abramova [et al.]; ed. by T.Ya. Khabrieva. M.: Publishing house "Jurisprudence", 2014. 152 p.
3. Gavrilenko, V. A. Issues of arbitration of disputes on compensation for damage from emergencies in the countries of the Arctic region / V. A. Gavrilenko // Right. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 2(51). – Pp. 10-14. – EDN BDGFUV.
4. Demko, A. A. The right to rest and guarantees of its realization in the regions of the Far North and areas equated to them / A. A. Demko // Bulletin of Surgut State University. – 2016. – № 4(14). – Pp. 89-92. – EDN XWZHJD.
5. Mityushin, A. P. Benefits and Guarantees for persons working in the regions of the Far North and areas equated to them / A. P. Mityushin // Vologda readings. – 2005. – No. 51. – pp. 44-48. – EDN HSNTUH.
6. Nemchenko, S. B. Formation of legislation in the field of prevention and liquidation of emergency situations in the Arctic (review of the materials of the round table) / S. B. Nemchenko, A. A. Smirnova // Right. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 2(59). – Pp. 6-21. – EDN AWRLCK.
7. Ostapchuk, E. E. Analysis of the response of the Murmansk Arctic Integrated Emergency Rescue Center of the Ministry of Emergency Situations of Russia to emergency situations / E. E. Ostapchuk // Topical issues of the development of protection of the population and territories from natural and man-made emergencies: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Khimki, December 01, 2022. – Khimki: Academy of Civil Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Lieutenant General D.I. Mikhaylik, 2022. – pp. 56-60. – EDN TWNRQO.
8. Khaldeeva, N. V. On the issue of guarantees and compensation for workers of the Far North / N. V. Khaldeeva // Legal thought. – 2013. – № 2(76). – Pp. 64-69. – EDN RUBPDN.

¹ Остапчук, Е. Е. Анализ реагирования Мурманским арктическим комплексным аварийно-спасательным центром МЧС России на чрезвычайные ситуации / Е. Е. Остапчук // Актуальные вопросы развития защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Сборник трудов Международной научно-практической конференции, Химки, 01 декабря 2022 года. – Химки: Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, 2022. – С. 56-60. – EDN TWNRQO.

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Legal means of ensuring national security: general theoretical aspects

ЧАПЧИКОВ Сергей Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Юго-Западного государственного университета.

50 лет Октября ул., 94, г. Курск, Курская обл., 305040, Россия.

E-mail: chapchikov@mail.ru;

Chapchikov Sergey Yu.,

Dr. of Sci. (Juridical), Professor of Department of Theory and History of State and Law,
Southwest State University, Kursk.

50 let Oktyabrya str., 94, Kursk, Kursk region, 305040, Russia.

E-mail: chapchikov@mail.ru

Краткая аннотация: Настоящая статья посвящена проблеме, пока не получившей должного исследования в юриспруденции, - рассмотрению правовых средств в обеспечении национальной безопасности. Вначале изучены отдельные понятия, раскрывающие сущность национальных интересов, таких как: безопасность, угрозы, защита, охрана, опасность и другие. На этой основе показаны суть правового обеспечения национальных интересов, роль и значение правовых средств в этом процессе, их специфика.

Abstract: This article is devoted to a problem that has not yet received proper research in jurisprudence - the consideration of legal means in ensuring national security. First, we studied certain concepts that reveal the essence of national interests, such as: security, threats, protection, protection, danger and others. On this basis, the essence of the legal provision of national interests, the role and importance of legal means in this process, and their specifics are shown.

Ключевые слова: правовые средства, национальная безопасность, обеспечение, угрозы, опасность, национальные интересы.

Keywords: legal means, national security, provision, threats, danger, national interests.

Для цитирования: Чапчиков С.Ю. Правовые средства обеспечения национальной безопасности: общетеоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 39-41. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_39.

For citation: Chapchikov S.Yu. Legal means of ensuring national security: general theoretical aspects // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 39-41. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_39.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2024

В современных условиях возрастания угроз национальной безопасности России, включающей в свой состав национальные интересы, проблема ее эффективного обеспечения приобретает особую актуальность. В этом плане особенно возрастает роль и значение правового (именно) обеспечения национальной безопасности, которую ряд ученых и позиционируют как правовую категорию [1, с. 67-68; 2, с. 13]. Отсюда и цель настоящей работы – рассмотреть отдельные аспекты правового обеспечения национальной безопасности, полномасштабной реализации национальных интересов. «Речь идет о национальной безопасности, как триединстве личности, общества и государства», - пишет А.А. Фомин [3, с. 6]. По его справедливому мнению, деятельность по обеспечению национальной безопасности выступает в качестве объективной необходимости, имеющей не только общесоциальную ценность, но и непосредственную юридическую значимость [3, с. 13].

Полагаем, что для раскрытия заявленной темы настоящей статьи целесообразно вначале остановиться на изучении таких понятий, как сама национальная безопасность, ее обеспечение, в том числе правовое, буквально в тезисном изложении. Сразу же заметим, что в юридической науке понятию, точнее определению понятия национальной безопасности уделено достаточное внимание, однако в силу многозначности, междисциплинарности и т.п. оно далеко от своей унификации. Считаем, что для уяснения сущности национальной безопасности, прежде всего, необходимо обратиться к смыслу безопасности как таковой. Словарные толкования, мнения специалистов этого направления позволяют говорить о безопасности как состоянии, при котором с помощью различных средств, мер, способов и т.д. обеспечивается защита (охрана) от опасности (опасностей).

Другими словами, безопасность можно определить как отсутствие каких бы то ни было угроз. Следует сказать, что в ч. 5 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ говорится о безопасности государства, а в ч. 1 ст. 82 – о безопасности и целостности государства.

Одновременно выскажем свою солидарность с мнением Е.А. Осавелюк, констатирующей «терминологическую недопустимость в определении дефиниции «безопасность» [4].

В свою очередь, понятие национальной безопасности тесно увязано с понятиями «нация» и «национальные интересы», и его можно определить как состояние защищенности угроз национальным интересам (интересам личности, общества и государства). Фактически также считает Д.Е. Баталов, когда пишет, что национальная безопасность есть «не что иное, как первостепенная потребность в защищенности от потенциальных угроз не только отдельно взятого человека, но и всего общества» [5, с. 48]. В заочной полемике с американскими властями Президент РФ В.В. Путин заявил: «Наша позиция понятна: если хотите обсуждать ответственные, важные для планет вопросы безопасности и стабильности, то необходимо делать это только в едином комплексе, естественно, включая все те аспекты, которые затрагивают наши национальные интересы и прямо влияют на безопасность нашей страны, на безопасность России» [6].

В обновленной редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации национальная безопасность Российской Фе-

дерации трактуется, как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» (ч. 1 ст. 5 Стратегии). При этом под ее обеспечением понимается реализация «органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности» (ч. 4 ст. 5 Стратегии) [7]. Следовательно, в числе обеспечительных мер названы и правовые, на их рассмотрении остановимся более подробно. Причем, в нашем подходе не считаем принципиальным различие средств и мер, хотя отдельные ученые их разделяют, но весьма условно.

Так, А.А. Фомин отмечает, что меры безопасности можно определить как правовые средства; он же употребляет и такое соотношение: меры (средства) [3]. Со своей стороны, в контексте заявленной темы настоящей работы, будем в основном использовать все же термин «правовые средства», что находится «ближе» к категориальному аппарату общей теории права.

Далее сделаем два вводных замечания касаясь таких понятий, как «защита», «охрана» и непосредственно – «правовое обеспечение». Обратим внимание на то, что в правовой науке нет одинакового подхода к понятиям охраны и защиты; они рассматриваются нередко как тождественные, либо защита – уже охраны, либо – они наполнены самостоятельным содержанием.

С нашей точки зрения, если вести речь о правовой охране – защите, то правовая охрана – это понятие более объемное, чем правовая защита. Это объясняется тем, что осуществление правовой охраны фактически происходит постоянно, а правовая защита функционирует только в случае возникновения угрозы или непосредственного правонарушения. Отсюда делаем вывод, что как охрана, так и защита (правовая) должны включаться в понятие правового обеспечения. В качестве примера обратимся к отдельным положениям Конституции Российской Федерации, где речь идет и о защите, и об охране (ст. 9, 9, 23, 35 и другие).

В свою очередь, обеспечение предполагает создание соответствующих условий, приискание и использование средств, методов, способов и т.д., позволяющих получить искомый результат. По мысли А.Н. Арзамаскина, «сущность правового обеспечения – реализация заданных правом целей посредством совокупности средств в рамках определенных обстоятельств, факторов, процессов» [8, с. 49]. В расширенном формате, рассматривая правовое обеспечение как процесс, Б.Б. Бидова выделяет в нем ряд стадий: осознание, формулирование, формирование, согласование и реализацию национальных интересов [9, с. 233].

Следует несколько слов сказать и об опасности, также имеющей непосредственное отношение к национальной безопасности. В кратком изложении опасность – это вероятность, либо возможность нанесения (причинения) ущерба; в нашем случае, национальным интересам. Поэтому разделяем следующую дефиницию опасности с позиций общей теории национальной безопасности, как «способности объективных природных явлений и процессов, социальных ненаправляемых процессов и непреднамеренной деятельности людей, вызванной непрофессионализмом либо низкими знаниями, причинить ущерб жизненно важным интересам личности, общества и государства» [10, с. 95]. Уместно дополнить, что в общем виде опасности могут быть объективными, субъективными, природными и социальными (терроризм, милитаризм, информационная опасность, биологический терроризм и другие; их также можно разделить на внутренние и внешние). Но все они имеют непосредственное отношение к вопросу обеспечения национальной безопасности.

Итак, определившись с понятиями, имеющими прямое отношение к смыслам настоящей статьи, перейдем к обеспечению национальной безопасности правовыми средствами (заметим, что это обеспечение также достигается и с помощью организационно-вспомогательных мер, средств). При этом, обратим внимание на то, что в конкретном изложении, то есть применительно к обеспечению национальной безопасности, проблематика правовых средств должного изучения пока не получила; попытаемся в определенной мере восполнить этот пробел.

Безусловно, первое, на что обратим внимание, это то, что правовые средства обеспечения национальной безопасности в своей основе коррелируются с такими понятиями (категориями), как правовые средства, средства в праве и т.д., но со своей, конечно же, спецификой.

Другим важным аспектом в изучении правовых средств (заметим, что под ними понимаются «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяния (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение поставленных социально-полезных целей») [11, с. 99] выступает их диалектическая и взаимообусловленная связь с понятием цели; только с помощью правовых средств возможно достижение правовых целей и получение определенного результата. Как пишет В.А. Сапун, «правовые средства – это такие институциональные образования (установления, формы) правовой действительности, которые в своем реальном функционировании, использовании в процессуальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе» [12, с. 21].

Важно то, что правовые цели отражают интересы личности, общества и государства – отсюда их взаимосвязь с правовым обеспечением национальной безопасности, их генерирующее начало, исток.

Подчеркнем специфику целей национальной безопасности, которая заключается в пресечении угроз для нее, обеспечении стабильных социальных (общественных) отношений, а также в обеспечении всемерной защиты национальных интересов.

Что же касается непосредственно тех правовых средств, которые обеспечивающих национальную безопасность, то к ним следует отнести, как простые (элементарные, первичные), так и сложные (комплексные). К первым из них относятся запреты и дозволения, меры поощрения и меры ответственности и т.д. Сложные (комплексные) правовые средства, как правило, складываются из первичных и представляют собой блоки, конструкции и т.д. В их числе – нормы права, правовые отношения, а также правовые институты, акты, механизмы, режимы и т.д.

Следовательно, система правовых средств, как отмечают отдельные ученые, представляет собой «сложное, многоуровневое образование» [13, с. 306], имеющее не только научное, но и прикладное значение, в том числе, и в сфере обеспечения национальной безопасности. Вследствие изложенного, в рамках настоящей статьи невозможно охарактеризовать все из названных правовых средств. Тем не менее, как уже отмечалось, ограничимся рассмотрением специфики, проявляющейся в их сущностно-характерных чертах.

Так, если вести речь о правовых средствах – установлениях (инструментах), то следует отметить их нормативность, субстанциональность, статичность, информационный и предупредительный характер, императивность (или диспозитивность) и другие.

Характерными чертами исследуемых средств также является и охранительно-регулятивные свойства, где первые носят первостепенный характер. Эти правовые средства имеют специфические основания применения мер воздействия (принуждение) – только при наличии реальной угрозы ее применения.

Особого внимания в обеспечении национальной безопасности заслуживают такие комплексные правовые средства, как правовые режимы и соответствующие правовые механизмы. Вот, что отмечает Г.С. Беляева относительно целей правового режима, это «предполагаемая или закрепленная государством идеальная модель определенного социального явления (состояния, процесса), достигаемая при помощи реализации правовых средств, входящих в состав правового режима» [14, с. 31; 15, с. 16]. Нетрудно увидеть при этом определяющую роль правовых средств, с помощью которых достигается благоприятная атмосфера, позволяющая обеспечить, в частности, национальную безопасность.

К примеру, содержание правовых режимов в чрезвычайной ситуации обусловлено осуществлением соответствующих правовых мер (средств) безопасности.

В свою очередь, другие авторы пишут, что механизм обеспечения национальной безопасности представляет собой «взятую в единстве нормативно организованную систему государственно-властных институтов и правовых инструментов (средств, методов, способов, приемов), эффективное функционирование которой в полном объеме гарантирует реализацию конституционных прав и свобод граждан, достойное качество и уровень жизни, суверенитет, независимость, государственную и территориальную целостность, а также устойчивое социально-экономическое развитие государства на перспективу» [1, с. 154-155]. В предложенной дефиниции также подчеркивается определенная роль правовых средств в обеспечительном механизме национальной безопасности. Существенно то, что указанный механизм и сам является комплексным средством обеспечения национальной безопасности, поскольку включает в себя нормативно-правовую базу, различный инструментарий для решения задач и достижения целей обеспечения национальной безопасности. Его специфика заключается, прежде всего, в принадлежности только к обеспечению национальной безопасности, а также к гарантированности реализации интересов личности, общества и государства.

Таковы некоторые аспекты общетеоретического рассмотрения правовых средств применительно к обеспечению национальной безопасности современного Российского государства.

Библиография:

1. Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Национальная безопасность и механизм ее обеспечения: общетеоретический ракурс. Монография. М.: Юстициформ, 2018. 258 с.
2. Бидова Б.Б. Правовое обеспечение национальных интересов: общетеоретическое исследование концептуальных основ: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Грозный, 2021. 51 с.
3. Фомян А.А. Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации: учебное пособие. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 173 с.
4. Осавелюк Е. А. Национальная безопасность России: сравнительный анализ, понятие, определения и тенденции // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1(23). С. 11-33.
5. Баталов Д.Е. Совершенствование нормативного правового регулирования в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 1 (84). С. 48-52.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета. 01.03.2024. № 46.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
8. Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. № 6. С. 47-51.
9. Бидова Б.Б. Правовое обеспечение национальных интересов: общетеоретическая модель. Монография. М.: Юстициформ, 2021. 367 с.
10. Возжеников А.В., Цыбаков Д.Л. Опасность для жизненно важных интересов объектов национальной безопасности: сущность, содержание, классификация // Власть. 2015. № 6. С. 94-98.
11. Краткий юридический словарь / [А. В. Малько и др.] ; отв. ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2007. 494 с.
12. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 49 с.
13. Беляева Г. С. К вопросу о сущности и системе правовых средств // Административное и муниципальное право. 2015. № 3(87). С. 306-312.
14. Беляева Г.С. Правовой режим в общетеоретическом измерении. Монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 240 с.
15. Беляева Г. С. Правовой режим как комплексное средство правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 3. С. 16-20.

References:

1. Belyaev V.P., Chapchikov S.Yu. National security and the mechanism of its provision: a general theoretical perspective. Monograph. M.: Justitiform, 2018. 258 p.
2. Bidova B.B. Legal support of national interests: a general theoretical study of the conceptual foundations: abstract. ... doct. Jurid. sciences'. Grozny, 2021. 51 p.
3. Fomin A.A. The legal foundations of national security of the Russian Federation: a textbook. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2018. 173 p.
4. Osavelyuk E. A. National security of Russia: comparative analysis, concept, definitions and trends // Citizen. Elections. Power. 2022. No. 1(23). pp. 11-33.
5. Batalov D.E. Improvement of regulatory legal regulation in the field of ensuring national security of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (84). pp. 48-52.
6. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 02/29/2024 // Rossiyskaya Gazeta. 01.03.2024. № 46.
7. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). Article 5351.
8. Arzamaskin A.N. Definition of the concept of "legal support": statement of the problem // Science and school. 2016. No. 6. pp. 47-51.
9. Bidova B.B. Legal support of national interests: a general theoretical model. Monograph. Moscow: Justitiform, 2021. 367 p.
10. Vozzhenikov A.V., Tsybakov D.L. Danger to the vital interests of national security objects: essence, content, classification // Power. 2015. No. 6. pp. 94-98.
11. Concise legal dictionary / [A.V. Malko et al.] ; ed. by A.V. Malko. M.: Prospect, 2007. 494 p.
12. Sapun V.A. Theory of legal means and mechanism of realization of law: abstract. ... doct. Jurid. Nauk. N. Novgorod, 2002. 49 p.
13. Belyaeva G. S. On the question of the essence and system of legal means // Administrative and municipal law. 2015. No. 3(87). pp. 306-312.
14. Belyaeva G.S. The legal regime in the general theoretical dimension. Monograph. M.: Yurilitinform, 2013. 240 p.
15. Belyaeva G. S. The legal regime as a comprehensive means of legal policy // Legal policy and legal life. 2012. No. 3. pp. 16-20.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА РАЗУМНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА The formation of the principle of reasonableness in the scientific discourse of the ancient period

АБДУЛЛИНА Лейсан Рафисовна,

адъюнкт, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации.

125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: abdullinalleysan@yandex.ru;

Abdullina Laysan Rafisovna,

Associate of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

125993, Moscow, st. Zoe and Alexandra Kosmodemyanskikh, d. 8.

E-mail: abdullinalleysan@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию принципа разумности в научном дискурсе античного периода. На античном этапе исторического развития понятия разумности исследование данного концепта производилось через призму соотношения разума и добродетели, что нашло отражение в сочинениях Аристотеля, Сократа, Платона, Марка Аврелия и Эпиктета. В преобладающих в ранний античный период философско-теологических трактатах фактически отождествляются категории разумного и добродетельного, то есть правильного, допустимого, иногда доходя до смешения указанных понятий.

Abstract: The article is devoted to the study of the principle of reasonableness in the scientific discourse of the ancient period. At the ancient stage of the historical development of the concept of reasonableness, the study of this concept was carried out through the prism of the relationship between reason and virtue, which was reflected in the writings of Aristotle, Socrates, Plato, Marcus Aurelius and Epictetus. In the philosophical and theological treatises prevailing in the early ancient period, the categories of reasonable and virtuous, that is, correct, permissible, are actually identified, sometimes reaching the point of mixing these concepts.

Ключевые слова: разумность, разум, право, принцип, добродетель, разумное поведение, разумное лицо, справедливость.

Keywords: reasonableness, reason, law, principle, virtue, reasonable behavior, reasonable person, justice.

Для цитирования: Абдуллина Л.Р. Становление принципа разумности в научном дискурсе античного периода // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 42-45. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_42.

For citation: Abdullina L.R. The formation of the principle of reasonableness in the scientific discourse of the ancient period // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 42-45. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_42.

Статья поступила в редакцию: 29.02.2024

На гуманистическом этапе античного философствования исследование разумности человека и человечества производилось через призму соотношения разума и добродетели. В преобладающих в ранний античный период философско-теологических трактатах фактически отождествляются категории разумного и добродетельного, то есть правильного, допустимого, иногда доходя до смешения указанных понятий [1, с. 195].

Осмысленное толкование разума через добродетель нашло отражение в сочинениях Аристотеля, Сократа, Платона, Марка Аврелия и Эпиктета и других [6, с. 7-122]. Добродетель ими представляется в значительной степени свойством, присущим человеку и его разумной стороне. В современном понимании добродетель рассматривается не как правовая категория, а в значении качества, позволяющего оценить индивида с точки зрения морально-этических критериев.

Философия Сократа (469 – 399 до н. э.) оказала глубокое влияние на западную мысль; древнегреческий философ провел свою жизнь, исследуя значение добродетели, придавая особое значение справедливости и добру как ключевым параметрам настоящей истины. Идея о том, что люди обладают определенными добродетелями, являлась основной в учении Сократа [3, с. 101]. Эти добродетели представляли собой наиболее важные качества, которыми должен обладать человек, главными из которых были философские или интеллектуальные добродетели. Примечательно утверждение Сократа о том, что знание и добродетель настолько тесно связаны, что ни один человек никогда сознательно не совершает зла: все мы неизменно делаем то, что считаем наилучшим. Таким образом, неподобающее поведение может быть только продуктом нашего невежества, а не симптомом слабости воли.

Рассуждения и диалоги Сократа позволяют установить его мировоззренческие постулаты о разумности посредством соединения в человеке добра и зла, и в конечном счете, обоснования её как врожденного качества человеческого ума, аргументации истинности знания через познание самого себя. Он был убежден, что в каждом человеке есть зародыш рационального мышления, и цель философии состояла в том, чтобы заставить рациональное мышление полностью расцвести в каждом. Сократ распространял метод использования разума для раскрытия истин о жизни или, по крайней мере, для выявления недостатков нашего мышления, метод, который лежит в основе западной философии [3, с. 101-103]. Являясь основателем рационализма, он выражает неизменную уверенность в силе разума.

Наиболее пристально идеи разумности рассматривались представителями школы рационализма, среди которых известнейший философ Платон, Аристотель. Философствуя об истинности знания, философы-рационалисты устанавливали его непосредственную связь с разумной стороной человеческой личности. Платон, развивая рационалистическую теорию, подчеркивал обусловленность поведения разумом, отрицая чувственное воздействие [4, с. 115].

Разум Платон определяет как способность человека понимать причины какого-либо желания и действовать в соответствии с ними, в том числе воздерживаться от какого-либо действия. В сократическом диалоге «О душе» («Федон») Платон пишет, что само существо человека и есть разум, акцентируя внимание на том, что чувственные желания и страсти не принадлежат разумной душе человека [4, с. 116]. Следует отме-

тить, что весь философский путь Платона отмечен значительными трансформациями, которые демонстрирует насколько серьезно менялось его мировоззренческое восприятие, в том числе при интерпретировании человеческого разума и его взаимосвязи с душой. В начале своего пути Платон пока еще говорит о двухчастной душе, включающей в себя разум и чувственную составляющую. Однако, позднее в его трудах формируется иная психологическая идея о трехчастной душе, включающей помимо разума страстную сторону, определяемую сердцем (начало аффектов), а также чувственную сторону пожеланий. Развивая данное представление о трехчастной душе, Платон поясняет, что нормальное проявление разума и есть мудрость, а правильное взаимоотношение и взаимодействие всех трех сторон, при котором разум является в главенствующей позиции, вожделье подчинено разуму, представляет собой справедливость.

Платон считает, что психологическая жизнь человека слишком сложна, чтобы ее можно было объяснить исключительно с точки зрения разума и желания. Согласно его аргументации, существует и третья часть, называемая духом или гневом, и включающая в себя большую часть того, что обозначается эмоциями. Платон настаивал, что эмоциональная часть отличается от разума на том основании, что она обнаруживается у животных и детей, которые не рассуждают. Несмотря на то, что эмоциональная сторона часто поддерживает разум, она по существу невнятна и неспособна полностью понять или породить причины.

Части души не равны; разум - это не просто часть, он учитывает наилучшие интересы всех частей и, следовательно, личности в целом. Платон неустанно настаивает на том, что в душе должен править разум, поскольку она может понимать свои собственные потребности, а также потребности других частей, тогда как другие части ограничены и близоруки, живущие только своими собственными потребностями и интересами. Душа есть по существу разумное начало.

Один из центральных тезисов Платона заключается в том, что установление иерархического порядка элементов в своей душе является большим преимуществом; и он показывает, как традиционные добродетели могут быть истолкованы для укрепления или выражения надлежащего отношения между разумом и менее рациональными элементами психики.

Таким образом, реальный контраст заключается между разумом, четко выражающим интересы всей личности, и другими частями, которые не могут смотреть дальше своих собственных потребностей. Суть идеи Платона о его трехчастной душе заключалась в противопоставлении рациональной и нерациональной части человека [4, с. 117].

Необходимо подчеркнуть, довольно распространенным явлением в сочинениях того периода, было не просто толкование разума в самом себе, но акцентирование на его корреляцию с душой, более того часто разумное представлялось лишь частью души, её компонентой.

В стремлении постичь, что есть высшее благо для человека, другой античный философ, Аристотель устанавливает связи разума с душой, говоря об особом биологическом аспекте, который заключается в том, что люди – единственный вид, обладающий не только этими низшими способностями, но и разумной душой.

В сочинениях Аристотеля, на мировоззрение которого повлиял Платон, более последовательно отражена концепция разума и прослеживается значительно более тесная связь с концептом «разумности», пусть и в несколько иных лексемных формах.

Способность направлять себя с помощью разума отличает человечество от других видов, давая при этом потенциал жить лучшей жизнью. Как писал знаменитый философ, «если мы хорошо используем разум, мы живем хорошо как человеческие существа»; или, если быть более точным, хорошее использование разума в течение полноценной жизни - это то, в чем заключается счастье. По мнению Аристотеля, хорошая жизнь состоит в действиях, вызванных разумной душой в соответствии с добродетелью или совершенством. Следует обозначить предметное сходство аристотелевской добродетели и действиях, вызванных разумной душой с современным нормативом добросовестности и надлежащего поведения, опосредованно с разумностью. Аристотель представляет своего рода «функциональный аргумент», который в общих чертах показывает, что наше благо заключается в доминировании разума, а детальное изучение конкретных добродетелей показывает, как каждая из них включает в себя правильный порядок души.

Аристотель видит связи между своей концепцией человеческой функции и основами описания, так называемой эвдемонической добродетели. Эвдемонии можно рассматривать как показатель, с помощью которого можно измерить относительную доброту или позитивность своей жизни. Его часто позиционируют как контрапункт гедонизму, хотя, возможно, в некоторых важных аспектах они пересекаются и не являются полностью противоположными. Философ описывает человеческую функцию как жизнь действия той части души, которая обладает разумом, подразделяя её на часть, которая повинуется разуму, и другую, которая имеет разум и мыслит по-своему. Добродетель отождествляется с гармонией, в которой нерациональная часть подчиняется и соглашается с правильным разумом в рациональной части [1, с. 195]. Добродетельное состояние характера, согласно Аристотелю, полностью воплощает рациональную волю, всецело выражая контроль над рациональными желаниями и обдумывание выбора, тем самым реализуя основные способности человека как ответственных рациональных агентов.

Аристотель излагает свой общий взгляд на добродетель характера, описывая ее как среднее состояние между избытком и недостатком действий и чувств. Его интерпретация «избытка» и «недостатка» ясно показывает, что он намеревается описать эвдемоническую добродетель; ибо средние состояния - это те, которые реализуют человеческую функцию, реализуя способности человеческой природы.

Аристотель различает два вида добродетели: добродетели, которые относятся к той части души, которая занимается рассуждением (добродетели ума или интеллекта), и добродетели части души, которая сама не может рассуждать, но, тем не менее, способна следовать разуму (этические добродетели, добродетели характер) [2, с. 24]. Интеллектуальные добродетели, в свою очередь, им делятся на два вида: те, которые относятся к теоретическим рассуждениям, и те, которые относятся к практическому мышлению [1, с. 195]. Он систематизирует свой материал, сначала изучая этические добродетели в целом, затем переходя к обсуждению конкретных этических добродетелей (воздержание, мужество и так далее) и, наконец, завершая свой обзор рассмотрением интеллектуальных добродетелей (практическая мудрость, теоретическая мудрость и т.д.).

Изучая труда Аристотеля в поиске размышлений о разумности, следует обратить внимание на формулируемые им идеи о доктрине среднего. Аристотелевская доктрина среднего рассматривается как определенный стандарт или мера, посредством которых осуществляется разрешение споров. По мнению известного философа, поскольку хорошие люди так искусны в поиске среднего в трудных случаях, к их совету следует обращаться и прислушиваться. Сказать, что такой человек «видит», что нужно делать, – это просто способ подчеркнуть тот факт, что рассуждения хорошего человека действительно помогают определить, что лучше в каждой ситуации. Он является «как бы стандартом и мериллом» в том смысле, что его взгляды должны рассматриваться как авторитетные другими членами сообщества. Трактовка Аристотелем интеллектуальных добродетелей действительно придает большее содержание и точность доктрине среднего. Лучший стандарт – это тот, который принят философом; второй по значимости – это тот, который принят политическим лидером. В любом случае, именно проявление интеллектуальной добродетели служит ориентиром для принятия важных количественных решений. Указанное дополнение к доктрине среднего полностью согласуется с тезисом Аристотеля о том, что никакой свод правил, каким бы длинным и подробным он ни был, не устраняет необходимости в совещательной и этической добродетели. Для того, чтобы достичь среднего, философу следует определить относительно конкретных ситуаций, в чем заключается справедливость, как разумно тратить деньги, когда встретить опасность или избежать ее и так далее. В контексте данного философского постулирования усматриваются параллели с более современным подходом разумности в разрешении каких-либо споров и учета индивидуальных параметров каждой ситуации.

В книгах со II по V Аристотель описывает достоинства рациональной части души в том смысле, что она может быть внимательна к доводам разума, даже если она не способна размышлять [1, с. 41-193]. Именно потому, что эти добродетели рациональны только в этом производном смысле, они являются менее важным компонентом нашей конечной цели, чем интеллектуальная добродетель – практическая мудрость, – с которой они интегрированы. Он говорит, что теоретическая мудрость приносит счастье, будучи частью добродетели, и что практическая мудрость смотрит на развитие теоретической мудрости и отдает приказы ради нее. Таким образом, ясно, что применение теоретической мудрости является более важным компонентом нашей конечной цели, чем практическая мудрость [1, с. 201]. Тем не менее, все еще может показаться странным, что эти две интеллектуальные добродетели, по отдельности или вместе, должны каким-то образом заполнять пробел в доктрине среднего.

Рассматривая практический разум как в контексте этики, так и политики, Аристотель следует Платону и не проводит четкой границы между этими двумя областями. Фактически он завершает свою Никомахову этику замечанием, что для большинства людей этическая практика может быть обеспечена только тем, что они руководствуются законом, который сочетает необходимость (принуждение) с разумом [2, с. 24].

Кроме того, у Аристотеля появляется в его терминах понятие рационального агента, что сопоставимо с концепцией разумного человека в усредненном порядке, действующим осмотрительно. Аристотель представляет ставшее традиционным понимание моральной философии как теории правильных действий. Интерпретация мыслителем «практического разума» сводится дополнительно к тому, что человеческая деятельность должна включать в себя достаточное количество для реализации соответствующего диапазона способностей человека, и что практический разум должен контролировать их в полной мере, совместимой с их соответствующим диапазоном.

Такая трактовка позволяет вполне обоснованно отнести Аристотеля к числу философов-рационалистов, не полагающихся на космологические обоснования природы человека и не удовлетворяющихся объяснениями всего и вся религиозно-божественной подоплекой. Исследование трудов Аристотеля в поиске зачатков философской мысли о разумности, позволяет прийти к выводу о прогрессивном взгляде мыслителя на природу разумного в человеческом поведении. Речь идет уже не просто об обусловленности добродетели разумом, но и аргументированном подходе к трактовке рациональной стороны человека, влияющей на его практическую мудрость.

Наряду с аристотелевской этикой, стоическая традиция, сложившаяся в «Эллинистический» период (традиционно с 323 года до н.э., смерти Александра Македонского, до конца Римской республики в конце первого века до н.э.) формирует один из основных основополагающих подходов к этике добродетели, имеющей связь с разумом индивида.

Ранние стоики разъясняли, что такое знание или мудрость, объясняя, что сделал бы знающий или мудрый человек (как он соглашается, как он действует и т.д.). Философы долго спорили о роли, которую разум играет в достижении добродетели, затрагивая и поясняя природу рационального. По убеждению философов-стоиков Эпиктета и Марка Аврелия, способность людей правильно применять разум, возможно, является основной добродетелью, поскольку она ведет к истинному пониманию самого себя и того, как эффективно ориентироваться в жизни.

Философы-моралисты использовали этику добродетели для исследования природы разума, источника и содержания моральных причин и представили описания правильных действий, в которых добродетель играет первостепенную объяснительную роль.

Согласно римскому императору и философу-стоику Марку Аврелию, то, что естественно, рационально, а то, что рационально, естественно. Рациональные люди ведут себя естественно, поскольку человеческий разум в конечном счете происходит и является частью того божественного провидения, которое проявляет рациональную структуру и действует в соответствии с ней. Будучи от природы рациональным, Аврелий верит, что люди, живущие по разумению, находятся в гармонии или заодно с тем, кто они есть, поскольку они не только признают, но и участвуют в высших нематериальных аспектах вселенной и копируют их [6, с. 7-122]. Следовательно, Аврелий согласился бы с тем, что те, кто остается равнодушным к жизненным событиям, являются нравственными, поскольку они не только рациональны или естественны, но и сосредоточены на совершенствовании того, кто они есть, имитируя безличность самой жизни.

В стоической традиции довольно распространено подобное смешение рационального и естественного, нравственного и разумного, причем в разнообразных сочетаниях. Несмотря на то, что дальнейшая моральная философия разграничивает данные концепты, не следует порицать эклектичность размышления философов того периода, обусловленную мультизадачностью своих рассуждений.

Согласно Аврелию, человек должен сохранять разум в чистоте точно так же, как он должен считать естественный порядок и его зако-

ны святыми. Чтобы сохранить разум в чистоте, люди должны следить за своими мыслями, умерять их и, в конечном счете, отпустить, чтобы действительно быть отражением гармоничной бескорыстности природы. Уважая разум, Аврелий подразумевает правильное его использование во имя истины. Воздержание от клеветы, практика воздержания, исполнительность, участие в приливах и отливах жизни и выполнение роли, которую божественное предназначило человеку играть, – все это качества, которые человек должен практиковать [6, с. 7-122]. Аврелий считает, что практика этих добродетелей ведет к своего рода святости, внутреннему осознанию или духовной свободе по двум основным причинам. Во-первых, он считает, что в практическом смысле нельзя отрицать подлинность людей, которые принимают его рекомендации, поскольку из добродетели не может получиться ничего плохого [6, с. 7-122]. Во-вторых, говоря метафизически, Аврелий считает, что, когда люди являются лучшими личностями, какими они могут быть, они активируют в себе искру Провидения или выполняют свой долг как разумные существа. Тем самым, быть разумным означает быть добродетельным.

Другой способ развить свои рациональные способности, который поддерживали и Эпиктет, и Аврелий, состоял в том, чтобы постоянно, хотя и отстраненно сосредотачиваться исключительно на своей текущей ситуации [6, с. 7-122]. То есть, для обоих философов сосредоточение внимания на настоящем моменте и анализ своего бедственного положения с непредвзятой точки зрения является неотъемлемым способом обрести способность рассуждать. Эта способность рассуждать возрастает, когда люди естественны или верны самим себе, что происходит от концентрации на проживании жизни в данный момент [5, с. 28; 6, с. 7-122]. Для Эпиктета и Аврелия быть рациональным – величайший навык, ввиду того, что люди как разумные существа наиболее естественны, когда они уравновешенны.

По утверждению Эпиктета и Аврелия, разум является величайшей добродетелью, поскольку он ведет к правильному пониманию природы и своих ограниченных способностей по сравнению с ней, а также предоставляет человеку инструменты, необходимые для того, чтобы жить внутренне самодостаточно. В то же время, разум оказывает сдерживающее действие, которое обусловлено способностью человека постигать и воспринимать неизбежность естественного порядка как нечто большее, чем сам человек. Другими словами, когда люди занимаются рассуждениями, они подражают процессам природы, или процессам их изначального, или конечного источника, и, поступая таким образом, они живут достойно как разумные существа. Следовательно, разум, будучи деятельностью, подражающей божественному, или природе, вполне может быть величайшей добродетелью для Эпиктета и Аврелия, потому что он позволяет человеку понять, как правильно жить в его всеобъемлющей системе.

Исходя из представленных классиками античности доктринальных тезисов, стало возможным прийти к выводу о том, что практическая разумность характеризует лиц, наделенных способностью обнаруживать специфические особенности конкретной ситуации, аргументируя действительно релевантными соображениями, соизмеримыми с важностью контекста обсуждения.

Именно способность обнаруживать характерные черты конкретной ситуации квалифицирует практически мудрого человека. В более общем плане добродетель, можно определить как способность распознавать требования, которые соответствующие обстоятельства предъявляют к чьему-либо поведению. Такая восприимчивость к требованиям – это то, что позволяет добродетельному человеку выявлять различные причины для действий, которые возникают в конкретном случае. Важно отметить, что эти соображения складываются, с точки зрения Аристотеля, в единую концепцию, согласно которой практически разумный человек определяет, какие причины действуют в конкретном случае и какая добродетель требует от него действий в данных обстоятельствах.

Другими словами, добродетель – это способность обнаруживать соответствующие опасения или требования, которые дают основания для действий в конкретной ситуации. В связи с этим, разумный человек знает, когда следует применить правило или принцип к конкретному случаю или когда, наоборот, отступление от правила оправдано.

Исследование философских сочинений античного периода позволяет прийти к выводу об отсутствии в них развернутого и целенаправленного рассуждения о природе и сущности разумности. Мыслители раннего периода основное свое внимание уделяли постижению природы бытия, природы, космоса, божественного и лишь позднее и все чаще обращаются к вопросам разума, соотношению разума и добродетели, рационального и иррационального в поведении человека. Кроме того, стоит подчеркнуть, что на этом этапе мыслители, не знавшие дифференцирования философского и психологического свойства, демонстрируют разноплановые рассуждения в контексте разумности, охватывая вопросы как разумности мира, так и разума человека.

Библиография:

1. Аристотель. Этика [пер. Э.Л. Радлова]. М.: Эксмо, 2022. 384 с.
2. Аристотель. Никомахова этика; [пер. Э.Л. Радлова]. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 416 с.
3. Кессиди Ф.Х. Сократ. М.: Мысль, 1976. 198 с.
4. Платон. Диалоги. Апология Сократа [перевод Соловьев М., Жебелев С.] М.: АСТ, 2022. 352 с.
5. Epictetus. Encheiridion: The Manual for Living. [George Long trans.]. New York: Barnes and Noble Inc., 2005. VII-28.
6. Marcus Aurelius. Meditations. [George Long trans.]. New York: Prometheus Books, 1991.199 p.

References:

1. Aristotle. Ethics [per. E.L. Radlov]. Moscow: Eksmo, 2022. 384 p.
2. Aristotle. Nikomakhova ethics; [per. E.L. Radlov]. M.; Berlin: Direct Media, 2020. 416 p.
3. Cassidy F.H. Socrates. M.: Thought, 1976. 198 p.
4. Plato. Dialogues. The Apology of Socrates [translated by Solovyov M., Zhebelev S.] M.: AST, 2022. 352 p.
5. Epictetus. Enchiridion: The Manual for Living. [George Long trans.]. New York: Barnes and Noble Inc., 2005. VII-28.
6. Marcus Aurelius. Meditations. [George Long trans.]. New York: Prometheus Books, 1991.199 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_46

УДК 340

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКОГО LEGAL AWARENESS AND LEGAL CULTURE AS KEY ELEMENTS OF A POLICEMAN'S PROFESSIONAL ACTIVITY

АСЕЕВ Игорь Анатольевич,

доцент кафедры истории и теории государства и права
Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа).
ул. Муксинова, 2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450091, Россия.
E-mail: amulet-str@yandex.ru;

КАРИМОВ Рим Римович,

доцент кафедры теории государства и права Института права
Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа).
ул. Заки Валиди, 32, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450000, Россия.
E-mail: amulet-str@yandex.ru;

КАРИМОВА Гузель Юрисовна,

доцент кафедры экологического и трудового права Института права
Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук (г. Уфа).
ул. Заки Валиди, 32, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450000, Россия.
E-mail: amulet-str@yandex.ru;

ASEEV Igor,

associate professor of history and theory of state and law of Ufa law institute
of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of historical sciences, associate professor (Ufa).
Muksinova str., 2, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
E-mail: amulet-str@yandex.ru;

KARIMOV Rim,

associate professor of the department of theory of state and law, Institute of law,
Ufa university of science and technology candidate of legal sciences, associate professor (Ufa).
32 Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450000, Russia.
E-mail: amulet-str@yandex.ru;

KARIMOVA Guzel,

associate professor, department of environmental and labor law, Institute of law,
Ufa university of science and technology, candidate of legal sciences (Ufa).
32 Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450000, Russia.
E-mail: amulet-str@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием правовой культуры и правового сознания у сотрудников органов внутренних дел. Особое внимание уделяется роли руководителя в процессах повышения уровня правовой культуры сотрудников полиции.

Abstract. The article deals with issues related to the formation of legal culture and legal consciousness among employees of internal affairs bodies. Special attention is paid to the role of the head in the processes of improving the level of legal culture of police officers.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, профессиональная этика, органы внутренних дел, полиция.

Keywords: legal culture, legal awareness, professional ethics, internal affairs agencies, police.

Для цитирования: Асеев И.А., Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю. Правосознание и правовая культура как ключевые элементы профессиональной деятельности полицейского // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 46-49. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_46.

For citation: Aseev I.A., Karimov R.R., Karimova G.Yu. Legal awareness and legal culture as key elements of a policeman's professional activity // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 46-49. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_46.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2024

Правовая культура и правовое сознание являются важными элементами любого общества, а их уровень говорит о степени его развития. Следует отметить, что рассматриваемые нами категории особенно важны и в правоохранительной сфере. Сотрудники органов внутренних дел как представители государственной власти наиболее часто взаимодействуют с населением и от их личностных качеств нередко зависит восприятие государства в целом.

К сожалению, в средствах массовой информации нередко появляются статьи о полицейских, совершающих противоправные деяния. Можно предположить, что совершение полицейскими правонарушений может свидетельствовать о неудовлетворенности отдельных сотрудников своей работой, досадных моментах, имеющих место в полиции или просто о низком уровне правосознания и правовой культуры. Проблема обостряется еще и фактами незаконной передачи конфиденциальной информации по незащищенным каналам связи. Подобные случаи имеют место быть [2].

В научной литературе справедливо отмечается, что общественная опасность преступлений, совершенных должностным лицом, несколько выше, нежели у других составов, что непосредственно связано со спецификой субъекта правонарушения и возможностями, которыми он в силу занимаемой должности и служебного положения может воспользоваться при совершении правонарушения [1, с. 125].

На сегодняшний день установлен ряд обстоятельств, которые могут рассматриваться в качестве причин роста должностных преступлений. К ним, в частности, можно отнести профессиональную дезориентацию, понижение значимости правовых норм, утрата понимания необходимости защиты правовых благ с точки зрения морали и права, ухудшение условий в социальной и экономической сферах. Если исходить из того, что институт полиции представляет собой репрезентативный срез общества, возникают вопросы: может ли полиция одна бороться с ростом преступности? Каким образом следует формировать правосознание в условиях, когда многие преступники остаются безнаказанными? Как воспрепятствовать тому, чтобы население не воспринимало полицию как институт, карающий людей в основном за малозначительные правонарушения, например, связанные с транспортными происшествиями, и ничего не предпринимающий в борьбе с тяжкими преступлениями? Что делать с полицейскими-преступниками? Что предпринимается полицией на стадии раннего выявления противоправных деяний; как обращаться с лицами, демонстрирующими социально отклоняющееся поведение?

На некоторые из этих вопросов можно ответить с помощью проведения социального аудита в системе управления деятельностью в органах внутренних дел. Так, например, социальный аудит осуществляется в рамках следующих процедур:

- аудит структуры управления правоохранительного органа;
- аудит системы управления персоналом;
- аудит мотивационного поля сотрудников;
- изучение социально-психологического климата, сложившегося в правоохранительном коллективе, и др. [5, с. 71].

Однако, основные из этих вопросов, конечно же, обращены к сотрудникам полиции, к их чувству долга и ответственности. Кроме того, считается, что, для того чтобы полиция могла соответствовать своему назначению и роли, она должна иметь четкую позицию, укреплять принципиальность и ответственность, вырабатывать иммунитет по отношению к давлению извне и иным факторам внешнего воздействия, повышать уровень правовой культуры, а также согласовывать собственные представления с нормами права. Все это может облегчить последовательную реализацию права.

Социологи также не остались в стороне от происходящих в обществе изменений. Они тщательно занимались их изучением, очертили круг проблем. Однако ощущается недостаток в прагматическом решении проблем, поскольку не все участвующие в этом процессе способны прийти к консенсусу, что может заметно повлиять на ситуацию. Поэтому не удивительно, что полиция также занимается поиском решения затрагиваемых проблем. Сегодня полиция стала более критически обращать внимание на положение дел в собственном институте, на свой облик, принципы и систему ценностей, действующую в органах внутренних дел. При этом поиск путей к определению своей роли связан с такими понятиями, как формирование правосознания и правовой культуры полицейского, профессиональной этики, философских убеждений и т.д. Примечательно, что некоторые из этих понятий в содержательном плане носят расплывчатый характер и поэтому должны быть наполнены практическим содержанием.

Формирование правосознания – это совокупность факторов, влияющих на образ мыслей человека, его представления о ценности права и в целом модель поведения, являющиеся определяющими в любой сфере деятельности, в том числе и в правоохранительной. Важнейшими понятиями, обсуждаемыми в этой связи, являются: осознание полицейскими своей роли в обществе; мотивация; рабочая атмосфера; тон общения; профессионализм; идентификация; удовлетворение от работы; ответственность; объективность, а также прозрачность действий и поступков.

Полицейская этика как составная часть правосознания полицейского служит человеку ориентиром в плане понимания самого себя, определения своей роли и ответственности в самых различных ситуациях. Цель этики – придание осмысленности действиям, развитие представлений о ценностях и направленное поведение в плане соблюдения права и морали.

Профессиональная этика полицейского как часть правовой культуры полицейского должна быть ориентиром в его работе и наполнять ее смыслом. Полицейским, необходимо осознавать значение ценностей и иметь твердые правовые убеждения с тем, чтобы быть справедливым и служить примером для других. Здесь следует особо выделить понятие справедливость. Как верно отмечают в своей статье Петров А.В. и Жичкина С.Е.: «Справедливость в этике – это требование, которое обращено к сильному по отношению к слабому: к государству по отношению к личности, к работодателю по отношению к работнику и даже к богатому по отношению к бедному. Этот важный аспект этического содержания справедливости используется в качестве требования к нормам права, регулирующим отношения между государством и личностью, обществом и личностью». [4, с. 42].

В действиях полицейских должны превалировать такие принципы как законность, объективность, толерантность и гуманизм. Быть гуманным – означает учитывать интересы отдельно взятого гражданина. Только это укрепляет правовое государство и позволяет развивать демократию. Одновременно это также укрепляет собственный дух и совесть.

Полиции до сих пор не удалось выработать соответствующую духу времени полицейскую теорию как часть полицейской культуры. И все же в этом огромном институте, как впрочем, и в остальном обществе, существуют многочисленные суб- и микро культуры, носителями которых являются, очевидно, и сотрудники полиции.

В демократическом обществе граждане создают для себя многочисленные возможности для свободы действий. Как любому гражданину такие возможности предоставлены и полицейским. Право на свободу выбора требует сегодня от индивидуума большей компетентности в плане организации собственной жизни. Общество хочет иметь граждан интеллигентных, критически настроенных, имеющих право на самоопределение, высказывающих свою позицию. Сегодня такие люди есть и в рядах российской полиции. Вместе с тем, происходит столкновение с нарастающими конфликтами, в частности, между выполнением задач, возложенных на полицию законом, которые выполняются в ходе повсе-

дневной деятельности, и собственным отношением и оценкой содержания стоящей перед полицией задачи. Качество работы полиции измеряется тем, насколько бесконфликтно справляется она с подобными трудностями.

В органах полиции, как и в обществе в целом, размывается отношение к «установленному порядку», утрачивают значение ценности, связанные с долгом и обязанностью. Все большее место отводится вопросам, связанным с решением поставленных задач, в результате чего постепенно меняется и отношение к работе. Полицейские нуждаются в коммуникативности на работе, в событиях, спланированных коллективом, чтобы получать удовлетворение от работы. Поскольку одно без другого функционировать не может, видимо, необходимо стремиться к синтезу и того и другого. Если полиции сегодня трудно определить свое место, культура полицейского могла бы способствовать тому, чтобы найти смысл и возможности для собственной идентификации. Если она не сможет сообща выработать обязательные для всех руководящие принципы и ориентироваться на них, то тогда может возрасти число вопросов о смысле и целях, касающихся профессиональной деятельности, беспомощности, неуверенности, профессиональной неудовлетворенности и утраты осознания важности профессии.

Поэтому правовая культура российского полицейского должна стать тем ориентиром, который позволит глядеть в будущее и с помощью норм права облегчит принятие решений. На этом пути много трудностей содержательного характера в плане выработки понятийного аппарата. Речь идет о разработке четких, ориентированных на практику правил, формул и руководящих принципов. Это должны быть не просто фразы и слова. Все должно быть убедительным и глубоко осознанным.

При этом важно, что развитие правового сознания нельзя добиться автоматически, например, используя присягу. Лишь осознание философских принципов специфики работы служит основанием для более высокой эмоциональной оценки коллектива и укрепления самосознания каждого в отдельности. Ведь в конце концов мы ожидаем сотрудника полиции его участия в выполнении поставленной задачи, улучшения взаимоотношений между коллегами, создания условий для получения удовлетворения от работы и содействия повышению уровня мотивации участия в работе каждого. Все это происходит не автоматически и быстро, это длительный процесс. Он должен рассматриваться в качестве перманентной задачи всех сотрудников органов внутренних дел. Причем этого нельзя достичь по разнарядке.

Руководство всех уровней призвано участвовать в практической реализации задуманного без воздействия силы слова, заявлений или распоряжений. При этом речь, конечно же, не может идти только о «революции сверху». Каждый должен ощущать себя причастным и быть готовым участвовать в реализации намеченного. В настоящее время разработаны различные концепции, в которых речь идет о том, как можно усилить роль руководителя, выработать главенствующие принципы, активно привлекая к этой работе руководителей всех рангов. Можно выделить следующие факторы успешной деятельности руководителя:

- специальная управленческая подготовка и высокая профессиональная компетентность;
- риск и ответственность как оптимальное сочетание характерологических качеств;
- хорошо развитая интуиция, умение предвидеть будущие события и последствия их решений;
- оригинальность мышления, гибкость, нестандартность, способность находить неординарные решения;
- желание и интерес к управленческой деятельности;

– обладать высокими коммуникативными качествами, умение работать с людьми, убеждать и влиять на людей, общаться взаимодействовать [3, с. 77].

Изменения, происходящие в обществе, сказываются и на органах полиции. Они должны также реагировать на социальные преобразования, приспосабливаться к ним, как и другой административно-управленческий аппарат, и при этом не идти абсолютно другим путем. Кроме того, важно понимать, что правовая культура полицейского не может быть лучше той культуры, которая господствует в обществе и в этой связи невозможно исходить из монокультурного социума.

Полиция все чаще испытывает трудности, сталкиваясь с социальными изменениями. Трансформируются политическое сознание и поведение гражданского населения. Все больше требований предъявляется к принимаемым политическим решениям, имеют место явно выраженная готовность граждан самим разрешать возникающие конфликты, раздаются требования о возможности оказывать влияние на события и осуществлять контроль за ними.

Посредством осознания полицией своей роли, установок по отношению к гражданам, по своим задачам формируются отношения между полицией и населением, определяются отношения граждан к правоохранительным органам и, в конечном итоге, к государству. Ориентация на основной закон требует от полиции также готовности воспринимать критику граждан и представлять отчеты о том, как она использует имеющиеся у нее властные полномочия. Полиция должна быть открытой, ее действия должны быть прозрачны, поскольку она рассчитывает на участие населения.

Разрешение конфликтных ситуаций, возникающих при расследовании конкретного дела, требует принятия квалифицированного решения. Сотрудники полиции часто подвергаются резкой критике, попадают в конфликтные ситуации, поскольку должны реагировать на экстраординарные ситуации и принимать оперативные решения. Им часто приходится иметь дело с отклоняющимся поведением, человеческими слабостями, чрезвычайными ситуациями. Они часто оказываются перед лицом агрессии, враждебности и ненависти, при этом эффективность принимаемых ими мер невелика. Важно, чтобы полицейские умели адекватно оценивать как положительные результаты своей деятельности, так и проблемы, связанные со служебным перемещением, трудностями карьерного роста, ограниченностью своего материального и служебного статуса.

В этих условиях полицейские просто вынуждены уделять повышенное внимание к себе и служебной обстановке. Когда на работе все хорошо организовано, тогда есть и успехи, или говоря иначе: довольный полицейский – хороший полицейский.

Развитие правовой культуры сотрудника полиции может иметь место только тогда, когда она развивается во всем обществе.

В качестве вывода можно отметить, тот факт, что наибольшее значение в развитии правосознания и правовой культуры у сотрудников полиции должно придаваться роли руководства, прежде всего непосредственных начальников, поскольку каждый сотрудник осознанно или неосознанно ориентируется в своей деятельности не только на мнения, высказывания и поведение коллег, но и на собственного руководителя. Иначе говоря, руководство должно являться примером и формировать ориентиры и цели для подчиненных. Этого можно добиться путем постановки интересных задач, придания смысла работе и распределения ответственности, способствуя тем самым развитию личности сотрудников. Сюда же относится формирование креативно мыслящего коллектива, ориентация на достижение успехов, уважение личности сотрудника, взаимное доверие и открытость.

Библиография:

1. Игнатъева С.В. Теоретические аспекты привлечения должностных лиц к юридической ответственности / С.В. Игнатъева, Н.Ю. Вашкович, Ф.Х. Галиев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 124–131. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.17
2. Интернет-портал «РИА Новости» <https://ria.ru/20221201/dannye-1835515389.html> (дата обращения 12.03.2024).
3. Иванова О.П., Мамедова Л.В. Эффективное руководство старшего руководящего состава ОВД // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 5А. С. 74-81. DOI: 10.34670/AR.2022.10.10.011.
4. Петров А.В. Справедливость как критерий ценности права / А.В. Петров, С.Е. Жичкина // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 40–47. DOI 10.33184/pravgos-2022.2.4.
5. Ямалетдинова Н.В. Роль социального аудита в системе управления деятельностью органов внутренних дел / Н.В. Ямалетдинова, Н.В. Маликова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 70-76. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.10.

References:

1. S. Ignatieva.V. Theoretical aspects of bringing officials to legal responsibility / S.V. Ignatieva, N.Yu. Vashkovich, F.H. Galiev // The rule of law: theory and practice. - 2022. – No. 3. – pp. 124-131. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.17
2. RIA Novosti Internet portal <https://ria.ru/20221201/dannye-1835515389.html> (date of appeal 03/12/2024).
3. Ivanova O.P., Mammadova L.V. Effective leadership of the senior management staff of the Department of Internal Affairs // psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2022. Vol. 11. No. 5A. pp. 74-81. DOI: 10.34670/AR.2022.10.10.011.
4. Petrov A.V. Justice as a criterion of the value of law / A.V. Petrov, S.E. Zhichkina // The rule of law: theory and practice. - 2022. – No. 2. – pp. 40-47. DOI 10.33184/pravgos-2022.2.4.
5. Yamaletdinova N.V. The role of social audit in the management system of internal affairs bodies / N.V. Yamaletdinova, N.V. Malikova // The rule of law: theory and practice. - 2022. – No. 4. – pp. 70-76. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.10.

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА: ТРАДИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ FORMS OF THE STATE: THE TRADITIONAL MODEL AND ITS TRANSFORMATION

ЧУКСИНА Валентина Валерьевна,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности,
Байкальский государственный университет.
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: v-chuksina@yandex.ru;

ЯКИМОВА Екатерина Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой конституционного и административного права,
Байкальский государственный университет.
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: yakimova_katerin@mail.ru;

Chuksina Valentina Valerievna,

Doctor of law, Professor, Head of the Chair of legal support of national security,
Baikal State University.
11, Lenin str., 664003, Irkutsk.
E-mail: v-chuksina@yandex.ru;

Yakimova Ekaterina Mihailovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Chair,
Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University.
11 Lenin St., 664003, Irkutsk.
E-mail: yakimova_katerin@mail.ru

Краткая аннотация: Теоретические конструкции представляют собой сложившиеся в результате длительной дискуссии модели, которые редко подвергаются значительной трансформации, однако отдельные изменения возможны в силу объективных причин или изменения подходов к анализу научных категорий. Сделаны выводы, что традиционная модель формы государства представлена тремя элементами, однако высказываются предложения по выделению и других элементов, кроме того, представления о форме правления, форме территориального устройства, политическом режиме трансформируются исходя из обновления практики государственного строительства.

Abstract: Theoretical constructions are models that have developed as a result of a long discussion, which rarely undergo significant transformation. Individual model changes are possible due to objective reasons or changes in approaches to the analysis of scientific categories. It was concluded that the traditional model of the form of the state is represented by three elements, but proposals are made for the isolation of other elements. Ideas about the form of government, the form of territorial structure, the political regime are transformed based on the renewal of the practice of state construction.

Ключевые слова: форма государства, модель, форма правления, территориальное устройство, политический режим.

Keywords: form of state, model, form of government, territorial structure, political regime.

Для цитирования: Чукина В.В., Якимова Е.М. Формы государства: традиционная модель и ее трансформация // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 50-52. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_50.

For citation: Chuksina V.V., Yakimova E.M. Forms of the State: the traditional model and its transformation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 50-52. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_50.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2024

Выбор оптимальной модели организации государственной власти – достаточно сложен для любого государства. Облик каждого государства можно упрощенно определить через анализ его форм. Под формой государства «обычно понимают организацию государственной власти или государства в целом. Данное определение не раскрывает в достаточной мере понятие «форма государства», т.к. форма государства является структурно сложным явлением, состоящим из определенных элементов» [9, с. 55]. Более точно форму государства можно определить как «структуру, определенную модель внутреннего устройства государства, включающую его территориальную организацию, принципы, способы образования и взаимодействия органов государственной власти, а также методы осуществления власти, обеспечивающие проведение определенной государственной политики» [11, с. 42].

Так, например, форма правления в любом государстве выступает стержнем социальной и политической жизни. Форма правления должна адекватно отражать национально-исторические особенности страны, культурные традиции общества, менталитет населения. Лишь в этом случае могут быть выявлены во всей полноте ее положительные характеристики.

Форма территориального устройства (также употребляется термин форма государственного устройства, однако именно территориальное устройство точно определяет анализируемые параметры) также во многом определяет характеристику государства и государственной власти, поскольку показывает характер взаимодействия территорий и центра. Политический режим во многом характеризует степень демократизма, сложившуюся в обществе.

Теоретическая конструкция «форма государства» имеет традиционное содержание, однако трансформация государств, новые проявления различных форм государства приводит и к трансформации представлений о правовом содержании конструкции «форма государства».

Можно выделить три элемента: форма правления; форма государственного устройства и политический режим. Кроме данных трех элементов некоторые ученые (Ф. М. Бурлацкий, В. Е. Чиркин, А. А. Тихонов, С. В. Рябов) выделяют четвертый элемент – политическую динамику. Вместе с тем, согласимся с мнением С.А. Киреевой, что «данное понятие является не дополнительным элементом формы государства, а, скорее, свойством, качеством, присущим каждому элементу формы, выражающим их способность к изменению, модернизации, развитию. Поэтому

политическую динамику, по нашему мнению, следует рассматривать применительно ко всем элементам формы государства» [4, с. 10].

Отметим, что понятие формы государства не может быть исчерпано количеством заданных элементов [см. 6; 7]. «Не менее важно учитывать характер взаимосвязей между элементами, между элементами и целым, поскольку при соединении их различных сторон возникает не сводимое к отдельным элементам новое качество, отражающее единство институционального, коммуникативного и функционального аспектов» [9, с. 9].

Форма правления — это организация верховной власти в государстве или организация высших органов государственной власти. Форма правления говорит о том, кому принадлежит верховная власть в государстве, какими органами она представлена, как эти органы взаимодействуют друг с другом.

Традиционно в науке выделяют две основные формы правления: монархическую и республиканскую, соответственно этим двум формам правления выделяются государства: монархии и республики.

Для монархии характерно то, что верховная власть сосредоточена в руках монарха, получаемого власть по наследству (т.е. власть принадлежит престолонаследному лицу [8, с. 6]). В зависимости от того, каким объемом власти обладает монарх, в монархии выделяются две основные разновидности:

- неограниченная (абсолютная) – при данной форме правления монарх обладает всей полнотой власти, власть монарха ничем не ограничена; абсолютные монархии были широко распространены в прошлом, в современный период времени государств – юридически абсолютных монархий нет, но «де-факто» они существуют;

- ограниченная – при данной форме правления верховная власть монарха ограничена выборным представительным органом государственной власти (парламент); ограниченные монархии встречаются как в прошлом, так и в настоящем; «де-юре» все современные монархии являются конституционными.

Республика характеризуется тем, что верховная власть принадлежит выборному представительному органу (монарх отсутствует). Все республики (с учетом существующего политического режима) подразделяются на демократические и антидемократические. И те, и другие встречались как в прошлом, так и существуют в настоящем. Подавляющее большинство современных республик – демократические.

Современные демократические республики, в свою очередь, подразделяются на парламентарные и президентские. Первичным признаком разграничения парламентарной и президентской республик является порядок избрания президента на должность. Так, в парламентарной республике президент избирается парламентом, а в президентской – народом (населением страны). В первом случае правительство формируется парламентом и действует автономно, во втором случае правительство формируется президентом, который нередко является главой правительства (дополнительный признак).

Кроме того, выделяют смешанную республику. Смешанная республика (также может называться полупрезидентской, полупарламентской, президентско-парламентской республикой) — это «форма государственного правления, находящаяся между президентской и парламентской республиками. С одной стороны, парламент смешанной республики имеет право вынести вотум недоверия правительству, сформированному президентом. С другой стороны, президент имеет право распустить парламент и назначить внеочередные выборы (в некоторых странах парламент не может быть распущен в течение конституционно определённого срока)» [1, с. 62].

Форма территориального устройства — это «способ территориальной организации государства или государств, образующих союз. Также закрепленный в конституции страны способ взаимосвязи государства и его составных частей (территорий), характеризующий территориальную организацию государственной власти. Не относятся к формам государственного устройства межгосударственные объединения, содружества и сообщества государств» [2, с. 78].

Традиционно формами государственного территориального устройства называли унитарное государство (простое, единое государство, которое характеризуется отсутствием у административно-территориальных единиц признака суверенитета) и федеративное государство (сложное, союзное государство, части которого являются государственными образованиями с определенным государственным суверенитетом).

Федерацию характеризуют как особую политическую систему. Своеобразие этого взгляда видят в том, что органы управления (в широком смысле слова) не смешиваются, не расположены друг над другом и не связаны иерархическими отношениями, они объединены в одно целое и вместе с тем обособлены, причём ни одному из них не отдаётся предпочтения. Однако такой взгляд имеет недостатки: под политической системой общества принято понимать нечто другое; в тех странах, где нет федерации, есть своя политическая система. Поэтому понятие федерации нельзя определять через понятие политической системы.

По способу создания выделяют федерации: конституционные (формируются через децентрализацию первоначально унитарных государств «сверху»: Индия, Канада) и договорные (образованные путем объединения изначально независимых субъектов «снизу»: США, Объединенные Арабские Эмираты, Объединенная Республика Танзания).

По принципу создания федерации различают: национальные (сформированы с учетом национального деления – СССР, Югославия, Индия), территориальные (сформированы исключительно по территории: Австрия, ФРГ), смешанные – Канада, Швейцария, Российская Федерация.

По статусу находящихся в федерации субъектов можно выделить симметричные (например, ФРГ) и ассиметричные федерации (например, Российская Федерация, США).

Достаточно долго, вплоть до конца 20 века, отдельной формой государственного территориального устройства называли конфедерацию как временный союз государств, создаваемых для достижения политических, экономических, культурных и прочих целей. Многие авторы считают, что конфедерация не является формой государственного устройства, поскольку это союз суверенных государств и на внутреннюю

жизнь государства нахождение в конфедерации не влияет. Однако, например, в Швейцарии формой государственного устройства формально является конфедерация кантонов. Исторический опыт показывает, что конфедеративные объединения имеют нестойкий, переходный характер: они либо распадаются, либо преобразуются в федерации. Объединения государств носят характер международных организаций и конфедерациями не являются (Европейский союз, Британское содружество).

Политический режим можно рассматривать как совокупность методов осуществления государственной власти. Политический режим говорит о том, как осуществляется государственная власть, и на какие методы она опирается в своей деятельности. «Политический режим характеризует не только государственную власть, но в целом политическую власть. Та часть политического режима, которая характеризует государственную власть, нередко называется государственным или государственно-правовым режимом» [10, с. 59].

Традиционно выделяют две разновидности политических режимов, которые существуют ещё с глубокой древности: демократические и антидемократические. Тем не менее, предлагаются и иные классификации политического режима. Например, З. К. Сташ указывает, что необходимо «осуществлять классификацию не на основе критерия демократичности, а на основе практического критерия, то есть в зависимости от соответствия теоретической смысловой нагрузки практическим реалиям. В связи с этим нет необходимости объединять указанные типы в группы и противопоставлять их друг другу, как это принято. Ввиду этого элементы из разных типов политических режимов могут переходить друг в друга, создавая новые реальные формы, что подтверждается практикой, которая позволяет говорить о наличии различных гибридных форм политического режима, таких как: номенклатурная демократия, демократура, мнимый конституционализм, манипулятивная демократия и т.п.» [цит. по: З. с. 11-12]. Однако, как представляется, данная классификация является более сложной и при исследовании применения политических режимов в истории зарубежных стран она не приемлема. Таким образом, государство характеризуется прежде всего тремя составляющими – формой правления, формой территориального устройства и государственно-политическим режимом.

Среди выводов по результатам настоящего исследования отметим следующие. В широком смысле государство — это общество, организованное определённым образом. Государство в узком смысле — это всеобъемлющая, суверенная, политико-территориальная организация, обладающая публичной властью со специальным аппаратом управления и принуждения и осуществляющая руководство (управление) обществом (в интересах либо народа в целом, либо каких-то классов или социальных групп) внутри страны и представляющая его интересы за ее пределами.

Государство имеет несколько форм, то есть является структурно сложным явлением. Под формой государства обычно понимают организацию государственной власти или государства в целом. Основными формами государства являются форма правления, форма государственного устройства, политический режим. Кроме того, некоторые авторы называют еще одну форму государства: политическую динамику. Однако данное понятие является не дополнительным элементом формы государства, а, скорее, свойством, качеством, присущим каждому элементу формы, выражающим их способность к изменению, модернизации, развитию. Поэтому политическую динамику следует рассматривать применительно ко всем элементам формы государства.

Библиография:

1. Беляева, О. М. Теория государства и права / О. М. Беляева. – Москва: Феникс, 2012. – 311 с.
2. Гаджиев, К. С. Политология: учебник / К. С. Гаджиев. – Москва: Юрайт, 2008. – 351 с.
3. Голушков, Д. И. Политический режим России: Особенности формирования и правового регулирования: автореферат дисс.... канд. юрид. наук / Д. И. Голушков. – Омск, 2006. – 24 с.
4. Киреева, С. А. Политический режим как элемент формы государства: теоретико-правовое исследование: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С. А. Киреева. – Саратов, 1997. – 29 с.
5. Личковаха, А. В. Эволюция формы правления и политического режима в постсоветской России: конституционно-правовые и институциональные аспекты: автореферат дисс.... канд. юрид. наук / А. В. Личковаха. – Хабаровск, 2011. – 24 с.
6. Минникес, И. А. Развитие теории толкования права в западноевропейской юриспруденции / И. А. Минникес // Академический юридический журнал. – 2022. – Т. 23, № 2(88). – С. 109–116. – DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(2).109-116.
7. Минникес, И. В. История отечественного государства и права: предметно-отраслевой способ изложения / И. В. Минникес // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2013. – № 5. – С. 20.
8. Минникес, И. В. Правовые средства легитимации титула главы государства в России (X-XIX вв.) / И. В. Минникес // Академический юридический журнал. – 2022. – Т. 23, № 1(87). – С. 5-13. – DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(1).5-13.
9. Пьянов, Н. А. Консультации по теории государства и права: уч. пособие / Н. А. Пьянов. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005. – Ч. 1. – 220 с.
10. Самыгин, С. И. Основы социологии и политологии: учебник / С. И. Самыгин, А. В. Верещагина, И. М. Сампиев, И. Ф. Денисенко. – Москва: Феникс, 2009. – 480 с.
11. Теория государства и права: учебник / под ред. А. С. Пиголкина. – Москва: ЮРАЙТ-ИЗДАТ, 2011. – 613 с.

References:

1. Belyaeva, O. M. Theory of rights and rights. M. Belyaeva. - Moscow: Phoenix, 2012. - 311 PP.
2. Gadzhiev, K. S. Political science: textbook / K.S. Gadzhiev. - Moscow: Yurit, 2008. - 351 pp.
3. Golushkov, D. And. Political regime of Russia: special features formation and Legal Regulation: autoreferat diss.... Kand. legal. science / D. And. Golushkov. - Omsk, 2006. - 24 p.
4. Kireeva, S. A. Political regime how the element form the government: theoretical-legal and investigation: authorferat diss. ... Kand. legal. Science / s A. Kireeva. - Saratov, 1997. - 29 p.
5. They Were Like, Ah. V. Law and political regime in the post-Soviet Russia: constitutional-legal and Institution-legal-evaluative aspect evaluative: autoreferat diss.... Kand. legal. scienceV. They were showing off. - Khabarovsk, 2011. - 24 p.
6. Minnicks, I. A. Development of theories of so many rights in western European jurisprudence. A. Minnicks // academic legal journal. – 2022. - T. 23, № 2(88). - S. 109–116. – DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(2).109-116.
7. Minnicks, I. V. History of the fatherland of state grants and rights: object - industry method exhibitions / s. V. Minnicks // Izvestia Irkutsk State University - darvinshoy extraveconomical academies(Baikal State University in Bulgaria). – 2013. – № 5. - S. 20.
8. Minnicks, I. V. Legal urgand means legalizations title head.....) / And. V. Minnicks // academic legal journal. – 2022. - T. 23, № 1(87). - S. 5-13. – DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(1).5-13.
9. Pyanov, N. A. Consultations on theories of government and rights : study. equipment / N. A. Pyanov. - 2nd ed., ISPR. and DOP. - Irkutsk: Iguu publishing house, 2005. - H.1. - 220 P.
10. Sam Urgan, S. And. Foundationmedial sociology and political science: textbook / P. And. Sam Urgan, A. V. Vereshtagina, I. M. Sampiev, I. F. Denisenko. - Moscow: Phoenix, 2009. - 480 PP.
11. Theory of government and rights: textbook / Ed. A. S. Pigolkin. - Moscow: YURIT-IZDAT, 2011. - 613 PP.

СОЦИО-KOMМУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ THE SOCIO-COMMUNICATIVE NATURE OF THE SOCIAL CONTRACT IN MODERN SOCIAL AND LEGAL THOUGHT

БОЙКО Никита Дмитриевич,

студент аспирантуры, Таганрогский институт управления и экономики.
Петровская ул., 45, г. Таганрог, Ростовская обл., 347905, Россия.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru;

Boyko Nikita Dmitrievich,

postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, Rostov region, 347905, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: общественный договор – это понятие социальной и политической философии, связанное с теорией установления и сущности государства как результата соглашения между людьми. Теория общественного договора – это «концепция, в рамках которой государство понимается как продукт сознательного творчества людей, созданный на основе договора, заключенного людьми, до этого находившимися в «естественном» или первобытном состоянии». В настоящей статье рассмотрены четыре базовых признака договорной теории и определена практическая ее ценность для современной социально-правовой мысли.

Abstract: the social contract is a concept of social and political philosophy associated with the theory of the establishment and essence of the state as the result of an agreement between people. Social contract theory is «a concept in which the state is understood as a product of the conscious creativity of people, created on the basis of a contract concluded by people previously in a «natural» or primitive state». This article examines four basic features of contract theory and determines its practical value for modern social legal thought.

Ключевые слова: теория общественного договора, признаки, защита свободы личности, подчинение правовым требованиям государственной власти, формальное равенство, легитимность государственной власти.

Key words: social contract theory, signs, protection of individual freedom, submission to the legal requirements of state power, formal equality, legitimacy of state power.

Для цитирования: Бойко Н.Д. Социо-коммуникативная природа общественного договора в современной социально-правовой мысли // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 53-55. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_53.

For citation: Boyko N.D. The socio-communicative nature of the social contract in modern social and legal thought // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 53-55. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_53.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024

Общественный договор – это понятие социальной и политической философии, связанное с теорией установления и сущности государства как результата соглашения между людьми.

Идея общественного договора была впервые развита Джоном Локком, Томасом Гоббсом и Жан-Жаком Руссо. Они предполагали, «что люди живут в естественном состоянии, где права и свободы ограничены, а конфликты и насилие распространены. Чтобы избежать хаоса, люди заключают договор друг с другом и создают правительство, которое будет регулировать общество и защищать их права» [8, с. 93].

Таким образом, теория общественного договора – это «концепция, в рамках которой государство понимается как продукт сознательного творчества людей, созданный на основе договора, заключенного людьми, до этого находившимися в «естественном» или первобытном состоянии. Юридическое значение данного договора заключается в том, что люди, прежде ничем не ограниченные, передают часть своей свободы государству» [6, с. 37].

Рациональная цель заключения общественного договора и объединения людей в государство заключается не только в установлении и поддержании правового порядка, но также в обеспечении защиты свободы личности. Это означает, что государство должно гарантировать каждому индивидууму право на свободу слова, собраний, вероисповедания и других основных прав. Общественный договор становится механизмом, который обеспечивает равные возможности для всех граждан, независимо от их положения в обществе. Таким образом, защита свободы личности является одним из ключевых признаков общественного договора и основанием для установления правового порядка в обществе.

В существующих сегодня концепциях общественного договора принято выделять два вида безопасности, являющихся ключевыми – это безопасность жизни и безопасность собственности. Конечно, существуют и иные индивидуальные ценности, которые члены общества стремятся защитить, однако в глобальном смысле они все подпадают под две указанные выше категории. В целом же и безопасность жизни, и безопасность собственности могут быть сведены к одной категории – свобода личности, «ведь собственность является продолжением человека» [2, с. 232].

Обратим здесь внимание на следующий момент. Безопасность до заключения договора является просто ценностью для индивидов. Однако после заключения договора она становится объектом права на безопасность, защиту жизни и собственности членов общества. Значит ли это, что общественный договор является первым источником права и первым из первых законов, фундаментом системы нормативно-правовых актов? Если это так, то мы получаем некую триаду «договор – право – закон», исторически опирающуюся на такие ключевые ценности человека, как жизнь и собственность.

Далее, существуют две стороны безопасности, а точнее, два вектора государственной безопасности. Внутренняя безопасность отвечает

за защиту членов общества друг от друга. Эту функцию выполняют правоохранительные государственные органы, такие как полиция и суд. Внешняя безопасность, в свою очередь, обеспечивает защиту членов общества от иностранных врагов. Здесь роль играют регулярная армия, дипломатические службы и службы разведки. Таким образом, защита осуществляется как через монополию правового принуждения, так и через коммуникацию.

Важно отметить, что синергия потенциалов защиты членов общества, выраженных индивидуально в естественном состоянии, создает суммарный потенциал защиты государства и граждан, который как количественно, так и качественно превосходит позицию «каждый сам за себя».

Второй базовый признак, который можно назвать «подчинение правовым требованиям государственной власти», является важной составляющей договорной концепции. Этот признак подразумевает, что общество передает право на принуждение государству, а само общество берет на себя обязательство подчиняться решениям государства. Данный тезис можно встретить у различных авторов, таких как Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо и других последователей договорной традиции XX века. Интересно отметить, что мнения по этому вопросу могут быть противоположными, но все они остаются в рамках данного тематического поля.

В пределах государства принуждение приобретает характер правового принуждения. Это означает, что принуждение применяется к правонарушителям с целью обеспечения защиты свободы личности. Можно сказать, что государство обладает «монополией на правовое принуждение». Однако следует отметить, что вне контекста первого базового признака, а именно защиты свободы личности, второй признак теряет свой смысл. Таким образом, подчинение правовым требованиям государственной власти становится значимым только в рамках обеспечения защиты свободы личности.

Если разобраться в деталях, мы можем увидеть два состояния: «до» и «после». Состояние «до» представляет собой естественное состояние до заключения общественного договора, где каждый человек сам за себя, и работает правило «человек человеку волк». Зачастую лучше быть первым и предупредить возможную атаку на свою жизнь и собственность, чем надеяться, что такого не произойдет. В этом состоянии присутствует насилие.

Состояние «после» представляет собой гражданское состояние после заключения общественного договора. Монополия на принуждение делегирована государству, внешнему органу. Теоретически, в обществе нет принуждения. Фактически же, оно минимально (по сравнению с естественным состоянием). Глобально говоря, в этом состоянии принуждения нет.

Можно провести аналогию с математикой: в обществе насилие минимально, а государство имеет максимальное право на правовое принуждение. Поскольку принуждение теперь в руках государства, оно имеет право, обязанность и задачу подчинить граждан к соблюдению прав друг друга.

Идея общественного договора (как она понимается обществом) подразумевает, что «силовое давление в важных вопросах общественной жизни является неприемлемым, а экономическая свобода людей не должна быть произвольно ограничена» [7]. С точки зрения теории государства и права, основная суть этого признака заключается в том, что граждане должны подчиняться правовым требованиям государства в результате исполнения его обязанностей по защите свободы граждан. Из этого следует, что важным выводом из проблематики общественного договора является вопрос о контроле над государственной властью для обеспечения защиты прав и свобод граждан.

Третий основной признак – равенство. Какое именно равенство имеется в виду? Мы поднимаемся на высокий уровень абстракции, поскольку признак один, но его воплощений множество:

- равенство перед законом;
- равенство прав и свобод;
- равенство перед судом.

Если мы проанализируем признак равенства, то обнаружим следующую логическую цепь. Общество – это совокупность его членов и взаимосвязей между ними, все члены общества, сколько бы их ни было, должны находиться на одинаковом расстоянии от государства, выступающего в роли третейского судьи [4]. В таком контексте идея «государства» является критерием и точкой отсчета равенства.

Равенство может иметь только формальный характер – равенство между людьми возможно только по признаку свободы. История показывает, что правовой принцип формального равенства должен быть правильно понят, отражен и принят как обычными гражданами, так и элитами. Самым сложным является понимание того, что закон одинаков для всех и не допускает никакой дискриминации или привилегий в законодательстве и правоприменительной практике. Важно отметить, что формальное равенство – это параметр системы общества, значение которого определяется государством.

Четвертый базовый признак – легитимность государственной власти. Одна из основных идей этого признака заключается в том, что общество является определяющим фактором в установлении правового статуса государства. Здесь мы опираемся на широкий спектр инновационных идей. Легитимация власти имеет как формальные, так и содержательные аспекты. Формальный аспект легитимации подразумевает признание самого факта политического господства народа, где власть считается легитимной только тогда, когда «граждане одновременно являются источником власти и ее субъектом» [3], и когда «субъект власти и ее адресат идентичны» [3]. Содержательный аспект легитимации – это легитимация, которая нормирует политическое господство, и «власть заслуживает универсальной способности соглашения (дистрибутивной и коллективной), только когда она выгодна каждому члену общества и обществу в целом» [1].

Итак, легитимная власть – это «власть, которая исходит от народа и ограничена правами и свободами человека» [5]. Основой легитимной власти должен выступать принцип народного суверенитета, она должна служить интересам народа, защищать его права, свободы и законные интересы. Важно отметить, что легитимность – это характеристика государственной системы, значение которой определяется обществом.

Таким образом, мы рассмотрели четыре базовых признака договорной теории: защита прав личности, подчинение правовым требованиям государственной власти, формальное равенство, легитимность государственной власти.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить следующее. Общественный договор, прежде всего, представляет собой заключенное между людьми и органами государственной власти соглашение, цель которого – обеспечение и защита прав граждан, их формального равенства, и, конечно, легитимности государства.

Практическая ценность концепции общественного договора связана с реализацией таких принципов взаимоотношений общества и государства, как гарантирование государством защиты жизни и безопасности, собственности, основных прав и свобод граждан, демократического участия в публичном управлении, легитимности государственной власти, права граждан контролировать деятельность органов государственной власти и права граждан на расторжение / заключение общественного договора.

Практическим следствием концепции общественного договора выступает обоснование и оправдание монополий государственной власти на применение правового принуждения для поддержания внутреннего и внешнего правопорядка, на законодательную деятельность и правосудие только через идею обеспечения прав человека.

Общественный договор в современных реалиях можно рассматривать в качестве критерия оценки взаимодействия государства и общества. Однако концепция общественного договора может быть использована еще и для анализа различных договорных отношений, возникающих в социуме, например, между институтами гражданского общества и государства, между органами власти и секторами бизнеса и иными субъектами.

Библиография:

1. Деревянченко Ю.И. Современный общественный договор. – Текст: непосредственный // Человек и общество в нестабильном мире. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Г.И. Тюменцева. – 2020. – С. 32 – 36.
2. Жоль К.К. Философия и социология права: учебное пособие для вузов / К.К. Жоль. – 2-е изд. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 416 с. – ISBN 5-238-00852-X. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/81710.html> (дата обращения: 08.02.2024). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.
3. Корж Е.Г. Общественный договор как один из источников современной правовой политики. – Текст: непосредственный // Евразийский союз ученых. – 2019. – № 6–5 (15). – С. 21 – 23.
4. Оботурова Н.С., Хахаев Ю.С. Идеи общественного договора и прав человека в философии нового времени и их современное значение. – Текст: непосредственный // Наука глазами молодежи: проблемы и перспективы. Сборник научных статей. Под общей редакцией А.Н. Ласточкина. – Вологда, 2019. – С. 175 – 178.
5. Рубцова С.А. Общественный договор: историческое развитие и проблемы реализации в современных условиях. – Текст: непосредственный // Предпринимательская деятельность в поведенческой экономике: формы реализации и механизмы обеспечения. Материалы Ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Н.М. Прусс, А.Н. Грязнова. – 2019. – С. 197 – 204.
6. Соловьев А.Ю. Теория государства и права: учебное пособие / А.Ю. Соловьев. – Тула: Институт законоведения и управления ВПА, 2020. – 184 с. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/78627.html> (дата обращения: 08.02.2024). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.
7. Тарабан Н.А. Идея общественного договора на современном этапе политико-правовых исследований. – Текст: непосредственный // Философия права. – 2019. – № 1 (88). – С. 130 – 134.
8. Философия права: учебное пособие / А.А. Головина, М.В. Залоило, Д.А. Пашенцев [и др.]; под редакцией Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков. – Москва: Статут, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. – 224 с. – ISBN 978-5-9909636-3-4. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/81135.html> (дата обращения: 08.02.2024). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.

References:

1. Derevyanchenko Yu.I. Modern social contract. – Text: direct // Man and society in an unstable world. Materials of the international scientific and practical conference. The responsible editor is G.I. Tyumentseva. – 2020. – pp. 32-36.
2. Zhol K.K. Philosophy and sociology of law: a textbook for universities / K.K. Zhol. – 2nd ed. – Moscow: UNITY-DANA, 2019. – 416 p. – ISBN 5-238-00852-X. – Text: electronic // Digital educational resource IPR SMART: [website]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/81710.html> (date of application: 02/08/2024). – Access mode: for authorization. users.
3. Korzh E.G. Social contract as one of the sources of modern legal policy. – Text: direct // Eurasian Union of Scientists. – 2019. – № 6-5 (15). – Pp. 21-23.
4. Oboturova N.S., Khakhaev Y.S. The ideas of the social contract and human rights in the philosophy of modern times and their modern significance. – Text: direct // Science through the eyes of youth: problems and prospects. Collection of scientific articles. Under the general editorship of A.N. Lastochkin. Vologda, 2019. – pp. 175 – 178.
5. Rubtsova S.A. Social contract: historical development and problems of implementation in modern conditions. – Text: direct // Entrepreneurial activity in behavioral economics: forms of implementation and mechanisms of provision. Materials of the Annual All-Russian Scientific and Practical Conference. Edited by N.M. Pruss, A.N. Gryaznov. – 2019. – pp. 197-204.
6. Solovyov A.Yu. Theory of state and law: textbook / A.Yu. Solovyov. – Tula: Institute of Law and Management of the VPA, 2020. – 184 p. – Text: electronic // Digital educational resource IPR SMART: [website]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/78627.html> (date of application: 02/08/2024). – Access mode: for authorization. users.
7. Taraban N.A. The idea of a social contract at the present stage of political and legal research. – Text: direct // Philosophy of Law. – 2019. – № 1 (88). – Pp. 130-134.
8. Philosophy of Law: textbook / A.A. Golovina, M.V. Zaloilo, D.A. Pashentsev [et al.]; edited by N.N. Chernogor, O.Y. Rybakov. – Moscow: Statute, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019. – 224 p. – ISBN 978-5-9909636-3-4. – Text: electronic // Digital educational resource IPR SMART: [website]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/81135.html> (date of application: 02/08/2024). – Access mode: for authorization. users.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_56

УДК 342.4

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И ВЫРАЖЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЗЕМСКОГО ДЕЯТЕЛЯ А.А. ОСТАФЬЕВА В 1905-1907 ГГ. On the issue of the formation and expression of the constitutional ideas of the zemstvo figure A.A. Ostafiev in 1905-1907

КОРОЛЕВ Борис Иванович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти, доцент, Приволжский филиал «Российский государственный университет правосудия».

603022, Россия, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 17А.

E-mail: korolev-boris@yandex.ru;

Korolev Boris Ivanovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and history of law, state and judicial power, associate professor Privolzhskiy branch Russian state University of justice.

603022, Gagarin Avenue, 17A, Nizhny Novgorod city, Russia.

E-mail: korolev-boris@yandex.ru

***Краткая аннотация.** В статье рассмотрены средства формирования и выражения в условиях революции конституционных представлений А.А. Остафьева, общественного деятеля начала XX века; его роль в распространении конституционных представлений в Нижегородской провинции.*

***Abstract.** The article examines the means of formation and expression in the conditions of the revolution of the constitutional ideas of A.A. Ostafiev, a public figure of the early twentieth century; his role in the dissemination of constitutional ideas in the Nizhny Novgorod province.*

***Ключевые слова:** представления, средства выражения, конституция, революция, Государственная Дума, Нижегородская губерния.*

***Key words:** ideas, means of expression, constitution, revolution, State Duma, Nizhny Novgorod province.*

***Для цитирования:** Королев Б.И. К вопросу о формировании и выражении конституционных представлений земского деятеля А.А. Остафьева в 1905-1907 гг. // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 56-58. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_56.*

***For citation:** Korolev B.I. On the issue of the formation and expression of the constitutional ideas of the zemstvo figure A.A. Ostafiev in 1905-1907 // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 56-58. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_56.*

Статья поступила в редакцию: 26.02.2024

В начале XX века в Российской империи, как в столицах, так в провинции, либерально настроенные общественные деятели, гласные органов земского и городского самоуправления, восприняли и выражали конституционные идеи. По своему содержанию это осмысленные общественными деятелями идеи относительно конституционного акта, статуса и полномочий Государственной думы, правах подданных. Выражение конституционных идей общественными деятелями в российском обществе осуществлялось в форме борьбы за конституцию, за реформы государственного строя; за законодательный статус народного представительства, Государственной Думы; за расширение круга участников избирательного процесса (активное и пассивное избирательное право); за гражданские права подданных, за политическую амнистию, за судебную реформу.

Причинами обсуждения конституционных идей и представлений послужили подъем освободительного движения 1904-1905 гг., решения земских съездов 1904-1905 гг., революция 1905-1907 гг., создание и деятельность Государственной Думы.

Требования либеральной российской общественности относительно учреждения конституционного образа правления привели так же к появлению правительственного конституционализма. В условиях революции историческая царская власть пошла на уступки: учредила Государственную Думу («Положение о выборах» 1905 и 1907 гг., провозгласила октябрьский манифест 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), издало новую редакцию Основных законов 1906 г. После 17 октября 1905 года либеральная часть общества отождествляла манифест с конституцией. В течение 1905-1907 гг. в российской провинции обсуждались органами самоуправления (городскими думами; земскими управами и собраниями); сословными структурами (например, дворянскими собраниями); профессиональными организациями; партийными структурами (комитеты создаваемых либеральных партий – кадеты, октябристы, прогрессисты); предвыборными собраниями.

Конкретный персонал, чтобы стать сторонником конституционных идей, взглядов и представлений, должен с ними ознакомиться. Конституционные идеи (мысли), проникая в форме знаний в сознание конкретных персоналий (адептов конституционных ценностей), становятся содержанием его конституционных представлений (вырабатываются оценочные суждения, осуществляется рефлексия относительно данных идей), в итоге формируются конституционные убеждения и взгляды, последние выражаются благодаря мнениям и суждениям относительно конституционных ценностей. Формой выражения конституционных идей, представлений, убеждений; мнений и суждений о них становится разработка конкретным персонажем конституционного проекта или очерка о конституционализме, о развитии конституционного движения в России.

Основываясь на общих терминах, связанных с конституционный моделью ограничения абсолютной монархии, обратимся к понятийному аппарату, пронизывавшему сознание конкретных персоналий, в нашем случае – общественного и политического деятеля А.А. Остафьева. Отталкиваясь от общего определения термина «идея», укажем, что «конституционная идея» выражается через понятия «представление», «мысль», «мысленный образ», «намерение», «план», «продукт человеческого мышления»; «замысел» и «план» содержательно соотносятся с

термином «проект» [2, С. 241, 628; 4, С. 183]. Термин «мысль», для нашего исследования «конституционная мысль», отождествляется с «идеей», «мышлением», «убеждением», «взглядом». Дефиниция «взгляд» выражается и соотносится с понятиями «мнение», «суждение» [2, С. 78, 381; 9]. Сложившееся у кого-нибудь мнение, суждение, взгляд на что-нибудь содержательно коррелируется с термином «теория» («учение, система научных принципов, идей») [2, С. 822; 4]. Указанные термины находятся в постоянном взаимодействии, взаимно влияют друг на друга, коррелируются друг с другом, составляют единое целое. Рассмотренные дефиниции составили ядро конституционных ценностей конкретных персоналий, например А.А. Остафьева, как содержательные, смысловые и ценностные ориентиры его общественной и политической деятельности.

А.А. Остафьев (1856-1932 годы жизни), выражавший конституционные представления, был нижегородский потомственный дворянин, имел высшее медицинское образование, надворный советник, предводитель нижегородского уездного дворянства, земский гласный, председатель уездной земской управы, депутат I Думы от губернии [3, С. 11-12; 8]. Обучение в образовательных учреждениях пореформенного периода XIX века (гимназия, академия), где широкое распространение получили либеральные идеи, повлияло на него. В 1903 году нижегородскими жандармами он был включен в список негласно-поднадзорных и не благонадежных лиц [1, С. 153-165; 7]. Формулярный список А.А. Остафьева описывает его дворянско-сословную и общественную, земскую деятельность, подчеркивая неоднократность избрания его нижегородским уездным предводителем дворянства (с 1906 г. вплоть до 1917 г.), а после свержения монархии – уездным комиссаром Временного правительства; избрания гласным (членом) председателем нижегородской уездной земской управы. Список указывает на активное его участие в разнообразных общественных структурах, в органах местного самоуправления (земских и городских) [5, ЛЛ. 1-19-оборот].

Конституционные представления А.А. Остафьева формировались благодаря влиянию: полученного им образования; народнических идей, которыми он увлекался в молодости, которые со временем сформировали в его сознании представления о свободе, конституционные ценности, правовые и социальные идеалы; многолетней работы в системе местного самоуправления – в уездном и губернском земстве (от гласного до председателя уездной земской управы), в городской думе; многолетней сословной службы, приравненной к государственной (на протяжении десятилетия являлся уездным предводителем дворянства, имел государственный чин, получил ряд государственных наград); участию в освободительном движении (либеральное крыло), в общероссийских частных земских съездах; приобрел опыт в качестве депутата I Думы, участвовал в организации избирательного процесса в Нижегородском уезде губернии.

Средствами выражения конституционных представлений А.А. Остафьева являлись: участие в предвыборной деятельности в связи с организацией и проведением выборов в представительные учреждения в Нижегородском уезде губернии (от земских органов до Государственной Думы); выступления и доклады в органах местного самоуправления, сословных органах, в Государственной Думе, на разных общественных «площадках»; представление конституционных идей и суждений в форме статей в региональной периодической либеральной печати; выражение конституционных программных идей и представлений в «Кратком историческом очерке конституционного движения в России» и прочие способы. На основе анализа последнего обратимся к статистическим показателям по семантике (содержательному смыслу) терминологии, выраженной Остафьевым. В «Очерке...» наиболее часто встречаются упоминания следующих терминов: народ (122 раза), Государственная Дума (64 раза), выбор, выборы (58 раз), закон (49 раз), государство (40 раз), земство, земские (28 раз), император (24 раза), народное представительство (21 раз), права (19 раз), бюрократия, бюрократический (18 раз) [6, Л. 75 (С. 1-25)]. Элементами системы взглядов и представлений автора «Очерков» являлись два ключевых аспекта: государственное начало с исторической монархической властью и опорой на бюрократически-олигархическое чиновничество; народное начало, которое стремится к самовыражению посредством выборов и участия в формировании представительного органа для последующего решения насущных и актуальных проблем. Автор противопоставлял их друг другу, они находятся в состоянии дихотомии. Первый аспект выражается Остафьевым в таких категориях, как «государство», «император», «правитель», «монархия». Его характеризуют такие термины, использованные в «Очерке», как «самодержавная власть», «реакция», «режим», «бюрократия», «олигархия», «дарование» и т.д. Кроме наименования «император», Остафьев, в качестве синонимов использовал такие обозначения главы государства, как: «государь», «царь», «правитель». Второй аспект представлен такими понятиями, как «народ», «права», «народное собрание», «конституционная монархия», «реформы», «народное представительство», «Дума», «выборы», «законы» [6, Л. 75 (С. 1-25)].

Подобно многим прогрессивно настроенным земским либеральным деятелям, Остафьев отождествлял манифест 17 октября 1905 года с конституционным актом. Относительно статуса народного представительства, будущей Государственной Думы, Остафьев поддерживал предоставление ей законодательных полномочий, выражая надежду, что в дальнейшем Дума сама установит свой статус. По вопросу об эффективной и правильной организации избирательного процесса в Думу он высказывался за не прямые выборы в I Думу, считая, что население не готово к прямым выборам в силу неграмотности и косности, а прямые выборы выгодны различным крайним партийным силам. Приведем статистику тематических упоминаний конституционных идей и представлений в периодической печати А.А. Остафьевым за 1905-1907 гг.: упоминаний относительно конституции – 9 всего (4, 4, 1 соответственно по годам); упоминаний относительно статуса Думы – 13 всего (6, 4, 3 соответственно по годам); упоминаний относительно выборов – 13 всего (9, 3, 1 соответственно по годам); упоминаний относительно гражданских прав и свобод подданных – 8 всего (5, 2, 1 соответственно по годам). Суммируя, получим 43 тематических упоминания Остафьевым конституционных идей, выражение им собственных конституционных представлений.

Будучи умеренным либералом и адептом конституционных идей, Остафьев выражал конституционные представления на различных «общественных» площадках, рост выражения представлений был обусловлен революцией 1905-1907 гг.

Библиография:

1. Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX-начале XX вв.: учебное пособие в двух томах. Том. 1 / Автор-составитель проф. Г.В. Набатов - Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2001. – 632 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская Академия Наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры. – М: АЗЪ. 1993. – 960 с.
3. Селезнев, Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае 1905-1917гг. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2001. – 314 с.
4. Словарь иностранных слов. – 15-е изд. – М.: Рус. яз., 1988. – 606 с.
5. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 43. Оп. 250а. Д. 460. Лл. 1-19-оборот.
6. ЦАНО. Ф. 72. Оп. 20. Д. 1242. Л. 75 (С. 1-25).
7. ЦАНО. Ф. 918. Оп. 8. Д. 443. Л. 80-90.
8. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2688. Л. 59-об.
9. Философский энциклопедический словарь // Редакторы: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов, 1983 // URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/>.

References:

1. Socio-political processes, parties and movements in the Nizhny Novgorod province in the late XIX-early XX centuries: a textbook in two volumes. Volume 1 / Author-compiler prof. G.V. Nabatov - N. Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod University, 2001. – 632 p.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language; Russian Cultural Foundation. – Moscow: AZ. 1993. – 960 p.
3. Seleznev, F.A. Elections and the choice of the province: the Cadet party in the Nizhny Novgorod region 1905-1917. – N. Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod University, 2001. – 314 p.
4. Dictionary of foreign words. - 15th ed. – Moscow: Rus. yaz., 1988. – 606 p.
5. Central Archive of the Nizhny Novgorod region (hereinafter – TSANO). F. 43. Op. 250a. d. 460. LL. 1-19-turnover.
6. TSANO. F. 72. Op. 20. D. 1242. L. 75 (pp. 1-25).
7. TSANO. F. 918. Op. 8. D. 443. L. 80-90.
8. TSANO. F. 2. Op. 6. D. 2688. L. 59-vol.
9. Philosophical encyclopedic dictionary // Editors: L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov, 1983 // URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/>.

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ Legal awareness and legal culture: relationship between concepts

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: axel_b@mail.ru;

ГОНЧАР Артем Александрович,

доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат военных наук.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: gonchar.tema@yandex.ru;

Bredikhin Alexey Leonidovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.
Pilyutov Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: axel_b@mail.ru;

Gonchar Artem Aleksandrovich,

Associate Professor, Department of Information Security,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Military Sciences.
Pilyutov Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: gonchar.tema@yandex.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье авторы исследуют понятия правосознания и правовой культуры, приводят наиболее типичные подходы и ставят проблему соотношения этих категорий, которая решается неоднозначно. Авторы предлагают критерии разграничения правосознания и правовой культуры и приходят к выводу, что они практически не пересекаются. Точка соприкосновения возникает лишь, когда мы правосознанию придаем массовидность, то есть говорим об «общественном правосознании», которое и выступает формой представления правовой культуры; либо, если мы придаем индивидуальность правовой культуре, предлагая понятие «правовой культуры личности», которое и выступает вариантом правосознания. Соответственно, если признать, что правосознание касается только личности, а правовая культура – атрибут общества, то противоречия во многом снимаются.

Abstract: In this article, the authors explore the concepts of legal consciousness and legal culture, present the most typical approaches and pose the problem of the relationship between these categories, which is solved ambiguously. The authors propose criteria for distinguishing between legal consciousness and legal culture and come to the conclusion that they practically do not overlap. A point of contact arises only when we give legal consciousness a mass form, that is, we talk about “public legal consciousness,” which acts as a form of representation of legal culture; or, if we give individuality to legal culture, proposing the concept of “legal culture of the individual,” which acts as a variant of legal consciousness. Accordingly, if we recognize that legal consciousness concerns only the individual, and legal culture is an attribute of society, then the contradictions are largely removed.

Ключевые слова: правовая культура; правосознание; общественное правосознание; правовая категория; правовая жизнь.
Keywords: legal culture; legal awareness; public legal awareness; legal category; legal life.

Для цитирования: Бредихин А.Л., Гончар А.А. Правосознание и правовая культура: соотношение понятий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 59-60. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_59.

For citation: Bredikhin A.L., Gonchar A.A. Legal awareness and legal culture: relationship between concepts // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 59-60. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_59.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2024

Среди важнейших правовых категория теоретико-правовой науки традиционно называют правосознание и правовую культуру. Причем, чаще всего понятия употребляются в связке и образуют единую тему. В этой связи, представляется важным разграничить эти категории, определить их грани соотношения.

По мнению А.В. Мелехина, правосознание — это совокупность идей, представлений, чувств, переживаний, выражающих отношение людей к правовым явлениям общественной жизни (законам, законности, правомерному и неправомерному поведению, правам, обязанностям, правосудию). Правосознание — одна из специфических форм общественного сознания. Оно состоит из трех элементов: правовой идеологии, т. е. систематизированного научного выражения правовых идей, взглядов, принципов, требований общества и населения; правовой психологии — совокупности правовых чувств, ценностных отношений, настроений, желаний, переживаний, характерных для всего общества и населения; поведенческих элементов (привычки, установки, готовность к деятельности) [1, С. 473].

Правовую культуру он видит как «качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, положительно влияющее на общественное развитие и поддержание самих условий существования государства и общества» [1, С. 477]. То есть, можно предположить, что правосознание вытекает из правовой культуры.

Примерно такое же видение дает В.Н. Хропанюк, видя правосознание как результат отражения правовой жизни, но не употребляет термина «правовая культура». В структуре правосознания он предлагает выделять 2 элемента: научное правосознание (правовая идеология) и обыденное правосознание (правовая психология) [2, С. 157].

А.В. Поляков определяет правосознание как «осознание правовой действительности», т.е. ее восприятие в чувственных и мыслитель-

ных образах» [3, С. 263]. Правовую культуру он определяет как правовую среду обитания людей, в которую включаются все правовые ценности (духовные и материальные), способы и типы восприятия этих ценностей, а также деятельность по их созданию, пользованию и реализации [3, С. 311]. Впрочем, часто эти понятия смешиваются, четкой грани уважаемый ученый не проводит.

Л.И. Спиридонов не употребляя термина правовая культура, но указывая на соотношение культуры и права, дает следующее определение общественного правосознания: «отражение в коллективном сознании юридической действительности, воспринимаемой сквозь призму должного, отражение, опосредованное нормами культуры, экономическим, политическим, нравственным и другими формами общественного сознания» [4, С. 49]. Определение неоднозначное, но и здесь правосознание проистекает из правовой культуры как результат отражения, опосредованного нормами культуры.

В советской юриспруденции вопросы правосознания и правовой культуры также поднимались, но исследовались также неоднозначно. Так, название научной статьи в сборнике научных трудов обозначено как «Правосознание как элемент правовой культуры» [5, С. 39]. Здесь же под правовой культурой предлагается понимать «систему овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и их отражению в сознании и поведении людей», а правосознание входит в ее состав. Само правосознание предстает как система духовного отражения всей правовой действительности [4, С. 43].

В учебнике по теории государства и права под редакцией А.М. Васильева нет понятия правовой культуры, но дано определение социалистического правосознания – «это обусловленная общественным бытием совокупность сложившихся в социалистическом обществе идей и взглядов, выражающих оценку существа, характера, принципов, задач и целей всех существующих и желательных в обществе правовых явлений» [6, С. 295-296]. Он также отмечает, что правосознание – категория идеологическая, но имеет связь с правовой психологией.

Взглядов и подходов к пониманию правосознания и правовой культуры, а также их соотношению неисчислимо множество и приводить их не имеет смысла.

Следует предположить, что имеющаяся неоднозначность имеет свои объективные причины. Правосознание и правовая культура – это попытка юридикализации неправовых изначально категорий: сознание и культура. Сознание – философская категория, понимаемая как форма отражения объективной действительности, способ его отношения к миру и самому себе. То есть, это представление человека об объектах и явлениях. С точки зрения отношения человека к праву сознание предстает правосознанием и в некотором роде правовой идеологией. Связь сознания с психологией очевидна, но оно с ней не сливается. Таким образом, включение в состав правосознания правовой психологии нецелесообразно, так как это нарушает научную логику. Не может сознание права с точки зрения юриспруденции стать философско-психологической категорией лишь по фату перехода в сферу юридической науки. Тем более, что сознание более-менее устойчиво, а чувства и эмоции изменчивы, поэтому могут искажать сознание (и правосознание), но не формировать его.

Культура не менее многоаспектное понятие и означает некий результат человеческой деятельности и достигнутый уровень умений и мастерства. Культуру можно рассматривать и в духовном плане, как ряд прогрессивных идей и взглядов общества в целом, воплощенных в конкретной форме. В определенном смысле мы можем говорить о правовой культуре, которая показывает уровень развития права как сферы жизни (правовое образование, правовые акты, законодательный процесс, юридическая техника и т.д.). Тем не менее, культура – это предмет культурологии в большей степени, а не правоведения.

Таким образом, философский термин «сознание» (правосознание) мы вынуждены соотносить с культурологическим термином «правовая культура», но в рамках правоведения с использованием правовых средств. Результат исследования может быть сомнительным.

На основании изложенного, считаем, что правосознание и правовая культура – обособленные друг от друга категории, практически не пересекающиеся. Точка соприкосновения возникает лишь, когда мы правосознанию придаем массовидность, то есть говорим об «общественном правосознании», которое и выступает формой представления правовой культуры; либо, если мы придаем индивидуальность правовой культуре, предлагая понятие «правовой культуры личности», которое и выступает вариантом правосознания. Соответственно, если признать, что правосознание касается только личности, а правовая культура – атрибут общества, то противоречия во многом снимаются.

В этом случае, вполне разумным выглядит мысль, что правосознание предопределено (наряду с другими факторами) и правовой культурой этого конкретного общества.

Библиография:

1. Мелехин А. В. Теория государства и права: учеб. / А. В. Мелехин. — М.: Маркет ДС, 2007.
2. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебное пособие для высших учебных заведений/ под ред. профессора В.Г. Стрекозова. — М.: ИПП «Отечество», 1993.
3. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
4. Теория государства и права. Учебник. Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. СПб.: Фонд «Университет», 2004. - С. 49.
5. Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры/Правовая культура и вопросы правового воспитания (сборник научных трудов). М. 1974. С. 39
6. Теория государства и права. Учебник. Под ред. А.М. Васильева, М.: Юридическая литература, 1977.

References:

1. Melekhin A.V. Theory of state and law: textbook / A.V. Melekhin. — M.: Market DS, 2007.
2. Khropanyuk V.N. Theory of state and law: textbook for higher educational institutions/ edited by Professor V.G. Strekozov. — M.: IPP "Fatherland", 1993.
3. Polyakov A.V. General theory of law. A course of lectures. — St. Petersburg: Publishing house "Law Center Press", 2001.
4. Theory of state and law. Textbook. Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Academy of Law, Economics and Life Safety. St. Petersburg: University Foundation, 2004. - p. 49.
5. Kaminskaya V.I., Ratinov A.R. Legal awareness as an element of legal culture/Legal culture and issues of legal education (collection of scientific papers). M. 1974. p. 39
6. Theory of state and law. Textbook. Edited by A.M. Vasilyev, M.: Legal Literature, 1977

О «НОВЕЛЛЕ» ОТНОСИТЕЛЬНО ОПУБЛИКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

About the «novella» concerning the publication of legal acts in the city of Moscow

ГАЛУЗО Василий Николаевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.

123056, Россия, г. Москва, пер. Электрический, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru;

Galuzo V.N.,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.

123056, Russia, Moscow, lane Electric, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа юридической литературы и законодательства относительно опубликования правовых актов в городе Москве обосновано несколько суждений: федеративное устройство в Российской Федерации динамично и нуждается в обосновании; во всяком субъекте Российской Федерации исключительным регулятором общественных отношений должно быть право; регулирование общественных отношений во всяком субъекте Российской Федерации предполагает упорядоченную систему нормативных правовых актов по мере убывания юридической силы; нормативные правовые акты всякого субъекта Российской Федерации публикуются в официальных источниках опубликования, исчерпывающий перечень которых, как правило, регулируется в отдельном нормативном правовом акте этого же субъекта Российской Федерации; в городе федерального значения – городе Москве нормативные правовые акты отныне публикуются в журнале «Вестник Москвы», как правопреемник ранее издававшегося журнала «Вестник Мэра и Правительства Москвы»; правопреемство (от журнала «Вестник Мэра и Правительства Москвы» к журналу «Вестник Москвы») необходимо признать несовершенным, ибо в официальном источнике опубликования предполагалось указание на уполномоченный государственный орган.

Abstract: based on the analysis of legal literature and legislation regarding the publication of legal acts in the city of Moscow, several judgments are substantiated in the article: the federal structure in the Russian Federation is dynamic and needs to be justified; in any subject of the Russian Federation, the exclusive regulator of public relations should be the law; the regulation of public relations in any subject of the Russian Federation presupposes an orderly system of normative legal acts as their legal force decreases; normative legal acts of any subject of the Russian Federation are published in official publication sources, an exhaustive list of which, as a rule, is regulated in a separate normative legal act of the same subject of the Russian Federation; in the city of federal significance – the city of Moscow, regulatory legal acts are now published in the journal «Bulletin of Moscow», as the legal successor to the previously published journal «Bulletin of the Mayor and Government of Moscow»; the succession (from the journal «Bulletin of the Mayor and Government of Moscow» to the journal «Bulletin of Moscow») must be recognized as imperfect, because the official source of publication assumed an indication of an authorized state body.

Ключевые слова: Российская Федерация, субъект Российской Федерации, город федерального значения – город Москва, законодательство, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., федеральный закон РФ, Московская городская Дума, «Ведомости Московской городской Думы», «Вестник Мэра и Правительства Москвы», «Вестник Москвы», юридическая сила, комплексное праворегулирование.

Key words: The Russian Federation, a subject of the Russian Federation, a city of federal significance – the city of Moscow, legislation, normative legal act, system of normative legal acts, Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, federal law of the Russian Federation, Moscow City Duma, Vedomosti of the Moscow City Duma, «Bulletin of the Mayor and Government of Moscow», 07/21/2009, «Bulletin Moscow», legal force, complex legal regulation.

Для цитирования: Галузо В.Н. О «новелле» относительно опубликования правовых актов в городе Москве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 61-64. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_61.

For citation: Galuzo V.N. About the «novella» concerning the publication of legal acts in the city of Moscow // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 61-64. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_61.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2024

Предметом данной статьи является опубликования правовых актов в одном из субъектов Российской Федерации¹ - городе федерального значения – городе Москве, причем в официальных источниках.

Поводом же послужила «новелла» относительно опубликования правовых актов в городе Москве: речь идет о новом источнике официального опубликования - «Вестник Москвы»².

Первоначально о состоянии теории.

Так, И.В. Куртяк рассмотрел «вопросы официального опубликования нормативных правовых актов» («Таким образом, в юридической литературе официальное опубликование нормативных правовых актов раскрывается через такие категории, как "опубликование", "обнародование" и "электронное опубликование". Официальное опубликование нормативных правовых актов характеризует процесс нормотворческой деятельности субъектов права, связанный с вступлением нормативных правовых актов в законную силу на основании, на котором возникают юридические основания правоотношений публичного или иного характера»)³.

А.В. Червяковский проанализировал «актуальные проблемы официального опубликования нормативных правовых актов» («При разработке и принятии законов и иных правовых актов, регламентирующих процедуру официального опубликования правовых актов, следует учитывать высказанные выше рекомендации, направленные на совершенствование процедуры опубликования правовых актов. Разрешение обозначенных и ряда других проблем официального опубликования нормативных правовых актов будет способствовать не только успешному правопо-

¹ О федеративном устройстве РФ подробнее см.: Сухоняева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83-89.

² На названное СМИ автор данной статьи 30.09.2023 г. подписался на первое полугодие 2024 г. (подписной индекс «ПМ850»).

³ Куртяк И.В. Официальное опубликование нормативных правовых актов: вопросы теории и практики // Административное право и процесс. 2022. N 12.

му информированию граждан и должностных лиц, но и эффективной реализации норм права»; «В заключение отметим, что мероприятия, проводимые по официальному опубликованию нормативных правовых актов, не будут достигать своей цели без постоянной планомерной деятельности по систематизации действующего российского законодательства»¹.

Н.А. Артебякиной «затрагиваются вопросы реализации законодательных положений, касающихся вступления нормативного правового акта в силу, в практической деятельности» («Безусловно, проблема опубликования нормативных правовых актов остается значимой, поскольку нераздельно связана с вопросом вступления их в силу, а следовательно, с возможностью применения норм всеми субъектами права»)².

И.Д. Гайнов рассматривает «проблемы, возникающие при опубликовании (обнародовании) нормативных правовых актов путем их размещения на официальном сайте органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» («Таким образом, можно предположить, что доменное имя может являться объектом гражданских прав только в том случае, если оно является средством индивидуализации»)³.

В.А. Вайпан исследование посвятил «проблемам государственной регистрации и опубликования нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, связанных с противоречивой практикой Минюста России» («... права, предусмотренные положениями о министерствах и иных органах исполнительной власти в отношении издания НПА, не имеют определенного субъекта, т.е. не имеет юридического значения, кто подписывал НПА от имени ФОИВ: министр или иное лицо, исполнявшее его обязанности»)⁴.

Фактическая неопределенность суждений об официальных источниках опубликования в Российской Федерации⁵ и в ее субъектах во многом предопределена противоречивостью нормативных правовых актов, регламентирующих порядок опубликования законодательства.

На уровне Российской Федерации, как субъекта международного права, продолжает действовать Федеральный закон РФ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 25 мая 1994 г.⁶ («На территории Российской Федерации применяются только те федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания, которые официально опубликованы» - ст. 1).

Продолжают действовать и подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок официального опубликования: Указ Президента РФ «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» № 11 от 11 января 1993 г.⁷; Указ Президента РФ «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных законов» № 662 от 5 апреля 1994 г.⁸; Указ Президента РФ «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» № 763 от 23 мая 1996 г.⁹; Указ Президента РФ «Об официальном опубликовании временно применяемых международных договоров Российской Федерации» № 970 от 12 июля 2012 г.¹⁰; Указ Президента РФ «О порядке опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru)» № 198 от 2 апреля 2014 г.¹¹.

Относительно города федерального значения - города Москвы, как субъекта Российской Федерации, первоначально обращаем внимание на Федеральный закон РФ «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации - городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 22 марта 2013 г.¹².

Нормативным правовым актом именно города Москвы, обладающим наивысшей юридической силой в этом же субъекте Российской Федерации, является Устав города Москвы от 28 июня 1995 г.¹³.

В г. Москве принято несколько нормативных правовых актов относительно регулирования порядка их принятия. Так, Закон г. Москвы О порядке опубликования и вступления в силу законов города Москвы» от 8 июня 1994 г.¹⁴ вводился в действие «в соответствии со ст. 15 и 76 Конституции Российской Федерации» и определял «порядок опубликования и вступления в силу законов города Москвы» («Опубликование законов города Москвы в "Ведомостях Московской Думы", а также в газетах "Тверская, 13" и "Московская правда" является официальным опубликованием» - ст. 2).

Закон г. Москвы «О законодательных актах города Москвы» от 14 декабря 1994 г.¹⁵ принимался «на основании Конституции Российской Федерации» и устанавливал «порядок внесения в Московскую городскую Думу проектов законодательных актов города Москвы, порядок их рассмотрения и принятия».

18 октября 2000 г. в г. Москве был принят Закон г. Москвы «О толковании законодательных актов города Москвы»¹ («Настоящий Закон

¹ Червяковский А.В. Проблемы официального опубликования нормативных правовых актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. N 12.

² Артебякина Н.А. К вопросу о надлежащем опубликовании нормативных правовых актов: практический аспект // Юрист. 2018. N 12.

³ Гайнов И.Д. Актуальные вопросы соблюдения порядка опубликования муниципальных нормативных правовых актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. N 11.

⁴ Вайпан В.А. Проблемы государственной регистрации и опубликования нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти // Право и экономика. 2014. N 1.

⁵ Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

⁶ См.: СЗ РФ. 1994. N 8. Ст. 801; ...; 2019. № 18. Ст. 2204.

⁷ См.: САПП РФ. 1993. N 3. ст. 182; 1995. № 49. Ст. 4777.

⁸ См.: САПП РФ. 1994. N 15. Ст. 1173; ...; 2022. № 10. Ст. 1470.

⁹ См.: СЗ РФ. 1996. N 22. Ст. 2663; ...; 2022. № 10. Ст. 1470.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2012. N 29. Ст. 4069.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2014. N 14. Ст. 1612; 2017. № 33. Ст. 5166.

¹² См.: СЗ РФ. 2013. N 14. Ст. 1651; ...; 2022. № 1 (часть I). Ст. 45.

¹³ См.: Ведомости МД. 1995. № 4; Ведомости МГД. 2001. № 8. Ст. 130; ...; 2023. № 2. Ст. 153.

¹⁴ См.: Ведомости МД. 1994. № 4. Закон г. Москвы от 08.06.1994 г. утратил юридическую силу в связи с принятием Закона г. Москвы от 14.12.1994 г. // Ведомости МД. 1995. № 1.

¹⁵ См.: Ведомости МД. 1995. № 1. Закон г. Москвы от 14.12.1994 г. утратил юридическую силу в связи с принятием Закона г. Москвы от 14.12.2001 г. // Ведомости МГД. 2002. № 2. Ст. 301.

в развитие пункта х) статьи 45 Устава города Москвы устанавливает понятие и порядок толкования законодательных актов города Москвы - законов города Москвы и постановлений Московской городской Думы» - преамбула).

14 декабря 2001 г. в г. Москве принят Закон г. Москвы «О законах города Москвы и постановлениях Московской городской Думы»² («Настоящий Закон в соответствии с федеральным законодательством и Уставом города Москвы регулирует отношения, связанные с принятием законов города Москвы и постановлений Московской городской Думы. Особенности разработки, внесения, рассмотрения и принятия отдельных законов города Москвы могут быть установлены иными законами города Москвы» - преамбула). В ст. 21 названного нормативного правового акта вносились изменения, а в действующей редакции она представлена следующим образом: «1. Официальным опубликованием закона города Москвы считается первая публикация его полного текста в официальном издании Московской городской Думы "Ведомости Московской городской Думы" (электронной версии указанного издания) или официальном издании Мэра и Правительства Москвы - журнале "Вестник Москвы" (электронной версии указанного издания) либо первое размещение (опубликование) полного текста закона города Москвы на официальном сайте Московской городской Думы или официальном сайте Правительства Москвы в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" ... Официальным опубликованием постановления Московской городской Думы считается первая публикация его полного текста в официальном издании Московской городской Думы "Ведомости Московской городской Думы" (электронной версии указанного издания) либо первое размещение (опубликование) его полного текста на официальном сайте Московской городской Думы в сети "Интернет". Электронная версия официального издания Московской городской Думы "Ведомости Московской городской Думы", размещенная на официальном сайте Московской городской Думы в сети "Интернет", является официальным электронным изданием Московской городской Думы. ...».

22 октября 2008 г. в г. Москве принят Закон г. Москвы «О порядке ведения Регистра муниципальных нормативных правовых актов города Москвы» («Настоящий Закон устанавливает порядок ведения Регистра муниципальных нормативных правовых актов города Москвы» - преамбула). В статье 2 Закона г. Москвы от 22 октября 2008 г. урегулирован «регистр муниципальных нормативных правовых актов» («1. Регистр муниципальных нормативных правовых актов является частью федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов. 2. Регистр муниципальных нормативных правовых актов представляет собой совокупность основных и дополнительных сведений о муниципальных нормативных правовых актах, принятых (изданных) органами местного самоуправления, руководителями органов местного самоуправления либо лицами, исполняющими их обязанности в соответствии с уставом муниципального образования. 3. Ведение Регистра муниципальных нормативных правовых актов осуществляется органом исполнительной власти города Москвы, уполномоченным Правительством Москвы на ведение Регистра муниципальных нормативных правовых актов (далее - уполномоченный орган исполнительной власти города Москвы). 4. Регистр муниципальных нормативных правовых актов ведется в документальном виде (на бумажном носителе) и электронном виде. 5. Включению в Регистр муниципальных нормативных правовых актов подлежат решения, распоряжения, постановления, принятые (изданные) органами местного самоуправления, руководителями органов местного самоуправления либо лицами, исполняющими их обязанности в соответствии с уставом муниципального образования, оформленные в виде нормативных правовых актов, а также оформленные в виде правовых актов решения, принятые на местном референдуме. 6. Муниципальные нормативные правовые акты, которые признаны недействующими по решению суда, но не отменены либо не признаны утратившими силу, подлежат включению в Регистр муниципальных нормативных правовых актов. 7. Муниципальные нормативные правовые акты, которые вносят изменения (дополнения) в другие муниципальные нормативные правовые акты, приостанавливают их действие и (или) отменяют (признают утратившими силу) другие муниципальные нормативные правовые акты, подлежат включению в Регистр муниципальных нормативных правовых актов с присвоением самостоятельного регистрационного номера».

8 июля 2009 г. в г. Москве принят Закон г. Москвы «О правовых актах города Москвы»³ («Настоящий Закон устанавливает систему правовых актов города Москвы, определяет общие требования к их разработке, опубликованию, вступлению в силу, реализации и систематизации, проведению экспертизы проектов правовых актов города Москвы и осуществлению правового мониторинга в городе Москве. Требования настоящего Закона также распространяются на правовые акты государственных органов города Москвы, не указанные в настоящем Законе, в части, не урегулированной федеральными законами и законами города Москвы, определяющими статус соответствующих государственных органов города Москвы» - преамбула). В ст. 19 Закона г. Москвы от 8 июля 2009 г. урегулирован порядок «официального опубликования правовых актов»: «1. Нормативные правовые акты (за исключением нормативных правовых актов, содержащих сведения, отнесенные к государственной или иной охраняемой законом тайне) подлежат официальному опубликованию. 2. Официальным опубликованием правового акта считается первая публикация его полного текста в официальном издании органа государственной власти (электронной версии данного издания) или первое размещение (опубликование) его полного текста на официальном сайте органа государственной власти в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет". Если текст правового акта публикуется частями, днем его официального опубликования является дата публикации последней части правового акта. В случае если правовой акт вступает в силу через определенный срок с момента его официального опубликования, в указанный срок не включается день официального опубликования правового акта. 3. Законы города Москвы и постановления Московской городской Думы публикуются в порядке, установленном Законом города Москвы "О законах города Москвы и постановлениях Московской городской Думы". 4. Официальным опубликованием правовых актов Мэра Москвы, Правительства Москвы, заместителя Мэра Москвы в Правительстве Москвы - руководителя Аппарата Мэра и Правительства Москвы, органов исполнительной власти города Москвы считается пер-

¹ См.: Ведомости МГД. 2001. N 12. Ст. 147. Закон г. Москвы от 18.10.2000 г. утратил юридическую силу в связи с принятием Закона г. Москвы от 13.12.2006 г. // Ведомости МГД. 2007. № 1. Ст. 336.

² См.: Ведомости МГД. 2002. № 2. Ст. 301; ...; 2023. № 2. Ст. 154.

³ См.: Ведомости МГД. 2009. N 8. Ст. 214; ...; 2023. № 2. Ст. 154.

вая публикация полного текста указанных правовых актов в официальном издании Мэра и Правительства Москвы - журнале "Вестник Москвы" (электронной версии данного издания) или первое размещение (опубликование) полного текста указанных правовых актов на официальном сайте Правительства Москвы в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет". 6. В случае если при официальном опубликовании правового акта допущены расхождения с текстом подлинника правового акта, то в десятидневный срок со дня их обнаружения в том же издании (электронной версии данного издания, на том же официальном сайте органа государственной власти) должны быть опубликованы извещение об исправлении ошибок и редакция правового акта, соответствующая тексту его подлинника. 7. Исправление ошибок в подлиннике правового акта осуществляется путем внесения изменений в данный правовой акт принявшим (издавшим) его органом государственной власти (должностным лицом).

Предмет данной статьи позволяет нам сфокусировать внимание на Законе г. Москвы «О внесении изменений в отдельные законы города Москвы» от 19 мая 2021 г.¹, в соответствии с которым видоизменено название официального источника опубликования: вместо журнала «Вестник Мэра и Правительства Москвы» стал издаваться журнал «Вестник Москвы». Иначе говоря, с 1 июля 2021 г. жителей города Москвы обеспечили очередной «новеллой» (ст. 4 Закона г. Москвы от 19 мая 2021 г.).

Таким образом, исследования относительно опубликования правовых актов в субъектах Российской Федерации, в том числе и в городе федерального значения - городе Москве, необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, федеративное устройство в Российской Федерации динамично и нуждается в обосновании.

Во-вторых, во всяком субъекте Российской Федерации исключительным регулятором общественных отношений должно быть право.

В-третьих, регулирование общественных отношений во всяком субъекте Российской Федерации предполагает упорядоченную систему нормативных правовых актов по мере убывания юридической силы.

В-четвертых, нормативные правовые акты всякого субъекта Российской Федерации публикуются в официальных источниках опубликования, исчерпывающий перечень которых, как правило, регулируется в отдельном нормативном правовом акте этого же субъекта Российской Федерации.

В-пятых, в городе федерального значения – городе Москве нормативные правовые акты отныне публикуются в журнале «Вестник Москвы», как правопреемник ранее издававшегося журнала «Вестник Мэра и Правительства Москвы».

В-шестых, правопреемство (от журнала «Вестник Мэра и Правительства Москвы» к журналу «Вестник Москвы») необходимо признать несовершенным, ибо в официальном источнике опубликования предполагалось указание на уполномоченный государственный орган.

Библиография:

1. Артебякина Н.А. К вопросу о надлежащем опубликовании нормативных правовых актов: практический аспект // Юрист. 2018/ N 12.
2. Вайпан В.А. Проблемы государственной регистрации и опубликования нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти // Право и экономика. 2014. N 1.
3. Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123.
4. Гайнов И.Д. Актуальные вопросы соблюдения порядка опубликования муниципальных нормативных правовых актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. N 11.
5. Куртык И.В. Официальное опубликование нормативных правовых актов: вопросы теории и практики // Административное право и процесс. 2022. N 12.
6. Сухондяева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83-89.
7. Червяковский А.В. Проблемы официального опубликования нормативных правовых актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. N 12.

References:

1. Artebyakina N.A. On the issue of proper publication of normative legal acts: a practical aspect // Lawyer. 2018. No. 12.
2. Vaipan V.A. Problems of state registration and publication of regulatory legal acts of federal executive authorities // Law and economics. 2014. No. 1.
3. Galuzo V.N. The constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. pp. 119-123.
4. Gainov I.D. Topical issues of compliance with the procedure for publishing municipal regulatory legal acts // State power and local self-government. 2018. No. 11.
5. Kurtyak I.V. Official publication of normative legal acts: issues of theory and practice // Administrative law and process. 2022. No. 12.
6. Sukhondyaeva T.Yu., Galuzo V.N. On the problems of the federal structure, administrative-territorial and military-administrative division of the Russian Federation // Online electronic popular science journal of private and public law. 2018. No. 1. pp. 83-89.
7. Chervyakovsky A.V. Problems of official publication of normative legal acts // State power and local self-government. 2012. No. 12.

¹ См.: Ведомости МГД. 2021. N 7. Ст. 50.

ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ THE PROGRESS OF HUMAN SOCIETY AND GLOBALIZATION

МИРОНОВ Василий Олегович,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,
профессор кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью Юридического института
им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
Студенческая ул., 8, г. Владимир, Владимирская обл., 600005, Россия.
E-mail: mironov-vo@yandex.ru;

ЗИН Наталья Васильевна,

кандидат исторических наук, доцент, магистр права,
доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
Горького ул., 59А, г. Владимир, Владимирская обл., 600017, Россия.
E-mail: zinnataly@yandex.ru;

MIRONOV Vasily Olegovich,

Doctor of Law, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Professor of the Department of State Law and Customs Management
of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov.
Studentskaya str., 8, Vladimir, Vladimir region, 600005, Russia.
E-mail: mironov-vo@yandex.ru ;

ZIN Natalia Vasilyevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Master of Law,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir branch
The Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
Gorky str., 59A, Vladimir, Vladimir region, 600017, Russia.
E-mail: zinnataly@yandex.ru

Краткая аннотация: статья посвящена рассмотрению основных сторон противоречивого развития процесса глобализации в современном мире.

Abstract: The article is devoted to the consideration of the main aspects of the contradictory development of the globalization process in the modern world.

Ключевые слова: глобализация, многополярный мир, совместная деятельность, сотрудничество, кооперация, транснациональные монополии, мировое неравенство, неоколониализм, военные столкновения, правовая база глобализации, международное право, внутреннее законодательство, конвергенция правовых систем, права и свободы человека.

Keywords: globalization, multipolar world, joint activities, cooperation, cooperation, transnational monopolies, global inequality, neocolonialism, military clashes, the legal framework of globalization, international law, domestic legislation, convergence of legal systems, human rights and freedoms.

Для цитирования: Миронов В.О., Зин Н.В. Прогресс человеческого общества и глобализация // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 65-67. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_65.

For citation: Mironov V.O., Zin N.V. The progress of human society and globalization // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 65-67. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_65.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

Глобализацию следует рассматривать как движение государств в направлении их объединения в целостное общемировое устройство на принципах установления в межгосударственных масштабах единых норм и требований, развитие соответствующих взаимосвязей, включая максимально тесное сотрудничество и кооперацию в самых различных сферах. К побочным отрицательным сторонам глобализации относят усугубление неравномерности развития государств, отторжение ряда стран от участия в модернизационных процессах общемирового развития, перемещение вредных производств в страны третьего мира, военные столкновения и т.п. [1].

Основными началами, характеризующими содержание и развитие глобализации, являются политическое, экономическое, идеологическое, социальное, демографическое, геоэкологическое и др. К. Аннан по поводу нее сказал, в частности, следующее: «... Наша эпоха отличается от всех предыдущих явлением глобализации. Глобализация... перестраивает... наши способы освоения мира... нашего общения друг с другом» [2].

По мнению М.Г. Делягина глобализация – формирование единого мирового политического, экономического, финансового, информационного пространства, выстроенного на основе высоких технологий. Она означает принципиально новую стадию эволюции цивилизации, определяемую сосредоточением интеллектуального и высокотехнологического потенциала в странах, выступающих как локомотивы глобализации. Это важнейший инструмент олигархического капитала в деле фиксации мирового экономического и технологического неравенства и дальнейшей эксплуатации экономически слаборазвитых государств [3].

Глобализации следует стать олицетворением многополярного мира, дающего отпор потугам на всемирное господство со стороны Соединенных Штатов Америки и их приспешников, безоговорочного равноправия стран, их совместной деятельности и взаимной поддержки. Она во многом неоднозначна, двойственна и лишена логичности, поскольку, на первый взгляд, должна подстегивать процесс поступательного движения государств вперед, укреплять их взаимодоверие и партнерство, но, с точностью до наоборот, порождает противостояния, столкновения и смяте-

ние в мировом масштабе [4].

Приверженцы «революционных» взглядов видят в глобализации основу гармоничного, стабильного, равновесного, безопасного, справедливого мира, гарантирующего уважение и независимость всем государствам, их право на развитие и будущее без подавления извне [5]. Подборники глобализации эволюционной направленности утверждают, что это долговременная, непоследовательная и изменчивая тенденция мирового развития, в процессе которой сферы засилья международных структур будут расти, но при сохранении суверенитета государств. Со своей стороны скептики заявляют, что глобализация – это измышление с целью маскировки истинного положения дел в мировой экономике [6].

Глобализация умалывает степень участия государства в управлении собственными финансово-экономическими, сырьевыми резервами, реальным сектором экономики и т.д., которыми в основном завладевают транснациональные монополии. При этом в мире сосуществуют государства с высоко развитой экономикой, достойным средним уровнем существования населения и остальные страны периферийного капитализма – источники сырья и прочих природных богатств с неразвитым промышленным производством. Препятствия на пути продвижения глобализации возможно устранить только на серьезной правовой базе при непрерывном соблюдении требований внутреннего законодательства и положений международного права, что поможет нивелировать ее отрицательный эффект [7].

Понимание глобализации включает представление о ее существенных особенностях:

- 1) экономической – максимальном накоплении, сосредоточении и капитализации активов в руках международных корпораций и стремлении последних к выстраиванию общерыночного пространства в мировом масштабе;
- 2) производственной – международной промышленной и иной кооперации, гарантирующей скорое перемещение резервов сырья, готовой продукции и пр.
- 3) информационной – трансформации способов и систем связи, предпринимательской коммуникации;
- 4) научно-технической – общеэкономических преимуществ в результате широкого применения прогрессивных научных достижений и технологических разработок передовых в этих направлениях государств;
- 5) обществоведческой – притуплении общественных коммуникаций, установлений и практик, внутригосударственной обособленности, увеличении маневренности народонаселения в международном масштабе;
- 6) геополитической – ориентации на образование в дальнейшем «всемирного государства»;
- 7) геоэкологической – природосберегающей в мировом масштабе;
- 8) политико-территориальной – нарастании расширения как государственных, так и межгосударственных формирований;
- 9) народоведческой – увеличении народонаселения на земном шаре, обоюдной интеграции разнообразных этносов;
- 10) цивилизационно-мировоззренческой – имеющей непосредственное отношение к различным аспектам идеологии, культуры, религии и т.п. [8].

Упомянутые грани глобализации характеризуют ее как непростой, разноаспектный, противоречиво эволюционирующий процесс. Главный антагонизм глобализации заключается в продолжающемся углублении диспропорции в уровне экономического и иного развития между государствами коллективного Запада и странами третьего мира. Порожденные глобализацией общезначимые вызовы задевают за живое как человечество в целом, так и всякого его представителя на фоне нарастания в мире проблемных ситуаций. Глобальные сложности сегодняшнего дня стали следствием не только все возрастающего влияния мировой общности людей на их среду обитания, но и спонтанности социальных сдвигов на планете в целом, пробуждения неокOLONИализма с пролонгированным угнетением и эксплуатацией находящихся в процессе развития стран транснациональными монополистическими объединениями [9].

Урегулирование и разрешение многих таких противоречий возможно с первоочередным учетом стремлений и насущных потребностей человечества в целом в условиях взаимопольного взаимодействия государств в планетарном масштабе в самых разных направлениях, включая их экономический и иной прогресс. В наибольшей степени всеобщие основания прогресса рода человеческого в условиях упорядоченного и регулируемого мирового сообщества содержат три составляющих: экономику, экологию и социальную сферу. А также будущие возможности совершенствования собственно государств, международного права, гарантий свобод и прав человека [10].

Среди преобладающих направлений трансформации внутригосударственных систем права выделяют обеспечение:

- 1) максимальной реализации прав человека;
- 2) реального народовластия в условиях беспристрастности права и его гуманизма;
- 3) роста престижа законодательства и лояльности к нему в обществе, упрочения законности;
- 4) решения проблемных ситуаций в области экологии и т.д. [11].

Глобализация предполагает трансформацию норм права различных государств через дальнейшее восприятие ими основополагающих принципов и норм международного права и продолжение конвергенции их правовых систем. Правопорядок в мире в целом – следствие воплощения в жизнь основополагающих принципов и норм международного права во взаимных отношениях между государствами, транснациональными корпорациями, реализации свобод и прав человека. Глобализация должна предусматривать обязательное принятие во внимание необходимость сохранения национальных, языковых, культурных, конфессиональных традиций и особенностей различных государств, их систем законодательства и др. [12].

Российская Федерация не изолирована от имеющих место современных тенденций в глобализации. Она активно отстаивает свои государственные интересы в противостоянии с коллективным Западом. В этой связи ее система права переживает определенную актуализацию с

учетом текущей международной ситуации, опыта выстраивания отношений с другими государствами [13].

России необходимы развитая в промышленном отношении экономика, эффективное упорядочивание макрофинансовых расходов, обеспечение климатической безопасности, дальнейшее развитие международного взаимодействия с дружественными государствами, правового государства и гражданского общества, федеративных отношений, свобод и прав человека и т.д.

Библиография:

1. Червонюк В.И. Теория государства и права. М., 2007. С. 681.
2. Аннан К. Обновление ООН: программа реформ // Международная жизнь. 1998. № 4. С. 24.
3. Делягин М. 11 сентября 2001 года: завершение формирования постсоветского мира // Глобализация: варианты для России. СПб., 2001. С. 38.
4. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Т. 1. Государство. М., 2008. С. 453.
5. Платова Г. Объединяющий дух борьбы // Сов. Россия. 2023. 5 октября.
6. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2002. С. 42.
7. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Т. 1. Государство. С. 623.
8. Теория государства и права / Отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2008. С. 437.
9. Общая теория государства и права / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 1. Государство. М., 2007. С. 508.
10. Федотов А.П. Глобалистика на пороге XXI века // Alma Mater. 2000. № 3. С. 17.
11. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Т. 1. Государство. С. 652.
12. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. С. 305;
13. Сорокин В.В. Правовая система переходного периода: теоретические проблемы. М., 2003. С. 15.

References:

1. Chervonyuk V.I. Theory of statecraft and law. M., 2007. p. 681.
2. Annan K. Renewal of the United Nations: a program of reforms // International Life. 1998. No. 4. p. 24.
3. Delyagin M. September 11, 2001: completion of the formation of the post-Soviet world // Globalization: options for Russia. St. Petersburg., 2001. p. 38.
4. Marchenko M.N. Problems of the general theory of state and law. Vol. 1. State. M., 2008. p. 453.
5. Platova G. The unifying spirit of struggle // Sov. Russia. 2023. October 5th.
6. Utkin A.I. The world order of the XXI century. M., 2002. p. 42.
7. Marchenko M.N. Problems of the general theory of state and law. Vol. 1. The State. p. 623.
8. Theory of state and law / Ed. V.D. Perevalov. M., 2008. p. 437.
9. General theory of state and law / Ed. M.N. Marchenko. Vol. 1. State. M., 2007. pp. 508-10.
10. Fedotov A.P. Globalistics on the threshold of the XXI century // Alma Mater. 2000. No. 3. P. 17.
11. Marchenko M.N. Problems of the general theory of state and law. Vol. 1. The State. P. 652.
12. Tikhomirov Yu.A. Public law. M., 1995. P. 305;
13. Sorokin V.V. The legal system of the transition period: theoretical problems. M., 2003. p. 15.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР КОДИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ BRIEF HISTORICAL OVERVIEW OF CODIFICATION WORKS

ИСАЕНКО Виталий Анатольевич,

аспирант, кафедра теории и истории государства и права,
Белгородский университет кооперации, экономики и права.

308023, Российская Федерация, Белгородская область, г. Белгород, ул. Садовая, 116а.

E-mail: kaf-tigr@buket.ru

ISAENKO Vitaly Anatolievich,

Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law,
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law.

308023, Russian Federation, Belgorod region, Belgorod, st. Sadovaya, 116a.

E-mail: kaf-tigr@buket.ru

Краткая аннотация: В статье предлагается краткий исторический обзор кодификационных работ в мировой и отечественной практике. Приводятся исторические примеры удачной (завершённой) кодификации и образцы незавершенных систематизационных работ. Объектом исследования выступает эволюция кодификационных работ, их результаты и особенности реализации в отдельных странах и на определенных исторических этапах, отмечается влияние на них объективных и субъективных конкретно-исторических факторов. С помощью аналитического, историко-правового, сравнительно-правового, интерпретационного и формально-юридического методов изучаются ход и результаты кодификации на исторических примерах. В завершение уделено внимание роли кодификации и изучения ее исторических образцов для реализации стратегических задач развития общества и правовой системы страны. Результаты исследования можно использовать в преподавательской, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности.

Abstract: The article offers a brief historical overview of codification works in world and domestic practice. Historical examples of successful (completed) codification and examples of unfinished systematization work are given. The object of the study is the evolution of codification works, their results and implementation features in individual countries and at certain historical stages, and the influence of objective and subjective specific historical factors on them is noted. Using analytical, historical-legal, comparative-legal, interpretative and formal-legal methods, the progress and results of codification are studied using historical examples. In conclusion, attention is paid to the role of codification and the study of its hysterical patterns for the implementation of strategic objectives for the development of society and the country's legal system. The results of the study can be used in teaching, educational, methodological and research activities.

Ключевые слова: систематизация законодательства, кодификация законодательства, история кодификационных работ, законы Хаммурапи, законы XII таблиц, Кодекс Юстиниана, Институции Гая, Ordonnance criminelle 1553 года, общегерманский свод законов «Каролина» 1532 года, Австрийское гражданское уложение 1811 года, Баварский уголовный кодекс 1813 года, Кодекс Наполеона 1804 года, англо-индийский Уголовный кодекс 1860 года, Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Судебник 1589 года, Уложение 1649 года, Свод законов Российской Империи 1833 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Судебные уставы 1864 года.

Keywords: systematization of legislation, codification of legislation, history of codification works, laws of Hammurabi, laws of the XII tables, Code of Justinian, Guy's Institutes, Ordonnance criminelle of 1553, all-German code of laws "Carolina" of 1532, Austrian Civil Code of 1811, Bavarian Criminal Code of 1813, Code Napoleon of 1804, Criminal Code of 1860, Code of Laws of 1497, Code of Laws of 1550, Code of Laws of 1589, Code of 1649, Code of Laws of the Russian Empire of 1833, Code of Criminal and Correctional Punishments 1845, Judicial statutes of 1864.

Для цитирования: Исаенко В.А. Краткий исторический обзор кодификационных работ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 68-70. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_68.

For citation: Isaenko V.A. Brief historical overview of codification works // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 68-70. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_68.

Статья поступила в редакцию: 20.05.2024

Введение

История кодификации нормативных предписаний на первый взгляд включает обширный период. Нам известно о законах Липит-Иштара, Эшнунны, Ур-Намму, Урукагины, Хаммурапи, которые по факту систематизировали обычное право древнего мира и легитимизировали законодательные установления правителей Месопотамии.

Более развитым примером систематизации правоустановительных актов служат законы XII таблиц и Кодекс Юстиниана, который дошел до нас в неполном виде. Отметим, что систематизации подвергались не только законы, но и обычаи, и правовые мнения ученых (Институции Гая) [11].

Вместе с тем, считать названные акты примерами именно кодифицированных актов достаточно сложно, хотя их составители и оставили потомкам некоторые представления о правилах этой работы.

Современному правотворцу и правоприменителю следует не только знать и соблюдать правила юридической техники в повседневной работе, но и иметь общее представление об эволюции кодификационных работ в историческом прошлом, назначении и специфике каждой из форм систематизации законодательства, на основе чего уметь применять наиболее эффективные и оптимальные из них в каждой конкретной ситуации.

Основная часть.

Как отмечает А.Н. Чашин, «зарождение и развитие теории кодификации связано с договорной и естественно-правовой теориями и идеологией европейского Просвещения» [12, с. 9], согласно которым писанному закону придавался приоритет среди всех прочих источников права. Однако распространение кодификации было обусловлено и увеличением количества актов позитивного права, и необходимостью их систематического и единообразного правоприменения.

Основными примерами европейских кодифицированных актов называют французский Ordonnance criminelle 1553 года, общегерманский свод законов «Каролина» 1532 года, Австрийское гражданское уложение 1811 года, Баварский уголовный кодекс 1813 года, Кодекс Наполеона 1804 года, англо-индийский Уголовный кодекс 1860 года.

Следует отметить, что в этом смысле кодификационная деятельность наибольшее значение имеет для романо-германской правовой семьи, поскольку в ней писанный закон является основным источником права [8].

Отечественная правовая традиция также располагает определенным опытом кодификационной деятельности. Ярким его примером является Судебник 1497 года, который включал в себя новеллы, переработанные положения более ранних правовых памятников и прямо заимствованные нормы из них же [6, с. 341-416]. Судебник 1497 г. содержал по большей части нормы процессуального характера. Его значение, по общему мнению, состояло в фиксации окончания периода политической раздробленности, упорядочении государственного управления и его централизации.

Спустя полвека, русское право вновь испытало на себе кодификационное упорядочение, в результате которого был принят Судебник 1550 года [7, с. 341-416], обладавший статусом *единственного источника права*. Следует отметить, что это единственный случай в истории отечественного права, когда кодификация законодательства была завершена в своей высшей форме – создании единого акта.

Законодательный свод 1589 года (Судебник Федора Иоанновича) содержал систематизированные с учетом судебной практики положения предыдущего Судебника и царские постановления с опорой на права государственных крестьян и крестьянской общины. Впервые в нем появились статьи об охране домашних животных и о содержании дорог, в чем исследователи усматривают влияние Литовских статутов [3, с. 374-388].

Спустя еще почти столетие в российском государстве вновь были проведены работы по систематизации законодательства. Уложение было разработано в 1648 году боярской комиссией и утверждено Земским Собором в 1649 году [9]. Причем в ходе работы Собора первоначальный текст проекта Уложения был существенно изменен. В дальнейшем нормы Уложения подвергались коррекции и дополнению «новоуказными статьями» [4, Лекция XLVII], что увеличивало несогласованность законодательства [10, с. 19].

Таким образом, работы по систематизации законодательства в допетровской России были достаточно регулярными и существенными по результатам. Но жизнь требовала их продолжения.

Систематизация законодательства во времена Петра I шла в двух направлениях. Во-первых, это разработка отраслевого деления законодательства (принятие Воинского, Морского уставов, регламентов) [1, с. 18]. Во-вторых, попытка разработки нового свода законов (Уложения) кодификационной комиссией (Палатой об уложении), действовавшая.

В ходе ее работы с мест были затребованы копии имевшихся царских указов для подготовки обновленного текста Уложения. «Новоуложенная книга» представляла собой отредактированную версию Уложения, в которой устранялись формальные противоречия, но существенных новелл не вводилось [13, с. 145]. Таким образом, это был пример консолидации, а не кодификации законодательства.

В 1714 году было предпринята вторая попытка систематизации законодательства – разработки «Сводного уложения», которая так и не была завершена, и, по всей видимости, потеряла свою актуальность после подготовки первых десяти глав [13].

Далее, в 1720 году была создана новая комиссия, которая должна была на основе Соборного уложения, Кормчей книги, указов, Морского и Воинского уставов, провести сравнительно-правовой анализ русского и иностранного законодательства и разработать новый кодифицированный акт. Однако ввиду объективных причин эта работа затянулась до 1727 года и закончилась разработкой проекта Уложения, включавшего более 2000 статей. Был подготовлен Манифест, который фиксировал, что Уложение являлось результатом систематизации действующего права [5, с. 9]. Но эти акты не были утверждены. Однако, следует заметить, что деятельность данной комиссии была более плодотворной и представляла собой образец уже профессионального подхода к делу.

Следующая отечественная попытка систематизации действующего законодательства относится к началу XIX века и связана с работой комиссии М.М. Сперанского. Отметим, что им были предприняты две попытки создания свода законов – при Александре I и Николае I. В первом случае М.М. Сперанский использовал опыт создания Гражданского кодекса Наполеона 1804 года, подготовил для обсуждения две части Гражданского Уложения, но эта работа прервалась его ссылкой. Во втором случае систематизация была ограничена императором целью упорядочения имеющегося законодательства, а не его обновлением. Результатом работы стало Полное собрание законов Российской империи в 46 томах, включавшее в хронологическом изложении тексты всех принятых с 1649 года нормативных актов (и действующих, и не действующих). Более 53 000 актов! При всей глобальности данной работы, это была лишь инкорпорация действующего законодательства, а не его кодификация. Однако для современного исследователя Собрание стало единственным достоверным источником эмпирического материала о законотворчестве прошлых веков.

Вторым этапом работы комиссии М.М. Сперанского стала подготовка свода действующих законов, в ходе которой из работы исключались недействующие или дублирующие нормы, упрощались и осовременивались формулировки. Эта работа была окончена сравнительно быстро к маю 1832 г. Свод законов Российской Империи был утвержден в качестве единого официального источника права императорским манифестом от 31 января 1833 года и вступил в силу с 1 января 1835 года. Все акты в нем были сгруппированы по предметному принципу. Все дополнения и изменения должны были официально публиковаться в «Продолжениях к Своду». При последующих переизданиях (в 1842 и 1857 гг.) они включались в текст свода. Изначальная идея состояла в том, что Свод должен выполнять роль единого источника права, однако в него не вошли некоторые особенные и местные законы, включенные в особые своды.

Не устраненные недостатки содержательного наполнения свода законов привели к тому, что практически сразу, в 1836 году была начата работа по пересмотру уголовного законодательства (включенного в виде пятнадцатого, последнего тома свода), которое всеми современниками оценивалось как крайне устаревшее. В 1845 году был утвержден новый кодифицированный акт – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» [14].

Дальнейшее развитие систематизации законодательства в России связано с разработкой и принятием Судебных уставов 1864 года,

которые стали классическим примером именно кодификационной работы.

В отечественной истории Судебные уставы оставили неизгладимый след, их подготовке, разработке, принятию и реализации посвящено значительное количество научных исследований выдающихся российских ученых-правоведов.

Заключение

Подводя итог, отметим, что кодификационные работы в правовой (правотворческой и правоприменительной) практике имеют длительную историю и представляют нам как удачные, так и провальные примеры своей реализации. Однако ценность изучения их исторической эволюции состоит в извлечении опыта для современной нормотворческой деятельности, а также для подготовки высококвалифицированных юристов.

Традиционно кодификацию рассматривают как форму правотворческой деятельности (С.С. Алексеев, А.С. Пиголкин) и, одновременно – как форму систематизации, упорядочения законодательства (а в широком смысле – вообще нормативного материала). Однако большая часть кодификационных работ лежит за рамками классического официального правотворческого процесса и процессуально не регулируется [2, с. 49]. В сфере правотворчества кодификация имеет значение с точки зрения результата – принятия кодифицированного акта. Если же рассматривать роль кодификации с позиций обновления, повышения качества законодательства и оптимизации правовой системы, то нужно устанавливать ее соотношение с иными формами систематизации и оценивать их взаимодействие, взаимовлияние, что станет предметом дальнейшего научного поиска автора. Важна также и выработка алгоритма кодификационных работ.

В целом проблематика кодификации законодательства представляет весьма большой интерес для исследователей, студентов и практических работников по различным причинам. Это и извлечение позитивного опыта (в т.ч. отечественного) кодификационных работ; это формирование понимания ценности правовой системы именно как системы взаимосвязанных норм, принципов, институтов, юридического инструментария, технологии, деятельности и опыта; это формирование правового мышления и культуры на профессиональном и бытовом уровне; это осознание значимости права и иных ценностей, присущих российской цивилизации; это выработка навыков организации собственной деятельности и многое другое.

И особенно это важно для воспроизводства юридических кадров, выработки у них профессиональных и деловых навыков, что крайне важно в условиях постоянно и неуклонно усложняющейся правовой системы и перманентного увеличения массива действующего законодательства.

Библиография:

1. Гавришчук, В.В., Кукар, А.А. Военное законодательство Петра I: учебное пособие. – Москва : СГУ, 2004. – 246 с.
2. Горячкова Ю.М., Исаенко В.А. Кодификация в системе форм систематизации законодательства // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8. – С. 47-51.
3. Данилович, И.Н. О Литовском Статуте // Журнал Министерства народного просвещения. – 1838. – № 2. – С. 374-388.
4. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Лекция XLVII // URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch47.htm>
5. Омельченко, О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века). – Москва : ВЮЗИ, 1989. – 148 с.
6. Памятники русского права. В 8-ми вып. (1952-1963) / отв. редактор С.В. Юшков, А.А. Зимин, В.Ю. Софронов. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1952-1963. – Вып. 3. Под ред. Л.В. Черепнина. 1955.
7. Памятники русского права. В 8-ми вып. (1952-1963) / отв. редактор С.В. Юшков, А.А. Зимин, В.Ю. Софронов. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1952-1963. – Вып. 4 / Под ред. Л. В. Черепнина. 1956.
8. Сильвестрова, Е.В. Кодекс Юстиниана // Православная энциклопедия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла // Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». – URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841636.html>.
9. Соборное уложение 1649 года // Исторический факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова : официальный сайт. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>.
10. Тараборин, Р.С. Систематизация гражданского законодательства Российской Империи (первая половина XIX в.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук (12.00.01). – Екатеринбург, 2002. – 204 с.
11. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / под редакцией З.М. Черниловского, составитель В.Н. Садиков. – Москва : 1994 // URL: https://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iy/vse/obs/ist/gos/pra/hrestomatiay_vseobs_ist_gos_pra/index.htm
12. Чашин, А.Н. Кодификация в сфере российского законодательства: теория, история и перспективы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук (12.00.01). – Москва, 2012. – 231 с.
13. Шитов, Г.А. Систематизация законодательства петровского периода как первый шаг к созданию Свода законов Российской Империи. – текст: непосредственный // Петр I и становление российского следствия : материалы международной научно-практической конференции (Москва. 16 июня 2022 г.) – Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. – С. 144-147.
14. Юшков, С.В. История государства и права России (IX-XIX вв.). – Ростов-на-Дону, 2003. – 736 с.

References:

1. Gavrishchuk, V.V., Kukar, A.A. Military legislation of Peter I: textbook. – Moscow: SSU, 2004. – 246 p.
2. Goryachkovskaya Yu.M., Isaenko V.A. Codification in the system of forms of systematization of legislation // Law and state: theory and practice. – 2023. – No. 8. – P. 47-51.
3. Danilovich, I.N. About the Lithuanian Statute // Journal of the Ministry of Public Education. – 1838. – No. 2. – P. 374-388.
4. Klyuchevsky, V.O. Russian history course. Lecture XLVII // URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch47.htm>
5. Omelchenko, O.A. Codification of law in Russia during the period of absolute monarchy (second half of the 18th century). – Moscow: VYUZI, 1989. – 148 p.
6. Monuments of Russian law. In 8th issue. (1952-1963) / resp. editor S.V. Yushkov, A.A. Zimin, V.Yu. Sofronov. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1952-1963. – Vol. 3. Ed. L.V. Cherepnina. 1955.
7. Monuments of Russian law. In 8th issue. (1952-1963) / resp. editor S.V. Yushkov, A.A. Zimin, V.Yu. Sofronov. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1952-1963. – Vol. 4 / Ed. L. V. Cherepnina. 1956.
8. Silvestrova, E.V. Codex of Justinian // Orthodox Encyclopedia / edited by Patriarch of Moscow and All Rus' Kirill // Church and Scientific Center "Orthodox Encyclopedia". – URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841636.html>.
9. Council Code of 1649 // Faculty of History of Moscow State University named after M.V. Lomonosov: official website. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>.
10. Taraborin, R.S. Systematization of civil legislation of the Russian Empire (first half of the 19th century): dissertation for the degree of candidate of legal sciences (12.00.01). – Ekaterinburg, 2002. – 204 p.
11. Reader on the general history of state and law / edited by Z.M. Chernilovsky, compiled by V.N. Sadikov. – Moscow: 1994 // URL: https://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iy/vse/obs/ist/gos/pra/hrestomatiay_vseobs_ist_gos_pra/index.htm
12. Chashin, A.N. Codification in the field of Russian legislation: theory, history and prospects: dissertation for the degree of candidate of legal sciences (12.00.01). – Moscow, 2012. – 231 p.
13. Shitov, G.A. Systematization of legislation of the Peter the Great period as the first step towards the creation of a Code of Laws of the Russian Empire. – text: immediate // Peter I and the formation of the Russian investigation: materials of the international scientific and practical conference (Moscow. June 16, 2022) – Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022. – P. 144-147.
14. Yushkov, S.B. History of state and law of Russia (IX-XIX centuries). – Rostov-on-Don, 2003. – 736 p.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ИНСТИТУТА ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ ON THE ISSUE OF THE CURRENT STATE OF THE INSTITUTE OF PRIVATE DETECTIVE WORK IN THE UNITED STATES OF AMERICA

ОСИПОВ Данила Денисович,

старший преподаватель кафедры,
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: proff-mast@mail.ru;

Osipov Danila Denisovich,

Senior lecturer of the department, Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: В статье приводится комплексный анализ положений зарубежной нормативно-правовой базы, регулирующей частную детективную деятельность, а также положений современной юридической доктрины по вопросам правового регулирования указанного правового института, обозначены общие перспективы развития частной детективной деятельности, представлена позиция относительно интеграции зарубежного опыта в отечественную правовую действительность.

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the provisions of the foreign regulatory framework governing private detective activity, as well as the provisions of modern legal doctrine on the legal regulation of this legal institution, outlines the general prospects for the development of private detective activity, and presents a position on the integration of foreign experience into domestic legal reality.

Ключевые слова: детектив, частная детективная деятельность, детективная деятельность, правовое регулирование, сыскная деятельность, частный сыск.

Keywords: detective, private detective work, detective work, legal regulation, detective work, private investigation.

Для цитирования: Осипов Д.Д. К вопросу о современном состоянии института частной детективной деятельности в Соединенных Штатах Америки // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 71-73. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_71.

For citation: Osipov D.D. On the issue of the current state of the Institute of private detective work in the United States of America // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 71-73. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_71.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2024

В зарубежной правовой доктрине отмечается высокая значимость частной детективной деятельности, особенно в Соединенных Штатах Америки (далее – США) для профессиональной деятельности страховых компаний и адвокатских образований. Дело в том, что зачастую указанные организации в рамках собственной профессиональной деятельности обращаются за помощью к частным детективам, посредством заключения кратковременных договоров и соглашений на оказание соответствующих услуг [1].

Анализ зарубежных правовых источников показывает, что инструментарий современного частного детектива в США весьма широк. Так, он наделен полномочиями по поиску свидетелей и очевидцев, осуществлению наблюдения за интересующими заказчика лицами и т.д. Вместе с этим, им могут быть использованы в профессиональной деятельности современные информационные системы для поиска скрытых капиталов и активов по индивидуальному заданию заказчика сыскных услуг.

Безусловно, на сегодняшний день существует весьма широкий спектр сфер, где частная детективная деятельность способна чувствовать себя «комфортно», справляясь при помощи правового инструментария с поставленными целями и задачами [2]. Поиск и сбор информации, как основное направление в контексте частной детективной деятельности представляется как потенциально значимый интерес для частного и корпоративного лица-заказчика.

Популяризация института частной детективной деятельности в США детерминирована существенным ростом объемов информационных потоков, получение и контроль которых позволяет частным лицам преимущественно избегать рисков в собственной профессиональной деятельности. Вместе с этим, происходит утверждение рассматриваемого института в правовой действительности США.

Современный этап становления и развития частной детективной деятельности в США можно охарактеризовать периодом «бурного развития», в рамках которого произошло множество существенных законодательных преобразований, расширивших полномочия частных детективов [3]. Более того, усилив роль частного детектива во внутренних правоотношениях, государство, фактически экономит на правоохранительном секторе, делегируя часть правоохранительных полномочий детективам, не состоящим на службе в федеральной и местной полиции.

Практикующие представители, среди которых Линда Монтгомери, являющаяся руководителем частного детективного агентства в городе Сизтл - Linda Montgomery Investigations, отмечает, необычайную привлекательность рассматриваемой деятельности, называя ее одной из перспективных и «бурно развивающихся» в американском обществе [4].

Развивая данную мысль, названный автор, отмечает, что за последние десятилетия существенным образом увеличилось количество лиц, вовлеченных в частную детективную деятельность, что, с одной стороны, обеспечивает усиление правопорядка в государстве, тогда как с другой – обуславливает экономический рост в государстве, поскольку указанная деятельность составляет значимый компонент экономической деятельности участников рыночных правоотношений. Вместе с этим, происходит поэтапное омоложение кадрового состава, заключающееся в

вовлечении в указанную деятельность молодых специалистов.

Профессиональная организация частной детективной деятельности в США устроена следующим образом. Приступая к работе, выстраивается алгоритм оценки и оплаты услуг частного детектива в зависимости от характера «сыскного заказа». Как показывает практика, профессиональная деятельность частного детектива оплачивается в зависимости от времени затраченного на исполнение заказа, в среднем стоимость услуг варьируется от 50 до 100 долларов США. В исключительных случаях, стоимость услуг может быть гораздо выше.

Стоит отметить, что дороговизна подобного рода услуг детерминирована повышенной налоговой ставкой на профессиональную деятельность частных детективов. Так, по законодательным актам некоторых штатов, частный детектив обязан выплачивать до 1/3 полученного от профессиональной деятельности доходов, не говоря уже об иных расходах, которые возникают в процессе выполнения заказа.

Также, к факторам, определяющим дороговизну стоимости услуг частного детектива следует относить и расходы на поддержание бизнеса, рекламу и пр. Известны случаи, когда к тарифной сетке вышеназванных услуг включаются расходы на горюче-смазочные материалы, амортизация транспортного средства, стоимость иных расходных материалов и др.

Говоря о процедурах лицензирования частной детективной деятельности в США, следует отметить, что названные процедуры дифференцируются в различных штатах [4, 5]. Вместе с этим, ее характер предопределяет предпочтительный уровень частного детективного агентства, определяющий спектр полномочий исполнителей сыскных услуг.

Для большинства штатов характерно проведение комплексных лицензионно-разрешительных проверок в отношении не только частных детективов, но и руководителей и учредителей сыскных агентств.

Устанавливаются жесткие требования, состоящие в систематическом и непрерывном прохождении дополнительного обучения, выраженного в курсах повышения профессиональной квалификации [6]. Столь жесткий подход обусловлен повышенной юридической ответственностью исполнителей сыскных услуг.

Лицензия штата на осуществление частной детективной деятельности выдается не только агентству, но и частному детективу. Последний ее получает только после выплаты «федерального вступительного взноса», размер которого, как правило варьируется от 100 до 400 долларов США.

В условиях децентрализованной правовой системы, нормативно-правовые требования к организации и реализации частной детективной деятельности в США дифференцируются в различных штатах, что в конечном счете способно привести к ее популяризации в одних штатах и «экономической деградации» в других по причине излишней жесткости и недостаточной экономической привлекательности региона. В сравнении заработная плата полицейских в различных штатах отличается друг от друга, и феномен «аренды полицейских» из других штатов является обыденностью.

К числу основных полномочий частных детективов в США (обобщая нормативно-правовую базу) относят:

- ведение наблюдения за объектом;
- проведение устного опроса свидетелей и очевидцев;
- получение информации из открытых источников;
- использование специальных технических средств для негласного получения информации.

Указанный инструментарий применяется для осуществления корпоративных расследований (в отношении юридических лиц) и расследования дел, связанных с исками физических лиц.

Современные детективные агентства США предлагают потенциальному заказчику весьма широкий спектр услуг, среди которых:

- проведение частных расследований о фальсификации торговых марок;
- проведение частных расследований в сфере нарушений авторских прав;
- проведение анализа потенциальных контрагентов;
- установление активов и собственности;
- проведение «пред-наймовых» проверок;
- проведение частных расследований случаев и инцидентов сексуальных домогательств;
- проведение частных расследований случаев насилия на рабочем месте;
- подготовка и дальнейшее сопровождение гражданских и уголовных дел.

Представленный спектр услуг не является ограниченным, его наполнение напрямую зависит от вида и типа детективного агентства, профессионализма частных детективов, работающих в нем, а также уровня соответствующей лицензии.

Говоря об интеграции зарубежного опыта следует отметить, что для Российской Федерации, внедрение подобной модели устройства частной детективной деятельности на сегодняшний день выглядит нереалистично, поскольку полномочия частных детективов, декларированные в положениях Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» существенным образом ограничены и не позволяют субъектам исследуемой деятельности реализовывать подобные услуги.

Вопрос о постановке частного детектива на один уровень с полицейским работником является дискуссионным в отечественной правовой доктрине. Отсутствие общего практического опыта будет способствовать росту количественных и качественных показателей правонарушений среди частных детективов, что в конечном счете обусловит рост показателей национальной преступности.

В условиях централизованной правовой системы, законодателем должны быть выработаны единые универсальные критерии к органи-

защиты и реализации частной детективной деятельности.

Таким образом, интеграция североамериканской модели института частной детективной деятельности в отечественную правовую деятельность в обозримой перспективе выглядит невозможной. Автор полагает, что детективная деятельность в Российской Федерации, принимая во внимание ее генезис на протяжении всей истории, имеет собственный «уникальный путь», вектор которого, безусловно, следует направить в сторону расширения полномочий субъектов детективной деятельности и ужесточения юридической ответственности за совершения преступлений в контексте профессиональной деятельности.

Библиография:

1. Балуйев Евгений Николаевич Частная детективная деятельность как структурно-функциональный элемент механизма реализации правоохранительной функции современного государства (сравнительно-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. №3. С.10-15.
2. Шестаков В. И. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ, СУЩНОСТИ И ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ЧАСТЬ 1) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. №2 (33). С.69-79.
3. Осипов Данила Денисович ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ // Право и государство: теория и практика. 2022. №7 (211). С.58-60.
4. Фрагмент интервью с руководством агентства. Режим доступа: официальный сайт детективного агентства - <https://lmipi.com/credentials.html> (дата обращения: 19.02.2024).
5. California Penal Code [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.leginfo.ca.gov/cgi-bin/calawquery?codesection=pen>.
6. Private Investigators, Bail Enforcement Agent and Watch, Guard or Patrol Agencies License Article 7, General Business Law [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.dos.ny.gov/licensing/lawbooks/PIBailWtchGuard.pdf>.
7. Ланг, П. П. Подготовка специалистов в области правоохранительной деятельности: современное состояние и перспективы / П. П. Ланг, Т. В. Коротаева // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1(176). – С. 375-376.

References:

1. Baluyev Evgeny Nikolaevich Private detective activity as a structural and functional element of the mechanism for implementing the law enforcement function of the modern state (comparative legal aspect) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No.3. PP.10-15.
2. Shestakov V. I. A SYSTEMATIC APPROACH TO UNDERSTANDING THE LEGAL NATURE, ESSENCE AND LEGAL REGULATION OF PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY (PART 1) // Law and order: history, theory, practice. 2022. №2 (33). С.69-79.
3. Osipov Danila Denisovich FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY IN THE UNITED STATES OF AMERICA // Law and the state: theory and practice. 2022. No.7 (211). С.58-60.
4. Fragment of an interview with the agency's management. Access mode: the official website of the detective agency - <https://lmipi.com/credentials.html> (date of publication: 02/19/2024).
5. California Penal Code [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.leginfo.ca.gov/cgi-bin/calawquery?codesection=pen>.
6. Private Investigators, Bail Enforcement Agent and Watch, Guard og Patrol Agencies License Article 7, General Business Law [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.dos.ny.gov/licensing/lawbooks/PIBailWtchGuard.pdf>.
7. Lang, P. P. Training of specialists in the field of law enforcement: current state and prospects / P. P. Lang, T. V. Korotaeva // Eurasian Law Journal. – 2023. – № 1(176). – Pp. 375-376.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_74

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БОРЬБЕ С ТЕРРОРОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ON SOME ASPECTS OF THE EVOLUTION OF RUSSIAN LEGISLATION ON COMBATING TERRORISM IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

ОЧИР-ГАРЯЕВА Ирина Калиновна,

кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, 358000, Россия.
E-mail: kalinovna7@yandex.ru;

МУЧАЕВА Дарима Геннадьевна,

ассистент ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, 358000, Россия.
E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

АКАЕВА Алена Германовна,

студентка направления «юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, 358000, Россия.
E-mail: akayeva.04@inbox.ru;

КРАВЦОВА Арина Эдуардовна,

студентка направления «юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, 358000, Россия.
E-mail: aeii.kk.11@gmail.com;

САРАНГАЕВА Галина Александровна,

студентка направления «юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, 358000, Россия.
E-mail: gsarangaeva@list.ru;

OCHIR-GARYAEVA Irina Kalinovna,

Candidate of Law, Associate Professor B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 Pushkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: kalinovna7@yandex.ru ;

MUCHAEVA Darima Gennadievna,

assistant at the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov.
Pushkin str., 11, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

AKAEVA Alyona Germanovna,

student of the law department B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 Pushkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: akayeva.04@inbox.ru;

KRAVTSOVA Arina Eduardovna,

student of the faculty of Law B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 Pushkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: aeii.kk.11@gmail.com;

SARANGAEVA Galina Alexandrovna,

student of the faculty of Law B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 Pushkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: gsarangaeva@list.ru

Краткая аннотация: Судебная реформа 1864 г. привела к значительному изменению отношения к толкованию закона. Только объективное и правильное понимание процессов, проходивших в национальной правовой системе в этот период, позволяет определить основы и механизмы, повлиявшие на процесс правового регулирования борьбы с террором в России.

Abstract: The judicial reform of 1864 led to a significant change in attitudes towards the interpretation of the law. Only an objective and correct understanding of the processes that took place in the national legal system during this period allows us to determine the foundations and mechanisms that influenced the process of legal regulation of the fight against terror in Russia.

Ключевые слова: доктрина, практика, преступления террористического характера, процедура официального толкования закона, принципы гласности, устности и непосредственности.

Key words: doctrine, practice, crimes of a terrorist nature, procedure for official interpretation of the law, principles of publicity, orality and immediacy.

Для цитирования: Очир-Гаряева И.К., Мучаева Д.Г., Акаева А.Г., Кравцова А.Э., Сарангаева Г.А. О некоторых аспектах эволюции российского законодательства о борьбе с террором во второй половине XIX в. // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 74-77. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_74.

For citation: Ochir-Garyayeva I.K., Muchaeva D.G., Akayeva A.G., Kravtsova A.E., Sarangaeva G.A. On some aspects of the evolution of Russian legislation on combating terrorism in the second half of the 19th century // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 74-77. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_74.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

Кардинальные изменения в правовых подходах к расследованию преступлений террористического характера произошли в период 60-70-х годов XIX века. Именно в этот время осуществлялась судебная реформа, которая привела к значительному изменению отношения к толкованию закона. Судебные инстанции получили широкие права в интерпретации законов и разрешении любых споров без обращения в высшие инстанции. Только объективное и правильное понимание процессов, проходивших в национальной правовой системе в этот период, позволяет определить основы и механизмы, повлиявшие на процесс правового регулирования борьбы с террором в России.

Статья 12 Устава уголовного судопроизводства в общих положениях закрепляет, что, «все судебные решения должны приниматься в соответствии с существующими законами, а если законы неполные, неясные или противоречивые, то решение должно быть основано на общем смысле законов. Таким образом, судебское толкование закона фактически расширяет право на интерпретацию закона, независимо от наличия и качества конкретных правовых норм в нормативном правовом акте»¹.

В Российском государстве принцип разделения властей, который не допускает смешения законодательных и судебных функций, был укреплен в опосредованной форме. Несмотря на неоднозначность данного подхода, законодательное закрепление процедуры официального толкования закона для судей во второй половине XIX века считалось беспрецедентным и, возможно, революционным событием, которое способствовало укреплению и развитию российского права в целом.

В книге III Устава «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства» были закреплены пять оснований для особого производства в делах, включая дела о государственных преступлениях, таких как терроризм. Законодатель установил специальное отношение к таким преступлениям, регулируя для них особый порядок производства в пореформенном кодификационном акте. Тем не менее, следует отметить, что в некоторых случаях такое выделение было обусловлено не только правовыми, но и политическими мотивами.

В Уставе уголовного судопроизводства, введенном в 1864 году, были установлены принципы гласности, устности и непосредственности, которые считаются одними из наиболее важных достижений этого закона. Благодаря этим принципам, российский уголовный процесс стал открытым и состязательным. Однако следует заметить, что вместе с присяжными заседателями, которые были введены в России как революционный элемент судебной системы, уголовный процесс стал местом для пропаганды идей террористов. Таким образом, изменения в уголовной процедуре существенно повлияли на форму террористической деятельности.

В компетенцию суда присяжных не входило рассмотрение дел о терроризме в соответствии с судебными уставами. Такие дела обычно передавались на рассмотрение суду второй инстанции, где участвовали сословные представители, а затем - Особое присутствие Правительствующего Сената. Власти, иногда, применяли более жесткий подход к рассмотрению таких дел, однако, не всегда удавалось достичь желаемого результата. Иногда обвиняемые оставались без обвинительных приговоров, что приводило к оправдательному приговору в итоге.

Однако, после того, как дело В.Засулич² было рассмотрено судом присяжных как обычное уголовное дело, законодательство было изменено. Это убедило государственную власть в том, что дела о терроризме не должны рассматриваться присяжными заседателями.

Для полного понимания исследуемого объекта необходимо изучить динамику уголовного процесса, который регламентировался Уставом уголовного судопроизводства 1864 года. Мы считаем, что этот аспект требует особого внимания и отдельного исследования. В XIX веке, в 60-х годах, этапы уголовного процесса не были четко разделены и официально признаны. Однако, можно было наблюдать некоторое разделение уголовного судопроизводства. И.Я. Фойницкий выделил «7 этапов уголовного процесса в пореформенный период, начиная с предварительного расследования и заканчивая исполнением приговоров»³.

В конце 1870-х – начале 1880-х годов процесс временного подчинения дел о государственных преступлениях и преступлениях против должностных лиц ведению военного суда стал ярко проявляться. В этот период было принято несколько нормативных правовых актов, которые имели мобилизационную окраску. К ним относятся Указ от 9 августа 1878 года «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени»⁴, Указ от 5 апреля 1879 года «О временных генерал-губернаторах»⁵, а также ряд других документов. В результате значительная часть дел по государственным преступлениям была передана на рассмотрение военным судам.

В борьбе с терроризмом важную роль играют правовые нормы, которые регулируют действия правоохранительных органов и судов. Однако, не всегда законы содержат ясные и полные нормы. В таких случаях, суд должен точно определить первоначально заявленный законодателем смысл этой нормы, чтобы избежать недостатков закона. Кроме того, если преступление не попадает под конкретную норму закона, но всё же является частью первоначально закрепленного законодателем объема смысла, то суд должен использовать распространительное толкование нормы. Это позволит устранить недостатки закона и обеспечить более эффективную борьбу с терроризмом.

Таким образом, важно не только создавать правовые нормы, но и правильно их толковать и применять в каждом конкретном случае. Только тогда можно достичь справедливости и обеспечить безопасность граждан.

¹ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1991. - С. 121.

² Судебные речи на процессе по делу Веры Ивановны Засулич 31 марта 1878 г. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Zasulich.htm> (электронный ресурс, дата обращения 10.04.2023)

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб., 1910. - С. 341.

⁴ Именной Высочайший указ, данный Сенату «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени» от 9 августа 1878 г. // ПСЗ РИ. Собрание (1825-1881). Т. 53. Ч. 2. № 58778. - С. 89-90.

⁵ Именной Высочайший указ, данный Сенату «О назначении Временных Генерал-Губернаторов в городах Санкт-Петербурге, Харькове и Одессе и предоставлении, как сим Генерал-Губернаторам, так и Генерал-Губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве некоторых особых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном крае» от 5 апреля 1879 г. // ПСЗ РИ. Собрание (1825-1881). Т. 54. Ч. 1. № 59476. - С. 298-299.

В России во второй половине XIX века террористическая деятельность квалифицировалась двумя способами: как общеуголовное преступление и как преступление государственное или политическое, за которое устанавливалась уголовная ответственность по специальным правовым нормам. Основным источником, закреплявшим составы преступлений террористического характера, было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и его последующие редакции, действовавшие во второй половине XIX века¹.

Поиск модели уголовно-правового регулирования террористической деятельности был постоянным и зачастую давал ощутимые результаты. Однако, террористические и революционные настроения в обществе развивались гораздо быстрее, чем законодательство.

Следует отметить, что в этот период в России происходило множество террористических акций, которые требовали новых и более жестких мер уголовного преследования. Но пока законодательство не могло найти оптимальный баланс между защитой общества и правами человека. Более того, некоторые политические силы в России того времени пытались использовать террористические акции в своих целях, что осложняло поиск эффективных решений в этой области.

Таким образом, можно сделать вывод, что российское уголовное законодательство в период 1860-1880 гг. было не готово к квалификации террористических преступлений и не могло эффективно бороться с этой формой преступности.

Проблема терроризма является одной из самых острых и актуальных в России. В этом контексте важно понимать, какова роль уголовного законодательства в борьбе с терроризмом. Несмотря на то, что вопрос терминологической ориентации уголовного законодательства при рассмотрении проблемы терроризма оставался открытым, уголовный закон все же успешно справился с задачей оперативного правового реагирования на террористические проявления в России.

Вторая половина XIX века стала переломным моментом в истории применения уголовного закона в России. Тогда было предложено более целесообразное использование коррекционного толкования для разрешения проблемы соотношения преступлений террористического характера с государственными преступлениями. Это привело к возникновению так называемого исправляющего толкования.

Суть исправляющего толкования заключается в том, что при рассмотрении дела с преступлением террористического характера, суд может применять более пристальное внимание к мотивам и целям, которые преследовал преступник. Таким образом, уголовное законодательство может более точно определить, является ли данное преступление государственным преступлением или нет.

В целом, использование исправляющего толкования является важным инструментом в борьбе с терроризмом, который позволяет более точно определять и квалифицировать преступления.

Многие исследователи считают, что «в условиях существенного изменения общественных отношений, лежащих в основе сконструированной нормы права, и приобретения ими новых смысловых качеств, применение коррекционного толкования является наиболее верным решением»².

В целом, применение мер по охране общественного порядка и борьбе с террором в Российской империи в 70-х годах XIX века было многообразным и неоднозначным. Оно имело свои особенности и недостатки, которые необходимо учитывать при изучении истории правовой системы России.

В 1870-х годах проводился анализ множества судебных процессов, связанных с террористическими преступлениями, который демонстрировал, что государственная власть рассматривала эти дела как уголовные, а не государственные, как это было принято в то время. Такой подход имел целью обеспечить общественную дискредитацию обвиняемых, поскольку в обществе не всегда было отрицательное отношение к государственным преступлениям. Часто те, кто был осужден за государственные преступления, вызывали сочувствие у населения.

Государственные преступления - это те, которые направлены на нарушение интересов государства и его народа. Именно по этой причине они считаются гораздо более важными и опасными, чем другие преступления. Официальный комментарий к статье 1032 Устава уголовного судопроизводства подробно описывает, какие именно деяния могут быть отнесены к государственным преступлениям. Это может быть предательство, шпионаж, терроризм, подрыв конституционного строя и многое другое.

Для государственных преступлений установлен особый порядок наказания, который предусматривает более строгие меры. Обычно, за эти преступления наказывают долгими сроками лишения свободы, а в редких случаях – даже смертной казнью. Однако, чтобы избежать ошибок и незаконных действий со стороны правоохранительных органов, необходимо соблюдать все процедуры, определенные законом.

Для эффективной борьбы с терроризмом необходимо было проводить активную упреждающую работу, а не только реагировать на произошедшие события. В рассматриваемый нами период, правоохранительным органам было необходимо уделять больше внимания выявлению потенциальных очагов формирования террористических ячеек. Тщательное прогнозирование возможного развития ситуации в революционной среде было необходимо для предотвращения ее выхода из-под контроля государства и проявления в виде террористических актов.

Примером эффективной работы можно назвать принятие мер 18 сентября 1880 года, которые были направлены на ужесточение контроля за людьми, связанными с террористическими организациями, и предотвращение их деятельности. Однако, помимо превентивных мер, необходимо также учитывать социальные, экономические и политические факторы, которые тоже могут способствовать росту терроризма. Для укрепления стабильности общества и предотвращения возможных конфликтов очень важно проводить комплексный анализ ситуации и принимать соответствующие меры.

¹ Именной Высочайший указ, данный Сенату «Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях Уголовных и Исправительных» от 15 августа 1845 г. // ПСЗ РИ. Собрание 2. 1846. Т. 20: Часть 1. № 19283. -С. 598-1010.

² См.: Смирнов А.В., Манукян А.Г. Толкование норм права: учебно-практическое пособие. М., 2008.

Для борьбы с терроризмом необходимо использовать не только реактивные, но и проактивные меры, учитывая все возможные факторы и работая на всех уровнях. Это сложная и многогранная задача, которая направлена на предотвращение террористических актов и обеспечение безопасности граждан.

В целях обеспечения общественной безопасности, Петербургский уездный совет вынес циркуляр, предписывающий проверять жилые помещения рабочих вместе с полицией для определения площади жилья и количества живущих людей. Это позволяло контролировать соблюдение санитарных условий в местах проживания людей, что является важным аспектом. Укрепление конспиративных основ в работе террористических организаций стало следствием ужесточения антитеррористического законодательства и увеличения деятельности правоохранительных органов. Однако, это же привело к увеличению активности подсудимых в судебных процессах, где они могут применять различные методы защиты своих интересов и оправдания своих действий.

В 1879 году Сенат вынес указ, передавший дела о государственных преступлениях и преступлениях против должностных лиц во временное подчинение военному суду. Для рассмотрения этих дел были созданы военно-окружные суды в каждом военном округе, а также временные военные суды, занимающиеся делами в отдаленных местах. В том же, 1879 году Военный министр издал приказ, усиливая военно-судебный устав. К началу 1880-х годов в Российской империи судебная система стала весьма развитой и могла рассматривать дела о государственных преступлениях. Законодательство, касающееся преступлений террористического характера, было также изменено. Более того, были внесены изменения в законодательство, касающееся преступлений террористического характера. Основным изменением стало установление порядка рассмотрения таких дел военными судами. Это дало генерал-губернатору право передавать дело в суд без предварительного следствия. Кроме того, в таком случае военный прокурор должен был подготовить обвинительный акт в течение суток¹.

Такой новый порядок рассмотрения дел о преступлениях террористического характера вызвал много споров и дискуссий среди юристов и правозащитников. Некоторые считали его слишком жестким и несправедливым, поскольку обвиняемый не имел возможности защищаться и доказывать свою невиновность. Другие же настаивали, что такой порядок необходим для более эффективной борьбы с терроризмом и другими государственными преступлениями.

Несмотря на противоречивые мнения, судебная система была обязана немедленно рассмотреть дело и вынести приговор в течение суток с момента начала судебного разбирательства. Это означало, что судьи и прокуроры должны были быть чрезвычайно внимательными и объективными при рассмотрении дел, чтобы не допустить ошибок и несправедливых решений. В целом, новый порядок рассмотрения дел о государственных преступлениях стал одним из важных этапов в развитии судебной системы Российской империи. В результате, принципы открытости были исключены, а первоначальные основы законодательства чрезвычайного характера начали формироваться.

Библиография:

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб., 1910. - С. 341.
2. Смирнов А.В., Манукян А.Г. Толкование норм права: учебно-практическое пособие. М., 2008.
3. Именной, данный Сенату указ «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени» от 9 августа 1878 г. // ПСЗ. Собрание (1825-1881). Т. 53. Ч. 2. № 58778. - С. 89-90.

References:

1. Foinitsky I.Ya. Course of criminal justice. Vol. II. St. Petersburg, 1910. - p. 341.
2. Smirnov A.V., Manukyan A.G. Interpretation of the norms of law: an educational and practical manual. M., 2008.
3. Nominal decree given to the Senate "On the temporary subordination of cases of state crimes and certain crimes against officials of the conduct of a military court established for wartime" dated August 9, 1878 // PSZ. Collection (1825-1881). Vol. 53. Part 2. No. 58778. - pp. 89-90.

¹ См.: Именной, данный Сенату указ «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени» от 9 августа 1878 г. // ПСЗ. Собрание (1825-1881). Т. 53. Ч. 2. № 58778. - С. 89-90.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_78

УДК 342.2

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ: КОНЦЕПЦИЯ «ГОСУДАРСТВА РАЗВИТИЯ» (ОПЫТ ВЬЕТНАМА) THE ROLE OF THE STATE IN DEVELOPMENT: THE CONCEPT OF THE "DEVELOPMENTAL STATE" (EXPERIENCE OF VIETNAM)

Ле Хуинь Дык,

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.
пр. Вернадского, д. 82, г. Москва, 119571, Россия.
E-mail: huynhduck25a@gmail.com;
ORCID 0000-0002-0975-113X;

Нгуен Тхи Тхьонг,

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Россия.
E-mail: ntthuong98@gmail.com;
ORCID 0009-0005-5411-3435;

До Тхи Ван Фьонг,

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.
пр. Вернадского, д. 82, г. Москва, 119571, Россия.
E-mail: dovanphuong.htqt@gmail.com;

Le Huynh Duc,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia.
E-mail: huynhduck25a@gmail.com;
ORCID 0000-0002-0975-113X;

Nguyen Thi Thuong,

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia.
E-mail: ntthuong98@gmail.com;
ORCID 0009-0005-5411-3435;

Do Thi Van Phuong,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia.
E-mail: dovanphuong.htqt@gmail.com

Краткая аннотация. В данной статье авторы стремятся рассмотреть роль государства в развитии, особенно в контексте модели «Государства развития» и опыта Вьетнама. На основе обзора выдающихся особенностей модели государства развития, а также методов исследования, анализа и обобщения документов, авторы объясняют причины, по которым модель «Государства развития» является потенциальным предложением для развивающихся стран в процессе поиска пути к развитию. В статье также объясняется, почему во Вьетнаме присутствуют элементы модели «Государства развития» и с учетом тенденции исследования фундаментальной теории этой модели во вьетнамском научном сообществе авторы предлагают ценные направления и опыт для России и других стран в подходе к этой концепции и модели. Общий вывод заключается в том, что модель «Государства развития» является потенциальным предложением для стран в построении разумного и эффективного государства, отвечающего требованиям устойчивого развития в экономике, обществе и окружающей среде, в соответствии с новым контекстом и ситуацией.

Abstract. Faced with the necessity of finding an effective and appropriate state model in the current circumstances, this article aims to consider the role of the state in the country's development, specifically focusing on the "developmental state" model and drawing on experiences from Vietnam. By providing an overview of the key features of the developmental state model and employing research methods such as document analysis and synthesis, the authors explain the rationale behind considering the developmental state model as a potential recommendation for developing countries in their quest for development. The article also delineates the reasons why Vietnam embodies elements of the "developmental state" model and, given the growing interest in this model's fundamental theory within the Vietnamese scientific community, the authors propose valuable directions and experiences that could benefit Russia and other countries in their approach to this concept and model. Consequently, the general conclusion drawn is that the "developmental state" model presents a promising suggestion for countries to establish a rational and effective state that adheres to the requirements of sustainable development encompassing economics, society, and the environment, all in line with the new context and circumstances.

Ключевые слова: Государственная модель, государства развития, Роль государства в экономике, зарубежный опыт, Вьетнам.
Key words: State model, developmental states, the role of the state in economics, foreign experience, Vietnam.

Для цитирования: Ле Хуинь Дык, Нгуен Тхи Тхьонг, До Тхи Ван Фьонг. Роль государства в развитии: концепция «государства развития» (опыт Вьетнама) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 78-82. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_78.

For citation: Le Huynh Duc, Nguyen Thi Thuong, Do Thi Van Phuong. The role of the State in development: the concept of the "development State" (experience of Vietnam) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 78-82. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_78.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2024

Бурное развитие науки и техники быстро меняет ряд глобальных проблем и требует нового мышления о развитии, переопределения роли субъектов развития. Изменилась также роль государства: от простого инструмента классового господства оно превратилось в публичную власть, занимающуюся социальным менеджментом и предоставлением государственных услуг.

Исследование эффективной модели государства сегодня стало центральным вопросом управленческой, политической и правовой

науки как в мире в целом, так и в России в частности. Одним из особо важных вопросов, которому всегда уделяется особое внимание, является роль и взаимоотношения государства с экономикой и обществом. В 20 веке существовали два выдающихся подхода, которые изучались в сравнении. Первый подход, называемый «административно-командной системой», был характерен для модели Советского Союза и других социалистических стран того времени и акцентировал внимание на централизованном планировании. Второй подход, известный как «Регулирующее государство» (*Regulatory state*), был характерен для Англии, Америки и многих других западных стран. В этой модели государство влияет на секторы экономики путем корректировки политики и законодательства, но не разрабатывает планы и не инвестирует прямо в развитие этих секторов. Однако история конца 20-го и начала 21-го веков, особенно после распада Советского Союза, «реформ и открытости» Китая, а также успехов «Азиатских тигров» – Японии, Кореи, Сингапура, Тайваня, Вьетнама и других, побудила исследователей обсуждать третий путь, в котором невозможно не упомянуть перспективы развития государства в восточноазиатском регионе. Об этом впервые упомянул Ч. Э. Джонсон (1931-2010, американский политолог, специализирующийся на сравнительной политологии, и почётный профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего) в своей работе «МТТ и японское чудо: рост промышленной политики, 1925-1975 гг.», опубликованной в 1982 году, где он писал:

«В государствах, опоздавших с индустриализацией, государство само возглавляло индустриализацию, то есть брало на себя функции развития. Эти две разные ориентации на частную экономическую деятельность, ориентация на регулирование и ориентация на развитие, породили два разных типа отношений между бизнесом и правительством» [2]

Так, концепция «Государство развития» была введена исследователем Чалмерсом Джонсоном в 1980-х годах прошлого века, когда он изучал удивительное развитие Японии. Он осознал, что государство сыграло очень важную роль в этом удивительном развитии. Японское государство не только создало основу для развития, но также направляло и способствовало этому развитию. Позже, помимо Японии, государствами развития считались Корея, Тайвань, Китай и другие. Основной характеристикой этой государственной модели является то, что государство непосредственно устанавливает план экономического развития, особенно в промышленности (с большими амбициями), и активно инвестирует в механизмы, политику и многие другие стимулы для содействия промышленному развитию. По мнению исследователей, это государственная модель, находящаяся между регулирующим государством (согласно доктрине свободного рынка) и централизованно планируемым государством (согласно традиционной социалистической модели). «Государство развития» не стоит вне рынка, но и не заменяет его, где он активно вмешивается в рынок, чтобы способствовать развитию и достижению предлагаемых целей развития. Фактически доказано, что для достижения двукратного роста ВВП регулирующему государству (например, США) потребуется до 50 лет, тогда как государству развития, такому как Китай, потребуется всего 10 лет для его достижения.

По сути, «государство развития» не является новой формой управления и моделью в мире. Данная концепция сегодня признана и популярна на английских академических форумах и в странах Восточной Азии, а также в дискуссиях о политической, экономической и социальной жизни. Учитывая ее характеристики и эффективность для развития, неудивительно, что эта модель привлекает внимание развивающихся стран. Она создает надежду у лидеров развивающихся стран на возможность догнать развитые страны, улучшить качество жизни людей и усилить позиции страны на международной арене.

Однако, возможно, из-за влияния «холодной войны» и распада Советского Союза, она, похоже, не привлекла большого внимания в российских академических кругах, поскольку упоминалась лишь в небольшом количестве статей, таких как «Государство развития в разных институциональных условиях» у Саблина К. С. в 2010 году или концепция «государства развития» в контексте евразийской интеграции» у Кудярова У. Б. и Матазимова А. М. в 2022 году. Кроме того, ее также часто используют в социальных обсуждениях в сфере экономики и управления. Очевидно, что это по-прежнему остается большой научно-теоретической проблемой для современных социальных потребностей России. Это требует фундаментального и всестороннего исследования модели современного государства развития, в котором изучение зарубежного опыта, обладающего справочной ценностью вне рамок западных академических традиций, действительно становится насущной потребностью российской науки.

Однако государство развития является спорным вопросом, поскольку нет однозначного ответа на вопрос, лучше ли быть «государственно-ориентированным» или «рыночно-ориентированным». Или в каких случаях лучше, чтобы государство активно создавало и направляло, чем позволяло рынку выбирать и устранять? Или какой уровень ориентации является наиболее подходящим? Потому что, как и в предыдущих социалистических странах, включая Советский Союз и Вьетнам, было время, когда в условиях централизованной, бюрократической и административно-командной экономики государство ориентировало каждый товар на конкретные объемы и планы, и потерпело неудачу, поскольку не полагалось на сигналы рынка и потребности народа. Это базовые теоретические вопросы, на которые можно ответить только путем изучения конкретных национальных случаев, связанных с уникальными характеристиками каждой страны. Это становится еще более актуальным, поскольку любое эффективное государство должно обеспечить стране политическую стабильность, экономический рост и перспективы социального развития, а также иметь достаточную способность мобилизовать ресурсы для решения поставленных задач, что прежде всего требует обеспечения порядка и стабильности. Эффективное государство требует достаточной административной власти, чтобы противостоять как внешнему давлению, так и группам с особыми интересами. С другой стороны, процесс модернизации и демократизации современного государства также требует наличия демократических элементов, позволяющих обществу и жителям реагировать на правящую элиту. В противном случае сильное государство может стать диктатурой или тиранией. Найти баланс между этими векторами является важнейшей задачей каждого современного государства.

Государство развития – это государство, которое придает высший приоритет экономическому развитию. Для достижения данной цели

государство активно вмешивается в рынок путем управления, установления правил, координации, распределения ресурсов и использования других инструментов политики. Характерной чертой этой модели является то, что государство активно участвует в содействии развитию экономики, вместо того чтобы позволить рынку действовать самостоятельно. На ранних этапах роль государственного вмешательства подчеркивалась экономическими теоретиками, включая такие цели развития, как индустриализация и ориентация на экспорт. Это включало сотрудничество государственных учреждений и частных предприятий для достижения данных целей. Однако, поскольку в начале 1990-х годов Япония погрузилась в десятилетие рецессии и особенно после азиатского финансового кризиса 1997–1998 годов, Активная интервенционная роль государства в модели «Государство развития» была сведена к минимуму экономическими теоретиками. Следовательно, государству необходимо «погрузиться» в общество, чтобы иметь возможность понять общество и улучшить свою способность служить обществу и экономике. В условиях сильной тенденции глобализации с начала XXI века роль государственного вмешательства в модель государства развития еще более снизилась. Основное внимание должно быть сосредоточено на повышении потенциала государства по содействию рыночной деятельности путем принятия мер по обеспечению социального порядка и снижению неопределенности в экономике. В отличие от регулирующего государства, государство развития будет проявлять инициативу, преодолевая не только провалы рынка, но и сосредотачиваясь на создании рынков в соответствии с общим видением страны и используя преимущества как в экономике, так и в политике государства. Особое внимание должно быть уделено разработке конкретной политики и направлений, а также политике по концентрации ресурсов и созданию приоритетных механизмов развития в ключевых секторах, включая развитие, промышленность и торговлю. Например, Япония сосредоточилась на автомобильной промышленности в 1970-х годах, а Малайзия – на электронной промышленности. Индия же уделила особое внимание индустрии программного обеспечения и т.п.

Хотя существуют существенные различия в том, как идентифицировать признаки концепции «государство развития», в целом можно увидеть некоторые выдающиеся характеристики:

Во-первых, государство активно направляет развитие, вмешивается и соответствует требованиям рынка. Для развивающегося государства важно не только сосредоточить внимание на политике экономического развития, но, что более важно, способность мобилизовать и концентрировать ресурсы страны для служения этому развитию[2].

Во-вторых, в государстве развития, политические факторы являются основными факторами, имеющими направляющую и направляющую роль. На основе изучения многих моделей государств развития, особенно моделей Восточной Азии, Адриан Лефтов (Adrian Leftwich, 1940–2013) подчеркнул роль политических факторов в обеспечении эффективности государства развития. Соответственно, ученый подчеркивал, что в тектоническом и развивающемся состоянии важнейшее положение занимают политические факторы [3, с. 381-411].

Таким образом, можно сказать, что в развивающемся государстве государство будет использовать свою власть для налаживания определенного уровня на общество, при этом индивидуальным свободам может быть придано меньшее значение, чем в западных обществах.

В-третьих, государство развития основано на философии сбалансированного развития. В либеральных западных странах люди верят в теорию невидимой руки, обладающей самоуправляющейся способностью рынка. В этой модели государство вмешивается лишь в ограниченной степени, в основном для преодоления сбоев рынка. Ученый Чанг Ха-Джун (장하준; 1963 — южнокорейский экономист и учёный) указал на парадоксы мирового экономического развития, когда богатые страны стремятся помешать развитию бедных стран. Исходя из этого, он сформировал систему точек зрения для укрепления модели государства развития, включая различия с неолиберальной идеологией, которые, по его мнению, не обязательно верны для развивающихся стран. Система аргументации Чанга подчеркивает, что для развития национальной экономики государство должно быть способным создавать и корректировать экономические и политические отношения так, чтобы они вместе обеспечивали устойчивый процесс индустриализации. Для этого требуется государство, способное создавать развитие. Автор Чанг также четко обозначил важные функции, которые государство способно выполнять [1].

В России концепция сильного государства, по-видимому, вызывает более популярный интерес, хотя эта концепция имеет много аргументов, аналогичных концепции государства развития. Цыганков А. П. [10] проанализировал, что при многих внешних опасностях россиянам пришлось консолидироваться вокруг государства, поэтому «Такое историческое наследие делает невозможным для России развитие по европейскому пути... Необходимость сильного государства развития для России диктуется важностью преодоления разрыва с ведущими экономиками мира, готовностью дать адекватный ответ на угрозы безопасности и необходимостью улучшить уровень жизни ... Попытки формирования относительно децентрализованной и либерально-ориентированной системы западного образца лишь закрепят экономическое отставание и олигархически-сырьевую ориентацию. Без сильного государства можно забыть о создании конкурентоспособных на мировых рынках секторов и отраслей».

После глобального экономического и финансового кризиса 2008-2009 годов и в последнее время, после пандемии COVID-19, мы стали свидетелями активного и растущего участия государства в восстановлении экономики. Особенно после того, как события 2014 и 2024 годов в России еще раз подтвердили актуальность этой точки зрения. Растет интерес к анализу степени участия государства в экономическом развитии и регулировании рынка. Основная часто обсуждаемая тема – импортозамещение или история построения независимой, самостоятельной экономики, плановой экономики, регулируемой государством с приоритетом производства.

Вьетнам является примером «восточноазиатского государства развития», сформированного на основе иерархической конфуцианской традиции с колониальным и охваченным войной прошлым. Именно иерархическая природа политической культуры помогла сохранить внутреннюю стабильность и высокое единство, а низкая и нестабильная база развития способствовала сильной динамике роста и приоритету стабильности для развития. Это было достигнуто путем постепенного совершенствования государственно-правовых механизмов и перераспределения

отечественной продукции из более развитых регионов в менее развитые. Оно устанавливает долгосрочные цели и планы, определяет области экономического роста и интеграции в мировую экономику на стратегии, основанной на экспорте. Успехи Вьетнама за последние почти сорок лет основаны на такого рода реформах (обновлениях) и избирательной интеграции с миром.)

Во Вьетнаме после VI съезда Коммунистической партии Вьетнама в 1986 году было принято решение о переходе от централизованно-плановой модели государства к модели государства развития с перспективой данная модель сочетает в себе преимущества и преодолевает недостатки моделей государственного регулирования и централизованного планирования. Вьетнамское государство продолжает прокладывать путь индустриализации страны и признает рыночный механизм, сохраняя при этом важную управленческую роль государства. После почти 40 лет реализации политики «Дой Мой» (обновление) масштабы ВВП увеличились более чем в 100 раз – с 4 млрд долларов США (1986 г) до 406 млрд долларов США (к 2022 году) [5]. Многие бывшие советские республики, отказавшиеся от модели централизованно планируемого государства, не достигли такого впечатляющего развития. Однако следует откровенно признать, что четкая и последовательная концептуальная основа модели «государства развития» во Вьетнаме так и не сформировалась. Некоторые ученые также полагают, что решения и выбор Вьетнама в процессе обновления и построения государства развития, если не благодаря удаче, в основном соответствуют объективным требованиям ситуации, а не имеют прочной теоретической основы. Поэтому за последние 10 лет исследование фундаментальных теорий и стратегическая и все-сторонняя реализация перспективы государства развития стали тенденцией во вьетнамском научном сообществе. Оно сосредоточено на нескольких основных направлениях:

Поддерживая независимую и самостоятельную внутреннюю экономику, особенно отечественное производство в стране, обеспечивать наиболее насущные потребности общественной жизни, особенно продовольствие, энергетика и производственные мощности.

Улучшить доступ людей к ресурсам и ресурсам, с особым упором на повышение образовательного уровня людей и доступ к фундаментальным возможностям, таким как образование, электричество, Интернет, электронные устройства связи, а также улучшение систем транспорта и связи и т.п.;

Оптимизация штатного расписания и организация работы аппарата, чтобы он был по-настоящему эффективным и действенным, Преодоление ситуации громоздкого и неэффективного аппарата является важнейшей государственной инновацией в переходе от административно-бюрократического государства к развивающемуся государству.

Укрепление патриотизма, особенно формирование силы интеллектуалов и патриотических элит, уделяя особое внимание продвижению интересов нации и коллектива выше индивидуальных интересов, подчеркивая дух самоотверженности и жертвенности ради развития и процветания общества и нации, это становится моральной и духовной основой для того, чтобы сильное государство всегда приносило пользу обществу и людям. Недавние принятые меры включают: формирование «Движения первых», преподавание предмета «Основы российской государственности», возрождение традиций Царскосельского лицея в Санкт-Петербурге, вывешиваться флаг России во всех образовательных учреждениях, и также поднятие флага и исполнение гимна РФ и т.п. — это правильные и необходимые вещи для защиты и продвижения российской идентичности и системы ценностей.

Заключение

В XXI веке успешной моделью государства будет та модель, которая сможет использовать свой исторический опыт и интегрировать современные требования, частично заимствуя лучшие качества других моделей государства.

За последние десятилетия и годы произошли крахи командной экономики, потеря контроля над Советским Союзом и странами Восточной Европы, финансовые кризисы государств всеобщего благосостояния в большинстве промышленно развитых стран или «чудесное» экономическое развитие в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, а также возникновение общественно-политических конфликтов в некоторых странах. Все это привело к неотложной потребности всех стран и народов в построении разумного и эффективного государства, отвечающего требованиям устойчивого развития с точки зрения экономики, общества и окружающей среды. Для развивающихся стран неизбежно требуется эффективная модель, которая придает приоритет вопросам стабильности, развития и независимости, где решение социально-экономических проблем является главным приоритетом. Сильное и эффективное государство является необходимым фактором в этом процессе, способным формулировать и осуществлять политику развития. Характеристики такого государства включают профессиональную и эффективную систему административного управления, высокую способность общества участвовать в формулировании и критике политики, лояльность правящего класса нации и использование последних достижений науки и техники в развитии. Важной основой является построение прозрачного и качественного правового коридора, а также возможность контроля государственной власти и поддержки институтов государственных целей и планов.

Концепция «государства развития» (Developmental state) была систематически разработана Чалмерсом Джонсоном при изучении стран, успешно преодолевших быструю индустриализацию, особенно Японии, Кореи, Китая и др., благодаря активному руководству государства. Поэтому государство развития принципиально отличается от классического либерального взгляда на роль государства, где оно в основном ориентировано на регулирующую функцию, которую мы называем регулирующим государством (Regulatory state). Вьетнамская модель уделяет особое внимание содействию строительству и благоустройству в соответствии с концепцией «государства развития». Она является шагом в соответствующем и подходящем направлении и добилась определенных результатов в последние годы, предлагая ценные идеи и опыт для современной России. Можно сказать, что концепция «государства развития» подходит периферийным и развивающимся странам в качестве альтернативы западной концепции государства.

Библиография:

1. Chang, H.J. *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. Anthem Books, London, 2002.
2. Johnson, C. *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925-1975*. Stanford University Press, 1982. (URL: <https://archive.org/details/mitijapanesemira00chal/page/n7/mode/2up>)
3. Leftwich, A. Developmental states, effective states and poverty reduction: The primacy of politics // *Indian Journal of Human Development*. 2011. № 2. Vol. 5. P. 381-411.
4. Кудаяров, У.Б., Матазимов, А.М. Концепция «государства развития» в контексте евразийской интеграции // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022. Т. 16. № 2. P. 18-27. (DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-18-27)
5. Масштабы ВВП Вьетнама увеличились более чем в 100 раз за почти 4 десятилетия // *Тьен Фонг*. 04.12.2023. (URL: <https://tienphong.vn/quy-mo-gdp-viet-nam-tang-hon-100-lan-trong-gan-4-thap-ky-post1592473.tpo>) (дата обращения: 02.04.24). Quy mô GDP Việt Nam tăng hơn 100 lần trong gần 4 thập kỷ // *Báo điện tử Tiền Phong*. 04.12.2023. URL: <https://tienphong.vn/quy-mo-gdp-viet-nam-tang-hon-100-lan-trong-gan-4-thap-ky-post1592473.tpo>
6. Нгуен, Т.З. Государство развития - Несколько опытов для Вьетнама // *Журнал профсоюзных научных исследований*. № 20, июль 2020. Nguyễn Thùy Dương. Nhà nước Kiến tạo phát triển - Một số kinh nghiệm cho Việt Nam // *Tạp chí Nghiên cứu khoa học công đoàn*, № 20, tháng 7/2020.
7. Нгуен, В.К. Построение государства развития во Вьетнаме: барьеры и ориентированное решение // *Журнал «Социальные науки Центрального региона»*. № 06 (62), 2019. Nguyễn Văn Quang. Xây dựng nhà nước kiến tạo phát triển ở Việt Nam: Rào cản và một số giải pháp định hướng // *Tạp chí Khoa học xã hội miền Trung*. Số 06 (62), 2019.
8. Нго, Х.Д., Нгуен, Т.Т.З. Государство развития - Концепция и реальность // *Журнал политической теории*. № 11, 2016. Ngô Huy Đức, Nguyễn Thị Thanh Dung. Nhà nước kiến tạo phát triển - Khái niệm và thực tế // *Tạp chí Lý luận chính trị*. Số 11, 2016.
9. Саблин, К.С. Государство развития в разных институциональных условиях // *Журнал институциональных исследований*. 2010. Т. 2, № 4. P. 30-39.
10. Цыганков, А.П. Сильное государство: теория и практика в XXI веке // *Журнал «Россия в глобальной политике»*. 2015. № 3.
11. Дао, Т.У. Государство развития - эффективная модель современного национального управления // *Материалы конференции «Государство развития: теория и практика в мире и во Вьетнаме»*, Ханойский национальный университет, 2017. Đào Trí Úc. Nhà nước kiến tạo - mô hình hiệu quả quản trị quốc gia hiện đại // *Kỷ yếu Hội thảo "Nhà nước kiến tạo phát triển lý luận và thực tiễn trên Thế giới và ở Việt Nam"*, Đại học Quốc gia Hà Nội, 2017.
12. Ву, К.З. Обзор основных теоретических вопросов о развитии государства // *Материалы конференции «Государство развития: теория и практика в мире и во Вьетнаме»*, Ханойский национальный университет, 2017. Vũ Công Giao. Khái quát những vấn đề lý luận cơ bản về nhà nước kiến tạo phát triển. *Kỷ yếu Hội thảo "Nhà nước kiến tạo phát triển lý luận và thực tiễn trên Thế giới và ở Việt Nam"*, Đại học Quốc gia Hà Nội, 2017.

References:

1. Chang, H.J. *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. Anthem Books, London, 2002.
2. Johnson, C. *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925-1975*. Stanford University Press, 1982. (URL: <https://archive.org/details/mitijapanesemira00chal/page/n7/mode/2up>)
3. Leftwich, A. Developmental states, effective states and poverty reduction: The primacy of politics // *Indian Journal of Human Development*. 2011. № 2. Vol. 5. P. 381-411.
4. Kudayarov, U.B., Matazimov, A.M. The concept of the "state of development" in the context of Eurasian integration // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 18-27. (DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-18-27)
5. Vietnam's GDP has increased by more than 100 times in almost 4 decades // *Tien Phong*. 04.12.2023. (URL: <https://tienphong.vn/quy-mo-gdp-Vietnam-tang-hon-100-lan-trong-gan-4-thap-ky-post1592473.tpo>) (date of access: 02.04.24). Quy mô GDP Việt Nam tăng hơn 100 lần trong thập kỷ gần 4 // *Báo điện tử Tiền Phong*. 04.12.2023. URL: <https://tienphong.vn/quy-mo-gdp-viet-nam-tang-hon-100-lan-trong-gan-4-thap-ky-post1592473.tpo>
6. Nguyen, T.Z. The state of development - Several experiences for Vietnam // *Journal of Trade Union Scientific Research*. No. 20, July 2020. Nguyễn Thùy Dương. Nhà nước Kiến tạo phát triển - Một số kinh nghiệm cho Việt Nam // *Tạp chí Nghiên cứu khoa học công đoàn*, № 20, tháng 7/2020.
7. Nguyen, V.K. Building a development state in Vietnam: barriers and an oriented solution // *Journal of Social Sciences of the Central Region*. № 06 (62), 2019. Nguyễn Văn Quang. Xây dựng nhà nước kiến tạo phát triển ở Việt Nam: Rào cản và một số giải pháp định hướng // *Tạp chí Khoa học xã hội miền Trung*. Số 06 (62), 2019.
8. Ngo, H.D., Nguyen, T.T.Z. The State of development - Concept and Reality // *Journal of Political Theory*. № 11, 2016. Ngô Huy Đức, Nguyễn Thị Thanh Dung. Nhà nước kiến tạo phát triển - Khái niệm và thực tế // *Tạp chí Lý luận chính trị*. Số 11, 2016.
9. Sablin, K.S. The state of development in different institutional conditions // *Journal of Institutional Research*. 2010. Vol. 2, No. 4. P. 30-39.
10. Tsygankov, A.P. Strong state: theory and practice in the XXI century // *Journal "Russia in global politics"*. 2015. № 3.
11. Tao, T.U. The State of development is an effective model of modern national governance // *Proceedings of the conference "The State of Development: Theory and Practice in the world and in Vietnam"*, Hanoi National University, 2017. Đào Trí Úc. Nhà nước kiến tạo - mô hình hiệu quả quản trị quốc gia hiện đại // *Kỷ yếu Hội thảo "Nhà nước kiến tạo phát triển lý luận và thực tiễn trên Thế giới và ở Việt Nam"*, Đại học Quốc gia Hà Nội, 2017.
12. Wu, K.Z. Overview of the main theoretical issues on the development of the state // *Proceedings of the conference "The State of development: theory and practice in the world and in Vietnam"*, Hanoi National University, 2017. Vũ Công Giao. Khái quát những vấn đề lý luận cơ bản về nhà nước kiến tạo phát triển. *Kỷ yếu Hội thảo "Nhà nước kiến tạo phát triển lý luận và thực tiễn trên Thế giới và ở Việt Nam"*, Đại học Quốc gia Hà Nội, 2017.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В БРАКЕ POSSIBILITIES OF LEGAL REGULATION OF PROPERTY RELATIONS IN MARRIAGE

ТЕРЕНИЧЕНКО Алексей Александрович,

кандидат исторических наук,
доцент Кафедры международного и публичного права Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент.
125167, Россия, г. Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2.

E-mail: aaterenichenko@fa.ru;

Terenichenko Alexey A.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of International and Public Law, Faculty of Law
Finance University under the Government Russian Federation.
49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia.

E-mail: aaterenichenko@fa.ru

Краткая аннотация. Исследование посвящено анализу тенденций, перспектив правового регулирования семейных отношений в России, в том числе, имущественных. Затрагиваются такие институты, как брачный договор, социальная политика государства по отношению к семье, взаимоотношения с иностранными гражданами в указанной сфере.

Abstract. The study is devoted to the analysis of trends and prospects for legal regulation of family relations in Russia, including property relations. Such institutions as the marriage contract, the state's social policy towards the family, and relations with foreign citizens in this area are touched upon.

Ключевые слова: традиционные ценности, Россия, возвращение к национальной специфике в условиях большого культурного диалога, юридическое право и семейные отношения, тенденции правового регулирования семьи в России.

Keywords: traditional values, Russia, return to national specificity in the context of a large cultural dialogue, legal law and family relations, trends in legal regulation of the family in Russia.

Для цитирования: Терениченко А.А. Возможности правового регулирования имущественных отношений в браке // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 83-85. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_83.

For citation: Terenichenko A.A. Possibilities of legal regulation of property relations in marriage // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 83-85. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_83.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

В эпоху рыночных отношений, вернувшихся в нашу страну в 90-е годы и развившихся в нулевые, возрастания роли частной собственности, для определенных категорий населения стали более важными вопросы регулирования имущества в браке – и в связи с ним, и за его пределами, что немалым образом отражается в явлении брачного договора. Нельзя сказать, что подобная практика очень распространена и популярна в России (хотя её обсуждают и пробуют)¹. И дело, думается, здесь не только в относительно невысоком уровне жизни населения, не задушивающегося много о «дополнительных» доходах (например, от бизнеса), относительно которых есть смысл в заключении брачного договора. Дело, конечно, в не совсем «рыночном» мышлении (при этом даже своеобразно максималистском), которое не позволяет так плотно смешивать духовно важные отношения в области любви, брака, семьи и материальную сферу немалых доходов, которые, в случае чего, придется делить супругам, только вступающим в официальные брачные отношения. С учетом даже русского «максимализма»², который надо корректировать в современных условиях, в условиях рынка, понять такую позицию вполне можно. Как же быть с самой идеей брачного договора, её развития в сложившихся условиях в России? С учетом сущности российской семьи, российского менталитета, необходимости построения новой здоровой культуры и выхода из масштабного духовного кризиса современного мира, тяжело затронувшего и семью, – можно сказать, что перспектив развития правового института брачного договора в России на данный момент не очень много³. В сложившихся реальных условиях такие договоры, видимо, необходимы в случаях немалых доходов одного из брачующихся, в случаях «подозрения» на этой почве (пусть в перспективе семейных отношений, личностного развития в русле брака) – корыстного отношения к состоятельному супругу со стороны второго супруга.

Также можно говорить об определенной актуальности таких договоров в отношениях с иностранцами⁴, многие из которых «привыкли» к такого рода правовым контактам. Отметим, что большой диалог культур в наше время предполагает все больше контактов, взаимодействий с иностранцами, в том числе и в сфере брачно-семейных отношений, что может предполагать немало «сюрпризов». Поэтому в определенных случаях – в частности в ситуациях, когда наблюдается заметное неравенство доходов, статуса, пр. – можно говорить о практической актуальности брачного договора, который должен все более соотноситься с международным правом, с национальным правом конкретных стран – тех, с которыми брачно-семейные отношения российских граждан наиболее вероятны, часты.

¹ Шамаева Е. Сколько россиян заключает брачные договоры // Статистика брачных договоров в России: где и сколько заключают брачных контрактов (tinkoff.ru); Рудых С. Д., Суханова Д. А. Проблемы реализации брачного договора в России // Вопросы российской юстиции. 2023, № 24. С. 220–227

² Максимова Е. Почему мы, русские, не очень любим деньги и чем еще наш мозг отличается от мозга американца? // Нация, 23.01.2020 // Почему мы, русские, не очень любим деньги и чем еще наш мозг отличается от мозга американца? Люди. Нация (nationmagazine.ru)

³ Шевченко-Даниелян А. Ф. Проблемы и перспективы брачного договора в России // Молодой ученый. 2022, № 49 (444). С. 484–486

⁴ Смирнова Е. В. Брачный договор с участием иностранного элемента по российскому и зарубежному законодательству // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013, № 159. С. 123–130

Думается, что российские юристы – теоретики и практики, законодатели, в необходимом контакте со своими зарубежными коллегами вполне способны справиться с такой «инструментализацией», адаптацией к эпохе института брачного договора¹. Несмотря на геополитические сложности. Ведь речь идет о частном праве, которое в данной ситуации может своеобразно «победить» приобретающее некоторые одиозные черты более публичное право, связанное с глубокими геополитическими проблемами. Победить – большей разработанностью, эффективностью, более адекватным ответом на нужды времени, своеобразным явным превалированием в правовом, социальном пространстве, что будет означать победу частной, нормальной жизни над политикой, не способной на данный момент зачастую решать важные для людей проблемы.

Вообще, сфера семейно-брачных и иных взаимоотношений с иностранцами на современном этапе, становясь все более актуальной, порождает, конечно, и дополнительные проблемы, отнюдь не только материального характера – которые следует регулировать и правовым путем, что следует развивать в современном мире (вообще, проблема соотношения национальных правовых систем, формирование международного права в различных важных для «среднего» человека сферах – это действительно актуально практически и теоретически²). Основная масса подобных проблем, на наш взгляд, тоже может быть связана с глобальным культурным кризисом, легкомыслием, невоспитанностью современных людей. Проблемы, о которых мы сейчас говорим, возникают даже несмотря на то, что многие люди, общаясь так или иначе с иностранцами, искренне стремятся показать лучшую часть себя, заполнить свои культурные лакуны с помощью сильных сторон инокультуры и наоборот. Такие проблемы весьма специфичны (они могут быть, например, связаны с возможностью или невозможностью матери нормально общаться со своим ребенком), они, безусловно, требуют правовой разработки. Конечно, более всего здесь следует стремиться к действительно-му контакту культур, взаимообогащающему – пусть через специфические проблемы – пониманию. Однако право именно в случаях явной вероятности непонимания, достаточно остро и специфического конфликта должно приходить на помощь.

Гораздо более перспективной линией российского права, по сравнению с линией брачных договоров, следует признать направление помощи государства молодым и иным семьям³. Это не только соответствует запросам времени, населения страны и даже определенным возможностям государства, но и менталитету россиян, складывавшемуся как менталитет достаточно гуманных коллективистов (по большому счету – с соответствующим содержанием государственного управления), способных на помощь, на её получение и предоставление. Следует констатировать, что в постсоветский период «доверие к государству» в России сильно редуцировалось (что по сути является своеобразной реакцией на социально-экономический распад, хаос), однако в данном случае – в соответствии с линией возрождения России – есть возможность рационально, в соответствии с формирующимися принципами правового государства, дать максимальное представление о постепенно развивающейся структуре помощи государства населению. Надо отметить, что среди нескольких направлений социальной политики политика помощи семье, молодой семье в России выглядит как одна и наиболее заметных. Это, помимо прочего, отражает тенденции глубинного внимания к семье, что когда-то просматривалось уже в «Русской правде».

Действительно, развивающееся явление материнского капитала, относительно существенная помощь в виде декретных выплат и некоторых иных пособий, различные льготы, акции по отношению к многодетным, неполным семьям, варианты помощи в приобретении жилья⁴ – всё это показывает не только и не столько, видимо, «абстрактную» заботу об увеличении населения, сколько неравнодушие государства к соответствующим процессам, что понимается так в контексте развития социокультурных отношений, права в России. Всё это можно расценивать как попытку возрождения страны – через важное внимание к семье – в условиях геополитических изменений. Если помнить о том, что государство, законодатели так или иначе отражают тенденции самой культуры, то становится ясно, что современные российские законодатели, стремясь укрепить семью, вполне способны проявлять не только необходимую искренность, но и профессионализм, выражающийся во все большей инструментализации, детализации, адаптации права в области социальной помощи семье – в той мере, в какой это требуется в сложившихся обстоятельствах. И эта тенденция вряд ли прекратится. Несмотря на «навязанные» нам рыночные отношения идея социального государства, конечно, близка, россиянам, и государство старается по возможности реализовать её, несмотря на сложности.

Если говорить о желаемых направлениях, моментах развития, то, видимо, можно рекомендовать осмысливать сферу сотрудничества бизнеса и государства в области помощи, поддержки семьи. Здесь требуется и определённая идеологическая, мотивирующая работа, и именно законодательно-правовые разработки, которые сделали бы данное направление достаточно удобным. Для российского бизнеса, по крайней мере для его части (которая, возможно, увеличивается), свойственно определенное увлечение социальными идеями, которое должно расти по мере увеличения доходов, укрепления экономики, идеологии страны и т. д. Это связано с нашим менталитетом, который уже проявлял себя подобным образом в частности во 2-й половине XIX века, когда стране необходимо было развивать сферу культуры и заметная доля меценатов помогала в этом. На данный момент более прагматичная (может быть, чересчур) эпоха, вероятно, сможет откликнуться в лице «спонсоров» если не на культурные явления, то на явления, связанные с категорически необходимым развитием, возрождением на новом уровне идеи, практики семьи в нашей стране. Это могут быть системные элементы той же поддержки капиталом, льготами, акциями, прочим – семей многодетных, неполных,

¹ Потрнова Е. В., Щеглова Д. Д. Проблемные аспекты заключения браков между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами // Наука. Общество. Государство. 2019, т. 7, № 1 (25) // potrnova_ev_shcheglova_dd_2019_1_21.pdf - Яндекс Документы (yandex.ru)

² Международное и национальное право как инструменты признания человека, его прав и свобод высшей ценностью: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции молодых ученых (г. Пермь, 10 декабря 2021 г.) / науч. ред. Ю. В. Васильева; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021

³ Шульга А. А. Социально-правовая и законодательная основы социальной работы с семьей и детьми: учебное пособие. М., 2024

⁴ Шульга А. А., Буянова А. В. Правовое регулирование жилищной поддержки молодых семей // Вестник Московского университета МВД России. 2023, № 3. С. 65–68; Еремина О. Ю. Правовое регулирование материнского капитала: практика применения и перспектива развития // Журнал российского права. 2018, № 5 (257). С. 125–138; Королева А. Доцент Лебединская: В 2023 году в России увеличатся маткапитал и декретные // RG.ru, 09.01.2023 // Доцент Лебединская: В 2023 году в России увеличатся маткапитал и декретные - Российская газета (rg.ru)

молодых – в русле разрабатываемого социального партнерства с государством (например, «в обмен» на какое-то снижение налогов) или даже без него (например, в случаях перспективных специалистов, специалистов, которых можно назвать профессионалами новой формации – более честной, знающей, социально мыслящей – столь необходимой России).

Таким образом, можно констатировать, что современное государство, правовая сфера имеет тенденции вполне адекватного реагирования на непростую социокультурную ситуацию семьи в России. Это проявляется в частности в разрабатываемой сфере социальной помощи семье, в менее популярном направлении брачных договоров; это можно и нужно развивать в области регламентации имущественных и личных неимущественных отношений с иностранцами в связи брачно-семейными отношениями, также – можно рекомендовать развитие социальной политики по отношению к семье через посредство, в партнерстве с бизнесом, что отвечает особенностям менталитета России, ее задачам на современном этапе и вполне может быть разработано в инструментально-правовом аспекте.

Библиография:

1. Еремина О. Ю. Правовое регулирование материнского капитала: практика применения и перспектива развития // Журнал российского права. 2018, № 5 (257). С. 125–138
2. Жукова О. А. Границы России: культурный универсализм В. В. Вейдле // Философские науки. 2015, № 7 // Границы России: культурный универсализм В. В. Вейдле | Жукова | Философские науки (phiscl.info)
3. Королева А. Доцент Лебединская: В 2023 году в России увеличатся маткапитал и декретные - Российская газета (rg.ru)
4. Кривошеев Е. В. Развитие Конвенции о правах ребенка в национальном законодательстве России // 30 лет Конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 17 ноября 2020 г., Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург: РГППУ, 2020. С. 64–68
5. Маковецкая В. Феноменология дружбы в культуре // Аналитика культурологии. 2014, № 29. С. 67–73
6. Максимова Е. Почему мы, русские, не очень любим деньги и чем еще наш мозг отличается от мозга американца? // Нация, 23.01.2020 // Почему мы, русские, не очень любим деньги и чем еще наш мозг отличается от мозга американца? Люди. Нация (nationmagazine.ru)
7. Международное и национальное право как инструменты признания человека, его прав и свобод высшей ценностью: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции молодых ученых (г. Пермь, 10 декабря 2021 г.) / науч. ред. Ю. В. Васильева; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021
8. Наумова Н. В. Всеобщая декларация прав человека и ее действие в Российской Федерации // Молодой ученый. 2017, № 5 (139). С. 304–306
9. Пашкова Д. А. История становления семейного законодательства в советский период // Вопросы российской юстиции. 2019, № 1. С. 49–55
10. Потрнова Е. В., Щеглова Д. Д. Проблемные аспекты заключения браков между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами // Наука. Общество. Государство. 2019, т. 7, № 1 (25) // portnova_ev_shcheglova_dd_2019_1_21.pdf - Яндекс Документы (yandex.ru)
11. Пронина Ю. О. и др. Трансформация семейного законодательства на современном этапе развития российского общества: направления и вызовы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022, № 8. С. 113–116
12. Рудых С. Д., Суханова Д. А. Проблемы реализации брачного договора в России // Вопросы российской юстиции. 2023, № 24. С. 220–227
13. Сироткина К. Д. Ювенальная юстиция: социально-правовая значимость в России и зарубежных странах // Вопросы российской юстиции. 2020, № 5. С. 527–545
14. Смирнова Е. В. Брачный договор с участием иностранного элемента по российскому и зарубежному законодательству // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013, № 159. С. 123–130
15. Сtryгина С. В. Национальные особенности русской идеи правового государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2010, № 1. С. 78–81
16. Туман-Никифоров А. А. Кризис духовности и пути его преодоления // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2011, № 3. С. 193–199
17. Хубиев Б. В. и др. Конституция РФ: вопросы взаимодействия и оценка сегментов критики правоприменения // Образование и право. 2021, № 12. С. 55–62
18. Шамаева Е. Сколько россиян заключают брачные договоры // Статистика брачных договоров в России: где и сколько заключают брачных контрактов (tinkoff.ru)
19. Шевченко-Даниелян А. Ф. Проблемы и перспективы брачного договора в России // Молодой ученый. 2022, № 49 (444). С. 484–486
20. Шулга А. А., Буйанова А. В. Правовое регулирование жилищной поддержки молодых семей // Вестник Московского университета МВД России. 2023, № 3. С. 65–68
21. Шулга А. А. Социально-правовая и законодательная основы социальной работы с семьей и детьми: учебное пособие. М., 2024
22. Юрков Д. В. Роль и место институтов традиционного общества в эпоху социальной модернизации в России начала XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2015, № 1. С. 5–12

References:

1. Eremina O. Yu. Legal regulation of maternity capital: practice of application and development prospects // Journal of Russian Law. 2018, No. 5 (257). P. 125–138
2. Zhukova O. A. Borders of Russia: Cultural Universalism of V. V. Veidle // Philosophical Sciences. 2015, No. 7 // Borders of Russia: Cultural Universalism of V. V. Veidle | Zhukova | Philosophical Sciences (phiscl.info)
3. Koroleva A. Associate Professor Lebedinskaya: In 2023, maternity capital and maternity benefits will increase in Russia // RG.ru, 01/09/2023 // Associate Professor Lebedinskaya: In 2023, maternity capital and maternity benefits will increase in Russia - Rossiyskaya Gazeta (rg.ru)
4. Krivosheev E. V. Development of the Convention on the Rights of the Child in the national legislation of Russia // 30 years of the Convention on the Rights of the Child: modern challenges and solutions to problems in the field of protecting children's rights: collection of materials from the International scientific and practical conference, November 17, 2020, Yekaterinburg / Rus. state prof. ped. univ. Ekaterinburg: RSPPU, 2020. Pp. 64–68
5. Makovetska V. Phenomenology of Friendship in Culture // Analytics of Cultural Studies. 2014, No. 29. Pp. 67–73
6. Maksimova E. Why Don't We Russians Really Like Money and How Else Is Our Brain Different from That of an American? // Nation, 01/23/2020 // Why Don't We Russians Really Like Money and How Else Is Our Brain Different from That of an American? People. Nation (nationmagazine.ru)
7. International and national law as instruments for recognizing a person, his rights and freedoms as the highest value: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference of Young Scientists (Perm, December 10, 2021) / scientific ed. Yu. V. Vasilyeva; Perm State National Research University. Perm, 2021
8. Naumova N. V. Universal Declaration of Human Rights and its effect in the Russian Federation // Young scientist. 2017, no. 5 (139). P. 304–306
9. Pashkova D. A. History of the formation of family legislation in the Soviet period // Issues of Russian justice. 2019, No. 1. P. 49–55
10. Portnova E. V., Shcheglova D. D. Problematic aspects of marriages between citizens of the Russian Federation and foreign citizens // Science. Society. State. 2019, Vol. 7, No. 1 (25) // portnova_ev_shcheglova_dd_2019_1_21.pdf - Yandex Documents (yandex.ru)
11. Pronina Yu. O. et al. Transformation of family legislation at the present stage of development of Russian society: directions and challenges // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022, No. 8. P. 113–116
12. Rudykh S. D., Sukhanova D. A. Problems of implementing a marriage contract in Russia // Issues of Russian justice. 2023, No. 24. P. 220–227
13. Sirotkina K. D. Juvenile justice: social and legal significance in Russia and foreign countries // Issues of Russian justice. 2020, No. 5. P. 527–545
14. Smirnova E. V. Marriage contract with the participation of a foreign element under Russian and foreign legislation // Bulletin of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2013, No. 159. P. 123–130
15. Strygina S. V. National Features of the Russian Idea of the Rule of Law // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series Economy. Management. Law. 2010, No. 1. P. 78–81
16. Tuman-Nikiforov A. A. Crisis of Spirituality and Ways to Overcome It // Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2011, No. 3. P. 193–199
17. Khubiev B. V. et al. and the Constitution of the Russian Federation: issues of interaction and assessment of segments of criticism of law enforcement // Education and Law. 2021, No. 12. Pp. 55–62
18. Shamaeva E. How many Russians enter into marriage contracts // Statistics of marriage contracts in Russia: where and how many marriage contracts are concluded (tinkoff.ru)
19. Shevchenko-Danielyan A. F. Problems and prospects of the marriage contract in Russia // Young scientist. 2022, No. 49 (444). Pp. 484–486
20. Shulga A. A., Buyanova A. V. Legal regulation of housing support for young families // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, No. 3. P. 65–68
21. Shulga A. A. Social, legal and legislative foundations of social work with families and children: a tutorial. Moscow, 2024
22. Yurkov D. V. The role and place of institutions of traditional society in the era of social modernization in Russia at the beginning of the 21st century // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and municipal administration. 2015, No. 1. P. 5–12

КАТЕГОРИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ Category of legal consciousness in the history of russian theoretical and legal thought

ЧЕРНОВА Эльвира Рамилевна,

доцент кафедры истории и теории государства и права
Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мухоморова, 2.
E-mail: erchernova@mail.ru;

Chernova Elvira Ramilevna,

associate professor of the Department of history and theory of state and law
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law.
450103, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muxinov St., 2.
E-mail: erchernova@mail.ru

Краткая аннотация: Успешное решение вопросов, связанных с формированием и развитием правового сознания во многом зависит от теоретического понимания и соответствующего обоснования некоторых фундаментальных правовых категорий. В статье рассматриваются различные научные концепции теории правосознания в истории российской философско-правовой и теоретико-правовой мысли, проанализированы рациональные, эмоциональные и поведенческие компоненты его структуры.

Abstract. The successful solution of issues related to the formation and development of legal consciousness largely depends on the theoretical understanding and appropriate justification of some fundamental legal categories. The article examines various scientific concepts of the theory of legal consciousness in the history of Russian philosophical-legal and theoretical-legal thought, analyzes the rational, emotional and behavioral components of its structure.

Ключевые слова: правосознание, общественное сознание, правовая психология, правовая идеология, поведение.

Keywords: legal consciousness, public consciousness, legal psychology, legal ideology, behavior.

Для цитирования: Чернова Э.Р. Категория правосознания в истории российской теоретико-правовой мысли // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 86-88. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_86.

For citation: Chernova E.R. Category of legal consciousness in the history of russian theoretical and legal thought // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 86-88. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_86.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2024

Проблемы соотношения права и правосознания, права и нравственности, правосознания и правовой культуры рассматривались отечественными учеными на различных этапах развития философско-правовой и теоретико-правовой мысли. Вопросы правосознания исследовались в работах многих дореволюционных отечественных мыслителей середины XIX – начала XX века: И.А. Ильина, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, К.П. Победоносцева, В.С. Соловьева, Г.Ф. Шершеневича и др., в основном опиравшихся на естественно-правовую концепцию понимания права как методологическую основу научных изысканий. Они обращали внимание на различные аспекты соотношения права и правосознания. Так З.А. Горюшкин высказывал мысль о том, что в основе права лежит не абстрактный «разум», а народное правосознание («народное умствование») [6, с. 296]. Особое внимание он обращал на нравственные и профессиональные качества судей, отмечая взаимосвязь профессионального правосознания судей с качеством осуществления правосудия, в чем находит отражение социологическая концепция правопонимания.

Одним из первых в России проблемные аспекты теории права и правосознания рассмотрел П.И. Новгородцев в рамках концепции «возрожденного» естественного права. В работе «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» он констатировал кризис современного ему правосознания и считал его следствием кризиса индивидуализма и западно-европейских теорий правового государства, сложившихся в XVIII-XIX вв. [3, с. 50-51]. Он подчеркивал, что правовое осознание действительности осуществляется человеком с позиции нравственного должностования, в связи с чем правосознание – это, прежде всего, нравственное сознание.

Идеи П. И. Новгородцева нашли отражение в научном творчестве И. А. Ильина, объединившем в единое целое проблемы личности, общества, государства, божественного начала и правосознания. По мнению мыслителя, правосознание включает в себя не только «знание» и «мышление», но и воображение, волю, чувство и душу человека [2, с. 149].

Позитивное право, опирающееся на принуждение, позволяет преодолевать эгоистичные проявления и несовершенство внутреннего самоуправления человека, извращающие содержание правосознания и приводящие к отрицанию объективной ценности права, трансформации его в «неправовое право». Правовые знания в сфере положительного права, по оценке И. Ильина, играют важную роль в процессе формирования правосознания, хотя не гарантируют наличия нормального правосознания.

Один из основателей психологической школы права Л.И. Петражицкий отводил особую роль в правосознании эмоциям. Он утверждал, в противовес позитивизму, что право содержится исключительно в психике индивида и проявляется как внутренние эмоциональные переживания человека. Он исследовал закономерные связи между уровнем правового сознания в обществе и уровнем психического восприятия и развития индивидов. Особенность исследований в области теории правосознания советского периода развития отечественного права определялась монополией марксистско-ленинской идеологии и основанной на ней классовой теории права, принципиально отличавших их от взглядов дореволюционных авторов.

Один из первых советских ученых, кто начал рассматривать право и правосознание в философско-теоретическом аспекте, был П.И. Стучка. Он определял право как систему или порядок общественных отношений, соответствующих интересам господствующего класса и охраняемых организованной силой. различал право и правовую идеологию, право и правосознание.

С середины 30-х гг. XX века основное внимание ученые сосредоточили на исследовании права как системы правовых норм, связанных с государством. Правосознание определялось не как сознание общественного бытия, а как воззрение людей на право, отношение их к действующему праву. Так, М.С. Строгович писал, что правосознание представляет собой «совокупность правовых воззрений людей, т.е. убеждений относительно правомерности и неправомерности поступков людей, прав и обязанностей членов данного общества, справедливости или несправедливости тех или иных законов» [5, с. 115].

В эпоху марксизма, которое акцентировало свое внимание на материальную составляющую, происходит отрицание многих аспектов правосознания. Такие аспекты внутреннего правосознания, как интуитивный, инстинктивный оставались без внимания. Отвергались идеи о том, что человек в «условиях материалистический воззрений, сам того не замечая, становится материалистом». Данные идеи подготовили почву для дальнейшего отрицания советского правосознания.

С середины 50-х гг. XX в. интерес к вопросам правосознания увеличивается, начинают появляться работы, посвященные этой проблеме. С одной стороны, сохранились прежние представления о правосознании как классовой категории, связанной с экономическими отношениями. С другой стороны, появляются труды, где в понятие правосознания начинают включать правовую психологию (чувства, эмоции, настроения и т.п.). Особенно выделялись работы И. Е. Фарбера, Г. С. Остроумова, С. С. Алексеева, В. А. Чепранова, Е.А. Лукашевой, которая рассматривала правосознание с позиции общественного сознания. Многие авторы в своих работах исследовали исторический аспект правового сознания.

Со второй половины XX века развитие теория правосознания в советской юридической науке выражалось в том, что при анализе правосознания исследовалось преимущественно социально-психологические факторы.

С 70-х гг. XX в. возникают вопросы, которые касаются внешнего строения правосознания. Говорится о волевом аспекте в формировании установок и выработке отношения к предписаниям государства. Особое внимание в это время уделяется правовой идеологии, которая соотносится с правовой теорией и отождествляется с правосознанием. Также рассматриваются вопросы о структуре и уровнях правового сознания в деятельности органов внутренних дел.

Социалистическое правосознание в трудах советских ученых рассматривалось как политизированное правосознание.. Работы советских ученых, несмотря на определенную их ограниченность рамками классового подхода в исследовании правосознания, заложили научные основы для развития современной теории правосознания.

В постсоветское время происходит изменение картины мира, отход от единой теоретико-методологической основы понимания права и правосознания. Объясняются новые подходы к пониманию права, отходящие от постановок классового эволюционизма. Так, по мнению Л.В. Кондратюка, правосознание воспринимается как результат социализации. В.С. Нерсисянц и В.П. Малахов указывают, что правовое сознание – это не только форма осознания права как специфического явления социальной действительности, но и правовое самосознание [3, с. 314].

В современной юридической литературе правосознание рассматривается как одна из форм общественного сознания, представляющая совокупность психологических и идеологических компонентов, выражающих отношение к действующему или желаемому праву, к правовым явлениям в общественной жизни. То есть исходя из данного определения можно понимать под правосознанием все сознательное понимание и отношение конкретного человека или совокупности людей к праву, сюда можно отнести и недовольство людей по поводу различных изменений в законодательстве, и взгляды на правовые институты общества и отношение к действующим законам и многое другое. В том числе различные митинги, пикетирования и забастовки причиной для которых становится одобрение и введение каких-то новых законов, в том числе связаны с правосознанием граждан.

Можно выделить следующие признаки правового сознания:

1. Правосознание представляет из себя форму общественного сознания. Оно включает в себя правовые взгляды, идеи, чувства индивида, которые выражают его отношение к праву;
2. Правосознание обязательно имеет субъекта, т. е. конкретного носителя, которым и является человек;
3. Через правосознание также выражаются и воплощаются различные интересы и потребности человека и общества: и политические, и экономические, и духовно-нравственные и социальные так как право влияет и регулирует в той или иной мере все сферы общества;
4. Через правовое сознание выражается отношение человека к действующему праву, понимание специальных юридических терминов и конструкций, а также их верное применение;
5. Правосознание является фактором формирования позитивного права, то есть прежде чем получить готовую правовую норму, она должна пройти через волю и сознание человека;
6. Правосознание обусловлено объективными изменениями, происходящими в жизни общества на различных этапах его исторического развития и является продуктом отражения общественного бытия людей. Соответственно оно влияет на взаимоотношения, события и факты характеризующие текущий период развития общества;
7. Правосознание является важнейшим регулятором общественных отношений через правовые нормы, основывается на них. Интересы и потребности, которые рождаются в общественной жизни, в конечном итоге приобретают «форму юридических мотивов и получают выражение в нормах права»;
8. Именно благодаря речи и мыслительной деятельности формируется механизм правосознания, правильное толкование той или иной нормы права.

Правосознание в своей структуре содержит правовую идеологию и правовую психологию.

Под правовой психологией понимают психологическое восприятие правовой действительности, то, что ощущает человек по отношению к праву, т. е. это эмоции, переживания людей. Познание приобретает элементы созерцательности, восприятия правовой реальности: эмоции, переживания. Её сложнее выделить, но она более устойчива, чем другие части правосознания. И.П. Разумовский правосознание отождествлял с правовой психологией.

Именно с эмоционального восприятия начинается осознанное отношение к правовой действительности. Примером может послужить то, что при проведении референдума о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации 22 апреля 2020 г. многие изначально отнеслись к этому отрицательно, даже не ознакомившись с текстом поправок, что и составляет их эмоционально чувственное восприятие без осознанного восприятия правовой реальности. Человек, знакомясь с правом, независимо от уровня знаний о нем, формирует чувственную оценку правовой жизни. Психологическая сторона правосознания носит более стихийный и динамичный характер, она определяется чувствами человека и на нее намного легче оказать влияние.

Таким образом, правовая психология – это первый уровень, основа правосознания, который выражается в отношении к праву в виде настроений, переживаний, чувств.

Правовая идеология – рациональная система взглядов, идей и принципов, которые отражают необходимость права, выражают его роль, функции и ценность. К ним относятся научные идеи, теории, статьи. Она зависит от уровня знаний о праве и глубины изученности. И. П. Разумовский правовую идеологию сводил к праву. Правовая идеология тесно связана с правовой культурой, которая способствует пропаганде правомерного поведения, служит устранению коллизий в праве. Недостатком правовой идеологии является сложность в объединении противоположных взглядов, идей и теорий. Идеологическая составляющая правосознания является скорее теоретической его частью. Она формирует осознанную систему взглядов человека на систему права, ее роль и функции. Правовая идеология является наиболее активным компонентом правового сознания и находит воплощение в праве позитивном, т.е. «писанном».

Также хотелось бы отметить, что в своем развитии правовая идеология может зайти далеко вперед в сравнении с развитием социально-экономической ситуации, а правовая психология заметно отстать от них.

Несовпадение позиций правовой идеологии и правовой психологии приводит к различным формам деформации сознания субъектов права и девиантному поведению [7, с. 64]. С целью недопущения этого государственная власть организуется на базе принципов широкого и реального участия его населения, общественных объединений в исполнении и гарантии прав и свобод личности [1, с. 133].

Таким образом, правовая идеология – это второй, надстроечный компонент правосознания, который выражается в виде системы идей, взглядов, концепций, теорий, выражающих отношение к правовой действительности и её оценку.

Некоторые авторы выделяют и другие элементы правосознания в результате анализа отношения людей к законам и иным нормативным правовым актам, т.е. так называемые поведенческие компоненты:

1. Поведение – все предыдущие пункты выражаются в этом. Поведенческие факторы выражают мотив, цель внутренних установок, определяющие правомерность поведения субъекта права.

2. Информационный элемент включает в себя информацию о социальных нормах, о справедливости, правах и свободах. Человек имеет определенную информацию, предоставленную ему через средства массовой информации, радио и другие способы ее получения, которое и формируют определенные знания. Данная информация может быть всесторонней, а может быть и поверхностной.

3. Оценочный (аксиологический) элемент заключается в том, что получив знания о законе человек оценивает его и сопоставляет со своими ценностями, убеждениями.

4. Волевой элемент. Получив определенную информацию о праве, человек стремится воспользоваться данной информацией, но в условиях предусмотренных законом.

Здесь нельзя не отметить некоторые противоречия: вышеперечисленные компоненты (информационный, оценочный и волевой) – это действия. Думается, что эти компоненты составляют функции правосознания, так как согласно определению: функции – это основные направления деятельности человека. Информационный, оценочный и волевой компоненты собственно и предполагают выполнение определенных действий со стороны индивидуума.

Таким образом, правосознание является неотъемлемой частью общественного сознания, которая тесно связана с другими его формами и взаимно влияет на них. Через правосознание выражаются и воплощаются различные интересы и потребности человека и общества: и политические, и экономические, и духовно-нравственные и социальные, так как право влияет и регулирует в той или иной мере все сферы общества.

Рассмотрев теорию правосознания в истории российской философско-правовой и теоретико-правовой мысли, следует отметить, что трактовка этого понятия в различные периоды имеет существенные различия, и зависит в основном от исследовательского методологического подхода к его изучению.

Библиография:

1. Бойко Н.Н., Стуколова Л.С. Общая характеристика деятельности правозащитных организаций в системе защиты прав человека // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. № 3 (78). С. 128-136.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. 624 с.
3. Малахов В.П. Правосознание: природа, содержание, логика. М.: Логос, 2001. 385 с.
4. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Едиториал УРСС, 2020. 514 с.
5. Строгович М.С. Избранные труды. В 3 т. Т. 1 Проблемы общей теории права / Отв. ред. С. Н. Братусь. М.: Наука, 1990. 304 с.
6. Томсинов В.А. Русский законоискусник Захар Анисеевич Горюшкин // Закон. 2009. № 6. С. 294-296.
7. Чернова Э.Р. Теоретические аспекты проблемы девиантного поведения молодежи // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8 (188). С. 63-65.

References:

1. Boyko N.N., Sokolova L.S. General characteristics of the activities of human rights organizations in the human rights protection system // Proceedings of the South-western State University. 2018. No. 3 (78). pp. 128-136.
2. Ilyin I.A. On the essence of legal awareness // Collected works: in 10 vols. Vol. 4. Moscow: Russian Book, 1994. 624 p.
3. Malakhov V.P. Legal consciousness: nature, content, logic. M.: Logos, 2001. 385 p.
4. Novgorodtsev P.I. On the social ideal. M.: Unified URSS, 2020. 514 p.
5. Strogovich M.S. Selected works. In 3 vols. Vol. 1 Problems of the general theory of law / Ed. by S. N. Bratus. M.: Nauka, 1990. 304 p.
6. Tomsinov V.A. Russian lawmaker Zakhar Aniseevich Goryushkin // Law. 2009. No. 6. pp. 294-296.
7. Chernova E.R. Theoretical aspects of the problem of deviant behavior of youth // Law and the state: theory and practice. 2020. No. 8 (188). pp. 63-65.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ POLITICAL AND LEGAL PREREQUISITES FOR REFORM THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

ПУХНАРЕВИЧ Сергей Иванович,

проректор по учебной работе, Российский государственный университет правосудия.
17418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.
E-mail: pukhnarevich@rsuj.ru;

PUKHNAREVICH Sergey Ivanovich,

Vice-Rector for Academic Affairs, Russian State University of Justice.
69, Novocheryomushkinskaya str., Moscow, 17418, Russian Federation.
E-mail: pukhnarevich@rsuj.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию процессов, предопределивших распад СССР и оформление поссоветской государственности России проведен анализ политических и правовых предпосылок положивших начало реформирования российской судебной системы.

Abstract: The article is devoted to the study of the processes that predetermined the collapse of the USSR and the formation of the post-Soviet statehood of Russia. The analysis of the political and legal prerequisites that initiated the reform of the Russian judicial system is carried out.

Ключевые слова: Советский суд, правосудие, Всероссийский съезд судей, демократические преобразования, профессиональная подготовка, кандидаты в судьи, правовое государство, Конституция России.

Keywords: The Soviet Court, justice, the All-Russian Congress of Judges, democratic transformations, professional training, candidates for judges, the rule of law, the Constitution of Russia.

Для цитирования: Пухнаревич С.И. Политико-правовые предпосылки реформирования судебной системы Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 89-92. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_89.

For citation: Pukhnarevich S.I. Political and legal prerequisites for reform the judicial system of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 89-92. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_89.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2024

В статье, на фоне объективных процессов, предопределивших распад СССР и оформление поссоветской государственности России проведен анализ политических и правовых предпосылок, положивших начало реформирования российской судебной системы.

По мере происходивших изменений в государстве, изменились подходы к задачам советского суда, ушли в историю пережитки революционного правосознания и революционной законности, постепенно по мере развития начал становиться ближе принцип судебной истины. В тоже время, происходящие изменения в государстве, реформы и преобразования, не могли повлиять на место судов в структуре государственных органов и не выйти из-под влияния советской политической системы. В условиях советского демократизма суды представляли по своей сути, исполнительный орган власти. Было невозможным создать независимые суды, вне зависимости от закрепления в законодательстве норм, устанавливающих демократические начала судостройства и судопроизводства, также как было невозможно обеспечить в полном объеме реализацию прав и гарантий граждан даже в судебном порядке.

К середине 80-х годов прошлого века наступило состояние расколованности в деятельности органов государственной власти, управления, правосудия, контроля, что касалось всех сторон жизни населения. Начало приходит понимание, все более возрастающего значения настоящей демократии без искажений и имитации, формирование которой требовало серьезных шагов направленных на проведение кардинальных изменений в государстве для выхода из предкризисного состояния. Отправной точкой для изменений становилось создание условий для всесторонней реализации прав человека, их защита, для чего была необходима реконструкция политической системы, системы управления и перераспределение полномочий органов государственной власти, обновление всех сфер жизни социалистического государства, только так можно было создать правовой статус человека, обладающего реальными гражданскими правами и свободами в том числе правом на судебную защиту. Не менее важной и одной из первоочередных задач в условиях построения демократического общества было создание новой судебной системы без которой новое, демократическое общество и новое государство не может существовать, что известно еще с эпохи Римской империи, древние римляне говорили: «*Justitia regnorum fundamentum*» (Правосудие – основа государства) [1. С. 228].

Тремя важнейшими политическими событиями, связанными с началом демократических преобразований в Советском союзе, с которых все началось можно отнести апрельский Пленум ЦК КПСС (1985 г.), XXVII партийный съезд¹ и XIX Всесоюзную конференцию КПСС.

Конечно, решения Пленумов и съезда не могли не отразиться на деятельности судов и органов юстиции, и в следствии чего, 21 декабря 1987 г. в Москве состоялась Всесоюзное совещание руководящих работников судов и органов юстиции, на котором были обсуждены актуальные задачи судов на современном этапе перестройки.

В выступлениях в ходе совещания¹ обращалось внимание, на недостаточную профессиональную подготовку судей из числа вновь из-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. — 352 с.

бранных, в связи с чем качество рассмотрения судебных дел к лучшему изменялось медленно, а законность принимаемых решений является важнейшим критерием оценки деятельности судов. В целях повышения качества правосудия предлагалось не только о совершенствовании порядка избрания судей, но и введения предварительного стажирования. Низкая эффективность деятельности и качество судебных актов народных судов было связано и с «брошенностью» судов, на протяжении ряда лет внимание со стороны Верховного Суда СССР, Министерства юстиции СССР, Верховных Судов и министерств юстиции союзных республик и органов юстиции на местах практически отсутствовало, а по ряду направлений было просто недостаточным.

От квалификации судей, принципиальности, требовательности к себе зависит успех всего дела. Так по результатам проведенные в июне 1987 г. выборов народных судей в адрес судов и органов юстиции было высказано около 60 тысяч критических замечаний, предложений и наказов. Все это требовало переориентации системы повышения квалификации судебных работников особенно учитывая, что на судебную работу пришло более трех тысяч новых судей².

Все изменения в стране связанные с новой, формируемой системой общественных отношений, то внимание которое уделялось государством судебной системе привело к принятию большого количества новых законов, в том числе и касающихся судей.

В поле зрения руководства государства находились и вопросы первоочередной важности, которые касались придания большей самостоятельности судам, в том числе по вопросам комплектования. Развитие права частые изменения законодательства диктовали необходимость обучения судей и выработку новых методов, о чем говорилось на Всесоюзном совещании руководящих работников судов и органов юстиции. Необходимость судебно-правовой реформы стала заметна с самого начала перестройки в условиях однопартийной политической системы, руководящая роль которой распространялась на законодательную, исполнительную и судебную власть. В докладе на июньской 1988 г. на XIX Всесоюзной конференции еще не затрагивалась тема создания профессионального судейского корпуса, но отмечалось что, реформа судебной системы и иных институтов государства имеет целью завершение создания социалистического правового государства, в котором высшим принципом будет безусловное подчинение всего и всех закону³. В выступлениях затрагивались и иные вопросы деятельности судов в том числе обсуждался вопрос, который вошел в резолюцию принятой на конференции, о повышении роли суда в системе социалистической демократии для чего необходимо было укрепить его авторитет и независимость, обеспечить гарантии состязательности и гласности, соблюдение презумпции невиновности, недопустимости обвинительного уклона, а также укрепить независимость прокуроров, расширить участие защитников в предварительном следствии и в судопроизводстве, пойти на увеличение числа народных заседателей – при рассмотрении в суде наиболее сложных дел⁴.

Для судебной системы первым шагом к самостоятельности явилось обсуждение на первой сессии Верховного совета СССР в августе 1989 г.⁵ проекта закона о статусе судей в СССР. В условиях правового государства одним из признаков, которого является разделение властей, судебная власть должна была стать одним из важнейших элементов структуры государственной власти, наряду с законодательной и исполнительной. Суд должен был обладать самостоятельностью по отношению к иным органам государства, а государство должно было обеспечивать условия для независимого положения суда. Судьи принимая решения от имени государства должны ограждаться от внешнего влияния и принуждения с тем, чтобы правосудие осуществлялось ими на основе закона и в соответствии с их убеждением.

Для повышения имиджа и доверия к судебной власти необходимо было создание судейского корпуса новой формации, то есть соответствующего по своим моральным и деловым качествам духу перестройки, в судебную систему должны были приходиться только достойные кандидаты, что требовало радикальных мер, в первую очередь правового характера – это был проект закона о статусе судей в СССР. Указанный проект, содержал основу для первого, очень важного не только в правовом, но и в политическом смысле шага судебной реформы.

Для обеспечения народных судов наиболее подготовленными и квалифицированными кадрами, кадрами новой формации, соответствующими требованиям того времени, проект устанавливал ряд требований, предъявляемых к кандидатам, в частности таких, как возраст от 25 лет, наличие высшего юридического образования, а впервые рекомендованным народным судьей необходимо было иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет, пройти профессиональную подготовку и сдать экзамен квалификационной коллегии. К кандидатам в судьи вышестоящих судов предъявлялись еще более высокие требования. При работе над проектом обсуждались причины, влияющие на недостаток профессиональных и качественных кадров: условия работы, приниженное положение с точки зрения материально-технического обеспечения, низкая заработная плата, что влияло на социальный статус судей. Все указанное становилось причиной того, что судейский корпус формировался по остаточному принципу, кроме того происходил отток наиболее подготовленных судей и работников аппарата суда, что создавало риски для реализации правовой реформы. Улучшить материальное обеспечение судов и органов юстиции Верховный Совет решил путем повышения судебных расходов отдельные из которых не повышались с двадцатых годов. Совету Министров в двухмесячный срок было поручено решить вопрос с материальным обеспечением судей.

Обсуждался вопрос о предоставлении права и Верховному Суду Союза и Верховным Судам союзных республик внесения представлений на кандидатов в народные судьи, а не только исходя из проекта закона, Министерство юстиции и органы юстиции, которые занимались подбором кадров в рамках своих служебных и прямых обязанностей, указанные суды давали как бы профессиональную оценку деятельности того или другого кандидата.

¹ Актуальные задачи судов на современном этапе перестройки // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1988. № 1. 48 с.

² См. Там же. С. 65.

³ Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС // Коммунист. 1988. № 10. С. 65.

⁴ См. Там же. С. 86.

⁵ Первая сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. Часть XI: 4 августа 1989 г. М.: Издание Верховного Совета СССР. 1989. 204 с.

Принятие Закона подтверждало твердый курс государства на формирование истинного, действительно правового государства, на утверждение в стране прав человека. Без независимого, имеющего высокий статус суда, правового государства не может существовать и законопроект касался напрямую этого важнейшего и принципиального вопроса.

В итоге после обсуждений Верховным Советом 4 августа 1989 г. Закон СССР «О статусе судей»¹ был принят, что явилось отправной точкой к независимости судов, они становились самостоятельными носителями власти. В указанном законе были реализованы реформистские идеи XIX Всесоюзной конференции КПСС. В этом Законе был впервые в советской стране определен действующий и в настоящее время алгоритм юридических гарантий независимости судей, в том числе их иммунитетов. В частности, законодательно закреплялись первые органы института внутрисистемного судебного управления судейского сообщества – конференции и квалификационные коллегии, которые, законодатель, образовывал для выражения интересов судей как носителей судебной власти, как бы органы общественного самоуправления судейского корпуса, призванные на демократических началах решать многие жизненные вопросы работы судов. Целый ряд важных вопросов, теперь могли решаться самостоятельно в рамках внутреннего управления, включая кадровые, защита интересов судей, их неприкосновенность и без вмешательства партийных и исполнительных органов осуществлять дисциплинарное производство в отношении членов судейского сообщества. Все эти действия государства стали реальным шагом на пути к самостоятельности и независимости судебной системы [2. С. 225].

В тоже время, как в любом ином государственном органе и не только, существовала деятельность судов, касающаяся решения организационных, финансовых и других вопросов, обеспечивающих законопослушное поведение судей, повышение их квалификации, обеспечение безопасности и меры социальной защиты не только судьи, но и членов его семьи. «Не меньшее значение имеют, как указывает И. Б. Михайловская, полномочия самой судебной власти по допуску к судейской должности и отрешению от нее, а также по принятию решений, определяющих профессиональную карьеру судьи» [3. С. 25].

Распад СССР, последующие политические изменения не могли не отражаться на органах государственной власти, в том числе и на судебной системе, но тем не менее находясь в такой сложной политической обстановке, динамично меняющихся условиях в стране, судебная реформа продолжалась.

Ссылаясь на Закон СССР «О статусе судей в СССР» 1989 г., и приложив огромные усилия, была начата работа по созыву в 1991 г. I Всероссийского съезда судей, инициатором проведения которого в первую очередь выступал Председатель Верховного Суда РСФСР В. М. Лебедев, понимая всю важность и необходимость его проведения для судебной системы, в том числе и учитывая новые политические реалии.

В 1991 году в целях реализации решений Третьего (внеочередного) съезда народных депутатов РСФСР об укреплении судебной власти Российской Федерации и обеспечения более широкого участия судей в подготовке проектов законодательных судебно-правовой реформы в условиях сложной экономической обстановки, на фоне недовольства судей своим материальным положением, совместным решением коллегии Министерства юстиции РСФСР и Президиума Верховного Суда РСФСР было принято решение о проведении I съезда судей², который состоялся в октябре 1991 года³ (еще этот съезд называли I съездом юристов России, так как ни юристы, ни судьи подобных съездов в России не проводили).

Органы судейского сообщества начали возникать и функционировать в инициативном порядке, без законодательного закрепления еще после XXVII съезда КПСС, состоявшемся 25 февраля 1986 г., на котором впервые было заявлено о необходимости гласности при проведении преобразований в стране [4]. В части 2 статьи 9 Закона РСФСР «О статусе судей» была закреплена норма, в соответствии с которой лица, впервые рекомендуемые кандидатами в судьи, проходят профессиональную подготовку в случаях и порядке, определяемых Министерством юстиции СССР⁴. В тоже время на съезде, участие в котором принимали только судьи судов общей юрисдикции и Министерство юстиции РСФСР была обозначена идея создания независимого и влиятельного судейского коллектива, что однозначно дало бы возможность выработки собственных подходов к обучению судей и кандидатов в судьи. В рамках секционных заседаний, в которых принимали участие делегаты съезда в перечень вопросов, вынесенных на рассмотрение, вошли и вопросы, касающиеся этапов осуществления судебной реформы, профессиональной подготовки к судебной деятельности и наиболее эффективных ее формах, о мерах стимулирования судей к повышению квалификации.

В повестку дня были включены два наиважнейших для судебной системы вопроса: Концепция и основные правовые акты судебной реформы; О правовой и социальной защищенности судей. Президент РСФСР принимавший участие в работе съезда сказал, что государству нужен суд, а не угодное правосудие, этот тезис был поддержан В. М. Лебедевым, который обратил внимание на то, что необходимо урегулировать отношения судов с органами юстиции и вышестоящими судами, иначе не будет обеспечена независимость судей⁵.

В связи с принятием в 1993 г. Конституции Российской Федерации⁶, возникла правовая основа для фактического отделения судебной власти от исполнительной, что было связано с конституционным принципом разделения властей, гарантии финансовой достаточности функционирования судебной власти, которые по своей сути пока еще являлись декларативными. В тоже время влияние административного управления судами, а точнее организационное руководство было закреплено Законом РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судостроительстве РСФСР»⁷ за Министерством юстиции.

¹ СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.11.2023).

² Первый Всероссийский съезд судей // Сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/841> (дата обращения: 12.02.2024).

³ Сопредседателями оргкомитета съезда были определены Председатель Верховного суда РСФСР В. М. Лебедев и Министр юстиции РСФСР Н. В. Федоров.

⁴ Первый Всероссийский съезд судей // Сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/841> (дата обращения: 12.02.2024).

⁵ Там же.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

⁷ Закон РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судостроительстве РСФСР». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=3&nd=102010166 (дата обращения: 14.11.2023).

Закон СССР от 4 августа 1989 «О статусе судей в СССР» и некоторые другие союзные законы хотя и способствовали укреплению независимости судей, однако в полной мере ее не обеспечили. В связи с этим в Концепции судебной реформы в РСФСР, которую представил Президент РСФСР и 24 октября 1991 г. одобрил Верховный Совет РСФСР, в числе нормативных актов о судебной реформе был назван Закон РСФСР «О статусе судей в РСФСР»¹.

В Концепции судебной реформы в РСФСР, одобренной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1², в положениях о формировании судейского корпуса предлагалось возложить на Министерство юстиции РСФСР следующие функции: определение кадровой потребности судов путем исследования объективных норм служебной нагрузки судей и систематического слежения за реальным объемом судебной работы; внесение представлений о введении дополнительных судейских должностей; подбор вне судебной системы кандидатов на судейские должности и их рекомендация органам судейской корпорации для оценки пригодности к судебной работе; прогнозирование необходимой численности обучающихся в системе высшего юридического образования с учетом потребности судов в кадрах, участие в разработке программ обучения и приеме экзаменов в юридических учебных заведениях; определение числа мест для стажировки будущих судей; создание и организация учреждений, обеспечивающих повышение квалификации судей. Менее чем через год был принят Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»³, который закрепил права и гарантии судей, требования к кандидатам и урегулировал много других вопросов. Однако положения по вопросу повышения квалификации, переподготовке не нашли в нем своего отражения в отличие от предыдущего Закона СССР. В соответствии с ч. 3 статьи 9⁴ принятого Закона РФ, на Министерства юстиции и другие органы юстиции возлагались задачи по осуществлению мер по созданию условий, необходимых для судебной деятельности, ее кадровому, организационному и ресурсному обеспечению. В тоже время Высший Арбитражный Суд Российской Федерации должен был самостоятельно осуществлять меры по созданию условий, необходимых для деятельности арбитражных судов. Пунктом 3 ч. 3 ст. 17⁵ за органами судейского сообщества было закреплено право рассмотрения актуальных проблем работы судов, их кадрового, организационного и ресурсного обеспечения, а также правового и социального положения судей. Кроме того, органы судейского сообщества в соответствии с ч. 4 той же статьи могли принимать решения, а также обращения к государственным органам, общественным объединениям и должностным лицам, подлежащие рассмотрению в месячный срок.

В ходе работы Президиума Совета судей первого созыва (после I Всероссийского съезда судей) над проектом закона «О статусе судей в Российской Федерации» в марте 1992 г. возникло предложение о создании Судебного департамента⁶.

Таким образом, в результате проведенного исследования, можно констатировать, что реформирование судебной системы постсоветской России было обусловлено наличием ряда политических и правовых предпосылок. Главными из них являлись распад СССР и принятие Конституции России 1991 г., которые вызвали необходимость приведения судебной системы России в соответствие с идеологией и демократическими принципами правового государства.

Библиография:

1. Латинские юридические изречения / сост. Е. И. Темнов. М.: Право и Закон, Экзамен, 2003. 384 с.
2. Абдулин Р. С. Формирование и развитие судебного управления в России с 1917 до середины 1990 годов: моногр. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 281 с.
3. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость: моногр. М.: Проспект, 2008. 124 с.
4. Олейник Р. Р., Чернова Э. Р. Эволюция органов судейского сообщества в России: историко-правовой аспект // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 4 (4). С. 13–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-organov-sudeyskogo-soobshchestva-v-rossii-istoriko-pravovoy-aspekt/viewer>.

References:

1. Temnov, E. I., comp. *Latin legal sayings*. Moscow: Pravo i Zakon, Ekzamen; 2003. 384 p.
2. Abdulin, R. S. *Formation and development of judicial management in Russia from 1917 to the mid-1990s*. Monograph. Kurgan: Publishing House of Kurgan State University; 2013. 281 p.
3. Mikhailovskaya, I. B. *Courts and judges: independence and manageability*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2008. 124 p.
4. Olejnik, R. R., Chernova, E. R. The evolution of the judicial community in Russia: historical and legal aspect. *Pravo: retrospektiva i perspektiva = Law: retrospective and perspective*. 2020;(4):13-21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-organov-sudeyskogo-soobshchestva-v-rossii-istoriko-pravovoy-aspekt/viewer>.

¹ URL: [http://ivo.garant.ru/#/document/3960860/paragraph/6736678:8\(дата обращения: 14.11.2023\)](http://ivo.garant.ru/#/document/3960860/paragraph/6736678:8(дата обращения: 14.11.2023)).

² Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

³ URL: [http://ivo.garant.ru/#/document/3960860/paragraph/6736678:8\(дата обращения: 14.11.2023\)](http://ivo.garant.ru/#/document/3960860/paragraph/6736678:8(дата обращения: 14.11.2023)).

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Создание Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (Историческая справка) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: [http://cdep.ru/index.php?id=41\(дата обращения: 12.02.2024\)](http://cdep.ru/index.php?id=41(дата обращения: 12.02.2024))

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ)**On the issue of the legislative definition of civil society
(experience of the Republic of Belarus and CIS member states)****РЕДКОУС Владимир Михайлович,**

доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса
Института государственного права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rwmms@rambler.ru;

REDKOUS Vladimir Mikhailovich,

Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: Rwmms@rambler.ru

Краткая аннотация: в статье проанализированы положения Закона Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества» и ряда нормативных правовых актов государств – участников СНГ, сделан вывод о перспективности закрепления данного понятия в национальных законодательствах.

Abstract: The article analyzes the provisions of the Law of the Republic of Belarus of February 14, 2023 No. 250-Z "On the Fundamentals of Civil Society" and a number of regulatory legal acts of the CIS member states, and concludes that it is promising to consolidate this concept in national legislation.

Ключевые слова: конституционное развитие; государственное управление; правовое регулирование; законодательное регулирование; гражданское общество; государства – участники СНГ.

Keywords: constitutional development; public administration; legal regulation; legislative regulation; civil society; CIS member states.

Для цитирования: Редкоус В.М. К вопросу о законодательном определении гражданского общества (опыт Республики Беларусь и государств – участников СНГ) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 93-95. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_93.

For citation: Redkous V.M. On the issue of the legislative definition of civil society (experience of the Republic of Belarus and CIS member states) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 93-95. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_93.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2024

Одним из видимых достижений российского законотворчества, которое способно оказать заметное влияние на конституционно-правовое развитие нашей страны, является введение Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹ в текст российской Конституции 1993 года термина «гражданское общество». Часть 1 ст. 114 Конституции РФ, где определены полномочия Правительства России, дополнена пунктом «е.1», где сказано, что Правительство РФ «е.1) осуществляет меры по поддержке *институтов гражданского общества*, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики». Конституционное закрепление данного термина имеет большое прогрессивное как теоретическое, так и практическое значение, так как заметно усиливает его нормативность, переводит из плоскости научных рассуждения в плоскость выработки законодательных определений. Правовое регулирование статуса и деятельности институтов гражданского общества – проблема не только конституционного права, но и иных отраслей, проблема междисциплинарная².

Анализ законодательства Российской Федерации и государств – участников СНГ показывает, что нормативно-правовая основа, закрепляющая правовое положение институтов гражданского общества (далее – ГРО) в их взаимоотношениях в государством и его органами разработана в каждой стране достаточно подробно и представлена как законодательными, так и подзаконными актами, в том числе и документами стратегического планирования.

Так, например, в Молдове был принят Закон Республики Молдова от 23 марта 2018 г. № 51, которым были утверждены Стратегии развития гражданского общества на 2018-2020 годы и План действий по её реализации на 2018-2020 годы³. Постановлением Правительства Республики Молдова от 9 августа 2016 г. № 967 «О механизме публичных консультаций с гражданским обществом в процессе принятия решений»⁴ утверждены Положение о процедурах публичных консультаций с ГРО в процессе принятия решений и Положение об организации деятельности постоянной консультативной платформы при органе центрального публичного управления.

¹ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

² Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022») // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88; Кроткова Н.В., Пожарский Д.В. Российская государственность и вызовы XXI века // Государство и право. – 2022. – № 5. – С. 165-180; Кирихин В. В. Участие граждан в охране общественного порядка: в поисках разумного баланса // Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии: IX Балтийский юридический форум. Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 12 декабря 2020 года. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – С. 93-94.

³ Закон Республики Молдова от 23 марта 2018 года № 51 «Об утверждении Стратегии развития гражданского общества на 2018-2020 годы и Плана действий по реализации Стратегии развития гражданского общества на 2018-2020 годы» // Официальный монитор Республики Молдова. №157-166, 18 мая 2018 г. Ст. 298.

⁴ Постановление Правительства Республики Молдова от 9 августа 2016 г. № 967 «О механизме публичных консультаций с гражданским обществом в процессе принятия решений» // Официальный монитор Республики Молдова, №265-276, 19 августа 2016 года, Ст.1050.

Указом Президента Республики Узбекистан от 4 марта 2021 г. № УП-6181¹ утверждена Концепция развития гражданского общества в 2021 - 2025 годах, «Дорожная карта» по реализации в 2021 году Концепции развития ГрО в 2021 - 2025 годах, а также Целевые показатели развития ГрО в 2021 - 2025 годах. В качестве приоритетных направлений Концепции были определены: последовательное совершенствование правовых основ развития ГрО; оказание содействия институтам ГрО и дальнейшее совершенствование механизма их государственной поддержки; создание необходимых условий для активного участия институтов ГрО в государственном и общественном управлении; дальнейшее расширение участия институтов ГрО в реализации государственных социальных проектов; обеспечение открытости деятельности институтов ГрО.

Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2 июля 2013 г. № 288 утверждена Национальная целевая научно-исследовательская Концепция по вопросам развития человека, дальнейшего обеспечения демократических принципов и развития гражданского общества на 2013 - 2028 годы². Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 30 июля 2015 г. № 547 урегулированы механизмы взаимодействия органов внутренних дел Кыргызской Республики с институтами гражданского общества³.

Однако нам следует обратить внимание на положительный опыт Республики Беларусь, где был принят Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества», определяющий гражданское общество в РБ (далее соответственно – Закон РБ, РБ), правовые и организационные основы взаимодействия государственных органов (организаций) и ГрО в целях обеспечения консолидации усилий личности, общества и государства по реализации национальных интересов РБ. Достоинством Закона РБ является закрепление в нем определений основных терминов: «гражданское общество», «субъекты гражданского общества».

Так, гражданское общество, по Закону РБ, это граждане РБ, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в РБ, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством. Это – пример законодательного закрепления данного понятия. Многоаспектность научных определений гражданского общества⁴, конечно же, затрудняет выработку достаточно однозначно трактуемого законодательного определения, но стремиться к этому необходимо, продолжая научные исследования.

Субъектами ГрО, по Закону РБ, являются объединения граждан или юридических лиц на основе членства вне зависимости от количественного, территориального или иного ценза, уставная деятельность которых направлена на решение основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и ГрО, указанных в ст. 4 Закона РБ.

Говоря о правовом регулировании отношений в сфере взаимодействия государственных органов (организаций) и ГрО, Закон РБ закрепляет, что отношения в сфере взаимодействия государственных органов (организаций) и ГрО регулируются законодательством о ГрО. Законодательство о ГрО основывается на Конституции РБ и состоит из Закона РБ «Об основах гражданского общества» и иных актов законодательства. Субъекты ГрО осуществляют свою деятельность в соответствии с Конституцией РБ⁵, Законом РБ, иными актами законодательства и на основании своих уставов. Положения Закона РБ не ограничивают права субъектов ГрО, предусмотренные иными законодательными актами.

Взаимодействие государственных органов (организаций) и ГрО основывается на принципах: законности; гласности; добровольности; соблюдения баланса интересов личности, общества и государства; равенства прав граждан и запрещения дискриминации; взаимной ответственности за достижение целей социального прогресса.

Основными задачами взаимодействия государственных органов (организаций) и ГрО являются: обеспечение гражданского (народного) единства; обеспечение независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности РБ; содействие дальнейшему развитию РБ как демократического социального правового государства; повышение вовлеченности ГрО в управление делами государства, реализацию государственной политики с учетом приоритета национальных интересов; организация конструктивного взаимодействия государственных органов (организаций) и ГрО, направленного на укрепление доверия к институтам государственной власти; учет общественного мнения и законных интересов граждан при осуществлении государственной политики, достижение общественного консенсуса по ключевым вопросам развития РБ; повышение гражданского самосознания, политической культуры и социальной ответственности граждан; участие в духовно-нравственном и патриотическом воспитании граждан, основанном на культурных и духовных традициях, сохранении исторической правды и памяти белорусского народа; укрепление единой общности «белорусский народ», воспитание уважения ко всем национальностям, религиям и культурам.

Деятельность субъектов ГрО не может быть направлена на осуществление пропаганды войны или экстремистской деятельности.

Государство содействует развитию гражданского общества и субъектов ГрО. Это проявляется в том, что в целях развития ГрО и субъектов ГрО государство: способствует реализации основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и ГрО; обеспечивает эффективное функционирование институтов государственной власти в интересах ГрО; способствует эффективному взаимодействию государственных органов (организаций) и субъектов ГрО в формах, установленных Законом РБ и иными законодательными актами; содействует достижению сбалансированности государственных интересов и интересов ГрО; гарантирует защиту прав и законных интересов субъектов ГрО; совер-

¹ Указ Президента Республики Узбекистан от 4 марта 2021 г. № УП-6181 «Об утверждении Концепции развития гражданского общества в 2021 - 2025 годах» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан от 4 марта 2021 года, №06/21/6181/0182.

² Постановление Правительства Республики Таджикистан от 2 июля 2013 г. № 288 «О Национальной целевой научно-исследовательской Концепции по вопросам развития человека, дальнейшего обеспечения демократических принципов и развития гражданского общества на 2013 - 2028 годы» // https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=62162 (дата обращения: 1.03.2024).

³ Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации : Историко-правовое исследование – Москва : Юнити-Дана, 2022. – 527 с.

⁴ См., например: Усватов И. С. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 4. – С. 82-84, и др.

⁵ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875: Текущая редакция принята: 04.03.2022 документом Решение республиканского референдума 27 февраля 2022 года от 04.03.2022 Вступила в силу с: 15.03.2022 // URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=19903 (дата обращения: 20.03.2024).

шенствует механизмы защиты конституционных прав и свобод, законных интересов личности, общества и государства; содействует развитию ГрО, в том числе путем оказания государственной поддержки субъектам ГрО; обеспечивает развитие иных направлений взаимодействия государственных органов (организаций) и ГрО.

Государство оказывает поддержку субъектам ГрО, представляющую собой совокупность мер, направленных на содействие развитию ГрО, создание и обеспечение условий, гарантий и стимулов деятельности таких субъектов, защиту их прав и законных интересов. Субъекты ГрО могут получать во владение и (или) пользование для осуществления своих уставных целей имущество, находящееся в государственной собственности, в соответствии с законодательством по вопросам аренды и безвозмездного пользования имуществом.

Устанавливаются общие формы взаимодействия государственных органов (организаций) и субъектов гражданского общества¹. Так, взаимодействие государственных органов (организаций) и субъектов ГрО осуществляется в соответствии с законодательными актами в следующих формах: участие субъектов ГрО в работе коллегиальных образований государственных органов, общественно-консультативных советов, заседаниях местных исполнительных и распорядительных органов по их приглашению; оказание государственными органами (организациями) содействия в осуществлении деятельности субъектов ГрО; участие субъектов ГрО в формировании и реализации государственной политики; внесение субъектами ГрО нормотворческим органам предложений о совершенствовании актов законодательства; участие субъектов ГрО в подготовке и публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов; осуществление общественного контроля; формирование и реализация государственного социального заказа; иные формы.

В ст. 7 Закона РБ предусмотрены *особые формы взаимодействия* государственных органов (организаций) и субъектов ГрО. Ими являются: избрание делегатов Всебелорусского народного собрания в предусмотренном порядке; проведение встреч с населением, трудовыми коллективами, прямых телефонных линий, диалоговых площадок, общественных приемных, выездных приемов граждан в целях сбора и выработки предложений для вынесения на обсуждение Всебелорусского народного собрания; участие в реализации решений Всебелорусского народного собрания. Из содержания данной статьи следует, что особые формы взаимодействия государственных органов (организаций) и субъектов ГрО связаны с функционированием Всебелорусского народного собрания. В соответствии с Законом РБ от 7 февраля 2023 г. № 248-З² Всебелорусское народное собрание является высшим представительным органом народовластия РБ, определяющим стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающим неизыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Подтверждение отнесения субъектов ГрО к имеющим право на взаимодействие с государственными органами (организациями) в особых формах осуществляется Минюст РБ.

Субъекты ГрО взаимодействуют со средствами массовой информации и участвуют в информационных отношениях в соответствии с законодательными актами. Субъекты ГрО в ходе взаимодействия с государственными органами (организациями) имеют право на получение от них информации о планируемых и осуществляемых мероприятиях, если распространение и (или) предоставление такой информации не ограничены законодательными актами.

В рамках одной статьи невозможно проанализировать весь комплекс проблем, связанных с нормативным закреплением понятия «гражданское общество» в законодательствах государств СНГ. Однако положительный зарубежный опыт в данной области, прежде всего, опыт Республики Беларусь, может быть использован в интересах совершенствования российского законодательства, дальнейшей конституционализации административно-правовых отношений³, а также более четкого определения административной политики в нашей стране⁴.

Библиография:

1. Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022») // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88.
2. Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации : Историко-правовое исследование – Москва : Юнити-Дана, 2022. – 527 с.
3. Глазунова И.В. О публично-властном механизме осуществления исполнительной власти в Российской Федерации // Юридическая наука в Китае и России. – 2020. – № 3. – С. 108-114.
4. Гришковец А.А. К вопросу об административной политике в Российской Федерации // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2020. – № 3(38). – С. 67-75.
5. Кирюхин В. В. Участие граждан в охране общественного порядка: в поисках разумного баланса // Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии : IX Балтийский юридический форум. Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 12 декабря 2020 года. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – С. 93-94.
6. Кроткова Н.В., Пожарский Д.В. Российская государственность и вызовы XXI века // Государство и право. – 2022. – № 5. – С. 165-180.
7. Кобзарь-Фролова М.Н. О конституционализации административных правоотношений // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 66-71.
8. Усватов И. С. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 4. – С. 82-84.

References:

1. Vinogradova E.V., Kobzar-Frolova M.N. International scientific and practical conference "Current problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarev readings – 2022") // Administrative law and process. – 2022. – No. 5. – P. 79-88.
2. Galuzo V.N. Theory of law enforcement in the Russian Federation: Historical and legal research - Moscow: Unity-Dana, 2022. - 527 p.
3. Glazunova I.V. On the public-power mechanism for exercising executive power in the Russian Federation // Legal science in China and Russia. - 2020. - No. 3. - P. 108-114.
4. Grishkovets A.A. On the issue of administrative policy in the Russian Federation // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2020. – No. 3(38). – pp. 67-75.
5. Kiryukhin V.V. Participation of citizens in the protection of public order: in search of a reasonable balance // Law and order in the Third Millennium: IX Baltic Legal Forum. Materials of the international scientific and practical conference, Kaliningrad, December 12, 2020. – Kaliningrad, 2021. – P. 93-94.
6. Krotkova N.V., Pozharsky D.V. Russian statehood and challenges of the 21st century // State and law. – 2022. – No. 5. – P. 165-180.
7. Kobzar-Frolova M.N. On the constitutionalization of administrative legal relations // State and Law. – 2023. – No. 12. – P. 66-71.
8. Usvatov I. S. On the issue of the structure of civil society: defining the concept of the institution of civil society // Gaps in Russian legislation. – 2009. – No. 4. – P. 82-84.

¹ Глазунова И.В. О публично-властном механизме осуществления исполнительной власти в Российской Федерации // Юридическая наука в Китае и России. – 2020. – № 3. – С. 108-114.

² Закон Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З "О Всебелорусском народном собрании" // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь от 9 февраля 2023 года. 2/2968.

³ Кобзарь-Фролова М.Н. О конституционализации административных правоотношений // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 66-71.

⁴ Гришковец А.А. К вопросу об административной политике в Российской Федерации // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2020. – № 3(38). – С. 67-75.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_96

УДК 34.096

ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Principles of regulation of artificial intelligence in healthcare

РЫЧКОВА Ксения Олеговна,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Российская Федерация.
E-mail: ruchkova@inbox.ru;

RYCHKOVA Ksenia Olegovna,

Postgraduate Student, Department of Information Law and Digital Technologies,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian.
E-mail: ruchkova@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы формирования принципов регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении и их место в системе современного российского регулирования отношений, связанных с созданием и использованием искусственного интеллекта и систем искусственного интеллекта в медицинской сфере. Делается вывод о том, что применительно к использованию искусственного интеллекта в медицинской деятельности необходимо прежде всего выделить общие принципы регулирования искусственного интеллекта. В России в настоящее время такие принципы не выделены, но заложена основа для их формирования в виде Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта и Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года. Кроме того, при формировании системы принципов регулирования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения необходимо учитывать стратегию, принятую Всемирной организацией здравоохранения «Нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта в здравоохранении».

Abstract: The article discusses the formation of the principles of regulation of artificial intelligence in healthcare and their place in the system of modern Russian regulation of relations related to the creation and use of artificial intelligence and artificial intelligence systems in the medical field. It is concluded that, with regard to the use of artificial intelligence in medical activities, it is necessary first of all to highlight the general principles of artificial intelligence regulation. Currently, such principles are not highlighted in Russia, but the foundation has been laid for their formation in the form of a Code of Ethics in the field of artificial intelligence and a National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030. In addition, when forming a system of principles for regulating artificial intelligence in the healthcare sector, it is necessary to take into account the strategy adopted by the World Health Organization «Regulatory considerations on artificial intelligence for health».

Ключевые слова: здравоохранение, искусственный интеллект, пациент, права пациента, правовое регулирование, принципы права, принципы правового регулирования искусственного интеллекта, регулирование искусственного интеллекта, развитие искусственного интеллекта, цифровые технологии.

Keywords: healthcare, artificial intelligence, patient, patient's rights, legal regulation, principles of law, principles of legal regulation of artificial intelligence, regulation of artificial intelligence, development of artificial intelligence, digital technologies.

Для цитирования: Рычкова К.О. Принципы регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 96-98. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_96.

For citation: Rychkova K.O. Principles of artificial intelligence regulation in healthcare // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 96-98. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_96.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

Принципы регулирования искусственного интеллекта являются базовыми положениями, которые определяют ключевые идеи и основу для регулирования отношений, складывающихся в связи с разработкой, созданием и использованием искусственного интеллекта. В современной юридической литературе, к сожалению, отсутствуют специальные исследования по данному вопросу, что во многом объясняется как отсутствием нормативно закрепленных принципов правового регулирования искусственного интеллекта, так и анализа возможности применения классических правовых принципов к отношениям, складывающимся в сфере искусственного интеллекта. В большинстве исследований, посвященных проблемам правового регулирования искусственного интеллекта, отмечается необходимость законодательного закрепления таких принципов как основы для регулирования искусственного интеллекта [1-6]. При этом, к сожалению, какие именно принципы должны быть при этом нормативно закреплены, как правило, не указывается. Естественно, что когда мы говорим о принципах правового регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении, то в современной юридической литературе также не находим должного внимания к этой проблеме.

При построении модели принципов правового регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении необходимо в целом определиться с системой принципов правового регулирования искусственного интеллекта. Поскольку право искусственного интеллекта рассматривается сегодня чаще всего как субинститут или институт цифрового права, институционально входящего в информационное право [7], то логичнее всего предположить, что базовые отраслевые принципы информационного права [8], а также специальные институциональные принципы цифрового права [9] распространяются на правовое регулирование искусственного интеллекта. Объясняется это в первую очередь тем, что технологии искусственного интеллекта являются разновидностью информационных (цифровых) технологий и в отношении них распространяются общие требования, которые устанавливаются законодателем применительно к информационным, в том числе цифровым, технологиям.

Анализ российского информационного законодательства, в первую очередь Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», позволяет однозначно прийти к выводу, что все отраслевые принципы информационного права, а также принципы институциональные цифрового права применимы к сфере регулирования отношений в сфере разработки, создания и использования

искусственного интеллекта.

Однако технологии искусственного интеллекта, бесспорно. Обладают рядом особенностей, что отражается и на системе принципов их правового регулирования.

Основными источниками для формирования современной системы принципов регулирования искусственного интеллекта являются этические нормы, поскольку именно они в системе регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом, были исторически первыми наряду с техническими. Однако технические нормы практически не устанавливают системы принципов регулирования искусственного интеллекта, отражая лишь отдельные требования к данным технологиям в части тех или иных технологических процессов. Этические же нормы регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта фактически стали предтечей для правовых в большинстве государств мира. Именно на уровне норм этики были сформированы первые принципы искусственного интеллекта.

В России такие принципы закреплены в Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта (далее – Кодекс), в котором нашли отражение общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта (акторам искусственного интеллекта). Данный «Кодекс распространяется на отношения, связанные с этическими аспектами создания (проектирования, конструирования, пилотирования), внедрения и использования технологий искусственного интеллекта на всех этапах жизненного цикла, которые в настоящее время не урегулированы законодательством Российской Федерации и/или актами технического регулирования» [10].

Универсальность Кодекса и изложенных в нем принципов обусловлена очень важной его особенностью – его положения, в том числе и принципы, могут быть расширены и/или конкретизированы для отдельных групп акторов искусственного интеллекта в отраслевых или локальных документах по этике в сфере ИИ с учетом развития технологий, особенностей решаемых задач, класса и назначения систем искусственного интеллекта, уровня возможных рисков, а также специфического контекста и среды, в которой они применяются» [10]. Таким образом, применительно к отдельным сферам, например, к здравоохранению, мы можем говорить о выделении дополнительных принципов регулирования искусственного интеллекта исходя и особенностей его применения.

К числу принципов Кодекс относит: главный приоритет развития технологий искусственного интеллекта в защите интересов и прав людей и отдельного человека (человеко-ориентированный и гуманистический подход, уважение автономии и свободы воли человека, соответствие закону, недискриминация), необходимость осознавать ответственность при создании и использовании искусственного интеллекта (оценка рисков и гуманитарного воздействия, ответственное отношение, предосторожность, непричинение вреда, идентификация искусственного интеллекта в общении с человеком, безопасность работы с данными, информационная безопасность и др.), ответственность за последствия применения систем искусственного интеллекта всегда несет человек, технологии искусственного интеллекта нужно применять по назначению и внедрять там, где это принесёт пользу людям, интересы развития технологий искусственного интеллекта выше интересов конкуренции, важна максимальная прозрачность и правдивость в информировании об уровне развития технологий искусственного интеллекта, их возможностях и рисках [10]. Таким образом, фактически в Кодексе четко принципы не выделены от правил регулирования.

На нормативном уровне в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» впервые были закреплены принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта, соблюдение которых обязательно при реализации данной Стратегии. К числу таких принципов отнесены: «защита прав и свобод человека; безопасность; прозрачность; технологический суверенитет; целостность инновационного цикла; наиболее эффективное использование технологий искусственного интеллекта; поддержка конкуренции; открытость и доступность; преемственность; защищенность; достоверность исходных данных»¹. Анализ данных принципов показывает, что фактически большинство из них так или иначе связаны с этическими принципами регулирования искусственного интеллекта, что свидетельствует о развитии этического и правового регулирования в данной сфере во взаимодействии. Право имплементируют применительно к системе развития и использования искусственного интеллекта этические принципы. В то же время некоторые принципы отражают реализацию государственной политики в части развития искусственного интеллекта, например, принцип технологического суверенитета. Некоторые принципы являются общеправовыми (защита прав и свобод человека) или отраслевыми (открытость и доступность, достоверность). Таким образом, можно констатировать, что законодатель при формулировании этих принципов не ориентировался на систему принципов информационного права, в том числе закрепленную Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В связи с этим мы можем утверждать, что закрепленная в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года система принципов не может быть отнесена к принципам правового регулирования искусственного интеллекта, а должна быть ориентиром наряду с принципами Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта при формировании в дальнейшем системы принципов правового регулирования искусственного интеллекта, в том числе в сфере здравоохранения.

Для анализа принципов регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении в первую очередь необходимо обратиться к основному документу в этой сфере, принятому Всемирной организацией здравоохранения – Regulatory considerations on artificial intelligence for health (Нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта в здравоохранении)². В нем представлен обзор базовых нормативных положений по искусственному интеллекту для здравоохранения, охватывающий ключевые общие темы, а именно: «документация и прозрачность, управление рисками и подход к жизненному циклу разработки систем ИИ, предполагаемое использование и аналитическая и клиническая валидация, качество

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² World Health Organization. (2023). Regulatory considerations on artificial intelligence for health. World Health Organization. <https://iris.who.int/handle/10665/373421>. License: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/373421?show=full> (дата обращения: 12.04.2024 г.).

данных, связанных с ИИ, конфиденциальность и защита, а также взаимодействие и сотрудничество»¹. Это свод принципов регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении, а также базовый международный ресурс, который ориентирован на все государства мира, а также конкретно на разработчиков, которые исследуют и разрабатывают системы искусственного интеллекта, регулирующие органы, которые, возможно, находятся в процессе определения подходов к управлению системами искусственного интеллекта и их упрощению, производителей, которые проектируют и разрабатывают системы искусственного интеллекта, разрабатывающие медицинские устройства, встроенные в искусственный интеллект, практикующие врачи, которые внедряют и используют такие медицинские устройства и системы искусственного интеллекта, и другие, работающие в этих областях.

К числу ключевых принципов в данном документе отнесены:

1. Документация и прозрачность. Точная и всесторонняя документация необходима для проведения прозрачной оценки систем искусственного интеллекта для здоровья:

2. Целостный подход к жизненному циклу разработки систем управления рисками и искусственного интеллекта. Предполагает необходимость учета особенностей медицинской сферы и технологий. Кроме того, на протяжении всего жизненного цикла продукта следует учитывать целостный подход к управлению рисками, который включает в себя устранение рисков, связанных с угрозами кибербезопасности для системы искусственного интеллекта, и уязвимостей системы;

3. Использование по назначению, аналитическая и клиническая валидация. Данный принцип предполагает важность оценки того, является ли использование системы безопасным (т.е. не причинит вреда пользователем, пациентом или другими лицами) и могут ли быть подтверждены претензии, предъявляемые к его работе. Оценка этих требований к системам искусственного интеллекта требует четкого описания вариантов использования, демонстрации аналитической и клинической валидации, а также оценки потенциальной предвзятости или дискриминации в системе искусственного интеллекта.

4. Качество данных. Данный принцип предполагает во избежание ошибок и погрешностей обеспечивать контроль качества данных и проверку систем искусственного интеллекта перед их выпуском.

5. Конфиденциальность и защита данных. Глобальная стратегия ВОЗ в области цифрового здравоохранения на 2020-2025 годы классифицирует медицинские данные как конфиденциальные персональные данные или информацию, позволяющую установить личность, которая требует высокого уровня сохранности. Важно создать надежную правовую и нормативную базу для защиты неприкосновенности частной жизни, конфиденциальности, целостности, доступности и обработки персональных медицинских данных.

6. Взаимодействие и коллаборация. Там, где это применимо и уместно, взаимодействие и коллаборация между разработчиками, производителями, медицинскими работниками, пациентами, защитниками интересов пациентов, политиками, регулирующими органами и другими заинтересованными сторонами может повысить безопасность и качество системы искусственного интеллекта².

Таким образом, на примере этих принципов мы наблюдаем еще более глубокую специализацию и выделение дополнительных принципов, которые могут быть использованы при построении системы принципов правового регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении в России. Сегодня явно существует необходимость не только законодательного регулирования искусственного интеллекта в целом, но и формирование специального регулирования, в том числе публично правового отношений в сфере разработки, создания и использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения. И формирование соответствующих принципов регулирования должно стать одной из основ в данном процессе.

Библиография:

1. Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта: моногр. / под ред. А. В. Минбалева. Саратов : Общество с ограниченной ответственностью "Амирит", 2023. 442 с.
2. Полякова Т. А., Минбалева А. В., Кроткова Н. В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158-171.
3. Полякова Т. А., Минбалева А. В., Кроткова Н. В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94-104.
4. Минбалева А. В., Титова Е. В. Проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в спортивной медицине // Человек. Спорт. Медицина. 2024. Т. 24. № S1. С. 108-114.
5. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : моногр. / под ред. А. В. Минбалева. М. : Проспект, 2023. 264 с.
6. Минбалева А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32, № 6. С. 1094-1099. DOI 10.35634/2412-9593-2022-32-6-1094-1099.
7. Минбалева А. В. Цифровое право как комплексный институт российского права // Проблемы права. 2019. № 4 (73). С. 58-64.
8. Минбалева А. В. Принципы информационного права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 79-84.
9. Минбалева А. В. Проблемы цифрового права. Саратов : Амирит, 2022. 233 с.
10. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ethics.ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_20_10_1.pdf (дата обращения: 12.04.2024 г.).

References:

1. Promising areas of legal regulation of artificial intelligence: monograph / edited by A.V. Minbaleev. Saratov : Limited Liability Company "Amirit", 2023. 442 p.
2. Polyakova T. A., Minbaleev A.V., Krotkova N. V. Development of the doctrine of Russian information law in the conditions of transition to the data economy // State and Law. 2023. No. 9. pp. 158-171.
3. Polyakova T. A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. The main trends and problems of the development of the science of information law // State and law. 2022. No. 9. pp. 94-104.
4. Minbaleev A.V., Titova E.V. Problems of legal regulation of the use of artificial intelligence in sports medicine // Man. Sport. Medicine. 2024. Vol. 24. No. S1. pp. 108-114.
5. Mechanisms and models of regulation of digital technologies: monograph / edited by A.V. Minbaleev. M. : Prospect, 2023. 264 p.
6. Minbaleev A.V. The concept of "artificial intelligence" in law // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2022. Vol. 32, No. 6. pp. 1094-1099. DOI 10.35634/2412-9593-2022-32-6-1094-1099.
7. Minbaleev A.V. Digital law as a complex institute of Russian law // Problems of law. 2019. No. 4 (73). pp. 58-64.
8. Minbaleev A.V. Principles of information law // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2015. Vol. 15. No. 1. pp. 79-84.
9. Minbaleev A.V. Problems of digital law. Saratov : Amirit, 2022. 233 p.
10. Code of Ethics in the field of artificial intelligence. URL: https://ethics.ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_20_10_1.pdf (accessed: 04.12.2024).

¹ Там же.

² World Health Organization. (2023). Regulatory considerations on artificial intelligence for health. World Health Organization. <https://iris.who.int/handle/10665/373421>. License: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/373421?show=full> (дата обращения: 12.04.2024 г.).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ USING SMART TECHNOLOGIES TO ENSURE TRANSPORT SECURITY

ФИДЕЛЬ Петр Михайлович,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД
Восточно-Сибирского института МВД России.
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: p_fidel@mail.ru;

FIDEL Petr Mikhailovich,

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities
of Internal Affairs of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, st. Lermontova, 110.
E-mail: p_fidel@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются основные интеллектуальные технологии, используемые для обеспечения транспортной безопасности. Проводится анализ существующих методов обеспечения транспортной безопасности: описание традиционных подходов и их ограничений, приведены примеры успешного применения и будущего развития.

Abstract: the article discusses the main intelligent technologies used to ensure transport security. An analysis of existing methods of ensuring transport security is carried out: a description of traditional approaches and their limitations, examples of successful application and future development are given.

Ключевые слова: транспортная безопасность интеллектуальные технологии, искусственный интеллект, машинное обучение, анализ больших данных, контроль.

Keywords: transport security intelligent technologies, artificial intelligence, machine learning, big data analysis, control.

Для цитирования: Фидель П.М. Использование интеллектуальных технологий для обеспечения транспортной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 99-101. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_99.

For citation: Fidel P.M. Using smart technologies to ensure transport security // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 99-101. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_99.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

Каждый день миллионы людей используют различные виды транспорта: поезда, самолеты, корабли. Однако наличие большого количества транспорта также влечет за собой определенные риски и угрозы для безопасности пассажиров и персонала. Транспортная безопасность является одной из основных проблем современного общества. С течением времени, изменяются условия и возникают новые угрозы, что требует применения более сложных и инновационных методов обеспечения безопасности [1].

Актуальность проблемы транспортной безопасности и роль интеллектуальных технологий дает возможность создать более безопасную и эффективную транспортную инфраструктуру. Искусственный интеллект проникает в различные сферы нашего общества от смартфонов и домашних устройств до общественного транспорта, в этой связи использование интеллектуальных технологий для обеспечения безопасности становится все более актуальным.

Искусственный интеллект (ИИ) – это наука, которая изучает создание интеллектуальных машин и программ, способных самостоятельно обучаться и принимать решения. В последние годы использование ИИ в различных сферах жизни становится все более популярным, включая транспортную безопасность.

Интеллектуальные технологии представляют собой системы, основанные на использовании компьютерного машинного обучения и других алгоритмов и методов, которые позволяют автоматизировать процессы контроля и обнаружения потенциальных угроз. Такие системы могут быть установлены в аэропортах, железнодорожных станциях и других объектах транспортной инфраструктуры[2].

Одной из главных задач интеллектуальных технологий в области транспортной безопасности является обнаружение и предотвращение возможных инцидентов. Например, такие системы могут автоматически фиксировать нарушения и отправлять данные о них в правоохранительные органы, что будет способствовать более эффективной и точной работе органов внутренних дел (полиции).

Кроме того, такие технологии могут быть применены для обнаружения возможных угроз безопасности пассажиров в частности системы видеонаблюдения с алгоритмами распознавания лиц могут автоматически идентифицировать подозрительное поведение лиц на привокзальных площадях, платформах, поездах, самолетах. Эти методы предусматривают установку видеокамер для наблюдения за досмотровыми пунктами, проверки грузов и пассажиров и могут охватить широкий спектр мер и действий, направленных на минимизацию рисков и предотвращение возможных аварий, происшествий или преступлений на воздушном, железнодорожном и водном транспорте. Такое раннее обнаружение потенциальных угроз позволяет оперативно принять необходимые меры для предотвращения возможных инцидентов[3].

Однако несмотря на все преимущества использования интеллектуальных технологий для обеспечения транспортной безопасности, они также имеют свои ограничения и сложности. Например, некоторые системы требуют больших вычислительных мощностей и ресурсов для

своей работы, что может быть сложным в условиях ограниченного бюджета или доступности инфраструктуры.

Кроме того, существует проблема защиты данных и конфиденциальности, ведь системы видеонаблюдения могут записывать и хранить большое количество информации о пассажирах или персонале, что может вызывать опасения в отношении нарушения прав человека и личной жизни. Также, необходимо обеспечить защиту данных и предотвратить возможность злоумышленников взломать системы ИИ и использовать их для своих целей. Наконец, еще одним условием является подготовка персонала для работы с интеллектуальными системами. Разработка и внедрение таких систем требует квалифицированных специалистов, способных анализировать данные и принимать решения на основе полученной информации. Поэтому необходимо обеспечить соответствующую подготовку и обучение персонала.

Традиционные методы обеспечения транспортной безопасности основаны на человеческом факторе и использовании физических систем контроля, которые имеют свои ограничения.

Во-первых, ручное наблюдение за требует больших затрат времени и ресурсов. Постоянный контроль со стороны операторов может быть неэффективным из-за усталости или человеческого фактора. Более того, операторы могут пропустить важные события или не успеть на них отреагировать вовремя.

Во-вторых, физические системы контроля также имеют ограничения. Например, видеокamеры могут быть ограничены углом обзора или качеством изображения, что может затруднить идентификацию лиц. Досмотровые пункты также не всегда эффективно работают из-за возможности уклонения от проверки или возможности использования методов подделки документов.

С появлением интеллектуальных технологий стали доступны новые методы обеспечения транспортной безопасности. Они основаны на анализе большого объема данных и использовании алгоритмов машинного обучения для автоматического распознавания и классификации различных объектов и событий[4].

Один из таких методов - это использование систем видеонаблюдения со встроенной искусственной интеллектом. Они позволяют автоматически обнаруживать определенные события, такие как подозрительное поведение пассажиров. Использование алгоритмов машинного обучения позволяет системе самостоятельно учиться и улучшать свою работу с течением времени.

Другой метод - это использование беспилотных летательных аппаратов, оснащенных различными камерами, датчиками которые в режиме реального времени будут анализировать данные об окружающей обстановке и предотвращения возможных негативных последствий без участия человека.

Интеллектуальные системы также могут использоваться для анализа данных о поведении лиц склонных к противоправным действиям и нарушению общественного порядка. Алгоритмы машинного обучения могут анализировать большие объемы данных, такие как данные из GPS-трекеров, инерционных датчиков или камер в салоне самолёта, поезда или другого транспорта, задействованного в перевозке пассажиров и определять нарушения или отклонения от нормального поведения. Системы видеонаблюдения с функциями распознавания лиц и автомобильных номерных знаков могут значительно улучшить работу правоохранительных органов при поиске лиц подозреваемых в совершении преступлений или нарушений общественного порядка и общественной безопасности.

Таким образом, использование интеллектуальных технологий позволяет значительно улучшить эффективность и точность методов обеспечения транспортной безопасности. Они позволят автоматизировать процессы контроля и предотвращения возможных проблем, а также анализировать большие объемы данных для выявления скрытых угроз. Однако необходимо учитывать и ограничения таких систем, такие как возможность ошибок распознавания или потерю связи с датчиками. Поэтому важно разрабатывать комплексные подходы к обеспечению транспортной безопасности, сочетая различные методы и технологии для достижения максимального эффекта.

Один из примеров успешной реализации интеллектуальных технологий в обеспечении транспортной безопасности - это система видеонаблюдения с использованием ИИ, которая позволяет автоматически распознавать объекты на видеоизображении и принимать соответствующие меры. Например, она может обнаружить человека который скрывается от правосудия или его поведение является подозрительным и отправить сообщение на мобильное устройство оператора или непосредственно сотрудникам правоохранительных органов, которые будут в непосредственной близости к предполагаемому правонарушителю, для задержания и дальнейшего разбирательства.

Результаты исследования, проведенного в одном из крупных городов США, показали, что внедрение системы видеонаблюдения на объектах транспортной инфраструктуры, с использованием ИИ привело к снижению количества нарушений связанных с нарушением общественного порядка на 15% за первый год. Исследование проведенное в Европейском союзе показало, что внедрение таких систем привело к снижению количества правонарушений на 25%, в Японии, на 30%. Это является значительным достижением, которое подтверждает эффективность интеллектуальных технологий в обеспечении транспортной безопасности.

Таким образом, примеры успешной реализации интеллектуальных технологий подтверждают их значительный потенциал для снижения различного уровня рисков и угроз в области транспортной безопасности. Однако необходимо отметить, что все эти технологии требуют соответствующего внедрения и поддержки со стороны государства и других заинтересованных сторон. Только при совместных усилиях мы сможем достичь максимального эффекта от использования интеллектуальных технологий для обеспечения транспортной безопасности.

В заключение, хотелось бы отметить, что использование интеллектуальных технологий представляет собой значительный потенциал для обеспечения транспортной безопасности. Они позволяют автоматизировать процессы наблюдения и контроля, предупреждать о возможных авариях и повышать эффективность работы систем безопасности. Однако, необходимо учитывать финансовые затраты, этические вопросы и подготовку персонала для успешной реализации этих технологий. Только при учете всех этих аспектов можно достичь максимальных результа-

тов в области транспортной безопасности.

Библиография:

1. Жигалов П. Н. Взаимодействие подразделений органов внутренних дел на транспорте с иными субъектами обеспечения транспортной безопасности на современном этапе // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2021. — № 2 (57). — С. 174—178.
2. Матюхин О. И. Категория безопасность как основа правоотношений на объектах воздушного транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. № 1 (100). — С. 187—196.
3. Такмакова Ю.В. Некоторые проблемы использования средств видеofиксации нарушений правил дорожного движения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. № 2 (93). — С. 218—226.
4. Шарифзода Ф.Р., Ульянов А.Д. Информационные потребности цифрового пространства в сфере национальной безопасности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103).

References:

1. Zhigalov P. N. Interaction of departments of internal affairs bodies in transport with other subjects of ensuring transport security at the present stage // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — № 2 (57). — Pp. 174-178.
2. Matyukhin O. I. The category of safety as the basis of legal relations at air transport facilities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. -2022. № 1 (100). — pp. 187-196.
3. Takmakova Yu.V. Some problems of using video recording of traffic violations // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. № 2 (93). — pp. 218-226.
4. Sharifzoda F.R., Ulyanov A.D. Information needs of the digital space in the field of national security // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific and practical journal. Irkutsk. 2022. № 4 (103).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_102

УДК 342.56

СТРУКТУРНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СУДОУСТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ STRUCTURAL AND ORGANIZATIONAL TRANSFORMATIONS OF JUDICIAL AUTHORITIES

ШЕРСТНЕВ Валерий Николаевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права, юридический институт,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская обл., 308015, Россия.

E-mail: 1594546@bsu.edu.ru;

SHERSTNEV Valery Nikolaevich,

Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law, Law Institute,
Belgorod State National Research University.

Pobedy str., 85, Belgorod, Belgorod region, 308015, Russia.

E-mail: 1594546@bsu.edu.ru

Краткая аннотация. С момента принятия Конституции Российской Федерации до настоящего времени судоустроительный аспект остается динамичным, хотя и на различных формализованных основаниях (реформа, конституционные и законодательные изменения, реализация государственных программ и пр.). В этой связи данная статья содержит результаты анализа современного российского специального законодательства, изменившего ключевые органы судебной власти – суды. В заключении перечислены выявленные современные структурно-организационные судоустроительные трансформации. В их числе: взаимовлияние фундаментальных принципов судебной власти и изменений в судебной системе; централизация высшей судебной инстанции; вариативная специализация; разделение судебных инстанций в системе судов общей юрисдикции; информатизация судов.

Abstract. Since the adoption of the Constitution of the Russian Federation to the present, the judicial aspect has remained dynamic, although on various formalized grounds (reform, constitutional and legislative changes, implementation of state programs, etc.). In this regard, this article contains the results of an analysis of modern Russian special legislation that has changed the key judicial authorities – the courts. In conclusion, the identified modern structural and organizational shipbuilding transformations are listed. Among them: the mutual influence of the fundamental principles of judicial power and changes in the judicial system; centralization of the highest judicial instance; variable specialization; separation of judicial instances in the system of courts of general jurisdiction; informatization of courts.

Ключевые слова: суд, судоустройство, правовой принцип, апелляционный суд, кассационный суд, специализация, административная юстиция.

Keywords: court, judicial system, legal principle, court of appeal, court of cassation, specialization, administrative justice.

Для цитирования: Шерстнев В.Н. Структурно-организационные судоустроительные трансформации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 102-105. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_102.

For citation: Sherstnev V.N. Structural and organizational transformations of judicial authorities // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 102-105. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_102.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

Данная работа посвящена раскрытию некоторых актуальных трансформационных направлений современного российского судоустройства в части ключевых органов – судов.

Мы разделяем высказанный тезис о том, что основной задачей происходящих в современном судоустройстве России изменений, «является усиление роли судов, осуществляющих правосудие на основе Конституции Российской Федерации..., а становление действующей системы судов, которая будет эффективно обеспечивать соблюдение законных прав и интересов всех лиц, обращающихся за их защитой, позволит повысить уровень доверия населения к судебной системе» [2, с. 29-33].

Полагаем трансформацию судов целесообразно сопрягать со специализацией. Этот вопрос находится в поле постоянной научной дискуссии отечественных правоведов, затрагивая категориальный аппарат, современное состояние, перспективы развития и иные аспекты.

Положительный эффект специализации связывается и с «повышением качества рассмотрения дел за счет специализированных знаний судей, ускорением судебного процесса и повышением доверия к судебной системе» [11, с. 429-438].

Вместе с очевидными преимуществами нельзя игнорировать и недостатки рассматриваемой специализации, в числе которых «риск узкой специализации и потери широты взглядов, необходимости в дополнительном обучении и обновлении знаний судей, а также потенциальные проблемы с подсудностью и перекрестным влиянием между различными юрисдикциями» [11, с. 429-438].

Положительные и отрицательные оценки опосредовали вариативность мнений ученых о целесообразности специализации судов. Как пример контраргументов заявленной судоустроительной трансформации – «необходимость правовой унификации, а значит нецелесообразность... создания различных специальных судебных учреждений» [15, с. 619].

Правоведы, одобряющие специализацию судов, считают такие суды универсальным средством повышения качества рассмотрения гражданских дел [18, с. 68]; доказывают возможность фиксирования на законодательном уровне административной юстиции [1, с. 129-136] и пр.

В истории Российского государства специализация судов циклична: от дореволюционного наличия соответствующих судебных инстанций до централизации и унификации судебной системы в советский период. В настоящее время в отечественной правовой действительности данная разновидность судебных инстанций имеет место быть в подтвержденном легализованном формате.

В дефинитивном аспекте специализацию судов представляют как «процесс выделения отдельных судебных органов для рассмотре-

ния специфических категорий дел» [11, с. 429-438]. На наш взгляд, такая трактовка упускает важные смысловые аспекты специализации не только судов, но и судей, а также рассмотрения не только специфических категорий дел, но и дел, связанных со специальными субъектами. Таким образом, мы понимаем судебную специализацию в содержательно широком ключе.

Многообразие известных практике судебных специализаций для упорядочения теоретических знаний о них, аргументированно классифицируют по различным основаниям. В частности:

- по субъекту (определенные организации или категории лиц);
- по предмету (определенные отрасли права или категории дел);
- по корреляции с судопроизводством (особенности судебных процессов – административного, арбитражного, гражданского, конституционного, уголовного) и др.

В практической плоскости по причине специфики сферы деятельности современный опыт специализации российских судов мы связываем со следующими их разновидностями: арбитражные и военные суды, Суд по интеллектуальным правам.

Вместе с тем, мнения экспертов о возможности создания судов специальной юрисдикции на основе ныне действующего законодательства неоднозначны. Предполагается, что формальных препятствий для этого нет, поскольку ч. 3 ст. 128 Конституции России предусмотрена возможность установить «полномочия, порядок образования и деятельности... иных федеральных судов» федеральным конституционным законом [7, с. 49-54].

В системе судов общей юрисдикции действующее законодательство ограничивает возможность создания специализированных судов конституционными видами судопроизводства – гражданским и административным [7, с. 49-54].

Заслуживают внимания дискуссионные вопросы о перспективах специализации российских судов. Речь идет о целесообразности создания административных судов, семейных судов и судов по делам несовершеннолетних (при этом последние иногда расценивают как часть системы семейных судов), трудовых судов.

В пользу обособления административных судов многократно высказанные аргументы, включая: «ссылки на те или иные исторические аналогии, перегруженность судов общей юрисдикции, тяготение к континентальной системе права и др.». [13, с. 80-81].

По замыслу, создание административных судов отождествляли со «способом правовой борьбы с бюрократизмом и иными проявлениями отрицательной деятельности должностных лиц» [17, с. 330-349].

В качестве основной задачи административной юстиции указывали «утверждение верховенства права и законных интересов граждан от неправомερных действий и решений органов исполнительной власти и обеспечение законности в сфере публичного управления» [14, с. 2-5].

В доктринальной дискуссии одним из «камней преткновения» учреждения административных судов было отсутствие универсального определения административной юстиции [1, с. 129-136; 16, с. 69].

Приведенные нами тезисы-рассуждения в какой-то степени сохраняют свою актуальность и в настоящее время. Однако в правовой действительности точку в продолжавшейся дискуссии поставило принятие в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства¹. Таким образом, принятый документ внес правовую определенность в понимание административной юстиции (ч. 1 ст. 1). Самостоятельная система административных судов не учреждена, однако специализация судей очевидна.

По поводу гипотез о самостоятельности специализированных судов, отметим, что абсолютные сторонники семейных судов утверждают, что «они должны действовать наряду с судами общей юрисдикции в каждом районе (городе)» [20, с. 37].

Разницу между судами для несовершеннолетних и семейными судами проводят по предмету рассматриваемых дел. Первые разрешают дела по поводу правонарушений несовершеннолетних, а вторые – дела не только публично-правового, но и частного характера.

Как ранее указывалось, мы специализацию соотносим не только со специализацией судов, но и судей. В русле этой мысли, по мнению И.А. Петрашко, следует «выделить специальные судебные составы по рассмотрению трудовых споров в судах общей юрисдикции всех инстанций, ... было бы более эффективным решением, нежели создание специализированных трудовых судов» [12, с. 110].

В юридической литературе, кроме уже указанных, приводятся научные аргументы в пользу создания и иных судов [3, с. 53]. При этом, «некоторые идеи были воплощены в законопроекты и прошли довольно длительный этап парламентских согласований. Так, например, были рассмотрены законопроекты об административных и ювенальных судах, предложения юридической общественности о создании трудовых и патентных судов. Однако ни один из представленных законопроектов так и не стал законом» [10, с. 148-159].

Конечно, финалом дискуссии о специализированных судах в России являются предложения об оптимизации их формата. Таковые можно обобщить в рамках следующих тезисов:

- создание дополнительных судебных систем и подсистем в рамках существующего в Российской Федерации единого судебного механизма;
- специализация судей в судах общей юрисдикции [1, с. 129-136].
- введение внутренней специализации в коллегиях по уголовным и гражданским делам районных судов в зависимости от категории дел и особенностей территории [7, с. 49-54].

В порядке резюме по данной части исследования приведем собственное мнение, опирающееся на уже обоснованные в юридической

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 06.04.2024) // СЗ РФ. 2015, № 10. Ст. 1391; СЗ РФ. 2024. № 15. Ст. 1967.

литературе тезисы о специализации судей [19, с. 326] с уточнением, что «во многих судах специализация в принципе невозможна по причине их малосоставности. При таких обстоятельствах выбор конкретных форм специализации, их количества и оптимального соотношения превращается исключительно во "внутреннее" дело каждого отдельного суда, но методологическую базу вполне можно разработать общую» [4, с. 31-36].

Институциональные судоустроительные трансформации в современной России затронули и высшие судебные инстанции. Так, в 2014 г. был образован единый Верховный Суд Российской Федерации в результате слияния с Высшим арбитражным Судом Российской Федерации¹.

Заявленная трансформация оказала непосредственное влияние на внутреннее устройство Верховного Суда Российской Федерации, в него были добавлены Судебная коллегия по экономическим спорам, Судебная коллегия по делам военнослужащих и Дисциплинарная коллегия.

Представляется важной и трансформация деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации с приращением установленного обеспечения дополнительно к судам общей юрисдикции и арбитражных судов.

Отметим, что «финансовое обеспечение деятельности Верховного Суда Российской Федерации осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета. Материально-техническое обеспечение деятельности Верховного Суда Российской Федерации осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета в размере, обеспечивающем полное и независимое правосудие» [5, с. 10-16]. Данный подход определен ст. 124 Конституции России, устанавливающей, что «финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом»². Таким образом, существенно то, что реализованные судоустроительные трансформации учитывают и обеспечивают ключевые принципы судебной власти – независимость и самостоятельность.

Важно отметить самые современные трансформации судов общей юрисдикции с 2018 г., явившиеся первой масштабной законодательной инициативой Верховного Суда Российской Федерации после реорганизации 2014 г.

В соответствии с внесенными законодательными изменениями было сформировано 5 апелляционных судов общей юрисдикции, 9 кассационных, по одному кассационному и апелляционному военному суду³. Таким образом, осуществленное институциональное дополнение позволило воплотить идею «одно звено – одна инстанция» [8, с. 79-83].

Кроме того, предполагается, что «апелляционные суды стали территориально ближе к гражданам, чем Верховный Суд Российской Федерации, и право на доступ к правосудию будет реально обеспечено» [8, с. 79-83].

Произошедшие трансформации позволили четко распределить между судами «функции по проверке и пересмотру судебных постановлений в апелляции и кассации, которые ранее проходили в рамках одного и того же суда. Как известно, суды субъектов Федерации совмещали функции сразу нескольких инстанций по одним и тем же делам [9, с. 77-82]. Поэтому положительный эффект изменений справедливо связывают с поднятием авторитета стадии кассационного рассмотрения и ее действенным вкладом в защиту прав и законных интересов [9, с. 77-82].

Солидарны во мнении с А.В. Кудрявцевой и А.В. Петровым в части еще одного положительного аспекта рассматриваемой трансформации: «не только обеспечение независимости судей от вышестоящей инстанции при рассмотрении дела и формировании внутреннего убеждения, когда территориально отделенные друг от друга инстанции утратят возможность взаимного влияния, но и обеспечение фактического доступа граждан к правосудию» [8, с. 79-83]. Еще раз подчеркнем, что любые изменения судоустройства сообразны принципам судебной власти.

В рамках рассматриваемой трансформации невозможно не затронуть вопросы цифровизации и информатизации, которые характерны и для судебной власти. Полагаем, эти процессы более затрагивают судопроизводственный аспект, но наш взгляд, глобально влияют и на судоустройство, повышая доступность судов, включая в этот формат деятельности судей. Здесь для судоустроительного ракурса наиболее подходящим является термин «информатизация судов». Кроме того, данный термин используется и в наименовании Концепции информатизации Верховного Суда Российской Федерации⁴.

Стоит отметить, что процессы развития информатизации судебной власти постоянно обсуждаются, в том числе, на высоком уровне судейского сообщества [6, с. 322-324].

Представляется, судоустройство и судопроизводство в будущем еще неоднократно трансформируются с учетом процессов цифровизации и информатизации.

В русле судоустроительных трансформаций с учетом их важности, в специальной научной литературе высказываются мнения не только по поводу совпадающих с законодательством изменений. Так, было сформулировано предложение о возможности разработки и принятия единого судоустроительного кодекса в России в качестве «варианта решения терминологических пробелов, разночтений, коллизий и отсутствия единых подходов к пониманию судоустроительных начал» [10, с. 148-159].

В целом положительно оценивая внесенное предложение, считаем, что статус органов судебной власти подразумевает регулирование на уровне федерального конституционного закона. По нашему мнению, вопрос о подобном рода систематизации может ставиться именно на уровне принятия федерального конституционного закона о судебной системе Российской Федерации.

Подводя итоги осуществленного исследования, перечислим выявленные современные структурно-организационные судоустроительные трансформации:

¹ Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550; 2022. № 29 (часть I). Ст. 5200.

² Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

³ СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.

⁴ Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15.02.2021 г. № 9-П) // <http://vsrf.ru> по состоянию на 03.03.2021 г.

- взаимовлияние фундаментальных принципов судебной власти и изменений в судебной системе (реализация всех судеоустроительных трансформаций в соответствии с базовыми конституционно-правовыми принципами, которые по итогу укрепляют свой статус);
- централизация высшей судебной инстанции (слияние Высшего арбитражного Суда Российской Федерации с Верховным Судом Российской Федерации);
- вариативная специализация (конституционная легализация арбитражного судопроизводства, кодификация норм об административном судопроизводстве, учреждение и функционирование Суда по интеллектуальным правам);
- разделение судебных инстанций в системе судов общей юрисдикции (обособление апелляционных и кассационных судов);
- информатизация судов (применение современных технологий, влияющих на работу судей).

Библиография:

1. Афанасьев С.Ф. О специализации судов и судей: от судебной реформы середины XIX века до современности // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 2 (19). С. 129-136.
2. Виноградова Е.В. Конституционная судебная реформа в современной России // Право и государство: теория и практика. 2019. № 5 (173). С. 29-33.
3. Дикусар В. Земельные суды – в России? // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 53-54.
4. Захаров В.В. Специализация судей как средство совершенствования правосудия // Российский судья. 2019. № 1. С. 31-36.
5. Иванов К.М. К вопросу о реформировании судебной системы Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2014. № 2 (23). С. 10-16.
6. Исаева Л.А., Хакимов Э.Р. Современная судебная реформа: проблемы и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 322-324.
7. Кистринова О.В. Судебная реформа в России на современном этапе: достижения и перспективы // Конституционализм и государственное управление. 2016. № 2 (8). С. 49-54.
8. Кудрявцева А. В., Петров А. В. Конституционно-правовые смыслы современной судебной реформы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21. № 1. С. 79-83.
9. Кухарева О.А., Кузнецова В.И. Судебная реформа как средство укрепления независимости судебной системы и противодействия коррупции // Цивилистика: право и процесс. 2019. № 2. С. 77-82.
10. Мехренцева Н.А., Папулова З.А. К вопросу о понятийном аппарате российского судопроизводства // Lex russica. 2022. Т. 75. № 7. С. 148-159.
11. Пахль Д.А. Специализация судов как основное направление судебной деятельности // Вестник науки. 2023. № 11 (68). Том 3. С. 429-438.
12. Петрашко И.А. Создание системы судов по трудовым спорам как мера совершенствования охраны трудовых прав граждан // Бизнес в законе. 2012. № 3. С. 109-113.
13. Пилипенко А.Н. Административная юстиция в зарубежных государствах // Законодательство и экономика. 1996. № 3-4. С. 80-81.
14. Радченко В.И. Административные суды призваны защищать человека от произвола недобросовестных чиновников // Российская юстиция. 2004. № 3. С. 2-5.
15. Российское государство и правовая система. Современное развитие, проблемы, перспективы / под. ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999. 704 с.
16. Соловьева А.К. Перспективы развития административной юстиции в России: организационный и формальный подход // Правоведение. 1999. № 1. С. 66-72.
17. Стариллов Ю.Н. Судебная власть как «ум, честь и совесть» государства: о некоторых достижениях, проблемах и неудачах современного этапа реформы судебной власти // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 330-349.
18. Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции: межвузовский сборник научных трудов / ред. И.М. Зайцев, Г.А. Жи-лин. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 1998. 336 с.
19. Тресков А.П. Конституционно-правовая теория принципов судебной власти России: Дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2022. 423 с.
20. Хисматуллин Р. Семейные суды по делам несовершеннолетних // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 37.

References:

1. Afanasyev S.F. On the specialization of courts and judges: from judicial reform in the middle of the XIX century to the present // Right. Legislation. Personality. 2014. No. 2 (19). pp. 129-136.
2. Vinogradova E.V. Constitutional judicial reform in modern Russia // Law and the state: theory and practice. 2019. No. 5 (173). pp. 29-33.
3. Dikusar V. Land courts – in Russia? // Russian Justice. 2000. No. 11. pp. 53-54.
4. Zakharov V.V. Specialization of judges as a means of improving justice // A Russian judge. 2019. No. 1. pp. 31-36.
5. Ivanov K.M. On the issue of reforming the judicial system of the Russian Federation // Pravo. Safety. Emergency situations. 2014. No. 2 (23). pp. 10-16.
6. Isaeva L.A., Khakimov E.R. Modern judicial reform: problems and prospects // Law and the State: theory and practice. 2023. No. 6 (222). pp. 322-324.
7. Kistrinova O.V. Judicial reform in Russia at the present stage: achievements and prospects // Constitutionalism and state studies. 2016. No. 2 (8). pp. 49-54.
8. Kudryavtseva A.V., Petrov A.V. Constitutional and legal meanings of modern judicial reform // Bulletin of SUSU. The series "Law". 2021. Vol. 21. No. 1. pp. 79-83.
9. Kukhareva O.A., Kuznetsova V.I. Judicial reform as a means of strengthening the independence of the judicial system and countering corruption // Civil law: law and process. 2019. No. 2. pp. 77-82.
10. Mehrentseva N.A., Papulova Z.A. To the question on the conceptual apparatus of the Russian judicial system // Lex russica. 2022. Vol. 75. No. 7. pp. 148-159.
11. Pahl D.A. Specialization of courts as the main direction of judicial activity // Bulletin of Science. 2023. № 11 (68). Volume 3. pp. 429-438.
12. Petrashko I.A. Creation of a system of labor dispute courts as a measure to improve the protection of labor rights of citizens // Business in law. 2012. No. 3. pp. 109-113.
13. Pilipenko A.N. Administrative justice in foreign countries // Legislation and economics. 1996. No. 3-4. pp. 80-81.
14. Radchenko V.I. Administrative courts are designed to protect a person from the arbitrariness of unscrupulous officials // Russian Justice. 2004. No. 3. pp. 2-5.
15. The Russian state and the legal system. Modern development, problems, prospects / ed. by Yu.N. Starilov. Voronezh, 1999. 704 p.
16. Solovyova A.K. Prospects for the development of administrative justice in Russia: organizational and formal approach // Jurisprudence. 1999. No. 1. pp. 66-72.
17. Starilov Yu.N. Judicial power as the "mind, honor and conscience" of the state: on some achievements, problems and failures of the modern stage of judicial reform // Judicial power and criminal procedure. 2015. No. 4. pp. 330-349.
18. Theoretical and applied problems of civil jurisdiction reform: interuniversity collection of scientific papers / ed. I.M. Zaitsev, G.A. Zhilin. Edinburgh: Humanit Publishing House. 1998. 336 p.
19. Treskov A.P. Constitutional and legal theory of the principles of judicial power in Russia: Dis. ... doct. Jurid. sciences'. Belgorod, 2022. 423 p.
20. Khismatullin R. Family courts for minors // Russian Justice. 2000. No. 3. p. 37.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_106

ПРИНЦИПЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Principles of the fundamentals of the constitutional system of the Russian Federation in the system of principles constitutionalism

ХАЗНАГОЕВА Инга Замировна,

соискатель кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука ФГБОУ ВО «РГУП»,
ведущий консультант Главного управления организационно-правового обеспечения деятельности судов
Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69.
E-mail: inga0819@mail.ru;

Khazhnagoeva Inga Zamirovna,

postgraduate (applicant) for the chair of constitutional law named after N.V. Vitruk Russian state university of justice,
leading consultant Main Board for Organizational and Legal Support of Courts
of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation.
69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russia.
E-mail: inga0819@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена принципам основ конституционного строя Российской Федерации в системе принципов конституционализма, содержанию российского конституционализма.

Abstract: The article is devoted to the principles of the foundations of the constitutional system of the Russian Federation in the system of principles of constitutionalism, the content of Russian constitutionalism.

Ключевые слова: конституционализм, российская государственность, приоритет прав и свобод человека и гражданина, конституционное развитие.

Keywords: constitutionalism, Russian statehood, priority of human and civil rights and freedoms, constitutional development.

Для цитирования: Хазнагоева И.З. Принципы основ конституционного строя Российской Федерации в системе принципов конституционализма // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 106-109. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_106.

For citation: Khazhnagoeva I.Z. Principles of the fundamentals of the constitutional system of the Russian Federation in the system of principles constitutionalism // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 106-109. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_106.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2024

Категория «принципы конституционализма» является относительно новым понятием, как и сам термин «конституционализм». В советскую эпоху эти категории не использовались в отечественной правовой науке, обосновывающий государственный и общественный строй, правовое положение человека.

По Г.Дж. Берману, термин «конституционализм» был введен в научный оборот на рубеже XVIII—XIX веков для обозначения главным образом американской доктрины верховенства писаной конституции над законами. Однако элементы этого феномена впервые проявились еще в городских правовых системах Западной Европы в XI - XII столетиях¹.

Конституционализм, отмечает профессор права, Директор Программы «Обучение праву Европы» Школы права Университета Мичиган Даниель Хальберстам, основан на идее ограниченного коллективного управления².

Дилемма конституционализма в эпоху глобализации публичной власти выявила два главных ответа – локальный и глобальный³.

С одной стороны появилась группа исследователей, кто будучи встревоженными угрозой глобализации конституционализма, рассматривают локальный конституционализм (в рамках государства) как единственно легитимный источник публичной власти. «Локальные конституционалисты» отрицают нормативные усилия международных, транснациональных и глобальных систем публичной власти, считая конституционализм приемлемым для проявления в локальных (национальных) конституциях⁴.

С другой стороны, имеются те, кто оптимистично смотрит на глобализацию власти, считая это средством преодоления неотъемлемых недостатков локального конституционализма. Глобальные конституционалисты рассматривают выход властеотношений за пределы государства как рациональную конструкцию формирования комплексной системы многослойного управления, решающей мировые проблемы, значимые для всех людей мира⁵.

Даниель Хальберстам стремится найти середину между этими двумя доминирующими ответами на глобализацию конституционализма, подразумевая, что истина состоит в выборе идеи, уравновешивающей крайности локалистского и глобалистского подходов. Перспективы в разрешении противоречий видятся, по мнению Даниеля Хальберстама, в продвижении третьего подхода, основанного на признании плюрализма⁶.

Профессор Ульрих К. Прейс, анализируя жизнеспособность новой концепции глобального конституционализма сквозь призму традиционных взглядов на взаимосвязь государственности и конституции, отмечает, что в традиционном понимании конституции, по существу связаны

¹ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 11.

² Daniel Halberstam Local, global and plural constitutionalism: Europe meets the world. // The worlds of European constitutionalism / [edited by] Gráinne de Búrca, J. H. H. Weiler. Cambridge University Press, 2012. P. 150 – 202.

³ Ibidem. – P. 150 – 202.

⁴ Ibidem. – P. 150 – 202.

⁵ Ibidem. – P. 150 – 202.

⁶ Ibidem. – P. 150 – 202.

с понятием государственности и, в частности, – с суверенной властью государства, учитывая установленное значение суверенитета как абсолютного и исключительного права в пределах территории¹.

В современном мире конституционализм обычно означает равновесие сдержек и противовесов, институциональные механизмы, ограничивающие власть правительства и защиту частных интересов². В книге «Демократия в Америке» (1945 г.) Алексис де Токвиль пытается объединить обе точки зрения в его интерпретации американской конституционной системы³. Он анализирует древний конституционализм, чтобы понять явление народного суверенитета⁴.

По мнению Алексиса де Токвиля, конституционализм это больше, чем устройство для ограничения власти и защиты прав человека. Обращаясь к старой традиции, он утверждает, что законы и институты должны быть рассмотрены в свете режима или целого общественного порядка, лежащие в их основе⁵.

Среди современных авторов, английский ученый Х. Барнетт рассматривает конституционализм как «доктрину, которая направляет легитимность актов управления»⁶. Он подчеркивает, что конституционализм – это соответствие конституции философским ценностям государства; осуществление власти в границах, установленных парламентом; уважение прав человека; разделение властей; подотчетность политики правительства и в целом государства электорату⁷.

Другой английский автор, Дж. Олдер полагает, что конституционализм – это «инструменты, устройства (arrangements) государства, которые ограничивают власть правящих и дают режиму правителей его моральный авторитет»⁸. Согласно Дж. Олдеру, конституционализм возлагает правовые и политические ограничения на правительство, предполагает ответственность правительства перед независимым органом (не обязательно судом), существование сдержек и противовесов в системе органов управления и внутри них, проведение честных и открытых выборов, на которых кандидаты, выдвигаемые правителями не должны иметь каких-либо преимуществ⁹.

Таким образом, большинство зарубежных исследователей более широко определяют понятие конституционализм, основываясь однако по прежнему на ключевом его предназначении как инструмента ограничения власти.

В поисках форм их воплощения также наблюдается единство. Считается, что конституционализм возник с первыми конституциями, воплотившими в главных нормативных правовых актах ключевые идеи нового времени: свобода, равенство, демократия. В частности, Галлиган подчеркивает, что конституционализм, т.е. относящийся к конституции, вытекает из идеалов свободы и демократии¹⁰.

Обосновывая актуальность конституционализма в новой России, В.С. Нерсесянц считал, что дальнейшее развитие начал гражданского общества и правового государства в России прямо зависит от прочности конституционализма. Он рассматривал конституционализм как идеологию уважения, соблюдения и защиты конституции, как общегосударственную, надпартийную идеологию любого правового государства¹¹.

Как отмечает О.Е. Кутафин, в российской правовой литературе термин «конституционализм» не получил широкого использования. В дореволюционной литературе ему предпочитали такое понятие, как «конституционное государство». В советский период этот термин длительное время связывали лишь с зарубежными странами. И только в постсоветский период, термин «конституционализм» стал использоваться достаточно широко, хотя главным образом лишь в исследованиях, специально ему посвященных¹².

И.М. Степанов, один из первых постсоветских исследователей конституционализма, отмечал, что конституционализм это емкое явление в самых первичных представлениях о нем охватывает собой теорию конституции, теорию и практику конституционного развития той или иной страны, мирового сообщества в целом¹³. В узком смысле под конституционализмом он понимал общую систему знаний о фундаментальных политико-правовых ценностях демократии, их составе, формах выражения, методах и степени реализации¹⁴.

По мнению И.А. Умновой-Конюховой в самом емком восприятии конституционализм представляет собой систему идей о ценностях гуманизма и демократии, положенных в основу государственного и общественного строя, взаимоотношений государства, общества и человека¹⁵.

О конституционализме, считает Р.А. Ромашова, следует говорить как о политической системе реально действующей конституции. Политическая система конституционализма объединяет и балансирует социально-политические интересы государства и гражданского общества, не допуская необоснованного вмешательства со стороны кого бы то ни было в сферу конституционных прав и свобод¹⁶.

С точки зрения Н.А. Богдановой, «конституционализм — это система идей и взглядов, в которых воплощены представления о конституционном государстве, их конституционное оформление, а равно политико-правовая практика реализации таких идей и закрепляющих их норм»¹.

¹ Ulrich K. Preuss *Disconnecting Constitutions from Statehood. Is Global Constitutionalism a Viable Concept?* // *The Twilight of Constitutionalism* / Ed. Petra Dobner and Martin Loughlin. Oxford University Press, 2010. P. 23-46.

² Kraaynak R.P. *Tocqueville's constitutionalism*. // *American political science review*. – Washington, 1987. Vol. 81, N 4. – P. 1175.

³ *Ibidem*. – P. 1175.

⁴ *Ibidem*. – P. 1175.

⁵ *Ibidem*. – P. 1175-1176.

⁶ Barnett H. *Constitutional and administrative law*. – 7th ed. – L., 2009. – P. 5.

⁷ *Ibidem*. – P. 6.

⁸ Alder J. *Constitutional and administrative law*. – 6th ed. – N. Y., 2007. – P. 7.

⁹ *Ibidem*. – P. 8.

¹⁰ D.J. Galligan. *The Paradox of Constitutionalism or the Potential of Constitutional Theory?* // *Oxford Journal of Legal Studies*, Vol. 28, No. 2 (2008). P. 343-367.

¹¹ Нерсесянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации. Сб. ст. / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2000. С. 6-8.

¹² Кутафин О.Е. *Российский конституционализм*. 7 том. М.: Проспект, 2011. С. 6.

¹³ Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма. - М., 1996. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 34.

¹⁵ Умнова И.А. Конституционное право в развитии: диалектика общего и частного. - Москва – Германия, Изд-во Ламберт, 2015. С.234.

¹⁶ Кутафин О.Е. *Российский конституционализм*. 7 том. М.: Проспект, 2011. С. 14.

С.А. Авакьян считает, что конституционализм следует связывать с четырьмя главными моментами: конституционными идеями; наличием соответствующего нормативно-правового фундамента; достижением определенного фактического режима; системой защиты конституционного строя и конституции¹.

Н.С. Бондарь полагает, что при всем разнообразии подходов к определению понятия и к характеристике основных закономерностей развития российского конституционализма ни у кого не должен вызывать сомнение тот факт, что сама по себе категория конституционализма является научно-теоретическим и одновременно нормативным правовым отражением наиболее важных качественных характеристик реальных общественных отношений с точки зрения достигнутого уровня свободы и организации власти в государстве. «В этом плане, - пишет он, - для нас принципиальное значение имеет признание того обстоятельства, что конституционализм в любой форме его проявления – как политико-правовая (конституционная) идеология, юридическое мировоззрение, политическая и правовая практика и т.д. – воплощает в себе показатели достигнутого в обществе компромисса между властью и свободой, интересами общества и личности, государства и гражданина. Сами же институты прав и свобод человека и гражданина, без преувеличения, являются визитной карточкой современного конституционализма»².

Н.В. Витрук также рассматривает конституционализм как многоэлементный и многоуровневый феномен, а его понятие как широкое и емкое. Не ставя перед собой задачу дать определение понятия конституционализма, он рассматривает основные формы его бытия как сложного общественного явления в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации³.

Н.В. Витрук считает, что конституционализм как нормативно-правовая система представляет собой конституционное право в качестве системы норм позитивного права, находящего выражение в конституции (основном законе государства) и других источниках конституционного права (законах, конституционных обычаях и др.). Позитивное конституционное право базируется на естественном конституционном праве, т.е. на основных правовых идеях, принципах, идеалах. Задачу соответствия позитивного конституционного права естественному праву всякий раз решает законодатель, а не правоприменитель. Есть лишь одно исключение. Аналогичную задачу, исходя из буквы и духа конституции (конституционного права), а также из международных стандартов, решают конституционные суды⁴.

Как отмечает И.А. Умнова-Конюхова, в современный период известными на международном уровне экспертами-политологами в качестве основных критериев утверждения конституционализма в конкретном государстве на первое место ставятся следующие условия: обеспечение прав и свобод человека и гражданина; независимое правосудие и ответственная перед народом и законом государственная власть⁵. Лишь в качестве второго эшелона условий конституционализма называются свободные выборы, система сдержек и противовесов законодательной и исполнительной властей, свобода выражения своего мнения в средствах массовой информации и политический плюрализм⁶.

По мнению В.Т. Кабышева и Т.М. Пряхиной, основные ценности конституционализма формируются в качестве таких принципов, как приоритет прав человека, народовластие, разделение властей, федерализм, верховенство права⁷.

И.А. Кравец в число принципов конституционализма включает наличие гарантированных прав и свобод, а также реализацию в той или иной мере разделения властей в государстве. Он также считает существенным и необходимым принципом конституционализма народный суверенитет; правление закона; правила относительно выбора должностных лиц и их ответственности по отношению к управляющим, а также принципы относительно создания, пересмотра, интерпретации и реализации конституции⁸.

Перечень подобных определений рассматриваемого понятия может быть продолжен. Но и приведенного достаточно, чтобы сделать следующий вывод: разными авторами в содержание понятия «конституционализм» вкладывается неодинаковый смысл, единое определение этого понятия отсутствует.

Каркас конституционализма создают принципы, которые формулируются под влиянием общественного правосознания, традиций, культуры, в которой мы живем и развиваемся.

В основе российского конституционализма лежат важнейшие принципы основ конституционного строя Российской Федерации, включенные в Конституцию Российской Федерации: человек, его права и свободы – высшая ценность; суверенитет многонационального народа; государственный суверенитет Российской Федерации; федерализм; Россия – социальное государство; признание рыночной экономики; разделение властей на законодательную, исполнительную, судебную; признается и гарантируется местное самоуправление; идеологическое и политическое многообразие; Россия – светское государство.

Таким образом, большинство принципов права, содержащихся в главе 1 – основах конституционного строя Российской Федерации, отражают идеи конституционализма. Содержание российского конституционализма предопределяется основами конституционной либеральной демократии, российской государственности, нравственными ценностями, провозглашенными в Конституции Российской Федерации.

Совокупность принципов, ограничивающих власть государства и определяющих взаимоотношения между обществом и государством

¹ Богданова Н.А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения. М., 1999. С. 137.

² Авакьян С.А. Конституционализм. Конституционное право: Энциклопедический словарь. М., 2000. С.304-305; Он же. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С.228-232.

³ Бондарь Н.С. Права человека в теории и практике российского конституционализма // Российский конституционализм: проблемы и решения. М., 1999. С.200.

⁴ Витрук Н.В. Развитие конституционализма в Российской Федерации (в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. Сб. ст. Ч. I. Томск, 1999. С.3-8.

⁵ Витрук Н.В. Указ. соч. С. 3-22.

⁶ Умнова (Конюхова) И.А. Проблемы становления конституционализма в современной России // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: Сб. ст. / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2000. С. 17.

⁷ Умнова (Конюхова) И.А. Указ. соч. С. 17.

⁸ Кабышев В.Т., Пряхина Т.М. Теоретические проблемы российского конституционализма // Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. № 2. С. 33-39.

⁹ Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики): Автореф. дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 23 – 46.

ной властью на основе демократии и свободы, отражает понятие конституционализма.

Библиография:

1. Авакян С.А. Конституционализм. Конституционное право: Энциклопедический словарь. М., 2000. С.304-305; Он же. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000.
2. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
3. Богданова Н.А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения. М., 1999.
4. Бондарь Н.С. Права человека в теории и практике российского конституционализма // Российский конституционализм: проблемы и решения. М., 1999.
5. Витрук Н.В. Развитие конституционализма в Российской Федерации (в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. Сб. ст. Ч. I. Томск, 1999.
6. Кабышев В.Т., Прякина Т.М. Теоретические проблемы российского конституционализма // Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. № 2.
7. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики): Автореф. дис. доктора юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
8. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. 7 том. М.: Проспект, 2011.
9. Нерсесянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации. Сб. ст. / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2000.
10. Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма. - М., 1996.
11. Умнова И.А. Конституционное право в развитии: диалектика общего и частного.- Москва – Германия, Изд-во Ламберт, 2015.
12. Умнова (Конохова) И.А. Проблемы становления конституционализма в современной России // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: Сб. ст. / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2000.
13. Alder J. Constitutional and administrative law. – 6th ed. – N. Y., 2007.
14. Barnett H. Constitutional and administrative law. – 7th ed. – L., 2009.
15. Daniel Halberstam Local, global and plural constitutionalism: Europe meets the world. // The worlds of European constitutionalism / [edited by] Gráinne de Búrca, J. H. H. Weiler. Cambridge University Press, 2012.
16. Galligan D.J. The Paradox of Constitutionalism or the Potential of Constitutional Theory? // Oxford Journal of Legal Studies, Vol. 28, No. 2 (2008).
17. Kraynak R.P. Tocqueville's constitutionalism. // American political science review. – Washington, 1987. Vol. 81, N 4.
18. Ulrich K. Preuss Disconnecting Constitutions from Statehood. Is Global Constitutionalism a Viable Concept? // The Twilight of Constitutionalism / Ed. Petra Dobner and Martin Loughlin. Oxford University Press, 2010.

References:

1. Avakian S.A. Constitutionalism. Constitutional law: Encyclopedic dictionary. M., 2000. pp.304-305; The same. The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. 2nd ed. M., 2000.
2. Berman G.J. The Western tradition of Law: the epoch of formation. M., 1998.
3. Bogdanova N.A. The category of "constitutionalism" in the science of constitutional law // Russian constitutionalism: problems and solutions. M., 1999.
4. Bondar N.S. Human rights in theory and practice of Russian constitutionalism // Russian constitutionalism: problems and solutions. M., 1999.
5. Vitruk N.V. The development of constitutionalism in the Russian Federation (in the context of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation) // Problems of development and improvement of Russian legislation. Collection of articles. Ch. I. Tomsk, 1999.
6. Kabyshev V.T., Pryakhina T.M. Theoretical problems of Russian constitutionalism // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 1995. No. 2.
7. Kravets I.A. The formation of Russian constitutionalism (problems of theory and practice): Abstract of the dissertation of the Doctor of Law. sciences'. Yekaterinburg, 2002.
8. Kutafin O.E. Russian constitutionalism. 7 vol. M.: Prospekt, 2011.
9. Nersesyants V.S. Constitutionalism as a national ideology // Constitutional and legal reform in the Russian Federation. Collection of articles / Ed. Yu.S. Pivovarov. M., 2000.
10. Stepanov I.M. Lessons and paradoxes of Russian constitutionalism. - M., 1996.
11. Umnova I.A. Constitutional law in development: dialectics of the general and private.- Moscow – Germany, Lambert Publishing House, 2015.
12. Umnova (Konokhova) I.A. Problems of the formation of constitutionalism in modern Russia // Constitutional and legal reform in the Russian Federation: Collection of articles / Ed. Yu.S. Pivovarov. M., 2000.
13. Alder J. Constitutional and administrative law. – 6th ed. – N.Y., 2007.
14. Barnett H. Constitutional and administrative law. – 7th ed. – L., 2009.
15. Daniel Halberstam Local, global and plural constitutionalism: Europe meets the world. // The worlds of European constitutionalism / [edited by] Gráinne de Búrca, J. H. H. Weiler. Cambridge University Press, 2012.
16. Galligan D.J. The Paradox of Constitutionalism or the Potential of Constitutional Theory? // Oxford Journal of Legal Studies, Vol. 28, No. 2 (2008).
17. Kraynak R.P. Tocqueville's constitutionalism. // American political science review. – Washington, 1987. Vol. 81, N 4.
18. Ulrich K. Preuss Disconnecting Constitutions from Statehood. Is Global Constitutionalism a Viable Concept? // The Twilight of Constitutionalism / Ed. Petra Dobner and Martin Loughlin. Oxford University Press, 2010.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_110

УДК 336.2

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА: ИЗМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ Tax policy: changes and trends in modern development

ШАТСКАЯ Ирина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

SHATSKAYA Irina Ivanovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Legal provision of public administration and economy, University of Transport (MIIT).
127994, Russia, Moscow, st. Obraztsova, d. 9, building 9 Russian.
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проанализированы изменения налоговой политики, их масштабы и влияние на предпринимательскую деятельность участников рынка. Особое внимание уделено оценке ключевых направлений налоговой политики и тенденциям современного развития. Сделан вывод: реализация сформированных мер налоговой политики позволит обеспечить стабильность налоговых условий для развития бизнеса, смягчить налогоплательщикам административную нагрузку и повысить собираемость налогов.

Abstract. The article is devoted to aspects of the transformation of legislative regulation of the tax system, the scale of its changes and the impact on the entrepreneurial activities of market participants. The article analyzes the main directions of tax policy at the present stage and the planning period, including both current changes and promising directions, the implementation of which will ensure the stability of tax conditions for business development, mitigate the administrative burden for taxpayers and increase tax collection.

Ключевые слова: налоговая политика, налоговая система, законодательство, налогообложение, налогоплательщики.

Keywords: legislative regulation, accounting, vehicles, transport companies, transport costs.

Для цитирования: Шатская И.И. Налоговая политика: изменения и тенденции современного развития // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 110-113. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_110.

For citation: Shatskaya I.I. Tax policy: changes and trends in modern development // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 110-113. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_110.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2024

Налоговая политика является одним из ключевых инструментов государства в получении доходов, необходимых для финансирования государственного бюджета и одним из главных инструментов проведения эффективной экономической политики государства. С помощью налоговой политики Министерство финансов России определяет цели и реализует основные задачи. В ряду ключевых задач налоговой политики – создание условий для добровольной и своевременной уплаты налогов, сбалансированность федерального и регионального бюджета, вывод бизнеса из теневого сектора экономики, улучшение системы налоговых льгот для отдельных отраслей; расширение системы налогового мониторинга, совершенствование валютного контроля.

В современных реалиях времени с учетом различных факторов и изменений Министерством финансов на трехлетний период определена налоговая политика, направленная на совершенствование действующего законодательства и ориентированная на повышение эффективности стимулирующей функции налоговой системы; улучшении качества администрирования с сопутствующим облегчением административной нагрузки для налогоплательщиков и повышением собираемости налогов[2].

Однако необходимо акцентировать внимание, что на реализацию поставленных целей и заложенных направлений оказали влияние уже действующие изменения в системе налогообложения, которые внесены в Налоговый Кодекс РФ и в свою очередь способствовали созданию справедливых условий для конкуренции и роста собираемости налогов, в числе которых:

- введение нового переходного режима для организаций на упрощенной системе налогообложения (УСН), положительно отразившееся на налогоплательщиках;
- отмена одного из специальных налоговых режимов – единого налога на вмененный доход (ЕНВД), который характеризовался отсутствием контроля за реальными доходами по отдельным видам предпринимательской деятельности и не возможностью расчета документально подтвержденной налогооблагаемой базы[1];
- расширение применения патентной системы налогообложения (ПСН) с 64 видов предпринимательской деятельности до 80 видов с рядом преимуществ, что способствовало увеличению количества налогоплательщиков применяющих ПСН;
- запуск нового налогового режима УСН онлайн для предприятий с численностью сотрудников до 5 человек, который направлен на снижение затрат микропредприятий, индивидуальных предпринимателей с учетом упрощения и отмены отчетности, через автоматический расчет налогов;
- введение института «единого налогового платежа», что также способствовало упрощению механизма исполнения обязанности, как предприятий, так и индивидуальных предпринимателей по уплате налогов и равномерному их зачислению в бюджет и бюджеты субъектов РФ в

новом трехлетнем периоде[3];

– запуск и развитие национальной системы прослеживаемости товаров, обеспечивающей контроль за оборотом товаров на всех этапах от ввоза до реализации в рознице с определенным составом товаров, подлежащих прослеживаемости;

– определение норм, регулирующих порядок налогообложения цифровых активов. Применение ставок в обороте цифровых активов позволило «запустить» нормативно урегулированный процесс их оборота и сформировать базу бухгалтерского учёта и налогового контроля цифровых активов; определение норм, регулирующих порядок налогообложения цифровых активов[1].

Кроме того, в рамках реализации налоговой политики созданы условия, позволяющие своевременно уплачивать налоги: отменены налоговые декларации по транспортному и земельному налогу; введен беззаявительный порядок предоставления налоговых льгот по всем имущественным налогам, отменена налоговая декларация для налогоплательщиков режима УСН «доходы», использующих ККТ; расширено применение электронного документооборота в налоговой сфере.

В ряду направлений налоговой политики разработаны меры по установлению дополнительных преференций для компаний, осуществляющих деятельность в области информационных технологий: во-первых, появилась возможность применять инвестиционный налоговый вычет в отношении отдельных видов расходов, а во-вторых, применять повышающий коэффициент к норме амортизации в отношении отдельных видов амортизируемого имущества. Кроме того предусмотрено право дотационным регионам на инвестиционный вычет при реализации проектов, направленных на укрепление технологического суверенитета РФ с обеспечением предоставления им льготного долгосрочного кредитования[2].

Особое внимание уделено развитию системы налоговых льгот и привилегий для отдельных отраслей экономики. Созданы специальные налоговые режимы и стимулы для отраслей, имеющих особую экономическую значимость или потенциал для развития. Так в действии района Курильских островов введен преференциальный налоговый режим свободной таможенной зоны, при котором отечественные и иностранные инвесторы освобождены от уплаты налога на прибыль организаций, налога на имущество организаций, земельного налога и транспортного налога. Кроме того совокупный размер страховых взносов для таких инвесторов определен в размере 7,6 процентов, вместо 30 процентов.

Планируется реализация мер по дальнейшему совершенствованию налогового регулирования преференциальных налоговых режимов, которые будут направлены на стимулирование участников преференциальных налоговых режимов в увеличении фактических объемов капитальных вложений или НИОКР, с учетом выполнения «контролируемых показателей», при этом меры налоговой поддержки будут предоставляться только в увязке с инвестиционной активностью [2].

Также определены системные изменения в налогообложении ресурсной ренты в отраслях горно-металлургического комплекса. Результат – модернизация принципов налогообложения с привязкой ставок НДС к уровню мировых цен на соответствующие сырьевые товары.

Среди направлений налоговой политики – усиление борьбы с налоговыми нарушениями и уклонением от уплаты налогов, которых возможно добиться через повышение эффективности работы налоговых органов, использование современных технологий для обнаружения налоговых преступлений, применения жестких мер ответственности за нарушение налогового законодательства. Работа в этом направлении продолжается, о чем свидетельствуют определенные Минфином РФ меры: расширение возможностей для проведения налоговыми органами зачёта независимо от вида налогов или сборов; отработка механизма возврата неналоговых платежей; отработка механизма уточнения невосстановленных платежей; построения алгоритма уплаты госпошлины и её возврата; системная работа с дебиторской задолженностью. Расширены границы взаимодействия налоговых органов и кредитных организаций. Налоговым органам предоставлено право запрашивать у кредитных организаций копии документов в рамках налогового контроля[4].

Большое внимание Минфином отведено усовершенствованию системы налогового мониторинга, который создает явные предпосылки к снижению налоговых рисков как непосредственно компаний, перешедшей на этот режим, так и ее контрагентов. В планах ведомства сделать налоговый мониторинг доступным более широкому кругу налогоплательщиков за счет дальнейшего снижения лимитов по уплаченным налогам, доходам и активам и довести пороговые требования в части суммы уплаченных налогов до 80 млн. руб. вместо 100 млн. руб., полученных доходов до 800 млн. руб. вместо 1 млрд. руб.

В ряду направлений налоговой политики – совершенствование валютного контроля. Так отменено требование о репатриации на счета в уполномоченных банках валютной выручки за несырьевые неэнергетические товары, в том числе услуги или результаты интеллектуальной деятельности, поэтапно отменяется требование возврата рублевой выручки для ряда сырьевых товаров, что позволило снизить административную нагрузку и повысить конкурентоспособность национальных товаров за пределами рынка страны[1].

Немаловажная роль отведена совершенствованию налогового администрирования в части гармонизации налогового законодательства, регламентирующего право налоговых органов блокировать и списывать средства со специальных счетов, имеющих законодательно установленное целевое предназначение и применение обеспечительных мер в отношении таких счетов.

В ряду перспективных направлений налоговой политики: дальнейшее совершенствование механизма единого налогового платежа и единого налогового счета; снижение нагрузки на малый и средний бизнес, уточнение механизма применения налога на профессиональный доход; расширение сфер применения налоговых льгот по НДС, применение пониженных ставок по налогу на прибыль, формирование единого информационного пространства администрирования[2].

В части совершенствования механизма единого налогового платежа и единого налогового счета Минфин России планирует и далее улучшать ЕНС с помощью доработки механизма Единого налогового счета (ЕНС), что позволит отрегулировать порядок поступления доходов в региональные бюджеты и будет способствовать стабильности прихода платежей в течение каждого месяца. Также планируется устранить не-

определенность в части порядка возмещения ущерба от неуплаты налогов, которые идут в государственную казну, для освобождения налогоплательщиков от уголовной ответственности. Кроме того регионам представится возможность сохранить возникшую переплату по налогам до завершения проведения камеральной проверки деклараций или подачи заявления на возврат переплаты налога[4].

Среди мер по совершенствованию института единого налогового счета – предоставление права наследникам распоряжаться положительным сальдо счета умершего налогоплательщика.

В части снижения нагрузки на малый и средний бизнес Минфин разработал уточненный порядок учета в составе расходов стоимости товаров, приобретенных и оплаченных в течении последних трех лет работы на УСН или ЕСХН, но реализованных после перехода со специального режима на общую систему налогообложения. Кроме того предлагается ввести особые условия налогообложения для налогоплательщиков, которые утратили право на применение специальных налоговых режимов из за превышения лимитов по доходам и численности, а также увеличить лимит остаточной стоимости основных средств со 150 мил. руб. до 200 млн. руб. при применении УСН.

При использовании патентной системы налогообложения планируется ввести подачу уточненного заявления на получение патента при изменении количества физических показателей в целях перерасчета суммы налога, при этом ранее предусматривалось получение нового патента.

В рамках специального налогового режима Автоматизированная упрощенная система налогообложения планируется разрешить применять режим лицам, которые получают доходы от предпринимательской посреднической деятельности.

Для индивидуальных предпринимателей предложено уточнить порядок и сроки направления подтверждения для освобождения от фиксированных взносов за периоды, в которых деятельность не велась, а также уточнить правила расчета дохода для целей уплаты взносов индивидуальными предпринимателями и другими лицами частной практики, которые работают на НДФЛ.

В рамках налога на профессиональный доход (НПД) планируется предоставить самозанятым возможность самостоятельно определять дату постановки и снятия с учета и предусмотреть освобождение от штрафа налогоплательщика налога на профессиональный доход, если он самостоятельно выявил и устранил нарушение порядка и (или) сроков передачи сведений о произведенных расчетах или непредставления таких сведений в налоговые органы.

Важным направлением налоговой политики остается улучшение налогового администрирования, включающее совершенствование в системе налогового контроля. В перечень мероприятий, определенных Минфином, включены мероприятия, способствующие упрощению процедуры уплаты налогов и отчетности, улучшению взаимодействия налоговых органов с бизнесом, снижение возможности для коррупции, в частности предлагается представлять единую упрощенную декларацию (нулевую) один раз в год вместо ежеквартального представления. Также предлагается установить шестидневный срок, по истечении которого документ, направленный налоговым органом налогоплательщику в электронной форме через оператора ЭДО начнет считаться полученным налогоплательщиком, ранее это правило распространялось только на документы, отправленные по почте.

Среди мер налогового администрирования: включение сведений о необлагаемых доходах в справку о доходах физических лиц; дополнительные мероприятия налогового контроля, предполагающие добавить выемку документов, которые используются на этапе рассмотрения материалов налоговой проверки, продолжение работы по изменению соглашений об избежании двойного налогообложения через «транзитные юрисдикции» в целях борьбы с уклонением от уплаты налогов.

Среди направлений налоговой политики – решение актуальных вопросов в налоговой сфере, в частности, касающиеся следующих налогов: налога на доходы физических лиц (НДФЛ); налога на добавленную стоимость (НДС); налога на прибыль организаций; налога на имущество и страховых взносов.

В части налога на доходы физических лиц (НДФЛ) предусмотрено больше всего планов, затрагивающих как физических, так и юридических лиц. Минфин предлагает семьи с детьми при продаже жилого имущества, которым они владеют менее одного года освободить от уплаты НДФЛ, с условием, что имущество продается для покупки нового или строительства жилого дома с целью улучшения жилищных условий. Кроме того для целей предоставления стандартного налогового вычета на детей учитывать только доходы, относящиеся к основной налоговой базе налогоплательщика.

Для индивидуальных предпринимателей появится возможность уменьшения доходов от продажи жилых помещений и автомобилей, которые использовались в предпринимательской деятельности, на сумму фактически произведенных и документально подтвержденных расходов на приобретение такого имущества.

Налоговым агентам предоставят право уменьшать доход, полученный налогоплательщиком при продаже доли участия в уставном капитале общества, при выходе из общества, а также при получении имущества и имущественных прав при ликвидации организации на сумму расходов налогоплательщика на приобретение этих имущественных прав. Кроме того при исчислении налоговым агентом НДФЛ в расчет совокупности налоговых баз для целей применения налоговой ставки не включать налоговую базу по дивидендам.

В рамках налога на добавленную стоимость (НДС) планируется уточнить порядок расчета суммы НДС, подлежащей восстановлению по объектам недвижимости, операции, по реализации которых не облагаются налогом, с целью устранения неопределенности расчета подлежащего восстановлению налога. Кроме того, предусмотрена обязанность платить ввозной НДС посредников, которые участвуют при продаже товаров продавцами из ЕАЭС российским физическим лицам. Такая мера поможет предотвратить создание схем по уклонению от уплаты НДС.

В рамках налога на прибыль предусмотрено упрощение применения нулевой ставки по налогу на прибыль, при реализации акций об-

рашающихся на рынке ценных бумаг путем исключения условия о составе активов эмитента в размере не более 50 % недвижимого имущества.

В рамках налога на имущество организаций планируется уточнение понятия объекта бытового обслуживания как объекта недвижимости, используемого для оказания бытовых услуг физическим и юридическим лицам, в связи со сложившейся в настоящее время неоднозначной правоприменительной практикой.

В сфере обложения страховыми взносами Минфин планирует изменения, которые отразятся на документообороте между работодателями и представителями налоговой службы, в частности уточнен порядок, формы и сроки направления в налоговую инспекцию информации, подтверждающей право на освобождение от уплаты страховых взносов в совокупном фиксированном размере за периоды, в которых деятельность не велась. Также планируется уточнение порядка определения размера дохода индивидуальными предпринимателями, адвокатами, нотариусами и иными лицами, занимающимися частной практикой, на общей системе налогообложения[2].

Итак, изменения и меры, определенные налоговой политикой направлены на создание условий для устойчивого экономического роста, повышения конкурентоспособности российской экономики, инвестиционной привлекательности страны. Реализация основных направлений налоговой политики даст импульс стабильному развитию страны, повышению благосостояния граждан и будет способствовать положительным изменениям в предпринимательской сфере общества.

Библиография:

1. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/>.
2. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов" (утв. Минфином России) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458280/.
3. Шатская И.И. Нормативно-правовая основа введения единого налогового платежа. В сборнике: Публично-правовые проблемы транспортного права. Материалы Пятого международного транспортно-правового форума. Москва, 2023.
4. Официальный сайт Минфин России. <https://minfin.gov.ru>.

References:

1. Main directions of budget, tax and customs tariff policies for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024 <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/>.
2. Main directions of budget, tax and customs tariff policy for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026" (approved by the Ministry of Finance of Russia) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458280/.
3. Shatskaya I.I. Regulatory and legal basis for the introduction of a single tax payment. In the collection: Public legal problems of transport law. Materials of the Fifth International Transport Legal Forum. Moscow, 2023.
4. Official website of the Ministry of Finance of Russia. <https://minfin.gov.ru>.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ЭКОТУРИЗМА APPROACHES TO THE DEFINITION OF ECOTOURISM

ЖМУРОВА Светлана Сергеевна,

старший преподаватель Высшей школы бизнеса, менеджмента и права (на правах института) ФГБОУ ВО «Российского государственного университета туризма и сервиса». 141221, Россия, Московская обл., Городской округ Пушкинский, дп. Черкизово, ул. Главная, 99. старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий». 107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49. E-mail: 5100710west@inbox.ru;

МАГОМЕДОВ Фирдоуси Билямудинович,

кандидат юридических наук, доцент, Высшей школы бизнеса, менеджмента и права (на правах института) ФГБОУ ВО «Российского государственного университета туризма и сервиса». 141221, Россия, Московская обл., Городской округ Пушкинский, дп. Черкизово, ул. Главная, 99. E-mail: Firdousi-m@yandex.ru;

ЛУКЕРИНА Ольга Михайловна,

старший преподаватель Высшей школы бизнеса, менеджмента и права (на правах института) ФГБОУ ВО «Российского государственного университета туризма и сервиса». 141221, Московская обл., Городской округ Пушкинский, дп. Черкизово, ул. Главная, 99. E-mail: lukerina@mail.ru;

ZHMUROVA Svetlana Sergeevna,

Senior Lecturer Higher School of Business, Management and Law (as an institute) Russian State University of Tourism and Service. 141221, Moscow region, Pushkinsky City District, Cherkizovo village, Main Street, 99. Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure FGBOU IVO «Russian State University of Social Technologies». Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia. E-mail: 5100710west@inbox.ru;

MAGOMEDOV Firdousi Bilyamudinovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Higher School of Business, Management and Law (as an institute) of the Russian State University of Tourism and Service. 141221, Moscow region, Pushkinsky City District, Cherkizovo village, Main Street, 99. E-mail: Firdousi-m@yandex.ru;

LUKERINA Olga Mikhailovna,

Senior Lecturer Higher School of Business, Management and Law (as an institute) Russian State University of Tourism and Service. 141221, Moscow region, Pushkinsky City District, Cherkizovo village, Main Street, 99. E-mail: lukerina@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «экотуризм». Анализируются сходства и различия между толкованием терминов «эковолонтерство», «фермерский», «деревенский», «дачный» и других видов «зеленого» туризма. Существует огромное количество исследований по данной тематике, тем не менее, нет универсального определения понятия «экологический туризм». В результате исследования сделан обоснованный вывод, в соответствии с которым понятие «экотуризм» включает в себя достаточно широкий диапазон определений и понятий, связанных единой концепцией.

Abstract: The article discusses various approaches to the definition of the concept of "ecotourism". The similarities and differences between the interpretation of the terms "eco-volunteering", "farming", "village", "cottage" and other types of "green" tourism are analyzed. There is a huge amount of research on this topic, and yet there is no universal definition of the concept of "ecotourism". As a result of the study, a reasonable conclusion was made, according to which the concept of "ecotourism" includes a fairly wide range of definitions and concepts related to a single concept.

Ключевые слова: туризм, экотуризм, сельский, дачный, эковолонтерство, зеленый туризм.

Keywords: tourism, ecotourism, rural, suburban, eco-volunteering, green tourism.

Для цитирования: Жмурова С.С., Магомедов Ф.Б., Лукерина О.М. Подходы к определению понятия экотуризма // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 114-117. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_114.

For citation: Zhmurova S.S., Magomedov F.B., Lukerina O.M. Approaches to the definition of ecotourism // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 114-117. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_114.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2024

Современный мир невозможно представить без туризма. Однако в последнее время данная отрасль сталкивается с большими сложностями. Сначала в 2020 году, случилась глобальная пандемия коронавируса, которая нанесла урон по всем отраслям экономики, и туристский рынок пострадал сильнее всего. Кризис международного туризма привел к резкому снижению доходов туроператоров и турагентов, неудача постигла авиаперевозчиков, предпринимателей сферы гостеприимства, а также других смежных бизнесов [4].

Неприятности затронули и российский рынок. Многие предприниматели были вынуждены закрыть бизнес или даже обанкротиться. Тем не менее, когда эпидемия затихла, сфера путешествий постепенно начала восстанавливаться. По прогнозам Всемирной туристской организации, (UNWTO) к 2022 году отрасль должна была восстановиться на 70% допандемийного уровня. Оценивая важность туристского рынка для экономики, Российская Федерация вводила целый ряд мероприятий поддержки для ее скорейшего восстановления. Помощь выражалась в: субсидиях туроператорам; доступе фонда персональной ответственности туроператора; снижении взноса туроператоров в 2020 году в резервный фонд до 1 руб.; выдача

кредитов на выдачу заработных плат с нулевым процентом; приостановка взыскания налоговой задолженности; мораторий на банкротство; и др.

Несмотря на значительное содействие со стороны государства, постепенное открытие границ, спад заболеваемости ситуация оставалась трудной, и сфера туризма оживалась достаточно медленно.

Не успев оправиться от последствий пандемии, она подверглась новому испытанию. С началом СВО в 2022 году, против нашей страны было введено не поддающееся никакому сравнению количество санкций. Санкции вводились и до этого (2014 г.), но они практически не влияли на возможность наших соотечественников выезжать за пределы России и посещать другие страны, так как были направлены против физических и юридических лиц, которые по мнению запада, «присвоили властные полномочия в Крымском регионе без разрешения правительства Украины» [5]. На сегодняшний день, в отношении Российской Федерации введено почти 19 тысяч санкций (12 пакетов). Уже первые вводимые ограничения были направлены на банковские и крупные финансовые организации. Помимо этого, было закрыто воздушное пространство, возникли сложности с лизингом воздушных судов, курс валют повысился. Совокупность этих факторов сделала международный туризм практически недоступным для российских граждан. Еще одним немаловажным обстоятельством, влияющим на нежелание россиян посещать зарубежные страны, является неприязненное отношение ко всему русскому, так называемая русофобия.

Тем не менее, возможность путешествовать для современного человека, это скорее необходимость. До ухода с российского рынка, компания Booking.com (одна из лидирующих организаций на рынке того времени), провела опрос более 17 000 человек из 17 стран и опубликовала исследование: «Путешествия приносят больше счастливых эмоций, чем день собственной свадьбы (49%), свидание с любимым человеком (51%), новая работа (50%), помолвка (45%) и даже рождение ребенка (29%). Кроме того, 77% опрошенных сообщили, что бронируют отпуск именно тогда, когда им нужен заряд позитивной энергии.» [9]. При проведении анкетирования, более 70% людей признались, что путешествия делают их счастливее, чем что-либо другое. Следует отметить, что улучшение настроения обнаруживается у них уже в момент планирования отдыха, бронирования гостиницы. Поэтому не удивительно, что туристский рынок начал активно разворачиваться в сторону внутреннего туризма. Туроператоры стали предлагать больше вариантов отдыха внутри страны, разрабатывать новые маршруты, а граждане больше интересоваться этими предложениями.

Современный турист сильно отличается от «советского» туриста. Это человек, который уже имеет определённый опыт путешествий и имеет возможность сравнивать сервис, условия размещения, комфорт, наличие инфраструктуры и т.д. Он хочет и готов попробовать что-то новое. Именно поэтому, внутренний туризм динамично развивается и постоянно видоизменяется.

Среди новых направлений: саббатикал - длительный творческий отпуск. Это как правило несколько месяцев, которые человек посвящает либо научной, либо творческой работе; эдьютейнмент - совмещение обучения и отдыха; медицинский туризм - путешествие, с целью получения медицинских и косметических услуг; инклюзивный туризм - путешествия людей с ОВЗ; экотуризм - путешествия, направленные на максимальное сближение с природой; и др.

В исследовании мы рассмотрим вид туризма, направленный на взаимодействие с окружающей средой и погружение в нее, так называемый - экологический или «зеленый туризм».

Исходя из вышесказанного вытекает, что экотуризм сводится к тому, что индивид хочет отвлечься от суматохи мегаполиса и как можно больше соприкоснуться с природой. При этом, этот вид туризма способствует развитию природных территорий, бережному к ним отношению, сохранению их в первозданном виде. Крег Линдберг (Lindberg et al., 1998) предлагает использовать более простое и общее концептуальное определение: «экотуризм - это устойчивый и природно-ориентированный туризм и рекреация» [6].

Туризм - важная составляющая экономики. Его развитие положительно влияет на социально-культурную составляющую общества. Экотуризм подразумевает еще и экологическую составляющую.

К принципам экологического туризма можно отнести такие, как: путешествия, нацеленные на соединение с окружающей средой; сведение к минимуму негативных последствий экологического и социально-культурного характера, поддержание экологической устойчивости среды; содействие охране природы и местной социокультурной среде; повышение экокультуры и экологического образования; развитие инфраструктуры, создание новых рабочих мест, а значит создание экономических предпосылок, для того, чтобы местные жители активно участвовали в сохранении среды их обитания в первозданном виде; развитие регионов, в которых отсутствует промышленность.

Помимо принципов, огромное значение для определения понятия того или иного предмета имеет набор признаков, которым он обладает. К признакам экотуризма относятся то, что: это путешествие, во время которого турист изучает окружающую среду. Природа - главная цель; финансы, полученные от этого вида туризма, в том числе направляются на защиту и восстановление окружающей среды; экотуристы лично участвуют в мероприятиях, направленных на сохранение и защиту природы;

Возникает вопрос, а только ли понятие экотуризм подпадает по эти признаки? На наш взгляд можно назвать еще как минимум несколько видов подобного «Зеленого туризма», разделив их минимум на три разновидности: тот, который позволяет человеку получать новые знания и компетенции, расширять кругозор, то есть обучаться, приближаясь к природе; тот, который помогает человеку восстановиться, отдохнуть, значительно поправить здоровье. Может быть даже по рекомендации врача; тот, который помогает человеку реализовать себя путем участия в различных экопроектах. Примером может послужить деятельность эковолонтеров, которые помогают природе: убирают пляжи, сажают деревья и т.п.

Среди определений, которые подпадают под перечисленные признаки можно отнести:

Сельский туризм – разновидность туризма при которой отдыхающий временно проживает вблизи природы, а именно в сельской местности, ведёт сельский образ жизни, придерживается установленных традиций и обычаев, а также участвует в ведении сельских работ. То есть помимо отдыха на лоне природы, городской житель может поучаствовать в сборе урожая, его посадке или уходу за ним. По мнению многих спе-

циалистов понятие агротуризм и сельский туризм - синонимы. Однако некоторые считают, что эти понятия разные. Так, к примеру, считается, что сельский туризм — это когда путешественник погружается в деревенскую жизнь, возможно работает в поле или ухаживает за животными, тогда как агротуризм подразумевает непосредственное посещение агропроизводства. В 2021 году были внесены изменения в ФЗ «О туристской деятельности» от 24.11.1996 № 132-ФЗ, одни из которых касаются как раз этого вида туризма. Так говорится, что «сельский туризм - туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до тридцати тысяч человек, в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни, ознакомления с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью предоставления услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг» [1]. Из данного определения следует, что и отдых в сельской местности, и ознакомление с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей, и участие в сельских работах, относится к понятию «сельский туризм». И при этом нет поясняющей или уточняющей пометки, или ремарки, указывающей, что «сельский» туризм и «агротуризм» - это одно и тоже понятие.

В нашей стране широкое распространение сельский туризм получил после принятия Советом Министров СССР, в феврале 1949 года постановления «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих». Сформировалась целая культура, того времени: выезжать за город, чтобы пообщаться с друзьями на свежем воздухе. И если сначала это была скорее привилегия элиты, то со временем дачи начали выдавать и простым гражданам. В 70-х годах, наличие дачи, наряду с квартирой и машиной указывали на финансовую благополучие собственника. В 90-х годах, для многих дача стала средством выживания в трудных экономических условиях. До настоящего времени многие наши соотечественники открывают дачный сезон в мае и возвращаются в город только с наступлением холодов. Таким образом исходя из определения, данного в законодательстве, можно вывести еще один термин, относящийся к понятию «зеленый» туризм, а именно - «дачный туризм». Дачный туризм - это временные выезды граждан с постоянного места жительства (города) в место временного пребывания (дачу) с целями, не связанными с получением дохода, но направленные на сближение с окружающей средой, отдыхом на природе, а часто и выращиванием, и сбором урожая. Отличие «дачного туризма» от «сельского» заключается в том, что дача, это как правило летний, не всегда отапливаемый домик, часто легкая постройка, в дачном или садоводческом поселке. Во время пребывания на даче, отдыхающие находятся среди таких же городских жителей, приехавших на отдых только на ограниченный отпуск (каникулами) отрезок времени. На даче как правило не разводят сельскохозяйственных животных и птиц и часто ничего не выращивают, предпочитая ухоженный газон. Это сезонный отдых. В деревне основное количество жителей проживают постоянно, а городские приезжают в гости. Местные, почти все выращивают овощи, сажают фруктовые деревья, разводят животных независимо от сезона. Таким образом можно сформулировать еще два отличных друг от друга понятия, все еще подпадающих по определению «экотуризм». А именно: «дачный туризм» и «деревенский туризм». Хотя «деревенский туризм» скорее тождественен понятию «сельский туризм».

Основными видами деятельности крестьянско-фермерские хозяйств являются: производство и переработка сельскохозяйственной продукции; транспортировка с/х продукции собственного производства; хранение с/х продукции собственного производства; реализация с/х продукции собственного производства.

В условиях современной конкуренции и с целью увеличения прибыли многие из них, помимо основной деятельности предлагают дополнительные услуги - проживание в гостевых домах на своей территории, проводят экскурсии на своем производстве, знакомят с домашними животными, показывают процесс производства продуктов. Согласно ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003 № 74-ФЗ, крестьянско-фермерское хозяйство (далее - КФХ) - это объединение родственников, у которых общее имущество, и они вместе осуществляют производственную и иную хозяйственную деятельность. То есть это не дачный поселок и не деревня, тем не менее люди, отдыхающие там, также подпадают по определению «экотуристов». Так как проживание в таких средствах размещения происходит на платной основе, чаще всего туристы проводят на ферме не продолжительное время, в отличии от дачи или отдыха в деревне, к примеру - выходные. Исходя из вышесказанного, можно вывести еще одно понятие – «фермерский туризм».

В отдельную группу следует вынести туризм «охотничий». Причем здесь стоит рассмотреть несколько видов. Первый это туризм в целях охоты, предполагающий специальные разрешения, средства охоты, ограниченные места. Этот вид также предполагает временные выезды (путешествия) на участки охотничьих угодий в целях охоты. Второй вид туризма - «рыболовный», который популярен не только среди любителей рыбной ловли, но и среди тех, кто любит провести время вблизи водоемов, полюбоваться красивыми пейзажами. «Рыболовный туризм» имеет свою классификацию, начиная от самостоятельной рыбалки и заканчивая платной, на специально отведенных территориях, включая лицензированную рыбалку с отловом ценных пород рыбы. В осенний период достаточно популярен туризм - «грибной». Этот вид туризма часто называют «тихой охотой», так как он, с точки зрения туристов, не менее азартен, чем охота на животных. Во время сбора грибов, человек не только собирает деликатесный продукт, но и созерцает природу, наслаждается звуками леса, пением птиц, дышит чистым воздухом. Это практически национальный вид спорта в России.

Набирает популярность «ягодный туризм». Причем сбором ягод занимаются, как самостоятельно, в дикой местности, так и организованно, на ягодных фермах. Все эти виды туризма, в соответствии с указанными выше признаками, относятся к понятию «экотуризм», потому что в первую очередь направлены на сближение с окружающей средой, на полное в нее погружение.

Особого внимания на наш взгляд заслуживает относительно новое направление в экологическом туризме - эковолонтерство. То, что это один из видов экотуризма, не вызывает сомнений, так как присутствуют все характерные признаки. Здесь наличествуют и временные вылазки с постоянного места жительства, и сближение с природой, и отсутствие финансовой выгоды. Уже сам термин волонтерство, предполагает некую деятельность на благо общества. Приставка «эко», определяет ее направленность на природную среду. Развитие этого вида туризма только набирает обороты. Это связано с тем, что проблема состояния экологии стала волновать наше общество не так уж давно, где-то с начала 90-х гг.

До этого, природа рассматривалась скорее, с точки зрения потребления, никто не задумывался о ее состоянии, о том, сколько человек изымает для себя ресурсов, часто имеющих невосполнимый характер, сколько оставляет после себя мусора, в том числе не перерабатываемого. Развитие в обществе понимания необходимости охраны природной среды, повышение уровня эковоспитания, экокультуры, экосознания, повлекло за собой появления таких людей, которые хотят добровольно отдавать свое время, силы и деньги в решение экологических проблем. Во время волонтерства, активисты не только помогают естественной экосистеме, но и делятся опытом, получают новые знания, обретают новые знакомства. Список задач, реализуемых этим сообществом очень широкий. Начиная с простых, таких как уборка территорий от мусора (пляж, лес, экотропы и т.п.), обустройство стоянок для путешественников, также они помогают ухаживать за животными, сажают деревья и др.

Важно отметить, что государство всесторонне поддерживает такой добровольный труд. Принят базовый закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» №135-ФЗ, а с 01 января 2024 года вступил в силу закон о дополнительной поддержке волонтерской деятельности. Правительство Российской Федерации, еще в 2018 году, приняло «Концепцию развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года». На региональном уровне в большинстве субъектов назначены ответственные лица, курирующие вопросы волонтерства (это заместители губернаторов, заместители председателей региональных правительств) и созданы межведомственные советы по вопросам добровольчества. Существует «Ассоциация волонтерских центров», которая на сегодняшний день включает в себя 169 волонтерских организаций и 11 федеральных организаций в сфере добровольчества.

Как одну из разновидностей «экотуризма» следует рассматривать «этнотуризм». Несмотря на то, что данный вид туризма скорее находится на стыке таких направлений, как экологический и культурно-познавательный, нельзя не отметить то, что туристы при совершении таких путешествий в первую очередь посещают регион, среду обитания коренного населения, погружаются в их естественную экосистему. А значит и этнотуризм, в какой-то мере также относится к понятию - «зеленый туризм».

Помимо этнотуризма смежными с экологическим можно назвать еще и другие виды. Так, к примеру некоторые виды спортивного или даже экстремального туризма, можно отнести к разновидности зеленого туризма. Велотуризм, конный туризм или рафтинг соответствуют совокупности всех отличительных признаков понятия - экотуризм.

Одним из современных терминов, является - экотерапия. Вне всякого сомнения, человек представляет собой часть природы. Природный мир, это не только красивые пейзажи, чистый воздух, это еще и источник позитивных эмоций, а значит и исцеления. Погружение в естественную экологическую среду, позволяет наполниться энергией, привести в порядок эмоции, обрести внутренний покой. Еще в 2019 году были опубликованы результаты исследования, проведенные Мичиганским университетом, которые доказывали, что всего лишь 20 минут на природе, заметно снижали уровень кортизола (гормона стресса) и повышали уровень эндорфина (гормона счастья) [8]. Не удивительно, что многие предпочитают для отдыха выбирать места с красивыми видами, в экологически чистом месте. Хотя термин экотерапия достаточно новый, сам по себе это вид туризма известен с давних времен и пришел к нам с Востока (Япония, Китай). К настоящему времени существует множество форм такого туризма. Это, к примеру, купание в термальных источниках, анималотерапия (лечение, через общение с животными, активно применяется при реабилитации), медитация на природе, йога и др.

В результате проведенного исследования можно прийти к выводу, что экотуризм - многогранное явление. Видов туризма, подпадающих под совокупность признаков «экотуризм» большое количество. Разграничение дефиниций данного направления, позволяет выделить различные подвиды экотуризма. Более четкая дифференциация позволит вернее определить потенциал природных территорий, расставить приоритеты, выделить средства развития их развития и на подготовку квалифицированного персонала.

Библиография:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и статью 7 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» от 02.07.2021 № 318-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть I), ст. 5146.
2. Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003 N 74-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 июня 2003 г. № 24. ст. 2249.
3. Киреева Ю.А. Виды туризма. – М.: ООО «Директ-Медиа», 2022. – 324 с.
4. Соломина И.Ю. Развитие экологического туризма на территориях региональных систем: опыт Владимирской области / И.Ю. Соломина, В.С. Шудина // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2023. Т. 17, № 1. С. 119-130.
5. История американско-российских и российско-американских санкций [Электронный ресурс]. - URL: <https://ria.ru/20210415/sanktsii-1728420320.html> (дата обращения: 09.02.2024).
6. Что такое экотуризм? Современная концепция экологического туризма [Электронный ресурс]. - URL: <https://ecotours.ru/blog/novosti-zapovednyh-turov1/cto-takoe-ekoturizm-sovremennaya-konceptsiya-ekologicheskogo-turizma> (дата обращения: 10.02.2024).
7. Постановление Совмина СССР от 24.02.1949 № 807 «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих» // Распоряжение Совмина СССР от 19.02.1965 № 289-р
8. Urban Nature Experiences Reduce Stress in the Context of Daily Life Based on Salivary Biomarkers [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.00722/full> (дата обращения: 12.02.2024).
9. Исследование показало, что уровень стресса могут снизить 20 минут в день на природе [Электронный ресурс]. - URL: <https://naked-science.ru/article/psy/issledovanie-pokazalo-cto-uroven> (дата обращения: 12.02.2024).

References:

1. Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On the Basics of Tourist Activity in the Russian Federation" and Article 7 of the Federal Law "On the Development of Agriculture" dated 07/02/2021 No. 318-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 5, 2021 No. 27 (Part I), Article 5146.
2. Federal Law "On peasant (farmer) farming" dated 11.06.2003 No. 74-FZ (last edition) // Collection of legislation of the Russian Federation dated June 16, 2003 No. 24. art. 2249.
3. Kireeva Yu.A. Types of tourism. – M.: Direct Media LLC, 2022. – 324 pp.
4. Solomina I.Y. Development of ecological tourism in the territories of regional systems: the experience of the Vladimir region / I.Y. Solomina, V.S. Shudina // Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. 2023. Vol. 17, No. 1. pp. 119-130.
5. The history of American-Russian and Russian-American sanctions [Electronic resource]. - URL: <https://ria.ru/20210415/sanktsii-1728420320.html> (date of application: 02/09/2024).
6. What is ecotourism? The modern concept of ecological tourism [Electronic resource]. - URL: <https://ecotours.ru/blog/novosti-zapovednyh-turov1/cto-takoe-ekoturizm-sovremennaya-konceptsiya-ekologicheskogo-turizma> (date of appeal: 02/10/2024).
7. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated 02/24/1949 No. 807 "On collective and individual gardening and gardening of workers and employees" // Order of the Council of Ministers of the USSR dated 02/19/1965 No. 289-r
8. Urban Nature Experiences Reduce Stress in the Context of Daily Life Based on Salivary Biomarkers [Electronic resource]. - URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.00722/full> (date of reference: 02/12/2024).
9. The study showed that stress levels can be reduced by 20 minutes a day in nature [Electronic resource]. - URL: <https://naked-science.ru/article/psy/issledovanie-pokazalo-cto-uroven> (date of application: 02/12/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_118

УДК 341. 1/8

ВЛИЯНИЕ ТЕРМИНА «ФИНАНСЫ» НА СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ КАТЕГОРИИ ФИНАНСОВОГО ПРАВА The influence of the term “finance” on the system-forming categories of financial law

КРОХИНА Юлия Александровна,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин
Высшей школы государственного аудита (факультет),
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ).

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, корп. 13.

РИНЦ SPIN-код 3526-8230

РИНЦ Author ID 691672

ORCID 0000-0001-9178-758X

Researcher ID AAT-3673-2020

SCOPUS Author ID 57191273560

E-mail: jkrokhina@mail.ru;

Krokhina Yulia Aleksandrovna,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Disciplines
of the Higher School of State Audit (Faculty) of Moscow State University.

Lomonosova, 119991, Moscow, Leninskie Gory 1 bldg. 13.

РИНЦ SPIN-код 3526-8230

РИНЦ Author ID 691672

ORCID 0000-0001-9178-758X

Researcher ID AAT-3673-2020

SCOPUS Author ID 57191273560

E-mail: jkrokhina@mail.ru

Краткая аннотация. В условиях санкционного давления наиболее важная структурная часть российской экономики, финансы, подвергается существенным трансформациям, которые не прекратятся до момента, когда все правовые механизмы будут оплажены полноценно. В текущем моменте финансовая система, а вслед за ней и финансовое право, вступили на качественно новый путь развития. Современные экономические и политические проблемы, необходимость поиска путей обхода незаконных финансовых санкций против Российской Федерации и потребность обновления финансового законодательства выявили недостатки многих теорий зарубежной и отечественной экономики, что стало стимулом к переосмыслению ключевых категорий финансового права, в первую очередь сущности и функций финансов. Исследованы различные концепции сущности финансов, показано влияние данного термина на актуализацию ключевых категорий финансового права.

Abstract. Under the conditions of sanctions pressure, the most important structural part of the Russian economy, finance, is undergoing significant transformations that will not stop until all legal mechanisms are fully adjusted. At the current moment, the financial system, and after it financial law, have entered a qualitatively new path of development. Modern economic and political problems, the need to find ways to circumvent illegal financial sanctions against the Russian Federation and the need to update financial legislation have revealed the shortcomings of many theories of foreign and domestic economics, which has become an incentive to rethink key categories of financial law, primarily the essence and functions of finance. Various concepts of the essence of finance are explored, and the influence of this term on the actualization of key categories of financial law is shown.

Ключевые слова: финансы, функции финансов, финансовая политика, финансовое право, деньги, прибавочный продукт.

Key words: finance, functions of finance, financial policy, financial law, money, surplus product.

Для цитирования: Крохина Ю.А. Влияние термина «финансы» на системообразующие категории финансового права // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 118-121. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_118.

For citation: Krokhina Yu.A. The influence of the term “finance” on the system-forming categories of financial law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 118-121. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_118.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2024

Процесс цифровизации привел к появлению новых субъектов финансового права, объектов финансовых правоотношений, прав и обязанностей. Цифровизация экономики обусловила трансформацию правового статуса многих субъектов финансовых правоотношений.

В финансовой деятельности возникли процессы, которые пока законодательно не закреплены или не урегулированы должным образом.

Внедрение цифровых технологий ведет к изменению традиционного экономического уклада и, как следствие, к трансформации правового регулирования финансовых отношений, фундаментальной основой которых служат господствующие на соответствующем историческом этапе экономические взаимосвязи.

Финансовое право, как ни одна другая отрасль российского права, тесно связано с экономикой. Изменение экономических отношений обуславливает трансформацию финансового права.

Система экономических категорий охватывает всю структуру экономики, включая государство, предприятия и население, и включает в себя не только экономические, но и политические, юридические, идеологические и другие категории. Экономические категории, такие как товар, его стоимость, капитал, прибавочная стоимость, деньги, заработная плата, цена, кредит и финансы, играют существенную роль в функционировании общества и его экономики и требуют правового регулирования.

Финансы представляют собой экономическую категорию, описывающую процессы формирования, накопления, распределения и при-

менения финансовых средств. Будучи урегулированными нормами права, финансы становятся правовой категорией, объектом финансово-правовых и частично гражданско-правовых отношений.

Дебаты относительно природы и роли финансов, необходимости и пределов их законодательного обеспечения¹, продолжают оставаться актуальными, что порождает определенные сложности как в процессе обучения по курсу "Финансовое право" в высших учебных заведениях, а также правотворческой и правоприменительной деятельности.

Публичные финансовые отношения существуют в правовой форме и в силу своей специфики объективно обособляются внутри единой системы российского права, приобретая определенную самостоятельность и устойчивость функционирования. Между тем границы финансового права и особенно границы финансового законодательства весьма подвижны, поскольку зависят от динамики развития финансовой деятельности государства, государственного интереса в регулировании публичных денежных фондов, пределов государственного финансового контроля.

В истории советской экономической мысли были выработаны две ключевые финансовые концепции: распределительная и производственная. К числу создателей распределительной концепции относятся академики В. Дьяченко, Г. Точильников, профессор М. Шерменев, при этом современными приверженцами данного направления являются профессор А. Грязнова, Е. Маркина, Г. Поляк и другие. Производственную концепцию развивали профессор А. Александров, А. Бирман, Э. Вознесенский, а их идеи продолжают развивать профессор М. Романовский, О. Врублевская, Б. Сабанти и другие.

Основываясь на разнообразии подходов, представленных в этих теоретических концепциях, ученые по-разному интерпретируют сущность и функции финансов. Значительные споры вызывает революционный подход С. В. Барулина и Е. В. Барулиной к определению финансов. В своей работе² они высказывают мнение, что классическое понимание финансов как системы отношений, связанных с формированием и использованием фондов денежных средств в контексте рыночной экономики, утрачивает актуальность. Исследователи рассматривают современные процессы резервирования и фондирования средств как стандартные бухгалтерские операции и ставят под сомнение возможность рассматривать государственный бюджет как централизованный фонд. По мнению авторов, бюджет следует воспринимать как централизованный расчетный счет государства, аккумулирующий различные финансовые ресурсы. Однако в конце своей работы они возвращаются к воспроизводственной интерпретации финансов, лишь с некоторыми модификациями, подчеркивая их роль в формировании, распределении и использовании денежных средств.

Представляется, что концепция С.В. Барулина и Е.В. Барулиной не противоречит общепризнанному пониманию финансов, а дополняет их. Рассматривая финансы как категорию финансового права возможно утверждать, что они имеют экономический и материальный аспект, а также выступают объектом правового регулирования. Традиционное понимание финансов как фондов денежных средств отражает экономическую сущность, в то время как трактовка в качестве централизованного расчетного счета государства – материальную.

Из утилитарной точки зрения финансы часто определяются как комплекс разнообразных аспектов перемещения денежных средств, финансовой активности и капитала в контексте их создания и применения. В этом контексте, вне зависимости от ассоциации с московскими или Санкт-Петербургскими научными школами по финансам, в специализированной литературе³ выделяют определенные характеристики финансов, а именно:

- денежную сущность;
- распределительную функцию;
- признание финансов как экономической и исторической категории;
- аккумуляцию в фондах;
- неотъемлемую связь с товарно-денежными отношениями.

В круг вопросов, вызывающих обсуждения, входит дебат о том, следует ли считать характерной особенностью финансов их императивный аспект, подразумевающий государственно-ориентированный характер финансовых взаимоотношений. Как следствие, возникает вопрос о доминанте императивного метода в финансовом праве. Подходы к пониманию «императивности» различаются: некоторые исследователи усматривают в этом активное вмешательство государства в финансовые процессы, в то время как другие полагают, что государственная структура не способна регулировать экономические отношения, лежащие в основе общественного устройства. На наш взгляд, следует поддержать позицию о признании императивности в качестве отличительной черты финансов, что традиционно является взглядом Санкт-Петербургской школы финансов. Государство через такие законодательные акты, как Гражданский кодекс Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, Бюджетный кодекс Российской Федерации и прочие, определяет основные параметры финансовой деятельности: правила формирования и расходования бюджетных средств, установления и взимания налогов, принципы бухгалтерского учета, распределение прибыли государственных предприятий и многое другое.

В контексте изучения финансов как категории финансового права важно осознать, что финансовые отношения имеют денежную

¹ Шарандина Н.Л. Финансовая система: дискуссионные вопросы в российской доктрине финансового права // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). С. 165-168; Илхомова Е., Элчибаева Д. Финансовая система и финансовая политика // Экономика и социум. № 11 (24). 2018. С. 367-369.

² Барулин С. В., Барулина Е.В. К вопросу о сущности финансов: новый взгляд на дискуссионную проблему // Финансы. 2007. № 7. С. 55-58.

³ Огорокова О.А. Паллиативные дилеммы сущности и функций финансов // Естественно-гуманитарные исследования № 38 (6), 2021. С. 265 – 268; Сидельников В. О. Роль цифровых финансовых активов в трансформации глобальной финансовой системы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60).

форму. Однако принимают ее из-за удобства, поскольку деньги - промежуточный этап в цепочке финансовых отношений. Это обусловлено тем, что конечное потребление всегда натуральное, при котором деньги обмениваются на конкретные товары или услуги. В цифровой экономике движение финансовых ресурсов, в первую очередь в публично-правовом пространстве, происходит через замещение реальных денежных средств на финансовые инструменты.

Финансы как экономическая категория функционируют в пределах денежных отношений. Но не все денежные отношения следует отождествлять с финансами. В содержание финансов включаются только те денежные отношения, которые имеют специфическую финансовую форму движения стоимости, связанную с распределением публичных денежных доходов и накоплений, формированием и использованием определенных фондов денежных ресурсов государства или муниципальных образований либо в интересах публичной власти. Например, денежные средства государственных корпораций, полученные ими из федерального бюджета, будут являться финансами, поскольку такие средства выделяются в целях реализации государственного интереса и тем самым обладают признаками публичных средств.

Для осмысления предмета финансового права в современных реалиях важно осознать, что финансы охватывают не только государственный сектор, но и финансы предприятий негосударственной формы собственности, а также личные финансы населения. Тем самым финансы становятся одной из ключевых экономических категорий, объединяющей различные аспекты экономической жизни.

Рассматривая финансы как правовую категорию, следует осознавать, что их экономическая сущность проистекает не из теоретических абстракций, а непосредственно отражает жизненные, экономические и финансовые реалии общества. Однако стоит подчеркнуть, что фундаментальным, экономически обоснованным источником финансовых средств служит прибавочный продукт, то есть часть вновь созданного значения. Изъятие продукта, необходимого для поддержания жизнедеятельности, или результатов предыдущего труда приведет к уменьшению и, в конечном итоге, к исчезновению источников дохода. Поэтому можно утверждать, что истинным источником финансовых средств является только прибавочный продукт. Финансовые ресурсы и прибавочный продукт как часть созданной стоимости в контексте финансов фактически являются идентичными понятиями, подчеркивая экономическую основу финансовых отношений и процессов в обществе. Подобное тождество следует учитывать при финансово-правовом регулировании, в частности объектов налога на добавленную стоимость.

Переход к новому технологическому укладу экономики связан с полноценной трансформацией публичных финансовых отношений, для реализации которых современное государство использует автоматизированные системы, облачные вычисления, большие данные¹.

В цифровой экономике создание прибавочной стоимости осуществляется не только в процессе реального производства. Цифровизация позволяет монетизировать даже идею, задумку ноу-хау, что также создает прибавочный продукт. В цифровой экономике послепродажное обслуживание имеет дополнительную цену. Как видим, цифровизация экономических отношений обусловила возникновение прибавочного продукта на протяжении всего жизненного цикла создаваемого продукта или услуги.

В цифровой экономике перераспределительные отношения начинают переходить или даже полностью уходить в виртуальную сферу, постепенно внедряться на финансовом рынке².

Финансовые технологии обуславливают трансформацию финансовых институтов в цифровой формат. В настоящее время в сфере публичных финансов получило развитие новых инструментов: электронный бюджет, цифровизация налогового администрирования, онлайн-банкинг, электронные платежи, цифровой рубль и др.

Вопросы, связанные с соотношением необходимого и прибавочного продукта в экономике, представляют собой отдельную тему для обсуждения и должны учитываться специалистами в сфере финансового права, законодателем при разработке и принятии финансового законодательства, а также правоприменителем при рассмотрении конкретных финансовых споров. Не случайно, например, в налоговом праве действует принцип экономической обоснованности налога, в судебной доктрине стал формироваться принцип правомерных (разумных) ожиданий налогоплательщика.

Следовательно, финансы — это система денежных отношений по поводу аккумуляции, распределения и использования публичных фондов денежных средств в целях материального обеспечения выполнения функций и задач публичной власти.

Рассматриваемая категория, по нашему мнению, имеет следующие отличительные признаки. Она:

- складывается всегда относительно денег или денежного эквивалента;
- обусловлена функциями публичной власти;
- неразрывно связана с наличием товарно-денежных отношений;
- в условиях цифровизации имеет экономически обоснованный источник формирования - прибавочный продукт как часть вновь созданной стоимости на всем этапе создания продукта или услуги;

- является формой перераспределительных отношений в сфере совокупного общественного продукта;
- носит фондовый характер.

Указанные признаки только в единстве характеризуют сущность государственных (публичных) финансов. Отсутствие любого из них не позволит считать какие-либо денежные отношения финансовыми.

Представленный анализ сущности и функций финансов может послужить методологической основой для их целесообразного применения в экономике и служит фундаментом для разработки правовой модели устойчивого экономического и социального развития.

¹ Романова Т.Ф., Зверев Н.В. Эффективное управление общественными финансами в условиях цифровой экономики // Финансовые исследования № 2 (67) 2020. с. 45-54.

² Саламова А.А., Федоровская И.Е., Васильев И.И. Роль искусственного интеллекта в финансах // Финансовые рынки и банки. № 1. 2023. С. 63-68.

Библиография:

1. Барулин С. В., Барулина Е. В. К вопросу о сущности финансов: новый взгляд на дискуссионную проблему // Финансы. 2007. № 7. С. 55–58.
2. Илхомова Е., Элчибаева Д. Финансовая система и финансовая политика // Экономика и социум. № 11 (24). 2018. С. 367-369.
3. Микерова Ю.И., Кеврков Ф.Р. Цифровая экономика и развитие международных финансов // Journal of Economy and Business, vol. 4-2 (86), 2022. С. 34 – 42.
4. Окорокова О.А. Паллиативные дилеммы сущности и функций финансов // Естественно-гуманитарные исследования № 38 (6), 2021. С. 265 – 268;
5. Романова Т.Ф., Зверев Н.В. Эффективное управление общественными финансами в условиях цифровой экономики // Финансовые исследования № 2 (67) 2020.с. 45-54.
6. Саламова А.А., Федоровская И.Е., Васильев И.И. Роль искусственного интеллекта в финансах // Финансовые рынки и банки. № 1. 2023. С. 63-68.
7. Сидельников В. О. Роль цифровых финансовых активов в трансформации глобальной финансовой системы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60).
8. Шарандина Н.Л. Финансовая система: дискуссионные вопросы в российской доктрине финансового права // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). С. 165-168.

References:

1. Barulin S.V., Barulina E.V. On the question of the essence of finance: a new look at the debatable problem // Finance. 2007. No. 7. pp. 55–58.
2. Ilkhomova E., Elchibaeva D. Financial system and financial policy // Economics and society. No. 11 (24). 2018. pp. 367-369.
3. Mikerova Yu.I., Kevrkov F.R. Digital economy and the development of international finance // Journal of Economy and Business, vol. 4-2 (86), 2022. pp. 34 – 42.
4. Okorokova O.A. Palliative dilemmas of the essence and functions of finance // Natural-humanitarian studies No. 38 (6), 2021. pp. 265 – 268;
5. Romanova T.F., Zverev N.V. Effective management of public finances in the digital economy // Financial studies No. 2 (67) 2020.p. 45-54.
6. Salamova A.A., Fedorovskaya I.E., Vasiliev I.I. The role of artificial intelligence in finance // Financial markets and banks. No. 1. 2023. pp. 63-68.
7. Sidelnikov V. O. The role of digital financial assets in the transformation of the global financial system // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (60).
8. Sharandina N.L. Financial system: controversial issues in the Russian doctrine of financial law // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 10(226). pp. 165-168.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_122

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ INDIVIDUALIZATION OF LAND PLOTS

КОЛИЕВА Ангелина Эдуардовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.
E-mail: angelkolieva@mail.ru;

КОЛИЕВ Вадим Витальевич,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Северо-Кавказского института повышения квалификации филиала Краснодарского университета МВД России, полковник полиции. ул. Мальбахова, 123, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, 360000, Россия.
E-mail: angelkolieva@mail.ru;

KOLIEVA Angelina Eduardovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. Kalinin str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: angelkolieva@mail.ru;

KOLIEV Vadim Vitalievich,

Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the North Caucasus Institute of Advanced Training of the branch Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel. 123 Malbakhova str., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360000, Russia.
E-mail: angelkolieva@mail.ru

Краткая аннотация: в представленной статье авторы раскрывают понятие и правовые особенности индивидуализации земельных участков. Под термином индивидуализация, понимают ряд идентификационных признаков, которые характеризуют индивидуально определенную вещь, в данном случае – земельный участок.

Abstract: in the presented article, the authors reveal the concept and legal features of the individualization of land plots. The term individualization is understood as a number of identification features that characterize an individually defined thing, in this case, a land plot.

Ключевые слова: индивидуализация, земельные участки, границы, характеристики объекта, идентификация.

Keywords: individualization, land plots, boundaries, object characteristics, identification.

Для цитирования: Коліева А.Э., Коліев В.В. Индивидуализация земельных участков // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 122-124. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_122.

For citation: Kolieva A.E., Koliev V.V. Individualization of land plots // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 122-124. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_122.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024

Отечественное земельное законодательство исходит из представлений о земле с точки зрения двух разных позиций. В соответствии с первой земля – один из компонентов природы, который используется человеком в процессе ведения хозяйственной и иной деятельности. Это природный ресурс, полезными свойствами которого может пользоваться человек для удовлетворения своих потребностей и поддержания своей жизнедеятельности. С другой точки зрения, земля представляет собой разновидность недвижимого имущества, активно участвующей в гражданском обороте. Правовой статус недвижимого имущества земельного участка устанавливается Гражданским Кодексом. Так, п. 1 ст. 130 Гражданского Кодекса в качестве объектов недвижимости рассматривает земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно [1].

Объектами земельных отношений Земельный кодекс называет помимо земли также земельные участки. Земельный участок - это часть земной поверхности, которой присвоены характеристики, позволяющие ее идентифицировать в качестве индивидуально-определённой вещи.

Под индивидуализацией земельных участков понимается определение уникальных характеристик объекта, способных его в последующем отличать от иных аналогичных объектов. Индивидуализация земельного участка выполняет несколько задач. Во-первых, позволяет систематизировать информацию об имеющихся на территории государства земельных участках для осуществления контроля за их использованием и охраной. Во-вторых, дает возможность планировать и регулировать использование земельных ресурсов, проводить оценку земель и устанавливать обоснованную плату за землю. Кроме того индивидуализация прямо влияет на информационное обеспечение гражданского оборота земли. То есть в первую очередь присвоение уникальных характеристик направлено на обеспечение удобства учёта земельных участков с целью обеспечения их рационального использования и надлежащей охраны. Но помимо гарантии соблюдения публичных интересов индивидуализация служит и частным интересам собственников, арендаторов и иных титульных владельцев. Свободный оборот объектов недвижимости невозможно реализовать без их уникализации.

Приобретение земельным участком индивидуализирующих свойств происходит при его образовании. Этот процесс регламентируется главой 1.1 Земельного Кодекса. Так, способами образования являются раздел, объединение, перераспределение или выдел из уже существующих земельных участков, а также из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности [2]. Если участок образуется из

уже учтённых государством земельных участков, часть индивидуализирующих характеристик (например, адрес) остаются прежними. Если же образование производится из участков, находящихся в собственности государства или муниципалитета, участок образуется впервые на основании решений исполнительных органов государственной власти или органов местного самоуправления.

При образовании нового земельного участка регистрирующими органами проводится кадастровый учет – фиксация в реестре недвижимости информации о земельных участках. Эти сведения подтверждают существование объекта как индивидуально-определенной вещи с присущими только ему индивидуализирующими свойствами, а в случае прекращения существования отражают его выбытие из оборота. Органами, проводящими кадастровый учет, являются служба государственной регистрации, кадастра и картографии в лице своих территориальных подразделений (далее – Росреестр). Часть государственных услуг также оказывает публично-правовая компания «Роскадастр».

Законодательство не отвечает на вопрос, какие признаки объекта недвижимости достаточны для его идентификации в обороте. Вместо этого оно закрепляет перечень сведений, которые должны быть отражены в записи государственного реестра и кадастра недвижимости.

В частности, в ст. 5 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» закреплены идентификаторы, используемые при ведении ЕГРН. Во-первых, к ним относится кадастровый номер – неповторяющийся набор цифр и символов, который присваивается земельному участку. Первые две цифры кадастрового номера обозначают субъект России, в котором располагается данный земельный участок, следующие две цифры указывают на административный округ, третья пара – на кодовое обозначение зоны, четвертая – на номер кадастрового массива, пятая – номер квартала, шестая пара – номер самого объекта. В целом, данный порядок действует в отношении всех объектов недвижимости. Однако в отношении тех объектов, которые находятся на территории нескольких кадастровых единиц (дороги, ЛЭП, трубопроводы и земельные участки в том числе), создаются «условные» единицы кадастрового деления, с номером «0» [4].

В ЕГРН нужно отразить и номер записи регистрации или ограничения права, а также действующих обременений. Он является неизменяемым, не повторяется во времени и на территории страны.

Границам отдельных географических районов (например, территорий с особыми условиями использования, участков, обремененных публичным сервитутом, охотничьих угодий, районов опережающего развития, зон территориального развития, игорных зон, лесничеств и т.д.) также присваивается реестровый номер границ.

Статьей 8 ФЗ № 218 устанавливаются основные и дополнительные сведения об объекте, подлежащие отражению в кадастре недвижимости.

Первой идентифицирующей характеристикой земельного участка является кадастровый номер и дата его присвоения.

Также идентифицирует земельный участок описание границ его местоположения. Описание местоположения границ представляет собой разновидность проводимых кадастровыми специалистами инженерно-геодезических работ, и состоит в определении координат характерных точек границ. Результаты данных работ (в том числе графические изображения) подлежат отражению в межевом плане. Описание географического положения точек координат на практике вызывает немало споров между регистрирующими органами и владельцами участков. Довольно распространенными являются случаи самовольного изменения их органами в связи с изменением применяемой системы координат. Внесение изменений в уникальные признаки объекта должно проводиться либо по инициативе правообладателя, либо по согласованию с ним. Отсутствие данных обстоятельств влечет незаконность действий органа кадастра и дает право на их оспаривание.

Признаки земельного участка со временем могут терять свою достоверность и актуальность, в связи с чем возникает необходимость в их уточнении. То же самое касается и описания местоположения границ. Для реализации данной цели используются правоустанавливающие документы; документы, в которых определили границы при образовании участка, если документ о праве отсутствует. Если в документах не описано местоположение границ, ими будут признаваться границы, существующие на местности более пятнадцати лет и границы, которые закреплены географическим местоположением природных или искусственно созданных объектов.

Третьим признаком Закон о регистрации недвижимости называет государственный учетный номер (он может именоваться по-разному: кадастровым, инвентарным, условным или номером учетной записи в государственном лесном реестре). Учетный номер также представляет собой уникальный набор цифр и символов, идентифицирующих земельный участок. Однако такой номер не соответствует структуре кадастрового номера. Дело в том, что до принятия и введения в действие Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» учет земельных участков велся земельными палатами, в отношении зданий – органами БТИ, а с 2008 года по 2012 год – регистрирующими органами. В настоящее время эти номера заменены на кадастровые, однако ранее присвоенные учетные номера не аннулируются, а считаются предшествующими [3].

Сведения о прекращении существования объекта недвижимости и дата снятия с государственного учета, если объект недвижимости прекратил существование, также должны быть отражены в кадастре.

Индивидуализирующим признаком участка служит также и его площадь – характеристика протяженности двумерной области, образованная проекцией границ земельного участка на горизонтальную плоскость.

Данные признаки признаются достаточными как в судебной практике, так и в доктрине. Однако, помимо указанных выше, закон предписывает указывать в кадастре недвижимости также персональные данные каждого инженера, выполнявшего соответствующие кадастровые работы, номера специалиста в реестре саморегулируемой организации, ее наименования или обозначения, страхового номера лицевого счета в системе обязательного пенсионного страхования, реквизиты договоров на выполнение кадастровых работ (номер, дата и т.д.), сроки окончания кадастровых работ, а также кадастровых номеров расположенных в границах земельного участка иных объектов недвижимости [5].

Помимо основных, существуют и дополнительные сведения: например, сведения о лесах, водных объектах и об иных природных объектах, находящихся в пределах земельного участка; категория земель; виды разрешенного использования; сведения об ограничениях использования (так, в кадастре обязательно отражается, что участок расположен в границах района с особыми условиями использования территории, с публичным сервитутом и т.д.). Отдельного внимания заслуживает такой признак, как кадастровая стоимость. Поскольку ее значение влияет на размер уплачиваемых правообладателями налогов и арендных платежей, оспаривание такой стоимости – одна из самых популярных категорий земельных споров. В кадастр включаются и сведения о проведенных мероприятиях земельного контроля, отметка делается также наличии неурегулированных споров, адреса (если таковой присвоен)[6].

Анализ правового регулирования индивидуализации земельных участков позволяет резюмировать, что объем и содержание индивидуализирующих признаков напрямую зависит от того, в каком источнике подлежат отражению данные сведения. Как видно из Закона, для реестра недвижимости достаточен один перечень данных, а в кадастре недвижимости фиксируется наиболее полная информация об объекте. К индивидуализирующим признакам земельных участков законодатель относит кадастровый номер, государственный учетный номер, дату регистрации права, описание географического месторасположения границ и его площадь. Также следует сказать о целевом назначении, видах разрешенного использования и т.д. С точки зрения практической необходимости для государственного учета считаем данные перечни полными и достаточными.

Однако нерешенным остается вопрос о том, какие сведения -идентификаторы необходимы для реализации информационного обеспечения гражданского оборота – то есть при осуществлении сделок в отношении земельных участков. Отсутствие в этой части законодательного регулирования влечет целый ряд проблем, обостряющихся неоднородностью судебной практики. Зачастую суды самостоятельно решают вопрос о том, какая именно информация о предмете (земельном участке) должна быть отражена в договоре. Данные проблемы обостряются особенно, когда речь идет о продаже, передаче в аренду или ином отчуждении одновременно нескольких объектов недвижимости или имущественных комплексов. По мнению ученых, содержащиеся в 218-ФЗ признаки (категория, целевое назначение, действующие ограничения и т.д.) не столько характеризуют земельный участок с точки зрения уникальности, сколько определяют его правовой режим [7]. Для потребностей хозяйственного оборота отличие земельных участков вполне достаточно проводить по их кадастровым номерам, местоположению, границам и площади.

Таким образом, считаем необходимым конкретизировать индивидуализирующие признаки земельных участков, необходимые и достаточные для заключения договоров. Данные положения можно включить в Земельный Кодекс. Разъяснения применения земельного законодательства также могут содержаться в актах высших судебных инстанций.

Библиография:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федерал. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: в ред. от 09.03.2021 // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ – 2001. - № 44 – Ст. 4147.
3. О кадастровой деятельности: федер. закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ // СЗ РФ – 2007. - № 31 – Ст. 4017.
4. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // СЗ РФ – 2015. - № 29 (часть 1) – Ст. 4344.
5. Булдаева Е.В. Характеристики земельного участка // Аграрное и земельное право. 2016. №12 (144). С. 37-39.
6. Гармаш Л.П. Актуальность уточнения местоположения границ и площади земельных участков в ЕГРН // Устойчивое развитие, экомодернизация и «зеленые» экономика и технологии: III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 90-летию СГЭУ. 2021. С. 66.-73.
7. Затолокина Е. И., Черникова А. М. Кадастровые работы в отношении земельных участков // Вектор ГеоНаук. 2020. №1. С. 46-50.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): The fed. Law No. 51-FZ of 11/30/1994: as amended. from 03/9/2021 // NW of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Article 3301.
2. The Land Code of the Russian Federation: feder. Law No. 136-FZ dated 10/25/2001 // NW RF – 2001. - No. 44 – St. 4147.
3. On cadastral activity: feder. Law No. 221-FZ dated 07/24/2007 // NW RF – 2007. - No. 31 – St. 4017.
4. On state registration of real estate: feder. Law No. 218-FZ of 13.07.2015 // NW RF – 2015. - No. 29 (Part 1) – Art. 4344.
5. Buldaeva E.V. Characteristics of a land plot // Agrarian and land law. 2016. No.12 (144). pp. 37-39.
6. Garmash L.P. The relevance of clarifying the location of borders and the area of land plots in the EGRN // Sustainable development, eco-innovations and "green" economics and technologies: III All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the SGEU. 2021. p. 66.-73.
7. Zatulokina E. I., Chernikova A.M. Cadastral works in relation to land plots // Vector Geosciences. 2020. No. 1. pp. 46-50.

К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТЕ ИНТЕРЕСОВ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОСНОВЕ ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ON THE ISSUE OF CONFLICT OF INTEREST AND THE REGULATORY FRAMEWORK FOR ITS REGULATION IN THE CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

БОКОВА Алёна Олеговна,

студентка юридического факультета Центрального филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Воронеж).
ул. 20-летия Октября, 95, г. Воронеж, Воронежская обл., 394006, Россия.
E-mail: a.o.bokova@gmail.com;

ПАЛЕХА Роман Робертович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Центрального филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Воронеж).
ул. 20-летия Октября, 95, г. Воронеж, Воронежская обл., 394006, Россия.
E-mail: paleharr@mail.ru;

ХОХЛОВ Николай Степанович,

доктор технических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры инфокоммуникационных систем и технологий
ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Воронеж).
пр-т Патриотов, 53, г. Воронеж, Воронежская обл., 394065, Россия.
E-mail: nikolayhohlov@rambler.ru;

Vokova Alena Olegovna,

student of the Faculty of Law The Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, Voronezh region, 394006, Russia.
E-mail: a.o.bokova@gmail.com

Palekha Roman Robertovich,

candidate of law, assistant professor, assistant professor of chair of theory and history of law and state
The Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, Voronezh region, 394006, Russia.
E-mail: paleharr@mail.ru;

Khokhlov Nikolay Stepanovich,

Doctor of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
Professor of the Department of Information and Communication Systems and Technologies of the Federal State Educational Institution
of Higher Education "Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" (Voronezh).
53 Patriotov Ave., Voronezh, Voronezh region, 394065, Russia.
E-mail: nikolayhohlov@rambler.ru

Краткая аннотация: Актуальность исследования определяется тем, что конфликт интересов на государственной службе крайне не способствует объективному исполнению государственными гражданскими служащими своих должностных полномочий. В статье рассмотрены теоретическое значение определения понятия конфликта интересов, сущность конфликта интересов, а также нормативно-правовая основа его регулирования.

Abstract: The relevance of the study is determined by the fact that the conflict of interests in the civil service is extremely not conducive to the objective performance by civil servants of their official duties. The article examines the theoretical significance of the definition of the concept of conflict of interest, the essence of the conflict of interest, as well as the regulatory framework for its regulation.

Ключевые слова: конфликт интересов, государственная гражданская служба, нормативно-правовая основа регулирования конфликта интересов, коррупция, личная заинтересованность.

Keywords: conflict of interest, public civil service, regulatory framework for conflict of interest regulation, corruption, personal interest.

Для цитирования: Бокова А.О., Палеха Р.Р., Хохлов Н.С. К вопросу о конфликте интересов и нормативно-правовой основе его регулирования на государственной гражданской службе в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 125-128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_125.

For citation: Bokova A.O., Palekha R.R., Khokhlov N.S. On the issue of conflict of interest and the regulatory framework for its regulation in the civil service in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 125-128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_125.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2024

Усложнение и расширение государственного воздействия на всевозможные сферы общественной жизни является неотъемлемой чертой современного развития социума. Рост качественных и количественных показателей взаимоотношений государственной власти с разными субъектами влечёт переплетение интересов. На государственной гражданской службе может иметь место конфликт интересов, возникающий в случае, когда должностные обязанности и личные интересы сталкиваются (вступают в конфликт). Изучение конфликта интересов представляется крайне важным, поскольку следствием неурегулированного конфликта интересов может стать целый комплекс проблем, одной из самых опасных в силу распространенности является коррупция, которая, как показывает практика, влечёт многочисленные негативных последствий как для самого государственного гражданского служащего и интересах государственной гражданской службы, но также и для различных сфер жизнедеятельности общества.

Следует учитывать, что осмысление любой правовой категории находится в непосредственной зависимости от выработки её единого

понятия. Конфликт интересов в таком контексте не является исключением. На протяжении долгого периода времени понятие «конфликт интересов» остаётся одним из ведущих направлений научных исследований. Сохранение этой тенденции проистекает из теоретических, законодательных, а также правоприменительных аспектов, связанных с данным понятием, а также самой сущности данной правовой категории.

Теоретическое значение определения понятия конфликта интересов проистекает из особой значимости формирования полной и точной терминологической основы. В правовой науке единство о понятии конфликта интересов отсутствует. При этом, очевидно, что существует большое количество авторских доктринальных подходов, на которые, предвзято обращение к законодательному понятию также важно обратить внимание.

В соответствии с позицией Д.И. Дедова, конфликт – это столкновение имеющих противоположную направленность друг по отношению к другу целей, взглядов, мнений, позиций, интересов оппонентов или субъектов взаимодействия [8]. Кроме того, автор также отмечает, что при наличии конфликта интересов, человек, как правило, будет делать выбор преимущественно в пользу личной заинтересованности, а не публичных интересов.

О.В. Казаченкова утверждает, что сущность конфликта интересов должна рассматриваться в таком контексте, что служащий делает выбор между своей личной заинтересованностью, выраженной в возможности неосновательным образом обогатиться, исполняя должностные обязанности, и интересами службы (задачами, которые он выполняет и полномочиями, которые наделен) [9].

Р.В. Кандыбин же исходит из того, что конфликт интересов предопределен спецификой правового, социокультурного, политического, морального пространства должностного поведения служащих [10]. При этом автором акцент смещается на то, что конфликт интересов не следует подвергать осмыслению в рамках одностороннего подхода, как некое противоречие личного интереса служащего и, с другой стороны, – государства, общества, граждан. Следует вести речь о сложном социальном явлении, которое автоматически исключает односторонний характер. В силу подобной сложности, в основе этого явления следует учитывать множество факторов и субъективного, и объективного свойства, разные условия исполнения должностных обязанностей, институциональные недостатки организационного характера и многое другое.

По мнению Е.А. Антоновской, под конфликтом интересов следует понимать форму столкновения интересов, когда личные интересы служащего вступают в противоречие с должностными обязанностями [7].

Следует заметить, что при наличии различных подходов к сущности конфликта интересов, дискуссия об искомом понятии так или иначе детерминирована тем нормативным правовым регулированием, которое оформилось в настоящее время.

Во-первых, в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», конфликт интересов имеет дифференцированную структуру, что возможно рассматривать как комплексное понятие:

- это ситуация, при развитии которой личная заинтересованность служащего влияет или только потенциально может это сделать по отношению к объективному исполнению должностных обязанностей, в связи с чем возникает противоречие между данной заинтересованностью и законными интересами граждан, организаций, общества, Российской Федерации, субъекта Российской Федерации;
- это аналогичная приведенной выше ситуация, при которой также может наступить причинение вреда интересам указанных субъектов [2].

Отраженный в указанном Федеральном законе подход, согласно которому конфликт интересов приравнен к противоречию частной заинтересованности с личной обязанностью, как можно понять, был сохранен, по сравнению с известным ранее нормативным подходом. Впрочем, личная заинтересованность стала определяться в строгой привязке к получению материальной выгоды.

Во-вторых, ещё одно понятие отражено в законодательстве о противодействии коррупции, которое было выделено в самостоятельное в ходе реформирования и институтов противодействия коррупции, и конфликта интересов. Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3], аналогично предыдущему подходу, также возможно вести речь о подходе комплексного характера:

- это ситуация, в которой личная заинтересованность служащего (прямая и косвенная) оказывает влияние (способна его оказать) на надлежащее исполнение должностных (служебных) обязанностей;
- это ситуация, при которой возникает (или может возникнуть) противоречие между личной заинтересованностью служащего, выступающего с одной стороны, с правами, законными интересами граждан и организаций, общества, государства, выступающими с другой стороны, и это может повлечь причинение вреда правам и законным интересам названных субъектов [3].

Проблема оценки такого понятия возникают уже на этапе оценки косвенной личной заинтересованности. Возможно сделать лишь предположение, основанное на теоретических материалах и материалах правоприменительной практики, заключающееся в том, что здесь должна идти речь не о прямом получении доходов служащим, а только о создании реальной возможности для их получения (Решение Советского районного суда г. Уфы от 24 июня 2019 г. по делу № 2-6350/2019) [12]. Тот факт, что эта категория имеет оценочный характер, способен породить и порождает разного рода проблемы в ходе правоприменения. К основным характеристикам конфликта интересов следует отнести определения «надлежащее» и «беспристрастное», поскольку именно они выражают субъективную оценку деятельности служащего, а также его отношение к совершаемым им действиям. Законодательное закрепление положений, конкретизирующих объективность и беспристрастность осуществления служащими своих должностных полномочий, видится очевидным.

Ещё один важный аспект, представляющий несомненный интерес в контексте анализируемого понятия, являясь его слагаемой, – лич-

ная заинтересованность служащего, то есть возможность получить при исполнении должностных обязанностей доходов (неосновательного обогащения) в денежной или натуральной форме, материальных доходов членов семьи служащего, третьих лиц, граждан и (или) организаций, если с последними служащий связан обязательствами.

Через личную заинтересованность наиболее показательным образом проявляется то, что конфликт интересов в законодательстве о противодействии коррупции неразрывно связан с получением материальной выгоды. Впрочем, помимо этого следует учитывать и нематериальный аспект, так как выгода может быть неэкономической. Упущение этого уточнения в законе само по себе порождает благоприятные условия для нечестных служащих. Хотя сказанное, безусловно, не даёт оснований для того, чтобы приравнивать «конфликт интересов» и «коррупцию» [11]. Данные явления могут иметь место безотносительно друг друга.

В сравнении законодательства о государственной службе и противодействии коррупции явным образом усматривается, что во втором случае конфликт интересов охвачен ещё и служебными обязанностями, а не только должностными обязанностями (какой-то конкретной должностью).

В оценке разных позиций к пониманию конфликта интересов, а главное, разных законодательных подходов, что имеет ещё более негативный характер, имеется возможность констатировать, что системный подход к конфликту интересов сегодня продолжает отсутствовать. Аналогично приведённые позиции и законодательная модель позволяют склониться к тому, что конфликт интересов – это ситуация возникновения конфликта государственных обязанностей и частных интересов. Конфликт интересов связан с обстоятельствами, в которых на служащего могут повлиять, в связи с влиянием частного интереса при выполнении функций служебного характера.

Существенное улучшение правоприменительной практики с минимизацией допускаемых ошибок, как представляется, кроется в уточнении оценочных категорий и терминологии, не самого конфликта интересов, а смежных терминов, положенных в его основу или с ним связанных.

Реализация любых институтов в современных условиях находится в непосредственной зависимости от полноты и непротиворечивости нормативного правового регулирования такой реализации. Исключением в этом ряду не является и конфликт интересов. Более того, конфликт интересов обладает сложной социально-правовой природой, комплексным характером.

Правовые основы регулирования чего-либо в России имеют ярко выраженную иерархичную структуру, от вышестоящего уровня к нижестоящему. На вышестоящем уровне рассматриваемых основ находится Конституция Российской Федерации [1]. Именно в Конституции заложены основы в отношении многих аспектов, получающих непосредственное развитие на уровне специального законодательства. Причем, в таком вопросе следует вести речь одновременно о том, что речь идет об источнике прохождения государственной службы, и об источнике противодействия коррупции.

В Конституции Российской Федерации закреплены исходные положения, оказывающие прямое регулятивное влияние на отношения, складывающиеся при прохождении государственной службы. Согласно положений ч. 2 ст. 4 Конституции Российской Федерации, Конституция и федеральные органы признаются такими источниками права, за которыми закрепляются статус верховенствующих источников права на всей территории страны. В ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации постулируется государственная власть как единая система. Кроме того, именно на конституционном уровне закреплены все основополагающие принципы: принцип разделения властей на три ветви власти; принцип обладания гражданами правами и свободами, несения ими равных обязанностей; принцип безусловного приоритета прав и свобод, а также непосредственного действия таковых, многие другие.

Правовую основу противодействия коррупции также составляет Конституция Российской Федерации. Речь идет изначально о таких положениях, как то, что Конституция Российской Федерации имеет прямое действие, что законы и другие акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации т.п. Приведенные выше общие конституционные положения о государственной гражданской службе по отношению к данному вопросу в том числе являются полностью применимыми.

Следующий уровень регулирования рассматриваемого вопроса следует рассматривать применительно к уровню Федеральных законов. Возможно выделить следующие Федеральные законы, составляющие нормативную правовую основу разрешения конфликта интересов; сформирована система субъектов, на которых возлагаются обязанности, принять меры, которые обеспечат предотвращение, а также урегулирование в соответствующей сфере:

– Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Указанный закон содержит две статьи по поводу конфликта интересов. Во-первых, в нем преимущественно сделаны отсылки на закон о противодействии коррупции относительно терминологической составляющей. Кроме того, указано на порядок урегулирования конфликта, последствия не урегулирования, принятия мер в связи с конфликтом интересов; вопросы деятельности комиссии по урегулированию и т.п. Во-вторых, отдельно закреплены те взыскания, которые должны наступать за несоблюдение ограничений, запретов, а также требований в этой сфере, в целом имеющие предупредительное назначение и урегулирование, если предупреждение не будет успешным, как и неисполнение установленных законом обязанностей;

– Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Указанный закон содержит три отдельные статьи, посвященные вопросу конфликта интересов, в которых раскрывается понятие конфликта интересов; порядок урегулирования; вопросы передачи ценных бумаг в доверительное управление. Безусловно, два указанных выше закона не являются единственными Федеральными законами в рассматриваемой сфере. На них обращено внимание, поскольку они обладают основополагающим значением.

Третий уровень в рассматриваемой системе – уровень актов Президента Российской Федерации. Указы Президента Российской Федерации могут рассматриваться как одновременно затрагивающие вопросы и прохождения государственной службы, и противодействия коррупции. В первом случае Указы обеспечивают урегулирование основополагающих отношений о прохождении службы, особенно тогда, когда возникает потребность установить ту или иную правовую основу оперативным образом. Указы также способны упорядочивать те отношения в сфере государственной службы, урегулирование которых на уровне федеральных законов не обеспечивалось. Например, Указ Президента Российской Федерации от 14.02.2023 г. № 92 «О некоторых вопросах прохождения федеральной государственной гражданской службы ...» возможно рассматривать в ряду Указов, которые регулируют вопросы прохождения государственной службы в отдельных частях [6]. Что же касается второго случая, Указы Президента Российской Федерации столь же непосредственно вовлечены и в систему формально-юридических источников, направленных на обеспечение противодействия коррупции. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 02.04.2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции», как видно по самому его названию, установлены меры реализации законодательства о противодействии коррупции [5]. Некоторые указы Президента Российской Федерации имеют смежную природу, будучи направленными на урегулирование тех или иных аспектов о конфликте интересов. Подобным актом, к примеру, можно назвать Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», закрепивший правовую основу деятельности комиссии в сфере конфликта интересов, выполняющие контрольно-надзорную роль и порядок их деятельности [4].

Обобщая изложенное, представляется возможным сделать вывод, что основой возникновения такого сложного социально-правового негативного явления как конфликта интересов на государственной гражданской службе выступают причины как объективного, так и субъективного характера, нуждающиеся во всестороннем и комплексном их рассмотрении.

Следует исходить из ответственного осознания всеми субъектами социального взаимодействия, что конфликт интересов на государственной гражданской службе представляет собой негативное социально-правовое явление, разрушает основы и вредит нормальному функционированию институтов публичной власти, которые оказываются не в состоянии достигать важные цели государственной деятельности и полноценно служить интересам общества.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 11.03.2024).
2. Федеральный закон РФ от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
3. Федеральный закон РФ от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. – 2008. – № 52. – Ст. 6228.
4. Указ Президента РФ от 01.07.2010 г. № 821 (ред. от 25.01.2024) «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» // СЗ РФ. – 2010. – № 27. – Ст. 3446.
5. Указ Президента РФ от 02.04.2013 г. № 309 (ред. от 25.01.2024) «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1670.
6. Указ Президента РФ от 14.02.2023 г. № 92 «О некоторых вопросах прохождения федеральной государственной гражданской службы в федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439661/ (дата обращения: 11.03.2024).
7. Антоновская Е.А. Конфликт интересов на государственной службе / Е.А. Антоновская, С. В. Лаврентьева // *Oeconomia et Jus.* – 2022. – № 2. – С. 1–7.
8. Дедов Д.И. Конфликт интересов / Д.И. Дедов. – Москва: Волтерс Клувер, 2004. – 288 с.
9. Казаченкова О.В. Конфликт интересов на государственной гражданской службе / О.В. Казаченкова // *Журнал российского права.* – 2006. – № 3. – С. 78–83.
10. Кандыбин Р.В. Понятие конфликта интересов на государственной службе / Р.В. Кандыбин // *Государственная служба.* – 2012. – № 6 (74). – С. 91–93.
11. Коваль С.П. Актуальные проблемы правового регулирования института конфликта интересов на государственной гражданской службе в Российской Федерации / С.П. Коваль, О.Ю. Таибова, М.Ю. Цветков // *Вестник Костромского государственного университета.* – 2020. – № 4. – С. 194–201.
12. Решение Советского районного суда г. Уфы от 24 июня 2019 г. по делу № 2-6350/2019 // Советский районный суд г. Уфа. – URL: <http://sovetsky.bkr.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.03.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020 // Official Internet portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (date of appeal: 03/11/2024).
2. Federal Law of the Russian Federation dated 07/27/2004 No. 79-FZ (as amended on 02/14/2024) "On the State Civil Service of the Russian Federation" // SZ RF. – 2004. – No. 31. – Article 3215.
3. Federal Law of the Russian Federation dated 12/25/2008 No. 273-FZ (as amended on 12/19/2023) "On combating Corruption" // SZ RF. - 2008. – No. 52. – Art. 6228.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/01/2010 No. 821 (ed. dated 01/25/2024) "On commissions for compliance with the requirements for official conduct of federal civil servants and settlement of conflicts of interest" // SZ RF. – 2010. – No. 27. – Article 3446.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 04/02/2013 No. 309 (ed. dated 01/25/2024) "On measures to implement certain provisions of the Federal Law "On Combating Corruption" // SZ RF. – 2013. – No. 14. – Article 1670.
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 92 dated 02/14/2023 "On certain issues of passing the Federal State civil Service in Federal Ministries, Federal Services and Federal Agencies, whose activities are supervised by the President of the Russian Federation, Federal services and federal agencies subordinate to these Federal Ministries" // SPS Consultant Plus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439661/ (accessed: 03/11/2024).
7. Antonovskaya E.A. Conflict of interests in public service / E.A. Antonovskaya, S. V. Lavrentieva // *Oeconomia et Jus.* – 2022. – No. 2. – pp. 1-7.
8. Dedov D.I. Conflict of interests / D.I. Dedov. – Moscow: Walters Kluwer, 2004. – 288 p.
9. Kazachenkova O.V. Conflict of interests in the civil service / O.V. Kazachenkova // *Journal of Russian Law.* – 2006. – No. 3. – pp. 78-83.
10. Kandybin R.V. The concept of conflict of interest in public service / R.V. Kandybin // *Public service.* – 2012. – № 6 (74). – Pp. 91-93.
11. Koval S.P. Actual problems of legal regulation of the institute of conflict of interests in the state civil service in the Russian Federation / S.P. Koval, O.Yu. Taibova, M.Yu. Tsvetkov // *Bulletin of Kostroma State University.* – 2020. – No. 4. – pp. 194-201.
12. Decision of the Sovetsky District Court of Ufa dated June 24, 2019 in case No. 2-6350/2019 // *Sovetsky District Court of Ufa.* – URL: <http://sovetsky.bkr.sudrf.ru/> (date of access: 03/11/2024).

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Prospects for the artificial intelligence in judicial activity

МОТОРИНА Ирина Станиславовна,

старший преподаватель кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства
Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

Ленинградский пр-т, 80, г. Москва, 125190, Россия.

ORCID 0009-0004-7325-6848

E-mail: motorinavuz@mail.ru;

MOTORINA Irina Stanislavovna,

«Moscow University for Industry and Finance «Synergy».

80 Leningradsky Ave., Moscow, 125190, Russia.

ORCID 0009-0004-7325-6848

E-mail: motorinavuz@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу перспектив применения искусственного интеллекта в судебной деятельности, возможностям применения искусственного интеллекта при проведении примирительных процедур в судах.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the prospects for the use of artificial intelligence in judicial activities, the possibilities of using artificial intelligence in conciliation procedures in courts.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная деятельность, примирительная деятельность, ИИ.

Keywords: artificial intelligence, judicial activity, conciliation activity, AI.

Для цитирования: Моторина И.С. Перспективы искусственного интеллекта в судебной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 129-131. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_129.

For citation: Motorina I.S. Prospects for the artificial intelligence in judicial activity // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 129-131. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_129.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2024

В 21 веке судебные системы многих стран подвергаются перегруженности. Исследователи, в работах посвященных анализу судебной нагрузки, приводят данные, свидетельствующие об увеличении рабочей нагрузки на судей, которая является на протяжении уже нескольких лет завышенной¹. В работах исследователей делаются так же выводы, что финансирование судей не растет теми же темпами, что и производительность труда судей².

Меры по снижению судебной нагрузки на протяжении последних десятилетий регулярно обсуждаются судебскими сообществами, в том числе на Всероссийских съездах судей (см. Постановления IX³ и X Всероссийского съезда судей⁴), исследуются в научных трудах. Наиболее существенный резерв в снижении судебной нагрузки, можно полагать, содержится в мерах по внедрению искусственного интеллекта в судебную деятельность⁵, и в примирительной деятельности, которая находится сегодня в «замороженном виде». Однако, в отличие от безопасности внедрения примирительных процедур в судебную деятельность, имеющих риск быть не востребуемыми сторонами, меры по внедрению искусственного интеллекта влекут за собой большое количество рисков и сомнений, чему в научной литературе уделено большое внимание^{6, 7}.

В предыдущем номере автором указывалось, что развитие примирительных институтов направлено не только на достижение социального мира, но и на снижение судебной нагрузки, посредством «десудебизации споров»⁸. При повышении спроса в системе социального регулирования общественных отношений на примирительные процедуры, спрос на властные решения снижается.

Понятие судебная деятельность толкуется в узком и широком значениях. В узком значении – это правоприменительная деятельность судов по рассмотрению и разрешению отнесенных к компетенции судов вопросов, возникающих при применении права, то есть собственно правосудие, осуществляемое посредством видов и форм судопроизводства, установленных в Конституции РФ и федеральных законах. Где правосудие — это особый вид государственной деятельности, осуществляемый только судами посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, сущность которого состоит в рассмотрении и разрешении судами дел в соответствии с принципами и нормами права, реализуемых в России, с целью защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод либо правовых интересов лиц, участвующих в деле.

В широком значении под «судебной деятельностью» понимается не только деятельность по осуществлению правосудия, но и органи-

¹ Моторина И. С., Петухов Н. А. Введение должности судебного медиатора в судах общей юрисдикции и арбитражных судах как способ снижения судебной нагрузки в рамках концепции реформы правосудия. Евразийский Союз Ученых. 2018. № 8-5. С. 58.

² Бурдина Е. В. Финансирование судов: новые подходы в России и зарубежных странах. Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 2. С. 78.

³ Сайт Совета судей РФ <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/22668> - последняя дата обращения 09.04.2024

⁴ Сайт Совета судей РФ <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/49122> - последняя дата обращения 09.04.2024

⁵ Щербачева Л. В. Введение искусственного интеллекта в судебную систему. Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 267

⁶ Трофимова А. Х. Искусственный интеллект и ответственность при его применении. Sciences of Europe. 2022. № 96. С. 4.

⁷ Бурдина Е. В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. Российский судья. 2022. № 10. С. 51

⁸ Моторина И.С. Перспективы развития примирительных процедур в судебной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4(232). С. 247. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_4_24

зационная деятельность судов, включающая в себя комплекс взаимосвязанных мероприятий организационно-правового, кадрового, финансово-материально-технического, информационного, аналитического, статистического, документационного и иного характера, обеспечивающих осуществление правосудия. При таком понимании судебной деятельности, при передаче полномочий по регулированию, организации или проведению примирительных процедур в юрисдикцию суда, их можно рассматривать как один из видов судебной деятельности организационно-правового характера, направленный на создание надлежащих условий для полного и независимого осуществления правосудия.

Ситуация, при которой нормы права, реализующиеся в государстве, охватили бы все богатство конкретных фактических отношений, является недостижимой, поскольку особенности общественных отношений требуют их индивидуального регулирования. Посредством примирительных процедур, стороны способны учесть все нюансы сложившихся взаимоотношений и в этом заключается основное преимущество примирительных процедур перед властным способом разрешения спора.

Таким образом, процедуры примирения и правосудия объединяются в единой системе социального регулирования общественных отношений, являясь ее частями и видами индивидуального регулирования общественных отношений. В ходе судебной деятельности, в узком понимании данного термина, индивидуальное регулирование спорных правоотношений осуществляется посредством правосудия властным органом – судом, уполномоченным принимать принудительное решение, которое при этом может сопровождаться или прерываться (откладываться, приостанавливаться) для проведения примирительных процедур с целью выработки добровольного соглашения спорящих сторон. При широком понимании судебной деятельности, включающем не только деятельность по осуществлению правосудия, но и организационную деятельность судов, примирительную деятельность можно рассматривать как один из видов судебной деятельности.

Вопросы применения современных цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в судебной деятельности для снижения судебной нагрузки обсуждаются активно в правовой доктрине в последние пять лет. Правоведы обсуждают возможности использования технологий ИИ, имитирующих когнитивные функции человека для помощи решения задач, поставленных перед судьей и сотрудниками судебной системы.

Автор термина «искусственный интеллект» (Artificial Intelligence) Джон Маккарти под интеллектом понимал вычислительную часть способности достигать целей в мире¹. В «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года», утвержденной Президентом Российской Федерации, под искусственным интеллектом понимается: «комплекс технологических решений, позволяющих имитировать человеческие когнитивные функции (в том числе поиск решений без заранее заданного алгоритма и самообучение) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека»². При этом в п. 8 данного Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 обращается внимание на то, что машинное обучение характеризуется рядом особенностей. Во-первых, для поиска вычислительной системой непредвзятого решения требуется ввести репрезентативный, релевантный и корректно размеченный набор данных. Во-вторых, алгоритмы работы нейронных сетей крайне сложны для интерпретации и, следовательно, результаты их работы могут быть подвергнуты сомнению и отменены человеком. Отсутствие понимания того, как искусственный интеллект достигает результатов, является одной из причин низкого уровня доверия к современным технологиям искусственного интеллекта и может стать препятствием для их развития³.

Можно выделить два направления применения технологий ИИ в судебной деятельности:

1) *сервисное направление* – в помощь человеку, прежде всего суду и заинтересованным лицам, не ставящее своей целью заменить суд или изменить характер участия заинтересованных лиц при разрешении спора. При этом данное направление использования ИИ способно вызвать изменения в текущих общественных отношениях в сфере защиты права. Например, повлиять на отмирание таких судебных профессий как секретарь судебного заседания или переводчик, изменить правила доказывания и т.п. Развитие сервисного направления базируется на идее удешевления процедуры урегулирования споров.

2) *замещающие технологии* – несет в себе замену функций, выполняемых человеком, путем передачи их компьютеру. Развитие замещающих технологий базируется на двух идеях: удешевление процедуры урегулирования споров и урегулирование споров, возникающих из общественных отношений, не имеющих достаточного правового регулирования.

В ряде стран уже реализованы проекты с использованием *замещающих технологий ИИ по простым категориям дел* (в российском законодательстве такие дела можно соотнести с приказом производством) и в сфере альтернативного разрешения споров (АРС), к которой можно отнести и примирительную деятельность в судах.

Например, технология ИИ *Sinapses* в Бразилии помогает автоматизировать повторяющиеся процессуальные задачи в зависимости от процессуальных действий, генерировать тексты и ускорять работу секретарей и помощников судей при анализе судебных решений. ИИ используется для того, чтобы разгрузить судебные органы в связи с большим объемом повторяющихся процессуальных действий и однотипных дел⁴.

Говоря об успешных примерах реализации проектов ИИ в судах, можно отметить проект 2022 года группы *Viettel* и Верховного народного суда Вьетнама, которым при Верховном народном суде был введен в эксплуатацию Виртуальный помощник для судей, выполняющий на основе вопросов судьи и голосовых команд запросы на поиск информации для принятия решений, что сокращает время рассмотрения дела.

¹ McCarthy J. What is Artificial Intelligence? Computer Science Department. Stanford University. November 12, 2007. Available at: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html>. (In Eng.) - последняя дата обращения 19.04.2024

² п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. N 490 «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2019. N 41. Ст. 5700.

³ п. 8 Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. N 490 «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2019. N 41. Ст. 5700

⁴ Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Издание 2023 / под ред. А.В. Незнамова, стр. 64 // СПС КонсультантПлюс. 2023

Система применяет самые современные технологии, в том числе анализ данных и ИИ¹.

В России на вопрос: «Заменит ли ИИ судей?», М.И. Клеандров, на основании сравнительного анализа человека-судьи и судьи-ИИ по различным критериям, сформулировал вывод, что справедливое правосудие – это исключительно удел судьи-человека².

Следует отметить, что в настоящий момент и общеевропейским подходом является общий запрет на принятие решений в отношении человека исключительно в качестве алгоритмизированного решения, без права последующей перепроверки человеком. «Субъект данных имеет право не быть субъектом такого решения, которое основано только на автоматической обработке, в том числе профилировании, которое в отношении субъекта данных создает правовые последствия или которое подобным образом существенно воздействует на субъект данных»³. При этом власти Великобритании, в качестве обсуждаемого вопроса предлагали допустить возможность принятия алгоритмизированного решения без его последующего пересмотра человеком. Основным аргументом выступала экономическая целесообразность этого подхода⁴.

Автором поддерживается мнение, что применение технологий ИИ в судопроизводстве можно признать социально оправданным, если достигается полная и своевременная защита прав, свобод и законных интересов при минимальных издержках судебных ошибок, а также минимальных судебных расходах⁵.

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что к перспективам развития искусственного интеллекта в судебной деятельности следует отнести продолжающееся совершенствование *сервисного направления* в судебной деятельности, не ставящего своей целью заменить суд и возможное внедрение ИИ в модели примирения сторон, что способствует одновременному снижению судебной нагрузки и востребованности примирительных процедур для сторон судебного спора.

Библиография:

1. Моторина И. С., Петухов Н. А. Введение должности судебного медиатора в судах общей юрисдикции и арбитражных судах как способ снижения судебной нагрузки в рамках концепции реформы правосудия. Евразийский Союз Ученых. 2018. № 8-5. С. 55–62.
2. Бурдина Е. В. Финансирование судов: новые подходы в России и зарубежных странах. Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 2. С. 70–91.
3. Щербачева Л. В. Введение искусственного интеллекта в судебную систему. Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 266–268
4. Трофимова А. Х. Искусственный интеллект и ответственность при его применении. Sciences of Europe. 2022. № 96. С. 3–6.
5. Бурдина Е. В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. Российский судья. 2022. № 10. С. 49–53
6. Моторина И.С. Перспективы развития примирительных процедур в судебной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4(232). С. 247-248.
7. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Издание 2023 / под ред. А.В. Незнамова // СПС КонсультантПлюс. 2023, 370 с.
8. Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов: монография. В 2 частях. Ч. 1 / О.В. Брянцева, И.В. Воронцова, М.Н. Зарубина [и др.]; под редакцией С.Ф. Афанасьева, В.Ф. Борисовой. Москва: Русайнс, 2022. 198 с.
9. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость: монография / М.И. Клеандров. Москва: Норма, 2022. 364 с.
10. Курочкин С.А. О перспективах применения искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. N 2. С. 37 - 42.

References:

1. Motorina I. S., Petukhov N. A. Introduction of the position of judicial mediator in courts of general jurisdiction and arbitration courts as a way to reduce the judicial burden within the framework of the concept of justice reform. Eurasian Union of Scientists. 2018. No. 8-5. pp. 55-62.
2. Burdina E. V. Financing of courts: new approaches in Russia and foreign countries. Right. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 2. pp. 70-91.
3. Shcherbacheva L. V. Introduction of artificial intelligence into the judicial system. Bulletin of Economic Security. 2022. No. 4. pp. 266-268
4. Trofimova A. H. Artificial intelligence and responsibility in its application. Sciences of Europe. 2022. No. 96. pp. 3-6.
5. Burdina E. V. Digital access to the court in the Russian Federation: problems of legal regulation. A Russian judge. 2022. No. 10. pp. 49-53
6. Motorina I.S. Prospects for the development of conciliation procedures in judicial activity // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 4(232). pp. 247-248.
7. Global Atlas of Artificial Intelligence regulation. Edition 2023 / edited by A.V. Neznamov // SPS ConsultantPlus. 2023, 370 p.
8. Transformation of legal regulation of relations related to the use of digital technologies in the judicial system and in the system of execution of judicial acts: monograph. In 2 parts. Part 1 / O.V. Bryantseva, I.V. Vorontsova, M.N. Zarubina [et al.]; edited by S.F. Afanasyev, V.F. Borisova. Moscow: Rusains, 2022. 198 p.
9. Kleandrov M.I. Justice and justice: monograph / M.I. Kleandrov. Moscow: Norma, 2022. 364 p.
10. Kurochkin S.A. On the prospects of using artificial intelligence in civil and arbitration proceedings // Arbitration and civil procedure. 2023. N 2. pp. 37 - 42.

¹ Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Издание 2023 / под ред. А.В. Незнамова, стр. 164 // СПС КонсультантПлюс. 2023

² Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. М., 2022. С. 290 - 296

³ Ст. 22 Директивы Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/680 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных компетентными органами в целях предотвращения, расследования, выявления или уголовного преследования преступлений или исполнения уголовных наказаний, о свободном обращении таких данных, а также об отмене Рамочного Решения 2008/977/ПВД Совета ЕС (Брюссель, 27 апреля 2016 г.) // <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679/glava-3-prava-subekta-dannyh/staty-a-22-avtomatizirovannoe-prinyatie-reshenij-o-cheloveke-v-tom-chisle-profilirovanie> -- последняя дата обращения 19.04.2024

⁴ https://biz.cnews.ru/news/top/2021-10-18_v_anglii_ii_stanovitsya_poslednej, дата обращения: 18.03.2024

⁵ Курочкин С.А. О перспективах применения искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. N 2. С. 40.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_132

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДОКТРИНЫ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ Institutionalization of the doctrine of constitutional review

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции,
Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: evigpran@igpran.ru;

Vinogradova E.V.,

Doctor of Law, Professor, Chief Scientist of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
119019, Russia, Moscow, Znamenka str., 10.
E-mail: evigpran@igpran.ru

Краткая аннотация: Принятие конституционных поправок 2020 г. актуализировало необходимость теоретического осмысления новых подходов к существующим конституционно-правовым институтам. Трансформации подверглись многие из них, интересным с точки зрения формирования конституционно-правовой доктрины видится концепция предварительного конституционного нормоконтроля. Статья посвящена анализу правового содержания этого нового для российского правового пространства института. Проанализированы подходы к этому виду контроля в других странах. Сделан вывод, что появления института предварительного конституционного нормоконтроля предопределяет укрепление гарантий прав и законных интересов, формирующих современную российскую правовую государственность.

Abstract: The adoption of the constitutional amendments of 2020 has actualized the need for theoretical understanding of new approaches to existing constitutional and legal institutions. Many of them have undergone transformation; from the point of view of the formation of a constitutional legal doctrine, the concept of preliminary constitutional normative control seems interesting. The article is devoted to the analysis of the legal content of this new institution for the Russian legal space. Approaches to this type of control in other countries are analyzed. It is concluded that the emergence of the institution of preliminary constitutional normative control predetermines the strengthening of guarantees of rights and legitimate interests that form the modern Russian legal statehood.

Ключевые слова: Конституционные поправки, предварительный конституционный нормоконтроль, конституционно-правовые институты.

Keywords: Constitutional amendments, preliminary constitutional normative control, constitutional and legal institutions.

Для цитирования: Виноградова Е.В. Институционализация доктрины конституционного контроля // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 132-136. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_132.

For citation: Vinogradova E.V. Institutionalization of the doctrine of constitutional review // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 132-136. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_132.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2024

В последние годы большое значение в отечественной правовой доктрине придается исследованию конституционно-правовых институтов. Современный российский конституционализм, формирующийся как система на основе традиционных для нашей страны ценностей, эволюционирует, создавая новые связи, укрепляя институты, базирующиеся на принципах правовой государственности. Достижение баланса между необходимостью сохранением предопределенного конституционным текстом объема гарантий и отражением в тексте основного закона страны подлинных перемен, весьма непростая задача. Ее решение предполагает наличие юридических конструкций высокой степени точности. Поэтому трансформация конституционных положений реализуется исключительно в случаях необходимости отражения очевидных перемен.

Конституционные изменения, в большинстве случаев сопряжены с задачами развития общества и государства. Даже когда действующие положения Основного закона той или иной страны не нуждаются в коренном пересмотре, необходимо обеспечивать их соответствие уровню развития общества. Поэтому коррекция конституционно-правового пространства, отражает стратегию дальнейшего развития страны. Для современной России это особенно актуально, учитывая, что формировавшаяся на протяжении веков конституционная модель российской государственности, отражает специфику отечественного правосознания, заключающуюся, по мнению члена-корреспондента Российской академии наук Г.В. Мальцева «...В соединении научного рационализма и этического сознания»¹. Этические, морально-нравственные аксиомы, предопределяют аксиологическую ценность российского конституционализма основой которого провозглашается укрепление эффективности защиты прав и свобод. На протяжении трех десятилетий эта задача решается внесением поправок в главы Конституции, положения которых могут реформироваться.

В своем послании парламенту в январе 2020 г. Президент России предложил внести поправки в Конституцию. Закон «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти», вызвал большой интерес. Преобразование конституционных положений обусловили трансформацию российской правовой реальности в разных сферах. Одним из институтов, появившихся в конституционно-правовом пространстве современной России стал предварительный конституционный нормоконтроль².

В отечественной юридической науке предварительный конституционный нормоконтроль уже не одно десятилетие является предметом для доктринального дискурса. Начало дискуссии было обусловлено политическим кризисом 80-х г.г. XX века. По мере усиления роли парламента возникла необходимость в создании механизма контроля за эффективностью законодательства. Функцию предварительного конституционного

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: ИНФРА-М., 2014. – 800 с. С.115.

² Подробнее см., Виноградова Е.В., Данилевская И.Л. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. конституционный контроль "ex ante" как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С.7-18.

контроля была возложена на Комитет конституционного надзора СССР – отечественный государственно-правовой институт, существовавший с 1988 г. до 1991 г. Идея создания органа, осуществляющего конституционный надзор, была предпринята в 1977 году, когда при секретариате конституционной комиссии рассматривался вопрос о создании органа конституционного надзора в виде Комитета. Рабочая группа предложила ввести в состав этого органа, известных ученых правоведов. Секретариатом Конституционной комиссии, возглавляемой Л.И. Брежневым, которая состояла из высшего партийного руководства, окончательного решения о целесообразности такого органа тогда принято не было. Через 10 лет отношение к этой идее кардинально изменилось. Решение об учреждении Комитета конституционного надзора СССР на официальном уровне было заявлено на XIX Всесоюзной конференции КПСС, что и стало началом курса страны на формирование правовой государственности. Для обеспечения верховенства закона, было признано необходимым усиление механизмов поддержания социалистического правопорядка на основе принципов народовластия. Несмотря на решения партконференции, создание Комитета затянулось. Это объяснялось, во-первых, идеологическими факторами и традициями. Ведь принцип «разделения властей», в отличие от принципа полновластия Советов, долгое время считался заведомо буржуазным или просто мифом, который нигде не может быть полностью реализован. Конституционно закрепленное положение верховенства Советов над всеми государственными органами не способствовало появлению органа, независимого от высшего представительного органа государственной власти, более того, надзирающего за соответствием его актов Конституции¹.

Общепризнанным, с точки зрения исследователей проблем конституционного контроля, считается существование основных двух моделей американской и европейской. Принципиальная разница заключается в отсутствии или наличии в судебной системе органов специализированной юрисдикции для осуществления конституционного контроля, функционирующих вне рамок общего правосудия. По мнению ученых действующую в настоящее время в Российской Федерации модель невозможно причислить ни к американской, ни к французской модели конституционного контроля. Тем не менее, Конституционный Суд РФ имеет ряд схожих черт с Конституционным советом Франции и при осуществлении своих полномочий применяет некоторые доктрины, разработанные Верховным судом США².

В рамках доктринальной дискуссии о правовой природе специализированного органа, созданного в целях правовой охраны Конституции, предлагалось сформировать специальный комитет по конституционной законности (либо при Совете Национальностей, либо при Президиуме Верховного Совета СССР)³. Кроме того, предлагалось предоставить полномочия конституционного контроля Верховному Суду СССР. Рассматривалась также идея создания специального Конституционного суда.

Изменениями в Конституцию, внесенными Законом от 1 декабря 1988 г. был создан Комитет конституционного надзора. В Основном законе страны была установлена его компетенция, состав и порядок образования. Определялось взаимодействие с другими государственными органами. В частности, Комитету было предоставлено право по поручению Съезда народных депутатов, или по собственной инициативе направлять в отношении проектов законов, подлежащих рассмотрению Съездом, заключения о их соответствии Конституции СССР⁴. По поручению Съезда народных депутатов, по предложениям Верховного Совета, высших органов государственной власти республик, входящих в состав СССР, а также по собственной инициативе, он мог представлять Верховному Совету заключения о соответствии проектов его актов, актов его палат Конституции и законам СССР, принятым Съездом народных депутатов СССР⁵.

Комитет конституционного надзора СССР был задуман как орган, который тщательно, экспертно, квалифицированно рассматривает вопросы соответствия конституционным требованиям актов союзного и республиканского законодательства. Однако Закон о конституционном надзоре в СССР, принятый 23 декабря 1989 г.⁶, определял, что он не наделен полномочиями отменять акты, признанные несоответствующими Конституции, таким образом, реализация его заключений определялась органом, издавшим акт.

В рамках проведения предварительного контроля, Комитетом 5 июля 1991 г. по обращению Верховного Совета СССР был рассмотрен проект нового Союзного Договора, предложенные формулировки были учтены Верховным Советом СССР.

Деятельность Комитета конституционного надзора СССР была первым опытом при полном отсутствии какой-либо практики в определении конституционности законов или споров о компетенции в формате независимого органа⁷.

Созданный, в дальнейшем, Конституционный Суд Российской Федерации не осуществлял функцию предварительного нормоконтроля. Теоретическое обоснование такого подхода было основано на аргументе, что «нельзя быть судьей в собственном деле».

Однако, решение задачи укрепления конституционной законности, обусловило усиление роли Конституционного Суда как органа конституционного контроля с помощью наделения его возможностью по запросам Президента проверять конституционность законов, принятых и одобренных палатами Федерального Собрания до их подписания главой государства⁸.

Механизм предварительного конституционного контроля заключается в том, что Конституционный Суд по запросу Президента проверяет конституционность законов, принятых в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 107 и частью 2 статьи 108 Конституции РФ, до их подписания. В соответствии с положениями Конституции РФ, принятый федеральный конституционный закон в течение четырнадцати дней подлежит

1 См. подробнее об этом: Лазарев Б.М. Комитет конституционного надзора СССР (Подводя итоги). // Государство и право. 1992. № 5. С. 21-34.

2 //Петрова И.В. Конституционный Суд – орган конституционного контроля в Российской Федерации. Автореф. дисс....канд.юрид.наук. М., 2004. С.27.

3 Подробнее см.: Топорнин Б.Н. Конституция в социалистическом правовом государстве. //Социалистическое правовое государство: проблемы и суждения. Сборник статей АН СССР. М.: ИГПАН. – 1988. С.35.

4 Аналог предварительного нормоконтроля. Можно полагать, что институционализация современного отечественного конституционного нормоконтроля началась именно с появлением этой нормы в Конституции СССР.

5 См.: «Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР», 1988. № 49. Ст.727.

6 См.: «Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР», 1989. № 29. Ст.572.

7 См.: Бланкенгель А. Россия: навстречу конституционализму. //Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1992. № 1.С.13-16.

8 Аналогичная процедура создана и для иных нормативно-правовых актов органов государственной власти, причём не только федерального, но и регионального уровня.

подписанию Президентом РФ и обнародованию. Если Президент в течение указанного срока обратится в Конституционный Суд с запросом о проверке его конституционности, срок для подписания такого закона приостанавливается на время рассмотрения запроса Конституционным Судом. Если КСРФ подтвердит конституционность федерального конституционного закона, Президент подписывает его в трехдневный срок с момента вынесения соответствующего решения. Если конституционность федерального конституционного закона не будет подтверждена, Президент возвращает его в нижнюю палату парламента¹.

Подобная практика деятельности специального органа конституционного контроля не является уникальной. Институт предварительного конституционного контроля существует во многих странах. Теоретический дискурс здесь возникает в пространстве пересечения полномочий законодательной и судебной власти.

Исследования в рамках модели конституционного правосудия весьма часто касаются дискуссии о правовой природе предварительного и последующего конституционного контроля². Предварительный (предупредительный, превентивный) конституционный контроль, может рассматриваться как весьма устойчивая форма деятельности, специализированных судебных конституционных органов. Идею необходимости предварительного контроля французский юрист Жан Риверо обосновывает тем, что существует необходимость компенсировать "реальную непредсказуемость" последующего нормоконтроля, вводя порядок и определенность в правовую систему страны. Сторонники последующего конституционного контроля апеллируют к квазисудебности конституционного правосудия, осуществляемого в таком порядке. Кроме того, очевидно, что при осуществлении, превентивного контроля, судебный орган вмешивается в законодательный процесс, становясь инструментом влияния на законодательную власть что не согласуется с принципом разделения властей. В отличие от контроля "ex ante", контроль "ex post", осуществляемый за пределами правотворческого процесса, функционирует, как внешний контроль. В этом случае уполномоченный судебный орган, осуществляя в рамках последующего контроля, то есть, после вступления нормативного акта в силу, устанавливает соответствие нормативного акта Основному закону страны. Поэтому контроль "ex post", осуществляемый вне рамок законотворческого процесса независимым органом, осуществляется в соответствии с одним из базовых принципов правового государства - принципом разделения властей. Кроме того, инициировать этот вид контроля может более широкий круг субъектов, в отличие, от предварительного контроля, в котором, чаще всего прослеживается не юридическая, а политическая заинтересованность высших органов государственной власти (например, главы государства), иногда парламентского меньшинства, что может стать причиной вовлечения в политическую деятельность органа, осуществляющего предварительный судебный конституционный нормоконтроль, и последующее обвинение его в политической ангажированности. Необходимо также учитывать, то обстоятельство, что на качестве превентивного контроля могут сказываться сроки его проведения³.

Формирование теории контроля "ex ante", происходило под безусловным влиянием практики судебного конституционного контроля Пятой Французской Республики, в которой, как отмечают исследователи, он значительно отличается от классических подходов к моделям конституционного контроля. Абстрактный предварительный анализ конституционности законов осуществляется во Франции, в соответствии с положениями Конституции 1958 года, Конституционным Советом (Conseil Constitutionnel). По запросу премьер-министра обязательной проверке в рамках предварительного конституционного контроля подлежат органические законы до обнародования, а регламенты Национального собрания и Сената, до их применения. Запрос о проверке обычных законов и международных договоров кроме премьер-министра, может вноситься Президентом, председателями или депутатами палат Французского парламента в рамках факультативного конституционного контроля до их промугуляции. В случае признания Conseil Constitutionnel закона конституционным он промугулируется, если он признается несоответствующим Конституции, его промугуляции не происходит⁴.

Специалисты трактуют подобный предварительный конституционный контроль Конституционного совета как одну из стадий законодательного процесса, отмечая, что во Франции возобладали концепция охраны свобод и прав гражданина и человека, гарантированных Конституцией в рамках системы парламентаризма, где орган конституционного контроля является одним из важнейших институциональных механизмов политической системы.

Для российской правовой модели такая практика не является очевидной. По мнению В.А. Туманова и Ю.Л. Шульженко, на практике трудно провести различие между признанием неконституционным уже действующего закона и наложением запрета на уже принятый парламентом, но ещё не промугулированный закон⁵.

Специалистами отмечается не только рецепция институциональной формы, в которой осуществляется конституционный контроль во Франции, и которая была с некоторыми адаптациями перенесена на новую почву, но и та роль, которую сыграли практика Конституционного совета Франции и французский политико-правовой дискурс, ставшие ориентиром при учреждении и реформировании органов конституционного правосудия стран франкоязычной Азии и Африки. Отдельные государства сделали выбор в пользу исключительно предварительного конституционного контроля (например, Марокко, Тунис, Мавритания), в большинстве государств (например, в Алжире, Чаде, Сенегале, Казахстане) Кон-

¹ Конституционность законов субъектов РФ также может быть проверена до их подписания высшим должностным лицом субъекта РФ (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ).

² Подробнее см., *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. конституционный контроль "ex ante" как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С.7-18.

³ См.: *Rousseau D.* La justice constitutionnelle en Europe. Paris. 1998. P. 76-77. Цит.по: Половченко К.А. Особенности предварительного конституционного контроля (на примере Сербии) // Проблемы в российском законодательстве. 2017. - № 7. С.42-47.

⁴ См.: Клушас А.А. О концепции конституционного контроля и конституционного правосудия: политико-правовое обоснование. «Вестник Академии экономической безопасности МВД России». 2010. № 7. С.82-92. Надзирая за конституционностью законов, Конституционный совет одновременно обеспечивает контроль за иерархической подчиненностью нормативных актов и за соблюдением компетенции исполнительной и законодательной властей. См.: Боботов С.В., Васильев Д.И. Французская модель правового государства. //Советское государство и право. № 1, 1990. С. 107.

⁵ См.: Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М., 1995. С.29.

ституции наделяют специализированный орган конституционного контроля правом осуществлять одновременно и *предварительный*, и *последующий* конституционный контроль.¹

Анализ показывает, что в целом ряде других стран предварительный конституционный контроль имеет конституционное закрепление, длительное время практикуется, воспринимается правоприменительной практикой и имеет свои традиции.

Анализируя модели предварительного конституционного нормоконтроля, следует обратить внимание, что в ряде стран, этот вид контроля осуществляется не судебными органами. Например, Финскую систему проверки конституционности законов можно охарактеризовать как преимущественно парламентскую систему, основанную на абстрактном контроле².

Кроме европейских стран, в некоторых государствах также созданы органы, обладающие функциями предварительного нормоконтроля. Например, Совет по охране Конституции Исламской Республики Иран уполномочен рассматривать все без исключения решения Меджлиса исламского совета. Если будет признано, что они противоречат исламским нормам или нормам Конституции, Совет возвращает их для повторного рассмотрения в Меджлис.³

Вместе с тем, в соответствии с положениями принимаемых в XXI веке конституциями многих стран, полномочиями предварительного конституционного нормоконтроля наделяются органы судебной власти.

Можно обратить внимание, что в некоторых странах регламентация процедур предварительного конституционного нормоконтроля проведена с использованием решения эти органов. В качестве примера, можно привести решение Конституционного трибунала Польши⁴, предполагающего возможность нового рассмотрения закона Конституционным трибуналом, который уже рассматривался в порядке предварительного конституционного нормоконтроля, в порядке последующего конституционного контроля, поскольку содержательное противоречие Конституции может быть обнаружено в ходе применения закона на практике. Таким образом, Президент до подписания закона может обратиться с запросом о соответствии закона Конституции, в порядке предварительного конституционного контроля, после принятия закона парламентом до его вступления в силу. Президент может обратиться в Конституционный трибунал по поводу любого закона, включая законы о выражении согласия на ратификацию международных договоров. Президент может обратиться в Конституционный трибунал с запросом о конституционности закона как по поводу его содержания (материальное несоответствие), так и по поводу нарушений норм, регулирующих порядок применения закона или соответствующую компетенцию в этой сфере. Президент после заслушивания мнения Маршала Сейма подписывает закон, исключая предписания, признанные несоответствующими Конституции, либо возвращает закон Сейму в целях устранения несоответствия. Президент не может отказать в подписании закона, который Конституционным трибуналом признан соответствующим Конституции.⁵ Вероятно опыт возможного рассмотрения конституционности закона, положения которого уже являлись предметом рассмотрения органа конституционного контроля в процедуре предварительного конституционного нормоконтроля, может представлять определённый теоретический и практический интерес в современном российском правовом пространстве, предполагающем необходимость создания новых моделей взаимодействия процедур предварительного и последующего конституционного нормоконтроля. Предварительный конституционный контроль является эффективным средством построения последовательной и внутренне непротиворечивой правовой системы (хотя правовых систем, полностью лишенных внутренних противоречий, не существует), при этом необходимо дополнять предварительный контроль ретроспективным контролем.⁶

Здесь следует напомнить, что российскими учеными также высказывались предложения о внесении изменений в Конституцию РФ в части наделинии Конституционного Суда РФ правом давать заключения по запросу Президента РФ о соответствии Конституции РФ проекта закона, представленного Президенту РФ для подписания, о закреплении внесудебного, предварительного конституционного контроля, о наделинии Конституционного Суда РФ полномочиями по осуществлению предварительного контроля в отношении проектов федеральных конституционных законов, проектов законов или вопросов, выносимых на референдум.⁷

В заключении, хотелось бы отметить, что процесс внесения поправок в Российскую Конституцию актуализировал процесс трансформации института конституционного контроля, дополнив его предварительным конституционным контролем "ex ante". По мнению Конституционного Суда Российской Федерации внедрение института предварительного конституционного контроля в отечественную конституционную практику будет направлено на обеспечение верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 4, часть 2; статья 15, части 1 и 2), на разрешение возможных конституционных споров между Федеральным Собранием и Президентом Российской Федерации и тем самым на создание – в рамках дискреции конституционного законодателя – одного из механизмов сдержек и противовесов.⁸

1 См.: Данилова Н. Особенности реализации французской модели конституционной юстиции в странах Азии и Африки. // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 114.

²Подробнее см., *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. конституционный контроль "ex ante" как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С. 7-18.

3 См.: Конституция Исламской Республики Иран от 15 ноября 1979 г. URL:<http://www.worldconstitution.ru> (дата обращения - 21.01.2020).

4 См.: Решение Конституционного трибунала К 23/95 от 20 октября 1995 г. и решение К 3/98 от 24 июня 1998 г. Цит. по: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учебник / рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. М., 2008. С. 693.

5 См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. С. 692-693.

6 См.: Курис Э. О стабильности конституции, источниках конституционного права и мнимом всемогуществе конституционных судов. // Сравнительное конституционное обозрение. № 3 (48). 2004. С. 91-92.

7 См.: Несмеянова С.Э. Правовые проблемы становления специализированного конституционного контроля в Российской Федерации. Автореф. дисс....канд.юрид.наук. Екатеринбург, 1994; Дурнев В.С. Гарантии конституционного контроля в Российской Федерации. Автореф. дисс....канд.юрид.наук. М., 2008; Петина М.М. Конституционный контроль во Франции и США. Сравнительно-правовое исследование. Автореф. дисс....канд.юрид.наук. М., 2018.

⁸ 16 марта 2020 г. Конституционный Суд РФ принял Заключение о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации. URL:<http://www.ksrf.ru> (дата обращения - 23.03.2020).

В рамках проведения предварительного конституционного контроля достаточно сложно оценить в долгосрочной перспективе и в полном объеме возможные проблемы в правоприменении того или иного нормативного акта, что является недостатком данной формы контроля. Однако подобные сложности могут коснуться и принятого нормативно-правового акта любого уровня, на который повлияют изменение общественных или социально-экономических условий. Вопросы конституционного соответствия нормативных правовых актов, решаемые в предварительном порядке, позволяют в перспективе сохранять стабильность и единообразие национальной правовой системы, способствуют принятию правовых актов более высокого уровня, что, в свою очередь, повышает авторитет законодательства.

В обществе существует серьезный запрос на функционирование эффективной государственности, соответствующей современным концепциям правового государства, гарантирующей соблюдение принципов гуманизма, верховенства права, разделения властей, взаимной ответственности личности и государства. Институт предварительного конституционного нормоконтроля в отечественном правовом пространстве может стать реально-действующим нормативно-закрепленным механизмом, обеспечивающим соответствие закона, не имеющего статуса «вступившего в силу», Конституции Российской Федерации, что позволит найти оптимальную модель конституционного контроля, соответствующую правовым традициям отечественного и зарубежного конституционализма.

Библиография:

1. Боботов С.В., Васильев Д.И. Французская модель правового государства // Советское государство и право. № 1, 1990. С. 107.
2. Виноградова Е.В., Данилевская И.Л. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. конституционный контроль "ex ante" как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5.
3. Лазарев Б.М. Комитет конституционного надзора СССР (Подводя итоги). // Государство и право. 1992. № 5. С. 21-34.
4. Данилова Н. Особенности реализации французской модели конституционной юстиции в странах Азии и Африки. // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 114.
5. Клишас А.А. О концепции конституционного контроля и конституционного правосудия: политико-правовое обоснование. «Вестник Академии экономической безопасности МВД России». 2010. № 7. С.82-92. Надзирая за конституционностью законов, Конституционный совет одновременно обеспечивает контроль за иерархической подчиненностью нормативных актов и за соблюдением компетенции исполнительной и законодательной властей.
6. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учебник / рук.авт.колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. М., 2008. С.693.
7. Курис Э. О стабильности конституции, источниках конституционного права и мнимом всемогуществе конституционных судов. // Сравнительное конституционное обозрение. № 3 (48). 2004. С.91-92.
8. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: ИНФРА-М., 2014. – 800 с. С.115.
9. Петрова И.В. Конституционный Суд – орган конституционного контроля в Российской Федерации. Автореф. дисс....канд.юрид.наук. М., 2004.
- C.27.
10. Половченко К.А. Особенности предварительного конституционного контроля (на примере Сербии)// Пробелы в российском законодательстве. 2017.- № 7. С.42-47
11. Топорнин Б.Н. Конституция в социалистическом правовом государстве //Социалистическое правовое государство: проблемы и суждения. Сборник статей АН СССР. М.: ИГПАН. – 1988. С.35.
12. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М., 1995. С.29.

References:

1. Bobotov S.V., Vasiliev D.I. French model of the rule of law. //Soviet state and law. No. 1, 1990. P. 107.
2. Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L. 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. constitutional control "ex ante" as an institution of domestic and foreign constitutionalism // State and Law. 2020. No. 5.
3. Lazarev B.M. Committee of Constitutional Supervision of the USSR (Summing up). // State and law. 1992. No. 5. P. 21-34.
4. Danilova N. Features of the implementation of the French model of constitutional justice in the countries of Asia and Africa. // Comparative constitutional review. 2012. No. 2 (87). P.114.
5. Klshas A.A. On the concept of constitutional control and constitutional justice: political and legal justification. "Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia." 2010. No. 7. P.82-92. While supervising the constitutionality of laws, the Constitutional Council simultaneously ensures control over the hierarchical subordination of normative acts and compliance with the competence of the executive and legislative authorities.
6. Constitutional (state) law of foreign countries. Special part: textbook / manual. and resp. ed. B.A. Strashun. M., 2008. P.693.
7. Kuris E. On the stability of the constitution, the sources of constitutional law and the imaginary omnipotence of constitutional courts. // Comparative constitutional review. No. 3 (48). 2004. P.91-92.
8. Maltsev G.V. Social foundations of law. M.: INFRA-M., 2014. – 800 p. P.115.
9. Petrova I.V. The Constitutional Court is the body of constitutional control in the Russian Federation. Author's abstract. diss....candidate of legal sciences. M., 2004.
- P.27.
10. Polovchenko K.A. Features of preliminary constitutional control (using the example of Serbia)// Gaps in Russian legislation. 2017.- No. 7. P.42-47
11. Topornin B.N. Constitution in a socialist rule of law state. //Socialist rule of law: problems and judgments. Collection of articles of the USSR Academy of Sciences. M.: IGPAN. – 1988. P.35.
12. Shulzhenko Yu.L. Constitutional control in Russia. M., 1995. P.29.

ИДЕНТИЧНОСТЬ В АКСИОЛОГИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ОТ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТА К ПРАВОВОМУ КОНЦЕПТУ Identity in the axiology of constitutionalism: from a social construct to a legal concept

РАТТУР Мария Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН)
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: rattur@yandex.ru;

Rattur Maria Vladimirovna,

PhD in History, Associate Professor,
Researcher of the Department of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory,
Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences.
119019, Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

E-mail: rattur@yandex.ru

Краткая аннотация. Понятие «идентичность» появилось в российском конституционном тексте в 2020 г. До этого оно встречалось лишь в решениях Конституционного суда РФ в качестве механизма противостояния сложившейся практике расширения наднационального правового регулирования и значительной активизацией межгосударственных органов (ЕСПЧ в частности). Учитывая, что контекст использования понятия «идентичность» в правовых актах во многом сходен, но отнюдь не тождественен, следует обратиться к его научному осмыслению и интерпретации. При этом возникают терминологические сложности, вызванные, прежде всего, тем, что определение идентичности, по сути, является «зонтичным» и имеет множество трактовок. В отечественном правовом пространстве понятие «идентичность» за весьма короткий срок прошло путь от инструмента противодействия органам наднационального регулирования к основе для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Успешная трансформация социального конструкта в правовой концепт может обеспечить реализацию идеи идентичности во всем многообразии аспектов.

Abstract: The concept of «identity» appeared in the Russian constitutional text in 2020. Before that, it was found only in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a mechanism to counter the current practice of expanding supranational legal regulation and significant activation of interstate bodies (the ECtHR in particular). Given that the context of the use of the concept of «identity» in legal acts is largely similar, but by no means identical, it is necessary to turn to its scientific understanding and interpretation. In this case, there are terminological difficulties caused, first of all, by the fact that the definition of identity, in fact, is «umbrella» and has many interpretations. In the domestic legal space, the concept of «identity» in a very short period of time has gone from a tool to counteract supranational regulatory bodies to a basis for the protection of traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory. The successful transformation of a social construct into a legal concept can ensure the realization of the idea of identity in all the diversity of aspects.

Ключевые слова: идентичность, конституция, аксиология, конструкт, концепт, историческая память, традиционные ценности.

Keywords: identity, constitution, axiology, construct, concept, historical memory, traditional values.

Для цитирования: Раттур М.В. Идентичность в аксиологии конституционализма: от социального конструкта к правовому концепту // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 137-139. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_137.

For citation: Rattur M.V. Identity in the axiology of constitutionalism: from a social construct to a legal concept // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 137-139. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_137.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

Вопрос возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» стал причиной использования принципа конституционной идентичности в отечественном правовом пространстве. Это нашло отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П/2016, где в п. 4.2 сказано, что «основанные на интерпретации Конвенции о защите прав человека и основных свобод постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе содержащие предложения о необходимости внесения каких-либо изменений в национальные правовые нормы, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации»¹.

Разрешение вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО Нефтяная компания ЮКОС против России» в соответствии с Конституцией Российской Федерации также стало причиной использования принципа конституционной идентичности. В п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 года № 1-П/2017 указано, что «взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке»².

Таким образом, актуализация принципа конституционной идентичности и введение данной конституционно-правовой конструкции в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Высшая%20сила%20Конституции%20и%20взаимоотношения%20с%20ЕКПЧ.pdf> (дата обращения: 22.01.2024)

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 года № 1-П/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Высшая%20сила%20Конституции%20и%20взаимоотношения%20с%20ЕКПЧ.pdf> (дата обращения: 22.01.2024)

отечественное правовое пространство в значительной степени производно от сложившейся практики расширения наднационального правового регулирования и значительной активизацией межгосударственных органов (ЕСПЧ в частности).

В европейском правовом пространстве понятие «идентичность» впервые встречается в договоре о Европейском Союзе, подписанном в Маастрихте 7 февраля 1992 года. В п. 2 ст. 4 раздела I этого договора сказано, что «Союз соблюдает равенство государств-членов перед Договорами, уважает национальную индивидуальность государств-членов, присущую их основополагающим политическим и конституционным структурам» [1]. Данное положение сохранено и в действующей с 2009 года редакции текста Лиссабонского договора о Европейском Союзе 2007 года.

Основываясь на этом положении, Федеральный Конституционный Суд ФРГ в деле «Solange» I и II указал, что в исключительных случаях нормы европейского права могут быть не применимыми в Германии. В 2018 году в Конституции Венгрии появилась статья R(4), где сказано, что каждый государственный орган страны обязан защищать конституционную идентичность и христианскую культуру.

В 2020 году понятие «идентичность» появилось в российском конституционном тексте. П.3 ст.69. содержит словосочетание «сохранение общероссийской культурной идентичности» наряду с указанными в ст. 67.1 «сохранение памяти предков», «исторически сложившееся государственное единство», «защита исторической памяти». Введенные в текст Основного закона Российской Федерации понятия перекликаются с формулировками в преамбуле (1993 г.) Конституции: «соединенные общей судьбой на своей земле», «исторически сложившееся государственное единство», «чтя память предков», «возрождая суверенную государственность России».

П. 92 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 определяет общероссийскую гражданскую идентичность как основу для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, которая необходима для укрепления единства народов Российской Федерации.

Понятие «идентичность» пять раз встречается в тексте «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. П.4 этого документа закрепляет определение традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. В п.8 подчеркивается необходимость сохранения общероссийской гражданской идентичности.

С учетом того, что контекст использования понятия «идентичность» в правовых актах во многом сходен, но отнюдь не тождественен, следует обратиться к его научному осмыслению и интерпретации. При этом возникают терминологические сложности, вызванные, прежде всего, тем, что определение идентичности, по сути, является «зонтным» и имеет множество трактовок [2, С.50].

Латинское «idem», означающее «тот же самый» дало жизнь категории «идентичность» как особого способа связи индивида и общества, хотя близкий по смыслу термин «тождество» использовался еще древнегреческими мыслителями в своих работах. На коллективную идентичность обратил внимание Л. Фейербах, отметив, что «отдельный, отъединенный человек, как нечто обособленное, не заключает человеческой сущности. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком» [3, С.203]. Институционализация понятия «идентичность» произошла в середине XX века благодаря Э. Эриксону. Выявление связи идентичности «не только с обществом, но и с историческими трансформациями» [4, С.80] способствовало утверждению философской идеи об историчности социокультурной идентичности в этот же период. Подобная идея актуальна и для современной правовой науки. Так, Л.С. Мамут на философско-правовых чтениях памяти академика В.С. Нерсисянца отметил, что «сущность и проявления всякого юридического знания конкретно-историчны» [5, С.120].

Профессор Р. Брубейкер определил другую важную тенденцию в развитии представлений об идентичности, отметив, что «идентичность в современном обществе одновременно является категорией научного анализа и категорией практики – частью политической и социальной риторики. Это создает проблему смешения эмпирического и теоретического начал» [6, С.69]. Профессор В.Г. Графский в 2011 году обратил внимание на тот факт, что во многом само понятие права формируется «с учетом вечного сосуществования ориентации на прагматизм и адекватную описательно-объяснительную теоретичность» [7, С.157].

Обе тенденции в настоящий момент развиваются и в отечественном правовом пространстве. Историчность идентичности подчеркивают и поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 года, и Стратегия национальной безопасности, и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [8, С.277]. Смещение эмпирического и теоретического начал демонстрируют факты включения в нормативно-правовые акты понятия «общероссийская идентичность».

Являясь социальным конструктом, поскольку фиксирует эмпирически не наблюдаемую «сущность типа характерологических типов в психологии, типов общественных структур в социальном знании» [9], идентичность в настоящий момент требует концептуализации. При этом концепт должен быть единицей речевого высказывания, которая «является выражением ценностных ориентации и предпочтений участников коммуникативных актов» [10] высокой степени определенности и точности в соответствии с методологическим принципом «неумножения сущностей сверх необходимого», сформулированным У.Оккамом в XIV веке, известном сегодня как «бритва Оккама». Это позволит избежать ситуации, при которой идентичность, по мнению Р. Брубейкера, «означает слишком много (когда понимается в сильном смысле) или слишком мало (когда понимается в слабом смысле) или вообще ничего не означает (из-за полнейшей неопределенности)» [6, С.63].

Сложность формулировки концепта идентичности состоит в необходимости большого запаса прочности для этого понятия. Так, например, попытки создания единого концепта «Южная Азия», названного д.и.н., г.н.с. Института востоковедения РАН И.П. Глушковой «лабораторным», привели, в конечном итоге, к его распаду на конструкты в виде отдельных государств (Индию, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан,

Шри-Ланку, Мальдивскую Республику). По ее мнению, концепт «Индия вообще» в виде «Южная Азия в частности» после короткого триумфа потерпел фиаско [11, С.233].

Разработка правового концепта идентичности требует учета и такого важного аспекта как социализация. Именно усвоение социальных норм, ценностей и правил формирует идентичность, создает динамику при передаче их от поколения к поколению [12, С.77]. Как отмечает В.Д. Зорькин, «идентичность – это не застывшее состояние, а диалогический процесс, представляющий собой совокупность убеждений и идей из исторического прошлого каждой страны, которые заново переосмысливаются в каждую новую эпоху» [13, С.83]. При этом следует обратить внимание на уже имеющийся в этом отношении отечественный исторический опыт (как позитивный, так и негативный) по формированию мировоззренческих ориентиров россиян, особенно юных [14, С.135].

В аксиологии отечественного конституционализма идентичность за весьма короткий срок проделала путь от инструмента противодействия органам наднационального регулирования к основе для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Успешная трансформация социального конструкта в правовой концепт может обеспечить эффективную реализации идеи идентичности во всем многообразии аспектов.

Библиография:

1. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2566557/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/> (дата обращения: 20.01.2024).
2. Раттур М.В. К вопросу об общероссийской идентичности в системе конституционных ценностей: от конструкта к концепту // Наука, культура, образование в контексте приоритетов современности: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Республика Башкортостан, Стерлитамак, 26 апреля 2023 г. Стерлитамак: СФ УУНИТ, 2023. С.49-52.
3. Фейербах Л. Избранные философские произведения / Общая ред. и вступ. статья М.М. Григорьяна. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. 676 с.
4. Коньков Д.С. Нужна ли идентичность истории: к критике концепции идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 79–84.
5. Мамут Л.С. Историзм – условие научности знаний о праве // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы 5-х и 6-х философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв.ред. В.Г. Графский. М.: Норма, 2011. С.118-125.
6. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
7. Графский В.Г. Точку ставить рано: вместо заключения // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы 5-х и 6-х философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв.ред. В.Г. Графский. М.: Норма, 2011. С.151-159.
8. Раттур М.В. О необходимости аналитической поддержки принятия правовых решений по защите исторической правды как конституционной ценности // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 276-279.
9. Новая философская энциклопедия / Под ред. В.С. Стёпина. В 4 тт. М.: Мысль, 2001. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (дата обращения: 25.01.2024).
10. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / И.Т. Касавин. М.: «Канон+», 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://epistemology_of_science.academic.ru (дата обращения: 23.01.2024).
11. Глушкова И.П. «Южная Азия»: монтаж и демонтаж пространств и институций. Часть I // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 2. С. 223-235.
12. Раттур М.В. Семья как единица культурной памяти в контексте формирования общегражданской идентичности // История мировых цивилизаций. Семья в историческом и социокультурном измерении: Материалы XVIII Всероссийской научной конференции, Красноярск, 15 ноября 2023 года. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2023. С. 76-80.
13. Зорькин В.Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2022. №2. С.83.
14. Раттур М.В. Роль ценностных установок молодежи в формировании идеалов российского общества: социально-исторический аспект // Социальная политика и социология. 2010. №12 (66). С.129-141.

References:

1. Treaty on European Union (Maastricht, February 7, 1992) (as amended by the Lisbon Treaty of 2007) [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/2566557/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/> (access date: 01/20/2024)
2. Rattur M.V. On the issue of all-Russian identity in the system of constitutional values: from construct to concept // Science, culture, education in the context of modern priorities: Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, April 26, 2023. Sterlitamak: SF UUNIT, 2023. P.49-52.
3. Feuerbach L. Selected philosophical works / General ed. and entry article by M.M. Grigoryan. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1955. 676 p.
4. Konkov D.S. Does history need identity: to criticize the concept of identity // Bulletin of Tomsk State University. 2016. No. 409. pp. 79–84.
5. Mamut L.S. Historicism is a condition for the scientific nature of knowledge about law // Standards of scientificity and homo juridicus in the light of the philosophy of law: materials of the 5th and 6th philosophical and legal readings in memory of academician V.S. Nersesyants / ed. V.G. Graftsky. M.: Norma, 2011. P.118-125.
6. Brubaker R. Ethnicity without groups. M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2012. 408 p.
7. Graftsky V.G. It's too early to put an end to it: instead of a conclusion // Standards of scientificity and homo juridicus in the light of the philosophy of law: materials of the 5th and 6th philosophical and legal readings in memory of academician V.S. Nersesyants / ed. V.G. Graftsky. M.: Norma, 2011. P.151-159.
8. Rattur M.V. On the need for analytical support for making legal decisions to protect historical truth as a constitutional value // Legal technology. 2024. No. 18. pp. 276-279.
9. New Philosophical Encyclopedia / Edited by V.S. Stepina. In 4 vols. M.: Mysl., 2001. [Electronic resource]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (access date: 01/25/2024).
10. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / I.T. Kasavin. M.: "Canon+", 2009. [Electronic resource]. URL: https://epistemology_of_science.academic.ru (access date: 01/23/2024).
11. Glushkova I.P. "South Asia": installation and dismantling of spaces and institutions. Part I // East. Afro-Asian societies: history and modernity. 2023. No. 2. P.223-235.
12. Rattur M.V. Family as a unit of cultural memory in the context of the formation of civil identity // History of world civilizations. Family in the historical and socio-cultural dimension: Materials of the XVIII All-Russian Scientific Conference, Krasnoyarsk, November 15, 2023. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after. V.P. Astafieva, 2023. pp. 76-80.
13. Zorkin V.D. The Constitution of the Russian Federation is the legal basis for the integration of Russian society // State and Law. 2022. No. 2. P.83.
14. Rattur M.V. The role of youth's value attitudes in the formation of the ideals of Russian society: socio-historical aspect // Social policy and sociology. 2010. No. 12 (66). P.129-141.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_140

УДК 339.186

КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ CONTROL IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

САДЛОВСКАЯ Анастасия Валерьевна,

студент ИГАиТД Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, просп. имени газеты Красноярский Рабочий, 31, г. Красноярск, Красноярский край, 660000, Россия.
E-mail: aleshinamaria283@mail.ru;

САФРОНОВ Вячеслав Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Правоведения, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, просп. имени газеты Красноярский Рабочий, 31, г. Красноярск, Красноярский край, 660000, Россия.
E-mail: aleshinamaria283@mail.ru;

Sadlovskaya Anastasiya Valeryevna,

student, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk Worker Ave., 31, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660000, Russia.
E-mail: aleshinamaria283@mail.ru;

Safronov Vyacheslav Vladimirovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk Worker Ave., 31, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660000, Russia.
E-mail: aleshinamaria283@mail.ru

Краткая аннотация: в настоящем исследовании представлена попытка рассмотреть особенности государственного контроля в сфере госзакупок, вытекающих из положений Закона № 44-ФЗ, к которым относятся содержание, формы и виды, предмет и объект контроля, а также его цели и задачи. На систему государственных закупок возлагаются большие надежды в юридическом сообществе. Поскольку она предусматривает необходимость проведения аудита закупок, прогрессивное их информационное обеспечение, общественный контроль, нормирование, порядок планирования закупок, методологию определения цены контракта.

Abstract: this study presents an attempt to consider the features of state control in the field of public procurement, arising from the provisions of Law № 44-F3 and which include the content, forms and types, subject and object of control, as well as its goals and objectives. The public procurement system has high expectations in the legal community. Since it provides for the need to conduct an audit of purchases, their progressive information support, public control, rationing, procurement planning procedure, methodology for determining the contract price.

Ключевые слова: госзакупки, нарушения, государственный контроль, коррупция, законы, сфера госзакупок, правоприменение, ответственность.

Keywords: public procurement, violations, state control, corruption, laws, public procurement, principle, responsibility.

Для цитирования: Садловская А.В., Сафронов В.В. Контроль в сфере государственных закупок в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 140-142. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_140.

For citation: Sadovskaya A.V., Safronov V.V. Control in the field of public procurement in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 140-142. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_140.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

Из года в год в сфере госзакупок совершаются нарушения, которые в свою очередь влекут за собой нарушение конкурентных основ развития экономики, потерю бюджетных средств, невыполнение возложенных на государство экономических, социальных и иных полномочий. Сфера госзакупок, по словам Президента Российской Федерации В. В. Путина, является «настоящей «питательной зоной» для коррупции [4]. Госзакупки называют одним из главных индикаторов уровня коррупции в стране [1], которая является угрозой экономической безопасности любого государства, в том числе России. Коррупция в сфере госзакупок - одна из самых острых социальных проблем, стоящих перед правительствами, поскольку существенно подрывает экономику. Как показывает практика государственного контроля в сфере госзакупок, ключевые требования к расходованию бюджетных средств, выражающиеся, по мнению Президента Российской Федерации, в бережливости и максимальной отдаче, правильном выборе приоритетов и учете текущей экономической ситуации, не соблюдаются. И все это несмотря на целый «полк» контролеров, проверяющих проведение всех связанных с госзакупками процедур, начиная от планирования закупок и обоснования первоначальной максимальной цены контракта, формирования плана и графика закупок до собственно госзакупок.

Исходя из действующего законодательства о госзакупках, в частности Закона №44-ФЗ, госзакупки - едва ли не самые контролируемые государством и обществом процессы, и, однако именно там возникают самые большие потери бюджета, о чем свидетельствуют материалы проверок уполномоченных государственных контрольных органов.

Данная система закупок предусматривает и более совершенную систему контроля за закупками. Однако и эта система контроля не способствует ощутимой минимизации нарушений в сфере закупок, недопущению коррупции в сфере закупок, снижению потерь бюджетных средств.

Государственный контроль в сфере госзакупок - это, по сути, функция управления госзакупками, особая деятельность по исполнению законодательства о госзакупках [5]. Это инструмент, с помощью которого обеспечивается соблюдение законодательства о госзакупках, проведе-

ние всех связанных с закупками процедур исключительно в правовом поле, исполнение заключенных контрактов в полном объеме и в соответствии с определенными условиями. Это не только завершающая стадия управленческих процессов, связанных с закупками, но и форма обратной связи, посредством которой государство, общество получают информацию о действительном состоянии сферы госзакупок, об эффективности ее правового регулирования.

Представляется, что объектами государственного контроля в сфере госзакупок являются государственные заказчики, уполномоченные ими органы и организации на проведение госзакупок, контрактные службы и контрактные управляющие, специализированные организации, операторы электронных площадок, конкурсные и иные комиссии и их члены и другие лица, а также процедуры, которые связаны с нормированием, обоснованием закупок, ценообразованием. Предметом контроля являются различные аспекты и проявления правоотношений, складывающихся в сфере закупок, в том числе их законность, современность и обоснованность; Обеспечение соблюдения конкурентных основ при проведении госзакупок; эффективность, целевой характер и экономия расходования бюджетных средств, выделяемых на госзакупки.

Целью государственного контроля в сфере госзакупок является обеспечение проведения процедур закупок в соответствии с провозглашенными Законом № 44-ФЗ принципами эффективности, обеспечения конкуренции, профессионализма, ответственности. Задачами контроля являются выявление, устранение и предупреждение нарушений законодательства о госзакупках. В рамках контрольных мероприятий безусловно решаются стратегические (на федеральном уровне) и тактические (на региональном уровне), методологические, организационные, информационные, административные, аудиторские и координирующие задачи.

В соответствии с гл. 5 Закона № 44-ФЗ, по уровню управления контроль в сфере госзакупок осуществляют федеральные и региональные органы государственной исполнительной власти. К федеральным контрольным органам относятся Федеральная антимонопольная служба (ФАС России), Федеральное казначейство, Счетная палата Российской Федерации, Федеральная служба по бюджетно-финансовому надзору, министерства и ведомства, органы управления государственными внебюджетными фондами. К региональным контрольным органам, осуществляющим государственный контроль в сфере госзакупок, относятся контрольно-счетные, финансовые органы органов исполнительной власти регионов, специально создаваемые органы, осуществляющие контроль в сфере госзакупок за счет средств регионального бюджета.

В сфере госзакупок внешний контроль проводят ФАС России, контрольно-счётные органы; внутренний – все остальные контрольные органы. В число контролёров в сфере закупок за законодателями включены и сами заказчики, на них возложен контроль за исполнением поставщиками условий заключенных контрактов.

По содержанию деятельности контрольного органа государственный контроль в сфере госзакупок является антимонопольным (осуществляемым ФАС России) и финансовым, а точнее, бюджетным. Антимонопольный контроль в сфере госзакупок направлен на обеспечение проведения закупочных процедур без вреда для конкурентных основ развития экономики, без нарушения конкуренции на том или ином товарном рынке, без ущемления интересов отдельных участников госзакупок. Бюджетный же контроль в сфере госзакупок направлен на обеспечение эффективности использования бюджетных средств, соблюдение их целевого характера, их экономии.

По времени проведения контрольных мероприятий государственный контроль в сфере госзакупок условно можно разделить следующим образом:

- предварительный (на стадии планирования, формирования плана и графика закупок, обоснования цены, формирования условий государственного контракта);
- текущий (на стадии проведения процедур закупок - рассмотрения заявок, допуска к участию в закупках, оценки заявок, выбора победителя, заключения контракта);
- последующий (после проведения всех процедур).

Любой вид государственного управления осуществляется на определенных принципах. Принципы государственного контроля в сфере госзакупок можно разделить на три группы: правовые, организационные и экономические. Они вытекают из целей и задач правового регулирования госзакупок. В группу правовых принципов включаются принципы законности, приоритета законодательства о закупках, неотвратимости юридической ответственности за допущенные нарушения, права проверяемых лиц на защиту своих интересов, и др. К организационным принципам можно отнести принципы разграничения контрольных полномочий, документального оформления контрольных процедур, гласности, планового характера, соблюдения государственной и иной тайны, профессионализма и др. К экономическим принципам следует отнести принципы эффективности, безвозмездности, экономичности.

Ключевой формой государственного контроля в сфере госзакупок являются проверки, в том числе плановые и внеплановые, выездные и документарные, сплошные и выборочные. В числе методов контроля можно отметить обращения в суд о признании итогов закупочных процедур неправомерными, о расторжении заключенных контрактов; возбуждение и рассмотрение дел о нарушениях законодательства о госзакупках и привлечение виновных лиц к административной ответственности; выдача предписаний и др.

Но на сегодняшний день государственный контроль в сфере госзакупок не является эффективным. И причиной этому служит упомянутая выше его специфика и, прежде всего, его многосубъектный состав.

Опыт правоприменения прежнего законодательства о закупках, а именно законодательства о размещении заказов, а также материалы ФАС России, контрольно-счетных органов и иных органов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по правоприменению нового законодательства о госзакупках, позволяют оценить нынешнюю систему контроля в сфере госзакупок как неэффективную, с весьма и весьма низким уровнем результативности. И вот почему [3].

Первое. Необходимо минимизировать дублирование контрольных полномочий ведомственных контролеров.

Второе. Необходимо не только ужесточить административную и уголовную ответственность за нарушения в сфере госзакупок, но и обеспечить ее неотвратимость.

Третье. Необходимо также повышать профессиональный уровень сотрудников контрольных органов, эффективность их взаимодействия с прокуратурой, общественными организациями [2].

Государственный контроль в сфере госзакупок имеет весьма специфический характер, осуществляется различными государственными органами и решает серьезные экономические, правовые и организационные задачи государственного управления. Однако сегодня невозможно говорить о результативности этого контроля.

Таким образом, в статье были рассмотрены вопросы теории и практики государственного контроля за государственными закупками. Отражено ужесточение ответственности за нарушение действующего законодательства, а также обновление механизма контроля за процедурами планирования, проведения закупок, в том числе путем включения в число субъектов контроля представителей общественности.

Библиография:

1. Косарев К. Что ждет систему госзакупок? // ЭЖ-Юрист. 203. №29. С.1,3.
2. Медведева Н. Г. К вопросу о целевой ориентации и принципах правового регулирования государственных и муниципальных закупок // Символ науки. 2015. №5. С.137-239.
3. Медведева Н. Г. Проблемы правового обеспечения сферы управления государственными и муниципальными закупками // Инновац. наука. 2015. №5. С.115-119.
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации : от 12 дек. 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>.
5. Сафронов В.В. Правовое регулирование закупочной деятельности на территории России : монография / В. В. Сафронов ; СибГУ им. М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2019. – С.81.

References:

1. Kosarev K. What awaits the public procurement system? // EZH-Yurist. 203. No.29. pp.1,3.
2. Medvedeva N. G. On the issue of target orientation and principles of legal regulation of state and municipal procurement // Symbol of Science. 2015. No.5. pp.137-239.
3. Medvedeva N. G. Problems of legal provision of the sphere of management of state and municipal procurement // Innovats. nauka. 2015. No.5. pp.115-119.
4. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation : dated 12 Dec. 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru>.
5. Safronov V.V. Legal regulation of procurement activities in Russia : monograph / V. V. Safronov; SibGU named after M. F. Reshetnev. – Krasnoyarsk, 2019. – С.81.

БАЛАНС ЖИЗНЕННО ВАЖНЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ THE BALANCE OF VITAL INTERESTS OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY AND THE STATE AS A NECESSARY CONDITION FOR SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND SECURITY OF THE COUNTRY

СПИРИДОНОВ Денис Вадимович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Экологического и природоресурсного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина.

Садовая-Кудринская ул., 9, г. Москва, 123001, Россия.

E-mail: denis.spiridonov.rgsp@mail.ru;

SPIRIDONOV Denis Vadimovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Environmental and Natural Resource Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin.

Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, Moscow, 123001, Russia.

E-mail: denis.spiridonov.rgsp@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы проблематики обеспечения баланса между жизненно важными интересами личности, общества и государства в контексте социально-экономического развития и безопасности страны. Рассматриваются и характеризуются основные составляющие жизненно важных интересов, их нормативно-правовая составляющая и основные аспекты применения. Подробно отражены проблемные аспекты обеспечения жизненно важных интересов личности, в том числе анализируется система контроля объективности реализации института необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица. Анализируется взаимодействие интересов и потребностей различных социальных групп, оценивается влияние их взаимодействия на развитие общества и государства. Особое внимание уделяется поиску компромиссных решений, которые бы удовлетворяли потребности всех заинтересованных сторон. В статье рассматриваются практические меры для достижения баланса интересов, включая механизмы социальной и экономической политики, а также методы управления.

Abstract: This article examines the issues of ensuring a balance between the vital interests of the individual, society and the state in the context of socio-economic development and security of the country. The main components of vital interests, their legal and regulatory components and the main aspects of application are examined and characterized. The problematic aspects of ensuring the vital interests of the individual are reflected in detail, including the analysis of the system for monitoring the objectivity of the implementation of the institution of necessary defense and causing harm when a person is detained. The interaction of interests and needs of various social groups is analyzed, the impact of their interaction on the development of society and the state is assessed. Particular attention is paid to finding compromise solutions that would satisfy the needs of all stakeholders. The article examines practical measures to achieve a balance of interests, including mechanisms of social and economic policy, as well as management methods.

Ключевые слова: личность, общество, государство, социально-экономическое развитие, безопасность страны, экономическая безопасность, интересы личности, интересы общества, интересы государства, баланс публичных и частных интересов.

Key words: individual, society, state, socio-economic development, country security, economic security, personal interests, interests of society, interests of the state, balance of public and private interests.

Для цитирования: Спиридонов Д.В. Баланс жизненно важных интересов личности, общества и государства как необходимое условие устойчивого социально-экономического развития и безопасности страны // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 143-152. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_143.

For citation: Spiridonov D.V. The balance of vital interests of the individual and society and the state as a necessary condition for sustainable socio-economic development and security of the country // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 143-152. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_143.

Статья поступила в редакцию: 04.03.2024

Баланс жизненно важных интересов личности, общества и государства является ключевым фактором для устойчивого социально-экономического развития страны и обеспечения ее безопасности, что предполагает наличие согласованности и координации между интересами каждого индивида, каждой социальной группы, общества в целом и государства.

К настоящему времени ввиду отсутствия официально закрепленного законодателем определения сущности категории «жизненно важные интересы личности, общества и государства» последние рассматриваются с точки зрения трех ведущих подходов: правового (А.В. Деменишин¹, А.В. Степанов², Ю.А. Головин³), экономического (Ж.Ф. Габараева⁴, М.А. Котельникова⁵), социального (Е.В. Барковская⁶, А.В. Капуловский⁷, И.В. Мерзлякова⁸).

¹ Деменишин, А. В. О некоторых актуальных вопросах безопасности как правовой категории / А. В. Деменишин // Право: история, теория, практика: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2011 г.). - СПб: Реноме, 2011. - С. 9-12.

² Степанов, А.В. Национальная безопасность, миграционная безопасность, миграционный правовой порядок: теоретико-правовой анализ: монография / А. В. Степанов. - Пермь: ФКОУ ВПО Пермский ин-т ФСИН России; Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2015. - 305 с.

³ Головин, Ю.А. Жизненно важные интересы России в пограничном пространстве на рубеже XX-XXI веков и роль Федеральной пограничной службы Российской Федерации в их защите: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.01/ Ю.А. Головин. - Ярославль, 1999. - 373 с.

⁴ Габараева Ж.Ф. Интересы в экономической сфере личности, общества и государства / Ж.Ф. Габараева // Экономика и социум. - 2014. - № 4 (13). - С. 292-294.

⁵ Котельникова, М.А. Трансформация модели экономической безопасности личности в современных условиях: автореферат дис. ... канд. эконом.наук : 08.00.01 / М.А. Котельникова. - Тамбов, 2015. - 156 с.

⁶ Барковская, Е.В. Социальная безопасность: методологический анализ и практика социологического исследования: дисс. ... канд. социолог. наук: 22.00.04 / Е.В. Барковская. - М., 2005. - 140 с.

⁷ Капуловский А.В. Обеспечение баланса интересов личности, общества и государства при принятии управленческих решений / А.В. Капуловский // Актуальные проблемы современности: наука и общество. - 2014. - № 2. - С. 14-18.

⁸ Мерзлякова, И.В. Теоретико-методологические основы социологического анализа социального благополучия населения региона: автореферат дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.01 / И.В. Мерзлякова. - Барнаул, 2007. - 19 с.

В рамках правового подхода жизненно важные интересы личности, общества и государства определяются законодательством и правоприменительной практикой. К данной категории отнесены право на жизнь, здоровье, безопасность, свободу, собственность и другие основные права и свободы, признанные международными договорами и внутренними законами. В правовом контексте разрабатываются нормы и механизмы для защиты обозначенных интересов, а также устанавливаются ответственность и меры принуждения в случае их нарушения.

Понятие «жизненно важные интересы» раскрывалось законодателем в Законе Российской Федерации «О безопасности» (утратил силу), где под ними понималась совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства (ст.1)¹. Этим же законом «соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства» относится к основным принципам обеспечения безопасности наряду с: законностью; взаимной ответственностью личности, общества и государства по обеспечению безопасности; интеграцией с международными системами безопасности (ст.5). Подобного подхода придерживается и ряд правоведов (М.Ю. Зеленков², Д.В. Коростелев³ и др.), приводящих в своих исследованиях в качестве определения понятия и сущности термина выдержки из данного нормативного акта.

В действующем отечественном законодательстве данная категория в прямом значении не раскрывается, однако, ее отдельные упоминания позволяют обозначить сферу, относимую государством к жизненно важным интересам. Например, в соответствии с Федеральным законом «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» к ним относится оборона страны и безопасность государства⁴.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» отмечено, что баланс интересов личности, общества и государства обеспечивается, в том числе, введением института необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица⁵.

Действительно, как подчеркивает С.А. Антипов, данный механизм позволяет:

- личности – защищаться от непосредственной угрозы для своей жизни или здоровья;
- обществу – обеспечивать общественный порядок и безопасность;
- государству – поддерживать общественную безопасность и защищать свои законные интересы⁶.

В свою очередь, в Российской Федерации в аспекте поддержания баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства, существует и жесткая система контроля объективности реализации института необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица. Это подтверждается статистическими данными, свидетельствующими о привлечении лиц, допустивших его нарушения, к уголовной ответственности за период с 2018 по 2022 годы.

Представим краткую статистическую информацию в таблице 1.

Таблица 1.
Статистические данные о назначенном наказании по статьям УК: ст. 108 ч.1, ч.2⁷

Год	Показатель	Осужд.	Оправдано	Лиш. свободы	Усл. лиш.	Огр.с вободы	Штраф	Испр.работы	Об.работы	Прин. меры
2022	Ст. 108 ч. 1	214	2	29	8	106	3	36	0	1
	Ст.108 ч. 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2021	Ст. 108 ч. 1	248	1	28	13	134	0	35	0	1
	Ст. 108 ч. 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2020	Ст. 108 ч. 1	227	1	30	7	123	0	30	0	0

¹ Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (утратил силу) // СПС Гарант

² Зеленков М.Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI веке. – М.: Юридический институт МИИТа, 2002. – 209 с.

³ Коростелев Д.В. Безопасность личности в условиях глобализации: проблемы и пути решения : автореферат дисс. ... кандидата полит. наук: 23.00.04 / Д.В. Коростелев. – М., 2008. - 27 с.

⁴ Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС Гарант

⁶ Антипов С.А. Конституционные основы уголовно-правового института необходимой обороны / С.А. Антипов // Актуальные проблемы российского права. – 2010. - № 1. – С. 237-241.

⁷ Судебная статистика Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.api-пресс.рф/> (дата обращения: 22.02.2024).

	Ст.108 ч. 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2019	Ст. 108 ч. 1	232	1	38	15	105	0	43	0	20
	Ст. 108 ч. 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2018	Ст. 108 ч. 1	221	1	41	21	115	1	27	0	1
	Ст.108 ч. 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Таким образом, из таблицы 1 можно сделать вывод, что в Российской Федерации существует система государственного судебного контроля за реализацией института необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, обеспечивающего поддержание баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства.

В подтверждении представим на рисунке 1 данные о количестве осужденных по ст. 108 ч.1 УК РФ.

Рисунок 1. Количество осужденных по ст. 108 ч.1 УК РФ

Судебная система и правоохранительные органы строго контролируют случаи применения необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, анализируя обстоятельства каждого конкретного случая и определяя, было ли превышение полномочий, а также соответствовало ли действие закону и пропорционально ли было применено средство защиты. Эти механизмы контроля направлены на обеспечение баланса интересов личности, общества и государства, гарантируя одновременно право граждан на защиту и безопасность, а также предотвращая злоупотребления и превышения полномочий со стороны правоохранительных органов.

Обращаясь к материалам правоприменительной практики, отметим, что суды зачастую прибегают к применению категории «жизненно важные интересы личности, общества и государства» при вынесении соответствующих решений. Так, изучая материалы дела № 2-1019/2020 от 25 ноября 2020 г., рассматриваемого Похвистневским районным судом Самарской области, относительно законности увольнения работника, пребывающего на территории стратегически важного объекта в состоянии алкогольного опьянения, судья отмечает, что «*нахождение работника в период междусменного отдыха в жилых помещениях на территории опасных производственных объектов в состоянии алкогольного опьянения влечет нарушение им требований ... приводит к снижению уровня состояния защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий*»¹.

Следовательно, можно сделать вывод о расширении сферы жизненно важных интересов личности, общества и государства в рамках правового подхода, посредством отнесения к ним соблюдение требований безопасности труда и техники безопасности, обеспечивающих предотвращение аварий на опасных производственных объектах, травмы, потерю человеческих жизней, ущерб окружающей среде и имуществу и т.д.

Подтверждение истинности данного положения можно найти и в Постановлении Правительства РФ «Об организации и осуществлении производственного контроля за соблюдением требований промышленной безопасности», в котором указано, что «промышленная безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий

¹ Решение № 2-1019/2020 2-1019/2020~М-1062/2020 М-1062/2020 от 25 ноября 2020 г. по делу № 2-1019/2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/gYxnI9baiwJz/> (дата обращения: 22.02.2024).

указанных аварий»¹.

Таким образом, в рамках правового подхода жизненно важные интересы личности, общества и государства предполагают охраняемые законодательством и защищаемые судебной системой основные права, свободы и благополучие, необходимые для обеспечения жизнедеятельности, безопасности и процветания как отдельного человека, так и общества в целом, с целью обеспечения гармонии и стабильности личности, общества и государства.

С позиции экономического подхода, жизненно важные интересы связаны с обеспечением материального благополучия личности, созданием благоприятных условий для экономического роста и развития общества, а также обеспечением стабильности и устойчивости государственного хозяйства. Экономические меры включают в себя разработку и реализацию социальных программ, инвестиции в образование, здравоохранение, инфраструктуру и другие области, способствующие повышению качества жизни и укреплению экономической базы общества.

Для социально-экономического развития в контексте теории экономической безопасности выделение жизненно важных экономических интересов является ключевым аспектом обеспечения устойчивого развития человека, общества и государства. Эти интересы направлены на обеспечение самосохранения и прогрессивного развития, что способствует созданию условий для экономической стабильности и благополучия.

Жизненно важные интересы личности, общества и государства являются основой экономической системы, создавая стимулы для развития, инноваций и процветания как на уровне отдельного индивида, так и на уровне общества в целом. Г.А. Чоюбекова отмечает, что они играют ключевую роль в экономической системе, стимулируя развитие и динамику экономических отношений на трех уровнях:

1) личностном – экономическая система обеспечивает защиту экономических интересов каждого индивида, включая право на работу, ответственность, честные условия труда и возможность личного экономического развития. Стимулы для личности включают в себя возможность трудоустройства, получение достойного заработка, доступ к образованию, здравоохранению и другим услугам, способствующим личному благополучию.

2) общественном – экономическая система способствует развитию общества в целом, обеспечивая его потребности и стремления, включая в себя создание рабочих мест, развитие инфраструктуры, поддержку социальных программ и улучшение качества жизни. Стимулы для общества включают в себя экономический рост, сокращение бедности и неравенства, повышение уровня жизни, укрепление социальной стабильности и солидарности.

3) государственном – государство играет важную роль в создании стимулов для развития экономики через принятие соответствующих экономических политик, регулирование рынков, инвестирование в инфраструктуру и социальные программы. Государство нацелено на повышение национального благосостояния, обеспечение национальной безопасности, укрепление финансовой устойчивости и конкурентоспособности на мировой арене².

Жизненно важные экономические интересы включают:

1) Обеспечение экономической безопасности, как гарантирование стабильности экономической системы, защита от кризисов и угроз экономической безопасности.

2) Обеспечение занятости и доходов, предполагающее создание рабочих мест, обеспечение достойной оплаты труда, защиту прав работников и социальную поддержку.

3) Развитие человеческого капитала посредством инвестирования в образование, здравоохранение, профессиональную подготовку и развитие навыков, способствующих повышению качества жизни, росту производительности труда и конкурентоспособности общества.

3) Обеспечение устойчивого экономического роста через содействие инновациям, развитию предпринимательства, созданию благоприятной инвестиционной среды и разностороннему развитию экономики способствует устойчивому экономическому росту.

4) Социальная защита и справедливость, как условия обеспечения социальной защиты уязвимых групп населения, борьба с бедностью и неравенством, справедливое распределение доходов и возможностей являются важными жизненно важными экономическими интересами³.

Удовлетворение обозначенных жизненно важных экономических интересов способствует созданию устойчивой и процветающей экономики, обеспечивает благополучие и безопасность общества, а также способствует прогрессивному развитию человека, общества и государства в целом.

Социальный (в отдельных источниках – социологический⁴) подход к определению жизненно важных интересов личности, общества и государства акцентирует внимание на социальных отношениях, нормах и ценностях, которые формируют общественное благополучие и гармонию. В рамках данного подхода важным является обеспечение социальной справедливости, равенства возможностей, защита уязвимых категорий населения, а также создание условий для развития общественной интеграции и солидарности. В рамках социального подхода особое внимание уделяется вопросам образования, здравоохранения, социальной защиты и культурного развития, которые считаются основными составляющими жизненно важных интересов общества.

Интересы личности включают в себя все аспекты жизни, которые существенны для благополучия и самореализации человека, и могут варьироваться в зависимости от индивидуальных ценностей, убеждений и потребностей каждого человека⁵.

К ним, в первую очередь, следует отнести:

¹ Постановление Правительства РФ от 18 декабря 2020 г. № 2168 "Об организации и осуществлении производственного контроля за соблюдением требований промышленной безопасности" (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант.

² Чоюбекова, Г.А. Экономические интересы и их реализация на современном этапе : автореферат дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.01 / Г.А. Чоюбекова. - Бишкек, 2013. - 25 с.

³ Днепропсковская, И.В. Национальные экономические интересы России в условиях глобализации : автореферат дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.01 / И.В. Днепропсковская. - Волгоград, 2005. - 24 с.

⁴ Долгов, Ю.Н. Ценностно-событийный анализ жизненного пути личности: автореферат дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.06 / Ю.Н. Долгов - Саратов, 2004. - 19 с.

⁵ Орлова, О.В. Интересы личности и гражданское общество / О.В. Орлова // Право и государство: теория и практика. – 2016. - № 2 (134). – С. 33-36.

- право на жизнь и здоровье, что подразумевает физическое и психическое здоровье, доступ к медицинской помощи, удовлетворение базовых потребностей, безопасность и безопасную среду и т.д.

- свободу и достоинство личности, поскольку Конституцией Российской Федерации закреплена необходимость обеспечения возможности самореализоваться, образовываться, работать, иметь доступ к культуре и отдыху, иметь возможность получить качественное образование, развивать свои навыки и таланты, доступ к информации и знаниям.

- защиту личности от насилия, дискриминации, и нарушений прав – соблюдение ее личных прав и свободы, закрепленных в Конституции РФ¹ и международных актах², как, например, право на свободу выражения, свободу выбора, право на справедливое судебное разбирательство, право на неприкосновенность личности и другие личные неимущественные права.

В исследовании Г.А. Севрюковой рассмотрены жизненно важные интересы общества как широкий спектр аспектов, необходимых для его стабильности, развития и процветания. Одним из ключевых интересов является обеспечение безопасности и защиты общественного порядка, включающее противодействие преступности, терроризму и другим формам угроз общественной безопасности, а также обеспечение законности и соблюдения правопорядка. Кроме того, жизненно важными интересами общества являются экономическое развитие и благосостояние: общество стремится к созданию условий для экономического роста, созданию рабочих мест, сокращению бедности и неравенства, а также обеспечению доступа к образованию, здравоохранению и другим социальным услугам. Важным аспектом является также сохранение и укрепление социальной солидарности и единства, способствующие поддержанию стабильности и гармонии в обществе, обеспечивающие эффективное функционирование его институтов³.

Вопрос жизненно важных социальных интересов государства не является новым для отечественной и зарубежной науки, ведь проблема соотношения социального и правового государства волнует исследователей на протяжении многих столетий.

Конституция Российской Федерации является основным правовым документом, который определяет принципы и основы организации государства⁴. В Основном законе нашего государства отражены элементы как правового, так и социального государства.

Правовое государство:

- Гарантия прав и свобод граждан. Конституция устанавливает принцип гарантирования прав и свобод граждан. Важные права, такие как право на жизнь, свободу, недопустимость пыток и бесчеловечного обращения, защищены основным законом.

- Принцип судебной власти. Конституция России предусматривает разделение властей и гарантирует независимость судебной системы. Это способствует обеспечению правосудия и защите прав граждан.

- Законность и правопорядок. Конституция подчеркивает принцип законности. Все действия государственных органов и должностных лиц должны соответствовать закону.

Социальное государство:

- Социальные права граждан. Конституция признает социальные права граждан, такие как право на жилье, медицинскую помощь, образование, право на социальное обеспечение, а также гарантии трудовых прав.

- Забота о семье, материнстве и детстве. Конституция уделяет внимание защите прав семьи, материнства и детства, обязует государство создавать условия для полноценного развития детей.

- Государственная поддержка уязвимых групп населения. Конституция предусматривает государственную поддержку для инвалидов, пожилых граждан, ветеранов, а также других категорий граждан, нуждающихся в особой защите.

- Экономические и социальные права. Конституция устанавливает принцип экономических и социальных прав, включая право на труд, право на отдых, право на образование.

- Экологические права. Важным аспектом социального государства является обеспечение экологических прав граждан, что отражено в статьях Конституции, посвященных охране окружающей среды.

Таким образом, Конституция Российской Федерации задает нормативно-правовую основу для формирования правового и социального государства, определяя права и обязанности граждан, принципы управления и основы социальной политики.

Среди основных черт социального государства Т. С. Ледович, Н. С. Касоткин, И. В. Крючкова выделяют⁵:

- систему социальной защиты, которая включает в себя различные формы социальной помощи, пособий, пенсий и медицинского обслуживания, направленных на обеспечение базового уровня жизни;

- социальное страхование, где граждане вносят взносы, чтобы в случае болезни, потери работы или других трудностей иметь право на социальные выплаты;

- создание условий для равных возможностей в образовании, труде и других областях, чтобы все члены общества имели равный

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета, № 237 от 25 декабря 1993 г.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СПС Гарант. Действие настоящего документа прекращено в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 года - Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ – примечание автора.

³ Севрюкова, Г.А. Социально-политическая стабильность как условие обеспечения жизненно важных интересов российского общества: На материалах Центрального региона Российской Федерации : автореферат дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.06 / Г.А. Севрюкова. – М., 2000. - 22 с.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Консультант Плюс - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lf6bp0qph262533414 (дата обращения: 14.01.2024).

⁵ Ледович, Т. С. Конституционные основы социально-экономической политики российского государства: социальное государство, проблемы и пути реализации / Т. С. Ледович, Н. С. Касоткин, И. В. Крючкова // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2021. – № 2(58).

доступ к ресурсам и благам;

- борьба с экономическим и социальным неравенством посредством введения налоговых политик и социальных программ, направленных на снижение разрыва в статусе между богатыми и бедными;
- обеспечение общественного здоровья: социальное государство активно вмешивается в систему здравоохранения, предоставляя медицинские услуги и программы профилактики для обеспечения здоровья и поддержания здорового образа жизни у граждан;
- гарантия трудовых прав: социальное государство поддерживает законы, направленные на защиту трудовых прав, обеспечение безопасности на рабочем месте и обеспечение социальных льгот для работников.

Исследователи выделяют следующие проблемы соотношения правового и социального государства.

1. Проблема баланса между свободой и равенством¹.

Возникает сложность в определении границ между индивидуальными свободами и правами граждан и необходимостью обеспечения социального равенства. Как сохранить права и свободы личности, при этом содействовать уменьшению социальных неравенств и обеспечивать справедливость?

Разрешение проблемы баланса между свободой и равенством требует тщательного взвешивания интересов индивида и общества и возможно следующими путями:

- разработка сбалансированных законов и политик, которые учитывают как права и свободы индивида, так и социальную справедливость, включая в создание механизмов, обеспечивающих равные возможности для всех граждан, минимизируя при этом вмешательство в их личные свободы;
- прозрачность и широкое обсуждение правовых и социальных вопросов;
- включение общественности в процесс принятия решений и разработки политик может обеспечить широкий спектр мнений и предложений. Диалог между гражданами, представителями государства и общественными организациями помогает выработать более согласованные решения.

2. Недостаточная эффективность социальных программ².

Государственные социальные программы могут сталкиваться с проблемой неэффективности в достижении поставленных социальных целей. Как обеспечить эффективное распределение ресурсов и справедливое воздействие программ на различные слои населения?

Для решения проблемы недостаточной эффективности социальных программ можно предложить следующие пути:

- Проведение систематического анализа и оценки эффективности текущих социальных программ. Это включает в себя оценку результатов, измерение воздействия на целевую аудиторию, анализ затрат и выгод от реализации программ. Путем углубленного аудита можно выявить слабые места и проблемы в реализации программ и предложить коррективы.
- Пересмотр структуры и механизмов управления социальными программами с целью повышения их эффективности. Это включает в себя улучшение мониторинга и оценки, более эффективное использование ресурсов, оптимизацию процессов принятия решений и снижение бюрократических барьеров. Гибкость в реагировании на изменения в социальной среде также может повысить эффективность программ.
- Повышение участия общественности и вовлечение неправительственных организаций в реализацию социальных программ. Это может включать в себя создание партнерств между государственными учреждениями, бизнес-сектором и гражданским обществом. Общественные обсуждения и партнерства могут обеспечить более точное понимание потребностей целевой аудитории и способствовать более эффективной реализации программ.

3. Финансовые ограничения³.

Ограниченные бюджетные ресурсы могут стать преградой для полного осуществления социальных программ. Как обеспечить устойчивое финансирование социальных и правовых инициатив, учитывая финансовые ограничения государства?

Для решения указанной проблемы можно предложить два основных пути:

- осуществление более эффективного управления расходами и ресурсами социальных программ, включая аудит финансов, оптимизацию бюджета, применение современных технологий для автоматизации процессов и снижения административных издержек.
- Привлечение дополнительных источников финансирования за счет партнерства с частным сектором, привлечения средств через благотворительные организации и фонды, которые могут предоставлять дополнительные ресурсы на реализацию конкретных проектов, финансирование из международных источников.

4. Соотношение обязанностей государства и граждан⁴.

Возникают вопросы о том, насколько государство должно активно вмешиваться в социальные процессы и насколько граждане сами должны нести ответственность за свое благосостояние. Как сбалансировать обязанности государства и личной ответственности граждан?

¹ Самсонова, Т. Н. Проблема равенства в западноевропейской социально-политической мысли XV-первой половины XIX века : автореферат дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Т. Н. Самсонова. – М., 1999. - 50 с.

² Рекомендации по оценке социально-экономической эффективности социальных программ. Определения, подходы, практический опыт / Е.И. Андреева, И.Д. Горшкова, А.С. Ковалевская. - М.: Издательство «Проспект», 2014. - 72 с.

³ Финансовые и банковские риски : учебник / Л. И. Юзвович, Ю. Э. Слепухина, Ю. А. Долгих, В. А. Татьянников, Е. В. Стрельников, Р. Ю. Луговцов, М. Н. Клименко ; под ред. Л. И. Юзвович, Ю. Э. Слепухиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 336 с.

⁴ Рузаева Д. В. Понятие конституционных обязанностей государства и субъекты их реализации / Д.В. Рузаева // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». - 2023. - Т. 11. - № 3. - С. 91–99.

Таким образом, анализируемые подходы к определению сущности жизненно важных интересов личности, общества и государства (правовой, экономической и социальной) взаимосвязаны и дополняют друг друга, создавая комплексный подход к определению и защите данного правового принципа. Жизненно важные интересы общества включают в себя обеспечение безопасности, стабильности, экономического развития, социальной справедливости и уважения культурных различий. Также важно обеспечить образование, здравоохранение, социальную защиту и доступ к информации для всех членов общества.

Жизненно важные интересы государства включают в себя обеспечение безопасности и суверенитета территории, защиту законов и порядка, обеспечение эффективного управления и благополучия граждан. Государство также обязано обеспечить экономическое развитие, социальную стабильность, экологическую безопасность и управление общественными ресурсами.

Напомним, что соблюдение баланса жизненно важных интересов личности общества и государства играет важную роль в формировании устойчивого общества и обеспечении его развития, а также является ключевым фактором в обеспечении национальной безопасности. Рассмотрим подробнее, как соблюдение этого баланса влияет на процессы развития общества и на уровень его безопасности, выявляя важность гармонии между интересами личности, общества и государства для устойчивого функционирования национальной системы.

Анализируя правовой подход к определению сущности рассматриваемой категории, установлено, что на законодательном уровне создана правовая база для соблюдения баланса публичных и частных интересов в сфере обеспечения безопасности. В данном направлении сегодня функционируют федеральные законы «О безопасности»¹, «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»² и др. Однако, отсутствие системности и последовательности в законодательном закреплении правовых норм, приводит к множественности подходов к их определению. Так, действующий закон «О безопасности» не содержит объяснения взаимосвязи интересов личности, общества и государства и социально-экономического развития и безопасности страны, однако в Стратегии национальной безопасности под национальной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны (ст.5).

Следовательно, данное определение предполагает одинаковую ценность и важность прав личности, общества и государства.

Устойчивое социально-экономическое развитие предполагает непрерывное повышение качества жизни населения, обеспечение занятости, доступности образования, здравоохранения и социального обеспечения. Безопасность страны требует поддержания оборонного потенциала, обеспечения законности и правопорядка, предупреждения и пресечения внутренних и внешних угроз.

Н.Н. Пономаревым предлагается рассматривать жизненно важные интересы личности, общества и государства в аспекте обеспечения национальной безопасности страны, отражая благополучие и неприкосновенность государства, его граждан и территории. В рамках авторской концепции исследователь включает следующие характеристики, определяющие данную категорию³ (Таблица 2).

Таблица 2.

Компоненты категории «жизненно важные интересы личности, общества и государства» (по Н.Н. Пономареву)

Компонент	Характеристика
Территориальная целостность	Обеспечивает защиту территориальных границ государства от внешних угроз агрессии, терроризма и незаконной аннексии. Потеря территориальной целостности расценивается как угроза жизненно важным интересам личности, общества и государства, приводящая к утрате контроля над ключевыми ресурсами и территориями
Политическая стабильность	Стабильность политической системы предполагает отсутствие или конструктивное управление политическими конфликтами, массовыми протестами или кризисами, поскольку последние обуславливают формирование уязвимости перед внешними и внутренними угрозами
Экономическая безопасность	Экономическая стабильность и процветание обеспечивают неустойчивость экономики даже в условиях экономического давления, санкций, дестабилизации валюты и т.д.
Социальная стабильность	Внутренние конфликты, расовые, этнические или религиозные напряжения могут представлять серьезную угрозу национальной безопасности. Обеспечение социальной солидарности, равенства и справедливости важно для предотвращения конфликтов и сохранения социальной стабильности.
Информационная безопасность	Предполагает защиту интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения информационных ресурсов и кибербезопасности посредством защиты от кибератак, дезинформации и информационного шпионажа
Безопасность энергетических ресурсов	Обеспечивается посредством доступа к энергетическим ресурсам и защиты энергетической инфраструктуры государства

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. № 1 ст. 2

² Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. N 27 (часть II) ст. 5351

³ Пономарев Н.Н. Национальные интересы в концепции национальной безопасности России: проблемы теории и практики / Н.Н. Пономарев // Общество и право. - № 4 (31).

Для достижения баланса интересов необходимо соблюдение следующих условий:

1. Обеспечение равенства прав и свобод граждан независимо от их социального статуса, национальности, пола и т.д.
2. Создание условий для развития предпринимательства, стимулирования инноваций и инвестиций.
3. Формирование эффективной системы управления, основанной на принципах демократии и разделения властей.
4. Укрепление межнационального и межконфессионального согласия, предотвращение конфликтов и проявлений экстремизма.
5. Развитие международного сотрудничества, укрепление партнерских отношений с другими странами и международными организациями.
6. Формирование благоприятной экологической обстановки, сохранение природного и культурного наследия.

В судебной практике существует множество примеров, когда суды сталкиваются с необходимостью соблюдения баланса между жизненно важными интересами личности, общества и государства. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Судебные дела о праве на частную жизнь. К ним относятся вопросы конфиденциальности медицинской информации или использования личных данных без согласия. В таких случаях судам необходимо обеспечить поддержание баланса между правом личности на частную жизнь и интересами общества в доступе к информации или защите общественной безопасности.

Наиболее распространенным посягательством на данное право является установленное диспозицией ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

Так, рассматривая дело № 1-288/2021, Арсеньевский городской суд Приморского края установил виновность лица, имеющего специальные полномочия, в распространении сведений о частной жизни находящейся в реанимационном отделении после осложнений, возникших в процессе родоразрешения гражданки Н. Из материалов следует, что медицинская сестра К., действуя в интересах знакомой П., сделала фотографии медицинского заключения и амбулаторной карты гражданки П., после чего направила их через социальные сети своей знакомой, тем самым, «произвела незаконное соби́рание и распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну, без его согласия, совершенные с использованием своего служебного положения». За совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 137 УК РФ, виновной назначено наказание в виде штрафа размером 15 000 руб¹.

Следовательно, с одной стороны, право на неприкосновенность частной жизни является важным аспектом личной свободы и автономии индивида, защищая частную сферу личности от нежелательного вмешательства со стороны третьих лиц. Нарушение этого права приводит к ущемлению личных свобод и прав, а также в отдельных случаях к утрате доверия между гражданами и властными структурами. Однако, следует отметить, что в определенных ситуациях государство вынуждено вмешиваться в неприкосновенность частной жизни, например, посредством установления ответственности в отношении лиц, нарушивших соответствующую уголовную норму.

Таким образом, нарушение неприкосновенности частной жизни требует тщательного обсуждения и анализа с учетом интересов как личности, так и общества в целом, а также с учетом законных полномочий государства в обеспечении безопасности и защите общественных интересов.

Дела о свободе выражения, например, вопросы цензуры или запрета определенных высказываний. В таких случаях суды должны учитывать право личности на свободу выражения, одновременно с обязанностью государства защищать общественный порядок и предотвращать нанесение ущерба другим людям.

Рассмотрим Решение Белогорского городского суда (Амурская область) от 24 ноября 2020 г. по делу № 2-1927/2019. Из материалов следует, что гражданином И. подан иск к ООО «ДНС Ритейл» о защите чести, достоинства и деловой репутации, о взыскании компенсации морального вреда. Ситуация судебного разбирательства заключалась в том, что истец предположил, что после его увольнения сотрудники и руководство указанной организации распространили о нем информацию, несоответствующую действительности, а именно – об употреблении им психотропных и других запрещенных веществ. Суд пришел к выводу о том, что предположения истца не нашли подтверждения, на основании чего последнему было отказано в запрашиваемом требовании².

Дела о праве на справедливое судебное разбирательство. Например, вопросы соблюдения права на адвоката, права на обжалование решений суда или права на независимое и беспристрастное судебное разбирательство. В таких случаях судам необходимо обеспечивать баланс между интересами личности в защите своих прав и интересами общества в эффективном функционировании правосудия и соблюдении закона.

В качестве примера приведем Постановление Конституционного суда от 16 марта 2017 года в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабузова, заявившего о сомнениях в конституционности положений п. 2 ч. 2 ст. 30 и п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ. Анализируя материалы, суд признал «положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (ч.ч. 1 и 3), 19, 47, 55 (ч. 3) и 123 (ч. 4), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования... ими исключается возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению достигшего шестидесятипятилетнего возраста мужчины в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, притом что уголовное дело по обвинению мужчины в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет, а также женщины старше восемнадцати лет в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рас-

¹ Приговор №1-288/2021 25MS0101-01-2021-001671-29 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/62464005> (дата обращения: 22.02.2024).

² Решение № 2-1927/2019 2-1927/2020 2-1927/2020-М-1909/2020 М-1909/2020 от 24 ноября 2020 г. по делу № 2-1927/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/900Batdufrvl> (дата обращения: 22.02.2024).

смотрено судом в этом составе»¹.

Дела о правах мигрантов и беженцев, в том числе, вопросы о предоставлении убежища, праве на семейную жизнь или свободе передвижения. В таких случаях суды должны учитывать права и интересы личности, одновременно с обязанностью государства обеспечить безопасность и порядок, а также учет общественного мнения и интересов.

Интересным является следующий пример из правоприменительной практики. В Решении Люберецкого городского суда Московской области от 5 октября 2020 г. по делу № 2А-5461/2020 истец заявляет о нарушении его права на предоставление убежища, требуемого его в связи с военными действиями в Сирии, гражданином которой он является. В качестве аргументов истец приводит примеры совершения военных действий на территории государства, а также наличие у него детей и супруг, которые нуждаются в защите и предоставлении убежища. Ввиду распространения коронавирусной инфекции пребывание иностранных граждан на территории России ограничено временными рамками, что не позволило истцу своевременно оформить требуемые документы, подтверждающие статус беженца. Судом установлено, что истцом произведено несвоевременное обращение в подразделения миграции, предоставление неполного пакета документов, не подтвержден и факт пребывания в России членов его семьи, а также другие нарушения. Судом принято решение об отказе в иске и обоснованности депортации гражданина².

Анализ приведенных выше примеров правоприменительной практики показал, что в каждом конкретном случае суды неизменно учитывают все обстоятельства дела и принимают решения, обеспечивающие справедливость и баланс между жизненно важными интересами личности, общества и государства.

Подводя итог, стоит отметить, что баланс жизненно важных интересов личности, общества и государства играет важную роль в обеспечении устойчивого социально-экономического развития и безопасности страны. Необходимо учитывать и удовлетворять потребности и права отдельного человека, целого общества и государства, чтобы создать гармоничное и безопасное окружение для развития всех сторон. Только обеспечивая равновесие и координацию между этими интересами, можно добиться успеха и процветания на долгосрочной основе.

Библиография:

1. Деменишин, А. В. О некоторых актуальных вопросах безопасности как правовой категории / А. В. Деменишин // Право: история, теория, практика: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2011 г.). - СПб: Реноме, 2011. - С. 9-12.
2. Степанов, А.В. Национальная безопасность, миграционная безопасность, миграционный порядок: теоретико-правовой анализ: монография / А. В. Степанов. - Пермь: ФКОУ ВПО Пермский ин-т ФСИН России; Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2015. - 305 с.
3. Головин, Ю.А. Жизненно важные интересы России в пограничном пространстве на рубеже XX-XXI веков и роль Федеральной пограничной службы Российской Федерации в их защите: дисс. д-ра полит. наук: 23.00.01/Ю.А. Головин. - Ярославль, 1999. - 373 с.
4. Габараева Ж.Ф. Интересы в экономической сфере личности, общества и государства / Ж.Ф. Габараева // Экономика и социум. – 2014. - № 4 (13). – С. 292-294.
5. Котельникова, М.А. Трансформация модели экономической безопасности личности в современных условиях: автореферат дис. ... канд. эконом.наук : 08.00.01 / М.А. Котельникова. - Тамбов, 2015. - 156 с.
6. Барковская, Е.В. Социальная безопасность: методологический анализ и практика социологического исследования: дисс. ... канд. социолог. наук: 22.00.04 / Е.В. Барковская. – М., 2005. - 140 с.
7. Капуловский А.В. Обеспечение баланса интересов личности, общества и государства при принятии управленческих решений / А.В. Капуловский // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2014. - № 2. – С. 14-18.
8. Мерзлякова, И.В. Теоретико-методологические основы социологического анализа социального благополучия населения региона: автореферат дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.01 / И.В. Мерзлякова. – Барнаул, 2007. – 19 с.
9. Зеленков М.Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI веке. – М.: Юридический институт МИИТа, 2002. – 209 с.
10. Коростелев Д.В. Безопасность личности в условиях глобализации: проблемы и пути решения : автореферат дисс. ... кандидата полит. наук: 23.00.04 / Д.В. Коростелев. – М., 2008. - 27 с.
11. Антипов С.А. Конституционные основы уголовно-правового института необходимой обороны / С.А. Антипов // Актуальные проблемы российского права. – 2010. - № 1. – С. 237-241.
12. Чоубекова, Г.А. Экономические интересы и их реализация на современном этапе : автореферат дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.01 / Г.А. Чоубекова. - Бишкек, 2013. - 25 с.
13. Днепровская, И.В. Национальные экономические интересы России в условиях глобализации : автореферат дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.01 / И.В. Днепровская. - Волгоград, 2005. - 24 с.
14. Долгов, Ю.Н. Ценностно-событийный анализ жизненного пути личности: автореферат дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.06 / Ю.Н. Долгов - Саратов, 2004. - 19 с.
15. Орлова, О.В. Интересы личности и гражданское общество / О.В. Орлова // Право и государство: теория и практика. – 2016. - № 2 (134). – С. 33-36.
16. Севрюкова, Г.А. Социально-политическая стабильность как условие обеспечения жизненно важных интересов российского общества: На материалах Центрального региона Российской Федерации : автореферат дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.06 / Г.А. Севрюкова. – М., 2000. - 22 с.
17. Ледович, Т. С. Конституционные основы социально-экономической политики российского государства: социальное государство, проблемы и пути реализации / Т. С. Ледович, Н. С. Какоткин, И. В. Крючкова // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2021. – № 2(58).
18. Самсонова, Т. Н. Проблема равенства в западноевропейской социально-политической мысли XV-первой половины XIX века : автореферат дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Т. Н. Самсонова. – М., 1999. - 50 с.
19. Рузаева Д. В. Понятие конституционных обязанностей государства и субъекты их реализации / Д.В. Рузаева // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». - 2023. - Т. 11. - № 3. - С. 91–99.
20. Пономарев Н.Н. Национальные интересы в концепции национальной безопасности России: проблемы теории и практики / Н.Н. Пономарев // Общество и право. - № 4 (31).

References:

1. Demenishin, A.V. On some topical issues of security as a legal category / A.V. Demenishin // Law: history, theory, practice: materials of the I International Scientific Conference (St. Petersburg, July 2011). - St. Petersburg: Renome, 2011. - pp. 9-12.
2. Stepanov, A.V., National security, migration security, migration law and order: theoretical and legal analysis: monograph / A.V. Stepanov. - Perm: FKO VPO Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Vladimir: VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2015. - 305 p.
3. Golovin, Yu.A. Vital interests of Russia in the border area at the turn of the XX-XXI centuries and the role of the Federal Border Service of the Russian Federation in their protection: dissertation by Dr. polit. Sciences: 23.00.01/ Yu.A. Golovin. - Yaroslavl, 1999. - 373 p.

¹ Постановлением Конституционного суда по делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова город Санкт-Петербург 16 марта 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.csf.ru/decision/KSRFDecision265152.pdf> (дата обращения: 22.02.2024).

² Решение № 2А-5461/2020 2А-5461/2020-М-5478/2020 А-5461/2020 М-5478/2020 от 5 октября 2020 г. по делу № 2А-5461/2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/l4vsvXrgcjUu/> (дата обращения: 22.02.2024).

4. Gabaraeva J.F. Interests in the economic sphere of the individual, society and the state / J.F. Gabaraeva // *Economics and society*. – 2014. - № 4 (13). – Pp. 292-294.
5. Kotelnikova, M.A. Transformation of the model of economic security of the individual in modern conditions: abstract of the dissertation of the Candidate of Economics. Sciences : 08.00.01 / M.A. Kotelnikova. Tambov, 2015. - 156 p
6. Barkovskaya, E.V. Social security: methodological analysis and practice of sociological research: dissertation ... cand. Social sciences: 22.00.04 / E.V. Barkovskaya. – M., 2005. - 140 p.
7. Kapulovsky A.V. Ensuring the balance of interests of the individual, society and the state in making managerial decisions / A.V. Kapulovsky // *Actual problems of modernity: science and society*. - 2014. – No. 2. - pp. 14-18.
8. Merzlyakova, I.V. Theoretical and methodological foundations of the sociological analysis of the social well-being of the population of the region: abstract of the dissertation ... cand. Social sciences: 22.00.01 / I.V. Merzlyakova. – Barnaul, 2007. – 19 p.
9. Zelenkov M.Yu. The legal foundations of the general theory of the security of the Russian state in the XXI century. – M.: MIITa Law Institute, 2002. – 209 p.
10. Korostelev D.V. Personal security in the context of globalization: problems and solutions : abstract of the dissertation of the candidate of political sciences. Sciences: 23.00.04 / D.V. Korostelev. – M., 2008. - 27 p.
11. Antipov S.A. Constitutional foundations of the criminal law institute of necessary defense / S.A. Antipov // *Actual problems of Russian law*. - 2010. - No. 1. – pp. 237-241.
12. Choybekova, G.A. Economic interests and their implementation at the present stage : abstract of the dissertation of the Candidate of Economics. Sciences: 08.00.01 / G.A. Choybekova. - Bish-kek, 2013. - 25 p.
13. Dneprovskaya, I.V. National economic interests of Russia in the context of globalization : abstract of the dissertation of the Candidate of Economics. Sciences: 08.00.01 / I.V. Dneprovskaya. - Volgograd, 2005. - 24 p.
14. Dolgov, Yu.N. Value-event analysis of the life path of a personality: abstract of the dissertation ... cand. Social sciences: 22.00.06 / Yu.N. Dolgov - Saratov, 2004. - 19 p.
15. Orlova, O.V. Interests of the individual and civil society / O.V. Orlova // *Law and the State: theory and practice*. – 2016. - № 2 (134). – Pp. 33-36.
16. Sevryukova, G.A. Socio-political stability as a condition for ensuring the vital interests of Russian society: Based on the materials of the Central region of the Russian Federation : abstract of the dissertation ... cand. Social sciences: 22.00.06 / G.A. Sevryukova. – M., 2000. - 22 p.
17. Ledovich, T. S. Constitutional foundations of the socio-economic policy of the Russian state: the welfare state, problems and ways of implementation / T. S. Ledovich, N. S. Kakotkin, I. V. Kryuchkova // *Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (Theory of economics and management of national economy)*. Economic sciences. – 2021. – № 2(58).
18. Samsonova, T. N. The problem of equality in Western European socio-political thought of the XV-first half of the XIX century : abstract by Dr. Polit. Sciences : 23.00.01 / T. N. Samsonova. – M., 1999. - 50 p.
19. Ruzaeva D. V. The concept of constitutional duties of the state and the subjects of their implementation / D.V. Ruzaeva // *Electronic scientific journal "Science. Society. The state."* - 2023. - Vol. 11. - No. 3. - pp. 91-99.
20. Ponomarev N.N. National interests in the concept of national security of Russia: problems of theory and practice / N.N. Ponomarev // *Society and law*. - № 4 (31).

МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ ПРИ ВЗИМАНИИ НАЛОГА НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ METHODS OF INCREASING THE EFFICIENCY OF THE WORK OF TAX AUTHORITIES IN THE COLLECTION OF CORPORATE PROPERTY TAX

КОРОБОВА Александра Петровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин,
Самарский государственный экономический университет.
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: a.p.korobova@inbox.ru;

СВИРИДОВА Анна Владимировна,

магистрант, Самарский государственный экономический университет.

443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: kura_19991@mail.ru;

KOROBOVA Alexandra Petrovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Departments of Theory of Law and public law disciplines,
Samara State University of Economics.

141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.

E-mail: a.p.korobova@inbox.ru;

SVIRIDOVA Anna Vladimirovna,

Master's student, Samara State University of Economics.

141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.

E-mail: kura_19991@mail.ru

Краткая аннотация: в статье исследуется проблема правового регулирования общественных отношений в сфере взимания налога на имущество организаций, рассматриваются основные задачи, стоящие перед налоговыми органами при осуществлении ими разнообразных мероприятий по налоговому контролю, а также сформировавшаяся в последние годы практика их решения. В частности, на примере одного из регионов Российской Федерации – Самарской области – приводятся актуальные статистические данные по объему недоимки налога на имущество организаций за 2022-2023 годы, анализируется судебная практика по делам о доначислении налога на имущество организаций. Проведена работа по выявлению и формулированию основных критериев для анализа эффективности деятельности органов налогового контроля, описаны методы, которые могут способствовать повышению качества работы контрольных органов в сфере имущественного налогообложения организаций.

Abstract: The article examines the problem of legal regulation of public relations in the field of corporate property tax collection, examines the main tasks facing tax authorities in carrying out various tax control measures, as well as the practice of solving them that has developed in recent years. In particular, using the example of one of the regions of the Russian Federation – the Samara region – current statistical data on the volume of arrears of corporate property tax for 2022-2023 are provided, judicial practice in cases of additional taxation of corporate property is analyzed. Work has been done to identify and formulate the main criteria for analyzing the effectiveness of tax control bodies, and methods that can help improve the quality of work of control bodies in the field of property taxation of organizations are described.

Ключевые слова: имущество организации, налог на имущество организаций, налогооблагаемая база, ставка налога, налоговый контроль, налоговый орган, налогоплательщик, налог, взимание налога.

Keywords: organization's property, corporate property tax, tax base, tax rate, tax control, tax authority, taxpayer, tax, tax collection.

Для цитирования: Коробова А.П., Свиридова А.В. Методы повышения эффективности работы налоговых органов при взимании налога на имущество организаций // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 153-155. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_153.

For citation: Korobova A.P., Sviridova A.V. Methods of increasing the efficiency of the work of tax authorities in the collection of corporate property tax // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 153-155. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_153.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2024

Трудно спорить с тем, что финансы и финансовая система являются основой функционирования современного государства. От того, насколько отдельные элементы финансовой системы страны будут эффективно взаимодействовать между собой, напрямую зависит благосостояние населения и страны в целом. Одним из таких важнейших элементов, звеньев финансовой системы Российской Федерации выступает бюджет, который включает в себя одновременно государственные, региональные и местные финансы. Основой государственного бюджета выступают налоги и сборы, уплачиваемые налогоплательщиками. Причем, на региональном уровне ключевое место по налоговым выплатам занимает налог на имущество организаций.

По данным отчетности о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей по субъекту РФ Самарская область за 2022 год по налогу на имущество организаций задолженность составила 190 543 тыс. рублей, за 2023 год – 1 283 890 тыс. рублей [6]. Анализ причин образования задолженности по налогу на имущество организаций свидетельствует прежде всего о несовершенстве отдельных норм налогового законодательства, не позволяющих налогоплательщикам однозначно определять налоговую базу при разграничении движимого и недвижимого имущества и, соответственно, верно рассчитывать сумму налога, причитающегося к уплате. К таким причинам можно отнести также отсутствие единообразной судебной практики по рассмотрению этой категории споров. В частности, ее образуют судебные акты, касающиеся вполне конкретных объектов и индивидуальных случаев, не всегда способных служить универсальным образцом для разрешения спорных

ситуаций в отношении всех организаций, уплачивающих данный вид налога. Для имущества, облагаемого по кадастровой стоимости, количество оспариваемых случаев определения стоимости имущества остается на высоком уровне в первую очередь в связи с незавершенным процессом кадастрафикации объектов. Организации оспаривают кадастровую стоимость, снижая налоговую базу для уплаты налога [5].

Думается, что указанные проблемы заслуживают особого внимания со стороны как законодателя, так и правоприменителей. Так, представляется целесообразной оптимизация работы налоговых органов за счет совершенствования форм и методов налогового контроля, а также уточнения задач, которые стоят перед этими структурами.

Налоговый контроль направлен на выполнение следующих задач:

- верное толкование налогоплательщиками налогового законодательства;
- стремление налогоплательщиков к полной и своевременной уплате налогов;
- выявление причин неверного исчисления налогоплательщиками сумм уплачиваемых налогов;
- принятие мер по устранению выявленных нарушений;
- усовершенствование взаимодействия между контрольными органами.

На данный момент единственным по-настоящему действенным методом реализации функций налогового контроля для налоговых органов остается налоговая проверка. Эффективность проверок составляет 97 %. Как правило, по результатам данных мероприятий налогоплательщики привлекаются к ответственности в соответствии со статьей 122 Налогового кодекса Российской Федерации [1].

В нижеприведенной таблице приведен ряд судебных решений, показывающих результативность деятельности налоговых органов в ходе выполнения контрольных мероприятий.

Номер дела	Принятое решение	Краткое описание
A20-5035/2020	доначислить налог	Налоговый орган доначислил налог на имущество организации, обосновывая это тем, что ею неверно применены льготы. Юридическое лицо не смогло подтвердить, что объекты созданы за счет инвестиционных вложений.
A52-4432/2022	доначислить налог	Налоговый орган доначислил налог на имущество организации в связи с неверным исчислением налога в отношении имущества – гаража. Объект имеет признаки недвижимого имущества, налог правомерно доначислен на основании сведений о кадастровой стоимости, внесенных в ЕГРН.
A51-7270/2021	доначислить налог	Налоговым органом был доначислен налог на имущество организации в связи с тем, что обществом электро-сетевое имущество неверно отнесено к движимому и не включено в налоговую базу.

Очевидно, что тотальный контроль за всеми организациями-налогоплательщиками едва ли возможен, да и не нужен в принципе. В целях повышения эффективности контрольных мероприятий Федеральной налоговой службой утверждена Концепция системы планирования выездных налоговых проверок, в соответствии с которой определены критерии, позволяющие оценить финансово-хозяйственную деятельность организаций [2]. Данный анализ дает возможность предприятию самостоятельно произвести оценку состояния хозяйственной деятельности и устранить нарушения в ходе отчетного периода, а налоговым службам – оперативно принять решение о необходимости включения той или иной организации в план проверок.

Несмотря на то, что выездные и камеральные проверки как инструмент налогового контроля показывают хороший результат, нельзя забывать о том, что в условиях рыночной экономики количество организаций-налогоплательщиков постоянно растет. Поэтому за отчетный период возможно охватить контролем лишь ограниченное число налогоплательщиков – юридических лиц. А это говорит о том, что механизм функционирования контролирующих органов нуждается в дальнейшем усовершенствовании, причем, в разных направлениях.

Важным средством для понимания того, насколько эффективна работа налоговых органов, является оценка качества их работы. Принимая во внимание специфику деятельности органов налогового контроля, можно выделить ряд критериев, позволяющих проанализировать целесообразность проводимых мероприятий:

- сумма поступивших в бюджет налоговых платежей;
- процент отклонения прогнозируемых доходов от фактически поступивших;
- составление статистики по росту или уменьшению числа проведенных проверок за текущий период и предшествующий;
- количество решений суда в пользу налоговых органов по делам о доначислении налогов;
- количество решений суда по признанию заключений налоговых органов недействительными;
- сокращение суммы задолженности по налогам и сборам;
- количество поданных в срок деклараций;
- количество жалоб налогоплательщиков на деятельность налоговых органов;
- соотношение затрат на проведение контрольных мероприятий с доходами, полученными в результате их проведения;
- сравнение показателей работы налоговых органов по субъектам.

Недостатком данного метода выявления проблем в деятельности органов налогового контроля является необходимость сбора и анализа большого объема информации, что предполагает, соответственно, вовлечение в процесс дополнительного персонала. Вместе с тем преобладание количественных показателей свидетельствует об объективности выбранного подхода, также появляется возможность выявить пробелы в деятельности налогового органа для исключения факторов, способствующих снижению эффективности его работы.

Целью налоговой политики является разработка таких подходов к сбору налогов, которые могли бы способствовать упрощению процессов их взимания и осуществления функций контроля за этим.

Для оптимизации налогообложения видится целесообразным применение метода объединения налогов на имущество организации,

имеющих схожую процедуру формирования налоговой базы. Речь идет о налоге на недвижимое имущество и земельном налоге [4]. Расчет этих налогов базируется на стоимости, использование объекта недвижимости невозможно без использования земельного участка под ним. Описанный подход способствует:

- узакониванию прав на все недвижимое имущество;
- уменьшению общего количества уплачиваемых налогов, а как следствие – расходов на осуществление функций контроля за их сбором;
- увеличению поступлений доходов в соответствующий бюджет.

Но стоит отметить и факторы, препятствующие воплощению указанного подхода. Так, порядок расчета кадастровой стоимости в отношении объектов и земельных участков неодинаков, внедрение единого подхода потребует значительного времени и дополнительного финансирования, что не является желательным в период нестабильной ситуации в экономике [3].

Другим показателем, позволяющим судить об эффективности деятельности налоговых органов, является правильное применение норм налогового законодательства налогоплательщиками. В случае формирования налоговой базы по налогу на имущество налогоплательщики сталкиваются с существенными трудностями в процессе определения имущества, подлежащего налогообложению. Конкретные характеристики сооружений, подлежащих включению в налогооблагаемую базу, не указаны в налоговом или каком-либо ином законодательстве. Единственный выход из сложившейся ситуации на данный момент – это разработка и доведение до сведения плательщиков налогов подробных разъяснений по указанному вопросу от уполномоченных органов. Работа по подготовке и публикации информационных писем будет способствовать исключению ошибок при формировании налоговой базы для собственников имущества.

Кадровая составляющая, как известно, важна для любой организации, не исключение и органы исполнительной власти. Вспомним известную фразу о том, что «кадры решают все». Компетентность сотрудников позволяет быстро решать задачи, исключая ошибки в работе. Поэтому постоянные обучения, конференции, направленные на повышение уровня профессиональной компетенции сотрудников, являются неотъемлемым элементом работы сотрудников налоговых структур.

Наличие информационных систем, различных источников информации, автоматизированных программ значительно упрощает обмен информацией. Этот метод применяется для оперативного доведения важных сведений до налогоплательщиков. Информационные ролики, образцы заполнения документов должны быть доступны любому заинтересованному лицу.

Метод, который распространен в том числе и в структуре налоговых органов, – это обратная связь по результату взаимодействия, возможность оставить отзыв как на сайте налоговой службы, так и оценить качество после телефонного разговора. Своевременный анализ и оперативное реагирование на полученную информацию позволит улучшить качество взаимодействия, предотвращая недостатки в работе в будущем.

Все указанные методы и показатели широко применяются в налоговой практике и достаточно эффективны. Особо стоит уделить внимание такому важному аспекту, как заинтересованность самих налогоплательщиков в уплате налогов. Одним из способов решения данной проблемы является увеличение штрафов за избежание уплаты налогов.

Описанные выше меры повышения эффективности деятельности налоговых органов в области контрольных мероприятий играют важную роль, позволяя сократить расходы на выездные мероприятия, тем самым способствуют экономии бюджетных средств. Возможность охватить большее число организаций для проверки и своевременно выявить нарушения позволит увеличить объемы поступлений от налогов. Современные информационные системы способствуют упрощению и повышению качества работы контрольных органов. Только при правильном взаимодействии всех элементов работа налоговой системы станет наиболее действенной, направленной на сокращение недополученных средств от налогов, при минимальных трудозатратах в процессе осуществления контрольной деятельности.

Библиография:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 № 146-ФЗ (ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012) «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба [сайт]. [2024]. URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
3. Владимиров Д.Ю., Мисиркаева К.Р. Проблемы и перспективы развития налога на имущество организаций в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7 (173). С. 142-146.
4. Косаренко Н.Н. К вопросу о налогообложении имущества организаций // Вестник Национального института бизнеса. 2022. Выпуск № 4 (48). С. 28-32.
5. Ногина О.А., Темиров Э.А. Правовые проблемы формирования перечня объектов недвижимого имущества органами государственной власти субъектов РФ в целях взимания налога на имущество организаций исходя из кадастровой стоимости // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 6. С. 154-182.
6. Сводные статистические данные отчетности о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей за 2022 и 2023 год [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба [сайт]. [2024]. URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 27.01.2024).

References:

1. The Tax Code of the Russian Federation (Part one) dated July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on 11/21/2022) (with amendments and additions) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. St. 3824.
2. Order of the Federal Tax Service of Russia dated 30.05.2007 No. MM-3-06/333@ (ed. dated 05/10/2012) "On approval of the Concept of the planning system for on-site tax audits" [Electronic resource] // Federal Tax Service [website]. [2024]. URL: <https://www.nalog.gov.ru/> / (date of access: 04/20/2024).
3. Vladimirov D.Yu., Misirkaeva K.R. Problems and prospects of development of corporate property tax in the Russian Federation // Theory and practice of social development. 2022. No. 7 (173). pp. 142-146.
4. Kosarenko N.N. On the issue of taxation of property of organizations // Bulletin of the National Institute of Business. 2022. Issue No. 4 (48). pp. 28-32.
5. Nogina O.A., Temirov E.A. Legal problems of forming a list of real estate objects by state authorities of the subjects of the Russian Federation in order to levy property tax on organizations based on the cadastral value // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. No. 6. pp. 154-182.
6. Summary statistical data of reporting on the accrual and receipt of taxes, fees and other mandatory payments for 2022 and 2023 [Electronic resource] // Federal Tax Service [website]. [2024]. URL: <https://www.nalog.gov.ru/> / (date of access: 01/27/2024).

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ И ПРИМЕНЕНИЕ МИНОИСКАТЕЛЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ Training of specialists and the use of mine detectors in police activities

КОВАЛЕВ Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры Тактико-специальной подготовки,
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
664074, Российская Федерация, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: dmitrikovalev67@gmail.com;

Kovalev Dmitry Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of Tactical and Special Training,
Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
664074, Russian Federation, Irkutsk region, Irkutsk, st. Lermontova, 110.
E-mail: dmitrikovalev67@gmail.com

Краткая аннотация: в данной работе рассматриваются аспекты деятельности органов внутренних дел при подготовке кадров для работы, и непосредственного применения в повседневной деятельности полиции металлоискателей.

Abstract: this paper examines aspects of the activities of internal affairs agencies in training personnel for work, and the direct use of metal detectors in the daily activities of the police.

Ключевые слова: миноискатели; полиция; специалисты; органы внутренних дел; кадры для работы.
Keywords: mine detectors; police; specialists; internal affairs bodies; personnel for work.

Для цитирования: Ковалев Д.В. Подготовка специалистов и применение миноискателей в деятельности полиции // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 156-158. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_156.

For citation: Kovalev D.V. Training specialists and the use of mine detectors in police activities // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 156-158. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_156.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

Важную роль в деятельности органов внутренних дел играют миноискатели, помогая сотрудникам полиции обеспечивать безопасность и защиту граждан при проведении различных мероприятий. Они используются при поиске и обезвреживании взрывоопасных устройств, а также других потенциально опасных предметов, содержащих в своей конструкции металлические детали. Применение таких приборов требует от сотрудников определенных навыков работы с техническим оборудованием и способность принимать быстрые решения в сложных ситуациях.

Чтобы овладеть необходимыми знаниями и навыками для эффективного выполнения своих задач, полицейские проходят интенсивное обучение. При этом они изучают различные виды взрывчатых веществ, конструкции взрывных устройств, в том числе и самодельных, методы их обнаружения и способы определения уровня возникающей опасности. Кроме того, им приходится осваивать новые технологии и инновационные методы поиска для обеспечения более эффективной работы.

Минное дело является одной из самых опасных сфер деятельности полиции. Взрывоопасные предметы могут заноситься недоброжелателями на различные объекты - от государственных зданий до общественных мест и даже частных домов [3]. В случае обнаружения потенциально опасного устройства, сотрудники должны быстро и безопасно его обезвредить для предотвращения возможных трагических последствий.

Взрывные устройства представляют серьезную угрозу для общественной безопасности. Они могут быть использованы террористами, преступниками или даже обычными гражданами с намерением причинить вред другим. Для предотвращения опасных последствий, полиция всегда стремится найти эффективные способы обнаружения и обезвреживания взрывоопасных предметов. Одним из таких способов является использование в своей деятельности миноискателей и металлодетекторов.

Миноискатели, металлодетекторы и индикаторы взрывчатых веществ - это специализированные приборы или наборы реагентов, разработанные для поиска и обнаружения взрывчатых веществ и взрывных устройств. Они основаны на различных физических принципах, таких как электрическая проводимость, способность различных материалов к отражению или поглощению радиоволн или химическая реакция с определенными веществами.

В последние годы они получили широкое распространение в деятельности полиции, и это связано с тем, что террористические акты стали более частыми и разнообразными. Кроме того, организации, связанные с наркотрафиком или организованной преступностью, также могут использовать взрывные устройства для достижения своих противозаконных целей.

Одним из основных преимуществ использования миноискателей в полицейских операциях является возможность обнаружить и нейтрализовать взрывное устройство до того, как оно нанесет вред людям или имуществу. Это позволяет органам внутренних дел сохранить жизни людей и предотвратить серьезные последствия теракта.

Кроме того, миноискатели помогают полиции проводить поиск скрытых хранилищ взрывных материалов или схронов боеприпасов. Это может быть особенно полезным при борьбе с незаконным оборотом оружия или наркотиками.

Для реализации всего потенциала применения миноискателей, сотрудники полиции должны иметь твердое понимание принципов ра-

боты этих приборов, а также уметь анализировать результаты сканирования и определять наличие того или иного взрывного устройства в обнаруженном предмете. Поэтому обучение полицейских специалистов по использованию миноискателей должно включать курс о безопасной процедуре обезвреживания мин или других взрывных устройств. Это важно для обеспечения собственной безопасности сотрудников полиции и окружающих их людей в их повседневной деятельности.

Однако, несмотря на все преимущества использования миноискателей, они также имеют некоторые ограничения. Во-первых, они требуют достаточно большого времени для своей настройки и последующего сканирования территории. Это может быть проблемой в случае появления необходимости быстрого реагирования на угрозу или при проведении поисковых работ в условиях ограниченного времени. Кроме того, они не всегда способны обнаружить новые типы мин или модификации существующих, особенно когда в их конструкцию намеренно включено минимальное количество металлических частей. Террористы и преступники постоянно вносят изменения в конструкцию, меняют места сокрытия взрывных устройств, что создает дополнительные проблемы сотрудникам полиции [1]. Поэтому, помимо использования миноискателей, полицейские должны также разрабатывать и применять на практике и другие методы обнаружения и борьбы с этой угрозой.

Современные миноискатели отличаются высокой эффективностью и точностью работы благодаря своим техническим характеристикам и особенностям. Одной из основных характеристик современных миноискателей является их чувствительность. Они способны обнаруживать незначительные металлические объекты, что позволяет оперативно реагировать на угрозы безопасности. Благодаря использованию передовых технологий, современные миноискатели способны выявлять не только металлические предметы, но и другие материалы, например, пластик или керамику. Что также ускоряет процесс и обеспечивает большую безопасность работы для сапера, и для окружающих людей.

Еще одной важной характеристикой современных миноискателей является увеличение скорости работы. Они способны обнаруживать потенциально опасные предметы на больших площадях, порой на значительном заглублении и за меньшее время, что позволяет повысить эффективность деятельности полиции. Некоторые модели миноискателей могут работать автоматически, без участия человека, что намного ускоряет процесс поиска и обезвреживания взрывоопасных предметов.

Говоря о современных миноискателях, стоит отметить их компактность и портативность. Они легко переносятся либо устанавливаются на нужном участке, что делает их применимыми даже в труднодоступных местах или при проведении специальных операций на удалении от мест постоянной дислокации. Кроме того, в некоторые модели миноискателей производителями заложена возможность работы в условиях повышенной влажности или экстремальных температур, что позволяет существенно расширить их функциональность.

Важным фактором при выборе миноискателя для нужд полиции является его надежность и долговечность. Современные миноискатели проходят строгие испытания и сертификацию, чтобы гарантировать свою надежность в работе. Они также обладают высокой степенью защиты от пыли, влаги и ударов, что позволяет им сохранять свою работоспособность даже в самых тяжелых условиях.

Обучение сотрудников полиции работе с миноискателями и соблюдению мер безопасности является неотъемлемой частью их деятельности. Ввиду того, что в обязанности полиции входит обеспечение общественной безопасности, [2] эффективное использование миноискателей становится ключевым аспектом работы.

Перед началом работы с миноискателями каждый полицейский проходит специальную подготовку. Она включает как теоретическую, так и практическую части. В рамках теоретической подготовки сотрудник изучает принципы работы миноискателей, различные типы мин, боеприпасов и самодельных взрывных устройств, а также методы обнаружения опасных предметов. Особое внимание уделяется знанию правил безопасности при использовании миноискателей и обезвреживании потенциально опасных предметов.

По окончании теоретического обучения проводятся практические тренировки. На них полицейский получает навыки работы с миноискателями на специально оборудованных площадках. Он учится правильно держать и управлять миноискателем, а также интерпретировать полученные данные. Такие тренировки помогают сотрудникам полиции научиться эффективно обнаруживать и обезвреживать взрывоопасные предметы.

Важным моментом обучения личного состава работе с миноискателями является понимание сотрудниками правил безопасности. Полицейский должен быть осведомлен о возможных опасностях, связанных с обнаружением и обезвреживанием взрывоопасных предметов, и знать, как минимизировать риски для себя и окружающих. Одним из главных правил безопасности при проверке местности является необходимость носить защитное снаряжение. К нему относятся шлемы, бронезилеты, защитные очки и перчатки, а в некоторых, особо опасных случаях, и бронекостюмы высшей степени защиты. Наличие специальных средств помогает ослабить или вовсе предотвратить вероятность причинения травм человеку при возможном взрыве.

Также запрещается применять миноискатель вблизи электрических проводов или других источников электричества. Это может привести, в лучшем случае, к нештатному срабатыванию прибора, а в худшем – к выходу его из строя, либо к электротравме сотрудника.

Полицейский должен быть готов к работе в команде. Обнаружение и обезвреживание мин – это сложная задача, требующая координации усилий нескольких специалистов. Правильное выполнение команд и согласованность действий помогут избежать ошибок и повысить безопасность выполняемой работы.

Технологии поиска и обезвреживания опасных предметов постоянно развиваются, поэтому полицейским необходимо быть в курсе последних достижений в этой области. Организация переподготовки и тренировок позволяет сохранить высокую профессиональную подготовку полиции в работе с поисковыми приборами. Передовые методы использования миноискателей помогают повысить эффективность операций по борьбе с терроризмом. Сотрудникам, проходящим обучение по применению поисковых приборов, необходимо преподавать не только технику поиска и обезвреживания взрывоопасных предметов, но и тактику проведения специальных операций по их поиску и уничтожению, психологическую подготовку к

работе в экстремальных условиях. Многочасовые тренировки позволяют им быть готовыми к принятию решений в крайне сжатые сроки.

Методика работы саперов базируется на комплексном подходе. Они используют самые современные технологии и оборудование для обнаружения взрывоопасных устройств, таких как металлодетекторы, радиоизотопные датчики, тепловизоры и специализированные роботы. Кроме того, они активно применяют методы психологического профилирования и анализа информации для выявления потенциальных угроз. Они работают не только в рамках полиции, но и в сотрудничестве с другими правоохранительными органами, включая спецслужбы и армию. Это позволяет эффективно координировать усилия по предотвращению террористических актов и оперативному реагированию в случае угрозы их совершения. Кроме того, международное сотрудничество в этой области играет ключевую роль в борьбе с глобальной угрозой терроризма.

Одной из задач саперов является разминирование территорий после окончания конфликта или при проведении специальных операций. Они выполняют сложную и опасную работу, которая требует высокого профессионализма и обратной связи с другими специалистами. Полицейские также принимают участие в обучении персонала других служб, чтобы повысить квалификацию и осведомленность о методах работы с взрывоопасными устройствами.

Будущее саперов в рядах полиции обещает быть еще более эффективным благодаря развитию автоматизации и использованию искусственного интеллекта. Различные компании уже работают над созданием автономных роботов-миноискателей, которые смогут выполнять задачи на значительном удалении от оператора, а то и вовсе без присутствия человека. Это позволит сократить риски для жизни людей и увеличить скорость выполнения операций.

С развитием технологий и появлением новых угроз, необходимо постоянно совершенствовать и модернизировать миноискатели и металлодетекторы для эффективного противодействия преступлениям.

Одной из перспектив их развития является использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для обнаружения взрывных устройств и опасных предметов на больших территориях. БПЛА могут быть оснащены специальными датчиками и камерами, которые позволяют сканировать землю сверху и быстро выявлять источники потенциальных угроз. Это значительно сократит время поиска и повысит безопасность полицейских при выполнении поставленных задач. Другой перспективой является использование роботизированных миноискателей. Эти устройства способны работать в автономном режиме и обнаруживать взрывные устройства с помощью различных датчиков. Роботы могут проникать в труднодоступные места, такие как подвалы, канализационные системы и другие труднодоступные места, куда полицейским было бы сложно или опасно попасть. Это позволит эффективно обезвреживать взрывные устройства и минимизировать риск для сотрудников.

Также стоит отметить перспективу развития портативных миноискателей. С появлением новых материалов и технологий, портативные миноискатели становятся все более миниатюрными, но такими же точными и чувствительными к потенциально опасным предметам. Это позволяет оперативно реагировать на возможные угрозы и вовремя принимать меры по защите граждан.

Однако, необходимо отметить, что развитие и совершенствование миноискателей в полицейской деятельности также сталкивается с определенными проблемами. Возможность ложных срабатываний миноискателей может вызвать панику и создать дополнительные проблемы для полиции. Поэтому важно проводить регулярную проверку и калибровку миноискателей, чтобы минимизировать возможность ошибок.

В заключение, перспективы развития и совершенствования миноискателей в полицейской деятельности являются важными для эффективной борьбы с преступностью и защиты граждан. Использование беспилотных летательных аппаратов, роботизированных комплексов и портативных миноискателей может значительно повысить безопасность для полицейских и окружающих граждан, а также значительно облегчит их работу. Однако, важно учитывать возможность ошибок и необходимость проведения соответствующей подготовки полицейских для важной и ответственной работы с новыми технологиями.

Библиография:

1. Егоров В.Ю., Ковалёв Д.В. Особенности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия для защиты от посягательства на жизнь или здоровье граждан или себя. Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (3). С. 66-70.
2. Бурзанов Ю.Л., Лайкова Е.А. Обращение граждан в полицию и проблемы, связанные с этим. Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (3). С. 30-33.
3. Желтобрюх А.В., Сошин А.А. Тактические приемы задержания правонарушителей сотрудниками полиции. Научный дайджест ВСИ МВД РФ. 2020 № 4 (7). С. 106-109.

References:

1. Egorov V.Yu., Kovalev D.V. Features of the use of firearms by police officers to protect against encroachment on the life or health of citizens or themselves. Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (3). pp. 66-70.
2. Burzanov Yu.L., Laikova E.A. Citizens' appeal to the police and problems related to it. Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (3). pp. 30-33.
3. Zheltobryukh A.V., Soshin A.A. Tactical techniques for detaining offenders by police officers. Scientific digest of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2020 No. 4 (7). pp. 106-109.

СПОСОБЫ ПРИДАНИЯ ИНФОРМАЦИИ СТАТУСА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ Methods for giving information the status of personal data

ИЛЬЮШИНА Инна Сергеевна,

соискатель кафедры правовой информатики, юридический факультет,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ),
адвокат, адвокатский кабинет Ильюшиной И.С.

119234, Россия, г. Москва, ул. Колмогорова, 1, стр. 13.

E-mail: ak@defendit.ru;

ILYUSHINA Inna Sergeevna,

applicant for the Department of Legal Informatics, Moscow State University,
M.V. Lomonosov, Faculty of Law, lawyer, law office of Ilyushina I.S.

119234, Moscow, Kolmogorov str., 1, building 13.

E-mail: ak@defendit.ru

Краткая аннотация: В силу ряда причин не всякая информация о человеке способна стать персональными данными. В этой связи установление способов придания ей данного статуса необходимо не только для уяснения процессов правового регулирования рассматриваемого явления, но и для формирования более полного понимания о защите персональных данных, что несомненно представляет не только научный, но и практический интерес. В статье рассматриваются три способа придания информации о субъекте статуса персональных данных: посредством законодательного, локального и судебного установлений.

Abstract: For a number of reasons, not all information about a person can become personal data. In this regard, establishing ways to give it this status is necessary not only to understand the processes of legal regulation of the phenomenon under consideration, but also to form a more complete understanding of the protection of personal data, which is undoubtedly of not only scientific, but also practical interest. The article discusses three ways to give information about a subject the status of personal data: through legislative, local and judicial regulations.

Ключевые слова: персональные данные, оператор персональных данных, защита персональных данных, идентификация личности, обработка персональных данных, истребование персональных данных, частная жизнь, личная и семейная тайны.

Keywords: personal data, personal data operator, personal data protection, personal identification, processing of personal data, request for personal data, privacy, personal and family secrets.

Для цитирования: Ильюшина И.С. Способы придания информации статуса персональных данных // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 159-161. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_159.

For citation: Ilyushina I.S. Methods for giving information the status of personal data // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 159-161. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_159.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

Процесс генерации человеком информации о себе является непрерывным и любое его действие или бездействие в заданном запросе способно быть информативным с той или иной степенью эффективности. Но при этом не вся информация способна стать персональными данными (далее по тексту – ПД), поскольку для этого необходима определенная совокупность. Так, субъект должен добровольно передать информацию о себе оператору, который осуществляет обработку ПД исключительно в установленных им целях. Общим для всех операторов ПД является обязанность [1] по разработке политики и издании локальных актов в отношении обработки ПД, определение целей обработки, категорий и перечня ПД и т.п. При этом государственным и муниципальным органам, которые являются операторами ПД, надлежит установить перечень ПД, обрабатываемых в данных органах, в связи с реализацией служебных или трудовых отношений, а также в связи с оказанием государственных или муниципальных услуг и осуществлением государственных или муниципальных функций [2]. В качестве примера можно привести Приказ Министра обороны РФ от 04.12.2019 № 707 «О персональных данных в Вооруженных Силах РФ» [3], в котором содержится перечень категорий ПД, подлежащих обработке в Вооруженных Силах РФ. Личностная информация о человеке может быть отнесена к категории ПД и на основании закона, например, ч. 4 ст. 15 ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» от 22.12.2008 № 262-ФЗ [4] предусмотрено, что ПД применительно к судебным актам являются фамилии, имена и отчества участников судебного процесса, дата и место рождения, место жительства или пребывания, номера телефонов, реквизиты паспорта или иного документа, удостоверяющего личность, идентификационный номер налогоплательщика - физического лица, основной государственный регистрационный номер индивидуального предпринимателя, страховой номер индивидуального лицевого счета, сведения о месте нахождения земельного участка, здания, сооружения, жилого дома, квартиры, транспортного средства, иные сведения об имуществе и о находящихся в банках или иных кредитных организациях денежных средствах участников судебного процесса. При этом следует учитывать, что ПД, определенные в нормативном правовом акте, могут применяться только к тем сферам общественных отношений, которые вышеуказанные акты регулируют. Операторы будут нести ответственность за любое нарушение обработки этих данных, даже если это касается части из них, по которой определить конкретного человека возможным и не представится, поскольку данные сведения по воле законодателя поименованы в качестве ПД, что априори предполагает их защиту вне зависимости от каких-либо дополнительных факторов, включающих и возможность идентификации конкретной личности. Что же касается самих физических лиц, то судебная перспектива требований материального (ст. 15 ГК РФ) и морального (ст. 151 ГК РФ) возмещений в данном случае уже напрямую зависит от возможности идентификации истцов на основании информации, утечка которой произошла. В противном случае право на иск отсутствует, поскольку возможность получения защиты субъективного права может быть реализована только конкретным лицом и только при доказанности факта нарушения его права. Таким образом, одним из способов придания информации о человеке статуса ПД является законодательное уста-

новление, распространяющее свое действие на неограниченный круг лиц – как на операторов ПД в каждой отдельной сфере общественных отношений, так и на субъектов ПД. При этом представляется, что государственные и муниципальные органы по собственной инициативе не могут расширить установленный для них в нормах действующего законодательства перечень ПД и подвергнуть обработке дополнительные ПД. Во-первых, подобные действия следует рассматривать с точки зрения нарушения императивных требований законодательства, связанных с четким определением перечня ПД, которые могут быть подвергнуты обработке. А, во-вторых, устанавливая в нормативном правовом акте перечень ПД, подлежащих обработке государственными или муниципальными органами, законодатель тем самым ограничивает рамки бюджетной ответственности за нарушение обязанности по защите именно этих ПД.

Неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны гарантируются ст. 23 и 24 Конституции РФ. Одновременно с этим запрещается требовать от гражданина предоставления информации о его частной жизни, в том числе информации, составляющей личную или семейную тайну, и получать такую информацию помимо воли гражданина, если иное не предусмотрено федеральными законами [5]. Исходя из буквального прочтения данной нормы права следует признать, что разрешение требовать от гражданина предоставления вышеуказанной информации может быть дано только в федеральном законе. При этом понятие «частная жизнь» действующее законодательство не раскрывает, но согласно позиции Конституционного Суда РФ, право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер [6]. Соответственно, лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция РФ [7]. Как совершенно верно отметил М.В. Бундин, «определение объекта защиты, т.е. информации, целиком зависит от желаний и интересов частного лица» [8]. Таким образом, только федеральным законом может быть установлено дозволение истребовать у субъектов ПД необходимую информацию вне зависимости от того, относит ли кто-то из них ее к своей частной жизни или нет. При этом государственные и муниципальные органы, являющиеся операторами ПД, обрабатывают ПД как в связи с реализацией служебных или трудовых отношений, так и в связи с оказанием государственных или муниципальных услуг и осуществлением государственных или муниципальных функций, что не одно и то же. Относительно трудовых отношений возможно сослаться на положения абз. 7 ст. 11 Трудового Кодекса РФ [9], согласно которому на государственных и муниципальных служащих действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ и субъектов РФ о государственной и муниципальной службе. Таким образом, установление перечня ПД и/или способов их определения в нормативных правовых актах иного уровня, чем федеральный закон в сфере регулирования трудовых и служебных отношений вполне возможно. Но вот что касается оказания государственных или муниципальных услуг и осуществления одноименных функций, когда без предоставления определенных ПД их получение невозможно, рассматриваемое дозволение должно регулироваться либо федеральным законом, либо иными нормативными правовыми актами в случае установления такой возможности федеральным законом.

Безусловно, любое нормоприменение способно породить возникновение спорных ситуаций. Оспаривание нормативных правовых актов осуществляется в соответствии с правилами, предусмотренными главой 21 Кодекса административного судопроизводства РФ [10] и является самостоятельным способом защиты прав и свобод. Последствием признания судом нормативного правового акта недействующим является его исключение из системы правового регулирования полностью или в части [11]. С административным иском заявлением о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части вправе обратиться лица, в отношении которых применен этот акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, если они полагают, что этим актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы.

Что же касается операторов, которые не относятся к числу государственных и муниципальных органов, то правовое регулирование обработки ими ПД строится на самостоятельном определении в локальном акте перечня ПД, исходя из установленных целей обработки как в области трудовых отношений, так и в области уставной деятельности, но, разумеется, в рамках законодательных дозволений и запретов. Ответственность за нарушение обработки ПД, а равно за их утечку наступает за сам факт действия/бездействия и не зависит от того, возможно ли на основании данной информации определить конкретного человека или нет. Рассматриваемый критерий будет иметь значение исключительно для субъекта ПД в случае, если он возымеет намерение обратиться за защитой своих прав, нарушенных обработкой ПД или их утечкой. Но вот что касается запрета требовать от гражданина предоставления информации о его частной жизни, личной и семейной тайне, то превентивное соблюдение оператором данного запрета вряд ли возможно, в связи с субъективным пониманием каждым лицом того, что относится к данной информации. В этой связи возможно возникновение индивидуальных споров, последствия рассмотрения которых будут касаться исключительно конкретного персонала. Отдельно следует обратить внимание на наличие определенной специфики при оспаривании локального акта, устанавливающего порядок обработки ПД сотрудников. Так требования, связанные с признанием его недействительным или противоречащим закону полностью или в части не могут быть рассмотрены судами по иску работника, не уполномоченного представлять других работников, поскольку оспариваемый акт также регулирует и их права. В этой связи судебная перспектива подобных дел появляется исключительно в случае подачи коллективного иска. В случае же с индивидуальным спором необходимо воспользоваться иным способом защиты, когда работник обращается в судебные органы за защитой своих нарушенных прав и в процессе рассмотрения дела будет установлен факт частичного несоответствия поло-

жений локального акта законодательству, что в силу п. 4 ст. 8 Трудового Кодекса РФ влечет за собой невозможность его применения в этой части. Таким образом, в отличие от оспаривания нормативного правового акта, что является самостоятельным способом защиты прав и свобод граждан, для локальных актов такой способ защиты действующим законодательством не предусмотрен, в связи с чем проверка последнего на предмет его соответствия законодательству проходит в рамках рассмотрения дел о восстановлении нарушенного права конкретного индивида. При этом требовать признания незаконным включения какой-либо информации в перечень ПД работников, подлежащих обработке, на том основании, что последняя относится в частной жизни работника, является его личной или семейной тайной возможным не представляется, в связи с многообразием индивидуальных характеристик данной информации. В качестве способа защиты своих прав субъект ПД может воспользоваться требованием о прекращении обработки его ПД и их уничтожении. Аналогично не может быть оспорен локальный акт, регулирующий порядок обработки ПД неограниченного круга лиц, к примеру в процессе оказания услуг или осуществления оператором ПД своей уставной деятельности. Восстановление нарушенных прав субъектов ПД также возможно в процессе рассмотрения индивидуального спора с использованием тех же способов защиты.

Еще одним способом отнесения информации к категории ПД является судебное установление, которое способно носить общий характер. В качестве примеров можно привести дела, согласно которым фотография на пропуске, предназначенная для установления личности входящего на территорию какого-либо объекта, является ПД [12], а адрес электронной почты не признан в качестве ПД [13]. Поскольку в обоих делах Верховный Суд РФ выводы нижестоящих судов поддержал, применение вышеуказанных подходов допустимо ко всем иным отношениям с другими лицами.

Библиография:

1. п. 2 ст. 18.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (редакция от 06.02.2023) // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31. Часть I. Ст.3451
2. подп. «б» п. 1 Перечня мер, направленных на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных ФЗ «О персональных данных» и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, операторами, являющимися государственными или муниципальными органами, утв. постановлением Правительства РФ от 21.03.2012 № 211 (ред. от 15.04.2019) // СЗ РФ. 02.04.2012. № 14. Ст. 1626
3. Приказ Министра обороны РФ от 04.12.2019 № 707 «О персональных данных в Вооруженных Силах РФ» (Приложение № 4) // Текст приказа опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 18.03.2020
4. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» от 22.12.2008 № 262-ФЗ // СЗ РФ. 29.12.2008. № 52 (часть I). Ст. 6217
5. п.8 ст.9 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст.3451
6. Определение КС РФ от 09.06.2005 № 248-О; от 26.01.2010 г. № 158-О-О // <https://base.garant.ru/1354478/>; <https://base.garant.ru/12174275/> (дата обращения:15.02.2024)
7. Определение КС РФ от 28.06.2012 № 1253-О // <https://base.garant.ru/70205530/> (дата обращения:15.02.2024)
8. Цит. по: Бундин М.В. Система информации ограниченного доступа и конфиденциальность // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2015. №1. С.122
9. Трудовой Кодекс РФ // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (часть I). Ст. 3
10. КоАП РФ // СЗ РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391
11. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 2
12. решение Арбитражного Суда Мурманской области от 03.04.2017 № А42-342/2017 // <https://kad.arbitr.ru/Card/f2ba9d7a-13ce-493c-ba04-a14c927a4c7c> (дата обращения: 15.02.2024)
13. определение Верховного Суда № 305-ЭС23-12160 от 21.07.2023 // <https://base.garant.ru/407421338/>

References:

1. clause 2 art. 18.1 of the Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" (as amended on February 6, 2023) // SZ RF. 07/31/2006. No. 31. Part I. Art. 3451
2. sub. "b" clause 1 of the List of measures aimed at ensuring the fulfillment of the obligations provided for by the Federal Law "On Personal Data" and the regulatory legal acts adopted in accordance with it, by operators who are state or municipal bodies, approved. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 21, 2012 No. 211 (as amended on April 15, 2019) // SZ RF. 04/02/2012. No. 14. Art. 1626
3. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation dated December 4, 2019 No. 707 "On personal data in the Armed Forces of the Russian Federation" (Appendix No. 4) // The text of the order was published on the "Official Internet portal of legal information" (www.pravo.gov.ru) 18.03.2020
4. Federal Law "On ensuring access to information about the activities of courts in the Russian Federation" dated December 22, 2008 No. 262-FZ // SZ RF. 12/29/2008. No. 52 (part I). Art. 6217
5. clause 8 of article 9 of the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on July 31, 2023) "On information, information technologies and information protection" // SZ RF. 07/31/2006. No. 31 (part I). Article 3451
6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/09/2005 No. 248-O; dated January 26, 2010 No. 158-O-O // <https://base.garant.ru/1354478/>; <https://base.garant.ru/12174275/> (date of creation: 02/15/2024)
7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 28, 2012 No. 1253-O // <https://base.garant.ru/70205530/> (date of access: 02/15/2024)
8. Quote. by: Bundin M.V. Restricted access information system and confidentiality // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after. Lobachevsky. 2015. No. 1. P.122
9. Labor Code of the Russian Federation // SZ RF. 01/07/2002. No. 1 (part I). Art. 3
10. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // SZ RF. 09.03.2015. No. 10. Art. 1391
11. Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation dated December 25, 2018 No. 50 "On the practice of courts considering cases challenging normative legal acts and acts containing clarifications of legislation and having normative properties" // Bulletin of the Armed Forces of the Russian Federation. 2019. No. 2
12. decision of the Arbitration Court of the Murmansk Region dated 04/03/2017 No. А42-342/2017 // <https://kad.arbitr.ru/Card/f2ba9d7a-13ce-493c-ba04-a14c927a4c7c> (date of access: 02/15/2024)
13. Supreme Court ruling No. 305-ES23-12160 dated July 21, 2023 // <https://base.garant.ru/407421338/>

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_162

УДК 340.12

ЗАЩИТА БРОДСКОГО Brodsky protection

ВАСЯЕВ Александр Александрович,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры правовых дисциплин факультета права и экономики
НОЧУ ВО «Московский экономический институт»,
адвокат Адвокатской конторы № 2 коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»,
109390, Россия, г. Москва, ул. Артюхиной, д. 6, корп. 1.
E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com;

Vasyaev Alexander Aleksandrovich,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Disciplines of the Faculty of Law and Economics,
the Moscow Economic Institute, Lawyer of the Bar of Lawyers, Moscow City Bar Association.
109390, Russia, Moscow, Artyukhina str., 6, building 1.
E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматривается судебный процесс по обвинению Иосифа Александровича Бродского в совершении нарушения Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 г., в результате которого был вынесен приговор, согласно которому поэту назначено наказание в виде ссылки сроком на пять лет с применением обязательного труда. В статье анализируется процесс защиты Бродского И.А. в ходе судебного разбирательства, особенности исследования письменных материалов по делу, допрос свидетелей со стороны защиты и обвинения, обстоятельства, связанные с вынесением обвинительного приговора и его исполнения. Выясняется позиция адвоката-защитника З.Н. Топоровой по делу и основные нюансы, связанные с оказанием юридической помощи И.А. Бродскому.

Abstract: The article considers the trial on the charges of Joseph Aleksandrovich Brodsky of violation of the decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR «On Strengthening the fight against persons evading socially useful labor and leading a parasitic lifestyle» of May 4, 1961, as a result of which it was issued. The verdict according to which the poet is sentenced to a link for a period of five years using compulsory labor. The article analyzes the process of protection of Brodsky I.A. During the trial, the features of the study of written materials in the case, the interrogation of witnesses from the defense and charges, the circumstances related to the conviction and its execution. The position of the lawyer-defender Z.N. Toporova in the case and the main nuances related to the provision of legal assistance to I.A. Brodsky.

Ключевые слова: адвокат, Бродский И.А., дело, обвинение, судебное разбирательство, защита.
Key words: lawyer, Brodsky I.A., case, accusation, trial, defense.

Для цитирования: Васяев А.А. Защита Бродского // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 162-167.
http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_162.

For citation: Vasyaev A.A. Brodsky protection // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 162-167. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_162.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2024

В наше время новости разносятся одновременно и по всему миру, какая-либо статья, интервью или пост в соцсетях способны вызвать взрыв негодования общественности и послужить началом кампании по травле отдельного человека или группы людей. Статьи с хлесткими, интригующими заголовками привлекают намного больше внимания, при этом в материале могут содержаться лживые сведения, однако для успешности проведения кампании по созданию общественного мнения это значения не имеет.

В СССР формированием общественного мнения в основном занималась пресса, полностью подконтрольная власти и аппарату коммунистической партии. Одним из элементов ведения внутренней политики в СССР была печально известная «кампанейщина». Сверху спускалась цель, а партийные органы на местах мобилизовали административные структуры и прессу для инициирования «всеобщей поддержки». Цели развернутых кампаний могли выглядеть позитивно: распространение стахановского движения, ускоренное выполнение планов пятилеток, освоение целины и пр. Но чаще кампании разворачивали для борьбы с внутренними врагами, или с тем, что власти не устраивало: с троцкизмом, вредительством, формализмом в искусстве, инакомыслием и т.д. В ходе борьбы всегда случались «перегибы на местах», и позже их осуждали, виновных в перегибах наказывали, провозглашалось восстановление законности... Но объявлялась очередная кампания, опять искали внутренних врагов, и все повторялось.

В стране победившего пролетариата роль внутренних врагов чаще всего доставалась интеллигенции – ведь образованные люди склонны к критическому мышлению, а это, под определенным углом, можно рассматривать как инакомыслие.

Конец 50-х – начало 60-х годов XX века принято называть «Хрущевской оттепелью». Действительно, сталинские репрессии получили негативную оценку, невинно осужденные были реабилитированы. Общественные сдвиги в советской жизни воспринимались как ветер свободы и перемен, это «разбудило» творческую интеллигенцию, и неожиданно высоким оказался запрос на поэзию. Выступления популярных поэтов собирали полные залы. Стихи печатали в газетах и журналах, часто и большими тиражами выходили сборники стихов молодых поэтов. Однако в официальную печать пускали далеко не всех. В 1959–1960 гг. москвич Александр Гинсбург выпустил три самиздатских альманаха «Синтаксис» со стихотворениями молодых поэтов. В третьем альманахе было опубликовано пять стихотворений никому еще не известного ленинградца Иосифа Бродского. Четвертый альманах Гинсбург выпустить не успел, его арестовали по обвинению в антисоветской деятельности.

Тут стоит пояснить, что выявление инакомыслящих и их изоляция были целью очередной кампании по поиску внутренних врагов. Вышние партийные руководители не могли не заметить, что «оттепель» оказала особое влияние на творческую молодежь, чье искусство для них выглядело непонятным и несущим угрозу советской идеологии. В случае с Гинсбургом это подтверждалось тем, что в своем альманахе, печатавшемся неле-

гально (по слухам тираж доходил до 300 экземпляров) он публиковал стихи, не одобренные советской цензурой. Партийным властям Ленинграда тоже хотелось отличиться в кампании по выявлению инакомыслящих, но в произведениях Бродского не усматривалось признаков антисоветчины.

Одновременно в стране проходила кампания по борьбе с тунеядством. Цель опять-таки спустили сверху: 4 мая 1961 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни» [5]. Указом определялось, что не работающие в течение 4 месяцев за год жители Москвы, Московской области и Ленинграда, которые после предупреждения со стороны органов милиции в месячный срок не устроились на работу, по постановлению районного (городского) народного суда подвергаются выселению в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с привлечением к труду по месту поселения.

Третий пункт Указа гласил: «Выявление лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни, и проверка всех относящихся к этому обстоятельству производятся органами милиции по имеющимся у них материалам, по инициативе государственных и общественных организаций и заявлениям граждан. По окончании проверки органы милиции предупреждают указанных лиц о необходимости устройства на работу в месячный срок. В тех же целях органы милиции могут направить материалы на рассмотрение общественных организаций».

Под общественными организациями указ подразумевал в том числе и народные дружины, которые создавались как инструмент общественного самоуправления в районах, на предприятиях и в организациях. Им было делегировано немало прав: дружинники тесно сотрудничали с органами правопорядка, получали удостоверения общественных участковых, общественных следователей, общественных обвинителей; они могли проверять работу предприятий торговли, патрулировать на улицах, дежурить на людных мероприятиях. Одним из методов «воспитательной работы» дружинников была организация общественных судов на производственных предприятиях, пусть даже нарушитель не имел к ним никакого отношения.

В 12-й дружине Дзержинского района г. Ленинграда состоял завхоз НИИ «Гипрошахт», Яков Михайлович Лернер, ярый активист. Какое-то время Лернер занимался ловлей фарцовщиков (многие из них нигде не работали), но с началом кампании по искоренению инакомыслия переключился на молодых поэтов, среди которых, по его мнению, царили «антисоветские настроения». Он уже успел насолить нескольким молодым поэтам, когда в сферу его внимания попал Иосиф Бродский, связи которого он посчитал подозрительными. Лернер попытался устроить общественный суд над Бродским на заводе «Электросила», но его инициатива не нашла поддержки. Тогда он обратился к секретарю Дзержинского райкома партии и представил фотографии каких-то оргий, на которых Бродский якобы присутствовал, но остался за кадром. Сигнал о «растленном поэте-тунеядце» Бродском дошел до секретаря Ленинградского обкома партии В.С. Толстикова, а поскольку имя поэта фигурировало в деле об альманахе «Синтаксис», то пазл сложился. Обкому наконец нашлось, о чем отчитаться: наверняка взгляды и убеждения Бродского расходятся с советской идеологией. Если по закону судить за убеждения нельзя, так найдите, за что его осудить – таков был приказ Толстикова правоохранительным органам.

Для начала Лернер провел с Иосифом Бродским «воспитательную» беседу в штаб-квартире 12-й народной дружины, а затем отправился в Ленинградское отделение Союза писателей. Бродский не являлся членом Союза и официально практически не публиковался, если не считать нескольких переводов да парочки стихов в пионерском журнале «Костер». Однако он выступал на поэтических вечерах в вузах, в литературных кругах его творчество уже было известно, молодого поэта знала и ценила Анна Ахматова. Бродский получал заказы на перевод стихов по рекомендации секции переводчиков Ленинградской писательской организации. Ее руководитель А.А. Прокофьев не был лично знаком с молодым поэтом, но к моменту визита Лернера уже получил команду сверху, что Бродского надо судить как растлителя молодежи, кроме того, ему подсунили едкую эпиграмму, написанную на него якобы Бродским. Прокофьев пообещал Лернеру поддержку со стороны творческого союза, предание поэта общественному суду и обращение от организации в милицию с просьбой о возбуждении против Бродского уголовного дела. Затем Лернер не поленился съездить в Москву и провел аналогичную беседу с директором Гослитиздата, представившись внештатным сотрудником газеты «Вечерний Ленинград» – он на самом деле имел в редакции собственный закуток и поставлял материал журналисту Берману. Лернер потребовал расторгнуть договор с Бродским на переводы стихов (не предполагая подвоха, об этом ему рассказал сам поэт), и директор издательства послушно это исполнил!

Таким образом, стараниями Лернера Бродский оказался совсем без работы и его спокойно можно было судить за тунеядство. Буквально через несколько дней в популярнейшей газете «Вечерний Ленинград» появилась статья «Окололитературный трутень» – соавторами Лернера стали штатные сотрудники газеты И. Ионин и М. Медведев (псевдоним Бермана). В статье стихи И.А. Бродского клеймили за «упадочничество», называли «замогильными». При этом большинство приведенных цитат вовсе не принадлежала Иосифу Бродскому, а две его строчки намеренно перевраны, чтобы приписать нелюбовь к родине. Кроме «неправильных стихов» поэта обвиняли в «паразитическом образе жизни». «Здоровый 26-летний парень около четырёх лет не занимается общественно полезным трудом» [1], – писалось в статье, хотя на самом деле И.А. Бродскому было 23 года, и по закону тунеядцем его нельзя было считать. Он работал с 15 лет, правда с перерывами. Упомянулось и о том, что, будучи в Самарканде, Бродский с приятелями Уманским и Шахматовым, позже осужденными за «антисоветчину», специально ходили на аэродром, чтобы присмотреть самолет, который можно захватить и улететь на нем за границу. И «угонщиков» якобы остановило лишь то, что горючего может не хватить.

Статья, вышедшая 29 ноября 1963 года, завершалась словами: «Пусть окололитературные бездельники вроде Иосифа Бродского получают самый резкий отпор» [1]. Публикация получилась резонансной: многих читателей возмутил описанный «трутень». Редакцию буквально завалили письмами с требованием наказать тунеядца Бродского, и отдельные письма через месяц были опубликованы, в отличие от письма самого поэта главному редактору газеты. В нем Бродский объяснял, что из приведенных цитат ему принадлежит лишь одна, да и та переврана. Бродский написал, что неточности в статье перешли в заведомую ложь, а также сообщил, что именно усилиями Лернера он лишен заработка, и завершил письмо такими словами: «Товарищ редактор ... Я знаю, что язык газеты – это правда, и я знаю, наконец, что Вы нетерпимы к ошибкам и неточностям, появляющимся в газете» [6]. Но призывы к совести редактора оказались тщетными.

Через два с небольшим месяца после выхода лживой статьи поэта арестовали по обвинению в тунеядстве.

Обычно за тунеядство судили неработающих хронических алкоголиков, живущих на нетрудовые доходы спекулянтов, фарцовщиков, проституток; наказанием служило выселение «за 101-й километр» – в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с привлечением к труду по месту поселения. С даты выхода Указа до момента суда над Бродским высылке подверглись 37000 человек. Такие дела рассматривались районными народными судами в административном порядке, без предварительного следствия и участия прокурора – его роль исполнял судья, однако участие защитника не возбранялось.

Люди, принимавшие участие в судьбе молодого поэта, занялись поиском адвоката. Лидия Корнеевна Чуковская, дочь писателя, связалась с видным ленинградским адвокатом Яковом Семеновичем Киселевым, чьи судебные речи, очерки и рассказы публиковались в журналах и отдельными изданиями. Некоторые писатели обращались к нему за профессиональным советом. Когда Яков Семенович узнал о готовящемся судилище над почти никому не известным, но талантливым молодым поэтом, то лично попросил члена Ленинградской коллегии адвокатов Зою Николаевну Топорову защищать в суде Иосифа Бродского. С поэзией Бродского Зоя Николаевна не была знакома, а вот резонансную статью, поразившую ее агрессивностью и злобой, читала. Дело должно было слушаться в народном суде Дзержинского района буквально через день.

Накануне слушания адвокат пришла в канцелярию суда, чтобы ознакомиться с делом и узнать, как можно встретиться с подзащитным. «Судья Савельева дела мне не дала, – вспоминала позже Топорова, – сказав, что завтра все сведется к тому, что Бродский будет отправлен на судебно-медицинскую экспертизу, а сейчас он в отделении милиции, и завтра я его увижу» [6]. Так что впервые адвокат увидела своего подзащитного 18 февраля 1964 г. в битком набитом молодежьей зале суда. Заседание действительно оказалось коротким. Из стенограммы, которую вела писательница и правозащитница Фрида Вигдорова, следует, что судья Савельева вела себя как человек ангажированный и недалекий. Она допытывалась о том, в какое время и кем Бродский работал, а когда на вопрос о специальности тот ответил, что он поэт, поэт-переводчик, прямо звилась: «Кто признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам? ... А вы учились этому? ... Не пытались окончить вуз... где готовят... где учат?..» На что поэт ответил: «Я не думал, что это дается образованием. ... Я думаю, это ... от Бога» [6].

Затем выступила адвокат З.Н. Топорова: «Прошу суд приобщить к делу характеристику бюро секции переводчиков... список опубликованных стихотворений... копии договоров... телеграмму: «Просим ускорить подписание договора...». И я прошу направить гражданина Бродского на медицинское освидетельствование для заключения о состоянии здоровья и о том, препятствовало ли оно регулярной работе. Кроме того, прошу немедленно освободить гражданина Бродского из-под стражи. Считаю, что он не совершал никаких преступлений и его содержание под стражей незаконно. Он имеет постоянное место жительства и в любое время может явиться по вызову суда» [6].

Суд постановил направить Бродского на судебно-психиатрическую экспертизу, чтобы выяснить, страдает ли он каким-нибудь психическим заболеванием и препятствует ли это заболеванию направлению Бродского в отдаленные местности для принудительного труда, а материалы дела вернуть в милицию для дополнительной проверки его заработка.

После суда Зоя Топорова обратилась к судье с ходатайством о встрече со своим подзащитным, но ей отказали, зато дали ознакомиться с делом, в котором первым документом была статья из «Вечернего Ленинграда» и, кроме прочего, имелась характеристика из ЖЭКа следующего содержания: «И.А. Бродский нигде не работает, не учится. Сообщаем также (со слов жильцов), что он периодически исчезает из дома на 2-3 недели» [6]. То есть в состряпанном на ровном месте деле не брезговали использовать даже сплетни соседей!

Почти все время до второго судебного разбирательства Бродский провел в психиатрической лечебнице на принудительной экспертизе. Заключение гласило: «В наличии психопатические черты характера, но трудоспособен. Поэтому могут быть применены меры административного порядка» [6]. Справедливости ради стоит сказать, что судья направила Бродского на психиатрическую экспертизу не из одной вредности – это «перестарались» друзья поэта. После выхода резонансной статьи через знакомых врачей они устроили его в Московскую психиатрическую больницу на Канатчиковой даче, надеясь, что справка о психической неустойчивости поможет. Несколько дней пребывания в скорбном доме показались Бродскому кошмарными, он опасался, что на самом деле сойдет с ума; его выписали с диагнозом «шизоидная психопатия». В питерской больнице на Пряжке оказалось еще хуже: первые три дня в палате для буйных, затем три недели холодные ванны и смиренная рубашка из мокрых простыней по ночам [3].

Второе заседание суда состоялось 13 марта 1964 г. и проходило в помещении клуба ремонтно-строительного управления. Пришедших встречало объявление: «Суд над тунеядцем Бродским», и народу в большой зал набилось под завязку. Аудитория явно разделялась на два лагеря: с одной стороны – агрессивно настроенные дружинники и привезенные на суд рабочие, с другой – творческая молодежь и интеллигенция.

Лишь перед этим заседанием адвокат Топорова впервые получила возможность поговорить со своим подзащитным. К этому времени у нее уже составилось представление о масштабе таланта Бродского, ведь за него начали хлопотать видные писатели: К.И. Чуковский и С.Я. Маршак прислали ей письмо, в котором назвали Бродского блестящим переводчиком. Дмитрий Шостакович отправил поддерживающую Бродского телеграмму на адрес суда (но на заседании ее не зачитали). Адвокат заручилась поддержкой нескольких литературных деятелей, выразивших желание выступить свидетелями со стороны защиты.

Второе судебное разбирательство по делу Бродского больше походило на фарс. Для начала выяснилось, что подсудимого не ознакомили с материалами дела. Ознакомившись с ними, Бродский заявил, что некоторые из представленных там стихов написаны не им. Материалы дела не содержали доказательств, подтверждающих тунеядство Бродского: хотя Бродский за 6 лет сменил несколько мест работы, нигде подолгу не задерживаясь, по закону это было ненаказуемо. Последний год он занимался только литературной деятельностью, однако судья Савельева отказывалась считать написание стихов трудом и признавать Иосифа Бродского литератором. «А что вы сделали полезного для Родины?» –

вопросила судья. Бродский отвечал: «Я писал стихи – это моя работа. Я убежден... я верю, что то, что я написал, сослужит людям службу, и не только сейчас, но и будущим поколениям» [4].

Тут в дело вступил общественный обвинитель, представитель дружины Дзержинского района Сорокин. Он тоже не считал поэзию серьезным делом, а еще его интересовало, как можно жить на те суммы, которые поэт зарабатывал переводами. На что Иосиф Бродский вполне резонно отвечал, что его содержание в тюрьме обходится государству в 40 копеек в сутки, а он зарабатывает немного больше. Адвокат попыталась перевести тему на оценку переводов Бродского специалистами, но судья гнула свое, вопрошая подсудимого: «Лучше объясните, как расценить ваше участие в нашем великом поступательном движении к коммунизму?» Бродский парировал: «Строительство коммунизма – это не только стояние у станка и пахота земли. Это и интеллигентный труд, который...» Судья не дала ему закончить. Она поинтересовалась, сделал ли он выводы из статьи в газете. Бродский назвал статью лживой: «Там только имя и фамилия верны. Даже возраст неверен. Даже стихи не мои. Там моими друзьями названы люди, которых я едва знаю или не знаю совсем» [4].

Адвокат требовала вызвать и допросить свидетелей со стороны защиты.

Руководитель секции начинающих поэтов Наталья Грудина сообщила, что лично с поэтом знакома с осени 1963 г., тщательно изучила его переводы и отмечает их высочайшее качество. На вопрос адвоката, можно ли считать опубликованные и неопубликованные стихи и переводы Бродского за 1963 г. серьезной работой, Грудина ответила: «Да, несомненно. ... А деньги эта работа может принести не сегодня, а несколько лет спустя. Неправильно определять труд молодого автора суммой полученных в данный момент гонораров. ... Есть такая шутка: разница между тунеядцем и молодым поэтом в том, что тунеядец не работает и ест, а молодой поэт работает, но не всегда ест». Шутка судье не понравилась [4].

Следующим свидетелем защиты был Ефим Эткинд, член Союза писателей, преподаватель педагогического Института имени Герцена, занимающийся в том числе и подготовкой переводчиков. Он сообщил, что считает Бродского человеком редкой одаренности, трудоспособности и усидчивости, оценил его познания зарубежной литературы. «При его стихотворной технике ему ничего не мешало бы халтурить, он мог бы переводить сотни строк ... Тот факт, что он зарабатывал мало денег, не означает, что он не трудолюбив».

Третий свидетель защиты, профессор Института им. Герцена, лингвист, литературовед и переводчик В.Г. Адмони сообщил, что считает переводы Бродского талантливыми, яркими, мастерски исполненными. «... для меня ясно, что он трудится – трудится напряженно и упорно». Адмони упомянул, что указ, по которому привлечен Бродский, направлен против тех, кто мало работает, а не против тех, кто мало зарабатывает. «Нельзя обвинять в тунеядстве человека, который работает так, как И. Бродский – упорно и много – не думая о больших заработках, готовый ограничить себя самым необходимым, чтобы только совершенствоваться в своем искусстве и создавать полноценные художественные произведения» [4].

Первым свидетелем со стороны обвинения выступил В.П. Воеводин (член Союза писателей). Не знакомый с Бродским лично, он сказал, что читал его эпиграммы (на самом деле эпиграмму на А.А. Прокофьева написал не Бродский). Стихи Бродского Воеводин назвал безобразными, тлетворными. На комиссии союза прошло собрание, на котором обсуждали Бродского, и хотя не все согласились с выводами о его таланте, для суда была составлена справка, осуждающая Бродского за антиобщественную роль. Адвокат уточнила, все ли члены комиссии ознакомились со справкой – оказалось, что не все [4].

Выступления других свидетелей обвинения вообще походило на театр абсурда.

Начальник Дома Обороны Смирнов: «Я лично с Бродским не знаком, но хочу сказать, что если бы все граждане относились к накоплению материальных ценностей, как Бродский, нам бы коммунизм долго не построить. Разум – оружие опасное для его владельца. ... Тут говорят, – талантливый переводчик, а почему никто не говорит, что у него много путаницы в голове? И антисоветские строчки?»

Адвокат возразила, что в деле оказались стихи, не принадлежащие Бродскому. Откуда свидетель знает, что стихи, прочитанные им, принадлежат Бродскому? Ведь он говорит о стихах неопубликованных.

«Знаю и все...» – ответил Смирнов [4].

Свидетель Логунов, завхоз Эрмитажа, ограничился несколькими общими фразами: «С Бродским я лично не знаком. Впервые я его встретил здесь, в суде. Так жить, как живет Бродский, больше нельзя. Я не позавидовал бы родителям, у которых такой сын. ... Я хотел выступить в том плане, что надо трудиться, оттачивать все культурные навыки. И стихи, которые составляет Бродский, были бы тогда настоящими стихами. Бродский должен начать свою жизнь по-новому» [4].

Свидетель Денисов, трубоукладчик, поведал, что о Бродском узнал из газетной статьи, и был возмущен его работой (так он и выразился). Поискал книги Бродского в библиотеке и не нашел, и из знакомых никто такого поэта не знал. Рабочий будто выступал на партийном собрании и завершил свою короткую речь так: «Говорят, что Бродский представляет собою что-то как поэт. Почему же он не был членом ни одного объединения? Он не согласен с диалектическим материализмом? Ведь Энгельс считает, что труд создал человека. А Бродского эта формулировка не удовлетворяет. ... Почему он не работает? Я хочу подсказать мнение, что меня его трудовая деятельность, как рабочего, не удовлетворяет» [4].

Следующий свидетель обвинения, пенсионер Николаев тоже не был лично знаком с Бродским, но заявил, что тот оказывает тлетворное влияние на своих сверстников и конкретно на его сына, который тоже считает себя гением и не хочет работать. Он видел у сына стихи Бродского, и ничего, кроме вреда, такие стихи не могут принести. Николаев назвал Бродского отъявленным антисоветчиком, потому что он был другом осужденных за подготовку побега за границу Уманского и Шахматова. «Бродский не просто тунеядец, – завершил свидетель, – он воинствующий тунеядец! С людьми, подобными Бродскому, надо действовать без пощады». Часть зала встретила это аплодисментами.

«Назовите мои антисоветские стихи, – потребовал Бродский. – Скажите хоть строчку из них». Судья среагировала быстро: «Цитировать не позволю!», – и поторопилась вызвать следующего свидетеля обвинения [4].

Ромашова, преподаватель марксизма-ленинизма в училище им. Мухиной, тоже не была лично знакома с Бродским. Она вещала: «Я, как секретарь партийной организации училища имени Мухиной, могу сказать, что он плохо влияет на молодежь», но конкретных фактов не привела. Адвокат поинтересовалась у свидетельницы, знакома ли она со стихами Бродского. На что Ромашова ответила: «Знакома. Это у-ужас! Не считаю возможным их повторять! Они ужа-а-сны!» [4]

Выступление общественного обвинителя Сорокина изобиловало пафосными штампами: «Наш великий народ строит коммунизм. В советском человеке развивается замечательное качество – наслаждение общественно-полезным трудом ... Бродский забыл главный принцип – кто не работает, тот не ест». Сорокин зачитал послужной список работ Бродского начиная с 15 лет и перерывы в работе назвал тунеядством, не признавая работой литературный труд. Он начал мелочно подсчитывать заработки Бродского, путая размер гонорара с авансом. «Мы сегодня судим не поэта, а тунеядца, – заявлял общественный обвинитель. – Почему тут защищали человека, ненавидящего нашу родину? Надо проверить моральный облик тех, кто его защищал». (Отметим, что суд вынес свидетелям защиты частное определение, и это, в разной мере, отразилось на их карьере). Опять упомянув дело Уманского и Шахматова, зачитав строчки из конфискованного личного дневника Бродского, обвинитель дошел до прямых оскорблений: «Надо выселить его из города-героя. Он – тунеядец, хам, прощельяга, идейно грязный человек» [4].

Все это стенографировала Фрида Вигдорова, пока судья не запретила ей писать.

В своей защитительной речи адвокат Зоя Торопова отметила, что общественный обвинитель использовал недозволенные приемы, пересказывал материалы, которых в деле нет, приводил как доказательства письма не знакомых с поэзией Бродского читателей, написанные в ответ на тенденциозную и изобилующую неверными фактами статью. Кроме того, обвинитель не только оскорбил Бродского, но и лиц, вступивших за него.

Далее адвокат пояснила, что, часто меняя работу, Бродский скорее искал свое место в жизни, а перерывы, в частности, объясняются сезонной работой в экспедициях. До 1962 года говорить об уклонении от труда некорректно. Зоя Торопова заметила, что к сожалению, среди заседателей нет человека, компетентного в вопросах литературного труда. А представленные договоры с издательством, справка студии телевидения, справка журнала «Костер», вышедшая книга переводов свидетельствуют о творческой работе. Нельзя судить о качестве этой работы по справке, подписанной Е. Воеводиным, резко отрицательной, с недопустимыми обвинениями в антисоветской деятельности, справке, напоминающей документы худших времен культа личности. Но есть отзыв таких мастеров перевода, как Маршак и Чуковский. Свидетель В. Адмони – крупный литературовед, лингвист, переводчик, а также Е. Эткинд – знаток переводческой литературы, член бюро секции переводчиков и член Комиссии по работе с молодыми поэтами – высоко оценивают работу Бродского и говорят о большой затрате труда, требуемого для написанного им за 1963 год. Вывод: справка Воеводина не может опровергнуть мнение этих лиц.

Ни один из свидетелей обвинения Бродского не знает, стихов его не читал; свидетели обвинения дают показания на основании каких-то непонятным путем полученных и непроверенных документов и высказывают свое мнение, произнося обвинительные речи. Другими материалами обвинения не располагает.

Суд должен исключить из рассмотрения материалы специального дела (Шахматова и Уманского), рассмотренного в 1961 году, по которому в отношении Бродского было вынесено постановление – дело прекратить. Если бы Бродский тогда или позднее совершил антисоветское преступление, написал бы антисоветские стихи, – это было бы предметом следствия органов безопасности. Каково бы ни было влияние Шахматова и Уманского на Бродского, оно в прошлом, в последние два года он стал много и плодотворно работать, пока его не арестовали.

Относительно вопроса о качестве стихов Бродского адвокат заявила, что из заявления подсудимого видно, что среди приложенных к делу стихов есть те, которые ему не принадлежат. Судить о качестве его стихов, о том, являются ли они упадническими, пессимистическими или лирическими должна авторитетная литературоведческая экспертиза, а не участники судебного процесса и сам суд. Задача суда – установить, является ли Бродский тунеядцем, живущим на нетрудовые доходы и ведущим паразитический образ жизни.

Труд Бродского состоял в переводе стихов поэтов братских республик и стран народной демократии, сказала адвокат. Он не пьяница, не аморальный человек и не стяжатель. Говоря о том, что нельзя считать, что человек не работал, если у него небольшие гонорары, З.Н. Торопова объяснила специфику литературного труда, порядок его оплаты. Упомянула о трудности работы над поэтическими переводами, о том, что не все представленные работы принимаются и оплачиваются. Суммы, фигурирующие в деле, адвокат назвала неточными, их исследование и оценку суд не проводил. По заявлению Бродского, их больше, но из некоторых гонораров уплачены лишь авансы. Ответ на вопрос, на что же жил Бродский, по мнению адвоката прост: он жил с родителями, которые на время становления его как поэта поддерживали его. Никаких нетрудовых источников существования у него не имелось. Жил скудно, чтобы иметь возможность заниматься любимым делом.

Адвокат сделала вывод, что ответственность Бродского не установлена. Он не тунеядец, и меры административного воздействия применять к нему нельзя. Неосновательное привлечение дискредитирует идею указа от 4 мая 1961 года, значение которого очень велико. Указ – оружие очистки города от действительных тунеядцев и паразитов.

Адвокат напомнила, что постановление Пленума Верховного Суда СССР обязывает суд критически относиться к представленным доказательствам, не допускать осуждения тех, кто работает, соблюдать право привлеченных на то, чтобы ознакомиться с делом и представить доказательства своей невинности. При этом Бродский, необоснованно задержанный 13 февраля 1964 года, не был ознакомлен с делом и таким образом лишен возможности защищаться. Однако и представленных доказательств и того, что было сказано на суде, достаточно, чтобы сделать вывод: Бродский не тунеядец [4].

Иосифу Бродскому предоставили последнее слово. В его спокойной речи проскользнула провидческая фраза: «Я не только не тунеядец, а поэт, который прославит свою Родину». Адвокат вспоминала, что, услышав это, и судья, и заседатели, и многие в зале загоготали.

Суд удалился в совещательную комнату на постановление приговора.

Во время перерыва антагонизм между двумя лагерями присутствующих в зале выплеснулся в устную перепалку: «Писатели! Вывести бы их всех! Интеллигенты! Навязались на нашу шею!» – «А интеллигенция что? Не работает? Она тоже работает». – «А ты – что? Не видел, как она работает? Чужим трудом пользуется!» ... «Товарищи, о чем вы говорите! Оправдают его! Слышали ведь, что сказала защитница», и так далее...[4]

Суд вернулся, и судья огласила приговор. О работе переводчика в нем не было ни слова, зато стихи Бродского названы уладническими, упомянуто осуждение поэта читателями газеты «Вечерний Ленинград» и сказано, что Бродский «систематически не выполняет обязанностей советского человека по производству материальных ценностей и личной обеспеченности, что видно из частой перемены работы». Поэтому суд применяет указ от 4 мая 1961 года и выносит приговор: сослать Бродского И.А. сроком на пять лет с применением обязательного труда [4]. Также суд вынес частное определение (его не зачитали) в отношении свидетелей стороны защиты, членов Ленинградского отделения Союза писателей Натальи Грудиной, Ефима Эткинда и Владимира Адмони, в котором обращено внимание Союза советских писателей на то, что они, выступив в суде в защиту Бродского, пытались представить в суде его пошлые и безыдейные стихи как талантливое творчество, а самого Бродского как непризнанного гения, и что это их поведение свидетельствует об отсутствии у них идейной зоркости и партийной принципиальности.

Зоя Топорова вспоминала, что после вынесения приговора часть зала аплодировала, другие громко возмущались, и даже началась потасовка. Она подошла к Бродскому и пообещала, что этот приговор будет отменен: «Мы все сделаем, будем писать, и приговор таким не останется, будьте уверены» [6].

И начались хлопоты. Адвокат обратилась к председателю городского суда, но тот посоветовал решать дело в столице – слишком жесткой была установка Ленинградского обкома КПСС. Корней Чуковский написал письмо Генеральному прокурору СССР, к нему же обратился Даниил Гранин, как председатель комиссии по работе с молодыми писателями. Анна Ахматова, узнав о приговоре, будто предрекла судьбу будущего Нобелевского лауреата и сказала: «Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял» [6]; она написала письмо прямо в ЦК КПСС.

Фриде Вигдоровой не удалось опубликовать стенограмму ни в одном из отечественных журналов, она разошлась в Самиздате и попала за рубеж, где ее зачитывали по BBC. Это вызвало международный резонанс, и только тогда власти опомнились и довели до сведения ходатаев, что если несколько писателей напишут письмо вроде поручительства за Бродского, то его отпустят. Письмо было составлено, его подписали Корней Чуковский, Константин Паустовский, Даниил Гранин, Анна Ахматова, Лев Копелев, Самуил Маршак – всего двадцать человек. Через пару недель пришло долгожданное решение: Бродского освободить, ограничившись отбытым. Он провел полтора года в ссылке в деревне Норинская Архангельской области, устроившись разнорабочим в совхоз; несколько раз приезжал в Ленинград, куда окончательно вернулся в сентябре 1965 г.

Бродский продолжил заниматься переводами, а собственные его стихи на родине расходились в основном в Самиздате, зато за рубежом его сборники стали появляться на русском языке и в переводах. Благодаря несправедливому судебному процессу слава Иосифа Бродского ширилась. Он, конечно, не мог поехать на международные литературные форумы, куда его приглашали, но заочно был избран членом Баварской академии изящных искусств. Комитету госбезопасности, под чьим контролем находился поэт, особенно не нравилось, что иностранные журналисты буквально ломаются взять у него интервью. Решение принял начальник 5 управления КГБ СССР Ф.Д. Бобков [2]. В начале мая 1972 г. И.А. Бродского вызвали в ОВИР и предложили альтернативу: немедленная эмиграция или «прессование» со стороны КГБ. Поэт выбрал эмиграцию.

Адвокат Бродского вспоминала: «Обстоятельства его отъезда, конечно, очень тяжелые. Уехал он в вельветовых тапочках и с двумя апельсинами в кармане, которые ему дала мать. Он безумно переживал свой отъезд, не хотел уезжать» [6].

В выдворении поэта из страны не было вины стороны защиты, виновен в этом был необъективный, скорый и несправедливый суд, слепо поддержавший необоснованное обвинение. Адвокат честно выполнила свой долг: защищала права, свободу и законные интересы своего доверителя не только в ходе судебного разбирательства, но и после него, принимая активное участие в обжаловании приговора суда, в формировании общественного мнения по делу.

Библиография:

1. Ионин А., Лернер Я., Медведев М. Литературный трутень // Вечерний Ленинград. 29 ноября 1963 г.
2. Ленинградское дело – Текст: электронный // URL: – <https://www.1tv.ru/brodsky/past.html> (дата обращения: 04.03.2024).
3. Лихтенштейн И.Е. «Я одиноко. Я сильно одиноко». Штрихи к портрету Иосифа Бродского. – Текст: электронный // URL: – http://dom-ucheniy-0620092.narod.ru/likhten/licht_brodsky.pdf (дата обращения: 04.03.2024).
4. Суд на Иосифом Бродским. – Текст: электронный // URL: – <https://polit.ru/article/2004/03/14/brodsky1/> (дата обращения: 04.03.2024).
5. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни» от 04.05.1961. – Текст: электронный // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18642#rw75s3UqtU505Xnl> (дата обращения: 04.03.2024).
6. Якимчук Н. Я работал – я писал стихи. Дело Иосифа Бродского // Юность. 1989. № 2. С. 80-87.

References:

1. Ionin A., Lerner Ya., Medvedev M. Literary drone // Evening Leningrad. November 29, 1963
2. Leningradskoe delo – Text: electronic // URL: – <https://www.1tv.ru/brodsky/past.html> (date of application: 03/04/2024).
3. Lichtenstein I.E. "I am lonely. I am very lonely." Touches to the portrait of Joseph Brodsky. – Text: electronic // URL: – http://dom-ucheniy-0620092.narod.ru/likhten/licht_brodsky.pdf (date of appeal: 03/04/2024).
4. The trial of Joseph Brodsky. – Text: electronic // URL: – <https://polit.ru/article/2004/03/14/brodsky1/> (date of access: 03/04/2024).
5. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR "On strengthening the fight against persons who evade socially useful work and lead a parasitic life-style" dated 05/04/1961. – Text: electronic // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18642#rw75s3UqtU505Xnl> (date of application: 03/04/2024).
6. Yakimchuk N. I worked – I wrote poetry. The case of Joseph Brodsky // Youth. 1989. No. 2. pp. 80-87.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_168

УДК 342.4

РОЛЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА (ВОЛОНТЕРСТВА) В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК

The role of volunteerism in the field of constitutional amendments

УСМАНОВА Резида Минияровна,

декан юридического факультета Стерлитамакского филиала
Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, доцент.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: rezidausmanova@yandex.ru;

ТИМОФЕЕВА Раиса Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного и частного права
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: raivt@yandex.ru;

Usmanova Rezida Miniyarovna,

Dean of the Faculty of Law of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology,
Doctor of Law, Associate Professor
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: rezidausmanova@yandex.ru;

Timofeeva Raisa Ivanovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Public and Private Law
of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: raivt@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются основные направления добровольчества (волонтерства) в России. Анализируются дополнения и изменения в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», которые появились после конституционной реформы 2020 года.

Abstract: The article discusses the main directions of volunteerism in Russia. The amendments and additions to the Federal Law "On Charitable Activities and Volunteerism (Volunteerism)", which appeared after the constitutional reform of 2020, are analyzed.

Ключевые слова: волонтерство, добровольцы, закон, конституционная реформа.

Keywords: volunteering, volunteers, law, constitutional reform.

Для цитирования: Усманова Р.М., Тимофеева Р.И. Роль добровольчества (волонтерства) в сфере конституционных поправок // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 168-170. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_168.

For citation: Usmanova R.M., Timofeeva R.I. The role of volunteerism in the field of constitutional amendments // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 168-170. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_168.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2024

Добровольчество (волонтерство) является одним из наиболее интересных и актуальных вопросов в современном обществе. Миллионы людей по всему миру добровольно участвуют в различных социально-значимых акциях и оказывают помощь тем, кто в ней нуждается. В России добровольчество (волонтерство) также занимает важное место в жизни общества. Согласно анализу норм Федерального закона от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», (далее по тексту № 135-ФЗ) добровольческая (волонтерская) деятельность является разновидностью благотворительной деятельности, в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в различных сферах в целях, которые определены ст.2 данного закона. Примечательно, что все цели добровольчества определены Концепцией развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р. И в ней все цели соотносятся с указанными в № 135-ФЗ.

О важности этого вида деятельности можно судить уже исходя из того, что в ст. 114 Конституции РФ закреплено полномочие Правительства РФ по осуществлению мер по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности. В исполнении ст. 114 Конституции РФ внесены дополнения в ФЗ № 135-ФЗ. Например, Федеральным законом от 07.10.2022 г. № 394-ФЗ [8] расширен перечень направлений волонтерства, их правовой статус. В целях реализации положений данного акта, принято Постановление Правительства РФ от 7 марта 2023 г. № 356 «Об утверждении Правил назначения и выплаты компенсации, предусмотренной пунктом 1.1 статьи 17.1 № 135-ФЗ». На местном уровне также принимаются муниципальные правовые акты. Например, Положением о благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности в Мирненском сельском поселении определены права и обязанности добровольца, цели и направления их деятельности в муниципальном образовании [7].

Федеральным законом от 27.11.2023 № 558-ФЗ [9] в ФЗ № - 135 внесены дополнения. Так ст.2 дополнена такими важными целями, как: участие в проведении мероприятий по увековечению памяти погибших при защите Отечества и оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности. Имеются и другие важные положения этого нормативного правового акта, который вступит в силу с 1 января 2024 года. Вот некоторые, которые прописаны в ст. 17.4:

– С 1 января 2024 года органы государственной власти и местного самоуправления смогут оказывать волонтерам финансовую под-

держку в виде государственных средств;

– Органы публичной власти и некоммерческие организации могут предоставлять организационную поддержку добровольцам, помогая им в планировании и проведении мероприятий и проектов;

– Добровольцы могут получать методическую поддержку через проведение тренингов, курсов и школ, которые организуются некоммерческими организациями и образовательными учреждениями;

– Добровольцы могут быть выражены благодарностью за свой труд через различные виды нематериального поощрения, такие как награды, сертификаты, поощрения и выставки.

В настоящее время имеется немало работ, в которых рассматривается роль государства в осуществлении мер по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности. Ученые отмечают, о необходимости государством создания благоприятных условий для развития и поддержки добровольческой деятельности [3], а также стимулирования граждан к проявлению активности и участия в таких инициативах [2].

Рассмотрим некоторые, наиболее важные направления деятельности волонтеров, согласно их целям деятельности.

1. Добровольчество играет важную роль в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, таких как наводнения, пожары, землетрясения и другие стихийные бедствия. Во-первых, добровольцы могут помочь в организации эвакуации людей и животных, а также в размещении их во временных убежищах. Они могут помочь с поиском и доставкой необходимых ресурсов, таких как еда, вода, медикаменты и одежда. Во-вторых, добровольцы могут помочь в организации поисково-спасательных операций. Они могут присоединиться к командам спасателей и помочь в поиске людей, которые могут быть заблудившимися или затерявшимися в результате бедствия. В-третьих, добровольцы могут помочь в организации работ по ликвидации последствий бедствия. Они могут помочь с уборкой территории, восстановлением инфраструктуры и обеспечением безопасности людей.

В данном направлении добровольчества действует Федеральный закон от 6 мая 2011 г. № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране», согласно которому для участия в профилактике и (или) тушении пожаров и проведении аварийно-спасательных работ на добровольной основе могут принять участие как физическое лицо (добровольный пожарный) так и общественное объединение. Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, разработаны даже методические рекомендации, которые определяют формы и методы участия добровольцев в профилактических мероприятиях, направленных на предупреждение нарушений требований в области пожарной безопасности и защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе в информировании граждан по данным вопросам [4]. Однако, имеются и негативные примеры практики привлечения добровольцев в этой сфере. Например, Бугурусланская межрайонная прокуратура выявила нарушения в деятельности добровольных пожарных команд. Было установлено, что администрации муниципальных образований не соблюли требования законодательства, так как не организовали личное страхование и соответствующее обучение членов добровольных пожарных команд на время исполнения ими своих обязанностей.

2. Добровольчество играет важную роль в социально-культурной сфере, позволяя людям внести свой вклад в улучшение общества и поддержание культурных ценностей. Добровольцы могут помочь: в организации и проведении культурных мероприятий, таких как выставки, фестивали, концерты и театральные представления; с продажей билетов, организацией зала, раздачей программ; в работе социальных организаций и благотворительных фондов, которые занимаются помощью нуждающимся людям, помочь в организации транспорта, доставке продуктов питания, уборке территорий и многое другое.

Добровольцы могут стать наставниками для детей и молодежи, помогая им в развитии социальных и культурных навыков. Они могут организовывать кружки, секции и лагеря, где дети смогут заниматься творчеством, спортом и другими интересными делами.

3. Добровольчество играет важную роль в сфере социальной поддержки и социального обслуживания населения. Благодаря добровольцам, многие уязвимые группы населения получают необходимую помощь, не только практическую помощь, но и эмоциональную поддержку. Добровольческое движение позволяет обеспечить разнообразные услуги, которые могут быть не предусмотрены государственными организациями или благотворительными фондами. Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» прописаны основы взаимодействия волонтеров с органами публичной власти.

4. Отдельно необходимо отметить, что добровольчество также играет важную роль в сфере гражданско-патриотического воспитания. Так, согласно Закону Республики Башкортостан от 26 июня 2023 г. № 755-з «О патриотическом воспитании в Республике Башкортостан» [1] решено и регламентировано участие добровольцев (волонтеров) в этих мероприятиях.

Добровольцы могут принимать участие в праздновании национальных праздников и памятных датах, организовывать экскурсии по историческим местам и музеям, проводить лекции и дискуссии на темы, связанные с историей и культурой своей страны. Их работа помогает сохранить и передать следующим поколениям культурное и историческое наследие, а также формировать чувство ответственности за свою страну и ее будущее.

5. Роль добровольчества в сфере охраны общественного порядка в добровольных народных дружинах (ДНД) и других правоохранительных органах не может быть недооценена. Добровольчество играет значительную роль в обеспечении безопасности граждан и поддержании порядка в обществе. Данная цель была включена в ФЗ-№ 135. Федеральным законом от 07.10.2022 г. № 394-ФЗ. Однако, еще в 2014 году Федеральным законом № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» были закреплены условия для добровольного участия граждан Российской Федерации в охране общественного порядка.

Добровольцы способны оказывать помощь в патрулировании улиц, контроле за общественными мероприятиями, предотвращении

правонарушений и реагировании на них. Одной из основных преимуществ добровольцев в ДНД и правоохранительных органах является их близость к местным сообществам. Это позволяет им более эффективно реагировать на возникающие угрозы и преступления, а также сотрудничать с органами внутренних дел для выявления и нейтрализации преступных группировок или преступных элементов. Кроме того, добровольчество в сфере охраны общественного порядка может способствовать развитию активной гражданской позиции у населения. Участие в ДНД и правоохранительных органах позволяет гражданам не просто быть пассивными наблюдателями, а активно включаться в решение проблем своего района или поселка и сотрудничать с полицией для улучшения безопасности и повышения качества жизни в своем сообществе.

6. Добровольчество играет важную роль в сфере экологии, потому что оно направлено на формирование экологической культуры в обществе (помощь заповедным территориям, животным, озеленение, раздельный сбор отходов, экологическое просвещение и т.д.). Участие волонтеров в этой сфере, к сожалению, не регламентировано отдельным правовым актом. Видимо это связано, что отношения в этой сфере регулируются множеством отраслевых актов, в том числе и подзаконных. Например, Распоряжением Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 5 февраля 2020 г. N 5-р утверждены рекомендации по ведению добровольческой (волонтерской) деятельности на особо охраняемых территориях федерального значения. Особое внимание в плане экологического волонтерства уделено и Президентом РФ. Так по итогам встречи с представителями общественных организаций, осуществляющих деятельность в области экологии и защиты животных в 2020 году, им издано поручение от 3 июля 2020 г. № Пр-1069 о необходимости ежегодного проведения международной акции «Сад памяти» с привлечением добровольцев.

Государство в свою очередь поддерживает и стимулирует добровольчество. Например, один из самых известных и крупных грантовых конкурсов для поддержки волонтеров – ежегодный Всероссийский конкурс лучших волонтерских инициатив «Доброволец России». Фонд президентских грантов – крупнейшая государственная грантодающая организация России – тоже поддерживает волонтерские инициативы: например, в 2018 году организация поддержала больше трех тысяч проектов, среди них были, в том числе, и добровольческие [5]. А в Республике Башкортостан, указом главы утвержден Почетный знак «Доброволец (волонтер) Республики Башкортостан».

Конечно, в волонтерской деятельности существуют различные проблемы, которые могут быть разделены на внешние и внутренние проблемы. Внешние проблемы включают негативное влияние окружающей среды, в то время как внутренние проблемы связаны с самой деятельностью добровольца и организацией. Но среди главных проблем, как верно отмечает О.А. Петрина, это низкий уровень осведомленности граждан страны о практиках добровольческой деятельности [6].

Тем не менее, по-нашему, они могут быть решены реализацией мер, которые заложены Федеральным законом от 27 ноября 2023 года № 558-ФЗ. Принятие этих мер позволит улучшить условия для волонтеров, повысить их профессиональный уровень и мотивацию, а также обеспечить более эффективное воздействие волонтерской деятельности на общество.

Библиография:

1. Закон Республики Башкортостан от 26 июня 2023 г. № 755-з «О патриотическом воспитании в Республике Башкортостан» // СПС Гарант.
2. Кузнецова Е.И., Сычева А.В., Юрков С.Е. Государственная политика в сфере волонтерства: тенденции и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 19-25.
3. Сычева А.В. Добровольчество как форма социально-политического участия молодежи в жизни общества // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 98-103.
4. Методические рекомендации «Формы и методы участия добровольцев в профилактических мероприятиях, направленных на предупреждение нарушений требований в области пожарной безопасности и защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе в информировании граждан по данным вопросам» (утв. МЧС России, 2020 г.) // СПС Гарант.
5. Объясняем по пунктам: поддержка волонтеров и добровольческих проектов // <https://dobro.ru/news/7115-faq-podderzhka>.
6. Петрина О.А. Развитие добровольческой деятельности в России // Вестник университета. 2019. № 4. С. 163-167.
7. Постановление администрации Мирненского сельского поселения от 29.06.2023 г. № 262 «Об утверждении положения «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)».
8. Федеральный закон от 07.10.2022 г. № 394-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Официальный Интернет-портал (www.pravo.gov.ru).
9. Федеральный закон от 27.11.2023 № 558-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный Интернет-портал (www.pravo.gov.ru).

References:

1. The Law of the Republic of Bashkortostan dated June 26, 2023 No. 755-z "On patriotic education in the Republic of Bashkortostan" // SPS Garant.
2. Kuznetsova E.I., Sycheva A.V., Yurkov S.E. State policy in the field of volunteerism: trends and prospects // Izvestiya Tula State University. Humanities. 2017. No. 4. pp. 19-25.
3. Sycheva A.V. Volunteerism as a form of socio-political participation of youth in society // Proceedings of the Tula State University. Humanities. 2016. No. 4. pp. 98-103.
4. Methodological recommendations "Forms and methods of volunteer participation in preventive measures aimed at preventing violations of fire safety regulations and protecting the population and territories from emergency situations, including informing citizens on these issues" (approved by the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2020) // SPS Garant.
5. We explain point by point: support for volunteers and volunteer projects // <https://dobro.ru/news/7115-faq-podderzhka>.
6. Petrina O.A. Development of volunteer activity in Russia // Bulletin of the University. 2019. No. 4. pp. 163-167.
7. Resolution of the administration of the Mirnensky rural settlement No. 262 dated 06/29/2023 "On Approval of the Regulations "On Charitable activities and Volunteerism (Volunteering)".
8. Federal Law No. 394-FZ dated 07.10.2022 "On Amendments to the Federal Law "On Charitable Activities and Volunteerism" // Official Internet Portal (www.pravo.gov.ru).
9. Federal Law No. 558-FZ dated 11/27/2023 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet Portal (www.pravo.gov.ru).

ОБЫЧАЙ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ CUSTOM IN LABOR LAW

АДРИАНОВСКАЯ Татьяна Леонидовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина.
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350004, Россия.
E-mail: mesmai@mail.ru;

БАЕВА Светлана Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». .
ул. Леваневская, 187, г. Краснодар, Краснодарский край, 350004, Россия.
E-mail: baeva.s@mail.ru;

ADRIANOVSKAYA Tatiana Leonidovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.
13 Kalinina str., Krasnodar Krai, 350004, Russia.
E-mail: mesmai@mail.ru;

BAEVA Svetlana Sergeevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice.
350002, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Levanevsky str., 187.
E-mail: baeva.s@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится анализ законодательства и практики по его применению в отношении обычая и возможности считать его источником трудового права. Автор анализирует различные, противоположные точки зрения по данному вопросу, уделяя внимание судебной практике. По мнению автора, обычаи, которые складываются в различных организациях могут восполнять пробелы в трудовом праве, но могут нарушать действующее законодательство. Это и будет являться критерием, дающим возможность оценивать их в качестве источника права.

Abstract: The article analyzes the legislation and practice of its application in relation to custom and the possibility of considering it a source of labor law. The author analyzes various, opposing points of view on this issue, paying attention to judicial practice. According to the author, the customs that develop in various organizations can fill gaps in labor law, but may violate current legislation. This will be the criterion that makes it possible to evaluate them as a source of law.

Ключевые слова: труд, обычай, источник права, трудовое право, судебная практика, работник, работодатель.

Key words: labor, custom, source of law, labor law, judicial practice, employee, employer.

Для цитирования: Адриановская Т.Л., Баева С.С. Обычай в трудовом праве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 171-174. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_171.

For citation: Adrianovskaya T.L., Baeva S.S. Custom in labor law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 171-174. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_171.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2024

В современных быстро меняющихся условиях невозможно эффективно регулировать отношения с помощью исключительно законов или иных нормативных актов. Следует использовать весь арсенал источников права. Применительно к трудовым отношениям следует отметить, что имеются уникальные трудовые отношения, не попадающие в поле зрения законодателя, но подлежащие регулированию.

Обычай – древнейшая форма права. Он был преобладающим источником в регулировании отношений в период догосударственного общества. При рассмотрении обычаев в самом широком смысле, можно сказать, что они были источником права в целом и основой законодательства. Позже произошло снижение роли обычая, так как получили развитие другие формы права. Тем не менее, нельзя утверждать, что обычай исчез как форма права, что он престал быть востребованным. В повседневной жизни, в трудовых отношениях он получал свое дальнейшее развитие и формирование.

В научной литературе отсутствует однозначное представление об обычаях, а также нет единого определения данного понятия.

Для трудового права обычай, как источник считается нетипичным. Он не указан в статье 5 ТК РФ. Он имеет характер субсидиарный, то есть дополнительный относительно других источников в трудовом праве. На эти факты обращает внимание Ведешкина Т.П. [1, с.702-709].

В науке трудового права первым серьезным исследованием обычая, как источника права стало диссертационное исследование В. А. Крыжана [2]. Автор исследовал правовой обычай именно как источник трудового права в условиях изменений, происходящих в мире и в России. Оценка обычая в качестве источника трудового права была заявлена автором уже в названии диссертационного исследования.

Весьма серьезным было предложение Крыжан В.А. о нормативном закреплении обычая в качестве источника трудового права. Он рассматривал обычай как не только сложившуюся норму поведения в сфере трудовых отношений, но норму, которая находит широкое использование. Это правила, по его мнению, распространялись и на иные, тесно связанные с трудовыми отношениями.

Такой подход и такое видение обычая, считал Крыжан В.А. не зависело от фиксации обычая в правовых документах. Исследование правового обычая привело к выводу о наличии в нем конкретного содержания, которое признавалось государством в качестве законного. В новых

современных условиях обычай следовало считать частью всего массива норм трудового права.

К положительным качествам обычая он относил его способность к быстрым изменениям и обеспечение стабильности правоприменительной деятельности, что имеет особое значение в периоды обновления трудового законодательства.

Трудовое законодательство России характеризуется весьма детальным регулированием правоотношений. Это касается и государственного и договорного регулирования трудовых отношений. Возможно, именно по этой причине не остается места для обычных норм. Кроме того, характерная для трудового права дифференциация, которая имеет тенденцию к расширению, регулирует отношения в различных отраслях, что затрудняет выработку единых правил поведения для широкого круга участников трудовых отношений.

До настоящего времени не имеется единого определения правового обычая. Такого определения нет не только в трудовом праве, но и в теории государства и права.

Термин «обычай» находится в единственной статье ТК РФ (ст. 341 ТК РФ). И то, он используется в ней в узком смысле как нарушение работником, который работает за рубежом, правил страны пребывания. Применяется данная норма только к определенной категории работников: работники представительств России за границей. Применяется в ограниченных случаях: как основание для прекращения трудового договора.

Роль обычая и его востребованность четко проявляются, когда на практике возникают ситуации, неурегулированные нормативным правовым актом, в том числе локальным, или договором (коллективным или трудовым).

Примеров достаточно много. В условиях трудовых отношений между сторонами различные организации вырабатывают свои правила поведения, отвечающие единым критериям. У выработанных правил имеется конкретная определенность содержания, они находят широкое применение в практике организации. В данных случаях, на наш взгляд, можно вести речь о наличии обычая. Например, это могут быть правила, связанные с премированием работников. Организация может устанавливать порядок и условия выплаты работнику компенсации за пользование его личным имуществом в интересах работодателя, а также правила использования работником служебной телефонной связи.

Заявление от работника о приеме его на работу сегодня не считается обязательным, достаточно оформления трудового договора. Заявление не указано в перечне обязательных документов, которые соискатель, должен предъявить работодателю в соответствии с требованиями ст. 65 ТК РФ.

На практике многие работодатели требуют (а не просят) написания заявления или работник сам пишет заявление, выражая в нем свое желание трудоустройства к данному работодателю.

К обычаям в трудовом праве также можно отнести порядок получения отгулов; введение дополнительных праздничных дней некоторыми субъектами России в зависимости от обычаев национального или профессионального характера населения. И это только примерный перечень.

О возможности признания обычая как источника права высказывались разные ученые.

К примеру, Лушников М.В. [3, с. 267, 270, 272] считает источник права обобщающей категорией, которая, по ее мнению, охватывает не только нормативные акты, содержащие правовые нормы, но и иные правовые акты, которые содержат ненормативные правовые положения.

По мнению Е. А. Шаповал [4, с. 48], источником трудового права может быть обычай, поскольку современное общество характеризуется сложными отношениями и их эффективное регулирование, и управление может осуществляться при развитости всех источников права.

Правовая норма в процессе развития может пройти различные стадии в иерархии источников, прежде чем приобретет статус нормативно-го акта. Началом такого развития становится правовой обычай. Именно он в большинстве случаев подвергает правовые нормы проверке, после прохождения которой они закрепляются на законодательном уровне. Например, опыт проведения заседаний комиссии по трудовым спорам (КТС) позволил установить определенный порядок голосования и принятия решения по трудовым спорам, которые входят в компетенцию КТС.

Ученые, которые исследовали обычай в трудовом праве и которые признают обычай источником трудового права, предлагают внести в ТК РФ соответствующую статью об обычае, дать его определение, то есть, провести легализацию обычая.

Обычай в трудовом праве предлагается определить как правило поведения, имеющее конкретные признаки. К таким признакам предлагается отнести сложившийся вариант поведения, его широкое использование в сфере трудовых и других непосредственно связанных с ним отношений. Кроме того, предлагается отметить, что обычай – это правило, не предусмотренное нормативными правовыми актами, и при этом не имеет значения его фиксация в правовом документе.

Важным признаком следует считать наличие у этого правила четко определенного содержания, а также факт его санкционирования государством как правового [5, с.20-21].

К заявленным признакам обычая в трудовом праве предлагается добавить еще один признак. Упомянутые правила поведения не должны ухудшать положение работника по сравнению с трудовым законодательством, а также по сравнению с иными нормативными правовыми актами, коллективными договорами, соглашениями, трудовым договором [6, с.22-23].

Вострецова О.А. [7, с.201] указывая, что в трудовом законодательстве России нет признания обычая источником права, в качестве причины такого положения, называет обширное и детальное правовое регулирование на различных уровнях: государственном, местном, а также наличием договорного регулирования. По ее мнению, в связи с изложенным не остается места для обычая. Еще одной из причин она считает разные условия труда в разных отраслях.

На наш взгляд, представляется целесообразным выделить обычаи, широко используемые большинством работодателей и работников, и обычаи, создаваемые и применяемые на локальном уровне, то есть применяемые в рамках организации.

Судебная практика, сталкиваясь с обычаем, сложившемся в организации, дает им разную правовую оценку.

Например, Х., работал заместителем директора, отсутствовал на работе 18 июня 2021 г. и 21 июня 2021 г. Считает, что причина отсутствия является уважительной, так как он принимал участие траурном мероприятии в связи с кончиной близкого родственника. По сложившимся обычаям в обществе, а также по канонам Ислама, он не мог отсутствовать на похоронах вместе с родными и близкими. Работодатель счел эту причину неуважительной и Х. был уволен за прогул.

Х. обратился в суд с иском, просил отменить приказ об увольнении как незаконный, восстановить его на работе, взыскать с ответчика заработную плату за время вынужденного прогула и компенсацию морального вреда в размере - 100 000 рублей.

Суд отказал Х. в удовлетворении исковых требований, и указал в решении, что факт отсутствия Х. на рабочем месте 18 июня 2021 г. без уважительных причин подтвердился представленными доказательствами, поэтому у работодателя имелись основания для увольнения Х. по подп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей – прогул. Суд также указал, что сведений о близком родстве Х. с умершей суду не было представлено [8].

Другой пример. 24 декабря 2020 г. в период работы в ООО «ВКМ-Сталь» К. подал заявление о предоставлении ему двух дней отдыха в связи с донорством, однако, начальник литейного цеха С.В. подписать данное заявление отказался. По сложившейся на предприятии практике без получения согласований нижестоящих руководителей вышестоящим руководителем окончательная резолюция не накладывается. Из-за отказа в согласовании ему не были предоставлены дни отдыха в связи с донорством.

Судом признано нарушением трудовых прав К., выразившемся в незаконном не предоставлении ему ООО «ВКМ – Сталь» дополнительных оплачиваемых выходных дней в связи с донорством по его заявлению от 24 декабря 2020 г. [9].

Разрешая спор, суд пришел к обоснованному выводу о незаконности отказа работодателя в предоставлении К. дней отдыха за сдачу крови.

При таких обстоятельствах, суд пришел к верному выводу о том, что не предоставлением истцу дней отдыха по его заявлению от 24 декабря 2020 г. работодателем допущено нарушение трудовых прав истца.

Отсутствие отдыха после сдачи крови негативно влияет на состояние здоровья работника и может привести к неблагоприятным последствиям.

Требования К. о признании действий работодателя незаконными были правильно признаны судом обоснованными и подлежащими удовлетворению.

В практике Верховный Суд РФ в последнее время появляются ссылки на сложившиеся правила в организациях или обычаи, которые выступают как юридические факты, указывающие на обязанность работодателя следовать им несмотря на то, что ТК РФ не рассматривается обычай как источник права.

Например, как указано в ч. 5 ст. 192 ТК РФ, работодатель, применяя к работнику дисциплинарное взыскание обязан учитывать отдельные моменты, такие как, тяжесть проступка работника, а также обстоятельства, при которых проступок был совершен.

В Постановления Пленума № 2 от 17 марта 2004 (п.53) года рекомендуется к этому перечню добавить обязанность работодателя изучить поведение работника до совершения нарушения и его отношение к работе.

Решения Верховного Суда РФ по конкретным делам расширяют перечень обязанностей работодателей. Так, в некоторых решениях суда указывается на необходимость учета продолжительности стажа работника у работодателя, наличие у работодателя реальной возможности применить вместо увольнения более легкие виды дисциплинарных взысканий.

Например, увольнение может быть признано судом незаконным, если дисциплинарный проступок совершен работником впервые, а до этого к нему не применялись никакие дисциплинарные взыскания. Суды считают, что следует учитывать последствия нарушения, наличие неблагоприятных последствий в результате его совершения [10, с.34-39].

Защитные меры в отношении беременных женщин, касающиеся увольнения по инициативе работодателя, Верховный Суд распространил и на расторжение трудового договора по соглашению сторон [11].

В настоящее время у судов общей юрисдикции наблюдается формирование новой практики. Так, если беременная женщина, уволенная по соглашению сторон, предъявляет иск о восстановлении на работе, ее иск подлежит удовлетворению [12].

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что разъяснения Верховного Суда РФ по применения трудового законодательства на практике не всегда помогают толковать нормы трудового права правильно.

К примеру, работодателям удобно вместо трудового договора на неопределенный срок заключать с работниками срочный трудовой договор. Сформировалась практика, которая выгодна и удобна только работодателям. По истечению срока срочного трудового договора заключается следующий срочный трудовой договор с тем же работником.

В Постановлении Пленума ВС РФ (ст.14) дается разъяснение, что при многократности заключения срочных трудовых договоров для выполнения одной и той же трудовой функции суд может признать трудовой договор постоянным с учетом обстоятельств каждого дела.

Лютюв Н.Л. обращает внимание на то, что неоднократное перезаключение срочных трудовых договоров, несмотря на указания Верховного Суда РФ, не рассматривается судами в качестве основания для признания трудового договора заключенным на неопределенный срок [13, с.21-22].

Еще один пример. В подп. «д» п. 39 Постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 в качестве прогула считается *самовольное использование дней отгулов*, а также *самовольный уход в отпуск*.

Относительно ухода в отпуск в разных организациях складываются разные правила.

Например, в организации сложилась практика что отгулы предоставляются за выход из отпуска раньше окончания отпуска [14].

03.04.2020 г. истцом было написано заявление о предоставлении ей отгулов с 06.04.2020 по 08.04.2020, 30.04.2020. На ее заявлении директор организации поставил резолюцию «возражаю».

В судебном заседании было установлено и стороны этого не отрицали, что заявление было оставлено специалисту по кадрам, истец не согласовала дни неявки на работу с директором детского дома. Результатом принятого директором организации заявления истец не интересовалась, при этом на работу не выходила с 06.04. по 08.04.2020г.

Как следует из п. «д» п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 самовольное использование дней отгулов без согласования с работодателем является не уважительной причиной отсутствия на рабочем месте.

Так как обычай является привычным правилом поведения, вопрос об обеспечении его исполнения со стороны внешней силы отпадает. Государство может признать или отвергнуть тот или иной обычай по разным причинам, в частности по причине несоответствия законодательству.

Обычай, в трудовом праве не имеет объективированной формы выражения. Он не подлежит опубликованию в установленном законом порядке уполномоченным государственным органом, должностным лицом или работодателем. Обычай не обеспечивается силой государственного принуждения и поэтому невозможно применять санкции за его нарушение. Эти характерные признаки позволяют отнести его к нетипичным источникам трудового права [15, с 47-55].

Вышесказанное позволяет сделать следующий вывод: придание обычаю статуса источника трудового права возможно на законодательном уровне, путем внесения в ст. 5 ТК РФ положения о том, что обычай признается источником права.

Библиография:

1. Ведешкина, Т. П. Обычаи и обывновения в трудовом праве России / Т. П. Ведешкина // Эволюция российского права : Материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 29–30 апреля 2021 года / Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2021. – С. 702-709.
2. Крыжан, В. А. Правовой обычай и судебная практика как источники трудового права: на фоне интеграции отраслей российского права и интеграции Российской Федерации в мировое сообщество государств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / В. А. Крыжан. Пермь, 2006. – 205 л.
3. Лущникова М.В. Правовой механизм социального партнерства в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. – 362 с.
4. Шаповал, Е. А. Источники российского трудового права: специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шаповал Елена Алексеевна. Москва, 2002. – 219 с.
5. Крыжан В.А. Правовой обычай и судебная практика как источники трудового права (на фоне интеграции отраслей российского права и интеграции Российской Федерации в мировое сообщество государств): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2006. – 31 с.- С. 20 – 21.
6. Жильцов М.А. Обычай как источник трудового права // Социальное и пенсионное право. 2008. № 2. – С.22-23.
7. Вострецова О.А. Конвенции и рекомендации международной организации труда как источники трудового права. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. – 201 с.
8. Апелляционное определение Верховного суда Республики Ингушетия от 03.03.2022 № 33-164/2022 по делу № 2-1537/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 23.11.2021 № 33-2153/2021 по делу № 2-649/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Данилова В.В. Как не допустить ошибок, увольняя за прогул // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2020. № 6. - С. 34 - 39.
11. Определение ВС РФ от 5 сентября 2014 г. № 37-КГ14-4, от 20 июня 2016 г. № 18-КГ16-45// СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 апреля 2017 г. № 33-12652/2017// СПС «КонсультантПлюс».
13. Лютюв Н.Л. Срочный трудовой договор как инструмент неустойчивой занятости: многократное перезаключение и возможность заключения с научно-педагогическими работниками // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. - С. 21 - 22.
14. Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) № 2-2782/2020 М-2196/2020 М-2196/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 2-2782/2020 // Судебные и нормативные акты РФ <https://sudact.ru/regular/doc/FqpU5Gc7beNu/>
15. Ведешкина Т.П. Нетипичные источники российского трудового права: понятие, виды // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 1.- С. 47 - 55.

References:

1. Vedeshkina, T. P. Customs and customs in the labor law of Russia / T. P. Vedeshkina // The Evolution of Russian Law : Proceedings of the XIX International Scientific Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, April 29-30, 2021 / Ural State University of Law. – Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University", 2021. – pp. 702-709.
2. Kryzhan, V. A. Legal custom and judicial practice as sources of labor law: against the background of the integration of branches of Russian law and the integration of the Russian Federation into the world community of states: dis. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.05 / V. A. Kryzhan. Perm, 2006. – 205 l.
3. Lushnikova M.V. The legal mechanism of social partnership in the regulation of labor and social security relations: dis. ... doct. Jurid. M., 1997. – 362 p.
4. Shapoval, E. A. Sources of Russian labor law: specialty 12.00.05 "Labor law; social security law": dissertation for the degree of Candidate of Law / Shapoval Elena Alekseevna. Moscow, 2002. – 219 p.
5. Kryzhan V.A. Legal custom and judicial practice as sources of labor law (against the background of integration of branches of Russian law and integration of the Russian Federation into the world community of states): Abstract of the dissertation ... cand. Jurid. sciences". Perm, 2006. – 31 p.- p. 20-21.
6. Zhiltsov M.A. Custom as a source of labor law // Social and pension law. 2008. No. 2. – pp.22-23.
7. Vostretsova O.A. Conventions and recommendations of the International Labor Organization as sources of labor law. Dis. ... cand. Jurid. M., 2006. -201 p.
8. Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Ingushetia dated 03.03.2022 No. 33-164/2022 in case No. 2-1537/2021 // SPS "ConsultantPlus".
9. Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Mordovia dated 11/23/2021 No. 33-2153/2021 in case No. 2-649/2021 // SPS "ConsultantPlus".
10. Danilova V.V. How to avoid mistakes by firing for absenteeism // Personnel Department of a state (municipal) institution. 2020. No. 6. - pp. 34-39.
11. Definitions of the Armed Forces of the Russian Federation dated September 5, 2014 No. 37-KG14-4, dated June 20, 2016 No. 18-KG16-45/ SPS "ConsultantPlus".
12. Appeal ruling of the Moscow City Court dated April 24, 2017 No. 33-12652/2017// SPS "ConsultantPlus".
13. Lyutov N.L. Fixed-term employment contract as an instrument of unstable employment: multiple renegotiation and the possibility of concluding with scientific and pedagogical workers // Labor law in Russia and abroad. 2018. No. 4. - pp. 21-22.
14. Decision of the Industrial District Court of Khabarovsk (Khabarovsk Territory) No. 2-2782/2020 2-2782/2020 ~M-2196/2020 M-2196/2020 dated July 29, 2020 in case No. 2-2782/2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation <https://sudact.ru/regular/doc/FqpU5Gc7beNu/>
15. Vedeshkina T.P. Atypical sources of Russian labor law: concept, types // Electronic appendix to the Russian Law Journal. 2022. No. 1.- pp. 47-55.

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С КАРТЕЛЯМИ И ИНЫЕ АНТИКОНКУРЕНТНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ LEGAL MEASURES TO COMBAT CARTELS AND OTHER ANTI-COMPETITIVE AGREEMENTS IN THE DIGITAL ECONOMY AGE

КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич,

кандидат юридических наук,
и. о. заведующего базовой кафедрой конкурентного и предпринимательского права, доцент
Юридической школы Дальневосточного федерального университета.
690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс.
E-mail: korchagin.ag@dvfu.ru;

ФИЛИППОВ Данил Вячеславович,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета.
690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс.
E-mail: filippovdanil456@gmail.com;

ГУЛЕВСКИЙ Ярослав Евгеньевич,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета.
690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс.
E-mail: yargul@rambler.ru;

KORCHAGIN Anatoly Georgievich,

PhD in Law, Head of the Basic Department of Antitrust and Entrepreneurial Law,
Associate Professor at the Law School of the Far Eastern Federal University.
Ajax, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.
E-mail: korchagin.ag@dvfu.ru;

FILIPPOV Danil Vyacheslavovich,

student at the Law School of the Far Eastern Federal University.
Ajax, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.
E-mail: filippovdanil456@gmail.com;

GULEVSKY Yaroslav Evgenyevich,

student at the Law School of the Far Eastern Federal University.
Ajax, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.
E-mail: yargul@rambler.ru

Краткая аннотация: поиск новых направлений и факторов экономического роста привел к формированию такого масштабного явления как цифровизация, и к появлению новой экономической реальности – цифровой экономике. Авторы осуществили анализ пятого антимонопольного пакета, цель которого – совершенствование антимонопольного регулирования в условиях именно цифровой экономики. Изучена деятельность государства, направленная на предупреждение и пресечение монополизации рынков через картели в привязке к использованию правонарушителями ЭВМ. Рассматривается явление цифровых картелей.

Abstract: the search for new directions and factors of economic growth has led to the formation of such a large-scale phenomenon as digitalization, and to the emergence of a new economic reality - the digital economy. The authors analyzed the fifth antimonopoly package, the purpose of which is to improve antimonopoly regulation in the digital economy. The activities of the state aimed at preventing and suppressing the monopolization of markets through cartels in connection with the use of computers by offenders have been studied. The phenomenon of digital cartels is considered.

Ключевые слова: картели, антиконкурентные соглашения, антимонопольное законодательство, цифровая экономика.

Key words: cartels, anti-competitive agreements, antitrust law, digital economy.

Для цитирования: Корчагин А.Г., Филиппов Д.В., Гулевский Я.Е. Правовые меры борьбы с картелями и иные антиконкурентные соглашения в эпоху цифровой экономики // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 5(233). С. 175-178. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_175.

For citation: Korchagin A.G., Filippov D.V., Gulevsky Ya.E. Legal measures to combat cartels and other anti-competitive agreements in the digital economy age // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 5(233). pp. 175-178. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_175.

Статья поступила в редакцию: 22.04.2024

Поиск новых направлений и факторов экономического роста привел к появлению значительного по своему масштабу экономического явления – цифровизации. Появилась совершенно новая сторона экономической реальности – цифровая экономика.

Развитие цифровых технологий и усиление роли инноваций во всех отраслях и сферах экономики, во-первых, приводит к изменению структуры традиционных рынков, связей и факторов, определяющих условия обращения товаров на товарных рынках, и во-вторых, требует новых подходов к обеспечению рационального хозяйствования со стороны государства и обеспечения равных конкурентных условий экономической деятельности.

С полной уверенностью можно говорить о высокой значимости деятельности государства по обеспечению конкурентной среды в условиях рыночной экономики и противодействию монополистической деятельности. Ущерб от антиконкурентных соглашений на товарных рынках и торгах составляет 1,5 – 2 % размера ВВП ежегодно; завышение цен в случае картелей на торгах достигает 30 % (начальной стоимости предмета торгов), завышение цен картелями на товарных рынках составляет 18 %, трансграничными, международными картелями – 23 % [1]. Таким образом, можно сделать вывод, что такие соглашения представляют угрозу национальной безопасности страны.

Рассматривая динамику возбуждения уголовных дел и вынесенных приговоров, можно увидеть заметные изменения в статистике. В частности, статистика за 2018 г. говорит о том, что не было вынесено ни одного приговора по статье 178 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) «Ограничение конкуренции». Но постепенно тенденция меняется, напр., в 2021 г. суды вынесли 3 обвинительных приговора, в 2022 г. – уже 7, а по итогам первого полугодия 2023 г. – 4 обвинительных приговора, расследование по которым проводилось при непосредственном взаимодействии с антимонопольным органом. Если говорить о конкретных цифрах, то в 2022 году антимонопольным органом направлено 68 сообщений о преступлениях по статье 178 УК РФ, правоохранительными — возбуждено 12 уголовных дел. В первом полугодии 2023 года соответственно направлено 24 сообщения и возбуждено 7 дел.

Легальное определение категории «цифровая экономика» содержится в Указе Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы». Цифровая экономика – это «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, продаж, доставки товаров и услуг» [2]. Т. е. в качестве ключевого критерия отделения цифровой экономики от традиционных форм хозяйствования законодатель видит цифровой вид данных.

Можно выделить два важных вектора развития экономического законодательства: с одной стороны – это поддержка цифровых трансформаций национальной экономики, а с другой – осуществление противодействия монополизации рынка и монополистической деятельности посредством создания адекватных и актуальных механизмов [3].

Перед государством стоит задача эффективного предупреждения и пресечения монополизации рынков через коллективную форму монополистической деятельности – картели и иные антиконкурентные соглашения, ввиду роста количества экономических правонарушений с использованием достижений цифровизации. Опасность цифровых картелей, реализуемых с использованием цифровых технологий, значительна, т. к. в силу специфики возможностей, предоставляемых новыми цифровыми технологиями, они могут иметь более широкую и глубокую способность влияния на рынок по сравнению с обычными картелями.

Для реализации функции государства по противодействию монополистической деятельности, в частности в сфере цифровой экономики, Президент РФ подписал Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции», являющийся частью т. н. «пятого антимонопольного пакета».

Ключевые поправки состоят в следующем: введены меры по предупреждению монополистической деятельности цифровых платформ, дано легальное определение категории «сетевой эффект», установлен пороговый критерий при контроле за экономической концентрацией, сокращена сфера применения картельных иммунитетов.

Особенно важно рассмотреть вопросы применения норм законодательства, их толкования, юридической ответственности в данной сфере, пределы доказывания состава правонарушения антимонопольным органом и пр., т. к. именно данные меры напрямую способствуют борьбе с картелями.

Для определения эффективности мер борьбы с картелями, необходимо рассмотреть практику и устоявшиеся подходы Федеральной Антимонопольной Службы РФ (далее – ФАС РФ) по доказыванию наличия антиконкурентных соглашений и последующего применения к нарушителю мер юридической ответственности.

Ранее ФАС РФ придерживалась позиции, по которой для констатации антиконкурентного соглашения необходимо проанализировать ряд косвенных доказательств, сопоставив каждое из них с другими и не обременяя процесс доказывания обязательным поиском хотя бы одного прямого доказательства. Нельзя утверждать, что данная модель лишена объективности, но точно можно говорить и о том, что ее применение влекло значительные риски для принятия обоснованного решения по итогам рассмотрения дела. Более того, отсутствовали и четкие пределы доказывания, поэтому в каждом конкретном случае имел место факт их субъективной интерпретации.

Скорректировало эту ситуацию появление постановление Пленума Верховного суда РФ от 04.03.2021 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства», оказавшее большое влияние на антимонопольное регулирование и вызвавшее заметные изменения в правоприменительной и судебной практике.

Во-первых, как следует из Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ (далее – Закон «О защите конкуренции») запрещается монополистическая деятельность хозяйствующих субъектов в форме ограничивающих конкуренцию соглашений и (или) согласованных действий. Тем не менее, теперь вышеуказанное постановление Пленума ВС РФ содержит важное замечание, что само по себе взаимодействие хозяйствующих субъектов к общей выгоде, в т. ч. предполагающее объединение их усилий, антимонопольным законодательством не запрещается, если не приводит к неблагоприятным последствиям для конкуренции. Здесь же говорится о том, что соглашения и согласованные действия, которые могут иметь неблагоприятные последствия для конкуренции, но признаются допустимыми, не образуют нарушения ст. 11 и 11.1 Закона «О защите конкуренции» [4]. Также из Пленума следует, что устанавливается прямое указание на то, что запрещены действующим законодательством те соглашения и согласованные действия, если осуществляемая в соответствии с ними экономическая деятельность направлена на монополизацию, целью же и результатом соглашений и согласованных действий являются неблагоприятные последствия для конкуренции на товарных рынках в виде недопущения соперничества хозяйствующих субъектов [5]. Соответственно, доказывание наличия таких соглашений строится на двух важных элементах: 1) выявление объекта (предмета) соглашения между субъектами; 2) доказывание негативного эффекта от его реализации в виде недопущения или устранения конкуренции. Также в постановлении предлагается при оценке действий

хозяйствующих субъектов обращать внимание на реакцию бизнеса на изменение рыночной обстановки ввиду того, что сама по себе схожесть поведения субъектов не является основанием о наличии между ними антиконкурентного соглашения.

Отдельно нужно проанализировать предмет доказывания по делам, связанным с применением ч. 1 ст. 11 Закона «О защите конкуренции» – ограничивающим конкуренцию соглашениям в виде картелей. Как правило, суды в своих судебных актах исходили из того, что для квалификации действий хозяйствующих субъектов-конкурентов в качестве создания картеля достаточно установить сам факт заключения такими субъектами противоправного соглашения и направленность такого соглашения на негативные последствия, установленные в п. 1-5 ч. 1 ст. 11 Закона «О защите конкуренции». Но теперь Постановлением Пленума установлена позиция, что в предмет доказывания по данной категории дел входит установление факта, что участники картеля являются конкурентными на товарном рынке и достигнутое между ними соглашение имеет предмет, определенный в п. 1-5 ст. 11 Закона. В свою очередь, указанное обстоятельство подлежит доказыванию антимонопольным органом в результате проведенного анализа рынка. Таким образом, мы присоединились к большинству юрисдикций, которые исходят из того, что доказыванию подлежит факт заключения картельного соглашения (объект), а не его последствия (эффект) [6].

Особый интерес для рассмотрения представляет собой позиция посвященная иным, не указанным в ч. 1 ст. 11 Закона «О защите конкуренции», соглашениям, в т. ч. «горизонтальным», «вертикальным» и прочим соглашениям. Данные соглашения хозяйствующих субъектов могут быть признаны недопустимыми, если антимонопольным органом будет доказано, что результатом реализации или целью договоренностей, достигнутых между хозяйствующими субъектами, являлось недопущение конкуренции на рынке. Обращается внимание на то, что при оценке направленности действий хозяйствующих субъектов на ограничение конкуренции в связи с достигнутыми между ними договоренностями, суд вправе принять во внимание доводы ответчиков, свидетельствующие о наличии разумных экономических ли обусловленных действующим законодательством причин достижения соответствующих договоренностей между субъектами.

Следует иметь в виду, что присутствует указание на разумность экономических или иных причин, по которым хозяйствующие субъекты вступили между собой в диалог и достигли некой договоренности. Как представляется, именно эта разумность поведения будет тем дополнительным маркером, который позволит разграничивать допускаемую законодательством договоренность от антиконкурентных соглашений.

При возникновении спора о наличии соглашения, запрещенного п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона «О защите конкуренции» (изменение цен на торгах), Постановление Пленума ВС РФ определяет требование об оценке совокупности доказательств, свидетельствующих о наличии причинно-следственной связи между действиями участников торгов и изменением или поддержанием цен на торгах. В т. ч. необходимо принимать во внимание: 1) является ли достигнутый уровень снижения (повышения) цены обычным для торгов, которые проводятся в отношении определенных видов товаров; 2) имеются ли в поведении нескольких участников торгов признаки осуществления единой стратегии; 3) способно ли применение этой стратегии повлечь извлечение выгоды из картеля его участниками.

Таким образом, новые подходы в практике можно оценить в целом положительно, они активно применяются судами при разрешении споров о заключении картельных соглашений. Подход побуждает нижестоящие суды более вдумчиво анализировать эту категорию дел, в т. ч. с позиций возможной экономической целесообразности действий хозяйствующих субъектов.

В контексте борьбы с картелями нельзя не затронуть разработанные ФАС РФ законопроекты об ужесточении уголовной и административной ответственности за заключение картелей и участие в них. В первую очередь изменения коснутся ст. 178 УК РФ, где закреплены состав преступления и ответственность за участие в антиконкурентном соглашении (проект № 848246-7). Предлагается привести диспозицию нормы в соответствие с определением и признаками картеля, установленными Законом «О защите конкуренции». На взгляд авторов, данное изменение нормы обоснованно и способствует логичному построению системы антиконкурентного законодательства.

Напомним, в ч. 1 ст. 11 Закона не указан признак ограничения конкуренции, в отличие от диспозиции ст. 178 УК РФ. Кроме того, сейчас названная статья в качестве противоправного признает лишь заключение картеля, но не участие в нем, что также не способствует эффективной борьбе с данным видом правонарушений.

Законопроект предусматривает дополнительные квалифицирующие составы уголовно наказуемых деяний. При этом вводится повышенная ответственность за совершение преступления, предусмотренного новыми квалифицирующими составами, по сравнению с общей ответственностью за заключение и участие в картеле по ч. 1 ст. 178 УК РФ. Однако полагаем, что установление дополнительных квалифицирующих составов не является столь обоснованным, т. к. на наш взгляд степень опасности противоправного деяния следует определять исходя из анализа его экономических и поведенческих подходов, связанных с влиянием на развитие конкуренции.

Ряд изменений также планируется внести в КоАП РФ (проект № 848369-7). В частности, ужесточить наказание за воспрепятствование проверке, которая для антимонопольного органа служит основным способом получить доказательства картелей. Таким проверкам субъекты пытаются всячески противостоять. Но стоит заметить факт того, что для ряда хозяйствующих субъектов налагаемые штрафы никак не сдержат противоправное поведение, т. к. компании выгоднее уплатить их, чем оборотный штраф в случае, если будут найдены соответствующие доказательства. Хотя и нельзя отрицать, что в некоторой мере наложение административной ответственности в данном случае будет способствовать понижению желания противодействовать проверке.

Предлагается дополнить КоАП РФ специальной ст. 19.4.3 и установить санкцию за воспрепятствование проведению проверок антимонопольного органа на предмет соблюдения требования о запрете заключения антиконкурентного соглашения, если это повлекло невозможность проведения или завершения проверки. Размер штрафа будет зависеть в т. ч. от суммы выручки правонарушителя. Это обусловлено необходимостью усовершенствовать действующий механизм административной ответственности, который малоэффективен.

Важно обратить внимание на то, что введено в качестве дополнительногоотягающего обстоятельства при совершении административного правонарушения, выражающегося в реализации антиконкурентного соглашения, использование при этом программ для ЭВМ, предназначенных для расчета или согласования цен. Т. е. государство оперативно реагирует на фактические изменения в экономической жизни общества, учитывая фактор цифровизации.

Делая выводы, авторы считают необходимым предложить следующее понятие картельного сговора в условиях цифровой экономики: «это противозаконное соглашение между конкурентами, которое приводит или может привести к негативным последствиям для конкуренции, совершенное с использованием цифровых технологий». Принятие соответствующих законопроектов позволит повысить эффективность мер антимонопольного регулирования в условиях современных цифровых рынков, повысить защищенность прав и интересов добросовестных участников таких рынков от возможных проявлений монополистической деятельности, создать правовые механизмы противодействия злоупотреблениям рыночной властью цифровым монополиям и цифровым картелям.

Библиография:

1. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2022 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. – Режим доступа: <https://fas.gov.ru/documents/689108/>
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/
3. Молчанов А. В. Цели и задачи совершенствования антимонопольного регулирования в условиях цифровой трансформации / А. В. Молчанов // Состояние и развитие антимонопольного регулирования в Российской Федерации. М.: Москва : Издательская группа «Юрист» – 2021.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 N 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378656/?ysclid=lr9cupwtdr582709139
5. Тимошенко А. С. Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения / А.С. Тимошенко // Состояние и развитие антимонопольного регулирования в Российской Федерации. М.: Москва : Издательская группа «Юрист» – 2021.
6. Цариковский А.Ю. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху / А.Ю. Цариковский, Н.Ф. Галимханова, А.П. Тенишев, М.А. Хамуков, А.Ю. Иванов, Е.А. Войниканис, Е.В. Семенова // Издательский дом Высшей школы экономики Москва. – 2018.

References:

1. Doklad o sostoyanii konkurencii v Rossijskoj Federacii za 2022 god [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Federal'noj antimonopol'noj sluzhby. – Rezhim dostupa: <https://fas.gov.ru/documents/689108/>
2. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 N 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017 - 2030 gody» [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/
3. Molchanov A. V. Celi i zadachi sovershenstvovaniya antimonopol'nogo regulirovaniya v usloviyah cifrovoj transformacii / A. V. Molchanov // Sostoyanie i razvitie antimonopol'nogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii. M.: Moskva : Izdatel'skaya gruppa «YUrist» – 2021.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 04.03.2021 N 2 «O nekotoryh voprosah, voznikayushchih v svyazi s primeneniem sudami antimonopol'nogo zakonodatel'stva» [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378656/?ysclid=lr9cupwtdr582709139
5. Timoshenko A. S. Zapret na ogranichivayushchie konkurenciyu soglasheniya / A.S. Timoshenko // Sostoyanie i razvitie antimonopol'nogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii. M.: Moskva : Izdatel'skaya gruppa «YUrist» – 2021.
6. Carikovskij A.YU. Antimonopol'noe regulirovanie v cifrovuyu epohu / A.YU. Carikovskij, N.F. Galimhanova, A.P. Tenishev, M.A. Hamukov, A.YU. Ivanov, E.A. Vojnikanis, E.V. Semenova // Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki Moskva. – 2018.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИНСТИТУТА ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ GOALS AND OBJECTIVES OF THE INSTITUTE OF PLENIPOTENTIARIES THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

АЙВАЗЯН Эдвард Давидович,

студент аспирантуры, Таганрогский институт управления и экономики.
Петровская ул., 45, г. Таганрог, Ростовская обл., 347905, Россия.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru;

Ayvazyan E.D.,

postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, Rostov region, 347905, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: 13 мая 2000 года Президент России Владимир Владимирович Путин подписал указ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе», который упразднил институт полномочных представителей Президента в регионах и учредил должность полномочного представителя в федеральных округах. Такое преобразование было предпринято в целях обеспечения исполнения главой государства его полномочий, закрепленных в Основном законе, повышения эффективности функционирования федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля в сфере исполнения их решений. В настоящей статье выявлены и проанализированы цели и задачи института полномочных представителей Президента РФ. Отмечается, что на сегодняшний день проблема концептуального подхода к месту и роли полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах в системе государственного управления России успешно решена.

Abstract: on May 13, 2000, Russian President Vladimir Vladimirovich Putin signed a decree «On the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District», which abolished the institution of Plenipotentiary Representatives of the President in the regions and established the position of Plenipotentiary Representative in the federal districts. This transformation was undertaken in order to ensure the execution by the head of state of his powers enshrined in the Basic Law, to increase the efficiency of the functioning of federal government bodies and to improve the control system in the implementation of their decisions. This article identifies and analyzes the goals and objectives of the institution of plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation. It is noted that today the problem of a conceptual approach to the place and role of authorized representatives of the President of the Russian Federation in federal districts in the public administration system of Russia has been successfully resolved.

Ключевые слова: полномочные представители Президента РФ, федеральный округ, цели, задачи.

Key words: plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation, federal district, goals, objectives.

Для цитирования: Айвазян Э.Д. Цели и задачи института полномочных представителей Президента Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 179-181. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_179.

For citation: Ayvazyan E.D. Goals and objectives of the Institute of Plenipotentiaries the President of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 179-181. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_179.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2024

13 мая 2000 года Президент России Владимир Владимирович Путин подписал указ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» [2], который упразднил институт полномочных представителей Президента в регионах и учредил должность полномочного представителя в федеральных округах. Этим же указом был определен состав новообразованных округов, а также утверждено положение, регулирующее полномочия полномочных представителей. Такое преобразование было предпринято в целях обеспечения исполнения главой государства его полномочий, закрепленных в Основном законе [1], повышения эффективности функционирования федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля в сфере исполнения их решений.

По мнению отечественных политологов, «институт полномочных представителей Президента в федеральных округах доказал свою дееспособность, сыграв важную роль в восстановлении единого правового и политического пространства страны» [4]. Эксперты также отмечают, что за «более чем 20 лет роль полномочных представителей как элемента вертикали власти отличалась разными акцентами и приоритетами работы – от внутренней политики до экономики» [4].

Согласно Положению о полномочном представителе Президента в федеральном округе [2], в функции полномочного представителя входит контроль за исполнением распоряжений главы государства на территории, подконтрольной федеральному округу, координация деятельности федеральных органов власти и госструктур субъектов РФ, входящих в округ. Кроме того, он обеспечивает на подведомственной территории взаимодействие органов государственной власти с политическими, общественными и религиозными организациями. Также в компетенцию представителя Президента входит согласование кандидатур для назначения на должности федеральных госслужащих в пределах округа, в особенности это касается кандидатов, замещающих вакансии в правоохранительных ведомствах.

Деятельность полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах демонстрирует их значимость как неотъемлемой части механизма «федерального присутствия» и эффективного инструмента антикризисного управления. Их роль особенно важна в периоды нестабильности и чрезвычайных ситуаций.

Соглашаясь с мнением экспертов, можно утверждать, что в спокойные времена представители Президента РФ выступают как механизм контроля, координации, отбора кадров и сбора информации. Однако в периоды кризисов они становятся ключевым элементом администра-

тивной системы, обеспечивая реализацию директив Президента РФ непосредственно в регионах.

Неопределенность правового статуса полномочных представителей Президента РФ предоставляет последнему возможность надеяться на скрытые полномочия, вытекающие из «явных» и «подразумеваемых» полномочий Президента России. Не все функции представителей Президента РФ подлежат огласке. Таким образом, институт полномочных представителей Президента РФ является институтом скрытых полномочий, что обуславливает его мобильность и подвижность. Существуют значительные противоречия между правовым статусом полномочных представителей Президента РФ и их фактическим положением в государственном аппарате России.

Полномочные представители Президента Российской Федерации не обладают формальной административной властью. Они могут выявлять нарушения и требовать их устранения, однако не могут самостоятельно применять меры ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений Президента РФ. Полномочные представители Президента имеют в прямом административном подчинении только сотрудников своих аппаратов. Однако для решения возникающих проблем они могут напрямую обращаться к главе государства. В связи с этим, несмотря на отсутствие формального административного подчинения, должностные лица регионального или муниципального уровня вряд ли откажутся от реализации мер, предложенных представителями Президента РФ.

Утверждение «о властном характере компетенции представителей Президента Российской Федерации, отличном от подчинения» [3], представляется нам обоснованным. Их полномочия распространяются на структуры, обладающие самостоятельностью в рамках своей компетенции, что порождает разнообразие в методах осуществления функций, закрепленных за ними в сфере управления. Данное разнообразие обусловлено необходимостью учета особенностей и специфики деятельности этих структур. Узкое понимание государственно-властных полномочий, ограничивающее их только отношениями неравенства и подчинения, не учитывает расширения сферы управленческой деятельности и административно-правовых отношений. Функции и права полномочных представителей Президента РФ частично совпадают с функциями и правами Правительства России, Прокуратуры и исполнительных органов субъектов РФ. Однако их роль не ограничивается дублированием. Они выполняют дополнительную функцию мониторинга ситуации на местах и подготовки докладов главе государства. Это свидетельствует о расширении государственно-властных полномочий за пределы традиционных отношений подчинения и охватывает различные виды управленческой деятельности.

С юридической точки зрения полномочные представители Президента РФ выполняют задачу по обеспечению реализации полномочий Президента России на региональном уровне, а также согласованного функционирования и взаимодействия органов федеральной власти. С политико-административной точки зрения дублирование полномочий возникло из-за неэффективной работы этих органов и сохраняющейся низкой исполнительской дисциплины.

Дублирование определенных функций Администрации Президента РФ полномочными представителями Президента РФ является обоснованным, поскольку последние выступают в качестве территориальных и межрегиональных подразделений Администрации, фактически являясь ее «филиалами» на местах. Основная задача как Администрации Президента РФ, так и его представителей заключается в обеспечении реализации полномочий главы государства, но на различных уровнях государственного управления.

Большая часть функций полномочных представителей Президента РФ имеет политическую направленность, что указывает на значимость политической составляющей в сущности исследуемого института. Однако представители Президента РФ не являются исключительно исполнительными органами государственной власти. Данное обстоятельство свидетельствует о нецелесообразности и нелогичности разработки административных регламентов для деятельности представителей Президента РФ. В противном случае их права и функции будут существенно ограничены, что приведет к утрате политического влияния на процессы в регионах и снижению их авторитета. В конечном счете, это подорвет полномочия Президента РФ как центральной фигуры политической системы и главы государства, ответственного за определение основных направлений внутренней политики.

Функции полномочных представителей Президента РФ можно условно разделить на обобщенные и предметные. Обобщенные функции обладают значительным потенциалом для «скрытых» полномочий и дальнейшего развития института представителей. Однако они также создают теоретические и практические проблемы, затрудняющие определение правового статуса полномочных представителей и оценку законности их вмешательства в деятельность других органов власти и политических субъектов.

Ситуация осложняется отсутствием четкой правовой базы и однозначной формы реализации полномочий представителей Президента РФ. Положение о полномочном представителе [2] предусматривает, что представители Президента РФ могут издавать правовые акты – распоряжения, но только в отношении своих собственных аппаратов. Эти распоряжения могут быть как нормативными, так и ненормативными. Однако на практике представители Президента РФ также издают и другие акты – обращения, которые не имеют нормативного характера.

Следствием выявленных проблем является вмешательство представителей Президента РФ в деятельность других органов государственной власти, местного самоуправления и в региональные избирательные кампании. Это подчеркивает настоятельную необходимость совершенствования правового регулирования этого сравнительно нового института государственной власти и управления. В противном случае указанные проблемы будут негативно сказываться не только на деятельности президентской власти, но и на формировании единой системы исполнительной власти в стране.

Итоги деятельности полномочных представителей Президента РФ обобщаются и представляются ими в виде отчетов о состоянии национальной безопасности, политической, социальной и экономической обстановки в федеральных округах, а также в виде соответствующих предложений Президенту РФ. Периодичность предоставления таких отчетов не установлена в законодательстве, но на практике они предостав-

ляются ежегодно. Однако возможно и более частое предоставление отчетов по запросу. Кроме того, осуществляется постоянное оперативное взаимодействие, предполагающее предоставление необходимой информации федеральными органами государственной власти по запросу. Отчеты и предложения представителей Президента РФ имеют большое значение, поскольку позволяют высшим органам государственной власти, и прежде всего главе государства, максимально объективно оценить обстановку в стране и принять адекватные решения.

Анализ основных направлений деятельности полномочных представителей Президента РФ позволяет включиться в дискуссию о наличии или отсутствии в государстве самостоятельной президентской ветви власти, вызванную противоречием между ст. 10 и ч. 1 ст. 11 Конституции РФ [1]. Конституция РФ [1] определяет президентскую и исполнительную ветви власти как самостоятельные, что исключает произвольное вмешательство в их деятельность и позволяет Президенту иметь собственные территориальные структуры. Представители Президента РФ и их аппараты выполняют роль таких структур, образуя вертикаль президентской власти.

Глава государства, не входящий в состав трех ветвей единой государственной власти, олицетворяет и объединяет российскую государственность, концентрирует и представляет интересы всего общества, выполняя роль главного арбитра в согласованной работе всей системы органов власти в стране. Его задача – предотвращать кризисные ситуации, защищать государственные устои и обеспечивать условия, в которых государственный аппарат в целом и органы публичной власти, а также их должностные лица могут эффективно выполнять свои обязанности в нормальных условиях. Компетенция Президента РФ простирается за пределы его полномочий в сфере исполнительной власти. Тем не менее, тесная связь президентской власти с исполнительной позволяет рассматривать Президента России как организатора и координатора всей системы исполнительной власти страны. В некоторых случаях он может выступать и в качестве ее фактического руководителя. Однако достичь полной независимости и самостоятельности каждой из ветвей власти представляется невыполнимой задачей.

Исполнительная власть в современной России характеризуется низкой эффективностью, что вынуждает главу государства и его представителей на региональном и межсубъектном уровнях выполнять функции исполнительной власти. Это происходит в тех случаях, когда другие органы публичной власти не справляются со своими обязанностями.

Несмотря на принцип самостоятельности и независимости органов публичной власти, взаимоотношения между ними строятся в соответствии с принципом единства власти. Это означает, что представители Президента РФ обладают полномочиями по координации и контролю деятельности других органов власти, что обуславливает отношения субординации и иерархической соподчиненности.

Концептуальный подход к месту и роли полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах в системе государственного управления России сформирован, исходя из статуса Президента РФ как главы государства, гаранта Конституции [1], прав и свобод человека и гражданина, а также его доминирующего положения в системе органов публичного управления. Конкретные задачи, функции, права и основные направления деятельности полномочных представителей Президента РФ определяются не только Положением о полномочном представителе [2], но и местом Президента РФ в системе разделения властей. В силу вторичности правового статуса представителей Президента РФ по отношению к правовому статусу Президента России, они обладают полномочиями, вытекающими из полномочий Президента РФ, в том числе не нашедшими нормативного закрепления. Механизмы взаимодействия полномочных представителей Президента РФ с другими органами публичной власти и негосударственными объединениями определяются их ролью в обеспечении взаимодействия между Президентом РФ и федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и общественными организациями.

Таким образом, на сегодняшний день проблема концептуального подхода к месту и роли полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах в системе государственного управления России успешно решена.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2023 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 10.03.2024).
2. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 (ред. от 26.06.2023). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2023 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065756> (дата обращения: 10.03.2024).
3. Затулина Т.Н., Синюгина Т.В. Вопросы совершенствования института полномочного представителя Президента РФ в федеральных округах (на примере Южного федерального округа). – Текст: непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 3. – С. 18 – 21.
4. Обратная связь с регионами: цели и задачи института полпредов президента РФ. – Текст: электронный // Информационное агентство ТАСС: официальный сайт. – 2024. – URL: <https://tass.ru/politika/1963660> (дата обращения: 10.03.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, subject to amendments introduced by Laws No. 6-FKZ of 12/30/2008, No. 7-FKZ of 12/30/2008, No. 2-FKZ of 02/5/2014, No. 11-FKZ of 07/21/2014, No. 1-FKZ of 03/14/2020, approved during the All-Russian vote on 07/01/2020, with taking into account the inclusion of new subjects of the Russian Federation introduced by federal constitutional laws No. 5-FKZ of 04.10.2022, No. 6-FKZ of 04.10.2022, No. 7-FKZ of 04.10.2022, No. 8-FKZ of 04.10.2022). – Text: electronic // State system of legal information: Official Internet portal of legal information. 2005-2023 – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (date of appeal: 03/10/2024).
2. On the Plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the Federal District: Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2000 No. 849 (ed. dated 06/26/2023). – Text: electronic // State system of legal information: Official Internet portal of legal information. 2005-2023 – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065756> (date of application: 03/10/2024).
3. Zatulina T.N., Sinyugina T.V. Issues of improving the institution of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in federal districts (on the example of the Southern Federal District). – Text: direct // State power and local self-government. - 2020. – No. 3. – pp. 18-21.
4. Feedback from the regions: goals and objectives of the Institute of Presidential Envoys of the Russian Federation. – Text: electronic // TASS News Agency: official website. – 2024. – URL: <https://tass.ru/politika/1963660> (date of application: 03/10/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_182

УДК 347.963

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ТРЕБОВАНИЙ К СЛУЖЕБНОМУ ПОВЕДЕНИЮ И УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА FORMATION OF THE COMPOSITION AND ACTIVITY OF THE COMMISSION FOR COMPLIANCE WITH OFFICIAL CONDUCT REQUIREMENTS AND SETTLEMENT OF CONFLICTS OF INTEREST: CURRENT ISSUES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION

ДЕМИДО Елена Валериевна,

старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. ул. Суханова, 8, г. Владивосток, Приморский край, 690000, Россия.
E-mail: elena09demido@mail.ru;

Demido Elena Valerievna,

senior lecturer at the department of prosecutorial supervision over the implementation of federal legislation and the participation of the prosecutor in civil, administrative proceedings and arbitration proceedings of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Sukhanova str., 8, Vladivostok, Primorsky Krai, 690000, Russia.
E-mail: elena09demido@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены вопросы осуществления прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции, связанные с деятельностью комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов. Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время в действующем антикоррупционном законодательстве существует пробелы в части регламентации ряда вопросов об участии независимых экспертов в указанной комиссии, что влияет на законность и обоснованность сделанных ею выводов. В работе предложены пути решения обозначенных проблем.

Abstract: The article discusses issues of prosecutorial supervision in the field of anti-corruption related to the activities of the commission to comply with the requirements for official conduct of federal civil servants and resolve conflicts of interest. The author comes to the conclusion that currently there are gaps in the current anti-corruption legislation regarding the regulation of a number of issues regarding the participation of independent experts in this commission, which affects the legality and validity of the conclusions made by it. The work suggests ways to solve the identified problems.

Ключевые слова: комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, конфликт интересов, независимые эксперты, прокурорский надзор, государственная служба.

Key words: commission for compliance with requirements for official conduct and resolution of conflicts of interest, conflict of interest, independent experts, prosecutorial supervision, public service.

Для цитирования: Демидо Е.В. Формирование состава и деятельность комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов: актуальные вопросы прокурорского надзора // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 182-185. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_182.

For citation: Demido E.V. Formation of the composition and activity of the commission for compliance with official conduct requirements and settlement of conflicts of interest: current issues of prosecutorial supervision // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 182-185. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_182.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2024

В последние десятилетия вопросам борьбы с коррупцией и состоянию законности в указанной сфере уделяется достаточно много внимания как на уровне государственной власти Российской Федерации, так и на уровне органов местного самоуправления. Причиной тому выступает необходимость выработать отлаженный единый механизм противодействия коррупции, как одной из системных угроз безопасности государства, которая подрывает авторитет власти, формируя негативное к ней отношение граждан и общества, а также порочит престиж государственной и муниципальной службы. Несмотря на то, что меры по борьбе с коррупцией принимают многие правоохранительные органы, ведущая, координирующая роль в этой работе отведена органам прокуратуры. Это обусловлено полномочиями, предоставленными ей Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ).

Прокурорский надзор в сфере противодействия коррупции осуществляется с учетом положений национального плана противодействия коррупции (например, Национального плана противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478), комплексного плана мероприятий по противодействию коррупции на определенный период (например, Комплексного плана мероприятий по противодействию коррупции на 2021 - 2025 годы, утвержденного приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15 сентября 2021 года № 532), а также положений действующих Долгосрочных планов мероприятий по противодействию коррупции, утвержденных руководством каждой конкретной прокуратуры.

Основные задачи по борьбе с коррупционными проявлениями закреплены в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 10 октября 2022 года № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции». Так, пункт 2.6. приказа устанавливает систематический характер проверок исполнения антикоррупционного законодательства в части соблюдения государственными и муниципальными служащими требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов,

а также иных обязанностей, закрепленных Федеральным законом № 273-ФЗ и другими федеральными законами.

Понятие конфликта интересов, признаки его повышенной общественной опасности, процедура урегулирования закреплены в статьях 10, 11 Федерального закона № 273-ФЗ, статье 19 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 79-ФЗ), статье 14.1 Федерального закона от 02 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».

На наш взгляд, наибольшую угрозу представляет собой конфликт интересов, возникающий на государственной гражданской службе, поскольку именно она связана с осуществлением прав и обязанностей, посредством которых государственный служащий реализует от имени государства его функции. При этом, «предоставленные государством полномочия и соответствующее влияние лицам, занимающим публичные должности в системе государственного управления, могут быть использованы ими в личных интересах, в том числе вопреки интересам государства» [6, с. 16], что ослабляет доверие граждан к государственной власти.

Вводя в правовое поле такую категорию, как конфликт интересов, законодатель предусмотрел и организационный механизм его урегулирования [9, с. 142]. В этих целях в государственном органе образуются специальные комиссии по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов (далее – Комиссия) (часть 5 статьи 19 Федерального закона № 79-ФЗ). Порядок формирования и деятельности Комиссии установлен Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 01 июля 2010 года № 821 (далее – Положение).

Комиссия представляет собой «независимый орган, реализующий механизм защиты должностного лица от противозаконных действий руководителя, обладающий достаточно серьезными полномочиями, которые он вправе осуществлять с помощью разрешенных средств и методов предупреждения правонарушения коррупционной направленности» [5, с. 44-47].

Однако, урегулирование конфликта интересов не является единственной целью работы данной управленческой структуры, что обусловлено задачами и специфическими условиями государственной службы. Правильно полагает В.В. Астанин, что «проработка вопросов по соблюдению положений статьи 18 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», закрепляющей требования к служебному поведению гражданского служащего, отнесена к компетенции Комиссий для целей предупреждения вероятных коррупционных нарушений на ранней их стадии, а именно при выявлении причин и условий, им способствующих. В том числе и в случаях, когда нет очевидных признаков административного правонарушения или состава преступления. В данном подходе проявляется профилактическое содержание деятельности Комиссии» [1]. Такое понимание предназначения Комиссии соответствует требованиям действующего законодательства.

Учитывая высокий антикоррупционный потенциал Комиссии, а также то, что ее основной задачей является содействие государственным органам в обеспечении соблюдения федеральными государственными служащими ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, на практике их кратко называют «конфликтные комиссии».

Вместе с тем, по мнению С.Е. Чаннова, «конфликт интересов, связанный с конфликтом публичного и частного интереса, не обязательно имеет коррупционный результат. Государственные или муниципальные служащие нередко попадают в ситуацию, характеризующуюся конфликтом интересов, помимо своей воли и не совершая никаких противоправных действий. Однако сама ситуация конфликта между частным и публичными интересами требует более тщательного контроля за принимаемыми ими при этом решениями» [10, с. 110-111]. В этой связи особенно важна роль прокурорского надзора, в ходе которого обеспечивается как реализация законодательства о противодействии коррупции, так и его неукоснительное соблюдение.

Отметим, что при исполнении своих должностных обязанностей прокуроры сталкиваются с многочисленными пробелами в антикоррупционном законодательстве, препятствующими эффективному осуществлению надзорных полномочий. Рассмотрим некоторые из них, имеющие, на наш взгляд, важное значение для результативности прокурорской деятельности и работы конфликтной комиссии.

Прежде всего подчеркнем, что в определенной регламентации нуждаются правоотношения, связанные с организацией и функционированием Комиссии. Несмотря на вносимые в Положение изменения, практика прокурорского надзора показывает, что одними из проблемных продолжают оставаться вопросы формирования Комиссии; соответствия правовых актов государственных органов о ее образовании и принятых ею решений требованиям федерального законодательства, а также законности включения в состав Комиссии членов, не замещающих должности государственной службы в государственном органе, и др.

Так, в целях обеспечения публичности, прозрачности, открытости и объективности деятельности Комиссии, а также исключения возможности возникновения конфликта интересов при принятии ею решений, состав Комиссии предполагает наличие в ней независимых экспертов. Они привлекаются из научных организаций и образовательных учреждений среднего, высшего и дополнительного профессионального образования, деятельность которых связана с государственной службой.

Включение в состав Комиссии независимых экспертов является обязательным с момента утверждения Положения в 2010 году, вместе с тем, до настоящего момента законодатель так и не дал этому понятию четкого определения, не предусмотрел условий, позволяющих отнести приглашенных лиц к категории «независимый эксперт». Это приводит к произвольному толкованию данного термина, что ставит под сомнение как их «экспертность», так и «независимость», а следовательно, качество работы Комиссии и сделанные ею выводы.

Думается, что независимые эксперты должны быть специалистами, хорошо разбирающимися в специфике гражданской службы. В этой связи, согласимся с мнением А.Е. Дьяченко о том, что «независимыми экспертами являются представители внешних организаций, не свя-

занные трудовыми правоотношениями с органом, в состав Комиссии которого входят, и руководствующиеся специальными знаниями при принятии решений» [4, с. 190].

Вопрос о «независимости экспертов» неоднократно поднимался рядом авторов, отмечающих, что говорить об этом сложно без внесения соответствующих изменений в антикоррупционное законодательство, поскольку на деле эти лица оказываются знакомыми руководителями государственных органов, способных обеспечить нужное решение комиссии; отсутствует механизм отбора и приглашения данных представителей, не предусмотрены гарантии их независимости и ответственность, достойная оплата труда и т.д. [2, с. 52-57; 3, с. 35-38; 5, с. 44-47; 7, с. 59-63].

С задачей по обеспечению независимости лиц, привлеченных в качестве экспертов, правоприменитель сталкивается, в частности, при отборе кандидатов из представителей ведомственных образовательных учреждений высшего профессионального образования либо научных организаций для включения в состав Комиссии. Нередки случаи, когда руководители государственных органов и эксперты давно знают друг друга, находясь в хороших отношениях, поскольку ранее проходили обучение в этих учебных заведениях. Например, в состав ряда Комиссий таможенных органов включены независимые эксперты из числа профессорско-преподавательского состава ведомственного высшего учебного заведения – Государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия» и его филиалов, расположенных в разных субъектах Российской Федерации (доценты и старшие преподаватели кафедры экономической теории и мировой экономики, кафедры гражданско-правовых дисциплин и др.). При этом, при оценке уровня компетенции данных конкретных лиц в особенностях прохождения государственной службы, руководители таможен исходят только из того, что указанная образовательная организация готовит будущих государственных служащих.

Более того, многие сегодняшние начальники таможенных органов и их подчиненные – это бывшие студенты данных независимых экспертов, что не исключает возможности проявления некой «лояльности» при принятии решений Комиссиями. В этой связи, верно суждение А.Ф. Ноздрачева о том, что «вхождение в состав Комиссий представителей ведомственных научно-исследовательских организаций и образовательных учреждений представляется крайне нежелательным» [8].

Полагаем, что таких ситуаций можно было бы избежать при наличии в действующем законодательстве перечня четких критериев, предъявляемых к представителям научных организаций и образовательных учреждений. Целесообразно предусмотреть конкретные типы и организационно-правовые формы образовательных (научных) учреждений, представители которых могут быть включены в состав Комиссии; требования об отсутствии судимости независимых экспертов; наличие специального образования (например, юридического либо связанного с государственным и муниципальным управлением); гражданства; определенного уровня квалификации и профессиональной подготовки, влияющих на их способность правильно оценить конкретную ситуацию и выработать для работодателя соответствующие закону предложения и др.

Однако, этот вопрос до настоящего времени остается открытым. В арсенале руководителей государственных органов лишь два параметра отбора независимых экспертов, закрепленных в Положении. Во-первых, они должны быть представителями научных организаций и образовательных учреждений среднего, высшего и дополнительного профессионального образования; во-вторых, деятельность данных организаций и учреждений должна быть связана с государственной службой.

Единственный документ, позволяющий руководителю сориентироваться при отборе кандидатов, не замещающих должности государственной службы в государственном органе, – это Методические рекомендации по организации работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационных комиссий) в федеральных государственных органах, одобренные президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции (протокол от 13 апреля 2011 года № 24). В соответствии с пунктом 4.2.6. данных Методических рекомендаций при включении в состав комиссии представителя вышеуказанных лиц следует отдавать предпочтение лицу (лицам), трудовая (служебная) деятельность которого (которых) в течение трех и более лет была связана с государственной службой. При этом деятельностью, связанной с государственной службой, считается преподавательская, научная или иная деятельность, касающаяся вопросов государственной службы, а также предшествующее замещение государственных должностей или должностей государственной службы в государственных органах.

Однако Методические рекомендации не имеют обязательной силы, что позволяет правоприменителю не принимать эти положения во внимание при формировании Комиссии, и лишают прокурора права требовать исполнения данных условий при проведении проверок в сфере противодействия коррупции. Несмотря на это, в законодательство о противодействии коррупции не внесены советующие изменения, пробел в законе не устранен.

Еще одной нерешенной проблемой остается вопрос о законодательном закреплении порядка оплаты проезда независимых экспертов, отвечающим требованиям пункта 8 Положения, из других населенных пунктов к месту проведения заседания Комиссии.

Поддерживаем мнение Т.Р. Мещеряковой, которая подняла эту тему уже в 2015 году и предложила вариант ее решения, отметив, что «с целью минимизации расходов, экспертов необходимо приглашать из близлежащих населенных пунктов, а их проезд будет оплачивать государственный орган, пригласивший независимого эксперта для участия в работе комиссии по урегулированию конфликта интересов на основе представленных проездных документов» [7, с. 59-63].

Полагаем, что в современном мире, учитывая возрастающую роль информационного пространства, альтернативным решением вопроса об участии независимых экспертов из других населенных пунктов, могли бы стать изменения в антикоррупционное законодательство в части предоставления права проведения заседаний Комиссии в онлайн режиме через сеть Интернет, предусмотрев возможность использования защищенных каналов связи в целях сохранения предусмотренной пунктом 21 Положения конфиденциальности процесса.

Нерешенность вышеперечисленных вопросов создает на практике ситуации, когда в Комиссии работают люди, далекие от специфики

и особенностей прохождения государственной службы, а также связанных с нею запретами и ограничениями.

Например, в ходе прокурорской проверки в одном из таможенных органов выявлено, что в состав Комиссии включены представители образовательных учреждений, чья трудовая (служебная) деятельность никак не пересекается с государственной службой, в частности: заведующий отделением механизации сельского хозяйства агропромышленного колледжа, руководитель структурного подразделения автомобильно – технического колледжа, ведущий юрисконсульт филиала государственного университета путей сообщения. Причиной формирования Комиссии именно в таком составе стало отсутствие на территориях городских населенных пунктов, где расположены таможи, научных организаций, образовательных учреждений среднего, высшего и дополнительного профессионального образования, деятельность которых связана с государственной службой.

Кроме того, предложенные в настоящей статье изменения решили бы вопросы, связанные с соблюдением требований об обязательном участии независимых экспертов не только в таких ситуациях, но и в период пандемии, когда все контакты между людьми ограничены (например, в 2020 году во время распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19), а также исключили бы переносы заседаний Комиссии при невозможности участия указанных лиц. Отметим, что в отличие от первоначальной редакции Положения (пункт 19), последующие его редакции не содержат перечня оснований для изменения даты заседания Комиссии, процедурные вопросы его оформления, порядок и сроки повторного назначения проведения заседания Комиссии и др.

Однако, органами прокуратуры выявляются факты таких переносов с целью соблюдения требований пунктов 11, 14 Положения, ставящих в зависимость легитимность заседаний Комиссии от числа ее членов, не замещающих должности государственной службы в государственном органе. Например, при проведении прокурорской проверки в одном из таможенных органов установлено, что заседание Комиссии назначено с соблюдением требований пункта 18 Положения на 02 декабря 2020 года. Фактически оно было проведено 24 декабря 2020 года по согласованному с начальником таможни рапорту председателя Комиссии о необходимости перенесения даты заседания по причине сложившейся санитарно-эпидемиологической обстановки на территории Российской Федерации (распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19) и отсутствия возможности очного участия в заседании комиссии независимых экспертов – преподавателей филиала Государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия».

На наш взгляд, решение этого вопроса должно приниматься всеми членами Комиссии на его заседании в установленный день с обязательной фиксацией в протоколе. Учитывая изложенное, полагаем, что на уровне федерального законодательства (прежде всего в Положении) и на уровне локальных правовых актов государственных органов должны быть закреплены основания для отложения заседания конфликтной комиссии и строго регламентированы все связанные с этим последовательные действия. Таким образом, устранение перечисленных в законодательстве пробелов будет способствовать не только урегулированности данной сферы правоотношений, но и создаст единую правоприменительную практику, которая позволит повысить эффективность прокурорского надзора и деятельности Комиссии.

Библиография:

1. Астанин В.В. Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов (анализ и оценка предмета деятельности и коррупционных рисков участия экспертов в их работе) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Братановский С.Н., Зеленев М.Ф. Специфика правового регулирования деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных и муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 52-57;
3. Дейцева Н.А., Мартынов А.В. Административно-правовое регулирование деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов // Административное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 35-38;
4. Дьяченко А.Е. О значимости юридического образования у независимых экспертов в составе комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов // Роль юридического сообщества в противодействии коррупции. Сборник научных статей по итогам VI Сибирского антикоррупционного форума. Красноярск. 2023. С. 190.
5. Казанцева Н.Г., Николаева С.Н. К вопросу о реализации законодательства по урегулированию ситуаций конфликта интересов // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 44-47.
6. Капинус О.С. Правовые проблемы предупреждения конфликта интересов в системе государственного управления // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 16.
7. Мещерякова Т.Р. Некоторые проблемы урегулирования конфликта интересов на государственной службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9. С. 59-63;
8. Ноздрачев А.Ф. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование (научно-практическое пособие) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции: сб. методич. материалов / под общ. ред. Первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации государственного советника юстиции 1 класса А.Э. Буксмана. М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. С. 142.
10. Чаннов С.Е. О направлениях активизации деятельности комиссий по урегулированию конфликтов интересов // Государственный аудит. Право. Экономика. 2012. № 2. С. 110-111.

References:

1. Astanin V.V. Commission on compliance with the requirements for official conduct of public civil servants and settlement of conflict of interest (analysis and assessment of the subject of activity and corruption risks of experts' participation in their work) // Access from the legal reference system "ConsultantPlus".
2. Bratanovsky S.N., Zelenov M.F. Specifics of legal regulation of the activity of commissions on compliance with the requirements for official conduct of state and municipal employees and conflict of interest settlement // Russian Justice. 2011. No. 10. pp. 52-57;
3. Deitseva N.A., Martynov A.V. Administrative and legal regulation of the activities of commissions on compliance with the requirements for the official conduct of civil servants and the settlement of conflicts of interest // Administrative and municipal law. 2010. No. 7. pp. 35-38;
4. Dyachenko A.E. On the importance of legal education among independent experts as part of the Commission on compliance with official conduct requirements and conflict of interest resolution // The role of the legal community in combating corruption. Collection of scientific articles on the results of the VI Siberian Anti-Corruption Forum. Krasnoyarsk. 2023. P. 190.
5. Kazantseva N.G., Nikolaeva S.N. On the issue of the implementation of legislation on the settlement of conflict of interest situations // State power and local self-government. 2020. No. 4. pp. 44-47.
6. Kapinus O.S. Legal problems of conflict of interest prevention in the system of public administration // Journal of Foreign Law and Comparative Jurisprudence. 2018. No.3. p. 16-7.
7. Meshcheryakova T.R. Some problems of conflict of interest settlement in public service // State power and local self-government. 2015. No. 9. pp. 59-63;
8. Nozdrachev A.F. Conflict of interests in state and municipal service, in the activities of organizations: causes, prevention, regulation (scientific and practical manual) // Access from the ConsultantPlus legal reference system.
9. Prosecutorial supervision of the implementation of anti-corruption legislation: collection of methodical materials / under the general ed. The First Deputy Prosecutor General of the Russian Federation, State Adviser of Justice of the 1st class A.E. Buksman. M.: Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2011. p. 142.
10. Channov S.E. On the directions of activating the activities of commissions for the settlement of conflicts of interest // State Audit. Right. Economy. 2012. No. 2. p. 110-111.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_186

УДК 347.962

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ ANALYSIS OF THE LEGAL STATUS OF PROSECUTORS

КУРЫШОВ Игорь Святославович,

заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе, Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

ул. Суханова, 8, г. Владивосток, Приморский край, 690000, Россия.

E-mail: kuri67@mail.ru;

Kuryshov Igor S.,

Head of the Department of Prosecutorial Supervision over the Execution of Federal Legislation and the Participation of the Prosecutor in Civil, Administrative and Arbitration Proceedings, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, candidate of Legal Sciences.

Sukhanova str., 8, Vladivostok, Primorsky Krai, 690000, Russia.

E-mail: kuri67@mail.ru

Краткая аннотация. Исследование направлено на изучение проблем правового статуса прокурорских работников. При этом рассмотрен вопрос правовой регламентации прохождения федеральной государственной службы прокурорскими работниками. Автор обращает внимание на неоднозначность сформулированного в Законе о прокуратуре понятия прокурорский работник. В связи с этим в рамках исследования проведен анализ существующих проблем. В работе ставится вопрос о необходимости изменения и конкретизации понятийного аппарата связанного со статусом прокурорского работника как федерального государственного служащего, исполняющего обязанности по должности федеральной государственной службы.

Abstract. The study is aimed at studying the problems of the legal status of prosecutors. At the same time, the issue of legal regulation of the federal public service by prosecutors was considered. The author draws attention to the ambiguity of the concept of prosecutorial employee formulated in the Law on the Prosecutor's Office. In this regard, as part of the study, an analysis of existing problems was carried out. The work raises the question of the need to change and specify the conceptual apparatus associated with the status of a prosecutor's officer as a federal civil servant performing duties in a federal civil service position.

Ключевые слова: система прокуратуры Российской Федерации, служба в органах и организациях прокуратуры, правовой статус прокурорских работников, прокурорские работники, прокуроры, научные и педагогические работники.

Keywords: system of the prosecutor's office of the Russian Federation, service in the bodies and organizations of the prosecutor's office, legal status of prosecutors, prosecutors, prosecutors, scientific and pedagogical workers.

Для цитирования: Курьшов И.С. Анализ правового статуса прокурорских работников // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 186-188. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_186.

For citation: Kuryshov I.S. Analysis of the legal status of prosecutors // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 186-188. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_186.

Статья поступила в редакцию: 26.02.2024

В Российской Федерации сформирована достаточно оптимальная система прохождения государственной службы, в рамках которой осуществляется профессиональная деятельность граждан, направленная на исполнение полномочий на разных уровнях власти (федеральный уровень, уровень субъекта Российской Федерации, уровень федеральных территорий и др.).

Государственная служба представляет собой систему включающую гражданскую государственную службу, военную службу и государственную службу иных видов, в то же время законодательство определяет, что государственная служба иных видов устанавливается федеральными законами [3].

К государственной службе иных видов относится профессиональная деятельность, например, в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации (далее – прокуратура РФ), органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ), в системе Следственного комитета Российской Федерации (далее – Следственный комитет РФ) и других в ведомствах, так как определяется соответствующими законами.

Отнесение службы в органах и организациях прокуратуры РФ к федеральной государственной службе закреплено в Конституции Российской Федерации [1]. Статья 129 Конституции Российской Федерации прямо, указывают на специальное регулирование полномочий и функций, организацию и порядок деятельности прокуратуры РФ соответствующим федеральным законом.

Таким законом является Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) [2].

Как определено статьях 1 и 11 Закона о прокуратуре, прокуратура РФ – это единая федеральная централизованная система органов, представленная Генеральной прокуратурой Российской Федерации, прокуратурами субъектов Российской Федерации, приравненными к ним военными и другие специализированными прокуратурами, научными и образовательными организациями, редакциями печатных изданий, а также прокуратурами уровня городов и районов.

Прокуратура РФ осуществляет надзором за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, а также обеспечением надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование и выполнением иных функций [2].

Службу в органах и организациях прокуратуры проходят прокурорские работники, которые являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности по должности федеральной государственной службы.

В соответствии с со статьей 54 Закона о прокуратуре, прокурорские работники – это прокуроры, а также другие работники органов и организаций прокуратуры, имеющие классные чины (воинские звания).

Понятие «прокурорский работник» в форме конкретного определения в предыдущем законе (Закон СССР «О прокуратуре СССР») [6] не раскрывалось поэтому является новеллой в действующем законодательстве.

Обращает внимание, что сформулированное определение прокурорского работника содержит категорию сотрудников, названную прокурорами.

Понятие «прокурор» применяется к прокурорским работникам, проходящим службу в органах прокуратуры РФ, перечисленным в статье 54 Закона о прокуратуре.

Сотрудники, проходящие службу в научных и образовательных организациях, входящих в систему прокуратуры РФ, являются прокурорскими работниками, однако не относятся к прокурорам. В статье 40.5. Закона о прокуратуре законодатель обозначает указанную категорию прокурорских работников как научных и педагогических работников научных и образовательных организаций прокуратуры, их филиалов (далее – научные и педагогические работники).

Учитывая изложенное, замысел законодателя о разделении на категории, вновь образованного понятия «прокурорский работник», не понятен.

Полагаем, разделение прокурорских работников, применительно к их функционалу может быть и допустимо, однако применение такого подхода к вопросам прохождения службы в прокуратуре РФ ничем не обосновано.

Служба в прокуратуре РФ является государственной службой, и должна четко соответствовать единству правовых и организационных основ этой службы.

Разделение прокурорских работников на категории влечет ограничение прав «не прокуроров», и является недопустимым, так как все прокурорские работники являются федеральными государственными служащими, выполняющими функции в соответствии с должностными обязанностями.

Наличие проблем, связанных с разделением прокурорских работников на категории, отмечает В.Ю. Шобухин. Он указывает, что меры правовой защиты и социальной поддержки, определенные Законом о прокуратуре в отношении прокуроров, установлены не для всех категорий прокурорских работников [8, с.98].

Такое разделение не характерно для других видов государственной службы, где сотрудники являются федеральными государственными служащими, и исполняют обязанности по должности федеральной государственной службы.

Например, в системе Следственного комитета Российской Федерации, где к сотрудникам отнесены фактически все должностные лица, имеющие специальные или воинские звания либо замещающие должности, по которым предусмотрено присвоение специальных или воинских званий [4].

В органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) сотрудником является лицо, проходящее федеральную государственную службу в ОВД в должности рядового или начальствующего состава и которому присвоено специальное звание. Сотрудник ОВД может проходить службу как в территориальном ОВД, так и в иных подразделениях или организациях, относящихся к Министерству внутренних дел Российской Федерации, например, замещать должность в научной или образовательной организации указанного [5].

Полагаем, такой подход является более оптимальным, гарантирующим правовое положение работников в рамках организации конкретной службы.

Закон о прокуратуре даёт возможность полагать, что прокурор как должностное лицо, наделён особыми полномочиями и расположен в иерархии «над» иными прокурорскими работниками, имея при этом значительные преимущества при прохождении службы в органах прокуратуры.

Например, часть первая статьи 41.4 Закона о прокуратуре, устанавливает право предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска прокурорам, научным и педагогическим работникам продолжительностью 30 календарных дней без учета времени следования к месту отдыха и обратно.

В то же время часть вторая указанной статьи определяет для прокуроров, работающих в местностях с тяжелыми и неблагоприятными климатическими условиями, ежегодный оплачиваемый отпуск по нормам, устанавливаемым Правительством Российской Федерации, но не менее 45 календарных дней.

Указанное право есть только у прокуроров, на прокурорских работников, к которым отнесены научные и педагогические работники, такое право не распространяется.

Одновременно, статья 45 Закона о прокуратуре предусматривает меры правовой защиты и социальной поддержки прокуроров, и, по сути, не распространяется на прокурорских работников, не являющихся прокурорами.

Статьей гарантируется особая защита прокуроров со стороны государства, а также защита его родственников и имущества. Кроме того, прокуроры подлежат обязательному государственному личному страхованию, а в случае причинения ему телесных повреждений в связи со служебной деятельностью, ежемесячно предусмотрены соответствующие денежные выплаты.

Казалось бы, служба в органах и организациях прокуратуры является федеральной государственной службой, а лица проходящие службу в прокуратуре РФ должны быть в равной мере гарантировано защищены государством, однако в рамках отдельных статей Закона о проку-

ратуре это не так.

Полагаем, преступнику, совершившему нападение на прокурорского работника, одетого в форменное обмундирование, безразлично кто был перед ним – прокурор, научный или педагогический работник.

В то же время идея общего подхода к вопросам прохождения службы прокурорскими работниками заложена в статьях 40.2., 41, 41.1., 41.3., 41.6., 41.7 Закона о прокуратуре, где предусматриваются равные ограничения, запреты и обязанности, связанные с работой в органах и учреждениях прокуратуры, проведение аттестации прокурорских работников, присвоение им классных чинов, выдача служебного удостоверения, обеспечение прокурорских работников форменным обмундированием, применение поощрения к работникам и дисциплинарной ответственности.

Учитывая общую причастность к службе в прокуратуре РФ для всех прокурорских работников установлены правила поведения и нормы служебной этики в профессиональной и во внеслужебной деятельности [7].

Обращает внимание тот факт, что лицам, которые впервые принимаются на службу в органы прокуратуры, как правило устанавливается испытание, а лица, впервые назначаемые на должность прокурора, принимают Присягу прокурора, конечно же это не распространяется на иных прокурорских работников.

Отличается подход в привлечении прокуроров к уголовной и административной ответственности. Например, по факту совершенного прокурором правонарушения, в отличие от других прокурорских работников, проверка проводится только органом прокуратуры (статья 42 Закона о прокуратуре).

При этом необходимо отметить, что информация о совершении прокурорским работником правонарушения не зависимо от его причастности к прокурорам, опубликованная в средствах массовой информации, воспринимается гражданами как правонарушение совершенное лицом проводящим службу в прокуратуре РФ.

Учитывая изложенное полагаем необходимым внести изменение понятийного аппарата, определяющего статус прокурорского работника, и конкретизировать содержание статей Закона о прокуратуре, связанные с указанными проблемами.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 04.11.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ.1995. № 47. Ст. 4472.
3. Федеральный закон от 27.05.2003 N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
4. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
5. Федеральный закон от 30.11.2011 N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч.1). Ст. 7020.
6. Закон СССР от 30.11.1979 № 1162-X «О прокуратуре СССР». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=102010154&rdk=0&empire> (дата обращения: 14.02.2024).
7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 №114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» // Законность. № 6. 2021 (прил. 1, 2 к Приказу).
8. Служба в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации : учебное пособие для вузов / В.Ю. Шобухин. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 117 с.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). The official Internet portal of legal information // <http://www.pravo.gov.ru> 04.07.2020.
2. Federal Law No. 2202-1 of 17.01.1992 (as amended on 04.11.2022) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" //Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. St. 4472.
3. Federal Law No. 58-FZ of 27.05.2003 "On the System of state services of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. No. 22. St. 2063.
4. Federal Law No. 403-FZ dated 12/28/2010 "On the Investigative Committee of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Article 15.
5. Federal Law No. 342-FZ dated 11/30/2011 "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 49 (part 1). Article 7020.
6. Law of the USSR dated 11/30/1979 No. 1162-X "On the Prosecutor's Office of the USSR". URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=102010154&rdk=0&empire> (date of application: 02/14/2024).
7. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No.114 dated 03/17/2010 "On Approval and Enactment of the Code of Ethics of a Prosecutor's Employee of the Russian Federation and the Concept of educational work in the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Legality. No. 6. 2021 (Appendices 1, 2 to the Order).
8. Service in the bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation : a textbook for universities / V.Y. Shobukhin. – 3rd ed., ispr. and add. - Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. – 117 p.

ПРАВО СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ СВОЕГО СТАТУСА В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ

The right of a subject of the Federation to change its status in the context of territorial transformations in modern Russia: issues of implementation

ЛАСКАВАЯ Мария Анатольевна,

аспирант, ассистент кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного национального исследовательского университета.
ул. Букирева, 15, г. Пермь, Пермский край, 614068, Россия.
E-mail: 89197118000@bk.ru;

Laskavaiya Mariya Anatolyevna,

Postgraduate student, Assistant of The Department of Constitutional and Administrative Law
Perm State University.
Bukireva str., 15, Perm, Perm Krai, 614068, Russia.
E-mail: 89197118000@bk.ru

Краткая аннотация: Трансформация территориальной конфигурации власти в современной России заставляет исследователей обратиться к конституционной возможности субъекта Федерации изменить свой статус, которая до сих пор остается потенциальной ввиду отсутствия соответствующего федерального конституционного закона. В статье предпринята попытка обосновать необходимость его принятия в свете подверженности формулировке ст. 5 Конституции России о равном статусе всех субъектов турбулентности ввиду различных модификационных процессов, затрагивающих административно-территориальное устройство Российского государства

Abstract: The transformation of the territorial configuration of power in modern Russia forces researchers to turn to the constitutional possibility of a subject of the Federation to change its status, which still remains potential due to the absence of an appropriate federal constitutional law. The article attempts to justify the need for its adoption in the light of the vulnerability of the wording of art. 5 of the Constitution of Russia on the equal status of all subjects of turbulence due to various modification processes affecting the administrative and territorial structure of the Russian state

Ключевые слова: федерализм, субъектный состав, правовой статус субъекта, Российская Федерация, Конституция 1993 г., доктрина «живого документа».

Keywords: federalism, subject composition, legal status of the subject, the Russian Federation, the Constitution of 1993, the doctrine of the "living document".

Для цитирования: Ласкавая М.А. Право субъекта федерации на изменение своего статуса в контексте территориальных трансформаций в современной России: вопросы реализации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 189-191. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_189.

For citation: Laskavaiya M.A. The right of a subject of the Federation to change its status in the context of territorial transformations in modern Russia: issues of implementation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 189-191. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_189.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2024

В юридической науке существует достаточно распространенная теория, согласно которой Конституции и квази-конституционные некодифицированные акты, обладающие высшей юридической силой на территории государства, не столько являются отражением сложившейся реальности, сколько нормативно закрепляют вектор развития государства — ориентир, к которому оно стремится¹.

Конституции и конституционно-подобные документы как правило представляют собой ядро политико-правовой системы государства и содержат «постулаты», которые определяют правовые начала деятельности законодателя и правоприменителя, обуславливают деятельность органов публичной власти, общественных объединений и самих граждан. Это подтверждается в том числе наличием в Конституциях большинства стран так называемых норм-целей и норм-принципов. В Конституции Российской Федерации такие положения содержатся, например, в главах 1 и 2, которые, в свою очередь, не подлежат изменению в формате процедуры внесения поправок в Конституцию и не могут быть рассмотрены Федеральным Собранием.

На фоне принятия в 2020 г. Закона Российской Федерации о поправке к Конституции, следствием которого стало внесение масштабных изменений не только в текст самой Конституции, но и в ряд отдельных нормативно-правовых актов, следует отметить, что серьезные конституционно-правовые трансформации в российской правовой системе происходят не только из изменения текста самой Конституции, но также являются результатом изменений, которые претерпевает отраслевое и специальное законодательство. Так, значительным влиянием на конституционную модель в современной России отличаются различные *территориальные модификации* (и, соответственно, их конституционно-правовое оформление), которые затрагивают конфигурацию власти в целом.

Известно, что по вопросу территориальной организации нового российского государства после распада социалистического блока, на стадии обсуждения проекта (проектов) Конституции 1993 г. имела место достаточно острая дискуссия² и как справедливо отмечает С.И. Некрасов, «хотя принципы федерализма и местного самоуправления в результате этой дискуссии стали наполнением содержания тех конституционных статей, изменение которых невозможно без пересмотра текста самой Конституции»³, а, следовательно, оставались до сих пор фундамен-

¹ См. Пугачев, А.Н. Юридические свойства конституции: понятие, виды, характеристика / А.Н. Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2013. — №5. — С. 115-126.

² Некрасов, С. И. Территориальная конфигурация власти в Российской Федерации (проблемные вопросы доктринального осмысления и конституционно-правового регулирования) // Современное конституционное право: отечественные и зарубежные исследования, 2019. — С. 109-123.

³ Там же.

тально-неизменными — «в существенной степени изменилась *территориальная конфигурация* системы публичной власти в России»¹. В этом контексте важно отметить существующую закономерность — *vis fortis* — взаимного влияния как конституционных норм на формирование реальности государственно-правовой системы, так и неизбежное влияние самой объективной реальности, развивающихся общественных отношений и общественных процессов на то, какими смыслами наполняются принципы, заложенные в конституционных нормах.

В этой связи представляется, что к конституционным нормам-целям вполне может быть применима доктрина *живого документа* (*the living instrument approach*)², разработанная Европейским судом по правам человека для толкования Конвенции о защите прав и основных свобод 1953 г. в свете современных условий и развивающихся общественных отношений. Даже несмотря на принадлежность Российской Федерации к романо-германской правовой семье (в то время как Европейский суд осуществляет свою деятельность на базе прецедентного права) рассмотрение «норм-постулатов» Конституции Российской Федерации через призму доктрины живого документа может являться целесообразным по нескольким причинам.

Во-первых, закреплённые в конце прошлого века конституционные нормы сегодня функционируют в условиях современного российского общества, качественно отличающегося по своим социокультурным, экономическим и политическим характеристикам от прежней общественной системы, на руинах которой принималась Конституция 1993 г.

Во-вторых, главы Конституции, содержащие нормы-принципы и нормы-цели являются центральной частью динамично развивающейся правовой системы, что вызывает потребность в нахождении отражения современных тенденций правовой политики государства в этих нормах.

В-третьих, толкование конституционных норм-постулатов единственным субъектом, уполномоченным на это законом — Конституционным Судом Российской Федерации — осуществляется в условиях пластичной и многогранной общественной жизни, ориентированной на новаторство и развитие, а потому нормы-принципы и нормы-цели Конституции хотя и являются неизменными, но не могут быть названы статичными. Не изменяясь в своем текстовом выражении данные нормы, безусловно, *меняют свое внутреннее содержание*, наполняются новым смыслом исходя из общественного запроса на регулирование того или иного круга отношений, которые потому потребовали толкование названных норм Конституции, что являются принципиально новыми и/или постоянно обновляющимися.

Так, содержащаяся в ст. 5 Конституции России формулировка о равном статусе всех субъектов начинает утрачивать заложенный в нее смысл ввиду различных трансформаций, которые претерпевает территориальная конфигурация Российской Федерации на современном этапе. В частности, в рамках настоящей статьи обзор современных территориальных изменений в Российской Федерации хотелось бы посвятить одному из двух возможных оснований изменения субъектного состава Российской Федерации. Имеется в виду возможность изменения каким-либо субъектом Федерации своего статуса, закреплённое в ч. 5 ст. 66 Конституции. Подчеркнем, что данное основание остается *потенциальным* в связи с отсутствием в российской правовой системе соответствующего федерального конституционного закона. Невозможно не согласиться с утверждением С.И. Некрасова о том, что отсутствие указанного федерального конституционного закона является «яркой иллюстрацией первичности политической воли верховной власти по отношению к конституционно-правовому регулированию — Основной закон государства 30 лет назад (!) предписал принятие федерального конституционного закона о порядке изменения субъектом Федерации своего статуса, который до сих пор отсутствует в российской правовой системе исключительно по политическим мотивам».³ Хотя видовой ряд субъектов Российской Федерации (самый внушительный среди всех федераций мира — 6 видов) и остается неизменным, в содержательном же наполнении статусной характеристики отдельных субъектов Федерации произошли значительные изменения после тех трансформаций которые были проведены в середине нулевых годов — объединение регионов и появление в результате вновь образованных «*матрешечных субъектов*», а также образование в составе Российской Федерации весной 2014 г. двух и осенью 2022 четырех новых субъектов Федерации, которые могут быть отнесены к разряду концептуальных. И вот почему.

В юридической и политологической дискуссии до сих пор был популярен тезис о том, что федерация в России строится на базе сочетания национального и территориального начал. Несмотря на закрепление в ст. 5 Конституции России принципа равноправия всех субъектов Российской Федерации, в ее составе по-прежнему выделяются национально-государственные образования, отличающиеся по своему конституционно-правовому статусу от других субъектов. При этом основным типом таких образований являются республики (поскольку очевидно, что единственная автономная область в составе России и четыре оставшихся автономных округа уже не являются формой решения национального вопроса (большее число граждан, проживающих на территории указанных субъектов являются этническими русскими), хотя исторически обусловленная этническая составляющая в их названии продолжает присутствовать). Кроме того, даже не во всех республиках («государствах», по смыслу ст. 5 Конституции России) титульная нация составляет большинство населения (Карелия, Хакасия и др., а в Дагестане, например, такая нация вообще отсутствует), однако национальный фактор и национальная основа создания этих субъектов до сих пор сомнения не вызывали.

Вместе с тем, после вхождения Крыма в состав России в структуре Российской Федерации впервые появилась республика, образованная исключительно по территориальному, а не по национальному принципу — в Республике Крым не только отсутствует титульная нация, но и в названии субъекта и региональных органов государственной власти не упоминается и не просматривается никакой этнической основы, данная республика построена не по национальному принципу, а, возможно, по *многонациональному*. Вероятно, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что вхождение Республики Крым в состав России, если и не сломало, то, как минимум, *положило начало кардинальной трансформации идеологии построения и структурирования Российской Федерации*. Видимо, нельзя исключать (может быть, в отдаленной перспективе), что некоторые другие

¹ Там же.

² Is the 'living instrument' approach of the European Court of Human Rights compatible with the ECHR and International Law? [Электронный ресурс]: URL: <https://api.repository.cam.ac.uk/server/api/core/bitstreams/cb1551e1-9fc8-4038-b264-aaa9e40a51f9/content> (дата обращения: 9.02.2024).

³ Некрасов, С. И. Территориальная конфигурация власти в Российской Федерации (проблемные вопросы доктринального осмысления и конституционно-правового регулирования) // Современное конституционное право: отечественные и зарубежные исследования, 2019. — С. 109-123.

субъекты Российской Федерации пожелают обрести статус республики (поскольку статусная характеристика этого вида субъектов всё же имеет ряд преимуществ перед другими), тем более что подобные инициативы истории постсоветской России известны: Свердловская область — Уральская республика, Приморский край — Дальне-Восточная (или Приморская) республика, Калининградская область — Балтийская республика и др.

В продолжении данной темы возникает вопрос о критериях придания тому или иному городу статуса субъекта Федерации — города федерального значения. Существовавшие до 2014 г. два города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург) всегда — и в монархический, и в советский, и в постсоветский периоды — рассматривались в качестве «столичных городов», и их особый статус не вызывал никаких сомнений и возражений (что просматривалось и нормативно закреплялось в ходе различных земских, губернских, областных реформ, районирования и т.п.). По численности населения, бюджету, масштабам решаемых проблем эти города превосходят многие другие *регионы*. Севастополь же по своим экономическим, демографическим и прочим характеристикам сопоставим с не самыми крупными российскими *муниципальными образованиями*. Особый статус города в составе СССР, РСФСР и Украины обуславливался, главным образом, базированием здесь Черноморского флота. Однако другие флоты современной России (не менее мощные, чем Черноморский) базируются в городах, не имеющих такого высокого статуса. Надо полагать, что такие крупные российские города, как Екатеринбург, Новосибирск, Нижний Новгород, Владивосток, Калининград и др., имеют не меньше оснований приобрести статус города федерального значения — полноценного субъекта Федерации (с самостоятельной системой государственной власти, представительством в Совете Федерации, Государственном Совете, кардинальным изменением доходной части городского бюджета, возникновением права на международные и внешнеэкономические связи и т.д.).¹

Статусные характеристики города федерального значения (равно как и других видов субъектов, включая республики), порядок проведения процедуры изменения статуса субъекта, полномочия и компетенции органов государственной власти в зависимости от вида субъекта, критерии относимости принятого в состав Федерации, вновь образованного и/или уже существующего в составе Российской Федерации субъекта к той или иной видовой группе можно было бы прописать в предусмотренном ч. 5 ст. 66 Конституции России федеральном конституционном законе о порядке изменения субъектом Российской Федерации своего статуса, но до сих пор еще не принято.

Представляется, что такой закон призван внести ясность в правовое регулирование положения субъектов, функциональную начиненность органов публичной власти субъектов определенного вида, их взаимодействие друг с другом и федеральным центром и т.д.

Кроме того, такой закон может предусмотреть достижение субъектом определенных *рубежей (этапов) развития* и приобретение им *определенных характеристик*, которые бы сигнализировали как федеральному центру, так и самому субъекту Федерации о том, что ему следует прибегнуть к процедуре изменения своего статуса. Так, например, достижение муниципальным образованием определенных экономических/политтехнологических/инфраструктурных показателей, которые дают ему возможность стать субъектом федерации — городом федерального значения; или развитие демографического показателя в том или ином субъекте до уровня превалирования в его населении определенной нации и в связи с этим смена статуса субъекта на тот вид, в котором предусмотрена национальная составляющая — республика/автономный округ/автономная область и, напротив, исчезновение «титульной нации» может сигнализировать субъекту, образованному по национальному принципу о необходимости смены своего статуса на тот вид субъекта, который имеет под собой административно-территориальный принцип формирования (такая процедура может быть применена, в частности, в отношении Еврейской автономной области — доля еврейского населения в общем населении там составляет 0,6%, Еврейская автономная область является одним из регионов с самым большим процентом русского населения. По этому показателю область занимает 1-место в Дальневосточном федеральном округе).

Представляется, что возможность для субъекта реализовать свое конституционное право на смену своего статуса будет являться толчком к развитию социально-экономических и демографических показателей для многих субъектов, ведь, не будем отрицать, возможность стать самостоятельным субъектом федерации (например, городом федерального значения) для муниципального образования является возможностью для приобретения новых компетенций и полномочий (как уже упоминалось ранее — выстраивание самостоятельной системы государственной власти, представительство в Совете Федерации, Государственном Совете, кардинальное изменение доходной части городского бюджета, возникновение права на международные и внешнеэкономические связи и т.д.).

Библиография:

1. Некрасов, С. И. Российская конституционная модель территориальной организации публичной власти: специфика, трансформации, проблемы оптимизации / С. И. Некрасов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 5. – С. 30-51.
2. Некрасов, С. И. Территориальная конфигурация власти в Российской Федерации (проблемные вопросы доктринального осмысления и конституционно-правового регулирования) // Современное конституционное право: отечественные и зарубежные исследования, 2019. – С. 109-123.
3. Пугачев, А.Н. Юридические свойства конституции: понятие, виды, характеристика / А.Н. Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2013. — №5. – С. 115-126.
4. Двадцать лет Конституции Российской Федерации // Под ред. Клеандрова М.И., Лисицына-Светланова А.Г., Лукашевой Е.А. Инфра-М. М., 2013. С. 196.
5. Is the 'living instrument' approach of the European Court of Human Rights compatible with the ECHR and International Law? [Электронный ресурс]: URL: <https://api.repository.cam.ac.uk/server/api/core/bitstreams/cb1551e1-9fc8-4038-b264-aaa9e40a51f9/content> (дата обращения: 9.02.2024).

References:

1. Nekrasov, S. I. The Russian constitutional model of the territorial organization of public power: specifics, transformations, optimization problems / S. I. Nekrasov // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2016. – No. 5. – pp. 30-51.
2. Nekrasov, S. I. Territorial configuration of power in the Russian Federation (problematic issues of doctrinal understanding and constitutional legal regulation) // Modern constitutional law: domestic and foreign studies, 2019. – pp. 109-123.
3. Pugachev, A.N. Legal properties of the constitution: concept, types, characteristics / A.N. Pugachev // Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and Legal sciences. 2013. — No.5. – pp. 115-126.
4. Twenty years of the Constitution of the Russian Federation // Ed. Kleandrova M.I., Lisisyna-Svetlanova A.G., Lukashova E.A. Infra-M. M., 2013. p. 196.
5. Is the 'living instrument' approach of the European Court of Human Rights compatible with the ECHR and International Law? [Electronic resource]: URL: <https://api.repository.cam.ac.uk/server/api/core/bitstreams/cb1551e1-9fc8-4038-b264-aaa9e40a51f9/content> (date of application: 02/19/2024).

¹ Некрасов, С. И. Российская конституционная модель территориальной организации публичной власти: специфика, трансформации, проблемы оптимизации / С. И. Некрасов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 5. – С. 30-51.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_192

УДК 342.7

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF STATE CONTROL AND SUPERVISION OF COMPLIANCE WITH LEGISLATION IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION

ГАВРИЛИНА Татьяна Александровна,

аспирант кафедры конституционного и международного права, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская обл., 308015, Россия.

E-mail: gavrilina_tatyana@list.ru;

Научный руководитель:

СТУС Нина Владимировна,

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская обл., 308015, Россия.

E-mail: stus@bsu.edu.ru;

GAVRILINA Tatyana Alexandrovna,

Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law, Law Institute, Belgorod State National Research University.
Pobedy str., 85, Belgorod, Belgorod region, 308015, Russia.

E-mail: gavrilina_tatyana@list.ru;

Scientific supervisor:

STUS Nina Vladimirovna,

Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Law Institute, Belgorod State National Research University.

Pobedy str., 85, Belgorod, Belgorod region, 308015, Russia.

E-mail: stus@bsu.edu.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей осуществления государственного контроля и надзора за деятельностью образовательных организаций высшего образования. Данное направление является одной из значимых гарантий конституционного права на высшее образование. В статье подчеркивается необходимость разграничения контрольной и надзорной деятельности в сфере высшего образования. В качестве характеризующих признаков контрольной и надзорной деятельности в сфере высшего образования следует выделить особый предмет, специфический субъектный состав, властный характер, оригинальную методологию и соответствующие ей мероприятия.

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of state control and supervision of the activities of educational institutions of higher education. This area is one of the significant guarantees of the constitutional right to higher education. The article emphasizes the need to distinguish between control and supervisory activities in the field of higher education. As the characteristic features of control and supervisory activities in the field of higher education, a special subject, a specific subject composition, an authoritative character, an original methodology and appropriate measures should be highlighted.

Ключевые слова: высшее образование, государственный контроль, государственный надзор, объект контроля и надзора, предмет контроля и надзора, гарантирование, принципы контрольно-надзорной деятельности, контролируемое лицо, контролирующий орган, образовательная деятельность, право на высшее образование.

Keywords: higher education, state control, state supervision, object of control and supervision, subject of control and supervision, guarantee, principles of control and supervisory activities, controlled person, supervisory authority, educational activities, the right to higher education.

Для цитирования: Гаврилина Т.А. Особенности реализации государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства в сфере высшего образования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 192-194. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_192.

For citation: Gavrilina T.A. Features of the implementation of state control and supervision of compliance with legislation in the field of higher education // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 192-194. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_192.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2024

Обеспечение конституционного права на высшее образование осуществляется комплексом правовых, экономических, социальных и организационных мер, в ряду которых не последнее место занимает контрольно-надзорная деятельность органов государственной власти.

Нормативную правовую основу реализации контрольно-надзорных мер составляет совокупность правовых актов, в том числе: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[1], Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[2], Федеральный закон от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[3], Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»[4] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[5], Постановление Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования»[6], Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 27 сентября 2022 г. № 1029 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки по предоставлению государственной услуги по лицензированию образовательной деятельности»[7].

Дискуссионный характер носит вопрос о соотношении понятий «государственный контроль» и «государственный надзор». Среди ученых нет единогласия в вопросе разграничения указанных категорий. Одна группа авторов настаивает на том, что данные дефиниции являются тождественными, аргументируя свою позицию тем, что законодатель не разграничивает их. Так, согласно мнению С.В. Воронковой, следует поддержать тенденцию законодательного объединения государственного контроля и надзора в единую контрольно-надзорную деятельность в исследуемой сфере [11, с. 20]. Вторая группа авторов, среди которых М.Л. Баранов, В.П. Беляев, напротив, аргументируют необходимость разграничения категорий «контроль» и «надзор», вычлняя свойственные им сущностные признаки и черты [9, с. 42; 10, с. 3].

Исследование содержания нормативных правовых актов в сфере реализации государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства организациями, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, позволило установить, что законодатель полагает неактуальным и нецелесообразным проводить дифференциацию государственного контроля и надзора. В связи с этим было бы ожидаемым согласиться с нормативно-закрепленным подходом. Однако, правовая природа государственного контрольного и надзорного гарантирования различается, как общее и частное, о чем следует помнить при разграничении полномочий контролирующих и надзорных органов. К примеру, органы прокуратуры осуществляют лишь надзор за соблюдением законодательства в сфере высшего образования соответствующими контролируруемыми лицами, и при этом не являются органами контроля. В комплексном виде полномочия государственного контроля (надзора) осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки.

Принципы государственного контроля и надзора в области высшего образования включают общие (генеральные), которые применяются во всех подконтрольных отраслях, и специальные, характерные для исследуемой области. Среди общих (генеральных) принципов необходимо обозначить законность и обоснованность, стимулирование добросовестности, соразмерность вмешательства в деятельность образовательных организаций высшего образования, признания и соблюдения прав контролируемых и иных лиц, недопустимости злоупотребления правом, открытости и доступности информации, оперативности и неразглашения охраняемой законом тайны.

Отдельно следует остановиться на руководящем начале стимулирования добросовестности контролируемых лиц, которое направлено на повышение мотивации исполнения требований контрольного (надзорного) органа. В пункте 25¹ Постановления Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования» [6] установлены меры стимулирования добросовестности, призванные оказывать нематериальное поощрение в отношении добросовестных образовательных организаций. Положительным образом с точки зрения правовой определенности следует оценить нормативное закрепление критериев добросовестности контролируемого лица. Применительно к высшим учебным заведениям такими критериями являются: выполнение аккредитационных показателей, своевременность размещения сведений в информационных системах образовательного кластера, абсолютное выполнение мониторинга Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. При условии выполнения всех критериев добросовестности в виде нематериального поощрения применяется понижения категории риска объекта контроля на одну категорию.

В качестве специальных принципов следует выделить: во-первых, принцип недопустимости ущемления прав и свобод обучающихся в образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, при проведении контрольных и надзорных мероприятий контрольно-надзорными органами; во-вторых, принцип соблюдения периодичности мероприятий по контролю за деятельностью образовательных организаций высшего образования; в-третьих, применение контрольных (надзорных) мероприятий в соответствии с риск-ориентированным подходом.

Риск-ориентированный подход предполагает распределение объекта контроля на три категории: высокого, среднего и низкого риска. Объектом контроля низкого риска определена деятельность образовательных организаций по реализации основных образовательных программ высшего образования. Деятельность вышеуказанных организаций становится объектом среднего риска при установлении одного из следующих обстоятельств: образовательная организация допустила факт нарушения обязательных требований в течение предшествующего календарного года; в отношении образовательной организации установлен факт совершения административного правонарушения в сфере образования в течение предшествующих трех лет; образовательной организацией допущено несоблюдение аккредитационных показателей, выявленное по результатам аккредитационного мониторинга, в течение предшествующих 3 лет. При одновременном наличии двух и более критериев вероятноности несоблюдения обязательных требований деятельность образовательной организации признается категорией высокого риска.

В зависимости от категории риска варьируется перечень и периодичность профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий. Так, в отношении объектов контроля, отнесенных к категории низкого риска, плановые выездные проверки не проводятся. В то же время, плановые выездные проверки в отношении объектов государственного контроля категории высокого риска проводятся один раз в 3 года, а для категории среднего риска – один раз в 4 года (пункт 64 Постановления Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования»).

Типичными нарушениями в области реализации конституционного права на высшее образования являются нарушения аккредитационных и лицензионных показателей. Примерами таких нарушений являются: осуществление приносящей доход деятельности, не предусмотренной уставом, превышение допустимой кратности (1:8) соотношения среднемесячной заработной платы ректора к среднемесячной заработной плате работников; неправомерное (без проведения конкурса) заключение трудовых договоров на замещение должностей научных работников, подлежащих замещению по конкурсу в нарушение приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 05 августа 2021 г. № 715 «Об утверждении перечня должностей научных работников, подлежащих замещению по конкурсу, и порядка проведения указанного конкурса» [8].

В апреле 2024 года Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки объявила 21 предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований в части обеспечения полноты, достоверности и актуальности сведений, вносимых организациями в Федеральный реестр документов об образовании; трем вузам объявлены предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований в части обеспечения открытости сведений о деятельности образовательных организаций и других требований законодательства об образовании по результатам проведенного наблюдения за соблюдением обязательных требований (мониторинга безопасности) [12].

Анализ особенностей осуществления контрольных и надзорных мероприятий в организациях высшего образования, позволил обнаружить недостатки правоприменения проверочной деятельности. Сложившийся ранее подход, направленный на лишение лицензии и государственной аккредитации по незначительным поводам, является чрезмерным и не соответствует целям государственной политики в области высшего образования.

Вместе с тем превентивная цель, поставленная перед органами государственного контроля (надзора) предполагает, что контролируемые органы должны в большей степени быть вовлечены в устранение указанных нарушений. Однако, по настоящее время сохраняется традиционная карательная модель в части установления нарушения и его устранения. Проверяющие органы ограничиваются выдачей предписаний по устранению нарушений обязательных требований. Полагаем, было бы более эффективным принятие непосредственного участия Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки в превенции не только в виде проверочной деятельности, но и в комплектовании рекомендаций для контролируемых лиц и применения в отношении каждого субъекта индивидуальных траекторий.

Библиография:

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5007.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7598.
3. Федеральный закон от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – 5 августа.
5. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
6. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5385.
7. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 27 сентября 2022 г. № 1029 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки по предоставлению государственной услуги по лицензированию образовательной деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
8. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 05 августа 2021 № 715 «Об утверждении перечня должностей научных работников, подлежащих замещению по конкурсу, и порядка проведения указанного конкурса» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
9. Баранов М.Л. Конституционно-правовая природа и соотношение понятий «государственный контроль» и «государственный надзор» // Образование и право. – 2014. – №3-4. – С. 39-55.
10. Беляев В.П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики : Автореф. дисс... докт. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 55 с.
11. Воронкова С.В. Государственный контроль и надзор в сфере охраны здоровья трудоспособного населения: административно-правовые аспекты : Автореф. дисс... канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2020. - 30 с.
12. Рособrnadzor объявил предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований 33 вузам // Официальный интернет-портал Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки [Электронный ресурс]. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

References:

1. Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2020. - No. 31 (Part I). - Article 5007.2.
2. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 53 (part I). – Article 7598.3.
3. Federal Law No. 99-FZ dated May 04, 2011 "On Licensing of certain types of activities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 19. – Article 2716.
4. Federal Law No. 247-FZ of July 31, 2020 "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. - 2020. – August 5th.
5. Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. – 1992. – No. 8. – Article 366.
6. Resolution of the Government of the Russian Federation dated June 25, 2021 No. 997 "On approval of the Regulations on Federal State control (supervision) in the field of education" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27 (part II). – Article 5385.
7. Order of the Federal Service for Supervision of Education and Science dated September 27, 2022 No. 1029 "On approval of the Administrative Regulations of the Federal Service for Supervision of Education and Science for the provision of public services for licensing educational activities" // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> / (date of access: 04/20/2024).
8. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated August 05, 2021 No. 715 "On approval of the list of positions of scientific workers to be replaced by the competition and the procedure for conducting the specified competition" // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> / (date of appeal: 04/20/2024).
9. Baranov M.L. The constitutional and legal nature and correlation of the concepts of "state control" and "state supervision" // Education and Law. – 2014. – №3-4. – pp. 39-55.
10. Belyaev V.P. Control and supervision as forms of legal activity: issues of theory and practice : Abstract. diss... doct. Jurid. sciences'. – Saratov, 2006. – 55 p.
11. Voronkova S.V. State control and supervision in the field of health protection of the able-bodied population: administrative and legal aspects : Abstract. diss... Cand. Jurid. sciences'. - Nizhny Novgorod, 2020. - 30 p.
12. Rosobrnadzor announced warnings about the inadmissibility of violating mandatory requirements for 33 universities // Official Internet portal of the Federal Service for Supervision of Education and Science [Electronic resource]. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/> / (date of access: 04/25/2024).

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОТИВОПРАВНЫМ УВЛЕЧЕНИЯМ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ Administrative and legal measures to improve the activities of the police in countering illegal hobbies of teenagers and young people

СЕМЕНОВА Анастасия Алексеевна,
адъюнкт кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.
E-mail: nastiasemenova11@mail.ru;

Semenova Anastasia Alekseevna,
Adjunct of the Department of Administrative Law
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.
117997, Moscow, st. Academician Volgina, 12.
E-mail: nastiasemenova11@mail.ru

Краткая аннотация: Актуальность исследования административно-правовых и иных мер деятельности полиции в противодействии противоправным увлечениям подростков и молодежи обусловлена тем, что область применения таких мер в настоящее время значительно расширена и требует детального научного исследования. Предметом исследования выступают вопросы по совершенствованию административно-правовых мер деятельности полиции по противодействию противоправным увлечениям подростков и молодежи. Авторская гипотеза, отраженная в научном исследовании, заключается в необходимости выработки комплексного механизма противодействия, прежде всего в борьбе с такими противоправными увлечениями, как трейнсерфинг (зацеплинг), диггерство и ружфинг. Формулируется вывод о необходимости разграничения механизма административного регулирования на отдельные элементы, с учетом характера и особенностей задач, стоящих перед органами полиции. Новизна исследования заключается в том, что автором предложены внесения изменений в административное законодательство, расширяющий профилактический инструментарий органов полиции в данной области. Сделан вывод о допустимости внесения изменений и дополнений, которые потребуют релевантных корректировок положений законодательства, носящих отсылочный характер к п. 1 ст. 5 ФЗ от 24.06.1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Abstract: The relevance of the study of administrative-legal and other measures of police activity in countering illegal hobbies of adolescents and young people is due to the fact that the scope of such measures is now significantly expanded and requires detailed scientific research. The subject of the study is the issues of improving administrative and legal measures of police activities to counteract illegal hobbies of teenagers and young people. The author's hypothesis, reflected in the scientific research, is the need to develop a comprehensive mechanism of counteraction, primarily in the fight against such illegal hobbies as trainsurfing (hooking), diggerism and ruffing. The conclusion is formulated about the need to differentiate the mechanism of administrative regulation into separate elements, taking into account the nature and specifics of the tasks facing the police. The novelty of the research lies in the fact that the author proposed amendments to the administrative legislation, expanding the preventive tools of the police in this area. It is concluded that it is permissible to make changes and additions that will require relevant adjustments to the provisions of legislation that are of a reference nature to paragraph 1 of Article 5 of the Federal Law No. 120-FZ dated 06/24/1999 "On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency".

Ключевые слова: полиция, административная деятельность, противодействие, предупреждение, профилактика, опасные увлечения, подростки, молодежь.

Keywords: police, administrative activity, counteraction, prevention, prevention, dangerous hobbies, teenagers, youth.

Для цитирования: Семенова А.А. Административно-правовые меры по совершенствованию деятельности полиции в противодействии противоправным увлечениям подростков и молодежи // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 5(233). С. 195-198. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_195.

For citation: Semenova A.A. Administrative and legal measures to improve the activities of the police in countering illegal hobbies of teenagers and young people // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 5(233). pp. 195-198. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_195.

Статья поступила в редакцию: 29.04.2023

Проблемы девиантного поведения подростков были и остаются актуальными во все времена. Процесс взросления, сопровождающийся «сепарацией» от взрослых, протестной реакцией на многие правила и требования, неизбежно сложен с психологической точки зрения. Гормональные всплески, сопутствующие данному периоду, нередко находят свое отражение в различном экстремальном поведении подростков, зачастую принимающим противоправные формы, в том числе, потенциально опасные как для здоровья самого несовершеннолетнего, так и для иных лиц [9, с.4].

Подростки во все времена совершали и продолжают совершать различные необдуманные поступки, профилактике которых посвящен обширный перечень психолого-педагогических исследований. Особое внимание к проблематике подростковых девиаций было предметом профессионального интереса педагогов, в том числе Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, В.Д. Менделевича и др. И в настоящее время, проблематика противоправных увлечений подростков чаще всего рассматривается именно в психолого-педагогическом ключе.

Однако большинство инструментов воздействия на подростков, предлагаемых в рамках различных областей научного знания, получают объективацию непосредственно в правовых формах. В этом смысле, полиция является «завершающим «звеном цепи» в системе органов предупреждения безнадзорности и административных правонарушений несовершеннолетних» [1, с.114], а ее особая роль состоит как в нейтрализации неблагоприятных последствий, порожденных неэффективностью профилактической деятельности остальных органов на предыдущих стадиях, так и в проведении превентивных мероприятий в отношении тех несовершеннолетних, формат девиаций которых приобрел наиболее опасные черты.

Не вызывает сомнений, что развитие государства неразрывно с процессом воспитания и образования подрастающего поколения. Однако инструменты ответственности и наказания в отношении подростков не всегда эффективны, что обусловлено крайне выраженными в соответствующей среде желанием обособиться от родителей и одновременно выделиться среди сверстников. В Российской Федерации несовершеннолетний выступает как субъект, имеющий свой правовой статус, а отношения, в которых он участвует, регулируются нормами различных отраслей права, в том числе административного [7, с.72].

Представляется, что характерными признаками для представителей данной социальной группы являются «эмоциональная неустойчивость, характеризующаяся, с одной стороны, стремлением к самостоятельности и самоуважению, а с другой - столкновением с регламентацией и ожиданиями окружающих» [2].

Кроме того, в ряде областей поведение подростков может находиться на грани противоправного, не всегда пересекая ее, но сохраняя потенциальную общественную опасность. Ярким примером подобного поведения выступает трейнсерфинг (зацепинг), диггерство и руффинг.

«Зацепинг» («трайнерфинг») — это особый формат передвижения, состоящий в проезде на поездах и иных рельсовых транспортных средствах с их внешней стороны (езда на крышах, тормозных площадках, в открытых кузовах, в подвагонном пространстве и пр.) [6, с.95]. Такая практика представляет опасность как для самого «зацепера», так и для безопасности дорожного движения в целом.

Руффинг (от англ. Roof – крыша, крышелаз) предполагает передвижение по высотным точкам зданий. Подростков, причастных к подобному «досугу», именуют руферами или бейскламберами (от англ. clamber – карабкаться, цепляться, взбираться, трудный подъем). Такого рода активность способствует повышенному выбросу адреналина, что может приводить к формированию адреналиновой зависимости.

Диггерство – (от англ. digger – копатель) – это деятельность по изучению искусственных подземных сооружений в познавательных либо развлекательных целях. Диггеры, в целях обнаружения каких-либо старинных вещей, могут посещать (естественно, без чьей-либо санкции) бомбоубежища, подземные хранилища и пр. Интересны диггерам и особые охраняемые объекты, такие как метрополитен и метрострой.

Органы полиции, будучи важнейшим субъектом системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, наделены обширным функционалом в области противодействия данного рода явлениям [1]. Особая роль в данной сфере принадлежит участковым уполномоченным полиции и инспекторам по делам несовершеннолетних, однако их деятельность не всегда базируется на соответствующей научной основе, не отличается комплексным характером и полнотой, достаточным уровнем внутрисистемного взаимодействия [8, с.49].

Множество предлагаемых инициатив и инструментов не учитывают тот факт, что сам по себе процесс противодействия носит сложный характер, включая, как минимум, предупреждение (работу с детерминантами противоправного поведения в целях их профилактики), выявление и расследование (непосредственно борьба с правонарушениями), устранение последствий¹.

Однако приоритетное внимание применительно к названным противоправным увлечениям подростков уделяется, прежде всего, аспекту привлечения к ответственности за содеянное, что не позволяет органам полиции сосредоточиться на деятельности профилактической направленности.

Так, административное законодательство предполагает, пусть и не слишком обширный, но инструмент противодействия указанным явлениям, использование которого усложняется необходимостью четкого разграничения противоправного и не содержащего нарушений установленных законом запретов поведения [4, с.181].

Тем самым, органы полиции наделены административно-правовым инструментарием для работы с нарушителями соответствующих запретов в отношении таких противоправных увлечений, как трейнсерфинг (зацепинг), диггерство и руффинг. Речь идет о возложении ответственности за уже свершившийся факт противоправного деяния, в то время как меры по противодействию подобного рода практикам, безусловно, должны носить комплексный и системный характер, включать инструменты правового, психолого-педагогического, социального и прочего воздействия на подростков, их семьи, образовательные и иные социальные общности.

Получение необходимых результатов требует как установления причин и условий, способствующих совершению правонарушений, так и непосредственное целенаправленное воздействие на его детерминанты [3, с.159].

Представляется обоснованным разбить комплексную работу органов полиции в области противодействия противоправным увлечениям подростков и молодежи на следующие направления:

- профилактика, связанная с выявлением подростков и молодежи, находящихся в группе риска или уже состоящих в сообществах, «пропагандирующих» зацепинг, диггерство и руффинг;
- предотвращение, связанное с прекращением функционирования соответствующих сообществ, разрывом сложившихся противоправных связей;
- и привлечение к ответственности, предполагающее назначение административного наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности правонарушения.

Тем самым, противодействие противоправным увлечениям подростков и молодежи включает несколько направлений, которые в своей совокупности и обеспечивают достижение поставленных целей.

В системе противодействия противоправным увлечениям подростков именно предупреждению принадлежит особое место. В основе предупреждения должно лежать, прежде всего, выявление подростков и молодежи, в той или иной форме причастных к противоправным дей-

¹ См., например, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «О противодействии коррупции», который выделяет именно такие направления взаимодействия применительно к коррупции.

ствиям в формате зацепинга, диггерства и руффинга. Такого рода деятельность должна быть связана с:

- мониторингом уполномоченными инспекторами ПДН социальных сетей и медиаресурсов на предмет обнаружения соответствующих сообществ и последующее обращение в Роскомнадзор;
- выявлением специализированных организаций, предоставляющих услуги, обнаруживающие признаки руффинга и диггерства, и инициирование их проверок на предмет законности деятельности и соблюдения требований к качеству оказываемых услуг;
- проведением профилактических бесед с подростками и членами их семей по поводу травмоопасности и правовых последствий совершения указанных действий (чтобы избежать ненужной популяризации таких форм противоправного «досуга», исключительно с теми, заинтересованность которых в подобной деятельности нашла свое объективное подтверждение).

В части общей профилактики органов полиции эффективными видится:

- организация бесед с подростками на базе школ и спортивных учреждений, в целях доведения до их сведения правил безопасного поведения на транспорте;
- совместная разработка с образовательными и социальными учреждениями программ мероприятий, предполагающих расширение числа форм и способов социально допустимых форм досуга, не связанных с совершением противоправных действий;
- оказание содействия формированию отрядов волонтеров для перенаправления в позитивное русло потенциала неформальных объединений.

Особое внимание органам полиции следует уделить осуществлению взаимодействия с общественными формированиями, занимающимися проблемами подростков, и территориальными органами Министерства внутренних дел для повышения уровня оперативной осведомленности о несовершеннолетних правонарушителях, относящих себя к тематическим неформальным группам. Возможно инициировать проведение совместных межведомственных оперативно-профилактических мероприятий: таких как совместные рабочие группы, круглые столы, лектории с представителями системы образования, туристического сообщества, в целях оперативного выявления и пресечение фактов противоправных рисков действий.

Учитывая процесс цифровизации всех сфер общественной жизни, социальное взаимодействие также в значительной степени перешло в данную область. В силу данных статистики, не менее половины подростков находятся в социальных сетях более 4 часов в день, где формируются соответствующие ценности и социальные связи [10, с.25]. Именно поэтому особое внимание органам полиции следует уделить мониторингу социальных сетей и медиаресурсов на предмет популяризации девиантного поведения подростков.

Что касается индивидуальной профилактической работы, то здесь возможно предложить организовать особые учеты подростков, действовавших в «руффинге», «зацепинге» и «диггерстве».

Учитывая вышеизложенное, преследуя цель формирования соответствующей нормативной базы, считаем необходимым дополнить п. 1 ст. 5 Закона №120-ФЗ подпунктом 15 следующего содержания: «15. Принимающих участие в деятельности сообществ, пропагандирующих «зацепинг», «диггерство» и «руффинг», в том числе, посредством подготовки видеороликов, вовлечения и обучения новых членов, непосредственной демонстрации навыков и прочих действий, свидетельствующих о принадлежности к данным сообществам». Данные изменения потребуют релевантных корректировок положений законодательства, носящих отсылочный к п. 1 ст. 5 Закона №120-ФЗ характер.

Подчеркнем, что индивидуальный профилактический учет таких лиц не связан с возложением на них дополнительных правоограничений, а предполагает лишь проведение в отношении подростков индивидуальной работы, направленной на отказ от девиантной модели поведения в пользу социально приемлемого [6, с.95].

Работа в данном направлении потребует принятия отдельного административного регламента, в котором надлежит урегулировать порядок проведения учетных мероприятий, перечень подлежащей учету информации о субъекте девиантного поведения, периодичность проводимой работы, в приложении к которому следует разработать форму уведомления (разъяснения) о противоправных последствиях «зацепинга», «диггерства» и «руффинга», с указанием на характер и меры ответственности за соответствующие административные составы.

Тем самым, работа органов полиции в области противодействия противоправным увлечениям подростков и молодежи должна носить комплексный характер, включая деятельность по: профилактике вовлечения подростков и молодежи, в область противоправных увлечений; предотвращению функционирования сообществ, разрыв сложившихся противоправных связей; привлечению к ответственности в части назначения административного наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности правонарушения. Тем самым, противодействие противоправным увлечениям подростков и молодежи включает несколько направлений, которые в своей совокупности и обеспечивают достижение поставленных целей.

Библиография:

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Текст] : федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 28.06.1999. - № 26. - Ст. 3177.
2. О направлении методических рекомендаций (вместе с Методическими рекомендациями по профилактике зацепинга среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Письмо Минобрнауки России от 24.05.2017 № 07-2732 // Консультант Плюс : законодательство РФ. – URL: http://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220827/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/ (дата обращения: 22.10.2022).
3. Богданов, А.В. Основные направления деятельности полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних [Текст] / А.В. Богданов, Е.Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД. - 2015. - №1. - С. 158-161.
4. Гильманов, Э.М. Диггерство и сталкерство как формы противоправного и опасного поведения несовершеннолетних [Текст] / Э.М. Гильманов // В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 180-185.

5. Евсикова, Е. В. Профилактика правонарушений как одно из основных направлений деятельности полиции по обеспечению общественной безопасности в Российской Федерации [Текст] / Е. В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 9 (100). – С. 253–255.
6. Евсикова, Е. В. Актуальные проблемы усовершенствования законодательства Российской Федерации в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних [Текст] / Е. В. Евсикова, Е. И. Максимова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (68). № 1. – С. 94 – 109.
7. Евсикова, Е. В. «Зацепинг», «спайсы», «синий кит» - глобальные угрозы современной молодежи в контексте усовершенствования административно-правовых и уголовно-правовых основ борьбы с ними [Текст] / Е. В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – С. 72–87.
8. Елизарова, А. Д. Деятельность инспекторов по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних [Текст] / А. Д. Елизарова, А. В. Фасхутдинова // Colloquium-Journal. - 2020. - № 6-6 (58). - С. 49-51.
9. Зацеперы, ругеры, диггеры – Проблема мегаполиса, пути решения Текст] / Под. ред. А. А. Любцова. – Москва: [б. и.] 2013. – 18 с.
10. Маскальцова, О. В. Формирование добровольных кибердружин как проявление гражданской инициативы противодействия распространения негативной и противоправной информации в сети «Интернет» [Текст] / О. В. Маскальцова // В сборнике: Культура открытого города: волонтерство как ресурс городских проектов. материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Управление культуры Администрации города Екатеринбурга, Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт). - 2020. - С. 23-27.
11. Титкова, В. А. Воспитание современной молодежи в деятельности полиции [Текст] / В. А. Титкова // В сборнике: Лучшая педагогическая работа 2021. сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. - С. 114-115.

References:

1. On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency [Text]: Federal Law of 06/24/1999 No. 120-FZ (as amended on 07/14/2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 06/28/1999. - No. 26. - Art. 3177.
2. On the direction of methodological recommendations (together with the Methodological recommendations for the prevention of hooking among minors [Electronic resource]: Letter of the Ministry of Education and Science of Russia dated May 24, 2017 No. 07-2732 // Consultant Plus: legislation of the Russian Federation. - URL: http://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220827/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/ (date of access: 10/22/2022).
3. Bogdanov, A.V. The main directions of the police activity for the prevention of neglect and delinquency among minors [Text] / A.V. Bogdanov, E.N. Khazov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs. - 2015. - No. 1. - S. 158-161.
4. Gilmanov, E.M. Diggerism and stalkerism as forms of illegal and dangerous behavior of minors [Text] / E.M. Gilmanov // In the collection: Social and legal protection of childhood as a priority direction of modern state policy. Collection of materials of the International scientific-practical conference. - 2018. - S. 180-185.
5. Evsikova, E.V. Crime prevention as one of the main areas of police activity to ensure public security in the Russian Federation [Text] / E.V. Evsikova // Eurasian legal journal. - 2016. - No. 9 (100). – S. 253–255.
6. Evsikova E.V. Actual problems of improving the legislation of the Russian Federation in the field of preventing administrative offenses of minors [Text] / E.V. Evsikova, E.I. Maksimova // Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Jurisprudence. - 2016. - Т. 2 (68). No. 1. - S. 94 - 109.
7. Evsikova E.V. "Trapping", "spice", "blue whale" - global threats to modern youth in the context of improving the administrative-legal and criminal-legal foundations for combating them [Text] / E.V. Evsikova // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Jurisprudence. - 2017. - Т. 3 (69). No. 4. - S. 72-87.
8. Elizarova, A.D. Activities of inspectors for juvenile affairs and district police officers for the prevention of juvenile delinquency [Text] / A.D. Elizarova, A.V. Faskhutdinova // Colloquium-Journal. - 2020. - No. 6-6 (58). - S. 49-51.
9. Hooks, roofers, diggers - The problem of the metropolis, solutions Text] / Under. ed. A.A. Lyubtsov. – Moscow: [b. and.] 2013. - 18 p.
10. Maskaltsova O.V. Formation of voluntary cyber teams as a manifestation of a civil initiative to counter the spread of negative and illegal information on the Internet [Text] / O.V. Maskaltsova // In the collection: Culture of an open city: volunteering as a resource for urban projects. materials of the International scientific-practical conference of students, graduate students and young scientists. Department of Culture of the Administration of the City of Yekaterinburg, Municipal Budgetary Educational Institution of Higher Education "Yekaterinburg Academy of Contemporary Art" (Institute). - 2020. - S. 23-27.
11. Titkova, V.A. Education of modern youth in the activities of the police [Text] / V.A. Titkova // In the collection: The best pedagogical work 2021. collection of articles of the International Research Competition. Penza, 2021. - S. 114-115.

НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ТРАДИЦИОННОЙ ОХОТЫ НАРОДОВ СЕВЕРА Novels of the legal regime of traditional hunting of the peoples of the North

СЛЕПЦОВ Анатолий Николаевич,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой юридического факультета,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42.

E-mail: uyandi@mail.ru;

Sleptcov Anatolii Nikolaevich,

PhD in Law, Head of Department Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovsky str., 42.

Email: uyandi@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируется Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05 июля 2021 года № 32-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и части 1 статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым определены правовые позиции Конституционного Суда, о признании коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в качестве особой группы с учётом их среды обитания, систем хозяйствования жизнеобеспечения и самобытности. В контексте положений анализируемого Постановления формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Abstract: the article analyzes the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 05, 2021 No. 32-P in the case of verifying the constitutionality of Part 1 of Article 3 of the Federal Law "On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation" and Part 1 of Article 19 of the Federal Law "On Hunting" and on the conservation of hunting resources and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation", which defines the legal positions of the Constitutional Court, on the recognition of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East as a special group, taking into account their habitat, life support systems and identity. In the context of the provisions of the analyzed Resolution, proposals for improving legislation are formulated.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации; коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока; традиционная охота; среда обитания; самобытность.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation; indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East; traditional hunting; habitat; originality.

Для цитирования: Слепцов А.Н. Новеллы правового режима традиционной охоты народов Севера // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 199-202. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_199.

For citation: Sleptsov A.N. Novels of the legal regime of traditional hunting of the peoples of the North // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 199-202. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_199.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2024

Конституционный Суд Российской Федерации 05 июля 2021 года рассмотрел дело о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [9] и части 1 статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11] в связи с жалобой гражданина А.Ф. Данилова.

Следует особо отметить, что ранее 28 мая 2019 года Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) провозгласил Постановление № 21-П по делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой Г. К. Щукина, которая стало историческим событием, поскольку впервые вынесенное решение с позитивным итогом для заявителя касалось защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее малочисленные народы Севера). По сути, был создан прецедент [2] реализации норм Конституции Российской Федерации о признании и защите особенности малочисленных народов Севера. Согласно Конституции РФ, им гарантируются права в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (статья 69), а также определено, что защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей находится в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов (п. «м» части первой ст. 72). Развивая конституционные положения, федеральное законодательство устанавливает, что малочисленные народы Севера имеют право на: пользование землёй; участие в решении вопросов защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов, в проведении экологических и этнологических экспертиз; получение возмещения убытков, причинённых им в результате нанесения ущерба их исконной среде обитания [1]; сохранение и развитие своей самобытной культуры; создание общин и иных объединений; судебную защиту прав с учётом традиций и обычаев этих народов [9]; создание территорий традиционного природопользования [12], приоритетное пользование животным миром [9] традиционное рыболовство [13] и охоту в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности [11].

В статье 14 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» установлено специальное право на судебную защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов.

Конституционный Суд Российской Федерации установил, что гражданин А.Ф. Данилов, будучи представителем саамов – одного из ко-

ренных малочисленных народов Севера, обратился в Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской области с просьбой о проставлении в ранее выданном ему охотничьем билете отметки о возможности охоты в целях ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности. В проставлении отметки было отказано, поскольку он не представил доказательств того, что относится к числу представителей коренных малочисленных народов и охота является основой его существования. А.Ф. Данилов обратился в суд с иском заявлением, в котором просил обязать уполномоченный орган проставить соответствующую отметку в охотничьем билете.

Решением Первомайского районного суда города Мурманска от 6 августа 2019 года, с которым согласились вышестоящие суды, заявителю отказано в удовлетворении его требования на том основании, что он проживает в благоустроенной квартире в городе Оленегорске, который не относится к территориям традиционного проживания коренных малочисленных народов, трудоустроен и получает стабильный доход, являющийся источником обеспечения его семьи. С учетом этих обстоятельств суды указали на то, что образ жизни А.Ф. Данилова нельзя расценивать как традиционный образ жизни коренных малочисленных народов, а его деятельность не связана с традиционной хозяйственной деятельностью таких народов в том смысле, в каком она понимается в законодательстве.

Кроме того, как отметили суды, по смыслу законодательства об охоте одна лишь принадлежность заявителя к числу саамов – в отсутствие подтверждения того, что для него охота в целях ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности является основой существования и самобытности, – не может служить основанием для предоставления А.Ф. Данилову права осуществлять охоту в таких целях.

По мнению заявителя Данилова, оспариваемые законоположения противоречат статьям 19 (части 1 и 2), 55 (части 2 и 3) и 69 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку не предусматривают права гражданина, который является представителем коренного малочисленного народа, ведет традиционный образ жизни в свободное от основной деятельности время и постоянно проживает вне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности соответствующего народа, осуществлять охоту, предусмотренную статьей 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Называя проживание в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в качестве одного из условий распространения на гражданина гарантий, предусмотренных Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», и определяя тем самым сферу действия данного Федерального закона, Конституционный суд отметил, что законодатель справедливо исходил из обусловленной статьями 9 (часть 1) и 69 Конституции РФ необходимости сбережения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов в его естественной взаимосвязи с исконной средой обитания таких народов, влияющей, в частности, на их самоидентификацию и образ жизни.

В то же время указанное требование, если его понимать сугубо формально, согласно правовой позиции Конституционного Суда, препятствует распространению гарантий на тех представителей малочисленных народов Севера, которые хотя и не проживают постоянно в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности соответствующих народов, тем не менее сохраняют устойчивую, объективную и верифицируемую связь с этими территориями.

Неразрывная связь с природой может, выражаться в осуществлении гражданином традиционной хозяйственной деятельности на территориях традиционного расселения своих предков, в его продолжительном и регулярном пребывании на этих территориях в целях поддержания и сохранения исторического опыта предков в области природопользования, самобытной социальной организации, самобытной культуры, обычаев и верований [6].

Традиционная хозяйственная деятельность не ограничивается исключительно сферой природопользования и согласно Перечню видов традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов [3] может также представлять собой художественные промыслы и народные ремесла, строительство национальных традиционных жилищ и других построек, необходимых для осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности [5].

Особое значение согласно правовой позиции Конституционного Суда приобретает учет связи гражданина, относящегося к малочисленному народу Севера, с территориями традиционного расселения его предков в ситуации, когда в силу серьезных изменений привычного уклада жизни этого народа, приведших на очередном историческом этапе и в определенном социально-политическом контексте к массовому переходу его представителей к городской жизни, такой гражданин вынужденно отделяется от традиционного образа жизни и не имеет возможности каждодневно придерживаться исторически сложившегося для этого народа способа жизнеобеспечения, но ощущает внутреннюю потребность в соответствующей самоидентификации, в следовании обычаям предков, в их передаче будущим поколениям своей семьи.

В связи с этим, проживание вне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности само по себе не свидетельствует о том, что представитель этого народа потерял статус и утратил этническую и культурную связь со своим народом и территориями, на которых тот проживает.

Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» как нормативный правовой акт общего действия, предусмотрел охоту в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности в качестве самостоятельного вида охоты (пункт 4 статьи 2, часть 1 статьи 4 и пункт 7 части 1 статьи 12).

Этот вид охоты осуществляется свободно в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимым для удовлетворения личного потреб-

ления и определяемом с учетом лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд, установленных органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, т.е. не требует получения каких-либо разрешений (часть 2 статьи 19 данного Федерального закона, пункт 2 статьи 333.2 Налогового кодекса Российской Федерации и пункт 15 Правил охоты, утвержденных приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 24 июля 2020 года N 477).

Как отметил Конституционный суд, указание в числе принципов правового регулирования в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов на учет интересов именно того населения, для которого охота является основой существования, включая малочисленные народы Севера (пункт 4 статьи 2 данного Федерального закона), не исключает понимания части 1 статьи 19 данного Федерального закона как предполагающей недостаточность для осуществления охоты, ею предусмотренной, одного лишь факта принадлежности к соответствующему народу. Такой подход имеет разумные основания, поскольку связывает исключение из общих правил об охоте именно с необходимостью удовлетворить насущные жизненные потребности лиц, проживающих и ведущих хозяйственную деятельность в традиционной среде проживания.

При этом абзац второй части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» предусматривает, что его действие распространяется и на лиц, для которых традиционная хозяйственная деятельность и занятие традиционными промыслами являются подсобными видами по отношению к основному виду деятельности в других отраслях народного хозяйства, социально-культурной сфере, органах власти.

Порядок охоты в целях ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности характеризуется особым правовым режимом, в рамках которого – в отличие от иных видов охоты – она выступает для соответствующих лиц основой жизни и самобытности [7].

Положения Федерального закона от 24 апреля 1995 года N 52-ФЗ «О животном мире», который прямо предусматривают право лиц, относящихся к малочисленным народам Севера, на приоритетное пользование животным миром на территориях традиционного расселения в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности этих народов (ст. 49) и не связывает реализацию права с обязательным проживанием на соответствующей территории или с осуществлением охоты в качестве единственного источника средств к существованию и которое также включает в себя предоставление им льгот относительно объектов, сроков, мест и ареала охоты.

Правоприменительные решения судов, вынесенные в отношении гражданина Данилова Андрея Федоровича на основании части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и части 1 статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в истолковании, расходящемся с конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении Конституционного суда от 05 июля 2021 года № 32-П и подлежат пересмотру в установленном порядке.

Особенности малочисленных народов Севера, как признал Конституционный Суд, обуславливают обязанность федерального законодателя урегулировать права лиц, относящихся к названным народам, связанные с ведением традиционного образа жизни, традиционной хозяйственной деятельности и промыслов, в частности права, связанные с природопользованием (оленьеводством, охотой, рыболовством), учитывая при этом специфику их жизнеобеспечения и социальной организации и гарантируя сохранение основы их самобытности.

В целях совершенствования федерального законодательства целесообразно внести следующие изменения и дополнения:

- в нормы о праве осуществлять традиционную охоту свободно, должно включать ведение такой охоты без каких-либо разрешений и платы за пользование охотничьими ресурсами, и предусматривать возможность заниматься ею в границах территорий традиционного природопользования, на общедоступных охотничьих угодьях и при определенных условиях на охотничьих угодьях, которые используются предпринимателями в соответствии с приказом Минприроды России «Об утверждении Правил охоты» [4] в открытые сроки охоты, в соответствии с нормами добычи. Внести в охотхозяйственные соглашения обременение охотпользователя обеспечивать доступ указанных лиц в охотничьи угодья;

– традиционная охота допускается в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимом для удовлетворения личного потребления семьи согласно сложившимся региональным обычаям и традициям малочисленных народов Севера [6].

Заключение

Как показала практика высшим элементом защиты прав малочисленных народов Севера стала конституционное правосудие, способное скорректировать законодательство и правоприменительную практику в духе требований Конституции РФ, укрепить конституционно-правовой статус данных народов [2].

Малочисленные народы Севера имеют отличия от иных коренных малочисленных народов, на которые обратил внимание Конституционный Суд, обусловленные географическими и климатическими особенностями их исконной среды обитания в Арктике, что предопределило в качестве традиционной основы их жизнедеятельности такие виды хозяйственной деятельности - как охота, рыболовство и оленьевождение.

Библиография:

1. Бурцева Е.И. Потравный И.М., Слепцов С.А., Величенко В.В. Вопросы оценки и компенсации убытков коренным малочисленным народам в условиях освоения Арктики // Арктика: экология и экономика № 1 (33), 2019. С. 27-40.
2. Кряжков В.А. Дело о традиционной охоте, или Первый опыт защиты прав коренных малочисленных народов в Конституционном Суде России // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4 (131). С.116–130.
3. Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 года N 631-р).

4. Приказ Минприроды России от 24 июля 2020 № 477 «Об утверждении правил охоты» с изм. и доп. вступил в силу 01.03.2023 https://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_361066 (дата посещения: 08.12.2023 г.).
5. Слепцов А.Н. Родовая община коренных малочисленных народов Севера в системе управления традиционным природопользованием // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 11. № 4. С. 568–581. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-568-581.
6. Слепцов А.Н. Права народов Севера на традиционное природопользование и самобытный образ жизни // Якутск. ЯФ ГУ «Издательство СО РАН». 2004. 156 с.
7. Sleptsov Anatolii and Petrova Aitalina. Ethnological Expertise in Yakutia: The Local Experience of Assessing the Impact of Industrial Activities on the Northern Indigenous Peoples. Resources 2019, 8, 123.
8. Указ Президента РФ от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. 1). Ст. 2136. Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, утверждён распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 года № 631-р // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2493.
9. Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (статьи 8–14) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.
10. Федеральный закон «О животном мире» от 26 апреля 1995 г. (ст. 48,49) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.
11. Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24 июня 2009 г. (ст. 19) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.
12. Федеральный закон от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.
13. Федеральный закон от 20 декабря 2004 года № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5270.

References:

1. Burtseva E.I., Potravny I.M., Sleptsov S.N., Velichenko V.V. Issues of assessment and compensation of losses to indigenous small peoples in the conditions of Arctic development // Arctic: ecology and economics No. 1 (33), 2019. pp. 27-40.
2. Kryazhkov V.A. The case of traditional hunting, or the First the experience of protecting the rights of indigenous minorities in the Constitutional Court of Russia // Comparative Constitutional Review. 2019. No. 4 (131). pp.116–130.
3. The list of types of traditional economic activities of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation (approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 631-r dated May 8, 2009).
4. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation No. 477 dated July 24, 2020 "On Approval of hunting Rules" with amendments and additions. entered into force on 03/01/2023 https://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_361066 (date of visit: 08.12.2023).
5. Sleptsov A.N. The tribal community of the indigenous small-numbered peoples of the North in the management system of traditional nature management // Arctic: ecology and economics. 2021. Vol. 11. No. 4. pp. 568-581. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-568-581.
6. Sleptsov A.N. The rights of the peoples of the North to traditional environmental management and an original way of life // Yakutsk. YAF GU "Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences". 2004. 156 p.
7. Sleptsov Anatolii and Petrova Aitalina. Ethnological Expertise in Yakutia: The Local Experience of Assessing the Impact of Industrial Activities on the Northern Indigenous Peoples. Resources 2019, 8, 123.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated May 2, 2014 No. 296 "On the land territories of the Arctic zone of the Russian Federation" // NW RF. 2014. No. 18 (part 1). Article 2136. The list of places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous minorities of the Russian Federation, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated May 8, 2009 No. 631-r // SZ RF. 2009. No. 20. St. 2493.
9. Federal Law No. 82-FZ dated April 30, 1999 "On Guarantees of the rights of indigenous minorities peoples of the Russian Federation" (articles 8-14) // Law of the Russian Federation. 1999. No. 18. St. 2208.
10. Federal Law "On the Animal World" of April 26, 1995 (Article 48.49) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 17. Art. 1462.
11. Federal Law "On Hunting and on the Conservation of Hunting Resources and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated June 24, 2009 (art. 19) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 30. Art. 3735.
12. Federal Law No. 49-FZ dated May 7, 2001 "On the territories of traditional nature management of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation" // SZ RF. 2001. No. 20. Art. 1972.
13. Federal Law No. 166-FZ of December 20, 2004 "On Fisheries and Conservation of Aquatic Biological Resources" // Federal Law of the Russian Federation. 2004. No. 52 (Part 1). Article 5270.

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ПРИНЦИП И КАК ПРОЦЕСС Federalism as a Principle and as a Process

СТЕПАНОВА Альбина Афанасьевна,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета,
Северо-Восточный федеральный университет,
ул. Кулаковского, 42, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677007, Россия.
E-mail: aastepanova@mail.ru;

Stepanova Albina Afanasyevna,

PhD in Law, Head of the Department of Constitutional and Municipal law, Faculty of Law,
North-Eastern Federal University in Yakutsk, Russia.
Kulakovsky str., 42, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677007, Russia.
E-mail: aastepanova@mail.ru

Краткая аннотация. В статье федерализм рассматривается как принцип и как процесс. Как принцип «федерализм» является основой для функциональных и статических характеристик федеративных государств. Как процесс «федерализм» более тесно привязан к функциональному содержанию принципа. Вместе с тем, разнообразные субъективные и объективные факторы, из которых складывается общественно-политическое развитие, существенным образом влияют и на конституционно-правовую статику. В связи с этим федерализм как процесс приобретает не менее важное значение чем федерализм как принцип. Он приспосабливается и устанавливает наиболее целесообразные для каждого отдельно взятого этапа развития формы и методы управления. Автор отмечает, что федерализм как процесс формируется под влиянием общественно-политических и социально-экономических факторов. В свою очередь, процесс серьезнейшим образом влияет на федеративное устройство как форму и федеративные отношения в целом.

Abstract. Federalism is considered as a principle and as a process. As a principle "federalism" is the basis for functional and static characteristics of federal states. As a process, "federalism" is more closely tied to the functional content of the principle. At the same time, the various subjective and objective factors that make up socio-political development also have a significant impact on the constitutional and legal statics. In this connection, federalism as a process becomes no less important than federalism as a principle. It adapts and establishes the forms and methods of government which are most suitable for each stage of development. The author notes that federalism as a process is formed under the influence of socio-political and socio-economic factors. In turn, the process seriously affects the federal system as a form and federal relations as a whole.

Ключевые слова: федерализм, федерализм как принцип, федерализм как процесс, федеративное устройство, субъекты федерации, разграничение предметов ведения и полномочий, централизация.

Keywords: federalism, federalism as a principle, federalism as a process, federal structure, subjects of federation, delimitation of competences and powers, centralization.

Для цитирования: Степанова А.А. Федерализм как принцип и как процесс // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 203-206. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_203.

For citation: Stepanova A.A. Federalism as a principle and as a process // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 203-206. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_203.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

Для понимания тенденций развития федерализма в современных условиях представляется целесообразным рассматривать его в двух аспектах: как принцип и как процесс.

Как принцип «федерализм» является основным принципом организации государств, основанных на объединении равноправных и относительно самостоятельных составных частей и основой функционирования которых является распределение властных полномочий между центром и составными частями. Как правило, федерации образуются для решения общих для всех объединяющихся государств (квази-государств) проблем. Основным способом решения, и, соответственно, основным критерием отнесения государств к федеративным, является распределение полномочий между двумя уровнями государственной власти: федеральной и субъектов федерации. В западной правовой доктрине основное внимание уделяется функциональной составляющей федерализма. Это обусловлено превалированием, с легкой руки американских федералистов, идеи разделенного (делимого) суверенитета¹, которая, как известно, исходит из понимания федеративной организации власти как разделения совокупности полномочий: в федеративном государстве происходит не подчинение одной государственной власти другой, а распределение компетенции на территории федерации, в силу этого каждый из субъектов властвования выступает на данной территории как суверен, осуществляющий власть в рамках своей компетенции. В связи с этим западная правовая доктрина сосредоточена, прежде всего, на определении содержания распределенных и распределяемых компетенций. Благополучие и благосостояние федеративного государства напрямую зависят от степени корректности распределения компетенций, от максимального учета механизмов их реализации и многих других факторов. Кроме того, как справедливо указывается в литературе, распределение компетенций, то есть, «применение федеративного принципа», является «одним из возможных ресурсов для решения проблем, возникающих из национальных, этнических, лингвистических, расовых и иных конфликтов»².

Отечественная же правовая доктрина при определении федерализма исходит не «из функциональной динамики, а формально-ин-

¹ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н.Н.Яковлева. М.: Издательская группа "Прогресс" – "Литера", 1994. 592 с.

² Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии. М. 1993. С. 23.

ституционной, конституционно-правовой статике»¹. Федерализм и федерация выступают как проявления или две стороны единого целого – как единство формы и содержания: формой является федерация, а содержанием – федерализм. При этом федерализм рассматривается в неразрывной связи с формой государственного (территориального) устройства и определяется как универсальный принцип федеративного устройства государства.

Отмечу, что обе доктрины, западная и отечественная, при всей противоположности подходов и приоритетов, тем не менее, отнюдь не противоречат друг другу. Наоборот, взаимно дополняют и обогащают друг друга новыми смыслами и содержаниями.

Россия, если рассматривать федерализм с формально-юридической точки зрения, как федеративное государство была провозглашена в 1918 г.: сначала в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, затем в Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г. При отсутствии субъектов федерации, Россия «сверху», в конституционно-императивном порядке была объявлена федеративным государством. Позже Россия вместе с другими суверенными государствами объединилась в Союз ССР². Подписание Договора, который стал основой образования федеративного государства, позволяет утверждать, что СССР по своей институциональной статике являлся договорной федерацией. Идея договорного пути образования федерации в определенной степени имела значение и при подписании Федеративного Договора 30 марта 1992 г. Разумеется, Договор не стал правовой базой для образования государства: российское государство как самостоятельное суверенное государство начало функционировать с 1991 г. после распада СССР, сохранив при этом федеративную организацию. Вместе с тем, появление новых субъектов, упорядочение разграничения предметов ведения и полномочия между Федерацией и ее субъектами, что было закреплено в Федеративном Договоре, дают основания полагать, что в тот период в России имела весьма важное значение идея признания России как конституционно-договорной федерации. Однако принятие Конституции РФ в 1993 г. и дальнейшее развитие Российской государственности показало, что в России преобладающей стала идея конституционной федерации. Россия в своем федеративном развитии сделала круг, вернувшись на исходные позиции фактически унитарного государства, юридически, тем не менее, оставаясь федерацией. Первоначальная унитарная федеративность России просуществовала довольно долго – с 1918 г. по 1989 г. Затем Россия сделала резкий крен в сторону конфедеративного состояния внутренних взаимосвязей (так называемый «парад суверенитетов»), который инерционно продолжался до конца 1990-ых гг. С принятием в 1999 г. известного закона № 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Постановления Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. начался этап возвращения к унитарной государственности³.

Если же федерализм рассматривать с функциональной точки зрения, то есть, с точки зрения разграничения полномочий, то Россия применяла этот принцип достаточно разнообразно. Союз ССР формально ограничивался решением общих вопросов. Решение более конкретных вопросов передавалось союзным республикам. РСФСР же (союзная республика), будучи сама федеративной, перераспределила государственные полномочия так, что оставались большие сомнения в ее федеративности: согласно положениям статьи 72 Конституции РСФСР 1978 г., устанавливающей предмет ведения РСФСР, она решала не только глобальные вопросы, как-то: социально-экономическое и финансово-благополучие ее составных частей, но и такие локальные, как вопросы бытового обслуживания населения, благоустройства населенных пунктов и пр. Возможно, в те времена такая управленческая централизация была обоснована и необходима. Огосударствление всего производства, отсутствие частной собственности и прочие особенности социалистической экономики обуславливали применение административно-командных методов управления и централизации управленческих процессов. Современная Российская Федерация также тяготеет к централизации. При распределении компетенции и, что более важно, при реализации распределенных компетенций, Россия фактически пошла по пути РСФСР. Она почти полностью приняла на себя решение (регулирование) большинства вопросов, отнесенных к ведению в целом государственной власти. Особенно это ощутимо в сфере совместного ведения. Положения статей 72, 73 и 76 Конституции РФ предполагают, что и субъекты федерации обладают немалыми полномочиями, в том числе и в рамках остаточной компетенции. Однако на практике Федерация не оставляет для самостоятельного решения ни одного значимого вопроса. Это касается и формирования органов государственной власти субъектов Федерации, и полномочий этих органов, и порядка реализации полномочий. Перечень моделей разграничения полномочий: кооперативная, дуалистическая, субсидиарная, конкурирующая (конкурентная) и пр. – может быть бесконечным⁴. Но все эти модели эффективно работают лишь при таком выстраивании государственного механизма, когда субъективные факторы не перевешивают объективные потребности.

Следует признать, что в современных российских условиях федерализм как процесс приобретает не менее важное значение чем федерализм как принцип. Как процесс, федерализм представляет собой непрерывную динамичную деятельность, которая осуществляется в публично-властных сферах взаимодействия общества и государства. Содержанием федерализма в данном случае выступают непрерывно меняющиеся отношения между центром и составными частями федерации⁵. На каждом этапе своего развития этот процесс может иметь как общие, так и специфические черты. Иными словами, федерализм – это процесс, приспособляющийся и устанавливающий наиболее целесообразные для

¹ Ившина И.Н. Создание федеративного государства. М., 2014. С. 12.

² СССР как федеративное государство был образован в результате подписания Договора об образовании СССР 30 декабря 1922 г.

³ Степанова А.А. Еще раз о федеративном устройстве // Конституционное и муниципальное право. М., 2015, № 7. С. 21

⁴ Применительно к российским реалиям исследователи отмечают тяготение к чрезмерной централизации. К примеру, Ю.Д. Гранин, определяя основные этапы трансформации российского федерализма (1992–2022), отмечает, что в этот период страна эволюционировала от модели «кооперативного федерализма» (т. е. «договорной федерации») к модели «централизованной федерации». См.: Гранин Ю.Д. Эволюция российского федерализма в новых геополитических реалиях // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2023. С.31-33. В то время как в мире возможны и обратные тенденции. В частности, как отмечает Р.М. Дзидзов: «Территориальная децентрализация государственной власти, постоянно возрастающая, приводит к трансформации государств, получающих название регионалистских, полужедеративных или квазифедеративных, целиком состоящих из самоуправляемых территорий, не вписываемых в традиционную классификацию форм государственного устройства». См.: Дзидзов Р.М. Федерация как форма государственного устройства: конституционные иллюзии и реальность // Конституционное и муниципальное право, 2021, № 4. С.50-53

⁵ См.: Ежуква О.А. Модель федеративного устройства России в контексте мировой практики федеративных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2021. N 9. С. 46 - 54.

каждого отдельно взятого этапа развития формы и методы управления. С этой точки зрения федерализм может характеризоваться как административный, экономический, бюджетный, элитический, бюрократический и даже налоговый¹. Однако при этом весьма вероятно опасность смешивания либо подмены понятий: на федеративное государство механистически накладываются характеристики и функции государства как такового, и из этого наложения делаются весьма спорные выводы о особых моделях федерализма. Между тем указанные характеристики являются не более чем особенностями реализации государственных функций в федеративном государстве. Так, уже прочно вошедший в научный и литературный оборот термин «бюджетный федерализм»² при всем разнообразии определений вполне может означать лишь распределение денежных потоков, но с учетом федеративной специфики. Но когда дополнительно к федеративной специфике вплетаются иные факторы: некие конкретные обстоятельства, текущая политическая ситуация, соотношение общественно-политических сил и пр., - и они начинают влиять на выбор и применение подходов к решению тех или иных задач, то в таком случае можно видеть процесс. Так, к примеру, распределение денежных потоков может зависеть от политической воли и волюнтаризма лидеров государства, от признания приоритетными каких-либо сиюминутных целей, от использования так называемых договорно-согласительных технологий, когда многие решения принимаются в результате договоренностей политических элит и пр.

Остается лишь заметить, что федерализм как процесс куда более значительнее подвержен влиянию политических настроений чем федерализм как форма. Общественное развитие само по себе предполагает процесс, и федерализм не может быть не следовать изменениям, происходящим в обществе, вне зависимости от того, являются они демократическими либо нет³.

Что касается экономических характеристик федерализма как процесса, то в последнее время цели социально-экономического развития регионов серьезнейшим образом влияют на федеративное устройство и федеративные отношения. Так, одним из существенных изменений федеративного устройства России стало дополнение ее территориальных форм особой разновидностью – федеральной территорией. Согласно части 1 статьи 2 Федерального закона «О федеральной территории "Сириус"» федеральная территория создается «...в целях обеспечения комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории...»⁴. Кроме того, в дополнение к федеральным округам, объединившим субъекты не только политически и географически, но и в целях социально-экономического развития, в настоящее время для «опережающего социального развития и улучшения качества жизни» создаются специальные зоны. Так, согласно ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»⁵ Арктическая зона охватывает территории девяти субъектов. Содержание закона не оставляет сомнений в том, что в указанной зоне полномочия органов государственной власти субъектов Федерации существенно ограничиваются. Федеральным законом вводится перечень специальных полномочий федерального уполномоченного органа. Исходя из этого, в долгосрочной перспективе весьма вероятно возможность изменения нынешнего федеративного устройства и преобразования специальных зон в субъекты Российской Федерации.

В заключение отметим: федерализм в федеративных государствах должен всегда оставаться базовым принципом при построении любых отношений внутри федеративной системы. Он не должен распадаться на некие под-принципы для решения функциональных задач. Главной целью федерализации является обеспечение государственного единства. С этой целью объединяются бывшие суверенные государства, и с этой же целью децентрализуются ранее унитарные государства. Однако не стоит упускать из виду, что второй важнейшей целью федерализации является сохранение (либо наделение) определённой самостоятельности составных частей федерации. К сожалению, на федеративное развитие значительное влияние имеют факторы субъективного, политического характера. Степень понимания методов и способов обеспечения государственного единства, равно как и обеспечение гарантий самостоятельности субъектов во многом зависят от конкретной общественно-политической ситуации. Особенно в Российской Федерации с ее излишне централизованными механизмами взаимодействия центра и регионов. Соответственно, существующие и появляющиеся проблемы, среди которых: подмена федеративных принципов управления унитарными⁶, насыщение права политическим содержанием, замещение правовых методов управления политическими; отсутствие оптимального разграничения компетенции и механизмов обеспечения баланса общегосударственных и территориальных интересов; размывание территориальной целостности субъектов федерации и др. могут оказать значительное влияние на эффективность действия принципа федерализма и в целом работы федеративного государственного механизма.

Библиография:

1. Андриченко Л.В. Эволюция принципов федерализма в России в свете конституционных преобразований 2020 г. // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 3. – С. 48-59.
2. Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии. М. - 1993. - С. 23.
3. Гранин Ю.Д. Эволюция российского федерализма в новых геополитических реалиях // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда. - 2023. - С.31-33.

¹ См., к примеру: Емельянов А.С. Развитие налогового федерализма в контексте формирования федеральных территорий // Финансовое право. Москва. 2022. N 1. С. 23 - 26.

² Вместе с тем, в литературе отмечается терминологическая, нормативная и практическая «неразрешенность» бюджетного федерализма. См.: Ильин И.М. Конституционная модель бюджетного федерализма России: особенности, проблематика и перспектива конституционной настройки (модернизации) // Конституционное и муниципальное право. 2021. N 9. С. 55 - 58.

³ См. Андриченко Л.В. Эволюция принципов федерализма в России в свете конституционных преобразований 2020 г. // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 3. – С. 48-59.

⁴ ФЗ от 22.12.2020 «О федеральной территории «Сириус» // <https://rg.ru/gazeta/rg/2020/12/25.html>

⁵ ФЗ от 13.07.2020 N 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // <https://rg.ru/2020/07/16/193-fz-ob-arkticheskoy-zone-dok.html>

⁶ В литературе высказывается мысль даже о «деинституционализации» основ федеративного устройства. См.: Ким Ю.В. К вопросу о смысле российского федерализма // Образование и право». № 2. С. 23. 2022

4. Дзидзоев Р.М. Федерация как форма государственного устройства: конституционные иллюзии и реальность // Конституционное и муниципальное право - 2021. - № 4. - С.50-53
5. Ежукова О.А. Модель федеративного устройства России в контексте мировой практики федеративных отношений // Конституционное и муниципальное право. - 2021. - № 9. - С. 46 - 54.
6. Емельянов А.С. Развитие налогового федерализма в контексте формирования федеральных территорий // Финансовое право. - 2022. - № 1. - С. 23 - 26.
7. Ившина И.Н. Создание федеративного государства. М. - 2014. - С. 12.
8. Ильин И.М. Конституционная модель бюджетного федерализма России: особенности, проблематика и перспектива конституционной настройки (модернизации) // Конституционное и муниципальное право. - 2021. - № 9. - С. 55 - 58.
9. Ким Ю.В. К вопросу о смысле российского федерализма // Образование и право». – 2022. - № 2. - С. 23.
10. Степанова А.А. Еще раз о федеративном устройстве // Конституционное и муниципальное право. - 2015. - № 7. - С. 21
11. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н.Н.Яковлева. М.: Издательская группа "Прогресс" – "Литера". - 1994. - 592 с.

References:

1. Andrichenko L.V. Evolution of the principles of federalism in Russia in the light of constitutional reforms in 2020 // Journal of Russian Law. - 2022. – Vol. 26. – No. 3. – pp. 48-59.
2. The state, law and interethnic relations in the countries of Western democracy. М. - 1993. - p. 23.
3. Granin Yu.D. The evolution of Russian federalism in new geopolitical realities //Consolidation of Russian society in new geo-political realities. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Vologda. - 2023. - pp.31-33.
4. Dzidzoev R.M. Federation as a form of government: constitutional illusions and reality // Constitutional and municipal law - 2021. - No. 4. - pp.50-53
5. Yezhukova O.A. The model of the federal structure of Russia in the context of the world practice of federal relations // Constitutional and municipal law. - 2021. - No. 9. - pp. 46-54.
6. Yemelyanov A.S. The development of tax federalism in the context of the formation of federal territories // Financial law. - 2022. - No. 1. - pp. 23-26.
7. Ivshina I.N. Creation of a federal state. М. - 2014. - p. 12.
8. Ilyin I.M. The constitutional model of budgetary federalism in Russia: features, problems and prospects of constitutional adjustment (modernization) // Constitutional and municipal law. - 2021. - No. 9. - pp. 55-58.
9. Kim Yu.V. On the question of the meaning of Russian federalism // Education and Law". – 2022. - No. 2. - p.
10. Stepanova A.A. Once again about the federal structure // Constitutional and municipal law. - 2015. - No. 7. - p. 21
11. Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay: Translated from English / Under the general ed., with a preface by N.N.Yakovlev. М.: Publishing group "Progress" – "Literature". - 1994. - 592 p.

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ РАБОТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Protection of labor rights and interests of employees in the Russian Federation

ТИМОНИНА Ирина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, гражданское право и гражданский процесс
Российского университета транспорта (МИИТ).

127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

E-mail: asemicheva@yandex.ru;

TIMONINA Irina Vladimirovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure
of the Russian University of Transport (MIIT).

Obraztsova str., 9, building 9, Moscow, 127994, Russia.

E-mail: asemicheva@yandex.ru

Краткая аннотация: Право граждан на труд и соблюдение работодателем трудового законодательства, прав и интересов работников, являются гарантиями их реализации. В свою очередь, трудовое законодательство регламентирует условия для достижения оптимального согласования интересов работников и работодателей в процессе труда. Автор отмечает, что интересы работодателя и работника не всегда совпадают, поэтому в процессе труда между ними может возникнуть конфликт интересов. Это подтверждается практикой, которая показывает рост числа нарушений трудовых прав работников со стороны работодателей. Такая ситуация сложилась во время и после пандемии Covid-19. В вышеуказанный период времени в судах появилось достаточно большое количество дел, связанных с взысканием морального и материального вреда, причиненного работнику незаконным увольнением, переводом на другую работу, невыплатой гарантированных законодательством выплат и льгот, отказом от заключения трудового договора и т.п. В таких ситуациях работники нуждаются в защите своих трудовых прав и интересов и обращаются в суд. И сегодня защита трудовых прав и интересов работников является актуальной проблемой, и государство должно гарантировать работникам восстановление их нарушенных прав.

Abstract: The right of citizens to work and the employer's compliance with labor legislation, the rights and interests of employees are guarantees of their implementation. In turn, the labor legislation regulates the conditions for achieving optimal coordination of the interests of employees and employers in the labor process. The author notes that the interests of the employer and the employee do not always coincide, therefore, a conflict of interests may arise between them in the process of work. This is confirmed by practice, which shows an increase in the number of violations of workers' labor rights by employers. This situation developed during and after the Covid-19 pandemic. During the above period of time, a fairly large number of cases appeared in the courts related to the recovery of moral and material damage caused to an employee by illegal dismissal, transfer to another job, non-payment of payments and benefits guaranteed by law, refusal to conclude an employment contract, etc. In such situations, employees need to protect their labor rights and interests and go to court. And today, the protection of labor rights and interests of employees is an urgent problem, and the state must guarantee workers the restoration of their violated rights.

Ключевые слова: защита трудовых прав, законодательные гарантии реализации права на защиту; органы, осуществляющие защиту трудовых прав работников, надзор и контроль, самозащита работниками трудовых прав.

Keywords: protection of labor rights, legislative guarantees of the right to protection; bodies that protect the labor rights of employees, supervision and control, self-defense of labor rights by employees.

Для цитирования: Тимонина И.В. Защита трудовых прав и интересов работников в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 207-209. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_207.

For citation: Timonina I.V. Protection of labor rights and interests of employees in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 207-209. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_207.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2024

Социальная защита граждан РФ и порядок ее предоставления закрепляются законодательной базой и действуют на основе Конституции.

В соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Исходя из этого положения, ст. 7 Конституции РФ предусматривает государственные гарантии реализации гражданами конституционного права на защиту трудовых прав и интересов

Согласно статье 45 Конституции РФ государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется, и каждый вправе защищать свои права и свободы любым законным способом [1].

Граждане РФ наделены большим объемом прав и свобод, среди которых важное место занимают трудовые права, регулируемые Трудовым кодексом РФ. Статья 21 Трудового Кодекса РФ закрепляет широкий круг трудовых прав работника: право на защиту своих трудовых прав, свобод и законных интересов всеми, не запрещенными законом способами, право на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров.

Российское законодательство уделяет защите трудовых прав работников особое внимание. В Трудовом кодексе РФ выделен целый раздел XIII, посвященный этой проблеме. [3].

В 352 статье ТК РФ (первой статье раздела XIII) указаны основные способы защиты трудовых прав и свобод:

Основными способами защиты трудовых прав и свобод являются:

- самозащита работниками трудовых прав;

- защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами;

- федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Под защитой трудовых прав понимается комплексная система мер, применяемых для обеспечения надлежащей реализации и защиты трудовых прав и свобод, включающая средства законодательства, судебную защиту, административно-организационные меры надзора и контроля, защиту профсоюзами трудовых прав и законных интересов работников и самозащиту работниками трудовых прав. [2]

Защита трудовых прав - это различные действия государственных и профсоюзных органов по профилактике трудовых правонарушений, которая осуществляется различными средствами (способами), такими как:

- гарантированность федеральным трудовым законодательством создание работникам достойных условий труда. Такие гарантии регламентируются региональным и локальным трудовым законодательством (коллективными договорами, соглашениями, трудовыми договорами).

Но необходимо обратить внимание на то, что условия труда, гарантированные государством, в соответствии с 8 статьей ТК РФ не могут ухудшать положение работников. В противном случае, они не подлежат применению.

- участие работников непосредственно или через представительные органы (профсоюзы и иных представителей работников). В настоящее время на предприятиях работники сами участвуют в разработке проектов и заключении коллективных договоров.

- правовая грамотность работников. Широко распространено обучение основам трудового законодательства работников и работодателей и их представителей в организациях; а также способам защиты трудовых прав.

Защита трудовых прав работников гарантирует законность в сфере труда и отражает состояние в общественной жизни и социальной сфере в государстве.

Процесс защиты трудовых прав работник имеет несколько этапов: профилактика трудовых правонарушений; рассмотрение и разрешение трудовых споров различными органами; восстановление нарушенных трудовых прав работника; ответственность за нарушение трудовых прав.

Профилактика нарушений трудовых прав работников проявляется уже в ходе разработки проектов законов. Практика показывает, что превентивные меры эффективно предотвращают возможные нарушения.

В целом, защиту трудовых прав и интересов работников следует понимать, как систему мер, направленных на восстановление нарушенных прав или устранение нарушений при реализации трудовых прав и интересов работников.

Защита осуществляется сторонами трудового правоотношения, компетентными государственными органами или общественными организациями и входит в механизм правового регулирования труда. Механизм защиты составляют правовые средства, с помощью которых осуществляется упорядоченность трудовых и связанных с ними отношений в сфере труда.

Структурными элементами механизма правового регулирования являются: нормы права, устанавливающие правила поведения, правоотношения как элемент реальной жизни права; акты реализации юридических прав и обязанностей. Вот в этом элементе механизма правового регулирования труда и возможны правонарушения работодателем своих трудовых обязанностей, а, следовательно, прав работников. [2]

Работодатель и его представители не вправе препятствовать работникам в осуществлении защиты своих трудовых прав и интересов, а виновные должностные лица за нарушение трудового законодательства и прав работников привлекаются к административной и дисциплинарной, ответственности вплоть до увольнения. В отдельных случаях они могут быть привлечены к уголовной ответственности с возмещением причиненного работнику ущерба.

Защита трудовых прав граждан зачастую осуществляется профсоюзами, которые создаются и действуют на добровольной основе, как самостоятельные общественные объединения граждан, связанных производственными и профессиональными интересами для представительства и защиты их социально-трудовых прав работников. [4]

Им отведена особая роль при реализации функций защиты трудовых прав и интересов работников. Следует указать на тот факт, что профессиональные союзы занимают важное место в системе органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, в отличие от государственных инспекций и органов прокуратуры, не имеющих возможности осуществлять достаточно эффективный и систематический надзор за соблюдением законодательства в социально-трудовой сфере.

Преимущество профессиональных союзов состоит, что они создаются в организации и могут оперативно реагировать на происходящее в ней, используя все предоставленные законом средства и методы осуществления профсоюзного контроля. И в этих случаях как раз эффективно работают превентивные меры.

Вышеуказанные органы осуществляют профсоюзный контроль за соблюдением работодателями и должностными лицами законодательства о труде, создавая собственные инспекции труда.

Если работодатель, препятствует защите профсоюзами прав работников, то по заявлению прокурора либо по исковому заявлению или жалобе соответствующего органа профсоюза, первичной профсоюзной организации дела о нарушениях прав профсоюзов рассматриваются судом.

Основной формой самозащиты работником своих прав, является соблюдение работодателем требований Трудового кодекса РФ при оформлении приема на работу согласно ст. 68 ТК РФ и заключении трудового договора. Соблюдение трудового законодательства обязательно для сторон трудового договора.

Одной из основных способов самозащиты работником своих прав является форма защиты работника относительно его права на условия работы, отвечающие требованиям безопасности и гигиены труда.

В соответствии со статьёй 379 ТК РФ, работник может отказаться от выполнения работы, известив об этом в обязательном порядке работодателя или своего непосредственного руководителя, если возникает опасность для его жизни и здоровья, или в случае если работа не предусмотрена условиями трудового договора. После устранения нарушения требований охраны труда работник обязан приступить к работе.

Таким образом, самозащита в отличие от иных способов защиты трудовых прав и законных интересов работника, предусмотренных ТК РФ, осуществляется самостоятельно, без участия иных субъектов, в частности органов госнадзора и контроля, профсоюзов, а также органов, наделенных полномочиями разрешать трудовые споры, в том числе судов. [2]

Статья 142 ТК РФ также регулирует право работника на самозащиту в случае задержки заработной платы работодателем на срок более 15 дней и предоставляет право работнику приостановить работу. Норма регулирует право работника на приостановлении работы на весь период до выплаты работодателем всей задержанной суммы.

Необходимо отметить, что на период приостановления работы за работником сохраняются все трудовые права.

На практике имеются случаи, когда в целях самозащиты потенциальные работники требуют вписать в трудовой договор условие, касающееся выплаты повышенного размера денежной компенсации за нарушение сроков выплаты заработной платы. Это условие предупреждает возникновения нарушения трудового законодательства работодателем.

Следует указать на отличие самозащиты трудовых прав работников от забастовки. В случае забастовки коллектив отказывается от выполнения трудовых обязанностей в целях разрешения коллективного трудового спора, а при самозащите работник реализует право на самозащиту самостоятельно, независимо от других работников. Работник может использовать различные правовые формы для самозащиты, но это зависит от его правовой грамотности и осознания себя субъектом права.

Обеспечение охраны и защиты трудовых прав и интересов граждан осуществляют государственные органы посредством проведения мероприятий по контролю и надзору за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. Их деятельность является гарантией реализации прав и свобод граждан.

Систему органов государства, которые реализуют функцию защиты трудовых прав и законных интересов работников, можно разделить на два составляющих элемента данной системы:

1. Специализированный орган государства: Федеральная инспекция труда как орган, осуществляющий государственный надзор по защите трудовых прав и законных интересов работников и орган государства, оказывающий государственные услуги в сфере урегулирования коллективных трудовых споров.

2. Группа органов, которая включает: прокуратуру; Федеральную службу по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, иные государственные органы, для которых функция защиты трудовых прав и законных интересов не является основной. [5]

Федеральная инспекция труда - единая централизованная система, уполномоченная на проведение федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Надзор второй группы органов является специализированным, поскольку касается определенного узкого круга вопросов охраны труда и соблюдения определенных технических или санитарно-гигиенических правил и норм в этой области. Эти органы наделены широкими государственно-властными полномочиями и имеют право давать обязательные для исполнения администрацией предписания по соответствующим вопросам, привлекать виновных лиц к административной ответственности и т.п. Они, в отличие от государственных инспекций труда, надзирают только за соблюдением правил по безопасному ведению работ (относятся к нормам охраны труда) в отдельных отраслях и на некоторых объектах промышленности (либо на строго определенных поднадзорных объектах). Но при этом они должны взаимодействовать с Федеральной инспекцией труда.

Специально уполномоченные органы осуществляют свою деятельность в организациях независимо от их форм собственности, организационно-правовых форм и ведомственной подчиненности.

Защита трудовых прав является правореализующей деятельностью и выражается в применении правовых мер к работодателю, не выполняющему возложенные на него обязанности, и совершающему действия, препятствующие нормальному осуществлению трудовых прав и интересов работников. Российским законодательством работникам предоставлены существенные гарантии защиты трудовых прав.

Необходимо понимать, что решение существующих проблем должно быть направлено не только на выявление уже совершенного нарушения и наложение наказания за него, а, прежде всего, на профилактику нарушений. Поэтому, важно предупреждать возникновение правонарушений, снижать их количество. И делать это следует путём улучшения условий труда работников, обучения правовой грамотности сторон трудового договора и своевременного донесения информации до работников и работодателей на предприятиях.

Как показывает практика, защита трудовых прав и интересов работников, и в настоящее время, является актуальной проблемой, так как нарушения фиксируются как на коммерческих предприятиях, так и на предприятиях государственного сектора.

Исходя из этого, следует сделать вывод в необходимости профилактики нарушений на предприятиях; дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего институт защиты трудовых прав и интересов работников; повышения правовой грамотности сторон трудового договора.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.
2. Трудовое право: Учебник для бакалавриата / О.В. Мацкевич, А.Н. Приженникова, А.В. Буянова. — М.: Прометей, 2022. — 570 с.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024)
4. Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ (в ред.21.12.2021.)
5. Сапфирова А.А. Конституционные основы защиты трудовых прав и свобод // Конституционные основы трудового права и права социального обеспечения: состояние и перспективы. Материалы XIV ежегодной международной научно-практической конференции /Под общ. ред. А.М. Куренного. - М.: Проспект, 2013. - С.269-273.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993.
2. Labor law: Textbook for undergraduate studies / O.V. Matskevich, A.N. Prizhennikova, A.V. Buyanova. — M.: Prometheus, 2022. — 570 p.
3. The Labor Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 197-FZ (as amended on 02/14/2024)
4. Federal Law "On Trade Unions, their Rights and Guarantees of Activity" dated 12.01.1996 No. 10-FZ (as amended on 21.12.2021.)
5. Saphirova A.A. Constitutional foundations of protection of labor rights and freedoms // Constitutional foundations of labor law and social security law: state and prospects. Materials of the XIV annual international scientific and practical conference / Under the general editorship of A.M. Kurenny. - M.: Prospekt, 2013. - pp.269-273.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_210

УДК 342.41

КОНСТИТУЦИОННАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА В СТРАНАХ АФРИКИ CONSTITUTIONAL FORMALIZATION OF LANGUAGE IN AFRICAN COUNTRIES

НОВИКОВА Алевтина Евгеньевна,

доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская обл., 308015, Россия.
E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru;

NOVIKOVA Alevtina Evgenievna,

Associate Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Law Institute, Belgorod State National Research University. Pobedy str., 85, Belgorod, Belgorod region, 308015, Russia.
E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

Краткая аннотация. В рамках данной работы представлены итоги сравнительно-правового анализа конституций стран Африки на предмет выявления в них норм, легализующих статус различных видов языка в государстве. В ходе исследования были выявлены: многообразие конституционных структурных единиц, формализующих заявленный предмет; количественная и содержательная вариативность языков в государстве; гарантирующая роль государства. Полученные результаты установленных легализованных сопряжений структурированы автором и изложены применительно к основным положениям о государстве и формах его деятельности, а также к элементам правового статуса личности.

Abstract. Within the framework of this work, the results of a comparative legal analysis of the constitutions of African countries are presented in order to identify norms in them that legalize the status of various types of language in the state. The study revealed: the diversity of constitutional structural units that formalize the declared subject; the quantitative and meaningful variability of languages in the state; the guaranteeing role of the state. The obtained results of the established legalized conjugations are structured by the author and presented in relation to the basic provisions on the state and the forms of its activity, as well as to the elements of the legal status of an individual.

Ключевые слова: язык, официальный язык, национальный язык, государственный язык, конституция, гарантии.
Keywords: language, official language, national language, state language, constitution, guarantees.

Для цитирования: Новикова А.Е. Конституционная формализация языка в странах Африки // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 210-213. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_210.

For citation: Novikova A.E. Constitutional formalization of language in African countries // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 210-213. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_210.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

В современном государственном строительстве, столкнувшись с серьезными внешними вызовами и угрозами, важное значение приобретает обеспечение реализации различных направлений внутренней политики, включая языковой сегмент.

В вопросе о дефиниции статуса языка в государстве мы придерживаемся позиции, согласно которой это «это его правовое положение в социальной системе, определяемое и закрепляемое в государстве Конституцией и специальным законодательством, а также положение языка, определяемое сферой и объемом его функционирования» [5, с. 194].

Осуществленные ранее исследования указывают на то, что в государствах разнятся подходы к конституционной формализации разновидностей языка [4, с. 210-212; 6, с. 132-135; 7, с. 558-568]. Безусловно, «конституционно-правовая формализация государственного языка является центральным и наиболее значимым элементом правового режима языков, затрагивая вопросы использования национальных языков в законодательно очерченных сферах отношений в пределах государственной территории, а также права их носителей» [2, с. 8-20]. Однако распространены и иные конституционно-правовые виды языка, которым на государственном и общественном уровнях придается не меньшее обес­печительное значение.

В связи с важностью правового положения языка в государстве [1, с. 113-128; 3, с. 112-135; 8, с. 203-229] в рамках данной статьи авторское внимание уделено анализу текстов конституций стран Африки на предмет легализации в них соответствующих положений. В статье использованы 22 текста зарубежных конституций, размещенных в ресурсе «Мастерская конституционного дизайна» (<https://worldconstitutions.ru/?ysclid=lm37v4yr54473658940>).

Итак, структурно конституционными разделами / главами, формализующими различные виды языка, явились:

Преамбула (Мали, Марокко);

Общие принципы, регулирующие деятельность алжирского общества (Алжир);

Основные положения и принципы (Мавритания) / Общие принципы / положения (Мадагаскар, Марокко, Мозамбик, САДР, Тунис);

Основные принципы государства (Экваториальная Гвинея);

О государстве и суверенитете (Бенин, Буркина-Фасо, Габон, Камерун, Конго, Мали, Того, Чад) / О государстве и независимости (Сенегал);

Государство (Египет);

О Союзе Коморских островов (Коморские острова);

Государственный суверенитет (Кот-д-Ивуар);

Основы общественного устройства (Египет);

Отношения между исполнительной и законодательной властью (Камерун, Конго);

Законодательная власть (Либерия);

Институты Союза (Коморские острова);

Права и свободы (Алжир, Тунис) / О правах и обязанностях лиц (Бенин) / Права, свободы и обязанности (Египет) / О правах человека, основных свободах и обязанностях гражданина и государства (Конго) / Человеческое достоинство. Права и обязанности с ним связанные (Мали); Пересмотр Конституции (Алжир).

Уточним, что формулировка «государственный язык» включена в тексты 4 (Алжир, Египет, Марокко и САДР) из 22 проанализированных африканских конституций. Более распространенными являются формулировки «официальный язык» и «национальный язык».

В заявленных конституциях минимальное число положений, посвященное языкам, установлено в Республике Мадагаскар и Того (1), а максимальное в Марокко (12). Вместе с тем, количество не связано с качеством правового регулирования столь важной сферы. Хотя в Конституции Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи любые упоминания языка отсутствуют.

Нетипично включение положений о языке в преамбулы конституций. Таковые обнаружены в Мали и Марокко.

В Преамбуле Конституции Мали провозглашено намерение суверенного народа Мали защищать языковое разнообразие национальных общин.

В Преамбуле Конституции Марокко Королевство подтверждает свою готовность запрещать и бороться с любыми видами дискриминации, в том числе, на почве языка.

Далее представим результаты установленных легализованных сопряжений с основами конституционного строя, правовым статусом личности и формами государственной деятельности, включая цензы к ее представителям.

Итак, в каждой из заявленных конституций имеется самостоятельная статья / норма, закрепляющая государственный / официальный / национальный язык.

Так, согласно ст. 3 Конституции Алжира и ст. 5 Конституции Марокко арабский язык является государственным и официальным языком. В Египте – арабский язык формализован только в статусе государственного (ст. 2). Но именно он является одним из ключевых предметов государственного и частного доуниверситетского образования (ст. 24 Конституции Египта) и государство поощряет перевод с арабского языка и на арабский язык (ст. 48 Конституции Египта).

В Конституции Марокко государству адресовано обеспечение защиты и развития арабского языка, содействие его распространению (ст. 5).

В ст. 3 (а) Конституции Алжира в качестве государственного языка дополнительно легализован тамазигхтский язык. В его отношении установлены и государственные гарантии по содействию его продвижения и развития на всей территории страны.

В ст. 5 Конституции Марокко амазигский язык определен официальным государственным языком государства и общей родины всех без исключения марокканцев.

По поводу этого языка Конституция Марокко предусматривает самостоятельный органический закон, определяющий процесс применения официального характера этого языка, порядок его использования в сфере образования и приоритетных отраслях общественной жизни как официального государственного языка (ст. 5).

В Конституции Сахарской Арабской Демократической Республики выявлена единственная норма, легализующая арабский язык в качестве официального государственного языка (ст. 3).

Как мы указали ранее, наиболее распространены формулировки официального языка. Согласно ст. 1 Конституции Бенина, официальным языком государства является французский. Отметим, что структура ст. 1 Конституции Бенина аналогична ряду иных статей конституций африканских государств, легализующих в своих начальных положениях, помимо языка, ключевые атрибуты государства – столицу, эмблему, гимн, девиз и пр.

К примеру, ч. 7 ст. 1 Конституции Камеруна при описании государственной печати указывает языки, использованные в ее оформлении: «на нижней стороне дуги на французском языке выгравирован национальный девиз: "Мир – Работа – Родина", на реверсе и в центре герба Республики Камерун на верхней стороне дуги на английском языке выгравировано: "Республика Камерун" и на нижней стороне дуги "Мир – Работа – Родина"».

В Буркина-Фасо официальным языком также определен французский (ст. 35 Конституции). На конституционном уровне содержится положение бланкетного характера, согласно которому закон устанавливает порядок назначения и официального признания национальных языков (ст. 35). Аналогичная формулировка включена в Конституции Кот-д-Ивуара (ст. 29) и Мали (ст. 25).

В сопоставимом содержательном ключе норма ст. 5 Конституции Мозамбика. В соответствии с ней, официальным языком Республики является португальский (ч. 1), а государство признает значение национальных языков, способствует их развитию и укрепляет роль данных языков, как языков, которые используются в повседневной жизни и образовании граждан (ч. 2).

В Конституции Габона французский язык характеризуется как официальный рабочий язык (ст. 2). А гарантирующие действия государства требуются для защиты и поощрения национальных языков.

Отличается в рассматриваемом контексте ст. 1 Конституции Камеруна, согласно которой, официальными языками, равными по своему значению, являются английский и французский языки (ч. 3). При этом Республика Камерун указана в качестве гаранта пропаганды билингвизма

на всей своей территории, хотя и работает над поддержкой национальных языков (ч. 3).

В Конституции Республики Чад рассматриваемые нормы сформулированы аналогичным образом. В качестве официальных языков заявлены французский и арабский. Но Закон определяет условия популяризации и развития национальных языков (ст. 9).

Согласно ст. 4 Конституции Экваториальной Гвинеи официальный язык Республики Экваториальная Гвинея должен быть испанский, а исконные языки должны быть признаны неотъемлемой частью национальной культуры.

Оригинальна и ст. 1 Конституции Коморских островов, закрепляющая официальными языками – коморский, национальный язык, французский и арабский. При этом, ст. 13 указывает, что перед вступлением в должность Президент и Вице-президент принимают присягу перед Конституционным судом на коморском языке.

Ряд конституций устанавливают официальные и национальные языки. Так, в Конституции Конго официальным языком объявлен французский (ст. 1), а национальными – киконго, лингала, суахили и чилуба. При этом государство обеспечивает именно их развитие, без какой бы то ни было дискриминации (ст. 1).

В отношении других языков страны указано, что они являются также культурным наследием Конго, а государство обеспечивает их поддержку и защиту. Таким образом, государственно-обеспечительный аспект связан с национальными и другими языками культурного наследия Конго.

В ст. 6 Конституции Мавритании определены национальные языки (арабский, палаар, сонинк и фолоф) и официальный язык (арабский).

В ст. 1 Конституции Сенегала также легализованы официальный (французский) и национальные (диола, малинке, пулар, серере, сонинке и волоф) языки.

Самые лаконичные нормы выявлены в Конституциях Мадагаскара и Того. В Мадагаскаре национальный язык – малагасийский (ст. 4), а в Того официальный язык Республики – французский.

Согласно ст. 1 Конституции Туниса, официальным языком является арабский. В ст. 39 данной Конституции обнаружена норма государственно-обеспечительного характера: государство должно работать для поддержания и распространения использования арабского языка, открытости к иностранным языкам.

В Конституции Египта по сравнению с иными африканскими конституциями многочисленны нормы гарантирующего характера в заявленной сфере.

Оригинальна ст. 7 Конституции Египта, устанавливающая статус Аль-Азхара, являющегося независимым исламским научным учреждением с исключительной компетенцией по вопросам, входящим в предмет его деятельности. На него возложена ответственность за распространение арабского языка в Египте и во всем мире.

В ст. 21 Конституции Египта определены государственные гарантии независимости университетов и развивающих науку и языкознание высших учебных заведений.

Представляют интерес конституционные гарантирующие язык нормы в Марокко. В частности, Государство создало национальный совет по марокканскому языку и культуре в обязанности которого входит защита и развитие арабского и амазигского языков (ст. 5).

Кроме того, государство обеспечивает сохранность хасани – неотъемлемой части культурного наследия народа Марокко и защиту говоров.

На государство возложена контрольная функция соответствия государственной языковой и культурной политики, изучение и овладение самими востребованными иностранными языками. Таким образом, в тексте данной конституции важное значение придается не только государственному языку Марокко, но и иным, востребованным иностранным языкам (ст. 5). Аналогичная норма встречается только в Конституции Туниса.

В исследованных конституциях выявлены корреляции языка с элементами правового статуса личности. В частности, в ст. 53 Конституции Египта и ст. 2 Конституции Мали язык легализован в контексте принципа недискриминации граждан по различным признакам.

Распространено сопряжение языка с субъективными правами. Так, в Конституции Алжира выявлено сопряжение языка с политическим правом на объединение граждан в рамках политических партий с установлением запрета их создания на языковой основе (ст. 42). Аналогичная норма имеется в Конституции Сенегала (ст. 3).

Согласно Конституции Бенина, все сообщества, составляющие Бенинскую нацию, обладают свободой говорить и писать на своих языках (ст. 11). В данной же статье государству адресована обязанность продвигать развитие национальных языков для осуществления интеркоммуникации.

В Бенине распространение информации об определенных субъективных правах связывают именно с национальными языками. Так, на основании ст. 40 Конституции, государство должно равным образом через национальные языки и посредством всех средств массовой коммуникации проводить инструктаж о легализованных правах человека, включая права человека в программы по борьбе с неграмотностью и образовательные программы различных школьных и университетских циклов, а также в программы по подготовке Вооруженных сил, Служб общественной безопасности и Военнослужащих, приравненных к служащим боевых частей. Таким образом, несмотря на то, что в государстве определен официальный язык, распространение важной информации все-таки связывается с национальными языками.

В Конго каждого задержанного должны незамедлительно проинформировать о причинах его задержания и зачитать обвинение, кото-

рое было выдвинуто против него на языке, который он понимает (ст. 18).

В Конституции Алжира арабский язык в качестве государственного и официального языка выступает объектом, который запрещено нарушать в ходе вносимых в Конституцию изменений (ст. 178.1).

Официальные языки подлежат легализации в связи с различными формами государственной деятельности. В соответствии с ч. 3 ст. 31 Конституции Камеруна, официальная Парламентская газета публикует принятые законы на французском и английском языках.

Согласно ст. 142 Конституции Правительство обеспечивает распространение принятых законов на французском языке и на каждом из четырех национальных языках в шестидесятидневный срок с момента промульгации.

В ст. 41 Конституции Либерии отмечается, что делопроизводство законодательных ветвей власти должно вестись на английском языке или при наличии соответствующей подготовки на одном из языков республики при наличии соответствующего решения законодательной власти.

В заключении исследования отметим, что в конституциях африканских стран более распространенными легализованными формулировками являются «официальный язык» и «национальный язык» по сравнению с упоминанием государственного языка. При этом государственные гарантии также преимущественно сопоставлены с двумя первыми разновидностями. Полагаем, это связано со спецификой истории, традициями проживающего на территории стран Африки населения.

Выявленные нормы расположены преимущественно в главах, определяющих устройство государства, его основные принципы; права, свободы и обязанности личности. На наш взгляд, такая локализация норм о языке подчеркивает их объединяющую роль для личности, общества и государства.

В наименьшем количестве установлено сопряжение норм о языке с государственной деятельностью, в частности только с законотворческой формой. В единичном варианте знание языка определено в качестве ценза для кандидата в президенты. Как видим, в группе заявленных государств конституционного распространения нормы о языке в судопроизводстве не получили.

Библиография:

1. Батышкина М.В. Государственные языки республик: к вопросу о моделировании статуса, функциональной роли и ситуациях употребления // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3. № 3. С. 113-128.
2. Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 8-20.
3. Жидикин А.А. Правовой статус государственных языков в зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2017. Т. 12. № 17. С. 112-135.
4. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Государственные языки в конституциях республик в составе Российской Федерации: статусно-аксиологические сопряжения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 210-212.
5. Нерознак В.П. Законы о языках народов РФ и программирование языкового развития // Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара (Элиста, 10-16 мая 1999 г.). Элиста, 2000. С. 194.
6. Новикова А.Е. Конституционная формализация государственного языка в странах СНГ // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 132-135.
7. Новикова А.Е. Легализация официального языка: советский вариант // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48. № 3. С. 558-568.
8. Петербургский М.Ю. Государственный язык, официальный язык и язык меньшинства: теоретико-правовые проблемы дефиниций и регулирования статуса в многонациональном государстве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 5. С. 203-229.

References:

1. Batyushkina M.V. State languages of the republics: on the issue of modeling the status, functional role and usage situations // Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates. 2017. Vol. 3. No. 3. pp. 113-128.
2. Dorovskikh E.M. On the issue of distinguishing the concepts of "state language" and "official language" // Journal of Russian Law. 2007. No. 12. pp. 8-20.
3. Zhidikin A.A. The legal status of state languages in foreign countries: a comparative legal study // Yearbook of Russian educational legislation. 2017. Vol. 12. No. 17. pp. 112-135.
4. Markheim M.V., Novikova A.E. State languages in the constitutions of republics within the Russian Federation: status-axiological conjugations // Law and the State: theory and practice. 2023. No. 5 (221). pp. 210-212.
5. Neroznak V.P. Laws on the languages of the peoples of the Russian Federation and programming of language development // Languages of the peoples of Russia: development prospects. Materials of the international seminar (Elista, May 10-16, 1999). Elista, 2000. p. 194.
6. Novikova A.E. Constitutional formalization of the state language in the CIS countries // Law and the state: theory and practice. 2023. No. 10 (226). pp. 132-135.
7. Novikova A.E. Legalization of the official language: the Soviet version // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2023. Vol. 48. No. 3. pp. 558-568.
8. Peterburgskiy M.Y. State language, official language and minority language: theoretical and legal problems of definitions and regulation of status in a multinational state // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 15. No. 5. pp. 203-229.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_214

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ
ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ,
РАССМАТРИВАЕМЫМ В ПОРЯДКЕ АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**
**Problematic issues of protecting the interests of the Prosecutor's office in cases
of recovery of court costs considered in the course of arbitration proceedings**

МИРОШНИЧЕНКО Мария Николаевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности

Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук.

Комсомольская ул., 21, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620137, Россия.

E-mail: mips81@mail.ru;

MIROSHNICHENKO Maria Nikolaevna,

Associate Professor of the Department of Prosecutorial Activity

Ural State Law University, PhD in Law.

Komsomolskaya str., 21, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620137, Russia.

E-mail: mips81@mail.ru

***Краткая аннотация.** В статье рассматриваются проблемные вопросы защиты интересов органов прокуратуры по делам о взыскании судебных расходов, рассматриваемым в порядке арбитражного судопроизводства. Автором приводятся примеры различно складывающейся судебной практики в части определения органа, с которого подлежат взысканию судебные расходы. В статье освещаются вопросы обоснования позиции представителя органов прокуратуры по данным делам.*

***Abstract.** The article deals with problematic issues of protecting the interests of the prosecutor's office in cases of recovery of court costs considered in the course of arbitration proceedings. The author provides examples of different court practice in terms of determining the body from which court costs are to be recovered. The article highlights the issues of substantiating the position of a representative of the prosecutor's office in these cases.*

***Ключевые слова:** прокурор, представительство и защита интересов прокуратуры, суд, судебные расходы, арбитражные суды.*

***Keywords:** prosecutor, representation and protection of the interests of the prosecutor's office, court, court costs, arbitration courts.*

***Для цитирования:** Мирошниченко М.Н. Проблемные вопросы защиты интересов органов прокуратуры по делам о взыскании судебных расходов, рассматриваемым в порядке арбитражного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 214-216. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_214.*

***For citation:** Miroshnichenko M.N. Problematic issues of protecting the interests of the Prosecutor's office in cases of recovery of court costs considered in the course of arbitration proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 214-216. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_214.*

Статья поступила в редакцию: 03.02.2024

При удовлетворении арбитражными судами заявленных требований об оспаривании действий (бездействия), решений органов прокуратуры и (или) их должностных лиц, актов прокурорского реагирования, а также при отказе судом в привлечении к административной ответственности по постановлению прокурора у органов прокуратуры возникает обязанность по возмещению судебных расходов на основании ст. 110 АПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 110 АПК РФ судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. В случае, если иск удовлетворен частично, судебные расходы относятся на лиц, участвующих в деле, пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований.

Судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела (ст. 101 АПК РФ).

Участие органов прокуратуры по этим делам осуществляется в порядке, установленном приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2018 №144,¹ (далее – приказ Генерального прокурора РФ №144), установившим порядок организации работы прокуроров в данной сфере, задачи деятельности, основные обязанности прокуроров, участвующих в делах, и иные требования².

¹Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2018 №144 «Об организации работы по обеспечению представительства и защите интересов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в судах».

²См. также: Маматов М.В., Кремнева Е.В. Актуальные вопросы участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2018 г.) / редкол.: Л.В. Карнаушенко, И.В. Яблонский, Г.П. Курдюк. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018; Проблемы обеспечения представительства и защиты интересов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в судах: сб. материалов межвед. учебн.-метод. семинара (г. Екатеринбург. 25 апреля 2019 г.), под общ. ред. Охлопкова С.А., сост. Мирошниченко М.Н. и др. Прокуратура Свердловской области. г. Екатеринбург, 2019.

Представителю органов прокуратуры, участвующему в рассмотрении дела, необходимо представить суду письменный отзыв, в котором должен содержаться анализ доводов заявителя и представленных им в подтверждение заявленных требований доказательств понесенных судебных расходов. При этом необходимо учитывать, что перечень судебных издержек, связанных с рассмотрением дела, не является исчерпывающим. Вместе с тем суд вправе уменьшить размер судебных издержек, в том числе расходов на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер (ч. 2 ст. 110 АПК РФ).

Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» от 21.01.2016 № 1 разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги.

Соответственно, в отзыве на заявление представителю прокуратуры также необходимо указать, является ли размер заявленной ко взысканию суммы судебных издержек разумным или нет, дать оценку представленным в дело доказательствам в этой части¹.

Анализ судебных актов арбитражных судов Российской Федерации показывает, что практика рассмотрения арбитражными судами дел о взыскании судебных расходов в части определения органа, с которого подлежат взысканию судебные расходы, складывается не всегда однозначно.

К примеру, ООО «САНТОРИН» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с иском о взыскании более 137 тыс. рублей убытков в виде расходов на оплату услуг представителя, понесенных в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении. Решением Арбитражного суда г. Москвы от 09.07.2020 с Российской Федерации в лице Генеральной прокуратуры Российской Федерации в пользу общества взысканы расходы в размере 127 тыс. рублей, а также расходы по государственной пошлине в размере 5 тыс. рублей, в удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Из материалов дела следует, что постановлением Ленинского районного суда г. Оренбурга по делу об административном правонарушении ООО «САНТОРИН» признано виновным в совершении административного правонарушения по ч. 4 ст. 14.1.1 КоАП РФ. Решением Оренбургского областного суда постановление Ленинского районного суда г. Оренбурга по жалобе общества отменено, дело направлено на новое рассмотрение. При новом рассмотрении дела Ленинским районным судом г. Оренбурга вынесено постановление о прекращении производства по делу в отношении ООО «САНТОРИН» по ч. 3 ст. 14.1.1 КоАП РФ в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности. При этом суд указал об отсутствии в действиях истца состава правонарушения.

Удовлетворяя частично иски требования, суд первой инстанции пришел к выводу, что расходы истца на оплату юридических услуг, произведенные для восстановления нарушенного права, относятся к реальному ущербу и возмещаются в составе убытков по требованию лица, право которого нарушено, при этом понесенные истцом расходы находятся в прямой причинно-следственной связи с действиями сотрудника Генеральной прокуратуры Российской Федерации, поскольку убытки в виде расходов образовались в результате неправомерного инициирования административным органом вопроса о привлечении общества к административной ответственности. Постановлениями Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.10.2020 и Арбитражного суда Московского округа решение суда первой инстанции по данному делу оставлено без изменения (дело № А40-117707/19-111-935).

Вместе с тем имеется и иная практика по делам о взыскании судебных расходов, рассмотренных в порядке арбитражного судопроизводства. Так, ООО «ГАЗЭКС» обратилось в Арбитражный суд Свердловской области с заявлением к исполняющему обязанности прокурора города Первоуральска о признании недействительным представления. По результатам рассмотрения дела суд пришел к выводу, что оспариваемое представление не соответствует закону и нарушает права и законные интересы ООО «ГАЗЭКС». Фактов нарушения обществом «ГАЗЭКС» требований законодательства о защите конкуренции, а также об оказании услуг по газоснабжению не выявлено. При таких обстоятельствах решением суда от 17.04.2019 заявленное требование удовлетворено, представление признано недействительным, с прокуратуры в пользу общества взыскано 3 тыс. рублей в возмещение расходов по оплате государственной пошлины. Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.07.2019 данное решение оставлено без изменения. Вместе с тем состоявшиеся судебные постановления по данному делу обжалованы прокуратурой Свердловской области в суд кассационной инстанции, ссылаясь на неправильное применение судами норм материального и процессуального права, несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Прокуратурой также указано, что судом неправомерно судебные расходы взысканы с прокуратуры Свердловской области, а не с Министерства финансов Российской Федерации, которое исполняет судебные акты по искам Российской Федерации, в том числе по судебным актам о взыскании денежных средств за счет казны Российской Федерации. Суд кассационной инстанции согласился с прокурором и отменил судебные постановления в части распределения судебных расходов. Постановлением от 29.10.2019 суд взыскал с Российской Федерации в лице Министерства финансов Российской Федерации за счет средств казны Российской Федерации в пользу ООО «ГАЗЭКС» расходы по уплате государственной пошлины в сумме 3 тыс. рублей. При этом суд указал, что согласно правовой позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, выраженной в пункте 15 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе», если по результатам рассмотрения арбитражным судом заявления прокурора принято решение об отказе в удовлетворении требований прокурора, судебные расходы стороны, в пользу которой принят судебный акт, подлежат возмещению за счет казны Российской Федерации. По мнению суда, правовая позиция по единообразному применению норм процессуального права по распределению судебных расходов в делах с участием прокурора однозначно сформулирована в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.05.2013 № 16618/12, и, применительно к разъяснениям, содержащимся в пункте 15

¹ См. также: Мирошниченко М.Н. Особенности доказывания по гражданским, административным и арбитражным делам, в которых осуществляется представительство и защита интересов органов прокуратуры // Законность. 2023. № 7.

вышеуказанного Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15, с учетом сложившейся на момент принятия обжалуемых судебных актов правовой позиции в арбитражной судебной практике по вопросам распределения судебных расходов в делах с участием органов прокуратуры (Определения Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2018 № 307-ФД17-4538, от 06.03.2017 по делу № 308-ЭС16-15247, от 07.12.2016 №309-АД16-12285 и другие).

Имеется и еще судебная практика последних лет аналогичного содержания о взыскании судебных расходов по делам данной категории, где ответчиком является прокуратура, с Министерством финансов Российской Федерации.

К примеру, постановлением Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29.09.2023 оставлено без изменения определение Арбитражного суда Ярославской области от 27.05.2023 и постановление арбитражного апелляционного суда от 24.07.2023 по делу по заявлению ООО «Информационная система» о признании недействительным постановления заместителя Ростовского межрайонного прокурора об устранении нарушений федерального законодательства (дело № А82-20159/2022). В ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции общество заявило об отказе от требования (в связи с отзывом представления) и о взыскании с Российской Федерации в лице Министерства финансов Российской Федерации за счет казны Российской Федерации 10 тыс. рублей судебных расходов на оплату услуг представителя. Определением суда первой инстанции производство по делу прекращено, с Российской Федерации в лице Министерства финансов Российской Федерации за счет казны Российской Федерации в пользу общества взыскано 3 тыс. рублей в возмещение расходов на оплату госпошлины и 10 тыс. рублей на оплату юридических услуг. Разрешая вопрос о судебных расходах, суды руководствовались положениями главы 9 АПК РФ, Бюджетным кодексом РФ, Налоговым кодексом РФ, разъяснениями, приведенными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.05.2019 №13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» и от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», в постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» и от 11.07.2014 № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах». Не согласившись с решением суда первой инстанции, Министерство финансов Российской Федерации обжаловало решение в суды апелляционной и кассационной инстанций, которыми оно оставлено без изменения. При этом арбитражный суд кассационной инстанции указал на соответствие указанных выводов правовой позиции, изложенной Верховным Судом Российской Федерации в определениях от 02.09.2020 № 307-ЭС20-10080, от 09.08.2021 № 306-ЭС21-13163.

Приведенная правоприменительная практика взыскания судебных расходов по арбитражным делам, свидетельствует не только об отсутствии единообразного подхода в арбитражных судах к вопросу об определении органа, с которого должны быть взысканы судебные расходы, но и в целом формировании практики взыскания судебных расходов по этим делам с Российской Федерации в лице Министерства финансов Российской Федерации за счет средств казны Российской Федерации. Вместе с тем такой подход отличается от позиции судов общей юрисдикции, в частности, по гражданским и административным делам, где судебные расходы взыскиваются с органов прокуратуры (Генеральной прокуратуры Российской Федерации как главного распорядителя бюджетных средств по ведомственной принадлежности по гражданским делам, а также прокуратур субъектов Российской Федерации – по административным делам). Изложенное свидетельствует о том, что в настоящее время имеется необходимость определения единой позиции судов общей юрисдикции и арбитражных судов в отношении лица (органа), с которого подлежат взысканию судебные расходы. Представляется, что данный вопрос должен быть разъяснен в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В то же время особенности складывающейся судебной практики должны учитываться представителями органов прокуратуры, участвующими в рассмотрении дел данной категории, в целях обеспечения качественного представительства и защиты интересов органов прокуратуры.

Библиография:

1. Маматов М.В., Кремнева Е.В. Актуальные вопросы участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе// Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2018 г.)/ редкол.: Л.В. Карнаушенко, И.В. Яблонский, Г.П. Курдюк. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018;
2. Мирошниченко М.Н. Особенности доказывания по гражданским, административным и арбитражным делам, в которых осуществляется представительство и защита интересов органов прокуратуры// Законность. 2023. № 7.
3. Проблемы обеспечения представительства и защиты интересов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в судах: сб. материалов межвед. учебн.-метод. семинара (г. Екатеринбург. 25 апреля 2019 г.), под общ. ред. Охлопкова С.А., сост. Мирошниченко М.Н. и др. Прокуратура Свердловской области. г. Екатеринбург, 2019.

References:

1. Mamatov M.V., Kremneva E.V. Topical issues of the prosecutor's participation in civil, arbitration and administrative proceedings// Law and Government: problems of methodology, theory and history: materials of the International Scientific and Practical Conference (May 10, 2018)/ editors: L.V. Karnauschenko, I.V. Yablonsky, G.P. Kurdyuk. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018;
2. Miroshnichenko M.N. Features of evidence in civil, administrative and arbitration cases in which representation and protection of interests of the prosecutor's office are carried out// Legality. 2023. No 7.
3. Problems of ensuring representation and protection of interests of bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in courts: collection of materials of the inter-ved. educational.- the method. the seminar (Yekaterinburg. April 25, 2019), under the general ed. Okhlopokova S.A., comp. Miroshnichenko M.N. et al. The Prosecutor's Office of the Sverdlovsk region. Yekaterinburg, 2019.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ Problems of formation of land plots

ГЛУШКО Ольга Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».

ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.

E-mail: angelkolieva@mail.ru;

GLUSHKO Olga Alexandrovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

Kalinin str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.

E-mail: angelkolieva@mail.ru

Краткая аннотация: в представленной к исследованию статье раскрываются основные проблемы, связанные с образованием земельных участков. Также в статье раскрываются процедуры постановки на учет вновь образуемых земельных участков.

Abstract: the article presented for the study reveals the main problems associated with the formation of land plots. The article also reveals the procedures for registering newly formed land plots.

Ключевые слова: земельный участок, земля, образование, государственные муниципальные земли, перераспределение.

Key words: land plot, land, education, state municipal lands, redistribution.

Для цитирования: Глушко О.А. Проблемы образования земельных участков // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 217-218. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_217.

For citation: Glushko O.A. Problems of formation of land plots // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 217-218. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_217.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024

Сейчас, процесс создания земельных участков основывается на законодательных и нормативных документах, которые регулируют кадастровую деятельность в России. Основным источником кадастровых данных о недвижимости и правах на нее является информационный ресурс ЕГРН. Земельный кодекс РФ устанавливает понятие образования земельного участка и процедуры, которые необходимы для этого, такие как раздел, выдел, объединение, перераспределение и образование участков из государственной или муниципальной земли.

Кроме упомянутых законов и нормативных документов, в России также действует Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", который устанавливает правила, обеспечивающие защиту здоровья населения от негативного воздействия окружающей среды, включая земельные участки. Также важно учитывать местные законы и регламенты, которые могут дополнительно регулировать процесс образования земельных участков. Например, в некоторых регионах России введены ограничения на строительство на землях сельскохозяйственного назначения. Также следует учитывать экологические и геологические особенности территорий, которые могут влиять на возможность использования земельного участка для определенных целей и требовать дополнительных мер защиты окружающей среды.

Согласно Земельному кодексу Российской Федерации, возможность создания земельных участков из государственной или муниципальной собственности предусмотрена на основании проекта межевания территории, проектной документации лесных участков и схемы расположения земельного участка на кадастровом плане территории. Проект межевания территории необходим для определения местоположения границ земельных участков и установления, изменения или отмены красных линий для застроенных территорий, где нет планов размещения новых объектов капитального строительства. Кроме того, проект межевания может применяться для изменения границ территории общего пользования только в случае, если это

Также заявителю выдается свидетельство о праве на земельный участок.

В заключение следует отметить, что образование земельных участков из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, регулируется достаточно жесткими правилами и процедурами, помимо действующего законодательства [1]. Это необходимо для того, чтобы обеспечить справедливое использование таких земель и защитить интересы государства и общества.

Для формирования земельного участка из земель государственной и муниципальной собственности необходимо применять определенную методику проведения кадастровых работ, основанную на разработке СРЗУ на КПТ и межевого плана. С учетом современных законодательных требований, можно выделить четыре этапа выполнения работ: подготовительный этап, полевой этап, первая часть камерального этапа и вторая часть камерального этапа [2].

На подготовительном этапе проведения кадастровых работ устанавливается основание для их проведения, которым может быть заключение договора на выполнение работ или определение суда. Кадастровый инженер несет ответственность за отказ от проведения работ в случае предоставления заказчиком недостоверных или несоответствующих требованиям законодательства РФ документов, а также в случае отсутствия доступа на объект работ или необходимой информации и документов со стороны заказчика.

Кадастровый инженер использует картографические данные для определения местоположения объекта и границ участка. Заказывает сведения о съемочных пунктах и данных из ЕГРН. При полевой работе определяется состояние знаков пунктов, границ и площадь землепользования,

способ прохождения границы и наличие объектов. Полученные данные используются для изменения кадастрового учета и регистрации прав.

Кадастровые работы включают определение координат границ земельного участка и контура здания. Для этого применяются разные методы. Кадастровый инженер также рассчитывает площадь земельного участка с использованием специального программного обеспечения. Камеральный этап включает подготовку СРЗУ на КПП и формирование электронной версии после утверждения органом власти.

Земельный участок из государственной и муниципальной собственности образуется в два этапа: подготовка Сводного Реестра Земельных Участков на Кадастровый План Территории и формирование межевого плана. ЕГРН, объединяющий кадастр недвижимости и реестр прав на нее, был введен в 2017 году. Предоставление документов для государственного кадастрового учета недвижимости и регистрации прав на нее может быть выполнено лично, по почте, через многофункциональный центр или электронно с использованием электронной подписи. Для бумажных документов на КПП необходимо представить электронный носитель с межевым планом, техническим планом, картой-планом территории и актом обследования.

Кроме того, важно отметить, что вторая часть камерального этапа образования земельного участка может быть выполнена только после получения постановления о правомерности расположения земельного участка. Это означает, что первая задача является необходимым условием для начала последующих задач.

Также следует учитывать, что для регистрации прав на земельный участок, помимо выполнения камерального этапа, необходимо представить дополнительные документы, такие как договор купли-продажи или договор аренды земельного участка.

Наконец, стоит отметить, что процесс образования земельного участка может быть довольно сложным и требует специальной подготовки и знаний. Поэтому рекомендуется обратиться к квалифицированным специалистам в области кадастровой деятельности, которые могут оказать помощь в выполнении всех необходимых процедур [3].

Для подготовки земельного участка выполняются две задачи: подготовка СРЗУ на КПП и межевой план. Требования к подготовке СРЗУ на КПП определены в Земельном кодексе РФ и приказе Министерства экономического развития РФ от 27 ноября 2014 года. В СРЗУ на КПП указываются данные о земельном участке и сведения об утверждении. Электронная версия СРЗУ на КПП создается в формате XML с усиленной электронной цифровой подписью уполномоченного лица. Графическая информация создается в формате PDF с разрешением не менее 300 dpi и полноцветном режиме. Для предоставления документов заявитель может выбрать способ подачи, включая электронный вид с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи.

Кроме того, важно отметить, что подготовка межевого плана является обязательным этапом в процессе образования земельного участка и осуществляется кадастровым инженером на основе СРЗУ на КПП. Межевой план должен содержать информацию о границах земельного участка, координатах его углов, а также о расположении объектов, находящихся на нем.

После подготовки межевого плана заявитель может подать документы для государственной регистрации прав на земельный участок и недвижимое имущество в уполномоченный орган регистрации. В случае положительного результата регистрации прав на земельный участок заявителю будет выдана выписка из ЕГРН, которая будет содержать информацию о зарегистрированных правах на недвижимое имущество.

Чтобы создать межевой план по образованию земельного участка из земель государственной и муниципальной собственности, необходимо внести новые сведения в ЕГРН. Межевой план состоит из текстовой и графической частей, которые подготавливаются в специальном программном обеспечении.

Межевой план создается в электронном виде в формате XML и заверяется усиленной электронной цифровой подписью кадастрового инженера.

Образование земельных участков из земель государственной или муниципальной собственности имеет особенности, приоритет перед общими нормами. Органы местного самоуправления не могут распоряжаться такими участками, которые были ранее образованы и предоставлены частным или иным лицам. Существует система государственного кадастрового учета земельных участков и объектов недвижимости.

Кроме того, важно учитывать, что при образовании земельных участков из земель государственной или муниципальной собственности, необходимо соблюдать требования законодательства, направленного на охрану окружающей среды и природных ресурсов. Разработка более эффективных методов использования земельных ресурсов, например, использование технологий, которые позволяют использовать землю более эффективно, или введение мер, которые обязывают собственников земли использовать ее по назначению.

Однако, в случае распоряжения ранее образованными участками, указанными в части 1 статьи 11.3 ЗК РФ, с целью преобразования или образования новых земельных участков, решение принимается правообладателями по соглашению или в судебном порядке, а органы местного самоуправления не имеют права на распоряжение этими участками.

Библиография:

1. Колиева А. Э., Мустафина С. А. О сущности судебного контроля над исполнением административных взысканий // Актуальные вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. АНО "Научно-исследовательский институт истории, экономики и права. 2014. — С. 81-84.
2. Толкачева, А. Ю. Постановка земельных участков на государственный кадастровый учет на основании проекта межевания территории / А. Ю. Толкачева. — Текст : непосредственный // Исследования молодых ученых : материалы X Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2020 г.). — Казань : Молодой ученый, 2020. — С. 56-58.
3. Белоконов А. В., Лигай В. О. Понятие, содержание и сущность государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. N 3 (38). С. 127.

References:

1. Koliyeva A. E., Mustafina S. A. On the essence of judicial control over the execution of administrative penalties // Topical issues of criminal law, process and criminalistics. ANO "Scientific Research Institute of History, Economics and Law. 2014. — pp. 81-84.
2. Tolkacheva, A. Yu. Setting up land plots for state cadastral registration on the basis of a land surveying project / A. Yu. Tolkacheva. — Text : direct // Research of young scientists : materials of the X International Scientific Conference (Kazan, May 2020). — Kazan : Young Scientist, 2020. — pp. 56-58.
3. Belokonov A.V., Ligai V. O. The concept, content and essence of state registration of rights to immovable property // Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary. 2015. N 3 (38). p. 127.

ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США И ЕС Approaches to the development of regulation of artificial intelligence technology in the UK, USA and the EU

КОНЯКИН Михаил Николаевич,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Российская Федерация.
E-mail: mikhail-konyakin@ya.ru;

Konyakhin Mikhail Nikolaevich,

Postgraduate Student, Department of Information Law and Digital Technologies,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian;
E-mail: mikhail-konyakin@ya.ru

Краткая аннотация. Уже сейчас понятно, что преобразующий потенциал технологии искусственного интеллекта огромен. Во многих отношениях искусственный интеллект приносит колоссальные социальные и экономические выгоды по всему миру, от улучшения медицинского обслуживания до повышения безопасности и оптимизации производства. Недавние достижения в таких областях, как генеративный искусственный интеллект, дают представление о возможностях, которые ожидаются в ближайшем будущем. Многие страны стремятся быть лидерами в отрасли. Поддержка искусственного интеллекта дает дополнительные возможности по сохранению жизни и здоровья людей, обеспечивает эффективную деятельность правоохранительной системы и вооруженных сил, транспортной отрасли, научным исследованиям. Искусственный интеллект является одной из технологий завтрашнего дня. Правительствами обеспечивается курс на ее быстрый рост, в том числе создавая необходимое регулирование и надлежащие условия, позволяющие использовать преимущества искусственного интеллекта и оставаться на переднем крае технологических разработок. Принятие необходимой правовой базы позволяет обеспечивать процветание инновациям и устранять риски использования искусственного интеллекта.

Abstract. It is already clear that the transformative potential of artificial intelligence technology is huge. In many ways, artificial intelligence brings tremendous social and economic benefits around the world, from improving medical care to improving safety and optimizing production. Recent advances in fields such as generative artificial intelligence provide insight into the opportunities that are expected in the near future. Many countries strive to be leaders in the industry. Artificial intelligence support provides additional opportunities to preserve human life and health, ensures the effective operation of the law enforcement system and the armed forces, the transport industry, and scientific research. Artificial intelligence is one of the technologies of tomorrow. Governments are committed to its rapid growth, including by creating the necessary regulation and appropriate conditions to take advantage of artificial intelligence and remain at the forefront of technological developments. The adoption of the necessary legal framework allows innovation to flourish and eliminate the risks of using artificial intelligence.

Ключевые слова: искусственный интеллект, регулирование искусственного интеллекта, развитие искусственного интеллекта, риски искусственного интеллекта, регуляторные песочницы, экспериментальный правовой режим.

Keywords: artificial intelligence, regulation of artificial intelligence, development of artificial intelligence, risks of artificial intelligence, regulatory sandboxes, experimental legal regime.

Для цитирования: Конякин М.Н. Подходы к развитию регулирования технологии искусственного интеллекта в Великобритании, США и ЕС // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 219-222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_219.

For citation: Konyakhin M.N. Approaches to the development of regulation of artificial intelligence technology in the UK, USA and the EU // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 219-222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_219.

Статья поступила в редакцию: 30.05.2024

Введение

Актуальность. В современном мире технологии развиваются семимильными шагами, и одним из самых обсуждаемых тем в последнее время стал искусственный интеллект. В различных странах правовое регулирование использования искусственного интеллекта вызывает интерес как среди специалистов в области технологий, так и среди законодателей. Зарубежные страны активно работают над разработкой законов и нормативных актов, которые регулируют применение технологии. Одним из основных аспектов в этой области является стимулирование развития технологий и защита прав и интересов граждан. Развитие правового регулирования искусственного интеллекта за рубежом предполагает создание специальных нормативных актов, которые определяют правила применения искусственного интеллекта в различных сферах деятельности.

Одним из ключевых моментов в развитии правового регулирования искусственного интеллекта за рубежом является стимулирование инноваций в этой области. Некоторые страны создают специальные программы и фонды для финансирования проектов, связанных с разработкой и применением искусственного интеллекта. Таким образом, государственная поддержка способствует повышению конкурентоспособности и развитию технологического потенциала страны.

Изученность проблемы.

Вопросы регулирования технологии искусственного интеллекта за рубежом отражены в трудах А.А. Васильева и Ж.И. Ибрагимова[1], С.Ю. Кашкина [2], А.Ю. Марченко [3]. Исследования, посвященные общим вопросам права в области разработки и применения искусственного интеллекта, проводились учеными А. Дюфло, Егоровой, А.В. Минбалеевым, Д.В. Пономаревой, Т.А. Поляковой, А.В. Минбалеева, В.Б. Наумовым, Н.В. Кротковой [4-11]. Также можно выделить работы иностранных авторов по данной тематике [12; 13].

В тоже время анализ формирующейся системы правового регулирования стимулирования развития искусственного интеллекта с учетом последних изменений не проводился.

Целесообразность разработки темы исследования.

Достижение цели исследования может способствовать формированию комплексного правового регулирования, выработке новых правовых механизмов направлений использования технологии, безопасности его разработки. Советующий опыт потенциально применим к совершенствованию отечественной нормативной правовой базы, регулирующей отрасль.

Новизна работы заключается раскрытии особенностей правового регулирования технологии искусственного интеллекта в Великобритании, США и ЕС, основополагающих взглядов на механизмы его развития. Анализ нормотворчества позволяет определить ключевые предложения по целенаправленному развитию законодательства Российской Федерации. Автором выделяются подходы стран к необходимости дальнейшего становления системы на основе стимулирования развития технологии, с учетом рисков.

Целью работы является исследование современного состояния регулирования технологии искусственного интеллекта за рубежом, поиск наиболее перспективного пути его совершенствования.

Достижение данной цели обусловило постановку и решение следующих **задач**: анализ и выявление в нормотворчестве Великобритании, США и ЕС особенностей регулирования технологии искусственный интеллект; исследование перспективных механизмов стимулирования развития технологии.

Методология исследования. В исследовании применяются общенаучные и специально-юридические методы, такие как формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, анализ, обобщение и систематизация.

Теоретическая значимость работы заключается в выделении на основе анализа правовых актов, определяющих общественные отношения в различных сферах, системы регулирования технологии искусственного интеллекта, выявлению приоритетных направлений и формированию эффективных подходов к раскрытию потенциала технологии. **Практическая значимость** работы предполагает, что результаты исследования могут быть учтены при совершенствовании отечественного регулирования в области развития технологии искусственного интеллекта.

Основная часть

Великобритания в марте 2023 года опубликовало программный документ «A pro-innovation approach to AI regulation»¹ (Проинновационный подход к регулированию искусственного интеллекта). В целом это правила развития технологий искусственный интеллект, которое предполагает необходимым его гибкое регулирование. Это объясняется тем, что введение жестких законодательных требований может затормозить инновации, в том числе по причине невозможности реагирования на изменения, связанные с развитием технологии.

Программа поддержки искусственного интеллекта основана на принципах безопасности, охраны, нечувствительности к отклонениям, прозрачности и объяснимости, справедливости, подотчетности и управления, ответственности.

При это взгляд на правовое обеспечение развития технологии состоит на предоставлении хозяйствующим субъектам стимула решать важные проблемы, одновременно снижая риск причинения вреда. Законодательство о безопасности продукции привело к росту инноваций в направлении создания более безопасных продуктов и услуг. В случае с искусственным интеллектом, пропорциональный подход к регулированию поможет укрепить общественное доверие и расширить внедрение искусственного интеллекта.

В этом отношении рассмотрим пример США, где принят закон о защите потребителей при использовании технологии в целях маркетинга. Данный закон устанавливает правила использования персональных данных при анализе поведения потребителей с помощью искусственного интеллекта.

Также следует знать о законопроекте под названием "Закон о безопасном искусственном интеллекте", который был представлен в Сенат США. Документ направлен на устранение уязвимостей, связанных с системами искусственного интеллекта². Он предлагает создать базу данных обо всех подтвержденных или выполненных случаях атак на ключевые системы искусственного интеллекта и создать в рамках АНБ «Центр безопасности» для проведения исследований безопасности систем искусственного интеллекта. Определяется уязвимость обучения искусственного интеллекта как слабое место в системе искусственного интеллекта, которое может быть использовано третьей стороной для незаконного нарушения конфиденциальности, целостности или доступности системы искусственного интеллекта. К ним относятся случаи «отравления» данных (негативного изменения в наборе данных модели), перехватывающие атаки (изменение поведения модели), атаки, основанные на конфиденциальности, и неправильное использование. Угрозы настолько сильно изменяют данные, изучаемые моделями искусственного интеллекта, что модель становится запутанной и неприменимой. Также рассматриваются инциденты с безопасностью искусственного интеллекта, которые могут нанести вред человеку или вывести информацию из модели.

Законопроект призывает Национальный институт стандартов и технологий и Агентство по кибербезопасности и инфраструктуре США создать национальную базу данных уязвимостей. Эта база данных будет служить общедоступным хранилищем всех уязвимостей в системе безопасности искусственного интеллекта. База данных должна позволять организациям частного сектора, группам гражданского общества и академическим исследователям сообщать о таких инцидентах, включать все подтвержденные или предполагаемые инциденты, связанные с искусственным интеллектом. Кроме того, требуется, чтобы события классифицировались таким образом, чтобы облегчить доступ к ним. Преду-

¹ A pro-innovation approach to AI regulation. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-regulation-a-pro-innovation-approach/white-paper> (дата обращения: 11.05.2024)
² The Secure Artificial Intelligence Act. URL: https://www.warner.senate.gov/public/_cache/files/5/d/5d8e0506-640c-44b2-bf9e-02f1e05d7517/1086da0659080d3b088def8979ceae38.secure-ai-full-text.pdf (date of access: 30.05.2024).

смачивается определение приоритетности инцидентов, связанных с моделями, используемыми в критически важных инфраструктурах, системах, критически важных для безопасности, и крупных коммерческих или правительственных организациях, а также инцидентов, которые могут оказать катастрофическое воздействие на людей или экономику. При этом следует отметить, что и США и Великобритания выступают за достаточно мягкое регулирование искусственного интеллекта [13].

13 марта 2024 года Европейским союзом принят первый в мире Закон об искусственном интеллекте¹ в котором предусмотрены меры по поддержке инноваций. Так, было установлено, что необходимо разработать принципы для элементов системы менеджмента качества, которым можно следовать упрощенно, с учетом потребностей предприятий, без ущерба для уровня защиты или необходимости соответствовать требованиям систем искусственного интеллекта высокого риска.

Требуется разработка конкретных руководящих принципов для облегчения выполнения обязательств поставщиков систем искусственного интеллекта высокого риска, размещенных на рынке. Планируется также поощрять разработку эталонов и методов измерения для соответствующих уровней точности и надежности и других показателей производительности для систем искусственного интеллекта высокого риска.

Для гармонизации развития определяется необходимость обмена опытом и передовой практикой между государственными органами в том числе создается механизм послепродажного мониторинга.

Особое внимание уделено необходимости распространения практики создания регулятивных «песочниц». Государства-члены ЕС должны обеспечить функционирование по крайней мере одного экспериментального правового режима регулирования искусственного интеллекта на национальном уровне в течение ближайших двух лет, в том числе посредством международного сотрудничества. Целью создания «песочниц» определяется обеспечение контролируемой среды, способствующей инновациям и облегчающую разработку, обучение, тестирование и внедрение инновационных систем в течение ограниченного времени перед их размещением на рынке или вводом в эксплуатацию. Такие нормативные песочницы могут включать контролируемое тестирование в реальных условиях.

Выводы

Анализ особенностей и механизмов регулирования технологии в Великобритании, США и ЕС показывает, что в последние годы происходит активное формирование системы правового регулирования искусственного интеллекта. При этом подходы стран к направлению развития нормативной правовой базы обеспечивающей стимулирование инноваций отличны. Если в случае с ЕС мы наблюдаем рискоориентированный подход, то в Великобритании и США скорее обозначается необходимость учета безопасного использования технологии, но в целом основной целью является преодоление имеющихся барьеров.

Во всех случаях обозначается важность совместных усилий государства (в случае Великобритании и ЕС, в том числе международного сотрудничества), бизнеса и общества в обеспечении устойчивого развития искусственного интеллекта.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что правовое регулирование искусственного интеллекта за рубежом играет важную роль в обеспечении безопасности и защиты прав граждан при использовании новых технологий. Стимулирование развития искусственного интеллекта и поддержка инноваций способствуют совершенствованию технологий и повышению уровня жизни населения, стабильности экономического роста.

Доверие является важнейшим фактором для внедрения искусственного интеллекта. Если люди не доверяют технологии, они будут неохотно ей пользоваться. Такое нежелание может снизить спрос на продукты с искусственным интеллектом и препятствовать инновациям. Поэтому необходима нормативная база эффективно устраняющая риски, связанные с искусственным интеллектом.

Следует осуществить дальнейшее исследования зарубежной правовой базы на выявления дополнительных подходов к нормативному обеспечению стимулирования развития технологии с учетом потенциальных рисков его применения.

Библиография:

1. Васильев А., Ибрагимов Ж. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в Европейском союзе // Российско-азиатский правовой журнал, 2019, № 1. С. 50-54.
2. Кашкин С. Ю. Искусственный интеллект и робототехника: возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в ЕС и мире // Lex Russica. 2019. №7. С. 151-159.
3. Марченко А.Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2022. 208 с.
4. Дюфло А., Егорова М.А., Минбалеев А.В., Пономарева Д.В. Тенденции правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации и во Французской Республике // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9. С. 223-229.
5. Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // Государство и право. 2022. № 11. С. 139-147.
6. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94-104.
7. Егорова М.А., Барабашев А.Г., Минбалеев А.В. Роль искусственного интеллекта в условиях пандемии // Юридический мир. 2020. № 5. С. 29-34.
8. Егорова М.А., Минбалеев А.В., Кожевина О.В., Дюфло А. Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250-262.
9. Минбалеев А.В. Понятие "искусственный интеллект" в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32. № 6. С. 1094-1099.
10. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158-171.
11. Минбалеев А. В. Проблемы цифрового права. Саратов : Амирит, 2022. 233 с.
12. Peit N., Cooman J. Models of Law and Regulation for AI. RSCAS 2020/63. Robert Schuman Centre for Advanced Studies. 2020.
13. Ли Яо Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta-v-velikobritanii-ssha-evropeyskom-soyuze-i-kitae> (дата обращения: 02.05.2024).

¹ Artificial Intelligence Act. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (accessed: 30.05.2024).

References:

1. Vasiliev A., Ibragimov Zh. Legal regulation of robotics and artificial intelligence in the European Union // Russian-Asian Law Journal, 2019, No. 1. pp. 50-54. URL: <http://journal.asu.ru/rajl/article/view/6454>. (date of access: 06/13/2021).
2. Kashkin S. Yu. Artificial intelligence and robotics: the possibility of invasion of human rights and legal regulation of these processes in the EU and the world // Lex Russica. 2019. No.7. pp. 151-159.
3. Marchenko A.Yu. Legal analysis of the latest EU legislation on the use of artificial intelligence technologies: dissertation. cand. Jurid. sciences'. 12.00.10. M., 2022. 208 p.
4. Duflo A., Egorova M.A., Minbaleev A.V., Ponomareva D.V. Trends in the legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation and in the French Republic // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2020. No. 9. pp. 223-229.
5. Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // State and Law. 2022. No. 11. pp. 139-147.
6. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. The main trends and problems of the development of the science of information law // State and law. 2022. No. 9. pp. 94-104.
7. Egorova M.A., Barabashev A.G., Minbaleev A.V. The role of artificial intelligence in a pandemic // Legal world. 2020. No. 5. pp. 29-34.
8. Egorova M.A., Minbaleev A.V., Kozhevina O.V., Duflo A. The main directions of legal regulation of the use of artificial intelligence in the conditions of a pandemic // Bulletin of the St. Petersburg University. Right. 2021. Vol. 12. No. 2. pp. 250-262.
9. Minbaleev A.V. The concept of "artificial intelligence" in law // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2022. Vol. 32. No. 6. pp. 1094-1099.
10. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Development of the doctrine of Russian information law in the conditions of transition to the data economy // State and law. 2023. No. 9. pp. 158-171.
11. Minbaleev A.V. Problems of digital law. Saratov : Amirit, 2022. 233 p.
12. Petit N., Cooman J. Models of Law and Regulation for AI. RSCAS 2020/63. Robert Schuman Centre for Advanced Studies. 2020.
13. Li Yao Regulatory and legal regulation of generative artificial intelligence in the UK, USA, European Union and China // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta-v-velikobritanii-ssha-evropeyskom-soyuze-ikitae> (date of application: 05/02/2024).

ВЫДЕЛЕНИЕ ИСКОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ THE ALLOCATION OF CLAIMS AS A KIND OF ABUSE OF LAW

ВАГИЗОВА Динара Талгатовна,

аспирант по специальности «Частноправовые (цивилистические) науки»
юридического факультета Университета управления «ТИСБИ».
ул. Муштари, 13, г. Казань, Республика Татарстан, 420012, Россия.
E-mail: onlian24@gmail.com;

Vagizova Dinara Talgatovna,

postgraduate student in the specialty «Private law (civil law) sciences»
of the Faculty of Law the University of Management «TISBI».
13 Mushtari str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420012, Russia.
E-mail: onlian24@gmail.com

Краткая аннотация. В данной статье приводится анализ права на выделение исковых требований с точки зрения возможности его квалификации как злоупотребление правом, предоставленное как участвующим в деле лицам, так и непосредственно суду; придерживаясь целей и задач эффективного правосудия, с учётом сложившейся судебной практики отмечаются вопросы квалификации и последствий выделения иска.

Abstract. In this article, based on the analysis of the right to allocate claims from the point of view of the possibility of its qualification as an abuse of the right granted both to the persons involved in the case and directly to the court; the issues of qualification and consequences of the allocation of a claim are noted taking into account the established judicial practice on the basis of the goals and objectives of effective justice.

Ключевые слова: выделение исковых требований, злоупотребление правом, дробление иска, судебные расходы, судебная нагрузка, обжалование, эффективное правосудие.

Keywords: allocation of claims, abuse of law, fragmentation of the claim, court costs, judicial burden, appeal, effective justice.

Для цитирования: Вагизова Д.Т. Выделение исковых требований как разновидность злоупотребления правом // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 223-225. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_223.

For citation: Vagizova D. T. The allocation of claims as a kind of abuse of law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 223-225. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_223.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

Злоупотребление правом, выражающееся в различных проявлениях, не имеет четко определенного субъектного состава: может исходить от любого участника процесса и быть направлено на любой объект, в том числе иное лицо. Один из вариантов злоупотребления правом – разъединение исковых требований в порядке ст. 130 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), или «дробление» иска, в результате которого происходит последовательное рассмотрение схожих требований к одному лицу в рамках разных судебных дел.

Наиболее «выгодным» такое поведение для истца происходит в ходе рассмотрения требований о взыскании периодических платежей. Разделение иска на несколько требований, имеющие небольшую сумму, позволяет рассматривать дело в порядке упрощённого производства, что значительно экономит временные и финансовые затраты представителей, учитывая отсутствие необходимости участия в судебных заседаниях.

Рассматривая искусственное разделение исковых требований как недобросовестное поведение истца, стоит отметить, что само по себе оно не является злоупотреблением права на иск, поскольку имеется материально-правовое основание подачи иска, направленного на защиту нарушенного, по мнению истца, права. Однако подача множества исков по отношению к одному ответчику способно отрицательно сказаться на его репутации, сформировав у потенциальных контрагентов негативное мнение; а также ухудшить финансовое положение при удовлетворении исковых требований, возложив на него несение судебных расходов при рассмотрении нескольких судебных дел.

Реализация права истца на судебную защиту в выбранной им, не противоречащей закону, форме и объеме, не должна происходить с нарушением интересов других участников процесса, должна соответствовать правовой природе цели обращения в суд.

Нередко целью подачи множества однородных исков является последующее взыскание судебных расходов за рассмотрение нескольких дел. Однако на сегодняшний суды значительно снижают размер взыскиваемых судебных расходов на оплату услуг представителя, если будет установлено, что заявитель является участником «серийных» дел.

В постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 17.01.2020 №Ф10-6371/2019 по делу №А14-28133/2018, указано, что принимается во внимание множественность аналогичных исков согласно сведениям информационной системы «Картотека арбитражных дел», заявленных истцом, являющимся профессиональным участником рынка по приобретению у потерпевших прав требований страхового возмещения [4]. Аналогичная позиция приводится в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 14.08.2018 №Ф06-35194/2018 по делу №А12-32364/2017 [6]. При рассмотрении вопроса о взыскании судебных расходов, учитывается, что дело не является по своей сути уникальным, а напротив носит массовый характер, поскольку в производстве суда рассматривается множество аналогичных исков с одинаковым предметом и

пакетом предоставляемых документов, в обосновании требований.

Суды призывают нижестоящие инстанции учитывать обстоятельство, имевшегося дробления одного требования на множество исковых заявлений, в результате которого требование о взыскании судебных расходов в заявленном размере может привести к нарушению баланса интересов сторон.

Для обеспечения должного баланса интересов сторон суд обязан пресекать недобросовестное процессуальное поведение, которое, применительно к конкретным установленным обстоятельствам, может выражаться в дроблении одного требования на множество исковых заявлений, с целью совокупного получения судебных расходов по нескольким делам в большем размере, чем это было бы возможно в рамках одного дела при рассмотрении того же имущественного требования без его дробления (статьи 110, 111 АПК РФ) [3].

При таких обстоятельствах в качестве злоупотребления процессуальным правом (ст.111, ч. 5 ст. 159 АПК РФ) допустима оценка судами требования о взыскании судебных расходов в рамках конкретного дела в той их части, взыскание которой обеспечивается дроблением одного требования на множество исковых заявлений. Другими словами, реагируя на злоупотребление, суд вправе оценивать разумность пределов взыскиваемых судебных расходов так, как если бы дробление исковых требований не осуществлялось.

Разделение требований не всегда происходит по инициативе и желанию истца. Ч.3 ст.130 АПК РФ наделяет суд правом выделения одного или нескольких соединенных требований в отдельное производство, если их раздельное рассмотрение послужит достижению целей эффективного правосудия. Ранее данная норма содержала требование о процессуальной целесообразности.

Под целью правосудия, как правило, понимается обеспечение справедливого, законного и обоснованного судебного разбирательства.

Задачами судопроизводства является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

На сегодняшний день предметом обсуждений является необходимость оптимизации судебной деятельности. Постоянно растущая нагрузка судов не должна сказываться на обеспечении своевременной и эффективной защиты нарушенных или оспариваемых прав. Сокращение трудовых и финансовых затрат, времени рассмотрения дела, не должно приводить к вынесению незаконных и необоснованных решений [9, С.121].

В арбитражных судах действует система автоматизированного распределения дел, которая вводится с целью обеспечения равномерной нагрузки судей в течение календарного года, а также исключения субъективного подхода в распределении дел [5]. Положения об автоматическом распределении дел вводится в каждом арбитражном суде, в котором определяются факторы, влияющие на автоматическое распределение дел.

В целом, установленные основания для автоматического распределения дел, сводятся к специализации судей (категория рассматриваемых дел) и данных об их персональной нагрузке: каждый из судей должен получить на рассмотрение за одинаковые периоды времени примерно одинаковое количество заявлений [8]. Персональная нагрузка судей определяется как сумма нагрузки по рассмотренным делам и распределенным, но нерассмотренным делам; в некоторых судах учитывается количество дел, которые поступили на рассмотрение судье, а также количество фактически отработанного времени [7].

В случае выделения требований в отдельное производство в порядке, предусмотренном ст. 130 АПК РФ, повторное распределение не производится, дело передается судье, выделившему это требование в отдельное дело. Системой автоматически пересчитывается нагрузка на судью с учетом таких дел как новое поступление.

Закон не даёт трактовку определения «эффективное правосудия», не устанавливает дополнительных критериев, позволяющих суду по собственной инициативе разделять иск на несколько требований. Едиличное решение судьи приводит к формированию новых дел, которые поступят в его производство, будет учтено при распределении нагрузки судебного состава.

То есть складывается ситуация, при которой один судья должен рассмотреть, к примеру, несколько разнородных исков, в котором фигурируют разные субъекты и требования, применяемые нормы и документы, обосновывающие позиции сторон; и в то же время судья, специализирующийся в той же категории, но выделивший «себе» такое же количество отдельных требований из одного иска, но с теми же сторонами и идентичным комплектом документов.

Возможность обжалования определения прямо предусмотрена в случае отказа в удовлетворении ходатайства о выделении требований (ч.7 ст.130 АПК РФ). Выделение требований само по себе не препятствует движению дела. Следовательно, обжалование определения о выделении требований действующим законодательством не предусмотрено.

Рассматривая возможность оспаривания такого определения, существует мнение об отсутствии в этом целесообразности, поскольку лицо, чье ходатайство о выделении удовлетворено, не имеет интереса в его обжаловании [2, С.870]. Однако авторами не раскрывается вопрос обжалования другими участвующими в деле лицами, которые не заявляли такое ходатайство. Возможно принять во внимание, тот факт, что истец самостоятельно формирует свои исковые требования и вправе самостоятельно определять как само его содержание, так и форму.

Однако выделение требований возможно не по ходатайству сторон, а по инициативе суда, который ссылается исключительно на довольно абстрактную и размытую формулировку «цель эффективного правосудия». Участники процесса тем самым не могут повлиять на судебную дискрецию.

Для устранения сомнений в целесообразности выделения требований в отдельное производство, устранения возможности рассмотрения в действиях суда признаком злоупотребления, судам следует ссылаться не только на общие фразы целей и задач эффективного правосудия.

дия, но и указывать конкретные обстоятельства дела, обосновывающие необходимость отдельного рассмотрения: большое количество материально-правовых требований, заявленных одновременно в одном иске; различный характер доказательств, подлежащих исследованию и т.д.

Библиография:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. №30 ст. 3012
2. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Уральский гос. юрид. ун-т ; под ред. д.ю.н., проф. В. В. Яркова. - 4-е изд., испр. и перераб. - Москва : Статут, 2020. - 1071 с.
3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.06.2017 №Ф04-1257/2017 по делу №А67-2675/20162 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
4. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.01.2020 №Ф10-6371/2019 по делу №А14-28133/2018 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
5. Постановление Президиума Арбитражного суда Республики Марий Эл № 35/13 от 2 апреля 2013 года «Об утверждении Положения об автоматизированном распределении дел в Арбитражном суде Республики Марий Эл» // Официальный сайт Арбитражного суда Республики Марий Эл
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.08.2018 №Ф06-35194/2018 по делу №А12-32364/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
7. Приказ Арбитражного суда Брянской области от 25 декабря 2018 г. № 213 «Об утверждении Регламента автоматизированного распределения дел в Арбитражном суде Брянской области» // Официальный сайт Арбитражного суда Брянской области
8. Приказ Арбитражного суда Республики Татарстан от 28 сентября 2015 г. №76 «Об утверждении Регламента работы автоматизированного распределения заявлений (исковых заявлений) и судебных дел с помощью модуля Автоматизированного распределения дел» // Официальный сайт Арбитражного суда Республики Татарстан
9. Решетникова И.В. Способы оптимизации арбитражного процесса // Пермский юридический альманах. 2020. №3. С. 120 – 123

References:

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 No.95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 29, 2002 No. 30, art. 3012
2. Commentary on the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (article by article) / Ural State Law. Univ. ; edited by D.yu.n., prof. V. V. Yarkov. - 4th ed., ispr. and overwork. - Moscow : Statute, 2020. - 1071 p.
3. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 06/02/2017 No. F04-1257/2017 in case No.A67-2675/20162 // ConsultantPlus Legal Reference System
4. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of 17.01.2020 No.F10-6371/2019 in case No. A14-28133/2018 // ConsultantPlus Legal Reference System
5. Resolution of the Presidium of the Arbitration Court of the Republic of Mari El No. 35/13 dated April 2, 2013 "On approval of the Regulation on the automated distribution of cases in the Arbitration Court of the Republic of Mari El" // Official website of the Arbitration Court of the Republic of Mari El
6. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 08/14/2018 No.F06-35194/2018 in case No.A12-32364/2017 // ConsultantPlus Legal Reference System
7. Order of the Arbitration Court of the Bryansk Region dated December 25, 2018 No. 213 "On approval of the Rules of automated distribution of cases in the Arbitration Court of the Bryansk region" // Official website of the Arbitration Court of the Bryansk region
8. Order of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated September 28, 2015 No. 76 "On approval of the Rules of Operation for automated distribution of applications (statements of claim) and court cases using the Automated distribution of Cases module" // Official website of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan
9. Reshetnikova I.V. Ways to optimize the arbitration process // Perm Law Almanac. 2020. No.3. pp. 120-123

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_226

УДК 347.77

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В БЕСПИЛОТНОМ ТРАНСПОРТЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN UNMANNED TRANSPORT IN THE RUSSIAN FEDERATION

ИСМАКОВ Евгений Владимирович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».
460018, Россия, Оренбургская обл., г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13.
E-mail: jenyaism@mail.ru;

Ismakov Evgeny Vladimirovich,
postgraduate student of the Department of Civil Law and Process
of the Faculty of Law Orenburg State University.
13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, 460018, Russia.
E-mail: jenyaism@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье на основе анализа действующего федерального и регионального законодательства, рассматриваются перспективы цифровой трансформации общественного транспорта, в том с помощью внедрения технологии искусственного интеллекта и беспилотного транспорта в Российской Федерации.

Abstract. Based on the analysis of current federal and regional legislation, this article examines the prospects for the digital transformation of public transport, including through the introduction of artificial intelligence technology and unmanned transport in the Russian Federation.

Ключевые слова: цифровая трансформация, искусственный интеллект, беспилотный транспорт, общественный транспорт, законодательство.

Keywords: digital transformation, artificial intelligence, unmanned vehicles, public transport, legislation.

Для цитирования: Исмаков Е.В. Перспективы внедрения цифровых технологий в беспилотном транспорте в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 226-228. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_226.

For citation: Ismakov E.V. Prospects for the introduction of digital technologies in unmanned transport in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 226-228. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_226.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

Цифровая трансформация различных отраслей народного хозяйства, экономики и деятельности органов исполнительной, законодательной власти, органов местного самоуправления стало в России и мире достаточно устойчивым трендом, который во многом определяет и развитие общественных отношений, коммуникации между людьми, а также между властью и гражданами, между властью и представителями предпринимательского сообщества.

Как отмечают различные авторы [1], цифровизация в настоящий момент развивается динамично, однако существует целый ряд сложностей во внедрении различных решений, в том числе определенное технологическое отставание в сфере указанных технологий, низкий уровень внедрения на текущий момент, а также не полная готовность нормативного правового регулирования.

Цифровизация как процесс и как общемировая технологическая тенденция играет крайне важную роль в развитии различных отраслей народного хозяйства в России [2]. это процесс внедрения цифровых технологий и инноваций в различные сферы деятельности, с целью улучшения качества жизни граждан, повышения эффективности работы организаций и развития экономики. В России цифровизация является одним из приоритетных направлений развития, определенных в стратегии «Цифровая экономика Российской Федерации»¹.

Основные направления развития цифровизации в России включают:

1. Развитие цифровой инфраструктуры, включая расширение доступа к высокоскоростному интернету, создание цифровых платформ и сервисов;
2. Цифровое образование и подготовка кадров для цифровой экономики, включая внедрение цифровых технологий в образовательный процесс и повышение квалификации специалистов;
3. Цифровизация государственного управления и предоставление государственных услуг онлайн, с целью повышения эффективности работы государственных органов и удобства для граждан;
4. Развитие цифровой экономики и цифровых технологий в промышленности, транспорте, здравоохранении, сельском хозяйстве и других отраслях экономики;
5. Кибербезопасность и защита информации, включая разработку механизмов защиты от киберугроз и кибератак.

Все указанные направления крайне важны и могут эффективно менять структуру экономики, а также содействовать общему росту благосостояния граждан, только в их совокупности. В процессах цифровой трансформации важны все компоненты: от инфраструктуры до глубокой перестройки процессов взаимодействия государства и граждан, государства и бизнеса, органов публичной власти внутри себя и между собой. Только перестройка процессов даст возможность свободному развитию новых проектов и внедрению новых технологий, таких как искусственный

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.02.2024)

интеллект и беспилотный транспорт.

В настоящее время развитием беспилотного транспорта и внедрением технологий искусственного интеллекта является достаточно важными и приоритетными задачами в рамках общих процессов цифровой трансформации в России. Так, в соответствии с Транспортной стратегией Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года к ключевым пилотным проектам в сфере внедрения технологий беспилотного транспорта в настоящее время относятся:

- опытная эксплуатация на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств, в том числе организация движения беспилотных и высокоавтоматизированных транспортных средств на автомобильной дороге общего пользования федерального значения М-11 «Нева»;

- внедрение технологий автономного судовождения;

- внедрение транспортных беспилотных авиационных систем и сервисов доставки грузов беспилотным воздушным транспортом¹.

На федеральном уровне принята методика расчета внедрения беспилотных технологий и решений. Так в соответствии с распоряжением Министерства транспорта РФ от 11 октября 2022 г. № ДБ-251-р утверждается методика расчета целевых показателей (индикаторов) подраздела «Транспорт и логистика» стратегий в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления субъектов Российской Федерации», которая включает в себя расчет следующих показателей проектов:

- Беспилотники для пассажиров и грузов;

- Зеленый цифровой коридор пассажира;

- Бесшовная грузовая логистика и ряд других².

Указанные показатели не входят в официально утвержденные показатели «цифровой зрелости», в рамках которых рейтинуются регионы, их главы, а также проводится общая оценка цифровой зрелости отрасли транспорта и логистики.

Расчет «цифровой зрелости» субъектов Российской Федерации в свою очередь проводится в рамках достижения уточненных национальных целей развития России, в которые входит цель «цифровой трансформации»³. В рамках достижения данных целей в сфере транспорта и логистики используется восемь показателей, однако все носят обязательный характер для органов федеральной власти и компаний-перевозчиков, как ОАО «РЖД». К данным показателям в части, касающейся развития технологий беспилотного транспорта, в том числе относятся:

- доля воздушных судов, выполняющих перевозки грузов, управляемых в беспилотном режиме (должен достигнуть 50% от всех к 2030 году);

- доля перевозок грузов высоко- или полностью автоматизированными транспортными средствами, управляемыми в беспилотном режиме (должен достигнуть 5% от всех к 2030 году);

- доля вновь вводимых и реконструируемых участков опорной сети автомобильных дорог, оснащенных инфраструктурой, обеспечивающей взаимодействие с высоко или полностью автоматизированными транспортными средствами, управляемыми в беспилотном режиме (должен достигнуть 5% от всех к 2030 году)⁴.

Несмотря на указанное на уровне субъектов Российской Федерации данные показатели масштабированы не в полной мере, внедрение искусственного интеллекта и технологий беспилотного транспорта происходит неравномерно.

Авторы исследований по теме цифровизации транспорта и внедрения беспилотных транспортных средств отмечают следующие ключевые проблемы по внедрению:

- отсутствие необходимой инфраструктуры не позволяет массово применять беспилотники. К ней относятся интеллектуальные центры в городах, точные и своевременно обновляющиеся карты, бортовые вычислительные комплексы, сеть для обмена информацией между участниками движения;

- уничтожение такой профессии, как водитель, несмотря на то, что подобное явление позволит сэкономить астрономические суммы, ставит на повестку дня следующий вопрос: «Что делать людям, освободившим рабочие места?», поскольку в России водитель - самая массовая профессия;

- отсутствие законодательной базы, что актуально и для стран Запада. Следует разработать порядок определения виновности и наказания участников ДТП, а это весьма не просто, учитывая, что первое время беспилотный транспорт будет тесно взаимодействовать с автомобилями, управляемыми людьми» [3].

С 2018 года в которой вышла указанная статья ситуация не сильно поменялась. С одной стороны, происходит довольно стремительное развитие искусственного интеллекта и его поддержки, который может стать базой для внедрения различного рода беспилотных машин, которые смогут самостоятельно «видеть» и анализировать обстановку на дороге, в небе, на воде. Так, в настоящее время действует федеральный проект «Искусственный интеллект», который включает 5 показателей, 19 результатов, обеспеченных бюджетным финансированием – 27,4 млрд.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. N 3363-р. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.02.2024)

² Распоряжение Министерства транспорта РФ от 11 октября 2022 г. N ДБ-251-р "Об утверждении Методики расчета целевых показателей (индикаторов) подраздела "Транспорт и логистика" стратегий в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления субъектов Российской Федерации" // Справочная правовая система «Гарант»

³ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года". URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.02.2024)

⁴ Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 18 ноября 2020 г. № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации "Цифровая трансформация" // Справочная правовая система «Гарант»

рублей и внебюджетным финансированием – 4,1 млрд руб.

Также разработана и утверждена Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, которая одной из приоритетных задач обозначает «использование автономного интеллектуального оборудования и робототехнических комплексов, интеллектуальных систем управления логистикой»¹, а в городе Москва действует экспериментальный режим по внедрению технологий искусственного интеллекта².

Несмотря на указанные усилия в России все еще достаточно слабо развиты указанные технологии, а также слабо развита нормативная база, как для внедрения искусственного интеллекта, так и для массового внедрения беспилотного транспорта. Так, например, на уровне субъектов Российской Федерации закреплены лишь следующие показатели цифровой трансформации общественного транспорта:

- Доля автобусов, осуществляющих регулярные перевозки пассажиров в городском, пригородном и междугородном (в пределах субъекта Российской Федерации) сообщении, оснащенных системами безналичной оплаты проезда

- Доля автобусов, осуществляющих регулярные перевозки пассажиров в городском, пригородном и междугородном (в пределах субъекта Российской Федерации) сообщении, для которых обеспечена в открытом доступе информация об их реальном движении по маршруту

- Доля автобусов, осуществляющих регулярные перевозки пассажиров в городском, пригородном и междугородном (в пределах субъекта Российской Федерации) сообщении, оснащенных системами видеонаблюдения салонов (с функцией записи), соответствующими требованиями о защите персональных данных³.

Таким образом, можно констатировать, что развитие беспилотного транспорта в России, в том числе в настоящее время сталкивается с трудностью масштабирования отдельных пилотных проектов на уровне регионов, так как на данном уровне цифровизация транспорта, а также технологическая основа для внедрения искусственного интеллекта и закупки каких-то прототипов беспилотного транспорта довольно низкая.

Один из наиболее ярких проектов в сфере беспилотных грузовых перевозок реализуется в рамках экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры» на автомобильной дороге общего пользования федерального значения М-11 «Нева»⁴ потребовал огромной ревизии нормативной базы, внесение потребовалось в десятки нормативных актов.

Ключевые организации ведущие разработки в рамках внедрения искусственного интеллекта и беспилотного транспорта в России, также находятся в стадии пилотов. Так, «Яндекс» реализует проект Self-Driving Cars, направленный на разработку и внедрение автомобилей с автопилотом. Свои продукты в сфере беспилотного личного транспорта эта компания тестировала не только в России, но и США и Израиле.

КАМАЗ занимается разработкой уже автономных грузовиков, а также электромобилями без водительского места и городскими шаттлами, которые в перспективе смогут заменить автобусы. Sber Automotive Technologies является пилотом «Сбера» в сфере беспилотников, опираясь на технологическую базу экосистемы данной организации и 2ГИС как основу логистики [4].

Итак, можно сделать следующие выводы по теме уровня развития технологий беспилотного транспорта в России и применения искусственного интеллекта для данных целей:

Во-первых, в настоящий момент и технология искусственного интеллекта, и беспилотного транспорта в России находятся на достаточно низком (пилотном) уровне внедрения. Отдельные инициативы, с государственной поддержкой не являются системной основой, а лишь первый шаг к выстраиванию данной системы.

Во-вторых, нормативное правовое регулирование указанного вопроса носит описательный стратегический характер, отдельные нормативные акты, регулирующие вопросы внедрения пилотных проектов также ограничены в пространстве и времени, в связи с чем еще потребуются оценить эффективность и другое законодательство в сфере логистики, общественного транспорта, дорожной безопасности и т.д.

Библиография:

1. Половникова, Н. А., Николихина, С. А. Цифровизация в России: проблемы и перспективы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – №11-4. – С. 256 – 262.
2. Юдина, Т.Н. Цифровизация как тенденция современного развития экономики российской Федерации: Pro y contra // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2017. – №3. – С. 139 – 143
3. Казанская, Л.Ф., Савицкая, Н.В., Камзол, П.П. Перспективы развития беспилотного транспорта в России // БРНИ. 2018. №2. С. 18 – 28
4. Свищёва, И.В., Лапинский, М.Н. Беспилотный личный транспорт в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №11-2. С. 142-145

References:

1. Polovnikova, N. A., Nikolikhina, S. A. Digitalization in Russia: problems and prospects // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – No.11-4. – pp. 256 – 262.
2. Yudina, T.N. Digitalization as a trend in the modern development of the economy of the Russian Federation: Pro y contra // State and municipal administration. Scientific notes. – 2017. – No.3. – pp. 139 – 143
3. Kazanskaya, L.F., Savitskaya, N.V., Kamzol, P.P. Prospects for the development of unmanned transport in Russia // BRONI. 2018. No.2. pp. 18-28
4. Svishcheva, I.V., Lapinsky, M.N. Unmanned personal transport in Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No.11-2. pp. 142-145

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.02.2024)

² Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. N 123-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных". URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.02.2024)

³ Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2021 г. N 542 "Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. N 915". URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.02.2024)

⁴ Постановление Правительства РФ от 17 октября 2022 г. № 1849 "Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры» на автомобильной дороге общего пользования федерального значения М-11 «Нева»

СОГЛАШЕНИЯ И ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ Agreements and investment cooperation in the transport sector

ПРАВКИН Сергей Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения государственного управления и экономики
Российский университет транспорта (МИИТ).
127055, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9.
E-mail: pravkin@bk.ru;

СМИРНОВА Вера Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения государственного управления и экономики
Российский университет транспорта (МИИТ).
127055, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9.
E-mail: veryvera@list.ru;

PRAVKIN Sergey Alekseevich,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Legal Support of Public Administration and Economics
Russian University of Transport (MIIT).
127055, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 9.
E-mail: pravkin@bk.ru;

SMIRNOVA Vera Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Legal Support of Public Administration and Economics
Russian University of Transport (MIIT).
127055, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 9.
E-mail: veryvera@list.ru

Краткая аннотация: статья посвящена рассмотрению соглашений и инвестиционного сотрудничества в транспортной сфере. Авторы анализируют финансирование при реализации инвестиционных проектов. Инвестиционное сотрудничество в транспортной сфере представляет собой систему договорного регулирования инвесторов и заказчиков. Использование механизма финансовой поддержки включает в себя разнообразные меры: осуществление мер контроля и надзора, создание особых экономических зон и территорий опережающего развития, предоставление бюджетных кредитов, мер отсрочки по уплате налога, залога имущества, предоставление гарантий. Рост инвестиций в транспортную сферу можно обеспечить за счет эффективного применения различных схем государственно-частного партнерства, сочетая государственное и частное финансирование. Участие частного партнера в финансировании проектов государства и бизнеса будет способствовать достижению целей развития транспортной отрасли. Для этого применяются самые разнообразные типы соглашений, которые опосредуют инвестиционный процесс. На основе анализа транспортного и инвестиционного законодательства делается вывод об определенном несовершенстве механизмов внебюджетного финансирования. Встает необходимость в увеличении финансирования инфраструктурных проектов в транспортной сфере, также увеличения финансирования дорожного строительства. Кроме того, большого вложения требует развитие цифровизации транспортной отрасли.

Abstract: the article is devoted to the consideration of agreements and investment cooperation in the transport sector. The authors analyze financing in the implementation of investment projects. Investment cooperation in the transport sector is a system of contractual regulation of investors and customers. The use of the financial support mechanism includes a variety of measures: the implementation of control and supervision measures, the creation of special economic zones and territories of advanced development, the provision of budget loans, deferred tax measures, collateral, and guarantees. The growth of investments in the transport sector can be ensured through the effective application of various public-private partnership schemes, combining public and private financing. The participation of a private partner in financing government and business projects will contribute to achieving the goals of the development of the transport industry. To do this, a wide variety of types of agreements are used that mediate the investment process. Based on the analysis of transport and investment legislation, it is concluded that there is a certain imperfection in the mechanisms of extra-budgetary financing. There is a need to increase financing of infrastructure projects in the transport sector, as well as increase financing of road construction. In addition, the development of digitalization of the transport industry requires a large investment.

Ключевые слова: инвестиция, капитальные вложения, концессии, частный партнер, публичный партнер, государственно-частное партнерство.

Keywords: investment, capital investments, concessions, private partner, public partner, public-private partnership.

Для цитирования: Правкин С.А., Смирнова В.В. Соглашения и инвестиционное сотрудничество в транспортной сфере // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 229-233. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_229.

For citation: Pravkin S.A., Smirnova V.V. Agreements and investment cooperation in the transport sector // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 229-233. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_229.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

Гражданское законодательство допускает применение как предусмотренных, так и не предусмотренных соглашений в сфере инвестирования. Федеральный закон от 25.02.1999 №39 «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» связывает реализацию инвестиционных программ с обоснованием бизнес-плана, с разработкой основных параметров капитальных вложений.

Понятие инвестиционного контракта раскрывает Федеральный закон от 31.12.2014 №488 «О промышленной политике в Российской Федерации». Этот закон предусматривает в данном случае заключение соглашения инвестиционного по содержанию между публично-правовым

образованием и инвестором. Контрагенты могут выбрать соответствующий вид договора, опосредующего их отношения. Если объекты соглашения находятся в собственности государства, то сделки по привлечению инвестиций осуществляются с согласия государственного органа. Сторонами соглашения выступают инвестор и заказчик. Если по условиям соглашения происходит передача объекта транспортно-логистического комплекса, возникают отношения концессионного типа.

Часто инвестиционные договоры являются комбинированными, составленными из элементов различных договоров. Инвестиционные отношения могут возникать в соответствии с созданием организационной модели инвестиционного товарищества. Конструкция договора инвестиционного товарищества включает в себя элементы и признаки товарищества на вере и простого товарищества. Членами инвестиционного товарищества выступают индивидуальные предприниматели и юридические лица. Инвестиционные товарищества являются разновидностью простого товарищества. Простое товарищество в соответствии со ст. 1041 ГК РФ создает возможность осуществления совместной предпринимательской деятельности. В этой сфере и создаются инвестиционные товарищества в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе». Финансирование связано не только с возможностями индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций, но и некоммерческих организаций, у которых инвестирование как деятельность отвечает целям создания. Инвестор вправе участвовать в двух и более договорах инвестиционного товарищества, но только, если хотя бы одним из договоров на это не установлен запрет. Можно реализовать инвестиционную деятельность путем простого присоединения к договору инвестиционного товарищества.

Но существуют договоры, инвестиционные по определению (соглашение о разделе продукции, концессия, государственно-частное партнерство, лизинг).

В Транспортной стратегии до 2030 значительное внимание уделено развитию и становлению государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) как оптимальной формы взаимодействия власти и бизнеса. Транспортный комплекс реализует государственные цели в плане связанности территории страны и обеспечения экономического роста. Должна быть обеспечена доступность транспортных услуг. Транспортная стратегия является основным программным документом, определяющим основы развития единой опорной транспортной сети. При этом формируется национальная сеть интеллектуальных транспортных систем на автомобильных дорогах общего пользования. Совокупность отдельных транспортно-логистических объектов, связанных с мультимодальными перевозками формируют опорную логистическую инфраструктуру. Стратегией предусмотрено формирование цифровых транспортных коридоров как сервисов обмена логистической информацией.

На инвестиционных условиях были реализованы задачи по строительству и реконструкции дорог федерального значения, «включая автомобильные дороги М-4 «Дон», М-11 «Нева», участки Центральной кольцевой автомобильной дороги в Московской области, Западный скоростной диаметр в Санкт-Петербурге, автомобильная дорога Надым - Салехард, федеральная трасса «Таврида», строительство автомобильных дорог регионального и местного значения с софинансированием из федерального бюджета и т.д. (Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 N 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года»).

Одной из причин недостижения требуемых параметров в ряде проектов являлась нехватка финансовых средств. Кроме того, эффективными мерами являлось привлечение внебюджетных средств, с учетом льготного лизинга и средств из государственных и внебюджетных фондов. Важными финансовыми инструментами модернизации транспортной сферы выступили – целевые дорожные фонды и межбюджетные трансферты, которые предусмотрены национальным проектом «Безопасные качественные дороги».

Объем инвестиций в транспортный комплекс показывает их рост в транспортную инфраструктуру в два раза больше, чем в транспортные средства, в машины и оборудование.

Важным направлением развития транспортной отрасли является евразийская экономическая интеграция. В Распоряжении Правительства РФ от 27.11.2021 N 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» отмечается, что: «структура инвестиций по видам транспорта отражает географические и исторические особенности развития транспортного комплекса. В соответствии с целями Стратегии для дальнейшего эффективного развития транспорта, особенно для реализации транзитного потенциала страны и получения наилучшего экономического эффекта от уникального географического положения Российской Федерации, важно обеспечить расширение предоставляемых транспортных услуг с увеличением эффекта от планирования развития транспортной инфраструктуры в соответствии с принципами мультимодальности, интеграции видов транспорта». Транспортная стратегия рассматривает инфраструктуру как приоритетную сферу для инвестиций. Модернизация инфраструктуры не может решить всех проблем, поэтому требуется строительство новых объектов инфраструктуры. Широко могут использоваться концессии в целях модернизации транспортной инфраструктуры. Данные проекты должны обладать финансовой устойчивостью и бюджетной эффективностью. Например, в сфере международной грузовой перевозки требуется финансирование в транспортную инфраструктуру. Важными направлениями развития инфраструктуры аэропортов и вокзалов является финансирование их модернизации на принципах ГЧП. Данные проекты будут способствовать развитию терминалов и аэродромной составляющей аэропортов. Финансирование транспортных проектов связано с созданием целостной системы управления инвестициями. Надо заметить, что развитие финансовых механизмов ориентировано на поэтапное одобрение финансирования в проекты с использованием сбора предложений. Использование проектов ГЧП в ряде случаев ограничено на данный момент, так как государство стремится использовать системный подход к организации таких проектов.

Предусматривается система сборов или платежей за использование инфраструктуры, перевод платежей на систему оплаты за километр пробега на основе цифровых технологий. «Недостаток финансирования из федерального бюджета, дефициты региональных бюджетов при реализации инвестиционных проектов, связанных с модернизацией транспортно-логистической сети в субъектах РФ, приводят к поиску источников внебю-

жетного финансирования, которое в мировой практике осуществляется на основе механизмов государственно-частного партнерства» [2, с.12].

Требуется совершенствование механизмов финансирования для всех видов транспорта. Как отмечается в Транспортной стратегии «на железнодорожной сети накопленный объем финансовых проблем привел к появлению железнодорожных путей с просроченными сроками ремонта, низкими темпами внедряются новые технологии, обеспечивающие интервальное регулирование движения поездов».

Проблемы, связанные с недостаточным финансированием, очень рельефно выступают на региональном и муниципальном уровнях, порядка половины автомобильных дорог не отвечают нормативным требованиям. Все это требует реального привлечения внебюджетных средств, особенно в рамках концессии и ГЧП.

Структура инвестиций определена плановыми документами, например, инвестиционными программами. Развитие механизмов внебюджетных инвестиций, прежде всего ГЧП как равноправной модели участия в финансировании проектов государства и бизнеса, даст хороший мультипликативный эффект.

В условиях значительного снижения иностранных инвестиций государство получает возможность развивать инфраструктурные проекты с большой стоимостью. Частный партнер может дать значительный объем инвестиций. Издержки государства на содержание инфраструктуры существенно сужаются. «Закон о ГЧП, несмотря на недостатки, предоставляет возможности согласования общих и частных целей, публичных и частных интересов путем реализации инвестиционных проектов, связанных с получением в частную собственность объектов инфраструктуры» [12, с.7].

Как смешанный гражданско-правовой договор, соглашение о ГЧП объединяет в себе конструкции различных соглашений. Формы исполнения данного договора – акционерное соглашение, концессия, договор аренды на инвестиционных условиях, договор доверительного управления и др. «Дорожное строительство, как основное из сфер использования механизмов ГЧП, обусловливается тем, что социально-экономическая эффективность проектов, как правило, значительно превышает прямые финансовые выгоды инвестора и оператора объекта транспортной инфраструктуры» [2, с. 13]. Необходимо учитывать, что эти проекты – с длинными сроками окупаемости. Но путем соединения различных элементов данного смешанного договора происходит эффективное распределение рисков и ответственности частного и публичного партнеров.

Развитие инвестиционного механизма в транспортной отрасли связано с тем, что виды предпринимательской деятельности должны соотноситься с интернет-технологиями. Развиваются такие виды предпринимательских услуг как агрегаторы (маркетплейсы), коворкинг, краудфандинг, вендинг, каршеринг [1, с. 8]. Например, предоставление каршеринговых услуг связано с предоставлением транспортного средства на условиях краткосрочной аренды, возмездного оказания услуг или иных смешанных договорных конструкций.

В соответствии с европейской стратегией искусственного интеллекта от 25 апреля 2018 года были разработаны меры по повышению конкурентоспособности ЕС. В числе мер по финансированию искусственного интеллекта предусмотрены значительные средства за счет государственно-частных партнерств. «Целью данных средств стала поддержка развития искусственного интеллекта в различных ключевых сферах – от транспорта до здравоохранения» [10].

Для России важным приоритетом является Азиатско-Тихоокеанский регион и в направлениях развития данного региона имеет значение принимать меры по формированию стабильной и развитой транспортной системы на основе новых моделей инвестирования. При этом используются такие финансовые институты, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Азиатский банк развития, активно реализуются перспективные транспортные проекты. Национальные интересы России здесь связаны, в том числе, со строительством транспортно-логистических объектов [6].

Для финансового обеспечения проектов ГЧП могут быть задействованы средства Инвестиционного фонда РФ, которые предоставляются для финансирования определенных объектов капитального строительства, включая транспортные. Заявленные проекты должны отвечать определенным требованиям. Инвестор должен выразить свое согласие на участие в проекте.

Особое развитие в транспортной сфере получили концессионные соглашения, которые являются разновидностью ГЧП. На сегодняшний момент законы, регулирующие ГЧП – Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ и Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ. Такое партнерство по определению закона используется в целях привлечения в экономику частных инвестиций. В концессионном соглашении концедент обеспечивает концессионеру возможность возврата средств на основе прав владения и пользования объектом соглашения. Законодательно закреплены объекты для инвестирования, в том числе автомобильные дороги, объекты транспорта. «При этом по размеру затрат лидирует транспортная сфера. Так, по данным Минэкономразвития России, на так называемые транспортные концессионные соглашения, составляющие всего 3% от общего количества концессионных соглашений, приходится 70% общего объема инвестиций» [5, с.146].

Проекты ГЧП должны соответствовать целевым показателям государственных и муниципальных программ. Инвестор, чтобы воспользоваться средствами Инвестфонда РФ или региональных инвестиционных фондов, должен обосновать потребность в них.

Почему так необходимы механизмы партнерства при реализации транспортных проектов? Главная причина состоит в капиталоемкости, реализовать с помощью бюджетных средств такие проекты трудно. Что касается момента выбора модели инвестирования – выбор партнерства автоматически означает наличие механизма частного финансирования. В концессионном соглашении публичный партнер не должен возмещать затраты концессионера в полном объеме, так как расходы возмещаются за счет эксплуатации объекта концессии.

Развитие партнерства связано с долгосрочным инвестированием в объекты соглашения. Финансовые риски в основном берет на себя частный партнер. На основе эксплуатации объекта реализуются публичные услуги.

Требуется развитие системы «умной» транспортной инфраструктуры.

ГЧП должно развивать транспортную инфраструктуру с учетом внедрения цифровизации. Цифровые технологии и сервисы повышают качество транспортного обслуживания. Но требуется надлежащее правовое регулирование применения цифровых решений на транспорте.

Изношенная инфраструктура замедляет темпы цифровизации транспортной сферы. В Транспортной стратегии РФ обозначена необходимость цифровой трансформации транспортной отрасли, создание, например, цифровых платформ, но требуются достаточные механизмы финансирования и правового регулирования.

Создание единой цифровой платформы транспортного комплекса требует значительных инвестиций. Многие инфраструктурные компоненты требуют соответствующей доработки и внедрения. По мнению Ю.П. Онколова, цифровизация транспортного комплекса является масштабным технологическим и организационным преобразованием, которое средствами правового регулирования должно повысить эффективность перевозок, внедрить в каждый отдельный аспект деятельности транспорта оптимальные цифровые технологии [9]. Внедрение цифровых технологий в транспортную отрасль возможно, если будет развиваться современная инфраструктура, поиски инвестирования в нее связаны с современными подходами инвестирования.

ГЧП является юридической формой финансирования транспортных проектов. В основе данного механизма – договор, в котором распределяется финансирование, риски сторон и другие обязательства из договора. ГЧП как юридический механизм распределяет как риски сторон, так и ответственность. Главное – это социальная значимость, когда частный бизнес участвует в государственных программах. По мнению М.Ю. Арчакова «ГЧП можно назвать одной из самых эффективных форм взаимодействия государства и частного сектора в лице самостоятельных компаний, так как на данный момент степень его развития в субъектах Российской Федерации имеет высокий уровень, а показатели по количеству договоров ГЧП постоянно растут» [3].

ГЧП в транспортной сфере гарантированно дает высокие результаты, является востребованной формой инвестирования, решает вопросы транспортной доступности. Законодательная основа ГЧП должна совершенствоваться, чтобы упростить правовой механизм взаимодействия партнеров. Частные интересы не должны преобладать над публичными.

Государство выступает не только как сторона партнерского соглашения, но и как публичный субъект, регулирующий нормативно данную сферу. Государство получает в итоге, например, развитую транспортную инфраструктуру, частный бизнес – возможность эксплуатировать объект и возможность получать гарантированный доход. Соинвесторы, объединяя ресурсы, на равных началах рискуют и получают выгоды от реализации инвестиционного проекта. Бюджетные инвестиции нацелены на реконструкцию и строительство объектов транспортной инфраструктуры, частные вложения – прежде всего нацелены на получение гарантированного дохода. Хотя надо признать, что после создания и модернизации объекта соглашения, государство будет также извлекать из него экономические выгоды. Таким образом, государство решает в партнерстве не только социально значимые задачи, но в конечном счете в ряде случаев может являться субъектом, получающим выгоды от передачи объекта и последующей его эксплуатации. В каждом конкретном случае надо сопоставлять публичные расходы и публичные доходы. Но социально значимые задачи преобладают, так как объекты являются капиталоемкими, на срок окупаемости выйти в короткие сроки невозможно. «В научной литературе подчеркивается исключительность случаев участия государства в инвестиционных отношениях и обосновано, что государственно-частное партнерство подпадает под такое исключение» [4].

Государство участвует в партнерстве как гражданско-правовая сторона. В тоже время, необходимо отметить, что государство, вступая в предпринимательские отношения, являясь субъектом предпринимательского права, субъектом предпринимательской деятельности не является. Государство, не являясь субъектом предпринимательской деятельности, выступает в роли инвестора при реализации значимых социально-экономических программ, включая проекты ГЧП.

А.В. Белицкая справедливо замечает, что при защите публичного интереса государство не действует как партнер, а действует как представитель публичных интересов, например, в случае, когда речь идет об ответственности за нарушение договора. Таким образом, отмечается, что частные инвестиции привлекаются в проекты, которые контролируются публичным образованием. Но не только о контроле надо вести речь, важным моментом является не внешняя составляющая, а меры участия государства в инвестиционной деятельности. Автор, замечает, что предоставление мер государственной поддержки (субсидии, гарантии) в проектах ГЧП есть реализация «властных регулятивных полномочий государства, которые могут носить не только ограничительный, но и стимулирующий характер» [4]. Меры ГЧП выступают в качестве альтернативы закупкам. «Для эффективной реализации моделей экономического роста предлагается использовать меры оптимального правового регулирования, бюджетного контроля и стимулирования» [11, с.112].

В последнее время в сферу действия ГЧП включаются проекты по развитию «зеленой экономики», так как они снижают потребности в государственных финансах. Данные проекты являются привлекательными для частного бизнеса. «В Основах государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г. отмечалась необходимость широкого применения механизмов концессионных (синонимичных государственно-частному партнерству (ГЧП)) как эффективных инструментов финансирования природоохранной и ресурсосберегающей деятельности, поскольку решение этих проблем невозможно только за счет бюджетных средств – нужно привлечение внебюджетных источников.» [8]. Наиболее востребованными, по мнению Новиковой Е.В., в «зеленой» экономике из форм ГЧП являются концессионные соглашения, осуществляемые с помощью концессионных облигаций, с помощью механизмов инфраструктурной ипотеки, «зеленых облигаций» как долговых

инструментов, используемых, в том числе, на проекты создания экологически чистых видов транспорта.

Итак, важным инструментом финансирования значимых социальных проектов в сфере транспортной инфраструктуры является публично-частное партнерство как институт права и как различные формы взаимодействия государства и бизнеса. Транспортная сфера находится в сфере публичного интереса и контроля. Развитие ГЧП-проектов в необходимом объеме создает предпосылки для формирования современной транспортной системы за счет оптимальных механизмов инвестирования в транспортную отрасль.

Библиография:

1. Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности: практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2023. 320 с.
2. Алешина И.А., Герашенкова Т.М. Эффективный механизм реализации проектов развития транспортной инфраструктуры региона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. №4-1. С. 12-20.
3. Арчаков М.Ю. Государственно-частное партнерство в сфере транспортной инфраструктуры России // Транспортное право. 2021. №3. С. 3-6.
4. Белицкая А.В. Государство как участник и регулятор инвестиционных отношений в рамках государственно-частного партнерства. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/103719-gosudarstvo-uchastnik-regulyator-investitsionnykh-otnoshenij-ramkakh-gosudarstvenno>.
5. Винницкий А.В., Соловьев М.С. Публичные закупки и государственно-частное партнерство как способы удовлетворения публичных нужд: проблемы конкуренции // Российский юридический журнал, 2021. № 6(141). С. 140-156.
6. Карпович О.Г., Смагина Л.А. Россия в интеграционных процессах Азиатско-тихоокеанского региона: новые вызовы и угрозы // Международное публичное и частное право. 2021. №6. С. 15-20.
7. Машинова А.С. Правовые аспекты внедрения цифровой железной дороги в экономическую систему Российской Федерации // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности. Сборник научных трудов XIV Международной конференции и XII Международного конкурса научных и научно-методических работ. М.: ООО «Изд-во «Экон-Информ», 2019. С.165-169.
8. Новикова Е.В. Концептуальные основы правового регулирования «зеленой» экономики в России // КонсультантПлюс (дата обращения: 11.01.24).
9. Оноколов Ю.П. Некоторые понятия правового регулирования цифровизации транспортного комплекса Российской Федерации // КонсультантПлюс (дата обращения: 12.01.2024).
10. Пазына Е.О. Цифровизация экономики европейского союза в среднесрочной перспективе: финансово-правовые аспекты // Международное публичное право. 2021. №6. С.25-28.
11. Правкин С.А., Смирнова В.В. Механизм правового управления инвестициями в транспортной сфере с учетом применения отдельных моделей государственно-частного партнерства// Транспортное право и безопасность. 2019. №2(30). С. 112-124.
12. Правкин С.А., Смирнова В.В. Проблемы реализации инвестиционных проектов в соглашениях, основанных на государственно-частном партнерстве // Российская юстиция. 2019. №4. С. 6-8.

References:

1. Abramov V.Yu., Abramov Yu.V. Legal regulation of new types of entrepreneurial activity: a practical guide. M.: Justicinform, 2023. 320 p.
2. Aleshina I.A., Gerashchenkova T.M. Effective mechanism for the implementation of projects for the development of transport infrastructure in the region // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. No.4-1. pp. 12-20.
3. Archakov M.Yu. Public-private partnership in the field of transport infrastructure of Russia // Transport law. 2021. No.3. pp. 3-6.
4. Belitskaya A.V. The state as a participant and regulator of investment relations within the framework of public-private partnership. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/103719-gosudarstvo-uchastnik-regulyator-investitsionnykh-otnoshenij-ramkakh-gosudarstvenno>.
5. Vinnitskiy A.V., Solovyov M.S. Public procurement and public-private partnership as ways to meet public needs: problems of competition // Russian Law Journal, 2021. No. 6(141). pp. 140-156.
6. Karpovich O.G., Smagina L.A. Russia in the integration processes of the Asia-Pacific region: new challenges and threats // International public and private law. 2021. No.6. pp. 15-20.
7. Mashinova A.S. Legal aspects of the introduction of a digital railway into the economic system of the Russian Federation // Modern information technologies in education, science and industry. Collection of scientific papers of the XIV International Conference and the XII International Competition of scientific and methodological works. Moscow: OOO Publishing House "Ekon-Inform", 2019. pp.165-169.
8. Novikova E.V. Conceptual foundations of legal regulation of the "green" economy in Russia // ConsultantPlus (accessed 11.01.24).
9. Onokolov Yu.P. Some concepts of legal regulation of digitalization of the transport complex of the Russian Federation // ConsultantPlus (accessed 12.01.2024).
10. Pazyina E.O. Digitalization of the European Union economy in the medium term: financial and legal aspects // Public international law. 2021. No.6. pp.25-28.
11. Pravkin S.A., Smirnova V.V. The mechanism of legal investment management in the transport sector, taking into account the application of certain models of public-private partnership// Transport law and security. 2019. No.2(30). pp. 112-124.
12. Pravkin S.A., Smirnova V.V. Problems of implementation of investment projects in agreements based on public-private partnership // Russian Justice. 2019. No.4. pp. 6-8.

ВОЛШЕБНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ОБРАЗЦА В ТОВАРНЫЙ ЗНАК ИЛИ КАК СРОЧНОЕ ПРАВО ПРЕВРАТИТЬ В БЕССРОЧНОЕ

The amazing transformation of an industrial design into a trademark or how to turn a timed right into an untimed one

ЛОЖКИН Владислав Алексеевич,
главный юрист ООО «Патентное Бюро Ложкиной».
119296, Россия, г. Москва, Университетский пр-т, 9.
E-mail: LozhkinV.A@ya.ru;

Lozhkin Vladislav Alekseevich,
Chief lawyer of LLC "Lozhkina Patent Agency".
9 Universitetskiy Ave., Moscow, 119296, Russia.
E-mail: LozhkinV.A@ya.ru

Краткая аннотация. Статья посвящается кумулятивной охране дизайна объекта, его внешнего вида, одновременно несколькими правовыми режимами – в рамках авторского права, патентного права и режима средства индивидуализации. Автором рассматривается вопрос о соотношении одновременного действия нескольких правовых режимов и возникающих в этой связи проблемных ситуациях. Проводится анализ возможности трансформации одного правового режима в другой спустя определенный период времени. В статье также рассматриваются различные взгляды ученых на сложившуюся ситуацию и подходы, сформированные Роспатентом и Судом по интеллектуальным правам.

Abstract. The article is devoted to the cumulative protection of the design of an object, its appearance, simultaneously by several legal regimes – within the framework of copyright, patent law and the regime of means of individualization. The author considers the question of the correlation between the simultaneous operation of several legal regimes and the problematic situations arising in this regard. The analysis of the possibility of transformation of one legal regime into another after a certain period of time is carried out. The article also examines the different views of scientists on the current situation and the approaches formed by Rospatent and the Intellectual Property Rights Court.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительное право, срочный характер исключительного права, промышленный образец, товарный знак, кумулятивная охрана дизайна, объемный товарный знак, соотношение исключительного права на промышленный образец и товарный знак, трансформация промышленного образца в товарный знак.

Keywords: intellectual property, exclusive right, the urgent nature of the exclusive right, industrial design, trademark, cumulative protection of design, volumetric trademark, the ratio of the exclusive right to an industrial design and a trademark, the transformation of an industrial design into a trademark.

Для цитирования: Ложкин В.А. Волшебная трансформация промышленного образца в товарный знак или как срочное право превратить в бессрочное // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 234-237. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_234.

For citation: Lozhkin V.A. The amazing transformation of an industrial design into a trademark or how to turn a timed right into an untimed one // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 234-237. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_234.

Статья поступила в редакцию: 07.05.2024

Современное российское законодательство предусматривает широкий спектр объектов интеллектуальных прав, которые подлежат правовой охране гражданским законодательством^[1]. Каждый из объектов интеллектуальных прав призван охранять самостоятельный вид результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации и каждый из них регулируется специальными правовыми нормами. В зависимости от характера объекта законодательство предусматривает соответствующие требования и ограничения в области их охраны.

Между тем, нередко имеют место ситуации, когда один и тот же объект может удовлетворять требованиям охраноспособности по отношению к нескольким объектам интеллектуальных прав одновременно. Российский законодатель не содержит запрета на охрану одного объекта несколькими правовыми режимами, а европейский законодатель даже прямо допускает такую возможность^[2]. Указанный подход активно используется многими хозяйствующими субъектами при защите исключительных прав. Особое внимание автором настоящей статьи обращается на произведение дизайна. По своим правовым характеристикам дизайн как результат интеллектуальной деятельности имеет сложную правовую природу. Близнец И.А. и Витко В.С. полагают, что промышленный образец имеет одновременно двойственную природу, поскольку находится на стыке авторского и патентного права^[3]. При соблюдении ряда условий дизайн как результат интеллектуальной деятельности может получить правовую охрану в качестве промышленного образца. При этом, после регистрации промышленного образца и начала действия патентных прав произведение дизайна, лежащее в его основе, не утрачивает самостоятельного значения как объект авторских прав и продолжает охраняться одновременно несколькими правовыми режимами. Подобные ситуации в науке принято называть кумулятивной правовой охраной.

Вопрос о целесообразности кумулятивной охраны дизайна в рамках института авторских и патентных прав, а также возникающих в этой связи проблемных ситуациях, не является предметом рассмотрения настоящей статьи.

Автор нацелен рассмотреть вопрос кумулятивной охраны дизайна как промышленного образца и объемного товарного знака. В целях иллюстрации проблемы предлагается обратить внимание на всемирно известную компанию LEGO. В конце 70-х годов прошлого века компанией был разработан дизайн формы игрушечных мини-человечков. Данный дизайн получил правовую охрану в качестве промышленного образца по патенту French design № 125741 – 001, опубликованному 30.08.1978г. Европейское законодательство как и российское предусматривает предельный срок охраны промышленного образца в 25 лет. После истечения этого срока дизайнерское решение переходит в общественное достояние и может свободно использоваться любым лицом (*положения Закона*).

Понимая ситуацию, компания LEGO не захотела терять правовые преимущества и была вынуждена искать новые пути защиты своего

¹ ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // «Российская газета», № 289, 22.12.2006.

² ст. 17 Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 98/71/ЕС от 13 октября 1998г. «О правовой охране промышленных образцов» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.05.2024).

³ Близнец И.А., Витко В.С. О содержании понятия формы в авторском и патентном праве // Хозяйство и право. 2022. № 3. С. 44 – 52.

исключительного права на решение внешнего вида игрушечных мини-человечков. На территории Российской Федерации были зарегистрированы объемные товарные знаки по свидетельствам № 762172 и № 761974, воспроизводящие дизайн, ранее охраняемый патентом на промышленный образец. В споре между LEGO и китайской компанией в делах № А56-26582/2022, № А56-26586/2022, № А56-26587/2022 суды встали на сторону LEGO и привлекли китайскую компанию за нарушение исключительных прав на товарные знаки. Примечательно, что довод об использовании патента на промышленный образец, перешедшего в общественное достояние, судами был отвергнут как не имеющий правового значения. Решения судов были проверены и оставлены в силе как Судом по интеллектуальным правам, так и Верховным судом Российской Федерации. Позднее, при проверке охраноспособности товарных знаков LEGO в Постановлении президиума Суда по интеллектуальным правам от 15 декабря 2023 г. № С01-1648/2023 по делу № СИП-125/2023 был прописан еще один интересный подход. Суд обратил внимание, что обозначения, охраняемые в качестве товарных знаков, приобрели дополнительную различительную способность в результате их использования, что само по себе позволяет в силу пп. 1 п. 1.1 ст. 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации^[1] (далее – ГК РФ) признать правомерность предоставления правовой охраны товарным знакам.

По сути, компании LEGO удалось легализовать следующую стратегию. Сперва получают права на промышленный образец, что с практической точки зрения значительно проще, нежели зарегистрировать объемный товарный знак. После использования промышленного образца на протяжении нескольких лет и сбора доказательной базы о приобретении им различительной способности можно регистрировать объемный товарный знак, доказывая, что товар ассоциируется с конкретным производителем. Получив охрану на объемный товарный знак, правообладатель может смело начинать судебные претензионные кампании и устранять с рынка всех конкурентов с похожим дизайном. Успех таких кампаний обеспечен, ведь критерий сходства до степени смешения в товарных знаках позволяет рассматривать сходство намного шире, чем законодательство о промышленных образцах в части общего зрительного восприятия внешнего вида изделий. Более того, правовая охрана товарного знака в отличие от промышленного образца при своевременной уплате пошлин становится фактически бессрочной.

Таким образом, компания LEGO на практике реализовало поставленную задачу по бессрочной защите исключительных прав на дизайн изделия.

Оценивая изложенную ситуацию, автор настоящей статьи склоняется к тому, что в случае с LEGO и ее мировой известностью данный подход может быть оправдан. В то же время описанная выше стратегия, базирующаяся на сформированных судами подходах, представляет собой серьезную опасность для стабильности экономических отношений, связанных с такими объектами интеллектуальных права как промышленные образцы и товарные знаки. С правовой точки зрения в приведенном случае имеет место трансформация срочного исключительного права на промышленный образец в бессрочное право на товарный знак, что противоречит основополагающей концепции патентных прав и полностью нивелирует права свободного использования решения внешнего вида изделия, перешедшего в общественное достояние^[2].

Аналогичная проблема возникает и в связи с сохранением авторско-правовой охраны на дизайн, зарегистрированный в качестве промышленного образца. В науке на сегодняшний день нет единого мнения в отношении подобной ситуации. Например, Губаева Е.А. поддерживает необходимость кумулятивной охраны и даже предлагает разработать механизм оповещения третьих лиц о сохранении авторских прав на дизайн, который был зарегистрирован как промышленный образец, перешедший в общественное достояние^[3]. Гаврилов Э.П. напротив, полагает логичным предусмотреть прекращение авторских прав на дизайн, получивший охрану в качестве промышленного образца^[4]. Точно такие же позиции имеют место и в отношении кумулятивной охраны дизайна изделия в качестве промышленного образца и товарного знака. Одними учеными приветствуется охрана дизайна в рамках нескольких правовых режимов^[5], другие ученые высказываются против^[6].

Рассматривая вопрос о законодательном закреплении того или иного подхода, представляется необходимым отметить следующее. По смыслу пп. 3 п. 9 ст. 1483 ГК РФ запрещается регистрация товарного знака, который тождественен или сходен до степени смешения с промышленным образцом, права на который возникли ранее даты приоритета регистрируемого товарного знака. В отличие от пп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ или пп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ в отношении промышленных образцов закон не содержит оговорки о возможности регистрации с согласия правообладателя. Так, названное положение возможно толковать как устанавливающее абсолютный запрет на регистрацию в качестве товарного знака объекта, являющегося промышленным образцом. С другой стороны, по своей правовой природе и задачам данное основание для отказа в регистрации товарного знака является относительным, то есть связанным с ранее возникшими правами третьих лиц. Регистрация товарного знака на имя того же лица, которое обладает и исключительным правом на промышленный образец, возможна, поскольку отсутствует столкновение прав разных лиц.

Помимо вышеописанной проблемной ситуации не менее важным аспектом выступает вопрос о правомерности охраны формы определенного товара в качестве товарного знака по отношению к данным товарам. Российская правоприменительная практика признает возможность регистрации оригинальной формы объекта как объемного товара знака. Например, возможна регистрация оригинальной формы бутылки для алкогольных напитков^[7], формы флакона для духов^[1], оригинальной формы мыльниц фирмы «KOTANYI» для специй^[2]. Однако, регистрация формы товара для самого товара (формы игрушки для товара «игрушки», формы бутылки для товара «тара стеклянная») по общему правилу

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // «Российская газета», № 289, 22.12.2006.

² ст. 1364 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // «Российская газета», № 289, 22.12.2006.

³ Губаева Е.А. Проблемы столкновения исключительных прав на промышленные образцы и произведения // ИС. Промышленная собственность. 2022. № 11. С. 68 - 74.

⁴ Гаврилов Э.П. Как усовершенствовать право на промышленные образцы и товарные знаки? // Патенты и лицензии. 2021. № 6. С. 26 - 29.

⁵ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авиллов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др.; под ред. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2008. 715 с.

⁶ Скворцова Т.А., Смоленский М.Б. Предпринимательское право: учебное пособие / под ред. Т.А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014. 402 с.

⁷ Свидетельство на товарный знак № 447031 [Электронный ресурс] // ФИПС. Официальные бюллетени. Режим доступа – <https://www1.fips.ru/publication-web/bulletins/UsrTM> (дата обращения 12.05.2024).

противоречит пп. 3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ.

В п. 2.7 Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений^[3] сформированы общие подходы к оценке объемных обозначений, по смыслу которых регистрация формы товара для этого товара возможна при условии, что она является нетрадиционной, оригинальной и не обусловлена исключительно функциональными свойствами.

Практическая реализация описанных подходов крайне неоднозначна. В Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации нередко встречаются зарегистрированные объемные товарные знаки, представляющие собой реалистичное изображение товара. Иными словами правовая охрана товарных знаков действует в отношении товаров, изображенных в свидетельстве на товарный

знак. Например, товарный знак «» по свидетельству № 262684 действует в отношении товаров 28 класса МКТУ «игрушки плюшевые».

Товарный знак «» по свидетельству № 356636 действует в отношении товаров 7 класса МКТУ «соковыжималки бытовые электрические».

Товарный знак «» по свидетельству № 670838 действует в отношении товаров 28 класса МКТУ «игрушки; оружие для пейнтбола [спортивные принадлежности]». Товарный знак «» по свидетельству № 910988 действует в отношении товаров 28 класса МКТУ «игрушки».

В то же время существует и иная практика, когда Роспатент отказывает в регистрации реалистичных изображений в качестве товарных знаков для изображенного товара, и Суд по интеллектуальным правам поддерживает такой отказ. Так, решением Суда по интеллектуальным

правам от 13 декабря 2019 г. по делу № СИП-673/2019 обозначение «» было признано не обладающим различительной способностью в отношении всех товаров 7 и услуг 35 классов МКТУ, поскольку представляет собой вид конкретного товара «многофункционального роботомойщика для чистки окон, стен и пола». Решением Суда по интеллектуальным правам от 17.12.2019 по делу № СИП-428/2019 обозначение «

» было признано не обладающим различительной способностью в отношении товаров 12 класса МКТУ, поскольку представляет собой классическое изображение автомобиля класса «кроссовер». Решением Суда по интеллектуальным правам от 17 сентября 2019 г. по делу

№ СИП-306/2019 обозначение «» было признано не обладающим различительной способностью в отношении товаров 30-го класса МКТУ «кондитерские изделия», так как является реалистичным изображением товара.

Отдельный интерес представляют случаи принятия Роспатентом «промежуточного решения». Иллюстрациями таких решений автор настоящей статьи считает регистрацию объемного товарного знака с дискламацией формы. В этой связи предлагается обратить внимания на объемный товарный знак «» по свидетельству № 808194, объемный товарный знак «» по свидетельству № 569713, объемный

товарный знак «» по свидетельству № 694927, объемный товарный знак «» по свидетельству № 912506. Во всех приведенных товарных знаках форма товара является неохраняемым элементом.

Согласно, п. 32 Правил^[4] к объемным обозначениям относятся трехмерные объекты, фигуры и комбинации линий и фигур в пространственном расположении, которые могут представлять собой форму товара или его части, форму упаковки товара, форму, не связанную с товаром.

В соответствии с п. 2.7 Рекомендаций на практике в качестве объемных обозначений заявляются обозначения, представляющие собой форму товара, частей товара или упаковки товара. Положения п. 1 гл. 2 Руководства^[5] определяют, что в большинстве случаев в качестве объемных товарных знаков регистрируются оригинальная форма товара или его упаковки, а также форма отдельных деталей товара или упаковки.

На основании изложенного следует, что форма товара или его частей является доминирующим элементом объемного товарного знака, в большей степени влияет на восприятие обозначения потребителями и главным образом определяет объем правовой охраны, в отношении которого действует исключительное право. В то же время дискламация элементов товарного знака по смыслу п. 1 ст. 1483 ГК РФ возможна только, если эти элементы не занимают в товарном знаке доминирующего положения.

С учетом изложенного исключение из охраны формы объемного товарного знака представляется методологически неверным подходом, идущим в разрез с изначальной концепцией и правовой природой объемных товарных знаков.

Подводя итоги анализу зарегистрированных объемных товарных знаков и заявкам на объемные знаки, в регистрации которых было отказано, автор настоящей статьи вынужден резюмировать, что на сегодняшний день практика регистрации объемных товарных знаков крайне разнооб-

¹ Свидетельство на товарный знак № 672822 [Электронный ресурс] // ФИПС. Официальные бюллетени. Режим доступа – <https://www1.fips.ru/publication-web/bulletins/UsrTM> (дата обращения 12.05.2024).

² Знак по международной регистрации № 1083072 [Электронный ресурс] // Madrid Monitor. Режим доступа – <https://www3.wipo.int/madrid/monitor/en/> (дата обращения 12.05.2024).

³ Приказ Роспатента от 23.03.2001 № 39 «Об утверждении Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.05.2024).

⁴ Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утвержденные Приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 (Зарегистрировано в Минюсте России 18.08.2015 № 38572) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.05.2024).

⁵ Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации промышленного образца и выдаче патента на промышленный образец, его дубликата, утвержденное Приказом ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 11 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.05.2024).

разна. В некоторых случаях внешний вид товара, который является охраноспособным промышленным образцом, регистрируется Роспатентом в качестве товарного знака. В других случаях Роспатент отказывает в регистрации, указывая, что заявленная форма определяется исключительно или главным образом свойством либо назначением товаров, вменяя несоответствие заявленного обозначения пп. 4 п. 1 ст. 1483 ГК РФ.

Очевидно, что вопрос о возможности регистрации внешнего вида товара одновременно в качестве промышленного образца или в качестве товарного знака остается открытым. Единственное, что можно утверждать наверняка, так это отсутствие возможности прогнозировать с достаточной степенью определенности решения как Роспатента, так и Суда по интеллектуальным правам. При этом известность компании не имеет решающего значения, ведь игрушечные мини-человечки компании LEGO стали товарными знаками, а дизайн кроссовера Range Rover таковым не признали.

Библиография:

1. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 98/71/ЕС от 13 октября 1998г. «О правовой охране промышленных образцов» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.05.2024);
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // «Российская газета», № 289, 22.12.2006;
3. Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм. Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот. Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.08.2015 № 38572) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.05.2024);
4. Приказ Роспатента от 24.07.2018 № 127 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации промышленного образца и выдаче патента на промышленный образец, его дубликата» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.05.2024);
5. Приказ Роспатента от 23.03.2001 № 39 «Об утверждении Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.05.2024);
6. Определение Верховного Суда РФ от 01.09.2023 № 307-ЭС23-15281 по делу № А56-26582/2022 [Электронный ресурс] // Мой арбитр. Режим доступа – <https://my.arbitr.ru/> (дата обращения 12.05.2024);
7. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.12.2023 г. по делу № СИП-125/2023 [Электронный ресурс] // Мой арбитр. Режим доступа – <https://my.arbitr.ru/> (дата обращения 12.05.2024);
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.05.2023 по делу № А56-26582/2022 [Электронный ресурс] // Мой арбитр. Режим доступа – <https://my.arbitr.ru/> (дата обращения 12.05.2024);
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.02.2023 по делу № А56-26587/2022 [Электронный ресурс] // Мой арбитр. Режим доступа – <https://my.arbitr.ru/> (дата обращения 12.05.2024);
10. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.01.2023 по делу № А56-26586/2022 [Электронный ресурс] // Мой арбитр. Режим доступа – <https://my.arbitr.ru/> (дата обращения 12.05.2024);
11. Решение Суда по интеллектуальным правам от 17.12.2019 по делу № СИП-428/2019 [Электронный ресурс] // Мой арбитр. Режим доступа – <https://my.arbitr.ru/> (дата обращения 12.05.2024);
12. Решение Суда по интеллектуальным правам от 13.12.2019 по делу № СИП-673/2019 [Электронный ресурс] // Мой арбитр. Режим доступа – <https://my.arbitr.ru/> (дата обращения 12.05.2024);
13. Решение Суда по интеллектуальным правам от 17.09.2019 по делу № СИП-306/2019 [Электронный ресурс] // Мой арбитр. Режим доступа – <https://my.arbitr.ru/> (дата обращения 12.05.2024);
14. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авиллов, К.В. Всеволозский, В.О. Калятин и др.; под ред. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2008. 715 с;
15. Блинец И.А., Витко В.С. О содержании понятия формы в авторском и патентном праве // *Хозяйство и право*. 2022. № 3. С. 44 – 52;
16. Гаврилов Э.П. Как усовершенствовать право на промышленные образцы и товарные знаки? // *Патенты и лицензии*. 2021. № 6. С. 26 – 29;
17. Губаева Е.А. Проблемы столкновения исключительных прав на промышленные образцы и произведения // *ИС. Промышленная собственность*. 2022. № 11. С. 68-74.
18. Скворцова Т.А., Смоленский М.Б. *Предпринимательское право: учебное пособие* / под ред. Т.А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014. 402 с.

References:

1. Directive 98/71/EC of the European Parliament and of the Council of the European Union of October 13, 1998. "On the legal protection of industrial designs" [Electronic resource] // SPS Consultant Plus. Access mode – <http://www.consultant.ru> (accessed 12.05.2024);
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 12/18/2006 No. 230-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 289, 12/22/2006;
3. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 07/20/2015 No. 482 "On Approval of the Rules for the Preparation, Submission and Consideration of Documents that are the Basis for Legally Significant Actions for the State Registration of Trademarks, Service Marks, Collective Marks, Requirements for Documents Contained in the Application for State Registration of a Trademark, Service Mark, Collective Mark, and Attached thereto documents and their forms, the Procedure for converting an application for state registration of a collective mark into an application for state registration of a trademark, service mark and vice versa, the list of information indicated in the form of a trademark certificate (service mark), a form of a certificate for a collective mark, a form of a trademark certificate (service mark), a form of a certificate for a collective mark" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 08/18/2015 No. 38572) [Electronic resource] // SPS Consultant Plus. Access mode – <http://www.consultant.ru> (accessed 12.05.2024);
4. Rospatent Order No. 127 dated 07/24/2018 "On approval of the Guidelines for the Implementation of administrative procedures and actions within the framework of the provision of public services for the State registration of an industrial design and the issuance of a patent for an industrial design, its duplicate" [Electronic resource] // SPS Consultant Plus. Access mode – <http://www.consultant.ru> (accessed 12.05.2024);
5. Rospatent Order No. 39 dated 03/23/2001 "On approval of Recommendations on certain issues of examination of the declared designations" [Electronic resource] // SPS Consultant Plus. Access mode – <http://www.consultant.ru> (accessed 12.05.2024);
6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/01/2023 No. 307-ES23-15281 in case No. A56-26582/2022 [Electronic resource] // My referee. Access mode – <https://my.arbitr.ru/> (accessed 05/12/2024);
7. Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court dated 12/15/2023 in case No. SIP-125/2023 [Electronic resource] // My referee. Access mode – <https://my.arbitr.ru/> (date of appeal 05/12/2024);
8. Ruling of the Intellectual Property Rights Court dated 05/05/2023 in case No. A56-26582/2022 [Electronic resource] // My referee. Access mode – <https://my.arbitr.ru/> (accessed 05/12/2024);
9. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 02/09/2023 in case No. A56-26587/2022 [Electronic resource] // My referee. Access mode – <https://my.arbitr.ru/> (accessed 05/12/2024);
10. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 01/18/2023 in case No. A56-26586/2022 [Electronic resource] // My referee. Access mode – <https://my.arbitr.ru/> (accessed 05/12/2024);
11. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 12/17/2019 in case No. SIP-428/2019 [Electronic resource] // My referee. Access mode – <https://my.arbitr.ru/> (accessed 05/12/2024);
12. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated December 13, 2019 in case No. SIP-673/2019 [Electronic resource] // My referee. Access mode – <https://my.arbitr.ru/> (accessed 05/12/2024);
13. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 09/17/2019 in case No. SIP-306/2019 [Electronic resource] // My referee. Access mode – <https://my.arbitr.ru/> (yes, the date of the appeal is 05/12/2024);
14. Commentary on part four of the Civil Code of the Russian Federation (title) / G.E. Avilov, K.V. Vsevolozhsky, V.O. Kalyatin, etc.; edited by A.L. Makovsky. M.: Statute, 2008. 715 p;
15. Gemini I.A., Vitko V.S. On the content of the concept of form in copyright and patent law // *Economy and law*. 2022. No. 3. pp. 44 – 52;
16. Gavrilov E.P. How to improve the right to industrial designs and trademarks? // *Patents and licenses*. 2021. No. 6. pp. 26-29;
17. Gubaeva E.A. Problems of collision of exclusive rights to industrial designs and works // *IS. Industrial property*. 2022. No. 11. pp. 68-74.
18. Skvortsova T.A., Smolensky M.B. *Entrepreneurial law: a textbook* / edited by T.A. Skvortsova. M.: Justicinform, 2014. 402 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_238

УДК. 347.91

ЗАЩИТА ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ РЕШЕНИЯ В РАМКАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Protection of public interest in the arbitration process and the possibility of its resolution within the framework of administrative proceedings

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Алексеевич,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права
Санкт-петербургского Государственного Экономического университета (СПБГЭУ)
195070, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Бассейная, 45.
E-mail: 79818103325@yandex.ru;

Kuznetsov Dmitry Alekseevich,

Postgraduate student of the Department of Civil and Corporate Law
of St. Petersburg State University of Economics (SPBGEU)
195070, Russia, St. Petersburg, Basseinaya str., 45.
E-mail: 79818103325@yandex.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы защиты публичного интереса в арбитражном процессе (на примере антимонопольного органа и прокуратуры), изучается доктрина гражданского процесса на предмет возможности рассмотрения экономических споров с участием государства в рамках административного судопроизводства. В статье делается вывод, о возможности решения проблемы защиты публичного интереса в рамках производства по КАС РФ.

Abstract. This article discusses the issues of protecting public interest in the arbitration process (using the example of the antimonopoly authority and the prosecutor's office), and studies the doctrine of the civil process for the possibility of considering economic disputes with the participation of the state in the framework of administrative proceedings. The article concludes that it is possible to solve the problem of protecting public interest within the framework of proceedings under the CAS of the Russian Federation.

Ключевые слова. Арбитражный процесс, конкурентное право, прокурорский надзор, публичный интерес, административное судопроизводство.

Keywords. Arbitration process, competition law, prosecutorial supervision, public interest, administrative proceedings.

Для цитирования: Кузнецов Д.А. Защита публичного интереса в арбитражном процессе и возможность ее решения в рамках административного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 238-240. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_238.

For citation: Kuznetsov D.A. Protection of public interest in the arbitration process and the possibility of its resolution within the framework of administrative proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 238-240. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_238.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2024

Развитие гражданского процесса в условиях продолжающейся судебной реформы, возникновения новых товарных рынков, увеличение числа монополий в экономике Российской Федерации, указывает на необходимость подробного изучения возможности защиты публичных интересов в арбитражном процессе, а с учетом поднимаемой все чаще в доктрине проблемы разрешения публично-правовых споров по правилам Арбитражного процессуального Кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ)¹, проблема единства процессуальной формы административного судопроизводства. В настоящем исследовании объектом является: разрешение споров с участием государства в арбитражном процессе и соответствие избрания законодателем процессуальной формы, целям и задачам, эффективности защиты публичного интереса. Научная новизна состоит в рассмотрении описанной проблематики в контексте антимонопольного законодательства и ряда проблем гражданского процесса, в частности, дифференциации применения принципов процессуального права по отдельным категориям дел.

Еще в древнем Риме существовала конструкция (actiones populares) которая в отличие от (actiones privatae) обеспечивала защиту публичного интереса: публичный иск мог заявить римский гражданин в защиту общества или государства, а присужденное в результате рассмотрения дела передавалось гражданину в качестве вознаграждения [1, с. 105]. Это говорит нам о том, что проблема для гражданского процесса явно не новая и обусловлена более сложными историческими причинами, а переход к рыночной экономике только обострил проблему иска в защиту публичного интереса.

В практике Верховного Суда существует постановление РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»², в п.75 которого определяется понятие публичного интереса в виде интересов неопределенного круга лиц, обороны и безопасности государства, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также, охраны окружающей среды.

В большинстве работ, по вопросам защиты публичного интереса изучаются перспективы участия органов прокуратуры в арбитражном процессе в защиту публичных интересов. Так, Ефимов Н.С. [2, с. 10] доказывала в своей кандидатской диссертации необоснованность ограничений участия прокурора в арбитражном процессе. Токорева Е.В. [3, с. 7-10] так же отмечала необходимость восстановления участия прокуратуры в защиту публичных интересов в арбитражном процессе, указывая, что участие прокурора в защиту публичного интереса сходно с участием

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – № 30. – 2002. – ст. 3012.

² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного суда. – №8. – 2015.

прокурора в римском ординарном процессе, так как это представитель особого рода, а также возможность возвращения в отечественное право категории публичного иска. Н.В. Буланова[4, с. 8], в своей монографии отмечала, что при участии прокурора в уголовном процессе следует руководствоваться принципом публичности (это было бы логично и для цивилистического процесса).

Как мы видим, вопрос о защите публичных интересов органами прокуратуры достаточно активно изучается в цивилистическом процессе и большинство ученых, приходят к выводу о том, что роль и полномочия прокуратуры недостаточны и защиту публичного интереса не обеспечивают. Хотя есть и авторы, например, Воробьев Т.Н. [5, с. 11-12], занимающие ограничительные позиции по участию прокурора в арбитражном процессе, отмечая, что необходимо внедрение ряда критериев, по которым можно будет установить обоснованность вступления прокуратуры в дело.

Если органы прокуратуры могут обеспечивать защиту публичных интересов (теоретически), то что с другими органами государственной власти и антимонопольным органом? И как вообще, регулируется участие органов государственной власти в арбитражном процессе? А.Ю. Томилов[6, с. 64-68] отмечал, что правовое основание участия органов исполнительной власти и органов прокуратуры различно: так органы прокуратуры участвуют в арбитражном процессе на основании ст.52 АПК РФ, а иные органы государственной власти на основании материального права (в нашем случае, антимонопольный орган участвует в арбитражном процессе на основании нормы п. 5-7 ст.23 Федерального закона от 27.06.2006 № 135 ФЗ «О защите конкуренции» (далее –ЗоЗК)¹. Ни органам прокуратуры, ни антимонопольным органом, непосредственного права выступать в защиту публичного интереса АПК РФ не предоставлено. Более того, попытки органов прокуратуры защитить публичный интерес в арбитражном процессе пресекаются судами (см. например, дело № А78-5092/2014, № А69-2767/2016). То есть, публичный интерес в арбитражном процессе никто не защищает? А, что делать с новыми антимонопольными практиками, которые нельзя эффективно квалифицировать по имеющимся нормам или иными действиями хозяйствующих субъектов, которые угрожают общественному порядку? Представим себе ситуацию: у нас есть лекарственный препарат «А», который производит одна компания. Внезапно, по причинам модернизации предприятия резко поднимаются цены на данный препарат, и антимонопольный орган не может это квалифицировать по ст. 6-7 ЗоЗК так, как это мотивировано не рыночной конъюнктурой, а якобы существующими «технологическими процессами», возникает проблема, которую нужно решать или в порядке переговоров с производителем лекарств и проведении субсидирования или в суде, или через отмену антимонопольных иммунитетов в праве интеллектуальной собственности, или через защиту публичных интересов, на которую прямых полномочий нет. В сложившейся ситуации есть одно существенное, но, которое дарит надежду на изменения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 №2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»² п.57 указывает на допустимость участия антимонопольного органа в защиту публичного интереса, в случае мотивированности такого участия. Но ведь Пленум Верховного суда это не то же, что АПК РФ... Давайте попробуем посмотреть на проблему более глобально.

Существование в АПК РФ гл.24-25 изначально и порождает все выше описанные проблемы: зачем главы, которые, по своей природе имеют административно-правовое содержание, оставили в АПК РФ? На наш взгляд, их более логично переместить в кодекс административного судопроизводства (далее –КАС РФ)³. Тем более, что подобные предложения звучали и ранее, а проблема многочисленно правового регулирования разрешения административно-паровых споров, сама по себе не находит разрешения с момента принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)⁴. Так, еще Шварц М.З. [7, с. 9] в своей кандидатской диссертации, предлагал исключить из АПК РФ главу 25. Смагина Е.С. в своей докторской диссертации выдвинула еще более радикальную позицию: рассматривать все споры с участием государства в порядке административного судопроизводства[8]. Но чем же плох АПК РФ и почему необходимо разрешать публично-правовые споры в рамках КАС РФ? Попробуем ответить на данный вопрос.

Во-первых, проблема состоит в ранее описанной ситуации с защитой публичных интересов.

Во-вторых, Шилова Е.А. [9, с. 8] обосновала возникновение административного судопроизводства в виде спорного публичного правоотношения, участниками которого являются органы государственной власти и юридические (или физические) лица, что соответствует главам 24-25 АПК РФ. Большая часть экономических споров имеет частный характер и разрешается все же между хозяйствующими субъектами, в то время нормы глав 24 и 25 АПК РФ регулируют публично-правовые споры. Дивин И.М. [10, с. 13] обосновал тезис о том, что спор в сфере экономической деятельности, является предпосылкой к административному судопроизводству, по делам, вытекающим из экономических отношений.

В-третьих, Хахалева Н.В. [11, с. 8] обосновала необходимость создания единой процессуальной формы рассмотрения дел об административных правонарушениях судом: эта проблема, как мы уже указали, тянется с момента принятия ныне действующих АПК РФ и КоАП РФ и так и не нашла разрешения. Мало того, что это просто не логично, не удобно, не соответствует юридической технике, так еще и правовые коллизии между АПК РФ и КоАП РФ порождает.

В-четвертых, Грешнова Н.А. [12, с. 14] разработала признаки реализации состязательности в процессе: определение роли суда в качестве независимого арбитра; регулирование деятельности сторон по делу, обладающих равными полномочиями, разными интересами; направленность на должную доказательственную деятельность. А теперь учтем и тезис Костиной С.Е. [13, с. 10] о том, что принципы состязательности и диспозитивности ограничиваются принципами юридического равноправия и установления истины по делу, а кроме того, общественными и госу-

¹ Федеральный закон от 27.06.2006 № 135 ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 01.04.2022) // СЗ РФ. – № 31. – 2006. – ст. 3434.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 5. –2021.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (ред. от 30.12.2021, с изм. от 13.01.2022) // СЗ РФ. – №10. –2015. –ст.1391.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. –№ 1.–2002.– (ч. 1).–ст. 1

дарственными интересами (защита публичного правопорядка, судя по всему). Обратимся к п.55 Постановления Пленума Верховного суда №2 от 04.03.2021 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»¹ которым прямо указывается, что без уважительных причин суд первой инстанции, доказательства по делу о нарушении антимонопольного законодательства, если они не были предоставлены при производстве по делу в антимонопольном органе, не принимаются (то есть действуют правила, как в апелляции). Ни о какой состязательности речи здесь быть и не может. Кроме того, ст.9 КАС РФ прямо предусматривает принцип справедливости, а АПК РФ подобного прямого указания не содержит. Помимо выше отмеченного, п.7 ст.6 КАС РФ указывает на принцип процессуальной активности суда, в отличие от АПК РФ (в рассматриваемой нами категории дел, вопрос о диспозитивности и состязательности нельзя оценивать положительно, так как хозяйствующему субъекту противостоит орган государственной власти, что само по себе оказывает влияние на эти оба принципа).

И в-пятых, Плотников Д.А. [14, с. 10] в своей диссертации обосновал возможность дифференциации принципов цивилистического процесса в зависимости от производства и категории дел, что в последствии было подтверждено, прямо и косвенно, другими работами. Тем же автором, по делам, имеющим публично-правовое содержание предлагалось применять принципы срочности, процессуальной активности суда, принцип приоритета интересов заявителя по отношению к должностным лицам, императивности разрешения спора.

С учетом всего выше изложенного, мы можем сделать вывод о возможности решения проблемы защиты публичного интереса в арбитражном процессе, в виде изъятия из АПК РФ глав 24 и 25, перемещением их нормативного материала в КАС РФ, что решит целый ряд доктринальных, практических и теоретических проблем.

Библиография:

1. Салогоубова Е.В. Римский гражданский процесс. М.: Городец, 2018. – 260с.
2. Ефремов Н.С. Правовое регулирование участия прокурора в арбитражном процессе. / Дисс... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. – 260с
3. Токарева Е.В. Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе. / Автореф...дисс. канд. юрид. наук.СПб. –2015. – 26с.
4. Буланова Н.В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судом: монография. / Академия Генеральной прокуратуры российской Федерации. М: Проспект, 2020. – 260с.
5. Воробьев Т. Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве. / Автореф... дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2019. – 27с.
6. Томилов А.Ю. Участие органов государственной власти и органов местного самоуправления в арбитражном процессе с целью защиты прав и свобод законных интересов других лиц. // Вестник ЧГУ. – 2009.– №21.– С.64-68.
7. Шварц М.З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства (проблемы теории и практики применения). / Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб. – 2004. – 26с.
8. Смагина, Е. С. Теоретико-практические проблемы участия государства в современном цивилистическом процессе / Автореф... дисс. докт. юрид. наук. Саратов, 2022. – 49с.
9. Шилова Е.А. Принципы административного судопроизводства. / Автореф... дисс. канд. юрид. наук. М.: 2012. –26с.
10. Дивин И.М. Теоретические проломы функционирования административного судопроизводства по экономическим спорам в Российской Федерации. / Автореф... дис. докт. юрид. наук. М.: 2017. – 50с.
11. Хахалева Н.В. Производство по делам об административных правонарушениях в арбитражных судах. / Автореф... дисс. канд. юрид. наук. Ростов/Н Дон, 2011. – 27с.
12. Грешнова Н.А. Принцип состязательности в юридическом процессе России (проблемы теории и практики). / Автореф... дисс. канд. юрид. наук. Саратов. – 2015. – 26с.
13. Костина С.Е. Развитие принципов диспозитивности и состязательности в арбитражном процессуальном праве. / Автореф... дисс. канд. юрид. наук. Саратов. – 2007. – 23с.
14. Плотников Д.А. Особенности действия принципов гражданского процессуального права в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений. / Автореф... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2013. – 27с.

References:

1. Salogubova E.V. Roman civil process. M.: Gorodets, 2018. – 260 p.
2. Efremov N.S. Legal regulation of the participation of the prosecutor in the arbitration process. / Diss... cand. legal Sci. Saratov, 2013. – 260 p.
3. Tokareva E.V. Protection by the prosecutor of public interest in civil proceedings. / Author's abstract...diss. Ph.D. legal Sciences.SPb. –2015. – 26 p.
4. Bulanova N.V. Participation of the prosecutor in the consideration of criminal cases by the court: monograph. / Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. M: Prospekt, 2020. – 260 p.
5. Vorobyov T. N. Theoretical and practical problems of the participation of the prosecutor in civil proceedings. / Author's abstract... diss. Ph.D. legal Sci. Saratov, 2019. – 27 p.
6. Tomilov A.Yu. Participation of state authorities and local governments in the arbitration process in order to protect the rights and freedoms of the legitimate interests of other persons. // Bulletin of ChSU. – 2009.– No. 21.– P.64-68.
7. Shvarts M.Z. Systematization of arbitration procedural legislation (problems of theory and practice of application). / Author's abstract. dis. ...cand. legal Sci. St. Petersburg – 2004. – 26 p.
8. Smagina, E. S. Theoretical and practical problems of state participation in the modern civil process / Abstract... diss. doc. legal Sci. Saratov, 2022. – 49 p.
9. Shilova E.A. Principles of administrative proceedings. / Author's abstract... diss. Ph.D. legal Sci. M.: 2012. –26p.
10. Divin I.M. Theoretical gaps in the functioning of administrative proceedings in economic disputes in the Russian Federation. / Abstract... dis. doc. legal Sci. M.: 2017. – 50 p.
11. Khakhaleva N.V. Proceedings in cases of administrative offenses in arbitration courts. / Author's abstract... diss. Ph.D. legal Sci. Rostov/N Don, 2011. – 27 p.
12. Greshnova N.A. The principle of competition in the legal process in Russia (problems of theory and practice). / Author's abstract... diss. Ph.D. legal Sci. Saratov. – 2015. – 26 p.
13. Kostina S.E. Development of the principles of discretion and adversarial law in arbitration procedural law. / Author's abstract... diss. Ph.D. legal Sci. Saratov. – 2007. – 23 p.
14. Plotnikov D.A. Features of the operation of the principles of civil procedural law in proceedings in cases arising from public legal relations. / Abstract... dis. Ph.D. legal Sci. Saratov, 2013. – 27 p.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 5. –2021.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОРЯДКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН В 1917-1941 ГГ. LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE FOR THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES AGAINST WOMEN IN 1917-1941

ПИРОГОВ Павел Павлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет».

183010, Россия, г. Мурманск, ул. Спортивная, 13.

E-mail: ppp17@mail.ru;

PIROGOV Pavel Pavlovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic University".

183010, Murmansk, Sportivnaya str., 13.

E-mail: ppp17@mail.ru

Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 124050700059-3

Краткая аннотация: В статье проводится анализ содержания основных нормативных актов, отражающих уголовно-исполнительную политику советского государства в отношении женщин в период до Великой Отечественной войны, на основе изучения практики деятельности исправительных учреждений и статистических данных делаются выводы об особенностях правового статуса осужденных женщин в 1917 – 1941 гг. и влиянии на него социальных и политических преобразований, произошедших в это время в нашей стране.

Abstract: The article analyzes the content of the main normative acts reflecting the penal enforcement policy of the Soviet state in relation to women in the period before the Great Patriotic War, based on the study of the practice of correctional institutions and statistical data, conclusions are drawn about the peculiarities of the legal status of convicted women in 1917 - 1941. and the impact on him of the social and political transformations that took place at that time in our country

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, исправительные учреждения, отбывание наказания, осужденная женщин, исправительно-трудовой лагерь, исполнение наказания в виде лишения свободы.

Keywords: penal enforcement policy, correctional institutions, serving of punishment, convicted women, correctional labor camp, execution of punishment in the form of imprisonment.

Для цитирования: Пирогов П.П. Правовое регулирование порядка исполнения уголовных наказаний в отношении женщин в 1917-1941 гг. // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 241-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_241.

For citation: Pirogov P.P. Legal regulation of the procedure for the execution of criminal penalties against women in 1917-1941 // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 241-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_241.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

До Октябрьской революции 1917 г. правовая регламентация отбывания наказания в местах лишения свободы женщинами мало чем отличалась от той, которая применялась в отношении мужчин. Провозглашенное большевиками после прихода к власти равноправие полов поначалу также привело к тому, что существенной разницы между правовой регламентацией исполнения наказания женщинами и мужчинами не было. Не способствовала гуманизации и социально-политическая обстановка того времени – в период укрепления большевиков у власти (1917 – 1920 гг.) ими применялись радикальные меры в борьбе со своими противниками, обобщенно получившие название «красного террора». Он продолжался до конца гражданской войны и в уголовно-исполнительной сфере выразился в весьма частой практике применения к женщинам весьма суровых наказаний – от тюремного заключения (М.А. Спиридонова, А.А. Измайлович) до смертной казни (здесь достаточно упомянуть жену и четырех дочерей последнего российского императора и других представительниц семьи Романовых, жен и дочерей белогвардейских офицеров, а также Ф. Каплан, совершившую покушение на В.И. Ленина в марте 2018 г.).

Основным видом наказания в этот период было лишение свободы. Его отбытие регламентировалось Временной инструкцией НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г., которая не предусматривала особых ограничений при его отбытии в отношении лиц женского пола: распределение осужденных по пенитенциарным учреждениям осуществлялось в зависимости от тяжести наказания. Тем не менее, предусматривалось его раздельное отбывание мужчинами и женщинами [1, с. 231].

Впервые особенности исполнения уголовных наказаний в отношении женщин проявились в Положении об общих местах заключения РСФСР от 15 ноября 1920 г., согласно § 45 которого при отсутствии в регионе мест заключения для женщин они должны были помещаться в камерах отдельно от остальных осужденных. Параграф 32 этого акта позволял принимать в места заключения и помещать вместе с женщинами их грудных детей. В этот период женщины отбывали наказание отдельно от мужчин, но, как правило, на общих основаниях.

В октябре 1922 г. различные виды мест заключения разной ведомственной принадлежности были объединены под началом НКВД РСФСР. Кроме того, в этом же году был принят Уголовный кодекс, который нормативно закрепил новые виды мест лишения свободы. В этой связи появилась объективная необходимость разработки акта, определявшего порядок отбывания наказания осужденными с учетом этих обстоятельств. Им стал Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. (далее – ИТК РСФСР 1924 г.).

Порядок отбывания наказания женщинами устанавливался ИТК РСФСР 1924 г. на общих основаниях. В то же время в нем имелся ряд

норм, регламентирующих порядок исполнения наказаний именно лицами женского пола. Так, согласно ст. 114 они помещались в специально предназначенные учреждения. Особые преимущества предоставлялись беременным и женщинам-матерям. Первых, начиная с пятого месяца беременности, запрещалось при отбытии принудительных работ отправлять на них «вне своего постоянного места жительства без их на то согласия» (ст. 42), в случае же отбывания лишения свободы беременных женщин нельзя было без их согласия отправлять на работы «вне места заключения» (ст. 58). Статья 109 ИТК РСФСР 1924 г. позволяла принимать в пенитенциарное учреждение вместе с женщинами их грудных детей. Также разрешалось отсрочить перевод женщины в другое учреждение в случае ее беременности или на период кормления грудью (ст. 208).

Таким образом, правовой статус осужденных женщин в 1920-е гг. мало чем отличался от мужского. Отдельные нормы уголовно-исполнительного законодательства, улучшавшие их положение при отбывании наказаний, основным из которых являлось лишение свободы, касались материнства. Помимо этого, в силу физиологических особенностей осужденные женщины привлекались к более легким работам. Поскольку удельный вес заключенных лиц женского пола был невелик, первоначальная идея об их содержании в отдельных учреждениях не была реализована: места заключения имели смешанный характер, однако женщины в них размещались отдельно от мужчин в особых корпусах (отделениях, камерах).

После перехода от нэпа к политике индустриализации и коллективизации (рубеж 1920-х – 1930-х гг.) подведомственные НКВД РСФСР места заключения перестали надлежащим образом выполнять свои задачи. Значительная часть их контингента (преимущественно женщины) не была трудоустроена и не окупала своего содержания. Это привело к изменению карательной политики: взамен краткосрочного лишения свободы были введены наказания, не связанные с изоляцией от общества, места же отбывания лишения свободы были дифференцированы в зависимости от продолжительности его срока: в случае, если он не превышал 3 лет, осужденный отбывал наказание в общих местах заключения, в случае же, если он находился в диапазоне от 3 до 10 лет, осужденный помещался в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ), деятельность таких учреждений регламентировалась специальным Положением от 7 апреля 1930 г. Женщины по-прежнему содержались отдельно от мужчин, но за ними данный нормативный акт сохранил лишь одну «привилегию» - право иметь при себе детей в возрасте до 2 лет (ст. 11). Условия же быта и труда лагерниц были крайне тяжелыми. Неудивительно поэтому, что в приказе ГУЛАГа ОГПУ по Беломоро-Балтийскому лагерю от 8 февраля 1933 г. среди нарушений исправительно-трудовой политики в отношении заключенных женщин были названы плохое утепление и антисанитарное состояние некоторых отделений женских общежитий, слабая организация медицинского обслуживания и санитарного просвещения женщин, отсутствие внимания к рациональному использованию женского труда и повышению производственной квалификации женщин, недостаточный уровень культурного обслуживания женщин, отсутствие «чуткости и уважения» к ним со стороны администрации лагеря и заключенных мужчин и др. Негативными последствиями этих нарушений в женских лагерях являлись кражи, пьянство, картежная игра и проституция [1, с. 238 - 239].

Возможно, что этот и другие, почти идентичные по содержанию, отчеты о положении женщин в исправительно-трудовых учреждениях, повлияли на сохранение тенденции гуманизации исполнения наказания для данной категорией осужденных при разработке Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г. (далее – ИТК РСФСР 1933 г.). Статья 18 данного акта запретила привлекать беременных женщин и женщин, кормящих грудью, к работам до родов и после родов в сроки, указанные Кодексом законов о труде РСФСР. Кроме того, этой же статьей данным категориям женщин были предоставлены те же льготы, которые предусматривались трудовым законодательством.

Заслуживает внимание и положение ст. 46 ИТК РСФСР 1933 г., которое позволяло осужденным к лишению свободы женщинам иметь при себе детей в возрасте до 4 лет, при этом для них обязательно организовывались ясли (ради интереса стоит отметить, что до июня 2023 г. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации ограничивал эту возрастную планку 3 годами, см. ч. 1 ст. 100).

Статья 47 ИТК РСФСР 1933 г. по-прежнему провозглашала принцип раздельного содержания мужчин и женщин. На практике женщины содержались обычно в изолированных отделениях (участках) мужских исправительно-трудовых колоний. Единственным самостоятельным женским учреждением, существовавшим в этот период, являлся Новинский дом заключения в Москве, однако в 1934 г. он был ликвидирован.

Условия содержания женщин и «трудовые задания» в местных колониях, подчинявшихся территориальным органам ГУЛАГа, были менее жесткими по сравнению с лагерями. И хотя на содержащихся там женщин распространялись многочисленные ведомственные инструкции НКВД, от приказа администрации их хоть в какой-то степени защищал ИТК РСФСР 1933 г.

Политика репрессий, прежде всего, в отношении политических противников укрепившегося в первой половине 1930-х гг. режима И.В. Сталина, которая продолжалась вплоть до начала Великой Отечественной войны, негативным образом сказалась на правовом статусе осужденных женщин. Наиболее опасные государственные преступницы наравне с мужчинами содержались в Верхнеуральском, Сретенском, Суздальском, Челябинском и Ярославском политизоляторах ОГПУ, переданных в 1934 г. после ликвидации ОГПУ в ведение НКВД СССР, где они были переименованы в тюрьмы особого назначения.

После возвращения в число наказаний тюремного заключения тюрьмы особого назначения и ряд тюрем, переданных из ГУЛАГа (Владимирская, Орловская и др.), были реорганизованы в срочные тюрьмы Главного управления государственной безопасности (далее – ГУГБ) НКВД СССР. В них отбывали наказание осужденные обоих полов, отнесенные к разным категориям противников режима: троцкисты, шпионы, диверсанты и т.п.

Ужесточению условий содержания женщин в местах лишения свободы вновь способствовали проведенные проверки, результаты которых были подвергнуты суровой критике на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. Как отметил нарком внутренних дел Н.И. Ежов, места заключения больше похожи «на принудительные дома отдыха, нежели тюрьмы». Докладчик обратил внимание на «подобострастное и внимательное отношение к заключенным», отметил возможность их тесного общения между собой, а также неограниченно пользоваться литера-

турой, что, по его мнению, способствовало разработке планов антисоветской деятельности. Особое внимание Н.И. Ежов обратил на случаи совместного отбывания наказания осужденными-супругами, в том числе тогда, когда брак между ними был заключен уже в исправительном учреждении. К числу «недостатков» были отнесены также «ежедневные прогулки заключенных по 3 часа» и наличие «семейных комнат» [4, с. 9, 18 - 19]. Такой режим «не обеспечивал должной изоляции особо опасных преступников, ... сводил на нет значение наказания, не вызывал страха перед тюремным заключением» [5, с. 23].

Эти партийные установки были моментально претворены в жизнь. Приказом НКВД СССР от 15 марта 1937 г. № 00112 было введено Положение о тюрьмах ГУГБ для содержания осужденных, предусматривавшее их строжайшую изоляцию. Женщины должны были содержаться отдельно от мужчин, их нельзя было выводить совместно даже на ежедневные прогулки в тюремном дворе. Всех осужденных приказывалось содержать в камерах под запором и охраной, категорически запрещалось использовать их на любых работах; также были введены ограничения на переписку, пользование деньгами, чтение газет и книг, запрет на свидания и др. В обязанности заключенным были вменены ежедневная уборка камер и соблюдение правил внутреннего распорядка.

Борьба велась не только с «врагами народа», но и с членами их семей. 5 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление о заключении в лагеря на 5 – 8 лет жен осужденных изменников родины и создании для этого специальных лагерей в Нарымском крае и Тургайском районе Казахстана. Заключенных женщин предписывалось заключать в лагеря на сроки, определяемые в зависимости от степени их социальной опасности, а детей в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления предлагалось направлять в лагеря, колонии или детские дома. Маховик репрессий в отношении жен шпионов, диверсантов, террористов раскручивался стремительно: согласно докладу от 5 октября 1938 г., адресованному руководством НКВД СССР И.В. Сталину, чуть больше чем за год (с августа 1937 г., когда был издан приказ НКВД СССР № 00486 «О репрессировании членов семей изменников Родины») их было репрессировано свыше 18 тыс. Это повлекло за собой необходимость создания дополнительных исправительных лагерей: Темниковского исправительно-трудового лагеря, Томского лагеря изменников Родины и печально знаменитого АЛЖИРА (Акмолинского лагеря жен изменников Родины) в Казахстане, условия содержания в которых были тяжелы как с физической (теснота, строгая изоляция, плохая организация труда), так и с моральной точек зрения (издевательства и жестокость со стороны администрации, отсутствие информации о родных и близких, прежде всего, о детях). Некоторое смягчение участи женщин в АЛЖИРЕ произошел в мае 1939 г.: им были разрешены переписка и получение посылок, а также снят запрет на работу по специальности.

Репрессии 1937 – 1940 гг. затронули не только политических противников режима, но и зажиточных сельских жителей, получивших еще в период коллективизации прозвище «кулаки». На борьбу с ними был направлен приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447, который предусматривал в отношении них и другого «антисоветского элемента» лишь два наказания: заключение в лагерь на срок от 8 до 10 лет или расстрел. Точных данных о числе пострадавших в ходе этой «кампании» нет, однако среди лиц, осужденных к лишению свободы, доля женщин была значительна. Так, например, на 1 апреля 1938 г. в Кулойском исправительно-трудовом лагере содержалось 762, а на 1 октября 1938 г. в Каргопольском ИТЛ - 1364 женщины [7, с. 344], условия их содержания в этих учреждениях, как пишет Н.А. Белова, были «просто ужасающими»: например, в случае, если к прибытию очередной партии заключенных необходимого числа бараков не было, их размещали в неотапливаемых палатках, а при их отсутствии – в шалашах, сооруженных из елей и сосен [1, с. 248].

Репрессии наряду с сохранением тенденции роста уголовных преступлений привели к увеличению количества осужденных в целом и женщин в частности: на 1 января 1939 г. в лагерях НКВД СССР содержался 1 289 491 заключенный, в числе которых – 107 319 женщин [2, с. 416].

Увеличение числа заключенных стало причиной принятия новых нормативных актов, регламентирующих режим их содержания. 2 августа 1939 г. Приказом НКВД СССР № 00889 была утверждена Временная инструкция о режиме содержания заключенных в ИТЛ НКВД СССР. Согласно ей, они должны были размещаться по изолированным ограждением лагерьным пунктам, организуемым вблизи объектов работ (ст. 3 – 4). В зоне лагерьного пункта можно было свободно перемещаться до момента отбоя (ст. 10), в то же время хождение заключенных из барака в барак, посещение женских общежитий заключенными мужчинами (и наоборот), а также использование заключенных в качестве домашних работников (работников) было по общему правилу запрещено (ст. 11, 14). Никаких особых льгот для женщин инструкция не предусматривала.

Уравнивание женщин в правах с мужчинами привело к установлению для них одинаковых трудовых норм, последствиями невыполнения которых было уменьшение пайка, а затем и голод. Непосильный (а для политических заключенных – еще и непривычный) труд быстро превращал лагерниц в старух и инвалидов.

Однако даже в таких условиях женщины становились матерями (что, впрочем, неудивительно, поскольку состав лагерной администрации и охраны был преимущественно мужским). Несмотря на то, что материнство руководством ГУЛАГа не поощрялось, в 1930-е гг. почти во всех женских лагерях были оборудованы детские зоны, а в ведомстве НКВД СССР числилось 90 детских домов для лагерных детей [3, с. 275]. В лагерях в зависимости от количества кормящих матерей устраивались отдельные кабинки в общих бараках либо выделялся специальный («мамский» или «бабский») барак, куда в установленные часы женщин приводили с работы под конвоем кормить своих детей. Женщина могла остаться в таком бараке на ночь. В ряде лагерей были созданы детгородки, в которых отдельным женщинам удавалось устроиться нянями [1, с. 252]. Однако во второй половине 1930-х гг. пребывание детей в лагерях вместе с матерями было признано дестабилизирующим фактором, снижающим дисциплину и производительность труда, поэтому Секретной инструкцией НКВД СССР возраст нахождения детей при матерях в ИТЛ был сокращен до 12 месяцев [6, с. 217].

В целом проведенный анализ показал, что на протяжении всего довоенного периода уголовно-исполнительная политика советского государства в отношении женщин во многом зависела от социально-политической обстановки. Ее ужесточение в 1918 – 1920 гг. было связано с

необходимостью укрепления у власти партии большевиков, а во второй половине 1930-х гг. – с ожесточением репрессий в отношении политических противников режима и других идеологических врагов. Крайне незначительное влияние на эту тенденцию оказали принятые в 1924 и 1933 г. кодифицированные акты отрасли, однако количество содержащихся в них норм гуманистического характера было невелико, и большинство из них было попросту забыто в угоду политическому моменту под влиянием партийных велений и установок. Все это привело к тому, что женщины в местах лишения свободы были практически бесправны, а предоставляемые им льготы и преимущества в основном были прямым следствием физиологических особенностей их организма и были связаны либо с беременностью, либо с выполнением материнских функций.

Библиография:

1. Белова Н.А. Исполнение наказаний в России в отношении женщин: история и современность. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2016. – 340 с.
2. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918 – 1960: Документы. - М.: Международный фонд «Демократия», 2000. – 885 с.
3. Максимова Л.А. Материнство в лагерях ГУЛАГа // Гендерная теория и историческое знание. – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный ун-т, 2005. – С. 271 – 277.
4. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 10. – С. 3 – 42.
5. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 2. – С. 3 – 43.
6. Минкова Е.А. История функционирования исправительных учреждений для осужденных женского пола в России // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях развития. – Рязань: Академия ФСИН России, 2021. – С. 216 – 222.
7. Упадышев Н.А. Из истории сталинских лагерей в Архангельской области (лагеря в Котласе и Каргополе) // Каторга и ссылка на Севере России. В 2 т. Т. 2. – Архангельск: Архангельский государственный ун-т, 2006. – С. 340 – 350.

References:

1. Belova N.A. Execution of punishments in Russia against women: history and modernity. Vologda: VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2016. – 340 p.
2. GULAG (Main Camp Administration). 1918 – 1960: Documents. - Moscow: International Foundation for Democracy, 2000. – 885 p.
3. Maksimova L.A. Motherhood in GULAG camps // Gender theory and historical knowledge. Syktyvkar: Syktyvkar State University, 2005. - pp. 271-277.
4. Materials of the February–March plenum of the Central Committee of the CPSU (b) 1937 // Questions of history. 1994. No. 10. – pp. 3 – 42.
5. Materials of the February–March plenum of the Central Committee of the CPSU (b) 1937 // Questions of history. 1995. No. 2. – pp. 3 – 43.
6. Minkova E.A. The history of the functioning of correctional institutions for female convicts in Russia // Actual problems of organizing the activities of bodies and institutions of the penal enforcement system in the conditions of development. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. – pp. 216-222.
7. Upadyshv N.A. From the history of Stalin's camps in the Arkhangelsk region (camps in Kotlas and Kargopol) // Hard labor and exile in the North of Russia. In 2 vols. Vol. 2. – Arkhangelsk: Arkhangelsk State University, 2006. – pp. 340 – 350.

К ВОПРОСУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ КОМПЕНСАЦИИ МЕЖДУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯМИ ПРИ НАРУШЕНИИ ПРАВА НА НАИМЕНОВАНИЕ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА ON THE ISSUE OF DISTRIBUTION OF COMPENSATION BETWEEN RIGHT HOLDERS IN CASE OF VIOLATION OF THE RIGHT TO THE NAME OF THE PLACE OF ORIGIN OF GOODS

ВЫЩЕПАН Дмитрий Алексеевич,

аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».

460018, Россия, Оренбургская обл., г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13.

E-mail: orenburgsu@gmail.com;

Vyshchepan Dmitrii Alekseevich,

postgraduate student of the Department of Civil Law and Process of the Faculty of Law
Orenburg State University.

13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, 460018, Russia.

E-mail: orenburgsu@gmail.com

Краткая аннотация. В настоящей статье на основе анализа действующего законодательства, практики его применения, юридической литературы поднимается вопрос о том, что действующим законодательством прямо не установлен порядок распределения общего размера компенсации за нарушение права на наименование места происхождения товара между правообладателями. Зачастую применяется аналогия закона, применение которой в некоторых случаях не отвечает принципам справедливости.

Abstract. In this article, based on the analysis of current legislation, the practice of its application, and the legal literature, the question is raised that the current legislation does not directly establish the procedure for distributing the total amount of compensation for violation of the right to name of the place of origin of the goods between copyright holders. The analogy of the law is often used, the application of which in some cases does not meet the principles of justice.

Ключевые слова: наименование места происхождения товара, компенсация, убытки, правообладатели, интеллектуальная собственность, реализация контрафактных товаров.

Keywords: name of the place of origin of the goods, compensation, damages, copyright holders, intellectual property, sale of counterfeit goods.

Для цитирования: Выщепан Д.А. К вопросу о распределении компенсации между правообладателями при нарушении права на наименование места происхождения товара // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 245-248. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_245.

For citation: Vyshchepan D.A. On the issue of distribution of compensation between right holders in case of violation of the right to the name of the place of origin of goods // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 245-248. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_245.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

Отношения в сфере интеллектуальной собственности являются относительно новыми для российского законодательства. Свое бурное развитие они получили относительно недавно, а именно после распада Советского Союза в связи с переходом к частной собственности и рыночной экономике. Безусловно, подобные изменения в общественной сфере привели к возникновению объективной необходимости в формировании соответствующих правовых норм, в том числе и в сфере интеллектуальной собственности.

Особое место при правовом регулировании отношений, связанных с товарооборотом, занимает защита прав производителей товара от неправомерных действий третьих лиц, реализующих контрафактную продукцию, порой более низкого качества, по более низкой цене, иногда с риском для жизни и здоровья конечного потребителя.

Более того, зачастую достаточно большое количество товаров приобрели свою известность на рынке благодаря месту своего происхождения, а недобросовестные производители и продавцы, пользуясь популярностью подобных товаров, реализуя подделку, извлекают сверхприбыли.

Наименования мест происхождения товаров заслуживают внимания как разновидность средств индивидуализации товаров, которым посвящена глава 76 ГК РФ. Наименование места происхождения товара - название определенного места (местности) на планете Земля. Им обозначаются товары, изготавливаемые в этом месте и обладающие особыми свойствами (качествами). Это название получило определенную известность.

При наличии всех указанных условий любой изготовитель таких товаров может получить право использовать наименование места происхождения товара для своих товаров, обладающих указанными свойствами и производимыми в этом месте. Это право возникает на основе государственной регистрации наименования места происхождения товара Роспатентом. Такая регистрация производится на основе первой поступившей в Роспатент заявки. Другие заявители на основе своих заявок могут получить аналогичное право на использование уже зарегистрированного наименования места происхождения товара [1].

Наименование места происхождения товара (далее – НМПТ, данную аббревиатуру можно считать официальной) - самостоятельное средство индивидуализации товаров. Оно выполняет в основном ту же функцию, что и товарный знак, - индивидуализирует товары, отделяет

одни товары от других. Вместе с тем НМПТ выполняет еще одну дополнительную функцию - оно свидетельствует о том, что маркированный НМПТ товар обладает особыми (повышенными) качествами. Товарный знак - прямо и сам по себе - этой функции не выполняет [2].

В связи с этим законодателем были определены соответствующие права правообладателей на наименование места происхождения товаров и способы их защиты. Понятия географического указания (далее - ГУ) и наименования места происхождения товаров закреплены в статье 1516 Гражданского кодекса РФ. Так, под ГУ, которому предоставляется правовая охрана, понимается обозначение, идентифицирующее происходящий с территории географического объекта товар, определенное качество, репутация или другие характеристики которого в значительной степени связаны с его географическим происхождением (характеристики товара). На территории данного географического объекта должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства товара, оказывающая существенное влияние на формирование характеристик товара.

НМПТ - обозначение, представляющее собой современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, включающее такое наименование или производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами. На территории данного географического объекта должны осуществляться все стадии производства товара, оказывающие существенное влияние на формирование особых свойств товара.

Анализируя данные понятия, следует отметить, что НМПТ не может быть объектом исключительного права отдельных юридических или физических лиц в его классическом понимании (как, например, исключительное право на товарный знак). Другими словами, никто не может добиться монополии на использование какого-либо наименования места происхождения товара. Таким образом, государство предоставляет производителям товаров право пользования наименованием на основании его регистрации, и это право носит коллективный характер [3].

Особенностью права на НМПТ является то, что в соответствии с п. 4 ст. 1229 ГК РФ самостоятельные исключительные права на одно и то же средство индивидуализации НМПТ могут одновременно принадлежать разным лицам. Иными словами, в отношении НМПТ допускается множественность правообладателей, причем обладающих самостоятельными правами на один и тот же объект правовой охраны [4].

Пунктом 3 статьи 1519 ГК РФ предусматривается перечень действий, которые являются незаконным использованием ГУ (НМПТ):

1) использование зарегистрированного географического указания лицами, не обладающими правом его использования, даже если при этом указывается подлинное место происхождения товара или географическое указание используется в переводе либо в сочетании с такими словами, как «род», «тип», «имитация» и т.п.;

2) использование зарегистрированного географического указания лицами, обладающими правом его использования, в отношении товара, не обладающего характеристиками, указанными в Государственном реестре указаний и наименований, либо произведенного за пределами границ географического объекта, указанных в таком Государственном реестре;

3) использование для любых товаров обозначения, включающего, воспроизводящего или имитирующего зарегистрированное географическое указание, способного ввести потребителей в заблуждение относительно места происхождения товара или характеристик товара.

Способы защиты исключительных прав закреплены в пункте 1 статьи 1252 ГК РФ: обладатель исключительного права может требовать, в частности, возмещения убытков от лица, неправомерно использовавшего результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без заключения соглашения с правообладателем (бездоговорное использование) либо иным образом нарушившего его исключительное право и причинившего ему ущерб (подп. 3 п. 1 ст. 1252 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 2 статьи 1537 ГК РФ правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

1) в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения;

2) в двукратном размере стоимости контрафактных товаров, на которых незаконно размещено географическое указание или наименование места происхождения товара.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что правообладатели, защищая свое право на НМПТ, используют оба способа расчета компенсации. Имеют место быть случаи, когда несколько правообладателей одновременно заявляют свои иски о взыскании компенсации к нарушителю либо только один из них.

Особенность данной категории дел заключается в том, что при обращении с иском заявлением одного из правообладателей НМПТ к лицу, незаконно использовавшему НМПТ, суд должен установить круг правообладателей НМПТ и привлечь их к участию в деле, которые, в свою очередь, могут, как присоединиться к иску, так и остаться третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований. Так, Верховный Суд РФ в своем определении от 15.11.2022 № 308-ЭС22-9213 по делу № А63-13005/2020 отметил, что когда правонарушитель использует одно НМПТ, исключительным правом на которое обладают несколько лиц, то доход или двойная стоимость контрафактного товара составляет его доход от нарушения одновременно прав всех правообладателей, следовательно, доход или двойная стоимость товаров причитается всем обладателям исключительного права, за счет неправомерного использования исключительных прав которых он смог этот доход извлечь, то есть сумма дохода или двойной стоимости товара должна распределяться на всех обладателей исключительного права.

Аналогичное правило распространяется, когда правообладатели требуют взыскать компенсацию за незаконное использование НМПТ в сумме от 10 тысяч до 5 миллионов рублей.

Правовая неопределенность заключается в том, что действующим законодательством прямо не установлен порядок распределения

компенсации за нарушение исключительного права НМПТ между правообладателями, каждый из которых должен быть привлечен к участию в деле и имеет право на самостоятельное предъявление требований в рамках спора.

Конституционный Суд РФ в постановлениях от 13.12.2016 № 28-П, от 13.02.2018 № 8-П, от 24.07.2020 № 40-П отметил, что в каждом конкретном случае меры гражданско-правовой ответственности, устанавливаемые в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате противоправного деяния, с тем чтобы обеспечивалась их соразмерность совершенному правонарушению, а также соблюдался баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлениях от 20.11.2012 № 8953/12, от 02.04.2013 № 16449/12 указал, что размер компенсации за неправомерное использование объекта интеллектуальной собственности должен определяться исходя из необходимости восстановления имущественного положения правообладателя. Это означает, что он должен быть поставлен в имущественное положение, в котором находился бы, если бы объект интеллектуальной собственности использовался правомерно.

В соответствии с частью 1 статьи 8 АПК РФ арбитражный суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон.

При рассмотрении спора о взыскании компенсации с нарушителя права на НМПТ «Ессентуки», при распределении общего размера компенсации Верховный суд РФ в своем определении от 15.11.2022 № 308-ЭС22-9213 по делу № А63-13005/2020 применил правовой подход, изложенный в пункте 69 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5], согласно которому при нарушении одним действием исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, принадлежащий нескольким лицам (например, соавторам (ст. 1258 ГК РФ) или коллективу исполнителей (ст. 1314 ГК РФ), в случае обращения за защитой нарушенного права всех соавторов (соисполнителей) суд определяет общий размер компенсации за допущенное нарушение и распределяет взысканную компенсацию между соистцами применительно к абзацу третьему пункта 3 статьи 1229 ГК РФ - между всеми правообладателями в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Однако, по моему мнению, применение аналогии закона не является корректным во всех случаях, связанных с нарушением права на НМПТ, и может применяться как общее правило, из которого имеют место быть исключения. В приведенном п. 69 Постановления Пленума ВС РФ речь идет о соавторстве и соисполнительстве. Согласно ст. 1258 Гражданского кодекса РФ граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом, признаются соавторами независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение. Произведение, созданное в соавторстве, используется соавторами совместно, если соглашением между ними не предусмотрено иное. К отношениям соавторов, связанным с распределением доходов от использования произведения и с распоряжением исключительным правом на произведение, соответственно, применяются правила пункта 3 статьи 1229 ГК РФ.

В настоящем же случае имеет место быть защита исключительного права на использование наименования места происхождения товара (НМПТ).

Рассмотрим в качестве примера право на НМПТ продукта народного художественного промысла «Оренбургский пуховый платок». Каждый из правообладателей НМПТ в настоящем случае обладает и реализует свое право по своему собственному усмотрению путем, во-первых, создания уникального продукта (пухового платка) с указанием соответствующего состава и наличием индивидуального узора, и, во-вторых, реализации (продажи) пуховых платков конечному потребителю. Никакого соавторства в процессе создания пухового платка среди правообладателей нет, у каждого правообладателя зарегистрировано разное количество пуховых платков, безусловно отличающихся друг от друга.

Каждый правообладатель при регистрации нового пухового платка самостоятельно обращается в художественный совет, проходит соответствующие процедуры регистрации независимо от других правообладателей.

Определение доли, занимаемой на рынке, имеет принципиальное значение с целью исключения злоупотребления правами правообладателей, которые, например, не реализуют пуховые платки и не ведут экономической деятельности, а лишь обладают правом, что фактически не влечет возникновение материальных убытков у последних. Распределение компенсации за нарушение НМПТ по аналогии закона с соавторством также в равных долях не будет отвечать принципам законности и справедливости.

Более того, наиболее сложный вопрос возникает, когда другие правообладатели, помимо истца, не заявляют самостоятельных требований. Если бы правообладатели воспользовались своим правом, то суд рассматривал бы отдельно иски каждого из них, оценивал бы объем нарушенных прав, фактические обстоятельства дела, долю, занимаемую на рынке. Единственной особенностью является то, что суммарная компенсация за нарушение не могла бы превышать 5 миллионов рублей либо двукратного размера стоимости контрафактных товаров, как это предусмотрено законодательством, не смотря на объем исковых требований правообладателей.

Подобный подход к определению доли истца среди правообладателей нашел свое отражение в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 26.07.2023 по делу № А47-14227/2021. В частности, суд отметил, что, по общему правилу, размер взыскиваемой компенсации за допущенное нарушение ответчиком, следует определять в равных долях. Вместе с тем, если кто-либо из правообладателей представлял в суд дополнительные доказательства, в обоснование своего довода о том, что размер доли должен быть иным, например: в силу определенного объема продаж этого правообладателя, конкретной доли на российском рынке данного правообладателя и т.п., суду также следует оценить такие доказательства.

Аналогичная позиция была подтверждена Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 12.10.2023 по делу № А40-288428/2021, Определением ВС РФ от 22.12.2023 № 305-ЭС23-26038.

Подводя итог проведенному анализу распределения компенсации между правообладателями, можно сделать вывод, что законодателем не установлен порядок подобного распределения, и, по общему правилу, следует применять п. 69 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому при нарушении одним действием исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, принадлежащий нескольким лицам (например, соавторам (ст. 1258 ГК РФ) или коллективу исполнителей (ст. 1314 ГК РФ)). В случае обращения за защитой нарушенного права всех соавторов (соисполнителей) суд определяет общий размер компенсации за допущенное нарушение и распределяет взысканную компенсацию между соистцами применительно к абзацу третьему пункта 3 статьи 1229 ГК РФ - между всеми правообладателями в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное. Однако, в случае, если кто-либо из правообладателей представил в суд дополнительные доказательства в обоснование своего довода о том, что размер доли должен быть иным, например: в силу определенного объема продаж этого правообладателя, конкретной доли на российском рынке данного правообладателя и т.п., то размер доли определяется исходя из приведенных данных, иначе распределение компенсации между правообладателями за нарушение НМПТ в равных долях не будет отвечать принципам законности и справедливости.

Библиография:

1. Гаврилов Э.П., Гаврилов К.М. Правовая охрана наименований мест происхождения товаров: необходимы серьезные изменения // Патенты и лицензии. – 2014. - № 4.
2. Гаврилов Э.П., В.И. Еременко. Комментарий к части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации (Постатейный) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
3. Горленко С.А., Еременко В.И. Комментарий к Закону РФ от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/tovarnyi-znak/9.htm>
4. Туркина А., Радецкая М. Компенсация за нарушение прав на наименование мест происхождения товаров и географические указания: обзор судебной практики [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/article/1511294/>
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная система «Консультант Плюс».

References:

1. Gavrilov E.P., Gavrilov K.M. Legal protection of appellations of origin of goods: serious changes are needed // Patents and licenses. – 2014. - No. 4.
2. Gavrilov E.P., V.I. Eremenko. Commentary to part four of the Civil Code of the Russian Federation (Article by article) // Legal reference system "Consultant Plus".
3. Gorlenko S.A., Eremenko V.I. Commentary to the Law of the Russian Federation dated 09/23/1992 No. 3520-1 "On Trademarks, service marks and place names of goods" [Electronic resource] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/tovarnyi-znak/9.htm>
4. Turkina A., Radetskaya M. Compensation for violation of the rights to the designation of places of origin of goods and geographical indications: a review of judicial practice [Electronic resource] // URL: <https://www.garant.ru/article/1511294/>
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/23/2019 No. 10 "On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Consultant Plus reference System.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРОЦЕССА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

On some issues of evidentiary process in civil proceedings

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1.

E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Candidate of Law, Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Moscow, Narvskaya str., 15 a, building 1.

E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

Краткая аннотация: в данной статье, автором рассмотрены некоторые вопросы, связанные с судебной формой защиты прав, свобод и интересов человека и гражданина. Рассмотрена проблема разграничения понятий «судопроизводство» и «правосудие» и произведен анализ источников отечественного права в части этого вопроса.

Abstract: in this article, the author considers some issues related to the judicial form of protection of rights, freedoms and interests of man and citizen. The problem of differentiating the concepts of "legal proceedings" and "justice" is considered and the sources of domestic law in part of this issue are analyzed.

Ключевые слова: закон, суд, судопроизводство, правосудие, защита прав, источники права.

Keywords: law, court, procedure, justice, protection of rights, sources of law.

Для цитирования: Бажанов С.А. О некоторых вопросах доказательственного процесса в гражданском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 249-250. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_249.

For citation: Bazhanov S.A. On some issues of evidentiary process in civil proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 249-250. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_249.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2024

Актуальность исследования судопроизводства как средства (формы) осуществления судебной власти связана с тем, что на уровне Конституции Российской Федерации устанавливается такой способ осуществления судебной власти как судопроизводство. Конституция Российской Федерации также дифференцирует виды судопроизводства, посредством которых осуществляется судебная власть: конституционное, гражданское, уголовное, административное, арбитражное. Однако с точки зрения теоретико-правового подхода, понятие судопроизводства как способа осуществления судебной власти в доктринальной литературе разработано крайне слабо. Основное внимание исследователей сфокусировано на процессуальных особенностях отдельно каждого вида судопроизводства.

Судопроизводство рассматривается в тесной связи с таким понятием как правосудие. Оба эти понятия широко используются в базовом законе Российского государства и отраслевых нормативных правовых актах. Вместе с тем, до настоящего времени в юридической литературе нет четко определенной позиции в понимании понятия судопроизводства, правосудия, их смежности и отличий.

Как уже стало ясно, особая роль в защите прав и законных интересов человека и гражданина отведена суду.

На уровне Конституции Российской Федерации используется такое понятие как судопроизводство. Кроме того, данное понятие широко используется в отраслевом процессуальном законодательстве. Применительно к базовому закону российского государства, в ст. 118 Конституции Российской Федерации закрепляется, что судебная власть осуществляется посредством нескольких видов судопроизводства: конституционного, гражданского, уголовного, административного, арбитражного. Следуя буквальному толкованию Конституции Российской Федерации, судопроизводство - есть средство осуществления судебной власти.

Предлагаем рассмотреть соотношение понятий «судопроизводство» и «правосудие», поскольку зачастую в юридической литературе эти правовые явления отождествляются, однако есть группа авторов, являющихся противниками такого отождествления, обосновывающие необходимость разграничения этих понятий. Например, сторонником такого дифференцированного подхода является Р.А. Ромашов. По мнению автора, «судопроизводство» является более емким понятием, с правосудием эти категории соотносятся как общее и частное. Р.А. Ромашов пишет: «Правосудие – одна из форм судопроизводства, возникающая на определенной стадии его развития, характеризующаяся наличием профессиональных кадров (имеющих юридическое образование судей) и структурированной законодательной системы, регламентирующей судебную деятельность, а также имеющая действенную систему «противовесов», предотвращающих вредоносные последствия возможных судебных ошибок и других злоупотреблений я [1]. Выводы автора обоснованы, особенно применительно к уголовному судопроизводству. Как известно, уголовное судопроизводство включает в себя не только стадию судебного следствия, но и предварительного расследования [2]. Именно на стадии судебного следствия выполняются функции по отправлению правосудия. Поэтому, вывод автора о соотношении «судопроизводства» и «правосудия»

как общего и частного является справедливым. Юридическим обоснованием таких доводов может служить та же ст. 118 Конституции Российской Федерации, устанавливающая исключительного субъекта правосудия - суд, а средство реализации судебной власти - судопроизводство.

По мнению авторов А.А. Яшиной, С.В. Морозова: «С точки зрения этапов реализации процесса, стадийности, судопроизводство объемнее правосудия, например, уголовное судопроизводство шире понятия правосудия по уголовным делам за счет досудебных стадий уголовного процесса. Можно сказать, что «судопроизводство» и «правосудие» соотносятся между собой как частное и общее. Понятие судопроизводства, как процесса рассмотрения дел судами, относится к объему дефиниции правосудия и является ее составной частью» [3].

По мнению В.А. Терехина «Правосудие и судопроизводство соотносятся между собой как содержание и форма со всеми их взаимовлияниями друг на друга, когда форма является содержательной, а содержание должно быть надлежащим образом оформлено» [4]. А, например, Б.В. Сангаджиев отмечает, что введение Конституцией Российской Федерации различных способов осуществления судебной власти, а именно: путем конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118 Конституции Российской Федерации) гарантирует невозможность возвышения судебной власти над другими ветвями власти и сосредоточения всей полноты власти в одних руках [5].

Анализ современных источников свидетельствует о том, что в юридической науке сложилось различное понимание понятия судопроизводства. Ряд авторов рассматривают категории судопроизводства и правосудия как тождественные, не выделяя в них принципиальный разницы. Другая группа авторов, не отождествляя категории судопроизводства и правосудия, полагают, что судопроизводства есть форма реализации судебной власти. Но если сфокусировать внимание именно на категории «формы реализации судебной власти», мы увидим, что большинство авторов рассматривают в качестве формы реализации судебной власти именно правосудие. Согласимся с мнением той группы авторов, которые не отождествляют категории «судопроизводство» и «правосудие». «Правосудие» по отношению к «судопроизводству» является частным проявлением. Правосудие охватывается только деятельностью суда. Судопроизводство по своему содержанию более широкое явление, охватывает не только стадию отправления правосудия, но и включает досудебные стадии. Кроме того, судопроизводство является средством (способом) реализации судебной власти, но не его формой.

Исследуя понятие судопроизводства как способа осуществления судебной власти, мы пришли к выводу о том, что состояние современной юридической науки в части исследования проблематики судопроизводства как способа осуществления судебной власти слишком устарело и требует актуализации. Такие фундаментальные правовые категории как «судопроизводство» и «правосудие», имеющие популярность и в Конституции Российской Федерации, и в отраслевом процессуальном законодательстве, и в федеральном законодательстве, регулирующем вопросы осуществления судебной власти, судоустройства, требуют, в первую очередь, хорошей научной проработки. Но в настоящее время, к сожалению, о качестве научного материала, посвященного рассмотрению теоретических вопросов понятия судопроизводства как способа осуществления судебной власти, говорить не представляется возможным. При проработке заявленного вопроса, в конечном счете необходимо прийти к единообразному пониманию категории «судопроизводства»

Библиография:

1. Ромашов Р.А. Уголовное судопроизводство и уголовное правосудие в России // Юридический Вестник Самарского университета. 2015. № 2. С. 124.
2. Скорев В. А. Судебная система Российской Федерации : учебное пособие для вузов / В. А. Скорев. Москва : Издательство Юрайт, 2021. 101 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-14546-5. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/477928> (дата обращения: 29.02.2024).
3. Яшина А.А., Морозов С.В. К вопросу о соотношении понятий правосудие, судебная защита, судебная деятельность, судопроизводство // Наука. Общество. Государство. 2018. № 4(24). С. 173.
4. Терехин В.А. Право личности на судебную защиту и институт судебной защиты: содержание и соотношение понятий / В.А. Терехин // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. №8. С. 55.
5. Сангаджиев Б.В. Перспективы развития в России института мировой юстиции // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 11.

References:

1. Romashov R.A. Criminal Proceedings and Criminal Justice in Russia // Juridical Vestnik of Samara University. 2015. № 2. С. 124.
2. Skorev V. A.. Judicial system of the Russian Federation : textbook for universities / V. A. Skorev. Moscow : Yurait Publishing House, 2021. 101 с. (Higher education). ISBN 978-5-534-14546-5. Text : electronic // Educational platform Yurait [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/477928> (date of reference: 29.02.2024).
3. Yashina A.A., Morozov S.V. To the question of the correlation of the concepts of justice, judicial protection, judicial activity, legal proceedings // Science. Society. State. 2018. № 4(24). С. 173.
4. Terekhin V.A.. The right of an individual to judicial protection and the institute of judicial protection: content and correlation of concepts / V.A. Terekhin // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2009. №8. С. 55.
5. Sangadzhiev B.V. Prospects of development in Russia of the institute of world justice // Administrative Law and Process. Administrative Law and Process. 2012. № 2. С. 11.

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ CONFLICT OF LAWS REGULATION OF MARITAL AND FAMILY RELATIONS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина».
355004, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: glinshikowa@yandex.ru;

МЕТОВ Валерий Русланович,

студент юридического факультета,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина».
355004, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: metovvr@gmail.com;

ХУН Бислан Муратович,

студент юридического факультета,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина».
355004, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: Khunbislan@gmail.com;

GLINSHCHIKOVA Tatyana Vadimovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Private and Business Law
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.
13 Kalinina str., Krasnodar Territory, 355004, Russia.
E-mail: glinshikowa@yandex.ru;

МЕТОВ Valery Ruslanovich,

student of the Faculty of Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
13 Kalinina str., Krasnodar Territory, 355004, Russia.
E-mail: metovvr@gmail.com;

KHUN Bislan Muratovich,

student of the Faculty of Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
13 Kalinina str., Krasnodar Territory, 355004, Russia.
E-mail: Khunbislan@gmail.com

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемы коллизионного регулирования формы и условий заключения брака между лицами, одним из которых является иностранец. С каждым годом растет количество, так называемых, смешанных браков. Однако при вступлении в брачный союз лиц, отношения которых осложнены иностранным элементом, происходит столкновение двух и более правовых систем, при этом, подходы к решению одного и того же вопроса в семейном законодательстве различных стран могут не совпадать. Авторы приходят к выводу, что нормы раздела VII Семейного кодекса Российской Федерации требуют кардинальных изменений и предлагают пути их совершенствования.

Abstract. The article deals with the problems of conflict of laws regulation of the form and conditions of marriage between persons, one of whom is a foreigner. The number of so-called mixed marriages is growing every year. However, when entering into a marriage union of persons whose relations are complicated by a foreign element, two or more legal systems collide, while approaches to solving the same issue in the family legislation of different countries may not coincide. The authors conclude that the norms of Section VII of the Family Code of the Russian Federation require fundamental changes and suggest ways to improve them.

Ключевые слова: коллизия, иностранный элемент, брак, коллизионная норма, хромающий брак.

Keywords: conflict, foreign element, defect, conflict rule, lame marriage.

Для цитирования: Глинщикова Т.В., Метов В.Р., Хун Б.М. Коллизионное регулирование брачно-семейных отношений в международном частном праве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 251-253. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_251.

For citation: Glinshchikova T.V., Metrov V.R., Khun B.M. Conflict of laws regulation of marital and family relations in private international law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 251-253. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_251.

Статья поступила в редакцию: 26.01.2024

Семейный кодекс РФ допускает заключение брака между российскими и иностранными гражданами. При этом возможно заключение брачного союза, как на территории России, так и на территории того государства, гражданство которого имеет будущий супруг или супруга, либо на территории любой другой страны. Когда речь идет о браке между лицами, которые имеют гражданство разных государств, то общепринято говорить о том, что такие брачно-семейные отношения осложнены присутствием иностранного элемента. Иностраным элементом в такой ситуации является иностранное лицо, вступающее в брак. Однако в разделе VII Семейного кодекса Российской Федерации термин «иностраннный элемент» не находит своего закрепления, что является серьезным упущением со стороны отечественного законодателя, поскольку иностранный элемент может выражаться не только в виде иностранного субъекта, но и объекта (имущества), расположенного на территории иностранного государства, а также юридического факта, например, заключение брака в зарубежном государстве.

Каждому государству присущи национальные традиции и культурные особенности. Они оказывают значительное влияние на нормы законодательства, и, соответственно, на нормы, регулирующие брачно-семейные отношения. Как следствие, семейное законодательство различных государств существенно отличается, вследствие чего происходит столкновение правовых систем, к которым имеют отношение будущие

супруги [1, с. 342].

Браки между лицами, имеющими различное гражданство, могут быть заключены как на территории России, так и на территории иностранного государства при соблюдении условий зарубежного законодательства. Если условия вступления в брак одного из государств гражданства супругов не были учтены при заключении брака, то такой брак принято считать «хромоющим». Поэтому появляется необходимость в применении коллизионного регулирования трансграничных брачно-семейных отношений. Коллизионный метод используется для того, чтобы определить, право какого государства применимо к вопросам заключения брака с иностранным лицом.

Коллизионные нормы находят свое отражение, как в международных договорах, так и в национальном законодательстве. В настоящем исследовании проанализированы коллизионные нормы, которые отражены в семейном законодательстве нашего государства.

Следует отметить, что в зависимости от сложившихся в государстве национальных традиций, различаются также и формы, в которых может быть заключен брак. Существует две основные формы заключения брака: светская и религиозная. В частности, Франция, Германия и Бельгия признают законной только одну из указанных форм заключения брака, а именно светскую. Но есть и такие страны, например, Италия, Испания, которые допускают заключение брачного союза не только в светской, но и в религиозной форме.

Возникает закономерный вопрос: какое право определяет форму брака. Этот вопрос во всех странах решается одинаково, а именно применяется право той страны, на территории которой заключается брак. Например, гражданин России заключает брак с гражданкой Италии на территории Италии. Форму заключения брака будущие супруги выбрали религиозную. Италия – это государство, которая официально признает допустимой заключение брака в религиозной форме. Учитывая то, что такая форма заключения брака полностью соответствует итальянскому законодательству, этот брак будет признан в России. Если такой союз заключается на территории нашего государства, то лица, вступающие в брак должны обратиться в ЗАГС. Регистрация брака с иностранным лицом осуществляется в соответствии с правилами и требованиями, которые предусмотрены российским законодательством.

В случае, когда в брак вступают лица, имеющие разное гражданство, то должны быть соблюдены императивные нормы каждой из правовых систем будущих супругов. Например, в российском семейном законодательстве императивной нормой, которая должна соблюдаться при вступлении в брачный союз, вне зависимости осложнены отношения между будущими супругами иностранным элементом или нет, является правовая норма, регламентирующая перечень обстоятельств, являющихся препятствиями для заключения брака (ст. 14 СК РФ). Если брачный союз между гражданами, имеющими разное гражданство, заключается на территории нашей страны, то обязательной для соблюдения будет являться правовая норма, регламентирующая условия заключения брака (ст. 12 СК РФ). При заключении брака на территории иностранного государства должны соблюдаться условия вступления в брак, закрепленные в зарубежном законодательстве.

Таким образом, если орган ЗАГС не примет во внимание положения семейного законодательства государства гражданства будущего супруга, то такой союз не будет признан в этом иностранном государстве. Исследователи называют такие отношения «хромоющими» [2, с. 211]. Такое название следует из того обстоятельства, что отношения между супругами признаются и имеют правовые последствия только в одном государстве. Такая ситуация складывалась в период действия Кодекса законов о браке и семье, то есть начиная с 1969 года и заканчивая 1995 годом – в этом году был принят действующий Семейный кодекс РФ. В Кодексе 1969 года законодатель четко определил, что соблюдаться должны исключительно правовые нормы национального законодательства, при вступлении в брак с иностранцем на территории России. Однако с каждым годом количество смешанных браков возрастало, появилась необходимость в пересмотре обозначенного законодательного подхода. В итоге, было принято решение включить в Семейный кодекс РФ двустороннюю коллизионную норму, предусматривающую применение положений российского и иностранного семейного законодательства. Новый подход привел к сокращению количества «хромоющих» браков.

Однако в ряде случаев семейное законодательство иностранного государства в России применяться не может. В частности, если основы правопорядка нашего государства вступают в противоречие с иностранными нормами семейного права, то применяться они не могут, применимым будет российское законодательство. Такое законодательное положение называется оговоркой о публичном порядке.

Однако анализ нормы ст. 167 Семейного кодекса РФ приводит к выводу о ее несовершенстве. В целях обеспечения более ясного и конкретного законодательного регулирования необходимо учесть следующие рекомендации. Так, в ст. 167 Семейного кодекса РФ должно быть четко указано, что применяться оговорка о публичном порядке должна в исключительных случаях, по аналогии, как это указывается в 1193 ГК РФ. Не может быть отказано в государственной регистрации брака на том основании, что правовая система иностранного государства противоречит российской правовой системе, без указания конкретных причин. В результате применения иностранной правовой нормы опасно возникновение негативных последствий в России.

При заключении брака будущие супруги имеют право заключить брачный договор в целях регулирования их имущественных отношений и выбора применимого права [3, с. 264]. Правовое регулирование такой процедуры осуществляется ст. 161 СК РФ. В ходе анализа указанной правовой нормы нами были выявлены некоторые несовершенства. Несовершенства правового регулирования проявляются в том, что законодатель безосновательно ограничивает возможность лиц, которые еще не состоят в браке, а только намереваются заключить брачный союз, имеют гражданство разных государств и еще не имеют совместного места жительства заключить брачный договор. В ст. 161 СК РФ указано, что заключить брачный договор и включить в него условие о выборе применимого права могут дословно по букве закона только «супруги, не имеющие общего гражданства или совместного места жительства», но лица, вступающие в брак, также должны иметь возможность избрать законодательство, подлежащее применению к их правоотношениям.

В целом можно отметить, что раздел 7 СК РФ не подвергался изменениям достаточно долгое время, хотя, на наш взгляд, многие из

законодательных положений нуждаются в модернизации. Так, следует обратить пристальное внимание на ст. 160 СК РФ. Данная правовая норма является императивной, так как определяет, что расторжение брака на территории нашего государства подчиняется исключительно национальному законодательству без возможности выбора применимого права. По нашему мнению, этот законодательный подход является устаревшим, правовая норма не соответствует реалиям настоящего времени, к тому же многие зарубежные страны действуют по иному пути, а именно предоставляют более широкую автономию воли лицам, имеющим различное гражданство, при разрешении вопроса о расторжении брачного союза.

Таким образом, можно констатировать, что раздел VII Семейного Кодекса Российской Федерации не соответствует в полной мере современным тенденциям, ввиду чего в данный раздел необходимо внести соответствующие изменения и дополнения. В частности, в ст. 167 Семейного кодекса РФ должно быть указано, что применяться оговорка о публичном порядке должна в исключительных случаях, по аналогии, как это сказано в 1193 ГК РФ. Также законодателю необходимо обратить внимание на такое условие применения оговорки о публичном порядке, как неблагоприятные последствия применения иностранного закона. На наш взгляд, по своему содержанию ст. 167 СК РФ должна соответствовать ст. 1193 ГК РФ, поэтому необходимо внести в нее соответствующие изменения. В ст. 161 Семейного кодекса РФ отмечается, что заключить брачный договор и включить в него условие о выборе применимого права могут только «супруги, не имеющие общего гражданства или совместного места жительства». Необходимо данную правовую норму дополнить указанием, что заключить брачный договор и включить в него условие о выборе применимого права могут как супруги, так и будущие супруги.

Библиография:

1. Глинщикова Т. В., Костенко О. С. Перспективы развития законодательства Российской Федерации в сфере трансграничных семейных отношений // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4. С. 342-345.
2. Войтович Е. П. «Хромающие» отношения в международном семейном праве // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. №1. С. 211-226.
3. Чибирикова С. Н. Коллизионное регулирование заключения и расторжения брака // Бюллетень науки и практики. 2019. № 2. С. 263-267.

References:

1. Glinshchikova T. V., Kostenko O. S. Prospects for the development of legislation of the Russian Federation in the field of cross-border family relations // Bulletin of the North Caucasus Humanitarian Institute. 2017. No. 4. S. 342-345.
2. Voitovich E. P. "Limping" relations in international family law // Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 14. Right. 2023. No. 1. S. 211-226.
3. Chibirikova S. N. Conflict regulation of marriage and divorce // Bulletin of Science and practice. 2019. No. 2. S. 263-267.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ THE FORMATION OF LEGAL REGULATION ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

ГОНЬШЕВ Максим Алексеевич,

аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».

460018, Россия, Оренбургская обл., г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13.

E-mail: maximu13@mail.ru;

Gonyshhev Maxim Alekseevich,

postgraduate student of the Department of Civil Law and Process of the Faculty of Law
Orenburg State University.

13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, 460018, Russia.

E-mail: maximu13@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье на основе анализа действующего законодательства, научной литературы, экспертных мнений раскрывается место и нормативное правовое регулирование института искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Abstract. This article, based on the analysis of current legislation, scientific literature, and expert opinions, reveals the place and regulatory legal regulation of the Institute of artificial intelligence in the Russian Federation.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, цифровая трансформация, цифровизация, правовое регулирование.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, digital transformation, digitalization, legal regulation.

Для цитирования: Гоньшев М.А. Становление правового регулирования искусственного интеллекта в России на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 254-256. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_254.

For citation: Gonyshhev M.A. The formation of legal regulation artificial intelligence in Russia at the present stage // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 254-256. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_254.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

В настоящее время мир переживает настоящий научный бум, связанный со стремительным распространением технологии искусственного интеллекта (ИИ). Такие технологии и смежные с ними решения можно признать крайне актуальными и необходимыми для развития, так как в случае серьезного отставания в их применении можно отстать от передовых стран мира в различных сферах: от обработки больших данных до цифровизации различных рутинных процессов, которые уже сегодня облегчают жизнь сотен тысяч людей.

История развития искусственного интеллекта как технологии и феномена «духа машины» начался в период 50-60-х годов XX века. Одним из первых о возможностях мышления писал А. Тьюринг в работе «Вычислительные машины и разум». В данной работе 1950 года автор задается вопросом: «могут ли машины выиграть игру, называемую «Игра-имитация?», то есть фактически обмануть экзаменатора и оказаться умнее человека в том или ином тесте или испытании. Иными словами, в указанный период времени был поставлен главный вопрос для искусственного интеллекта: «Могут ли машины мыслить?» [3].

В дальнейшем развитии институт искусственного интеллекта переживал различные этапы. В 1958 году нобелевский лауреат Герберт Саймон высказывал теорию полной оптимизма, состоявшую в том, что в течение десятилетия искусственный интеллект сможет победить человека в игре в шахматы. К сожалению, пророчество не сбылось, в 1965 году десятилетний мальчик обыграл машину. Позднее, в 70-80-е годы XX века, происходит постепенное развитие технологий, увеличение вычислительных мощностей, появляются новые алгоритмы машинного обучения.

С 2010-х годов про методы машинного обучения, нейросети и искусственный интеллект начинают говорить в России, появляются первые проекты крупных частных компаний, постепенно начинается развитие правового регулирования данной сферы общественных отношений. Активно развивается теоретическая и практическая проработка вопроса учеными, в том числе в рамках изучения правового регулирования [2, 5, 6].

В 2019 году Президент РФ подписал Указ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹ (далее – Указ № 490), который становится основой развития и нормативного регулирования искусственного интеллекта в России. В рамках данного Указа № 490 утверждается Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия по ИИ), поручается внести изменения в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации»², а также представить доклад о ходе реализации мероприятий по внедрению и развития искусственного интеллекта лично Президенту РФ и заложить под указанные мероприятия финансирование.

Рассмотрим подробнее указанные документы стратегического характера. Так, Национальная стратегия по ИИ содержит основные цели, задачи и направления развития отрасли, связанной с технологиями искусственного интеллекта. Положения Национальной стратегии по ИИ учитываются в ряде иных стратегических документах и инициативах, например, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы³ (далее – Стратегия развития информационного общества), плане мероприятий Национальной технологической

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Гарант»

² Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президентом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам протокол от 24.12.2018 № 16) // Справочная правовая система «Гарант»

³ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Справочная правовая система «Гарант»

инициативы и прочих государственных программах и проектах, которые могут быть более эффективно реализованы в случае использования технологий искусственного интеллекта.

Национальная стратегия по ИИ содержит базовый категориально-понятийный аппарат, например, в ней закрепляется следующее понятие искусственного интеллекта: «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Таким образом, в России на нормативном уровне закрепляется новый крайне важный для технологического и экономического развития государства и общества институт искусственного интеллекта. Кроме того, указанная стратегия отмечает рывок рынка технологий, связанных с искусственным интеллектом: с 21,5 млрд. долларов в 2018 году – до 140 млрд. долларов - в 2024 году. Фактически за 6 лет капиталоемкость данного инновационного рынка передовых IT-технологий увеличится в 7 раз, а общий экономический эффект от применения указанных технологий в мировом масштабе превысит 1 трлн. долларов.

Во исполнение Национальной стратегии по ИИ утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года¹. Ключевой целью указанной Концепции является определение основных подходов к трансформации системы нормативного регулирования в Российской Федерации для обеспечения возможности создания и применения таких технологий в различных сферах экономики с соблюдением прав граждан и обеспечением безопасности личности, общества и государства. Одновременно целями Концепции являются создание предпосылок для формирования основ правового регулирования новых общественных отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением технологий искусственного интеллекта и робототехники и систем на их основе, а также определение правовых барьеров, препятствующих разработке и применению указанных систем.

Как отмечается в тексте рассматриваемого документа, к общеотраслевым задачам регулирования относятся следующие:

- вопросы юридической ответственности искусственного интеллекта и робототехники в случае причинения вреда имуществу, человеку;
- вопросы совершенствования защиты персональных данных, оборота данных;
- вопросы терминологической неопределенности в данной отрасли знаний и нормативного регулирования.

Как отмечается в данной Концепции, одним из вызовов является «отсутствие однозначного понимания содержания терминов «искусственный интеллект», «робот», «умный робот», «робототехника», «интеллектуальный агент» приводит к терминологическим проблемам при формировании регулирования».

Кроме общеотраслевых задач выделяются ключевые отраслевые направления и задачи в сфере в сфере охраны здоровья граждан, муниципальном и государственном контроле, в сфере транспорта, в том числе реализации «беспилотного транспорта» и иных технологий контроля транспорта без (с минимальным) участием человека.

К важным задачам относятся вопросы реализации концепции «Умный город», который предполагает постепенное внедрение интеллектуальных систем в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в том числе в контроле за расходованием различных коммунальных ресурсов, при создании систем общественной безопасности на основе различных цифровых технологий (в том числе нейросетей и искусственного интеллекта, например, для распознавания номеров машин, анализе транспортного потока, состояния дорожного полотна, тротуаров и т.д.).

Важным элементом развития технологий искусственного интеллекта является слаженная работа различных органов власти, как в сфере нормотворчества, так и координации деятельности различных институтов публичной власти и бизнеса.

С 2020 года проходит регулярное мероприятие с участием Президента РФ В.В. Путина и представителей органов федеральной и региональной власти, экспертов, крупного бизнеса, а именно конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта», по результатам которой обычно даются поручения от первого лица государства, которые ложатся в основу системной работы над развитием искусственного интеллекта в России. Так, например, по результатам поручений на 2020 год были сформулированы следующие тезисы:

- 1) обеспечить принятие федеральных законов, предусматривающих возможность установления в отдельных отраслях экономики и социальной сфере экспериментальных правовых режимов в целях расширения применения технологий ИИ;
- 2) принять меры, направленные на стимулирование инвестиционной деятельности, связанной с внедрением отечественного программного обеспечения (ПО) и программно-аппаратных комплексов, созданных на основе ИИ-технологий;
- 3) обеспечить внесение в законодательство изменений, предусматривающих предоставление (при условии обеспечения защиты персональных данных) организациям, разрабатывающим технологические решения на основе ИИ, доступа к наборам данных, содержащимся, в том числе в государственных информационных системах;
- 4) разработать и утвердить стратегии цифровой трансформации не менее 10 отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления в целях достижения их «цифровой зрелости» и т.д.²

По итогам первого поручения был принят Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению

¹ Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // Справочная правовая система «Гарант»

² Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту / Президент России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64859>

специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»¹, в рамках которого были установлены специальные дополнительные возможности для внедрения технологий искусственного интеллекта на территории города Москва.

В рамках указанного Закона устанавливается экспериментальный правовой режим, в рамках которого решаются следующие основные задачи:

- 1) создание благоприятных правовых условий развития технологий искусственного интеллекта;
- 2) апробация технологий искусственного интеллекта и результатов его применения в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве;
- 3) оценка эффективности и результативности установления специального регулирования по результатам установления экспериментального правового режима.

Кроме того, в данном Законе на федеральном уровне закрепляется следующее определение искусственного интеллекта, как комплекса технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Указанное определение можно считать официальным нормативным закреплением такой категории, как искусственный интеллект. Хотя по мнению ряда авторов [1, 4] указанное определение еще будет дорабатываться, как и все прочие элементы и механизмы правового регулирования.

По состоянию на начало 2024 года институт правового регулирования технологий, связанных с развитием искусственного интеллекта, находится на этапе динамичного становления. Однако до сих пор не определены многие аспекты, связанные с правовой природой данного явления и технологии, с рамками этики использования данных технологий, в том числе в рамках оказания государственных услуг, медицине, образовании и прочих сферах деятельности, которые затрагивают активные коммуникации с гражданами. Спорными считаются вопросы авторства на результаты, которые получены при помощи таких технологий, а также на продукты, ими созданные.

В настоящее время ведется разработка федерального проекта по развитию искусственного интеллекта, который станет частью нового нацпроекта «Экономика данных». Экспертам и юристам предстоит определить перечень показателей в части развития искусственного интеллекта, завершить работу над этой задачей уполномоченным министерствам требуется к 15 апреля 2024 года.

Итак, в заключение отметим, что правовое регулирование искусственного интеллекта в России находится на стадии становления. В частности, не разработан инструментарий и механизмы защиты прав человека и гражданина, нет точного понимания границ в сфере этики и права, которые необходимо установить для такой технологии. К тому же одним из наиболее актуальных вопросов остается защита информационной безопасности и персональных данных.

Библиография:

1. Блажеев, В.В., Егорова, М.А., Барабашев, А.Г., Засемкова, О.Ф., Кашкин, С.Ю., Минбалеев, А.В., Пономарева, Д.В., Шахназаров, Б.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии (под общей редакцией проф. В.В. Блажеева, проф. М.А. Егоровой). Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - М.: «Проспект», 2020. - 294 с.
2. Бузова Н.В. Искусственный интеллект и использование баз данных как объектов смежных прав // Lex Russica (Русский закон). - 2020. - Т. 73. - № 8 (165). - С. 62-69.
3. Вычислительные машины и разум / Алан Тьюринг; [пер. с англ. К. Королева]. - Москва: Издательство АСТ, 2018. - 128 с.
4. Ивлиев Г.П., Егорова М.А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. - 2022. - № 6. - С. 32-46.
5. Овчинников А.И., Хахимов И.А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техник. - 2020. - № 14. - С. 481-484.
6. Смоляров М.В. Правовое регулирование генеративных нейросетей («искусственного интеллекта»), судебные споры по поводу результатов их использования. - М.: Право Доступа, 2023.

References:

1. Blazheev, V.V., Egorova, M.A., Barabashev, A.G., Zasemkova, O.F., Kashkin, S.Yu., Minbaleev, A.V., Ponomareva, D.V., Shakhnazarov, B.A. Legal regulation of artificial intelligence in a pandemic and infodemia (under the general editorship of Prof. V.V. Blazheev, Prof. M.A. Egorova). Kutafin University (MGUA). - M.: "Prospect", 2020. - 294 p.
2. Buzova N.V. Artificial intelligence and the use of databases as objects of related rights // Lex Russica (Russian Law). - 2020. - T. 73. - No 8 (165). - Pp. 62-69.
3. Computing machines and the mind / Alan Turing; [trans. from the English K. Koroleva]. - Moscow: AST Publishing House, 2018. - 128 p.
4. Ivliev G.P., Egorova M.A. Legal problems of the legal status of artificial intelligence and products created by artificial intelligence systems // Journal of Russian Law. - 2022. - No. 6. - pp. 32-46.
5. Ovchinnikov A.I., Khakimov I.A. Law enforcement, artificial intelligence and the contextual meaning of the principles of law // Yuridicheskaya tekhnika. - 2020. - No. 14. - pp. 481-484.
6. Smolyarov M.V. Legal regulation of generative neural networks ("artificial intelligence"), litigation over the results of their use. - M.: Right of Access, 2023.

¹ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Справочная правовая система «Гарант».

ДЕТИ И РОДИТЕЛИ КАК СУБЪЕКТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Children and parents as subjects of hereditary legal relations: historical and theoretical aspect

ГРОМОЗДИНА Мария Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права,
Новосибирский государственный университет экономики управления,
ул. Каменская, 52, г. Новосибирск, Новосибирская обл., 630099, Россия.
E-mail: gromlaws@mail.ru;

GROMOZDINA Maria Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law,
Novosibirsk State University of Management Economics,
52 Kamenskaya str., Novosibirsk, Novosibirsk region, 630099, Russia.
E-mail: gromlaws@mail.ru

Краткая аннотация. В статье представлен краткий исторический анализ развития российского наследственного законодательства в контексте детско-родительских правоотношений. Автор затрагивает проблемы, связанные регулированием отношений наследования между родителями и детьми на современном этапе, в связи чем выявлены неоднозначные подходы в понимании родственной связи как необходимого критерия обозначенных правоотношений. Несмотря на определенную стабильность наследственного законодательства в отношении несовершеннолетних детей, все же прослеживается неурегулированность отдельных вопросов, имеющих межотраслевой характер, в связи с чем, ставится вопрос об усилении «наследственного статуса» несовершеннолетних.

Abstract. The article presents a brief historical analysis of the development of Russian inheritance legislation in the context of child-parent legal relations. The author touches upon the problems related to the regulation of inheritance relations between parents and children at the present stage, in connection with which ambiguous approaches have been identified in understanding kinship as a necessary criterion for the designated legal relations. Despite the certain stability of the inheritance legislation in relation to minor children, there is still an unsettled nature of certain issues of an intersectoral nature, in connection with which the question is raised about strengthening the "hereditary status" of minors.

Ключевые слова. Завещание, наследование, наследники, ребенок, родители, родственная связь, суррогатная мать, усыновление (удочерение).

Keywords. Will, inheritance, heirs, child, parents, kinship, surrogate mother, adoption.

Для цитирования: Громоздина М.В. Дети и родители как субъекты наследственных правоотношений: историко-теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 257-261. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_257.

For citation: Gromozdina M.V. Children and parents as subjects of hereditary legal relations: historical and theoretical aspect // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 257-261. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_257.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

При рассмотрении вопроса о детях и родителях, как субъектах наследственных правоотношений, необходимо обратиться к истории его развития, раскрыть содержание наследственных правоотношений родителей и детей, подчеркнуть особенности современного состояния наследственных правоотношений между родителями и детьми.

Наследование, как отдельный институт имеет древнюю историю, в котором, основой принципов наследования являлась родственная связь умершего с его потомками. Отечественному праву институт наследования детьми за своими родителями известен давно. Из самых ранних его источников можно отметить Русскую правду¹. В этом старейшем, дошедшем до нас письменном документе можно отметить, что уже тогда существовало два отдельных основания получения наследства – завещание и закон о наследовании родственниками, если завещания нет. Русская правда закрепляла права наследования только детьми за родителями. Завещать допускалось только тем, кто и без того, по признаку родства, вступал во владение наследственным имуществом.

В эпоху Петра I, по западному образцу, издается Указ о единонаследии, 1714 г., которым закрепляется переход наследства к одному только сыну. Если наследодатель не назначил своим наследником кого-то из сыновей, то наследство, которое уже включало недвижимость в виде вотчины или поместья, то наследником становился старший из сыновей². Эти положения о единонаследии были отменены Анной Иоанновной в 1731 г.³

До революции 1917 г. в Российской империи действовали Своды законов 1835 г., по которым наследство открывалось не только со смертью, но и по безвестному отсутствию наследодателя, а также пострижения его монахи⁴.

После революции, в России было отменено право наследования буржуазной собственности (Декрет ВЦИК «Об отмене наследования» от 27.04.1918 г.). Наследовать могли родственники умершего по восходящей и нисходящей линии, его братья и сестры, только в том случае, если они были нетрудоспособны. В этом случае они получали от государства из наследства лишь прожиточный минимум. В состав наследства включалась лишь трудовая собственность умершего стоимостью не более 10 000 рублей⁵.

Положения Декрета о наследовании были изменены, с принятием Гражданского кодекса РСФСР (1922 г.), которым с 01.01.1923 г. Вво-

¹ Текст Русской правды на основании четырех списков разных редакций / издал Н. Калачов. - Москва: в типографии Августа Семена, 1846. - VI, 52 с. // <https://www.prlib.ru/item/372801>

² О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах: Указ 23 марта 1714 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. М., 1986.; То же [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/inherit.htm>;

³ Именной указ от 17 марта 1731 г. "Об именовании поместий и вотчин недвижимым именем и о разделе оных между детьми по Уложению" // <https://base.garant.ru/55005106/>

⁴ Свод законов Российской империи // <https://civil.consultant.ru/>.

⁵ Орловский П. Некоторые вопросы законодательства о наследовании // Советское государство. 1935. N 2.

дильсь положения о приоритете завещания перед наследованием по закону, ограничивалась максимальная стоимость наследства (за вычетом долгов) в 10 000 золотых рублей, все что сверх переходило государству¹. Эти ограничения были отменены Постановлением ЦИК и СНК СССР от 29.01.1926 г.², как указывалось – для облегчения возможности продолжения существования промышленных и торговых предприятий после смерти владельцев, к наследникам были отнесены усыновленные, которых приравнивали к родственникам по рождению.

Положения об обязательной доле в наследстве (3/4 от доли по наследству по закону) были введены лишь в 1928 году Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 г.³

Указом Президиума Верховного Совета СССР 14.03.1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию»⁴ была закреплена как очередность наследования, так и расширен круг наследников. Завещатель получил права завещать свое имущество любому лицу.

Важно дополнить, что решение вопроса о признании детей наследниками, родившимися у женщины, не состоящей в браке с их отцом, в случае его смерти, но до издания указа от 8 июля 1944 года было принято в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР 14.03.1945 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке». Указанный документ также расширял круг несовершеннолетних наследников, обеспечивая наследственные права детей, с одной стороны, но в то же время не учитывал права детей, рожденных после принятия указа от 8 июля 1944 года, создавая неравенство потенциальных наследников-детей.

ГК РСФСР 1964 г. добавил в круг наследников деда и бабушку со стороны отца и матери, но нерожденные дети наследодателя по-прежнему не являлись наследниками. В соответствии с положениями Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. наследниками признавались только дети, родившиеся до смерти наследодателя. Нерожденный наследник в качестве субъекта наследственных правоотношений не упоминался. (Включение зачатых, но нерожденных детей, в круг наследников случилось значительно позже).

Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик действовали до принятия части третьей Гражданского кодекса РФ (№ 146-ФЗ от 26.11.2001 г.), закрепившей, что наличие родственной связи между родителями и детьми является основным и ключевым критерием для возникновения наследственных правоотношений.

Анализ изменений законодательства, регулирующего наследственные правоотношения в динамике, позволяет сделать выводы, что основой наследственных правоотношений, его субъектный состав, всегда характеризовался наличием детско-родительских правоотношений, как основной части наследников. Состав наследников, очередность призвания к наследию менялись, но во все времена дети были основными наследниками за своими родителями. Однако нельзя утверждать, что все вопросы, связанные регулированием наследственных отношений между родителями и детьми логически завершены и достигли определенного совершенства, что отчасти определено особенностями эволюции семейного законодательства и рядом прогрессивных достижений в области репродуктивных технологий.

Отношения между родителями и детьми по наследованию включают не только гражданско-правовые аспекты и имеют межотраслевой характер в силу прочной связанности с иными смежными отраслями права, помимо этого они характеризуются «многослойной» внутренней структурой, учитывающей возраст детей и их происхождение, качество осуществления родительских прав и правовой статус родителей. Например, усыновленный ребенок при наличии у него биологических родителей, но лишенных родительских прав, в случаях наследования обладает иными правами, чем дети, наследующие за своими родными по крови родителями.

Содержание понятия наследственного правоотношения по-разному раскрывается исследователями. Некоторые считают его видом гражданско-имущественного правоотношения, урегулированного специальными нормами по поводу открытия и принятия наследства⁵. Другие исследователи, отмечают, что его регулирование содержится также в нормах семейного, жилищного и земельного законодательства, а не только в нормах гражданского законодательства, выделяя наследственное право, как подотрасль гражданского права, «кровно» связанного с семейным правом⁶.

Вместе с тем, следует отметить значимое влияние норм семейного права на развитие институтов наследственного права, в частности, если говорить о повышении значимости семейных ценностей в российском обществе на современном этапе. Межотраслевой характер регулирования отношений по наследованию проявляется не только в ситуациях, уже сформулированных законодателем, но и в случаях, когда ещё только предстоит закрепить на законодательном уровне наследственные права субъектов. Так, например, право ребенка, рожденного суррогатной матерью, отказавшейся передать его биологическим родителям, наследовать за ними - не имеет нормативного выражения и др. Помимо сказанного в литературе обсуждается вопрос об усложнении правового регулирования наследственных отношений, в том числе с учетом использования иных способов репродуктивных технологий⁷. Наследственные правоотношения представляют из себя целый комплекс юридических связей, которые имеют межотраслевой характер.

Наследственные правоотношения возникают между завещателем, наследниками и другими лицами по поводу реализации наследственных прав, содержание которых составляют права и обязанности завещателя, наследников и других лиц⁸. Родители (предки) и дети, как их

¹ Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М., 2002. С. 218.

² Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. О введении в действие положения о налоге с имуществ, переходящих в порядке наследования и дарения. 29 января 1926 г. // Опубликовано в № 35 Известий ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 12 февраля 1926 г.

³ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 г. СУ РСФСР. 1928. N 65. Ст. 468 // СУ РСФСР. 1928. N 65. Ст. 468.

⁴ Указом Президиума Верховного Совета СССР 14.03.1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» // <https://www.consultant.ru>

⁵ Корнеева И. Л. Наследственное право РФ. М., 2004. С. 27.

⁶ Крашенинников П. В. Взаимосвязь частноправовых отраслей законодательства (гражданское, семейное, жилищное и земельное) // Закон, 2017, № 2

⁷ Лескова Ю. Г. К вопросу об оптимизации межотраслевых связей наследственного права // Наследственное право, 2017, № 1

⁸ Беспалов Ю. Ф. Наследственные правоотношения // Бюллетень нотариальной практики", 2005, N 5

потомки имеют кровную связь, а потому являются полноправными субъектами наследственных правоотношений и отнесены законом к первой очереди наследования.

При этом, главным субъектом наследственных правоотношений родителей и детей, в любом случае выступает наследодатель, которого в разных состояниях по отношению к наследству именуют праводателем, правопредшественником, завещателем. Понятие праводателя в законе не закреплено, что обусловлено тем, что смерть гражданина прекращает его правоспособность. Как отмечал Ю.К. Толстой, покойный не может быть вообще субъектом каких-либо правоотношений, его место после его смерти занимает правопреемник¹. В результате смерти лица, либо в случае объявления его умершим, должно остаться какое-либо имущество (включая имущественные права), а также некоторые исключительные права. При отсутствии таковых, даже при наличии потенциальных наследников, наследственных правоотношений между родителями и детьми возникнуть не может, поскольку отсутствует их объект. Вторым, обязательным субъектом наследственных отношений, выступает правопреемник наследодателя.

Наследники представляют особую группу лиц, претендующих на наследство, и различаются по объему прав. По основаниям наследования можно различить наследника по закону и наследника по завещанию, а также наследников по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии. По их правовому положению относительно наследственного имущества на достойных и недостойных (ст.1117 ГК РФ), на обязательных и необходимых (ст.1149 ГК РФ). По порядку призвания к наследованию наследников можно разделить на основных и подназначенных (ст.1121 ГК РФ). В настоящей статье автор не преследует цели подробно изучать правовой статус всех наследников, а лишь тех, кто относится к категории «дети и родители».

Раскрывая понятие содержания наследственного правоотношения, в том числе между родителями и детьми, необходимо отметить наличие в нем как прав и так обязанностей, которые в равной степени, без исключения, применяются даже в тех случаях, когда речь идет о несовершеннолетних наследниках. Так, например, к числу прав наследника следует отнести: право на принятие наследства лично либо через представителя (ст. 1152 ГК РФ); право на отказ от наследства лично либо через представителя (ст. 1157 ГК РФ); право требовать принятия мер для охраны наследства (п. 2 ст. 1171 ГК РФ); право на получение свидетельства о праве на наследство (п. 1 ст. 1162 ГК РФ) и др. К числу обязанностей наследника следует отнести: отвечать по долгам, оставшимся после смерти наследодателя, в пределах стоимости принятого наследственного имущества (п. 1 ст. 1175 ГК РФ; компенсировать другим наследникам разницу в связи с соразмерностью получаемого наследственного имущества наследственной доле (ст. 1170 ГК РФ) и другие.

Указанные права и обязанности принадлежат как родителям, так и детям в наследственных правоотношениях, с учетом ряда особенностей, закрепленных законодательством. Одним из вариантов, раскрывающих такие особенности, может служить пример отказа от наследования имущества несовершеннолетним с большими долгами через законного представителя в порядке ст. 1157 ГК РФ.

Как отмечалось ранее, ключевым является происхождение наследника от наследодателя, родственная связь между ними. Родственная связь выступает, как необходимый критерий детско-родительских наследственных правоотношений с теми исключениями, которые определил законодатель. В обозначенных исключениях речь идет об усыновленных детях, детях, рожденных суррогатной матерью, то есть включают случаи, когда родственная связь устанавливается в силу закона, а не биологического (генетического) родства. Дискуссионность этого вопроса проявляется через научную полемику, хотя судебная практика и законодатель уже с уверенной определенностью высказались по этим вопросам.

Применительно к наследственным правам несовершеннолетних можно говорить, что закон устанавливает особые положения, направленные на охрану их прав, выражающиеся в наличии норм о зачатых наследниках, об обязательной доле² и др. Высказывается точка зрения о том, что нормы семейного права об алиментах на содержание детей должны иметь закрепление в наследственном праве по аналогии с законодательством Австрии, Литвы, Швейцарии, как «продолжение» невидимого общения несовершеннолетних со своими родителями, которые заботились о них при жизни³. Однако А. А. Горелик указывает на пробельные аспекты в наследственных правах внуков, в том числе несовершеннолетних, например, родители которых признаны недостойными наследниками, по праву представления⁴. Этой же точки зрения придерживаются и другие исследователи, критически оценивая закрепленные наследственные права внуков, ссылаясь на необходимость внесения изменений в целях обеспечения принципа справедливости при реализации внуками наследственных прав⁵.

Исследуя проблематику наследственных отношений и правовое положение несовершеннолетнего в них, Н. В. Летова предложила ввести в правовой оборот понятие «наследственный статус ребенка» для обозначения специфики этих отношений⁶. В действующем законодательстве такой термин отсутствует, но охрана наследственных прав обеспечивается принципами наследования. Среди основных принципов регулирования наследственных правоотношений на современном этапе можно выделить такие:

- приоритет завещания над наследованием по закону (с рядом исключений и запретов),
- свобода завещания (за исключением пороков воли и ограничений, установленных об обязательной доле в наследстве),
- приоритет родственных связей при отсутствии завещания с соблюдением очередности по степени родства с наследодателем в

¹ Толстой Ю.К. Комментарий к части третьей ГК РФ. М., 2003. С. 7.

² Ростовцева. Н.В. Охрана прав несовершеннолетних наследников // Наследственное право, 2015, № 2

³ Рабец А.М. Проблемы реализации права несовершеннолетнего на достойную жизнь по действующему наследственному законодательству. // Наследственное право, 2019, №

⁴ Горелик А. А. О некоторых коллизиях правового регулирования наследования внуками наследодателя и их потомками // Наследственное право, 2022, № 3

⁵ Черепанова О. С. Наследование внуками: анализ спорных законодательных конструкций. // Нотариус, 2020, №7; Останина Е. А. Некоторые проблемы применения норм об отстранении от наследования недостойных наследников // Закон, 2017, № 6

⁶ Летова Н. В. Ребенок как субъект наследственных правоотношений // Цивилист, 2010, № 4.

наследовании,

-отсутствие ограничений в размере и стоимости наследства и универсальность (целостность) наследственной массы (речь идет о неразрывной связи между принятием и получением наследства и принятием долгов наследодателя в пределах ее стоимости).

Перечисленные принципы равнонаправлены на обеспечение наследственных прав всех субъектов правоотношений и защищают их имущественные и неимущественные права, в том числе родителей и детей.

Право наследования, согласно статье 35 (часть 4) Конституции Российской Федерации, гарантируется. Оно включает как право наследодателя распорядиться своим имуществом на случай смерти, так и право наследников на его получение.

Дети, как прямые потомки своих родителей, а родители как прямые предки своих детей, отнесены законом к первой очереди наследования, что обеспечивает приоритетный статус детям и родителям как участникам наследственных отношений. В современной реальности дети наследодателя по-прежнему являются его основными наследниками. Несовершеннолетние и совершеннолетние дети наследодателя, в соответствии со ст.1116 ГК РФ, могут, а в ряде случаев обязательно должны, призываться к наследованию. Особый интерес представляет ситуация, когда несовершеннолетний, являющийся наследником, в том числе в случаях с правом на обязательную долю в наследстве намеревается отказаться от наследства лично или с согласия законных представителей полагаясь на целесообразность, «если наследство не принесет выгоды или приведет к непосильному бремени его содержания»¹. В подобных случаях необходимо участие органа опеки, который дает заключение на решение родителей (законных представителей) об отказе от наследства. Судебная практика уже наработала правовой опыт, о чем будет описано в последующем.

Вместе с тем, бесспорная и очевидная констатация статусов детей и родителей как главных наследников друг за другом, по мнению большинства исследователей, представляется несостоятельной, по мнению некоторых. Так, имеется точка зрения, согласно которой, включение родителей в число наследников первой очереди за детьми является необоснованной. Такого нет, например в странах континентальной Европы, где родители включены во вторую очередь наследования. В пользу этого приводятся доводы, что включение родителя в наследники первой очереди не учитывает, что взрослые дети уже имеют обособленные семьи и своих наследников по нисходящей линии, а также включение нетрудоспособного родителя-иждивенца наследодателя в круг наследников очереди, призываемой к наследованию².

С указанным можно согласиться, но с оговоркой. В случае, если у наследодателя нет детей, как кровных родственников по нисходящей линии, в этом случае не кровный родственник – супруга наследодателя будет иметь преимущество в очередности по отношению к его предкам – родителям, что также не представляется в должной мере оправданным и будет противоречить принципу приоритета кровного родства при наследовании. Дети и родители наследодателя имеют, в отличие от его супруга, самую прямую и непосредственную степень родства.

Особое внимание в институте наследования получают усыновленные (удочеренные) дети наследодателя, согласно действующего законодательства, отнесены к кругу наследников по закону. Указанное положение о приравнивании усыновленного (удочеренного) по отношению к усыновителю, а усыновителей к усыновленному в личных имущественных и неимущественных правах к родственникам по происхождению, закреплено также в ст.137 Семейного кодекса РФ. Такое уравнивание, наряду с тем, что усыновленные (удочеренные) дети утрачивают свое право наследовать за своими кровными родителями, ряд авторов считают негативным фактором для судьбы переходящего по наследству имущества, которое переходит к некровным родственникам наследодателя.

Особый наследственный статус ребенка также возникает в случаях лишения родителей родительских прав, в результате чего утрачивается юридическая связь между ребенком и родителем, но при этом сохраняются наследственные права, даже при усыновлении ребенка.

В категорию потенциальных (в том числе обязательных) наследников сейчас включены и нерожденные, но зачатые при жизни наследодателя, наследники по закону. Наследственные права не родившихся, но зачатых детей, защищаются в статье 1116 Гражданского кодекса России. Понятие "зачатые", включает в себя не только детей, зачатых наследодателем, но и других, зачатых, но не родившихся к моменту открытия наследства потенциальных наследников, к которым относятся не только дети самого наследодателя, но и его сестры и братья, внуки и внучки и т. д., которые также являются потенциальными наследниками. Данные положения закреплены в "Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав" (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол N 03/19)³, которыми установлено, при наличии зачатого не родившегося наследника выдача свидетельства о праве на наследство нотариусом приостанавливается.

Указанные дети должны родиться живыми, их правоспособность возникает в момент их рождения, как это закреплено в п.2 ст.17 ГК РФ. Ребенок, родившийся после открытия наследства мертвым правоспособности не приобретает, в силу чего, субъектом наследования не является. Рождение ребенка живым подлежит регистрации органами актов гражданского состояния. Даже, если после своего рождения ребенок прожил непродолжительное время, он становится наследником. Произвести раздел наследства нельзя, если есть зачатый наследник. Соглашение наследников о разделе наследственного имущества, даже если наследники первой очереди включили в него долю еще не рожденного наследника, будет ничтожным.

В случае, если ребенок наследодателя умер после открытия наследства, однако принять его не успел, право на принятия причитавшегося ему наследства переходит к его наследникам по закону. Наследственную трансмиссию в этом случае закрепляет п.1 ст.1156 ГК РФ. При этом, необходимо отметить, что наследственные правоотношения по положениям ст.1113 ГК РФ возникают со смертью наследодателя или объ-

¹ Воронина С. В. осуществление и защита наследственных прав несовершеннолетних // Нотариальный вестник, 2022, № 6.

² Бегичев А. В. Генетические предпосылки владения имуществом как преимущественный фактор наследственных правоотношений // Нотариус, 2016, N 8

³ Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав" (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол N 03/19 // КонсультантПлюс

явления его умершим.

Необходимой предпосылкой возникновения наследственных правоотношений является наличие наследственного имущества, поскольку очевидно, что его отсутствие не порождает каких-либо наследственных прав, наследственных правоотношений при этом не возникает. Такой вывод очевиден из содержания ст.1112 ГК, которая раскрывает понятие наследства и его содержание. Только при наличии этих двух юридических обстоятельств могут возникать наследственные правоотношения, в том числе между родителями и детьми¹.

Родственная связь возникает в силу рождения наследника наследодателем или от наследодателя и сохраняется независимо от наступления возраста наследника к моменту открытия наследства. Кровная связь между наследодателем и его детьми обуславливает их приоритетное право наследования за родителем. Наличие этой родственной связи, ее установление и подтверждение является архиважным для возникновения наследственного правоотношения. Ее подтверждение и установление необходимо не только несовершеннолетнему наследнику, но и наследнику, который полностью дееспособен.

Изучение исторических предпосылок формирования наследственного законодательства с участием детей и родителей с очевидной степенью продемонстрировало однозначную направленность в сторону защиты и охраны наследственных прав детей как несовершеннолетних, так и достигших совершеннолетия. Вместе с тем, проведенный анализ в большей степени затронул наследственные правоотношения в формате «ребенок наследует за родителем», в действительности, иной формат - «родитель наследует за ребенком» раскрывает новые грани этой группы правоотношений и демонстрирует как детско-родительские отношения влияют на наследственные отношения между родителями и детьми.

Библиография:

1. Бегичев А. В. Генетические предпосылки владения имуществом как преимущественный фактор наследственных правоотношений // Нотариус, 2016, № 8
2. Беспалов Ю. Ф. Наследственные правоотношения // Бюллетень нотариальной практики", 2005, N 5
3. Булаевский Б. А. Некоторые аспекты существования наследственных правоотношений в системе наследственного права // Наследственное право", 2019, N 3
4. Воронина С. В. Осуществление и защита наследственных прав несовершеннолетних // Нотариальный вестник, 2022, № 6.
5. Горелик А. А. О некоторых коллизиях правового регулирования наследования внуками наследодателя и их потомками // Наследственное право, 2022, № 3
6. Корнеева И. Л. Наследственное право РФ. М., 2004. С. 27.
7. Крашенинников П. В. Взаимосвязь частноправовых отраслей законодательства (гражданское, семейное, жилищное и земельное) // Закон, 2017, № 2
8. Лескова Ю. Г. К вопросу об оптимизации межотраслевых связей наследственного права // Наследственное право, 2017, №1
9. Летова Н. В. Ребенок как субъект наследственных правоотношений // Цивилист, 2010, № 4.
10. Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М., 2002. С. 218.
11. Останина Е. А. Некоторые проблемы применения норм об отстранении от наследования недостойных наследников // Закон, 2017, № 6
12. Орловский П. Некоторые вопросы законодательства о наследовании // Советское государство. 1935. N 2.
13. Рабец А.М. Проблемы реализации права несовершеннолетнего на достойную жизнь по действующему наследственному законодательству // Наследственное право, 2019, № 1
14. Ростовцева. Н.В. Охрана прав несовершеннолетних наследников // Наследственное право, 2015, №2
15. Толстой Ю.К. Комментарий к части третьей ГК РФ. М., 2003. С. 7.
16. Черепанова О. С. Наследование внуками: анализ спорных законодательных конструкций // Нотариус, 2020, №7

References:

1. Begichev A.V. Genetic prerequisites of property ownership as a predominant factor of hereditary legal relations // Notary, 2016, No. 8
2. Bepalov Yu. F. Hereditary legal relations // Bulletin of notarial practice", 2005, N 5
3. Bulaevsky B. A. Some aspects of the existence of hereditary legal relations in the system of inheritance law // Inheritance law", 2019, N 3
4. Voronina S. V. Implementation and protection of the hereditary rights of minors // Notarial Bulletin, 2022, No. 6.
5. Gorelik A. A. On some conflicts of legal regulation of inheritance by the testator's grandchildren and their descendants // Inheritance law, 2022, No. 3
6. Korneeva I. L. Inheritance law of the Russian Federation. M., 2004. p. 27.
7. Krashenninikov P. V. Interrelation of private law branches of legislation (civil, family, housing and land) // Law, 2017, No. 2
8. Leskova Yu. G. On the issue of optimizing intersectoral relations of inheritance law // Inheritance law, 2017, No.1
9. Letova N. V. The child as a subject of hereditary legal relations // Tsivilist, 2010, No. 4.
10. Novitskaya T. E. The Civil Code of the RSFSR of 1922. M., 2002. p. 218.
11. Ostanina E. A. Some problems of the application of norms on the removal of unworthy heirs from inheritance // Law, 2017, No. 6
12. Orlovsky P. Some issues of inheritance legislation // The Soviet state. 1935. N 2.
13. Rabets A.M. Problems of realizing the right of a minor to a decent life under the current hereditary legislation // Hereditary law, 2019, No. 1
14. Rostovtseva, N.V. Protection of the rights of minor heirs // Inheritance law, 2015, No.2
15. Tolstoy Yu.K. Comment on part three of the Civil Code of the Russian Federation. M., 2003. p. 7.
16. Cherepanova O. S. Inheritance by grandchildren: analysis of controversial legislative structures // Notary, 2020, No.7

¹ Булаевский Б. А. Некоторые аспекты существования наследственных правоотношений в системе наследственного права //Наследственное право", 2019, N 3

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК ФОРМА ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА С ОБУСЛОВЛЕННЫМ ИСПОЛНЕНИЕМ

Smart contract as a form of execution of an obligation with conditional fulfillment

КОЦАРЬ Юлия Александровна,

аспирант кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
судья Центрального районного суда г. Новосибирска.
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69.
E-mail: ukotsar@yandex.ru;

Kotsar Julia A.,

postgraduate student of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice,
Judge of the Central District Court of Novosibirsk.
69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russia.
E-mail: ukotsar@yandex.ru;

Краткая аннотация. В статье рассматривается вопрос о природе смарт-контракта и его понимании как особой новой «цифровой» формы внешнего выражения обязательственного правоотношения. Являясь автоматически исполнимым при наступлении определенных обстоятельств, смарт-контракт рассматривается с точки зрения формы закрепления условных прав и условно исполнимых обязанностей, а статья 327.1 ГК РФ представляется актуальной с позиции новой регуляторики, применяемой к быстро набирающим оборот «цифровым» отношениям, нормативная регламентация которых по настоящее время в полной мере не определена.

Abstract. The article addresses the issue of the legal nature of a smart contract. The author emphasizes on understanding of a smart contract as a special new "digital" form of external expression of an obligatory legal relationship. Being automatically executed under certain circumstances, a smart contract is considered as a form of securing conditional rights and conditionally enforceable obligations. Article 327.1 of the Civil Code of the Russian Federation seems relevant from the standpoint of new regulation applied to rapidly gaining momentum "digital" relations, the normative regulation of which is currently not fully defined.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, программный код, условие, обязательство с обусловленным исполнением.

Keywords: smart contract, blockchain, program code, condition, conditional fulfillment of the obligation.

Для цитирования: Коцарь Ю.А. Смарт-контракт как форма исполнения обязательства с обусловленным исполнением // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 262-264. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_262.

For citation: Kotsar J.A. Smart contract as a form of execution of an obligation with conditional fulfillment // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 262-264. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_262.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2024

Современное развитие и совершенствование обязательственного права направлено на внедрение цифровых технологий и платформенных решений в социально-экономическую сферу общества [1], в частности в регулирование товарообмена и имущественного оборота в целом. Избранный курс на цифровизацию как не только национальный, но и всемирный ориентир направления развития человечества заставляет правопорядок подстраиваться под новые реалии и совершенствовать регулирование общественных отношений, осложненных цифровыми инструментами и их производными.

Технология распределенного реестра является новой по отношению к традиционной централизованной технологии базы данных и представляет собой новый способ шифрования, хранения и передачи актива. Для данной технологии характерна децентрализация, то есть отсутствие единого центра ответственности за проведение транзакций, доверием к которому обладали бы все пользователи системы. «Вся ответственность за правильность вносимой и отражаемой в такой базе информации равномерно распределяется между всеми участниками» [2, с. 79]. Основанием такой системы является блокчейн (blockchain), то есть цепочка блоков, каждый из которых хранит набор из совершенных в течение определенного периода времени транзакций с цифровым активом, передача которого осуществляется с использованием автоматизированных компьютерных программ (компьютерного кода), именуемых «смарт-контрактами».

Возможность проведения транзакций с использованием цифровых инструментов была введена в гражданское законодательство с 01.10.2019 одновременно с признанием цифровых прав в качестве объекта гражданских прав [3]. Появление нового объекта гражданских прав, безусловно, требовало и нового способа его оборота, в связи с чем законодатель в п. 2 ст. 309 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепил возможность исполнения обязательства без осуществления непосредственно фактических действий, а при помощи цифровых инструментов в распределенном реестре на цифровой платформе. При этом такое исполнение по задумке законодателя не является произвольным, а осуществляется при наступлении определенных обстоятельств, что указывает на условный компонент.

Смарт-контракт в проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (далее – Закон о ЦФА) был определен как новый вид договора, заключаемого в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств [4].

Однако, Закон о ЦФА в редакции первоначального проекта не был принят и упоминание о смарт-контрактах в данном законе по настоящее время отсутствует.

Стоит отметить, что дефиницию смарт-контракта, изложенную в проекте Закона о ЦФА, и введенное нормативное положение п. 2 ст. 309 ГК РФ объединяет то, что обе эти диспозиции указывают на возможность исполнения обязательства автоматически и только при наступлении заранее установленных соглашением обстоятельств.

Условные правоотношения как на момент введения п. 2 ст. 309 ГК РФ, так и на момент принятия Закона о ЦФА не были чужды гражданскому законодательству – существовали нормы об условных сделках (ст. 157 ГК РФ) и об обусловленном исполнении обязательства (ст. 327.1 ГК РФ).

Исполнение обязательства в зависимости от наступления либо ненаступления согласованного сторонами условия было урегулировано в ст. 327.1 ГК РФ. Появление данной нормы в ГК РФ ознаменовало собой формирование новой разновидности обязательственного правоотношения – обязательства с обусловленным исполнением, которое характеризуется тем, что осуществление прав и исполнение обязанностей в рамках данного обязательственного правоотношения поставлено в зависимость от условия, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет (случайное условие), либо наступление или ненаступление которого может зависеть от воли стороны обязательства (потестативное условие) [5, с. 30-37].

Анализируя положения п. 2 ст. 309 и ст. 327.1 ГК РФ стоит отметить, что данные нормативные положения объединены тем, что регламентируют исполнение обязательства при наступлении определенных обстоятельств, за тем исключением, что согласно п. 2 ст. 309 ГК РФ такое исполнение происходит при помощи цифровых инструментов.

Таким образом, общей чертой указанных двух норм является элемент условности. Условность, как философская категория, оперирует понятиями «причина» - «следствие», «если ... то». Введение условия в исполнение обязательства усложняет его характер, но в то же время делает такое исполнение более определенным с точки зрения последовательности исполнения.

Осуществление прав и исполнение обязанностей по смарт-контракту обусловлено наступлением определенных обстоятельств, с одним лишь отличием, что это происходит в цифровой среде и при помощи цифровых инструментов, то есть речь идет о форме внешнего выражения, в рамках которой будет реализовываться обязательство с обусловленным исполнением.

Автоматически взимаемые штрафы за нарушение условий договора, автоматические платежи за уже произведенное исполнение по поставке товара, автоматическая блокировка автомобиля в случае невнесения денежных средств в счет арендной платы, использование смарт-контрактов в рамках расчетов и проведения сделок с аккредитивами – все это лишь малая часть направлений применения цифровых технологий в правовом поле.

По сути «речь идет не об особом договорном типе в гражданском праве, а о техническом аспекте исполнения уже известных видов договоров» [6], в связи с чем рассматривать смарт-контракт как самостоятельную договорную конструкцию, как об этом предлагалось в проекте Закона о ЦФА, не вполне оправданно. В данном случае можно говорить о форме внешнего объективированного выражения правоотношения, о «переносе» прав и обязанностей с «бумажного» носителя на «цифровой», что обусловлено повсеместным переходом «на цифру». Именно реализация прав и обязанностей в цифровом формате требует наличия принципа условности, поскольку такое исполнение осуществляется без физических посредников, в цифровой среде, в связи с чем движение обязательства должно быть заранее определено.

Этот вопрос актуален в рамках дискуссии о том, как расценивать набирающие популярность новые формы договорных правоотношений – как революционное (договорное право 2.0) или эволюционное развитие гражданского законодательства?

Савельев А.И., придерживаясь революционных взглядов в области договорного права, указывает на то, что «концепция «умных» контрактов зародилась в параллельной, технической реальности, без оглядки на какие-либо правовые аспекты, подобно тому, как в свое время зарождался сам Интернет» [7]. Автором приводится точка зрения о том, что обязательство, как двусторонняя связь между участниками правоотношений, в «умном» контракте отсутствует, что объясняется тем, что воля сторон выражается единожды: в момент его заключения, впоследствии компьютерная программа сама исполнит все запрограммированные условия такого контракта [7].

Богданов Д.Е., напротив, ведет речь об эволюционном развитии представлений о гражданско-правовом договоре, которое, подвергаясь влиянию цифровых технологий, не может не отвечать новым реалиям правовых отношений. Данные отношения характеризуются преобразованием условий договора в цифровой код, их изложением на языке программирования по соответствующей условной логике «если А, то В» (логике программирования) [8, с. 27]. Автором отмечается, что смарт-контракт не является регулятором, не является «соглашением». Это избранный сторонами и указанный в соответствующем условии договора техно-логический прием исполнения договорного обязательства [8, с. 35].

С отрицанием смарт-контракта как самостоятельного правового регулятора следует согласиться, поскольку, действительно, в существе своем смарт-контракт, как компьютерная программа в ее техническом понимании, не несет какое-либо содержательно-правовое значение. Смарт-контракт фактически наполняют традиционные формы правовых отношений, облеченные в «цифровую оболочку» и исполняющиеся при помощи соответствующих цифровых технологий. Следовательно, в существе своем смарт-контракт опосредует конкретное обязательственное отношение, вытекающее из купли-продажи, аренды, кредита, производства расчетов. То есть какие-либо новые виды договорных отношений, не предусмотренные ГК РФ, не являются правовой основой смарт-контракта. Новыми являются: 1) способ исполнения таких правоотношений - при помощи цифровых инструментов и блокчейн-платформы, 2) способ фиксации таких правоотношений - при помощи программного кода, изложение на языке программирования, 3) цифровой объект таких правоотношений - криптовалюта и токены, цифровые финансовые активы, цифровое имущество, искусственный интеллект, большие данные [9, с. 356].

А потому нет оснований утверждать об отсутствии обязательственной связи при исполнении обязательства при помощи смарт-контракта, но, вместе с тем, стоит отметить новый «цифровой» уровень фиксации данного обязательства.

Говоря о специфике обязательственной связи правоотношения, исполняющегося при помощи смарт-контракта, стоит отметить, что автоматизация, присущая блокчейн, требует, чтобы все виды договорных отношений, переводимых на платформу, были условно исполнимыми, то есть исполнялись при наступлении определенных обстоятельств, установленных сторонами в их «классическом» соглашении.

В тоже время, рассматривать смарт-контракт только как форму исполнения обязательства не совсем верно. В отличие от обычно ис-

полняемого договора, исполнение при помощи смарт-технологий запрограммировано на будущее и какое-либо вмешательство извне невозможно. Тогда как исполнение обязательства вне «цифры» может быть подвержено изменениям на протяжении всей «жизни» договора при наличии на то воли сторон договора, в том числе в части обстоятельств, в зависимость от наступления которых поставлено исполнение той или иной обязанности (ст. 450 ГК РФ).

В свете данной проблематики Адельшин Р.Н. справедливо обращает внимание на определение понятия смарт-контракта как «обязательства в цифровой среде», на возможность применения к такому обязательству принципов классического договорного права либо исключительно технических принципов функционирования платформы. Автор приводит точку зрения о том, что наличие виртуальности, цифровая среда, ее инфраструктура требуют более полного и нового осмысления правового регулирования обязательства с учетом системы права в целом. Таким образом, очевидно, что цифровое гражданское обязательство становится в отличие от его аналога в электронной форме подверженным более очевидному регуляторному воздействию правил о создании цифровых технологий [10, с. 37].

Таким образом, исполнение условного обязательства в цифровой среде, действительно, будет накладывать отпечаток на специфику данного обязательства, но в существе своем его подменять не будет. В этой связи, если различать в категории «смарт-контракт» форму и содержание, то применительно к форме следует говорить исключительно о цифровых технологиях, а содержанием как раз и будет выступать то «гражданское обязательство», составляющее сущность правоотношений, исполняющихся в цифровой среде при наступлении запрограммированных в коде обстоятельств. Осуществление права и исполнение обязанности при наступлении условия характерно для конструкции обязательства с обусловленным исполнением (ст. 327.1 ГК РФ). Следовательно, смарт-контракт возможно рассматривать как форму внешнего выражения данного вида обязательства.

Программируя смарт-контракт возможно использовать любые условия, как отлагательные, отменительные, так и потестативные. Это определяется сущностью тех правоотношений, которые являются правовой основой программного кода. К примеру, внесение арендной платы программируется в зависимости от наступления календарной даты и факта предоставления имущества в аренду; перечисление денежных средств по договору поставки программируется в зависимости от загрузки на цифровую платформу соответствующих строго установленных документов о поставке товара. Связь цифровой платформы с внешним миром поддерживается при помощи оракулов.

Таким образом, смарт-контракт представляет собой форму внешнего выражения прав и обязанностей, возникших в рамках «традиционных» форм договорных отношений, но реализующихся и исполняющихся на цифровой платформе при помощи цифровых инструментов. Сохранением смарт-контракта может выступать гражданско-правовое, условно-исполнимое обязательство, поскольку только такое обязательство может быть исполнено автоматически при помощи компьютерного кода, запрограммированного на конкретные обстоятельства и исполняющегося в отсутствие физических посредников.

Все это дает основание для применения к правоотношениям, исполняющимся посредством смарт-контракта, положений ст. 327.1 ГК РФ как нормы, закрепляющей самостоятельную разновидность обязательства – обязательства с обусловленным исполнением, составляющим правовую сущность смарт-контракта.

Однако, при характеристике смарт-контракта нельзя не учитывать особенности цифровых платформ, в рамках которых исполняются смарт-контракты. Условно-исполнимое правоотношение, реализующееся при помощи смарт-контракта, нельзя полностью рассматривать только в рамках нормативного регулирования, в отрыве от цифровых технологий, смело бросающих вызов правовой системе.

Библиография:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Зубарев А.В., Шилов К.Д. Блокчейн и распределенные реестры как виды баз данных // *Инновации*. 2018. №12 (242). С.77-87.
3. Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Проект Федерального закона РФ «О цифровых финансовых активах» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения 10.02.2024).
5. Коцарь Ю.А. О природе обязательства с обусловленным исполнением // *Российское правосудие*. 2022. №3. С. 30-37.
6. Нам К.В. Правовые проблемы, связанные с применением блокчейна // *Судья*. 2019. N 2 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Савельев А.И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права // *Вестник гражданского права*. 2016. N 3 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Богданов Д.Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // *Lex russica*. 2023. T. 76. № 3. С. 21-40.
9. Адельшин Р.Н. Обязательственное правоотношение в цифровом обороте // *Право и бизнес: обеспечение баланса правовых интересов предпринимателей, потребителей и государства: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции (Москва, 3 июня 2021 г.)*. - М.: РГУП, 2022. 572 с.
10. Адельшин Р. Н. Смарт-обязательства в цифровой среде // *Российское правосудие*. 2022. Специальный выпуск: 100 лет Верховному Суду Российской Федерации. С. 32-45.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2018 N 204 "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024" // SPS "ConsultantPlus" (In Russ.).
2. Zubarev A.V., Shilov K.D. Blockchain and distributed registries as types of databases // *Innovation*. 2018. №12 (242). P.77-87 (In Russ.).
3. Federal Law of March 18, 2019 N 34-FZ "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus" (In Russ.).
4. Draft Federal Law of the Russian Federation "On Digital Financial Assets" [Electronic resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (date accessed 02/10/2024) (In Russ.).
5. Kotsar J.A. On the nature of an obligation with conditional performance // *Russian justice*. 2022. №3. P. 30-37 (In Russ.).
6. Nam K.V. Legal issues associated with the use of blockchain // *Judge*. 2019. N 2 // SPS «Consultant Plus» (In Russ.).
7. Savel'ev A.I. Contract law 2.0: smart contracts as the beginning of the end of classical contract law // *Bulletin of Civil Law*. 2016. N 3 // SPS «Consultant Plus» (In Russ.).
8. Bogdanov D.E. The ongoing technological revolution in contract law: apologetics for the traditionalist interpretation of the contract // *Lex russica*. 2023. V. 76. № 3. P. 21-40 (In Russ.).
9. Adel'shin R.N. Obligatory legal relationship in digital circulation // *Law and business: ensuring a balance of legal interests of entrepreneurs, consumers and the state: Collection of materials of the X International Scientific and Practical Conference (Moscow)*. RGUP, 2022. 572 p. (In Russ.).
10. Adel'shin R.N. Smart Commitments in the Digital Environment // *Russian justice*. 2022. Special issue: 100 years of the Supreme Court of the Russian Federation. P. 32-45 (In Russ.).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ SOME ASPECTS OF THE LEGAL PROVISION OF COMPETITION IN THE DIGITAL ECONOMY IN THE RUSSIAN FEDERATION

ЕФИМЦЕВА Татьяна Владимировна,

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права
Оренбургского института (филиала)
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»;
профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».
Комсомольская ул., 50, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460000, Россия.
E-mail: tve-26@mail.ru;

ПЕТРОВ Виталий Иванович,

преподаватель кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».
Комсомольская ул., 50, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460000, Россия.
E-mail: vipetrov@list.ru;

Efimtseva Tatiana Vladimirovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of entrepreneurial and natural-resources law
Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA);
Professor of the Department of Civil Law and Procedure Orenburg State University.
Komsomolskaya str., 50, Orenburg, Orenburg region, 460000, Russia.
E-mail: tve-26@mail.ru;

Petrov Vitaliy Ivanovich,

teacher of the Department of entrepreneurial and natural-resources law
Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA).
Komsomolskaya str., 50, Orenburg, Orenburg region, 460000, Russia.
E-mail: vipetrov@list.ru

Краткая аннотация. Развитие экономических отношений в России с учетом изменений в глобальной экономике предопределяет необходимость постоянного принятия оперативных мер по созданию адекватных инструментов и механизмов предотвращения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Специфика рынка обуславливает важность формулирования новых подходов к доминирующему положению хозяйствующего субъекта и контроля экономической концентрации. По-прежнему нуждается в теоретическом осмыслении и четком законодательном урегулировании вопрос о пределах монополии обладателей исключительных прав. Позиция Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (ФАС РФ) здесь остается последовательной и предполагает распространение антимонопольных требований на результаты интеллектуальной деятельности. Внесение предложенных в настоящей статье изменений в действующее антимонопольное законодательство будет способствовать развитию правового института защиты конкуренции.

Abstract. The development of economic relations in Russia, taking into account changes in the global economy, determines the need for constant operational measures to create adequate tools and mechanisms to prevent monopolistic activities and unfair competition. The specifics of the market determine the importance of formulating new approaches to the dominant position of an economic entity and controlling economic concentration. The issue of the limits of the monopoly of holders of exclusive rights still needs theoretical understanding and a clear legislative regulation. The position of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation (FAS RF) remains consistent here and assumes the extension of antimonopoly requirements to the results of intellectual activity. The amendments proposed in this article to the current antimonopoly legislation will contribute to the development of the legal institution of competition protection.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые платформы, сетевой эффект, большие данные, конкуренция, монополия, товарный рынок, хозяйствующий субъект, доминирующее положение, экономическая концентрация, государственный контроль, исключительные права, результат интеллектуальной деятельности.

Keywords: digital economy, digital platforms, network effect, big data, competition, monopoly, commodity market, business entity, dominant position, economic concentration, state control, exclusive rights, result of intellectual activity.

Для цитирования: Ефимцева Т.В., Петров В.И. Некоторые правовые аспекты обеспечения конкуренции в условиях цифровой экономики в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 265-269. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_265.

For citation: Efimtseva T.V., Petrov V.I. Some aspects of the legal provision of competition in the digital economy in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 265-269. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_265.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2024

Перемещение значительной части товаров в информационно-телекоммуникационное (цифровое) пространство способствует процессам естественного вытеснения традиционных товарных рынков с заменой их на виртуальный рынок, где ключевым инструментом ведения хозяйственной деятельности выступает определенная информационная технология.

Поиск новых путей достижения целей заставляет хозяйствующих субъектов создавать эффективные технологии и инновации, при этом снижая цены. В таких условиях особую значимость приобретает проблема правовой защиты конкуренции. В связи с этим антимонопольное регулирование в условиях цифровой экономики не может быть основано на создании замкнутых правовых пространств с жестким контролем и созданием административных барьеров.

Ключевой причиной развития монополии в цифровом рыночном пространстве является стремительное формирование рынков. Анти-

монопольные органы физически не успевают изучить их в достаточной мере, чтобы своевременно отреагировать на них. Несвоевременность принятия мер по проведению государством антимонопольной политики способна привести к негативным последствиям – прекращение существования цифровой экономики как рыночной и сосредоточение рыночной власти в руках группы компаний – монополистов.

А.Э. Позднякова, Д.А. Котова, Е.В. Семенова указывают на проблему изменения границ антимонопольного права в век цифровизации: «Помимо традиционной направленности на защиту имущественных интересов потребителей, приобретает важную роль необходимость защитить неимущественные интересы пользователей» [13, с. 74]. В этой плоскости в особой защите нуждаются персональные данные пользователей. Социальные сети могут злоупотреблять своим положением при определении в пользовательском соглашении условий использования персональных данных. Навязывание невыгодных договорных условий сбора и обработки персональных данных обусловлено утилитарной целью – стремлением накопить большие массивы данных о пользователях, что дает огромное конкурентное преимущество и в конечном итоге усиливает рыночную власть социальной сети [2, с. 44].

В свою очередь А.В. Доценко и А.Ю. Иванов отмечают, что «даже сама возможность применения антимонопольных средств регулирования цифровых рынков вызывает дискуссии. Так, распространена точка зрения, что применение к динамичным отраслям новой экономики привычных методов антимонопольного права, сложившихся в традиционных отраслях, может принести больше вреда, чем пользы. Это аргументируют тем, что существующие методы анализа рынков дают сбой на рынках информационных технологий, постоянно меняющихся за счет частых разрушающих инноваций (disruptive innovations)» [6].

Немаловажную роль в цифровой экономике выполняют большие данные (метеоданные, геоданные, данные о цене товаров, персональные данные), на основе анализа которых появляется возможность создания сетевых эффектов (экстерналий), возникающих в том случае, когда ценность продукта для его пользователей увеличивается с увеличением числа других пользователей продукта [7]. Наличие сетевого эффекта в цифровой экономике обусловлено спецификой проявления спроса и предложения, когда первый связан не столько с ценой на товар, сколько с его широким распространением [12]. Чаще всего они возникают на цифровых рынках, где растущая популярность платформы привлекает на нее дополнительных пользователей и других субъектов, таких, как рекламодатели и разработчики приложений.

Сетевые эффекты возникают в результате анализа больших данных, консолидирующихся в руках небольшого числа компаний. Слияние и поглощение компаний, обладающих большими данными, способно создать барьеры входа на рынок. Сетевые эффекты, характерные для цифровых платформ, также увеличивают влияние, которое способна оказать сделка слияния или поглощения на состояние конкуренции на рынке. Таким образом, анализ больших данных способен усилить рыночную власть компании на разных цифровых платформах. В этой связи возникает необходимость в обеспечении определения на законодательном уровне новых подходов при контроле экономической концентрации.

По мнению А.Ю. Иванова, «контроль экономической концентрации – один из действенных механизмов защиты конкуренции, направленный на недопущение как значительного ухудшения конкуренции через монополизацию рынков, так и возникновения иных неблагоприятных для конкуренции последствий, выражающихся, например, в усилении барьеров входа на соответствующий рынок» [8, с. 106].

ФАС РФ контроль экономической концентрации рассматривает как упреждающее (ex ante) средство правового воздействия, которое направлено на только зарождающиеся факторы ограничения конкуренции и позволяет не допустить или снизить вероятность наступления антиконкурентных последствий и соответственно причинения вреда потребителям и развитию экономики в целом¹.

Таким образом, контроль экономической концентрации позволяет не допустить или снизить вероятность наступления антиконкурентных последствий и, соответственно, причинения вреда потребителям и развитию экономики в целом. Полагаем, что традиционные критерии в рамках цифровой экономики не могут отражать реального влияния на условия сделок слияния и поглощения одними компаниями других, которые могут носить глобальный характер и рассматриваться в нескольких юрисдикциях. В данном случае правила контроля экономической концентрации должны формулироваться с учетом концентрации больших массивов данных как средства монополизации и сетевых эффектов цифровых платформ, а также функционирования глобальных цепочек создания стоимости и эффектов для инновационного развития.

Специфика цифрового рынка обуславливает важность формулирования новых подходов к доминирующему положению хозяйствующего субъекта.

Традиционно при определении доминирующего положения хозяйствующего субъекта оценивается доля на товарном рынке. Однако спецификой цифровой экономики является отсутствие такой доли у компании ввиду широкого распространения платформ-агрегаторов, которые специализируются на сборе, сортировке и предоставлении покупателям информации о товарах, а также предоставляющие удобную площадку для их заказа. Например, компания, продающая гостиничные услуги, фактически их не оказывает, а лишь предоставляет доступ к приложению, где пользователи могут найти соответствующий сервис. Следовательно, такая компания, фактически не предоставляющая услуги на товарном рынке и не имеющая на нем доли, может оказывать существенное влияние как на формирование спроса и предложения на рынке, так и на цену услуги.

Сказанное предопределяет необходимость внесения изменений в пункт 3 статьи 5 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»² (далее – Закон о защите конкуренции) положениями, определяющими доминирующее положение хозяйствующего субъекта, владеющего цифровой платформой или несколькими сходными или взаимозаменяемыми цифровыми платформами, дополнив ее пунктом

¹ Решение ФАС России от 08.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ». URL: <https://fas.gov.ru/documents/591759> (дата обращения: 21.02.2024).

² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 31 (часть I). – Ст. 3434.

3.1. следующего содержания: «цифровая платформа занимает не менее 35 % рынка взаимозаменяемых услуг, которые оказываются с ее использованием. Доминирующим положение не может быть признано, если цифровая платформа имеет выручку менее 400 млн. руб. за последний календарный год».

Именно такой подход к определению доминирующего положения хозяйствующего субъекта в наибольшей степени соответствует нынешним обстоятельствам и обеспечивает снятие административных барьеров при входе на цифровой рынок стартапов.

Еще одним дискуссионным вопросом в сфере защиты конкуренции в условиях цифровой экономики является проблема наличия в законодательстве положений, предусматривающих неприменение норм о недопустимости монополистической деятельности в форме злоупотребления доминирующим положением и заключения ограничивающих конкуренцию соглашений к действиям и соглашениям по осуществлению и распоряжению интеллектуальными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (п. 4 ст. 10, п. 9 ст. 11 Закона о защите конкуренции). Их существование в Законе о защите конкуренции объясняется необходимостью защиты интересов правообладателей. Однако в доктрине целесообразность существования и пределы действия данных положений, получивших название антимонопольных иммунитетов, подвергается критике. Высказываемые по данному вопросу точки зрения строятся в аспекте соотношения частных и публичных интересов и возможности применения частноправового способа правового регулирования к отношениям, связанным со злоупотреблением правом в сфере интеллектуальной собственности.

В юридической науке сложилось несколько подходов к разрешению проблемы о необходимости распространения действия антимонопольного законодательства в части норм о недопустимости монополистической деятельности на отношения, связанные с осуществлением интеллектуальных прав.

Заслуживающей внимания представляется позиция А.Ю. Иванова, который указывает на избыточность и явную непропорциональность интересам общества существующей в действующем законодательстве системы охраны интеллектуальной собственности [9, с. 86]. Ученым аргументируется, что исключительное право само по себе не обладает какими-либо специальными экономическими характеристиками. Введение этой специальной правовой категории в ГК РФ обусловлено необходимостью придать результатам интеллектуальной деятельности оборотоспособность, схожую с оборотоспособностью вещей. Понятие законной монополии, используемой применительно к исключительному праву, не идентично экономической. Его основное предназначение состоит в получении правообладателем вознаграждения от коммерческого использования результатов интеллектуальной деятельности, а не контроль над рынком. Положения пункта 1 статьи 10 ГК РФ, устанавливающие недопустимость использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке, распространяют свое действие на любые гражданские права. Таким образом, защита конкуренции должна быть применима вне зависимости от типа субъективных прав, которые реализует хозяйствующий субъект [9, с. 89].

Сторонниками противоположного подхода отмечается, что права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации – сфера гражданского законодательства и сугубо частного интереса. Ограничения на использование и распоряжение такими правами могут быть установлены только Гражданским кодексом РФ. В частности, обосновывается, что в данном случае монопольные права возникают в силу закона, они санкционированы государством для пользы общества. В то же время государство устанавливает и пределы осуществления исключительных прав, создавая систему ограничений, которая позволяет соблюдать баланс интересов [3; 11]. Указывается также, что негативными последствиями отмены антимонопольных иммунитетов может стать «уменьшение числа научных разработок и общее ослабление инвестиционной привлекательности России в связи с неполучением правообладателем ожидаемых доходов от коммерциализации разработки, специфичность рынков, в рамках которых используются результаты интеллектуальной деятельности, а также преждевременность отмены антимонопольных иммунитетов в связи с наличием в законодательстве иных механизмов, позволяющих бороться с возможными злоупотреблениями со стороны обладателей исключительных прав, направленными на ограничение конкуренции» [10, с. 102].

Критика инициативы по ограничению исключительных прав посредством антимонопольного регулирования основывается на том, что в российском законодательстве существует ряд гражданско-правовых инструментов, посредством которых можно пресекать ненадлежащие действия правообладателей: злоупотребление правом, принудительное лицензирование, исчерпание права, эстоппель [14]. При имплементации же норм зарубежного законодательства следует учитывать распространенность практики, наличие в правовом порядке альтернативных правовых инструментов, а также политико-правовые причины подобного решения [5, с. 79].

Особенности цифрового рынка обуславливают существенное сдерживание правообладателей. Характерный для такого рынка сетевой эффект предопределяет необходимость учитывать интересы пользователей, предлагая им выгодные условия к присоединению. Напротив, на традиционных рынках монополизация, как правило, влечет за собой повышение цен и навязывание потребителю невыгодных условий по сделкам. В отсутствие внешнего воздействия основным законом развития цифрового рынка становится обеспечение собственного преимущества посредством разработки прорывных инноваций. Поддержание и расширение доли на цифровом рынке обеспечивается за счет присоединения большего числа субъектов к инновационной разработке, а также посредством дополнения ее новыми функциями и приложениями. Таким образом на рынке происходит инновационное развитие, стимулируется разработка новых технологий и проводится активная коммерциализация разработки, вследствие чего конкуренция в целях получения монополии является важной формой конкуренции [4, с. 55]. Потребность в антимонопольном регулировании в таком случае отпадает, а вмешательство со стороны государства будет дестабилизировать рынок, что негативно скажется на потребителе.

Существует и смешанная позиция относительно проблемы существования антимонопольных иммунитетов. Так, например, А. Акифье-

ва придерживается мнения о возможности в данном случае «действовать не путем прямого исключения иммунитетов из статей 10 и 11 Закона о защите конкуренции, а прописать особое регулирование сферы интеллектуальных прав, где прямо установить, какие недобросовестные лицензионные практики следует презюмировать как нарушающие антимонопольный закон (например, требование к лицензиату приобрести незапатентованные объекты в дополнение к запатентованным или «пакет» лицензий, закрепление обязанности лицензиата передать права на «последующее запатентованное изобретение»)» [1, с. 36].

Об актуальности рассматриваемой проблемы свидетельствует Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П, в котором указано, что положения антимонопольного законодательства, в частности часть 4 статьи 10 Закона о защите конкуренции, «не могут интерпретироваться и применяться как полностью выводящие коллизию интересов правообладателей товарных знаков и иных участников правоотношений по поводу товаров, на которых размещены соответствующие товарные знаки, и связанную с этим возможность оценки поведения сторон как недобросовестного из-под действия механизмов обеспечения баланса конституционно значимых ценностей. Иное означало бы злоупотребление исключительным правом на товарный знак, выходящее за разумные пределы защиты правообладателем своего экономического интереса, которое не должно поощряться»¹.

Отечественной правоприменительной практике известны ситуации, когда антимонопольным органом вменялось осуществление монополистической деятельности субъектам, являвшимся обладателями исключительных прав в отношении объектов интеллектуальной собственности². Ярким примером является судебное разбирательство между компаниями «Google» и «Яндекс»³. В приведенном деле суды исходили из наличия признаков ограничения конкуренции в виде так называемого пакетного лицензирования, когда субъект обуславливает приобретение прав на необходимый результат интеллектуальной деятельности обязательным приобретением прав на другие результаты.

Таким образом, полагаем, что широкая охрана интеллектуальной собственности должна быть направлена на защиту не только прав частного субъекта – правообладателя, но и государственных интересов, к которым относятся развитие инноваций и технологий. Соответственно, публичные интересы в этой сфере должны быть защищены в равной степени с частными. При этом считаем, что предусмотренный гражданским законодательством перечень мер, направленных на предотвращение нарушений со стороны правообладателя, не применим в антимонопольной сфере.

Решение вопроса антимонопольных иммунитетов видится в их ограничении путем закрепления в антимонопольном законодательстве, с одной стороны, общей презумпции его нераспространения на действия по осуществлению исключительных прав и соглашения правообладателей и, с другой стороны, возможности пресечения недобросовестных действий правообладателей, выразившихся в ограничении конкуренции, нарушении интересов пользователей и общественных интересов. В связи с этим предлагаем дополнить часть 4 статьи 10 Закона о защите конкуренции словами «за исключением случаев, когда такими действиями создается возможность устранить конкуренцию на соответствующем товарном рынке либо на их участников или третьих лиц налагаются ограничения, не соответствующие достижению целей таких действий» и часть 9 статьи 11 этого же Закона словами «за исключением случаев, когда указанными соглашениями создается возможность устранить конкуренцию на соответствующем товарном рынке либо на их участников или третьих лиц налагаются ограничения, не соответствующие достижению целей таких соглашений». Подобные дополнения позволят правоприменителю оценивать конкретные условия договора и поведение правообладателя в контексте обеспечения соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Итак, в заключение отметим, что одним из приоритетных направлений развития антимонопольного законодательства сегодня является адаптация его под условия и специфику цифровой экономики. И, прежде всего, требуется разработка новых подходов к доминирующему положению хозяйствующего субъекта и контроля экономической концентрации, а также урегулирование вопросов снятия антимонопольных иммунитетов в отношении результатов интеллектуальной деятельности.

Библиография:

1. Акифьева А. Отмена «антимонопольных иммунитетов» для интеллектуальной собственности: за и против // Конкуренция и право. - 2016. - № 4. <https://cjjournal.ru/vybor/201/>
2. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: Монография / Под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войничанис. - М., 2019. – 311 с.
3. Вознесенский Н., Гнусина Ю. Возможно ли ограничение распоряжения результатами интеллектуальной деятельности нормами антимонопольного права // Корпоративный юрист. - 2012. - № 6.
4. Ворожевич А.С. Антимонопольный иммунитет для интеллектуальной собственности в России при построении цифровой экономики: отменить или сохранить? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2018. - № 19. - С. 55-70. <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/antimonopoly-immunity-for-intellectual-property-in-russia-when-building-a-digital-economy-cancel-or-save?ysclid=>
5. Ворожевич А.С. Антитраст vs Патентные права: почему вмешательство антимонопольной службы повредит инновациям? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 1. - С. 72-112. <https://elibrary.ru/item.asp?id=32410405>
6. Доценко А.В., Иванов А.Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. - 2016. - № 2. - С. 31-45. <https://elibrary.ru/item.asp?id=25682963>
7. Ефимцева Т.В., Баймуханова В.С. К вопросу о запрете на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением с использованием сетевых эффектов в рамках «пятого антимонопольного пакета» // Конкурентное право. – 2023. - № 4. – С. 2-4.
8. Иванов А.Ю. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. - 2018. - № 2. - С. 106-119. <https://publications.hse.ru/articles/216814388?ysclid=ltjxxidut815760360>
9. Иванов А.Ю. Мифы о легальной монополии, или Сказ о том, почему в России не развиваются инновации при упорной охране интеллектуальной собственности // Закон. - 2020. - № 2. - С. 86-102. https://www.hse.ru/data/2020/03/16/1565183163/086-102_иванов.pdf?ysclid

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2018. - № 3.

² См., например: Постановление ВС РФ от 09.11.2015 № 305-КГ15-7123 по делу № А40-42997/2014; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.03.2015 № Ф05-17076/2014 по делу № А40-42997/14.

³ Решение арбитражного суда г. Москвы от 15.03.2016 по делу № А40-240628/15-147-1984. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/eGhIk5Y2i61/> (дата обращения: 28.02.2024).

10. Истомин В.Г. Интеллектуальные права и антимонопольное регулирование: оценка допустимости и пределов антимонопольных иммунитетов в контексте обеспечения баланса интересов // Журнал российского права. - 2019. - № 12. - С. 102-112. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.8
11. Калытин В., Павлова Е., Суспицына М. Гражданско-правовое и антимонопольное регулирование исключительных прав: инструмент на выбор? // Конкуренция и право. - 2013. - № 4. - С. 50-60. <https://publications.hse.ru/articles/135110248?ysclid=ltju8ak6u6853725936>
12. Кузовкова Т.А., Кузовков А.Д., Шаравов И.М. Обоснование сетевого и синергетического характера эффективности развития инфокоммуникаций в условиях цифровой экономики // Экономика и качество систем связи. - 2019. - № 4 (14). - С. 10-20. Users/tve.MASTER_DOMAIN/Downloads/obosnovanie-setevogo-i-sinergeticheskogo-haraktera-effektivnosti-razvitiya-infokommunikatsiy
13. Позднякова А.Э., Котова Д.А., Семенова Е.В. Вопросы конкуренции на рынке социальных сетей // Закон. - 2020. - № 2. - С. 74-85. <https://zakon.ru/Publication/igzakon/8133?ysclid=ltjuc6wwmf467448362>
14. Пузыревский С., Гаджиев Г., Калытин В. Иванов А., Семенов А., Хабаров Д., Суворов К., Войниканис Е., Ворожечин А., Макдональд Б., Пружанский В. Антитраст в сфере интеллектуальной собственности: в поисках разумного баланса // Закон. - 2018. - № 2. - С. 18-34. https://www.researchgate.net/publication/355005776_The_antitrust_immunity_of_intellectual_property_in_Russia

References:

1. Akifyeva A. Cancellation of "antimonopoly immunities" for intellectual property: pros and cons // Competition and law. - 2016. - № 4. <https://cljournal.ru/vybor/201/>
2. Antitrust regulation in the digital age: How to protect competition in the context of globalization and the Fourth Industrial Revolution: A monograph / Edited by A.Y. Tsarikovsky, A.Y. Ivanov, E.A. Voynikanis. - M., 2019. - 311 p.
3. Voznesensky N., Gnusina Yu. Is it possible to limit the disposal of the results of intellectual activity by the norms of antimonopoly law // Corporate Lawyer. - 2012. - № 6.
4. Vorozhevich A.S. Antimonopoly immunity for intellectual property in Russia in building a digital economy: should it be abolished or preserved? // Journal of the Intellectual Property Rights Court. - 2018. - No. 19. - pp. 55-70. <http://pcmagazine.ru/legal-issues/antimonopoly-immunity-for-intellectual-property-in-russia-when-building-a-digital-economy-cancel-or-save?ysclid=>
5. Vorozhevich A.S. Antitrust vs Patent rights: why will the intervention of the antimonopoly service harm innovation? // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2018. - No. 1. - pp. 72-112. <https://elibrary.ru/item.asp?id=32410405>
6. Dotsenko A.V., Ivanov A.Y. Antimonopoly regulation, digital platforms and innovations: the Google case and the development of approaches to protecting competition in the digital environment // Law. - 2016. - No. 2. - pp. 31-45. <https://elibrary.ru/item.asp?id=25682963>
7. Efimtseva T.V., Baymukanova V.S. On the issue of the prohibition of abuse by an economic entity of a dominant position using network effects within the framework of the "fifth antimonopoly package" // Competition law. - 2023. - No. 4. - pp. 2-4.
8. Ivanov A.Yu. Control of monopolization in the digital economy: the first part of the discussion on the fifth antimonopoly package // Law. - 2018. - No. 2. - pp. 106-119. <https://publications.hse.ru/articles/216814388?ysclid=ltjtxidut815760360>
9. Ivanov A.Yu. Myths about legal monopoly, or the tale of why innovations are not developing in Russia with persistent protection of intellectual property // Law. - 2020. - No. 2. - pp. 86-102. https://www.hse.ru/data/2020/03/16/1565183163/086-102_иванов.pdf?ysclid
10. Istomin V.G. Intellectual rights and antimonopoly regulation: assessment of the admissibility and limits of antimonopoly immunities in the context of ensuring a balance of interests // Journal of Russian Law. - 2019. - No. 12. - pp. 102-112. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.8
11. Kalyatin V., Pavlova E., Suspitsyna M. Civil law and antimonopoly regulation of exclusive rights: a tool to choose from? // Competition and law. - 2013. - No. 4. - pp. 50-60. <https://publications.hse.ru/articles/135110248?ysclid=ltju8ak6u6853725936>
12. Kuzovkova T.A., Kuzovkov A.D., Sharavov I.M. Substantiation of the network and synergetic nature of the effectiveness of the development of infocommunications in the digital economy // Economics and quality of communication systems. - 2019. - № 4 (14). - Pp. 10-20. Users/tve.MASTER_DOMAIN/Downloads/obosnovanie-setevogo-i-sinergeticheskogo-haraktera-effektivnosti-razvitiya-infokommunikatsiy
13. Pozdnyakova A.E., Kotova D.A., Semenova E.V. Issues of competition in the social network market // Law. - 2020. - No. 2. - pp. 74-85. <https://zakon.ru/Publication/igzakon/8133?ysclid=ltjuc6wwmf467448362>
14. Puzyrevsky S., Gadzhiev G., Kalyatin V. Ivanov A., Semenov A., Khabarov D., Suворov K., Voynikanis E., Vorozhevich A., McDonald B., Pruzhansky V. Antitrust in the field of intellectual property: in search of a reasonable balance // Law. - 2018. - No. 2. - pp. 18-34. https://www.researchgate.net/publication/355005776_The_antitrust_immunity_of_intellectual_property_in_Russia

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_270

УДК 347.1+346.1

МЕТОДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Methods of legal regulation in the field of housing and communal services

ИЗМАЙЛОВ Роберт Ринатович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ).

ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Россия.

E-mail: izmailov.robert@mail.ru;

Izmailov Robert Rinatovich,

candidate of legal science, senior lecturer at the department of business and energy law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University (KFU).

Kremlevskaya str., 18, 420008, Kazan, Russia

E-mail: izmailov.robert@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследована система методов правового регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Предпринята попытка выявления оптимального соотношения частноправовых и публично-правовых методов применительно к рассматриваемой сфере. Установлена необходимость сочетания правовых и экономических методов воздействия в сфере жилищно-коммунального хозяйства для оказания качественных и доступных жилищно-коммунальных услуг. Предложены пути повышения эффективности государственного воздействия в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Abstract: The article examines the system of methods of legal regulation in the field of housing and communal services. An attempt has been made to identify the optimal combination of private law and public law methods in relation to the area under consideration. The necessity of combining legal and economic methods of influence in the field of housing and communal services for the provision of high-quality and affordable housing and communal services has been established. The ways of increasing the effectiveness of state influence in the field of housing and communal services are proposed.

Ключевые слова: методы правового регулирования, жилищно-коммунальная услуга, концепция правового регулирования, жилищно-коммунальное хозяйство.

Keyword: methods of legal regulation, housing and communal services, the concept of legal regulation, housing and communal services.

Для цитирования: Измайллов Р.Р. Методы правового регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 270-272. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_270.

For citation: Izmailov R.R. Methods of legal regulation in the field of housing and communal services // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 270-272. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_270.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2024

Правовое регулирование осуществляется посредством определенных средств, приемов, способов, которые в теории принято объединять категорией «методы правового регулирования». Профессор Фаткуллин Ф.Н. определяет метод общего правового регулирования как сложное системное образование, складывающееся из ряда разноплановых, но тесно взаимосвязанных компонентов, подразумевая под ним систему специфических средств, способов, приемов и форм выражения властной воли в различных структурных элементах правовых норм, используемых при регулятивном воздействии на организуемые отношения в зависимости от их сферы, рода, вида и иных особенностей [1, С. 234–235]. Как справедливо отмечает Михайлов А.В., одной из важнейших задач правовой науки на современном этапе является определение правильного соотношения методов публично-правового и частноправового регулирования, пренебрежение которым отрицательно сказывается на качестве законов и затрудняет выбор правовых средств воздействия [2, С. 122]. Сфера жилищно-коммунального хозяйства, с одной стороны проявляется как сфера частноправового регулирования, где активно развиваются предпринимательские отношения, предпринимательская деятельность субъектов, с другой же стороны, социальная значимость жилищно-коммунальных услуг требует от государства значительного публично-правового воздействия, с целью обеспечения комфортных и безопасных условий проживания и недопущения злоупотреблений. Комплексный характер отношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства обуславливает тот факт, что отраслевые методы в предпринимательских отношениях, взаимодействуя, насыщаются новым содержанием [2, С. 124]. Представляется, что в сфере жилищно-коммунальных услуг преобладают императивные методы правового регулирования, что обусловлено необходимостью со стороны государства обеспечить конечному потребителю качественные и доступные жилищно-коммунальные услуги.

Интересным представляется исследование сочетания правовых и экономических методов в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Как справедливо отмечает Файзрахманов К.Р., в жилищном праве опосредуются методы регулирования, которые не обладают юридической природой, но тем не менее находят правовое отражение [3, С. 45-46]. Речь, в частности, идет о программно-целевом методе или экономическом методе планирования и управления, используемом при проведении государственной жилищной политики и обеспечивающем граждан системой правовых средств, направленных на удовлетворение потребностей граждан [3, С. 46]. В Приказе Госстроя РФ [4] при определении регулируемого тарифа (цены) используется категория тарифа (цены), складывающегося на рынке жилищно-коммунальных услуг при воздействии экономических и административных методов, в том числе путем установления предельной или фиксированной величины. Данное сочетание позволяет представить потребителю жилищно-коммунальных услуг дополнительные, экономические, что особенно важно для рядовых граждан, гарантии при удовлетворении потребностей.

В научной литературе по предпринимательскому праву выделяют методы запретов, согласования автономных решений, рекоменда-

ций, обязательных предписаний [5, С. 45-46]. Все указанные методы в различной степени представлены при осуществлении правового регулирования на рынке жилищно-коммунальных услуг. Взаимодействие фундаментальных приемов в результате выражается в формировании уникальных способов и средств правового регулирования на стыке частного и публичного права [6, С.6], что весьма ярко проявляется и в сфере жилищно-коммунальных услуг. Специфика механизма правового регулирования предпринимательской деятельности на рынке жилищно-коммунальных услуг обусловлена особенностями методов правового регулирования, и проявляется при использовании в рамках реализации нормы, того или иного метода воздействия на предпринимательские отношения на рынке жилищно-коммунальных услуг.

Метод согласования автономных решений проявляется во взаимодействии субъектов предпринимательской деятельности на рынке жилищно-коммунальных услуг, а также при принятии решений лицами, выступающими участниками некоммерческих организаций, например, собранием собственников товарищества собственников недвижимости или товариществом собственников жилья. Такие решения принимаются с соблюдением установленной законом и внутренними документами процедуры, но неизменно отражают волю субъекта предпринимательской деятельности. Указанный метод отражает в первую очередь частноправовые начала регулирования предпринимательской деятельности на рынке жилищно-коммунальных услуг. Отличительной особенностью, которой данный метод наделяется на рынке жилищно-коммунальных услуг, является то, что он позволяет унифицировать интересы конечных потребителей жилищно-коммунальных услуг, управляющих организаций, выступающих посредниками, и поставщиков ресурсов, ресурсоснабжающих организаций.

Метод обязательных предписаний проявляется в предпринимательских отношениях на рынке жилищно-коммунальных услуг при государственном воздействии на предпринимательскую деятельность. Законодатель в пункте 1 статьи 20 ЖК РФ [7] говорит о методе установления нормативов потребления коммунальных ресурсов (коммунальных услуг). Как справедливо отмечает профессор Ручкина Г.Ф. «законодатель старается исчерпывающе перечислить, какие требования могут быть нарушены» [8, С.59]. При этом нормативы потребления коммунальных услуг в жилых помещениях и нормативы потребления коммунальных ресурсов, потребляемых при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме, устанавливаются с применением метода аналогов или расчетного метода [9], которые по своей природе являются экономическими способами воздействия. Основным последствием применения такого метода является обоснованность размера платы, что в конечном итоге и влияет на действия субъектов предпринимательских отношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства и потребителей жилищно-коммунальных услуг.

Законодательство о тарифном регулировании предписывает и ограничивает стоимость жилищно-коммунальной услуги, реализуя социальную функцию государства и вмешиваясь в частные дела предпринимателей. Федеральная антимонопольная служба России следит за состоянием конкуренции на рынке и стремится к недопущению соглашений, которые ее ограничат и помешают рынку в целом, или отдельным его субъектам, вынося предписания или применяя иные меры воздействия. Принципы, методы расчета, срок установления, условия пересмотра тарифов на коммунальные услуги, предельные индексы изменения тарифов и платы за предоставление коммунальных ресурсов определены в законодательстве о регулировании тарифов и ряде подзаконных актов. Одним из документов федерального уровня по тарифному регулированию в ЖКХ является Приказ Минрегиона РФ от 15.02.2011 № 47 «Об утверждении Методических указаний по расчету тарифов и надбавок в сфере деятельности организаций коммунального комплекса» [10]. В соответствии с указанным документом для регулирования тарифов на товары и услуги организаций коммунального комплекса применяются следующие методы: метод установления фиксированных тарифов; метод установления предельных тарифов; метод индексации установленных тарифов. При применении метода установления фиксированных тарифов тарифы на коммунальные ресурсы рассчитываются как отношение части объема финансовых потребностей для реализации организацией коммунального комплекса производственной программы, определенных применительно к отдельному виду деятельности этой организации, к расчетному объему соответствующего вида коммунальных ресурсов, реализуемому за период действия тарифов. Расчетный объем реализуемых коммунальных ресурсов определяется с учетом утвержденных органами регулирования на период действия тарифов нормативов потребления ресурсов, предоставляемых организацией коммунального комплекса. При применении метода установления предельных тарифов установление предельных тарифов на коммунальные ресурсы осуществляется на основе анализа динамики предыдущей деятельности организации и анализа деятельности аналогичных организаций. Метод индексации установленных тарифов применяется при установлении тарифов на коммунальные ресурсы в случае объективного изменения условий деятельности организации коммунального комплекса, влияющих на стоимость производимых ею коммунальных ресурсов, в том числе при отклонении фактического роста потребительских цен и других показателей от потребительских цен и показателей, с учетом которых были установлены тарифы на коммунальные ресурсы в предшествующем периоде. Указанные методы по существу своему являются разновидностью одного единого метода – метода обязательных предписаний. Субъекты предпринимательской деятельности на рынке жилищно-коммунальных услуг, обеспечивающие тепло-, электро-, водоснабжение по распределительным сетям, являются естественными локальными монополистами, поэтому решение вопросов по регулированию тарифов на жилищно-коммунальные ресурсы, на подключение к системе коммунальной инфраструктуры, тарифов организаций коммунального комплекса на подключение, надбавок к тарифам на коммунальные ресурсы, надбавок к ценам (тарифам) для потребителей в настоящее время возложено не только на государство, но и на органы местного самоуправления. Метод обязательных предписаний как разновидность государственного регулирования деятельности в сфере ЖКХ в условиях рынка играет особую роль, поскольку рынок жилья является одним из самых значительных секторов рыночной экономики, способствует быстрому и свободному перемещению капитала.

Ограниченно распространенный в российском праве метод рекомендаций оказывает значительное влияние на механизм правового регулирования предпринимательской деятельности на рынке жилищно-коммунальных услуг. В частности, рекомендательный характер носят

образцы договоров между предпринимателями в различных сферах деятельности, а также разъяснения компетентных органов, предлагающие модели поведения в конкретных ситуациях, например, письма Минстроя. Так, например, в Письме Минстроя России от 11.07.2023 «О составе общего имущества в многоквартирном доме» [11] даются разъяснения к императивным нормам ЖК РФ [7] об отнесении крыш, ограждающих несущих и ненесущих конструкции многоквартирного дома, в состав общего имущества. Указанный акт носит разъяснительный характер позиции Минстроя и не направлен на установление, изменение или отмену правовых норм.

Таким образом, методы правового регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства представляют собой систему средств, при помощи которых осуществляется воздействие на предпринимательские отношения в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Методы правового регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства отличаются значительным публичным элементом воздействия, обусловленным социальной значимостью жилищно-коммунальной услуги для конечного потребителя и важностью рынка жилищно-коммунальных услуг для экономики страны. Целью такого воздействия является обеспечение упорядочивания предпринимательских отношений для получения конечными потребителями качественных и доступных жилищно-коммунальных услуг, при этом удовлетворение интересов хозяйствующих субъектов и возможность извлечения ими прибыли носит вторичный характер. Сочетание правовых методов в сфере жилищно-коммунального хозяйства, с методами, не обладающими юридической природой, позволяет представить потребителю жилищно-коммунальных услуг дополнительные, экономические, что особенно важно для рядовых граждан, гарантии при удовлетворении потребностей. Ключевая роль методов правового регулирования заключается в обеспечении комфортных и безопасных условий проживания граждан. Представляется, что интересы потребителя должны выступать главным ориентиром для совершенствования методов правового регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Библиография:

1. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права. – Казань: КЮИ МВД. – 2003. – 351 с.
2. Михайлов А.В. Методы правового регулирования отношений с участием предпринимателей // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – Т. 154, кн. 4. – С. 119-126.
3. Файзрахманов К.Р. Программно-целевой метод в жилищном праве // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 5. – С. 45 - 48.
4. Приказ Госстроя РФ от 28.12.2000 № 303 «Об утверждении Методических рекомендаций по финансовому обоснованию тарифов на содержание и ремонт жилищного фонда» // Нормирование в строительстве и ЖКХ. – 2001. – № 2.
5. Предпринимательское право Российской Федерации. Учебник. отв.ред. Губин Е.П., Лахно П.Г. 2-е издание / Е. Губин, П. Лахно, И. Шиткина и др. –М: Норма, 2010. – 1008 с.
6. Михайлов А.В. Особенности методов правового регулирования в предпринимательском праве // Предпринимательское право. – 2023. – № 4. – С. 2 - 9.
7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Российская газета. – 2005. – № 1.
8. Ручкина Г.Ф. Эффективность правотворчества в сфере защиты жилищных прав граждан в части осуществления государственного жилищного надзора // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 6. – С. 55 - 60.
9. Постановление Правительства РФ от 23.05.2006 № 306 (ред. от 27.10.2023) «Об утверждении Правил установления и определения нормативов потребления коммунальных услуг и нормативов потребления коммунальных ресурсов, потребляемых при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме» // Российская газета. – 2006. – № 114.
10. Приказ Минрегиона РФ от 15.02.2011 № 47 (с изм. от 29.06.2012) «Об утверждении Методических указаний по расчету тарифов и надбавок в сфере деятельности организаций коммунального комплекса» // Российская газета. – 2011. – № 63.
11. Письмо Минстроя России от 11.07.2023 № 18788-ОГ/00 «О составе общего имущества в многоквартирном доме» // Документ опубликован не был. (СПС Консультант Плюс).

References:

1. Fatkullin F.N., Fatkullin F.F. Problems of the theory of state and law. – Kazan: CUI of the Ministry of Internal Affairs. – 2003. – 351 p.
2. Mikhailov A.V. Methods of legal regulation of relations with the participation of entrepreneurs // Scientific Journal. The cauldron. un-ta. Ser. Humanit. science. - 2012. – Vol. 154, book 4. – pp. 119-126.
3. Fayzrahmanov K.R. Program-target method in housing law // Family and housing law. – 2016. – No. 5. – pp. 45-48.
4. Order of the State Construction Committee of the Russian Federation dated 12/28/2000 No. 303 "On approval of Methodological recommendations on the financial justification of tariffs for the maintenance and repair of housing stock" // Rationing in construction and housing and communal services. – 2001. – № 2.
5. Business law of the Russian Federation. Textbook. ed. Gubin E.P., Lakhno P.G. 2nd edition / E. Gubin, P. Lakhno, I. Shitkina et al. –Moscow: Norma, 2010. – 1008 p.
6. Mikhailov A.V. Features of methods of legal regulation in business law // Entrepreneurial law. – 2023. – No. 4. – pp. 2-9.
7. Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ dated 12/29/2004 (as amended on 02/14/2024) // Rossiyskaya Gazeta. – 2005. – № 1.
8. Ruchkina G.F. Effectiveness of law-making in the field of protection of housing rights of citizens in terms of state housing supervision // Property relations in the Russian Federation. – 2019. – No. 6. – pp. 55-60.
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/23/2006 No. 306 (ed. dated 10/27/2023) "On approval of the Rules for Establishing and Determining Standards for the consumption of utilities and standards for the consumption of communal resources consumed during the use and maintenance of common property in an apartment building" // Rossiyskaya Gazeta. – 2006. – No. 114.
10. Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation dated 02/15/2011 No. 47 (with amendments dated 06/29/2012) "On approval of Methodological guidelines for the calculation of tariffs and allowances in the field of activity of organizations of the communal complex" // Rossiyskaya Gazeta. – 2011. – № 63.
11. Letter of the Ministry of Construction of the Russian Federation dated 07/11/2023 No. 18788-OG/00 "On the composition of common property in an apartment building" // The document was not published. (SPS Consultant Plus).

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ ИНВАЛИДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ ИНВАЛИДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF DISABLED PEOPLE IN THE RUSSIAN FEDERATION, WAYS TO SOLVE THEM, IMPROVING MECHANISMS FOR THE EMPLOYMENT OF DISABLED PEOPLE IN THE RUSSIAN FEDERATION

КАИРОВА Алла Игнатовна,

к.и.н., доцент, ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий»,
Лосиноостровская ул., 40, корп. 2, г. Москва, 107150, Россия.
E-mail: kairova@mggeu.ru;

ПОДКИДЫШЕВ Сергей Константинович,

студент факультета юриспруденции,
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
Лосиноостровская ул., 40, корп. 2, г. Москва, 107150, Россия.
E-mail: va0167@mail.ru;

KAIROVA Alla Ignatovna,

PhD, Associate Professor, FGBOU IVO «Russian State University of Social Technologies».
Losinoostrovskaya str., 40, building 2, Moscow, 107150, Russia.
E-mail: kairova@mggeu.ru;

PODKIDYSHEV Sergey Konstantinovich,

a third-year student of the Faculty of Law
FGBOU IVO «Russian State University of Social Technologies».
Losinoostrovskaya str., 40, building 2, Moscow, 107150, Russia.
E-mail: va0167@mail.ru

Краткая аннотация. Трудоустройство инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее - ОВЗ) является одним из основных факторов становления общества равных возможностей. Социально ориентированное государство обязано обеспечивать равный доступ к социальной инфраструктуре и достойные условия труда для всех членов общества. В России основными препятствиями для трудоустройства этой группы выступают недостаточный уровень предусмотренных законодательством мероприятий, направленных на повышение их конкурентоспособности на рынке труда, низкий престиж рабочих мест, на которые могут претендовать инвалиды, незаинтересованность работодателей в приеме их на работу. Исследование проблем создания достойной трудовой среды для инвалидов вызвано развитием экономики, изменением социально-трудовых отношений, усилением дискриминации в сфере труда инвалидов. Целью написания статьи является исследование проблем, стоящих на пути создания достойной трудовой среды для инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья, определение препятствий, с которыми они сталкиваются на рынке труда, а также обоснование экономической целесообразности инвестирования государственных средств в мероприятия по содействию их трудоустройству. В статье рассмотрены проблемы (социальные, экономические, информационные, культурные и др.) существующие в сфере вовлечения инвалидов в сферу трудовых отношений, определены социально-экономические последствия использования трудового потенциала инвалидов, предложены меры для повышения занятости инвалидов, а также определены барьеры, препятствующие трудоустройству и профессиональной интеграции инвалидов. В целях решения выявленных проблем разработан механизм содействия трудоустройству лиц с ограниченными возможностями здоровья на основе взаимодействия ключевых субъектов данного процесса, позволяющий повысить эффективность взаимодействия субъектов процесса трудоустройства инвалидов на основе разрешения противоречий интересов каждого из них, снижения институциональных барьеров для инвалидов в процессе поиска работы.

Abstract: Employment of disabled people and persons with limited health capabilities (hereinafter referred to as HHI) is one of the main factors in the formation of a society of equal opportunities. A socially oriented state is obliged to ensure equal access to social infrastructure and decent working conditions for all members of society. In Russia, the main obstacles to the employment of this group are the insufficient level of measures provided for by law aimed at increasing their competitiveness in the labor market, the low prestige of jobs for which disabled people can apply, and the disinterest of employers in hiring them. The study of the problems of creating a decent working environment for people with disabilities is caused by the development of the economy, changes in social and labor relations, and increased discrimination in the sphere of labor of people with disabilities. The purpose of writing this article is to study the problems that stand in the way of creating a decent working environment for people with disabilities, to identify the obstacles they face in the labor market, as well as to justify the economic feasibility of investing public funds in measures to promote their employment. The article examines the problems (social, economic, informational, cultural, etc.) existing in the sphere of involving people with disabilities in the sphere of labor relations, identifies the socio-economic consequences of using the labor potential of people with disabilities, proposes measures to increase the employment of people with disabilities, and also identifies barriers to employment and professional integration of people with disabilities. In order to solve the identified problems, a mechanism has been developed to promote the employment of persons with disabilities based on the interaction of key subjects of this process, which makes it possible to increase the efficiency of interaction between subjects of employing people with disabilities based on resolving conflicting interests of each of them, reducing institutional barriers for people with disabilities in the job search process.

Ключевые слова: лица с ограниченными возможностями здоровья, доступная среда, трудоустройство, квотирование рабочих мест, социальная политика, инвалиды.

Keywords: persons with disabilities, accessible environment, employment, job quotas, social policy, disabled person.

Для цитирования: Каирова А.И., Подкидышев С.К. Проблемы обеспечения занятости инвалидов в Российской Федерации, пути их решения, совершенствование механизмов по трудоустройству инвалидов в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 273-275. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_273.

For citation: Kairova A.I., Podkidyshev S.K. Problems of employment of disabled people in the Russian Federation, ways to solve them, improving mechanisms for the employment of disabled people in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 273-275. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_273.

Статья поступила в редакцию: 29.02.2024

«Право всех граждан свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [1] - одна из конституционных гарантий Российской Федерации как социального государства (ст. 37 Конституции РФ). Активная часть трудоспособного населения, составляющая национальный трудовой ресурс, имеет возможность воспользоваться этим правом. В последние годы на фоне растущего

естественного сокращения численности населения в России, которое, по оценкам Росстата, к 2025 году превысит 400 000 человек в год, наблюдается снижение численности рабочей силы [2]. На фоне этой тенденции актуализируется вопрос совершенствования механизмов оказания помощи в трудоустройстве для всех категорий населения трудоспособного возраста. В 2023 году уровень занятости составлял всего 60,1%, тогда, как многие отрасли экономики испытывают острую потребность в трудовых ресурсах. В создавшихся условиях пренебрегать возможностями по вовлечению инвалидов в сферу общественного производства по меньшей мере неразумно.

После ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов 2012 года (после внесения изменений и дополнений в 36 действующих законов) был достигнут значительный прорыв во всестороннем развитии их прав. Однако не в полной мере были решены некоторые проблемы, в том числе с трудоустройством инвалидов.

Во-первых, речь идет о наличии правовых, административных и организационно-методических пробелов, которые не позволяют обеспечить полную гарантию и своевременность, в том числе содействие трудоустройству, предложенное индивидуальной программой реабилитации и абилитации (ИПРА) инвалида. Согласно результатам опросов инвалидов, проведенных в Москве в 2018 году, около 40% из них не имели ряда реабилитационных услуг (из-за технологических, кадровых ограничений и приоритетов).

Во-вторых, нежелание работодателей (в основном, в сфере частного бизнеса, удельный вес которых превышает 85%) [3] заключать договор с работниками, имеющими инвалидность, особенно когда для них требуется создание определенного режима труда, специальных рабочих мест, доступной среды. В таких случаях, кроме потерь в трудочасах и прибыли, работодатель несет затраты на оборудование рабочих мест и прилегающих территорий, которые могут колебаться от 100 тыс. до 1 млн рублей [4]. Существующих в настоящее время правовых и административных рычагов для устранения названных проблем пока еще недостаточно. В частности, редко практикуется предусмотренное ст. 26 «Конвенции ООН о правах инвалидов» «обеспечение инвалидам разумного приспособления рабочего места». Также отсутствует действенная система мер стимулирования бизнеса к приему на работу инвалидов. Региональные законы о квотировании не решают проблему. В основном под квоту выделяются рабочие места, не пользующиеся спросом у инвалидов.

В-третьих, существуют проблемы, связанные с эффективностью работы служб занятости и их методической подготовленностью к работе с инвалидами. Соискателей работы из числа инвалидов нельзя ставить в общий поток. Ими должны заниматься специалисты, обладающие определенными знаниями и навыками работы с этой категорией. Кроме того, отмечается недостаточность кастомизированных программ обучения и других видов профессиональной подготовки конкурентоспособным профессиям, в т.ч. при невозможности использовать уже имеющиеся у инвалидов профессиональные навыки. Различные мониторинговые исследования, проведенные в 2017 – 2018 гг. свидетельствуют, что обращаемость инвалидов в службы занятости в среднем по России составила около 20%, в г. Москве – 6,2% [6].

Таким образом, прослеживается недостаточность теоретических исследований и эффективно работающих механизмов, позволяющих осуществлять формирование и развитие трудового потенциала трудоспособных инвалидов.

Действующие механизмы вовлечения человеческого капитала инвалидов в экономику государства требуют дополнительных научных и практических исследований, а именно: выявления сдерживающих факторов и обоснования направлений дальнейшего развития содействия их занятости; разработки новых теоретических подходов к комплексному восстановлению трудовых способностей и расширению возможностей занятости как единому системному процессу.

Несмотря на повышение общественного внимания и научного интереса к вопросу трудоустройства инвалидов, традиционно рассматриваются отдельные аспекты работы с инвалидами: социальные барьеры, содействие органов власти, технологии социальной работы и т.д., – при этом актуальным остается учет всей совокупности факторов, влияющих на эффективное трудоустройство и практики взаимодействия институциональных субъектов данного процесса. В настоящий момент наиболее активным субъектом в данном процессе является Федеральная государственная служба занятости населения (далее – ФГСЗН), которая и осуществляет основную работу по взаимодействию с работодателями, разработке баланса рабочих мест для такой категории граждан, трудоустройству инвалидов. Взаимодействие не носит комплексного характера, некоторые субъекты практически не включены в процесс трудоустройства инвалида (например, учебные заведения, если речь идет о выпускнике). Таким образом, в данном случае мы видим традиционные методы организации занятости инвалидов, которые указывают на ограниченность существующего подхода. Практика взаимодействия всех вышеуказанных субъектов позволит выйти на новые, основанные на современных технологиях, методы трудоустройства инвалидов, разработать программы профориентации, постдипломного сопровождения, оказания психологической поддержки и др.

Реализация права инвалидов на труд и занятость наравне с другими категориями граждан на территории РФ, обеспечивается комплексом правовых норм, закрепленных в отраслевом законодательстве. В сфере содействия занятости населения не допускается дискриминация по признаку инвалидности. Гражданин не должен получать преференции или ограничения в своих правах и свободах, не связанные с деловыми качествами работника (наличие определенной профессии, специальности, квалификации, уровень образования и опыт работы). В деятельности органов службы занятости населения РФ по формированию регионального банка вакансий не допускается любое различие или ограничение на трудоустройство граждан, имеющих инвалидность, на подходящие для них рабочие места по виду заболевания и причине инвалидности.

Обратимся к такой проблеме, как недостаточность кастомизированных программ обучения и других видов профессиональной подготовки конкурентоспособным профессиям, в т.ч. при противопоказаниях к использованию уже имеющихся у инвалидов профессиональных навыков.

На базе ФГБОУ ИВО «РГУ СоцТех» Министерства науки и высшего образования, в котором созданы условия для обучения инвалидов и лиц с ОВЗ возможно создание модели по внедрению и развитию параллельного образования [7]. Студент, обучающийся по основному направлению, например, юриспруденции, может дополнительно более углубленно выбранный им курс. Специалистами могут быть разработаны опре-

делённые критерии по созданию курсов – на каждый год обучения.

В конечном итоге он получит удостоверение установленного образца о дополнительном образовании. К примеру, лица с инвалидностью и ОВЗ могут более углублённо изучать право социального обеспечения. Знания, полученные ими, могут быть использованы на практике в сфере реализации прав инвалидов на получение социальной помощи.

Людей с инвалидностью можно просвещать в области бизнеса, т.е. внедрить бизнес-образование. На основе американских моделей. Американскую систему бизнес-образования принято считать одной из лучших в мире. Студентам могут быть доступны ускоренные программы MBA (Accelerated MBA), программы MBA с частичной занятостью (Part-time MBA), онлайн-программы MBA (Online/Distance learning MBA), двойные программы MBA (Dual MBA) [8].

Как и на уровне бакалавриата, магистерские бизнес-программы предполагают совмещение теоретического и практического компонентов обучения. Ряд программ также включают в себя стажировки или исследовательскую работу и готовят студентов к дальнейшей учебе в докторантуре [9]. Как правило, преподаватели в сфере бизнес-образования – это бывшие или действующие успешные бизнесмены и создатели неординарных бизнес-моделей. Также это можно сделать и на базе российских бизнес-школ, таких как: Школа управления «Сколково», ИБДА РАН-ХиГС, Бизнес-школа АМИ [10]. Они обучают тому, как инвалиду или лицу с ограниченными возможностями здоровья можно создать свой бизнес, как построить модель, бизнес-план и т.д. Данное мероприятие может стать крайне выгодным для будущих работодателей, которые и могут спонсировать курсы на базе государственного университета. Компьютерная справочная правовая система в России «КонсультантПлюс», крупные компании сотовой связи МТС, Мегафон, банки и т.д. могут стать площадками для подготовки специалистов для разных сфер деятельности из числа обучающихся инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Система дополнительного образования, организованная для инвалидов, может быть направлена на требования и узкую специализацию будущего работодателя. Студенты могут изучать их систему, их программы, проекты. В конечном итоге специалист-юрист будет обладать специализированными знаниями. Работодателю не потребуется затрачивать время и средства для переучивания или обучения работника.

Также можно рассмотреть еще один вариант эффективного трудоустройства инвалидов - это создание кластеров предприятий. Для того чтобы достичь максимального трудоустройства инвалидов, это в первую очередь должно быть выгодно для работодателя. Никакими штрафами и административным давлением невозможно добиться позитивного решения проблемы. В большинстве случаев работодатель платит штраф за отсутствие квот на рабочие места. Предприниматель очень часто не готов отдавать свои деньги тому же инвалиду или кому-либо другому, если он не будет в этом заинтересован. Необходимо на каждый участок работы, на каждую зону ответственности подбирать тех специалистов с инвалидностью, которые соответствуют требуемым критериям. В этом случае инвалиды не будут вынуждены выдерживать внутреннюю конкуренцию, не будут нарушаться нормы трудового законодательства, т.к. работники с равными возможностями будут выполнять равные задачи, равные объёмы работы, что в конечном итоге будет экономически выгодно предпринимателю [5].

Таким образом, трудоустройство инвалидов и лиц с ОВЗ требует устранения целого комплекса проблем, для решения которых подчас необходимы нестандартные, творческие подходы.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Росстат отчитался о сокращении населения страны за девять месяцев. Официальный сайт «rbc.ru» [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.rbc.ru/society/20/11/2019/5dd550689a794712324a977a> (дата обращения: 28.02.2024).
3. Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб./ Росстат – М., P76 2020 – С. 243.
4. Рабочие места для инвалидов. Официальный сайт «invakor.ru» [Электронный ресурс]. -URL:<https://invakor.ru/> (дата обращения: 28.02.2024).
5. Трудоустройство людей с ограниченными возможностями. Сайт Минтруда РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosmintrud.ru/employment/resettlement> (дата обращения: 28.02.2024).
6. Мониторинг и оценка качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения (по итогам деятельности органов службы занятости в 2017 году). Минтруд РФ. [Электронный ресурс]. - URL: <https://rosmintrud.ru/employment/resettlement/9> (дата обращения: 28.02.2024).
7. Официальный сайт «academiccourses.com» [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.academiccourses.com/Higher-Education/> (дата обращения: 28.02.2024).
8. Официальный сайт «usnews.com» [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.usnews.com/best-graduate-schools/top-business-schools/mba-rankings> (дата обращения: 28.02.2024).
9. Официальный сайт «hotcourses.ru» [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.hotcourses.ru/study-in-usa/subject-guides/business-education-in-the-usa/> (дата обращения: 28.02.2024).
10. Как развивался российский рынок бизнес-образования в 2021 году. Официальный сайт «rbc.ru» [Электронный ресурс]. - URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/62c6e31c9a794759399ee606> (дата обращения: 28.02.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation as amended on 03/14/2020 is published on the Official Internet portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> 04.07.2020.
2. Rosstat reported a decrease in the country's population for nine months. Official website "rbc.ru" [Electronic resource]. - URL: <https://www.rbc.ru/society/20/11/2019/5dd550689a794712324a977a> (date of application: 02/28/2024).
3. Russia in numbers. 2020: Short. stat. sat./ Rosstat – M., P76 2020 – p. 243.
4. Workplaces for the disabled. Official website "invakor.ru" [Electronic resource]. -URL:<https://invakor.ru/> (date of application: 02/28/2024).
5. Employment of people with disabilities. The website of the Ministry of Labor of the Russian Federation. [electronic resource]. – URL: <https://rosmintrud.ru/employment/resettlement> (date of application: 02/28/2024).
6. Monitoring and evaluation of the quality and accessibility of public services in the field of employment promotion (based on the results of the activities of employment agencies in 2017). The Ministry of Labor of the Russian Federation. [electronic resource]. - URL: <https://rosmintrud.ru/employment/resettlement/9> (date of access: 02/28/2024).
7. Official website "academiccourses.com" [Electronic resource]. - URL: <https://www.academiccourses.com/Higher-Education/> (date of access: 02/28/2024).
8. Official website "usnews.com" [Electronic resource]. - URL: <https://www.usnews.com/best-graduate-schools/top-business-schools/mba-rankings> (date of publication: 02/28/2024).
9. Official website "hotcourses.ru" [Electronic resource]. - URL: <https://www.hotcourses.ru/study-in-usa/subject-guides/business-education-in-the-usa/> (date of reference: 02/28/2024).
10. How the Russian business education market developed in 2021. Official website "rbc.ru" [Electronic resource]. - URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/62c6e31c9a794759399ee606> (date of application: 02/28/2024).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В ФЗ «О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ИНВАЛИДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» LEGAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE FEDERAL LAW «ON SOCIAL PROTECTION OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION»

МАРТЬЯНОВА Галина Васильевна,

доцент, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.

E-mail: martyanova@mggeu.ru;

ШАХНАЗАРЯН Каринэ Эрнестовна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.

E-mail: karine1989@list.ru;

MARTIANOVA Galina Vasilyevna,

Associate Professor, Candidate of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure
FGBOU IVO «Russian State University of Social Technologies».
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.

E-mail: martyanova@mggeu.ru;

SHAHNAZARYAN Karine Ernestovna,

Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
FGBOU IVO «Russian State University of Social Technologies».

Moscow, Losinoostrovskaya str., 49, 107150, Russia.

E-mail: karine1989@list.ru

Краткая аннотация: В научной статье на основе анализа норм ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и российского процессуального законодательства обоснована реализация гарантии государства на судебную защиту прав и свобод инвалидов, без которой не могут быть осуществлены никакие другие права и свободы.

Abstract: The scientific article, based on the analysis of the norms of the Federal Law «On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation» and Russian procedural legislation, substantiates the implementation of the state guarantee for judicial protection of the rights and freedoms of persons with disabilities, without which no other rights and freedoms can be exercised.

Ключевые слова: инвалид, лицо, имеющее устойчивые нарушения здоровья, реализация защиты прав инвалидов, социальные меры поддержки, медико-социальная экспертиза, судебная защита, судопроизводство.

Keywords: a disabled person, a person with persistent health disorders, the implementation of the protection of the rights of persons with disabilities, social support measures, medical and social expertise, judicial protection, legal proceedings.

Для цитирования: Мартьянова Г.В., Шахназарян К.Э. Правовые аспекты реализации судебной защиты прав инвалидов в ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 276-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_276.

For citation: Martianova G.V., Shahnazaryan K.E. Legal aspects of the implementation of judicial protection of the rights of persons with disabilities in the Federal Law "On Social Protection of persons with disabilities in the Russian Federation" // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 276-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_276.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2024

В соответствии с преамбулой Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее Закон о социальной защите инвалидов) [6] - целью государственной политики в области социальной защиты инвалидов в Российской Федерации (далее - РФ) является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ [1], а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Но именно Закон о социальной защите инвалидов, определяя в статье 1 понятие «инвалид», отдаёт на откуп признание лица инвалидом федеральному учреждению медико-социальной экспертизы. Таким образом, лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты (определение, данное в этой же статье закона), не обладает статусом инвалида и, следовательно, не обладает и правом на социальную защиту, обеспечивающую инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленную на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества. Эта социальная защита инвалидов (ст. 2 Закона о социальной защите инвалидов) является системой мер социальной поддержки и экономических и правовых мер, гарантированных государством, но инвалиды, в силу правового регулирования процедуры признания их инвалидами, вынуждены добиваться от государства такого признания, являясь уже лицом, имеющим устойчивые нарушения здоровья, и в силу наличия этих нарушений здоровья и присутствия различных барьеров не может полноценно и эффективно участвовать в признании своего права.

В России, таким образом, в процессе признания лица инвалидом и до признания его инвалидом, лицо, имеющее устойчивые нарушения здоровья может рассчитывать на использование и установление только тех мер, которые распространяются действующим нормативным правовым регулированием на всех граждан. Также, если лицо, имеющее устойчивые нарушения здоровья обладает еще и иным правовым статусом, и этот правовой статус предусматривает применение к таким лицам дополнительных социальных мер поддержки, то оно, может использовать в этих процессах дополнительные возможности (права, льготы и т.п.) процессуального характера, которые предусмотрены действующим законодательством.

Порядок признания лица, имеющего устойчивые нарушение здоровья, инвалидом должен предусматривать проведение процедур такого признания с учетом положений Конституции РФ, Конвенции о правах инвалидов и положений [2], предусмотренных Законом о социальной защите инвалидов.

В статье 32 Закона о социальной защите инвалидов указывается об ответственности граждан и должностных лиц, виновных в нарушении прав и свобод инвалидов, а также устанавливается норма о том, что споры по вопросам установления инвалидности, реализации индивидуальных программ реабилитации, абилитации инвалидов, предоставления конкретных мер социальной защиты, а также споры, касающиеся иных прав и свобод инвалидов, рассматриваются в судебном порядке. Этим в статье 32 Закона о социальной защите инвалидов обеспечивается реализация гарантии государства на судебную защиту прав и свобод инвалидов, без которой не могут быть гарантированно реализованы никакие другие права и свободы.

Право на обращение в суд является безусловной составляющей демократического правового государства, в котором государственная власть осуществляется, в том числе, на основе выделения самостоятельной судебной власти, реализующей свои полномочия по осуществлению правосудия только через суды, входящие в судебную систему РФ, посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного, уголовного судопроизводства. Но право на обращение в суд по правилам гражданского, арбитражного или административного производства за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов предусматривает в установленных законом случаях соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, на что указано в статье 4 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее - КАС РФ) [3], в статье 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [4], в статье 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ) [5].

Таким образом, для обращения в суд необходимо соблюдение, по крайней мере, следующего условия: наличие у заинтересованного лица прав, свобод или законных интересов, которые, по его мнению, нарушаются или оспариваются, в том числе, если созданы препятствия к осуществлению им прав, свобод или реализации законных интересов либо на это лицо незаконно возложена какая-либо обязанность. Наличие такого обстоятельства, как соблюдение досудебного порядка урегулирования спора, которое обосновывает непосредственное прямое обращение в суд, является обязательным условием только в случае прямого указания закона. Отсутствие у лица прав, свобод или законных интересов, в защиту которых обратилось заинтересованное лицо служит правовым основанием для отказа удовлетворения заявленных требований. В случае несоблюдения, предусмотренного законом обязательного досудебного порядка урегулирования спора, в процессуальном законодательстве предусмотрены процессуальные последствия – возвращение искового заявления (искового административного заявления).

В Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.01.2018г. № 39-КГ17-13 [10] было отмечено, что из положений Закона о социальной защите инвалидов, федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы на основе оценки состояния организма человека с учётом объективных критериев и в соответствии с условиями признания гражданина инвалидом, обеспечивается реализация права конкретного лица на установление инвалидности, которая согласно действующему законодательству является основанием для предоставления мер социальной защиты. Таким образом, при рассмотрении судом требований граждан об оспаривании решений учреждений медико-социальной экспертизы об отказе в установлении инвалидности и об установлении инвалидности должен быть фактически разрешён спор о наличии права конкретного лица на установление инвалидности и, как следствие, на получение им различных мер социальной защиты. Ввиду этого такие требования исходя из характера возникших правоотношений подлежат рассмотрению судами в порядке гражданского судопроизводства. Поэтому Судебная коллегия ВС РФ отменила принятые ранее судебные акты (определение об отказе в принятии искового заявления на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ и апелляционное определение, оставившее определение судьи первой инстанции без изменения) и направила в суд первой инстанции материал по исковому заявлению о признании незаконными решений учреждения медико-социальной экспертизы об отказе в установлении инвалидности и об обязанности установить инвалидность ребёнку, для решения вопроса о принятии искового заявления к производству в порядке гражданского судопроизводства и рассмотрения заявленных требований по существу, поскольку заявленные требования подлежат рассмотрению судом в порядке гражданского судопроизводства.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.01.2018г. № 39-КГ17-13 было вынесено до внесения изменений в процессуальное законодательство Федеральным законом от 28.11.2018г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], значение, которого среди юридического сообщества было оценено как «процессуальная революция». Согласно положениям Федерального закона от 28.11.2018г. № 451-ФЗ в нормы КАС РФ и ГПК РФ были введены статья 16.1 КАС РФ о том, что при обращении в суд с заявлением, содержащим несколько связанных между собой требований, из которых одни подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, другие – в порядке административного судопроизводства, если разделение требований невозможно, дело подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства (ч. 1 ст. 16.1 КАС РФ), и соответствующая статья 33.1 ГПК РФ, которая дословно в ч. 1 ст. 33.1 ГПК РФ воспроизводит ч. 1 ст. 16.1 КАС РФ. Остальные положения этих норм (ст. 16.1 КАС РФ и ст. 33.1 ГПК РФ) взаимно дополняют друг друга и устанавливают дополнительные процессуальные правила (гарантии) рассмотрения заявлений, содержащих требования, которые подлежат рассмотрению в порядке различных судопроизводств (административного и гражданского), тем самым устраняя необоснованные отказы, которые выносили суды, в принятии исковых заявлений со ссылкой на ст. 134 ГПК РФ, в действующей ранее редакции («заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке»), либо отказы, которые выносили суды, в принятии административных исковых заявлений со ссылкой на ст. 128 КАС РФ, в действующей ранее редакции («административное исковое заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке, в том числе в порядке гражданского ... судопроизводства»). Действующие редакции ст. 134 ГПК РФ и ст. 128 КАС РФ теперь не содержат таких оснований для отказа в принятии исковых заявлений (административных исковых заявлений),

тем самым процессуальное законодательство было дополнено нормами, которые реализуют конституционные гарантии прав граждан на судебную защиту, которое предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, так как это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями, которые в нормативной форме (в виде общего правила) определяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в этом вопросе, о чем Конституционный Суд РФ неоднократно указывал [8].

Таким образом, требования граждан об оспаривании решений учреждений медико-социальной экспертизы (далее - учреждения МСЭ) об отказе в установлении инвалидности и об установлении инвалидности должны рассматриваться по правилам гражданского производства и процессуальным законодательством не предусмотрен отказ в принятии исковых заявлений (административных исковых заявлений) по тому основанию, что они содержат требования, которые подлежат рассмотрению и по правилам гражданского судопроизводства и по правилам административного судопроизводства. Мало того, суд, установив в ходе подготовки гражданского дела к судебному разбирательству или судебного разбирательства по гражданскому делу, что оно подлежит рассмотрению в порядке административного судопроизводства, выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства (ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ), или, наоборот, установив в ходе подготовки административного дела к судебному разбирательству или судебного разбирательства по административному делу, что оно подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства (ч. 5 ст. 16.1 КАС РФ). Следует отметить, что также в порядке гражданского судопроизводства должны рассматриваться и другие дела по оспариванию решений учреждений МСЭ и в отношении признанного инвалидом лица, но с учетом особенностей, предусмотренных процессуальным законодательством для лиц, являющихся инвалидами.

Закон о социальной защите инвалидов в статье 33 затрагивает процессуальные аспекты участия и общественных объединений, созданных и действующих в целях защиты прав и законных интересов инвалидов, обеспечения им равных с другими гражданами возможностей, так как федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности привлекают полномочных представителей общественных объединений инвалидов для подготовки и принятия решений, затрагивающих интересы инвалидов, а решения, принятые с нарушением этой нормы, могут быть признаны недействительными в судебном порядке.

В соответствии со статьей 39 Федерального закона «Об общественных объединениях» [7] - общественные объединения и граждане, чьи права, предоставленные этим федеральным законом и другими законами об отдельных видах общественных объединений, оказались нарушенными, могут обратиться с исковым заявлением в судебные органы и с заявлением или жалобой в административные органы о привлечении виновных к ответственности. Также общественные объединения вправе представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов и участников, а также других граждан в органах государственной власти, органах местного самоуправления и общественных объединениях, осуществлять в полном объеме полномочия, предусмотренные законами об общественных объединениях.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Конвенция о правах инвалидов (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // СЗ РФ, 11 февраля 2013 г., № 6, ст. 468
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1391.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // СЗ РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
6. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ, 27.11.1995, № 48, ст. 4563.
7. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ, 22.05.1995, № 21, ст. 1930.
8. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 03.12.2018, № 49 (часть I), ст. 7523.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2018 № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского» // СЗ РФ, 26.11.2018, № 48, ст. 7492.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.01.2018г. №39-КГ17-13 /СПС Консультант Плюс (Документ опубликован не был).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation as amended on 03/14/2020 is published on the Official Internet portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> 04.07.2020.
2. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (Concluded in New York 13.12.2006) // Collection of legislation of the Russian Federation, February 11, 2013, No. 6, Article 468
3. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 02/14/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 09.03.2015, No. 10, art. 1391.
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 No. 138-FZ (as amended on 12/25/2023, with amendments. dated 01/25/2024) // Assembly of Legislation of the Russian Federation, 11/18/2002, No. 46, Article 4532.5.
5. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 No. 95-FZ (as amended on 12/25/2023) // Assembly of Legislation of the Russian Federation, 07/29/2002, No. 30, Article 3012.
6. Federal Law No. 181-FZ of 11/24/1995 (as amended on 07/10/2023) "On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation" // Assembly of Legislation of the Russian Federation, 11/27/1995, No. 48, art. 4563.
7. Federal Law No. 82-FZ of 05/19/1995 (as amended on 12/25/2023) "On Public Associations" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05/22/1995, No. 21, Article 1930.
8. Federal Law No. 451-FZ of 11/28/2018 (as amended on 10/17/2019) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 12/03/2018, No. 49 (Part I), Article 7523.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/16/2018 No. 43-P "In the case of checking the constitutionality of part one of Article 44 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens A.B. Bolchinsky and B.A. Bolchinsky" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 11/26/2018, No. 48, art. 7492.
10. Definition of Judicial Board of Civil Affairs of the Armed Forces of the Russian Federation No. 39-KG17-13 /SPS Consultant Plus dated 01/22/2018 (The document was not published).

ДИСПАРИТЕТНЫЙ ХАРАКТЕР УСЛОВИЯ ДОГОВОРА О НЕУСТОЙКЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ЕЁ СНИЖЕНИЯ СУДОМ DISPARITY NATURE OF THE CONTRACTUAL PENALTY CLAUSE AS A BASIS FOR ITS REDUCTION BY THE COURT

ОРЛОВА Александра Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института Красноярского государственного аграрного университета,
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: ai_orlova@mail.ru;

Orlova Aleksandra Ivanovna,

Candidate of Law, associate Professor, department of Civil Law and Process,
Law Institute Krasnoyarsk State Agrarian University,
Mira Ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: ai_orlova@mail.ru

Краткая аннотация: В данном исследовании рассматривается вопрос о правовых основаниях снижения неустойки в случаях, когда условия договора содержат положения о повышенном размере неустойки при нарушении обязательств ответчиком в сравнении с размером неустойки, установленном на случай неисправности истца. Автором отмечается, что предусмотренное положениями ст. 333 ГК РФ право суда уменьшить размер неустойки не всегда является эффективным механизмом защиты прав ответчика.

Abstract: This study examines the issue of the legal grounds for reducing the penalty in cases where the terms of the contract contain provisions on an increased amount of the penalty in case of breach of obligations by the defendant in comparison with the amount of the penalty established in case of the plaintiff's malfunction. The author notes that the right of the court to reduce the amount of the penalty provided for by the provisions of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation is not always an effective mechanism for protecting the rights of the defendant.

Ключевые слова: гражданская ответственность, неустойка, свобода договора, принцип добросовестности, злоупотребление гражданскими правами, судебное усмотрение.

Key words: civil liability, penalty, freedom of contract, principle of good faith, abuse of civil rights, judicial discretion.

Для цитирования: Орлова А.И. Диспаритетный характер условия договора о неустойке как основание для ее снижения судом // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 279-281. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_279.

For citation: Orlova A.I. Disparity nature of the contractual penalty clause as a basis for its reduction by the court // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 279-281. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_279.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2024

В настоящее время на фоне тенденции развития принципов диспозитивности и свободы договора требует внимания вопрос о правовых механизмах защиты законных интересов ответчика по иску о взыскании неустойки в случаях, когда условия договора предусматривают повышенный размер неустойки при нарушении обязательств ответчиком в сравнении с размером неустойки, установленном на случай неисправности истца.

Несмотря на наличие значительного количества научных работ о неустойке в гражданском праве [1], [2], [3], [4], с учетом динамики изменения действующего законодательства появляются новые, не охваченные исследованиями аспекты, требующие осмысления и анализа.

В силу прямого указания ст. 333 ГК РФ основанием для снижения неустойки судом является явная несоразмерность неустойки последствиям нарушения обязательства.

В научной литературе справедливо указывается на то, что понятие явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства является абстрактным и оценочным [5, с.71].

Верховным Судом РФ выработаны определенные критерии, которыми суды руководствуются при решении вопроса о снижении неустойки. Общая концепция по данному вопросу состоит в соотношении размера начисленной неустойки с возможным размером убытков кредитора [6].

Отталкиваясь от темы настоящего исследования, обратимся к вопросу о том, является ли достаточным основанием для снижения неустойки в порядке ст. 333 ГК РФ диспаритетность или асимметричность условий договора о размере ответственности сторон, если с требованием о взыскании неустойки обращается сторона, занимающая согласно условиям договора о неустойке более выгодное положение при нарушении обязательств.

Понятие диспаритетных условий договора законодательно не закреплено и в юридической науке практически не исследовано.

Впервые данный термин был употреблен Верховным Судом РФ в разъяснении о недействительности условия в альтернативном соглашении о применимом праве, которое носит диспаритетный (асимметричный) характер и зависит исключительно от воли одной конкретной стороны (например, предоставляет только займодавцу возможность выбора применимого права из нескольких вариантов, лишая заемщика такой же возможности выбора) [7].

Несмотря на незначительные случаи употребления термина «диспаритетные условия договора» в практике арбитражных судов, анализ судебных актов позволяет сделать вывод о придании судами данному термину более широкого смысла.

Например, по одному из дел суды со ссылкой на положения ст. 421 ГК РФ о свободе договора установили, что условия об ответственности сторон по договору носят диспаритетный характер на том основании, что: а) размер ответственности для поставщика составляет 0,5% за каждый день просрочки, а для покупателя - 0,1%, б) ответчик при заключении договора являлся более сильной по отношению к истцу стороной, в) при заключении договора посредством закупочных процедур на электронной торговой площадке ответчика лишило стороны, в частности ист-

ца, равных переговорных возможностей [8]. Правовым последствием констатации судами диспаритетности условий договора об ответственности сторон является снижение неустойки в порядке ст. 333 ГК РФ до размера ответственности контрагента слабой стороны по договору [9, 10, 11].

Подобная практика вызывает вопрос о соотношении понятий «диспаритетные условия договора» и «несправедливые договорные условия». Концепция несправедливых договорных условий была внедрена в сферу российского правоприменения в 2014 году [12] и преследовала цель наделить субъекта предпринимательской деятельности полным объемом правомочий стороны договора присоединения, а также закрепить возможность неприменения несправедливых договорных условий на основании заявления стороны спора без предъявления встречного требования об изменении или расторжении договора. Несправедливыми договорными условиями ВАС РФ предлагал считать условия: а) содержащиеся в договоре, проект которого был предложен одной из сторон, а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора, б) являющиеся явно обременительными для контрагента этой стороны, в) существенным образом нарушающие баланс интересов сторон при заключении договора.

Изложенные идеи ВАС РФ нашли свое воплощение с принятием Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в части первую Гражданского кодекса РФ», которым внесены изменения в ст. 428 ГК РФ. Однако поскольку термин «несправедливые договорные условия» в измененной редакции ст. 428 ГК РФ отсутствует, в теории высказывается мнение о некорректности его использования после 1 июня 2015 года [13].

На наш взгляд, включенные в ст. 428 ГК РФ положения о наделении лица, заключившего договор при неравенстве переговорных возможностей, правами, предоставленными слабой стороне договора присоединения, не входят в противоречие с позицией о том, что путем реализации данных полномочий преодолеваются именно несправедливые условия договора. Возможность неприменения отдельных условий договора как исключение из принципа свободы договора, а также из правила *pacta sunt servanda*, направлена на преодоление именно обременительных или нежелательных для слабой стороны договора условий, на включение которых такая сторона договора не согласилась бы при наличии у нее возможности влиять на содержание договора.

Полагаем, что факт наличия в договоре диспаритетных (асимметричных) условий о неустойке сам по себе не означает, что условие о повышенной неустойке для одной из сторон является несправедливым договорным условием, поскольку, соглашаясь на повышенную ответственность, сторона при равных переговорных возможностях может выговорить себе более выгодные иные условия договора. В этом случае асимметричность неустойки не может быть рассмотрена в качестве самостоятельного основания для её снижения в порядке ст. 333 ГК РФ, что, однако, не исключает возможность снижения такой неустойки при установлении судом её несоразмерности последствиям нарушения обязательства на основании иных обстоятельств дела. Напротив, при наличии признаков несправедливых договорных условий (а по проанализированному судебным актам выявление судами именно таких признаков позволило квалифицировать условия договора как диспаритетные), надлежащим правовым последствием является не снижение неустойки, предъявленной к слабой стороне договора, в порядке ст. 333 ГК РФ, а неприменение судом данных условий на основании ст. 10 ГК РФ как частного случая злоупотребления правом.

В юридической доктрине выражено мнение о недопустимости использования ст. 10 ГК РФ вместо статьи 333 ГК РФ для борьбы с несоразмерными неустойками в силу приоритета специального закона (в данном случае – ст. 333 ГК РФ) перед общим (ст. 10 ГК РФ) [14].

В одном из определений Верховный Суд РФ также указал на неправомерность снижения неустойки в порядке применения ст. 10 ГК РФ в отсутствие заявления ответчика о снижении неустойки, отметив, что реализация права на взыскание неустойки, согласованной договором, не может являться злоупотреблением правом [15]. В то же время суд отметил отсутствие в материалах дела доказательств вынужденного заключения ответчиком договора в предложенной истцом редакции, что, на наш взгляд, означает нерелевантность указанной позиции в отношении дел, где ответчиком будет доказан факт заключения договора с явно обременительными для него условиями в отсутствие равенства переговорных возможностей.

На наш взгляд, при наличии у условия договора о неустойке признаков несправедливого договорного условия применение ст. 333 ГК РФ не является эффективным средством защиты законных интересов ответчика в силу следующего.

Во-первых, снижение неустойки по правилам ст. 333 ГК РФ не позволяет применить правило о пропорциональном возмещении понесенных сторонами спора судебных издержек [16].

Например, по делу № А33-7384/2023 покупатель по договору поставки просил взыскать с поставщика неустойку 15 538 311,20 руб. за просрочку поставки товара и расходы по государственной пошлине 100 692 руб. Расчет был основан на условии договора о неустойке в размере 10 % от суммы неисполненных обязательств за каждый день просрочки. Ответчик ссылался на несправедливость данного условия, указывая, что при нарушении обязательств по оплате товара истцом его ответственность составит лишь 1/360 ставки рефинансирования от суммы просроченного платежа за каждый день просрочки. Согласно контррасчету ответчика, неустойка, исчисленная за тот же период просрочки, который указал истец, но с применением величины неустойки, установленной договором для покупателя, составляет 59 077,33 руб.

Суд не согласился с доводами ответчика о недопустимости применения несправедливых договорных условий на основании ст. 10 ГК РФ и снизил неустойку в порядке ст. 333 ГК РФ до 400 000 рублей с отнесением на ответчика расходов истца по уплате государственной пошлины в полном объеме [17].

Оговоримся, что в данном случае мы не анализируем вопрос о том, имелись ли в данном деле основания квалифицировать условия договора об асимметричной неустойке в качестве несправедливых договорных условий, поскольку этот вопрос требует отдельного внимания и выходит за пределы настоящего исследования.

Во-вторых, неприменение судом условия договора о более высоком размере неустойки (в сравнении с ответственностью другой стороны) как несправедливого договорного условия на основании ст. 10 ГК РФ позволяет достичь правовой определенности по вопросу о том, в каком размере требования истца о взыскании неустойки правомерны, следовательно, будут удовлетворены судом. В рассмотренном выше примере правомерными требованиями явились бы требования на сумму 59 077,33 руб., в то время как, применив ст. 333 ГК РФ, суд определил неустойку в размере 400 000 рублей, никак не обосновав данную величину.

В-третьих, возможность обжалования судебных актов по мотиву несогласия с размером неустойки, определенной судом в результате снижения по правилам ст. 333 ГК РФ, ограничена судом апелляционной инстанции, поскольку основаниями для отмены в кассационном порядке судебного акта в части, касающейся уменьшения неустойки по правилам ст. 333 ГК РФ, могут являться только нарушение норм материального или процессуального права [18].

В-четвертых, снижение неустойки по основанию неприменения несправедливых договорных условий в порядке ст. 10 ГК РФ, на наш взгляд, не исключает возможность её дальнейшего снижения по правилам ст. 333 ГК РФ.

К сожалению, нам не удалось обнаружить в судебной практике позиции о применении к асимметричным условиям договора о неустойке правовых последствий в виде неприменения положений о несправедливых договорных условиях.

Вместе с тем полагаем, что при наличии оснований для квалификации положений договора о диспаритетной (асимметричной) неустойке в качестве несправедливых договорных условий в значении, придаваемом данному понятию постановлением Пленума ВАС РФ «О свободе договора», надлежащим правовым последствием является отказ суда в защите права истца на взыскание неустойки в той части, в которой размер требования о взыскании неустойки превышает сумму неустойки, исчисленную исходя из условия об ответственности, предусмотренного сильной стороной договора на случай собственных нарушений.

Библиография:

1. Карапетов, А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в Российском и зарубежном праве / А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2006. – 286 с.
2. Гришин, Д.А. Неустойка: теория, практика, законодательство / Д.А. Гришин. – М.: Статут, 2005. – 172 с.
3. Долматова, Ю.В. Неустойка в гражданском праве Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук / Ю.В. Долматова. - М., 2006. – 166 с.
4. Меликов, Г.И. Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства: дис. ...канд. юрид. наук / Г.И. Меликов. – М., 2019. – 295 с.
5. Бондаренко, Н.Л. Снижение неустойки судом: понятие и значение / Н.Л. Бондаренко // Журнал российского права. – 2013. - № 11. – С. 67-74.
6. П.п. 73-75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Консультант Плюс: Судебная практика.
7. П. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Консультант Плюс: Судебная практика.
8. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29.05.2018 по делу № А19-12425/2017 // Консультант Плюс: Судебная практика.
9. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.06.2022 по делу № А10-4436/2021 // Консультант Плюс: Судебная практика.
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.09.2021 по делу № А70-21212/2020 // Консультант Плюс: Судебная практика.
11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.01.2021 по делу № А70-3461/2020 // Консультант Плюс: Судебная практика.
12. П.п. 19-20 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Консультант Плюс: Судебная практика.
13. Соломина, Н.Г. Несправедливые условия в контексте реализации защитных средств сторон предпринимательского договора / Н.Г. Соломина. - Текст : электронный // Консультант Плюс: Юридическая пресса.
14. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Г. Карапетова. - Текст : электронный // Консультант Плюс: Постатейные комментарии и книги. Там же.
15. Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 29.05.2018 по делу № 301-ЭС17-21397 // Консультант Плюс: Судебная практика.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Консультант Плюс: Судебная практика.
17. Решение арбитражного суда Красноярского края от 29.06.2023 по делу № А33-7384/2023. - Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. - URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 16.02.2024).
18. п. 72 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Консультант Плюс: Судебная практика.

References:

1. Karapetov, A.G. Penalty as a means of protecting the rights of the creditor in Russian and foreign law / A.G. Karapetov. – M.: Statute, 2006. – 286 p.
2. Grishin, D.A. Penalty: theory, practice, legislation / D.A. Grishin. – M.: Statute, 2005. – 172 p.
3. Dolmatova, Yu.V. Penalty in civil law of the Russian Federation: dis. ...cand. legal Sciences / Yu.V. Dolmatova. - M., 2006. – 166 p.
4. Melikov, G.I. Penalty: problems of legal nature and use in contractual relations in the light of civil law reform: dis. ...cand. legal Sciences / G.I. Melikov. – M., 2019. – 295 p.
5. Bondarenko, N.L. Reduction of penalties by the court: concept and significance / N.L. Bondarenko // Journal of Russian Law. – 2013. - No. 11. – P. 67-74.
6. P.p. 73-75 Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2016 No. 7 «On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations» // Consultant Plus: Judicial practice.
7. Clause 30 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/09/2019 No. 24 «On the application of norms of private international law by the courts of the Russian Federation» // Consultant Plus: Judicial practice.
8. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated May 29, 2018 in case No. A19-12425/2017 // Consultant Plus: Judicial practice.
9. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated June 20, 2022 in case No. A10-4436/2021 // Consultant Plus: Judicial practice.
10. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated September 17, 2021 in case No. A70-21212/2020 // Consultant Plus: Judicial practice.
11. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated January 15, 2021 in case No. A70-3461/2020 // Consultant Plus: Judicial practice. P.p. 19-20
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 14, 2014 No. 16 «On freedom of contract and its limits» // Consultant Plus: Judicial practice.
13. Solomina, N.G. Unfair conditions in the context of the implementation of protective measures of the parties to an entrepreneurial agreement / N.G. Straw. - Text: electronic // Consultant Plus: Legal press.
14. Contract and obligation law (general part): article-by-article commentary to articles 307 - 453 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. A.G. Karapetova. - Text: electronic // Consultant Plus: Article-by-article comments and books.
15. Determination of the Investigative Committee on economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2018 in case No. 301-ES17-21397 // Consultant Plus: Judicial practice.
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 21, 2016 No. 1 «On some issues of application of legislation on reimbursement of costs associated with the consideration of a case» // Consultant Plus: Judicial practice.
17. Decision of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory dated June 29, 2023 in case No. A33-7384/2023. - Text: electronic // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (SudAct): [website]. - URL: <https://sudact.ru> (access date 02/16/2024).
18. paragraph 72 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2016 No. 7 «On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations» // Consultant Plus: Judicial practice.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_282

УДК 34.023

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ PROBLEMS OF INHERITANCE OF RIGHTS OF PARTICIPATION IN A LIMITED LIABILITY COMPANY

КАМЫШАНОВА Анна Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики».

347900, Россия, Ростовская область, г. Таганрог, Петровская ул., д. 45.

E-mail: a.kamyshanova@tmei.ru;

KAMYSHANOVA Anna Evgenievna,

Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure

CHOU VO "Taganrog Institute of Management and Economics".

347900, Russia, Rostov region, Taganrog, Petrovskaya str., 45.

E-mail: a.kamyshanova@tmei.ru

Краткая аннотация: 10 октября 2019 года Указом Президента РФ №490 была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Столь высокий уровень правового регулирования свидетельствует о значимости категории «искусственный интеллект» для общества и государства в целом. В мире в настоящее время проблемы создания и использования систем искусственного интеллекта широко обсуждаются, так как реальное положение вещей опережает их правовое регулирование. Искусственный интеллект стал предметом обсуждения конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», прошедшей 23-24 ноября 2022 года, по результатам которой Президент РФ В.В. Путин утвердил ряд поручений по внедрению искусственного интеллекта в образовательную систему, в систему государственного и муниципального управления, в экономическую деятельность и социальную сферу. Искусственный интеллект достаточно уверенно применяется во многих отраслях, в том числе при создании результатов интеллектуальной деятельности – особенно произведений науки, литературы, искусства. Однако правовое регулирование данного процесса и особенно его результата отсутствует. Дискуссионным и сложным является правовой режим созданных при использовании искусственного интеллекта результатов интеллектуальной деятельности, авторства в отношении данных объектов. В работе произведён поиск путей решения проблемы правосубъектности искусственного интеллекта при создании результатов интеллектуальной деятельности.

Abstract: On October 10, 2019, the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period until 2030 was approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 490. Such a high level of legal regulation indicates the importance of the category "artificial intelligence" for society and the state as a whole. In the world at present, the problems of creating and using artificial intelligence systems are widely discussed, since the real state of affairs is ahead of their legal regulation. Artificial intelligence became the subject of discussion at the conference "Journey to the World of Artificial Intelligence", held on November 23-24, 2022, as a result of which the President of the Russian Federation V.V. Putin approved a number of instructions for the introduction of artificial intelligence into the educational system, into the system of state and municipal government, into economic activity and the social sphere. Artificial intelligence is quite confidently used in many fields of activity, including the creation of results of intellectual activity - especially works of science, literature, and art. However, there is no legal regulation of this process and especially its result. The legal regime for the results of intellectual activity created using artificial intelligence and authorship in relation to these objects is debatable and complex. The work searches for ways to solve the problem of the legal personality of artificial intelligence when creating the results of intellectual activity.

Ключевые слова: автор произведения; авторские права; дееспособность; интеллектуальные права; исключительные права; искусственный интеллект; правоспособность; правосубъектность; произведения науки, литературы, искусства; результаты интеллектуальной деятельности.

Key words: author of the work; copyright; capacity; intellectual rights; exclusive rights; artificial intelligence; legal capacity; legal personality; works of science, literature, art; results of intellectual activity.

Для цитирования: Камышанова А.Е. Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта в сфере интеллектуальных прав // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 282-284. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_282.

For citation: Kamyshanova A.E. Problems of inheritance of rights of participation in a limited liability company // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 282-284. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_282.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2024

10 октября 2019 года Указом Президента РФ №490 была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [1]. Столь высокий уровень правового регулирования свидетельствует о значимости категории «искусственный интеллект» для общества и государства в целом. В мире в настоящее время проблемы создания и использования систем искусственного интеллекта широко обсуждаются, так как реальное положение вещей опережает их правовое регулирование. Искусственный интеллект стал предметом обсуждения конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», прошедшей 23-24 ноября 2022 года, по результатам которой Президент РФ В.В. Путин утвердил ряд поручений по внедрению искусственного интеллекта в образовательную систему, в систему государственного и муниципального управления, в экономическую деятельность и социальную сферу [2]. Искусственный интеллект достаточно уверенно применяется во многих отраслях, в том числе при создании результатов интеллектуальной деятельности – особенно произведений науки, литературы, искусства. Однако правовое регулирование данного процесса и особенно его результата отсутствует. Дискуссионным и сложным является правовой режим созданных при использовании искусственного интеллекта результатов интеллектуальной деятельности, авторства в отношении данных объектов.

Важной целью для создания дальнейшего правового регулирования является определение носителя правосубъектности при создании объектов авторских прав с использованием искусственного интеллекта.

По мнению ряда учёных в настоящее время техническое развитие общества, прошедшее пять технологических укладов, начинает переход к шестому [3, 8]. Одним из признаков данного шестого уклада является наличие сложных самоорганизующихся комплексов, направленных

на дальнейшее соединение антропологической и технологической сред. Отсутствует общепризнанный подход к пониманию искусственного интеллекта – эта проблема вытекает из многогранности сфер научного знания, которые его создают и используют и в каждой из них предпринята попытка дать своё понятие. Однако отсутствие именно легального понятия искусственного интеллекта является серьёзной проблемой. На основе анализа различных мнений можно предложить следующее определение. Искусственный интеллект (англ - artificial intelligence, AI) – возможность технических систем осуществлять интеллектуальные, в том числе, творческие функции, которые обычно выполняет человек. Искусственный интеллект применяется во многих сферах деятельности и целями его использования являются: освобождение человека от рутинных действий, обработка массивов больших данных, принятие решений с точно обоснованными и спрогнозированными последствиями, повышение эффективности деятельности, устранение человека от осуществления опасных видов деятельности.

Часто искусственный интеллект используется для создания произведений литературы, изобразительного искусства. В силу ст.1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) РФ произведения науки, литературы и искусства являются объектами авторского права. Ст.1226 ГК РФ устанавливает на результаты интеллектуальной деятельности интеллектуальные права – имущественные (исключительные), личные неимущественные и иные [4]. В отношении произведений литературы, искусства ст.1255 устанавливает ряд личных прав – право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения и право на обнародование. Ключевым, бесспорно, является право авторства – право лица признаваться автором произведения. Автором является гражданин, творческим трудом которого создано произведение. В данном случае возникает вопрос о том, результатом чьей интеллектуальной деятельности является созданный при использовании искусственного интеллекта объект, кто является носителем авторских прав.

Сам по себе искусственный интеллект в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта признаётся комплексом технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатом интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. При этом технологические решения – это в большинстве своём программное обеспечение. Программное обеспечение в рамках ГК РФ является самостоятельным объектом авторских прав (ст.1259 ГК РФ) [4]. Автор технологии искусственного интеллекта (далее - ИИ), например, программы создания текстов, является правообладателем самой технологии как программы для ЭВМ.

При использовании технологии пользователем создаётся новый текст другим лицом и образуется самостоятельный новый объект – произведение литературы, имеющее собственного автора. Или автором является разработчик технологии?

В литературе было высказано несколько точек зрения относительно авторства произведения, созданного с использованием технологии ИИ [5, 8]. Во-первых, автором может считаться разработчик технологии ИИ (автор программы для ЭВМ), во-вторых, автором является создатель результата, использовавший технологию ИИ, в-третьих, автор может отсутствовать. Есть ещё четвёртая позиция – автором может признаваться особый инновационный субъект – «электронное лицо», обладающее элементами правосубъектности и в определённой степени фиктивное [6, 87].

Представляется преждевременным сегодня говорить о появлении нового «электронного лица» в связи с отсутствием однозначного определения искусственного интеллекта. Позиция о бессубъектности и отсутствии автора у произведения, созданного при использовании технологий ИИ, также юридически представляется необоснованной, так как в любом случае имеется интеллектуальный вклад в создание данного результата и необходимо лишь правильно определить данное лицо. Кроме того, надо учитывать, что согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, ведущим координатором деятельности бизнес-сообщества по развитию ИИ является Ассоциация «Альянс в сфере искусственного интеллекта». Ассоциацией был разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021года), согласно разделу 3 которого ответственность за последствия применения систем искусственного интеллекта всегда несёт человек [7].

В отношении авторства разработчика технологии ИИ необходимо учитывать, что именно он создаёт саму матрицу (технологию), осуществляет её адаптацию и, безусловно, его вклад является творческим. Но само по себе наличие программы не влечёт возникновение результата, произведения. Для этого необходимо использовать технологию ИИ. Это действие совершает пользователь. Именно пользователь своим трудом осуществляет настройки существующего программного обеспечения, например, задаёт параметры будущего произведения литературы, обозначает требования к результату. Такое мнение было высказано и с ним частично можно согласиться [8, 73].

При этом важно помнить, что автором может признаваться только лицо, которое внесло творческий вклад в создание произведения. В силу ст.1228 ГК РФ не считается творческим вкладом в создание произведения оказание автору технического, консультационного, организационного или материального содействия. Если техническое содействие не является творческой деятельностью, то лицо не может признаваться автором (соавтором) произведения.

Верховный суд РФ в своём Постановлении №10 от 23 апреля 2019г. «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснил, что творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъёмка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются» [9, 15].

С указанной позиции вклад разработчика технологии ИИ носит технический характер и может поставить под сомнение авторство разработчика технологии ИИ в отношении произведения, созданного при использовании ИИ, хотя, безусловно, сама природа искусственного интеллекта выходит далеко за границы традиционных информационных технологий [10, 170; 11, 32]. Также нужно более глубоко анализировать сте-

лень творческого вклада непосредственно пользователя при создании произведения. Ответ на данные вопросы может быть дан только после определения понятия и правовой природы искусственного интеллекта.

До этого момента представляется обоснованным и целесообразным считать и разработчика технологии ИИ и пользователя соавторами созданного результата (произведения). Данная позиция, безусловно, является промежуточной и может быть скорректирована с учётом дальнейшего развития понимания искусственного интеллекта и развития законодательства в данной сфере с учётом того, что в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года в качестве одного из концептуальных проблемных направлений регулирования обозначен правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием систем ИИ [12].

Библиография:

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями от 15 февраля 2024г.) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения – 01.03.2024)
2. Перечень поручений по итогам конференции "Путешествие в мир искусственного интеллекта" (утв. Президентом РФ 29 января 2023 г. N Пр-172) // Официальный сайт Президента РФ Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» • Президент России (kremlin.ru) (дата обращения – 01.03.2024)
3. Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие (под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева). - М.: "Инфотропик Медиа", 2021
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. №14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. №146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. №230-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 01 февраля 2024г.) // Официальный интернет-портал правовой информации URL:<http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2024)
5. Шиткина, И. С. Искусственный интеллект: правовые аспекты. Часть 1 / И. С. Шиткина, Д. О. Бирюков // Право и экономика. – 2023. – № 11(429). – С. 5-14. – EDN PBUKCK.
6. Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 113 с.
7. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 г.) // Официальный сайт Ассоциации «Альянс в сфере искусственного интеллекта» <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения – 1.03.2024)
8. Хасанова, В. Н. Авторство продукта, созданного искусственным интеллектом: правовой аспект / В. Н. Хасанова // Медиа среда. – 2023. – № 2. – С. 71-74. – DOI 10.47475/2070-0717-2023-0-2-71-74. – EDN AXMTMH.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. - №7.
10. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. – 2022. – No. 1. – P. 168-178. – DOI 10.31857/S102694520018288-7. – EDN FOUSTF.
11. Трохов М.С., Колоскова О.А., Глазов И.Д. — Гражданско-правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации // Юридические исследования. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.3.39933 EDN: NKHQNMURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39933
12. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020г. №2129-р // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru 26 августа 2020 г. №0001202008260005 (дата обращения: 20.02.2024)

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" (with amendments and additions dated February 15, 2024) // Official Internet portal of Legal Information www.pravo.gov.ru (date of application – 03/01/2024)
2. List of instructions following the results of the conference "Journey into the world of artificial intelligence" (approved by the President of the Russian Federation on January 29, 2023 N Pr-172) // Official website of the President of the Russian Federation List of instructions following the results of the conference "Journey into the world of artificial intelligence" President of Russia (kremlin.ru) (date of application – 03/01/2024)
3. Zaloilo M.V. Artificial intelligence in law: a scientific and practical guide (edited by Dr. Yurid. D.A. Pashentseva). - M.: "Infotropik Media", 2021
4. The Civil Code of the Russian Federation (Part one of November 30, 1994 No. 51-FZ, Part Two of January 26, 1996 No. 14-FZ, Part three of November 26, 2001 No. 146-FZ and Part four of December 18, 2006 No. 230-FZ (with amendments and additions as of February 01, 2024) // Official Internet portal of legal information URL:<http://pravo.gov.ru> (date of application: 02/20/2024)
5. Shitkina, I. S. Artificial intelligence: legal aspects. Part 1 / I. S. Shitkina, D. O. Biryukov // Law and Economics. – 2023. – № 11(429). – Pp. 5-14. – EDN PBUKCK.
6. Morkhat P.M. The legal personality of artificial intelligence units. Civil law research. – M.: UNITY-DANA, 2018. – 113 p.
7. Code of Ethics in the field of artificial intelligence (dated October 26, 2021) // Official website of the Association "Alliance in the field of artificial intelligence" <https://ethics.a-ai.ru/> / (accessed 1.03.2024)
8. Khasanova, V. N. Authorship of a product created by artificial intelligence: a legal aspect / V. N. Khasanova // The media environment. - 2023. – No. 2. – pp. 71-74. – DOI 10.47475/2070-0717-2023-0-2-71-74. – EDN AXMTMH.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/23/2019 No. 10 "On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. - №7.
10. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. – 2022. – No. 1. – P. 168-178. – DOI 10.31857/S102694520018288-7. – EDN FOUSTF.
11. Trokhov M.S., Koloskova O.A., Glazov I.D. — Civil law regulation of artificial intelligence in the Russian Federation // Legal studies. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.3.39933 EDN: NKHQNMURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39933
12. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 No.2129-r // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru August 26, 2020 No.0001202008260005 (accessed: 02/20/2024)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОГОВОРА ПОДРЯДА ДЛЯ НУЖД УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Some questions of the contract for the needs of the federal penal system

СОЛОВЬЕВ Дмитрий Витальевич,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академии ФСИН России.

ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.

E-mail: deman2225@yandex.ru;

Solovyov Dmitry Vitalievich,

detective of the operational department of the correctional institution № 1
in Moscow Federal Penitentiary Service of Russia.

Sennaya str., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.

E-mail: deman2225@yandex.ru

Краткая аннотация. Актуальность рассматриваемых вопросов подтверждается тем, что в настоящее время отсутствует до сих пор понятие договора подряда для государственных нужд. В данной статье рассматривается вопрос применения договора подряда в деятельности уголовно-исполнительной системы, она существует в применении законодательства о подряде практикующими специалистами отделов закупок, контрактных служб. Проблема определена комплексным правовым регулированием данных вопросов. При этом уголовно-исполнительная система выступает в качестве особого субъекта – учреждения и органы уголовно-исполнительной системы участвуют в подрядных обязательствах на специальных условиях в соответствии с законом.

Abstract. The relevance of the issues under consideration is confirmed by the fact that there is still no concept of a contract for state needs. In this article, the issue of applying a contract in the activities of the penal system is considered, it exists in the application of legislation on hiring by practitioners of procurement departments and contract services. The problem is determined by the comprehensive legal regulation of these issues. At the same time, the penal system acts as a special entity - institutions and bodies of the penal system participate in contractual obligations on special terms in accordance with the law.

Ключевые слова: обеспечение обязательств, договор подряда, договорные обязательства, государственные нужды, надлежащее качество.

Keywords: security of obligations, contract, contractual obligations, public needs, proper quality.

Для цитирования: Соловьев Д.В. Некоторые вопросы договора подряда для нужд уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 285-287. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_285.

For citation: Solovyov D.V. Some questions of the contract for the needs of the federal penal system // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 285-287. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_285.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2024

В связи с принятием в 2013 году ФЗ от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ-44) изменился прежний порядок установления подрядчиков, который необходим для заключения договора на выполнение работ для государственных нужд.

Данный закон был принят в связи с совершенствованием гражданско-правовой процедуры заключения договоров современного общества. С момента его принятия прошло ровно 10 лет, поэтому сегодня сложилась новая правовая полемика актуальности исполнения обязательств из договора подряда для государственных нужд.

В результате современных условий развития рыночной экономики Российской Федерации и в рамках систематизации российского законодательства в связи с принятием новой правовой сферы государственных закупок для обеспечения государственных нужд начался новый этап развития гражданско-правового субинститута выполнения подрядных работ для государственных нужд.

Гражданско-правовой договор подряда является уникальным, потому как он наиболее полноценно урегулирован и структурирован законодателем. Под пристальным вниманием этот договор находится благодаря тому, что регулируемые им гражданско-правовые отношения чрезвычайно разнообразны и требуют, в связи с этим наиболее полного учета всех особенностей, которые принадлежат различным договорам подряда. Договор подряда охватывает огромную сферу применения в связи с экономическими, социально-политическими, правотворческими, правоприменительными и доктринальными факторами.

Как и иные гражданско-правовые отношения договор подряда касается государственной федеральной службы в лице уголовно-исполнительной системы. Гражданско-правовое регулирование договора подряда для государственных нужд уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) является одной из важнейших задач УИС в нормативно-правовом и теоретико-правовом значении, решение которой предоставляет возможность осуществлять свои приоритетные направления деятельности. Благодаря заинтересованности и участию исправительных учреждений ФСИН России в государственных закупках отражает активность ее договорной и хозяйственной деятельности. Тем не менее, в правоприменительной работе возникает большое количество вопросов, которые связаны с заключением, исполнением, изменением, расторжением договора подряда для государственных нужд, а именно УИС, которые требуют исследования.

Договоры подряда в учреждениях и органах УИС заключаются двумя способами:

- проведение государственной закупки с помощью использования конкурентных способов (подрядные торги);

- заключение контракта с единственным поставщиком с помощью привлечения подведомственных учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России.

Самой главной уникальностью и, конечно же, минусом при организации процедуры подрядных торгов является предпроектная подготовка, которая включает в себя целый ряд мероприятий, осуществление которых возможно только работниками, обладающими специальной квалификацией.

Договор подряда имеет следующую обязательную структуру: предмет договора; сроки начала и окончания работ; стоимость работ; форма оплаты и порядок расчетов; способы обеспечения обязательств; права и обязанности сторон договора; указание на техническую документацию; (техническое задание, смету); контроль и гарантии качества работ; порядок приемки работ; ответственность сторон и риски; порядок разрешения споров; форс-мажорные обстоятельства; срок действия договора; порядок внесения изменений в договор и расторжения договора.

Существенными условиями договора подряда являются конкретизированный предмет договора и сроки, в которые подрядчик должен выполнить работы. Без указания этих условий договор подряда не может считаться заключенным.

Исследование договора подряда следовало бы начать с изучения категории об обязательствах по выполнению работ и оказанию услуг. В целом они имеют широкое применение в современном гражданском обороте и в значительной мере урегулированы Гражданским кодексом Российской Федерации [2] (далее ГК РФ).

Целью договора подряда является определенный экономический итог, который отделяется от самой работы. Подобный признак отсутствует у договора на оказание услуг, предметом которого является труд, как таковой, лишенный отделимого от него результата.

Поэтому, можно говорить, что подрядные работы выполняются подрядчиком «на свой риск», и здесь вступает в действие принцип: нет результата – нет оплаты. Способ, которым будет выполнена работа, отходит на второй план. Говоря о понятии и признаках договора подряда, необходимо рассмотреть основные законодательные положения.

Договор подряда характеризуется как консенсуальный, возмездный и взаимный. Исходя из определения, данного в ст. 702 ГК РФ, можно указать следующие его признаки:

- специальный субъект: им является подрядчик - лицо, которое способно к выполнению работы;
- специальный предмет: им является работа и ее итог, который имеет индивидуально-определенный характер;
- специальный способ определения предмета договора: согласно заданию заказчика;
- выполнение работ из материалов, но при этом средствами подрядчика (исживением);

- особый способ организации работ (подрядчик самостоятельно устанавливает способы выполнения задания заказчика, если другое не предусмотрено договором; заказчик при этом может проверять ход и качество работы, выполняемой подрядчиком, но не вмешиваясь в его деятельность).

В соответствии с положениями п. 1 ст. 702 ГК РФ, договор подряда – это соглашение, по которому одна сторона (подрядчик) дает обязательство выполнить по заданию другой стороны (заказчика) установленную работу и сдать ее итог заказчику, а заказчик, в свою очередь, дает обязательство принять результат работы и оплатить его.

Гражданский кодекс РФ определяет в качестве сторон договора подряда подрядчика и заказчика. Специальные требования к данным субъектам договора в общих положениях о договоре подряда отсутствуют, а следовательно, должны применяться нормы общей части ГК РФ.

Учреждения и органы УИС, выступая в лице государственного заказчика, заинтересованы в актуализации подходов к обеспечению эффективности решения спорных вопросов. Более того, учитывая, что больше не действует федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» [1], сокращение финансирования, выделяемого на развитие УИС, приоритетным становится вопрос об эффективном расходовании бюджетных средств при организации договорных подрядных отношений.

Для исследования договора подряда для государственных нужд в лице УИС следует обратиться к правовому анализу договора подряда в ГК РФ. Так в главе 37 ГК РФ законодатель позаботился и установил специальные правила для выполнения работ для государственных или муниципальных нужд. Следовательно, в статье 768 ГК РФ в части, не урегулированной ГК РФ, должен использоваться закон о подрядах для государственных или муниципальных нужд. Сегодня закон не принят, но размещение заказов на закупку товаров, выполнение работ и оказание услуг государственными заказчиками, в том числе и учреждениями и органами УИС, осуществляется благодаря наличию Федерального закона от 05.04.2013 № 44 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – закон № 44-ФЗ) [3].

В результате исследования рассматриваемого вопроса стало известно, что некоторые преимущества, которые есть у учреждений и органов УИС, несколько схожи с преимуществами, предоставляемыми организациям инвалидов. Рассмотрим некоторые примеры. Например, заказчика обязуют предоставлять учреждениям и органам УИС преимущества в отношении цены контракта в размере до 15 %. В соответствии со ст. 5 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [4] УИС содержит в себе учреждения, исполняющие наказания, и в нее по решению Правительства Российской Федерации могут входить предприятия, созданные именно для обеспечения деятельности УИС, научно-исследовательские, образовательные, проектные, лечебные и прочие учреждения, которые являются сторонами в договоре подряда. Согласно ч. 2 ст. 28 закона № 44 ФЗ государственным заказчикам необходимо отражать сведения о преимуществах в структурированных планах-графиках, извещениях и документации о закупках в отношении закупаемых товаров (услуг), включённых в утвержденные Правительством Российской Федерации перечни товаров, работ, услуг. В ситуации, когда по-

бедителем признано учреждение или предприятие УИС, государственный контракт в соответствии с требованием закона № 44-ФЗ должен быть заключен по предложенной цене с учетом преимущества (но не более начальной цены контракта). Закон № 44-ФЗ предоставляет преимущество учреждениям и органам УИС не только на аукционы, но и при запросе котировок и предложений, то есть при проведении конкурентных процедур. Закупки у единственного поставщика (исполнителя) не предполагают предоставления преимуществ подразделениям УИС.

Таким образом, в связи с тем, что в законе № 44-ФЗ уделяется больше внимания участию учреждениям и органам УИС в закупках по сравнению с Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [5], который больше не действует, из внимания законодателя выпало одно обстоятельство. Хотя заказчик по закону № 44-ФЗ и должен предоставлять преимущества подразделениям УИС в отношении цены контракта в размере до 15 %, ничто не мешает ему установить размер преимущества, равный 0,5 или даже 0,01 % от цены контракта, потому как предоставление преимуществ для учреждений и органов УИС на максимально допустимом уровне может привести к снижению желаний участников закупки, которые не относятся к данным категориям, принимать участие в закупочных процедурах, что повлечет увеличение рисков признания закупочной процедуры несостоявшейся. Так как значительное число учреждений и органов УИС являются казенными учреждениями, то в случае признания их победителями они не должны будут предоставлять обеспечение исполнения контракта, что является достаточно весомым преимуществом и подкрепляется ограничением наибольшего размера обеспечения заявок, предоставляемых подразделениями УИС, который не может превышать 2 % начальной цены контракта. На наш взгляд учреждения и органы УИС в статусе казенных учреждений потенциально могут быть полностью освобождены от требования обеспечения заявок для упрощения их участия в закупках.

С вступлением в силу закона № 44-ФЗ в рамках контроля исполнения договоров законодатель обязывает заказчика проводить по каждому заключенному договору экспертизы выполненных работ и оказанных услуг, в том числе каждого отдельного этапа исполнения договора, для проверки предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов в части их соответствия условиям договора. Тем не менее, дополнительно в части 10 статьи 94 закона № 44-ФЗ закреплено требование о размещении в единой информационной системе в сфере закупок заключения по результатам экспертизы исполнения контракта в качестве приложения к отчету о результатах отдельного этапа исполнения контракта, что отражает принцип гласности и прозрачности.

Разнообразие работ, в которых нуждаются учреждения и органы УИС для обслуживания имущества, находящегося на балансе ФСИН России, не предоставляет возможность создать единую форму договора и стандартизировать процедуру проведения закупок. Поэтому перед УИС важной задачей в договорной деятельности должно быть планирование и последовательность действий в целях эффективного расходования бюджетных средств и исключения нарушений действующего законодательства.

Библиография:

1. О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)»: пост. Правительства Рос. Федерации от 05.09.2006 № 540 (ред. от 27.08.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 20.04.2015).
5. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ (утратил силу). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. On the federal target program "Development of the penal system (2007-2016)": post. Ros governments. Federation of 05.09.2006 No. 540 (ed. From 27.08.2015). Access from SPS "ConsultantPlus."
2. The Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended by 23.05.2016). Access from SPS "ConsultantPlus."
3. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: Feder. Law of 05.04.2013 No. 44-FZ (as amended by 03.07.2016). Access from SPS "ConsultantPlus."
4. On institutions and bodies that carry out criminal penalties in the form of imprisonment: Ros Law. Federation of 21.07.1993 No. 5473-1 (ed. From 20.04.2015).
5. On placing orders for the supply of goods, the performance of work, the provision of services for state and municipal needs: Feder. the law of 21.07.2005 No. 94-FZ (expired). Access from SPS "ConsultantPlus."

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОТКАЗ В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ НАДОМНЫХ СОЦИАЛЬНО-МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ИНВАЛИДАМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ RESPONSIBILITY FOR REFUSAL TO PROVIDE HOME-BASED SOCIAL AND MEDICAL SERVICES TO PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

ЧЕРКАШИНА Наталья Валерьевна,

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: natasha8181@mail.ru;

ОГНЕВ Александр Викторович,

юрист по тендерной работе АО «НТЦ «ПожОборонСтрой».
микрорайон имени Гагарина, 13Б, г. Балашиха, Московская обл., 143913, Россия.
E-mail: avognev47@mail.ru;

РАЗУМЕЕВ Владимир Владимирович,

магистр, факультет «Юриспруденция»
ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: 9854918018@mail.ru;

SHERKASHINA Natalia Valerievna,

candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
«Moscow State Humanities and Economics University».
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.
E-mail: natasha8181@mail.ru;

OGNEV Alexander Viktorovich,

lawyer for tender work JSC "STC "Pozhoboronstroy".
Gagarin microdistrict, 13B, Balashikha, Moscow region, 143913, Russia.
E-mail: avognev47@mail.ru;

RAZUMEEV Vladimir Vladimirovich,

Master's degree, Faculty of Law, «Moscow State Humanities and Economics University».
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.
E-mail: 9854918018@mail.ru

Краткая аннотация: Обеспечение доступности социальных услуг позволяет вести инвалидам независимый образ жизни и наравне с другими участвовать в жизни общества. Именно инвалиды наиболее часто испытывают трудности в реализации своих прав по свободному доступу к услугам. В связи с этим целью исследования является анализ законодательного регулирования и правоприменительной практики в сфере некачественного предоставления или отказа от предоставления домашних социально-медицинских услуг инвалидам.

Abstract: Ensuring the availability of social services allows people with disabilities to lead an independent lifestyle and participate in society on an equal basis with others. It is people with disabilities who most often experience difficulties in exercising their rights to free access to services. In this regard, the purpose of the study is to analyze legislative regulation and law enforcement practice in the field of poor-quality provision or refusal to provide home-based social and medical services to people with disabilities.

Ключевые слова: услуга, инвалид, ответственность, правовое регулирование, практика судов.

Keywords: service, disabled person, responsibility, legal regulation, court practice.

Для цитирования: Черкашина Н.В., Огнев А.В., Разумеев В.В. Ответственность за отказ в предоставлении домашних социально-медицинских услуг инвалидам в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 288-290. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_288.

For citation: Cherkashina N.V., Ognev A.V., Razumeev V.V. Responsibility for refusal to provide home-based social and medical services to people with disabilities in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 288-290. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_288.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

Социально-медицинские услуги – это услуги, «направленные на поддержание и сохранение здоровья получателей социальных услуг» [2] (п. 2 ст. 20 Закона РФ 442-ФЗ). Полный перечень социально-медицинских услуг, предоставляемых инвалидам в Российской Федерации, содержит пункт 5.2 ГОСТа Р 53059-2014 [5].

На дому социально-медицинские услуги инвалидам оказывают специализированные организации социального обслуживания, сотрудниками которых, кроме социальных работников, являются и медицинские работники. Как показывает практика, такие услуги могут оказывать и медицинские организации. Пример, патронажную помощь на дому во всех округах Москвы оказывают врачи, медицинские сестры и фельдшеры городских поликлиник. Отдельные социально-медицинские услуги, не требующие специальных профессиональных знаний (например, санитарно-гигиенические, организация прохождения диспансеризации или помощь в освоении и выполнении посильных физических упражнений), могут оказываться гражданами, осуществляющими уход за инвалидом.

Гражданско-правовая ответственность за отказ в предоставлении домашних социально-медицинских услуг указанных лиц устанавливается общими нормами гражданского законодательства о возмещении вреда, и по договору об оказании социальных услуг.

Основанием ответственности за отказ в предоставлении домашних социально-медицинских услуг инвалидам по договору является нарушение существенных условий договора на предоставление социальных услуг. Существенными условиями такого договора, согласно п. 2 ст. 17 Закона РФ №442-ФЗ, являются: «положения, определенные индивидуальной программой», и «стоимость социальных услуг» (в случае оказания услуг за плату). В качестве примера можно указать на ситуацию с Елизаровой В. И., которая представляла в суде интересы дочери-инвалида [6]. В январе 2015 года между Елизаровой М.В. и Центром социального обслуживания населения Калининского района Санкт-Петербурга был заключен договор о социальном обслуживании на дому на неопределенный срок. С февраля 2018 года Центр «в одностороннем порядке пере-

стал исполнять договор», приостановив предоставление бесплатных социальных услуг на дому. Опекун обратилась в суд с требованиями «о признании права на социальное обслуживание в соответствии с условиями договора о социальном обслуживании и об обязанности исполнить договор о социальном обслуживании». В апреле 2020 года Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в кассационной инстанции признала жалобу подлежащей удовлетворению. Обоснованием стало то, что девочка – инвалид I группы инвалидности сама себя не обслуживает и нуждается в постоянном постороннем уходе. Согласно статье 31 Закона РФ № 442-ФЗ она как несовершеннолетняя относится к категории лиц, которым социальные услуги предоставляются бесплатно при условии, «если на дату обращения среднедушевой доход получателя социальных услуг был ниже предельной величины или равен предельной величине среднедушевого дохода, установленной законом субъекта РФ». Поскольку в исковом заявлении и апелляционной жалобе Елизарова В.И., отметила, что материальное положение и среднедушевой доход не изменился, то в кассационной инстанции было принято решение: отменить все решение предыдущих судов, а дело направить на новое рассмотрение.

В случае причинения вреда жизни или здоровью российским законодательством предусмотрена обязанность возмещения вреда в полном объеме, включая «дополнительно понесенные расходы» (ст. 1085 ГК РФ). Пример, ситуация с инвалидом Э. Ворон, которую рассматривал Конституционный суд РФ 25 июня 2019 г. [7]. При оказании медицинской помощи в 1996 г. по вине врачей детской больницы был причинен вред здоровью (повреждение спинного мозга). В результате с 13 лет ему была установлена I группа инвалидности, он был признан нетрудоспособным и нуждающимся в постоянном уходе. Суд признал за ним «право на возмещение утраченного заработка, а также право на возмещение дополнительно понесенных расходов на посторонний специальный медицинский уход» и определил размер возмещения. За несколько лет в пользу пострадавшего было вынесено несколько судебных постановлений «о взыскании утраченного заработка и компенсации дополнительно понесенных расходов» в связи с изменением размера возмещения вреда. Сложная ситуация возникла, когда Управлением социальной защиты он «был признан нуждающимся в социальном обслуживании». В рамках его индивидуальной программы было «рекомендовано круглосуточное оказание социально-бытовых и социально-медицинских услуг на дому». Из-за отсутствия возможности заключения договора «в объеме заявленных требований» учреждения социального обслуживания отказали ему в предоставлении таких услуг. Был заключен договор о предоставлении услуг на дому с матерью Ворона. Суд отказал компенсировать дополнительно понесенные расходы на наем сиделки. В обоснование суд указал, что «истец ссылается на те же обстоятельства», которые уже рассматривались в суде, и «после вступления решения в законную силу суд не вправе принимать ...заявления о рассмотрении исковых требований, вытекающих из тех же оснований». В передаче кассационных жалоб было отказано. Только Конституционный суд РФ указал на необходимость пересмотра судебных решений, вынесенных в отношении Э. Ворона. Конституционный суд РФ признал п. 3 ст. 1085 и п. 1 ст. 1087 ГК РФ «не противоречащими Конституции», поскольку «они предполагают, что наличие судебного решения о взыскании в пользу несовершеннолетнего..., признанного инвалидом и нуждающимся по состоянию здоровья в постоянном постороннем уходе, не исключает возможности... взыскать в последующем необходимые расходы, в том числе на услуги сиделки, и увеличить размер взыскания таких расходов, если судом установлено изменение обстоятельств, влияющих на определение размера возмещения». По мнению Конституционного суда РФ, суд в таких случаях обязан устанавливать следующее: - имеет или не имеет гражданин «право на получение соответствующих услуг бесплатно или за частичную оплату»; - если гражданин имеет такое право, то была ли у него возможность получить такую помощь «качественно и своевременно» или он был лишен такой возможности.

Следует отметить, что в настоящее время вопрос о предоставлении таких услуг решен на законодательном уровне. Согласно статье 9.1 Закона РФ № 181-ФЗ, нуждающимся инвалидам может предоставляться «сопровожаемое проживание инвалидов – комплекс мер, направленных на обеспечение проживания в домашних условиях инвалидов старше 18 лет, неспособных вести самостоятельный образ жизни» [1]. Такие меры включают социальные услуги и социальное сопровождение инвалидов в рамках социального обслуживания; услуги ассистента (персонального помощника). Объем, периодичность и продолжительность предоставления таких услуг устанавливаются с учетом ограничений жизнедеятельности и нарушенных функций организма [4].

В соответствии со статьей 1068 ГК РФ в случае, когда сотрудники социальной службы при исполнении ими своих трудовых обязанностей нарушают права инвалида или причинили вред его здоровью, выплатить пострадавшему компенсацию за моральный вред суд обяжет организацию либо руководителя работников-нарушителей. То есть за причинение морального вреда отвечает именно организация, а не сотрудники.

Необходимо отметить, что согласно статье 18 Закона РФ №442-ФЗ уполномоченный орган и поставщик социальных услуг освобождаются от ответственности за отказ в предоставлении домашних социально-медицинских услуг инвалидам в следующих случаях:

– при добровольном отказе от услуг;

– при наличии медицинских противопоказаний у получателя услуг, перечень которых утверждается Министерством здравоохранения России, и при наличии заключения уполномоченной медицинской организации о том, что заболевание опасно для ухаживающего. Противопоказаниями в предоставлении социально-медицинских услуг на дому в данном случае являются следующие заболевания [3]: туберкулез с бактериовыделением, лепра, психические расстройства и расстройства поведения с симптомами, указывающими на склонность к совершению общественно опасных действий; синдром зависимости от психоактивных веществ.

В случае, когда социально-медицинские услуги предоставляются инвалиду по договору пожизненного содержания с иждивением, при отказе или ненадлежащем оказании услуг для защиты прав необходимо обратиться в суд (не допускается одностороннее расторжение договора). Согласно части 2 статьи 605 ГК РФ при «существенном нарушении» плательщиком ренты обязательств по договору инвалид как «получатель ренты вправе потребовать возврата недвижимого имущества, которое было передано в обеспечение пожизненного содержания, либо потребовать выплаты ему выкупной цены». При этом плательщик ренты не только теряет недвижимость, но также не может потребовать компенсацию расходов, которые он понес «в связи с содержанием» инвалида как получателя ренты.

В качестве примера можно указать на два гражданских дела № 33-2047/2023 [8] и № 33-14605/2023 [9], которые в апелляционном порядке в 2023 году рассматривала Судебная коллегия по гражданским делам Ленинградского областного суда. По материалам дела пенсионеры-инвалиды заключили договоры пожизненного содержания с иждивением. По условиям указанных договоров получатели ренты (пенсионеры-инвалиды) передали бесплатно в собственность плательщикам ренты (которые одновременно предоставляли социально-медицинские услуги) принадлежащую им на праве собственности квартиру, а плательщики ренты получили квартиру на условиях пожизненного содержания с иждивением. Также плательщики ренты (они же поставщики социально-медицинских услуг) обязались пожизненно полностью содержать пенсионеров-инвалидов, обеспечивая их уходом и необходимой помощью, сохранив за ними право бесплатного пожизненного пользования указанной квартирой. В обоих случаях истцы обратились в суд по месту жительства с иском о расторжении договора по причине того, что «обязательства по договору исполнялись ненадлежащим образом», в частности, «не оказывалась обусловленная договором медицинская помощь и социальная поддержка, которая истцу была необходима по состоянию здоровья» [8]. Решениями Сосновоборского городского суда Ленинградской области и Пушкинского районного суда Санкт-Петербурга в удовлетворении исков было отказано. Судебная коллегия, рассмотрев материалы дела и оценив доказательства, во всех указанных случаях отменила решения судов первой инстанции и приняла по делу новое решение: «расторгнуть договор пожизненного содержания с иждивением» и вернуть в собственность квартиры. Основанием принятых решений стали следующие обстоятельства:

- по делу № 33-2047/2023 ответчик не выполнила ни одного существенного условия договора (не доплатила обязательных ежемесячных платежей, не оказывала необходимых социально-бытовых услуг и медицинской помощи);
- по делу № 33-14605/2023 ответчик отказался оказывать ежедневную помощь (гигиенический уход, наблюдение за состоянием здоровья, приема лекарств), на что пенсионер-инвалид «рассчитывала при заключении договора».
- по делу № 33-2047/2023 и по делу № 33-14605/2023 доказательств обеспечения уходом, оказания помощи, лично либо с привлечением третьих лиц ответчики суду не предоставили.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность поставщиков домашних социально-медицинских услуг за отказ в предоставлении услуг устанавливается общими нормами гражданского законодательства о возмещении вреда, и в соответствии с условиями договора об оказании услуг. Конституционный суд РФ также закрепил право на пересмотр компенсации в связи с изменившимися обстоятельствами. Ответственность за отказ в предоставлении указанных услуг не возникает в случаях добровольного отказа инвалида от услуг и при наличии медицинских противопоказаний у инвалида. За отказ от социально-медицинских услуг по договору пожизненного содержания с иждивением поставщик лишается недвижимости и компенсации расходов.

Библиография:

1. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 27.11.1995, № 48, ст. 4563.
2. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. 25.12.2023) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.12.2013, № 52 (часть I), ст. 7007.
3. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 02.05.2023 № 202н «Об утверждении перечня медицинских противопоказаний, в связи с наличием которых гражданину или получателю социальных услуг может быть отказано, в том числе временно, в предоставлении социальных услуг в форме социального обслуживания на дому, или в полустационарной форме, или в стационарной форме, а также формы заключения уполномоченной медицинской организации о наличии (об отсутствии) таких противопоказаний» [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.02.2024).
4. Приказ Минтруда России от 28.07.2023 № 606н «Об утверждении критериев, применяемых для установления нуждаемости инвалида в сопровождаемом проживании (с учетом ограничений жизнедеятельности и нарушенных функций организма), определения объема, периодичности и продолжительности предоставления услуг по сопровождаемому проживанию» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.02.2024).
5. ГОСТ Р 53059-2014 Национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги инвалидам» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 22 августа 2014 г. № 955-ст) // Официальный Интернет-портал Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rst.gov.ru> (дата обращения: 16.02.2024).
6. Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2020 № 78-КГ20-5 / Юридическая информационная система «Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 16.02.2024).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1085 и пункта 1 статьи 1087 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Э.М. Ворона» / Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.02.2024).
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда от 29 марта 2023 г. по делу № 33-2047/2023 о расторжении договора пожизненного содержания с иждивением / Судебные решения РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://судебныерешения.рф/74297040> (дата обращения: 16.02.2024).
9. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 3 августа 2023 года по делу № 33-14605/2023 о расторжении договора пожизненного содержания с иждивением, прекращении права собственности / Судебные решения РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://судебныерешения.рф/76106362> (дата обращения: 16.02.2024).

References:

1. Federal Law No. 181-FZ of 11/24/1995 (as amended on 07/10/2023) "On Social Protection of persons with Disabilities in the Russian Federation" // Assembly of Legislators of the Russian Federation, 11/27/1995, No. 48, Article 4563.
2. Federal Law No. 442-FZ of 12/28/2013 (as amended on 12/25/2023) "On the basics of Social services for Citizens in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 12/30/2013, No. 52 (part I), art. 7007.
3. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 05/02/2023 No. 202n "On approval of the list of medical contraindications, due to which a citizen or a recipient of social services may be denied, including temporarily, the provision of social services in the form of social services at home, or in a semi-stationary form, or in a stationary form, as well as the form conclusions of an authorized medical organization on the presence (absence) of such contraindications" [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of application: 02/16/2024).
4. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 07/28/2023 No. 606n "On approval of criteria used to establish the need for a disabled person in accompanied accommodation (taking into account the limitations of vital activity and impaired body functions), determining the volume, frequency and duration of the provision of services for accompanied accommodation" / Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of application: 02/16/2024).
5. GOST R 53059-2014 National standard of the Russian Federation "Social services for the disabled" (approved and put into effect by Rosstandart Order No. 955-st dated August 22, 2014) // Official Internet Portal of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology [Electronic resource]. – URL: <https://www.rst.gov.ru> (date of application: 02/16/2024).
6. Cassation ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/06/2020 No. 78-KG20-5 / Legal information system "Legalact - laws, codes and normative legal acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. – URL: <https://legalacts.ru/> (date of access: 02/16/2024).
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 25, 2019 No. 25-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 3 of Article 1085 and paragraph 1 of Article 1087 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.M. Voronov" / Official Publication of legal acts [Electronic resource]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (date of application: 02/16/2024).
8. The appeal ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Leningrad Regional Court dated March 29, 2023 in case No. 33-2047/2023 on termination of the contract of lifelong maintenance with a dependent / Judicial decisions of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <https://судебныерешения.рф/74297040> (date of issue: 02/16/2024).
9. The appellate ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the St. Petersburg City Court dated August 3, 2023 in case No. 33-14605/2023 on termination of the contract of lifelong maintenance with a dependent, termination of ownership / Judicial decisions of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <https://судебныерешения.рф/76106362> (date of issue: 02/16/2024).

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ СТРАХОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ И СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ RESEARCH OF THE PROBLEMS OF LIABILITY INSURANCE IN THE WORKS PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET SCIENTISTS

СТЕПАНОВ Дмитрий Александрович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

STEPANOV Dmitry Alexandrovich,

Postgraduate student of Department of Business and Corporate Law
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: dm.stepanov.msai@gmail.com

Краткая аннотация: Работа представляет собой краткий обзор научных представлений дореволюционных и советских ученых относительно института страхования гражданской ответственности.

Abstract. The work is a brief overview of the research presented by pre-revolutionary and Soviet scientists regarding the institute of civil liability insurance.

Ключевые слова: страхование; страхование ответственности; история страхования; проблемы страхования; теория страхового интереса.

Keywords: insurance; liability insurance; insurance history; insurance problems; theory of insurable interest.

Для цитирования: Степанов Д.А. Исследование проблем страхования ответственности в трудах дореволюционных и советских ученых // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 291-294. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_291.

For citation: Stepanov D.A. Research of the problems of liability insurance in the works pre-revolutionary and Soviet scientists // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 291-294. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_291.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2024

Институт страхования являлся необходимым звеном любой экономической формации, существовавшей в России, поскольку потребность в минимизации риска возникновения неблагоприятных последствий деятельности человека или сил природы существовала всегда. От эффективности функционирования института страхования зависели и зависят экономический рост и потенциал страны, благосостояние и качество жизни населения. На современном этапе развития страхового права сложилась многоуровневая система регулирования страховых правоотношений. Особенности данной системы регулирования во многом обусловлены историческими аспектами. В связи с этим представляется крайне важным обобщить научные взгляды дореволюционных и советских ученых относительно института страхования гражданской ответственности. Понимание истории становления данного института, а также теоретических проблем, с которыми сталкивались ученые на том или ином этапе, является крайне важным для современного правового регулирования.

Прежде чем переходить к исследованию проблем страхования ответственности в трудах дореволюционных и советских ученых целесообразно акцентировать внимание на следующих значимых моментах. Во-первых, говоря о страховании ответственности, мы будем иметь в виду и ответственность за причинение вреда, и ответственность по договору, что обусловлено схожестью страхуемого риска. Во-вторых, исследуя вопросы становления института страхования ответственности, мы обращаемся к таким понятиям как «предмет страхового договора», «предмет страхования», «объект страхования». Сегодня указанные понятия имеют в научной литературе различное значение, однако на рубеже второй половины XIX–XX веков правоведы их не разграничивали [1, с. 28]. Следуя данному словупотреблению, мы также будем рассматривать их в качестве синонимов.

Предпосылкой возникновения исследований, касающихся проблем страхования ответственности, является появившаяся в немецкой литературе во второй половине XIX века теория, согласно которой предметом каждого договора страхования выступает имущественный интерес, а не конкретная вещь («теория интереса») [2, с. 204–205]. Научные дискуссии дореволюционных и советских ученых велись по большей части по вопросу согласия с данной теорией и поиском механизмов ее адаптации к российским реалиям, либо с критикой ее положений. Проблемы же страхования ответственности не поднимались вовсе. Вероятно, это было связано с тем, что правоведы не выделяли в качестве предмета страхования риск ответственности за причинение вреда или нарушение обязательства. Однако в некоторых трудах все-таки можно усмотреть попытки отечественных ученых расширить предмет договора страхования и вывести его за рамки ограничения страхования лишь вещами.

В частности, А. И. Вицын работе «Договор морского страхования по русскому праву» отмечал, что предметом морского страхования может быть любой имущественный интерес, подвергающийся морской опасности [3, с. 23]. При этом само понятие имущественного интереса ученый понимал достаточно широко. Исходя из этого, целью страхования должно быть обеспечение возмещения убытков, возникших в связи с теми или иными имущественными потерями, восстановление положения, существовавшего до наступления страхового случая. Однако правовед не выделяет какие-либо физические свойства предмета договора страхования. Следовательно, помимо материальных предметов, теоретически может быть застрахован и риск неисполнения обязательства.

В. Р. Идельсон, в свою очередь, придерживался позиции, согласно которой предметом страхового договора является интерес, связанный с целостью имущества или его нормальным состоянием: «Если бы предметом страхования была вещь, то страховщик должен был бы ее обеспечить от гибели, а в случае таковой построить точно такой же дом, корабль и т.д.» [1, с. 28]. Несмотря на то, что ученый прямо не говорит о страховании гражданской ответственности, его выводы допускают подобное.

Диаметрально противоположную позицию занимал И. Степанов. По его мнению, предметом договора могут быть только физические вещи, поскольку целью страхования является «возобновление разрушенного, разрушаться же могут только физические вещи» [4, с. 15, 74, 85]. По собственному утверждению правоведа указанное является «центром тяжести» всей его теории. Ученый полагал, что «в страховании интереса, так же как и в страховании вещей, идет речь о вознаграждении за убытки; но в страховании вещей оплачивается вещественный ущерб, а в страховании интереса посредственный убыток. Отсюда возникает различие и в цели, и в существе этих договоров» [4, с. 84]. Более того, обязательства страховщика при страховании вещи и имущественного интереса полностью противоположны и не совпадают по содержанию. При страховании вещи страховщик платит за потерянное, погибшее, утраченное, а при страховании имущественного интереса возмещению подлежит выгода, которую страхователь бы получил, если бы не наступило несчастье. И. Степанов стремился ограничить его от иных договоров, именуемых им «договорами возмещения убытков, посредственно связанных с гибелью вещи» (страхование денег, выданных под залог корабля, фрахта и ожидаемой прибыли).

С. Е. Лион, исследуя вопрос о предмете договора страхования, также приходит к выводу о том, что им является «физическая вещь» [5, с. 32]. Критикуя «теорию интереса», ученый обращает внимание, что «интерес – это не наличная ценность, а лишь право или надежда на получение ценности в будущем» [5, с. 33]. Указанное противоречит сущности страхового договора. В частности, страхование не должно являться средством обогащения страхователя. Например, кредитор, лишившийся в силу несостоятельности должника возможности осуществлять свое право требования, «не теряет от этой несостоятельности, потому что имущественная сфера его не сузилась от этой несостоятельности» [5, с. 33]. Если дать кредитору возможность страховать свой интерес на должнике, – значит дать ему возможность выиграть на страховом договоре то, что он потерял на займе.

Таким образом, можно отметить, что в специальной дореволюционной литературе сложилось два полярных мнения относительно предмета договора страхования и, соответственно, возможности страховать что-то, помимо вещей:

- 1) предметом договора страхования является любой имущественный интерес страхователя, под которым понимается имущественное право лица, подвергающееся опасности;
- 2) предметом договора страхования является физическая вещь, поскольку страховой договор имеет дело с действительно приобретенной вещью, а этим именем можно назвать только физическую вещь.

В рамках текущего исследования нельзя обойти стороной и общецивилилистические работы, в которых в той или иной степени поднимался вопрос предмета договора страхования.

Д. И. Мейер определял договор страхования следующим образом: «Это договор, по которому одно лицо за известную плату, производимую периодически или одновременно, обязывается вознаградить другое лицо в случае гибели его имущества от какого-либо определенного несчастья известной денежной суммой» [6, с. 555–556]. Предложенное ученым определение понятия страхового договора позволяет прийти к выводу, что он отрицает позицию о возможности страхования любого имущественного интереса, ограничивая предмет договора страхования лишь имуществом.

Г. Ф. Шершеневич в качестве предмета договора имущественного страхования определяет имущество, но «не в смысле вещи, как материального предмета, а в смысле совокупности прав и обязанностей, связанных с известным лицом» [7, с. 195–196]. Более того, он прямо указывает, что застрахованы могут быть не только вещи, но и, например, права требования, а ущерб может состоять в утрате или повреждении ценностей, входящих в имущество. Учитывая это, можно выдвинуть тезис о том, что исследователь скорее являлся сторонником так называемой «теории интереса».

Обобщив научные представления российских ученых второй половины XIX века, представляется возможным сделать следующие выводы:

- 1) проблемы страхования ответственности не были предметом научного интереса правоведов, поскольку они прямо не выделяли риск страхования ответственности за причинение вреда или нарушение обязательства в качестве предмета договора страхования;
- 2) во второй половине XIX века среди ученых велась более общая научная дискуссия, касающаяся того, что является предметом договора страхования – физическая вещь или любой имущественный интерес;
- 3) позиция, согласно которой предметом договора страхования является любой имущественный интерес страхователя, то есть имущественное право лица, подвергающееся морской опасности (А. И. Вицын), является предпосылкой возникновения известной современному российскому правопорядку триады договоров имущественного страхования: договор страхования вещей, договор страхования ответственности, договор страхования предпринимательского риска.

Рассмотрим теперь научные представления о проблемах страховании ответственности в трудах советских ученых.

Как утверждал В. К. Райхер, в СССР в условиях социалистического государства сложился новый общественно-исторический тип страхования, основанный на применении марксистско-ленинской методологии к разработке вопросов страхования [2, с. 3–4]. Учитывая это, научные исследования проблем страхования (в том числе, страхования ответственности) осуществлялись советскими учеными по большей степени в

русле поиска юридических отличий и преимуществ советского страхового права перед капиталистическим, а также критики буржуазных представлений о предмете страхования. Ученым приводятся следующие аргументы в пользу несостоятельности «теории интереса»:

- 1) довод сторонников «теории интереса» о том, что в случае гибели застрахованной вещи страховщик обязуется не к восстановлению ее, а к возмещению убытков, не обосновывает невозможность признания вещи предметом страхования;
- 2) денежная выплата страхователю и восстановление погибшей вещи в натуре являются лишь различными формами одного и того же явления: возмещения убытков (однако предмет страхования не изменяется от выбора того или иного способа возмещения);
- 3) допущение сторонниками «теории интереса» возможности возмещения косвенных убытков не доказывает, что вещь не является предметом страхования (с признанием вещи объектом страхования вполне совместимо и возмещение косвенных убытков, если только такие убытки покрываются условиями страхового договора).

Однако В. К. Райхер не приходит к категоричному выводу о том, что предметом страхования являются исключительно вещи. Напротив, автор указывает, что «встречаются страхования, не приуроченные к отдельным, заранее индивидуализированным имущественным ценностям, например, страхование от гражданской ответственности» и этот вид страхования может входить в категорию страхования имущества. Дальнейшее исследование этого вопроса автор не осуществляет, поскольку «советское имущественное страхование вообще не знает в настоящее время ни страхования от гражданской ответственности, ни страхования невещественных ценностей и является, таким образом, почти исключительно страхованием вещей» [3, с. 207].

К. А. Граве и Л. А. Лунц по вопросу предмета страхового договора соглашались с позицией В. К. Райхера. Свою солидарность с ним правоведы обосновывают тем, что имущественное страхование – это мероприятие, направленное на охрану целостности и сохранности именно имущества, составляющего социалистическую или личную собственность [8, с. 37]. Более того, страховой (имущественный) интерес не является ни предметом страховой охраны, ни предметом страхового правоотношения. Страховой интерес представляет собой лишь необходимую предпосылку возникновения и существования этого правоотношения. В своем исследовании авторы не поднимают вопросы страхования чего-либо, кроме вещей (в том числе и ответственности).

Вопрос о том, что является предметом страхования, также ставился Ф. В. Коньшиным. По мнению ученого, предметом договора страхования выступает имущественный интерес, связываемый с определенной материальной ценностью, являющейся объектом страхования. При этом правовед обращает внимание на то, что «страховой интерес выражает имущественную ценность, которой страхователь может лишиться» [9, с. 19]. Далее автор указывает, что страховым интересом являются прямые убытки, которые страхователь может понести в случае повреждения или гибели застрахованного имущества. Несмотря на то, что Ф. В. Коньшин не приходит к однозначному выводу о том, что предметом страхования могут быть только вещи, его ссылка на материальную ценность как объект страхования, а также приводимые примеры имущества, которое может быть застраховано (дом, посев, товар и др.) говорят именно об этом.

О. С. Иоффе косвенно обращался к проблеме предмета договора страхования. Правовед полагал, что по объекту страховой охраны выделяется имущественное и личное страхование. При имущественном страховании осуществляется страхование различных видов имущества [10, с. 734]. Исследовав понятие страхового интереса, ученый резюмирует, что страховым интересом является убыток от гибели или повреждения имущества [10, с. 741–742]. Также им были выделены конкретные виды имущественного страхования. В основе классификации лежал критерий конкретного вида страхуемого имущества. Анализ изложенной позиции позволяет нам сделать вывод о том, что правоведу была ближе точка зрения, согласно которой предметом договора страхования является именно вещь. Проблемы страхования гражданской ответственности О. С. Иоффе не изучал.

Иную точку зрения среди советских исследователей проблем страхового права занимал профессор В. И. Серебровский. По его мнению, предметом имущественного страхования является не вещь, а именно имущественный интерес, поскольку «когда страховщик заключает страхование, то он не принимает на себя обязательство восстановить ту или иную вещь, пострадавшую от наступления страхового случая, а обязывается только возместить тот ущерб, который может понести страхователь» [11, с. 492]. Ученый одним из первых исследовал проблему имущественного интереса при страховании гражданской ответственности.

Обобщив научные представления о страховании ответственности в трудах советских ученых, можно прийти к следующим выводам:

- 1) проблемы страхования ответственности, как и во второй половине XIX века, не являются сферой научных интересов правоведов, занимающихся вопросами страхового права. Это обуславливалось в первую очередь тем, что советское имущественное страхование (в том числе и с законодательной точки зрения) почти исключительно являлось страхованием вещей. Большинство ученых, рассматривают проблемы страхового права лишь в контексте вещей;
- 2) тем не менее, в трудах советских ученых, встречаются научные представления так или иначе касающиеся проблем страхования ответственности. В частности, В. И. Серебровский, допуская страхование гражданской ответственности, исследует проблему имущественного интереса, имеющего место быть при таком страховании.

Подводя итог изложенному, можно констатировать, что проблемы страхования ответственности не были предметом научного интереса большинства правоведов дореволюционного периода, занимающихся вопросами страхового права, поскольку риск страхования ответственности за причинение вреда или нарушение обязательства не выделялся в качестве самостоятельного предмета договора страхования. Несмотря на это, ряд ученых все-таки допускали возможность страхования риска привлечения к гражданской ответственности. В качестве ключевой предпосылки возникновения научных исследований в указанной области является появившаяся в немецкой литературе во второй половине XIX века

теория «страхового интереса», согласно которой предметом каждого договора страхования является имущественный интерес, а не конкретная вещь. Советские же ученые если и исследовали вопросы страхования ответственности, то по большей степени в русле поиска юридических отличий и преимуществ советского страхового права перед капиталистическим, а также критики буржуазных представлений о предмете страхования. Подавляющее большинство из них рассматривают проблемы страхового права лишь в контексте вещей.

Библиография:

1. Идельсон В. Р. Страхование : Лекции, читанные В. Р. Идельсоном... в 1907 г. – Москва : Изд. центр СО «Анкил», 1993. – 96 с.
2. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. / В. К. Райхер; Акад. наук СССР. Ин-т права. – Репр. воспроизведение, с изд. 1947 г. – Москва : ЮКИС, 1992. – 282 с.
3. Вицын А.И. Договор морского страхования по русскому праву / Вицын А. С.-Пб.: Тип. Н. Тиблена и Ко, 1865. – 128 с.
4. Степанов И. Опыт теории страхового договора / [Соч.] И. Степанова. – Казань : Унив. тип., 1875. – XXII, 204, II с.
5. Лион С. Е. Договор страхования по русскому праву : Исследование канд. прав С. Е. Лиона. – Москва : т-во «Печ. С. П. Яковлева», 1892. – 81 с.
6. Мейер Д. И. Русское гражданское право : Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. – 8-е изд., с испр.... С прил. Очерка русского вексельного права, биографии и портр. Д.И. Мейера и А.И. Вицина и 3-х указателей. – Санкт-Петербург : тип. Д.В. Чичинадзе, 1902. – 804 с.
7. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права : учебник для вузов / Г. Ф. Шершеневич; составитель В. А. Белов. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 303 с. – (Авторский учебник).
8. Граве, К. А., Лунц, Л.А. Страхование / К.А. Граве, Л.А. Лунц ; Всесоюз. ин-т юрид. наук. Курс советского гражданского права. – Москва : Госюриздат, 1960. – 176 с.
9. Коньшин Ф. В. Государственное страхование в СССР [Текст] : [Учебник для фин.-экон. высш. учеб. заведений] / Ф. В. Коньшин. – Москва : Госфиниздат, 1949 (Ленинград : тип. им. Котлякова). – 404 с.
10. Иоффе О. С. Обязательственное право / Иоффе О.С. - М.: Юрид. лит., 1975. - 880 с.
11. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. Изд. 2-е, испр. М.: «Статут», 2003. – 558 с.

References:

1. Idelson V.R. Insurance law: Lectures given by V.R. Idelson... in 1907 - Moscow: Publishing house. center SO "Ankil", 1993. - 96 p.
2. Raikher V.K. Socio-historical types of insurance. / V. K. Reicher; Academician Sciences of the USSR. Institute of Law. – Rep. reproduction, from ed. 1947 – Moscow: YUKIS, 1992. – 282 p.
3. Vitsyn A.I. Marine insurance contract under Russian law / Vitsyn A. S.-Pb.: Type. N. Tiblen and Co., 1865. – 128 p.
4. Stepanov I. Experience in the theory of the insurance contract / [Oc.] I. Stepanova. – Kazan: Univ. typ., 1875. – XXII, 204, II p.
5. Lyon S.E. Insurance contract under Russian law: Candidate's research. S.E. is right Lyon. – Moscow: t-vo "Pech. S.P. Yakovlev", 1892. – 81 p.
6. Meyer D.I. Russian civil law: Readings by D.I. Meyer, ed. by request listeners ed. A. Vitsina. – 8th ed., with correction.... With adj. Essays on Russian law, biographies and portraits. D.I. Meyer and A.I. Vitsyn and 3 pointers. – St. Petersburg: type. D.V. Chichinadze, 1902. – 804 p.
7. Shershenevich G. F. Textbook of commercial law: a textbook for universities / G. F. Shershenevich; compiled by V. A. Belov. — Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. – 303 p. – (Author's textbook).
8. Grave K.A., Lunts L.A. Insurance [Text] / K.A. Grave, L.A. Luntz; All-Union Institute of Law Sci. Course of Soviet civil law. – Moscow: Gosyurizdat, 1960. – 176 p.
9. Konshin F.V. State insurance in the USSR: [Textbook for financial and economics. higher textbook establishments] / F.V. Konshin. – Moscow: Gosfinizdat, 1949 (Leningrad: type named after Kotlyakov). – 404 p.
10. Ioffe O.S. Law of Obligations / Ioffe O.S. - M.: Legal. lit., 1975. - 880 p.
11. Serebrovsky V.I. Selected works on inheritance and insurance law. Ed. 2nd, rev. M.: "Statut", 2003. – 558 p.

К ВОПРОСУ О НОВОВВЕДЕНИЯХ В ЗАКОНЕ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ON THE ISSUE OF INNOVATIONS IN THE LAW ON INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

ШЛЕЙНИКОВ Александр Вячеславович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».

460018, Россия, Оренбургская обл., г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13.

E-mail: Sshleinikov@mail.ru;

Shleinikov Alexander Vyacheslavovich,

postgraduate student of the Department of Civil Law and Process
of the Faculty of Law Orenburg State University.

13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, 460018, Russia.

E-mail: Sshleinikov@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье на основе анализа законодательства, практики его применения, юридической литературы проводится сравнение редакций Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в частности, приводятся конкретные примеры, когда совсем недавние изменения в законодательстве привели к изменению правоприменительной практики.

Abstract. This article, based on an analysis of legislation, the practice of its application, and legal literature, compares the editions of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 N 127-FZ, in particular, specific examples are given when very recent changes in legislation led to changes in law enforcement practices.

Ключевые слова: экономические отношения, процедуры несостоятельности физических лиц, должник, кредиторы, финансовых управляющих, процедура реализации имущества, процедура реструктуризации долга, план реструктуризации, прожиточный минимум, исполнительский иммунитет, баланс интересов, государство.

Keywords: economic relations, insolvency procedures for individuals, debtor, creditors, financial managers, procedure for the sale of property, debt restructuring procedure, restructuring plan, living wage, executive immunity, balance of interests, state.

Для цитирования: Шлейников А.В. К вопросу о нововведениях в законе о несостоятельности (банкротстве) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 295-298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_295.

For citation: Shleinikov A.V. On the issue of innovations in the law on insolvency (bankruptcy) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 295-298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_295.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

Право человека на достойную жизнь закреплено на самых разных уровнях законодательства. Право на достойный уровень жизни, закрепленное в статье 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах¹ 1966 года, относящееся к группе социальных прав, гарантирующее каждому человеку возможность получать достаточное питание, одежду, жилище, непрерывно улучшать условия жизни, в том числе и в результате принятия государствами надлежащих мер для обеспечения его осуществления.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (ст. 11), закрепляя «право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни», тем самым заложил ещё одну правовую основу для достижения цели, провозглашённой в Уставе Организации Объединённых Наций, а именно – повышение уровня жизни, создание условий для экономического и социального прогресса и развития.

В статье 7 Конституции РФ² закрепляется гарантия права на достойную жизнь для каждого лица. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Однако возникают жизненные обстоятельства, когда гражданин, взявший на себя долговые обязательства больше не в силах исполнять их надлежащим образом. Этому могут способствовать различные факторы, например, потеря дополнительного источника заработка, болезнь гражданина или близких родственников, необходимость дорогостоящего ремонта жилища и прочее.

В 2015 году вступили в силу поправки в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее - Закон о банкротстве), позволяющие физическому лицу обратиться в суд с заявлением о признании себя несостоятельным и инициировать процедуру банкротства. Так, согласно части 1 статьи 213.4. вышеназванного Закона гражданин обязан обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом в случае, если удовлетворение требований одного кредитора или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения гражданином денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей в полном объеме перед другими креди-

¹ 1 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

² Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 31.01.2024).

³ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 31.01.2024).

торами и размер таких обязательств и обязанности в совокупности составляет не менее чем пятьсот тысяч рублей, не позднее тридцати рабочих дней со дня, когда он узнал или должен был узнать об этом.

Н.В. Лихолетова и Г.А. Виноходова отмечают, что банкротство гражданина является относительно новым для российского законодательства институтом. Однако в развитых правовых системах, банкротство гражданина, является, пожалуй, самым эффективным способом восстановить платежеспособность для граждан, попавших в тяжелое материальное положение, который позволяет в один момент освободиться от долгов [4, с. 23].

Согласно части 2 статьи 213.4. Закона о банкротстве гражданин вправе подать в арбитражный суд заявление о признании его банкротом в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, при этом гражданин отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

Пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»¹ устанавливает, что при реализации должником права на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом на основании пункта 2 статьи 213.4. Закона о банкротстве учитывается наличие обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что должник не в состоянии исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, и признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества у должника (п. 3 ст. 213.6. Закона о банкротстве). Размер неисполненных обязательств в этом случае значения не имеет.

Увеличивающееся количество дел о несостоятельности физических лиц неизбежно приводит к столкновению интересов должника и кредиторов, что наглядно проявляется в постоянном увеличении количества обособленных споров в рамках дел о несостоятельности (банкротстве).

Особая сложность в работе арбитражных судов состояла и состоит в том, что им приходится постоянно разрешать новые споры, которые ими ранее не рассматривались, и к тому же в условиях неполного, несовершенного, зачастую противоречивого законодательства. В этих условиях огромное значение имеет судебная практика.

В настоящее время в судебной практике сложилась ситуация, что процедура реализации имущества гражданина заканчивается освобождением последнего от обязанности платить долги, чем пользуется большое количество населения, хотя по задумке законодателя полное списание задолженности является экстраординарной мерой. Встречаются даже случаи повторного обращения с заявлением о признании гражданина банкротом после завершения процедуры реализации имущества по прошествии пяти лет.

В новейшей истории России законодателем и научным сообществом проводится большая исследовательская работа по становлению и совершенствованию правового механизма регулирования отношений, связанных с процедурой признания должников несостоятельными (банкротами), соблюдением баланса интересов всех лиц участвующих в процессе возбуждения, ведения дела, распределении имущества [1; 3; 5].

Одна из позиций правоведов заключается в том, что цель института банкротства должна в первую очередь сводиться к регулированию и оказанию экономического оздоровления в условиях признания должника неплатежеспособным (банкротом) [2, с. 35].

В рамках данной статьи автором предпринята попытка проанализировать недавние изменения в Закон о банкротстве, вступившие в силу 3 ноября 2023 года. Важнейшим изменением, на мой взгляд, стало увеличение срока реализации плана реструктуризации долгов гражданина с трех до пяти лет. Это позволило судам чаще вводить процедуру реструктуризации долгов гражданина при заявленном ходатайстве должника о введении процедуры реализации имущества. Так, например, Мамин Алексей Сергеевич (далее – заявитель, должник) 14 июня 2023 года обратился в арбитражный суд на основании пункта 1 статьи 213.4. Закона о банкротстве с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом) и о введении процедуры реализации имущества должника, в связи с образовавшейся задолженностью на общую сумму более 500 000,0 рублей.

Определением от 06.07.2023 возбуждено дело о несостоятельности и назначено судебное заседание по проверке обоснованности поданного заявления². При рассмотрении вышеназванного заявления суд пришел к следующим выводам. Из общих положений законодательства о несостоятельности (банкротстве) следует, что определение процедуры банкротства должника обусловлено необходимостью первоочередной защиты имущественных прав и законных интересов кредиторов по отношению к интересам должника, допустившего свою несостоятельность.

Принятие в отношении гражданина решения о признании его банкротом и введении процедуры реализации имущества, минуя введение реструктуризации долгов, возможно на основании пункта 8 статьи 213.6. Закона о банкротстве в случае, если представлены доказательства того, что гражданин не соответствует требованиям для утверждения плана реструктуризации долгов, установленным пунктом 1 статьи 213.13. Закона о банкротстве (в частности не имеет источника доходов), и им подано соответствующее ходатайство.

Учитывая, что должником такое ходатайство заявлено, суд отметил следующее. В соответствии с Федеральным законом от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»³, постановлением Правительства Оренбургской области от 04.06.2013 № 422-п

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/ (дата обращения: 31.01.2024).

² Определение Арбитражного суда Оренбургской области по делу № А47-9591/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2ac9e441-ca89-42ad-bc18-03110b0f32f5/7f0da5d8-62d2-4b7b-bb2f-e0ac61097a7f/A47-9591-2023_20231127_Opreделение.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 31.01.2024).

³ Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/ (дата обращения: 31.01.2024).

«О расчете величины прожиточного минимума в Оренбургской области»¹, Правительство Оренбургской области постановило установить величину прожиточного минимума в Оренбургской области на 2023 год: в расчете на душу населения – 12 506 рублей; для трудоспособного населения – 13 632 рублей; для пенсионеров – 10 755 рублей; для детей – 12 572 рублей (Постановление Правительства Оренбургской области от 13.12.2022 № 1353-пп «О величине прожиточного минимума в Оренбургской области на 2023 год»).

Вместе с тем согласно абзацу 8 части 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ² взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на деньги на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении, в том числе на заработную плату и иные доходы гражданина-должника в размере величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ по месту жительства гражданина-должника для соответствующей социально-демографической группы населения, если величина указанного прожиточного минимума превышает величину прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по России).

Из буквального толкования указанной нормы следует, что законодатель предусмотрел следующий порядок выбора суммы, защищенной исполнительским иммунитетом, - она признается равной величине прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации вне зависимости от социально-демографического статуса должника и только в случае, если величина прожиточного минимума установленного в субъекте Российской Федерации по месту жительства гражданина-должника для соответствующей социально-демографической группы населения превышает размер прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации, то иммунитет может быть наложен в пределах такого прожиточного минимума.

Вместе с тем Федеральным законом от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»³ установлена величина прожиточного минимума по Российской Федерации для трудоспособного населения в размере 15 669 рублей (ч. 4 ст. 8).

Таким образом, применению подлежит прожиточный минимум, установленный для трудоспособного населения в целом по Российской Федерации, а именно в размере 15 669,0 рублей, поскольку он превышает величину прожиточного минимума, установленного в Оренбургской области. Возможный платеж, исходя из общей суммы подтвержденных обязательств (1 161 023,80 рублей) и максимального срока плана реструктуризации долгов (60 месяцев), составит не менее 19 350,40 рублей в месяц.

Судом установлено, что среднемесячный доход должника в 2023 году составил 63 929,54 рублей. Принимая во внимание размер обязательств должника перед кредиторами (1 161 023,80 рублей), размер прожиточного минимума для трудоспособного населения в размере 15 669,0 рублей, суд приходит к выводу, что денежные средства в размере 48 260,54 рублей (среднемесячный заработок должника в сумме 63 929,54 рублей за вычетом прожиточного минимума в сумме 15 669,0 рублей) могут быть ежемесячно направлены на погашение задолженности перед кредиторами.

Кроме того, при оценке возможности направления денежных средств на погашение задолженности, судом также учтено и планируемое повышение прожиточного минимума в 2024 году как в Оренбургской области (14 465,0 рублей для трудоспособного населения, согласно Постановлению Правительства Оренбургской области № 884-пп от 05.09.2023 года), так и по Российской Федерации (Проект Федерального закона № 448554-8 «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов»).

Указанный проект Федерального закона в настоящий момент не принят, однако, планируемый прожиточный минимум в 2024 году для трудоспособного населения составляет 16 844,0 рубля. В случае установления в 2024 году прожиточного минимума по Российской Федерации в размере 16 844,0 рублей, должник сможет производить погашение задолженности (при условии сохранения текущего размера дохода) на сумму не более 47 085,54 рублей.

При таких обстоятельствах суд не усмотрел заведомой экономической неисполнимости возможного плана реструктуризации долгов. Положения Закона о банкротстве предусматривают, что дело о банкротстве гражданина должно начинаться с восстановительной процедуры, в частности, процедуры реструктуризации долгов гражданина (п. 1 ст. 213.6. Закона о банкротстве), при этом право заявлять ходатайство о введении процедуры реализации имущества гражданина на стадии рассмотрения обоснованности заявления о признании должника банкротом представлено только должнику с учетом его имущественного положения.

Судом учтено отсутствие на дату судебного заседания препятствий для представления плана реструктуризации долгов должника, в связи с чем, на данной стадии дела о банкротстве отсутствуют правовые основания для введения процедуры реализации имущества должника. Судом также указано, что механизм банкротства граждан является правовой основой для чрезвычайного (экстраординарного) способа освобождения должника от требований (части требований кредиторов), как заявленных в процедурах банкротства, так и не заявленных. При этом должник, действующий добросовестно, должен претерпеть неблагоприятные для себя последствия признания банкротом, выражающиеся прежде всего в передаче в конкурсную массу максимально возможного по объему имущества и имущественных прав в целях погашения (частичного погашения) требований кредиторов, обязательства перед которыми должником надлежащим образом исполнены не были. Механизм банкрот-

¹ Постановление Правительства Оренбургской области от 13.12.2022 № 1353-пп «О величине прожиточного минимума в Оренбургской области на 2023 год» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5600202212160005?ysclid=ls348rhtzs921139563> (дата обращения: 31.01.2024).

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=ls34cg0hvez840496537 (дата обращения: 31.01.2024).

³ Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433298/ (дата обращения: 31.01.2024).

ства граждан не может быть использован в ущерб интересам кредиторов, необходимо соблюдение разумного баланса.

Итак, проанализировав указанное определение, можно сделать вывод о том, что принятые поправки в части увеличения срока процедуры реструктуризации долга положительно сказались на правоприменительной практике. В данном конкретном случае это позволило не допустить введения процедуры реализации имущества, что положительно скажется, как на финансовом состоянии должника, ведь ему не придется терять имущество, так и на удовлетворении требований кредиторов, так как после исполнения плана реструктуризации задолженность будет погашена в полном объеме.

Библиография:

1. Джафаров И. Исполнительский иммунитет единственного жилья должника: новый вектор судебной практики // Жилищное право. – 2021. – № 9. – С. 67–70.
2. Добровлянина О.В., Кондратьев К.С., Патырбаева К.В. Виды незаконных банкротств в Российской Федерации: некоторые проблемы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2017. - № 3. - С. 34-39.
3. Ефимцева Т.В., Прохоров А.В. Применение имущественного иммунитета к единственному жилому помещению, являющемуся предметом залога, в процедурах банкротства гражданина // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. - 2018. - № 36. - С. 100-103.
4. Лихолетова Н.В., Виноходова Г.А. Институт банкротства физических лиц в России // Концепт. – 2015. – Т. 13. – С. 2661-2665.
5. Несостоятельность (банкротство): учеб. курс: в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. – Москва: Статут, 2019. – Т. 2. – 848 с.

References:

1. Jafarov I. The immovable immovability of the one and only zhiliya dolzhnika: the new urgent vector sudebnoy practices // housing law. – 2021. – № 9. - S. 67–70.
2. Dobrovlyanin O.V., Kondratyev K.S., Pat Asbaeva K.V. Type undeclared bankrolling in the Russian Federation: noncotarableve problem evaluative Regulation // Law. Journal of the Extravehicular school. - 2017. - № 3. - S. 34-39.
3. Yefimtseva T.V., Prokhorov A.V. The exchange of property immovable property with the only residence that is open to the object of the BET, in the procedure of bank transactions of the citizen // labor of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Legal academies. - 2018. - № 36. - S. 100-103.
4. Liholetova N.V., Vinogodova G.A. Institute bankrots physical face in Russia // concept. – 2015. - T. 13. - S. 2661-2665.
5. Bankruptcy: school. course: in 2 t. / in order. S.A. Karelinoi. - Moscow: Statute, 2019. - T. 2. - 848 PP.

ТЕОРИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И АРГУМЕНТАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ THEORY OF EVIDENCE AND ARGUMENTATION IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

БОЛДЫРЕВА Элеонора Арменовна,
преподаватель кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО РЮИ МВД России,
майор полиции.
ул. Ерёмченко, 83, г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., 344015, Россия.
E-mail: elchonok007@mail.ru;

BOLDYREVA Eleonora Armenovna,
lecturer at the Department of Criminal Procedure
of the Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian Interior Ministry,
Police Major.
83 Eremenko St., Rostov-on-Don, Rostov region, 344015, Russia.
E-mail: elchonok007@mail.ru

Краткая аннотация: В работе представлена теория доказательств и аргументации в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Актуальность работы заключается в важности применения данной теории для возможности достичь своей цели в судопроизводстве, исходя из ситуации. На данный момент стороны допускают значительные ошибки в применении изучаемой теории, что приводит к ее неэффективности, а законодатель. Формирую неравные права, усугубляет положение. В заключении работы автор демонстрирует необходимость применения на практике рекомендаций, представленных в работе, для решения выявленных проблем.

Abstract: The paper presents the theory of evidence and argumentation in civil and arbitration proceedings. The relevance of the work lies in the importance of applying this theory to be able to achieve your goal in legal proceedings, based on the situation. At the moment, the parties make significant mistakes in applying the theory being studied, which leads to its ineffectiveness, and the legislator. I create unequal rights and aggravate the situation. At the conclusion of the work, the author demonstrates the need to apply in practice the recommendations presented in the work to solve the identified problems.

Ключевые слова: теория доказательств, теория аргументации, убеждение суда, внутреннее убеждение, формирование тезиса, доказательный процесс.

Key words: theory of evidence, theory of argumentation, persuasion of the court, internal conviction, thesis formation, evidentiary process.

Для цитирования: Болдырева Э.А. Теория доказательств и аргументации в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 299-301. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_299.

For citation: Boldyreva E.A. Theory of evidence and argumentation in civil and arbitration proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 299-301. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_299.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2024

Убеждение суда в собственной правоте является основной целью в любом судебном процессе. Причина состоит в том, что именно судья выносит решение, на основе своего внутреннего убеждения. Законодатель использовал именно такое определение для отображения следующего положения – суд не обязан самостоятельно выявлять истину, ему необходимо лишь оценить доказательства и аргументы, предоставляемые сторонами (67 статья Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). В результате, именно теория доказательств и аргументации имеет наибольшее значение в любом судебном процессе, так как умение эффективно ее применять ведет к результату дела. Однако, законодатель сформировал некоторые трудности в наиболее полном применении данной теории, а применяющие ее лица допускают ошибки, создающие априори неэффективные действия. В итоге, тема исследования актуальна.

В первую очередь выделим следующую связь. Доказательства в изучаемой теории являются основой, на которой формируется аргументация [4, с. 98]. Исходя из этого, чем больше доказательств, чем более они точны и ясны, тем лучше может быть применена теория доказательств и аргументации. При этом сторона, не имеющая достаточного количества доказательств, может предпринять попытку убедить суд преимущественно через аргументацию. Это тоже возможно и допустимо, так как суд формирует внутреннее убеждение, потому психология, эмоции и иные элементы доступны для убеждения суда. Судебная практика является доказательством этого – зачастую адвокаты могут убедить судью в невиновности своего клиента лишь при помощи эмоций, практика А.Ф. Кони является здесь достаточным доказательством.

Важно отметить, что само наличие доказательств не гарантирует решения дела в пользу конкретной стороны [1, с. 12]. Причина заключается в том, что аргументация демонстрирует, как доказательство влияет на дело, потому здесь важна аргументация.

В процессе использования теории доказательств и аргументации стороны могут допускать ошибки, уменьшающие вероятность эффективного применения теории. Так, например, ключевым в теории является тезис, который подлежит аргументации. В его отношении обычно допускают две ошибки, которые напрямую нарушают правила аргументации тезиса. Первая – нарушается ясность тезиса [2, с. 5]. Речь идет о следующем – сторона формулирует тезис так, что он непонятен суду, оппоненту, свидетелям и иным сторонам, по причине, например, применения незнакомых терминов. Обычно это использование определений из узких сфер, например, медицинской, строительной и иной. По этой причине рекомендуется формулировать тезисы по следующему правилу – суждение должно быть понятно даже школьнику старшего класса. В этом случае тезис априори будет ясным. Допустимо умеренно применять термины из юриспруденции, так как это не повлияет на понимание тезиса

ключевыми фигурами дела – судьей и адвокатом-оппонентом. Если тезис будет неясным, вся его дальнейшая аргументация будет неэффективной, бессмысленной, ведь участники процесса просто не смогут полностью понять причинно-следственные связи.

Вторая ошибка заключается в изменении тезиса. Согласно изучаемой теории, он должен быть неизменен в ходе всей дискуссии. Особое внимание необходимо акцентировать на недопустимости его потери, полной или частичной подмены. Под потерей тезиса необходимо понимать следующую ситуацию – лицо, сформировавшее один тезис, начинает аргументировать иной тезис, который может быть связан с предыдущим, на фактически является другим [3, с. 55]. Предположим, адвокат формирует тезис о том, что подсудимый виновен, но далее начинается аргументация того, что его окружение состоит из судимых личностей, потому он обладает всеми элементами для совершения данного преступления.

Под подменой тезиса предлагается понимать ситуацию, при которой происходит замена тезиса иным положением. Предположим, примером полной подмены может стать следующая ситуация - вместо аргументации отсутствия вины клиента, адвокат начинает доказывать наличие у него положительных качеств. С одной стороны, это косвенно связано с первоначальным тезисом – положительные характеристики могут повлиять на доказательство невиновности, но тезис изменен, потому аргументация и доказательства уже иные. Примером частичной подмены может стать следующее – адвокат сначала уверяет, что подсудимый не был на месте преступления, потом тезис сужается до «подсудимый был рядом с местом преступления, но не непосредственно на нем».

Причина недопустимости любого изменения тезиса заключается в том, что это ведет к необходимости использования доказательств и их дальнейшей аргументации иначе, в результате, эффективность может быть значительно снижена. Предположим, чтобы доказать отсутствие обвиняемого на месте преступления, необходимо собрать доказательства о его нахождении в ином месте. Если же тезис состоит в том, что он был рядом, но не на самом месте преступления, то нужны очевидцы или иные доказательства, однозначно констатирующие близость, но при этом отсутствие на конкретном месте. Несмотря на схожесть доказательством и аргументации в этом случае, подмена сформирует однозначные сложности в процессе доказательства. Если же произойдет потеря тезиса, то, обычно, доказать первоначальный тезис же будет невозможно, так как вся аргументация будет совершенно иной, лишь косвенно связанной с первоначальной мыслью.

Отметим, что законодатель разрешает частичную смену тезиса в гражданском и арбитражном судопроизводстве. С одной стороны, можно считать, что это верное решение, так как на практике представляемые оппонентом доказательства и их аргументация могут вынудить хотя бы частично изменить тезис. Предположим, оппонент доказал и аргументировал, что подсудимый был неподалеку от места преступления, потому придется частично подменить тезис, указав, что на самом месте преступления он не был, несмотря на его близость к нему. С другой стороны, законодательство прямо разрешает нарушать второе правила аргументации тезиса, что приводит к проблеме использования теории доказательств и аргументации. Так, в гражданском судопроизводстве, согласно статье 39 гражданского процессуального кодекса, истец может изменить основание или предмет иска, требовать большую компенсацию ущерб или меньшую, полностью отклонить иск. Ответчик в это время может лишь признать иск. Близкие положения есть в арбитражном процессе, согласно статье 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, истец имеет такие же права, но при этом не только полностью, но и частично отозвать иск. Аналогичная ситуация и в отношении ответчика.

Можно считать, что законодатель должен предоставлять равные права, как в гражданском, так и в арбитражном процессе. Необходимо считать, что государство предоставило правильное право по возможности изменить тезис, несмотря на второе правило по аргументации тезиса, согласно теории доказательств аргументации – это продиктовано современными условиями – количество доказательств существенно расширилось, на данный момент могут применяться, например, цифровые следы, переписка в Интернете, записи, сделанные на диктофон или видеокамеру (число которых стало существенно) и так далее. Это значительно упростило процесс получения доказательств, которые остаются лишь в нужной степени и направлении аргументировать для судьи – процесс аргументации по этой причине становится более важным. При этом отказываться от возможности изменять тезис не нужно, несмотря на второе правило теории доказательств и аргументации – это право должно сохраняться для расширения возможностей участников процесса.

В результате, законодатель обязан дополнить возможности по гражданскому судопроизводству в отношении частичного отклонения или признания исков. При этом сторонам адвокатам иным сторонам защиты и обвинения рекомендуется предпринимать попытку применять второе правило следующим образом – тезис видоизменяется под влиянием собранных оппонентом доказательств, но незначительно, его направленность должна сохраняться, допустимо расширять или сужать суждение, но не реализовать его полную подмену или потерю. Это крайне важно для возможности наиболее полно представить корректные доказательства для определенного тезиса, а также сформулировать специфическую аргументацию на их основе.

Дополнительно можно предложить положение, которое позволит законодательно закрепить правило ясности тезиса. Так, в уголовном процессе существует правило, согласно которому обвиняемый должен указать, что ему понятно обвинение (статья 273 Уголовного процессуального кодекса РФ). В Гражданском и Арбитражном процессуальных кодексах нет таких положений. В результате, может сложиться ситуация неясности тезиса. Можно считать, что Гражданский и Арбитражный процессуальные кодексы нуждаются в таком положении, так как оно позволяет гарантировать использование лишь ясных тезисов, что соответствует первому правилу теории доказательств и аргументации.

Подводя итог, делаем вывод о том, что теория доказательств и аргументации является инструментом, который позволяет достичь цели в гражданском или арбитражном судопроизводстве, при условии грамотного использования – нужно соблюдать рекомендованные элементы. При этом законодатель обязан сформировать равные права участников гражданского и арбитражного судопроизводства в отношении изменения тезисов, иначе данная теория не может использоваться наиболее равно в них. Важно законодательно закрепить первое правило для арбитраж-

ных и гражданских процессов, как это уже сделано для уголовного процесса – ответчик обязан заявить, что обвинение ему понятно, что требует внесения в указанные кодексы нужных изменений. Предлагается реализовать на практике представленные рекомендации, это позволит наиболее полно и точно применять теорию доказательств и аргументаций на практике в арбитражных и гражданских судебных процессах.

Библиография:

1. Крючкова, С. Е. Теория аргументации: в поисках универсальной нормативности / С. Е. Крючкова // *Философия. История. Образование*. – 2022. – № 3(5).
2. Лисанюк, Е. Н. Три взгляда на критику и поддержку в оценке аргументов / Е. Н. Лисанюк // *Дискурс*. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 5-16. – DOI 10.32603/2412-8562-2022-8-2-5-16.
3. Парунова, Ю. Д. Роль логики и теории аргументации в юридическом образовании / Ю. Д. Парунова // *Экономика, управление, право и общество: МАТЕРИАЛЫ V МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ СЕТЕВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ*, Симферополь, 21 декабря 2020 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 54-57.
4. Петровская, А. В. История термина и понятия «рассуждение» в русской логике / А. В. Петровская // *Логические исследования*. – 2022. – Т. 28, № 1. – С. 98-124. – DOI 10.21146/2074-1472-2022-28-1-98-124.

References:

1. Kryuchkova, S. E. Theory of argumentation: in search of universal normativity / S. E. Kryuchkova // *Philosophy. History. Education*. – 2022. – № 3(5).
2. Lisanyuk, E. N. Three views on criticism and support in evaluating arguments / E. N. Lisanyuk // *Discourse*. – 2022. – Vol. 8, No. 2. – pp. 5-16. – DOI 10.32603/2412-8562-2022-8-2-5-16.
3. Parunova, Yu. D. The role of logic and theory of argumentation in legal education / Yu. D. Parunova // *Economics, Management, law and society: MATERIALS OF THE V INTERREGIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL ONLINE INTERNET CONFERENCE*, Simferopol, December 21, 2020. – Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Ariale", 2021. – pp. 54-57.
4. Petrovskaya, A.V. The history of the term and concept "reasoning" in Russian logic / A.V. Petrovskaya // *Logical research*. - 2022. – Vol. 28, No. 1. – pp. 98-124. – DOI 10.21146/2074-1472-2022-28-1-98-124.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_302

УДК 347.9

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ LEGAL PROBLEMS OF THE REPRESENTATIVE'S PARTICIPATION IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

БОЛДЫРЕВА Элеонора Арменовна,
преподаватель кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО РЮИ МВД России,
майор полиции.
ул. Ерёмченко, 83, г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., 344015, Россия.
E-mail: elchonok007@mail.ru;

BOLDYREVA Eleonora Armenovna,
lecturer at the Department of Criminal Procedure
of the Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian Interior Ministry,
Police Major.
83 Eremenko St., Rostov-on-Don, Rostov region, 344015, Russia.
E-mail: elchonok007@mail.ru

Краткая аннотация: В работе отображены основные правовые проблемы участия представителя в гражданском и арбитражном процессе. Тему научной статьи можно считать актуальной, так как институт представительства крайне важен для доступа к правосудию и его эффективного исполнения. Несмотря на это, некоторые важные проблемы сохраняются, что недопустимо. Итогом работы является предложение по реализации ряда мероприятий, способных существенно улучшить институт представительства в России, ликвидировать выявленные трудности в нем.

Abstract: The work reflects the main legal problems of the participation of a representative in civil and arbitration proceedings. The topic of the scientific article can be considered relevant, since the institution of representation is extremely important for access to justice and its effective execution. Despite this, some important problems remain, which is unacceptable. The result of the work is a proposal for the implementation of a number of measures that can significantly improve the institution of representation in Russia and eliminate the identified difficulties in it.

Ключевые слова: институт представительства, представители в суде, доступ к правосудию, обязанности представителя, квалификация представителя.

Key words: institution of representation, representatives in court, access to justice, duties of a representative, qualifications of a representative.

Для цитирования: Болдырева Э.А. Правовые проблемы участия представителя в гражданском и арбитражном процессе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 302-303. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_302.

For citation: Boldyreva E.A. Legal problems of the representative's participation in civil and arbitration proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 302-303. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_302.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2024

Институт представительства является важным для любого государства. Причина заключается в том, что существование этого института позволяет, во-первых, гарантировать получение квалифицированной юридической помощи (если лицо не имеет необходимых знаний), во-вторых, в целом доступ к правосудию (если лицо не имеет возможности самостоятельно участвовать в судебном процессе). Несмотря на высокую роль представительства, существует несколько важных проблем, которые должны быть решены как можно быстрее, иначе оба направления, на которых акцентирует внимание институт, не будут полностью выполняться, что недопустимо, и отображает актуальность работы.

В первую очередь выделим неоднозначное решение законодателя относительно квалификации представителей. Так, рассматривая статью 49 Гражданского процессуального кодекса указываем, что лишь лица, имеющие высшее юридическое образование, могут быть представителями в суде, за исключением случаев обращения к мировым или районным судьям [2, с. 138]. Статья 59 Арбитражного процессуального кодекса тоже указывает на такую норму. Неоднозначной ее можно считать по следующим причинам. С одной стороны, с ее помощью законодатель предпринял попытку гарантирования квалифицированной юридической помощи лицам, с чем можно согласиться – высшее образование с большей вероятностью гарантирует квалифицированную помощь. С другой стороны, формируется неравенство к институту представительства, а также дискриминация лиц к правосудию, исходя из уровня образования и дохода. Речь идет о следующем – квалифицированные представители с большой вероятностью будут требовать более крупные денежные суммы за свои услуги, потому часть населения будет лишена этого института, что уменьшит их доступ к правосудию. При этом не имеющие образования представители тоже лишаются возможности участвовать в некоторых судебных процессах, что можно считать дискриминацией [3, с. 177]. Нельзя не указать, что сама норма не гарантирует высокую квалификацию представителя. Так, как лицо с дипломом о высшем образовании, так и без него может оказаться, как квалифицированным, так и неквалифицированным представителем. Решением проблемы является изменения нормы с императивной на рекомендуемую, то есть представителям рекомендуется иметь высшее юридическое образование, но это не является обязательным условием. Применяв такую норму, доступ к правосудию будет существенно расширен, а дискриминация ликвидирована при выражении законодателем своей рекомендации, увеличивающей вероятность оказания квалифицированной помощи.

Еще одной проблемой представительства именно в гражданских и арбитражных процессах является отсутствие четкого указания действия представителя в интересах лица, которое оно представляет. Так, в Гражданском и Арбитражном процессуальных кодексах это положение отсутствует, в результате, представитель фактически не обязан преследовать цель защитить интересы. Иное положение фиксируется в Уголов-

ном процессуальном кодексе – статья 45 гласит, что представитель осуществляет защиту, представляет интересы. Представим пример для большей наглядности. Согласно статье 48 Гражданского процессуального кодекса, компания-банкрот представляет в суде представителем ликвидационной комиссии. Предполагаем, что непосредственная защита интересов компании-банкрота не является целью данного представителя, он выполняет исключительно представительские функции, что формирует недействительность одной из функций института представительства [1, с. 204]. Решением проблемы станет прописывание норм, уже имеющих место в Уголовном процессуальном кодексе – любой представитель обязан не только представлять интересы лица, но и защищать их в судебном порядке.

Подводя итог, делаем вывод о том, что институт представительства на данный момент в России имеет две важные проблема. Первая связана с требованиями к образованию, что создает барьеры для доступного правосудия населения, а также дискриминирует часть юридического сообщества. Вторая проблема недостаточно точных формулировок формирует возможность представителя формально исполнять свои обязанности, что недопустимо и противоречит одной из функций института представительства. Если предлагаемые мероприятия по решению выявленных проблем будут реализованы на практике, институт представительства в России станет более полным, а его функционирование более корректным.

Библиография:

1. Кохонова, Е. М. Проблемы законного представительства в гражданском, арбитражном и административном процессах / Е. М. Кохонова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 1(65). – С. 204-208.
2. Кучерова, А. Г. Проблемы представительства в гражданском процессе / А. Г. Кучерова, В. А. Кучеров // Академическая публицистика. – 2022. – № 2-1. – С. 138-143.
3. Рыхлетский, П. Л. Актуальные проблемы и новеллы института представительства в отечественном гражданском праве / П. Л. Рыхлетский // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 2(165). – С. 177-179.

References:

1. Kohanova, E. M. Problems of legal representation in civil, arbitration and administrative proceedings / E. M. Kohanova // Skif. Questions of student science. – 2022. – № 1(65). – Pp. 204-208.
2. Kucherova, A. G. Problems of representation in civil proceedings / A. G. Kucherova, V. A. Kuchеров // Academic journalism. - 2022. – No. 2-1. – pp. 138-143.
3. Rykhletsky, P. L. Actual problems and novelties of the Institute of Representation in domestic civil law / P. L. Rykhletsky // Eurasian Legal Journal. – 2022. – № 2(165). – Pp. 177-179.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_304

УДК 347.1

АЛИМЕНТЫ НА СОДЕРЖАНИЕ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ НУЖДАЮЩИХСЯ В ПОМОЩИ РОДИТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ALIMONY FOR THE MAINTENANCE OF DISABLED PARENTS IN NEED OF ASSISTANCE UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS: THEORY AND PRACTICE

ЧУРСИНА Антонина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Красноярского государственного аграрного университета.
660017, Россия, г. Красноярск, ул. Ленина, 117.

ORCID: 0000-0002-9679-986X

E-mail: chursina1304@mail.ru;

CHURSINA Antonina Sergeevna,

senior lecturer of civil law and process sub-faculty
of the Krasnoyarsk State Agrarian University.
117, Lenin str., Krasnoyarsk, Russia, 660017.

ORCID: 0000-0002-9679-986X

E-mail: chursina1304@mail.ru

Краткая аннотация: В статье на основе законодательства Республики Беларусь, а также судебной практики рассматривается институт алиментных обязательств детей в отношении своих родителей, в частности реализация родителями (родителем) права на материальное содержание от своих детей при отсутствии Соглашения об уплате алиментов между ними. Акцентировано внимание на таких правовых категориях как «нетрудоспособность» и «нуждаемость» как обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дел данной категории, основаниях освобождения детей от обязанности по содержанию родителей, а также основаниях прекращения алиментного обязательства. Указывается, что Кодекс о браке и семье Республики Беларусь содержит основания прекращения алиментных обязательств, однако среди них отсутствует решение суда об объявлении умершим алиментодателя или алиментополучателя. Автор полагает, что такое судебное решение, вступившее в законную силу, будет являться основанием прекращения рассматриваемого вида алиментов, поскольку оно влечет те же самые правовые последствия, что и биологическая смерть гражданина.

Abstract. The article discusses some aspects of the recovery of alimony by parents from their children. A situation is being considered when parents and children have not settled this issue voluntarily, that is, they have not concluded an agreement on the payment of alimony. In this regard, the parent had to go to court. The legislation of the Republic of Belarus and judicial practice are considered. Attention is focused on such legal categories as "disability; disablement incapacity" and "neediness; the need for material maintenance" as circumstances relevant to the consideration and resolution of cases in this category, the grounds for the release of children from the obligation to support their parents, as well as the grounds for termination of the alimony obligation. The author points out that the Code on Marriage and Family of the Republic of Belarus contains grounds for termination of alimony obligations, however, among them there is no court decision on declaring a deceased alimony payer or alimony recipient. The author believes that such a court decision, which has entered into force, will be the basis for termination of alimony, since it entails the same legal consequences as the biological death of a citizen.

Ключевые слова: алименты, родители, дети, обязанности, нуждаемость, нетрудоспособность, пенсия, инвалидность, финансовая помощь, содержание, Республика Беларусь, суд.

Key words: alimony, parents, children, obligation, the need for material maintenance, disability, pension, disability, financial assistance, maintenance, Republic of Belarus, court.

Для цитирования: Чурсина А.С. Алименты на содержание нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей в Республике Беларусь: теория и практика // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 304-306. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_304.

For citation: Chursina A.S. Alimony for the maintenance of disabled parents in need of assistance under the legislation of the Republic of Belarus: theory and practice // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 304-306. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_304.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2024

В Республике Беларусь основным кодифицированным нормативно-правовым актом, регулирующим семейные отношения является Кодекс от 09.07.1999 № 278-З «О браке и семье» (далее – КоБС РБ) [1]. КоБС РБ определяет не только права и обязанности родителей в отношении детей, но и права и обязанности детей в отношении родителей.

Согласно ст. 100 КоБС РБ дети обязаны заботиться о родителях и оказывать им помощь. Содержание нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей является обязанностью их совершеннолетних трудоспособных детей. То есть основанием возникновения данного вида алиментов является нетрудоспособность и нуждаемость родителя, а также совершеннолетие и трудоспособность детей.

Нетрудоспособность определяется медицинскими (инвалидность) или возрастными (достижение пенсионного возраста) критериями [2].

В соответствии со ст. 11 Закона РБ от 17.04.1992 № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» [3] право на пенсию по возрасту на общих основаниях имеют мужчины при стаже работы не менее 25 лет, женщины при стаже работы не менее 20 лет по достижении общеустановленного пенсионного возраста. В 2016 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко принял Указ № 137 «О совершенствовании пенсионного обеспечения» [4], согласно которому с 1 января 2017 г. общеустановленный пенсионный возраст в Беларуси повышается ежегодно на 6 месяцев. В 2016 г. возраст выхода на пенсию составлял для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет; в 2017 г.: мужчины – 60 лет 6 месяцев, женщины – 55 лет 6 месяцев; в 2018 г.: мужчины – 61 года, женщины – 56 лет; в 2019 г.: мужчины – 61 года 6 месяцев, женщины – 56 лет 6 месяцев; в 2020 г.: мужчи-

ны – 62 лет, женщины – 57 лет; в 2021 г.: мужчины – 62 лет 6 месяцев, женщины – 57 лет 6 месяцев; в 2022 г. и последующие годы: мужчины – 63 лет, женщины – 58 лет.

Понятие «нуждаемость» предполагает такое состояние, при котором лицо испытывает недостаток в средствах для нормальных условий жизни, удовлетворении жизненно важных потребностей. Это степень такой нужды, при которой лицо не в состоянии удовлетворить свои алиментарные потребности самостоятельно, в силу тех или иных объективных причин [5]. При определении нуждаемости родителя в помощи должны приниматься во внимание все факторы, относящиеся к делу, например нахождение на диспансерном учете, расходы на проживание, коммунальные услуги, питание, лечение, предметы первой необходимости и т.п.

По одному из рассмотренных судом дел, с учетом наличия в собственности истца Н. двух изолированных жилых помещений, факта ведения совместного хозяйства с трудоспособным супругом, имеющим постоянный заработок, исковые требования о взыскании с детей алиментов не подлежали удовлетворению, поскольку истцом Н. суду не представлено доказательств нуждаемости в материальной помощи [6].

Как показал анализ судебной практики, при определении нуждаемости суд учитывает разницу между получаемым родителем доходом и бюджетом прожиточного минимума. В силу ст. 3 Закона РБ «О прожиточном минимуме в Республике Беларусь» [7] прожиточный минимум состоит из минимального набора продуктов питания и непродовольственных товаров и услуг. Раз в три месяца пересматривается бюджет прожиточного минимума (далее – БПМ) и Министерство труда и социальной защиты РБ устанавливает новые размеры БПМ в среднем на душу населения и по основным социально-демографическим группам на соответствующий период: трудоспособное население, пенсионеры, дети в возрасте до 3 лет, дети в возрасте от 3 до 6 лет, дети в возрасте от 6 до 18 лет.

Приведем пример из судебной практики. Суд оценил представленные по делу доказательства, с учетом ежемесячного дохода истца в виде пенсии (586,89 рублей), размера БПМ, установленного постановлением Минтруда и соцзащиты от 20.04.2023 г. № 12 [8] на момент рассмотрения дела в сумме 265,96 рублей для пенсионеров и пришел к выводу об отсутствии нуждаемости истца в помощи ответчиков и оснований для удовлетворения исковых требований о взыскании с них алиментов [9]. В данном случае разница между пенсией и БПМ составила 320,93 рубля, то есть в два раза больше, чем установленный БПМ.

КоБС РБ предусматривает два основания освобождения детей от обязанности по содержанию родителей:

1. родители уклонялись от выполнения родительских обязанностей, когда их дети были несовершеннолетними, поскольку по умолчанию предполагается иждивение [10] детей до достижения ими возраста 18 лет;
2. родители, лишены родительских прав. Причем «бывшие» родители теряют не только право на получение алиментов от детей, но и другие права, например, право на наследование [11] по закону [12], [13].

Так, решением суда Рогачевского района от 08.11.2023 г. отказано в удовлетворении исковых требований К. (отцу) о взыскании алиментов со своей дочери Б., поскольку суд пришел к выводу, что К. уклонялся от выполнения родительских обязанностей по воспитанию и содержанию своего ребенка [14].

Уклонение выразилось в отсутствии заботы о нравственном и физическом развитии, здоровье и обучении ребенка.

Согласно сведениям из государственного учреждения образования К. являлась учащейся данного государственного учреждения образования, воспитанием девочки занималась мать К., которая являлась членом родительского комитета, посещала всегда родительские собрания, интересовалась учебными делами дочери. Отец К. в воспитании дочери не принимал участие, не интересовался дочерью, проживал от семьи отдельно, ни классный руководитель, ни другие работники школы его никогда не видел.

Свидетель Д. суду показал, что Б. является его племянницей, а К. – бывшим супругом его сестры. К. еще в период брака с сестрой стал злоупотреблять спиртными напитками, устраивал скандалы, избивал жену, нигде не работал. Со слов сестры, ему известно, что на К. она неоднократно вызывала сотрудников милиции. После развода с сестрой К. стал еще больше пить, связался с асоциальными личностями. В воспитании своей дочери К. не участвовал, алименты не платил.

Свидетель Л. суду показала, что К. приходится ей бывшим супругом, с которым она развелась по причине того, что он стал сильно злоупотреблять спиртными напитками, устраивал с ней скандалы, сломал ей палец. Она неоднократно обращалась по поводу семейных скандалов в милицию. Их маленькая дочь часто являлась свидетелем происходивших между ними ссор. Примерно за полгода до расторжения брака с К. она обращалась в суд за взысканием с него алиментов. К. алименты не платил, только когда он был осужден к лишению свободы, ей пришли алименты в незначительной сумме. Задолженность по алиментам К. не была погашена. Воспитанием дочери К. также не занимался.

Также истец не участвовал в содержании дочери, что следовало из постановленных в отношении него обвинительных приговоров суда по ст. 174 УК РБ.

Согласно сведениям из И. УДИН МВД по Г. области МВД Республики Беларусь, где К. отбывал наказание в виде лишения свободы, последний на дату освобождения из исправительного учреждения имел задолженность по уплате алиментов.

Из сведений реестра индивидуальных лицевых счетов застрахованных лиц в системе индивидуального (персонифицированного) учета в системе государственного социального страхования следовало, что в период отбывания наказания в ИК №* заработок К. составил 122920 неденоминированных рублей. После освобождения сведений в реестре о заработной плате и трудоустройстве К. либо не имелось, либо в отдельные периоды трудовой деятельности (*некоторые периоды и размер заработка – сведения обезличены*) зарплата К. составляла 966,25 руб., 875 руб., 1110,77 руб.

Обобщая вышеизложенное, суд пришел к выводу, что образовавшаяся задолженность по уплате алиментов на содержание несовер-

шеннолетней дочери не была погашена, исходя из ее размера, а также сведений о заработке К., который был явно недостаточным для погашения данной задолженности и обеспечения собственного уровня жизни, уплаты иных взысканий в виде административных штрафов.

Отказывая в удовлетворении исковых требований К., суд учел то обстоятельство, что истец (отец) не принимал участия в воспитании и содержании своего ребенка не по независящим от него причинам. Психическое расстройство, приведшее к нетрудоспособности, у К. развилось вследствие его виновного поведения – злоупотребления спиртными напитками.

Прекращение алиментных обязательств предусмотрено в ст. 115 КоБС РБ. Если алименты на содержание родителей взыскивались в судебном порядке, то их выплата будет прекращаться в случае восстановления трудоспособности или прекращения нуждаемости в помощи получателя алиментов, а также в случае смерти одной из сторон алиментного обязательства. Отметим, что указанная статья не называет в качестве основания прекращения алиментного обязательства решение суда об объявлении умершим [15] алиментодателя или алиментополучателя. Полагаем, что такое решение суда, вступившее в законную силу, будет являться основанием для прекращения выплаты рассматриваемого вида алиментов, поскольку объявление лица умершим влечет те же самые правовые последствия, что и смерть гражданина. Считаем, что КоБС РБ в данной части необходимо дополнить указанным положением.

Таким образом, в Республике Беларусь, если выплата взрослыми детьми алиментов на содержание отца или матери не производится добровольно, то есть отсутствует Соглашение об уплате алиментов, родители (родитель) вправе в рамках юрисдикционной формы защиты отстаивать свои интересы в судебном порядке.

Библиография:

1. Кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 278-З «О браке и семье» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2023) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 27.03.2024)
2. Чурсина А.С. Алиментная обязанность детей в отношении нетрудоспособных родителей в Республике Казахстан // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 52-53. EDN: SVOFXE
3. Закон Республики Беларусь от 17.04.1992 № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.12.2023) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 27.03.2024)
4. Указ от 11.04.2016 № 137 «О совершенствовании пенсионного обеспечения» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-137-ot-11-aprelja-2016-g-13449> (дата обращения: 27.03.2024)
5. Кольцова Л.В. Нуждаемость как условие алиментных обязательств // Вестник магистратуры. 2017. № 7(70). С. 148-150.
6. Мотивировочная часть решения суда Центрального района г. Гомеля от 10.04.2023 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://etalonline.by> (дата обращения: 27.03.2024)
7. Закон Республики Беларусь от 06.01.1999 № 239-З «О прожиточном минимуме в Республике Беларусь» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.05.2021) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-137-ot-11-aprelja-2016-g-13449> (дата обращения: 27.03.2024)
8. Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 20.04.2023 № 12 «Об установлении бюджета прожиточного минимума в ценах марта 2023 года» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-137-ot-11-aprelja-2016-g-13449> (дата обращения: 27.03.2024)
9. Мотивировочная часть решения суда Советского района г. Минска от 16.06.2023 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://etalonline.by> (дата обращения: 27.03.2024)
10. Чурсина А.С. Установление факта нахождения на иждивении по законодательству Республики Казахстан: правовые последствия // Аграрное и земельное право. 2020. № 4 (184). С. 4-5. EDN: UTEWEQ
11. Чурсина А.С. К вопросу о правовой природе срока принятия наследства в Казахстане // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 6-8. EDN: RMHNBV
12. Кто имеет право на наследство, когда лишение родительских прав не имеет значения? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://belnotary.by/novosti/publikatsii/gomelskaya-oblast/kto-imeet-pravo-na-nasledstvo-kogda-lishenie-roditelskikh-prav-ne-imeet-znacheniya/> (дата обращения: 27.03.2024)
13. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.01.2024) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 27.03.2024)
14. Мотивировочная часть решения суда Рогачевского района от 08.11.2023 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://etalonline.by> (дата обращения: 27.03.2024)
15. Чурсина А.С. К вопросу объявления гражданина умершим в Республике Беларусь // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12 (228). С. 325-326. EDN: IEXHTM

References:

1. Code of the Republic of Belarus No. 278-Z of July 9, 1999 "On Marriage and Family" (with amendments and additions as of July 17, 2023) [Electronic resource]. - Access mode: <https://online.zakon.kz> (accessed: 27.03.2024)
2. Chursina A.S. Alimony obligation of children in relation to disabled parents in the Republic of Kazakhstan // Law and the state: theory and practice. 2019. No. 11 (179). pp. 52-53. EDN: SVOFXE
3. Law of the Republic of Belarus No. 1596-XII dated April 17, 1992 "On Pension provision" (with amendments and additions as of December 13, 2023) [Electronic resource]. - Access mode: <https://online.zakon.kz> (accessed: 27.03.2024)
4. Decree No. 137 dated April 11, 2016 "On improving pension provision" [Electronic resource]. - Access mode: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-137-ot-11-aprelja-2016-g-13449> (accessed: 27.03.2024)
5. Koltsova L.V. Neediness as a condition of alimony obligations // Bulletin of magistracy. 2017. No. 7(70). pp. 148-150.
6. The reasoning part of the decision of the court of the Central district of the city of Gomel dated April 10, 2023 [Electronic resource]. - Access mode: <https://etalonline.by> (accessed: 27.03.2024)
7. Law of the Republic of Belarus No. 239-Z of January 6, 1999 "On the subsistence minimum in the Republic of Belarus" (with amendments and additions as of May 07, 2021) [Electronic resource]. - Access mode: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-137-ot-11-aprelja-2016-g-13449> (accessed: 27.03.2024)
8. Resolution of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus No. 12 dated April 20, 2023 "On establishing the budget of the subsistence minimum in prices of March 2023" [Electronic resource]. - Access mode: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-137-ot-11-aprelja-2016-g-13449> (accessed: 27.03.2024)
9. The motivational part of the decision of the court of the Sovetsky district of Minsk dated June 16, 2023 [Electronic resource]. - Access mode: <https://etalonline.by> (accessed: 27.03.2024)
10. Chursina A.S. Establishing the fact of being dependent on the legislation of the Republic of Kazakhstan: legal consequences // Agrarian and land law. 2020. No. 4 (184). pp. 4-5. EDN: UTEWEQ
11. Chursina A.S. On the question of the legal nature of the inheritance acceptance period in Kazakhstan // Law and the state: theory and practice. 2022. No. 2 (206). pp. 6-8. EDN: RMHNBV
12. Who has the right to inherit when the deprivation of parental rights does not matter? [Electronic resource]. - Access mode: <https://belnotary.by/novosti/publikatsii/gomelskaya-oblast/kto-imeet-pravo-na-nasledstvo-kogda-lishenie-roditelskikh-prav-ne-imeet-znacheniya/> (accessed: 27.03.2024)
13. Civil Code of the Republic of Belarus No. 218-Z dated December 07, 1998 (with amendments and additions as of January 05, 2024) [Electronic resource]. - Access mode: <https://online.zakon.kz> (accessed: 27.03.2024)
14. The reasoning part of the Rogachevsky district court dated November 8, 2023 [Electronic resource]. - Access mode: <https://etalonline.by> (accessed: 27.03.2024)
15. Chursina A.S. On the issue of declaring a citizen dead in the Republic of Belarus // Law and the state: theory and practice. 2023. No. 12 (228). pp. 325-326. EDN: IEXHTM

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ В АРКТИКЕ Some issues of legal regulation of economic directions in the Arctic

БАТТАХОВ Петр Петрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;

Battakhov Petr Petrovich,

candidate of of jurisprudence, senior researcher of Institute of the state and right
of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются некоторые экономические вопросы о дальнейшем развитии Арктической зоны России. Изучены три главных направлений для освоения территорий Арктики, которые между собой сочетаются — это добыча полезных ископаемых, СМП и охрана, защита экологии при промышленной освоении региона. Выделен основной критерий трудоустройства коренных жителей Арктики в отраслевых корпорациях. Рекомендованы разработки социально ориентированных проектов для местного населения региона. Исследованы причины техногенных аварий на территории Арктики и предложены выявить виновных должностных лиц и организаций в кратчайший срок для предотвращения дальнейших экологических катастроф. Сделан вывод, о том, что следует принять комплексный федеральный закон для развития арктических территорий.

Abstract: The article discusses economic issues on the further development of the Arctic zone of Russia. Three main areas have been studied for the development of the Arctic territories, which are combined with each other - mining, NSR and protection, environmental protection during the industrial development of the region. The main criterion for the employment of the indigenous inhabitants of the Arctic in industry corporations has been highlighted. The development of socially oriented projects for the local population of the region is recommended. The causes of man-made accidents in the Arctic have been investigated and it is proposed to identify the guilty officials and organizations as soon as possible to prevent further environmental disasters. It was concluded that a comprehensive federal law should be adopted for the development of the Arctic territories.

Ключевые слова: Северный морской путь, экономика, территория, регион, Арктическая зона, углеводород.

Keywords: Northern sea route, economy, territory, region, Arctic zone, hydrocarbon.

Для цитирования: Баттахов П.П. Некоторые вопросы правового регулирования экономических направлений в Арктике // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 307-310. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_307.

For citation: Battakhov P.P. Some issues of legal regulation of economic directions in the Arctic // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 307-310. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_307.

Статья поступила в редакцию: 25.04.2024

Арктика является уникальной территорией на Северном полюсе, охватывающая пограничные материковые территории Северной Америки и Евразии и являющимся крупнейшим в мире регионом с нетронутой, девственной природой. По сравнению с передовыми державами, Россия по плотности населения является одним из наиболее густонаселенных государств в регионе. По оценкам специалистов, северные регионы занимают более половины площади Российской Федерации[1]. В двадцатом веке Россия достигла больших успехов в освоении северных территорий, включая Арктику. Необходимо отметить, что Российское государство первым реализовало ряд крупных научных проектов по исследованию Российской Арктики.

Следует признать, при площади более 17 млн кв. км в России добываются практически все элементы таблицы Менделеева. Арктическая зона относится к богатейшим мировым территориям по запасам полезных ископаемых ресурсов, которыми особо богаты регионы Сибири и Крайнего Севера. Экономика России ориентирована преимущественно на добычу полезного ископаемого сырья, для Российской Федерации имеет первостепенное значение рациональное и эффективное использование природных богатств Арктики, поскольку доходы от реализации полезных ископаемых покрывают солидную часть бюджета страны. Прибыль от реализации углеводородного сырья составляет 80% государственного бюджета России. Большая часть полезных ископаемых сырьевых ресурсов сконцентрирована в Арктической зоне России, что делает становление региона главной перспективой развития экономики государства. Ископаемые богатства Арктики способствуют развитию мировой экономики, а их успешное освоение является крупнейшим проектом современной России.

В настоящее время на повестки дня стоит, что освоение природных ресурсов Арктики является главным вопросом развития страны. С целью решения указанного вопроса в стране регулярно организуются научные симпозиумы и международные конференции научными организациями и вузами страны с привлечением ведущих ученых Российской Федерации решения экологических состояний окружающей среды при добыче полезных ископаемых на местах. Сегодня прибрежные страны Северного Ледовитого океана в соответствии с международными договоренностями имеют права на освоение природных богатств края в 200-мильной экономической зоне. Арктика привлекательна большими запасами алмазов, драгметаллов, никелевых и медных руд и др.

Регион отличается значительными запасами углеводородного сырья[2], которого, по оценкам ученых, при нынешних темпах добычи примерно запасов на 50 лет. Для успешного экономического развития нашей страны большую роль играет добыча природного газа, разведанных объемов которого хватает на несколько десятков лет. Освоение природных ресурсов Арктического региона играет ключевую роль для экономического развития страны. Арктические запасы сырья, в том числе нефти, газа и металлических руд, имеют планетарное значение.

В путь развития страны состоит из разных направлений, политика государства в период глобального развития экономики России целе-

сообразно придерживаться открытости[3]. Сегодня главный Арктический проект - Северный морской путь (далее - СМП) - перестал служить внутренним путем. Его признают трансконтинентальным морским путем Тихоокеанского региона и Атлантики, объединяющий разные государства для развития мира.

Россия вкладывает инвестиции в Северный морской путь для развития торгового судоходства между дружественными странами мира. По прогнозным оценкам специалистов, в ближайшей перспективе ожидается увеличение объема грузоперевозок в два и более раза, данные тенденции являются частью генерального плана развития Северного морского пути, успешное освоение и развитие которого укрепляет транспортную независимость Российской Федерации. Бурное развитие Арктической зоны оказывает воздействие на всю мировую логистику. Экономическое положение Российской Федерации во многом обуславливается добычей полезных ископаемых в регионе и зависит от развития СМП. Поэтому данные направления взаимозависимы.

Арктика представляет собой неиссякаемую сокровищницу для инвестиций, однако Россия может самостоятельно осваивать и развивать столь огромные территории[1]. Но, с другой стороны, не мешают внешние инвестиции. К успешному развитию региона проявляют огромный интерес дружественные страны, как Индия, Китай и т.д. Эти государства готовы принимать участие в разработке месторождений полезных ископаемых в Арктической зоне. Использование их огромного финансового, технического и технологического потенциала даст возможность Российской Федерации с полным правом считаться хозяйном Арктического региона. Стремление мира к многополярности должно способствовать сближению России со многими зарубежными державами.

Сегодня следует обратить внимание на деятельность отраслевых компаний, работающих над освоением полезных ископаемых на территории Арктики. Для активизации процесса развития и роста экономического потенциала региона целесообразно часть доходов от реализации ископаемого сырья направлять на нужды Арктических субъектов страны, что будет способствовать улучшению качества жизни и росту благосостояния местного населения. Арктика не имеет гарантий от технологических катастроф и антропогенных воздействий во время добычи полезных ископаемых. Необходимо придерживаться разных государственных требований и стандартов при добыче полезных ископаемых и провести ряд рекультивационных мероприятий.

После долгих исследований анализ состояния экологии на земле свидетельствует, что при добыче сырья в шельфе субъектами предпринимательства наносится огромный ущерб окружающей среде. При транспортировке танкерным флотом углеводородного сырья может происходить разлив нефти и масел. Первостепенной проблемой, стоящей перед руководством страны, является предотвращение технологических катастроф в Арктической зоне России. Статистика показывает, что последнее время отраслевые компании на местах при добыче сырья наносят катастрофический урон природе страны, который сложно оперативно ликвидировать аварию с учетом климатических условий на территории Арктики. Следует отметить, что главными загрязнителями окружающей среды в регионе являются крупные металлургические комбинаты, транспортные и топливно-энергетические компании и др.

Значительным источником морского загрязнения является мусор, который должен был утилизироваться еще на суше, и теперь он поступает в северные моря по руслу впадающих рек.

В настоящее время необходимо обеспечить поддержку территорий Российской Арктики во всех сферах для сохранения биоразнообразия. В состав Арктической зоны входят следующие субъекты Российской Федерации:

- Ямало-Ненецкую, Ненецкую и Чукотскую округа;
- Мурманскую и Архангельскую области;
- Республики Саха-Якутию, Коми, Карелию;
- Красноярский край.

Крупнейшее экологическое бедствие XXI в. разразилось в Норильске Красноярского края, в реку было вылиты более 21 000 тонн сырой нефти. Властями было введено чрезвычайное положение, однако устранить последствия бедствия оперативно не удалось, поскольку очистка притоков рек от нефтепродуктов — технически сложный процесс, последствия для состояния природной среды в Арктике оказались неутешительными. К сожалению, со времен Советского Союза подвергшиеся загрязнению водные объекты практически не очищались. По существующим нормативным актам предприятия за последствия экологического бедствия, произошедшего по их вине, отделяются небольшими штрафами, судебные процессы могут длиться годами, умышленно затягиваться и со временем просто игнорироваться. Властями подобные аварии слабо освещаются в средствах массовой информации.

Независимые экологические эксперты оперативно анализируют последствия бедствия на местах. Как правило, в результате аварии вся флора и фауна уничтожается в радиусе сотен километров. Многоводные чистейшие реки Арктики превратились в мазутные пятна.

В Арктической зоне за последние годы произошли шесть крупных производственных аварий, носящих катастрофический характер. Среди них эмиссия урана в «Далуре», многотонный производственный мусор и утиль «Северостали», грязные черные снежные осадки в Кузбассе, курящийся Сибайский карьер, разрушенная дамба в Якутии, авария в Красноярском крае. Указанные крупнейшие аварии свидетельствуют о сложности для страны освоения без помощи и инвестиций извне богатого арктического региона, играющего существенную роль в развитии экономики России.

Россия как суверенное государство должно предотвращать экологические катастрофы и в будущем целесообразно предпринимать следующие мероприятия:

- Стране необходимо производить аварийно-восстановительные мероприятия, помочь в формировании и подаче регрессионного иска, в полном объеме покрывать расходы за причиненный населению ущерб со стороны виновных;

- Усилить ответственность за экологические правонарушения путем изменения по всем отраслям права;
- Запрашивать у добывающих компаний своевременное обновление парка используемого оборудования путем замены изношенных единиц;
- Обязать государственные органы требовать от отраслевых хозяйствующих субъектов применение современных технологий при добыче полезных ископаемых в Арктике.

Соответствующий федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" устанавливает, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, которые являются основой устойчивого развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации¹.

В соответствии с действующими законодательными актами, по отношению к нарушителям следует применять строгие меры, виновники подобных экологических катастроф должны строго наказываться, лишаться лицензий, подвергаться штрафным санкциям, как организации, так и виновные должностные лица. В Арктических субъектах страны санкции необходимо внедрять оперативно. Государству совместно с отраслевыми коммерческими организациями необходимо производить работы по восстановлению загрязненных территорий. Сегодня на повестке дня остро стоит вопрос о принятии Экологического кодекса Российской Федерации. Данный кодификационный акт будет регулировать отраслевые вопросы.

1. Несмотря на вышесказанные проблемы, следует отметить, что Президентом Российской Федерации принимаются большие усилия для охраны уникальной природы Арктики. Был принят соответствующий Указ Президента "О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года"², в котором государство обязано обеспечить благоприятные условия проживания населения в Арктическом регионе России[1]. Вместе с тем данный Указ Президента Российской Федерации координирует широкий круг проблем по использованию земельных ресурсов Российской Федерации в зоне Арктики на десятилетний период и позволяет их рациональное использование, охрану природы и биоразнообразия региона.

Следует отметить, что следующий фактор, часто не принимающийся во внимание при охране экологического состояния природы[4]. Контроль за экологическим состоянием Арктической зоны со стороны федеральных властей затрудняется из-за огромной площади России. Несмотря на высокую гражданскую активность, муниципальные органы государственной власти часто не принимают профилактические меры для предотвращения экологических аварий, что характерно не только для России, но и для ряда других стран.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Российская Федерация охватывает территориальные воды, внутренние водные объекты, воздушное пространство и территории субъектов Федерации. В стране ключевым параметром является верховенство закона, поэтому ответственность за экологические аварии должны нести государственные органы, должностные лица и коммерческие предприятия. Добывающие предприятия и должностные лица, виновные в экологической катастрофе, должны быть привлечены к ответственности по всей строгости закона, предусмотренного нормативно-правовыми актами, согласно УК РФ, КоАП РФ, ТК РФ и ГК РФ[1].

2. Относительно уровня жизни и экономического благосостояния коренного населения Арктики в соответствии с прогнозами специалистов экономика России обладает достаточными резервами для их роста в широком спектре направлений, также существует определенный задел для увеличения благосостояния граждан Российской Федерации. Для этого следует реализовать в субъектах Арктики внутреннюю политику государства, направленную, прежде всего на трудоустройство коренных жителей в производственных предприятиях, задействованных по добыче полезных ископаемых. Данная мера также будет способствовать решению экологических проблем. При активном внедрении в практику указанных решений, темпы урбанизации могут снизиться, а местные сырьевые компании в своей деятельности будут придерживаться норм закона Российской Федерации. Коренные жители никуда не уедут, как показала практика во время СВО.

В России целесообразно создание и развитие циркумполярной (арктической) цивилизации нового типа. Исторически носителями ее являются коренные жители Арктики, в течение многих веков адаптировавшие систему ведения хозяйства к суровому климату. На территории России необходимо поддержать, развивать культуру и образ жизни коренных народов Севера для сохранения арктического мира. Для бурного развития России в Арктическом регионе следует подготовить высококвалифицированных специалистов из числа местных работников. Девять субъектов Арктики обязаны сотрудничать во благо развития региона по многим направлениям, например, по ключевым областям — экономической, социальной для улучшения уровня жизни местного населения.

Необходимо подчеркнуть, что гарантия трудовых и социальных отношений между работником и работодателем должна обеспечиваться на масштабе страны и, соответственно, в Трудовом и Налоговом кодексах нужно внести изменения, а именно ряд смягчающих обстоятельств по отношению трудящихся. Нельзя забывать и придерживаться норм ответственности по отношению ко всем отраслям права, согласно международным нормам, иначе существует угроза потери данного уязвимого региона. Для хозяйствующих субъектов, которые функционируют на территории Арктики, целесообразна разработка специальной системы более мягкого налогообложения, освободив население Арктики от части налогов. Целесообразно поддерживать приезжих молодых специалистов в социальном и экономическом плане на всей территории Арктики. На предприятиях треть рабочих мест рекомендуется выделять местным кадрам для развития социума в стране. Власти должны обеспечивать высокий показатель жизни жителей региона, оказывая поддержку в развитии малого и среднего бизнеса. Коренные жители являются эффективным капи-

¹ Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ "Об охране окружающей среды"// Собрание законодательства РФ, 14.01.2002, N 2, ст. 133.

² Указ Президента РФ от 26.10.2020 N 645 (ред. от 27.02.2023) "О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года"// Собрание законодательства РФ, 02.11.2020, N 44, ст. 6970.

таповложением для успешного развития Арктики. Курсы повышения квалификации рекомендуется проводить в ведущих корпорациях мира на регулярной основе, при необходимости следует проводить курсы по восстановлению здоровья в ведущих мировых лечебных учреждениях. Данное обстоятельство послужит стимулом для постоянного проживания жителей Арктики и развития сурового региона. Практикующийся вахтовый метод не дает ожидаемого эффекта для успешного развития экономики Арктики. Сегодня самой большой проблемой остается массовый отток населения, молодежь предпочитает трудиться в благополучных субъектах страны и крупных городах.

На Арктической территории трудовая и организационная деятельность человека и отраслевых компаний различается по сравнению с центральной частью России, имеющей особенности по отношению к субъектам права, и следует дальше изучить на основании специфических обстоятельств. Поэтому трудовые, экономические и социальные отношения играют большую роль для слаженной и коллективной работы всех субъектов правоотношений. Госпредприятия, работающие в сфере извлечения и переработки сырьевых ресурсов, должны в первую очередь трудоустроить коренных жителей Арктики на местах. Основной проблемой является то, что у местного трудоспособного населения не всегда удается найти работу по своей профессии с достойной заработной платой. Особенно сложно с трудоустройством молодежи, не освоившей новые технологии и навыки профессии. Государственным органам необходимо плотно заняться урегулированием на федеральном уровне проблемы трудоустройства коренных жителей Арктики. Именно они являются хранителями Арктической зоны с ее неповторимой природой. Чтобы быстро получить результаты в Арктике необходимо быстрыми темпами развивать предпринимательскую деятельность на инновационной основе. Для этого следует внести поправки в законодательные акты относительно деятельности предпринимателей при правовом урегулировании малого и среднего бизнеса.

В Арктике России необходимо уделять большее внимание предпринимательской деятельности в связке с народным промыслом:

- Осуществлением деятельности по охоте, рыболовству и оленеводству;
- Производством шкур пушных зверей, оленей и других животных;
- Сбором и переработкой лесных ягод и лекарственных растений;
- Изготовлением национальной одежды и обуви;
- Созданием сувениров из кожи и костей животных в национальном стиле;
- Изготовлением ювелирных изделий, предметов для домашнего обихода и прочих товаров.

Предпринимателям трудно реализовать свою продукцию на рынке и получать прибыль. Крупные коммерческие организации и государство обязаны оказывать поддержку начинающим предпринимателям, предоставлять помощь при производстве местного производства. Соответственно государство обязано предоставлять льготное страхование сроком до 5 лет, предоставлять налоговые льготы и доступное кредитование под два процента субъектам малого и среднего бизнеса.

Многие корпорации, функционирующие в сырьевой сфере, стараются продиктовать свои условия при освоении арктических территорий[5]. Отраслевые компании через своих представителей в законодательной власти России противодействуют принятию нормативно-правовых актов. Властным структурам следует обязывать отраслевых компании переходить к безотходному производству при добыче полезных ископаемых на базе современных технологий и в последующем применить основанных на возобновляемых источниках энергии.

Таким образом, результаты исследований позволили сделать следующие основные выводы:

- Необходимо принять закон, регламентирующий хозяйственную деятельность в Арктической зоне Российской Федерации;
- Следует активно сотрудничать с ведущими зарубежными фирмами, обладающими современными технологиями и оборудованием, перенимая передовой опыт и решая социальные проблемы. Современные технологии и оборудование позволят оптимизировать добычу углеводородного сырья в труднодоступной шельфовой зоне;
- Широко применять возобновляемые источники энергии и малоотходные технологии;
- Взаимодействовать с ведущими морскими державами для развития Северного морского пути;
- Решать правовые аспекты охраны природной среды региона.

Библиография:

1. Баттахов П. П. Защита окружающей среды при добыче полезных ископаемых в Арктике: правовые аспекты // Теоретическая и прикладная экология. – 2023. – № 1. – С. 179-185. – DOI 10.25750/1995-4301-2023-1-179-185.
2. Савенков А. Н. Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 22-42.
3. Жудро И. С. Исторические основания прав России в Арктике // Актуальные проблемы теории и практики морского права: Сборник научных докладов и тезисов, Владивосток, 22–23 апреля 2021 года. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2021. – С. 69-74.
4. Бринчук М. М. Экологическое образование и просвещение в Арктической зоне Российской Федерации: правовой аспект / М. М. Бринчук, Ю. А. Касрова // Астраханский вестник экологического образования. – 2023. – № 1(73). – С. 148-156.
5. Будникова, Ю. Е. Особенности использования земель Арктической зоны РФ: правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 184-186.

References:

1. Battakhov P.P. Environmental protection in mining in the Arctic: legal aspects//Theoretical and applied ecology. – 2023. – № 1. - S. 179-185. – DOI 10.25750/1995-4301-2023-1-179-185.
2. Savenkov A.N. Arctic: legal support for sustainable development and cooperation//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2018. - T. 13, NO. 1. - S. 22-42.
3. Zhudro I. S. Historical foundations of Russia's rights in the Arctic//Actual problems of the theory and practice of the law of the sea: Collection of scientific reports and theses, Vladivostok, April 22-23, 2021. - Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2021. - S. 69-74.
4. Brinchuk M. M. Environmental education and education in the Arctic zone of the Russian Federation: legal aspect/M. M. Brinchuk, Yu. A. Kasrova//Astrakhan Bulletin of Environmental Education. – 2023. – № 1(73). - S. 148-156.
5. Budnikova, Yu. E. Features of the use of land in the Arctic zone of the Russian Federation: legal aspects//Law and state: theory and practice. – 2023. – № 8(224). - S. 184-186.

ФУНКЦИИ СТРАХОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ National security insurance functions

ОВЧИННИКОВА Юлия Сергеевна,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: domosedka@mail.ru;

OVCHINNIKOVA Yulia Sergeevna,

Candidate of Legal Sciences, Researcher in the Civil and Entrepreneurial Law Sector
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.

E-mail: domosedka@mail.ru

Краткая аннотация. Институт страхования может служить одной из мер по обеспечению национальной безопасности (прежде всего обороноспособности страны). В статье выделена специфика правоотношений в рамках государственного оборонного заказа, уделено внимание вопросам защиты имущественных интересов исполнителей в данной системе обязательств, проанализированы страховые риски. Исходя из этого отмечены проблемы реализации функций страхования при обеспечении национальной безопасности, а также проанализированы виды имущественного страхования, которые могут быть применимы к системе обязательств государственного оборонного заказа. Сделан вывод о том, что одним из способов решения указанных проблем является создание системы страхования имущественных интересов участников государственного оборонного заказа.

Abstract: The insurance institute can serve as one of the measures to ensure national security (primarily the country's defense capability). The article highlights the specifics of legal relations within the framework of the state defense order, pays attention to the issues of protecting the property interests of performers in this system of obligations, analyzes insurance risks. Based on this, the problems of implementing insurance functions in ensuring national security are noted, and the types of property insurance that can be applied to the system of obligations of the state defense order are analyzed. It is concluded that one of the ways to solve these problems is to create a system of insurance of property interests of participants in the state defense order.

Ключевые слова: национальная безопасность, имущественный интерес, правоотношение, система обязательств, государственный оборонный заказ, страхование.

Keywords: national security, property interest, legal relationship, system of obligations, state defense order, insurance.

Для цитирования: Овчинникова Ю.С. Функции страхования в обеспечении национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 311-314. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_311.

For citation: Ovchinnikova Yu.S. National security insurance functions // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 311-314. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_311.

Статья поступила в редакцию: 29.04.2024

Введение

На настоящий момент особенно актуальными представляются вопросы национальной безопасности – ввиду усиления внешних и внутренних угроз суверенитету РФ и в целом национальным приоритетам¹ и духовным-нравственным ценностям России.² В связи с этим особое значение на настоящий момент имеют меры по обеспечению национальной безопасности РФ, которые по содержанию могут быть социально-экономического, правового, информационного, военного и иного характера, направлены на противодействие различным угрозам национальной безопасности и могут быть реализованы во взаимодействии публичной власти, организаций и общества[1]. Комплекс мер по обеспечению национальной безопасности направлен на решение определенных задач в рамках национальных приоритетов. При этом национальные приоритеты РФ относятся к различным областям деятельности государства, личности и общества – речь идет о сбережении российского народа, защите традиционных духовно-нравственных ценностей, обороне страны, экологической и экономической безопасности[2] и т. д.

В связи с этим можно говорить не только о сфере частного, публичного интереса, но и об особых национальных интересах российского народа в целом, которые выражены в данных приоритетах, исходя из которых и строится система обеспечения национальной безопасности и решаются соответствующие задачи.

Вне всякого сомнения, на данный момент одним из безусловных национальных приоритетов является оборона страны. В связи с этим представляется целесообразным в рамках данной темы уделить особое внимание некоторым мерам по обеспечению национальной безопасности, (прежде всего обороноспособности страны), более конкретно речь идет об институте страхования.

Исторически система страхования складывалась как аккумуляция денежных средств для дальнейшего их использования при наступлении разного рода неблагоприятных событий (смерть, болезнь, различного рода имущественные потери). На настоящий момент данный институт играет достаточно важную роль не только в социально-экономическом развитии РФ, но и в достижении национальной безопасности. Это связано с особыми функциями данного института в экономике России, основными из которых являются компенсационная, восстановительная, обеспечительная и социальная[3]. При этом речь будет идти в основном о восстановительной и социальной функции. При этом первая из них (восстановительная) проявляется в имущественном страховании и заключается в нейтрализации негативных имущественных последствий страховых случаев. Социальная функция проявляется как при реализации института обязательного социального страхования, так и в связи с реше-

¹ См. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности РФ»//СЗ РФ от 05. 07. 2021.№ 27. Ст. 5351.

² См. Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809 //СЗ РФ от 14 ноября 2022г. №46 ст.7977.

нием с помощью института страхования социальных задач, которые стоят перед обществом и государством.

Для решения задач в рамках национальных приоритетов (речь идти будет прежде всего об обороне страны) каждая из этих функций имеет большое значение, о чем будет сказано далее.

В настоящий момент успешная реализация функций института страхования является одним из способов не только стабилизации экономического оборота, но и, как уже упоминалось, достижения цели национальной безопасности (в том числе, обороноспособности России).

В связи с вышеизложенным необходимым представляется анализ различных видов имущественного страхования – в аспекте функций данного института для обеспечения обороноспособности РФ.

Функции страхования и система обязательств государственного оборонного заказа.

Реализация функций страхования зависит от специфики обязательств государственного оборонного заказа, которая будет проанализирована в данном параграфе.

Прежде всего необходимо отметить, что правоотношения по исполнению государственного оборонного заказа имеют публично-правовую [4] и частноправовую составляющие[5] и представляют собой систему обязательств, направленных на исполнение государственного задания. При этом государственный оборонный заказ (ст. 3 ФЗ «О государственном оборонном заказе»¹) по своей правовой природе является государственным заданием, которое имеет целью обеспечение безопасности Российской Федерации, а также поставку военно-технической продукции для иностранных государств (в соответствии с исполнением международных договоров)[6].

В рамках обязательств государственного оборонного заказа осуществляются действия различного содержания, например, - создание и модернизация вооружения, реконструкция и перевооружение военных объектов, ремонтные работы, поставка продукции с целью пополнения государственного материального резерва и т. п. При этом необходимо отметить, что в процессе исполнения государственного оборонного заказа нередко создается продукция, которая может быть признана результатом научно-технической деятельности (при условии присутствия определенных в законодательстве признаков, а именно, наличие новых знаний или решений и формальное закрепление на каком-либо информационном носителе).

Особенностью системы обязательств в рамках государственного оборонного заказа является обязательное применение при расчетах особого режима отдельного банковского счета (при этом законодательно закрепляются различные ограничения при списании денежных средств и запрет на совершение ряда банковских операций). Выбор уполномоченного банка относится к компетенции головного исполнителя.

Кроме того, к специфике данных правоотношений относится обязательность соблюдения всеми его участниками режима государственной тайны. Сведения в сфере обороны – одна из категорий информации, которая относится к государственной тайне. Как известно, содержание государственной тайны составляет информация (сведения), находящиеся под особой защитой государства, поскольку их распространение несет угрозу нанесения ущерба безопасности РФ². Данная специфика связана, в частности с тем, что носители сведений, составляющие государственную тайну (в том числе, материальные объекты) задействованы при исполнении государственного оборонного заказа.

К особенностям данных правоотношений относится также императивно установленные законодательством правила формирования цены на продукцию. Речь идет о процессе формирования окончательной цены. Так, что касается формирования цены по заключенным государственным контрактам, то данный процесс осуществляется в порядке, который установлен Правительством РФ.³ Соответственно, при размещении государственного оборонного заказа государственным заказчиком должна быть сформирована начальная цена государственного контракта. При этом окончательную цену утверждает государственный заказчик при наличии экономического обоснования.

Наконец, к специфике государственного оборонного заказа относится государственное бронирование, которое применяется по отношению к наиболее важным материально-техническим ресурсам и представляет собой обязательные поставки продукции. Что касается субъектного состава, то государственное бронирование касается всех участников обязательств по государственному оборонному заказу. Данная императивная мера связана с имеющимися рисками нарушения поставок наиболее важных для исполнения государственного задания материально-технических ресурсов продукции или отсутствием возможности заключения соответствующих государственных контрактов. При этом об обязательности соответствующих поставок информируются участники государственного оборонного заказа.⁴

Можно сделать вывод, что правоотношения в системе государственного оборонного заказа характеризуют следующие черты- во-первых, присутствие в правовом регулировании значительного компонента публично-правового характера, во-вторых, необходимость соблюдения государственной тайны и, наконец, особые способы формирования цены и сроков и других существенных условий обязательств[7]. Названная специфика создает необходимость особых подходов к вопросам имущественного страхования в данной сфере.

В связи с вышеизложенным можно выделить специфические страховые риски, которые возникают при исполнении государственного оборонного заказа. Прежде всего речь идет об утрате, повреждении или гибели разного рода имущества, которое используется или производится при исполнении государственного задания. В этой сфере одним из распространенных видов страховых правоотношений является страхование строительно-монтажных рисков. Речь идет о страховой защите от рисков, которые свойственны строительной деятельности, осуществляемой в системе государственного оборонного заказа (например, строительство военных объектов).

¹ См. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». Собрание законодательства РФ от 31 декабря 2012 г. № 53(4.1) ст. 7600

² См. ст. 2 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» Российская газета от 21 сентября 1993 № 182.

³ См. Постановление Правительства РФ № 1465 от 02.12.2017 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ».

⁴ См. Постановление Правительства РФ от 29.07.2013 № 639 (ред. от 22.02.2023) «Об утверждении Правил установления квот обязательных поставок (государственное бронирование) важнейших видов материально-технических ресурсов и формирования их перечня и объема».

В целом заключение договоров страхования строительно-монтажных рисков в рамках государственного оборонного заказа преследует две цели – во-первых[8], это страховая защита от негативных событий, которые потенциально могут возникнуть при осуществлении строительной деятельности и, во-вторых, обеспечение исполнения государственного задания.

В качестве предмета договора страхования строительно-монтажных рисков с целью исполнения государственного оборонного заказа выступают страховые услуги, предоставляемые в связи с наличием рисков при осуществлении строительной деятельности. При этом подразумеваются риски, которые названы в ст. 742 ГК РФ, а именно, - случайного повреждения или гибели имущества и наступления гражданско-правовой ответственности за причинение вреда (третьим лицам).

В данном случае застрахованным имуществом является как объект строительства[9], так и имущество, которое используется при исполнении договоров строительного подряда в рамках государственного оборонного заказа – речь идет о строительном оборудовании, механизмах, средствах монтажа и т. д. Страхование строительно-монтажных рисков (как в целом, так и в системе обязательств государственного оборонного заказа) представляет собой разновидность страхования комплексного характера, поскольку включает в свой предмет несколько видов страхования (по классификации, установленной в ГК РФ)–страхование имущества (ст.930 ГК РФ) и страхование ответственности за причинение вреда (ст.931 ГК РФ)).

Данным страховым правоотношениям характерны следующие страховые случаи – во-первых, вызванные теми или иными природными явлениями, во-вторых, связанные с различного рода ошибками лиц, которые осуществляют строительство, и, наконец, являющиеся результатом противоправных действий третьих лиц.

Необходимо отметить, что комплексный характер страхования имущественных интересов при осуществлении строительства (как в целом, так и при исполнении государственного оборонного заказа) связан со спецификой данной деятельности. Дело в том, что строительство относится к деятельности, которая создает повышенную опасность для окружающих (ст.1079 ГК РФ), одним словом, несет в себе риски как гибели (порчи) имущества, которое используется в строительстве, так и наступления ответственности за причинение вреда третьим лицам. Данные риски присущи строительной деятельности как таковой и зачастую взаимосвязаны. Именно благодаря комплексному характеру страхования строительно-монтажных рисков, при заключении соответствующей страховой сделки в рамках государственного оборонного заказа, может быть реализована *восстановительная функция страхования*.

Помимо вышесказанного весьма важным для рассматриваемых правоотношений представляется страхование ответственности по договору (ст.932 ГК РФ). Это связано с тем, что при исполнении государственного оборонного заказа нередко возникают споры относительно формирования окончательной цены.

Так, например, в некоторых случаях затраты исполнителей признаются недостаточно обоснованными (при утверждении государственным заказчиком)¹. Дело в том, что, в договоре непосредственно с исполнителем обозначается только приблизительная цена, которая далее должна быть обоснована (головным исполнителем), рассмотрена и утверждена государственным заказчиком. С одной стороны, данный способ формирования окончательной цены вызван необходимостью целевого использования бюджетных денежных средств, а, с другой стороны, вследствие данной специфики нередко имущественные интересы исполнителей оказываются незащищенными из-за невозможности получения оплаты в том объеме и в тот срок, которые предусмотрены в договоре непосредственно с исполнителем. В связи с этим представляется целесообразным страхование имущественных интересов исполнителей в рамках системы обязательств государственного оборонного заказа. Однако в соответствии со ст.932 страхование ответственности в связи с нарушением договорных обязательств применимо только в случаях, указанных в законе, вместе с тем относительно системы договоров государственного оборонного заказа такая возможность законодательно не предусмотрена.

Особенностью реализации страховых правоотношений в системе гособоронзаказа является распространение на них (как и на правоотношения по выполнению государственного оборонного заказа в целом) правового режима государственной тайны. В связи с этим целесообразным представляется остановиться на вопросе о соотношении правовых режимов тайны страхования и государственной тайны.

Так, в качестве содержания государственной тайны выступают сведения (информация), при распространении которой может быть нанесен ущерб национальной безопасности РФ. При этом под режимом секретности понимается совокупность мер (правовых, организационных, технических), которые направлены на защиту данных сведений[10]. Вместе с тем тайна страхования представляет собой правоотношение, в котором страховщик в силу закона (ст. 946 ГК РФ) обязан не распространять сведения (информацию), которая стала известна ему в связи с предоставлением страховой услуги.

Данная обязанность страховщика сохраняется и после заключения договора страхования, и по содержанию относится ко всем сведениям, которые получены последним в силу заключения страховой сделки (в том числе, о состоянии здоровья, имущественном положении страхователя).

Однако дело в том, что данные сведения обязан сохранять в тайне (т. е. не распространять) именно страховщик, т. е. субъектами тайны страхования являются страховщик – с одной стороны и, соответственно, страхователь (выгодоприобретатель) или застрахованное лицо - с другой стороны. Однако страховщиком, как известно, являются организации-юридические лица, а именно, общества взаимного страхования или страховые организации. Проблема состоит в том, что страховая услуга предоставляется конкретными лицами, которые представляют страховщика (в большинстве случаев на основе трудового договора), и при заключении соответствующего договора страхования (в рамках государ-

¹ См. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 11 июня 2021 года по делу № А 40-183/2021

ственного оборонного заказа) потенциально могут стать обладателями информации, относящейся к государственной тайне.

Данная проблема может быть решена двумя путями - во-первых, посредством создания обществ взаимного страхования и, во-вторых, путем создания особой системы по страхованию имущественных интересов участников государственного оборонного заказа.

Так, как известно, в 2021 году на базе Государственной корпорации «Ростех» было создано Общество взаимного страхования по страхованию имущественных интересов его участников (в том числе, исполнителей государственного оборонного заказа). Вне всякого сомнения, создание подобных обществ взаимного страхования могло бы в целом оказать положительный эффект с позиции защиты имущественных интересов участников государственного оборонного заказа. Однако при этом необходимо отметить, что в организационном плане создание общества взаимного страхования более целесообразно для членов государственных корпораций или других юридических лиц. Вместе с тем исполнители государственного оборонного заказа зачастую не связаны между собой организационно.

В связи с этим более приемлемым представляется создание государственной системы страхования имущественных интересов участников государственного оборонного заказа. Особенности данной системы могут быть следующие. Во-первых, для аккумуляции денежных средств должен быть на основе закона создан особый Фонд. Во-вторых, страхователями могут быть организации оборонно-промышленного комплекса. Наконец, страхованию должны подлежать прежде всего имущественные интересы участников государственного оборонного заказа в связи с рисками гибели или порчи имущества (страхование имущества), а также рисками неисполнения соответствующего договора (страхование ответственности по договору).

Заключение

1. Успешная реализация функций института страхования (в частности, социальной и восстановительной) является одним из способов достижения цели национальной безопасности (в том числе, обороноспособности России).

2. Правоотношения в системе государственного оборонного отличают следующие признаки: присутствие в правовом регулировании значительного компонента публично-правового характера, необходимость соблюдения государственной тайны, особые способы формирования цены и сроков обязательств и др. Данная специфика создает необходимость особых подходов к вопросам имущественного страхования в данной сфере.

3. Более успешной реализации функций страхования при обеспечении национальной безопасности может служить создание государственной системы страхования имущественных интересов участников государственного оборонного заказа.

Библиография:

1. Голубцов В.Г., Габов А.В., Слесарев В.П., Губин Е.П., Шерстобитов А.Е. Российская Федерация как субъект гражданского права. М.: Статут, 2021, 314 с.
2. Право и реальный сектор экономики России / Под ред. И. В. Ершовой, В. А. Лаптева. М.: Проспект, 2024. С. 116.
3. М. В. Кратенко, О. А. Луйк. Современная модель компенсационного страхования и перспективы ее воплощения в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 12.
4. Славинский П. П. Государственный финансовый контроль в сфере государственного оборонного заказа: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2019.
5. Беляева О. А. Кабытов П. П. Кузнецов В. И. Правовое регулирование государственного оборонного заказа: гражданско-правовые аспекты // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 61-72.
6. Андреева Л. В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 236.
7. Лебедь К.А. Основания возникновения гражданских прав и обязанностей: судебные акты // Материалы Международной научно-практической конференции «Защита гражданских и семейных прав: возвращение к истокам». М.: Институт государства и права РАН, 2022.
8. Баттахов П. П. Признаки предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2012. № 11(297). С. 73-77.
9. Занковский С.С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства: Дисс. ... доктор. юрид. наук. М., 2004. С. 24.
10. Баттахов П. П. Служебные результаты интеллектуальной деятельности по законодательству Российской Федерации: специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право": автореф. дисс. ... на соиск. канд. юрид. наук. М., 2010. 29 с.

References:

1. Golubtsov V.G., Gabov A.V., Slesarev V.P., Gubin E.P., Sherstobitov A.E. Russian Federation as a subject of civil law Moscow: Statute, 2021, 314 pp.
2. Law and the real sector of the Russian economy//Ed. I.V. Ershova, V.A. Lapteva. M: Prospect, 2024. S.116.
3. M.V. Kratenko, O.A. Luik. The modern model of compensation insurance and the prospects for its implementation in Russian law//Bulletin of Perm University. Legal Sciences, 2020, No. 4.S.12.
4. Slavinsky P.P. State financial control in the field of state defense order: Author. diss. cand. jurid. sciences. M., 2019.
5. Belyaeva O. A. Kabytov P.P. Kuznetsov V.I. Legal regulation of the state defense order: civil and administrative-legal aspects//Journal of Russian law. 2019. No. 9, S.61-72.
6. Andreeva L. V. Procurement of goods for federal state needs: legal regulation- M.: Wolters Kluver.2009. S. 236.
7. Lebed K.A. Grounds for the emergence of civil rights and obligations: judicial acts//Materials of the International Scientific and Practical Conference "Protection of Civil and Family Rights: Return to the Roots," Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2022
8. Battakhov P.P. Signs of entrepreneurial activity//Law and economics. – 2012. – № 11(297). - S. 73-77.
9. Zankovsky S.S. Business contracts in Russia. Problems of theory and legislation: Diss. doctor. jurid. sciences. M, 2004., S.24.
10. Battakhov P. P. Official results of intellectual activity under the legislation of the Russian Federation: specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; international private law ": abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2010. - 29 s.

ОТМЕНА ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ) CANCELLATION OF RESTRICTIONS ON THE EXERCISE OF RIGHTS AND PERFORMANCE OF DUTIES (ACTIVE CAPACITY OF CITIZEN) BY AN INDIVIDUAL (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

ЧУРСИНА Антонина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Красноярского государственного аграрного университета.
660017, Россия, г. Красноярск, ул. Ленина, 117.

ORCID: 0000-0002-9679-986X

E-mail: chursina1304@mail.ru;

CHURSINA Antonina Sergeevna,

senior lecturer of civil law and process sub-faculty
of the Krasnoyarsk State Agrarian University.
117, Lenin str., Krasnoyarsk, Russia, 660017.

ORCID: 0000-0002-9679-986X

E-mail: chursina1304@mail.ru

Краткая аннотация: В статье на основе законодательства Республики Беларусь, а также судебной практики рассматриваются некоторые аспекты отмены ограничения дееспособности гражданина. Отмечается, что полное восстановление дееспособности у лица признанного ограниченно дееспособным возможно только при полном и всестороннем рассмотрении судом, вопроса: 1. по п. 1 ст. 30 ГК РБ – о степени избавления от пристрастия к спиртным напиткам, наркотикам, психотропным веществам или их аналогам и, в связи с этим, прекращение тяжелого материального положения семьи такого гражданина; 2. по п. 2 ст. 30 ГК РБ – с учетом выводов судебно-психиатрической экспертизы, улучшения психического состояния и восстановления способности понимать значение своих действий или руководить ими самостоятельно.

Abstract. The article discusses some aspects of the abolition of restrictions on a citizen's legal capacity. For this purpose, the legislation of the Republic of Belarus and judicial practice have been studied. The author notes that full restoration of the legal capacity of a citizen recognized as having limited legal capacity is possible if the person has gotten rid of his addiction to alcoholic beverages, drugs, psychotropic substances or their analogues, and his family is not in a difficult financial situation. If legal capacity was limited on the basis of paragraph 2 of Article 30 of the Civil Code of Belarus, then the lifting of the restriction of legal capacity is carried out on the basis of the conclusion of a forensic psychiatric examination. The court takes into account the degree of improvement in the citizen's mental state, as well as the citizen's ability to independently understand the meaning of his actions or manage them.

Ключевые слова: дееспособность, злоупотребление спиртными напитками и наркотиками, антиобщественный образ жизни, ограничение, права, обязанности, семья, тяжелое материальное положение, отмена решения, суд, Республика Беларусь.

Key words: legal capacity, alcohol and drug abuse, antisocial lifestyle, restriction, rights, duties, family, difficult financial situation, cancellation of the decision, court, Republic of Belarus.

Для цитирования: Чурсина А.С. Отмена ограничения дееспособности физического лица (на примере Республики Беларусь) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 315-317. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_315.

For citation: Chursina A.S. Cancellation of restrictions on the exercise of rights and performance of duties (active capacity of citizen) by an individual (using the example of the Republic of Belarus) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 315-317. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_315.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2024

Дееспособность гражданина является ключевой правовой категорией, определяющей способность человека совершать юридически значимые действия самостоятельно. Чтобы быть полноценным субъектом права лицу необходимо быть правоспособным и дееспособным.

Действующее законодательство Беларуси допускает ограничить лицо в дееспособности при наличии оснований, предусмотренных ст. 30 Гражданского кодекса [1] (далее – ГК РБ):

1. если человек ведет антиобщественный образ жизни, а именно злоупотребляет спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами, при этом расходует свой доход (заработная плата, пособие, пенсия, стипендия, пособие и др.) на их приобретение или под их воздействием нерационально расходует денежные средства или отчуждает имущество [2], вследствие чего, его семья вынуждена содержать его за свой счет. То есть тяжелое материальное положение семьи является обязательным условием ограничения лица в дееспособности в контексте п. 1 ст. 30 ГК РБ. Как показывает медицинская статистика злоупотребление алкоголем хотя бы одним из супругов отнимает от 40 до 70% из бюджета семьи [3].

2. человек страдает психическим расстройством, при котором способность гражданина понимать смысл своих действий и контролировать их ограничена.

Ограниченно дееспособный гражданин лишается права совершать большую часть сделок без согласия попечителя: продавать, дарить, завещать, обменивать, покупать имущество. Кроме общих гражданско-правовых последствий ограничение судом дееспособности:

- исключает возможность такого лица, в ряде государств, стать усыновителем (например, Кыргызская Республика [4], [5], [6]);

- доверителя или доверенного лица прекращает действие доверенности согласно ст. 189 ГК РБ. Так, прекращение доверенности на основании решения суда о признании доверенного лица ограниченно дееспособным означает, что доверенность, выданная данному лицу, теряет

свою юридическую силу. В таком случае доверенное лицо, не будучи способным осуществлять юридически значимые действия, не может действовать от имени доверителя и принимать решения по его поручению;

- исключает возможность быть трудовым арбитром [7] и другое.

Однако, такое лицо вправе самостоятельно совершать сделки, предусмотренные п. 1 и п. 2 ст. 30 ГК РБ. Так же независимо от того, что ограниченно дееспособный не обладает полной дееспособностью, он может стать наследодателем по закону [8], его, как и любого другого гражданина, можно признать безвестно отсутствующим или объявить умершим.

В соответствии с ГК РБ ограничение дееспособности не является пожизненным правовым состоянием.

В 2004 г. Верховный суд РБ дал разъяснения о практике применения норм об ограничении у лица дееспособности [9] (далее – Пленум № 13). Как следует из п. 3 и п. 4. ст. 30 ГК РБ, п. 13 Пленума № 13 решение об ограничении дееспособности может быть отменено судом. Такое решение суд принимает, если основания, в силу которых гражданин был ограничен в дееспособности, отпали.

То есть по основанию, предусмотренному п. 1. ст. 30 ГК РБ, в предмет доказывания входит наличие факта отпадения обстоятельств, послуживших основанием для такого ограничения, причем, в их совокупности: прекращение злоупотребления спиртными напитками, расходование на их приобретение (употребление) своих денежных средств, постановка, в связи с этим своей семьи в тяжелое материальное положение, а по основанию п. 2 ст. 30 ГК РБ – улучшение психического состояния.

Ограничение дееспособности отменяется судом также и в случаях, когда семья лица, признанного ограниченно дееспособным, перестала существовать (например, в связи со смертью, разделением семьи) и, следовательно, отпала обязанность этого лица предоставлять средства на ее содержание.

Суд выясняет эти обстоятельства на основании представленных доказательств: справки медицинского учреждения о прохождении лечения от алкоголизма или наркомании, характеристики с места жительства (работы), свидетельских показаний и т.п.

Решение об ограничении дееспособности гражданина отменяется судом в соответствии с установленными § 4 гл. 30 Гражданского процессуального кодекса [10] (далее – ГПК РБ) нормами.

С заявлением об отмене решения суда, в силу ст. 376 ГПК РБ, если основанием ограничения дееспособности являлось ведение лицом антиобщественного образа жизни (п. 1 ст. 30 ГК РБ), может обратиться ограниченно дееспособное лицо самостоятельно, его попечитель, а также члены семьи, прокурор, орган опеки и попечительства, общественные объединения. Если основанием являлось психическое расстройство (заболевание) (п. 2 ст. 30 ГК РБ), то заявителями являются попечитель, члены семьи (при их отсутствии – близкие родственники), прокурор, орган опеки и попечительства, психиатрическая (психоневрологическая) организация.

Верховный суд РБ в Пленуме № 13 в п. 7 уточнил, что к членам семьи относятся: дети и родители, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки, а также другие родственники, супруг (супруга), нетрудоспособные иждивенцы [11] и иные лица, которые проживают совместно с ограниченно дееспособным гражданином, в отношении которого ставится вопрос об отмене ограничения дееспособности, и ведут с ним общее хозяйство.

Приведем пример из судебной практики. Так, решением суда Дрибинского района от 16.05.2023 г. отменено принятое в октябре 2018 г. ограничение дееспособности Р., поскольку послужившие для этого основания отпали [12].

Из материалов дела следовало, что Р. изменила свое поведение, спиртные напитки не употребляет, занимается воспитанием несовершеннолетних детей. Р. трудоустроена, но находится в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. По месту работы характеризуется с положительной стороны. Согласно справке группы по расчетно-паспортному обслуживанию, задолженность за жилищно-коммунальные услуги отсутствует.

В судебном заседании представитель органа опеки и попечительства Д. пояснила, что Р. состоит на учете у врача-нарколога. С 22.11.2022 г. на приемы является регулярно, выглядит всегда опрятно, запах алкоголя отсутствует. По сообщению фельдшера Т., Р. в употреблении спиртных напитков замечена не была.

Представитель отдела по образованию Д. райисполкома П. пояснила, что исполнение решения о признании несовершеннолетних детей Р. находящимися в социально опасном положении было прекращено, мать ведет здоровый образ, спиртные напитки не употребляет, несовершеннолетние М., М., Р. не находятся в тяжелом материальном положении.

Из сведений Единого государственного банка данных о правонарушениях усматривается, что Р. к административной ответственности за совершение административных правонарушений, в том числе, в состоянии алкогольного опьянения, за 2022 г. и текущий период 2023 г. не привлекалась, как и не освобождалась от административной ответственности с вынесением предупреждения.

Свидетель К. (заместитель председателя КДН Д. райисполкома) в судебном заседании показала, что Р. изменила свое поведение, в ходе проводимых проверок в употреблении спиртных напитков замечена не была.

Свидетели Б. (воспитатель ГУО Т.) и Я. (учитель ГУО Т.) в судебном заседании показали, что несовершеннолетние дети посещают учреждение образования регулярно, всегда опрятные, имеют все необходимое для обучения. Р. принимает участие во всех родительских собраниях, воспитательных мероприятиях, на все замечания реагирует своевременно. В употреблении спиртных напитков замечена не была, задолженности по оплате за питание не имеется. По месту жительства детей также созданы все условия для их проживания и развития.

В соответствии с характеристиками по месту жительства и в административном порядке, Р. зарекомендовала себя удовлетворительно, в употреблении спиртных напитков не замечена, на профилактических учетах в Д. РОВД не состоит, что также подтверждается показаниями

свидетелей: участкового инспектора Д. РОВД С. и председателя Михеевского сельского исполнительного комитета Д.

По другому делу суд заявление об отмене ограничения дееспособности оставил без удовлетворения, так как основания, в силу которых гражданин был ограничен в дееспособности, не отпали. А. по-прежнему злоупотреблял спиртными напитками, врача-нарколога самостоятельно не посещал, какого-либо противоалкогольного лечения не проходил, несмотря на то что состоит на учете у врача-нарколога с диагнозом: синдром алкогольной зависимости, активное употребление; совершал административные правонарушения в состоянии алкогольного опьянения, в том числе периодически устраивал скандалы с матерью. Доказательств того, что А. не находился на иждивении матери суду представлено не было, так как последний длительный период времени официально не был трудоустроен, как следовало из пояснений А. его доход практически в два раза меньше пенсии матери, которая приобретала продукты питания, расходовала денежные средства для решения жилищно-бытовых вопросов, что свидетельствовало о том, что он находится на содержании престарелой матери с которой проживает [13].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что полное восстановление дееспособности позволяет гражданину быть действительным субъектом права, он приобретает весь объем прав и обязанностей. Основанием для отмены ограничения дееспособности лица может являться сложный юридический состав, включающий в себя прекращение асоциального образа жизни и прекращение тяжелого материального положения в связи с этим семьи такого гражданина, а также улучшение психического состояния и восстановление способности понимать значение своих действий или руководить ими самостоятельно.

Библиография:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.01.2024) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 19.03.2024)
2. Голуб Е.И. Тяжелое материальное положение семьи как обязательное условие ограничения лица в дееспособности в контексте части 1 статьи 30 ГК РФ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyazheloe-materialnoe-polozhenie-semi-kak-obязatelnoe-uslovie-ogranicheniya-litsa-v-deesposobnosti-v-kontekste-chasti-1-stati-30-gk-ru> (дата обращения: 19.03.2024)
3. Новополоцкий городской исполнительный комитет [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.novopolotsk.by/images/stories/cgie/%D0%90%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC.pdf> (дата обращения: 19.03.2024)
4. Чурсина А.С. Международное усыновление детей: опыт Кыргызской Республики. Часть 1 // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3 (183). С. 6-8. EDN: QUNUOJ
5. Чурсина А.С. Международное усыновление детей: опыт Кыргызской Республики. Часть 2 (продолжение) // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184). С. 6-7. EDN: UVGCBK
6. Кодекс Кыргызской Республики от 10.07.2012 № 100 «Кодекс Кыргызской Республики о детях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.08.2020) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415065 (дата обращения: 19.03.2024)
7. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 № 296-З [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 19.03.2024)
8. Чурсина А.С. К вопросу о правовой природе срока принятия наследства в Казахстане // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 6-8. EDN: RMHHBV
9. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16.12.2004 № 13 «О практике рассмотрения судами дел о признании гражданина ограниченно дееспособным, или недееспособным, а также о признании гражданина дееспособным либо об отмене ограничения дееспособности» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.09.2021) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415065 (дата обращения: 19.03.2024)
10. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 1.01.1999 № 238-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2023) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 19.03.2024)
11. Чурсина А.С. Установление факта нахождения на иждивении по законодательству Республики Казахстан: правовые последствия // Аграрное и земельное право. 2020. № 4 (184). С. 4-5. EDN: UTEWEQ
12. Решение суда Дрибинского района от 16.05.2023 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://etalonline.by> (дата обращения: 19.03.2024)
13. Решение суда Крупского района Минской области от 07.04.2022 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://etalonline.by> (дата обращения: 19.03.2024)

References:

1. Civil Code of the Republic of Belarus dated December 7, 1998 No. 218-Z (with amendments and additions as of January 5, 2024) [Electronic resource]. - Access mode: <https://online.zakon.kz> (accessed: 19.03.2024)
2. Golub E.I. The difficult financial situation of the family as a prerequisite for limiting a person's legal capacity in the context of part 1 of Article 30 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyazheloe-materialnoe-polozhenie-semi-kak-obязatelnoe-uslovie-ogranicheniya-litsa-v-deesposobnosti-v-kontekste-chasti-1-stati-30-gk-ru> (accessed: 19.03.2024)
3. Novopolotsk City Executive Committee [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.novopolotsk.by/images/stories/cgie/%D0%90%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC.pdf> (accessed: 19.03.2024)
4. Chursina A.S. International adoption of children: experience of the Kyrgyz Republic. Part 1 // Law and state: theory and practice. 2020. No. 3 (183). pp. 6-8. EDN: QUNUOJ
5. Chursina A.S. International adoption of children: experience of the Kyrgyz Republic. Part 2 (continued) // Law and state: theory and practice. 2020. No. 4 (184). pp. 6-7. EDN: UVGCBK
6. Code of the Kyrgyz Republic dated July 10, 2012 No. 100 "Code of the Kyrgyz Republic on Children" (with amendments and additions as of August 1, 2020) [Electronic resource]. - Access mode: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415065 (accessed: 19.03.2024)
7. Labor Code of the Republic of Belarus dated July 26, 1999 No. 296-Z [Electronic resource]. - Access mode: <https://online.zakon.kz> (accessed: 19.03.2024)
8. Chursina A.S. On the issue of the legal nature of the period for accepting an inheritance in Kazakhstan // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 2 (206). pp. 6-8. EDN: RMHHBV
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus dated December 16, 2004 No. 13 "On the practice of courts considering cases on recognition of a citizen as having limited legal capacity or incapacity, as well as on recognizing a citizen as capable or on the abolition of limited legal capacity" (with amendments and additions as of September 30, 2021) [Electronic resource]. - Access mode: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415065 (accessed: 19.03.2024)
10. Civil Procedural Code of the Republic of Belarus dated January 11, 1999 No. 238-Z (with amendments and additions as of July 17, 2023) [Electronic resource]. - Access mode: <https://online.zakon.kz> (accessed: 19.03.2024)
11. Chursina A.S. Establishing the fact of being a dependent under the legislation of the Republic of Kazakhstan: legal consequences // Agrarian and land law. 2020. No. 4 (184). pp. 4-5. EDN: UTEWEQ
12. Decision of the Dribinsky District Court dated May 16, 2023 [Electronic resource]. - Access mode: <https://etalonline.by> (accessed: 19.03.2024)
13. Decision of the court of the Krupsky district of the Minsk region dated April 7, 2022 [Electronic resource]. - Access mode: <https://etalonline.by> (accessed: 19.03.2024)

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_318

УДК 347.72

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ДОЛГОВ В ПРОЦЕДУРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ПРЕДПРИЯТИЙ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА Features of legal regulation of debt restructuring activities in the insolvency (bankruptcy) procedure of enterprises of the military-industrial complex

ШПЕНЬКОВ Александр Александрович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».
460018, Россия, Оренбургская обл., г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13.
E-mail: shpenkov96@mail.ru;

Shpenkov Alexandr Alexandrovich,

postgraduate student of the Department of Civil Law and Process
of the Faculty of Law Orenburg State University.
13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, 460018, Russia.
E-mail: shpenkov96@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье на основе анализа действующего законодательства, практики его применения, экономической и юридической литературы раскрываются проблемы правового регулирования деятельности по реструктуризации долгов в процедуре несостоятельности (банкротстве) предприятий оборонно-промышленного комплекса и пути решения этих проблем.

Abstract. This article, based on the analysis of current legislation, the practice of its application, economic and legal literature, reveals the problems of legal regulation of debt restructuring activities in the insolvency (bankruptcy) procedure of enterprises of the military-industrial complex and ways to solve these problems.

Ключевые слова: банкротство, реструктуризация долга, оборонно-промышленный комплекс, кредитор, стратегическое предприятие, арбитражный управляющий, государство.

Keywords: bankruptcy, debt restructuring, military-industrial complex, creditor, strategic enterprise, arbitration manager, state.

Для цитирования: Шпенков А.А. Особенности правового регулирования деятельности по реструктуризации долгов в процедуре несостоятельности (банкротства) предприятий оборонно-промышленного комплекса // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 318-320. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_318.

For citation: Shpenkov A.A. Features of legal regulation of debt restructuring activities in the insolvency (bankruptcy) procedure of enterprises of the military-industrial complex // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 318-320. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_318.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

24 февраля 2022 года Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил о начале специальной военной операции.

Если же проанализировать Федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов»¹, то расходы по статье бюджета «национальная оборона» в 2024 году предлагается увеличить на 68% относительно 2023 года. В 2023 году на оборону было выделено 6,4 триллиона рублей, а на 2024-й — более 10,77 триллионов рублей. Это в три раза больше, чем было до начала специальной военной спецоперации на Украине, в 2021 году расходы на оборону составляли всего 3,57 триллиона рублей.

Казалось бы, что именно сегодня должны финансово преуспевать предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), но, к сожалению, имеется множество примеров банкротства таких предприятий в период, когда проходит специальная военная операция. В связи с чем возникает вопрос – это nepозволительная неосторожность или чей-то злой умысел?

В 2022 году депутат Государственной Думы РФ Сергей Миронов обратился с письмом к главе Правительства РФ Михаилу Мишустину и главному военному прокурору Валерию Петрову с предложением остановить банкротство ряда предприятий военно-промышленного комплекса, учитывая сложившуюся ситуацию при проведении специальной военной операции и существующий дефицит военной техники.

На момент написания этого письма процедуру банкротства проходили 15 предприятий ОПК, что достаточно много. Почему же так происходит, и что необходимо сделать, чтобы этого избежать?

В настоящее время в России банкротятся следующие предприятия: 258-й ремонтный завод средств заправки и транспортирования горючего (дело А53-21413/2017), 751-й ремонтный завод (дело А82-14808/2018), □5-й центральный автомобильный ремонтный завод (дело А60-72400/2017), □88-й центральный автомобильный ремонтный завод (дело А78-10738/2016), 15-й центральный автомобильный ремонтный завод (дело А45-14384/2017), □172-й центральный автомобильный ремонтный завод (дело А14-23889/2018), □9-й центральный автомобильный ремонтный завод (дело А57-28663/2017), □487-й центральный авторемонтный завод (дело А07-3908/2018), □81-я центральная инженерная база (дело А82-7297/2019), □1-е проектно-фортификационное бюро (дело А40-160431/2019), □85-й ремонтный завод (дело А09-8003/2018), 261-й ремонтный завод (дело А44-5136/2021), АО «Завод имени М.И. Калинина» (дело А56-20315/2020) и, пожалуй, самый резонансный случай банкротства компании оборонно-промышленного комплекса – ПАО «Специального машиностроения металлургии «Мотовилихинские заводы» (дело А50-16153/2017).

¹ Федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 27.11.2023.

Почти у всех названных предприятий проблемы начались не в 2022 году, а гораздо раньше, то есть решать сегодняшнюю проблему нужно было ещё вчера. В чем же корень проблемы?

В ряде стран процедура банкротства является основным способом ухода должника от ликвидации посредством исполнительного производства в рамках проведения реабилитационных процедур. И это возможно, но только в том случае, если законодательство о банкротстве предусматривает действенный арсенал средств по сохранению бизнеса, а процессуальное законодательство обеспечивает проведение таких реабилитационных процедур, от чего выигрывают и кредиторы, и должник, и государство.

Однако предусмотренный российским законодательством комплекс мер по предупреждению банкротства стратегических предприятий и организаций как в ходе процедур наблюдения и внешнего управления, так и до введения указанных процедур является недостаточным, а в ряде случаев нереализуемым на практике. Неутешительные результаты статистики о весьма скромных показателях применения реабилитационных процедур свидетельствуют не столько об их неэффективности, сколько о реальной невозможности восстановления. Предприниматели предпочитают выходить из сложной ситуации самостоятельно, они считают, что если самостоятельные антикризисные меры не удалось, то и реабилитационные процедуры вряд ли им помогут [2, с. 172].

Регулированию банкротства предприятий оборонно-промышленного комплекса посвящена отдельный параграф § 5 «Банкротство стратегических предприятий и организаций» в главе IX Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) [3]. Российское законодательство о банкротстве наделяет органы государственной власти значительным объемом полномочий в сфере предупреждения банкротства стратегических предприятий. В частности, статьей 191 Закона о банкротстве предусмотрен целый ряд мер по предупреждению банкротства стратегических предприятий, осуществляемых Правительством РФ, таких, как:

- проведение учета и анализа финансового состояния;
- реорганизация стратегических предприятий и организаций;
- реструктуризация задолженности перед федеральным бюджетом и государственными внебюджетными фондами;
- досудебная санация стратегических предприятий и организаций и другие меры.

Однако данные меры оказываются не достаточными, и все 14 предприятий-должников, перечисленных выше, сейчас проходят банкротство в стадии конкурсного производства, целью которого является их полное прекращение и реализация имущества.

На мой взгляд, для изменения сложившейся ситуации нужно предпринять конкретные шаги, аналогичные таким, как долговой «порог», при котором можно обратиться в суд с заявлением о банкротстве: для юридического лица - 300 000 рублей, для стратегического предприятия - 1 миллион рублей.

Здесь стоит обратить внимание на то, что «порог» в один миллион рублей был установлен в 2008 году, а по официальным данным инфляция за период с 2008 года по 2023 год составила 121,34%², но этот финансовый критерий для обращения в суд с заявлением о банкротстве не был увеличен, что делает стратегические предприятия особенно уязвимыми перед кредиторами и, как следствие, собственным банкротством. Так, в списке предприятий-должников, указанных выше, более половины предприятий имеют долг, примерно равный одному миллиону рублей, а, значит, необходимо значительно увеличить финансовый критерий для обращения с заявлением о банкротстве стратегических предприятий.

Вместе с тем главная причина непопулярности реструктуризации долгов в процедуре банкротства предприятий оборонно-промышленного комплекса - желание обогащения заинтересованными лицами, что сильно вредит как экономике, так и обороноспособности нашей страны.

В этой связи один из эффективных способов, который позволит нивелировать данный фактор, - «прикрытие» возможностей банкротства через назначение подконтрольного арбитражного управляющего. Так, в процедуре банкротства стратегических предприятий право выбора арбитражного управляющего должно принадлежать либо государству в лице профильного органа, либо суду путем случайной выборки из числа арбитражных управляющих, обладающих необходимой квалификацией.

Кроме того, желание быстрого заработка делает невостребованной реструктуризацию долгов в процедуре банкротства предприятий оборонно-промышленного комплекса, потому что кредитору проще и быстрее перейти сразу в конкурсное производство и реализовать все имущество предприятия с торгов, как правило, очень дешево с целью дальнейшей самостоятельной покупки.

На практике все процедуры банкротства стратегических предприятий проходят именно по этому сценарию, и поэтому представляется, что государство должно отстаивать такие предприятия, а для этого необходимо установить обязательное прохождение для них реабилитационных процедур.

Нужно отметить, что государство понемногу движется в этом направлении. В данный момент Государственной думой РФ рассматривается законопроект № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, основной новеллой которого станет появление в процедуре банкротства юридического лица реструктуризации долгов.

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 43. - Ст. 4190.

² Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс] <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 20.12.2023).

³ Законопроект № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] <https://consultant.ru/law/hotdocs/69063.html> (дата обращения: 20.12.2023).

В данном законопроекте предлагается несколько решений, позволяющих спасти предприятия оборонно-промышленного комплекса с помощью процедуру реструктуризации долгов. Например, в действующем законодательстве срок выведения предприятия из кризиса с помощью процедуры наблюдения составляет всего семь месяцев, внешнее управление вводится не более чем на 18 месяцев, а данный законопроект предлагает утверждать планы реструктуризации долгов сроком на четыре года с возможностью продления еще на четыре года, что значительно расширяет рамки для возобновления деятельности предприятия.

Из положительных моментов данного законопроекта стоит отметить обязанность должника представить план реструктуризации, то есть законодатель не оставляет иных вариантов должнику, кроме как спасать предприятие, а также подробное описание всего процесса реструктуризации долгов, начиная от сроков на составление плана реструктуризации до сроков предоставления информации о плане реструктуризации и перечне этой информации.

В зарубежных странах широко применяется так называемая процедура судебной защиты должника от кредиторов, которая позволяет обычно крупным, но еще платежеспособным компаниям, испытывающим временные финансовые трудности, провести реорганизацию или реструктуризацию долга под защитой суда и согласовать с кредиторами план восстановления. Инструментарий здесь достаточно широк и похож на привычный судебный механизм: может включать в себя меры по реструктуризации задолженности, рекапитализации компании, замене долговых обязательств акциями должника, продажу активов, частичную продажу бизнеса и др. Продать бизнес целиком на данной стадии невозможно. Если же компания утрачивает платежеспособность в процессе реализации плана оздоровления, то суд вводит процедуру реорганизации или ликвидации [1, с. 96-97].

Итак, понимание реабилитационного потенциала банкротства можно рассматривать в качестве отправной точки для разработки концепции модернизации института банкротства. Движение же в сторону появления полноценного механизма реструктуризации долгов в процедуре несостоятельности (банкротстве) предприятий оборонно-промышленного комплекса идет, но очень медленно, что не допустимо с учетом того, что Россия проводит специальную военную операцию, и каждое предприятие оборонно-промышленного комплекса имеет важное значение, а институт реструктуризации долгов в процедуре банкротства таких предприятий поможет в сохранении экономического и оборонного потенциала нашей страны.

Библиография:

1. Львова О. А. Реабилитационный потенциал банкротства бизнеса: определить, измерить, увеличить // ЭКО. – 2019. - № 6. - С. 83-102. DOI:10.30680/ECO0131-7652-2019-6-83-102
2. Маликов А.Ф. Банкротство: применение реабилитационных процедур в России // Вестник финансового университета. – 2015. - № 5. – С. 167-174.
3. Проблемы правового статуса субъектов банкротства [Текст]: учебное пособие / М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Московский гос. юридический ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбургский ин-т (фил.); [сост. и отв. ред.: Т.В. Ефимцева, С.И. Анисимова]. - Оренбург: Оренбургский ин-т (фил.) ФГБОУ ВПО, 2014. - 48 с.

References:

1. Lvova O. A. The rehabilitation potential of business bankruptcy: identify, measure, increase // ECO. – 2019. - No. 6. - pp. 83-102. DOI:10.30680/ECO0131-7652-2019-6-83-102
2. Malikov A.F. Bankruptcy: the application of rehabilitation procedures in Russia // Bulletin of the Financial University. – 2015. - No. 5. – pp. 167-174.
3. Problems of the legal status of bankruptcy entities [Text]: textbook / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, State Educational Institution of Higher Education. education "Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA)", Orenburg Institute (phil.); [comp. and ed.: T.V. Efimtseva, S.I. Anisimova]. - Orenburg: Orenburg Institute (phil.) FGBOU VPO, 2014. - 48 p.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ ПАССАЖИРА Peculiarities of execution of a contract for the carriage of passengers

ЮЛБЕРДИН Артур Амирович,

старший преподаватель кафедры публичного и частного права
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: yulberdinartur@mail.ru;

СЕМИГЛАЗОВ Артур Геннадьевич,

заместитель начальника кафедры специальной подготовки
Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции.
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мухоморова, 2.
E-mail: semiglazov.artur@mail.ru;

Yulberdin Arthur Amirovich,

Senior Lecturer of the Department of Public and Private Law of the Sterlitamak Branch
of the Ufa University of Science and Technology.

453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.

E-mail: yulberdinartur@mail.ru;

Semiglazov Arthur Gennadievich,

Deputy Head of the Special Training Department
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lieutenant Colonel of Police.

450091, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muxinov St., 2.

E-mail: semiglazov.artur@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена особенностям исполнения договора перевозки пассажира и ответственности перевозчика за неисполнение и ненадлежащее исполнение условий по договору. Договор перевозки пассажиров является одним из наиболее часто встречаемых на практике. Данное обстоятельство связано с тем, что всем так или иначе приходится добираться до определенного места – работы, отдыха, деловых встреч и т.п.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the execution of a contract for the carriage of passengers and the carrier's liability for non-fulfillment and improper fulfillment of the terms of the contract. The contract for the carriage of passengers is one of the most frequently encountered in practice. This circumstance is due to the fact that everyone, one way or another, has to get to a certain place - work, leisure, business meetings, etc.

Ключевые слова: односторонний отказ, акцепт оферты, ненадлежащее исполнение договора, агрегаторы.

Keywords: unilateral refusal, acceptance of offer, improper execution of contract, aggregators.

Для цитирования: Юлбердин А.А., Семиглазов А.Г. Особенности исполнения договора перевозки пассажира // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 321-323. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_321.

For citation: Yulberdin A.A., Semiglazov A.G. Peculiarities of execution of a contract for the carriage of passengers // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 321-323. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_321.

Статья поступила в редакцию: 29.02.2024

Регулирование договорных отношений, связанных с перевозкой пассажира осуществляется ст. 786 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ). Данная разновидность договора перевозки обладает собственным предметом и особым субъектным составом. Наличие указанных особенностей является достаточным для выделения его как отдельного вида договора. На условиях заключения исследуемого договора сильное влияние оказывают такие черты договора как его консенсуальность и публичный характер.

Публичный характер договора влечет за собой то обстоятельство, что организация, оказывающая услуги по перевозке обязана заключить договор с любым физическим лицом, которое желает ими воспользоваться [1, с. 287]. В соответствии с требованиями ст. 426 ГК РФ, условия заключения договора для всех пассажиров должны быть одинаковыми. Публичность договора влечет также то обстоятельство, что пассажиры, при нарушении их прав могут воспользоваться положениями Закона о защите прав потребителей.

Следующей особенностью заключения данного договора является то, что традиционный способ заключения путем взаимного согласования условий не применим. Условия договора определяются определенными формами, которые разрабатываются транспортными министерствами. Физическое лицо, либо соглашается с соответствующими условиями, приобретая билет, либо не соглашается. Тем самым, договор перевозки пассажира является договором присоединения.

Условия данного договора (стоимость проезда, информация о маршруте следования, дате и времени отправки и приезда и т.п.) размещаются в средствах массовой информации, в общедоступных местах железнодорожных вокзалах, аэропортах и т.п.

Тем самым, указанная информация по сути носит характер публичной оферты, ведь она содержит все необходимые сведения, достаточные для заключения договора. Подобное влечет за собой то обстоятельство, что перевозчик не может изменить условия договора, не обновив соответствующую информацию, и при наличии расхождений, например, в стоимости проезда, должен оказать услугу перевозки по наименьшей цене [1, с. 182].

Акцепт оферты со стороны физического лица, как правило, осуществляется путем выполнения конклюдентных действий, которые могут быть выражены, например, в оплате проезда с помощью проездной карты, или путем приобретения билета, жетона для проезда в метро. Если же, поездка осуществляется на такси, то вхождение пассажира в салон автомобиля уже может считаться выражением воли на заключение исследуемого договора [3, с. 414].

Законодательством о транспорте могут быть установлены специальные правила, связанные с приобретением билета. Такие правила, например, определены в ст. 82 ФЗ «Устав железнодорожного транспорта РФ». Приобретение билета на перевозку в другие регионы России, зарубежные

страны возможно при предъявлении документов, удостоверяющих личность. Фактически заключив договор, пассажир может изменить в разумных рамках условия договора, а именно, провозить с собой бесплатно одного ребенка в возрасте не старше пяти лет, если он не занимает отдельного места; делать остановку в пути следования с продлением срока действия билета не более чем на 10 суток, сдавать багаж для перевозки и т.п.

Как известно, односторонний отказ от исполнения договора в гражданском праве является нежелательным явлением и допускается лишь в исключительных случаях. Однако, применительно к отношениям, связанным с перевозкой пассажиров, законодательство является более лояльным по отношению к гражданам. Так, в соответствии со ст. 183 Кодекса торгового мореплавания РФ, физическое лицо вправе отказаться от договора отхода судна, а также после начала рейса в любом порту, в который судно зайдет для посадки или высадки пассажиров. При этом, отказ от договора со стороны пассажира должен быть надлежащим образом осуществлен, то есть, заблаговременно. Возможен отказ от перевозки и по уважительным причинам, таким как заболевание, или по иным форс-мажорным обстоятельствам, но он должен быть осуществлен за 24 часа до отхода судна. При этом, в отношении пассажиров действуют серьезные требования при утрате ими документов, подтверждающих оплату проезда (билета, проездного удостоверения). В данном случае, гражданин не сможет продолжить поездку до пункта назначения, а также получить обратно потраченные на приобретение билета денежные средства. Данное правило, в частности, установлено в ст. 82 ФЗ «Устав железнодорожного транспорта РФ».

Одностороннее изменение условий договора в ходе осуществления перевозки со стороны перевозчика допустимо, если, например, это обусловлено требованиями безопасности и направлено на предотвращение угрозы жизни и здоровья лиц, находящихся в транспорте [4, с. 60]. Так, положениями ст. 107 Воздушного кодекса РФ предусмотрены основания для одностороннего прекращения договора перевозки пассажиров в процессе оказания данной услуги, вследствие возникновения угроз для жизни и здоровья пассажиров. Следует однако отметить, что указанные в данной статье основания связаны с неправомерными действиями конкретных пассажиров, однако в результате этого, невиновные пассажиры также вынужденно будут претерпевать неудобства и опоздать к пункту назначения.

В ст. 185 Кодекса торгового мореплавания РФ предусмотрены случаи, когда перевозчик может в одностороннем порядке отменить договор перевозки вследствие возникновения на пути к пункту назначения угроз стихийного бедствия, неблагоприятных санитарно-эпидемиологических условий и других форс-мажорных обстоятельств. Заключить договор авиаперевозки пассажира возможно путём приобретения электронного билета с помощью автоматизированной информационной системы оформления воздушной перевозки.

В соответствии со ст. 104 Воздушного кодекса РФ установлена возможность заключения договора фрахтования воздушного судна (воздушный чартера). В свою очередь, в ст. 787 ГК РФ прямо указано на то, что порядок заключения договора фрахтования, равно как его форма, во многом определяются транспортными кодексами и уставами. Однако, вопреки этому, Воздушный кодекс РФ не содержит требуемых положений [5, с. 73]. Ответственность сторон по исследуемому договору наступает вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей.

Положения ст. 793 ГК РФ являются отсылочными и отсылают на транспортные уставы, Воздушный кодекс, Кодекс торгового мореплавания, а также на соглашения сторон. При этом законодатель запретил сторонам ограничивать или устранять установленную законом ответственность.

Кроме того, в силу того, что исследуемый вид договора является публичным, то при рассмотрении вопроса ответственности применяются также положения Закона о защите прав потребителей.

В соответствии с ч. 2 ст. 17 Закона о защите прав потребителей, иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд по месту: нахождения организации, а если ответчиком является индивидуальный предприниматель, – его жительства; жительства или пребывания истца; заключения или исполнения договора. Если иск к организации вытекает из деятельности ее филиала или представительства, он может быть предъявлен в суд по месту нахождения ее филиала или представительства. Помимо прочего, потребители-истцы освобождаются от уплаты пошлины по искам, связанным с нарушением прав потребителей.

Ответственность по исследуемому виду договору носит ограниченный характер, что нашло свое отражение в ст. 796 ГК РФ, в соответствии с которой перевозчик несет ответственность за утрату имущества пассажира в размере стоимости недостающего имущества.

Многие авторы справедливо обращают внимание на особенность ответственности перевозчика, связанную с тем, что транспорт является источником повышенной опасности и перевозчик должен нести ответственность если не докажет, что несчастный случай произошел по вине потерпевшего или вследствие непреодолимой силы [6, с. 87].

Ответственность перевозчика за вред, причиненный жизни и здоровью пассажира определяется положениями ст. 1079 ГК РФ. Наличие вины владельца источника повышенной опасности не имеет значения, что нашло свое отражение в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». Как правило, суды удовлетворяют требования о компенсации вреда, в том числе и морального вреда, полученного гражданином в результате дорожно-транспортного происшествия, исходя из доказанности факта увечья или иного причинения вреда здоровью [7, с. 7].

При этом, в соответствии со ст. 186 Кодекса торгового мореплавания, бремя доказывания вины перевозчика за ущерб пассажиру в результате происшествия должен доказывать истец. По умолчанию, виновной стороной считается перевозчик.

Размер возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья пассажира, определяется по правилам, предусмотренным ст. 1085 ГК. В случае причинения гражданину увечья или при ином повреждении его здоровья возмещению подлежат утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также иные расходы, возникшие вследствие данного недуга.

Особый вид нарушения, характерный для исследуемого договора закреплен в ст. 795 ГК РФ, предусматривающий ответственность перевозчика за задержку отправления транспортного средства, или за опоздание к пункту назначения. И вновь, данная норма является отсылочной. Положениями ч. 11 ст. 34 ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта», предусматривается воз-

врат денежных средств пассажиру в размере 3% от стоимости проезда за каждый час задержки и опоздания к пункту назначения. С 1 апреля 2024 года будут внесены изменения в ст. 120 Воздушного кодекса РФ и за каждый час просрочки полета к месту назначения или опоздания, пассажир должен будет получить компенсацию в размере 100 рублей.

Отдельно также следует рассмотреть вопрос возмещения вреда жизни и здоровью пассажира, который возник вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения договора перевозки пассажира.

По мнению А.В. Павлова, для возникновения обязательства по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью пассажиров, необходима совокупность следующих обстоятельств: 1) факт причинения вреда жизни и здоровью; 2) причинно-следственная связь; 3) противоправность; 4) вина причинителя вреда [8, с. 46].

Положения ст. 151 ГК РФ предусматривают компенсацию морального вреда в случае причинения вреда жизни и здоровью пассажира. На практике также имеются определенные проблемы, которые связаны с компенсацией морального вреда. В воздушных и морских кодексах отсутствуют нормы о возможности компенсации морального вреда, причиненного жизни и здоровью пассажира в рамках договора перевозки. Положения иных вышеуказанных законодательных актов, могут быть применены лишь в случаях их непротиворечия их воздушному и морскому законодательству [7, с. 7].

Кроме того, еще одной проблемой текущего законодательства является то, что законом не установлен размер компенсации за причинение морального вреда. В каждом случае этот вопрос полностью остается на усмотрение суда, с учетом требований разумности и справедливости. А.М. Эрделевский полагает, что из-за того, что категории разумности и справедливости имеют широкое толкование, сложно применить на практике положения ст. 1101 ГК РФ [9, с. 26].

Наконец, принимая во внимание тот факт, что пассажир, как потребитель имеет право на получение достоверной информации, а перевозчик в силу природы исследуемого договора, обязан предоставить эту информацию, то существуют особенности наступления юридической ответственности перевозчика за предоставление недостоверной информации.

Следует начать с того, что информацию о стоимости билетов, о маршрутах транспортного средства и иную информацию об условиях договора перевозки пассажиров можно узнать из различных поисковых систем – агрегаторов. Агрегаторы это организации, которые заняты непосредственной продажей билетов. Они являются уполномоченными представителями транспортных компаний, ведут собственную ценовую политику и поэтому стоимость перевозки у них зачастую ниже, чем у транспортной компании [10, с. 26]. В обязанности агрегатора входит – предоставление информации о себе и исполнителе транспортной услуги, информация должна быть размещена на сайте владельца агрегатора либо должна быть ссылка на сайт транспортной организации (исполнителя). За предоставление недостоверной информации владелец агрегатора несет ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие не предоставления ему такой информации, либо предоставления недостоверной. Однако если будет установлено, что агрегатор получил информацию от перевозчика, то ответственность за недостоверную информацию должен понести перевозчик, а не агрегатор.

Таким образом, договор перевозки пассажира считается заключенным с момента приобретения пассажиром билета, или иного документа, подтверждающего оплату проезд, либо совершения конклюдентных действий. В силу того, что договор обладает признаками публичной оферты, перевозчик не может изменить условия заключения договора. Односторонний отказ от договора со стороны пассажира допустим при соблюдении временных рамок и при наличии уважительных причин. В определенных случаях, таких как возникновение угрозы жизни и здоровью лицам, находящимся на транспортном средстве, перевозчик также может прекратить исполнение обязательства.

Библиография:

1. Панфилов Н.М. Защита прав пассажира в договоре воздушной перевозки в деятельности Роспотребнадзора // Право и управление. 2023. № 6. С. 286-289.
2. Геворкян Т.В., Надергулова Л.С. Некоторые вопросы защиты прав пассажиров в сфере транспортного обслуживания // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 33. С. 180-190.
3. Брагинский М.И. Договорное право. 5-е изд., стер. М.: Статут, 2011. Книга 4. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. 910 с.
4. Любавина И.В. Концепция и правовая природа договора перевозки в соответствии с действующим законодательством // Евразийский научный журнал. 2022. № 5. С. 59-62.
5. Скучаев А.А. Развитие правовой модели регулирования пассажирских перевозок воздушным транспортом // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 73-78.
6. Киченина В.С., Семенов А.В. Ответственность перевозчика за нарушение обязательств по договору перевозки пассажира и багажа // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 2 (66). С. 87-90.
7. Бажина М.А., Голдаев В.В. Ответственность владельцев транспортных средств за вред, причиненный третьим лицам // Транспортное право. 2020. № 3. С. 5-10.
8. Павлов А.В. Ответственность перевозчика за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира // Научные известия. 2022. № 31. С. 44-47.
9. Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания. Научно-практическое пособие. М.: Издательство ВЕК, 1998. 188 с.
10. Епифанова Т.В., Савицкая Ю.В., Чугуй Л.Ю. Применение «закона о защите прав потребителей» к гражданско-правовым договорам в сфере транспортного обслуживания населения // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 7. С. 25-27.

References:

1. Panfilov N.M. Protection of passenger rights in an air carriage contract in the activities of Rosпотребнадзор // Law and management. 2023. No. 6. pp. 286-289.
2. Gevorkyan T.V., Nadergulova L.S. Some issues of passenger rights protection in the field of transport services // Current issues of modern science. 2014. No. 33. pp. 180-190.
3. Braginsky M.I. Contractual law. 5th ed., ster. M.: Statute, 2011. Book 4. Contracts for transportation, towing, freight forwarding and other services in the field of transport. 910 pp.
4. Lyubavina I.V. The concept and legal nature of a contract of carriage in accordance with current legislation // Eurasian Scientific Journal. 2022. No. 5. pp. 59-62.
5. Skuchaev A.A. Development of a legal model for regulating passenger transportation by air // Yuridicheskaya nauka. 2023. No. 2. pp. 73-78.
6. Kichenina V.S., Semenov A.V. Liability of the carrier for violation of obligations under the passenger and baggage carriage agreement // Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov. 2018. No. 2 (66). pp. 87-90.
7. Bazhina M.A., Goldaev V.V. Liability of vehicle owners for damage caused to third parties // Transport law. 2020. No. 3. pp. 5-10.
8. Pavlov A.V. Liability of the carrier for harm caused to the life or health of a passenger // Scientific News. 2022. No. 31. pp. 44-47.
9. Erdelevsky A.M. Moral harm and compensation for suffering. Scientific and practical manual. Moscow: VEK Publishing House, 1998. 188 p.
10. Epifanova T.V., Savitskaya Yu.V., Chuguy L.Yu. Application of the "law on consumer rights protection" to civil law contracts in the field of public transport services // Gaps in Russian legislation. Law journal. 2018. No. 7. pp. 25-27.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_324

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ DEVELOPMENT OF SOCIAL SECURITY IN RUSSIA

ЧИРАНОВА Ирина Павловна,

кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва».
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.
РИНЦ AuthorID: 619855

E-mail: irina.chiranova@mail.ru;

ВОЛОСТНОВА Татьяна Ивановна,

кандидат исторических наук, доцент
Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ).
430003, Российская Федерация, Республика Мордовия, Саранск, ул. Федосеенко, 6.
РИНЦ AuthorID: 758965

E-mail: tiv.777@yandex.ru;

Chiranova Irina Pavlovna,

Candidate of Legal Sciences, associate professor National Research Mordovia State University.
430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, st. Bolshevistskaya, 68.

RSCI AuthorID: 619855

E-mail: irina.chiranova@mail.ru;

Volostnova Tatiana Ivanovna,

Candidate of Historical Sciences, associate professor
Sredne-Volzhsky Institute (branch) VGUYU (RPA OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF RUSSIA)
430003, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, st. Fedoseenko, 6.

RSCI AuthorID: 758965

E-mail: tiv.777@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье говорится о развитии социального обеспечения в России. При написании статьи авторы опирались на следующие методы: хронологический метод, способствующий исследованию социального обеспечения во временной последовательности, сравнительно-исторический метод, позволивший охарактеризовать отдельные виды и субъектов социального обеспечения в различные периоды времени.

Abstract: the article talks about the development of social security in Russia. When writing the article, the authors relied on the following methods: a chronological method that contributes to the study of social security in a time sequence, a comparative historical method that made it possible to characterize certain types and subjects of social security in different periods of time.

Ключевые слова: историческое развитие, социальное обеспечение, законодательство, страхование рабочих, больничные кассы, врачебная помощь, денежные пособия, пенсионное обеспечение.

Keywords: historical development, social security, legislation, workers' insurance, health insurance funds, medical care, cash benefits, pension provision.

Для цитирования: Чиранова И.П., Волостнова Т.И. Развитие социального обеспечения в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 324-327. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_324.

For citation: Chiranova I.P., Volostnova T.I. Development of social security in Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 324-327. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_324.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2024

ВВЕДЕНИЕ

В современном понимании социальное обеспечение – деятельность по выплате гражданам пенсий и пособий органами государственной власти, по предоставлению социального обслуживания, льгот, различных видов социальной помощи, а также особая форма разделения благ. Сегодня социальное обеспечение тесно связано с социальной стратегией государства, экономикой, благополучием граждан, общественной справедливостью. Сформирована целая структура социального обеспечения, в которой огромное место занимают обязательное пенсионное и социальное страхование, многообразные программы государственной поддержки граждан и оказания помощи. Но такое понимание социального обеспечения сформировалось не так давно, а до того действительность была более удручающей.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При написании статьи авторы опирались на следующие методы: хронологический метод, способствующий исследованию социального обеспечения во временной последовательности, сравнительно-исторический метод, позволивший охарактеризовать отдельные виды и субъектов социального обеспечения в различные периоды времени.

1. ОТ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ ДО ПЕТРА I

Социальное обеспечение насчитывает десятки лет своего развития и всегда имело ключевое значение. Однако не все категории граждан находили поддержку на разных этапах исторической эволюции. Так, на этапе первобытно-общинного строя поддержкой обладали лишь малолетние дети и беременные женщины, считаясь главным источником продолжения рода [1, с. 178]. Для них выдавались продукты питания из совместного числа, которые добывались трудоспособными представителями общины. Помощь престарелым и нетрудоспособным носила только характер обычая.

С развитием рабовладельческого строя заботу о престарелых, женщинах и детях осуществляет семья, где взрослые дети содержали старых родителей, а родители – своих маленьких детей [2]. В этот период развивается поддержка военных, семей, оставшихся без кормильца.

Главным средством помощи было наделение воина земельным участком, а также документом, содержащим информацию о наградах и привилегиях [3, с. 37]. Немного позже появляются прототипы современных институтов обеспечения незащищенных слоев общества – коллегии самопомощи, которые организовывали финансовую помощь старикам, детям, инвалидам с помощью собранных с работников средств.

Находясь долгое время на уровне обычаев, социальное обеспечение впервые получает документальное закрепление лишь на этапе феодального общества. Так, в законодательстве Российского государства поддержка социально уязвимого населения впервые находит закрепление в 1550 г. с принятием Судебника Ивана IV, содержащим норму о наделении вдовы, не имеющей детей, ежегодной пенсией в размере двух гривен и возвращении ей приданого [4]. Определяется статус земельных владений, вводится право выкупа наследственных вотчин, что способствовало усилению феодального сословия.¹

В Соборном Уложении от 1649 г. главными субъектами социального обеспечения названы вдовы и семьи, оставшиеся без кормильца, преимущественно знатного происхождения. Так, в главе XVI «О поместных землях», вдове, родителям и детям в связи с гибелью кормильца выделялась часть поместья – так называемый прожиток: «...которые поместья даны на прожиток дворяном и детям боярским старым, которые от службы отставлены, и вдовам старым же, чтобы государь их пожаловал, велел те дворянские и вдовины прожиточные поместья дати им вплодить...» [5]. Соборное Уложение наделяло дворян правом получить земельный надел не только в случае гибели владельца поместья, но и в связи с его отставкой, получением травмы или увечья [6, с. 76].

2. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДО КОНЦА XIX ВЕКА

В период правления Петра I раненых воинов и воинов преклонного возраста старались обеспечить так, чтобы у них были средства для жизни. Правовые акты Петра I включали в себя обязанность государства предоставлять поддержку раненым и инвалидам на средства бюджета. Учреждались общественные заведения, имеющие особое предназначение. Указ 1700 г. закреплял строительство богаделен в губерниях, в которые на обеспечение предопределялись старые вдовы и увечные, «недоросли малые до указной меры» (т. е. до определенных лет). С целью финансовой составляющей данных учреждений назывались следующие источники:

- 1) сбор с граждан, заключающих брак был повышен в два раза;
- 2) реализация свечей из воска осуществлялась только церковью, свободная торговля была под запретом;
- 3) одна копейка с каждого рубля шла на материальное обеспечение госпиталей из денежного довольствия всех, не считая солдат;
- 4) внедрение обучения монахинь рукоделиям и мастерству с целью получения финансовых средств, за такой вид деятельности, «на совместную монастырскую выгоду»;
- 5) внедрение милостынь в церквях на два направления – для церковных надобностей и на финансовую поддержку госпиталей;
- 6) штрафные санкции с раскольников на благотворительные намерения.

Следует заметить, что собранные от этих источников средства являлись не особо большими, но само выделение денег на содержание организаций было знаменательным событием [7].

Указ Петра I от 1712 г. закрепил наказания для способных работать бродяг и нищих, такие как: битье кнутом, каторга, казенный труд, а за «профессиональное нищенство» – штраф 5-10 рублей. Если в нищенстве попадались второй, а то и третий раз имелся приказ бить мужчин кнутом и отправлять на каторжные работы, женщин прясть, детей – «по другим предприятиям».

К 1718 г. в Москве насчитывалось больше 90 богаделен, в которых проживало до 4500 нищих, болезненных и калеках, получавших обеспечение за счет казны [8].

Во время правления Елизаветы Петровны субъектный состав социального обеспечения был расширен за счет включения в него детей-сирот, стариков и инвалидов, получающих помощь от специальных «приходов», действующих благодаря платежу в пользу бедных лиц.

С развитием цехового производства и связанного с ним специального страхования, оказывалась финансовая помощь работнику или его семье в случае травмы, инвалидности, старости или смерти за счет внесенных им средств во время работы. На протяжении всего времени развития социального обеспечения помощь незащищенному населению не была обязанностью государства. Помощь от работодателей часто перекладывалась на самих работников посредством сбора с них взносов.

В середине XIX века в Российской Империи появляются «обязательные» кассы для госслужащих, работавшие на принципах самообеспечения. Основными задачами подобных касс стали организация выплат пенсий уволенных государственных служащих, оказание финансовой помощи вдовам и сиротам за счет отчислений из заработной платы. Для служивых людей низших сословий были открыты «эмерительные» кассы, состоящие из взносов служащих.

Принятое 8 марта 1861 г. Положение о горнозаводском населении учредило создание горнозаводских касс взаимопомощи, направленных на финансовое обеспечение рабочих, получивших травму и семей, члены которых погибли на горном производстве. Закреплялась мера ответственности работодателя перед рабочим, получившим травму или увечье, которая заключалась в оплате лечения и содержания на время потери трудоспособности. Однако данную норму нельзя считать важным вкладом в развитие социального обеспечения, поскольку в ней содержится регламентация гражданско-правовой ответственности работодателя, а не страхование работника от несчастного случая на производстве. Кроме того, данная норма устанавливает ответственность работодателя только в случае получения травмы работником непосредственно на рабочем месте, исключая возможные профессиональные заболевания, а также травмы в случае неосторожности.

¹ Судебник Ивана Грозного (1550 год). URL: <https://istoriarusi.ru/car/sudebnik-1550-ivana-groznogo.html>

3. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ XX ВЕКА

Следующим этапом развития социального обеспечения следует считать принятие двух законодательных актов от 23.06.1912 г. «О страховании рабочих от несчастных случаев» и «Об обеспечении рабочих на случай болезни», предусматривающие выплаты для рабочих за временную нетрудоспособность и получение медицинской помощи. Все это являлось главной обязанностью предпринимателей. Кроме того, формировались больничные кассы, своего рода общественные независимые организации, пополняемые взносами рабочих и предпринимателей. Денежные средства выделялись на обеспечение инвалидов, предоставление пособий по заболеванию, родам и по потери кормильца.

Активно формируются Советы по делам страхования рабочих при Министерстве торговли и промышленности для обеспечения рабочих вследствие заболевания или несчастного случая. Применялись правила вознаграждения потерпевших (рабочих и служащих) на горной и фабрично-заводской индустриях, а также для членов их семей [9].

Позже были приняты важнейшие декреты, регулирующие отдельные вопросы социального обеспечения, вводившие страхование для всех рабочих. Следует отметить Декрет от 21.11.1917 г. об увеличении пенсий рабочим, пострадавшим от несчастных случаев из которого следовало, что по причине удорожания жизни пенсия увеличивается на 100% за средства пенсионного фонда, пополняющегося в трехлетний период из запасного капитала, свободных денег от операций и взносов предпринимателей.¹ Декрет ВЦИК о страховании на случай болезни от 22.12.1917 г. закрепил предмет страхования:

– врачебную помощь, предоставляемую в виде первой помощи при заболеваниях и несчастных случаях, надомное лечение или же санаторно-курортное лечение. Кроме того, такому виду помощи сопутствовало бесплатное предоставление лекарственных средств, средств для перевязки, пищи и нужных врачебных принадлежностей.

– денежные пособия – по случаю болезни,² родов и смерти участников кассы.

В октябре 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся» утвердило отдельные виды социального обеспечения: врачебная помощь, пособия по временной утрате трудоспособности, пенсии. Социальному обеспечению подлежали все работники, а также члены их семьи. Страховые выплаты и пособия выплачивались предприятием или государством и соответствовали полной сумме ежемесячного заработка. Кроме того, по всей стране создавались страховые организации, ответственные за качественное функционирование системы страхования.

Основной задачей законодателя на этом этапе стала кодификация многочисленных нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы социального обеспечения. Так, например, важнейшей вехой в данном направлении стало принятие в августе 1925 г. Положения об обеспечении в порядке социального страхования инвалидов труда и членов семейств умерших или безвестно отсутствующих застрахованных и инвалидов труда явившимся первым общесоюзным актом о пенсиях и заменившим сразу два постановления – постановление РСФСР «О социальном обеспечении инвалидов» от 8 декабря 1921 г. и постановление ВЦИК СНК РСФСР «Об обеспечении дефективных членов семей рабочих и служащих».

В годы советской власти большое внимание уделялось подробной законодательной регламентации социального страхования как наиболее рациональной формы социального обеспечения работников. Прогрессивным шагом данного процесса стало наделение профсоюзов как наиболее осведомленной организации правотворческой функцией в 1940-е годы. Им была вверена регламентация специфики социального страхования каждой отрасли народного хозяйства посредством издания нормативно-правовых актов. Кроме того, на них было возложено и управление социальным страхованием, подразумевающее под собой ревизию деятельности профсоюзных органов.

Предвоенная Конституция СССР закрепила такие социальные права граждан, как право на обеспечение в старости и в случае болезни. Во время Великой Отечественной войны, несмотря на тяготы военного времени, были увеличены пенсии и пособия семьям фронтовиков, семьям погибших или раненых на фронте. Полагались надбавки к пенсии за боевые награды.

Завершающим этапом развития законодательства о социальном обеспечении стало распространение социальных пособий и пенсионных выплат на слои населения, которых ранее данные процессы не коснулись. Закон СССР о пенсиях и пособиях членам колхозов от 1964 г. в первый раз в истории зафиксировал пенсии по старости, инвалидности и потере кормильца. В законе обозначено, что «в пенсионном обеспечении колхозников нет уравнительного подхода. Если производительность труда колхозников выше, значит, колхоз изготавливает и реализует больше продукции с одного гектара пашни. Выше доход и величина взносов в пенсионный фонд, значит больше пенсии колхозников. Лучше обеспечиваться должны колхозники, отлично работавшие и вносившие огромный вклад в производство».³

Становление системы социального обеспечения колхозников явилось значительным стимулом к последующему росту трудовой активности крестьянства и повышению производства продуктов сельского хозяйства. В 1970 г. за счет взносов колхозов в центральный союзный фонд обеспечивается социальное страхование колхозников, а с 1989 г. вводится абсолютно для всех система обеспечения пенсиями.

ВЫВОДЫ

При первобытно-общинном строе содержание нетрудоспособных преклонного возраста выполнялось в силу обычая. Обеспечение старости рабов при рабовладельческом строе не осуществлялось.

По мере образования категории наёмных работников была необходимость организации взаимопомощи в тех случаях, когда работник

¹ Декрет об увеличении пенсий рабочим, пострадавшим от несчастных случаев. Декреты Советской власти. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-11-08-2.htm>

² Декрет ВЦИК о страховании на случай болезни. Декреты Советской власти. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-22.htm>

³ Закон СССР о пенсиях и пособиях членам колхозов 1964 г. Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13885>

при определенных обстоятельствах (болезнь, инвалидность) терял заработок, а его семья – кормилица. Создаются кассы взаимопомощи, финансовые средства которых формировались из взносов работников и работодателей. В конце XIX века на законодательной основе начинает воплощаться в жизнь социальное обеспечение наёмных работников. В качестве метода его организации появляется государственное социальное страхование наёмных работников, а позже формируется национальная концепция социального обеспечения.

Становление нынешней модели социального обеспечения в России начинается только после Октябрьской революции 1917 г. Законодательно закрепить систему социального обеспечения попыталось Советское государство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, сформулируем главный вывод исследования – социальное обеспечение прошло долгий путь своего развития, формирующий круг субъектов и виды обеспечения. Несмотря на несовершенство законотворчества, отсутствие критерий определяющих состояние здоровья, послужного списка при реализации мер поддержки был заложен социально-ориентированный институт, а мероприятия, затронувшие реформирование области социального призрения, привели к образованию механизма благотворительности. За годы советской власти была создана четко регламентированная, прогрессивная для своего времени законодательная основа социального обеспечения, послужившая затем базисом и адаптированная под новые социально-экономические условия Российской Федерации.

Библиография:

1. Ершов В.А., Толмачев И.А. Право социального обеспечения: учебное пособие. М., 2012.
2. История развития социального обеспечения. Часть 1. URL: https://pikabu.ru/story/istoriya_razvitiya_sotsialnogo_obespecheniya_chast_1_5608963
3. Долженкова Г.В. Право социального обеспечения: конспект лекций / Г.В. Долженкова. М.: Юрайт-Издат, 2007.
4. Памятники российского права: учебно-научное пособие / О.В. Бобровский. Т. 3, кн. 1: Памятники права Московского государства. М.: Юрлитинформ, 2013.
5. Глава XVI. О поместных землях. Образовательная программа «Юриспруденция». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/SUglavaXVI>
6. Долженкова Г.В. Право социального обеспечения: конспект лекций / Г. В. Долженкова. М.: Юрайт-Издат, 2007.
7. Реформы системы социальной помощи в период правления Петра I. URL: <https://helpiks.org/4-96298.html>
8. Каспарьянц Н.М., Косенко С.Г. Государственное социальное обеспечение в России: пути становления и перспективы развития // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76185.htm>
9. Столыпин Петр Аркадьевич Об учреждении совета по делам страхования рабочих. URL: http://www.hrono.ru/libris/stolyipin/stpn1_67.html

References:

1. Ershov V.A., Tolmachev I.A. The law of social security: a textbook. M., 2012.
2. History of social security development. Part 1. URL: https://pikabu.ru/story/istoriya_razvitiya_sotsialnogo_obespecheniya_chast_1_5608963
3. Dolzhenkova G.V. The law of social security: lecture notes / G.V. Dolzhenkova. Moscow: Yurayt-Izdat, 2007.
4. Monuments of Russian law: an educational and scientific manual / O.V. Bobrovsky. Vol. 3, book 1: Monuments of the law of the Moscow state. Moscow: Yurilitinform, 2013.
5. Chapter XVI. About the local lands. The educational program "Jurisprudence". National Research University "Higher School of Economics". URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/SUglavaXVI>
6. Dolzhenkova G.V. The law of social security: lecture notes / G. V. Dolzhenkova. M.: Yurayt-Izdat, 2007.
7. Reforms of the social assistance system during the reign of Peter I. URL: <https://helpiks.org/4-96298.html>
8. Kasparyants N.M., Kosenko S.G. State social security in Russia: ways of formation and prospects of development // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2016. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76185.htm>
9. Stolyipin Pyotr Arkadyevich On the establishment of the Council for Workers' Insurance. URL: http://www.hrono.ru/libris/stolyipin/stpn1_67.html

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ FORMATION OF LEGAL BEHAVIOR YOUNG PEOPLE

ЛЕПИХОВ Николай Владимирович,

старший преподаватель, Волгоградский государственный технический университет.
пр. имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, Волгоградская обл., 400005, Россия.
E-mail: zayac11@mail.ru;

АЛТУХОВА Ольга Николаевна,

кандидат филол. наук, доцент,
Волгоградский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.
400006, Россия, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Дзержинского, 45.
E-mail: geeterra@mail.ru;

ПТИЦЫНА Елена Александровна,

кандидат филол. наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет.
пр. имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, Волгоградская обл., 400005, Россия.
E-mail: pea414@mail.ru;

СУХОВА Анна Сергеевна,

кандидат соц. наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет.
пр. имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, Волгоградская обл., 400005, Россия.
E-mail: belousov34@yandex.ru;

СЕЛЕЗНЕВА Ирина Геннадьевна,

кандидат соц. наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет.
пр. имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, Волгоградская обл., 400005, Россия.
E-mail: irinaselezneva@bk.ru;

Lepikhov Nikolay Vladimirovich,

Senior lecturer Volgograd state technical university.
V.I. Lenin Ave., 28, Volgograd, Volgograd region, 400005, Russia.
E-mail: zayac11@mail.ru;

Altukhova Olga Nikolaevna,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Volgograd State Medical University.
45 Dzerzhinsky Street, Volgograd, Volgograd region, 400006, Russia.
E-mail: geeterra@mail.ru;

Ptitsyna Elena Aleksandrovna,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Volgograd State Technical University, Assistant Professor.
V.I. Lenin Ave., 28, Volgograd, Volgograd region, 400005, Russia.
E-mail: pea414@mail.ru;

Selezneva Irina Gennadievna,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor Volgograd State Technical University.
V.I. Lenin Ave., 28, Volgograd, Volgograd region, 400005, Russia.
E-mail: irinaselezneva@bk.ru;

Sukhova Anna Sergeevna,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor Volgograd State Technical University.
V.I. Lenin Ave., 28, Volgograd, Volgograd region, 400005, Russia.
E-mail: belousov34@yandex.ru

Краткая аннотация. В представленной статье проанализирована природа формирования правовой культуры у современной молодежи. Описаны основные социально-педагогические приемы и технологии, способствующие развитию правового поведения молодежи на современном этапе развития общества. Исследована мотивация, система правомерного поведения. Также в исследовании рассматриваются теоретические основы проблемы влияния социально-экономических факторов, влияющих на активизацию противоправного поведения и применение в системе образования элементов, блокирующих данное поведение у молодежи. В исследовании предпринят анализ эффективности различных технологий формирования правовой культуры современной молодежи. В процессе ускоренной модернизации коммуникационных процессов большинство современной молодежи оказалось не в состоянии в короткие сроки перестроить свое поведение. В настоящее время ценностное восприятие молодых людей ориентировано на материальные блага в условиях расширения экономических форм взаимодействия. Современный период развития, сопряженный с кардинальной ломкой устоев жизни, образованием новых общественных отношений и институтов, неизбежно способствует росту социальной напряженности, и требует, как никогда активного формирования и акцентирования, именно на правовом поведении.

Abstract. The article analyzes the nature of the formation of legal culture among modern youth. The main socio-pedagogical techniques and technologies that contribute to the development of legal behavior of young people at the present stage of society development are described. Motivation and the system of lawful behavior are investigated. The study also examines the theoretical foundations of the problem of the influence of socio-economic factors influencing the activation of illegal behavior and the use of elements in the education system that block this behavior among young people. The study analyzes the effectiveness of various technologies for the formation of legal culture of modern youth. In the process of accelerated modernization of communication processes, the majority of modern youth turned out to be unable to restructure their behavior in a short time. Currently, the value perception of young people is focused on material benefits in the context of expanding economic forms of interaction. The modern period of development, coupled with a cardinal breakdown of the foundations of life, the formation of new social relations and institutions, inevitably contributes to the growth of social tension, and requires more than ever active formation and emphasis, namely on legal behavior.

Ключевые слова: правовая культура молодежи, правонарушение, правомерное поведение, право, педагогические методы, правовое поведение, закон, преступление, профилактика противоправного поведения, общественные отношения, система высшего образования.

Keywords: legal culture of youth, offense, lawful behavior, law, pedagogical methods, legal behavior, law, crime, prevention of illegal behavior, public relations, higher education system.

Для цитирования: Лепихов Н.В., Алтухова О.Н., Птицына Е.А., Сухова А.С., Селезнева И.Г. Формирование правового поведения

молодежи // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 5(233). С. 328-330. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_328.

For citation: Lepikhov N.V., Altukhova O.N., Ptitsyna E.A., Sukhova A.S., Selezneva I.G. Formation of legal behavior young people // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 5(233). pp. 328-330. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_328.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

В России в современных условиях развития правовой системы, создания новой для России модели развития взаимоотношений личности, общества и государства с особым вниманием на приоритетное использование правовых средств в разрешении возникающих противоречий и конфликтов среди молодого поколения, указанная проблема эффективности правовых актов становится особенно актуальной. Российская правовая действительность дает достаточно большое количество доводов, чтобы увидеть в ней правовую безграмотность среди молодежи. На данном этапе развития общества, наблюдается стремительный рост преступности молодежи. Это явление можно объяснить тем, что изменения в жизни России повлекли рост социальной напряженности, социальных конфликтов и противоречий. Ценностный компонент правового воспитания является критически значимым в контексте современного образования, поскольку направлен на формирование личностных качеств будущей интеллектуальной элиты страны, которые проецируются на все виды деятельности и являются морально-этическим фундаментом правового поведения современной молодежи.

Ценность – является составной частью культуры личности, которая характеризует его отношение к явлениям, событиям, вещам, социуму. Формирование ценности правомерного поведения молодежи характеризуется отношением неприятия или нулевой терпимости к правонарушениям, и стремлением к противодействию её проявлениям. Правовые ценности – это отношение к обобщенным правовым целям и правовым средствам их достижения как значимым и выполняющим роль правовых норм. Таким образом, система правовых ценностей имеет двуединое основание: в личности как в субъекте права и в обществе как в социокультурной системе

Этические ценности в сфере деятельности формирования правового поведения молодежи основываются на моральном коде и преломляют ценности в сознании человека в виде стандартных образцов-эталонов ожидаемого противоправного поведения человека. Сами ценности увидеть невозможно, они проявляются в поведении человека, которое становится наблюдаемым. В литературе по интересующему вопросу отмечается, что противоправное поведение среди молодежи можно преодолеть, если молодой человек обладает устойчивыми моральными ценностями интегративности, честности, лидерства, подотчётности, справедливости и добросовестности. Формирование у обучающихся ценностей правомерного поведения характеризуется неприятием и нетерпимостью к проявлениям делинквентного поведения, соблюдением регламентов поведения и Кодекса этики, имеющегося в учреждении образования.

Большое значение в формировании ценностей правомерного поведения является осознание необходимых правовых действий. Поскольку понятие ценностей означает отношение к чему-либо как к «хорошему» или «плохому», соответственно, ценностный компонент правомерного поведения включает в себя планомерное формирование отношения нетерпимости к правонарушениям и создание адекватной морально-психологической атмосферы. Формирование ценностных правовых установок должно осуществляться как целенаправленный процесс формирования отношения к действительности, которое проявляются в положительных или отрицательных реакциях на противоправные проявления и основывается на этической сущности человеческого поведения, которое характеризуется единством нравственности и эмоционально-чувственного отношения к фактам и явлениям, приверженностью к достойным образцам поведения.

Моральные качества молодого человека проявляются в его поведении, характеризующимся правовой направленностью как нравственной ценностью личности. Положительные ценности позволяют сформировать нравственные качества личности. Этическая традиция позволяет выделить три типа нравственных качеств, которые отражают: 1) отношение человека к обществу (патриотизм, гуманизм, гражданское мужество); 2) отношение человека к другим и к самому себе (требовательность, человечность, самокритичность, искренность, личное достоинство и т.д.); 3) отношение человека к собственному труду (нацеленность на повышение собственного уровня, инициативность, трудолюбие). Развитие всех трех типов вышеуказанных качеств тесно связано с качествами правомерной направленности молодежи.

Проявления противоправного поведения в профессиональной деятельности считается профессиональной деформацией. Например, студент не способный подчинять свое поведение интересам общего дела или студенческого коллектива, а нацеленный на личные интересы может легко нарушать существующие законы. Важное значения имеют нравственные привычки самосовершенствования, потребности приносить пользу, укреплять престиж своего ВУЗа, поддерживать командный дух и готовность к выполнению инновационных задач, работать над профессиональным ростом. Принципы правового воспитания – основные направления педагогического воздействия, отражающие закономерности правомерного воспитания и требования к его воспитанию, методике и организации. Важно отметить, что среди принципов нет наиболее и наименее важных и ни один метод не в состоянии эффективно решать педагогические задачи или быть признан абсолютно полезным. Стержнем воспитания правовых ценностей является формирование внутренних убеждений человека и потребности поступать и действовать в соответствии с разделяемыми и усвоенными им нравственными понятиями.

Формирование ценностей уважения к закону у современной молодежи является непрерывным и включает в себя моральные убеждения, качества и чувства, моральные потребности и привычки. Конкретные элементы правовой культуры тесно связаны с моралью и объединяют личностные качества честности, неподкупности, доверия. Для формирования качеств правомерного поведения важна персонализация - личностное деятельное переживание проблемы, и интериоризация - сформированных механизмов этих действий. При выборе методов надо учитывать и когнитивные особенности современной молодежи- клиповое сознание, потребность в разноплановом визуальном воздействии и решении проблем, эмоционально мотивирующие акции и подбирать соответствующие методы. В частности, успешными методами для современных обучающихся являются акции, квесты, мемы, рефлексии об увиденном, услышанном, проектная, квесты. Весьма эффективен метод игры, поскольку в психологических исследованиях доказано, что в условиях использования игры у людей продуктивно меняется позиция и формируется механизм

корректировки или смены позиции и координации своей точки зрения с другими возможными.

Необходимо иметь в виду, что если противоправное поведение (правонарушение и преступление) исходит от вашего студента, то для начала стоит уведомить его о недопустимости совершения такого опрометчивого шага. Ведь известно, что проще предупредить правонарушение или исходит от самого молодого человека, то для начала стоит уведомить его о недопустимости совершения преступления. Тем более, что за добровольный отказ от совершения подобного деяния лицо не подлежит ответственности, в том числе и уголовной. Если же противоправное поведение исходит от незнакомого молодому человеку, лица и нет иных способов предупредить данное деяние, либо оно уже совершается или свершилось, то в данном случае важно оперативно и своевременно сообщить об этом компетентным лицам. Важно уведомить студентов, что, в случае возникновения конфликта интересов на месте его учебы или же совершения мелкого правонарушения, важно уведомить об этом непосредственно своего руководителя.

Колоссальный эффект имеют мероприятия, основанные на методах деловой игры, дискуссий и дебатов, акций по современной тематике противодействия правонарушениям, например: «Злоупотребление служебным положением – преступление или безнравственность?», «Коммерческий подкуп, как его предупредить?», «Последствия коррупционных действий – иллюзии и расплата» «Молодежь против вандализма», «Молодежь против экстремизма», «Молодежь и право». Высоким эмоциональным воздействием обладают смысловые изобразительные материалы и проводимые конкурсы инфографики (условно-графических изображений явления), конкурс плакатов, в юмористической и метафорической форме передающих суть противоправных явлений и противодействия им, конкурс видеороликов, рефлексивных блогов по данной тематике. Нравственные ценности по противодействию и недопущению преступных проявлений успешно формируется на материале, который вызывает глубокий эмоциональный отклик и эмоциональные переживания. К ним относятся художественные фильмы, которые служат хорошей базой для рефлексии. Эффективными являются использование литературных примеров, включая стихи, басни, имеющие ярко-выраженную мораль. Для формирования правовой культуры в рамках правового воспитания обучающихся для них на практических занятиях можно разработать для них интересные задачи на размышление и на выбор правильного результата. Задачи лучше посвятить разрешению вопросов, связанных с конфликтом интересов. Так как зачастую именно с него в учебной и иной среде созревает в последующем противоправное поведение. Как показывает практика, в большинстве своем случаев инициатором возникновения конфликта интересов, и последующего противоправного поведения, может выступать сам молодой человек. Анализ проблемы формирования правового поведения студенческой молодежи в современных условиях трансформации социальной жизни общества постепенно преобразуются из академических вопросов научного познания в неотъемлемую составляющую диагностики социальной действительности. Отсутствие некоторых компонентов правового поведения у молодежи на сегодняшний день в России стал явлением очень популярным, особенно резко он складывается под давлением существующего ряда кризисов. Этот тип поведения более обширный, чем остальные, так как в нем участвуют не только философские и моральные идеи и суждения, но и ряд юридических и социальных факторов. Важным, в этих обстоятельствах представляются социально-этические аспекты противоправного поведения молодых людей, поскольку, с одной стороны, они теоретически малоизучены, а с другой стороны приобретают все большую значимость в специфике поведения современных молодых людей. Подъем противоправного поведения молодежи проявляется чаще всего, когда кризисы внутри государства накладываются на соответствующий возрастной кризис человека. Даже в XX веке говорили о вспыльчивых и радикальных студентах, на сегодняшний день основную массу активистов-дебоширов, составляют люди в возрасте от 15 до 27 лет. Но это если говорить об очевидно выраженном противоправном поведении молодежи, которое можно считать формой делинквентного поведения, направленного больше не на отстаивание радикальных утверждений, а на привлечение внимания и авторитета среди сверстников, близко агрессивным субкультурам. Образуются совершенно новые компоненты в видовой структуре преступлений среди молодежи. В основе же всех причин противоправного поведения молодых людей лежит неразвитость социально-культурных потребностей, бедность духовного мира, отчуждение. Следует отметить, что молодежная преступность является отражением социальных отношений в обществе. Социализация, включение в общественную жизнь — это сложный процесс. Безусловно, социальная среда играет довольно большую роль в формировании личности.

При формировании у молодежи основ правового поведения современной молодежи нельзя сбрасывать со счетов противоречия интересов различных слоев и групп населения. Современное общество несвободно от обострений и столкновений интересов, которые могут возникать в процессе взаимодействия различных социальных институтов, социальных групп, общества и государства. Таким образом формирование правовой культуры молодежи – это совокупность мер, процедур и принципов, которые нацелены на пресечение любых правонарушений и преступлений. Данное определение содержит, во-первых, цель правовой культуры современной молодежи - пресечение всех видов правонарушений, и во-вторых, три принципиальные составные части правового поведения: меры, процедуры, принципы. При этом отметим, что процедура входит в понятие меры, и представляет собой особый порядок юридически значимых действий. политики и мер. Правомерное поведение является основным лейтмотивом деятельности каждого человека. В различных жизненных ситуациях, любое лицо должно действовать в соответствии с законом и нормами права.

Библиография:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»
2. Аринушкина Н. С. Характеристики социальных представлений и тенденций активности в идентификационной матрице учащейся молодежи // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акрмеология образования. Психология развития. 2008. №3- 4.
3. Арутюнян М.Ю. «Кто я» Проблема самоопределения юношей и девушек-подростков. М., 1992.
4. Михлин А.С. Общая характеристика осужденных. М., 1990, с.10-12.
5. Пронина Л.Н. Локальные нормативные акты по вопросам противодействия коррупции в образовательной организации // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. 2018. № 1

References:

1. Federal Law No. 273-FZ dated 12/29/2012 "On Education in the Russian Federation" Federal Law No. 273-FZ dated 12/29/2012 "On Education in the Russian Federation"
2. Arinushkina N. S. Characteristics of social representations and activity trends in the identification matrix of students. Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. The acmeology of education. Developmental psychology. 2008. No.3- 4.
3. Harutyunyan M.Yu. "Who am I" The problem of self-determination of young men and teenage girls. M., 1992.
4. Mikhlin A.S. General characteristics of convicts. M., 1990, pp.10-12.
5. Pronina L.N. Local regulations on combating corruption in educational organizations // Izvestiya Tula State University. Pedagogy. 2018. № 1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ Some aspects of the legal support of the public sector of the economy

ШИШКИН Сергей Николаевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права,
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
парк Александровский, 5, г. Санкт-Петербург, 197046, Россия.
E-mail: sergey.n.shishkin@gmail.com;

SHISHKIN Sergey Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law,
North-Western branch of the Russian State University of Justice.
Alexandrovsky Park, 5, St. Petersburg, 197046, Russia.
E-mail: sergey.n.shishkin@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматриваются правовые вопросы сохранения и укрепления публичного сектора экономики с учётом современных проблем и вызовов, стоящих перед Россией. Автор рассматривает теоретические подходы к определению понятия «публичный сектор экономики» и критически оценивает легальные способы его уменьшения.

Abstract: The article examines the legal issues of preserving and strengthening the public sector of the economy, taking into account modern problems and challenges facing Russia. The author considers theoretical approaches to defining the concept of "public sector of the economy" and critically evaluates legal ways to reduce it.

Ключевые слова: публичный сектор экономики, государственное регулирование экономики, механизм правового регулирования, антимонопольное регулирование, приватизация, государственная корпорация.

Keywords: public sector of the economy, state regulation of economy, mechanism of legal regulation, antimonopoly regulation, privatization, state corporation.

Для цитирования: Шишкин С.Н. Некоторые аспекты правового обеспечения публичного сектора экономики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 331-335. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_331.

For citation: Shishkin S.N. Some aspects of the legal support of the public sector of the economy // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 331-335. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_331.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2024

На Восточном экономическом форуме в сентябре 2023 года Президент России В.В. Путин высказал несогласие с утверждением о том, что роль государства в экономике страны чрезмерно возросла. Российский лидер отметил, что подобные заявления звучат постоянно, однако не соответствуют действительности. В России есть крупные госкомпании, но частные структуры развиваются быстрыми темпами и получают поддержку государства¹.

Насущная потребность в сохранении и укреплении публичного сектора экономики предопределяется глобальными вызовами, стоящими перед Россией, в том числе активизацией неправомерных действий со стороны недружественных государств, посягающих на государственную суверенитет страны и создающих угрозы её экономической безопасности². Данные обстоятельства обуславливают жизненную необходимость формирования мобилизационной экономики³, надлежащее функционирование которой невозможно без мощного и эффективного публичного сектора экономики на основе правового обеспечения, сочетающего публично-правовые и частноправовые элементы с учётом приоритета публичных интересов.

Однако вначале следует определиться с самим термином, характеризующим значительную часть экономики, которая находится в собственности и под управлением государства, субъектов РФ и муниципальных образований. За пределами термина «государственный сектор» остаётся муниципальный компонент. Кроме того, перечисление «государственный сектор экономики», «муниципальный сектор экономики» неудачно с точки зрения законодательной техники, что отражается, в частности, в громоздких наименованиях нормативных правовых актов, например в законодательстве «о государственно-публичном партнерстве, муниципально-частном партнерстве». Термин же «публичный» охватывает и то и другое.

Что касается термина «общественный сектор экономики», который также употребляется в научной литературе, то можно утверждать о его синонимичности с термином «публичный сектор экономики». Так, Л.И. Якобсон на протяжении всей своей работы «Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика»⁴ употребляет термин «общественный сектор экономики». Однако следует отметить, что, во-первых, у некоторых авторов либерального направления термин «общественный» вызывает ассоциации с социалистическим прошлым. Например, по этой же причине даже отдельные сторонники доктрины хозяйственного права переходят к термину «экономическое право» («народное

¹ Путин: Основа существования России – суверенная экономика и открытость честному партнерству [Текст] // Российская газета. – 2023. - № 9150.

² Назарова, И. С. Проблемы укрепления исполнительной власти в Российской Федерации : Учебное пособие / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2016. – 88 с. – EDN WDRQMT.

³ Гавриленко, В. А. О соотношении экономики и экологии: неоднозначность социально-правового регулирования / В. А. Гавриленко, В. М. Шеншин // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : Материалы XV Международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 мая 2022 года. – Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2022. – С. 74-75. – EDN EAQXAL.

⁴ Якобсон Л.И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика: Учебник для вузов [Текст] – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 367 с.

хозяйство» – не модный ныне термин). Осталось только в угоду моде переименовать хозяйственные общества, товарищества и партнерства в «экономические». Во-вторых, общественный сектор может некоторым образом ассоциироваться только со сферой деятельности общественных организаций. В силу этого наиболее удачным представляется термин «публичный сектор экономики».

Далее нужно обратиться к наполнению термина «публичный сектор» теоретическим содержанием и возможным выходом на предполагаемое легальное определение.

В экономической литературе публичный сектор экономики определяется в узком смысле либо как «совокупность объектов публичной собственности»¹, либо как «совокупность государственных предприятий и учреждений»².

В юридической литературе имеет место подход к публичному сектору как совокупности хозяйствующих субъектов. Так, А.Е. Кирпичев определяет публичный сектор экономики как «совокупность обладающих правами юридических лиц органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий, государственных корпораций, а также хозяйственных обществ, совокупная доля Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований в уставном капитале которых превышает 50 % или составляет величину, которая обеспечивает Российской Федерации, субъекту РФ или муниципальному образованию возможность решающего влияния на их действия»³. Достоинство данного определения состоит в детальном перечислении субъектов публичного сектора экономики (в узком смысле понимания названного сектора).

В юридической литературе неоднократно предпринимались попытки объединить в определении понятия «публичный сектор экономики» совокупность объектов публичной собственности и действующих на её основе хозяйствующих субъектов, а также добавить туда соответствующие правоотношения. Отправной точкой зрения вполне можно считать тезис В.К. Мамутова о том, что понятия «госсектор» и «государственная собственность» («государственное имущество») лежат в разных экономических плоскостях и не сводимы друг к другу⁴.

Представляется, что наиболее подробным образом критерий объединения объектов, субъектов и правоотношений применительно к государственному сектору экономики использован в определении, содержащимся в Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации (далее – Концепция). Согласно Концепции государственный сектор экономики – «совокупность экономических отношений, связанных с использованием государственного имущества, закрепленного за федеральными государственными унитарными предприятиями, основанными на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, государственными учреждениями, государственной казны Российской Федерации, а также имущественных прав Российской Федерации, вытекающих из ее участия в коммерческих организациях (за исключением государственного имущества, вовлекаемого в соответствии с законодательством Российской Федерации в бюджетный процесс)»⁵.

Е.П. Губин воспроизводит определение, приведенное выше из Концепции, однако вместе с тем существенно дополняет его, представляя государственный сектор экономики и как составную и неразрывную часть рыночных отношений, а также как средство, с помощью которого государство активно воздействует на рынок⁶.

В том, что публичный сектор экономики является составной, неразрывной (и органичной) частью рыночных отношений заключается его феномен, особая ценность для общества и государства. Вполне можно рассматривать публичный сектор и как особое средство государственного регулирования экономики, но с определенной оговоркой⁷. Речь идёт о том, что чем меньше объём публичного сектора в экономике, тем он менее эффективен в качестве средства воздействия на рыночные отношения. Такая научная гипотеза (а даже может быть и аксиома) имеет под собой объективные основания, в том числе создание мобилизационной экономики.

Необходимо ли вообще подробное и всестороннее легальное определение понятия «публичный сектор экономики» (в широком его смысле)? Скорее всего – нет, в частности, потому, что громоздких и сложных для восприятия дефиниций в нашем законодательстве предостаточно.

Характерной особенностью всех рассмотренных выше определений понятия «публичный сектор экономики» является ключевой термин «совокупность» (упрощенно – неупорядоченная скопленность), а никак не «система» (упрощенно – упорядоченная скопленность). Системность предполагает взаимосвязанность составляющих систему элементов. В нашем случае термин «система» в некоторой мере применим с оговоркой о необходимости принятия системообразующего нормативного правового акта. Однако представляется, что нет особой причины повторять вновь и вновь, что таким актом мог быть хозяйственный (предпринимательский) кодекс, значительная часть которого мог бы составлять институт публичного сектора экономики.

Публичный сектор в широком понимании в целом можно представить как динамичную функционирующую систему взаимосвязанных элементов: объектов, субъектов и соответствующих правоотношений. Механизм правового регулирования публичного сектора экономики – система правовых элементов, обеспечивающих необходимые гарантии эффективного функционирования объектов публичной собственности и

¹ Кононкова Н. П. Теория и практика государственной собственности [Текст]. - М.: МАКС Пресс, 2010. – 173 с. С. 50.

² Якобсон Л.И. Там же. С. 9.

³ Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики: Монография [Текст]. - М.: РГУП, 2017. -276 с. С. 267.

⁴ Мамутов В.К. Хозяйственное право. Избранные труды, Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2008. – 302 с. (Классика хозяйственно-правовой мысли). - С 227.

⁵ Постановление Правительства РФ от 09.09.1999 № 1024 «О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. - 1999. - № 39. - Ст. 4626.

⁶ Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 992 с.

⁷ Чугунов, Г. С. Энергетическая стратегия как гарант обеспечения Энергетической безопасности Российской Федерации: некоторые Правовые проблемы стратегии и способы их решения в актуальных геополитических условиях / Г. С. Чугунов, Н. П. Маюров // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 1(58). – С. 13-18. – EDN XAYTGF.

действующих на её основе хозяйствующих субъектов в целях удовлетворения интересов общества и государства.

Правовое регулирование «отношений по принадлежности имущества Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям перераспределение этого имущества между Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципальными образованиями, управлению им, учету, хранению и контролю за его использованием и распоряжением» предполагалось в проекте Федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе»¹, разработанным Минэкономразвития России, но не внесенным в Государственную Думу. Положительные моменты и недостатки названного проекта были предметом обсуждения в юридической литературе².

Созидательная хозяйственная деятельность в публичном секторе экономики не должна уходить на второй план по сравнению с перераспределением собственности, включая инструменты приватизации.

Эффективное управление объектами публичной собственности, их надлежащий учет, сохранение, а также контроль за их использованием и распоряжением – насущные проблемы правового обеспечения публичного сектора экономики. Однако перечень названных проблем этим не исчерпывается. Речь идёт, в том числе о гарантиях сохранения и недопустимости критического сужения публичного сектора в условиях названных выше глобальных вызовов и необходимости формирования мобилизационной экономики.

Частный сектор экономики, при всех его, безусловно, позитивных качествах, основан на главной цели предпринимательской деятельности (её фундаментальной детерминанте) – извлечении прибыли и, соответственно, на эгоистической рыночной направленности поведения экономических субъектов, характеризующейся некоторой долей цинизма. В свою очередь, публичный сектор выступает в качестве гаранта реализации конституционных положений о социальном государстве, гарантом остановки дальнейшего социального расслоения, гарантом обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Конституция РФ гарантирует признание и защиту равным образом частной и публичной форм собственности. Конституционный принцип признания и защиты равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности требует надлежащей реализации применительно к публичному сектору экономики.

Должно ли государство защитить публичный сектор экономики от самого себя? Государство должно ограничить себя в полномочиях по сворачиванию публичного сектора, сократить количество легальных способов сужения публичного сектора, уменьшить объем правоинструментального наполнения оставшихся после такого сокращения способов.

К легальным способам сужения публичного сектора экономики относятся: антимонопольное регулирование, приватизация государственного и муниципального имущества, передача имущества государственным корпорациям, институт банкротства.

Касаясь антимонопольных средств, следует отметить, что развитие и поддержка конкуренции – не самоцель, достигаемая в отрыве от других принципов и приоритетов государственного регулирования экономики.

Как справедливо отметил С.А. Сеницын, «повышение стимулов для роста конкуренции на рынках не может сводиться только к расширению компетенции антимонопольных органов»³.

Следующая цитата бывшего руководителя ФАС РФ выглядит не иначе, как приговор публичному сектору экономики: «госсектор сам по себе "антikonкурентоспособен" и "убивает все". Мы должны создать противовес этому государственному сектору. Мы должны значительную часть госсектора приватизировать. Мы должны создать условия для самозанятых, для малого бизнеса, прежде всего для них, для формирования настоящего среднего класса»⁴. А как же баланс частных и публичных интересов?

Уход государства из экономики несет в себе определенные риски, среди которых можно выделить саморазрушение государства, к которому Россия подходила в 90-е годы XX века в условиях «шоковой терапии», рыночного романтизма и эйфории, подкреплённых обоснованием необходимости создания класса эффективных частных собственников.

В качестве основополагающего принципа государственной политики по развитию конкуренции в Указе Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»⁵ (далее – Указ № 618) было определено сокращение доли хозяйствующих субъектов, учреждаемых или контролируемых государством или муниципальными образованиями в общем количестве хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на товарных рынках. Данный принцип в современных условиях можно интерпретировать следующим образом:

- 1) речь идёт о сокращении публичного сектора экономики, а не о его ликвидации и неоправданном сужении;
- 2) создание и функционирование унитарных предприятий по-прежнему допускается в установленных антимонопольным законодательством случаях, в том числе и на товарных рынках, находящихся в состоянии конкуренции;
- 3) Указ № 618 был подписан за пять лет до начала специальной военной операции. Изменения в антимонопольное законодательство, касающиеся ограничений создания и функционирования унитарных предприятий на товарных рынках, находящихся в состоянии конкуренции, были приняты за три года до начала специальной военной операции.

¹ Проект Федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе» [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#пра=95159> (дата обращения – 28.03.2024).

² Ершова И.В., Цицерман Ю.С. Государственное и муниципальное имущество: анализ законопроекта // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 12. - С. 62-69.

³ Сеницын С.А. Унитарные предприятия в российском гражданском обороте: анахронизм или естественное следствие участия публичного сектора в экономике? // Предпринимательское право. 2019. № 1.

⁴ Артемьев И.Ю. Для развития конкуренции нужна приватизация значительной доли госсектора РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/publications/17745> (дата обращения – 28.03.2024).

⁵ Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» [Текст] // СЗ РФ. - 2017. - № 52 (Часть I). - Ст. 811.

Недостаточную эффективность деятельности унитарных предприятий, также выявленную ФАС до начала специальной военной операции, можно преодолеть различными правовыми, экономическими и организационными средствами. Так, повышение эффективности использования бюджетных средств и управления принадлежащими государству активами, сохранение в собственности РФ имущества предприятий и других организаций, имеющих стратегическое значение, в том числе пакетов акций, определены в качестве задачи обеспечения экономической безопасности РФ¹.

Такой ли уж достаточной является эффективность деятельности частных собственников? Например, в начале 2024 года Президент РФ был вынужден принять меры по передаче в государственное управление ряда коммерческих корпоративных организаций².

Далеко не на пустом месте появилось адресованное Президенту РФ предложение, причём от индивидуального предпринимателя, о создании государственной сети продуктовых магазинов³.

Достаточно ли эффективна деятельность, сопровождающаяся экономией средств со стороны представителей крупнейшего бизнеса на надлежащее содержание опасных производственных объектов, приводящая к крупнейшим экологическим катастрофам вроде той, что произошла в конце мая 2020 г. на Таймыре в результате разлива нефтепродуктов⁴?

Именно экономией средств в целях максимизации прибыли можно объяснить наводнение страны низкоквалифицированными мигрантами из стран Азии. По данной проблеме необходимо не только определять, достаточна ли эффективность отдельных частных собственников, но и степень их патриотизма и нравственности.

Безграничная приватизация государственного и муниципального имущества в создавшихся в настоящее время условиях не соответствует задачам обеспечения защиты публичных интересов. Экономическая обоснованность приватизации объектов публичной собственности и оптимизация количества унитарных предприятий должны определяться с учетом национальных интересов и приоритетов Российской Федерации. Денежные средства, привлекаемые с помощью приватизации, дают лишь временный эффект, и, в свою очередь, требуют дополнительного контроля за их использованием.

В контексте рационального использования имущества публичного сектора экономики представляют интерес некоторые аспекты создания и деятельности государственных корпораций. В научной литературе имеют место разные подходы к правовому режиму имущества государственных корпораций – некоммерческих унитарных организаций.

Так, А.В.Семенов и Т.А.Серегина, исходя из того, что государственная корпорация является субъектом со специальной целевой правоспособностью, делают вывод, что «имущество корпорации принадлежит не на праве хозяйственного ведения»⁵. В.П. Мозолин отмечает, что с момента создания и до ликвидации корпорации федеральное государственное имущество принадлежит ей на «полном праве собственности, имеющем целевой характер. В период существования государственной корпорации право РФ на переданное ей государственное имущество приостанавливается»⁶.

Е.А. Суханов, обращая внимание на то, что государственные корпорации являются частными собственниками своего имущества, дает жёсткую оценку организационно-правовой форме государственной корпорации и предоставленной ей «широкой возможности практически бесконтрольного использования огромных бюджетных средств»⁷.

В любом случае, государственные корпорации являются неотъемлемой частью публичного сектора экономики⁸, и опасения относительно риска «вывода» имущества государственных корпораций в частный сектор экономики имеют под собой основу и требуют уточнений в действующем законодательстве.

Институт банкротства тоже в некоторой мере может представлять собой один из легальных способов сужения публичного сектора экономики. Например, созданное в результате реорганизации «Российской корпорации нанотехнологий» акционерное общество «Роснано», вследствие деятельности одного «эффективного» менеджера, уже находилось на грани банкротства.

В целом можно констатировать, что в предоставлении государственных гарантий, мер поддержки и защиты нуждается не только частный сектор экономики, но и публичный, который, в свою очередь, является одним из главных средств и гарантом обеспечения национальной безопасности России.

Библиография:

1. Артемьев И.Ю. Для развития конкуренции нужна приватизация значительной доли госсектора РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/publications/17745> (дата обращения – 28.03.2024).
2. Гавриленко, В. А. О соотношении экономики и экологии: неоднозначность социально-правового регулирования / В. А. Гавриленко, В. М. Шеншин // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : Материалы XV Международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 мая 2022 года. – Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2022. – С. 74–75. – EDN EAQXAL.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. - 2021. - № 27 (часть II). - Ст. 5351.

² Петербургский «Завод Горалтех» передал Росимуществу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6581211?ysclid=lub0gbo5le117692750>(дата обращения – 28.03.2024).

³ Продуктовой госсети оценили перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6466435?ysclid=lu8kxulzyb807881508> (дата обращения – 28.03.2024).

⁴ Шишкин С.Н. Некоторые аспекты антикризисного правового обеспечения экономики [Текст] // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. - 2020. - № 3 (75). - С. 109.

⁵ Семенов А.В., Серегина Т.А. Особенности правового положения государственной корпорации // Право и экономика. 2008. № 2.

⁶ Мозолин В.П. Правовой статус государственной корпорации и юридическая природа права собственности на принадлежащее ей имущество // Журнал российского права. 2009. № 1.

⁷ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2016. – 456 с. – ISBN 978-5-8354-1132-0 - С. 270.

⁸ Литвинов, Н. П. Проблемы соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в области экономической деятельности в условиях чрезвычайной ситуации / Н. П. Литвинов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 4(57). – С. 19-25. – EDN UKQVCQ.

3. Ершова И.В., Цимерман Ю.С. Государственное и муниципальное имущество: анализ законопроекта // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 12. - С. 62-69.
4. Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики: Монография [Текст]. - М.: РГУП, 2017. - 276 с. С. 267.
5. Кононкова Н. П. Теория и практика государственной собственности [Текст]. - М.: МАКС Пресс, 2010. - 173 с. С. 50.
6. Литвинов, Н. П. Проблемы соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в области экономической деятельности в условиях чрезвычайной ситуации / Н. П. Литвинов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2022. - № 4(57). - С. 19-25. - EDN UKQVCQ.
7. Мамутов В.К. Хозяйственное право. Избранные труды, Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2008. - 302 с. (Классика хозяйственно-правовой мысли). - С. 227.
8. Мозолин В.П. Правовой статус государственной корпорации и юридическая природа права собственности на принадлежащее ей имущество // Журнал российского права. 2009. № 1.
9. Назарова, И. С. Проблемы укрепления исполнительной власти в Российской Федерации : Учебное пособие / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2016. - 88 с. - EDN WDRQMT.
10. Петербургский «Завод Горэлтех» передали Росимуществу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6581211?ysclid=lub0gbo5le117692750>(дата обращения – 28.03.2024).
11. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лакно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 992 с. - [Электронный ресурс] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Продуктовой госсети оценили перспективы [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6466435?ysclid=lu8kxulzyb807881508> (дата обращения – 28.03.2024).
13. Путин: Основа существования России – суверенная экономика и открытость честному партнерству [Текст] // Российская газета. – 2023. - № 9150.
14. Семенов А.В., Серегина Т.А. Особенности правового положения государственной корпорации // Право и экономика. 2008. № 2.
15. Сеницын С.А. Унитарные предприятия в российском гражданском обороте: анахронизм или естественное следствие участия публичного сектора в экономике? // Предпринимательское право. 2019. № 1. - [Электронный ресурс] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2016. – 456 с. – ISBN 978-5-8354-1132-0 - С. 270.
17. Чугунов, Г. С. Энергетическая стратегия как гарант обеспечения Энергетической безопасности Российской Федерации: некоторые Правовые проблемы стратегии и способы их решения в актуальных геополитических условиях / Г. С. Чугунов, Н. П. Маюров // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 1(58). – С. 13-18. – EDN XAYTGF.
18. Шишкин С.Н. Некоторые аспекты антикризисного правового обеспечения экономики [Текст] // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. - 2020. - № 3 (75). - С. 109.
19. Якобсон Л.И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика: Учебник для вузов [Текст] – М.: ГУ ВЦЭ, 2000. – 367 с.

References:

1. Artemyev I.Y. For the development of competition, privatization of a significant share of the public sector of the Russian Federation is needed [Electronic resource]. URL: <https://fas.gov.ru/publications/17745> (date of application – 03/28/2024).
2. Gavrilenko, V. A. On the relationship between economics and ecology: the ambiguity of social and legal regulation / V. A. Gavrilenko, V. M. Shenshin // Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovation, sustainability : Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference, Minsk, May 19-20, 2022. – Minsk: Belarusian State University of Economics, 2022. – pp. 74-75. – EDN EAQXAL.
3. Yershova I.V., Zimerman Y.S. State and municipal property: analysis of the draft law // Current problems of Russian law. - 2019. - No. 12. - pp. 62-69.
4. Kirpichev A.E. Entrepreneurial obligations in the public sector of the economy: Monograph [Text]. - M.: RGUP, 2017. - 276 S. S. 267.
5. Kononkova N. P. Theory and practice of state property [Text]. - M.: MAKS Press, 2010. - 173 p. 50.
6. Litvinov, N. P. Problems of observance of fundamental human and civil rights and freedoms in the Russian Federation in the field of economic activity in an emergency situation / N. P. Litvinov // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 4(57). – Pp. 19-25. – EDN UKQVCQ.
7. Mamutov V.K. Economic law. Selected works, Yekaterinburg: Business, management and Law, 2008. - 302 p. (Classics of economic and legal thought). - P. 227.
8. Mozolin V.P. The legal status of a state corporation and the legal nature of ownership of property belonging to it // Journal of Russian Law. 2009. № 1.
9. Nazarova, I. S. Problems of strengthening executive power in the Russian Federation : A textbook / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. – Belgo-rod : Epicenter Limited Liability Company, 2016. – 88 p. – EDN WDRQMT.
10. The St. Petersburg Goretelch Plant was transferred to the Federal Property Management Agency [Electronic Resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6581211?ysclid=lub0gbo5le117692750>(date of reference – 03/28/2024).
11. Business law of the Russian Federation: Textbook / E.G. Afanasyeva, A.V. Belitskaya, V.A. Vaypan et al.; ed. E.P. Gubin, P.G. Lakhno. 3rd ed., reprint and additional M.: NORMA, INFRA-M, 2017. 992 p. - [Electronic resource] Access from the SPS "ConsultantPlus".
12. The prospects of the state food network were assessed [Electronic resource] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6466435?ysclid=lu8kxulzyb807881508> (date of issue – 03/28/2024).
13. Putin: The basis of Russia's existence is a sovereign economy and openness to honest partnership [Text] // Rossiyskaya Gazeta. – 2023. - No. 9150.
14. Semenov A.V., SerEGINA T.A. Features of the legal status of a state corporation // Law and Economics. 2008. № 2.
15. Sinityn S.A. Unitary enterprises in Russian civil turnover: an anachronism or a natural consequence of the participation of the public sector in the economy? // Business law. 2019. No. 1. - [Electronic resource] Access from the SPS "ConsultantPlus".
16. Sukhanov E.A. Comparative corporate law. 2nd ed., stereotype. – M.: Statute, 2016. – 456 p. – ISBN 978-5-8354-1132-0 - p. 270.
17. Chugunov, G. S. Energy strategy as a guarantor of ensuring Energy security of the Russian Federation: some legal problems of the strategy and ways to solve them in current geopolitical conditions / G. S. Chugunov, N. P. Mayurov // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 1(58). – Pp. 13-18. – EDN XAYTGF.
18. Shishkin S.N. Some aspects of anti-crisis legal support of the economy [Text] // Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov. - 2020. - № 3 (75). - P. 109.
19. Yakobson L.I. The state sector of the economy: economic theory and politics: Textbook for universities [Text] – Moscow: Higher School of Economics, 2000. – 367 p.

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО СЫСКА В РОССИИ The history of the origin and formation of criminal investigation in Russia

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: IvanovP11952@yandex.ru;

Ivanov Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: IvanovP11952@yandex.ru

Краткая аннотация. Актуальность затронутой нами темы заключается в стремлении автора получить глубокие знания об уголовном сыске путем обращения к истории его возникновения (зарождения), становления и развития¹ [1, 6]. Таким образом, по мнению автора, намного легче понять причины этого процесса и их закономерности, тенденции качественных изменений и ее особенности. Полагаем, что глубокое теоретическое осмысление истории сыска позволяет в конечном итоге выстроить его на основе полученных данных полноценную модель сыска как элемента системы правоохраны, отвечающего на вопрос: что имели вначале формирования, каким теперь стало и каковы перспективы развития этой модели. Ответы на них помогут выстроить современную систему розыскной работы на цифровой платформе, поскольку деятельность подразделений УР на сегодня, как правило, осуществляется в замкнутой цифровой среде [3, 4, 5].

Abstract. The relevance of the topic we have touched upon lies in the author's desire to gain in-depth knowledge about criminal investigation by referring to the history of its origin (origin), formation and development. Thus, according to the author, it is much easier to understand the causes of this process and their patterns, trends in qualitative changes and its features. We believe that a deep theoretical understanding of the history of detective work allows us to eventually build a full-fledged model of detective work based on the data obtained as an element of the law enforcement system that answers the question: what were the initial formations, what has now become and what are the prospects for the development of this model. The answers to them will help build a modern system of investigative work on a digital platform, since the activities of SD units today, as a rule, are carried out in a closed digital environment.

Ключевые слова: уголовный сыск, история его зарождения, становления и развития, Российская империя, формы сыска, сыскные отделения, правовое регулирование, полицейская реформа при Петре 1, розыскная работа, подразделения УР.

Keywords: criminal investigation, the history of its origin, formation and development, the Russian Empire, forms of investigation, detective departments, legal regulation, police reform under Peter 1, investigative work, divisions of the UR.

Для цитирования: Иванов П.И. История зарождения и становления уголовного сыска в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 336-339. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_336.

For citation: Ivanov P.I. The history of the origin and formation of criminal investigation in Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 336-339. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_336.

Статья поступила в редакцию: 22.04.2024

Вопросы, связанные с уголовным сыском в Российской империи, остаются сложной, многоаспектной, теоретической и практической проблемой, требующей детального рассмотрения. Как нам представляется, отдельные ее аспекты не получили достаточного теоретического освещения, что особенно актуально в современных условиях. На наш взгляд, актуальным является изучение генезиса становления сыска, имеется объективная потребность в этом² [2]. Отмеченные обстоятельства во многом определили выбор темы настоящей научной статьи и свидетельствуют об ее актуальности, которая предполагает теоретическое обоснование и практическое разрешение посредством углубленного изучения исторических событий и принятых в ту пору правовых актов.

Среди исследователей уголовный сыск трактуется двояко: одни его рассматривают как система государственных органов дореволюционной России, осуществлявших выслеживание, розыск и изобличение преступников. Как видим, в таком понимании легко просматривается весь цикл самого процесса сыска – от обнаружения преступника до его привлечения к ответственности. Существует и вторая точка зрения, сторонники которой под сыском имеют в виду комплекс регламентированных законом и иными нормативными правовыми актами приемов и способов (действий) выслеживания, розыска и изобличения злоумышленников. Указанные действия направлены на установление лица, совершившего преступление, его розыск в случае, когда оно скрылось от следствия и суда. Как нам представляется, указанные понятия (определения) взаимодополняют друг друга, обогащая их в содержательном плане.

Изучая историю зарождения и становления уголовного сыска в России, мы поставили перед собой задачу выявления на каждом этапе специфических его особенностей. В решении этой непростой задачи во многом помогли труды таких известных специалистов, как Мулукаев Р.С., Нестеров М.Д., Полубинский В.И. и др. [7, 8, 9] Между тем отметим, что при описании характерных черт (свойств) опирались преимущественно на

¹ История зарождения уголовного сыска в России для нас не нова, ибо к ней мы неоднократно возвращались в своих научных работах.

² Необходимость углубленного изучения генезиса уголовного сыска в России в русле политики.

работу В.И. Полубинского «Уголовный сыск», опубликованную в Энциклопедии к 200-летию МВД России в 2002 г.

Хотим подчеркнуть, что на каждом историческом этапе становление уголовного сыска в немалой степени зависело от многовариантности общественного развития. Учитывая это, поэтапно проследим эволюцию уголовного сыска. К особенностям этой эволюции мы, прежде всего, относим:

- осуществление полицейских и судебных функций в период раннефеодальной Руси (IX-XII вв.) князем, представители которого вели расследование преступлений и розыск преступников;
- частноправовой характер борьбы с преступностью. Сам факт совершения преступления еще не рассматривался в ту пору как общественно опасное деяние, поэтому сам потерпевший должен был заняться поиском злоумышленника, то есть выполнял функции «сыщика». По утверждению историков, при возникновении между сторонами спорных вопросов органы княжеской администрации выступали в качестве «арбитра»;
- возложение «Русской правдой» (XIV в.) обязанности по розыску преступников на общину. В этом судебнике великокняжеской династии Рюриковичей регламентировались такие приемы сыска, как «свод» при розыске украденных вещей и «гонение следа» при розыске преступника, скрывшегося с места происшествия;
- приобретение борьбы с преступностью публично-правовой характер. Функции розыска преступников и их наказания государство начинает брать на себя. Для этого формируются специальные государственные органы. Это стало возможным благодаря дальнейшему развитию феодального общества, в котором преступление стало рассматриваться как противоправное деяние;
- определение приемов и способов уголовного сыска Судебниками 1497 и 1550 гг., Соборным уложением 1649 г. Закрепление их в таких правовых актах происходит в эпоху Русского централизованного государства (XV-XII вв.). Заметим, что рядом других актов предусматривались также способы осуществления уголовного сыска. Так, например, в Москве и Московском уезде полицейские и сыскные обязанности осуществлялись в соответствии с приказом «Земский двор»;
- осуществление в волостях старостами и целовальниками на своей территории административно-полицейские функции (середина XVI в.). В их подчинении находились тиуны, доводчики и другие чиновники, которые вели розыскную и другие виды полицейских работ. В уездах же были наместники – представители центральной власти;
- управление из Москвы Разбойным (Сыскным) приказом губными учреждениями. Важно подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство весьма характерное этому периоду: административные органы еще не были отделены от судебных. В результате чего весь комплекс карательных мер (от следствия до суда) осуществляли Земский и Разбойный приказы;
- создание Расправной палаты при Боярской думе, на которую были возложены следующие функции: разбирательство уголовных дел, розыск преступников и их наказание. Сама Боярская дума в соответствии с Судебником 1550 г. выполняла роль центрального органа государственного управления, в структуре которого и было создано указанное подразделение;
- законодательное возложение в XV-XVII вв. розыскных обязанностей на недельщиков, приставов и других государственных чиновников. Помимо них крестьянская община также привлекалась к борьбе с преступностью, включая к осуществлению розыскной работы. Способы ее ведения постоянно совершенствовались. Среди них узаконенными правовыми актами считались: повальный обыск, поимка виновного с личным, очная ставка, «опыт» (пытка);
- кардинальные преобразования в жизни общества в эпоху абсолютизма (XVII-начало XX вв.), начатые Петром I. Перечислим наиболее значимые перемены в рассматриваемом аспекте.

К их числу мы относим:

- замена приказов коллегиями;
- учреждение регулярной полиции;
- создание Розыскной экспедиции в Петербурге (1729 г.);
- восстановление в Москве (1730 г.) Сыскного приказа, который осуществлял расследование по фактам краж, совершения разбоев, убийств, он был ликвидирован в 1701 г. Отметим, что в штатах Сыскного приказа состояли доносители; поскольку преследование преступников начиналось по доносам и челобитным потерпевших. Среди форм их розыска преобладал сыск по «наказам», то есть с конкретным заданием на розыск снаряжался подъязычий Сыскного приказа – с солдатами и понятыми (окольными людьми);
- ведение сыскной работы помимо доносителей фискалов¹, служба которых была учреждена при Петре I для «тайного досмотра» и выявления «всех безгласных дел»;
- осуществление на местах уголовного сыска полицмейстерскими конторами (30-е гг. XVIII в.);
- организацию в 1742г. по указу императрицы Елизаветы Петровны Розыскной экспедиции при Главной полицмейстерской канцелярии Петербурга, которая осуществляла расследование дел и их рассмотрение в отношении воров и разбойников, задержанных в столице и губернии;
- указ «Об определении главных сыщиков для сыску и искоренения воров и разбойников, и беглых людей», изданный Правительствующим сенатом в 1756 г. Сам порядок сыскной деятельности регламентировалась Инструкцией, которая прилагалась к указу;

¹ При Сенате в 1711 г. был учрежден институт фискалов, задуманный как орган тайного надзора.

- передачу Розыскной экспедиции (1763 г.) функции ликвидированного в Москве Сысского приказа;
- возложение полицейских (розыскных) функций в соответствии с «Учреждением для управления губерний», подписанным Екатериной 11 (1775 г.), на нижние земские суды в уездах, а в городах – на городничих;
- учреждение в городах новых органов административно-полицейского управления – управ благочиния (1782 г.). Деятельность этих органов регламентировалась Уставом благочиния;
- учреждение Министерства внутренних дел (1802 г.) и реформы 60-70-х гг. XIX в. Эти нововведения затронули структуру и компетенцию полиции. Из ее ведения выводятся судебные и следственные функции. Лишь производство дознания по уголовным делам остается за полицией. В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства (1864 г.) при производстве дознания сбор необходимых данных осуществляется путем сыска, словесных расспросов и негласного наблюдения;
- становление оперативно-розыскной деятельности как самостоятельной функции правоохранительных органов. Это было закреплено в законе «Об организации сыскных частей», принятом Государственной думой в 1908 г. Порядок производства оперативно-розыскных действий был предусмотрен в Инструкции чинам сыскных отделений, изданной МВД в 1910 г. В структуре сыскных отделений имелись справочное регистрационное бюро, стол розыска. В губернских городах были созданы так называемые летучие и ломбардные отряды, которые предназначались для розыска похищенных вещей.

В юридической литературе справедливо отмечается, что с середины XVII в. начинается отсчет второго периода розыскной работы на Руси [10]. Историки утверждают, что на этом этапе ее развития происходит определенная реформа в государственном управлении. Приходит конец сословно-представительным органам.

Полицейская реформа при Петре I (1711 г.) положила начало зарождения регулярной полиции, которая наделялась вполне определенной функцией и направлялась на решение конкретных задач.

В 1530-е годы в Москве усилились разбои, и для борьбы с ними была собрана временная комиссия из бояр. В 1571 году на ее основе создается постоянный орган – Разбойный приказ, просуществовавший до начала восемнадцатого века.

В 1649 году Алексей Михайлович издает «Наказ до городского благочиния касающийся» и впервые поручает стражам порядка следить еще и за пожарной безопасностью.

В 1715 году Петр I создает в Петербурге полицейскую канцелярию. Теперь участвовать в поддержании порядка могут не любые сословия, а только бывшие солдаты и офицеры.

С 19 января 1722 года полиция под руководством обер-полицмейстера начинает действовать и в Москве. В первые годы обер-полицмейстер подчиняется напрямую петербургскому генерал-полицмейстеру, оставаясь независимым от московских городских властей.

В 1802 году в стране создается Министерство внутренних дел (МВД), в ведении которого оказывается и полиция. Обер-полицмейстер теперь подчиняется непосредственно генерал-губернатору, отделениями полиции руководят полицмейстеры, у них же в подчинении находятся участковые приставы. Самые маленькие кусочки городско-вельи территории называются околотками, и за них отвечают околоточные надзиратели. Ниже всех по служебной лестнице стояли городовые (не путать с городничими), но именно они первыми оказывались в гуще беспорядков. Такая иерархия сохранялась вплоть до революции.

В 1866 году в России открывается первое сыскное отделение под руководством знаменитого сыщика Ивана Путилина.

В 1903 году для более оперативного реагирования на преступления создается первый «летучий отряд» (прообраз современного ОМОНа).

До 1910 г. сыскная и общая полиция, ведя борьбу с уголовной преступностью, не имела нормативного акта, что, безусловно, мешало в повседневной работе. Только 9 августа 1910 г. издается «Инструкция чинам сыскных отделений», в которой предусматривался порядок осуществления уголовного сыска в России. Заметим, что в основу работы сотрудников сыскных отделений был положен линейный принцип. Это означало, что дифференциация между сотрудниками видов деятельности. Ярким примером такой организации работы служит ведение наружного и внутреннего наблюдения. Так, наружное наблюдение осуществляли штатные сотрудники сыскных отделений. Что же касается внутреннего наблюдения, то его вела сеть агентов-осведомителей, вербовавшихся, по преимуществу, из разнообразных слоев населения (извозчики, дворники, горничные, приказчики, телефонистки и др.).

В 1913 году полицейские, наконец, переходят на полное содержание государства (до этого из казны им перечислялось только жалование, а за все остальные расходы, по древнему обычаю, отвечал город). Министерство внутренних дел готовит новую реформу реорганизации полиции, планирует повысить оклады полицейских и тщательнее отбирать кадры. Но из-за начала Первой мировой войны проект приходится отложить.

В феврале 1917 года городская полиция становится одной из первых жертв большевиков, а уже в ноябре того же года ей на смену приходит рабоче-крестьянская милиция.

Обобщая историческое развитие сыска, мы сочли необходимым высказать о том, что этот процесс подвержен определенным закономерностям, а именно, сопряженности экономических реформ с совершенствованием правоохранительной функции, включая сыска; одним из направлений модернизации выступает разработка и принятие законов и иных нормативных актов; организационно-структурном построении линии уголовного сыска (сыскные подразделения, уголовно-розыскная полиция и т.п.); наличии тесной причинно-следственной связи поиска новых форм повышения эффективности сыска со складывающейся криминальной ситуацией. Познавание этих и других закономерностей позволяет за-

тем учесть их в глубоком научном исследовании уголовного сыска с целью дальнейшего совершенствования розыскной работы в интересах решения тех задач, которые определены в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

В целях упреждения (сдерживания) напряженности в обществе и предвидения возможных изменений криминогенной ситуации в худшую сторону главы государств всячески предпринимали неотложные меры по стабилизации обстановки, в том числе путем отслеживания складывающихся тенденций ее развития, которые в общем виде выразились в виде:

- распространности тяжких и особо тяжких преступлений, включая корыстной направленности, что повлекло принятие адекватных ответных мер;
- доминирование среди них фактов совершения в организованной форме. Данное обстоятельство, как показало проведенное нами изучение, свидетельствовало о сопряженности усилением негласных сил, средств и методов розыскной работы;
- упреждения различных видов противоправных деяний, потребовало активизации оперативно-профилактической работы;
- отслеживания соответствующими государственными структурами на различном историческом этапе изменений форм и методов розыскной работы, подобного рода действия послужили предпосылкой для заблаговременной оперативной готовности принятия правоохранительными органами действенных мер и обобщения допущенных ошибок и упущений в целях их недопущения впредь.

Заметим, что указанные негативные тенденции, связанные с развитием сыска, на наш взгляд, стали возможными благодаря совокупности факторов, им сопутствовавшим, которые нами условно поделены на две группы: внутригосударственные и вне отдельных государств (межгосударственные). Среди них основными в силу экономической слабости государств преобладали факторы первой группы (несвоевременное создание необходимых структур по сыску, их малочисленность, нечеткое наделение им властными полномочиями, не подкрепление их нормативным закреплением). Их влияние усиливалось за счет внешних обстоятельств. Совокупность факторов послужила своего рода благоприятным условием, препятствовавшим укреплению уголовного сыска.

Следовательно, проблемы борьбы с преступностью были присуще не только древним государствам, но и они не были чужды Древней Руси, а затем и России. Формирование правоохранительных органов в России шло очень долго (IX-XVII вв.). Отсутствовали централизованные органы, осуществлявшие правоохранительные функции, в том числе розыск преступников. Только в конце XIV – середины XVII в. зарождается зачатки (предпосылки) розыскной (сыскной) работы и становится в качестве отдельного направления деятельности по охране порядка.

На различных исторических этапах развития нашего государства вопросы сыска решались по-разному, соответственно это трансформировалось (отражалось) на их правовом регулировании. Рельефно можно проследить по условно разбитым нами периодам.

Нельзя не признать тот факт, что теоретическое осмысление уголовного сыска как самостоятельного направления правоохранительной деятельности осуществлялось вначале в рамках науки криминалистики, а затем уже и теории оперативно-розыскной деятельности.

Библиография:

1. Иванов П.И. Зарождение и становление уголовного сыска в России // Вопросы истории. 2023, №3 (1). – С.60-67.
2. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание //Вестник Владимирского юридического института. 2022, № 2 (63). – С.26-33.
3. Иванов П.И. Оперативно-розыскная наука о розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел // Философия права.2021, № 3. - С. 86–90;
4. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. 2022, № 4 (64). – С.83-92.
5. Иванов П.И. Теория оперативно-розыскной деятельности как наука в условиях цифровой трансформации // Сборник по материалам Всероссийской научно-практической конференции: «Оперативно-розыскная деятельность: вопросы теории и практики» (к 100-ю Дальневосточного юридического института МВД России). от 13.11.2020 года. 2021, № 10. - С. 126-134;
6. Иванов П.И., Лавров В.П. Из истории розыска в России // Вопросы истории. 2021, № 5-2. - С. 254–261 (Web of Science Core Collection, Scopus);
7. Мулукаев Р.С. Организационно-правовые основы становления Советской милиции (1917–1920). Гл. 1. М.: Академия МВД СССР, 1975. 105 с.;
8. Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1964. 403 с.;
9. Мулукаев Р.С. Полубинский В. И. Сказ о сыске // Советская милиция. 1990. № 1–12. С. 56–68.
10. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебник / под ред. З.Л. Шхагапсоева и Н.П. Голяндина. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. - С.17.

Bibliography:

1. Ivanov P.I. The origin and formation of criminal investigation in Russia // Questions of history. 2023, No.3 (1). – pp.60-67.
2. Ivanov P.I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content //Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022, No. 2 (63). – pp.26-33.
3. Ivanov P.I. Operational investigative science of investigative and identification activities of internal affairs bodies // Philosophy of Law.2021, No. 3. - pp. 86-90;
4. Ivanov P.I. Operational investigative counteraction to cybercrimes (problems and ways to solve them) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, No. 4 (64). – pp.83-92.
5. Ivanov P.I. Theory of operational investigative activity as a science in the context of digital transformation // Collection based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference: "Operational investigative activity: questions of theory and practice" (to the 100th Far Eastern Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia). from 11/13/2020. 2021, No. 10. - pp. 126-134;
6. Ivanov P.I., Lavrov V.P. From the history of the search in Russia // Questions of history. 2021, No. 5-2. - pp. 254-261 (Web of Science Core Collection, Scopus);
7. Mulukaev R.S. Organizational and legal foundations of the formation of the Soviet militia (1917-1920). Chapter 1. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1975. 105 p.;
8. Mulukaev R.S. Police and prison institutions of pre-revolutionary Russia. M.: Higher School, 1964. 403 p.;
9. Mulukaev R.S. Polubinsky V. I. The tale of the detective // The Soviet militia. 1990. No. 1-12. pp. 56-68.
10. Fundamentals of operational investigative activities of internal affairs bodies: textbook / edited by Z.L. Shkhagapsoev and N.P. Golyandin. – Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. - p.17.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РАБОТЕ С ДОКУМЕНТАМИ И ПРЕДМЕТАМИ В ХОДЕ ИХ ОСМОТРА

The forensic activity of the investigator in working with documents and objects during their inspection

МЕРЕТУКОВ Гайса Мосович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики
Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина.
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.
E-mail: chirev.2001@mail.ru;

ЧИРЬЕВ Илья Сергеевич,

студент магистратуры юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина.
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.
E-mail: chirev.2001@mail.ru;

Meretukov Gaisa Mosovich,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminology
of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.
Kalinina str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: chirev.2001@mail.ru;

Chiryev Ilya Sergeevich,

graduate student of the Faculty of Law Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.
Kalinina str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: chirev.2001@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящее время ни один акт расследования невозможно представить без криминалистического исследования предметов, документов. Данные объекты материального мира зачастую содержат в себе следы преступления, имеющие важное значение для расследования уголовного дела. Первоначально работа с данными объектами ведется следователем. Она производится в двух направлениях – сбор предметов и документов, а также исследование их внешних признаков в ходе непосредственного осмотра. В ходе исследования нами были определены основные правила, соблюдая которые следователь при работе с документами и предметами минимизирует неблагоприятный исход в части утраты важных следов преступления.

Abstract: Currently, it is impossible to imagine any act of investigation without a forensic examination of objects and documents. These objects of the material world often contain traces of a crime that are important for the investigation of a criminal case. Initially, the work with these objects is carried out by the investigator. It is carried out in two directions – the collection of objects and documents, as well as the study of their external signs during a direct inspection. In the course of the study, we identified the basic rules, observing which the investigator, when working with documents and objects, minimizes the unfavorable outcome in terms of the loss of important traces of the crime.

Ключевые слова: документ, предмет, осмотр, следователь, криминалистическая деятельность, следы преступления.
Keywords: document, object, inspection, investigator, forensic activity, traces of a crime.

Для цитирования: Меретуков Г.М., Чирьев И.С. Криминалистическая деятельность следователя по работе с документами и предметами в ходе их осмотра // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 340-342. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_340.

For citation: Meretukov G.M., Chiryev I.S. The forensic activity of the investigator in working with documents and objects during their inspection // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 340-342. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_340.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2024

В настоящее время ни один акт расследования невозможно представить без криминалистического исследования предметов, документов. Данные объекты материального мира зачастую содержат в себе следы преступления, имеющие важное значение для расследования уголовного дела.

Первоначально отметим, что документы и предметы в уголовном деле могут появиться лишь вследствие производства следственных действий, перечень которых строго оговорен уголовно-процессуальным законодательством.

Так, наиболее часто предметы и документы изымаются вследствие проведения осмотра места происшествия, обыска, выемки. Крайне важно следователю процессуально правильно оформить процесс изъятия данных объектов с той целью, чтобы в последующем при рассмотрении уголовного дела по существу суд при оценке доказательств не пришел к выводу об их недопустимости.

Так, любой предмет, который изымается следователем в процессе производства следственного действия должен быть отражен в протоколе его проведения. Кроме этого, первоначальные внешние признаки изымаемого объекта должны быть также описаны и зафиксированы. Наиболее благоприятным будет параллельное фотофиксирование изъятых документов и приложения к протоколу проведения следственного действия фототаблицы. В процессе производства следственного действия изымаемый объект необходимо продемонстрировать всем участникам следственного действия. Перед его непосредственным изъятием он должен быть подвергнут процедуре опечатывания и удостоверения подписями. Важно отметить, что в ходе осмотра места происшествия могут быть изъяты лишь те документы и предметы, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Документ или предмет в уголовном деле появляется в результате проведения обыска, выемки или осмотра места происшествия, однако юридическую силу он будет нести лишь с того времени, как он будет осмотрен следователем в порядке, предусмотренном уголовно-процес-

суальным законодательством.

Осмотр предметов, документов является самостоятельным следственным действием. Его главной задачей является в фиксации внешних признаков объекта, которые могут иметь значение для уголовного дела. Особенностью осмотра является то, что он производится следователем непосредственно. Это означает, что следователь воспринимает исследуемый объект посредством органов чувств: анализ внешних особенностей предмета производится посредством визуального наблюдения.

Понятие «документа» уголовно-процессуальный закон не содержит, что порождает научную дискуссию среди ученых-правоведов. Например, Б.Т. Безлепкин полагает, что под документом необходимо понимать сведения об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, оформленных в надлежащем образе [1]. Другие ученые полагают, что понятие документа необходимо рассматривать как зафиксированную на материальном носителе информацию со специальными реквизитами, которые позволяют ее идентифицировать [2]. Такое определение документа отмечает и законодатель в федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3].

На наш взгляд, определение понятия документа должно быть максимально широким. Ведь на практике любой материальный носитель, обладающий определенной смысловым содержанием в виде текста, символов, считается документом. Так, например, документом будет считаться и официально оформленный договор купли-продажи, и предсмертная записка, оставленная самоубийцей. На первый взгляд, данный материальные объекты являются крайне разными по их признакам, но тем не менее они оба являются документами. Вследствие чего, наиболее близкой нам представляется позиция Е.В. Елагиной, которая под документом подразумевает материальный объект, который предназначен для фиксации смысловой информации, выраженной знаками – символами, буквами, цифрами [4].

Говоря о криминалистическом значении документа, то он определяется исходя из сферы его применения. Г.М. Меретуков и Д.А. Влезько предлагают следующую классификацию документов исходя из их сферы применения [5]:

1. Процессуальные документы, имеющие правовой статус.
2. Документы, являющиеся доказательством в материалах уголовного дела.
3. Документ, являющийся средством совершения преступления.
4. Документ, который содержит в себе криминалистически значимую информацию.

Говоря о предмете, стоит отметить, что им может являться любой объект материального мира, которые представляет собой значимость для расследования уголовного дела. Это может быть орудие убийства, мобильный телефон, посуда и другие. Предметы, как и документы, изымаются в том же порядке. Зачастую изъятие документов производится с целью последующего их экспертного исследование на предмет наличия следов преступления, с помощью которых возможно идентифицировать личность преступника.

Работа следователя с документами и предметами осуществляется в двух направлениях:

Во-первых, следователю необходимо установить тот перечень документов, предметов, который впоследствии будет исследован с целью обнаружения каких-либо признаков, имеющих значение для уголовного дела. В данном случае работа следователя носить поисково-познавательный характер, она направлена на обнаружение и фиксацию самих предметов и документов в процессе проведения следственных действий.

Во-вторых, следователь осматривает изъятые им в ходе проведения следственных действий предметы и документы. Данное направление деятельности следователя имеет ярко выраженный познавательный характер.

Проведение осмотра следователем подразумевает разрешение следующего ряда задач:

1. Определение основных признаков осматриваемого объекта.
2. Установление связи между осматриваемым объектом и обстоятельствами уголовного дела.

Стоит отметить, что во многих случаях осмотр требует использования специальных знаний, в связи с чем к его проведению должен привлекаться в порядке, определенном уголовно-процессуальным законодательством, специалист. Он, как участвующее в ходе проведения следственного действия лицо, должен разъяснять следователю об особенностях внешних признаков того или иного объекта. В случае, если осматривается техническое средство, то специалист может произвести осмотр непосредственно, вследствие чего по итогам осмотра следователь составит протокол.

В ходе осмотра предметов и документов нередко возникает необходимость использования научно-технических средств обнаружения следов преступления. В случае, если они были использованы, об этом обязательно необходимо указывать в протоколе осмотра.

При осмотре содержания документа, внешних признаков предмета следователю необходимо определить, требуется ли назначение судебной экспертизы для выявления следов преступления или такая необходимость отсутствует. Практика расследования преступления показала, что зачастую вследствие осмотра предметов или документов назначение судебной экспертизы имеет место быть. Наиболее часто следователем назначается проведение судебно-почерковедческой экспертизы, судебно-автороведческой экспертиза, судебно-бухгалтерская экспертиза, судебно-дактилоскопическая экспертиза и другие.

Так, например, в ходе осмотра бутылки, изъятая в ходе осмотра места происшествия, при осмотре был выявлен след руки. Следователем в протоколе осмотра предмета были поэтапно зафиксированы его действия по обнаружению данного следа преступления. Выявление следа руки производилось посредством обработки дактилоскопическим порошком темного цвета. Обнаруженный след руки был откопирован на липкую ленту. Впоследствии был назначен ряд судебно-дактилоскопических экспертиз с целью установления принадлежности обнаруженного следа руки [6].

Некоторыми авторами, например, К. Миттермайером разрабатываются определенные правила производства осмотра предметов и документов для следователей [7].

Во-первых, следователь должен аккуратно обращаться с предметом, документом, не допустив его повреждений. Любое физическое изменение объекта может повлиять в дальнейшем на результат осмотра.

Во-вторых, осмотр должен производиться в дневное время в хорошо освещенном месте. В случае, если данное правило не соблюдается, велика вероятность того, что следователем не будут замечены внешние признаки, имеющие важное значение для уголовного дела.

В-третьих, в некоторых случаях, когда признаки объекта или предмета могут быть трудно выявляемыми, следователю необходимо использовать специальные технические средства.

В-четвертых, при изучении и осмотре документов, важно осматривать их с обеих сторон.

К вышеперечисленному перечню правил мы полагаем также обоснованным включить следующие:

1. При протоколировании осмотра документов, предметов, избегать характеристики, которые не могут быть установлены следователем в процессе производства осмотра. Так, например, следователь, осматривая предмет, в протоколе осмотра может указать, что на «осматриваемом объекте имеются следы крови». Но на самом деле данные следы могут и не являться кровью. Химический состав вещества, выявленного следователем, может определить только эксперт в ходе исследования, инициировать которое должен следователь. В таких случаях следователь должен указывать, что на осматриваемом объекте выявлены следы неустановленного вещества, имеющего красно-бурый цвет. При таком протоколировании возможно избежать возможно уголовно-процессуальных коллизий.

2. В случае, когда осмотр требует наличия специальных знаний, следователь должен привлекать к его проведению специалиста. Это объясняется тем, что в случае, если, например, в техническом средстве следователем не было установлено наличие следов преступления, то он его обязан вернуть правообладателю. Но на самом деле, возможна ситуация, когда следователь в силу отсутствия специальных знаний в области технических средств, не смог их выявить. Такая ситуация особо неблагоприятна для следствия, поскольку при возвращении правообладателю технического средства все находящиеся в нем следы преступления могут быть утрачены.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что криминалистическая деятельность следователя по работе с документами и предметами широка и многоаспектна. Она производится в двух направлениях – сбор предметов и документов, а также исследование их внешних признаков в ходе непосредственного осмотра. В ходе исследования нами были определены основные правила, соблюдая которые следователь при работе с документами и предметами минимизирует неблагоприятный исход в части утраты важных следов преступления.

Библиография:

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 13-е изд. - М.: Проспект, 2015. - 576 с.
2. Николук В.В., Кальницкий В.В., Шаламов В.Г. Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела: учеб. пособие. - Омск: ВШМ МВД СССР, 1990.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
4. Елагина Е. В. Теоретические и практические аспекты работы следователя с документами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2006. - 22 с.
5. Меретуков Г.М., Влезко Д.А. Деятельность следователя по работе с документами // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. №1 (88).
6. Хлебущ Д.О. Особенности производства и нарушения при производстве осмотра предметов и документов // В сборнике: Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник статей XXV Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Пенза, 2022. С. 108-110.
7. Миттермайер К. Разбор замечательнейших уголовных процессов новейшего времени по работам Карла Миттермайера. М.: Огни, 2018.

References:

1. Bezlepkin B.T. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article). - 13th ed. - Moscow: Prospekt, 2015. - 576 p.
2. Nikoluk V.V., Kalnitsky V.V., Shalamov V.G. The destruction of objects and documents at the stage of initiation of a criminal case: studies. stipend. Омск: GSOM of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1990.
3. On information, information Technologies and information protection: Federal Law No. 149-FZ of 07/27/2006 // SPS Consultant Plus.
4. Elagina E. V. Theoretical and practical aspects of the investigator's work with documents: abstract. ... cand. Jurid. sciences'. - St. Petersburg, 2006. - 22 p.
5. Meretukov G.M., Vlezko D.A. The activity of an investigator working with documents // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. №1 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-sledovatelya-po-rabote-s-dokumentami>
6. Khlebush D.O. Features of production and violations in the production of inspection of objects and documents // In the collection: Modern scientific research: topical issues, achievements and innovations. collection of articles of the XXV International Scientific and Practical Conference. At 2 a.m. Penza, 2022. pp. 108-110.
7. Mittermeier K. Analysis of the most remarkable criminal trials of modern times based on the works of Karl Mittermeier. M.: Lights, 2018.

СУДЕБНО-КОНТРОЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ JUDICIAL CONTROL PROCEEDINGS WHEN SELECTING A MEASURE OF PREVENTION

ЧИКУЛИНА Алина Радиковна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса криминалистики и судебной экспертизы
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».
454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76.

E-mail: alina_ibragimova11@mail.ru;

Chikulina Alina Radikovna,

senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Science.

South Ural State University (National Research University).

76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russia.

E-mail: alina_ibragimova11@mail.ru

Краткая аннотация: Рассмотрение вопросов законности и обоснованности притязаний органов предварительного расследования при избрании меры пресечения является конституционным и процессуальным обеспечением прав обвиняемого, подозреваемого в процессе досудебного производства. Статья посвящена анализу судебно-контрольного производства при избрании мер пресечения, санкционированных судом. Отдельные вопросы в работе посвящены исследованию правовых обстоятельств, регулирующих деятельность правоприменителя в вопросах избрания мер пресечения. На основании проведенного исследования автор статьи отмечает превентивный характер, рассматриваемых мер пресечения и его влияние на установление оснований, условий и обстоятельств, учитываемых при избрании и продлении мер пресечения. В работе анализируются особенности судебно-контрольного производства при избрании мер пресечения, отмечается, что основу судебного контроля при рассмотрении вопросов об избрании меры пресечения составляет формирование знаний у суда как субъекта доказывания. В процессе исследования, автор приходит к выводам, что познание судом фактической стороны обстоятельств должно осуществляться по правилам доказывания, регламентированного уголовно-процессуальным законом.

Abstract: Consideration of issues of legality and validity of the claims of the preliminary investigation authorities when choosing a preventive measure is a constitutional and procedural guarantee of the rights of the accused, suspected in the pre-trial process. The article is devoted to the analysis of judicial control proceedings when choosing preventive measures authorized by the court. Certain issues in the work are devoted to the study of legal circumstances regulating the activities of law enforcement officers in matters of choosing preventive measures. Based on the research conducted, the author of the article notes the preventive nature of the preventive measures under consideration and its impact on establishing the grounds, conditions and circumstances taken into account when selecting and extending preventive measures. The work analyzes the features of judicial control proceedings when choosing preventive measures; it is noted that the basis of judicial control when considering issues of choosing a preventive measure is the formation of knowledge in the court as a subject of proof. In the process of research, the author comes to the conclusion that the court's knowledge of the factual side of the circumstances should be carried out according to the rules of evidence regulated by the criminal procedure law.

Ключевые слова: судебный контроль; заключение под стражу; домашний арест; условия избрания меры пресечения; основания для избрания меры пресечения; предмет доказывания; пределы доказывания.

Key words: judicial control; detention; House arrest; conditions for choosing a preventive measure; grounds for choosing a preventive measure; subject of proof; limits of proof.

Для цитирования: Чикулина А.Р. Судебно-контрольное производство при избрании меры пресечения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 343-345. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_343.

For citation: Chikulina A.R. Judicial control proceedings when selecting a measure of prevention // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 343-345. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_343.

Статья поступила в редакцию: 22.04.2024

ВВЕДЕНИЕ

В юридической литературе на протяжении долгого времени отмечаются факторы, существенно осложняющие принятие законных и обоснованных решений при избрании лицу меры пресечения правоприменителем, что в конечном результате приводит к значимым нарушениям. Считаем, что указанная ситуация объясняется несколькими причинами, одной из которых является превентивный характер мер пресечения. Именно он и вызывает сложности в установлении оснований, условий и обстоятельств, учитываемых при избрании и продлении мер пресечения. Устанавливая их правоприменитель, оценивает не сами обстоятельства как уже наступившие, а лишь возможность их наступления (то есть негативные риски).

Государство обязано гарантировать законность и обоснованность применения любой меры пресечения. Важно понимать, что наличие властных полномочий у должностного лица, в первую очередь выступает гарантией защиты личности от применения незаконных и необоснованных решений, касающихся ограничение прав и свобод лица. Данная гарантия должна находить свое отражение, в том числе, и при решении вопросов об избрании меры пресечения, выражать указанные гарантии в форме надлежащего обоснования своего решения надлежит следователю, дознавателю, судье.

Несмотря на четкие позиции Конституционного суда Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации практическая реализация указанного вопроса до сих пор вызывает как теоретические, так и практические сложности. Анализ правоприменительной практики позволил прийти к выводу, что следователями, дознавателями, а иногда и судьями указанное обоснование формулируется очень посредственно, формально, то есть правоприменители не приводят доводы, которые бы подтверждали обоснованность их решения. Такое положение дел представляется крайне недопустимым, ведь зачастую меры пресечения, в частности санкционированные судом, суще-

ственно ограничивают конституционные права и свободы граждан.

Правовые обстоятельства, регулирующие деятельность правоприменителя в вопросах избрания мер пресечения

Вопрос об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого подозреваемого должен рассматриваться в рамках состязательной судебной процедуры, инициируется он стороной обвинения, участие защитника при этом не должно быть просто формальным фактом. Состязательная судебная процедура позволяет обосновать свою позицию перед судом, как стороне обвинения, так и стороне защиты.

Особое место в указанной судебной процедуре отводится деятельности суда. Данная деятельность начинается реализовываться только в случае инициативы (поступления ходатайства) от заинтересованных лиц. Особенности судебной контрольной производств при избрании меры пресечения состоит в том, что суд как субъект доказывания не формирует знание о деянии, произошедшем в прошлом, в данном случае он обосновывает предположение о возможном будущем поведении лица. Таким образом, судья не просто соотносит события, произошедшие в прошлом с теми данными, которые предоставил следователь, не просто формально проверяет указанные документы, он должен осуществить действия, на предмет проверки законности и обоснованности действий и решений органов предварительного расследования, в частности в рассмотрении возможности ограничения конституционных прав личности.

Таким образом, основу судебного контроля при рассмотрении вопросов об избрании меры пресечения составляет формирование знаний у суда как субъекта доказывания, за счёт деятельности направленной на получение проверки и оценку той информации, которую ему предоставили стороны. Учитывая, что принять законное, обоснованное и справедливое решение суд может только в случае исследования доказательств. Следовательно, познание фактической стороны должно осуществляться по правилам доказывания, регламентированного уголовно-процессуальным законом, то есть соответствовать требованиям оценки доказательств: относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Доказывание в рамках судебной контрольной производств направленно на познание определённых фактических обстоятельств, установление которых способствует убеждению относительно возможных событий будущего поведение лица. Уголовно-процессуальная деятельность по установлению указанных фактических обстоятельств субъектом доказывания должна исключать любую двусмысленность. Действующим законодательством предусмотрены правовые обстоятельства, которые регулируют деятельность правоприменителя (как субъекта доказывания) – «основания» и «условия» избрания меры пресечения.

В науке уголовного процесса справедливо указывается, что законодательство не содержит единого подхода классификации указанных категорий. В связи с чем, указанные дефиниции иногда рассматриваются как тождественные.

С данным подходом трудно согласиться, считаем, что под условиями избрания мер пресечения следует понимать совокупность уголовно-процессуальных требований, обосновывающих необходимость принудительного воздействия на лицо, при избрании меры пресечения судом.

Под основаниями избрания меры пресечения необходимо понимать совокупность объективно установленных и подтвержденных фактических данных, формирующих у субъекта доказывания обоснованное предположение о будущем негативном поведении лица, а также на основании фактических обстоятельств в целях обеспечения возможно выдачи лица компетентным органам.

Таким образом, условия избрания меры пресечения должны предшествовать ее основаниям, условия влияют на возможность установления оснований и обстоятельств им сопутствующих. Установление исключительно только условий или только оснований при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения недостаточно.

Особенность процедуры судебного контроля при установлении предмета и пределов доказывания при избрании меры пресечения

Предмет доказывания, как институт уголовно-процессуального права обладает особым значением, при этом основная часть трудов по предмету доказывания применима к расследованию и разрешению уголовных дел. Вместе с тем судебная практика и требования постановлений Пленума Верховного Суда РФ, посвященные судебному контролю, в том числе и за избранием мер пресечения свидетельствует, что деятельность по установлению оснований, условий и обстоятельств, учитываемых при принятии решения судом также является доказыванием.

Установление каждого элемента предмета доказывания должно осуществляться поэтапно и в следующей последовательности: условия законности и обоснованности избрания мер пресечения → основания для избрания мер пресечения → обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения → специальные основания применения мер пресечения, закрепленные в нормах уголовно-процессуального законодательства РФ [4].

Указанные процедурные правила подтверждают правообеспечительный характер степени участия суда, поскольку предметом рассмотрения при судебном контроле при избрании меры пресечения являются вопросы законности и обоснованности накладываемых на лицо ограничений.

Важно отметить, что процессуальная активность суда при осуществлении судебного контроля ограничивается процессуальными возможностями суда. Суд при решении вопроса об избрании меры пресечения осуществляет свою деятельность только в пределах рассмотрения заявленного следователем, дознавателем ходатайства. Представляется, что при осуществлении судебного контроля суд, участвует в доказывании, выполняя обязанность проверки доказательств, представленных сторонами в обосновании своих требований и их оценки с позиции соответствия требованиям относимости, допустимости достаточности. Именно это позволяет принять суду законное и обоснованное мотивированное решение.

Проводимый анализ судебной практики позволил выявить формальность подхода со стороны суда в некоторых ситуациях. В частности, судьи не пренебрегают переписыванием формулировок с представленного следователем, дознавателем ходатайства. Не вызывает сомнения, что в таком случае говорить о полной проверке достоверности и обоснованности представленных сведений, установлении судом предмета и пределов доказывания невозможно. Мы не отрицаем тот факт, что на момент подачи данного ходатайства для следователя (дознавателя), оно может таким и казаться, но чтобы это обоснование было принято судьей, ему необходимо сформировать свое внутреннее убеждение, отношение

к исследуемым фактам.

В уголовно-процессуальной науке подходы к определению понятия «пределы доказывания» как категории уголовно-процессуального права, разнообразны. В процессуальной литературе предмет и пределы доказывания определяют друг друга как цель и средства ее достижения [3], именно это по убеждению большинства исследователей является основным критерием разграничения. По мнению других авторов, пределы доказывания надлежит определять как границы исследования обстоятельств [1], совокупный объем доказательственной информации [2], совокупности доказательств, достаточных для установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Представляется, что характеризуя пределы доказывания необходимо обращать внимание на особенности уголовно-процессуального познания, которые сосредоточены в состояниях вероятности и достоверности. Оценка «качества» полученной информации должна осуществляться согласно регламентированным требованиям ст. 17 УПК РФ, основываясь на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью.

Учитывая, что предмет доказывания отвечает за «направление познавательной деятельности», то содержательная часть доказательственного процесса возлагается на пределы. Суд, оценивая результаты процессуального доказывания должен прийти к выводу о наличии определенной степени достаточности, которая бы обеспечивала уровень уверенности суда. Принимая решение об избрании в отношении обвиняемого подозреваемого меры пресечения суд не разрешает вопрос о виновности либо невиновности лица в совершении общественно опасного деяния, при этом суд должен убедиться в том, что в отношении конкретного лица у органов предварительного расследования имеются данные, подтверждающие разумное обвинение, либо подозрение в совершении им общественно опасного деяния.

В уголовно-процессуальной теории и правоприменительной практики отсутствуют конкретные границы и критерии, позволяющие объективно охарактеризовать обоснованное подозрение в причастности лица к совершенному преступлению. Не вызывает сомнения, что обоснованность подозрения сложная процессуальная конструкция, которая предполагает наличие убедительных фактических данных, подтверждающих причастие лица к совершенному преступлению. Содержание этих данных прямо вытекает из ч. 1 ст. 91 УПК РФ то есть такими данными будут являться основания для задержания лица и возбуждение уголовного дела (определим их как формальный признак). Данное положение подтверждается разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2012 № 41 (ред от 11.06.2020 г.).

Кроме того, высшая судебная инстанция обращает внимание на то, что формальная ссылка суда на наличие у органов предварительного расследования данных о причастности лица к совершенному преступлению не является проверкой и оценкой обоснованности подозрения. Все данные, подтверждающие обоснованность подозрения и обвинения на этапе рассмотрения ходатайства об избрании в отношении лица меры пресечения должны подвергаться обязательной проверке и оценке судом.

Количество таких данных должно быть достаточным, т.е. позволяющим достигнуть субъекту доказывания предположения с высокой долей вероятности, основанного на выводах соответствующих фактическим обстоятельствам и их доказанности. Уровень убежденности в подозрении лица может вполне вероятно, что будет содержать иной объем данных, чем уровень убежденности в предъявлении обвинения лицу.

Таким образом, реализация всех указанных положений, влияет на формирование пределов доказывания в уголовном процессе. Познание и оценка фактических обстоятельств дела являются предпосылками для принятия процессуального решения и основаниями для вынесения соответствующего процессуального акта, в частности при избрании меры пресечения.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Осуществление судебного контроля при рассмотрении вопросов об избрании в отношении лица меры пресечения должен осуществляться при непосредственном исследовании обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Необходимо исключить ситуации, когда решения суда основываются только лишь на представленных следственных материалах, как представляется учитывать это особенно необходимо, при совершении преступлений в условиях неочевидности.

Изучение современного теоретического и законодательного представления о предмете и пределах доказывания для отражения специфики развития и совершенствования уголовного судопроизводства имеет принципиальное значение. Современное разнообразие научных точек зрения о представлении рассматриваемых дефиниций позволяет четко их разграничить, с учетом существующей между ними общепризнанной зависимости.

В силу того, что законодательное закрепление термина «пределы доказывания» отсутствует, вопрос о его правильном определении и значении в современном уголовном процессе продолжает оставаться спорным. Это объясняет разнообразие выдвигаемых взглядов на природу исследуемой дефиниции, характеризующиеся зачастую оценочными взглядами. При этом, несмотря на существующее разнообразие подходов единичными остаются вопросы определения границ, глубины, достаточности, законности и достоверности обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Библиография:

1. Боруленков Ю.П. Пределы доказывания как категория // Уголовное судопроизводство. 2014. N 3. С. 29 - 32.
2. Пелих, И.А. Понятие пределов доказывания / И.А. Пелих // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – С. 204.
3. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.
4. Чикулина, А. Р. Стандарт доказывания при избрании мер пресечения, избираемых судом / А. Р. Чикулина // Российский судья. – 2023. – № 9. – С. 39-41. – DOI 10.18572/1812-3791-2023-9-39-41.

References:

1. Borulenkov Yu.P. Limits of proof as a category // Criminal proceedings. 2014. N 3. pp. 29-32.
2. Pelikh, I.A. The concept of limits of proof / I.A. Pelikh // Bulletin of Omsk University. The series "Law". - 2014. - p. 204.
3. Theory of evidence in the Soviet criminal process / ed. by N.V. Zhogin. 2nd ed., reprint. and additional – M.: Legal lit., 1973. – 736 p.
4. Chikulina, A. R. Standard of proof in the election of preventive measures chosen by the court / A. R. Chikulina // Russian judge. - 2023. - No. 9. - pp. 39-41. – DOI 10.18572/1812-3791-2023-9-39-41.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_346

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЛИЗИНГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL LEASING IN MODERN RUSSIA

ИВЛИЕВ Павел Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: ivliev_pv@mail.ru;

ПАНТЕЛЕЕВ Виктор Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доцент кафедры организации режима и надзора юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России.

Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, Владимирская обл., 600020, Россия.

E-mail: panteleev.victor2015@yandex.ru;

IVLIEV Pavel Valentinovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Institute for the Department of Civil Law and Process of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, 1.

E-mail: ivliev_pv@mail.ru;

PANTELEEV Viktor Alexandrovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Regime Organization and Supervision of the Faculty of Law of the VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.

E-mail: panteleev.victor2015@yandex.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассмотрена объективная необходимость развития лизинга экологически чистых видов транспорта. Проанализированы актуальные трудности препятствующие развитию финансовой аренды в исследуемой теме. Затронуты основные преимущества, которые получит отечественная экономика в случае масштабного развития по всей стране лизинга экологически чистого оборудования и в частности транспорта. Предложены эффективные пути и способы решения проблем в исследуемой теме.

Abstract. This article examines the objective need to develop leasing of environmentally friendly modes of transport. The current difficulties hindering the development of financial leasing in the topic under study are analyzed. The main benefits that the domestic economy will receive in the event of large-scale development of leasing of environmentally friendly equipment and, in particular, transport throughout the country are touched upon. Effective ways and means of solving problems in the topic under study are proposed.

Ключевые слова: Финансовая аренда, гражданский кодекс, арендодатель, арендатор, экологическая устойчивость, охрана окружающей среды, Центральный Цанк России, транспортные средства, юридические лица, лизинг.

Keywords: Financial lease, civil code, lessor, lessee, environmental sustainability, environmental protection, Central Bank of Russia, vehicles, legal entities, leasing.

Для цитирования: Ивлиев П.В., Пантелеев В.А. Перспективы развития экологического лизинга в современной России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 346-348. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_346.

For citation: Ivliev P.V., Panteleev V.A. Prospects for the development of environmental leasing in modern Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 346-348. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_346.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Введение. Стремительное развитие экономики требует масштабного финансирования. На сегодняшний день найти подобного рода материальные ресурсы достаточно сложно. Это связано как с международной обстановкой и введением санкций в отношении России недружественными государствами, так и высокой процентной ставкой Центрального Банка России, который вынужден бороться с инфляцией. В силу вышеназванных особенностей источников для финансирования остается не так уж и много и одним из таких источников вполне может стать финансовая аренда. Для более полного изучения темы настоящего исследования необходимо раскрыть понятие финансовой аренды. Гражданский кодекс содержит основные дефиниции[5], детерминирующие финансовую аренду. Так, например, в ГК РФ содержится понятие договора лизинга, в соответствии с которым арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование[1]. В дополнении к этому можно сказать, что лизингодатель не несет ответственности за выбор предмета договора лизинга и соответственно продавца. Также необходимо отметить, что ФЗ № 164 предоставляет нормативное закрепление договор финансовой аренды в соответствии, с которым под лизингом понимается совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, в том числе приобретением предмета лизинга[2].

Цель исследования. На основе объективных закономерностей выявить основные преимущества и отрицательные стороны развития в нашей стране финансовой аренды в области экологичных видов транспорта, оборудования и технологий, а также предложить эффективные пути и способы решения проблем в исследуемой теме.

Методы. В данном исследовании применялся описательный и перспективные методы. Посредством описательного метода рассмат-

ривались объективные преимущества и недостатки развития финансовых отношений в области экологически чистых видов транспорта и оборудования. А по средством перспективного метода предлагаются эффективные способы решения проблем в исследуемой сфере.

Актуальность темы настоящего исследования придает тот факт, что 2023 год продемонстрировал бурный рост рынка лизинга. Так, например он вырос практически вдвое по сравнению с предыдущим годом. Это говорит о хорошей динамике и больших перспективах данного финансового инструментария. Необходимо отметить, что такой сегмент финансовой аренды как экологический лизинг можно во многом рассматривать как локомотив данного механизма с прекрасным потенциалом для развития. Проблемы развития современной России связаны с серьезнейшим недофинансированием. Современная Россия испытывает хронический инвестиционный голод, особенно в ряде регионов[4].

В пользу экологического лизинга говорит еще и тот факт, что данный его подвид имеет хорошую международную поддержку. Тренд на экологичность сегодня доминирует во всем мире и России не является исключением. Экологический лизинг, является формой финансирования, которая облегчает приобретение экологически чистых автомобилей, соответствующего оборудования и технологий. В последние годы увеличила известность в нашем государстве. Данный сектор, основан на государственных инициативах и растущей осведомленности об экологической устойчивости, готовится к значительному росту. В России активно осуществляется поддержка и развития финансовой аренды с точки зрения защиты окружающей среды посредством большого количества разного рода мер. Такими мерам можно смело назвать налоговые льготы предприятиям, которые арендуют экологически чистое оборудование. Также можно отметить специальные кредитные условия, которые предоставляют отдельные банки для субсидирования ставки лизинга проектов, связанных с охраной окружающей среды. Более того экологические нормы и правила требуют от предприятий использования технологий для контроля загрязнений и уменьшения выбросов экологически грязных отходов в окружающую среду.

Также надо отметить, что современное состояние рынка лизинга в России характеризуется тем, что происходит увеличение спроса на экологически чистые технологии, а также на увеличение энергоэффективности в пользу более масштабного применения экологически безопасного оборудования. Более того надо сказать, что экологический лизинг охватывает широкий спектр отраслей народного хозяйства, включая производство, транспортировку и управление отходами. Но надо сказать, что на сегодняшний день поставки экологически чистого оборудования остаются ограниченным, особенно в ряде сегментах рынка.

Следует отметить, что на сегодняшний день в России эффективно занимаются лизингом ряд компаний таких как ВТБ лизинг, Газпромбанк лизинг, СберЛизинг. Так, например Газпромбанк лизинг обеспечивает техникой и иным оборудованием ключевые отрасли народного хозяйства нашего государства, такие как металлургия, строительная и иные отрасли, и параллельно этому развивает направление развитие финансовой аренды экологического транспорта на газомоторном топливе, а также электрокаров. У данного направления большие перспективы, так как повестка «зеленого» транспорта особенно в больших городах стоит очень остро. Более того работоспособность и коэффициент полезного действия электрического автомобиля намного выше чем и обычного. Надо сказать, что и власти в субъектах Российской Федерации активно популяризируют эти виды транспорта. Более того в некоторых регионах даже установлены квоты для перехода на более экологические виды транспорта и техники. Сегодня приобрести данный виды транспорта можно с помощью соответствующих государственных программ со скидкой почти в один миллион рублей на электрический транспорт и со скидкой до трёх миллионов на газомоторный транспорт. Большой популярностью пользуется газомоторный транспорт, который в большинстве своем приобретают физические лица для использования в личных целях. Для юридических лиц существует программа возврата НДС при приобретении экологически чистых видом транспорта, что дополнительно создает очень плодородную среду для развития финансовой аренды в области экологически чистых видов транспорта. Растет спрос на грузовые автомобили с метановым двигателем. Но необходимо отметить, что не смотря на серьезный спрос на экологически чистый вид транспорта в России его доля занимает всего 0,4 процента, если сравнивать с таким гигантом как Китай, где доля подобного рода транспорта доходит до 70 процентов. Это говорит о том, что рынку лизинга есть куда расти на несколько десятилетий вперед и данная сфере будет востребована очень и очень долго. Более того если учесть, что России обладает наибольшими запасами природного газа, то этот факт безусловно придает еще один мощный импульс в развитии экологического лизинга.

Необходимо отметить и отрицательную сторону вопроса. Лизинг в области экологически чистого транспорта сталкивается с серьезными проблемами.

Так, например первой такой проблемой можно смело назвать, недостаточность инфраструктуры. Речь идет о соответствующих автозаправочных станциях, позволяющих снабжать транспорт природным газом. Также обстоит дело и с электротранспортом. Инфраструктура для электро автомобилей тоже развита очень скромно в России, особенно не в столичных регионах. Но надо сказать, что решение этой проблемы является делом времени. Так например, государства активно популяризируют электро транспортные средства, создает бесплатные парковки для них с подзарядными подстанциями, что дополнительно ведет к развитию и масштабированию данной индустрии и как следствии. Финансовой аренды в данной области. Более того лизинг в России хорошо востребован именно в транспортной отрасли, в которой его доля доходит до 80%. Создание доступной и качественной инфраструктуры посредством государственных программ дополнительно будет стимулировать развития финансовой аренды экологически чистого транспорта.

Также ещё одной проблемой можно смело выделить высокие авансовые затраты. Экологически чистые технологии могут быть дорогими для приобретения. Именно посредством специализированных государственных программ финансирования можно решить данную проблему.

Третьей такой проблемой можно выделить длительные периоды окупаемости. Возврат инвестиций для экологических проектов может занять несколько лет, а прибыль можно начать получать ещё позднее. Необходимо понимать, что инвестиции в дорогостоящее оборудование

вряд ли могут иметь быструю окупаемость, и по этой причине инвестора необходимо быть готовым к такого рода проблемам.

Четвертой проблемой можно назвать тенденциозность и традиционную ригидность субъектов предпринимательства в рамках лизинговых отношений. Речь идет о том, что многие отечественные предприниматели по-прежнему используют обычные виды транспорта по привычке и не желая радикально менять инфраструктуру. Более того некоторые предприниматели не знают о преимуществах экологического лизинга. Активная популяризация государством экологически чистых видов транспорта может решить данную проблематику.

В случае активного внедрения лизинговых инноваций в данной области можно ожидать повышенная конкурентоспособность предприятий, которые применяют экологически чистые практик. Также в случае изменения международной обстановке международные инвесторы будут чаще инвестировать в соответствующие экологические проекты в отечественной экономике.

Также необходимо отметить, что лизинговые компании в ближайшее время могут получить важное значение в развитии экологической повестки в современной России. Надо сказать, что финансовая аренда, прежде всего, является очень востребованным инструментом поддержки малого и среднего бизнеса, который в свою очередь сильно вписан в реализацию поступательного развития, по той причине, что он имеет возможность более гибко мимикрировать под нужды исследуемой сферы. Также лизинг, позволяет сократить объемы единовременных инвестиций в производство[3]. Также надо сказать, что финансирование «зеленых», а также социально необходимых проектов в разных субъектах страны – это тот реальный отклик, который может дать лизинговая сфера на запросы нашего общества в устойчивом развитии.

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному можно с уверенностью сказать, что экологическая повестка становится архи важным и востребованным фактором развития финансовой аренды. В среднесрочной перспективе экологическая повестка в транспортной сфере окажет непосредственное влияние на лизинговую отрасль. Можно смело ожидать появления новых правил и норм права регламентирующих требования, которые будут применяться к предпринимателям в исследуемой нами области. И по этой причине важно уже сейчас осуществлять комплекс мер, направленных на интеграцию соответствующих повестке дня практик в бизнес-модель компании, применяя комплексный подход.

Библиография:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021).
2. Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» от 29.10.1998 N 164-ФЗ (последняя редакция).
3. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. «Агролизинг как способ поддержки сельхозхозяйства в современных условиях» // Закон и право, № 5 2022 г., 65-67.
4. Ивлиев П.В., Сердюк А.Л. «Лизинг как инновационный механизм улучшения инвестиционного климата в регионах России» // Право и государство: теория и практика, № 7 (223), 2023 г., С: 493-496.
5. Кошелев Б.Е. Правовое регулирование договора поставки товаров для государственных нужд (по материалам практики Федеральной службы исполнения наказаний) автореферат диссертации канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кошелев Богдан Евгеньевич. ФГАОУ ВО "РУДН". Рязань. 2015. С. 4-17.

References:

1. "Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" dated January 26, 1996 N 14-FZ (as amended on July 1, 2021, as amended on July 8, 2021).
2. Federal Law "On Financial Lease (Leasing)" dated October 29, 1998 N 164-FZ (latest edition).
3. Ananyeva E.O., Ivliev P.V. "Agroleasing as a way to support agriculture in modern conditions" // Law and Law, No. 5 2022, 65-67.
4. Ivliev P.V., Serdyuk A.L. "Leasing as an innovative mechanism for improving the investment climate in the regions of Russia" // Law and State: Theory and Practice, No. 7 (223), 2023, P: 493-496.
5. Koshelyuk B.E. Legal regulation of the contract for the supply of goods for state needs (based on the materials of the practice of the Federal Penitentiary Service) abstract of the thesis of the Candidate of Sciences. Jurid. Sciences : 12.00.03 / Koshelyuk Bogdan Evgenievich. Federal State Budgetary Educational Institution "RUDN". Ryazan. 2015. pp. 4-17.

КОНЦЕПЦИЯ И ЦЕЛЬ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Concept and goal of judicial reform of the system of courts of general jurisdiction

ИШМУХАМЕТОВ Яксагалей Мухаметгалеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процессуальных дисциплин
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.

453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.

E-mail: yaksagaley@mail.ru;

САБАНОВ Андрей Юрьевич,

начальник кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России,
полковник полиции.

450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мухоморова, 2.

E-mail: saban2210@mail.ru;

Ishmukhametov Yaksagaley Mukhametgaleevich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedural Disciplines
of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology.

453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.

E-mail: yaksagaley@mail.ru;

Sabanov Andrey Your'evich,

Head of the Department of Special Training of the Ufa Law Institute of the Russian Interior Ministry, Police colonel.

450091, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muxinov St., 2.

E-mail: saban2210@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается концепция судебной реформы. Её главным достоинством является повышение реальной независимости судебной системы в связи с функционированием отдельных апелляционных и кассационных судов. Новые суды носят межрегиональный характер, что делает их в большей части независимыми от региональных властей. Судебное сообщество не останавливается на достигнутом, постоянное развитие судебной системы является главным инструментом для достижения эффективного правосудия.

Abstract: The article discusses the concept of judicial reform. Its main advantage is to increase the real independence of the judiciary in connection with the functioning of separate courts of appeal and cassation. The new courts are interregional in nature, which makes them largely independent of regional authorities. The judicial community does not rest on its laurels, the constant development of the judicial system is the main tool for achieving effective justice.

Ключевые слова: судебная система, суды общей юрисдикции, апелляционная инстанция, кассационная инстанция, судебная реформа.

Keywords: judicial system, courts of general jurisdiction, appellate instance, cassation instance, judicial reform.

Для цитирования: Ишмухаметов Я.М., Сабанов А.Ю. Концепция и цель судебной реформы системы судов общей юрисдикции // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 349-351. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_349.

For citation: Ishmukhametov Ya.M., Sabanov A.Yu. Concept and goal of judicial reform of the system of courts of general jurisdiction // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 349-351. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_349.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024

8 декабря 2016 г. состоялся IX Всероссийский съезд судей, итогом которого стало принятие постановления «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе». Постановление стало доступным для широкой публики после окончательного принятия его содержания. В сети интернет, газетных изданиях, новостных выпусках теле и радио передач общество было проинформировано о содержании данного постановления. У судебного и гражданского общества заинтересованного данной темой была возможность изучить содержание постановления, обсудить, выразить свое мнение. Наибольший интерес из текста постановления представляла концепция новой судебной системы. Помимо судебной реформы в постановлении оговорено организационное обеспечение судов, затронут правовой статус судей, и работа судов в целом [3].

Инициативу о необходимости становления новой судебной системы проявило судейское сообщество. Данный факт подтверждает заинтересованность ветви власти в совершенствовании и преобразовании системы. Первое что предполагалось сделать в рамках судебной реформы – создать апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции. За последнюю четверть века это преобразование самое масштабное в судебной системе.

Согласно позиции, которую обозначил Верховный Суд система, в которой дело рассматривается в вышестоящих судах одного региона или даже одним и тем же судом уже изжила себя и теряет свою дееспособность к адекватному существованию. В современной России гражданское общество хочет видеть пример для правового государства, а по сему, ветвь власти, являющую собой правосудие, должна быть реализована по принципу «один суд – одна инстанция». Такой принцип наибольшим образом будет отображать, что в российских судах судьи независимы. Ранее существовавшая система, в которой возникали случаи пересмотра дела судьей того же суда должна остаться в прошлом. Наблюдая такую картину, Верховный Суд предложил выделить апелляцию и кассацию в отдельные суды [3].

Кассационные суды согласно концепции, получили полномочия по рассмотрению жалоб по делам, итоговое решение в которых, имеет законную силу. Ранее этими делами занимался президиум судов областного звена. Апелляционным судам досталось рассмотрение жалоб по делам, судебные акты в которых не имеют законной силы. Обжалуемое решение должно приниматься судом первой инстанции областного уровня. Устанавливаемые в судебной системе новеллы, по мнению инициаторов реформы в полной мере раскрыли принцип независимости судей. Вместе с новыми судами появилось судебное деление, определенное принципом экс-территориальности.

Далее следует уделить внимание судейскому корпусу. Судейский корпус составляют служащие, занимающие должности судей. Положительная характеристика осознанной позиции судьи в области трудовой деятельности является одним из составляющих начал самостоятельности системы. Кадровая политика, ведущаяся в системе должна быть четко сформированной. Должности судей новых судов должны занять служащие, имеющие набор качественных профессиональных навыков, знаний, полученных в ходе осуществления трудовой деятельности и юридического стажа. Выбирая председателя суда необходимо рассматривать лидерские качества кандидата. Занимая высокую должность, имея необходимый авторитет среди подчиненных, основанный на выдающихся знаниях и пройденном опыте председатель формирует «внутренний климат». Именно деловые качества руководителя, положительно влияющие на коллектив, оказывают стимулирующее воздействие на поддержание работы коллектива на лидерском уровне среди подобных организаций в системе.

Новое объединение, представляющее совокупность специалистов, имеющих специальную подготовку в рамках правовой деятельности составляющее профессиональную среду должно тщательно изучить характеристику судья на всех этапах карьерной деятельности. Здесь на первый план выходит институт дисциплинарной ответственности судей. Дисциплинарное производство, начинаемое в отношении судьи должна оказывать, прежде всего, предупредительный характер, имея ввиду мысль, что предупреждение лучше устранения [3].

Введение дисциплинарного проступка, определение его критериев стоят в ядре независимости. В научной литературе встречается мнение о том, что принцип независимости судей является многогранным [1]. Соблюдая судейскую независимость, не допускается применение карательной процедуры, высказанной за мнение, даже если оно ошибочно. В случаях, когда, примененное дисциплинарное взыскание не имело должного эффекта на судью, он должен быть лишен своих полномочий, так как своими поступками создает угрозу правам и законным интересам участников судебного процесса подрывает сложившийся положительный облик судебного производства. Разграничения основания для применения карательных мер, предлагают, что только грубые нарушения норм права при осуществлении правосудия являются основанием ответственности. Действия или бездействия судьи, влекущие стойкое нарушение основополагающих принципов правосудия должны обрести форму и быть установлены судебным актом, вступившим в законную силу.

«Электронное правосудие» еще одно нововведение, нацеленное на поддержание разумного срока рассмотрения дела. В век технологий не логично было бы отказываться от тех возможностей, которые может предоставить цифровая платформа. Ведение делопроизводства в цифровом виде это будущее современной судебной системы.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» изложено направление действия по цифровизации системы, в том числе перспективы использования электронных документов. Электронный документооборот – это не обязательство, это новое видение документооборота в широком пространстве [3].

В рамках судебной реформы были разработаны проекты, предусматривающие большой скачок на встречу к развитию электронной платформы правосудия. Согласно концепции, каждое дело должно обрести электронную форму, создав, таким образом, электронную картотеку. В связи с переходом к цифровой форме потребуются внесение изменений во все процессуальные кодексы. Образцом и положительным примером здесь также, как и в разделении инстанции выступают арбитражные суды, использующие данную систему «Мой арбитр» последние несколько лет, в том числе для ознакомления с движением дела и принятыми по нему судебными актами. Внедрение цифровизации в судебную систему необходимо проводить с учетом, что не у всех граждан есть возможность самостоятельно отсканировать документы и направить их в суд в электронном виде. В данном направлении концепция предлагает суду право самостоятельно изготовить электронные копии поданных документов, с учетом личности участника процесса и иных обстоятельства. Имеющиеся в судах технические возможности должны с этим справиться [3].

Также новая концепция, предлагаемая Верховным Судом Российской Федерации, включает в себя меры, направленные на модернизацию порядка извещения участников по делу о времени и месте судебного заседания. Отдать приоритет здесь предлагается форме извещения и ознакомления с информацией о движении дела через Интернет. Ознакомление с информацией о движении дела необходимое условие в интересах сторон для отстаивания своей позиции в суде. Данное направление необходимо развивать с учетом, что, не у всех граждан есть доступ к Интернету. В данном случае, за участниками процесса сохраняется права на ходатайство о способе получения извещения.

Цифровизация внесла свои современные коррективы в восприятие независимости судей. Существенным шагом является распределение новых дел в машинном порядке. Специальная программа, при создании резолюции при выборе судьи, учитывает степень нагрузки на судью и его специализацию. Использование специальных электронных программ позволило повысить доверие граждан к суду и исключить возможный интерес в формировании судебных составов.

В рамках цифровизации Верховный Суд Российской Федерации говорит о необходимости перехода к техническим устройствам, записывающим аудио файл судебных заседаний. Учитывая объем поступивших замечаний на письменный протокол судебных заседаний, данная норма выделяется в приоритетную. Большое количество поступающих замечаний к протоколам судебных заседаний, связаны с тем, что некоторые действия отражены с искажениями, вводящими в заблуждение вышестоящие судебные инстанции. Аудиопротоколирование в данном случае

исключает возможность неточной фиксации судебного заседания, снимет с судей и их аппарата нагрузку по выполнению работы, необходимость которой в условиях современных технологий отсутствует [3].

В настоящее время в общемировых тенденциях прослеживается снижение доверия к суду. Доверие к суду одна из задач на будущие годы, каждый успешный шаг на пути к нему должен быть широко освещен для ознакомления широких масс населения. Инициатива судейского сообщества о проведении реформы стала важной вехой российской истории.

Целью судебной реформы являются, защита прав и свобод граждан, создание условий для независимости судов от региональных органов власти. Результатом новой судебной реформы должно стать повышение независимости судебной системы от региональных властей, в итоге, лишит региональных чиновников чувства безнаказанности и снизит уровень коррупции в государстве [2].

Библиография:

1. Бойко Н.Н. Принцип независимости судей и коррупция в судебной системе // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12(216). С. 155-157. DOI 10.47643/1815-1337_2022_12_155.
2. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 134-146.
3. Коршунов Ю.А. Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 71-75.

References:

1. Boyko N.N. The principle of judicial independence and corruption in the judicial system // Law and the state: theory and practice. 2022. No. 12(216). pp. 155-157. DOI 10.47643/1815-1337_2022_12_155.
2. Momotov V.V. Judicial reform of 2018 in the Russian Federation: concept, goals, content (part I) // Journal of Russian Law. 2018. No. 10 (262). pp. 134-146.
3. Korshunov Yu.A. Creation of appellate and cassation courts: some results of a large-scale reform // Yuridicheskaya nauka. 2019. No. 4. pp. 71-75.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_352

УДК 34.343.140.02+ 34.343.137.9

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦА, НАРУШИВШЕГО УСЛОВИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Issues of liability of a person who violated the terms of a pre-trial cooperation agreement

ЕРМАКОВ Алексей Алексеевич,

адвокат, преподаватель кафедры профессиональных дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России.
443022, Россия, г. Самара, ул. Рылская, 24в.
E-mail: 3159@paso.ru;

АЗАРХИН Алексей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры борьбы с экономическими преступлениями
Самарский экономический университет.
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д.141.
E-mail: aazarkhin@mail.ru;

Ermakov Aleksey Alekseevich,

the lawyer, Lecturer of the Department of Professional Disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022.
E-mail: 3159@paso.ru;

Azarkhin Aleksey Vladimirovich,

candidate of Law, Associate Professor of the Department of Combating Economic Crimes
Samara University of Economics.
Sovetskaya Armiya str., 141, Samara, Russia, 443090.
E-mail: aazarkhin@mail.ru

Краткая аннотация. В статье раскрываются актуальные аспекты ответственности лица, нарушившего условия досудебного соглашения о сотрудничестве, как формы уголовно-процессуальной ответственности. Несмотря на значимость правомерного поведения лица, заключившего соглашение на стадии досудебного разбирательства, избранная законодателем модель его ответственности нельзя признать удовлетворительной. На основании анализа положений уголовно-процессуального законодательства продемонстрированы ограничения, которые минимизируют объем негативных последствий для лица, нарушившего условия досудебного соглашения о сотрудничестве.

Abstract. The article reveals the actual aspects of the responsibility of a person who violated the terms of a pre-trial cooperation agreement as a form of criminal procedural responsibility. Despite the importance of the lawful behavior of the person who concluded the agreement at the stage of pre-trial proceedings, the model of his responsibility chosen by the legislator cannot be considered satisfactory. Based on the analysis of the provisions of the criminal procedure legislation, restrictions have been demonstrated that minimize the amount of negative consequences for a person who violated the terms of a pre-trial cooperation agreement.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная ответственность, досудебное соглашение о сотрудничестве, правовые предпочтения.

Keywords: criminal procedural responsibility, pre-trial cooperation agreement, legal preferences.

Для цитирования: Ермаков А.А., Азархин А.В. Вопросы ответственности лица, нарушившего условия досудебного соглашения о сотрудничестве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 352-355. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_352.

For citation: Ermakov A.A., Azarkhin A.V. Issues of liability of a person who violated the terms of a pre-trial cooperation agreement // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 352-355. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_352.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2024

Ответственность в процессуальном праве представляет собой предусмотренное уголовно-процессуальной санкцией воздействие на нарушителя требований уголовно-процессуальной нормы, выражающее государственное осуждение, это «определенная мера взыскания, налагаемая компетентным органом государства» [6, с. 61]. Уголовно-процессуальный закон ставит своей целью не только наказать преступника, но и восстановить справедливость в рамках отправления правосудия. Институт уголовно-процессуальной ответственности позволяет эффективно реализовывать меры государственного воздействия на правонарушителей, выступая в качестве мощного сдерживающего фактора, предотвращающего новые правонарушения.

Уголовно-процессуальная ответственность, таким образом, выступает не только как мера наказания, но и как инструмент восстановления справедливости в рамках производства по уголовному делу. Уголовно-процессуальная ответственность не только подразумевает возложение на правонарушителя определенных обязанностей и ограничений, но и обеспечивает защиту его прав как участника уголовного процесса, она «возникает в рамках уголовного судопроизводства при производстве дознания, предварительного следствия и судебном разбирательстве» [5, с. 261].

В рамках исполнения своих процессуальных обязанностей, каждый участник процесса несет перед государством определенную ответственность. Эта ответственность характеризуется как процессуальная и предполагает наличие предписаний, установленных уголовно-процессуальным законодательством, обязательных для соблюдения участником уголовного судопроизводства. Нарушение этих правил влечет за собой применение к нарушителю соответствующих санкций. Ответственность как следствие правонарушения заключается в том, что за допу-

щенное правонарушение, то есть за действие или бездействие, наступают определенные правовые последствия. Эти последствия могут иметь различный характер, в том числе в зависимости от отраслевой принадлежности правоотношений, в рамках которых допущено соответствующее нарушение.

Уголовно-процессуальная ответственность имеет сложную природу, в связи с чем в доктрине выделяется две ее формы реализации. Первой из них является добровольная форма реализации, в рамках которой участники уголовного судопроизводства по собственному усмотрению осознают необходимость исполнения своих процессуальных обязанностей. Добровольная форма предполагает позитивное процессуальное поведение участников уголовного судопроизводства, их активную процессуальную позицию в деле исполнения процессуальных обязанностей. В свою очередь государственно-принудительная форма предполагает противоположный характер исполнения процессуальных обязательств – участник уголовного судопроизводства исполняет их не добровольно, а в результате принуждения со стороны государства.

Меры процессуального принуждения применяются в случае, если участники уголовного судопроизводства не желают исполнять свои обязательства добровольно. В результате реализации этой формы уголовно-процессуальной ответственности лицо претерпевает негативные последствия своего противоправного поведения, она «наступает только тогда, когда нарушены нормы уголовно-процессуального закона и в нем за такое нарушение предусмотрена ответственность» [4, с. 106].

Основанием уголовно-процессуальной ответственности является нарушение правил поведения, установленных законодательством, что подразумевает присутствие фактического, имевшего место в прошлом, противоправного поведения участника уголовного процесса. Условием привлечения к такой ответственности является виновный характер противоправных действий. Это поведение является осознанным и волевым нарушением конкретных юридических запретов или требований, установленных уголовно-процессуальным законом.

Государственное принуждение не всегда предполагает процессуальную ответственность, в рамках уголовного судопроизводства оно служит механизмом для обеспечения исполнения процессуальных обязанностей. Действия, направленные на принуждение участника процесса к соблюдению установленного порядка и выполнению требований законодательства, не обязательно связаны с мерами процессуальной ответственности. Однако, при отказе или уклонении от выполнения процессуальных обязанностей, «государственное принуждение может стать инструментом привлечения к ответственности» [3, с. 29].

Досудебное соглашение о сотрудничестве является комплексным правовым институтом, который вбирает в себя систему стимулов, адресованных подозреваемому или обвиняемому, для полного раскрытия всех обстоятельств уголовного дела. Этот институт позволяет значительно ускорить судопроизводство и сделать его более эффективным за счет урегулирования вопросов в досудебном порядке, что в конечном итоге ведет к назначению более мягкого наказания. Реализация института досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренного главой 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ), предполагает упрощенную (сокращенную) форму рассмотрения дела. Это влечет за собой возможность назначения более мягкого наказания для обвиняемого, добросовестно исполняющего условия досудебного соглашения о сотрудничестве. Целью этого правового института является стимулирование виновного лица к активному содействию в раскрытии преступления, что способствует выявлению обстоятельств дела, сокращению срока судебного разбирательства, назначению более мягкого наказания.

Важнейшим аспектом любого соглашения, как известно, является взаимное согласие (договоренность) сторон. Это положение является фундаментальным, поскольку без четкого понимания и согласия каждой из сторон по существенным элементам сделки, невозможно достичь результативного сотрудничества. Каждая из сторон должна получать определенные преимущества от соглашения. Без четко согласованных прав и обязанностей сторон достичь успешного исполнения договорных обязательств невозможно. Обязанности сотрудничающего обвиняемого в рамках достигнутого соглашения с правоохранительными органами определены изначально и достаточно ясно. Солидарное содействие следствию со стороны обвиняемого влечет за собой определенные обязательства. Это позволяет обвиняемому знать, какие именно действия от него ожидаются, и каким образом ему следует вести себя для того, чтобы содействие было признано эффективным и способствующим раскрытию и расследованию преступлений. Соглашение о сотрудничестве предполагает не просто передачу информации, но и активное участие в процессах, направленных на изобличение соучастников и розыск добытого в результате преступной деятельности имущества.

Одной из проблем рассматриваемого правового института стало отсутствие эффективного механизма противодействия злоупотреблениям, осуществляемым подозреваемыми (обвиняемыми). Некоторые из них, стремясь избежать ответственности, предоставляют органам уголовного преследования недостоверную информацию, что переводит процесс судебного рассмотрения дела в «русло» общего производства [7, с. 256].

В результате законодатель принял решение организовать противодействие злоупотреблениям через механизм контроля судебных актов. Наиболее эффективным способом противодействия таким злоупотреблениям станет усиление судебного контроля законности судебных актов в разных формах судебной ревизии – апелляционном, кассационном и надзорном.

Система норм правового института досудебного соглашения о сотрудничестве не включает в себя механизмы, способные предотвратить злоупотребления со стороны обвиняемых, которые заключаются в представлении искаженной информации с целью облегчить собственное положение в процессе рассмотрения уголовного дела. Согласно положениям ст. 401.15 и 412.9 УПК РФ, существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона могут служить основаниями для отмены или изменения судебных актов в рамках кассационного или надзорного рассмотрения уголовных дел. Наличие таких нарушений требует «детального изучения и анализа всех обстоятельств дела» [10, с. 64].

В соответствии со статьей 317.3 УПК РФ прокурор теперь несет обязанность разъяснить обвиняемому не только права, но и обяза-

тельства, в том числе и те, что касаются последствий за умышленный обман следствия. В случае выявления данных, свидетельствующих о несоблюдении обвиняемым условий досудебного соглашения о сотрудничестве, а именно об умышленном сообщении неверных сведений или умышленном утаивании информации от следствия, такие действия могут повлечь за собой пересмотр приговора.

Такая мера, как пересмотр приговора в случае умышленного обмана следствия, создает дополнительный стимул для подозреваемых и обвиняемых быть ответственными при взаимодействии со следствием. Лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, должно осознавать серьезность принятых обязательств. Обвиняемый, предоставляя недостоверные сведения или скрывая ключевую информацию, подрывает возможность получения правовых преференций при назначении наказания. В случае если факты умышленного обмана становятся известными после вынесения приговора, это может привести к пересмотру дела и ужесточению наказания.

Между тем статья 401.1 и часть 2 статьи 412.1 УПК РФ ограничивают предмет исследования суда в кассационной и надзорной стадиях исключительно проверкой законности приговора. Это означает, что вопросы, не связанные непосредственно с законностью вынесенного приговора, например, нарушение условий досудебного соглашения о сотрудничестве осужденным, в рамках данных стадий рассмотрению не подлежат. Тем самым создается определенная проблематика в оценке обстоятельств дела в целом. Прежде чем отменить приговор в связи с нарушением условий досудебного соглашения о сотрудничестве, необходимо в установленной процедуре выявить факты такого нарушения. Такая процедура предполагает сбор и анализ доказательств, подтверждающих, что осужденный действительно не выполнил обязательства, взятые на себя согласно условиям досудебного соглашения. Однако, с учетом ограничений, установленных УПК РФ по предметам исследования на кассационной и надзорной стадиях, данный вопрос может остаться без рассмотрения. Цель уголовно-процессуальных кассации и надзора «заключается в исправлении исключительно субъективных погрешностей процессуальной формы» [8, с. 106].

Процессуальная форма кассации и надзора не предусматривает судебного следствия, что ограничивает возможности для анализа новых фактов или обстоятельств, выявленных после вынесения приговора. При этом изучение доказательств не производится, а проверка законности и обоснованности приговора осуществляется только на основе уже имеющихся материалов уголовного дела. Добавляет сложности и тот факт, что законодательство предусматривает весьма узкие рамки для возобновления уголовного преследования. Государство обладает ограниченными полномочиями для пересмотра дела, особенно когда речь идет о пересмотре в неблагоприятную для осужденного сторону (поворот к худшему). В результате ограничения, налагаемые процессуальной формой кассации и надзора, могут существенно ограничить возможности осужденного на обжалование или пересмотр приговора.

В случае если осужденный не выполняет условия предварительного соглашения, это влечет за собой пересмотр приговора как правовое последствие этого нарушения. Отличительной особенностью такого основания пересмотра является его публично-правовой характер, предусматривающий ответственность за неисполнение обязательств, взятых на себя в рамках соглашения, что позволяет «считать последующее выявление этих фактов новыми обстоятельствами, которые были неизвестны участникам процесса» [2, с. 261].

Этот подход выделяет нарушение досудебного соглашения из числа прочих оснований для отмены или изменения судебных решений, рассматриваемых на стадиях апелляции, кассации и надзора. Приговора в таких случаях выступает как мера государственного принуждения, что подчеркивая значимость судебной ревизии в системе правовых механизмов обеспечения выполнения обязательств обвиняемым, взятых на себя в ходе предварительного расследования.

Однако, для ряда подозреваемых или обвиняемых, отсутствие по настоящему строгих мер ответственности за умышленное предоставление недостоверных сведений или их сокрытие может создать ситуацию, в которой раскрытие необходимых для стороны обвинения данных не представляет для подозреваемого (обвиняемого) существенного интереса. Это формальное и фактическое отсутствие негативных правовых последствий (ответственности) при таких действиях обвиняемого, создает препятствия для эффективного отправления правосудия. В результате отсутствие угрозы негативных правовых последствий для обвиняемого при нарушении условий данного соглашения сводит на нет все положительные аспекты использования этого института. Неопределенность и неустойчивость правовых рамок, регулирующих последствия неисполнения досудебного соглашения прямым образом отражается на эффективности данного механизма, «происходит уменьшение гарантий правильного установления значимых обстоятельств и обеспечения прав участников уголовного процесса» [9, с. 248].

Для обеспечения эффективности досудебного соглашения и предотвращения случаев сокрытия или искажения важной для обвинения информации, необходимо усилить процессуальные меры ответственности для лиц, которые заключили соглашение на досудебной стадии разбирательства. Выявление факта нарушения обвиняемым условий досудебного соглашения о сотрудничестве после вступления приговора в законную силу представляет собой сложный процессуальный казус. Это обстоятельство на момент вынесения решения суда оставалось неизвестным. Проблематика становится ещё более острой, когда учитывается формальное и фактическое отсутствие негативных правовых последствий (ответственности) для обвиняемого при нарушении ими условий досудебного соглашения.

Схожим образом, когда участник соглашения отказывается давать показания или предоставляет ложную информацию, последствия могут быть крайне негативными для него. Отказ от дачи показаний приводит к прекращению действия досудебного соглашения, лишая лицо возможности на получение льгот при назначении уголовного наказания. По отношению же к даче заведомо ложных показаний пересмотр приговора, постановленного в особом порядке в отношении сотрудничавшего лица, как единственное его последствие представляется недостаточным.

Таким образом, нарушение условий или обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве является основанием для изменения статуса обвиняемого в процессе рассмотрения уголовного дела – обвиняемому предоставляется возможность сотрудничества со следствием в обмен на определенные правовые преференции, включая перспективу назначения более мягкого наказания. В случае невыполнения обяза-

тельств, взятых на себя в рамках досудебного соглашения, обвиняемый лишается всех вытекающих из соглашения преимуществ. В дополнение к утрате возможности привлечения к ответственности в рамках сокращенного или упрощенного порядка, нарушение условий или обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве переводит процесс судебного рассмотрения дела в «русло» общего производства.

Библиография:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.
2. Багаудинов К.Ф. Пересмотр приговора, постановленного судом в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2 (32). С. 260-263.
3. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 25-123.
4. Левченко О.В., Ильницкая Л.И. Процессуальная ответственность в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. 2021. № 7 (199). С. 105-108.
5. Липинский Д.А. Об уголовно-процессуальной ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 3 (13). С. 261-264.
6. Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальная ответственность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 3. С. 61-68.
7. Солодовник В.В. О некоторых проблемах особого порядка рассмотрения уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 259-269.
8. Стекольников Д.В. Судебный контроль за соблюдением досудебного соглашения о сотрудничестве в экстраординарных стадиях уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 4 (137). С. 102-114.
9. Ульянова И.Р., Горбенко Т.В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: проблемы теории и практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 3. С. 246-251.
10. Чукова Е.В. Уголовно-процессуальная ответственность: понятие и особенности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 3 (22). С. 62-64.

References:

1. Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 23.03.2024) // Rossiyskaya gazeta. № 249. 22.12.2001.
2. Bagautdinov K.F. Peresmotr prigovora, postanovlennogo sudom v osobom porjadke v svyazi s zaklyucheniyem dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 2 (32). S. 260-263.
3. Kovriga Z.F. Ugolovno-protsessualnaya otvetstvennost // Sudebnaya vlast i ugovolnyy protsess. 2016. № 2. S. 25-123.
4. Levchenko O.V., Ilitskaya L.I. Protsessualnaya otvetstvennost v ugovolnom protsesse // Agrarnoye i zemelnoye pravo. 2021. № 7 (199). S. 105-108.
5. Lipinskiy D.A. Ob ugovolno-protsessualnoy otvetstvennosti // Vektor nauki Toliattinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 3 (13). S. 261-264.
6. Petrukhin I.L. Ugolovno-protsessualnaya otvetstvennost // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. 1984. № 3. S. 61-68.
7. Solodovnik V.V. O nekotorykh problemakh osobogo porjadka rassmotreniya ugovolnogo dela pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4 (103). S. 259-269.
8. Stekolnikov D.V. Sudebnyy kontrol za soblyudeniym dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v ekstraordinarnykh stadiyakh ugovolnogo protsesssa // Aktualnyye problemy rossiyskogo prava. 2022. T. 17. № 4 (137). S. 102-114.
9. Ulianova I.R., Gorbenko T.V. Uskorennoye dosudebnoye proizvodstvo po ugovolnym delam: problemy teorii i praktiki // Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. 2020. T. 6. № 3. S. 246-251.
10. Chuklova E.V. Ugolovno-protsessualnaya otvetstvennost: ponyatiye i osobennosti // Vektor nauki Toliattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki. 2015. № 3 (22). S. 62-64.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_356

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Some features of the appointment and production of forensic economic examinations in the investigation of criminal cases

АСЕЕВ Владимир Евгеньевич,

преподаватель кафедры
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
Россия 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: VE.158@yandex.ru

Aseev Vladimir Evgenievich,

Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: VE.158@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье проводится анализ положений отечественной нормативно-правовой базы и юридической доктрины по вопросам особенностей производства судебно-экономических экспертиз при расследовании уголовных дел на современном этапе. Изучаются мнения отечественных исследователей, представлены проблемы теоретического и прикладного характера, а также пути их разрешения в обозримой перспективе. Полученные результаты могут быть использованы в ходе дальнейших научных разработок по исследуемому вопросу.

Abstract: The article analyzes the provisions of the domestic regulatory framework and legal doctrine on the specifics of the production of forensic economic examinations in the investigation of criminal cases at the present stage. The opinions of domestic researchers are studied, problems of theoretical and applied nature are presented, as well as ways to resolve them in the foreseeable future. The results obtained can be used in the course of further scientific developments on the issues under study.

Ключевые слова: процессуально-правовые отношения, экспертные исследования, заключение эксперта, судебная экспертиза, эксперт, доказательство, доказывание.

Keywords: procedural and legal relations, expert research, expert opinion, forensic examination, expert, evidence, proof.

Для цитирования: Асеев В.Е. Некоторые особенности назначения и производства судебно-экономических экспертиз при расследовании уголовных дел // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 356-358. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_356.

For citation: Aseev V.E. Some features of the appointment and production of forensic economic examinations in the investigation of criminal cases // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 356-358. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_356.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2024

Современная правовая доктрина не дает универсальных представлений о предметной области судебной экономической экспертизы, ее объекты, цели и задачи крайне расплывчаты, их перечень также не содержится в нормативно-правовых источниках. Следовательно, многие дефиниции и категории продолжают носить остро дискуссионный характер и рассматриваются на уровне специальной литературы, в дифференцированной интерпретации.

Общеизвестно, что соответствующие исследования являются частью современной правоприменительной практики, в виде комплексной составляющей, обеспечивающей вынесение законных судебных решений [1]. В положениях современной уголовно-процессуальной доктрины по данному поводу отмечается, что это больше процессуальное действие, которое необходимо для анализа финансово-экономических операций, которые отражаются в документальном виде, при ведении бухгалтерских и финансовых счетов, фиксирующих ведение хозяйственной деятельности в конкретных предприятиях и организациях [2].

В качестве основной задачи судебной экономической экспертизы следует рассматривать - помощь следствию и суду, в возможности выявления умышленных «дефектов» и искажений значимой финансово-экономической информации, если это связано с причинением имущественного ущерба. Мы разделяем позиции авторов, которые говорят о целесообразности унификации категориального аппарата подобных экспертных исследований, с выработкой типовых методик и единых теоретических подходов. Оптимально было бы все базовые выкладки изложить в общей инструкции или единых рекомендациях о назначении и проведении судебных экономических экспертиз при расследовании уголовных дел. Такой специальный документ стал бы важным дополнением положений нормативно-правовых источников, позволив конкретизировать наиболее значимые моменты характерных для этого вида экспертных исследований.

Относительно правового статуса эксперта-экономиста инициатор экспертизы (должностное лицо) руководствуется общими нормативными подходами. Гарантия личной ответственности эксперта заключается в том, что он подписывает подготовленное заключение от своего имени, как единоличное исследование, или от комиссии, если имеет место применение коллективного научного знания, вместе с этим, эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, в соответствии с положениями уголовного законодательства. Он высказывает определенное мнение, основываясь на проведенном анализе, по итогам которого выдается результат, оформленный в виде заключения эксперта. Результат экспертного исследования выступает в качестве синтезирующего продукта специальных знаний, он имеет самостоятельное доказательственное значение по делу.

Одной из ключевых проблем в рассматриваемой теме является отсутствие единой классификации, с выделением видов судебно-

экономических экспертиз. В качестве критерия применяется характер исследуемой информации, наличие в ней финансово-экономической составляющей или данных бухгалтерского и финансового учета. Виды делятся более подробно на подвиды, здесь в качестве основания используется специфика объектов экспертного исследования. Вместе с тем мы можем констатировать разброс выбора критериев и несформированность единых классификационных подходов, что образует пласт теоретических проблем в рассматриваемой теме.

Анализ правоприменительной практики показывает, что чаще всего применяются основания ведомственного видового деления, применяемого в системе органов внутренних дел и Министерства юстиции Российской Федерации, которые, как правило, в материалах инструктивного характера выражают собственную позицию по указанным вопросам. Однако, по существу, в каждом конкретном случае методика подбирается индивидуально, с учетом определенных факторов, то есть, по существу, особую значимость приобретают тактические аспекты (криминалистический компонент).

Таким образом, отсутствие унифицированной методики позволяет сомневаться в достоверности полученных результатов. Когда нет точных критериев, сложно проверить подготовленное заключение с точки зрения соблюдения в нем общих закономерностей и соответствие типовым разработкам конкретной исследовательской части [3]. Непроверяемость исследований свидетельствует об их субъективном характере, что приводит многих практикующих специалистов к мысли: «по возможности не прибегать к таким исследованиям без острой необходимости».

Вместе с тем судопроизводство, включая уголовное, исходя из положений Конституции Российской Федерации, должно строиться на унифицированных принципах, в числе которых названы состязательность сторон и презумпция невиновности. В этом смысле, стороны обвинения и защиты должны быть уравнены в возможности собирать и представлять доказательства в обоснование сформулированной ими позиции по юридическому делу. Не является исключением и вопрос о назначении судебной экономической экспертизы. В положениях уголовно-процессуальной доктрины высказывается мнение, согласно которому сторона обвинения фактически узурпировала данное право, активно используя данную процедуру для доказывания своей позиции и фактически лишая защиту такой возможности.

Ссылки на заявление соответствующих ходатайств самим подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и его защитником, вряд ли способны коренным образом исправить сложившуюся ситуацию. Проблема в том, что с «процессуальными просьбами» они обращаются все к тому же следователю, который вряд ли заинтересован в выяснении вопросов, интересующих защиту, поэтому в удовлетворении ходатайства, как правило, отказывают. Попытки обратиться с той же просьбой к суду также встречают негативную реакцию, поскольку суд находится в ситуации временной ограниченности, а экономические исследования требуют значительного периода для аналитики и сбора соответствующего материала [4].

Вместе с тем, в процессуальной науке достаточно давно артикулирована мысль о том, что защита может самостоятельно обратиться в интересах «подзащитного» к любому эксперту, включая экономиста, и сформулировать перед ним конкретную задачу, для облегчения положения доверителя. Экспертиза может быть проведена как в государственном учреждении, так и в частном порядке – в коммерческих организациях. Для обозначения такого рода исследований предложен термин «состязательная экспертиза». Препятствий к соответствующим обращениям действительно нет, они оформляются договором на оказание соответствующих услуг, по результатам готовится акт экспертного исследования.

Однако, здесь мы сталкиваемся с вопросом легализации полученного материала и придании ему доказательственного значения [5]. Дело в том, что эксперт передает подготовленный им итоговый документ обратившемуся к нему заказчику, а уже задача того его имплементировать в материалы уголовного дела. Единственным способом остается все то же ходатайство, адресованное следователю и суду, в удовлетворении которого может последовать отказ. Положительным моментом является то, что соответствующий акт экспертного исследования в таких случаях прикладывается к тексту ходатайства, как иллюстрация, изложенных в нем доводов. Поэтому даже при отказе в удовлетворении просьбы стороны защиты, проверочные судебные инстанции видят указанный документ, имеют возможность ознакомиться с его содержанием, что позволяет им оценить обоснованность доводов защиты.

Юридическая помощь лицам, привлекаемым к дифференцированным видам ответственности, в том числе, уголовной, должна быть квалифицированной [6]. Таковая вряд ли «монтируется» с отсутствием у защитника права не только получить соответствующие заключения эксперта-экономиста на основании своего обращения, но и гарантировано приобщить его к материалам уголовного дела.

«Состязательные экономические экспертизы» сопряжены с рядом моментов, требующих осмысления и разрешения. Во-первых, поскольку они проводятся в интересах «подзащитного», а защитник должен выражать его мнение и поддерживать сформулированную им позицию по уголовному делу, то вопрос об обращении к эксперту, постановке конкретных вопросов, передаче объектов для исследования, подлежит обязательному согласованию, согласие на перечисленные процедуры должно быть им выражено, предпочтительно в письменном виде.

Во-вторых, важно правильно определить момент соответствующего обращения защитника к эксперту-экономисту. На первоначальном этапе расследования наблюдается вакуум доказательственной информации. Вместе с тем, не совсем еще ясно, в каком ключе осуществляется развитие ситуации по уголовному делу, а также какой информационный материал формируется – обвинительный или защитительный.

Есть трудно разрешимые моменты, связанные с тем, что при проведении экономической экспертизы может быть выявлена информация, не только полезная для подзащитного, но и содержащая данные, подкрепляющие тезис обвинения. В этом смысле защитники находятся в коллизии, поскольку полученное ими заключение неоднозначно свидетельствует о невиновности или необходимости смягчения ответственности подзащитного. Задача заключается в том, чтобы взвесить все «за» и «против» и выбрать оптимально верное решение, в основе которого будет лежать подход оценки значимости полученных данных с позиций защиты.

Тактически правильно не торопится представлять акт экспертного состязательного исследования. Дело в том, что подобная поспешность может навредить «подзащитному», если в противовес полученному заключению, следователь назначит экспертизу по аналогичным вопро-

сам, но получит иной результат. В таком случае тезис обвинения будет подкреплен весомыми доказательствами, а «состязательная экспертиза» фактически аннулирует свое значение, поскольку последующие исследования покажут несостоятельность полученных в ходе ее проведения результатов.

Вместе с тем, и затягивать с предоставлением подобных заключений также нельзя. Желательно, чтобы они все же появились в материалах дела на досудебной стадии (предварительное расследование), поскольку по преступлениям в сфере экономики, они могут быть использованы для подкрепления ходатайства защиты о прекращении производства по уголовному делу. В то же время, если они будут представлены только в суде, это вызовет неоднозначные вопросы, что помешало защите представить их раньше. Вместе с тем надо принимать во внимание, что экономические экспертизы требуют значительного времени для проведения аналитического анализа. В этой связи представляется, что инициатива в их проведении должна быть проявлена на первоначальном этапе расследования, но ближе к его переходу в последующую стадию, то есть в момент, когда уже накоплена определенная доказательственная информация. В это время сторона защиты уже не находится в ситуации «неопределенности» и способна оценить ситуацию и выбрать направление, в котором ей надлежит двигаться и собирать данные в пользу «подзащитного», в том числе, путем проведения судебных экспертных исследований.

Библиография:

1. Ланг П. П. Функции правосудия: прошлое и настоящее / П. П. Ланг // Российский судья. – 2022. – № 12. – С. 41-46. – DOI 10.18572/1812-3791-2022-12-41-46. – EDN KKFMER.
2. Титова Н. С., Нуретдинова Ю. В. Судебно-экономические экспертизы в борьбе с преступностью в сфере экономики // Передовые инновационные разработки. Перспективы и опыт использования, проблемы внедрения в производство. – 2019. – С. 227 - 229.
3. Азархин А. В. История формирования института адвокатского расследования / А. В. Азархин // Российская наука: актуальные исследования и разработки : Сборник научных статей XVI Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 31 октября 2023 года. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2023. – С. 232-235. – EDN BVRZYL.
4. Карпов М. А. Проблемы выявления мошенничества на уровне хозяйствующих субъектов / М. А. Карпов, Д. Д. Осипов // Правовое регулирование деятельности хозяйствующего субъекта : Материалы 18-й Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 19–20 декабря 2019 года / Редколлегия: С.П. Бортников [и др.]. Том Часть 1. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2020. – С. 153-158. – EDN DBDHAO.
5. Данилов Г. А. Институт судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / Г. А. Данилов, А. В. Азархин // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 12(188). – С. 384-390. – DOI 10.24158/tipor.2023.12.51. – EDN JKRGUUK.
6. Осипов Д. Д. Цифровизация уголовно-процессуальной деятельности: краткий анализ положений современного уголовно-процессуального закона / Д. Д. Осипов // Трансформация экономической и правовой системы России: проблемы и перспективы : сборник научных статей Всероссийской научно-практической студенческой конференции, Самара, 23–25 ноября 2020 года. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2021. – С. 317-320. – DOI 10.46554/SNO-TELSR:P-P-23/25.11.2020.pp.317. – EDN DQOJVJ.

References:

1. Lang P. P. Functions of justice: past and present / P. P. Lang // Russian judge. - 2022. – No. 12. – pp. 41-46. – DOI 10.18572/1812-3791-2022-12-41-46. – EDN KKFMER.
2. Titova N. S., Nuretdinova Yu. V. Forensic economic expertise in the fight against crime in the field of economics // Advanced innovative developments. Prospects and experience of use, problems of introduction into production. – 2019. – pp. 227-229.
3. Azarkhin A.V. The history of the formation of the Institute of legal investigation / A.V. Azarkhin // Russian science: current research and development : Collection of scientific articles of the XVI All-Russian Scientific and practical conference. In 2 parts, Samara, October 31, 2023. – Samara: Samara State University of Economics, 2023. – pp. 232-235. – EDN BVRZYL.
4. Karpov M. A. Problems of fraud detection at the level of economic entities / M. A. Karpov, D. D. Osipov // Legal regulation of the activity of an economic entity : Materials of the 18th International Scientific and practical Conference. In 2 parts, Samara, December 19-20, 2019 / Editorial Board: S.P. Bortnikov [et al.]. Volume Part 1. – Samara: Samara State University of Economics, 2020. – pp. 153-158. – EDN DBDHAO.
5. Danilov G. A. Institute of forensic examination in criminal proceedings / G. A. Danilov, A.V. Azarkhin // Theory and practice of social development. – 2023. – № 12(188). – Pp. 384-390. – DOI 10.24158/tipor.2023.12.51. – EDN JKRGUUK.
6. Osipov D. D. Digitalization of criminal procedural activity: a brief analysis of the provisions of the modern criminal procedure law / D. D. Osipov // Transformation of the economic and legal system of Russia: problems and prospects : collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and practical Student Conference, Samara, November 23-25, 2020. – Samara: Samara State University of Economics, 2021. – pp. 317-320. – DOI 10.46554/SNO-TELSR:P-P-23/25.11.2020.pp.317. – EDN DQOJVJ.

О ДЕЙСТВИИ ФАКТОРОВ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ НАЧАЛЬНИКОМ ОТРЯДА В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ С ОСУЖДЕННЫМИ On the effect of factors influencing the decision-making by the head of the detachment in educational work with convicts

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,

ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России.

Нарвская ул., 15А, стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.

E-mail: yutish@list.ru;

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,

Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Narva str., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.

E-mail: yutish@list.ru

Краткая аннотация. В статье проводится анализ деятельности начальников отрядов, позволяющий выделить несколько факторов, оказывающих влияние на принятие ими решения в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными. В представленной работе приводятся обоснованные доводы о том, что целенаправленная теоретическая подготовка и наличие практического опыта позволяют накопить воспитателю необходимые знания, заставляющие его анализировать свою профессиональную деятельность и принимать правильные решения на службе при осуществлении воспитательного воздействия на осужденных.

Abstract. The article analyzes the activities of the heads of detachments, which allows us to identify several factors that influence their decision-making in the process of educational work with convicts. The presented work provides reasonable arguments that purposeful theoretical training and practical experience will allow the educator to accumulate the necessary knowledge, forcing him to analyze his professional activities and make the right decisions in the service when exercising educational influence on convicts.

Ключевые слова: исправительные учреждения, осужденные, начальник отряда, факторы, решения, последствия, воспитание, управление.

Key words: correctional institutions, convicts, squad leader, factors, decisions, consequences, upbringing, correction.

Для цитирования: Тищенко Ю.Ю. О действии факторов, оказывающих влияние на принятие решения начальником отряда в воспитательной работе с осужденными // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 359-361. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_359.

For citation: Tishchenko Yu.Yu. On the effect of factors influencing the decision-making by the head of the detachment in educational work with convicts // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 359-361. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_359.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Решение задач в сфере противодействия преступности на сегодняшний день находится в прямой зависимости от уровня специальной подготовки сотрудников исправительных учреждений (далее – ИУ). Ведущая роль в воспитании осужденных принадлежит начальнику отряда, личность которого должна накладывать отпечаток на весь педагогический и воспитательный процесс. В этой связи особое значение приобретают те или иные решения, принимаемые начальником отряда в отношении подчиненных.

В настоящее время в специальной литературе отсутствует однозначное мнение по поводу определения такого понятия, как решение. Исследователи отмечают, что под решением понимается выбор из некоторого числа альтернатив, движение мысли, разделенное на несколько этапов, решение как предмет выбора и т.д. Мы же полагаем, что под принятием решения следует понимать процесс движения мысли, включающий в себя анализ обстановки в которой оно принимается, последующий выбор способа действия и начало его исполнения.

Таким образом, процесс принятия решения можно разделить на несколько этапов:

- анализ информации;
- постановка проблемы;
- установление цели деятельности;
- оценка ситуации для выбора альтернатив;
- принятие решения.

В практической деятельности сотрудников ИУ вся сложность заключается не только в решении конкретной проблемы, но и в том, чтобы своевременно выявить наличие проблемы. Мы полагаем, что если ответственное должностное лицо или руководитель знает о наличии той или иной проблемы, то он находится на половине пути к ее решению. Нам представляется, что данный этап в структуре принятия решения имеет некоторое значение для организации воспитательной работы с осужденными.

Для проведения индивидуальной воспитательной работы с прибывшим в ИУ осужденным необходимо изучить его личность, провести с ним беседу в целях выявления особенностей, на которые необходимо обратить внимание в процессе воспитательного воздействия, а также оценить те качества личности, на которые можно будет опереться в процессе педагогического воздействия. Достаточно часто именно выявление направлений воспитания личности на практике упускается из вида.

В работе некоторых начальников отрядов проблемы воспитательного воздействия на осужденных проявляются лишь тогда, когда они начинают совершать дисциплинарные проступки и по их вине начинают создаваться конфликтные ситуации. Полагаем, что в сложившейся ситу-

ации в действие должны вступать следующие структурные элементы принятия решения:

- анализ информации для принятия решения, включающий в себя предшествующий положительный опыт;
- установление мотивов;
- выявление факторов внешнего воздействия;
- оценку сложившейся обстановки;
- принятие решения.

В практической деятельности сотрудников ИУ возникают случаи, особенно при разрешении конфликтных ситуаций, когда начальники отрядов затрудняются принять единственное и педагогически целесообразное решение. Некоторые из них предпочитают не вмешиваться в конфликт, некоторые привычно накладывают взыскания на осужденных, без выяснения причин конфликта, третьи, применяют карательное воздействие ко всем участникам конфликта, а последние принимают педагогически необоснованные решения в сложившейся ситуации. Указанные нами решения начальников отряда оказывают негативное влияние на воспитание осужденных.

Особое значение в решении задач воспитательного характера имеет общая культура начальника отряда, его педагогическая тактичность, выдержанность, доброжелательность и внимание к нуждам осужденных. Мы также разделяем точку зрения А.В. Маняхина, который справедливо отмечает, что наиболее важными для оптимального взаимодействия с осужденными психологическими качествами сотрудника ИУ являются обращение и отношение к осужденным с проявлениями уважения их человеческого достоинства [6, с. 101].

Проведенный нами анализ деятельности начальников отрядов позволяет выделить несколько факторов, оказывающих влияние на принятие ими решения в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными. К числу таких факторов можно отнести: непредвиденность сложившихся обстоятельств; дефицит времени; недостаток информации; необходимость риска; опасность для жизни и здоровья. Указанные факторы, на наш взгляд приобретают свое значение при решении задач индивидуально воспитательной работы с осужденными. По данным ранее проведенных исследований начальников отрядов [3, с. 174], 23,5 % принявших участие в анкетировании отметили отсутствие негативных факторов, воздействующих на их служебную деятельность. Остальные респонденты указывают на три основных отрицательных фактора: отсутствие свободного времени – 56 %; отсутствие перспектив продвижения по службе - 26,5 %; опасение за свою жизнь и здоровье - 17,5 %.

При принятии решения существенную роль играет недостаток или избыток противоречивой информации об осужденном, поэтому начальнику отряда необходимо, прежде всего, знать индивидуально-психологические особенности осужденного. Полагаем, что для принятия решения начальнику отряда необходимо найти ответы на следующие вопросы:

- способен ли осужденный разумно оценивать обстановку;
- может ли осужденный правильно реагировать на различные жизненные ситуации;
- умеет ли осужденный ограничивать свои потребности;
- имеет ли осужденный свое собственное мнение;
- может ли осужденный принимать самостоятельно решения;
- усваивает ли осужденный принятые в криминальной среде нормы и правила поведения;
- способен ли осужденный выдержать разумную зависимость от других лиц;
- обладает ли осужденный защитным механизмом;
- умеет ли осужденный находить выход из конфликтной ситуации.

Возможность начальника отряда ответить на интересующие его вопросы, касающиеся облика осужденного, его, установок, мотивации, позволяют ему правильно поставить задачи воспитательного воздействия и оказать помощь осужденному переосмыслить свою жизнь и сформировать активную социальную позицию. Таким образом, наличие у начальника отряда необходимых сведений о каждом осужденном позволяет понимать ему многие процессы и явления, происходящие в среде осужденных. При этом следует отметить точку зрения ученых, которые обоснованно утверждают, что знание начальником отряда психологических особенностей поведения осужденных, позволяет более точно формулировать задачи, стоящие перед психологом и запросы к вышестоящему начальству по организации и разрешению конфликтных ситуаций в отряде [2, с. 187].

Принятые решения всегда оказывают свое влияние на чувства, волю и разум их исполнителей. Последствия решений, принятых начальником отряда в отношении осужденных, могут привести последних к возникновению позитивных или негативных психологических состояний, обуславливающих закрепление положительных или отрицательных качеств эмоциональной, нравственной и волевой сфер личности, определяющих характер взаимоотношений.

Все воспитательные последствия по характеру воздействия начальника отряда на осужденных можно разделить на три группы: положительные, отрицательные и нейтральные.

Первые определяют становление правонарушителей на путь исправления и позитивно влияют на характер взаимоотношений с общей массой осужденных, что способствует возникновению нормального морально-психологического климата в коллективе.

Вторые способствуют формированию негативных межличностных отношений и отрицательно сказываются на проведении воспитательных мероприятий, поскольку личные отношения между начальником отряда и осужденным сказываются на общем состоянии педагогической обстановки в отряде.

Третьи могут привести к возникновению нежелательных состояний у осужденных, таких как депрессия, высокая тревожность, напря-

женность, подчиняющие себе всю деятельность индивида. Данные последствия могут характеризоваться утратой интересов, апатичными состояниями, недостатком побуждений для проявления активности или, наоборот, к целенаправленной активности в совершении отрицательных поступков.

Таким образом, негативные воспитательные последствия принятия решений начальником отряда ставят проявление вышеуказанных признаков на грани психических отклонений, что значительно повышает уровень конфликтности личности и обуславливает нарушения установленного порядка отбывания наказания.

Существенное влияние на принятие решения начальником отряда в отношении осужденных в воспитательной работе оказывает организация уровня повышения их квалификации. Полагаем, что целенаправленная теоретическая подготовка и наличие практического опыта позволят накопить воспитателю необходимые знания, заставляющие его анализировать свою профессиональную деятельность и принимать правильные решения на службе при осуществлении воспитательного воздействия на осужденных. Следует также поддержать точку зрения исследователей, которые справедливо отмечают, что постоянное профессиональное развитие сотрудника, поддержание его квалификации на уровне современных научных достижений является важным фактором роста профессионального самосознания и трудовой мотивации [5, с. 346]. Однако знание теоретических основ не всегда достаточно, поскольку они должны быть грамотно применены на практике. Именно поэтому необходимо проводить систематический анализ реально сложившихся ситуаций в практической деятельности сотрудников ИУ, анализировать эти ситуации, осуществлять поиск оптимальных решений, выработать решения коллегиально и распространять положительный опыт принятия обоснованных решений.

Библиография:

1. Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Кокурин А.В., Красов Д.А. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний России. Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 72-85.
2. Ивашко Н.Н., Игумнова О.В., Кароян В.В. Педагогическая составляющая профессиональной деятельности начальников отрядов. Вестник Кузбасского института. 2015. № 1. С. 183-188.
3. Киселев М.В., Филимонов С.Б., Ивашко Н.Н., Игумнова О.В., Сторожев С.А. Приоритетные направления работы начальников отрядов осужденных и трудности, возникающие в осуществлении их функциональных обязанностей. Вестник Кузбасского института. 2015. № 2. С. 173-182.
4. Ковалева С.Н. Мотивация и стимулирование как элементы служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы. Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 79-85.
5. Малкова Л.Л., Игнатьевский В.А. Анализ состояния и пути решения проблемы мотивации служебно-профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы в современных условиях. Человек: преступление и наказание. 2018. № 3. С. 344-351.
6. Манякин А.В. Социально-психологическая характеристика особенностей ролевого взаимодействия сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы и лиц, осужденных к лишению свободы. Психология. Психофизиология. 2014. № 3. С. 99-103.
7. Полякова Я.Н. Профессионально-важные качества сотрудника УИС в экспертных оценках и представлениях сотрудников. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 275-278.

References:

1. Bovin B.G., Kazberov P.N., Kokurin A.V., Krasov D.A. Forecasting the professional success of employees of the security units of the Federal Penitentiary Service of Russia. Applied legal psychology. 2009. No. 3. pp. 72-85.
2. Ivashko N.N., Igumnova O.V., Karoyan V.V. The pedagogical component of the professional activity of the chiefs of detachments. Bulletin of the Kuzbass Institute. 2015. No. 1. pp. 183-188.
3. Kiselev M.V., Filimonov S.B., Ivashko N.N., Igumnova O.V., Storozhev S.A. Priority areas of work of the heads of the convict detachments and difficulties arising in the implementation of their functional duties. Bulletin of the Kuzbass Institute. 2015. No. 2. pp. 173-182.
4. Kovaleva S.N. Motivation and stimulation as elements of official behavior of employees of the penal enforcement system. Applied legal psychology. 2014. No. 2. pp. 79-85.
5. Malkova L.L., Ignatievsky V.A. Analysis of the state and ways to solve the problem of motivation of professional activity of employees of the penitentiary system in modern conditions. Man: crime and punishment. 2018. No. 3. pp. 344-351.
6. Manyakhin A.V. Socio-psychological characteristics of the features of role interaction between employees of institutions of the penal enforcement system and persons sentenced to imprisonment. Psychology. Psychophysiology. 2014. No. 3. pp. 99-103.
7. Polyakova Ya.N. Professionally important qualities of a UIS employee in expert assessments and employee representations. Humanities, socio-economic and social sciences. 2014. No. 4. pp. 275-278.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_362

УДК 343.24/29

ШТРАФ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ FINE AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT AND ITS PLACE IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PENALTIES

ХОДЖАЛИЕВ Салех Айсаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».

364024, Россия, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32.

E-mail: hodzhaliev_saleh@mail.ru;

Khojaliev S.A.,

Candidate of Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security

Kadyrov Chechen State University.

32 A. Sheripova str., Grozny, 364024, Russia.

E-mail: hodzhaliev_saleh@mail.ru

Краткая аннотация. Автором проводится анализ штрафа как вида уголовного наказания и определяется его место в системе уголовных наказаний. Автор исследует понятие и особенности закрепления в нормах УК РФ штрафа. Автором приводятся обстоятельства, которые влияют на возможность назначения наказания в виде штрафа и его размеры. Выявлено, что размер штрафа должен устанавливаться судом с учётом принципов справедливости и исполнимости. Дополнительно автор раскрывает особенности исполнения наказания в виде штрафа, в том числе при злостном уклонении от его уплаты осуждённым. Делается вывод, что последствия такого злостного уклонения будут отличаться в зависимости от назначения штрафа в качестве основного или дополнительного наказания.

Abstract. The author analyzes the fine as a type of criminal punishment and determines its place in the system of criminal punishments. The author examines the concept and features of fixing a fine in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The author cites the circumstances that affect the possibility of imposing a penalty in the form of a fine and its amount. It is revealed that the amount of the fine should be established by the court, taking into account the principles of fairness and enforceability. In addition, the author reveals the features of the execution of punishment in the form of a fine, including in case of malicious evasion of its payment by the convict. It is concluded that the consequences of such malicious evasion will differ depending on the imposition of a fine as the main or additional punishment.

Ключевые слова: преступление, наказание, Уголовный кодекс РФ, штраф, рассрочка, несовершеннолетний, размер, имущество, доход, осуждённый, основное наказание, дополнительное наказание.

Keywords: crime, punishment, Criminal Code of the Russian Federation, fine, installment, minor, amount, property, income, convict, main punishment, additional punishment.

Для цитирования: Ходжалиев С.А. Штраф как вид уголовного наказания и его место в системе уголовных наказаний // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 362-364. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_362.

For citation: Khojaliev S.A. Fine as a type of criminal punishment and its place in the system of criminal penalties // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 362-364. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_362.

Статья поступила в редакцию: 07.05.2024

Самым мягким из видов уголовных наказаний, которые предусматривает Уголовный кодекс РФ [2], является штраф.

Понятие штрафа закреплено в ч. 1 ст. 46 УК РФ. Так, «штраф есть денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом».

Это наказание может быть назначено как в качестве основного, так и качестве дополнительного наказания (в зависимости от формулировки санкции конкретной нормы).

Рассмотрим, почему штраф является самым мягким из всех уголовных наказаний. Прежде всего, штраф никак не влияет на права и свободы того лица, которому такой штраф назначен. Штраф по своей сути лишь является вмешательством в имущественную сферу человека (в отличие, например, от обязательных работ, где ограничивается право на выбор места работы). Кроме того, штраф не ограничивает и право человека свободно перемещаться (в отличие, например, от лишения свободы). Штраф не ограничивает человека в трудовой или служебной деятельности.

Как правило, если осужденному назначено наказание в виде штрафа, то это означает, что такой осуждённый не нуждается в применении к нему более строго наказания.

Анализ норм УК РФ показывает, что в некоторых случаях размер штрафа может достигать 500 000 000 рублей. Такая сумма закреплена законодателем как максимально возможная. Как видно, не смотря на то, что штраф – самое мягкое наказание, но одновременно его размер может являться существенным для осужденного.

Согласно правилам, установленным в ч. 3 ст. 46 УК РФ, размер штрафа суд определяет исходя из следующих положений:

1. Пределы, определенные в санкции конкретной статьи.
2. Тяжесть преступного деяния.
3. Имущественное положение человека, которому назначается такое наказание, а также имущественное положение членов его семьи.
4. Наличие необходимых для уплаты штрафа и для нормальной жизни доходов.

5. Если штраф в санкции статьи определен как дополнительное наказание, суд должен обосновать как необходимость его применения, так и возможность его неприменения в конкретной ситуации.

Нормы УК РФ в статьях 44, 46 и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" [7] гласят, что минимальный размер штрафа для взрослого человека – 5000 рублей, а для несовершеннолетнего – 1000 рублей. Это если речь идет о фиксированной сумме. Если же штраф рассчитывается из дохода за определенный период, то такой период должен быть не менее 2 недель [4].

Исходя из санкций норм УК РФ, видно, что размер штрафа может определяться различными способами:

1. Прямое указание на минимальную и максимальную сумму. Так, например, за кражу (ч. 1 ст. 158) предусмотрен штраф в размере до 80 тыс. рублей. Минимальный порог не указан, что означает необходимость обращения к общим нормам о штрафе. Соответственно, он равен 5 тысячам рублей.

2. Указание на заработную плату или иной дохода осужденного за определенный период. Например, за мелкое хищение (ст. 158.1) штраф назначается «в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 месяцев».

3. В величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, подкупа арбитра (третейского судьи), взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Например, в ст. 291 (дача взятки) размер штрафа определен «в размере от пятикратной до тридцатикратной суммы взятки».

Анализ норм УК РФ показывает, что по большей части санкции предлагают альтернативу способам исчисления размеров штрафа. Например, в ст. 158 и 158.1 – использованы альтернативно первые два способа, а в ст. 291 – все три. Это способствует реализации принципа индивидуализации наказания.

О применении штрафа как основного или дополнительного вида наказания говорится непосредственно в санкциях особенной части УК РФ. Так, например, в упомянутых выше нормах ст. 158, 158.1 и 291 – штраф – основной вид наказания, а ч. 4 ст. 228.1 (незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств...) – дополнительное. В последнем случае используется такая формулировка: «наказываются лишением свободы ... со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового».

Интересны правила учета времени, когда лицо до провозглашения приговора находилось под стражей. Так, если такому осужденному был назначен штраф как основное наказание, то суд может или освободить его от уплаты такого штрафа полностью. Или же возможно сокращение размера штрафа. В последнем случае все также действует правило о минимальном размере штрафа (5 тыс. или 1 тыс. рублей соответственно для взрослого человека или несовершеннолетнего).

В тех случаях, когда штраф является основным наказанием, в качестве дополнительных наказаний могут быть назначены:

- лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

Во всех случаях возможность применения этих дополнительных видов наказаний предусматривается санкциями норм особенной части кодекса.

В связи с возможностью назначения существенных для осужденного размеров штрафа, уголовное законодательство предусматривает рассрочку его уплаты согласно положениям ч. 3 ст. 46 УК РФ. Рассрочка возможна на срок до 5 лет по мотивированному решению суда. При этом суд устанавливает график оплаты. Если по какой-то причине в приговоре рассрочка уплаты штрафа не установлена, то осужденный может позднее согласно ч. 2 ст. 398 УПК РФ [5] подать ходатайство о рассрочке уплаты штрафа. Эта возможность вытекает также из правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ [6].

Уголовное законодательство в ч. 2 ст. 88 УК РФ допускает возможность назначать штраф не только тем лицам, у которых имеется доход, но и тем, кто такого дохода не имеет. Второй случай как правило, используется при совершении преступления несовершеннолетним. Суд может взыскать штраф с родителей такого подростка или лиц их заменяющих, но только с их согласия. При этом для несовершеннолетних минимальный размер штрафа может составлять одну тысячу рублей. Данный подход критикуется в литературе [9, с. 9] [11, с. 19] [10, с. 445], поскольку фактически наказание будет исполнено не осужденным, а иными лицами, тогда как нормы УК РФ предусматривают личную ответственность за совершенное преступление. Кроме того, уголовное-правовое воздействие в виде наказания в данном случае в отношении непосредственно несовершеннолетнего будет отсутствовать.

Следует отметить, что ст. 76.2 УК РФ предусматривает судебный штраф как вид освобождения уголовного наказания. Данная мера уголовно-правового воздействия не является видом уголовного наказания и анализируемые в настоящей статье правила к ней не применяются.

Согласно ст. 60, при назначении штрафа (как любого другого вида наказания) суд должен учитывать «характер и степень общественной опасности содеянного, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи». Кроме того, назначая наказание в виде штрафа, суд должен учитывать исполнимость такого наказания: имеется ли у осужденного работа или иной доход, может ли он при отсутствии работы трудоустроиться, есть ли у него имущество, иждивенцы и другие факторы. На это также указывает Конституционный Суд РФ [8]. Действительно, если осужденный даже при добросо-

вестном поведении не способен уплатить штраф, то назначение такого наказания будет противоречить принципам справедливости [1] и исполнимости наказания и превратится «в механизм подавления имущественной деятельности физического лица» [12].

Необходимо упомянуть и особенности исполнения анализируемого вида наказания, закрепленные в нормах УИК РФ [3]. Так, если штраф назначен без применения рассрочки его уплаты, то исполнить такое наказания осужденный обязан в течение 60 дней с момента вступления приговора в силу.

Если же судом был установлена рассрочка, то в течение 60 дней с момента вступления приговора в силу осужденный должен уплатить первый платеж. Дальнейшие платежи уплачиваются согласно установленному судом графику, если же такой график отсутствует - ежемесячно не позднее последнего дня каждого последующего месяца (ч. 3 ст. 31 УИК РФ).

Анализируемое наказание исполняется судебными приставами-исполнителями на основании возбужденного исполнительного производства.

Если же штраф являлся дополнительным наказанием, то его неуплата влечет принудительное взыскание по правилам исполнительного производства.

Итак, в заключении можно сделать следующие выводы:

1. Штраф – наиболее мягкое из всех видов уголовных наказаний в нашей стране.
2. Штраф может быть назначен как основное или как дополнительное наказание.
3. УК РФ закрепляет обстоятельства, которые влияют на возможность назначения наказания в виде штрафа и его размеры.
4. Допускается возможность назначения обязанности уплаты штрафа родителями за несовершеннолетнего осужденного.
5. Штраф может быть назначен с условием оплаты в рассрочку.
6. Если штраф назначен в качестве основного наказания, то в качестве дополнительного наказания может назначаться ограниченный перечень видов наказания.
7. Размер штрафа должен устанавливаться судом с учётом принципов справедливости и исполнимости.
8. Последствия злостного уклонения от уплаты штрафа будут отличаться в зависимости от назначения штрафа в качестве основного или дополнительного наказания.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 10.05.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 1997. N 2. ст. 198.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. N 31.1998. ст. 3824.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. N 52 (ч. I), ст. 4921.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 N 21 "О практике применения судами законодательства об исполнении приговора" // Собрание законодательства РФ. 2001. N 52 (ч. I), ст. 4921.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 2. февраль. 2016.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 N 2137-О // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.05.2024).
9. Беляева Л.И. К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних // Российский следователь. 2014. N 21. С. 9 - 13.
10. Огурцов С. А. Штраф как вид наказания, назначаемый несовершеннолетним // Актуальные проблемы российского права. 2007. №1. С. 444-451.
11. Тимошенко Ю. А. Некоторые вопросы назначения несовершеннолетним осужденным наказания в виде штрафа // КриминалистЪ. 2010. №2(7). С. 18-20.
12. Шестало С. С. Штраф как уголовное наказание // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.05.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020 // Official Internet portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 07/04/2020 (date of appeal: 05/10/2024).
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 06/06/1996 N 63-FZ (as amended on 04/06/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. N 25. Art. 2954.
3. The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 N 1-FZ (as amended on 06/24/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. N 2. art. 198.
4. The Tax Code of the Russian Federation (part one) dated 07/31/1998 N 146-FZ (as amended on 03/23/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. No. 31.1998. Article 3824.
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 04/22/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I), Article 4921.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/20/2011 No. 21 "On the practice of application of legislation by courts on the execution of the sentence" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. N 52 (part I). Article 4921.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/22/2015 No. 58 (as amended on 12/18/2018) "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. N 2. February. 2016.
8. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09/27/2018 N 2137-O // SPS "Consultant Plus" (date of appeal: 05/10/2024).
9. Belyaeva L.I. On the issue of criminal liability of minors // Russian investigator. 2014. N 21, pp. 9-13.
10. Oгурtsov S. A. Fine as a type of punishment imposed on minors // Actual problems of Russian law. 2007. No. 1. pp. 444-451.
11. Tymoshenko Yu. A. Some issues of sentencing minors to a fine // Criminalist. 2010. No.2(7). pp. 18-20.
12. Shestalo S. S. Fine as a criminal punishment // SPS "Consultant Plus" (date of application: 05/10/2024).

ТЕЛЕФОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ВИД ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА TELEPHONE TERRORISM AS A TYPE OF INFORMATION TERRORISM

АХЪЯДОВ Эльман Саид-Мохмадович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, заместитель декана по научной работе юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова». 364024, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32. E-mail: Akhyadov1990@mail.ru;

АЛЬХАНОВ Насрудин Магомедович,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного права процесса и национальной безопасности, и.о. зав. кафедрой теории истории государства и права ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова». 364024, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32. E-mail: n.alkhaanov@mail.ru;

ДАДАШОВ Муса Махамедович,

доцент кафедры информационного права и юриспруденции, Грозненский государственный нефтяной технический университет имени М.Д. Миллионщикова. 364061, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, пр. Х. Исаева, 100. E-mail: musa_dadashov12.10.1988@mail.ru;

Akhyadov E.S.-M.,

Deputy Dean for Research at the Faculty of Law, Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security FGBOU VO "Chechen State University. A.A. Kadyrov". 32 A. Sheripova str., Grozny, 364024, Russia. E-mail: Akhyadov1990@mail.ru;

Alkhanov N.M.,

Ph.D., Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security I.O. Head of the Department of Theory of the History of State and Law Kadyrov Chechen State University. 32 A. Sheripova str., Grozny, 364024, Russia. E-mail: n.alkhaanov@mail.ru;

Dadashov M.M.,

Associate Professor of the Department of Information Law and Jurisprudence Grozny State Petroleum Technical University named after M.D. Millionshchikova. 100 Kh. Isaev Ave., Grozny, Chechen Republic, Russia, 364061. E-mail: musa_dadashov12.10.1988@mail.ru

Краткая аннотация. Автором показано, что терроризм проявляется не только в действиях в виде взрывов, нападений и захвате заложников. Все большее распространение получает информационный терроризм, который направлен в первую очередь на дестабилизацию ситуации в обществе посредством влияния на общественное мнение, запугивания. В нашей стране происходит более тысячи ложных сообщений о минировании и эта цифра постоянно увеличивается. Такие деяния квалифицируются по ст. 207 как заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Автором проведен подробный анализ состава этой статьи. Подробно рассмотрена опасность телефонного терроризма. Проведен краткий обзор применяемых мер по борьбе с телефонным терроризмом. В заключении сделан вывод о необходимости координации деятельности правоохранительных органов федерального и регионального уровня.

Abstract. The author shows that terrorism manifests itself not only in actions in the form of explosions, attacks and hostage-taking. Information terrorism, which is aimed primarily at destabilizing the situation in society by influencing public opinion and intimidation, is becoming more and more widespread. In our country, there are more than a thousand false reports about mines, and this figure is constantly increasing. Such acts are qualified under Article 207 as a knowingly false report of an act of terrorism. The author has carried out a detailed analysis of the composition of this article. The danger of telephone terrorism is considered in detail. A brief review of the measures taken to combat telephone terrorism is provided. In conclusion, it is concluded that it is necessary to coordinate the activities of law enforcement agencies at the federal and regional levels.

Ключевые слова: информационный терроризм, телефонный терроризм, ложное сообщение об акте терроризма, запугивание, минирование.

Keywords: information terrorism, telephone terrorism, false reporting of an act of terrorism, intimidation, mining.

Для цитирования: Ахьядов Э.С.-М., Альханов Н.М., Дадашов М.М. Телефонный терроризм как вид информационного терроризма // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 365-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_365.

For citation: Akhyadov E.S.-M., Alkhanov N.M., Dadashov M.M. Telephone terrorism as a type of information terrorism // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 365-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_365.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2024

В наши дни терроризм проявляется не только в действиях в виде взрывов, нападений и захвате заложников. Все большее распространение получает информационный терроризм, который направлен в первую очередь на дестабилизацию ситуации в обществе посредством влияния на общественное мнение, запугивания.

Одним из наиболее распространенных преступлений, относящихся к информационному терроризму, является так называемый телефонный терроризм. Как правило, он проявляется в ложных звонках о минировании тех или иных объектов. С точки зрения Уголовного кодекса РФ [1] такие деяния признаются преступлением и квалифицируются по ст. 207 как заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

Такое преступление относится к числу тяжких и предусматривает максимальное наказание – 10 лет лишения свободы. Минимально

возможное наказание по этой статье представляет собой штраф в размере 200 тысяч рублей [1].

По оценкам экспертов, ежегодно в нашей стране происходит более тысячи ложных сообщений о минировании и эта цифра постоянно увеличивается. Это наносит ущерб, исчисляемый в сотнях миллионов рублей.

Как отмечается в литературе [5, с. 11], «ложные сообщения о бомбах в общественных местах в основном имеют целью устрашение населения и создание предпосылок для дестабилизации обстановки в стране». Кроме того, подобные сообщения «парализуют деятельность правоохранительных органов, провоцируют экономические потери, ухудшение имущественных и личных прав отдельных граждан» [6].

Рассмотрим состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма, закрепленный ст. 207 УК РФ.

Указанная статья включает в себя четыре части и два примечания. Следует отметить, что в 2017 году эта статья была изложена в новой редакции [2], что по своей сути повлекло усиление уголовной ответственности.

Диспозиция первой части рассматриваемой статьи устанавливает ответственность за «заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное из хулиганских побуждений».

Основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления является общественная безопасность. В качестве дополнительного объекта, как указывается в литературе, можно назвать «общественный порядок, жизнь и здоровье граждан, конституционные права и свободы человека и гражданина, экономические интересы, порядок управления» [7].

С объективной стороны преступление может быть совершено исключительно посредством действия (совершить его путем бездействия невозможно). Дело в том, что само преступное деяние заключается в сообщении информации, а сообщить информацию можно только посредством какого-либо активного действия.

Возможные адресаты такой информации – различны, их перечень в норме УК РФ отсутствует. Как отмечается в литературе, для признания такого сообщения преступлением необходимо, чтобы адресат был обязан (например, в рамках своих должностных обязанностей) или вынужден (по любой причине) отреагировать на сообщение соответствующим образом [8]. Таким образом, если сообщение было получено только лицом, которое не должно или не могло на него отреагировать – состав преступления будет отсутствовать.

На практике адресатом таких сообщений чаще всего становятся органы полиции, реже – иные правоохранительные органы и другие органы власти. На третьем месте – руководители различных организаций (например, директора школ).

Способ передачи сообщения значения для квалификации деяния не имеет. На практике чаще всего используются телефонные звонки, реже – письма в электронной или бумажной форме. Лицо, передающее информацию, может выступать от своего имени, анонимно, под чужим или вымышленным именем. Передача сообщения может быть устной или письменной, личной или через третьих лиц. Звонки могут совершаться с таксофонов, с чужих телефонов (потерянных или украденных), с незарегистрированных сим-карт, с использованием программ для изменения голоса и (или) номера телефона, через анонимные мессенджеры. Реже встречаются бумажные письма, подкидываемые в почтовые ящики.

Передаваемая информация должна содержать сведения о готовящемся акте терроризма в том или ином виде, которые перечислены в диспозиции рассматриваемой нормы. При этом для признания деяния преступным, достаточно сообщения хотя бы об одном из таких действий.

Следующий важный признак – ложность переданной информации. Ложной является информация, которая не соответствует реальной действительности, является объективно неверной.

Кроме того, лицо, сообщаящее информацию, должен понимать что такая информация не соответствует действительности. Если лицо добросовестно заблуждается и передает ложную информацию – состав преступления отсутствует.

Если сообщение содержало информацию о реальной подготовке террористического акта, такое деяние также не может квалифицироваться по этой норме. В отдельных случаях такое сообщение может подпадать под действие примечания к ст. 205 УК РФ.

Состав преступления – формальный. Преступление является оконченным с момента «когда сведения об этом стали известны властным или правоохранительным органам, обязанным принять соответствующие меры, либо в определенных случаях доведены до конкретного адресата, которого лицо намеревается ввести в заблуждение и интересам которого угрожает» [5, с. 11].

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

С субъективной стороны преступление совершается умышленно. Часть первая содержит обязательный мотив деяния – хулиганские побуждения. Как указывает Пленум Верховного Суда РФ, к хулиганским следует относить «умышленные действия, направленные против личности или имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода» [3].

Часть вторая ст. 207 УК РФ предусматривает ответственность за то же деяние, если оно было совершено в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекло причинение крупного ущерба. Кроме того, в отличие от первой части, в этой норме отсутствует указание на хулиганские побуждения.

Понятия крупного ущерба и объектов социальной инфраструктуры приведены в примечаниях. Так, согласно примечанию 1, крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей. А согласно примечанию 2, под объектами социальной инфраструктуры в настоящей статье понимаются организации систем здравоохранения, образования, дошкольного воспитания, предприятия и организации, связанные с отдыхом и досугом, сферы услуг, пассажирского транспорта, спортивно-оздоровительные учреждения, система учреждений, оказывающих услуги правового и финансово-кредитного характера, а также иные объекты социальной инфраструктуры.

Соответственно, в тех случаях, когда деяние причинило крупный ущерб, состав преступления будет материальным. Преступление бу-

дет являться оконченным в момент возникновения крупного ущерба.

Что касается формы вины (при причинении крупного ущерба), то возможно наличие двух форм вины – умысла по отношению самому сообщению и неосторожность по отношению к размеру вреда.

Часть третья рассматриваемой статьи предусматривает специальную цель – дестабилизацию деятельности органов власти.

По четвертой части преступление будет квалифицировано, если деяние повлечет по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Для борьбы с телефонным терроризмом применяются различные меры:

1. Нормы УК РФ, как было показано выше, ужесточили ответственность за деяние.
2. Сим-карты должны продаваться только при предъявлении паспорта. Между тем, на практике эта норма не всегда соблюдается.

Кроме того, преступники в отдельных случаях пользуются чужими паспортами для этой цели.

3. Регистрация во многих мессенджерах стала возможна только посредством подтверждения по номеру телефона.
4. Широко используются технологии для отслеживания IP адресов.
5. Упрощена процедура получения правоохранительными органами у операторов мобильной связи о владельце сим-карты.
6. Разрабатываются и передаются руководителям организаций и предприятий памятки о действиях при поступлении сообщения о готовящемся террористическом акте. В них рекомендует собрать (запомнить) как можно больше информации о звонившем: произношение, голос, темп и манера речи, посторонние шумы и так далее. После этого следует записать номер, с которого был совершен звонок и сообщить в правоохранительные органы.

В заключении следует отметить, что для эффективной борьбы с телефонным терроризмом необходима координация деятельности правоохранительных органов федерального и регионального уровня.

Библиография:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. ст. 2954.
2. Федеральный закон от 31.12.2017 № 501-ФЗ "О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (Часть I). ст. 85.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 "О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений" // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 1. январь. 2008.
4. Жилиева А. М. Телефонный терроризм и борьба с ним // Форум молодых ученых. 2023. №1-1 (29). С. 1262-1265.
5. Никитин С., Zubov H. Как менялся «телефонный терроризм»? // Деловая газета "Взгляд". январь 20
6. Прокурор разъясняет. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (Ст. 207 УК РФ) [Электронный ресурс] // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=25177715 (дата обращения: 18.04.2024).
7. Разъяснения по вопросу о заведомо ложном сообщении об акте терроризма, как уголовно-наказуемом деянии [Электронный ресурс] // https://цфот.мвд.рф/pravo_str/item/16887359 (дата обращения: 18.04.2024).
8. Телефонный терроризм и его последствия [Электронный ресурс] // <https://www.melenky.ru/bezopasnost/antiterroristicheskaya-yukomissiya/12102-telefonnyj-terrorizm-i-ego-posledstviya> (дата обращения: 18.04.2024).

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06.06.1996 (as amended on 04/06/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. Federal Law No. 501-FZ dated 12/31/2017 "On Amendments to Articles 205 and 207 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Code-the Procedural Code of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2018. No. 1 (Part I). Article 85.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/15/2007 No. 45 "On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed from hooligan motives" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. N 1. January. 2008.
4. Zhilyeva A.M. Telephone terrorism and the fight against it // Forum of Young scientists. 2023. No.1-1 (29). pp. 1262-1265.
5. Nikitin S., Zubov N. How has "telephone terrorism" changed? // Business newspaper "Vzglyad". January 20
6. The Prosecutor explains. Knowingly false report of an act of terrorism (Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation) [Electronic resource] // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=25177715 (date of appeal: 04/18/2024).
7. Clarifications on the issue of knowingly false reporting of an act of terrorism as a criminally punishable act [Electronic resource] // https://цфот.мвд.рф/pravo_str/item/16887359 (date of access: 04/18/2024).
8. Telephone terrorism and its consequences [Electronic resource] // <https://www.melenky.ru/bezopasnost/antiterroristicheskaya-yukomissiya/12102-telefonnyj-terrorizm-i-ego-posledstviya> (date of application: 04/18/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_368

УДК 343.2/7

ПОДДЕЛКА ПРОТОКОЛА СОБРАНИЯ СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Forgery of the protocol of the meeting of apartment building owners as a problem of modern housing and communal services

ЛУГОВОЙ Сергей Владимирович,

аспирант юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета,
директор по безопасности акционерного общества «Автономная теплоэнергетическая компания», г. Краснодар.
ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Краснодарский край, 350040, Россия.
E-mail: freemansergeyivanov@mail.ru;

Lugovoy Sergey Vladimirovich,

1st year postgraduate student of the A.A. Khmyrov Faculty of Law of Kuban State University
Director of Safety of the joint-stock company "Autonomous Thermal Power Company", Krasnodar.
Stavropol str., 149, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350040, Russia.
E-mail: freemansergeyivanov@mail.ru

Краткая аннотация: Обеспечение бесперебойной подачи тепловой энергии, электроэнергии, горячего и холодного водоснабжения осуществляется посредством построения взаимоотношений между ресурсоснабжающими организациями и физическими или юридическими лицами, при этом посредниками в данном процессе в большинстве случаев выступают управляющие компании, товарищество собственников жилья или товарищество собственников недвижимости. Регулярно для решения текущих вопросов иницируется собрания собственников жилья многоквартирного дома, результатом которых является оформление официального документа в виде протокола собрания. Зачастую в корыстных целях участники собрания, среди которых имеются лица, не являющиеся собственниками помещений, фальсифицируют результаты собрания. В данной статье исследованы проблемы выявления состава преступления по подделке протокола собственников жилья и определены направления совершенствования действующего законодательства и нормативного правового механизма в аспекте организации и проведения собрания собственников жилья им многоквартирного дома с целью минимизации рисков криминализации данного процесса.

Abstract: Ensuring uninterrupted supply of thermal energy, electricity, hot and cold water is achieved through establishing relationships between resource-supplying organizations and individuals or legal entities. In this process, intermediaries are often property management companies, housing cooperatives, or property owner associations. Regular meetings of the owners of apartments in a multi-apartment building are initiated to address current issues, the result of which is the formalization of an official document in the form of meeting minutes. Often, for selfish purposes, meeting participants, including individuals who are not owners of premises, falsify the meeting results. This article explores the problems of identifying the elements of the crime of falsifying meeting minutes of property owners and identifies directions for improving the existing legislation and regulatory legal mechanisms in terms of organizing and conducting meetings of property owners in a multi-apartment building to minimize the risks of criminalization of this process.

Ключевые слова: уголовная ответственность, подделка протокола, фальсификация документов, проблемы жилищно-коммунального хозяйства, собрание собственников жилья, законодательство.

Keywords: criminal liability, forgery of protocol, falsification of documents, problems of housing and communal services, meeting of homeowners, legislation.

Для цитирования: Луговой С.В. Подделка протокола собрания собственников жилья многоквартирного дома как проблема современного жилищно-коммунального хозяйства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 369-371. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_369.

For citation: Lugovoy S.V. Forgery of the protocol of the meeting of apartment building owners as a problem of modern housing and communal services // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 369-371. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_369.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024

Каждый многоквартирный дом нуждается в обслуживании, поэтому граждане в той или иной степени сталкиваются в своей повседневной жизни с деятельностью Управляющих компаний, товариществ собственников жилья (далее – ТСЖ) или товариществ собственников недвижимости (далее – ТСН), которые регистрируются в виде отдельного юридического лица, заключают договоры поставки ресурса с ресурсоснабжающими организациями (далее – РСО) и договоры с собственниками жилья и в последующем осуществляют сбор денег за коммунальные ресурсы для последующего перечисления РСО. При этом, во всех регионах России распространены случаи, когда граждане, минуя посредника, заключают договоры непосредственно с РСО и отдельно осуществляют оплату за каждый коммунальный ресурс, что создает определенные неудобства в связи с тем, что гражданин ежемесячно получает несколько квитанций вместо одной, взамен этого исключаются возможные факты хищения денежных средств населения многоквартирных домов (далее – МКД) и РСО со стороны управляющей компании.

Ежемесячно Управляющие компании, ТСН и ТСЖ напоминают потребителям о себе в виде квитанций об оплате потребленных ресурсов, где содержится перечень позиций о пользовании коммунальными услугами, среди которых имеются такие, как «комплексное обслуживание системы пожарной сигнализации», «услуги управления», «текущий ремонт общего имущества», «содержание общего имущества», «охрана», «консьерж», «обслуживание лифта», «домофон» и другие. На каждую из представленных услуг устанавливается тариф, который утверждается протоколом собрания собственников жилья.

В практике жилищно-коммунального хозяйства существует множество проблем относительно обеспечения законной поставки услуг [6]. К таким проблемам относится несовершенство порядка формирования тарифов, несоответствие размеров платежей фактическим затратам,

низкой степенью управляемости жилищно-коммунальной отраслью и другие, что зачастую приводит к криминализации представленной сферы, в том числе посредством подделки протоколов собрания собственников жилья при формировании тарифов на коммунальные услуги [5]. В настоящее время проблема подделки протоколов собрания собственников является одной из труднопреодолимых, поскольку в правоприменительной практике имеются сложности с выявлением и квалификацией данных действий в связи с несовершенством действующего законодательства.

В соответствии с ч. 7 ст. 156 ЖК РФ, «размер платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме, в котором не созданы товарищество собственников жилья либо жилищный кооператив или иной специализированный потребительский кооператив, определяется на общем собрании собственников помещений в таком доме <...>. Размер платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме определяется с учетом предложений управляющей организации и устанавливается на срок не менее чем один год» [3]. Представленная статья закрепляет, что услуги ЖКХ формируются тарифом, который утверждается собственниками многоквартирного дома посредством проведения голосования, результатом которого является формирование протокола собрания собственников.

В соответствии со ст. 46 ЖК РФ, протокол собрания собственников жилья является официальным документом, удостоверяющим факты, влекущие за собой юридические последствия в виде возложений на собственников помещений в МКД обязанностей в отношении общего имущества в данном доме, изменения прав и обязанностей или освобождения этих собственников от обязанностей [7]. Иными словами, это документ, в котором зафиксированы результаты голосования (волеизъявления) собственников жилых помещений по какому-либо вопросу, стоящему на повестке дня.

Собрание собственников жилья инициируется в большинстве случаев управляющей компанией, ТСН или ТСЖ в связи с необходимостью решения текущего вопроса, определяющего повестку дня. К причинам инициации собрания относятся такие, как установление или изменение (повышение) тарифов, смена управляющей компании и другое, при этом зачастую посредники в поставках коммунальных услуг имеют корыстные цели относительно организации собрания. Данное обстоятельство аргументируется тем, что жители МКД априори не заинтересованы в повышении тарифа, что может являться повесткой дня при проведении общего собрания. В этой связи некоторые представители управляющих компаний, ТСН и ТСЖ осуществляют фальсификацию протоколов собрания собственников жилья путем подделки подписей собственников квартир. В большинстве случаев граждане, проживающие в МКД, даже не подозревают, что они ежегодно голосуют за повышение тарифов на обслуживание дома, тарифов за текущее содержание и ремонт и так далее.

Также встречаются случаи, когда с помощью подделки протоколов собрания собственников жилья происходит борьба управляющих компаний за конкретный дом. Подделывая протоколы, управляющие компании в целях принятия МКД в свое управление в последующем направляют данный официальный документ в Государственную жилищную инспекцию (далее – ГЖИ) для внесения изменений в соответствующих реестрах и официального принятия дома в управление. В данных случаях преступный умысел злоумышленников также направлен именно на подделку официального документа в целях достижения конкретных юридических фактов, поэтому деяния лиц необходимо квалифицировать по части первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1].

Одной из основных проблем выявления признаков состава преступления по указанной статье долгое время являлось отсутствие возможности идентификации лица, принимающего письменные решения от собственников жилья в результате обсуждения вопросов, являющихся повесткой собрания. Долгое время жилищное законодательство предусматривало заочное определение физического или юридического лица в качестве администратора собрания собственников, который передает решения в государственную информационную систему ЖКХ и иные системы, что исключало возможность идентификации конкретного лица. В начале 2023 года депутаты «Единой России» внесли в Государственную думу законопроект, определяющий необходимость наделения полномочиями администратора конкретного лица из числа собственников жилья или должностных лиц организации, реализующей деятельность по управлению МКД [2]. Внесенный законопроект был направлен на ужесточение требования порядка проведения собрания собственников МКД, результатом чего стало принятие изменений в ЖК РФ в августе 2023 года, определившие возможность идентификации лица, ответственного за соответствие введенных данных в государственную информационную систему решениям собрания собственников, что направлено на определение субъекта состава преступления, предусмотренного по ст. 327 УК РФ. Однако внесение поправок в жилищное законодательство фундаментально не решило проблему подделки протокола собрания собственников МКД, в связи с чем в настоящее время выдвигаются иные законодательные инициативы.

В ноябре 2023 года петербургский депутат подготовил законодательный проект, в котором содержится предложение о выделении отдельной статьи УК РФ 185.7 «Фальсификация решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме» [4]. Проект законодательной инициативы содержал в себе вменение меры пресечения за совершение преступления в виде лишения свободы сроком от двух до пяти лет при наличии в составе действий, направленных на умышленное искажение результатов собрания собственников МКД, внесенных в протоколы по итогу проведения собрания. Как отметил депутат, «по бизнес-схемам 90-х годов предприимчивые граждане меняют управляющую компанию, потом сами принимают решения об установке тарифов, не включают отопление, не делают уборку и ремонты, а потом еще и перекладывают решение этих проблем на городские власти. Даже новые дома, которые только сдаются, попадают иногда в оборот: очень выгодно обслуживать новое здание, так как затраты на текущий ремонт минимальны, а жильцы еще не освоились. Фальсификация итогов общих собраний собственников — распространенный способ противоправных действий, позволяющий взять управление дома в свои руки, а потом незаконно повышать тарифы или вводить оплату несуществующих услуг».

Данный законопроект активно обсуждался среди специалистов и исследователи в области права, при этом большинство из них единогласно утверждали об отсутствии необходимости выделения отдельной статьи за подделку протокола собрания собственников МКД, поскольку в

уголовном законодательстве существует ст. 327, предусматривающая ответственность за подделку документов. Однако среди юристов имеются и те, кто выявлял перечень нюансов привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 327 на основании подделки протоколов собрания собственников жилья, что связано с отсутствием возможности определения виновного при смене управляющей компании жилого дома или изменении тарифов, поскольку в данном случае в процедурах участвует множество лиц. При этом представленное обстоятельство все еще не является существенным основанием выделения состава преступления в отдельную статью, поскольку в правоприменительной практике подобные дела вероятно продолжают тормозиться на стадии возбуждения, что связано с большой загруженностью органов внутренних дел и сложностью сбора доказательств.

Сложность в доказывании наличия состава преступления по ст. 327 УК РФ связана с тем, что диспозиция статьи предусматривает заведомую осведомленность об использовании искаженной информации вносящего сведения о результатах проведения собрания собственников МКД в государственную систему, при этом в собрании участвует множество человек, что усугубляет из без того сложную процедуру доказывания. Каждое собрание собственников инициируется определенным лицом и проводится в присутствии председателя управляющей компании, ТСН или ТСЖ, секретаря, счетной комиссии и других лиц, фактически не являющихся собственниками помещений МКД, при этом инициатор собрания не всегда является заинтересованным лицом в его проведении, поэтому фактически не может иметь отношения к подделке результатов собрания собственников.

Нередки случаи, когда управляющие компании, ТСН и ТСЖ подделку протоколов используют как способ совершения преступления, а конечный умысел их направлен на хищение денежных средств собственников жилья. В таких случаях управляющие компании действуют следующим образом. Злоумышленники, подделывающие протоколы, заключают договоры с аффилированными индивидуальными предпринимателями (далее – ИП), которые регистрируют на своих родственников либо друзей (близких знакомых), в последующем завышают объемы и количество работ. Далее денежные средства обналичивают со счета ИП и присваивают их себе. Такие деяния лиц необходимо квалифицировать по ст. 159 УК РФ, поскольку в данном случае подделка документов является способом совершения иного преступления, в котором имеется выгодоприобретатель.

Правоохранительные и государственные органы, сталкивающиеся с данными проблемными вопросами, продолжают определять пути совершенствования нормативной правовой базы, порядка проведения собрания собственников жилья и механизма сбора доказательств при обнаружении признаков состава преступления по ст. 327 УК РФ. Однако на современном этапе остаются нерешенными перечень проблем, среди которых отмечаются следующие:

1. Отсутствие возможности установления виновного лица в подделке подписей, даже после внесения поправок в жилищное законодательство о наделении полномочиями администратора одного из собственников жилья МКД в связи с наличием множества участников собрания.
2. Отсутствие полномочий государственной жилищной инспекции (далее – ГЖИ) в проведении экспертизы на предмет поддельных подписей, к компетенции ГЖИ относится только сверка соответствия необходимого количества подписей, правильность оформления документов.
3. Сложности в выявлении аффилированной взаимосвязи между руководством управляющей компании или подрядчиком при подделке протокола собрания собственников жилья.
4. Сложности в доказывании наличия состава преступления по ст. 327 УК РФ при обнаружении признаков подделки протокола собрания собственников МКД.

По-нашему мнению, решению представленных выше проблем возможно лишь в случае комплексного подхода к совершенствованию механизма проведения собрания собственников жилья и уголовного законодательства в аспекте ужесточения требований к данному процессу. Современные технологии предоставляют большое количество возможностей модернизации традиционных процессов при использовании различных цифровых решений, при этом на государственном уровне на протяжении многих лет продолжается реализовываться информатизация правовых процессов. В данном контексте целесообразно определить необходимость организации собрания собственников жилья с использованием информационно-коммуникационных технологий посредством его проведения через виртуальную платформу «Госуслуги» по наиболее значимым для жильцов вопросам, к числу которых относятся изменение тарифов или выбор управляющей компании.

Выделение отдельной статьи по подделке протоколов собрания собственников жилья считается нецелесообразным и малоэффективным действием, однако мы считаем крайне важно дополнить существующую статью 327 УК РФ формулировкой, предусматривающей уголовную ответственность за подделку протоколов собственников жилья, что способствует ужесточению процесса проведения собрания и определить дополнительную необходимость соблюдения нормативной правовой базы злоумышленниками.

Государственная жилищная инспекция в настоящее время не уполномочена в проведении расследования и опросов жителей с целью выявления возможных фактов фальсификации протоколов собрания, что также усугубляет сложность в сборе доказательств, доказывании наличия состава преступления, а также выявления аффилированной взаимосвязи между руководством управляющей компании или подрядчиком при подделке протокола собрания собственников жилья. Именно поэтому считаем целесообразным отнести к компетенции ГЖИ функции в проведении экспертизы на предмет поддельных подписей.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время нормативно правовая база относительно механизма организации и проведения собрания собственни-

ков жилья имеет некоторые пробелы, связанные с отсутствием детализированного механизма организации собрания и фиксации его результатов, поэтому считаем крайне необходимым использовать платформу «Госуслуги» для исключения возможной криминализации данного процесса.

2. Уголовное законодательство не предусматривает отдельного положения относительно подделки протокола собрания собственников жилья, что усложняет выявление признаков состава преступления, в связи с чем считаем необходимым дополнить ст. 327 частью 6, предусматривающую уголовную ответственность за подделку протоколов собрания собственников жилья.

3. Сбор доказательств и выявление фактов фальсификации подделки протоколов собрания собственников жилья необходимо отнести к компетенции ГЖИ, что способствует совершенствованию механизма расследования преступления в связи с наделением отдельного участника процесса доказывания соответствующими полномочиями.

Библиография:

1. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Т. 9. № 2 (32). С. 761-766.
2. Федеральный закон от 04.08.2023 № 441-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» // [Электронный ресурс] режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202308040020> (дата обращения: 07.02.2023)
3. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the russian educational system // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Т. 11. № 1. С. 187-195.
4. Законопроект № 285045-8 «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования порядка проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме) // [Электронный ресурс] режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/285045-8> (дата обращения: 07.02.2023)
5. Айткужина А. А. Проблемы правового регулирования деятельности управляющих компаний в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг собственникам помещений в многоквартирном доме (в субъекте РФ) // Вестник науки. – 2022. – Т. 1. – №. 11 (56). – С. 101–106.
6. Войтович В. Ю., Лютиков С. В. Законодательные проблемы функционирования жилищно-коммунального хозяйства России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2022. – Т. 32. – №. 3. – С. 502–510.
7. За подделку протоколов собраний жильцов предлагают отдельную уголовную статью / Парламентская газета. Издание ФС РФ // [Электронный ресурс] режим доступа: <https://www.pnp.ru/economics/za-poddelku-protokolov-sobraniy-zhilcov-predlagayut-otdelnuyu-ugolovnyuyu-statyu.html> (дата обращения: 07.02.2023)

References:

1. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9. No. 2 (32). pp. 761-766.
2. Federal Law No. 441-FZ dated 08/04/2023 "On Amendments to the Housing Code of the Russian Federation" // [Electronic resource] Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202308040020> (date of application: 02/07/2023)
3. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the Russian educational system // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Vol. 11. No. 1. pp. 187-195.
4. Bill No. 285045-8 "On Amendments to the Housing Code of the Russian Federation" (in terms of improving the procedure for holding a general meeting of owners of premises in an apartment building) // [Electronic resource] access mode: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/285045-8> (date of application: 02/07/2023)
5. Aitkuzhina A. A. Problems of legal regulation of the activities of management companies in the provision of housing and communal services to owners of premises in an apartment building (in the subject of the Russian Federation) // Bulletin of Science. – 2022. – Т. 1. – №. 11 (56). – Pp. 101-106.
6. Voitovich V. Yu., Lyutikov S. V. Legislative problems of functioning of housing and communal services in Russia // Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law". – 2022. – vol. 32. – No. 3. – pp. 502-510.
7. A separate criminal article is proposed for falsifying the minutes of residents' meetings / Parliamentary Newspaper. Edition of the Federal Assembly of the Russian Federation // [Electronic resource] access mode: <https://www.pnp.ru/economics/za-poddelku-protokolov-sobraniy-zhilcov-predlagayut-otdelnuyu-ugolovnyuyu-statyu.html> (date of application: 02/07/2023)

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_372

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ «МАТЕРИАЛЬНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА» КАК ПРИЧИНЫ ДОГМАТИЗМА В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУКАХ

On the question of the essence of “material determinism” as the cause of dogmatism in the criminal legal sciences

ВЛАСОВА Светлана Владимировна,

профессор кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент,
Нижегородская академия МВД России.

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru;

Vlasova Svetlana Vladimirovna,

Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3.

E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru

Краткая аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена назревшей необходимостью обновления познавательной парадигмы уголовно-правовых наук, объединенных в специальности 5.1.4. Статья автора является продолжением учения о процессуальном детерминизме через призму критики материального детерминизма. Современная уголовно-правовая наука, охватываемая научной специальностью 5.1.4., проникнута материальным детерминизмом, основной идеей которой является первичность уголовного права и вторичность процесса в правовой организации противодействия преступности. В статье подвергаются критическому анализу система понятий уголовно-правовых наук, которые ранее сложилась под влиянием материального детерминизма. По мнению автора, такие понятия, как «механизм уголовно-правового регулирования», «уголовно-правовое отношение», «основание уголовной ответственности», которые определяют правосознание и правовую культуру, основаны на идеологии материального детерминизма. Эти понятия, сложившиеся еще в советское время, создают концептуальное препятствие для развития современных наук антикриминального цикла, в новом, более гуманном, «антропоцентричном» направлении. Вместе с нормативизмом, этатизмом материальный детерминизм догматизирует уголовно-правовые науки, включая науку уголовного процесса. Автор показывает конкретные негативные проявления консервации представлений о том, как надлежит осуществлять уголовно-правовое противодействие преступности в современную эпоху, которые заложены в материальный детерминизм.

Abstract. The relevance of the topic of the article is due to the urgent need to update the cognitive paradigm of criminal law sciences, united in specialties 5.1.4. The author's article is a continuation of the doctrine of procedural determinism through the prism of criticism of material determinism. Modern criminal law science, covered by scientific specialty 5.1.4., is imbued with material determinism, the main idea of which is the primacy of criminal law and the secondary nature of the process in the legal organization of combating crime. The article critically analyzes the system of concepts of criminal law sciences, which previously developed under the influence of material determinism. According to the author, such concepts as “the mechanism of criminal legal regulation”, “criminal legal attitude”, “the basis of criminal liability”, which determine legal consciousness and legal culture, are based on the ideology of material determinism. These concepts, which developed back in Soviet times, create a conceptual obstacle to the development of modern sciences of the anti-criminal cycle, in a new, more humane, “anthropocentric” direction. Together with normativism and statism, material determinism dogmatizes the criminal legal sciences, including the science of criminal procedure. The author shows specific negative manifestations of the conservation of ideas about how to implement criminal legal counteraction to crime in the modern era, which are embedded in material determinism.

Ключевые слова: материальный детерминизм, правовой механизм, уголовная ответственность, процессуализм, уголовно-правовое отношение.

Key words: material determinism, legal mechanism, criminal liability, proceduralism, criminal legal attitude.

Для цитирования: Власова С.В. К вопросу о сущности «материального детерминизма» как причины догматизма в уголовно-правовых науках // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 372-375. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_372.

For citation: Vlasova S.V. On the question of the essence of “material determinism” as the cause of dogmatism in the criminal legal sciences // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 372-375. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_372.

Статья поступила в редакцию: 29.02.2024

В современном учении об уголовном процессе, а тем более в науке об уголовном праве доминирует материальный детерминизм. Это выражается в утверждении о служебном значении уголовного процесса по отношению к уголовному праву: уголовное судопроизводство и уголовное право стоят друг к другу в отношении средства к принципу, для которого оно создано[1, с. 61].

Последовательный представитель материального детерминизма – процессуалист К.В. Муравьев в своей работе указывает, что совершение лицом преступления порождает за собой уголовно-правовое отношение между данным лицом и государством, а также основание уголовной ответственности[2, с. 52]. Все последующее в ходе процесса он полагает отнести к реализации уголовной ответственности или привлечению к уголовной ответственности[3, с. 63]. Здесь мы видим последовательное развитие идей материального детерминизма: «процессуальное» производно от «материального».

Вместе с тем, в новейших исследованиях видна более взвешенная позиция по вопросу о соотношении материального и процессуального начал: «Юридическая логика соотношения процесса с материальным правом сохраняет идею, в силу которой процесс возник исторически: последний по отношению к материальному праву есть средство контроля, и в этом смысле он – дополнительная привилегия «гражданства»... Материальное право не предполагает процесс. Процесс предполагает материальное право (in concreto), но не как цель и не как содержание, а как гипотезу о необходимости наказания конкретного лица»[4, с. 61].

«Взаимоотношения материальных и процессуальных отраслей права менее всего напоминают отношения родителя и ребенка. Ско-

рее, это дети общих родителей, имя которым – объективные закономерности развития общества, порождающие потребности в организованности и упорядоченности общественной жизни»[5, с. 78].

Аналогичную точку зрения в контексте дискуссии о первичности уголовно-правовой или уголовно-процессуальной науки высказал А.Г. Кибальник[6, с. 100–106].

Своеобразна в этом плане позиция Ю.В. Козубенко, который полагает, что преступление порождает возникновение взаимодействующих друг с другом уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Таким образом, по его мнению, происходит одновременное возникновение правовых отношений, материального и процессуального характера. [7, с. 16].

А.В. Мицкевич отрицает возможность существования самостоятельных уголовно-правовых отношений[8, с. 101]. Эта позиция близка точке зрения Ю.В. Козубенко, о которой говорилось выше. И в целом свидетельствует о происходящем давлении процессуального детерминизма на материальный в учении о механизме уголовно-правового регулирования: это учение становится более процессуальным, что характерно для постклассического правового знания.

Замечательно, что указанные авторы рассуждают об уголовно-правовом отношении без их раздвоения на «охранительное» («центральное») и «регулятивное». Также предполагается, что уголовно-правовое отношение одно, то есть *охранительное уголовно-правовое отношение*. А «регулятивное уголовно-правовое отношение», равно как и категория «позитивная уголовная ответственность» – мифические измышления, порожденные советской наукой (с присущей ей долей гегельянства, т.е. склонностью к идеалистическим построениям).

В дихотомии материального и процессуального начал можно усматривать мировоззренческий аспект: проявление противостояния материализма и идеализма[9, с. 75-89]. Не будем оспаривать такую постановку вопроса об анализируемой нами антиномии, хотя полагаем, что отождествлять процессуализм с идеализмом не совсем корректно. А вот связь «материализма» (материального детерминизма) с идеологемами следственной уголовно-процессуальной теории и современной доктрины уголовного права усматриваем самую прямую.

Наконец, нельзя не привести мнение по этому вопросу Е.Г. Васильевой, которая пишет, что схема, в силу которой возникновение уголовно-процессуальных отношений возможно лишь в рамках возникших уголовно-правовых, в принципе построена на неправомерном смешении фактических и юридических начал. В свете последних и в силу прямого указания закона (имеется в виду положительная формула презумпции невиновности) никто не может констатировать наличие уголовно-правовых отношений до вступления обвинительного приговора суда в законную силу. До этого момента каждый обвиняемый считается невиновным, что недвусмысленно означает невозможность юридического признания его как субъекта уголовно-правового отношения. Но если нет одного из субъектов, значит, юридически нет и самого уголовно-правового отношения (это, конечно, не означает, что он не совершал преступления с фактической точки зрения, поскольку уже на момент возбуждения должны быть установлены признаки последнего). Тем самым высвечивается недопустимый с точки зрения логики «замкнутый круг»: юридически лицо не может считаться субъектом уголовно-правового отношения, пока в отношении него не вступит в силу обвинительный приговор суда, следовательно, до этого момента не может быть юридически констатировано наличие уголовно-правового отношения, которое бы влекло за собой определенные правовые последствия; невозможность же юридической констатации уголовно-правовых отношений блокирует возникновение отношений уголовно-процессуальных и препятствует вынесению какого бы то ни было приговора суда[4, с. 52–53].

Этой позиции близка точка зрения, сформировавшаяся еще в дореволюционной литературе, согласно которой карательного полномочия государства до судебного приговора не существует, это полномочие является эвентуальным, то есть производным от процессуального – искового. Полномочие у государства на применение уголовного закона к преступнику возникает тогда, когда виновность осужденного установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда[10, с. 36, 41], ставшим результатом удовлетворения права на уголовный иск[11, с. 98, 99]. П.И. Люблинский писал, что у государства карательное право возникает в момент констатации виновности лица, посредством вынесения судебного приговора[10, с. 41]. Хотя Н.Н. Полянский был в этом вопросе не до конца последователен, что уже отмечалось ранее.

С нашей точки зрения, правильнее считать, что субъектом уголовно-правовых отношений выступает осужденный, возникновение уголовно-правового отношения следует связывать со вступлением в законную силу обвинительного приговора суда или иного решения суда о применении уголовного закона (постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию).

Принципиальным является вопрос о том, кого надо считать субъектами уголовно-правового отношения. Доминирует точка зрения, согласно которой субъектами охранительного уголовно-правового отношения выступают государство и преступник. Соответственно, государство презюмируется «суперагентом», даже обладателем уголовно-правового механизма, которым оно защищает общество (общественные отношения) от преступности. Тезис о том, что в уголовно-правовом отношении в качестве контрагента обвиняемому противостоит все государство, обязанное применить наказание, проходит красной нитью через высказывания ведущих специалистов, обращавшихся к теории уголовно-правовых отношений[12, с. 21–28; 13, с. 88–90; 14, с. 145].

Как отмечалось, в теории уголовного процесса это утверждение смягчено[15, с. 31–33, 92; 16, с. 253; 17, с. 34–38]. Впрочем, несмотря на подобные «разночтения» технического характера, получается в итоге, что субъектами, «реализующими» уголовную ответственность, выступают и орган предварительного расследования, и прокурор, и суд, который завершает реализацию уголовной ответственности путем применения нормы уголовного закона к виновному[18, с. 91]. Однако, до суда правореализационный процесс может и не дойти: орган предварительного расследования в стадии предварительного расследования распорядится своим полномочием на привлечение к уголовной ответственности через прекращение уголовного преследования по одному из нереабилитирующих оснований.

Поскольку возникновение уголовно-правового отношения связывается с материальным фактом совершения преступления, а не с про-

цессуальным (доказательствами), постольку и самый процесс и доказывание направлены не на «создание», а на познание (установление) этого объективно существующего и познаваемого объекта[15, с. 91–92]. Преступление, материальное основание уголовно-правового отношения как объективно существующая реальность являются объектами познавательного и правового воздействия со стороны уголовного процесса.

В процессуалистике на этом догмате строится следственная парадигма уголовно-процессуального доказывания: концепция материальной (объективной) истины. В свете этой следственной концепции, проникнутой материальным детерминизмом, «фактическое основание» существует объективно, поэтому правоприменительный процесс не может (объективно) изменить их. Он включает в себя доказывание, целью которого является установление объективно существующего материально-правового основания для реализации уголовного права. Поскольку правоприменитель не может их изменить – в ходе процесса правоприменения, то отрицается какая-либо возможность для соглашения сторон относительно основания (уголовной ответственности) и, как следствие, обвинения. Вместе с этим, в теории уголовного права и процесса постулируются (а) неотвратимость уголовной ответственности и (б) раскрываемость каждого преступления[19]. Отсюда же убеждение сторонников следственной идеологии, что возможность и компетенции предварительного следствия, которое ближе к материальным следам преступления превыше судебных[20, с. 297; 21, с. 23–27].

Теория «материальной истины», ее советская разновидность в виде теории «объективной истины», постулирует, что установление «истины» относится к компетенции и обязанности следователя, судьи, прокурора – правоприменителя, осуществляющего реализацию уголовно-правовых норм. Одним из аспектов следственной модели уголовно-процессуального доказывания является всестороннее, полное, объективное расследование – доказывание объективной истины. Следователь, прокурор и суд совместно проводят тщательное и беспристрастное расследование, направленное на установление истины и достижение цели уголовного судопроизводства. В рамках этой системы государство представляет собой единое целое, имеющее дело с лицами, совершившими преступления и нарушившими уголовное законодательство. Это касается не только уголовно-правового аспекта, но и уголовно-процессуального аспекта, когда следственные и судебные органы рассматривают дело и обещивают уголовную ответственность посредством последовательных процессуальных действий. Кроме того, данные правоохранительные органы способствуют формированию правовых оснований правоприменения и осуществляют уголовно-процессуальное доказывание, в конечном итоге объединяя различные государственные функции в единую публично-правовую функцию. Эта деятельность служит общественным интересам.

Таким образом, согласно мнению сторонников материального детерминизма, возникновение процесса детерминировано событием преступления. После того, как лицом было совершено преступление, у государства уже появляется полномочие к применению уголовного закона к данному лицу. Реализация этого права осуществляется посредством уголовно-процессуальной деятельности государственных «правоохранительных органов», под которыми обычно понимаются органы государства: как исполнительной, так и судебной власти[22, с. 23]. С убежденностью в существовании необходимости применения уполномоченными правоохранительными органами в лице единого государства (компетентные государственные органы) норм уголовного права к субъекту уголовной ответственности[23, с. 29], мы связываем проявление одного из начал материального детерминизма.

Таков материальный детерминизм в его главных составляющих, детерминирующих представления ученых о том, как государством посредством уголовного права осуществляется противодействие преступности, в том числе в сфере экономической деятельности. Эти представления проникнуты верой в способность следователя установить «объективную истину» и обеспечить неотвратимость уголовной ответственности (наказания).

Догматы материального детерминизма консервируют систему научных представлений о следственной модели процесса как правильной, объективной модели. Они мифологизируют роль следователя в досудебном производстве и в уголовно-процессуальной системе, чем объективно принижают роль суда. Из них создается картина правового мира, в котором все ценности перевернуты: не суд, а следователь выступает хозяином уголовного процесса и творцом «уголовного дела», а по следственной логике ему надлежит и применять уголовный закон, и привлекать к уголовной ответственности лиц, нарушивших уголовный закон. Мы считаем это неправильным и потому выступаем против материального детерминизма, за детерминизм процессуальный. Впрочем, это тема уже другого текста.

Библиография:

1. Муравьев Н. В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора (1891-1892) / Из прошлой деятельности. В 2 томах. Т.1. Статьи по судебным вопросам. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – 572 с.
2. Муравьев К. В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография. – Москва : Проспект, 2019. – 264 с.
3. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения - особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. – Омск : Омская академия МВД России, 2017. – 226 с.
4. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование : монография. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 584 с.
5. Колосович С. А., Кузнецов И. А. Соотношение уголовно-процессуального и уголовного права // Государство и право. – 1996. – № 12. – С. 76-82.
6. Кибальник А. Г. Нужен ли новый «рецепт спасения» уголовного права? (скорбные размышления о статье А. С. Александрова и И. А. Александровой) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 100–106.
7. Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовного-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. – 505 с.
8. Мицкевич А. В. Субъекты советского права. – Москва : Госюриздат, 1962. – 211 с.
9. Сырых В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. – 2016. – № 1. – С. 75-89.
10. Люблинский П. И. Новая теория уголовного процесса // Журнал министерства юстиции. – 1916. – № 1. – С. 36–41.
11. Уголовно-процессуальный кодекс : научно-популярный, практический комментарий / под ред. П. И. Люблинского и Н. Н. Полянского. – Москва : Издательство «Право и Жизнь», 1928. – 428 с.
12. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 304 с.
13. Божьев В. П., Фролов Е. А. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения // Советское государство и право. – 1974. – № 1. – С. 88–90.
14. Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. – Саратов : Саратовский университет, 1995. – 320 с.

15. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : В 2-х томах. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – 470 с.
16. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. – Москва : Московский университет, 1956. – 271 с.
17. Элькин П. С. Сущность уголовно-процессуального права. – Ленинград : Ленинградский университет, 1963. – 172 с.
18. Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011. – 518 с.
19. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина «Российской газете». URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1152070/> (дата обращения: 12.01.2024).
20. Давлетов А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности: монография / под общ. ред. В. М. Бозрова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 301 с.
21. Шейфер С. А. Прокурорская и следственная власть: сущность и проблемы взаимоотношения // Уголовное судопроизводство : науч.-практическое пособие в 3-х томах / под ред. Н. А. Колоколова. Том 2. – Москва : Юрайт, 2016. – 305 с.
22. Правоохранительные органы: учебник для студентов вузов / под ред. О. А. Галустяна. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 381 с.
23. Лазарев В. В. Применение советского права. – Казань : Казанский университет, 1972. – 200 с.

References:

1. Muravyov N. V. General grounds for the structure and criminal activity of prosecutorial supervision (1891-1892) / From past activities. In 2 volumes. Vol. 1. Articles on judicial issues. – St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Type, 1900. – 572 p.
2. Muravyov K. V. Optimization of the procedural form of application of the criminal law : monograph. – Moscow : Prospekt, 2019. – 264 p.
3. Muravyov K. V. Measures of procedural coercion - special means of criminal legal influence: doctrine, application, optimization: monograph. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. – 226 p.
4. Vasilyeva E. G. Criminal procedure: dogmatic and axiological research : monograph. – Moscow : YurLitinform, 2013. – 584 p.
5. Kolosovich S. A., Kuznetsov I. A. Correlation of criminal procedure and criminal law // State and law. – 1996. – No. 12. – pp. 76-82.
6. Kibalnik A. G. Is there a need for a new "recipe for salvation" of criminal law? (mournful reflections on the article by A. S. Alexandrov and I. A. Alexandrova) // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 1 (53). – Pp. 100-106.
7. Kozubenko Yu. V. Criminal procedural aspects of the intersectoral mechanism of criminal law regulation: dis. ...Dr. Yurid. sciences'. Yekaterinburg, 2018. – 505 p.
8. Mickiewicz A. V. Subjects of Soviet law. – Moscow : Gosyurizdat, 1962. – 211 p.
9. Strykh V. M. Russian jurists at a crossroads: materialistic rationalism or subjective idealism? // Journal of Russian Law. - 2016. – No. 1. – pp. 75-89.
10. Lyublinsky P. I. New theory of criminal procedure // Journal of the Ministry of Justice. - 1916. – No. 1. – pp. 36-41.
11. The Code of Criminal Procedure : a popular scientific, practical commentary / edited by P. I. Lyublinsky and N. N. Polyansky. – Moscow : Publishing house "Law and Life", 1928. – 428 p.
12. Rarog A. I. Qualification of crimes on subjective grounds. – St. Petersburg : Law Center Press, 2002. – 304 p.
13. Bozhev V. P., Frolov E. A. Criminal law and procedural legal relations // The Soviet State and law. - 1974. – No. 1. – pp. 88-90.
14. Razgildiev B. T. Criminal law relations and their implementation of the tasks of the criminal law of the Russian Federation. Saratov : Saratov University, 1995. 320 p.
15. Strogovich M. S. The course of the Soviet criminal process: In 2 volumes. Vol. 1. The main provisions of the science of the Soviet criminal process / M. S. Strogovich. – Moscow : Nauka, 1968. – 470 p.
16. Polyansky N. N. Questions of the theory of the Soviet criminal process. – Moscow : Moscow University, 1956. – 271 p.
17. Elkind P. S. The essence of criminal procedure law. – Leningrad : Leningrad University, 1963. – 172 p.
18. Bakhta A. S. The mechanism of criminal procedural regulation: dis. ... Dr. yurid. sciences'. Moscow, 2011. – 518 p.
19. Interview with Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation Alexander Bastyryin to Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1152070/> (date of appeal: 12.01.2024).
20. Davletov A. A. On the meaning of one term in the fate of the modern criminal process in Russia // Problems of modern domestic criminal process, judicial and prosecutorial activity: monograph / under the general ed. by V. M. Bozrov. – Moscow : YurLitinform, 2016. – 301 p.
21. Shafer S. A. Prosecutorial and investigative power: the essence and problems of relationship // Criminal proceedings: a scientific and practical guide in 3 volumes / edited by N. A. Kolokolov. Volume 2. – Moscow : Yurait, 2016. – 305 p.
22. Law enforcement agencies: textbook for university students / edited by O. A. Galustyan. – Moscow : UNITY-DANA, 2002. – 381 p.
- 23.. Lazarev V. V. Application of Soviet law. – Kazan : Kazan University, 1972. – 200 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_376

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СМЕРТНОЙ КАЗНИ GENDER EQUALITY THROUGH THE LENS OF THE DEATH PENALTY

ДМИТРИЕВА Екатерина Сергеевна,
адвокат Орловской областной коллегии адвокатов, аспирант.
302000, Россия, г. Орел.
E-mail: advocat_ya@bk.ru;

Dmitrieva Ekaterina Sergeevna,
attorney of the Orel Regional Bar Association, postgraduate student.
302000, Russia, Orel.
E-mail: advocat_ya@bk.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается эволюция развития смертной казни с древних времен и до нашего времени с учётом гендерных особенностей, анализируется современное отношение законодателя к назначению высших мер уголовных наказаний мужчинам и женщинам. И на этой основе автором сделаны выводы об особенностях реализации принципа гендерного равноправия в уголовном праве.

Abstract: the article examines the evolution of the development of the death penalty from ancient times to the present time, taking into account gender characteristics, analyzes the modern attitude of the legislator to the appointment of higher criminal penalties for men and women. And on this basis, the author draws conclusions about the specifics of the implementation of the principle of gender equality in criminal law.

Ключевые слова: гендерное равенство, смертная казнь, осужденные, лишение жизни, мораторий, пожизненное лишение свободы, уголовное право.

Keywords: gender equality, death penalty, convicts, deprivation of life, moratorium, life imprisonment, criminal law.

Для цитирования: Дмитриева Е.С. Гендерное равенство через призму смертной казни // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 376-378. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_376.

For citation: Dmitrieva E.S. Gender equality through the lens of the death penalty // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 376-378. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_376.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2024

Смертная казнь – одно из древнейших наказаний. Еще до формирования прообраза уголовного закона на Руси существовала кровная месть. История смертной казни начинается с возникновения самой первой формы государственности. Однако впервые о смертной казни упоминается в Уставной грамоте, данной в 1398 году сыном Дмитрия Донского жителям присоединенной двинской земли, где указано что смертная казнь применялась за воровство и в третий раз. А вот убийц и других преступлений смертная казнь не касалась, так как для класса имущих в те времена кража представляла собой наиболее тяжкое преступление и большую опасность.

С развитием общества расширялся перечень преступлений, за которые могли казнить. При Иване Грозном в их число вошли разбой, мятеж, фальшивомонетничество, впервые было введено такое понятие как «государственное преступление», которое включало в себя любые политические, экономические, религиозные правонарушения, способные причинить вред государству. В «Судебнике» 1497 г. в число преступлений, за которые могли казнить, вошло убийство. За время правления Ивана IV было казнено около 4 тыс. человек. Позже Борис Годунов установил мораторий на смертную казнь сроком на пять лет.

На Руси система наказаний усложняется, о видах смертной казни указывается в Соборном Уложении 1649 г.:

- 1) повешение назначалось военным, перешедшим на сторону врага, разбойникам;
- 2) утопление применяли, когда нужно было одновременно казнить большое количество людей;
- 3) путем сожжения казнили религиозных преступников;
- 4) заливание горла расплавленным свинцом применялось к фальшиво-монетчикам;
- 5) колесование назначалось за измену;
- 6) четвертование назначалось за преступления против государя и самозванство;
- 7) сажание человека на кол применялось к изменникам и бунтовщикам;
- 8) закапывание заживо применялось к женщинам, виновным в убийстве мужа или в измене мужу.[1]

Воинские артикулы Петра I расширили преступления, за которые могли лишить жизни, до 123 видов. Во времена правления Анны Иоанновны казнили путем повешения, расстрела и отрубания головы, и применялась казнь к преступникам, начиная с 12-летнего возраста.

Елизавета Петровна в 1744 г. Сенатским указом ввела мораторий на смертную казнь, при ней за самые тяжёлые преступления наказывали каторгой или ссылкой в отдаленные места. К слову, в этом же указе императрица установила ряд наказаний малолетним преступникам в возрасте до 12 лет.

Несмотря на то, что к концу первой половины XVIII в. отмена смертной казни в России была лишь временной мерой, Российская империя стала первым европейским государством, отменившим этот вид наказания.

Нарушила запрет спустя 31 год Екатерина II, когда 21 января 1775 года на Болотной площади казнили путем четвертования бунтовщика Емельяна Пугачева, а его соратников повесили. Однако в дальнейшем в России казнь с отсечением головы никогда не применялась.

Понятно, что под достаточно размытые формулировки о преступлениях в Законе можно было «подогнать» любое деяние. Любое неверно сказанное слово или действие могли привести к серьезным последствиям. В этот период начинается реакция против изощренности и же-

стокости смертной казни. Всё чаще в приговорах судов встречалась оговорка об умерщвлении осужденного перед исполнением наказания в виде смертной казни. Например, перед четвертованием Емельяна Пугачева незаметно убили.

После смерти Екатерины Великой ее внук, Александр I, за 25-летние правление отменил публичные казни и уменьшил количество «смертельных» преступлений.

Николай I, взойдя на престол, повесил пятерых декабристов.

При царствовании Александра II за 26 лет смертные приговоры не приводились в исполнение, а заменялись пожизненным заключением, ссылкой или каторгой. В 1883 и 1885 годах было казнено по одному человеку. В 1889 году – три человека, в 1890 году – два человека.

В Российской империи смертная казнь применялась только за особо опасные преступления, такие как государственная или военная измена, изнасилования, грабежи и разбои, убийства, и исполнялась в виде повешения или расстрела, либо заменялась вечной каторгой.

В годы Первой русской революции в 1905-1906 гг. было расстреляно приблизительно 5 тыс. человек.[2] Однако решения о применении смертной казни принимали внесудебные органы: военно-полевые суды или главнокомандующие.

В 1917 г. почти на 4 месяца Государственная Дума отменила смертную казнь.

Однако уже в 1918 г. в Советской России расстреляли начальника Морских сил Балтийского моря Алексея Щастного, обвинённого в государственном перевороте.

В 1920 году снова была отменена смертная казнь примерно на четыре месяца, однако такие отмены носили скорее формальный характер.

В период с 1920 г. по 1950 г. расширился перечень преступлений, за которые могли лишиться жизни, среди которых были: получение взятки, кража из государственных складов, незаконное задержание, заключение убыточного договора.

Лишь в 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР, который впервые ввел гендерное неравенство в вопросах исполнения высшей меры наказания в виде смертной казни, такое как запрет на расстрел людей моложе 18 лет и беременных женщин. Одновременно с этим в Уголовный кодекс РСФСР была включена статья 58, по которой судили за контрреволюционные преступления, расстрелу подлежали все, кто был как-то заподозрен в шпионаже, диверсии, контрреволюционной деятельности, за экономические преступления, разбойные нападения.

Однако с 1937 по 1938 года в период массовых политических репрессий было расстреляно свыше 600 тысяч человек, а с 1935 по 1947 год казнили подростков в возрасте от 12 до 18 лет.

В 1947 году Иосиф Сталин отменил смертную казнь, а спустя три года сам же её и восстановил.

В 1960 году вступил в силу УК РСФСР, который закрепил применение смертной казни по 33 преступлениям, среди которых большая часть относилась к воинским преступлениям: добровольную сдачу в плен, измену Родине, также присутствовали и другие статьи: за мародерство, получение взятки должностным лицом в особо крупном размере, нарушение правил о валютных операциях в крупных размерах.

24 422 смертных приговоров было вынесено в СССР с 1962 по 1989 года, из них 2355 (9,6%) лиц было помиловано.[3]

Полагаем, что эта цифра приуменьшена, так статистика реальных смертных казней всегда была засекречена.

Почти все приговоренные – мужчины. Известно лишь три случая казни женщин. К высшей мере наказания были приговорены мародерша времен Великой Отечественной войны Антонина Макарова, спекулянтка и расхитительница госимущества Берта Бородкина и отравительница Тамара Ивановна.[4]

Смертная казнь в России к женщинам применялась вплоть до 1993 г.

С момента распада СССР сократились случаи применения смертной казни, до 1996 года были исполнены 163 смертных приговора.

В 1996 году Россия вошла в Совет Европы и подписала 6-й протокол Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод - об отмене смертной казни. Однако Россия не ратифицировала данный протокол, поэтому, формально для Российской Федерации этот документ не вступил в силу, но согласно международным правилам после подписания договора он считается действующим на территории конкретного государства. В связи с чем в Российской Федерации вводился мораторий, то есть временная отсрочка исполнения смертных приговоров, который в последствии был продлен Конституционным судом Российской Федерации.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года содержал такой вид наказания как смертная казнь, однако ввиду моратория, альтернативой стало выступать пожизненное лишение свободы.

Анализируя эволюцию развития смертной казни с учётом гендерных особенностей, стоит сказать, что до 1922 года такой мере наказания подвергались все преступники, как мужчины, так и женщины, независимо от возраста, социального положения, наличия детей и статуса, а до 1993 года казнили небеременных совершеннолетних женщин.

Однако современный Уголовный кодекс Российской Федерации в статьях 57 и 59 устанавливает запрет назначения пожизненного лишения свободы и смертной казни женщинам, несовершеннолетним в возрасте до 18 лет, мужчинам старше 65 лет.[5] По сути эта разница в наказаниях между мужчинами и женщинами не была заметна пока в России действовал мораторий на смертную казнь. Однако после выхода России из состава Совета Европы в марте 2022 года, никаких правовых препятствий для отмены моратория нет, поэтому приговоренные мужчины 18-65 лет могут быть казнены, если этот мораторий будет в будущем отменен. Примечательно, что при одних и тех же условиях совершения тяжкого преступления мужчине и женщине может быть назначено разное наказание, например, за квалифицированное убийство мужчина в возрасте от 18 до 25 лет может быть приговорен к максимальному наказанию в виде пожизненного лишения свободы (в условиях запрета на смертную казнь), а женщине может быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет. Это значит, что при одинако-

вой общественной опасности деяния мужчины претерпевает гораздо более тяжкие лишения и ограничения, исключительно из-за своей половой принадлежности.

Общественно-политические деятели и учёные приводят массу доводов в поддержку такой разницы наказаний мужчин и женщин, не смотря на главенствующий принцип равенства, закреплённый как в Конституции Российской Федерации, так и международных актах.

Часть аргументов сводится к демографической политике в стране, потенциальной возможности рождения осужденными женщинами нового поколения, либо о материнской заботе уже рожденных детей. Однако исходя из демографической ситуации в нашей стране, женская доля населения превышает мужскую. По статистической информации на январь 2022 года, количество женщин в стране составляло 53 %, мужчин — 47 %. Российские женщины живут дольше мужчин, среднестатистическая продолжительность жизни представителей мужского пола в России составляет 60 лет, женщины в среднем доживают до 74 лет. Интересно, что женское население начинает преобладать над мужским, начиная с 35-летнего возраста.[6] Поэтому, полагаем, о жизни мужчины должны заботиться не хуже, чем о женской.

Также считаем недопустимыми поправки женщинам в части назначения наказания со ссылками на возможность её деторождения, ведь многие женщины не хотят иметь детей, часть страдают бесплодием, часть являются трансгендерами или женщинами с нетрадиционным половым поведением. Также как и возможность рождения женщиной ребенка ставится в зависимость от наличия мужчины и его генетического материала.

Другая часть аргументов сводится к психическим и функциональным характеристикам женщин, подвергаемых смертной казни или пожизненному лишению свободы. Считается, что женщины более эмоциональны и возбудимы, что может смягчить вину женщины в некоторых преступлениях, а также им тяжелее, чем мужчинам, переносить такие виды наказаний как пожизненное лишение свободы и смертную казнь. Однако вряд ли возможно разграничить психические и эмоциональные страдания осужденных только по признаку половой принадлежности.

Считается, что женщины реже совершают преступления, и они в своей совокупности менее тяжкие, чем преступления, совершенные мужчинами. Эта идея также вызывает сомнения, так как по статистическим данным главного управления по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью Генпрокуратуры Российской Федерации число преступлений, совершаемых женщинами, выросло за последние годы. В 2019 г. надзорным ведомством было выявлено 142 505 женщин, совершивших криминальные деяния (это 16,1% от общего числа преступлений – всего 884 661), в 2020 г. – 136 318 (16% от 852 506), в 2021 г. – 137 724 (16,3% от 848 320), в первом полугодии 2022 г. – уже 16,4% (70 967 из 434 700).[7]

Среди категорий преступлений, совершаемых женщинами всё чаще встречаются тяжкие составы. Согласно статистике Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации за 2023 год: среди женских заключенных наибольшая доля приходится на преступления против здоровья (40,6%), в том числе убийство (23,2%). Также существенную долю составляют кражи (23,3%) и наркотические преступления (11,5%).[8] Немаловажным стоит отметить участие женщин в террористических актах, преступлениях, совершаемых с применением оружия.

Ориентируясь при назначении высших мер наказания на формальный критерий – юридический пол, становится очевидным, что фактически назначения самых строгих видов наказания можно избежать путем юридической смены пола.

Тем не менее, запрет на применение к женщинам пожизненного лишения свободы и смертной казни является проявлением гендерного неравенства в уголовном законе. При определенной лояльности судов при назначении наказания женщинам-преступницам (из числа осужденных женщин к лишению свободы приговаривается почти в три раза меньше, чем среди осужденных мужчин) запрет назначения пожизненного лишения свободы и смертной казни к женщинам еще более укрепляет гендерную асимметрию российского законодательства.

Библиография:

1. Михлин, А. С. Способы применения смертной казни: история и современность / А. С. Михлин // Государство и право. 1997 г. № 1. С. 71-72// URL: <https://studentopedia.ru/pravo/sposobi-primeneniya-smertnoj-kazni---problema-smertnoj-kazni.html>
2. Шелкопьяс Н. А. Смертная казнь в России: история становления и развития (IX -середина XIX в.) / Н. А. Шелкопьяс. - Минск : Амалфея, 2000 г., С. 90
3. Смертная казнь: от СССР до современной России // Право.ру // URL: <https://pravo.ru/story/215693/>
4. История человека, связанного со смертной казнью. История смертной казни в Европе // URL: <https://erzap.ru/istoriya-cheloveka-svyazannogo-so-smertnoj-kaznyu-istoriya-smertnoi.html>
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
6. Таблицы по данным населения России в 2023 году – численность, прирост и убыль // MicroExcel.ru // URL: <https://microexcel.ru/naselenie-rossii/>
7. Генпрокуратура зафиксировала рост преступности среди женщин в России // Ведомости // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/10/31/948099-genprokuratura-zafiksirovala-rost-prestupnosti-sredi-zhenschin>
8. Криминологическая специфика женской преступности // Журнал «Научный лидер» выпуск #38 (136), сентябрь 2023 // URL: <https://scilead.ru/article/5049-kriminologicheskaya-spetsifika-zhenskoj-prest>

References:

1. Mikhlin, A. S. Methods of applying the death penalty: history and modernity / A. S. Mikhlin // State and law. 1997 No. 1. pp. 71-72// URL: <https://studentopedia.ru/pravo/sposobi-primeneniya-smertnoj-kazni---problema-smertnoj-kazni.html>
2. Shelkopyas N. A. The death penalty in Russia: the history of formation and development (IX -mid-XIX century) / N. A. Shelkopyas. - Minsk : Amalfea, 2000, p. 90
3. The death penalty: from the USSR to modern Russia // Pravo.<url> // URL: <https://pravo.ru/story/215693/>
4. The story of a man associated with the death penalty. The history of the death penalty in Europe // URL: <https://erzap.ru/istoriya-cheloveka-svyazannogo-so-smertnoj-kaznyu-istoriya-smertnoi.html>
5. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 12/25/2023) (with amendments and additions, introduction. effective from 12/30/2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
6. Tables according to the population of Russia in 2023 – number, increase and decrease // MicroExcel.ru // URL: <https://microexcel.ru/naselenie-rossii/>
7. The Prosecutor General's Office has recorded an increase in crime among women in Russia // Vedomosti // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/10/31/948099-genprokuratura-zafiksirovala-rost-prestupnosti-sredi-zhenschin>
8. Criminological specifics of women's crime // Scientific Leader Magazine issue #38 (136), September 2023 // URL: <https://scilead.ru/article/5049-kriminologicheskaya-spetsifika-zhenskoj-prest>

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON ECONOMIC CRIMES

ШАРИПОВ Наиль Рустэмович,
лицо, прикрепленное для написания кандидатской диссертации
Институт права Уфимского университета науки и технологий.
450005, Россия, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.
E-mail: ufa_kafedra@mail.ru;

SHARIPOV Nail Rustemovich,
is a person attached to write a PhD thesis
Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.
450005, Ufa, 131 Dostoevsky Street.
E-mail: ufa_kafedra@mail.ru

Краткая аннотация. Актуальной задачей Российской Федерации на современном этапе ее развития является нахождение оптимального баланса в использовании уголовно-процессуального законодательства при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в экономической сфере, чтобы, с одной стороны, обеспечить неотвратимость такой ответственности, с другой – не допустить необоснованного вовлечения лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, в сферу уголовного судопроизводства.

Abstract: An urgent task of the Russian Federation at the present stage of its development is to find an optimal balance in the use of criminal procedure legislation when bringing to criminal responsibility persons who have committed crimes in the economic sphere, on the one hand, to ensure the inevitability of such responsibility, on the other - to prevent unjustified involvement of persons engaged in entrepreneurial activities in the field of criminal proceedings.

Ключевые слова: УПК РФ, экономическая преступность, производство по делам об экономических преступлениях.

Keywords: Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, economic crime, proceedings in cases of economic crimes.

Для цитирования: Шарипов Н.Р. Особенности правового регулирования производства по уголовным делам об экономических преступлениях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 379-382. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_379.

For citation: Sharipov N.R. Features of the legal regulation of criminal proceedings on economic crimes // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 379-382. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_379.

Статья поступила в редакцию: 01.03.2024

В уголовно-процессуальном законе содержатся следующие особенности осуществления производства по уголовным делам о некоторых экономических преступлениях:

1) Виды уголовного преследования. К делам частного-публичного обвинения, отличительной чертой которых является возможность их возбуждения при наличии, по общему правилу, только заявления потерпевшего или его законного представителя, относятся некоторые уголовные дела о преступлениях в сфере экономической деятельности (ч. 3 ст. 20 УПК РФ).

2) Основания для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела (в том числе те из них, которые регламентируют такую возможность только в отношении некоторых преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности) - п. 7 ч. 1 ст. 24, ст. 28.1 УПК РФ.

3) Особенности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (п.1.1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

4) Наличие специального повода для возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198 - 199.2 УК РФ, каковым служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (п. 1.3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

5) Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ).

6) Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории (ст. 81.1 УПК РФ).

7) Последственность уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Таким образом, можно констатировать наличие особой, усложненной процедуры производства по делам такой категории.

Важно отметить, что ни у законодателя, ни у теоретиков, ни у практиков нет единого понимания того, какие категории преступлений следует относить к группе, характеризующейся указанными выше особенностями производства. В зависимости от тех или иных целей российский законодатель может их регламентировать в отношении всех преступлений в сфере экономики (раздел VIII УК РФ), а иногда выделять те, которые совершаются исключительно в сфере предпринимательской деятельности и т.д. У нас нет единого перечня преступлений, который бы в целом подпадал под это особое производство. Поэтому в уголовно-процессуальном законодательстве дается закрытый перечень составов преступлений, на лиц, совершивших которые, распространяется та или иная уголовно-процессуальная привилегия.

Многие ученые – криминологи используют термин «экономическая преступность», однако единого определения таковой также не существует. Различные авторы относят к экономическим преступлениям разные виды уголовно-наказуемых деяний (помимо преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, сюда относят некоторые должностные преступления, преступления против собственности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях и др.; существует также позиция, согласно которой экономические преступления – это только те, которые совершены предпринимателями или в сфере предпринимательской деятельности [1, С. 7]), предлагают свои классификации экономической преступности: например, по сферам совершения (внешнеэкономическая, финансово-кредитная, уплата налогов и иных платежей и др.) и по уголовному законодательству [2, С. 8-9], в зависимости от объектов экономических отношений, от объекта посягательства и др. критериев [3].

Рассмотрим в целом предпосылки возникновения особого правового режима производства по делам об экономических преступлениях. Очевидно, все рассмотренные нами выше особенности направлены не на предоставление дополнительных возможностей для органов, осуществляющих предварительное расследование, по их выявлению и раскрытию (как это делается, например, по делам о преступлениях террористической направленности или организованной преступности), а на максимальное не вовлечение лиц, совершивших такие преступления, в производство по уголовному делу (или предоставление дополнительных возможностей для их освобождения от уголовной ответственности при условии возмещения ими причиненного ущерба).

Необходимость обеспечения экономической безопасности, целью которой, согласно Указу Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», является, в том числе, усиление конкурентоспособности российской экономики, диктует постановку таких задач как превращение Российской Федерации в привлекательную для отечественных и иностранных инвесторов страну. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, в качестве одной из основных задач по реализации направления, касающегося обеспечения безопасности экономической деятельности, названо «снижение рисков ведения предпринимательской деятельности, связанных с возможностью использования формальных поводов для ее остановки, а также недопущение избирательного правоприменения в отношении субъектов предпринимательской деятельности» (пп. 1 п. 22).

Актуальной остается проблема «давления» на бизнес с использованием уголовно-процессуальных инструментов. Так, А.И. Бастрыкин полагает, что индивидуальные предприниматели нуждаются в защите от этого, поэтому в Следственном комитете РФ была создана отдельная телефонная линия, на которую указанные лица могут обратиться в случае воспрепятствования их законной деятельности. Только в 2022 году по этому каналу поступило более 400 обращений [4].

Указанное выше позволяет утверждать, что российский законодатель стремится минимизировать риск использования механизма уголовного правосудия как одного из рычагов воздействия на лиц, осуществляющих предпринимательскую или иную экономическую деятельность, что, в свою очередь, является гарантией безопасного ведения бизнеса в Российской Федерации. На это указывается и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

Проанализировав современное российское уголовно-процессуальное законодательство, А.А. Жарёнов пришел к выводу, что оно направлено на защиту, в первую очередь, финансово-экономических интересов государства, которые выражаются в сохранении предпринимательской активности граждан и пополнении государственного бюджета [5, С. 11].

Л.В. Головкин, анализируя появление особой процедуры производства по делам рассматриваемой нами категории, указывает на то, что в таких случаях законодатель изначально придерживается одного из двух вариантов уголовной / уголовно-процессуальной политики:

- а) Crime Control, при котором закрепленное законодателем особое производство является инструментом для усиления борьбы с экономическими преступлениями;
- б) Doing Business, при котором рассматриваемое специальное производство способствует снижению риска быть привлеченным к уголовной ответственности за совершение экономических преступлений. При первом случае «уголовно-процессуальный режим становится более жестким по сравнению со стандартным уголовным процессом. При втором - напротив, более мягким» [6].

Очевидно, что российский законодатель избрал второй подход, в результате которого был создан режим наибольшего благоприятствования лицам, совершившим преступления рассматриваемой категории.

С другой стороны, Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» обращается внимание на то, что несмотря на принимаемые меры, в Российской Федерации остается высоким уровень преступности в отдельных сферах, в том числе в кредитно-финансовой сфере (п. 42). Следовательно, требуется существенно снизить уровень экономической преступности для целей обеспечения нормального функционирования нашего государства (подпункт 10, п. 47).

Таким образом, Президентом РФ ставится еще одна задача перед правоохранительными органами: вести неуклонную борьбу с экономическими преступлениями.

В.В. Лунеев определяет экономическую преступность следующим образом: «... самая интеллектуальная, самая мощная, самая распространенная, самая скрытая, самая организованная и самая опасная криминальная деятельность...» [7, С. 5]. На ее опасность для общества и государства обращает внимание Е.С. Канатов [8, С. 4].

Разрушительные последствия экономической преступности для государства бесспорны. Об этом свидетельствуют и данные правовой

статистики. Так, согласно отчету Генеральной прокуратуры РФ, динамика экономических преступлений в России показывает неуклонный рост: 104927 преступлений в 2019 году, 105480 – в 2020 году, 117707 преступлений – в 2021 году [9]. Только за период с января по ноябрь 2022 г. незначительно снизились преступления экономической направленности (-0,7 %, 106,3 тыс.). В структуре преступности их удельный вес остался неизменным (5,8 %) [10, С. 6]. При этом размер материального ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности за указанный отчетный период, составляет 322 515 305 руб., а размер возмещенного материального ущерба путем его добровольного погашения, изъятия имущества, денег, ценностей – только 121 703 213 руб. [10, С. 24].

Между тем криминологи отмечают, что велика доля и латентной преступности среди преступлений экономической направленности [11, С. 100].

Количество преступлений экономической и налоговой направленности в Республике Башкортостан (по данным Информационного центра МВД по Республике Башкортостан) представлено в таблице 1 ниже:

	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	10 месяцев 2023 года
Зарегистрировано всего	2456	2270	2586	2544	2827	2136
Привлечено к уголовной ответственности	2082	2007	2201	2175	2526	1912

Получается, что перед лицами, осуществляющими производство по рассматриваемым делам, стоит двуединая задача: с одной стороны, обеспечить быстрое и эффективное выявление, раскрытие и расследование такого преступления, с другой – не допустить неоправданного привлечения к уголовной ответственности лиц, обеспечив возможность обвиняемым (подозреваемым) реализации предоставленных им законодателем привилегий. Эти задачи видятся нам, во-многом, как взаимоисключающие.

А.А. Жарёнов выделяет следующие проблемы практического и теоретического характера, которые возникают в связи с тем, что отечественный законодатель придерживается либерального способа правового регулирования производства по делам об экономических преступлениях: усложнение производства, противоречие принципу равенства всех перед законом и судом, недооценка общественной опасности преступлений рассматриваемой категории, возложение ряда процессуальных полномочий на административные органы; снижение стандартов качества при доказывании [5, С. 11].

Можно выделить и положительные моменты существования особого порядка производства по делам в сфере экономической деятельности.

1) Наличие специальных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела по делам такой категории при условии возмещения причиненного ущерба способствуют быстрому и эффективному восполнению потерь бюджетной системы, восстановлению нарушенных прав потерпевших.

Так, в 2021 году следователями Следственного комитета РФ возбуждено почти 35,5 тыс. уголовных дел о преступлениях экономической направленности. Следователи СК в 2021 году прекратили почти 5,5 тыс. уголовных дел данной категории в отношении 6 390 лиц. Более половины из них были прекращены в связи с деятельным раскаянием обвиняемых и полным возмещением причиненного ущерба. Еще 1 250 дел переданы в суд для прекращения уголовного преследования подсудимых с применением судебного штрафа, более 500 из них - в отношении предпринимателей. В суд направлено 16,5 тыс. дел о преступных деяниях в экономической сфере. В их числе почти 4 тыс. - о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности в отношении 4 337 предпринимателей [4].

2) Также наличие специальных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела способствует снижению нагрузки на правоохранительные и судебные органы.

3) Использование законодателем такого либерального подхода, действительно, ставит под сомнение действие принципа равенства граждан перед судом. С этим можно согласиться с точки зрения справедливости. Однако для российского уголовного процесса такой подход не нов: он применим и при производстве по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (глава 52 УПК РФ). Конституционный Суд РФ объясняет необходимость его существования тем, что он способствует обеспечению нормального осуществления этими лицами своих профессиональных обязанностей, при котором бы исключалось использование уголовно-процессуального механизма в качестве давления на них (Определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 26-О).

Эта позиция актуальна и в отношении лиц, совершивших преступления рассматриваемой нами категории. Законодатель всегда приходится выбирать между публичными и частными интересами. Найти оптимальный баланс, который устроит обе стороны – задача практически невыполнимая. Поэтому сам факт появления уголовно-процессуальных привилегий для отдельных категорий лиц объясняется необходимостью их дополнительной защиты для обеспечения нормального функционирования определенной сферы общественных отношений.

Более того, частично данный вопрос уже поднимался в запросе к Конституционному Суду РФ о проверке ст. 159.4 УК РФ на соответствие Конституции РФ. Заявитель поставил под сомнение возможность по снижению наказания (согласно положениям указанной статьи) только лишь на том основании, что это мошенничество совершено в сфере предпринимательской деятельности.

Таким образом, был поставлен вопрос о справедливости и целесообразности наличия в российском уголовном законодательстве привилегий в отношении лиц, занимающихся предпринимательской или иной экономической деятельностью. Конституционный Суд РФ признал положения статьи 159.4 УК РФ соответствующими Конституции Российской Федерации, подтвердив необходимость существования особого режима привлечения

к уголовной ответственности рассматриваемой нами категории лиц, объяснив ее необходимостью защиты отношений собственности и стимулирования законной предпринимательской деятельности (постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П).

Подводя итог рассмотрения поставленных в данной статье вопросов, необходимо отметить, что среди ученых и практиков нет единого мнения о том, необходим ли такой особый, усложненный порядок производства по делам об экономических преступлениях. Выделить можно следующие основные позиции:

1) Отрицание такой необходимости. Так, А.А. Жарёнов пришел к выводу о том, что проводимая уголовно-процессуальная политика в экономической сфере не способствует решению задач уголовного процесса (таких как: борьба с преступностью, раскрываемость уголовно-наказуемых деяний и др.), и поэтому автор не видит необходимости в дифференциации уголовного процесса в рассматриваемой сфере [5, С. 12].

2) Признание такой необходимости. А.И. Бастрыкин полагает, что только гуманизация уголовно-процессуального законодательства, применяемого в случаях совершения преступлений экономического характера, может способствовать формированию благоприятного делового климата в государстве [4].

3) Признание возможности и необходимости такой особой процедуры по делам рассматриваемой категории, но при условии ее корректировки. Многими учеными указывается на то, что такие уголовно-процессуальные привилегии не должны препятствовать выявлению, раскрытию и расследованию экономических преступлений в целом [12, С. 7-8].

Поэтому законодателю еще предстоит выработать оптимальный правовой режим, при котором правоохранительные органы могли бы эффективно решать эту поставленную перед ними двуединую задачу.

Таким образом, изучив предпосылки появления особой усложненной процедуры производства по уголовным делам о некоторых преступлениях в сфере экономической деятельности, мы приходим к выводу о правомерности и необходимости ее существования. Однако, полагаем, что существующий порядок требует совершенствования для того, чтобы он не являлся препятствием для выявления, раскрытия и расследования дел об экономических преступлениях.

Библиография:

1. Четверикова И. (при участии К. Титаева). Структура и основные черты экономических преступлений в России (на основе данных 2013–2016 годов): аналитический обзор. СПб., 2017. 51 с.
2. Рубцов И.В. Статистический анализ экономической преступности в России. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М., 2007. 22 с.
3. Горпинченко К.Н., Завгородняя И.В. Система статистических показателей оценки уровня экономической преступности // [Электронный ресурс]. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/5/economic_theory/Gorpinchenko_Petrov.pdf (дата обращения: 29.01.2024).
4. Бастрыкин А.И. уголовный закон в отношении бизнеса применяется сбалансированно. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/15075857> (дата обращения: 30.01.2024).
5. Жарёнов А.А. Особенности уголовного судопроизводства по делам об экономических преступлениях. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 22 с.
6. Голово Л.В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: crime control and doing business // [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/81750-alternativnykh-napravleniya-ugolovnoj-politiki-delam-ehkonomicheskikh-finansovykh> (дата обращения: 22.01.2024).
7. Лунеев В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей // Кримнологический журнал ОГУЭП. 2011. №4 (18). С. 5-15.
8. Канатов Е.С. Возбуждение уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 242 с.
9. Показатели преступности России. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 2.10.2023).
10. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2022 г. Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации: сборник. М., 2022. 60 с.
11. Шумилина В.Е., Кудовба О.Н. Статистический анализ преступлений в сфере экономической деятельности // Философия права. 2020. № 3 (94). С. 96- 104.
12. Попова Л.В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 24 с.

References:

1. Chetverikova I. (with the participation of K. Titaev). The structure and main features of economic crimes in Russia (based on data from 2013-2016): an analytical review. St. Petersburg, 2017. 51 p.
2. Rubtsov I.V. Statistical analysis of economic crime in Russia. The author's abstract. diss. ... candidate of Economic Sciences. M., 2007. 22 p.
3. Gorpinchenko K.N., Zavgorodnaya I.V. System of statistical indicators for assessing the level of economic crime // [Electronic resource]. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/5/economic_theory/Gorpinchenko_Petrov.pdf (date of application: 01/29/2024).
4. Bastyrykin A.I. the criminal law in relation to business is applied in a balanced manner. RIA News. [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/interviews/15075857> (date of appeal: 30.01.2024).
5. Zharenov A.A. Features of criminal proceedings in cases of economic crimes. The author's abstract. diss. ... cand. Jurid. M., 2023. 22 p.
6. Golovko L.V. Two alternative directions of criminal policy in cases of economic and financial crimes: crime control and doing business // [Electronic resource]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/81750-alternativnykh-napravleniya-ugolovnoj-politiki-delam-ehkonomicheskikh-finansovykh> (date of reference: 01/22/2024).
7. Luneev V.V. On criminalization of economic crimes of entrepreneurs // Criminological journal of the OGUE. 2011. No.4 (18). pp. 5-15.
8. Kanatov E.S. Initiation of criminal cases on crimes in the field of economic activity. Diss. ... cand. Jurid. M., 2021. 242 p.
9. Indicators of crime in Russia. Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <http://crimestat.ru> (date of application: 2.10.2023).
10. The state of crime in Russia in January-November 2022. The Main Department of Legal Statistics and Information Technologies of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation: collection. M., 2022. 60 p.
11. Shumilina V.E., Kudovba O.N. Statistical analysis of crimes in the field of economic activity // Philosophy of law. 2020. No. 3 (94). pp. 96- 104.
12. Popova L.V. Features of criminal procedural regulation of pre-trial proceedings in criminal cases of economic crimes committed in the field of entrepreneurial activity. The author's abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences. Volgograd, 2019. 24 p.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО РОЗЫСКУ ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ, В УСЛОВИЯХ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ORGANIZATION OF INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE SEARCH FOR MISSING PERSONS IN THE CONTEXT OF COUNTER-TERRORISM OPERATIONS AND ARMED CONFLICTS

ЗАКАЕВ Сулиман Абахажиевич,

Академия управления МВД России, старший лейтенант полиции.

Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: suliman.zakaev@mail.ru;

ZAKAEV Suliman Abakhazhievich,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior police Lieutenant.

Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: suliman.zakaev@mail.ru

Краткая аннотация. Взаимодействие — это процесс сотрудничества и координации действий между различными структурами и агентствами правопорядка с целью обмена информацией, совместного расследования преступлений, проведения совместных операций и обеспечения общественной безопасности. По отношению к системе ОВД взаимодействие может быть внешним и внутренним.

Abstract. Interaction is a process of cooperation and coordination between various structures and law enforcement agencies in order to exchange information, jointly investigate crimes, conduct joint operations and ensure public safety. In relation to the ATS system, the interaction can be external and internal.

Ключевые слова: Органы внутренних дел, правоохранительные органы, оперативно-розыскная деятельность, пропавшие без вести, розыск, идентификация, преступление, оперативно-розыскные мероприятия.

Keywords: Internal affairs agencies, law enforcement agencies, operational search activities, missing persons, search, identification, crime, operational search activities.

Для цитирования: Закаев С.А. Организация взаимодействия органов внутренних дел по розыску лиц, пропавших без вести, в условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 5(233). С. 383-385. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_383.

For citation: Zakaev S.A. Organization of interaction of internal affairs bodies in the search for missing persons in the context of counter-terrorism operations and armed conflicts // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 5(233). pp. 383-385. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_383.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2024

Ситуация, когда работа по розыску лиц, пропавших без вести, в условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов остаётся на плечах отдельных оперуполномоченных уголовного розыска, не только противоречит действующему законодательству, но и может серьёзно затруднять успешное расследование и розыск пропавших лиц. Необходимо понимать, что решение таких задач требует совместных усилий различных структур и специалистов.

Для эффективного розыска лиц, пропавших без вести, особенно в условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов, необходимо:

- Комплексный подход: Расследование пропажи лиц должно включать в себя не только уголовное розыскное подразделение, но и другие структуры правоохранительных органов, специализированные группы по расследованию террористических актов, экспертов по анализу данных и других специалистов.

- Сотрудничество: необходимо активное сотрудничество между различными структурами правоохранительных органов, а также с органами государственной власти, специализированными службами и общественными организациями.

- Повышение квалификации: Работа по розыску лиц требует специальных знаний и навыков. Проведение регулярных тренингов, семинаров и курсов повышения квалификации позволит сотрудникам правоохранительных органов более эффективно решать такие задачи.

- Материальное стимулирование: Оценка и поощрение результативной работы сотрудников должны осуществляться на всех уровнях. Это может включать в себя премии, поощрительные выплаты, присвоение почетных званий и т.д.

- Создание специализированных подразделений: в некоторых случаях может быть целесообразным создание специализированных оперативных групп или подразделений, которые будут заниматься исключительно розыском лиц в условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов.

В целом, изменение стереотипных представлений и усиление сотрудничества между различными структурами и специалистами в рамках оперативно-розыскной деятельности поможет более эффективно решать задачи по розыску лиц, пропавших без вести, в сложных и опасных условиях.

Тенденция развития современной преступности, принятие нового законодательства в сфере борьбы с ней, требуют от ОВД совершенствования старых и поиска новых форм взаимодействия между подразделениями полиции и не только.

Взаимодействие — это процесс сотрудничества и координации действий между различными структурами и агентствами правопорядка с целью обмена информацией, совместного расследования преступлений, проведения совместных операций и обеспечения общественной безопасности [1, с. 8].

По отношению к системе ОВД взаимодействие может быть внешним и внутренним. Взаимодействие между различными структурами и агентствами правопорядка является ключевым элементом в борьбе с современной преступностью. Это позволяет объединять усилия для более эффективного предотвращения преступлений, расследования их и пресечения.

Внешнее взаимодействие:

- Международное сотрудничество: Современная преступность часто имеет транснациональный характер, поэтому сотрудничество между правоохранительными органами разных стран становится все более важным. Это включает обмен информацией о преступных сетях, организация совместных операций по борьбе с трансграничной преступностью, экстрадицию преступников и т.д.

- Сотрудничество с другими ведомствами: Полиция должна сотрудничать с другими ведомствами, такими как налоговая инспекция, миграционная служба, таможенные службы и другие, для обмена информацией и совместной работы по борьбе с различными видами преступлений.

Внутреннее взаимодействие:

- Между различными подразделениями полиции: Эффективное сотрудничество между различными подразделениями полиции (например, уголовным розыском, наркоконтролем, борьбой с организованной преступностью и т.д.) позволяет обмениваться информацией, координировать действия и лучше реагировать на преступные ситуации.

- Сотрудничество с другими службами и организациями: Полиция также должна взаимодействовать с другими службами и организациями, такими как службы скорой помощи, пожарные, государственные службы безопасности и т.д., для обеспечения комплексного подхода к обеспечению общественной безопасности.

Все эти формы взаимодействия играют важную роль в борьбе с преступностью и обеспечении безопасности общества. Они позволяют объединять ресурсы, оптимизировать работу и повышать эффективность действий правоохранительных органов.

Хотя в раскрытии преступлений и розыскной работе по закону должны участвовать все службы полиции, на практике методики розыска и идентификационной работы часто разрабатываются и внедряются в практику преимущественно для сотрудников уголовного розыска. Это может привести к недопустимому снижению эффективности работы других служб, а также к несбалансированному использованию ресурсов и упущению возможностей для совместной работы.

Для решения этой проблемы необходимо разработать методические рекомендации и стандарты работы для всех служб ОВД. Эти рекомендации должны учитывать специфику работы каждой службы и предусматривать следующее:

- Обучение и тренинги: Проведение регулярных обучающих мероприятий для сотрудников всех служб ОВД по методикам розыска и идентификационной работы. Обучение должно быть ориентировано на практические навыки и сценарии работы в различных ситуациях.

- Разработка единых процедур: Создание единых процедур и стандартов работы для всех служб ОВД, включая методы сбора, анализа и обработки информации, координацию действий, взаимодействие с другими службами и т.д.

- Использование современных технологий: Внедрение современных технологий и программных средств для улучшения эффективности работы всех служб ОВД в розыске и идентификации преступников.

- Стимулирование сотрудничества: Поощрение сотрудничества и взаимодействия между различными службами ОВД путем установления соответствующих стимулов и премий.

- Мониторинг и оценка результатов: Регулярный мониторинг и оценка результатов работы всех служб ОВД в розыске и идентификации преступников для выявления проблем и улучшения эффективности.

В целом, разработка методических рекомендаций и стандартов работы для всех служб ОВД поможет снизить недопустимые различия в подходах и уровне подготовки сотрудников, а также повысит общую эффективность борьбы с преступностью.

Особое место отводится взаимодействию со СМИ. Реализуется оно через отделы информации и связи с общественностью. ОВД необходимо регулярно в газетах, по каналам теле и радиовещания ориентировать население о разыскиваемых лицах, с указанием их примет.

Взаимодействие правоохранительных органов с СМИ играет важную роль в информировании общественности о разыскиваемых лицах и событиях, связанных с расследованием преступлений. Органы внутренних дел (ОВД) используют отделы информации и связи с общественностью для эффективного взаимодействия со СМИ и обеспечения широкого распространения информации о преступлениях и розыске.

Ниже представлены некоторые основные аспекты взаимодействия правоохранительных органов с СМИ:

- Публичное обращение: ОВД регулярно обращаются к общественности через газеты, телевидение, радио и другие средства массовой информации с информацией о разыскиваемых лицах, предоставляя приметы и другую полезную информацию.

- Пресс-конференции и брифинги: Организация пресс-конференций и брифингов для предоставления подробной информации о прогрессе расследования, о разыскиваемых лицах и других событиях, связанных с преступлениями.

- Сотрудничество с журналистами: Установление открытого и доверительного диалога с журналистами для предоставления информации и ответов на вопросы, а также для предотвращения распространения недостоверной или непроверенной информации.

- Использование социальных сетей: Активное использование социальных сетей для распространения информации о разыс-

квиваемых лицах, а также для взаимодействия с общественностью и получения обратной связи.

- Обучение сотрудников: Проведение обучения и тренингов для сотрудников отделов информации и связи с общественностью по эффективному взаимодействию со СМИ и правилам предоставления информации.

В целом, взаимодействие с СМИ играет важную роль в раскрытии преступлений и розыске лиц, пропавших без вести, позволяя правоохранительным органам эффективно использовать общественное внимание и ресурсы для достижения поставленных целей в борьбе с преступностью.

В условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов взаимодействие оперативных подразделений и органов следствия по розыску лиц, пропавших без вести, играет критическую роль в успешном выполнении задач и обеспечении безопасности общества.

В целом, успешное взаимодействие оперативных подразделений и органов следствия в условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов требует тесного сотрудничества, координации действий и обмена информацией, чтобы достичь общей цели по розыску лиц и обеспечению безопасности.

Сотрудничество оперативных подразделений и следователей не означает их служебного соподчинения, слияния процессуальной и ОРД. Каждый из этих органов, несмотря на общность задач в борьбе с преступностью, и на объединение усилий их решений, действует в пределах своей компетенции, выполняет свои функции [2, с. 12].

Подводя итог рассмотрению вопросов организации взаимодействия ОВД по розыску лиц, пропавших без вести, в условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов, можно сделать следующие выводы:

В условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов организация оперативно-розыскной деятельности по розыску лиц, пропавших без вести, требует не только усилий розыскных и криминалистических подразделений органов внутренних дел, но и совместной работы с другими структурами и ведомствами.

Внутреннее взаимодействие между розыскными подразделениями и подразделениями по борьбе с преступлениями против личности внутри правоохранительного органа является основой для координации действий и обмена информацией. Однако успешное расследование и розыск пропавших лиц также зависит от сотрудничества с другими структурами, такими как военные подразделения, спецслужбы, местные органы власти и общественные организации.

Важно создать эффективные механизмы сотрудничества и обмена информацией между различными организациями и ведомствами, чтобы обеспечить максимальную осведомленность и скоординированные усилия по розыску лиц в условиях вооруженных конфликтов. Это также включает в себя использование различных технических и технологических средств для сбора и анализа информации.

Таким образом, успех оперативно-розыскной деятельности в условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов зависит от эффективного внутреннего и внешнего взаимодействия между различными структурами и ведомствами.

Правовую основу рассматриваемого взаимодействия составляют многочисленные нормативные правовые акты, закрепляющие порядок его организации и формы осуществления. Вместе с тем в целях повышения эффективности деятельности по розыску лиц, пропавших без вести, в условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов, возникла необходимость в разработке Межведомственной инструкции о порядке взаимодействия следственных органов СК России, ОВД, Военной полиции МО РФ и Росгвардии.

Такая инструкция может устанавливать четкие процедуры и протоколы для совместной работы этих органов, включая механизмы обмена информацией, координации оперативных мероприятий и совместного анализа собранных данных. Она также может определить роли и обязанности каждого участника в процессе розыска, учитывая специфику их функций и компетенций.

Правовая база, устанавливающая порядок взаимодействия органов правопорядка в таких ситуациях, позволит обеспечить единство действий и согласованность усилий всех участников, что существенно повысит шансы на успешное разрешение сложных оперативных задач.

Таким образом, разработка и принятие Межведомственной инструкции о взаимодействии указанных органов является важным шагом для обеспечения эффективного и скоординированного розыска лиц в условиях контртеррористических операций и вооруженных конфликтов.

Библиография:

1. Пупынин, С. С. Особенности розыска лиц, пропавших без вести / С. С. Пупынин, А. В. Парфенов // Закон и право. – 2021. – № 4. – С. 156-158. – DOI 10.24412/2073-3313-2021-4-156-158. – EDN HQBRFA.
2. Парфенов, А. В. Особенности организации деятельности следственно-оперативных групп по розыску лиц, идентификации неустановленных трупов и раскрытия преступлений по "горячим следам" / А. В. Парфенов // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 20 октября 2017 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 123-127. – EDN JBEWKP..

References:

1. Pupyin, S. S. Features of the search for missing persons / S. S. Pupyin, A.V. Parfenov // Law and Law. – 2021. – No. 4. – pp. 156-158. – DOI 10.24412/2073-3313-2021-4-156-158. – EDN HQBRFA.
2. Parfenov, A.V. Features of the organization of investigative and operational groups to search for persons, identify unidentified corpses and solve crimes in hot pursuit / A.V. Parfenov // Criminal policy of Russia at the present stage: state, trends, prospects : Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 20, 2017 of the year. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. – pp. 123-127. – EDN JBEWKP..

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_386

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГЕНОЦИД Features of criminal liability for genocide

ЛОБУНЕЦ Евгения Сергеевна,

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.
ул. Охотничья, 1А, г. Уссурийск, 692502, Россия.
E-mail: elobunets@mail.ru;

УСОВА Елена Игоревна,

доцент ОД ОМВД России по г. Уссурийску.
Россия, г. Уссурийск.
E-mail: lena.usova.00@list.ru;

Lobunets Evgenia Sergeevna,

Senior Lecturer of the Department of General Legal Disciplines,
Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences.
Okhotnaya str., 1A, Ussuriysk, 692502, Russia.
E-mail: elobunets@mail.ru;

Usova Elena Igorevna,

Investigator of the Investigation Department of the Department
of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Ussuriysk.
Ussuriysk, Russian Federation.
E-mail: lena.usova.00@list.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются понятие геноцида как преступления против мира и безопасности человечества, характеризующие признаки и особенности указанного противоправного деяния, основания и условия, в соответствии с которыми наступает ответственность за указанное преступление в Российской Федерации, а также определенные проблемы, связанные с уголовно-правовой квалификацией данного преступления.

Abstract. The article examines the concept of genocide as a crime against the peace and security of mankind, characterizing the signs and features of the specified unlawful act, the grounds and conditions under which responsibility for this crime arises in the Russian Federation, as well as certain problems associated with the criminal legal qualification of this crime.

Ключевые слова: геноцид, преступление, предупреждение геноцида, уголовная ответственность за геноцид.

Keywords: genocide, crime, prevention of genocide, criminal responsibility for genocide.

Для цитирования: Лобунец Е.С., Усова Е.И. Особенности уголовной ответственности за геноцид // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 386-388. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_386.

For citation: Lobunets E.S., Usova E.I. Features of criminal liability for genocide // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 386-388. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_386.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2024

Геноцид, его уголовно-правовой анализ – это одна из самых актуальных тем для исследования на сегодняшний день. Это обусловлено тем, что в настоящее время геноцид является примером одного из самых общественно опасных преступлений, посягающих на безопасность всего мира и человечества.

В международной практике на сегодняшний день можно найти множество случаев уничтожения определенных групп населения, целых народов, выделяемых по религиозным, этническим, расовым признакам, что является ярчайшим примером проявления геноцида. На данный момент в Российской Федерации на основании официальных данных за 2015-2024 год не выявлены случаи совершения геноцида, однако это не исключает существование данных фактов вовсе. Например, в мае 2022 года в СК РФ было возбуждено уголовное дело по ст. 357 УК РФ по факту того, что командир 19-ой отдельной ракетной бригады ВСУ, действуя с целью полного уничтожения этнической группы, состоящей из мирного гражданского русскоязычного населения ЛНР и ДНР, организовал проведение прицельных пусков из тактического ракетного комплекса по объектам гражданской инфраструктуры, в результате чего 27 человек были убиты, а 42 был причинен тяжкий вред здоровью [1, 25].

Впервые определение понятия «геноцид» и ответственность за него было зафиксировано в Конвенции Организации Объединенных Наций «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 года. Хотя Конвенцию СССР подписал еще в 1949 году, а ратифицировал в 1954 году, впервые в российском уголовном законодательстве норма, предусматривающая ответственность за геноцид, появилась именно в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года. Впервые был введен раздел о преступлениях против мира и безопасности человечества, в него включена ст. 357 Уголовного кодекса Российской Федерации - «Геноцид»[2].

Под геноцидом согласно статье 357 УК РФ понимаются «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы» [3].

Каждое противоправное деяние, которое совершается тем или иным лицом, обладает совокупностью определенных признаков, кото-

рые и позволяют квалифицировать данное деяние как уголовное преступление. В уголовном законодательстве совокупность данных признаков именуется составом преступления, который включает в себя несколько, в частности, четыре, основных элемента [4, 490], каждый из которых делится на объективные и субъективные.

Одним из объективных элементов является объект преступления, под которым понимаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым в результате совершения преступления причиняется вред или же создается угроза причинения такого вреда [5, 33].

Непосредственным объектом преступления геноцид являются общественные отношения по обеспечению безопасности существования национальных, этнических, расовых или религиозных групп, что напрямую следует из соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

Немаловажным для понимания содержания объекта преступления, в частности геноцида, является определение потерпевших. Согласно нормам уголовно-процессуального законодательства потерпевший – это «физическое лицо, которому преступлением причинен физический, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации» [6]. В соответствии с уголовно-правовой нормой, посвященной геноциду, потерпевшими являются национальные, этнические, расовые и религиозные группы, в отношении которых и совершаются действия, направленные на их полное или частичное уничтожение.

Следующим элементом состава преступления является его объективная сторона, которая может выражаться в двух формах: действие, то есть активная форма, и бездействие – пассивная форма. Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 357 УК РФ, выражается исключительно в активной форме, то есть путем совершения определенных действий, которые прямо направлены на «полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы» [7].

В настоящее время существует достаточно большое количество способов совершения такого преступления, как геноцид, каждый из которых по своей природе является опасным для жизни и одного человека, не говоря уже о жизни целой группы населения. Таковым способом является убийство, которое согласно положениям ст. 357 УК РФ должно осуществляться исключительно в форме совершения действий, в процессе которых в обязательном порядке причиняется смерть двум и более лицам. Это обусловлено тем, что при отсутствии данного условия, преступление будет квалифицироваться как покушение на геноцид.

Выделяется также и такой способ совершения геноцида, как причинение тяжкого вреда здоровью членам групп, перечисленных в статье 357 УК РФ.

Еще одним способом совершения геноцида является принудительная передача детей. Данный способ заключается в том, что ребенок, рожденный в соответствующей группе населения, просто изымается из нее, не успевая при этом приобрести все те необходимые знания, навыки, качества, которые отличают эту группу населения от какой-либо иной. Таким образом, данный ребенок уже не является и не может являться членом группы, в которой он был рожден, вследствие чего создается опасность полного исчезновения указанной группы населения.

Насильственное воспрепятствование деторождению является также одним из способов совершения геноцида, при котором происходит воспрепятствование именно физическому рождению детей. В указанном случае прослеживается определенное сходство с описанным ранее способом совершения геноцида, но все же имеются и отличия, так как при принудительной передаче дети все же рождаются и уже впоследствии изымаются у соответствующих групп населения, а при воспрепятствовании деторождению дети не рождаются в принципе. Это осуществляется путем искусственного прерывания беременности, вакцинации, кастрации или стерилизации. Таким образом, определенная группа населения просто вырождается, не имея потомства.

Еще одним основным элементом состава преступления геноцид является его субъект.

Применительно к статье 357 УК РФ субъектом преступления геноцид является физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16 лет, которое является полностью вменяемым, то есть является лицом, способным в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) и руководить ими. Однако ключевым является тот факт, что на сегодняшний день ни один законодательный акт не дает четкого понятия вменяемости. В ст. 21 УК РФ предусмотрено лишь понятие невменяемости, исходя из которого, мы и определяем понятие вменяемости.

Следующим субъективным признаком исследуемого преступления является его субъективная сторона, которая представлена в виде прямого умысла, то есть имеет место умышленная форма вины. Виновный осознает, что совершает общественно опасное деяние, предвидит возможность наступления последствий своего деяния и сознательно желает их наступления.

За совершение любого противоправного преступного деяния, в частности за совершение геноцида, лицо, его совершившее, обязано понести соответствующее наказание, то есть в обязательном порядке должно быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 357 УК РФ.

Однако на настоящий момент, как ранее уже было сказано, на территории Российской Федерации за весь промежуток времени существования указанной нормы не было вынесено ни одного обвинительного приговора по ст. 357 УК РФ.

Так, одной из проблем является ограничение некоторых преступных деяний, предусмотренных нормами УК РФ, с деянием, предусмотренным ст. 357 УК РФ. В частности, ст. 357 УК РФ с п. л ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. е ч. 2 ст. 111 УК РФ, что обусловлено наличием практически одинаковых субъективных и объективных признаков деяний.

При квалификации совершенного преступного деяния имеет важное значение роль правоприменителя, основной задачей которого и

является разграничение всех признаков преступлений, определяя тем самым квалификацию совершенного деяния.

Однако на сегодняшний день это является достаточно сложно реализуемым процессом. Например, при рассмотрении уголовного дела по обвинению уроженца Чеченской республики Р. Гойчаева, в совершении преступления, предусмотренного статьей 357 УК РФ, суд вынес оправдательный приговор по указанной статьей УК РФ, ссылаясь на то, что деяния, совершенные Гойчаевым Р., носили исключительно локальный характер. При этом судом не были учтены такие факты, как высказывания самого Гойчаева о том, что он просто убивал русских, а также тот факт, что для квалификации деяния по статье 357 УК РФ необязательно наличие признака широкомасштабности, достаточно совершения и небольшого количества убийств или причинений тяжкого вреда здоровью, прямо направленных на полное или частичное уничтожение предусмотренных в законе групп населения [8, 116].

Другой проблемой по мнению ученых-правоведов считается необходимость расширения круга лиц, в отношении которых может совершаться геноцид. Это, по их мнению, обусловлено тем, что в истории государства достаточно примеров уничтожения определенных групп населения по признакам, не указанным в норме Уголовного законодательства Российской Федерации. Например, в период коллективизации в СССР происходила ликвидация людей, исходя из их принадлежности к определенному социальному классу («ликвидация кулака как класса») [9, 147]. По нашему мнению, данная позиция является верной, поскольку в случае совершения массовых убийств людей по иному, не указанному в уголовном законе признаку, не будет классифицироваться как геноцид, что не является верным, потому как данное действие влечет угрозу безопасности человечества. Таким образом, норма статьи 357 УК РФ в данной ее части требует внесения определенных изменений.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что существующая в настоящее время в уголовном законодательстве Российской Федерации норма об уголовной ответственности за геноцид не является совершенной, вследствие чего не является применимой и требует необходимой модернизации.

Библиография:

1. Бастрыкин А.И. Расследование преступлений геноцида в практике СК России // Геноцид в современном мире: стратегии противодействия и способы борьбы: Сб. научных статей. 2023. С. 25-26.
2. Милых М.В. Уголовная ответственность за геноцид. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=43331811
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.consultant.ru/>.
4. Козыч С.С., Пономарев В.Г. Проблемы определения состава преступления // Молодой ученый. 2022. № 51. С. 490.
5. Харабара И.В. Объект преступления и его виды // Образование и право. 2020. № 4. С. 33.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.consultant.ru/>.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.consultant.ru/>.
8. Москалев Г.Л. Уголовная ответственность за геноцид (статья 357 УК РФ) // Сибирский Федеральный университет: монография. 2017. С. 188.
9. Москалев Г.Л. Уголовная ответственность за геноцид (статья 357 УК РФ) // Сибирский Федеральный университет: монография. 2017. С. 188.

References:

1. Bastyrykin A.I. Investigation of crimes of genocide in the practice of the IC of Russia // Genocide in the modern world: strategies of counteraction and methods of struggle: Collection of scientific articles. 2023. pp. 25-26.
2. Milykh M.V. Criminal liability for genocide. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=43331811
3. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 12/25/2023) // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.consultant.ru/>.
4. Kozych S.S., Ponomarev V.G. Problems of determining the corpus delicti // Young scientist. 2022. No. 51. p. 490.
5. Kharabara I.V. The object of the crime and its types // Education and law. 2020. No. 4. p. 33.
6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated 12/18/2001 (as amended on 12/25/2023) // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.consultant.ru/>.
7. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06/13/1996 (as amended on 12/25/2023) // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.consultant.ru/>.
8. Moskalev G.L. Criminal responsibility for genocide (Article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Siberian Federal University: monograph. 2017. p. 188.
9. Moskalev G.L. Criminal liability for genocide (Article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Siberian Federal University: monograph. 2017. p. 188.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN PROCEDURAL AND LEGAL RELATIONS: THEORETICAL AND COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

АЗАРХИН Алексей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, Самарский государственный экономический университет.
443090, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: aazarkhin@mail.ru;

ПЕТРОСЯН Григор Тигранович,

аспирант, Самарский государственный экономический университет.
443090, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: grigor63rus@gmail.com;

AZARKHIN Aleksey Vladimirovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines, Associate Professor of the Department of Combating Economic Crimes, Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara Region, 443090.
E-mail: aazarkhin@mail.ru;

PETROSYAN Grigor Tigranovich,

graduate student, Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara Region, 443090.
E-mail: grigor63rus@gmail.com

Краткая аннотация: В статье проводится анализ положений отечественной и зарубежной правовой доктрины по вопросам использования цифровых технологий в контексте процессуально-правовых отношений. Исследуются мнения и подходы современных авторов, обозначен круг проблем теоретического и прикладного характера по заявленной тематике, представлены авторские методы их разрешения в обозримой перспективе. Теоретическая значимость результатов настоящего исследования состоит в возможности их использования в ходе дальнейших научных разработок по вопросам нормативно-правового обеспечения процесса доказывания.

Abstract: The article analyzes the provisions of domestic and foreign legal doctrine on the use of digital technologies in the context of procedural and legal relations. The opinions and approaches of modern authors are studied, the range of problems of theoretical and applied nature on the stated topic is outlined, the author's methods of solving them in the foreseeable future are presented. The theoretical significance of the results of this study lies in the possibility of their use in the course of further scientific developments on the issues of regulatory support of the evidentiary process.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, следственные действия, оперативно-разыскные мероприятия, уголовный процесс, судебное разбирательство.

Keywords: evidence, proving, investigative actions, operational investigative measures, criminal proceedings, judicial proceedings.

Для цитирования: Азархин А.В., Петросян Г.Т. Использование цифровых технологий в процессуально-правовых отношениях: теоретический и сравнительно-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 389-391. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_389.

For citation: Azarkhin A.V., Petrosyan G.T. The use of digital technologies in procedural and legal relations: theoretical and comparative legal analysis // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 389-391. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_389.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2024

Развитие науки и техники, возникновение новейших форм социальной коммуникации детерминировал возникновения ряда сложностей перед правоохранительными органами на современном этапе. «Технитизация» преступного мира является обыденностью и требует выработки эффективных мер противодействия. Безусловно, минимизация роли цифровых технологий, их умышленное игнорирование правоприменителем влечет за собой устойчивый рост количественных и качественных показателей национальной преступности. Авторы публикации полагают, что интеграция цифровых технологий в плоскости процессуально-правовых отношений невозможно без учета положительного зарубежного опыта, поскольку это позволит избежать множества ошибок, допущенных иностранным правоприменителем ранее. Таким образом, цифровые технологии являясь панацеей в борьбе с преступностью нуждается в проведении глубочайших правовых исследованиях, которые позволят сформулировать нормативно-правовой базис их использования правоохранительными органами для достижения ключевых целей и задач в противодействии современной национальной и международной преступности.

В рамках настоящей публикации авторами проведена аккумуляция накопленного эмпирического опыта использования цифровых технологий в процессе доказывания по различным категориям юридических дел, обозначены их сильные и слабые стороны.

Активно используются «цифровые» доказательства в уголовном процессе Соединенных Штатов Америки (далее – США). В результате оптимизируется организация ряда процессуальных действий. При этом применение современных информационных технологий требует высокого уровня общей и компьютерной грамотности всех участников процессуально-правовых отношений. По мнению авторов публикации, серьезной проблемой является защита тайны личной жизни участников судопроизводства в связи с использованием электронных технологий. Электронный носитель ин-

формации используется с высоким уровнем неочевидности. Прецеденты приравнивают его к «закрытому контейнеру», содержание которого неизвестно должностному лицу. Исходя из такого понимания для исследования таких объектов, как правило, проводят не их осмотр, а обыск.

Верховный Суд США запретил проводить осмотр мобильных телефонов в отсутствие санкции суда. Однако данный прецедент не распространяется на другие носители информации, среди которых ноутбуки, смартфоны, планшеты. По сути, это не приборы сотовой связи, тем не менее, они, безусловно, являются электронными носителями информации. В этой связи прецедентное право не всегда эффективно реагирует на конкретные вызовы, более правильным является нормативное толкование.

В США нет легального определения понятия «электронное доказательство», просто говорится об информации, хранящейся в электронной форме на определенных программируемых устройствах. Они не выделяются из общей массы традиционных доказательств. Пристальное внимание уделяется процедуре изъятия и последующего анализа электронных носителей информации [1].

Для английского процессуального закона характерна нормативно-правовая урегулированность процедурных вопросов использования цифровых технологий и средств доказывания в процессе расследования и разрешению юридических дел. Распространенным является повсеместное использование электронных средств фиксации следов преступлений и правонарушений, которые в последующем их используют на судебных стадиях процессуально-правовых отношений.

В североамериканских государствах широкое распространение получили механизмы электронной регистрации процессуальных документов (по аналогии подобная система применяется в отечественном арбитражном судопроизводстве – система «Мой Арбитр»). Электронный документооборот призван оптимизировать бюрократические издержки и способствует ускорению всего процесса расследования. [2].

Для государств центральной Европы (Австрия и Германия) характерно использование искусственного интеллекта (далее – ИИ_ на отдельных этапах процессуально-правовых отношений. В частности ИИ используется для осуществления автоматизированного розыска предметов и лиц. Данные, которые сохранены в информационной базе, относительно совершения конкретного преступления, сопоставляются со сведениями, содержащимися в других программах, что помогает установить подозреваемого в конкретном преступлении.

В Швейцарии накоплен опыт применения цифровых технологий, как на досудебных стадиях, так и в ходе судебного разбирательства. Без них невозможно представить себе проведение следственных и судебных действий. Так, во время допросов участников судопроизводства, проводятся видеоконференции, что крайне востребовано, когда явка допрашиваемого по объективным причинам невозможна или требует больших судебных расходов (например, его приезд из другой страны).

Франция демонстрирует развитую систему акустического и визуального наблюдения, которая может быть применена сотрудниками полиции исключительно на основании решения суда. Такие процессуальные действия предполагают использование аудио- и фотофиксации в транспорте, жилых помещениях, на производственных площадях, что позволяет установить данные, полученные в ходе переговоров подозреваемого с иными лицами.

В Китае разрешено применение видеозаписи при производстве следственных действий. В этих целях создаются интернет-платформы, облачные хранилища, где хранятся процессуальные документы, используемые для обмена. Такого рода информационные технологии позволяют избегать бюрократических процедур в уголовном судопроизводстве, ускоряют обмен информацией, способствуют концентрации следователей исключительно на вопросах расследования.

За рубежом нет единого мнения относительно допустимости цифровых доказательств. В Японии они признаются подлинными, только если на них есть сертифицированная электронная цифровая подпись. Однако объем документов значительный, получают их в разное время, что затрудняет получение указанной подписи. Поэтому суды рассматривают любые электронные доказательства, поскольку проблематично проверить их на оригинальность [3].

Определенные сложности возникают с применением мультимедийной информации. Так, в Южной Корее известно «Правило лучшего доказательства», в соответствии с которым, если нет возможности воспринимать электронные доказательства в суде непосредственно, то изучаются их распечатки, то есть копии, образы [4].

При всех минусах периода пандемии COVID-19 стремительный рост использования цифровых технологий является очевидным плюсом, который отразился и на адвокатской деятельности. После отмены ограничительных мер цифровые достижения в этой сфере сохранились, поскольку они смогли доказать свою эффективность для ряда решения процессуальных вопросов.

Интересные предложения в этом направлении сделаны руководством Коллегии Азербайджанской Республики, их смысл сводится к созданию мобильного приложения, которое может использоваться для оказания широкого круга юридических услуг.

Не вызывает сомнений, что накопленный зарубежными странами положительный опыт использования электронных доказательств подлежит осмыслению и может быть заимствован в целях раскрытия и расследования преступлений. Необходимо создавать компьютерные программы, базы данных, применяться цифровое фотографирование, видео- и звукозапись, использовать возможности телекоммуникационной сети «Интернет». Цифровые технологии оптимально использовать в целях фиксации, поскольку они обеспечат ее полноту и точность [5].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что усиление роли цифровых технологий в контексте процессуально-правовых отношений способствует оптимизации деятельности по расследованию и разрешению юридических дел, что, безусловно, положительно сказывается на количественных и качественных показателях национальной преступности в превентивном смысле [6]. Авторы публикации убеждены в том, что цифровизация указанной деятельности является следствием «технитизации» преступного мира, выразившейся в использовании преступниками передовых достижений науки и техники в процессе совершения уголовно-наказуемых деяний. Безусловно, первым шагом в усилении роли цифровых

технологий в рамках процессуально-правовых отношений является обновление материально-технической базы правоохранительных и судебных структур.

Библиография:

1. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации // Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. – С. 18.
2. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики / В.Б. Вехов. // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (11). – С. 46 - 50.
3. Христинина Е. В. Электронные доказательства в расследовании преступлений: опыт Российской Федерации и зарубежных стран // Юридический вестник ДГУ. - Т. 35. - 2020. - № 3. - С. 162 - 165.
4. Зайцев О. А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2019. - № 4. - С. 42 - 57.
5. Осипов, Д. Д. Оперативный эксперимент: сущностная характеристика / Д. Д. Осипов // Проблемы развития предприятий: теория и практика. – 2023. – № 1-3. – С. 156-159. – DOI 10.46554/PEDTR-22-2023-3-pp.156. – EDN ATOUHC.
6. Азархин, А. В. История формирования института адвокатского расследования / А. В. Азархин // Российская наука: актуальные исследования и разработки : Сборник научных статей XVI Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 31 октября 2023 года. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2023. – С. 232-235. – EDN BVRZYL.

References:

1. Okonenko R. I. "Electronic evidence" and the problems of ensuring the rights of citizens to protect privacy in criminal proceedings: comparative analysis of the legislation of the United States of America and the Russian Federation // Dis. ... cand. Jurid. M., 2016. – p. 18.
2. Vekhov V. B. Electronic evidence: problems of theory and practice / V.B. Vekhov. // Law and order: history, theory, practice. – 2016. – № 4 (11). – Pp. 46-50.
3. Khristinina E. V. Electronic evidence in the investigation of crimes: the experience of the Russian Federation and foreign countries // Legal Bulletin of the DSU. - T. 35. - 2020. - № 3. - Pp. 162-165.
4. Zaitsev O. A. Features of using electronic information as evidence in a criminal case: comparative legal analysis Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. - 2019. - No. 4. - pp. 42-57.
5. Osipov, D. D. Operational experiment: an essential characteristic / D. D. Osipov // Problems of enterprise development: theory and practice. - 2023. – No. 1-3. – pp. 156-159. – DOI 10.46554/PEDTR-22-2023-3- pp.156. – EDN ATOUHC.
6. Azarkhin, A.V. The history of the formation of the Institute of Legal investigation / A.V. Azarkhin // Russian science: current research and development : Collection of scientific articles of the XVI All-Russian Scientific and practical conference. In 2 parts, Samara, October 31, 2023. – Samara: Samara State University of Economics, 2023. – pp. 232-235. – EDN BVRZYL.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОХРАНЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF PROTECTING FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION ON THE INTERNET

КОЖЕВНИКОВ Игорь Игоревич,

адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова.

680020, Россия, г. Хабаровск, Казарменный переулок, 15.

E-mail: ikozhevnikovvvvv@yandex.ru;

АНТОНОВА Елена Юрьевна,

декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала)

Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

690000, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.

E-mail: ikozhevnikovvvvv@yandex.ru;

KOZHEVNIKOV Igor Igorevich,

Associate Professor of the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, 680020, Russia.

E-mail: ikozhevnikovvvvv@yandex.ru;

ANTONOVA Elena Yuryevna,

Dean of the Faculty of Law of the Far Eastern Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

690000, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Sukhanova str., 8.

E-mail: ikozhevnikovvvvv@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются особенности уголовно-правовой охраны свободы совести и вероисповедания в Российской Федерации. Авторами отмечается отсутствие соответствия существующей нормы, предусматривающей ответственность за оскорбление чувств верующих, актуальным потребностям общества и текущему уровню развития общественных отношений. В статье делается акцент на переход к онлайн-среде как распространения информации, так и совершения преступлений, ввиду чего возникает необходимость совершенствования статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации в части, касающейся сети Интернет.

Abstract: The article examines the criminal legal protection of freedom of conscience and religion in the Russian Federation. The authors note the lack of compliance of the existing norm providing for liability for insulting the feelings of believers with the current needs of society and the current level of development of social relations. The article focuses on the transition to the online environment of both the dissemination of information and the commission of crimes, which creates the need to develop Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation as it relates to the Internet.

Ключевые слова: свобода совести, свобода вероисповедания, религия, уголовное право.

Key words: freedom of conscience, freedom of religion, religion, criminal law.

Для цитирования: Кожевников И.И., Антонов Е.Ю. Уголовная политика в сфере охраны свободы совести и вероисповедания в сети Интернет // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 392-393. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_392.

For citation: Kozhevnikov I.I., Antonov E.Yu. Criminal policy in the field of protecting freedom of conscience and religion on the Internet // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 392-393. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_392.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2024

Уголовная политика является неотъемлемой частью правовой системы государства, регулирующей поведение граждан путем установления ответственности за преступные действия. Ее эффективность и справедливость играют важную роль в создании законопослушного общества и поддержании правопорядка. Уголовная политика в сфере религии должна обеспечивать соблюдение баланса между свободой вероисповедания и защитой общественной безопасности. Эффективная политика в этой области помогает обеспечить соблюдение прав и интересов всех граждан, независимо от их религиозных убеждений, и предотвратить возможные конфликты на религиозной почве.

Отметим, что положительным является выделение приоритетного значения религии в жизни российского общества, что неоднократно отмечалось Президентом РФ в его выступлениях, приуроченных к мусульманскому празднику Курбан-байрам [2], в телеграмме, адресованной участникам Международного буддийского форума [1], а также в дискуссионном клубе «Валдай» [3]. Общая идея государственного отношения к религии заключается в ее роли в формировании российской культуры и национальной идентичности, а также во влиянии на моральные и этические ценности российского общества, поскольку верующие люди придерживаются убеждений на основе священных писаний, что формирует их мировоззрение и поведение.

К сожалению, выработка идей по уголовно-правовой охране свободы совести и вероисповедания в Российской Федерации находится в состоянии стагнации и не отвечает актуальным потребностям общества и государства. Интересным является позиция Е.М. Шевкопляс, по мнению которой, «основная направленность законодательства в части правонарушений, связанных с религиозными культурами, характеризуется борьбой с сектами, их организаторами, руководителями и активными деятелями» [7, с. 99]. В действительности же на текущий момент секты уже не являются представляемыми в традиционном понимании объединениями людей по религиозному признаку, которые своими учениями могут нанести вред государству и его идеологическим основам, поскольку руководители сект заинтересованы в извлечении материальной выгоды со своих участников. Гораздо более высокий уровень опасности могут вызывать террористические, диверсионные и экстремистские организации, которые маскируются под религиозные, созданные и функционирующие для вербовки и последующей подготовке боевых единиц для выполнения террористических актов и диверсий. Отмечается, что экстремизм и терроризм имеют не идейную, а криминальную основу. За псевдорелигиозной риторикой скрывается преступная деятельность, подрывающая основы общества [4, с. 69-74]. Уголовная политика в этой сфере в большей степени связана с обеспечением общественной безопасности и общественного порядка, чем с защитой свободы вероисповедания.

Полагаем, что основной акцент уголовной политики должен быть сконцентрирован на уголовно-правовой охране свободы совести и

вероисповедания в сети Интернет и, в частности, социальных сетей, ввиду исключительно высокого количества пользователей, ежедневно получающих и генерирующих информацию различного содержания. С учетом огромного числа пользователей, активно обменивающихся информацией каждый день, существует необходимость обеспечить безопасную информационную среду.

Свобода совести и вероисповедания – это фундаментальное право каждого человека. В Интернете это право может подвергаться угрозам, таким как религиозная нетерпимость, ксенофобия, ненависть и дискриминация на религиозной основе. Поэтому уголовное законодательство должно предусматривать меры для пресечения подобных проявлений и защиты прав верующих и неверующих.

Кроме того, социальные сети и Интернет в целом стали мощными средствами массовой коммуникации и информационного обмена. Они имеют большое влияние на формирование общественного мнения и мировоззрения, включая религиозные взгляды. Поэтому важно обеспечивать нейтральность и защиту множества религиозных убеждений и точек зрения в онлайн-пространстве.

Вырабатывая меры уголовно-правового воздействия, законодатель должен также учитывать вопросы, связанные с кибербуллингом и цифровой агрессией на религиозной основе, и предоставлять механизмы для обращения за помощью и защитой жертв. Это способствует созданию более толерантного и уважительного онлайн-сообщества, где свобода вероисповедания и совести бережно соблюдаются, а информационное пространство становится более безопасным и инклюзивным для всех его пользователей.

На текущий момент, с помощью сети Интернет и социальных сетей могут быть совершены следующие преступления: мошенничество (ст. 159 и 159⁶ УК РФ); преступления с экстремистской направленностью (ст. 280, 280¹ и 282 УК РФ); доведение до самоубийства, склонение к самоубийству или оказание помощи в совершении самоубийства (ст. 110 и 110¹ УК РФ); распространение порнографии, включая незаконное создание и распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242¹ УК РФ); нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ); развратные действия (ст. 135 УК РФ); вымогательство (ст. 163 УК РФ); преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ). Преступление может быть квалифицировано как совершенное с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», независимо от стадии совершения, если для выполнения хотя бы одного из намеренных действий была использована такая сеть. Совершение преступления посредством сети «Интернет» обусловлено повышенной опасностью, поскольку лицо, совершающее преступление, распространяет информацию на неопределенный круг лиц, а также создает возможность для последующего распространения опубликованных материалов посредством алгоритмов социальных сетей и системы рекомендаций на основе предпочтений.

Кроме того, к преимуществам использования цифрового пространства и (или) цифровых технологий относят скорость передачи данных и распространения информации (дезинформации), а также обработки большого массива информации, позволяющей, например, оперативно отыскивать сторонников, вербовать новых членов преступных формирований и т.д., расширением географии распространения деструктивной идеологии в условиях относительной анонимности, сложностью контролирования содержательной части распространяемой информации и упрощением координации действий членов преступных формирований [5, с. 6–15].

В результате работы вышеуказанных алгоритмов, скорость распространения материалов и их деструктивное влияние оказывается существенно выше. Дополнительную общественную опасность вызывает и проблематичность удаления материалов, опубликованных в социальных сетях, которые не исполняют решения российских судебных органов и не оказывают содействия в пресечении совершения преступления. В том числе существует проблема, связанная с отсутствием эффективных механизмов по модерации и фильтрации контента, публикуемого в социальных сетях, что позволяет распространять материалы, носящие оскорбительный характер, а также экстремистский без особых сложностей. При этом, как справедливо отмечал в своем диссертационном исследовании П.В. Бахметьев, «соответствующие деяния (оскорбление объектов религиозных почитаний) вызывают негативные эмоции и у лиц, исповедующих иную религию, и у лиц, которые считают себя атеистами» [6, с. 152], поэтому распространение материалов в сети Интернет, направленных на оскорбление чувств верующих затрагивает существенно более широкий круг лиц, чем, например, первоначально было задумано субъектом, совершившим публикацию.

Полагаем, что существует объективная необходимость добавления квалифицирующего признака «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»» в ч. 2 ст. 148 УК РФ.

Библиография:

1. Обращение В. В. Путина к участникам Международного буддистского форума // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/72051> (дата обращения: 06.10.2023).
2. Поздравление мусульманам России с праздником Курбан-байрам // Президент России: официальный сайт – URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/30/events/71538> (дата обращения: 06.10.2023).
3. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 06.10.2023).
4. Антонова Е. Ю. Терроризм как идеология насилия // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2018. – № 2(43). – С. 69–74.
5. Антонова Е. Ю. Использование цифровых технологий при совершении преступлений террористической направленности: проблемы противодействия // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции: в 6 т., Казань, 23 сентября 2022 года / под ред. И. П. Бегешева [и др.]. Т. 2. – Казань: Издательство «Познание», 2022. – С. 6–15.
6. Бахметьев П. В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Краснодар, 2017. – 239 с.
7. Шевкопляс Е. М. Уголовно-правовая охрана свободы совести в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2003. – 197 с.

References:

1. V.V. Putin's address to the participants of the International Buddhist Forum // President of Russia: official website. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/72051> (date of address: 06.10.2023).
2. Congratulations to the Muslims of Russia on the Eid al-Adha holiday // President of Russia: official website – URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/30/events/71538> (date of reference: 06.10.2023).
3. Meeting of the Valdai discussion club // President of Russia: official website. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72444> (date of application: 06.10.2023).
4. Antonova E. Y. Terrorism as an ideology of violence // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 2(43). – Pp. 69-74.
5. Antonova E. Y. The use of digital technologies in the commission of terrorist crimes: problems of counteraction // Digital technologies and law: collection of scientific papers of the I International Scientific and practical conference: in 6 volumes, Kazan, September 23, 2022 / ed. I.R. Begisheva [et al.]. Vol. 2. Kazan: Publishing house "Cognition", 2022. – pp. 6-15.
6. Bakhmetev P. V. Criminal law guarantees of freedom of conscience and religion: domestic experience and international standards: dis. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.08. – Krasnodar, 2017. – 239 p.
7. Shevkoplyas E. M. Criminal law protection of freedom of conscience in Russia: dis. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.08. – Moscow, 2003. – 197 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_394

УДК 343.34

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ About crimes against the security of Russia

НОВОКШОНОВ Дмитрий Вячеславович,

начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета командного Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, кандидат юридических наук, доцент.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: d_novoksh@mail.ru;

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России; доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат юридических наук, доцент.
Московский проспект, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия.
E-mail: vitya-shen@mail.ru;

NOVOKSHONOV Dmitry Vyacheslavovich,

Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology, Faculty of Command St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Candidate of Law, Associate Professor.
Pilyutova Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: d_novoksh@mail.ru;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia; Associate Professor of the Department of Law St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Candidate of Law, Associate Professor.
Moskovsky Prospekt, 149, St. Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящем исследовании рассматриваются некоторые особенности изменений, внесенных в уголовный закон, и которые направлены, прежде всего, на защиту национальных интересов Российской Федерации, на упреждение и пресечение преступлений, совершаемых в целях подрыва основ конституционного строя и обороноспособности России. Цель изменений – возвращение в уголовное законодательство Российской Федерации института конфискации имущества как дополнительной меры наказания, а также расширение случаев применения конфискации, предусмотренной ныне действующим законом.

Abstract: This study examines some of the features of the changes made to the criminal law, which are aimed primarily at protecting the national interests of the Russian Federation, at preventing and suppressing crimes committed in order to undermine the foundations of the constitutional system and the defense capability of Russia. The purpose of the amendments is to return to the criminal legislation of the Russian Federation the institution of confiscation of property as an additional measure of punishment, as well as to expand the cases of confiscation provided for by the current law.

Ключевые слова: уголовный закон; национальные интересы Российской Федерации; основы конституционного строя; государственная и общественная безопасность; конфискация имущества.

Keywords: criminal law; national interests of the Russian Federation; foundations of the constitutional system; state and public security; confiscation of property.

Для цитирования: Новокшонов Д.В., Шеншин В.М. О преступлениях против безопасности России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 394-397. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_394.

For citation: Novokshonov D.V., Shenshin V.M. About crimes against the security of Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 394-397. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_394.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2024

14 февраля 2024 года Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», затрагивающий нюансы конфискации денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования в том числе деятельности, направленной против безопасности¹ Российской Федерации.

В чем особенности предлагаемых нововведений, попробуем разобраться.

Так, рассматриваемый Федеральный закон под деятельностью, направленной против безопасности Российской Федерации, понимает совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных, в том числе, статьями УК РФ о диверсии, разглашении государственной тайны, оказании содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов, получении и даче взятки, незаконном пересечении Государственной границы РФ, неисполнении приказа, дезертирстве.

Также в перечень преступлений, за совершение которых допускается конфискация имущества, включены преступления, предусмотренные статьей 207.3 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Фе-

¹ Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.

дерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации» и 280.4 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства», если они совершены из корыстных побуждений.

Часть вторая статьи 280.4 УК РФ дополнена квалифицирующими признаками, предусматривающими повышенные меры ответственности за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, либо к воспрепятствованию исполнению органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности Российской Федерации, совершенные из корыстных побуждений или по найму, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной деятельности или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. При этом к деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, отнесены все преступления диверсионной направленности (статьи 281 - 281.3 УК РФ)¹.

Каждый, кто пытается разрушить Россию, должен понести наказание и возместить стране ущерб за счет своего имущества

Внесенные поправки позволяют конфисковывать имущество, предназначенное или используемое для финансирования преступной деятельности против безопасности страны, пояснял В. Володин.

Обратим внимание, что до декабря 2003 года уголовный закон предусматривал возможность применения конфискация имущества в качестве дополнительного вида наказания за корыстные, тяжкие и особо тяжкие преступления. Применение ее всегда носило карательный, устрашающий характер, заключавшийся в угрозе изъятия личной собственности виновного в том числе, не являющейся предметом конкретного преступления. Применение конфискации в качестве уголовного наказания всегда выступало средством восстановления социальной справедливости и предупреждения преступлений. По данным официальной статистики, в период действия УК РСФСР 1960 г. применение конфискации составляло не менее 70 % от числа преступлений, за которые предусматривался указанный вид наказания, что выступало существенным сдерживающим фактором совершения преступлений.

Однако принятый в 2003 году Федеральный закон № 162-ФЗ исключил из уголовного законодательства конфискацию имущества как вид уголовного наказания. Изменения, как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, были введены под предлогом «весьма низкой эффективности такого вида наказания», что не соответствовало действительности.

Отказ от конфискации имущества, как вида наказания, создал коллизии между отечественным уголовным законодательством и рядом общепризнанных международно-правовых актов, прямо предусматривающих применение конфискации к лицам, совершившим преступления. Так, в статье 1 Страсбургской Конвенции от 8 ноября 1990 г. «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» закрепляется, что «конфискация означает наказание или меру, назначенную судом в результате судопроизводства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества».

Под влиянием критики отмены конфискации учеными и практиками 27 июля 2006 года Федеральным законом № 153-ФЗ УК РФ дополнен главой 15.1 «Конфискация имущества», нормы которой позволяют частично использовать институт конфискации не в качестве наказания, а как иной меры уголовно-правового характера. Однако возможности применения такой специальной конфискации весьма ограничены, так как речь идет в основном лишь об имуществе, полученном осужденным в результате совершения преступления, о доходах, полученных от этого имущества, а также об орудиях и иных средствах совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Причем уголовно-правовое изъятие имущества в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, полученного в результате совершения преступления, ограничено лишь некоторыми составами преступлений (ч. 2 ст. 105, ч. 2, 4 ст. 111, ст. ст. 146, 147, 186, 187, 189, 222, 285, 290, 295 и др.). При этом, чем обусловлен выбор законодателя, остается непонятным. Составы преступлений, в результате которых причиняется реальный ущерб собственнику либо извлекается доход в крупном и особо крупном размере, например, хищения (ст. ст. 158 - 163), преступления в сфере экономической деятельности (ст. ст. 169 - 204), экологические преступления (ст. ст. 246 - 262) и др. в большинстве своем не попали в перечень, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Данная регламентация вызывает наибольшее количество нареканий со стороны правоприменителей, так как не отвечает сложившейся в обществе криминогенной обстановке и не обладает предупредительным потенциалом в отношении корыстных преступлений.

Неэффективность современного законодательства о конфискации имущества подтверждает анализ судебной практики. Из числа лиц, осужденных судами Российской Федерации в 2016 году по всем составам УК конфискация имущества на основании ст. 104.1 УК РФ применена лишь к 1929 осужденным.

Федеральный закон № 11 предусматривает возвращение в уголовное законодательство института конфискации имущества как дополнительной меры наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (в случае прямо указанных в соответствующих статьях УК РФ). Одновременно предполагается сохранить ныне существующую конфискацию денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, а также другие виды конфискации, предусмотренные ст. 104.1 УК РФ. Однако при этом предлагается распространить существующие правила конфискации на все составы преступлений, предусмотренные Особой частью УК РФ. Ныне действующие правила конфискации как иной меры уголовно-правового характера должны будут применяться лишь в случае совершения преступления, за которое не предусмотрена конфискация как мера уголовного наказания.

Существование в уголовном законе двух различных форм конфискации имущества (наказания и иной меры) не только не вступает

¹ Метельков, А. Н. О соотношении понятий "борьба с терроризмом" и "минимизация и (или) ликвидация проявлений терроризма" в борьбе с ядерным терроризмом / А. Н. Метельков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 25-37. – EDN PCHSBK.

друг с другом в противоречие, но и является эффективным средством противодействия преступности, позволяющей комплексно воздействовать на лиц, совершивших преступные деяния, как посредством устрашения (наказания), так и посредством восстановления нарушенных правоотношений. Учитывая, что оба вида конфискации обладают различным механизмом уголовно-правового воздействия, комплексное применение данных мер представляет необходимое условие системности уголовно-правового воздействия.

Применение термина «конфискация» к вновь вводимой мере наказания, наряду с конфискацией, которая на сегодня предусмотрена в ст. 104.1 УК РФ, не должно вызывать недоумения, ибо в законе и на сегодня уже существует несколько видов конфискации: имущества, полученного в результате совершения преступлений; доходы от этого имущества; средств совершения преступлений; денежных средств взамен предмета, подлежащего конфискации; имущества, используемого для финансирования терроризма, организованной группы и т.д. Конкретный вид применяемой конфискации будет определяться в приговоре.

Сочетание различных оснований изъятия имущества указывает на межотраслевой характер конфискации имущества. Как отмечается в юридической литературе, институт конфискации - комплексное межотраслевое образование, включающее в себя нормы гражданского, административного, уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права¹. Это диктует необходимость выделения норм о конфискации в самостоятельный раздел УК РФ.

В официальном отзыве Правительства РФ от 18.01.2018 № 272п-П4 «На проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указывалось, что: «Законопроект предусматривает внесение изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, касающихся возвращения института конфискации имущества в качестве одного из дополнительных видов наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, при одновременном сохранении его как меры уголовно-правового характера».

Отметим, что Правительством Российской Федерации ранее рассматривались и не были поддержаны проекты федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», имеющие с законопроектом схожий предмет правового регулирования (официальные отзывы от 9 июля 2015 г. № 4456п-П4, от 21 января 2016 г. № 272п-П4 соответственно).

Замечания, высказанные Правительством Российской Федерации в названных официальных отзывах, сохраняют свою актуальность и по отношению к законопроекту.

Так, при подготовке законопроекта не учтено, что предусмотренный в настоящее время главой 15.1 УК РФ институт конфискации имущества в целом отвечает нормам международного права (в частности, статьям 1 и 2 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, статье 12 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, статье 19 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, допускающим применение конфискации имущества только в отношении орудий (в том числе оборудования) и средств совершения преступлений, а также доходов, полученных преступным путем, либо денежных средств или имущества, эквивалентных стоимости преступных доходов, которые изымаются взамен отсутствующих незаконно полученных виновным лицом денежных средств или иного имущества).

При этом названные международные правовые акты, ратифицированные Российской Федерацией, не содержат императивных требований, предусматривающих, что конфискация имущества должна быть видом уголовного наказания.

Кроме того, убедительных данных, свидетельствующих о проблемах в правоприменении положений главы 15.1 УК РФ, а также о необходимости возвращения института конфискации имущества как вида уголовного наказания пояснительная записка к законопроекту не содержит.

Принципиально важным является тот факт, что в соответствии с положениями главы 15.1 УК РФ конфискация предусматривает принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства не только имущества, в том числе денег, полученных в результате совершения преступлений, но и орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих виновному, а также денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (часть 1 статьи 104.1 УК РФ). Кроме того, в статье 104.2 УК РФ указано, что, если конфискация определенного предмета, входящего в состав изымаемого имущества, на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета.

Практика применения главы 15.1 УК РФ до настоящего времени широкого распространения не получила, полагаем, что эта проблема связана не только с недостаточным правовым регулированием оснований рассматриваемого института и вряд ли может быть решена исключительно путем восстановления конфискации как вида дополнительного наказания.

Конфискация по действующим правилам - это не наказание, а мера уголовно-правового характера. Разница принципиальная: сегодня конфисковать можно либо орудие преступления, либо то, что нажито нечестным путем, и это доказано. Принятый закон правил не меняет.

У осужденного за дискредитацию армии или призывы к каким-то действиям против государства не заберут дом, гараж, накопления. Но, допустим, телефон, с помощью которого осужденный распространял информацию, обязательно конфискуют.

¹ Висков Н.В. Специальная конфискация: правовая природа и законодательная регламентация // Адвокатская практика, 2008, N 4. С. 13; Карлов К.Н. Иные меры уголовно-правового характера: система, виды. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 151.

Акцентируем внимание, что конфискация имущества назначается только судом. Исполнение судебного решения о конфискации имущества осуществляется судебными приставами-исполнителями.

Федеральный закон № 11-ФЗ предусматривает возможность изъятия средств и имущества, используемых для финансирования диверсий. Точно такие же правила сегодня действуют в отношении тех, кто финансирует террористов и незаконные вооруженные формирования. По большому счету, ничего нового не вводится, но расширяется действие некоторых правовых механизмов.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» Суд сделал подробные разъяснения по поводу конфискации: «Деньги и ценности, предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества или организованной группы, подлежат конфискации независимо от их принадлежности. Проще говоря, необязательно должны принадлежать именно осужденному».

Однако есть принципиальный вопрос: правоохранительные органы должны доказать, что средства направлялись террористам.

Также необходимо будет предъявить доказательства, что новый владелец знал, например, что дом ранее использовался для ночлега террористов. В случае принятия предлагаемого закона такие подходы будут применяться и к тем, кто осужден за финансирование диверсий и другой деятельности, направленной против государства.

Реализованная инициатива позволит отбирать имущество и ценности, не только предназначенные для совершения преступных действий, но и полученные в результате их совершения. Это имущество и ценности, приобретенные на заработанные преступным способом средства. Такая мера коснется «тех, кто предал Россию, ведет откровенно антироссийскую деятельность и прямо поддерживает врага».

Наряду с лишением имущества 395 депутатами (а это почти 90 % от общего количества) предложено отбирать у злоумышленников специальные, воинские и почетные звания, классные чины и государственные награды. Для этого внесены изменения в ст. 48 УК РФ. Ранее такое наказание предусматривалось за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

Теперь же привилегий лишат за фейки о Вооруженных Силах Российской Федерации, публичные призывы к экстремизму и к отделению от России территорий, а также за дискредитацию российской армии и призывы к санкциям против страны, к деятельности против безопасности государства. Другая группа причин - возбуждение ненависти и вражды, пропаганда нацистской символики и реабилитация нацизма. Работа в нежелательной организации - тоже в списке.

Каждый, кто пытается разрушить Россию, должен понести наказание и возместить стране ущерб за счет своего имущества

Почему необходимо применять такие нормы? Так, спикер Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В. Володин выразил уверенность в том, что нужно жестче наказывать «Негодяев, которые льют грязь на нашу страну, солдат и офицеров, участвующих в СВО, поддерживают нацистов». «Каждый, кто предал Россию, пытается разрушить ее, должен понести заслуженное наказание и возместить нанесенный стране ущерб за счет своего имущества».

«У каждого из них был выбор, - отметил в свою очередь В. Пискарев, - поступить по совести, остаться со своей Родиной в трудную минуту, быть с народом, с нашей армией или трусливо сбежать. И не просто сбежать, а открыто выступить на стороне противника, финансировать тех, кто убивает наших солдат, офицеров, мирных граждан». Такие люди, подчеркнул глава комитета, сами лишили себя возможности вернуться в Россию.

Таким образом, принятое решение выработывалось исходя из запроса общества и понимания общих интересов безопасности.

Внесены изменения в статью 48 УК РФ. Предусмотрена возможность суда назначать дополнительное наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград за совершение ряда преступлений средней тяжести, направленных против безопасности и конституционного строя: фейки об использовании Вооруженных сил Российской Федерации, экстремизм, призывы к нарушению территориальной целостности, реабилитация нацизма и т.д.;

В статье 104.1 УК РФ «Конфискация имущества» расширен перечень преступлений, на которые распространяется данная мера уголовно-правового характера.

Внесены изменения в статью 280.4 УК РФ, благодаря которым к деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, отнесены все преступления диверсионной направленности (это связано с принятием закона о введении в УК РФ новых составов преступлений, таких как содействие диверсионной деятельности, организация и участие в деятельности диверсионного сообщества и т.д.).

Кроме того, статья 280.4 УК РФ дополнена двумя новыми квалифицирующими признаками: из корыстных побуждений или по найму, а также по мотивам политической, национальной, религиозной ненависти или вражды.

Библиография:

1. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.
2. Метельков, А. Н. О соотношении понятий "борьба с терроризмом" и "минимизация и (или) ликвидация проявлений терроризма" в борьбе с ядерным терроризмом / А. Н. Метельков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 25-37. – EDN PCHSBK.
3. Висков Н.В. Специальная конфискация: правовая природа и законодательная регламентация // Адвокатская практика, 2008, N 4. С. 13.
4. Карпов К.Н. Иные меры уголовно-правового характера: система, виды. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 151.

References:

1. Iroshnikov, D. V. Security as a category of international public law: a theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAYMY.
2. Metelkov, A. N. On the relationship between the concepts of "combating terrorism" and "minimizing and (or) eliminating manifestations of terrorism" in the fight against nuclear terrorism / A. N. Metelkov // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 4(53). – Pp. 25-37. – EDN PCHSBK.
3. Viskov N.V. Special confiscation: the legal nature and legislative regulation // Law practice, 2008, N 4. P. 13.
4. Karpov K.N. Other measures of a criminal legal nature: system, types. M.: Yurilitinform, 2012. P. 151.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_398

ПРОФЕССОР В.М. АТМАЖИТОВ – ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ-ОРДЭШНИК Professor V.M. Atmazhitov is a great teacher of the order

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. Зою и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

Ivanov Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Zoia and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье речь идет о профессоре В.М. Аتماжитове – человеке весьма одаренном (талантливым), с широким кругозором [3]. Объем его научных интересов и знаний служит примером для специалистов теории ОРД многих поколений. Именно он научил азам оперативно-розыскной науки не один десяток научных работников. Они в своих воспоминаниях о нем говорят, что профессор В.М. Аتماжитов есть настоящий великий учитель-ордэшник [4].

Автор настоящей статьи не ставит перед собой цель полностью охватить в ее рамках многогранную деятельность выдающегося ученого – юриста В.М. Аتماжитова [2], поскольку она заслуживает отдельного рассмотрения в последующих работах. Мы остановились лишь на его научной деятельности, связанной, в частности, с подготовкой научно-квалификационных работ сотрудниками Академии управления МВД России. Разумеется, эта небольшая частица из его жизни.

Abstract. This article is about Professor V.M. Atmazhitov, a very gifted (talented) man with a broad outlook. The scope of his scientific interests and knowledge serves as an example for specialists in the theory of HORDES for many generations. It was he who taught the basics of operational investigative science to more than a dozen researchers. They say in their memoirs about him that Professor V.M. Atmazhitov is a real great teacher—an orderly.

The author of this article does not set out to fully cover the multifaceted activities of the outstanding legal scientist V.M. Atmazhitov within its framework, since it deserves separate consideration in subsequent works. We have focused only on his scientific activities related, in particular, to the preparation of scientific and qualification works by the staff of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Of course, this is a small part of his life.

Ключевые слова: основоположник, теория оперативно-розыскной деятельности, Академия управления МВД России, ее золотой фонд, профессор.

Keywords: founder, theory of operational investigative activity, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, its golden fund, professor.

Для цитирования: Иванов П.И. Профессор В.М. Аتماжитов - великий учитель-ордэшник // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 398-399. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_398.

For citation: Ivanov P.I. -Professor V.M. Atmazhitov is a great teacher of the order // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 398-399. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_398.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2024

29 января 2021 г. скоропостижно скончался Валерий Михайлович Аتماжитов – кандидат юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, почетный сотрудник Министерства внутренних дел Российской Федерации, полковник милиции в отставке.

Он родился 5 августа 1948 года в г. Верхний Уфалей Челябинской области. В 1972 г. окончил Свердловский юридический институт, в 1978 г. Академию МВД СССР.

Профессор В.М. Аتماжитов прошел большой трудовой путь. Его служебная деятельность началась в 1978 г. после окончания Академии МВД СССР. Его служебная деятельность началась в 1978 г. после окончания Академии МВД СССР в должности преподавателя. В 1985 г. он назначается начальником кафедры ОРД ОВД специального факультета Академии МВД СССР, в 1992 г. - начальником кафедры ОРД факультета №4 Академии управления МВД России, в 1993 г. - начальником Учебно-научного комплекса ОРД ОВД Московского института МВД России. Только в Академии управления МВД России профессор В.М. Аتماжитов бесценно проработал начальником кафедры свыше 14 лет. Отличительными чертами его характера были педантичность, порядочность, человечность.

Профессор В.М. Аتماжитов представлял собою «золотой фонд» Академии управления МВД России, являясь ведущим специалистом теории оперативно-розыскной деятельности [1]. Сферу его научных интересов составляли методологические и иные проблемы общей теории оперативно-розыскной деятельности, ее правового регулирования, вопросы организации и тактики розыскной работы, а также борьбу с преступлениями, осуществляемой оперативными подразделениями ОВД. Весомый вклад внесен им при выдвижении, обосновании и наличии развернутой характеристики самостоятельного направления в теории оперативно-розыскной деятельности – ее организации. Такое направление научного исследования позволи-

ло глубже изучить сущность и содержание оперативно-розыскной деятельности, показать источники, процессы и закономерности ее развития, особенности отражения в ней регулируемых общественных отношений, раскрыть специфику правоприменительной практики, основанной на законе.

Профессор В.М. Аتماжитов лично и в соавторстве опубликовал более 300 научных и научно-методических работ. В их числе учебники последних лет его жизни, подготовленные под его редакцией: «Организация ОРД (по линии уголовного розыска)» (М., 2014); «Организация ОРД органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями» (М., 2015); «Организация ОРД органов внутренних дел (по отдельным направлениям)» (М., 2015). Некоторые работы получили известность не только в России, но и за рубежом. Среди них монография «Управления силами и средствами ОВД и Внутренних войск в период ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» (М., 2001). Его хорошо знали в Ближнем, так и дальнем зарубежье (например, в Германии, во Франции и в Монголии).

Он создал свою научную школу. Под его научным руководством и при его консультировании подготовлено и защищено более 40 диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук. Среди последних его учеников, защитивших кандидатскую диссертацию – Н.В. Сафонов, Р.Р. Ханнанов, Д.И. Личко.

Научная и педагогическая деятельность профессора В.М. Аتماжитова была тесно связана с законотворческой и правоприменительной практикой. Так, совместно с профессором В. Г. Бобровым он подготовил альтернативный вариант законопроекта «Об оперативно-розыскной деятельности, участвовал в составе рабочей группы по внесению изменений и дополнений в действующий ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», разработке проекта Концепции государственно-правовой политики в области борьбы с преступностью.

По разработанному им курсу «Организация оперативно-розыскной деятельности ОВД по борьбе с преступностью» лично готовил лекции и учебно-методические материалы для слушателей и адъюнктов. Сам же читал лекции. Он мог увязывать теоретические проблемы с конкретными примерами из практики оперативных подразделений системы МВД России. Его лекции носили проблемный характер, что особенно с большей заинтересованностью воспринималось слушательской аудиторией. Помимо этого он находил время для написания монографических работ. Последняя его работа-монография. «Применение психологических технологии в работе в негласными сотрудниками по линии уголовного розыска», подготовленная совместно с учеником Р.Р. Ханнановым, достойно заняла на конкурсе призовое место.

Магистерские диссертации слушателей, подготовленные под научным руководством профессора В.М. Аتماжитова, условно можно расценить как обычные кандидатские диссертации. Они отличались по глубине раскрытия заявленной темы, эмпирической базе, а по совокупности предложений и рекомендации, сформулированных по итогам анализа обширного материала, ничуть не уступали научно-квалификационным работам в виде кандидатских диссертаций.

При выборе темы и ее раскрытии профессор В.М. Аتماжитов всегда придерживался определенного алгоритма действий и настоятельно требовал от прикрепившихся к нему слушателей следовать ему. При этом первым шагом он считал работу с библиотечным фондом Академии управления МВД России, Московского университета МВД России имени Кикотя и Всероссийского научно-исследовательского института МВД России. Слушатель, по его мнению, должен твердо убедиться и уяснить для себя ответы на следующие вопросы: кто, когда, по какой близко выбранной теме и в какой форме затрагивал схожие вопросы. Сам он считал, что не бывает такого вопроса, который кто либо, хотя бы фрагментально, не рассматривал. Иначе говоря, уже на начальном этапе предстоящего исследования профессор В.М. Аتماжитов добивался, чтобы слушатель четко определился со степенью научной разработанности выбранной им темы. Тем самым, в конечном итоге выстраивалась целостная система, состоящая из прошлого, настоящего и будущего. Может быть, в этом и кроится секрет его мастерства и таланта.

Профессор В.М. Аتماжитов неоднократно награждался Министром внутренних дел Российской Федерации и начальником Академии управления МВД России за добросовестное выполнение им особо важных и сложных заданий, высокие показатели в организации и обеспечении подготовки высококвалифицированных руководящих и научно-педагогических кадров для органов внутренних дел, сочетающих в себе глубокие профессиональные знания с нравственными и моральными качествами, а также личную инициативу и примерность в исполнении служебного долга.

Среди государственных наград следует выделить почетное звание «Заслуженный юрист РФ» (2003 г.) и Орден Почета (2009 г.).

Его не стало, но его идеи, мечты и планы живут в наших сердцах и делах. Мы будем помнить профессора В.М. Аتماжитова как талантливый руководителя и организатора, педагога и ученого, наставника и современника.

Таким образом, профессор В.М. Аتماжитов был человеком из числа золотого фонда Академии управления МВД России.

Память об этом замечательном человеке навсегда останется с нами.

Библиография:

1. Видные ученые -юристы России (Вторая половина XX века). Энциклопедический словарь биографий / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.М. Сырых. М.: РАП, «2006. С.26.
2. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2(63). – С.26-33.
3. Иванов П.И. Профессор В.М. Аتماжитов – руководитель, ученый, педагог и наставник // Образование. Наука. Научные кадры. 2021, № 1. – С.240-241.
4. Иванов П.И. Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» 25 лет // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации. № 1. 2021. С. 157–168.

References:

1. Prominent legal scholars of Russia (The second half of the twentieth century). The Encyclopedic Dictionary of Biographies / ed. Jurid. Sciences, prof. V.M. Strykh. M.: RAP, "2006. p.26.
2. Ivanov P.I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. No. 2(63). – pp.26-33.
3. Ivanov P.I. Professor V.M. Atmazhitov – head, scientist, teacher and mentor // Education. Science. Scientific staff. 2021, No. 1. – pp.240-241.
4. Ivanov P.I. The Federal law "On operational investigative activities" is 25 years old // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. No. 1. 2021. pp. 157-168.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА) OFFENCES COMMITTED USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT IN THE LEGISLATION OF CERTAIN COUNTRIES OF THE NEAREST ABROAD (FORMER SOVIET UNION)

МАРКОВА Елена Алексеевна,

доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

ORCID: 0000-0002-7049-8380

E-mail: markovaespb@yandex.ru;

Markova Elena Alekseevna,

docent of the Department of Criminal Law

of the St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Adresov:

1, Pilot Pilyutov St., St. Petersburg, Russia, 198206.

ORCID: 0000-0002-7049-8380

E-mail: markovaespb@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье осуществлен анализ особенностей уголовного законодательства государств ближайшего зарубежья (постсоветского пространства СССР) в отношении уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием электронных средств платежа. Отмечено, что особенности в уголовном законодательстве проявляются в нетрадиционных подходах законодателей в отношении киберпреступности, в целом, и преступлений, совершенных с использованием электронных средств платежа, в частности, что проявляется в структуре нормативных правовых актов и норм права. В статье указано, что преимущественно уголовная ответственность в рассматриваемых странах предусматривается за хищение электронных денежных средств, совершенных в форме мошенничества (Туркменистан, Узбекистан и др.), а также аналогично российскому законодательству – за кражу (Армения, Казахстан и др.). Отмечено, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь мошенничество связано с признаками завладения чужим имуществом и приобретения права на чужое имущество.

Abstract: The article analyses the peculiarities of criminal legislation of the states of the nearest abroad (post-Soviet space of the USSR) with regard to criminal liability for crimes committed using electronic means of payment. It is noted that the peculiarities of criminal legislation are manifested in the non-customary approaches of legislators with regard to cybercrime, in general, and crimes committed using electronic means of payment, in particular, which is evident in the structure of normative legal acts and norms of law. The article indicates that criminal liability in the countries under consideration is mainly provided for the theft of electronic funds committed in the form of fraud (Turkmenistan, Uzbekistan, etc.), as well as, similarly to Russian legislation, for theft (Armenia, Kazakhstan, etc.). It is noted that in the Criminal Code of the Republic of Belarus, fraud is associated with signs of taking possession of someone else's property and acquiring the right to someone else's property.

Ключевые слова: ближайшее зарубежье, постсоветское пространство, преступление, киберпреступление, хищение, мошенничество, обман, электронные средства платежа, компьютерная техника, компьютерная информация, уголовная ответственность.

Keywords: near abroad, post-Soviet space, crime, cybercrime, theft, fraud, deception, electronic means of payment, computer equipment, computer information, criminal liability.

Для цитирования: Маркова Е.А. Регламентация ответственности за преступления, совершенные с использованием электронных средств платежа, в законодательстве отдельных стран ближнего зарубежья (постсоветского пространства) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 400-402. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_400.

For citation: Markova E.A. Offences committed using electronic means of payment in the legislation of certain countries of the nearest abroad (former Soviet Union) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 400-402. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_400.

Статья поступила в редакцию: 01.03.2024

Преступность в любых проявлениях в государствах ближнего зарубежья постсоветского пространства (ранее входивших в состав СССР) заключается в негативном противоправном поведении, в котором находят отражение «виновные нарушения уголовного запрета, при этом в проявление преступности включаются, как преступления, так и лица, совершившие преступления (преступники и объединенные преступные формирования)» [1, с.17]. В современном мире преступность в сфере схожих технологий (киберпреступность), дефинируемая в Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (Convention on Cybercrime CETS)¹ в качестве деяний, которые направлены против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и компьютерных данных, а также злоупотребления подобными системами, сетями и данными, носит массовый характер, внося коррективы в общественные отношения, правовые связи, принося материальный и моральный вред обществу, государству, личности, угрожая мирному существованию нации и мировому сообществу.

К детерминантам киберпреступности в государствах ближнего зарубежья постсоветского пространства относятся многие факторы (социальные, проявляющиеся в конфликтности и дисбалансе субъекта, экономические, политические, нравственные и иные патологии) [2, с.53].

В современном мире вопросы противодействия киберпреступности приобретают крайне острый характер, требующий особого внимания со стороны правоохранительных органов всех современных государств ближнего зарубежья постсоветского пространства [5, с.51]. В докладе о глобальных рисках Всемирного экономического форума 2023 г., отмечается, что на фоне быстрых технологических изменений, экономической неопределенности, конфликтов, в течение следующего десятилетия мы можем столкнуться с ростом кибератак, мошенничеств, иных хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа, цифровой валюты - признаны четвертым и пятым глобальными рисками, с которыми сталкивается каждое государство². Киберугрозы произвели революцию в представлении людей о безопасности в современном мире, в правилах и методах обеспечения национальной безопасности [6, с.106].

Наиболее распространенными преступлениями в киберпространстве стали хищения, совершаемые путем обмана, объемы которых

¹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения 10.03.2023).

² Отчет о глобальных рисках на 2024 год: переходные процессы в эпоху информации. [Электронный ресурс] URL: <https://www.weforum.org/videos/global-risk-report-2024-transitions-in-the-age-of-information/> (дата обращения 26.02.2024).

позволяют свидетельствовать об их отдельных видах: платежное мошенничество (хищения с использованием платежных карт); скимминг (преступления, связанные с использованием для мошенничества банкоматов); вредоносный платежный софт (хищения посредством разработки, использования вредоносных программ); социальный инжиниринг (незаконное получение информации в корыстных целях); фишинг (получение доступа к конфиденциальным данным путем рассылки электронных писем); мошенничество в электронной торговле (хищения, связанные с уязвимостью платежных систем интернет-магазинов, платформ для заказа авиабилетов, аренды автомобилей и пр.); мошенничество с предоплатой (обещание оказать услуги, доставить товар после осуществления предварительной оплаты) [7, с.117].

Анализ уголовного законодательства о криминализации хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа в государствах ближнего зарубежья, позволяет свидетельствовать о нетождественных подходах законодателя различных стран к таким уголовно-наказуемым деяниям, так и к киберпреступности, в целом, что проявляется в структуре нормативных правовых актов и норм права.

В соответствии с Уголовным кодексом Республики Казахстан¹ (Далее – УК РК), приближенно к позиции российского законодателя (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ²), в п.4 ч.2 ст.188 УК РК с 2018 г.³ предусмотрена уголовная ответственность за тайное хищение, совершенное в отношении чужого имущества путем незаконного доступа в информационную систему либо изменения компьютерной информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций.

Интересным представляется нормативный подход, выработанный в законодательной практике Республики Казахстан, в соответствии с которым уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа наступает по общей правовой норме о мошенничестве, однако с использованием специального квалифицирующего признака [8, с.121]. В п. 4 ч. 2 ст. 190 УК РК регламентирован такой признак мошенничества, как деяние, совершенное путем обмана или злоупотребление доверием пользователя информационной системы.

В Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан «О судебной практике по делам о мошенничестве» от 29 июня 2017 г. № 6 отмечено, что данное преступное посягательство состоит в умышленных действиях виновного, направленных на завладение имуществом или правом на имущество пользователя информационной системы, посредством использования информационных технологий, а также путем размещения в информационной системе заведомо недостоверных сведений или программ, с целью реализации преступного умысла направленного на обман пользователя посредством Qiwi-кошелька, интернет-банкинга и т.д. По общей норме о мошенничестве следует квалифицировать хищение чужих денежных средств, находящихся на счете в банке, осуществленное путем использования похищенной или поддельной платежной карты в ситуации, когда лицо путем обмана или злоупотребления доверием ввело в заблуждение уполномоченного сотрудника банка. Кроме того, хищение чужих денежных средств посредством банкомата, путем использования заранее похищенной или поддельной кредитной (расчетной) карты, ценных бумаг на предъявителя (облигация, вексель, акция и пр.) следует квалифицировать в качестве кражи⁴. Позиция Верховного Суда Республики Казахстан аналогична позиции Верховного Суда РФ, выраженной в Постановлении Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁵. Верховный Суд Республики Казахстан сформировал эту правовую позицию до вступления в силу Закона от 12 июля 2018 г.⁶, в соответствии с которым в УК РК «Кража» добавлен новый квалифицирующий признак состава (п. 4 ч. 2 ст. 190 УК РК) - тайное хищение, совершенное в отношении чужого имущества путем незаконного доступа в информационную систему, изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций.

Статья 257 Уголовного кодекса Республики Армении⁷ (Далее - УК РА) устанавливает ответственность за хищение чужого имущества, совершенное путем ввода, изменения, уничтожения, перекрытия (изолирования) компьютерных данных без разрешения, предусмотренного законом или договором, или по иному правомерному основанию, или путем воздействия на работу компьютера, компьютерной системы или компьютерной сети иным способом. Значительный размер причиненного преступлением ущерба УК РА предусмотрен и для других имущественных преступлений, таких как кража, мошенничество, присвоение, растрата [9, с.176].

В форме мошенничества хищение регламентировано в государствах Узбекистан (ст.169 УК Узбекистана⁸) и Туркменистан (ст. 253 УК Туркменистана⁹). Однако более четко такое деяние отнесено к хищениям в Уголовном кодексе Республики Беларусь¹⁰ (Далее – УК РБ). В примечании 1 к гл. 24 УК РБ при определении понятия хищения как одной из форм мошенничества, связанного с признаками завладения чужим имуществом и приобретения права на подобное имущество. Указанная норма не предусматривает уголовную ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа и в сфере компьютерной информации (аналогично российской регламентации в ст.ст.159³, 159⁶ УК РФ).

В определении хищения в белорусском уголовном законодательстве выделяются девять самостоятельных форм, одной из которых

¹Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252 (дата обращения 21.02.2024).

²Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

³Закон Республики Казахстан от 12 июля 2018 г. № 180-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов» [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252 (дата обращения 20.02.2024).

⁴Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2017 г. № 6 «О судебной практике по делам о мошенничестве» [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37192456#pos=0;0 (дата обращения 21.02.2024).

⁵Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации». 2018. № 2.

⁶Закон Республики Казахстан от 12 июля 2018 г. № 180-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов» [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252 (дата обращения 10.02.2024).

⁷Уголовный кодекс Республики Армения от 05.05.2021 г. [Электронный ресурс] URL: http://parliament.am/law_docs/8/27052021HO199_rus.pdf (дата обращения 26.02.2024).

⁸Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII[Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения 10.02.2024).

⁹Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-II[Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения 25.02.2024).

¹⁰Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (ред. от 23.11.2019). Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/document/> (дата обращения 20.02.2024).

признано хищение путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК РБ). В соответствии с указанной нормой, предусмотрена ответственность за хищение путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях, передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации; сопряженное с несанкционированным доступом к компьютерной информации. Специальный состав хищения, предусмотренный ст. 212 УК РБ, как и в ст. 159³ УК РФ, будет иметь место в преступных действиях, направленных на получение PIN-кодов пользователей банковских карт и электронных кошельков потерпевших. В данном случае злоумышленники считывают данные банковских карт клиентов, а также изготавливают их дубликаты, которые впоследствии продают по низкой цене в другие регионы, минимизируя тем самым риски обнаружить себя [10, с.76].

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь¹ указывает, что хищение возможно с использованием системы обработки информации посредством совершения компьютерных манипуляций, которые заключаются в обмане потерпевшего либо лица, которому вверены материальные блага либо под охраной которого они находились.

При анализе ст. 212 УК РБ необходимо также учитывать, что в компьютерной системе не хранятся денежные средства, имущество, иные вещи, на которые посягает преступник, в компьютерной системе хранится информация об этом имуществе либо его движении. В ситуации, когда виновный проникает в компьютерную систему с целью завладения денежными средствами либо иного имущества, лицо проникает в компьютерную систему путем манипуляций с программами, данными либо техническими средствами. Соответственно, для совершения данного преступления, лицо умышленно искажает либо вносит ложные сведения в компьютерную систему, манипулирует с программами, данными, аппаратной частью ЭВМ, обрабатывающими компьютерную информацию о передвижении имущества, и, в результате, добивается получения допуска на использование подобным имуществом [11, с. 177].

В.В. Хилюта отмечает, что обман как способ совершения мошенничества может быть средством, облегчающим совершение преступления с использованием компьютерной техники, в подобном случае состав, предусмотренный ст. 212 УК РБ, будет отсутствовать. [12].

Необходимо отметить: в ст.205 УК РБ «Кража» не предусмотрена норма, аналогичная российской и казахской регламентации кражи, совершенной с банковского счета и в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) и совершенной в отношении чужого имущества путем незаконного доступа в информационную систему, изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций (п. 4 ч. 2 ст. 190 УК РК).

Сравнительная характеристика российского и белорусского уголовного законодательства позволяет сделать вывод о том, что белорусский законодатель рассматривает хищение с помощью компьютерной техники в качестве самостоятельной формы хищения, о чем свидетельствует наличие отдельной ст. 212 в нормах УК РБ, а также п. 1 примечаний к гл. 24 УК РБ. Российский уголовный закон использование компьютерной техники рассматривает в качестве особого способа (средства) совершения преступления против собственности - данный критерий используется для выделения не отдельной формы хищения, а самостоятельной разновидности мошенничества [10, с. 80].

Таким образом, внимание к рассматриваемым деяниям справедливо: киберпреступление - совокупность опасных для общества преступлений, где в качестве основного непосредственного объекта посягательства признаны важные для государства, общества, отдельной личности общественные отношения в сфере компьютерной информации и информационных технологий, безопасного функционирования средств создания, хранения, обработки, передачи, защиты компьютерной информации [13, с. 163].

Библиография:

1. Долгова А. И. Преступность, ее виды и проблемы борьбы. М., 2011. 371 с.
2. Маевская Е. Н. Детерминанты преступности // Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 5. С. 51-55.
3. Алексеев С.Л., Салимзянова Р. Р. Криминология / А.Ю. Епихина. Казань: ЧОУ ВПО «Академия социального образования». М., 2015. 212 с.
4. Jahankhani H., Al-Nemrat A., Hosseinian-Far A. Cybercrime classification and characteristics // Cyber Crime and Cyber Terrorism Investigator's Handbook. Waltham, 2015. 393 p.
5. Перетолчин А.П. Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа по законодательству стран постсоветского пространства. Сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях» (06-07 июня 2019 г.). Иркутск: Издат-во Восточно - Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. 382 с.
6. Чернякова А. В. Международный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия хищениям, совершаемым с использованием компьютерной информации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. 4(46). С.168-179.
7. Гриб Д. В. Хищение имущества путем использования информационных технологий в уголовном кодексе Российской Федерации и Республики Беларусь: сравнительный аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С.76-81.
8. Хилюта В. В. Квалификация преступлений против собственности. Минск: Ивана Купала. 2013. 150 с.
9. Хилюта В.В. Отграничение состава преступления, предусмотренного ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь, от иных составов преступлений [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/online/>.
10. Кочкина Э. Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений //Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 7. С.162-168.

References:

1. Dolgova A. I. Crime, its types and problems of struggle. M., 2011. 371 p.
2. Mayevskaya E. N. Determinants of crime // International Journal of Experimental Education. 2019. No. 5. pp. 51-55.
3. Alekseev S.L., Salimzyanova R. R. Criminology / A.Y. Epikhina. Kazan: CHOU VPO "Academy of Social Education". M., 2015. 212 p.
4. Jahankhani H., Al-Nemrat A., Hosseinian-Far A. Cybercrime classification and characteristics // Cyber Crime and Cyber Terrorism Investigator's Handbook. Waltham, 2015. 393 p.
5. Peretolchin A.P. Criminal liability for fraud using electronic means of payment under the legislation of the post-Soviet countries. Collection of materials of the XXIV International scientific and practical conference "Law enforcement activities in modern conditions" (June 06-07, 2019). Irkutsk: Publishing House of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. 382 p.
6. Chernyakova A.V. International and foreign experience in criminal law countering theft committed using computer information // Legal science and law enforcement practice. 2018. 4(46). pp.168-179.
7. Grib D. V. Theft of property through the use of information technologies in the Criminal Code of the Russian Federation and the Republic of Belarus: a comparative aspect // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4. pp.76-81.
8. Khilyuta V. V. Qualification of crimes against property. Minsk: Ivan Kupala. 2013. 150 p.
9. Khilyuta V.V. Delineation of the corpus delicti provided for in Article 212 of the Criminal Code of the Republic of Belarus from other corpus delicti [Electronic resource] URL: <http://www.consultant.ru/online/>.
10. Kochkina E. L. Definition of the concept of "cybercrime". Certain types of cybercrimes //Siberian criminal Procedure and Criminalistic readings. 2017. No. 7. pp.162-168.

¹Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/document/> (дата обращения 10.02.2024).

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ COUNTERING EXTREMISM IN THE BORDER REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

КУРИЛОВА Елена Николаевна,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.
E-mail: alikut_91@mail.ru;
ORCID 0009-0006-8975-6083;

УШАКИНА Юлия Сергеевна,

преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.
E-mail: nikjulijas@mail.ru;

Kurilova Elena Nikolaevna,

Candidate of Law, Senior lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.
308024 Belgorod, Gorky str., 71.
E-mail: alikut_91@mail.ru;
ORCID 0009-0006-8975-6083;

Ushakina Yulia Sergeevna,

Lecturer at the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.
308024 Belgorod, Gorky str., 71.
E-mail: nikjulijas@mail.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются правовые, системные и организационные детерминанты, имеющие место в сфере преступлений экстремистской направленности, способствующие возникновению экстремистских проявлений в приграничных регионах Российской Федерации. Авторами сформулирован ряд практических рекомендаций, направленных на совершенствование мер противодействия преступлениям экстремистской направленности.

Abstract: The article analyzes the legal, systemic and organizational determinants that take place in the field of extremist crimes, contributing to the emergence of extremist manifestations in the border regions of the Russian Federation. The authors have formulated a number of practical recommendations aimed at improving measures to counter extremist crimes.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, противодействие экстремизму, правоохранительные органы, антитеррористическая защищенность, преступность.

Keywords: extremism, terrorism, counteraction to extremism, law enforcement agencies, anti-terrorist protection, crime.

Для цитирования: Курилова Е.Н., Ушакина Ю.С. Противодействие экстремизму в приграничных регионах Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 403-405. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_403.

For citation: Kurilova E.N., Ushakina Yu.S. Countering extremism in the border regions of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 403-405. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_403.

Статья поступила в редакцию: 26.02.2024

Анализ обстановки в сфере предупреждения и противодействия террористическим явлениям и идеологии экстремизма на приграничных территориях Российской Федерации, а именно в Белгородской, Брянской, Курской областях, а также в сопряженных с зоной проведения специальной военной операции регионах (Республика Крым, город Севастополь, Воронежская и Ростовская области), свидетельствует о сложной оперативной ситуации. Несмотря на предпринимаемые усилия федеральных и региональных органов правопорядка по оказанию противодействия экстремизму и терроризму, сохраняется устойчивая тенденция роста зарегистрированных преступлений экстремистской и террористической направленности [4].

Также растет количество лиц, вовлекаемых в совершение данных преступлений. Особую озабоченность вызывает вовлечение лиц, находящихся на территории Российской Федерации, в том числе несовершеннолетних, в совершение террористических и экстремистских преступлений по указаниям из-за рубежа, в результате чего возникают угрозы жизни и здоровью граждан, угрозы национальной безопасности и государственной целостности нашего государства. Негативное влияние зарубежных структур и запрещенных организаций сказывается в виде роста социальной напряженности в стране. Опасность подобных экстремистских действий заключается в возможной дестабилизации общественной и политической жизни как в отдельном субъекте, так и в стране в целом.

Так, начиная с 2022 года фиксируется активизация противоправных действий украинских и иных зарубежных спецслужб, направленных на обострение внутренних социально-политических и национальных противоречий в российском обществе. Для этого на территории Украины созданы и функционируют центры информационно-психологических операций, одной из задач которых является провокация массовых противоправных действий со стороны населения [1]. При этом ими активно используются не только возможности информационно-коммуникационных

сетей, но и знания в области психологии толпы и отдельных субъектов, а также имеющиеся в конкретном регионе социальные проблемы.

В целях противодействия выбранной тактике зарубежных спецслужб, российские органы правопорядка на протяжении последних двух лет в непрерывном режиме осуществляют пресечение попыток формирования террористических и экстремистских групп, которые способны осуществлять тяжкие преступления и вербовать лиц, находящихся на территории Российской Федерации, для совершения подрывов, поджогов, иных диверсий в отношении военнослужащих, представителей власти или на критически значимых объектах инфраструктуры.

По данным Национального антитеррористического комитета, только за январь-ноябрь 2023 года спецслужбами и правоохранительными органами было предотвращено 228 террористических преступлений, в том числе 146 терактов. За этот период также была выявлена и пресечена деятельность 180 организованных преступных групп в сфере незаконного оборота оружия, 73 законспирированных террористических ячеек, выявлены и заблокированы счета более чем 4 тысяч лиц, которые осуществляли финансирование терроризма и украинских вооруженных формирований [2].

В связи с ростом количества преступлений экстремистской направленности, ставящих под угрозу безопасность нашего государства, в 2023 году были приняты необходимые меры по ужесточению уголовной ответственности за совершение терактов и диверсий, за организацию диверсионного сообщества и участия в нём, за несоблюдение обязательных требований к антитеррористической защищённости объектов и за совершение других преступлений в данной сфере.

Особый всплеск экстремистской активности наблюдается на приграничных территориях. По данным статистики, представленной первым заместителем директора – руководителем Погранслужбы ФСБ России генералом армии В. Кулишовым, российские пограничники только в 2022 году выявили при попытке проникновения на территорию России свыше 1,5 тысяч лиц, связанных с деятельностью террористических и экстремистских организаций. В этой связи, на российско-украинском участке границы Погранслужбой ФСБ была активизирована работа по пресечению противоправных действий преступных групп, специализирующихся на организации каналов контрабанды оружия, боеприпасов, военного имущества и наркотиков [5].

В настоящее время ситуация на территории Украины явно демонстрирует активное распространение идеологии национальной исключительности, пропаганду фашистских идей и культа насилия. Это проявляется через средства массовой информации, публичные мероприятия, использование фашистской символики и высказывания украинских политиков, которые не только не противодействуют установленному режиму управления страной, осуществляющим грубые нарушения прав и свобод человека, но и поощряют террористические и экстремистские действия вооруженных групп как по отношению к населению Украины, так и по отношению к гражданам Российской Федерации, проживающим на приграничных территориях.

Несмотря на ведение специальной военной операции и присоединение новых территорий к России после проведенных в 2022 году референдумов, полностью искоренить преступную активность зарубежных спецслужб в приграничье пока не удастся. На это влияет протяженная линия боевого соприкосновения, проходящая вдоль приграничных территорий, а также активная диверсионная работа спецслужб в информационном поле. Это создает ситуацию, при которой события на территории соседнего государства непосредственно влияют на уровень преступности в приграничных регионах, а также в целом по стране как количественно, так и качественно.

Согласно статистическим данным за 2021-2022 годы, на приграничных территориях наблюдается рост экстремистской активности. В отдельных приграничных регионах показатели выявленных экстремистских преступлений значительно превосходят данные предыдущего года: Белгородская область (в 2021 – 11 фактов, в 2022 – 21), Брянская область (в 2021 – 17, в 2022 – 7), Воронежская область (в 2021 – 15, в 2022 – 19), Курская область (в 2021 – 18, в 2022 – 16), Ростовская область (в 2021 – 17, в 2022 – 42) [3].

Все это требует принятия незамедлительных мер реагирования от различных институтов государственной власти.

В этой связи органами внутренних дел в регионах, сопряженных с зоной проведения специальной военной операции, выработаны механизмы, направленные на противодействие экстремистским проявлениям с учетом особенностей регионов и текущей оперативной ситуации:

- осуществление регистрации всех беженцев и переселенцев, которые прибыли на территорию региона из Украины;
- осуществление надзора за переселенцами, работающими на предприятиях региона;
- выявление лиц, нарушающих паспортно-визовый режим, и лиц, работающих без необходимых разрешений;
- осуществление усиленного пограничного и таможенного контроля на границах региона, в том числе на внутренних границах региона, позволяющего выявлять ввоз и вывоз предметов, запрещенных в гражданском обороте, и иных предметов, материалов и веществ;
- осуществление межведомственного взаимодействия, направленного на выявление лиц, оказывающих содействие зарубежным спецслужбам, а также лиц, осуществляющих приготовление к совершению экстремистских действий;
- более активная работа по пресечению создания этнических групп, занимающихся противоправной деятельностью;
- более активная работа по противодействию экстремистским проявлениям с жителями региона (встречи с жителями, опросы о появлении в населенных пунктах подозрительных лиц, разъяснительные беседы), в том числе в информационно-коммуникационных сетях;
- более активная работа со средствами массовой информации, направленная на освещение проблем в области противодействия экстремизму и профилактику экстремистских действий в регионе.

Также, на наш взгляд, в настоящее время необходимо наладить более тесное взаимодействие Роскомнадзора, правоохранительных органов и общественных активистов, что поспособствует усилению защиты информационного пространства от пропаганды терроризма, экстремизма, неонацизма и иных радикальных идей. Благодаря данной работе станет возможным более оперативно выявлять и удалять из публичного

доступа материалы экстремистского содержания. Также эта работа будет способствовать поиску источников в социальных сетях, имитирующих официальные и связанные с официальными каналы распространения информации, задачей которых является сбор сведений о населении приграничных территорий и распространение среди них провокационной и запрещенной информации.

Также необходимо объединить усилия региональных властей и правоохранительных органов по созданию и продвижению качественного патриотического и антитеррористического контента, учитывающего особенности восприятия информации различными целевыми аудиториями.

Помимо безопасности в информационном пространстве, важным направлением является и повышение безопасности объектов критической инфраструктуры, промышленности, энергетики и транспорта на приграничных территориях и на территориях, находящихся в зоне потенциального поражения, расположенных в сотнях километров от границы. В этой связи правоохранительным органам следует разработать совместно с ответственными за объекты инфраструктуры дополнительные меры по повышению защищенности, а также процедуры оказания противодействия террористическим и экстремистским проявлениям, повысив бдительность сотрудников, а также активизировав кадровых специалистов по работе с персоналом.

Существенная нагрузка выпадает на руководителей образовательных организаций различного уровня. Во-первых, перед ними стоит задача соблюдения установленных требований по антитеррористической защищенности, а во-вторых – задача по оказанию противодействия деструктивным силам, направленным на вовлечение в экстремистскую деятельность подростков и молодежи. В этой связи особую роль играют подразделения по делам несовершеннолетних, которым необходимо активизировать свою профилактическую работу среди школьников.

Таким образом, в настоящее время экстремизм продолжает представлять серьезную угрозу для нашей страны, особенно на приграничных территориях. С началом специальной военной операции наблюдается увеличение количества экстремистских актов против государства и общества. Для решения существующих проблем, вызванных, в том числе, текущими особенностями в приграничных регионах, органами государственной власти, в том числе органами внутренних дел, реализуется комплекс антитеррористических и антиэкстремистских мер. Считаем необходимым активизировать совместные усилия региональных властей, правоохранительных органов, образовательных организаций по профилактике экстремистских проявлений среди несовершеннолетних и молодежи, в том числе в информационной сфере.

Библиография:

1. Бортников: Украина развернула беспрецедентную кампанию по «расшатыванию» ситуации в РФ – Текст : электронный // ИА ТАСС : сайт. – URL: <https://tass.ru/politika/19513719>. (дата обращения: 30.01.2024).
2. В России с начала года предотвратили 228 террористических преступлений – Текст: электронный // ИА ТАСС : сайт. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19513639>. (дата обращения: 30.01.2024).
3. Данные о преступлениях экстремистской направленности – Текст : электронный // Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации : сайт. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map. (дата обращения: 30.01.2024).
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года – Текст : электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <http://мвд.рф/reports/item/47055751>. (дата обращения: 30.01.2024).
5. Погранслужба ФСБ в 2022 году выявила 1,5 тыс. лиц, связанных с экстремизмом и терроризмом – Текст : электронный // ИА ТАСС : сайт. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17858835>. (дата обращения: 30.01.2024).

References:

1. Bortnikov: Ukraine has launched an unprecedented campaign to "shatter" the situation in the Russian Federation – Text: electronic // IA TASS: website. – URL: <https://tass.ru/politika/19513719>. (date of access: 01/30/2024).
2. Since the beginning of the year, 228 terrorist crimes have been prevented in Russia - Text: electronic // IA TASS: website. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19513639>. (date of access: 01/30/2024).
3. Data on extremist crimes - Text: electronic // Legal statistics portal of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation: website. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map. (date of access: 01/30/2024).
4. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2023 – Text: electronic // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website. – URL: <http://mvd.rf/reports/item/47055751>. (date of access: 01/30/2024).
5. The FSB Border Service identified 1.5 thousand persons associated with extremism and terrorism in 2022 – Text: electronic // IA TASS: website. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17858835>. (date of access: 01/30/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_406

УДК 343.9

**«СИТУАЦИИ, НЕ ТЕРПЯЩИЕ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА» КАК ОЦЕНОЧНОЕ ПОНЯТИЕ
В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**
"Situations that do not tolerate delay"
as an assessment concept in operational-search legislation

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности
в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1.

главный научный сотрудник центра исследования проблем

оперативно-розыскного противодействия общеуголовным преступлениям ФГКУ «ВНИИ МВД России».

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25.

E-mail: v.omelin@mail.ru;

OMELIN Viktor Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor,

Chief Researcher at the Center for the Study of Security Problems

in Institutions of the Penal correction System of the Federal State Budgetary Institution

of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Russia, Moscow, Narvskaya str., 15 a, building 1.

Chief Researcher of the Center for Problem Research

operational investigative counteraction to ordinary crimes

of the Federal State Budgetary Institution "Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia".

25 Povarskaya str., Moscow, 121069, Russia.

E-mail: v.omelin@mail.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», научной литературы анализируются условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, в случаях, не терпящих отлагательства. Формулируются предложения и рекомендации по внесению дополнений в законодательные и ведомственные нормативные правовые акты.

Abstract: an article based on the analysis of the Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ "On operational-search activities," scientific literature analyzes the conditions for conducting operational-search measures that limit the constitutional rights of a person and a citizen, in cases that do not tolerate delay. Proposals and recommendations for making additions to legislative and departmental regulatory legal acts are formulated.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, ограничение конституционных прав человека и гражданина, случаи, которые не терпят отлагательства.

Keywords: operational-search activity, operational-search activities, restriction of constitutional human and civil rights, cases that do not tolerate delay.

Для цитирования: Омелин В.Н. «Ситуации, не терпящие отлагательства» как оценочное понятие в оперативно-розыскном законодательстве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 406-408. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_406.

For citation: Omelin V.N. "Situations that do not tolerate delay" as an assessment concept in operational-search legislation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 406-408. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_406.

Статья поступила в редакцию: 29.02.2024

Проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) должно отвечать определенным условиям (правилам), соблюдение которых призвано обеспечить эффективное их осуществление по достижению целей и решению задач оперативно-розыскной деятельности. Данные условия установлены законодательными и подзаконными нормативными правовыми актами.

В настоящей статье остановимся лишь на условиях, установленных ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД).

В ситуациях, в которых возникает необходимость срочно провести ОРМ, ограничивающие конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, в отличие от обычно предписанного порядке (ч. 2 ст. 8 Закон об ОРД), законодатель использует такое оценочное понятие, как «случаи, которые не терпят отлагательства» (ч. 3 ст. 8).

Законодатель ставит следующие обязательные условия проведения указанных ОРМ в неотложном порядке:

возможное совершение тяжкого или особо тяжкого преступления;

наличие мотивированного постановления одного из руководителей оперативно-розыскного органа, в котором излагаются мотивы, требующие срочности и безотлагательности проведения соответствующего ОРМ;

обязательное уведомление суда (судьи) в течение 24 часов о проведении ОРМ;

обязанность оперативно-розыскного органа получить судебное решение о допустимости проведения такого ОРМ в течение 48 часов с момента начала;

обязанность оперативно-розыскного органа прекратить проведение ОРМ по истечении 48 часов с момента начала при отсутствии су-

дебного решения о допустимости его проведения.

Смысл подобного дозволения очевиден: он предполагает наличие оснований проведения таких ОРМ, но острую нехватку времени для оформления и получения судебного разрешения.

Следует отметить, что в Законе об ОРД нет четко перечисленных случаев, которые не терпят отлагательства, когда проведение ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав человека и гражданина, возможно без судебного решения. В работах некоторых авторов данный вопрос обойден молчанием [1]. Полагаем, что неопределенность указанного понятия вынуждает правоприменителя трактовать их содержание по своему личному усмотрению, вкладывать в его смысл, соответствующий собственным представлениям.

Так, в ряде жалоб в Конституционный Суд РФ приводились факты ошибочного толкования рассматриваемой нормы как позволяющей проводить ОРМ без судебного решения, если его продолжительность не превышает 48 часов. В решениях Конституционного Суда РФ по таким жалобам было указано, что проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, без предварительного судебного решения в случаях, которые не терпят отлагательства, предполагает, после обязательного уведомления об этом суда, разрешение вопроса об обоснованности ограничения прав граждан при их проведении в порядке, предусмотренном ст. 9 Закона об ОРД. Иное свидетельствовало бы об отступлении от требования, установленного ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, и делало бы бессмысленным уведомление суда о проведении ОРМ [2; 3].

Законность и обоснованность проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, в неотложном порядке предполагает наличие фактических оснований, а также обоснования наличия ситуации, не терпящей отлагательства, в постановлении руководителя оперативно-розыскного органа, так как именно это позволяет ограничить субъективизм в принятии решения о проведении указанных ОРМ.

В юридической литературе неоднократно предпринимались попытки раскрыть содержание случаев, не терпящих отлагательства, при проведении ОРМ в ситуациях, требующих безотлагательного реагирования.

Авторы учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности» к таким ситуациям относят те, когда отсутствует объективная возможность получить соответствующее судебное решение к началу организации и практического проведения ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав граждан. Такие ситуации возникают в случаях необходимости срочного проведения таких ОРМ непосредственно после получения соответствующей информации, во время, когда суд не работает (после окончания рабочего дня, в выходные и праздничные дни и т.п.). [4, с.263].

Иной подход в решении данного вопроса сделал Д.В. Ривман, который считал, что прежде чем принять решение о проведении рассматриваемых ОРМ, руководитель оперативно-розыскного органа должен оценить реальность угрозы наступления, характер и степень опасности возможных последствий преступления. Таковыми, по мнению указанного автора, могут быть не только необратимые (например, смерть, тяжкое невосполнимое повреждение здоровья, уничтожение уникального произведения искусства и т.п.), но и иные общественно опасные последствия (ожидаемое применение взрывчатых или отравляющих веществ, использование источников повышенной опасности, сбыт или контрабанда оружия или наркотических средств; разглашение секретных сведений и др.) [5, с. 135].

Похожим образом определение ситуаций, не терпящих отлагательства, дают и другие авторы, которые полагают, что такие ситуации возникают при поступлении информации о подготавливаемом либо замышляемом преступлении, требующей неотложного реагирования, когда неприменение либо несвоевременное применение ОРМ позволит подозреваемым совершить тяжкое или особо тяжкое преступление с необратимыми последствиями [6, с. 196].

Думается, что предложить исчерпывающее законодательное определение случаев, не терпящих отлагательства, при проведении рассматриваемых ОРМ вряд ли возможно. Оценка ситуации как исключительной, не терпящей отлагательства, должна даваться руководителем оперативно-розыскного органа, исходя из анализа конкретных обстоятельств и имеющей информации. В то же время полная свобода усмотрения в данном вопросе создает потенциальную возможность принятия необоснованных решений со стороны руководителей оперативно-розыскных органов. Другими словами такое решение должно содержать четкое обоснование его безотлагательности.

Как представляется, предпочтительным вариантом решения данной проблемы могло бы стать закрепление открытого перечня ситуаций, не терпящих отлагательства, в ведомственных нормативных правовых актах органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности. К числу подобных ситуаций могут быть отнесены случаи:

когда необходимо в неотложном порядке осуществить ОРМ, ограничивающие конституционные права человека и гражданина, по выявлению, пресечению тяжкого или особо тяжкого преступления закреплению его следов;

когда возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия искомых объектов (предметов или орудий преступления), которые могут быть признаны вещественными доказательствами по указанной категории преступлений;

если промедление с проведением указанных ОРМ позволит объектам оперативной заинтересованности, подозреваемым в подготовке тяжких или особо тяжких преступлений, скрыться;

если неотложность их проведения обусловлена обстановкой только что совершенного тяжкого или особо тяжкого преступления (например, террористического акта, захвата заложников и др.).

По поводу последнего обстоятельства следует отметить, что заслуживает внимания и поддержки позиция В.Г. Боброва, предлагающего предусмотреть в Законе об ОРД право органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, для раскрытия *уже совершенных преступлений* в порядке, установленном ч. 3 ст. 8 (т.е.

без предварительного получения санкции суда [7, С. 19].

В юридической литературе остаются дискуссионными следующие вопросы: правомерны ли уже проведенные ОРМ в неотложном порядке, если дальнейшее их осуществление судом санкционировано не будет? Возможно ли использование результатов таких ОРМ в процессе расследования по уголовному делу? Будут ли результаты ОРМ иметь доказательственное значение?

Обобщение научной литературы позволяет констатировать, что по данным вопросам не только не выработана единая позиция, но и имеющиеся научные взгляды порой диаметрально противоположны. Согласно первой позиции, поскольку проведение названных ОРМ основано на Законе, они носят правомерный характер. Поэтому их результаты в соответствии со ст. 11 Закона об ОРД могут быть использованы в доказывании по уголовному делу [7, С. 19].

Другие авторы придерживаются противоположной точки зрения. По их мнению, отказ судьи в выдаче разрешения на проведение уже начатого ОРМ в порядке ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД следует расценивать не только как запрет на его дальнейшее продолжение, но и как признание неправомерности его начала. Результаты, полученные при проведении начатого без достаточных оснований ОРМ, не могут быть использованы в доказывании по уголовным делам в порядке, предусмотренном ст. 11 Закона об ОРД [6, С. 200].

Последняя точка зрения по указанным вопросам представляется более убедительной. В этой связи следует отметить предписание ч. 3 ст. 37 Закона об ОРД Республики Беларусь, регламентирующей проведение ОРМ в случаях, не терпящих отлагательства [8]. Из содержания данной нормы следует, что сведения, полученные при проведении ОРМ, проведение которого без санкции прокурора или его заместителя признано ими необоснованным, не могут быть использованы для выполнения задач ОРД (данным законом установлено, что ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, проводятся с санкции прокурора или его заместителя (слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи, контроль почтовых отправлений и др.). Отсюда можно сделать вывод о том, что указанные сведения, полученные в ходе такого ОРМ, недопустимо использовать в уголовном судопроизводстве.

Полагаем, что введение аналогичной нормы в ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД отвечает нуждам оперативно-розыскной практики и служит обеспечению законности и соблюдению прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, в неотложном порядке.

Библиография:

1. Фирсов О.В. Правовые основы оперативно-розыскных мероприятий : учебное пособие / О.В. Фирсов. - 3-е изд., испр. и доп. - М. : Норма : ИНФРА-М, 2015.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 568-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Побединской Александры Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 N 1421-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шаловой Надежды Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, статьей 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяйнова, В.С. Овчинского. - 4-е изд., перераб. и доп. / М.: ИНФРА-М, 2018. С. 263.
5. Ривман Д.В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». - СПб: Питер, 2003. С. 135.
6. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. проф. А.Е.Чечетина. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России. 2022. С. 196.
7. Бобров В.Г. О законодательном регулировании некоторых условий проведения оперативно-розыскных мероприятий // Оперативник (сшык). № 4 (17). 2008. С. 19.
8. Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 (ред. от 06.01.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности» // [Электронный ресурс] - Режим доступа: online.zakon.kz (дата обращения 24.02.2024 г.).

References:

1. Firsov O.V. Legal foundations of operational-search measures: a textbook/O.V. Firsov. - 3rd ed., Revised and additional - M.: Norm: INFRA-M, 2015.
2. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 28, 2017 No. 568-O "On refusal to accept for consideration the complaint of Pobedin-skaya citizen Alexandra Yuryevna about violation of her constitutional rights by part three of Article 8 of the Federal Law" On Operational-Search Activities //SPS "ConsultantPlus."
3. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.06.2017 N 1421-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Shalova Nadezhda Mikhailovna about violation of her constitutional rights, paragraph 13 of part four of article 47, article 283 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and article 8 of the Federal Law" On operational-search activities //SPS "ConsultantPlus."
4. Theory of operational-search activity: textbook/ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky. - 4th ed., Rev. and additional/M.: INFRA-M, 2018. S. 263.
5. Rivman D.V. Commentary on the Federal Law "On Operational-Search Activities." - St. Petersburg: Peter, 2003. S. 135.
6. Federal Law "On Operational-Search Activities": Scientific and Practical Commentary/Ed. Prof. A.E.Cechetina. Barnaul: Barnaul Jurid. in the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. S. 196.
7. Bobrov V.G. On the legislative regulation of some conditions for conducting operational-search measures//Operative (detective). № 4 (17). 2008. С. 19.
8. Law of the Republic of Belarus dated July 15, 2015 No. 307-Z (amended from 06.01.2021) "On operational-search activities"//[Electronic resource] - Access mode: online.zakon.kz (date of appeal 24.02.2024).

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ Methodological aspects in modern crime investigation methodology

МЕРЕТУКОВ Гайса Мосович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики
Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина.
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.
E-mail: polina-zhukova-01@inbox.ru;

ЖУКОВА Полина Станиславовна,

студент магистратуры юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина.
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.
E-mail: polina-zhukova-01@inbox.ru;

Meretukov Gaisa Mosovich,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminology
of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.
Kalinina str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: polina-zhukova-01@inbox.ru;

ZHUKOVA Polina Stanislavovna,

a graduate student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.
Kalinin str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: polina-zhukova-01@inbox.ru

Краткая аннотация: криминалистическая методика является одним из наиболее дискуссионных разделов криминалистики. Основным предметом споров является классификация криминалистических методик, определение их элементов. Глобальной с практической точки зрения проблемой криминалистической методологии является отсутствие повсеместного внедрения в нее достижений науки и техники. Это в значительной мере уменьшает перспективы успешного и эффективного расследования преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации. Стоит также отметить, что информационные технологии могут внедряться и в уже существующие криминалистические методики. Так, например, ряд следственных действий может производиться более эффективно с их применением. Кроме этого, нами была отмечена проблема отсутствия нормативной регламентации внедрения частных криминалистических методик в деятельность правоохранительных органов, решением которой возможно представить закрепление во внутриведомственных приказах элементов криминалистической методологии, алгоритма расследования отдельных категорий преступлений.

Abstract: forensic methodology is one of the most controversial sections of criminology. The main subject of dispute is the classification of forensic techniques, the definition of their elements. From a practical point of view, the global problem of forensic methodology is the lack of widespread introduction of scientific and technological achievements into it. This significantly reduces the prospects for a successful and effective investigation of crimes committed in the field of computer information. It is also worth noting that information technologies can be introduced into existing forensic techniques. For example, a number of investigative actions can be carried out more effectively with their application. In addition, we noted the problem of the lack of regulatory regulation of the introduction of private forensic techniques into the activities of law enforcement agencies, the solution of which is possible to introduce the consolidation of elements of forensic techniques and an algorithm for investigating certain categories of crimes in departmental orders.

Ключевые слова: методика расследования, преступление, криминалистика, следователь, информационные технологии, следственное действие.

Keywords: investigation methodology, crime, criminalistics, investigator, information technology, investigative action.

Для цитирования: Меретуков Г.М., Жукова П.С. Методические аспекты в современной методике расследования преступлений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 409-411. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_409.

For citation: Meretukov G.M., Zhukova P.S. Methodological aspects in modern crime investigation methodology // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 409-411. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_409.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2024

Общество с каждым становится более развитым. Все сферы общественной жизни подвергаются значительным изменениям. Так, повсеместно внедряются новые информационные технологии, жизнь людей в какой-то мере упрощается: многие рутинные процессы, которые ранее занимали значительный объем времени, в настоящее время становятся легким и быстрым действием.

К сожалению, современные достижения науки и техники внедряются в общественную жизнь не только с целью ее облегчения и оптимизации. Развитие информационных технологий, технических средств стало привлекать преступников, которые посредством их использования «усовершенствуют» ранее привычные им способы совершения ряда преступлений.

В настоящее время прослеживается проблема, связанная с тем, что преступники под влиянием современным достижений науки и техники развивают свои способы совершения преступлений, разрабатывают новые преступные схемы быстрее, чем данные новшества начинают использоваться в науке криминалистике. Иначе говоря, преступники опережают развитие криминалистической науки. На первый взгляд, это покажется логичным, поскольку криминалистика, как наука, в большей мере имеет своей целью расследование уже совершенных преступлений, изобличение виновных. Вопросами причин преступности, разработки мер ее предупреждения занимается наука криминология. Тем не менее уместно отметить, что данные смежные науки связаны и только при их взаимодействии будут обеспечены надежные средства борьбы с преступностью.

Тем не менее, проблемы современной методологии расследования преступлений имеют место быть и связаны они по большей мере именно с непрекращающимся развитием всех сфер общественной жизни. Чтобы данные проблемы разрешились, необходимо чтобы все дости-

жения науки и техники, которые повсеместно используются современными преступниками, стали объектом изучения криминалистической методики расследования преступлений. Должны разрабатываться научно-практические рекомендации по раскрытию и расследованию преступлений, которые бы соответствовали современному уровню развития науки и техники.

Интересно отметить, что дискуссии касательно классификации и содержания криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений имели место быть с начала становления криминалистики как науки.

Так, в настоящее время имеет место быть разнообразие оснований для выделения групп преступлений, по которым учеными криминалистами разрабатываются рекомендации по раскрытию. В советской криминалистике подход к разработке классификации был практичен: криминалистические методики дифференцировались по уголовно-правовому основанию [1].

В настоящее время существует значительное количество методик расследования преступлений, которые дифференцируются не только по уголовно-правовому основанию. Так, например, Ю.П. Гармаев выделяет видовые, особенные и комплексные методики [2]. Безгинова Л.А., в свою очередь, предлагает выделить все имеющиеся методики в три группы: общие, базовые, укрупненные [3].

Многими авторами поддерживается предложение о необходимости укрупнения методических рекомендаций. Укрупнение должно происходить за счет объединения однотипных методик [4].

Некоторыми авторами ранее предлагалось разработать общую методику расследования, которая была бы применима к расследованию любого преступления. Иначе говоря, учеными были предприняты попытки создать унифицированный алгоритм расследования, однако успехом они не увенчались [5].

Наличие типовой единой методики расследования исключается в связи с тем, что преступные деяния априори обладают специфическими признаками, которые не поддаются унификации в части разработки методики их расследования.

Тем не менее попытки систематизировать имеющуюся разрозненность криминалистических методик в настоящее время все же принимаются учеными-криминалистами. Некоторые полагают, что отсутствие единой позиции в науке о месте криминалистических рекомендаций, их разрозненность во многом останавливает процесс корректировки уже существующих разработанных методик расследования [6].

Известными учеными нередко озвучивается резкая критика проблем криминалистической методики. Так, Р.С. Белкин полагает, что существующие криминалистические характеристики, как элемент методики, неполные, узкие. Это связано с тем, что ни в одной из них нет списка обстоятельств, подлежащих доказыванию [7]. Также автор высказывался и о том, что имеет место быть «искусственность криминалистических характеристик», обобщение ряда категорий, которые относятся к разным наукам и дисциплинам.

На наш взгляд, главной тенденцией в развитии современной методики расследования преступлений должно стать интеграция достижений науки и техники в структуру криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений, разработку новых методик расследования отдельных видов преступлений, которые как формы общественно опасного деяния были криминализованы относительно недавно.

В настоящее время очевидна проблема, связанная с отсутствием криминалистических методик расследования сложных, непопулярных преступлений. Данные преступления зачастую своим объектом имеют сферу компьютерной информации, сферу конституционного строя и безопасности государства. Кроме того, для некоторых недавно введенных составов преступлений отсутствуют также и разъяснения высших судебных инстанций, в связи с чем возникает проблема не только в расследовании подобного рода преступлений, но и их квалификации, поскольку уголовное право с введением новых составов стало содержать в себе немало правовых коллизий.

Мы особенно хотим акцентировать внимание на необходимости развивать криминалистику в соответствии с современным уровнем развития общества. Безусловно, имеющиеся криминалистические методики являются «классикой» понимания азоров расследования отдельных категорий преступлений. Но преступления с каждым годом совершаются более усложненно. Криминалистика должна разрабатывать рекомендации, которые действительно будут полезны следователям в расследовании современных преступлений.

Ряд ученых в последние года выбирают темами своих диссертационных исследований именно интеграцию высоких технологий в процесс расследования. Так, например, О.Г. Костюченко предложил использовать при осмотре места происшествия беспилотные летательные аппараты [8]. Данную методическую рекомендацию автор считает особо актуальной при расследовании экологических преступлений.

Стоит отметить, что особое внимание должно быть уделено разработке криминалистической методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации. На сегодняшний день, крайне мало основополагающих научных трудов в сфере расследования преступлений данной категории. Тем не менее, с каждым днем количество совершенных преступлений в сфере компьютерной информации возрастает. Способы совершения таких преступлений должны быть «оговорены» криминалистикой, предложены алгоритмы расследования подобных преступлений, классифицированы возможные следственные ситуации.

Также стоит отметить, что одной из практических и существенных проблем современной криминалистической методики является отсутствие нормативной регламентации внедрения частных криминалистических методик в деятельность правоохранительных органов. На наш взгляд, при расследовании отдельных категорий преступления элементы криминалистической методики, алгоритм, должен найти свое отражение во внутриведомственных приказах.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что криминалистическая методика является одним из наиболее дискуссионных разделов криминалистики. Основным предметом споров является классификация криминалистических методик, определение их элементов. Глобальной с практической точки зрения проблемой криминалистической методики является отсутствие повсеместного внедрения в нее достижений науки и техники. Это в значительной мере уменьшает перспективы успешного и эффективного расследования преступлений, совершаемых в

сфере компьютерной информации. Стоит также отметить, что информационные технологии могут внедряться и в уже существующие криминалистические методики. Так, например, ряд следственных действий может производиться более эффективно с их применением. Кроме этого, нами была отмечена проблема отсутствия нормативной регламентации внедрения частных криминалистических методик в деятельность правоохранительных органов, решением которой возможно представить закрепление во внутриведомственных приказах элементов криминалистической методики, алгоритма расследования отдельных категорий преступлений.

Библиография:

1. Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / С.-Петерб. ун-т МВД РФ. Санкт-Петербург, 2005
2. Гармаев Ю.П. Криминалистические методики расследования и судебного разбирательства: состояние концепции и перспективы развития // В сборнике: Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика. материалы V Международной научно-практической конференции. 2017. С. 35-39.
3. Безгинова Л.А. Перспектива развития криминалистической методики расследования преступлений // В сборнике: Право молодых. Сборник трудов ежегодной Международной молодежной научной конференции. Под редакцией А.А. Бирюкова. Ставрополь, 2022. С. 158-161.
4. Федоров Г.В. Криминалистическая методика: перспективы развития // В сборнике: Проблемы формирования правовой культуры молодежи на современном этапе. Материалы Международной научно-практической конференции. Редакция: А.А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. Витебск, 2009. С. 264-266.
5. Гавло В.К. Проблемы предмета криминалистики в свете состояния и перспективы развития криминалистической методики расследования преступлений как ее части // В сборнике: ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ. Гавло В.К. Барнаул, 2011. С. 526-531.
6. Бабаева И.Э. Перспективы развития криминалистической методики расследования преступлений // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 172-175.
7. Белкин Р.С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. - Тула, 2000.
8. Костюченко, О. Г. Высокотехнологичная тактическая операция «Осмотр места происшествия»: Дис. ... канд. юрид. наук / О. Г. Костюченко; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. - Москва. 2023. - 245 с.

References:

1. Kosarev S.Y. Criminalistic methods of crime investigation: genesis, current state, prospects of development // abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. St. Petersburg, 2005
2. Garmaev Yu.P. Criminalistic methods of investigation and judicial proceedings: the state of the concept and development prospects // In the collection: Criminal proceedings: procedural theory and forensic practice. materials of the V International Scientific and Practical Conference. 2017. pp. 35-39.
3. Bezginova L.A. The perspective of the development of criminalistic methods of crime investigation // In the collection: The right of the young. Proceedings of the annual International Youth Scientific Conference. Edited by A.A. Biryukov. Stavropol, 2022. pp. 158-161.
4. Fedorov G.V. Criminalistic methodology: prospects for development // In the collection: Problems of formation of legal culture of youth at the present stage. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Editorial board: A.A. Bochkov (ed.) [and others], Vitebsk, 2009. pp. 264-266.
5. Gavlo V.K. Problems of the subject of criminology in the light of the state and prospects of development of criminalistic methods of crime investigation as part of it // In the collection: SELECTED WORKS. Gavlo V.K. Barnaul, 2011. pp. 526-531.
6. Babaeva I.E. Prospects for the development of criminalistic methods of crime investigation // Young Scientist. 2020. No. 48 (338). pp. 172-175.
7. Belkin R.S. The concept that has become a "forensic relic" // Russian legislation and legal sciences in modern conditions: status, problems, prospects. - Tula, 2000.
8. Kostyuchenko, O. G. High-tech tactical operation "Inspection of the scene": Dis. ... cand. Jurid. Sciences / O. G. Kostyuchenko; Lomonosov Moscow State University. - Moscow. 2023. - 245 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_412

УДК 343

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ABOUT MODERN TECHNICAL AND FORENSIC TOOLS AND THE POSSIBILITIES OF THEIR USE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

ХАМЕТОВА Альфия Рашидовна,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат экономических наук, Оренбургский государственный университет.
460018, Россия, Оренбургская обл., г. Оренбург, пр. Победы, 13.
E-mail: raschidova@rambler.ru;

Khametova Alfiya Rashidovna,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Candidate of Economics, Orenburg State University.
13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg Region, 460018, Russia.
E-mail: raschidova@rambler.ru

Краткая аннотация. Криминалистические средства играют важную роль в деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, поскольку их применение позволяет обнаруживать и изымать невидимые и слабо-видимые следы, осуществлять поиск и исследование различных объектов, получать криминалистически значимую информацию. Новейшие разработки облегчают отыскание скрытых объектов (тайников, трупов и их частей и др.) обеспечивают высокую степень документальности фиксации обстановки при проведении следственных действий, способствуя тем самым повышению производительности труда следователя, специалиста.

Abstract. Forensic tools play an important role in the activities of law enforcement agencies for the disclosure, investigation and prevention of crimes, since their use makes it possible to detect and seize invisible and barely visible traces, search and study various objects, and obtain criminally significant information. The latest developments facilitate the search for hidden objects (caches, corpses and their parts, etc.) provide a high degree of documentation of the situation during investigative actions, thereby contributing to an increase in the productivity of the investigator, specialist.

Ключевые слова: криминалистика, уголовный процесс, криминалистическая техника, технико-криминалистические средства, поисковые средства, расследование преступлений.

Keywords: criminology, criminal procedure, forensic technology, technical and forensic tools, search tools, crime investigation.

Для цитирования: Хаметова А.Р. О современных технико-криминалистических средствах и возможностях их применения при расследовании преступлений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 412-416. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_412.

For citation: Khametova A.R. About modern technical and forensic tools and the possibilities of their use in the investigation of crimes // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 412-416. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_412.

Статья поступила в редакцию: 13.03.2024

Эффективность деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению различных преступлений, прежде всего, связана с использованием технико-криминалистических средств, которые в последнее время регулярно обновляются, совершенствуются с учетом современных возможностей и интеграции новых технологий и процессов. О необходимости применения современных возможностей науки и техники неоднократно поднимался вопрос на совещаниях и расширенных заседаниях различных силовых ведомств.

Как известно, все преступления включают в себя комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных действий субъектов преступной деятельности. При этом, в своей криминальной деятельности для достижения преступного результата они активно используют новые технологичные средства, придумывают изощренные способы совершения и сокрытия преступлений. В связи с этим, в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, также должны использоваться криминалистические средств, приемов и методик, отвечающих последнему уровню техники. Однако, как свидетельствует анализ следственной практики, выбор технических средств, их квалифицированное применение, особенно новых, которые позволяют повысить результативность проведения следственных действий в отдельных случаях представляет определенную сложность, вызванную в том числе недостаточным знанием об их возможностях. В связи с этим считаем необходимым проанализировать возможности отдельных технико-криминалистических средств, особенно поискового характера, эффективно применяемых на практике [10].

Как уже отмечалось, на сегодняшний день, органы следствия располагают уникальной техникой, которую сыщики прошлых лет не могли себе даже представить. Данное оборудование помогает раскрывать преступления не только по «горячим следам», но и тогда, когда время, казалось бы, «стерло все улики». Проиллюстрируем сказанное следующим примером. При обнаружении расчлененных останков тела женщины была выдвинута версия о том, что труп убитой перевозили в багажнике автомашины. В хоре расследования установлено что данный автомобиль неоднократно перепродавался, был утоплен в реке, а после снова эксплуатировался. При осмотре автомобиля, на котором предположительно перевозился труп, специалисты-криминалисты использовали инновационный источник криминалистического света, без помощи которого невозможно было обнаружить следы крови, погибшей на матерчатой обшивке багажника. Использование специального светового прибора способствовало раскрытию противоправного деяния несмотря на то, что изначально преступление рассматривалось как маловероятное для раскрытия, поскольку практически все доказательства были уничтожены в процессе эксплуатации транспортного средства, включая воздействие на него воды.

Помимо георадаров при обследовании различных объектов в полевых условиях положительно зарекомендовали себя на практике детекторы паров взрывчатых веществ, которые целесообразно применять в ходе осмотра места происшествия, обыска с целью обнаружения зарядов взрывчатых веществ в негерметичных объемах и следов взрывчатых веществ на поверхности обследуемых объектов [9].

Одной из вещей, которая определяется перед самими серологическими и молекулярно-генетическими методами, является определение того, действительно ли наблюдаемый образец является кровью или кровь содержится в пятне. Индивидуальные тесты были разделены по значимости на индикативные (неспецифические) и специфические. Ориентационные тесты, как следует из названия, предназначены для быстрого и легкого определения того, действительно ли это кровь. В большинстве случаев такой осмотр производится следователем непосредственно на месте преступления. Наиболее частые ошибки при идентификации возникают при прилипанию ржавчины к ткани, шоколаду или краске. А) Ориентационные пробы. Самым известным средством для быстрого обнаружения крови является двуокись водорода (под тривиальным названием перекиси водорода - H_2O_2). Здесь происходит взрывная реакция, где кровь служит катализатором, а диоксид водорода расщепляется на воду и кислород. Таким образом, это типичный «шум» образца. Недостатком является повреждение ДНК в образце. Кроме того, например, используется люминол ($C_8H_7N_3O_2$), который реагирует с железом, содержащимся в гемоглобине, и излучает синий люминесцентный свет с длиной волны 430 нм. Так называемый тест Кастле-Майера нашел широкое применение в области биологической криминалистики. Это не что иное, как реакция фенолфталеина [3,3-бис(4-гидроксифенил)изобензофуран-1(3H)-он] с кровью и взаимодействие перекиси водорода с образованием окраски от темно-розовой до фиолетовой. Происходит реакция между гемоглобином и перекисью водорода, в ходе которой расходуется электроны. В этой реакции фенолфталеин выступает в роли донора электронов, происходит восстановление, при этом происходит изменение его классической формы на фенолфталеин и изменение его окружения на щелочное.

Анализ крови не является криминалистической наукой как таковой, а лишь судебно-медицинским методом, основанным на знаниях, полученных в результате исследования крови и ее поведения при воздействии на различные материалы, т.е. знаниях о ее гидродинамике. Это метод, который по найденным на месте преступления следам крови может способствовать выявлению, например, положения и перемещения потерпевшего и виновного во время нападения, механизма нанесения конкретного следа, площади происхождения приступа (например, место первого удара), а также направление, откуда и с какой высоты возникли исследуемые следы крови. С помощью всех этих находок можно сравнительно точно реконструировать ход событий на месте преступления.

В случае насильственного преступления, связанного с нападением определенным предметом (но и кулаком), на месте преступления образуются различные кровавые следы, форма которых указывает, например, с какой скоростью и под каким углом они ударяются о стену, пол или другое препятствие. Еще одним преимуществом следов крови является то, что уничтожить все следы практически невозможно. Следы крови можно найти даже на месте убийства много лет спустя. При закреплении и документировании этих следов нужно быть очень осторожным и дошным, чтобы не испортить их.

Мы различаем шесть основных типов следов крови, различающихся по форме и механизму образования. Таким образом, это различие может помочь нам пролить свет на то, что происходило на месте преступления в прошлом. Таким образом различают капли, брызги, брызги, лужи, стружку и полосы.

Помимо распределения следов крови, для каждого следа также можно определить его скорость и угол падения, а также его дисперсию, по которой можно сделать вывод о том, насколько далеко пострадавший находился от предмета, на который попали капли крови [5].

После объединения всех находок может быть представлена определенная версия событий, происходивших на месте преступления, которую также можно виртуально реконструировать с помощью компьютерных технологий и специализированных программ (например, программы NemoSpat), при этом постоянно разрабатываются новые, более совершенные программы. разработана технология, которая может использовать сфотографированный след для определения скорости и угла удара, а также для определения места, из которого были выпущены капли крови, образующие след [8].

Анализ следов крови уже неоднократно применялся и способствовал раскрытию ряда дел. В настоящее время этот метод постоянно развивается и создаются новые процедуры обнаружения следов крови на месте преступления, а также специализированные компьютерные программы, позволяющие рассчитывать траекторию движения полученных следов и их виртуальную реконструкцию. Чаще всего он применяется в англо-американских странах (США, Великобритания), тогда как в нашей стране этот метод применяется скорее в «усеченном» объеме, где в основном применяется только для оценки количества следов крови и их локализации.

В следственной практике большое значение имеет деятельность следователя по нейтрализации противодействия расследованию преступлений. Как известно, с целью воспрепятствования деятельности следователя по расследованию преступлений субъекты преступной деятельности могут использовать оптические приборы, которые могут быть установлены в районе места происшествия, позволяющие контролировать деятельность правоохранительных органов. Для выявления такой скрытой фото-, видеосъемки разработана и применяется система обнаружения оптических устройств как в стационарном, так и в пешем либо автомобильном способах применения [4].

Большое значение для криминалистики играют достижения других наук в связи с чем стоит упомянуть о биологии, в рамках которой возникла такая самостоятельная отрасль исследования, как молекулярная генетика.

ДНК – это английская аббревиатура дезоксирибонуклеиновой кислоты, которая присутствует в ядре клетки и во внеядерных структурах клетки (митохондриях), таким образом, она является генетическим материалом клетки. Молекулу ДНК можно представить как двойную спираль. ДНК содержится в каждой клетке человеческого тела и, таким образом, может быть получена из кожи, волос, сыворотки крови, пота, спер-

мы и даже костей. Исключение составляют красные кровяные тельца (эритроциты), которые являются единственными клетками в организме, не содержащими ДНК.

Метод анализа ДНК [англ. ДНК-дактилоскопия] своим созданием произвела буквально революцию в области идентификации, так как эта методика считается самым точным инструментом для идентификации людей. Этот метод был разработан в 1984 году британским генетиком Алемом Джеффрисом, создавшим процедуру визуальной идентификации меченых фрагментов ДНК [6].

С помощью анализа ДНК мы получаем так называемый профиль ДНК, который выглядит как штрих-код на упаковке продукта. Полученный профиль затем сравнивается с подготовленным профилем ДНК преступника, и при точном совпадении получается положительная идентификация.

На практике метод Джеффриса был впервые применен в ноябре 1987 г. в Англии. Это был грабёж и изнасилование женщины, опознавшей подозреваемого. Ее идентификация была дополнительно подтверждена путем сопоставления ДНК подозреваемого с ДНК, полученной из спермы, обнаруженной на нижнем белье изнасилованной женщины. Таким образом, этот случай стал прецедентом для доказательств ДНК.

Первым убийцей в нашей истории, осужденным с помощью анализа ДНК в 1990 году, стал Милан Любаш, убивший 19-летнюю студентку в женском туалете педагогического факультета Масарикова университета в Брно. Следует также отметить, что в данном случае частично использовался анализ крови [2].

Несмотря на то, что анализ ДНК является наиболее точным методом идентификации на сегодняшний день, его нельзя использовать исключительно, и всегда будет необходимо обращаться к другим методам идентификации. Слабое место идентификации ДНК-профиля состоит прежде всего в том, что это сравнительный метод, работающий по принципу сравнения двух образцов, где помимо образца, полученного, например, на месте преступления или ДТП, должен быть еще и второй образец, получить, чтобы использовать для сравнения. Поэтому, если нет хотя бы представления о том, кто может быть жертвой или преступником, идентификация по ДНК практически бесполезна. При сохранении образцов необходимо соблюдать надлежащее и осторожное обращение, так как даже короткая история этого метода полна ошибок, связанных с загрязнением следов, и поэтому лаборатории, работающие с генетическими следами, подчиняются строгим правилам и контролю.

Как и другие методы судебной экспертизы, анализ ДНК постоянно развивается и совершенствуется для более точного и быстрого сбора и секвенирования образцов, а также для возможности получить из образца как можно больше данных.

Судебная медицина находит свое применение в основном при расследовании насильственных преступлений, особенно убийств. Деятельность судебной медицины начинается прежде всего при обнаружении останков человеческого тела, т. е. в том случае, если обстоятельства позволяют сделать вывод о насильственной смерти. В зарубежных странах, особенно в США, обнаружение трупа связывают с институтом коронеров. Задача следователя, также именуемого коронером, — выяснить информацию, которая поможет опознать неизвестного погибшего и прокомментировать причину смерти. Однако, в Европе система розыска отсутствует (за некоторыми исключениями, например, в Великобритании).

На место обнаружения тела в первую очередь вызывается врач общей практики, врач скорой помощи или врач скорой помощи для осмотра трупа. Причина, по которой при обнаружении тела сначала вызывается врач общей практики, а не судмедэксперт, его роль в основном заключается в том, чтобы констатировать и подтвердить смерть человека [7].

После установления диагноза смерти место, где был обнаружен труп, тщательно обыскивается, так как оно всегда дает важную информацию о причине его смерти. Это место также часто называют местом преступления, т.е. местом, где произошло преступление. Место преступления может занимать сравнительно большую площадь, так как акцентируется внимание не только на непосредственной близости от места обнаружения умершего, но и на более отдаленных местах при наличии следов, например, движения тела, следов виновного и др. Сам акт осмотра места преступления является очень ответственным процессом, так как он всегда должен производиться с максимальной осторожностью и должна быть установлена определенная система процедур осмотра, чтобы не упустить из виду или нарушить важные улики.

Задача судебно-медицинской экспертизы при осмотре места преступления и человеческих останков состоит в основном в том, чтобы опознать найденный труп, выяснить причину и время смерти, а также получить как можно больше следов для реконструкции того, как умер человек и каким образом имели место действия.

Таким образом, идентификация умершего является первым и наиболее важным вопросом, на который необходимо ответить. С точки зрения судебной медицины исследование внешнего состояния тела, характера и цвета кожи и волос, зубов, признаков хирургического вмешательства или болезни, анализ группы крови или ДНК и, наконец, также внутреннее исследование тела трупа во время вскрытия используется для опознания. Однако большинство этих процедур можно использовать только в том случае, если имеются более ранние независимые данные (например, более ранние стоматологические данные или образец ДНК для сравнения), которые будут соответствовать выводам судебно-медицинских экспертов.

Определение времени смерти, т.е. когда умер человек, также имеет большое значение для идентификации. В случае неизвестного трупа определение времени смерти может помочь в его идентификации. Его определение имеет смысл, особенно если есть возможность найти свидетелей, которые могут предоставить информацию о деятельности уже установленного лица незадолго до его смерти. Когда человек был убит, определение времени смерти имеет большое значение для исключения возможных подозреваемых из следствия.

Определение времени смерти осуществляется в основном по сведениям, полученным при исследовании ранних и поздних патолого-анатомических изменений. Ранние посмертные изменения в основном обусловлены физико-биохимическими процессами и включают высушивание трупа, посмертное охлаждение, ригидность и пятна. Поздние посмертные изменения представляют собой постепенное разложение тела

жертвы и включают в основном аутолиз, гниение и разложение.

Для определения времени смерти чаще всего используют знания о посмертном охлаждении, хотя этот метод эффективен только в течение короткого промежутка времени после смерти. Этот метод в первую очередь основан на знании того, как тело постепенно теряет свою естественную температуру после смерти. Однако многие внешние воздействия (одежда, вес, окружающая среда, положение тела...) также влияют на падение температуры тела, поэтому эти влияния необходимо учитывать при расчете времени смерти.

Определить время смерти по посмертной скованности крайне ненадежно, так как два тела людей, умерших в одно и то же время и в одной и той же среде, могут различаться по степени посмертной оконечности.

Посмертные пятна, так называемые ипостаси, возникают вследствие действия земного притяжения на кровь при остановке кровообращения, которая начинает постепенно спускаться по кровотоку в самые нижние отделы тела (в обоих тела, таким образом, пятна образуются на руках и ногах), в результате чего появляются пятна от темно-красного до голубоватого цвета, которые позже сливаются в темно-красные участки. Пятна не образуются на тех частях тела, которые собственной тяжестью прижаты к земле, потому что кровоток в этих местах не может быть восполнен. Даже по посмертным пятнам время смерти нельзя определить более точно, но его можно относительно сузить, если мы найдем труп, на котором будут посмертные пятна на ранней стадии (примерно через 1–6 часов после смерти), когда кожа с пятном еще под давлением рук белеет. Однако посмертные пятна важны с криминологической точки зрения, главным образом потому, что их можно использовать для определения того, не подвергались ли манипуляции с телом после смерти. Я приведу пример. Скажем, мы находим мертвое тело, лежащее на спине на земле, и при ближайшем рассмотрении видим трупные следы на концах рук и ног. Из вышеизложенного мы уже знаем, что эти пятна должны создаваться больше в области шейного и поясничного отделов позвоночника и на задней поверхности бедер, поэтому можно сделать вывод, что жертва сначала была где-то подвешена и только через определенное время была его перенесли на место, где мы нашли потерпевшего [3].

К другим методам определения приблизительного времени смерти относятся, например, исследование содержимого желудка, исследование гнилостного разложения тела и т. д. Однако, несмотря на все современные на сегодняшний день методики, установить точное время смерти. В лучшем случае, если предположить, что тело было мертво в течение очень короткого промежутка времени, время смерти можно оценить с точностью до пяти часов. В связи с вопросом о времени смерти необходимо также упомянуть о судебно-медицинской энтомологии, которая очень быстро развивается в последние годы и дает наиболее точный метод определения времени смерти по прошествии длительного времени с момента смерти.

Помимо опознания лиц и определения времени смерти, в широкую область судебной медицины входит и исследование самого тела с точки зрения видов повреждений, позволяющих пролить свет на то, как человек был ранен или убит, а также помогает идентифицировать орудие в случае убийства, то есть орудие убийства, которое было использовано для убийства.

Ключевым моментом в осмотре трупа является вскрытие, которое также называют вскрытием и буквально означает «осмотреть кого-либо». Вскрытие подразделяется на анатомическое, патолого-анатомическое, медицинское и судебно-медицинское. Задача вскрытия состоит прежде всего в том, чтобы выяснить причину смерти и то, что ее вызвало. Причина означает то, что непосредственно послужило причиной смерти. Например, причиной смерти могла быть сердечная недостаточность, которая могла быть вызвана проколом сердца определенным предметом. И так, то, что вызвало смерть, является причиной смерти. Во многих случаях вероятную причину смерти можно увидеть уже с первого взгляда, например, следы удушения, следы удушения, следы сильного удара или огнестрельные ранения.

Вскрытие всегда начинается с документирования и подробного описания тела, регистрации открытых ран, закрепления инородных тел и мусора (например, тканей нападавшего, захваченных ногтями жертвы и т. д.). Внутренние органы также тщательно обследуются на наличие признаков травм, а образцы тканей и биологических жидкостей берутся для токсикологических тестов.

По внешним причинам травмы, выявленные судмедэкспертом, можно разделить на травмы, вызванные механическим насилием, которые в свою очередь подразделяются по виду и операционному инструменту. В основном это тупые травмы, травмы острыми предметами (колющие, рубящие или режущие) и огнестрельные ранения. Внимательное изучение этих признаков травмы может помочь определить тип инструмента, использованного для причинения травмы [1].

Сами травмы также можно разделить по характерному поведению организма при жизни и после смерти на травмы, причиненные до смерти и травмы, причиненные после смерти. Травмы, нанесенные преступником после смерти, часто служат для заметания первоначальных следов. Такое поведение можно проиллюстрировать на примере, когда, например, находят тело с перерезанным запястьем (часто признак самоубийства), но вскрытие в итоге доказывает, что жертва была задушена, а запястье было перерезано только после смерти. С помощью этой травмы киллер пытался привести следователей к тому, что это было самоубийство.

На практике мы встречаемся и с типичными травмами, которые почти всегда возникают в связи с той или иной ситуацией. Это особенно относится к самоубийству путем перерезания горла или запястья, когда всегда есть несколько «пробных» порезов перед окончательным смертельным.

Помимо патологоанатомического исследования видов повреждений и организма в целом, важную роль в выявлении причин играют и лабораторные исследования, особенно токсикологическое. Задача токсикологии в первую очередь состоит в том, чтобы выяснить, была ли жертва отравлена или одурманена наркотиками (например, хлороформом), чаще всего также для определения уровня алкоголя у лиц или для определения употребления наркотических веществ. Для обнаружения веществ, например в крови, чаще всего используют газовую или жидкостную хроматографию, возможно, вместе с масс-спектрометром. Например, газовая хроматография используется для подтверждения наличия угарного

газа в крови.

Таким образом, внедрение в следственную и экспертную деятельность новейших технико-криминалистических средств и их активное использование, способно оказать неоценимую помощь в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, а грамотный выбор принципиально новых технико-криминалистических средств, приборов, оборудования и их использование позволяет раскрывать преступления не только в кратчайшие сроки «по горячим следам», но и преступления «прошлых лет».

Библиография:

1. Бедрин, В.С. Проблемы информационного обеспечения осмотра места совершения дорожно-транспортного преступления // Современный ученый. № 7. – 2017. – С. 290-295.
2. Вещественные доказательства: сборище и возможности исследования: монография / [Абрамов А. С., Алехин Д. В., Беляков А. А. и др.]; под ред. Н.Н. Егорова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 283 с.
3. Демин, К. Е. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования убийств, совершенных наемными лицами: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Юрид. ин-т МВД РФ. – Москва, 2001. – 22 с.
4. Егоров, В.А. Особенности назначения и производства судебных экспертиз по делам о преступлениях, связанных с использованием средств сотовой связи /Егоров Владимир Александрович, Ильиных Ольга Николаевна // Концепт. – 2014. – С. 1-5.
5. Китаева, В. Н., Митрофанова, А. А. Актуальные проблемы осмотра места происшествия при расследовании авиационных катастроф // Известия ИГЭА. 2011. – № 14 (78). – С. 163-166.
6. Криминалистика: учебник / Чельшева О. В., Сотников К. И., Лутошкин Г. Ю. и др.; под общ. ред. О. В. Чельшевой. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России; Р-КОПИ, 2017. – 579 с.
7. Новиков, А.Н., Новиков, И.А., Гунько И.В. Возможности использования современных технических средств для оформления схемы места дорожно-транспортного происшествия // Информационные технологии и инновации на транспорте. Материалы 4 Международной научно-практической конференции. 2019. – С. 156-163;
8. Романов, В. И. Криминалистическая техника и потребности следственной практики / Романов В. И. // Российский следователь. – 2015. – № 24. – С. 13-16.
9. Организация неотложных следственных действий: учеб. пособие / О.В. Волохова, Е.П. Ищенко и др.; Под ред. О.В. Волоховой. - М.: Юрлитинформ, 2019. – 368 с.
10. Современные методы и средства выявления, изъятия и исследования следов рук: учеб. пособие / Л.А. Черницын и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – 176 с.

References:

1. Bedrin, V.S. Problems of information support for the inspection of the place of commission of a traffic crime // Modern scientist. No. 7. – 2017. – pp. 290-295.
2. Physical evidence: collecting and research opportunities: monograph / [Abramov A. S., Alekhine D. V., Belyakov A. A., etc.]; edited by N.N. Egorov. – M.: YurLitinform, 2017. – 283 p.
3. Demin, K. E. Technical and forensic support for the disclosure and investigation of murders committed by hired persons: abstract of the dissertation of the candidate of Legal sciences : 12.00.09 / Yurid. in-t of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Moscow, 2001. – 22 p.
4. Egorov, V.A. Features of the appointment and production of forensic examinations in cases of crimes related to the use of cellular communications /Egorov Vladimir Alexandrovich, Ilinykh Olga Nikolaevna // Concept. – 2014. – pp. 1-5.
5. Kitaeva, V. N., Mitrofanova, A. A. Actual problems of inspection of the scene of an accident investigation of aviation accidents // Izvestia IGEA. 2011. – № 14 (78). – Pp. 163-166.
6. Criminalistics: textbook / Chelysheva O. V., Sotnikov K. I., Lutoshkin G. Yu., etc.; under the general editorship of O. V. Chelysheva. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; R-KOPI, 2017. – 579 p.
7. Novikov, A.N., Novikov, I.A., Gunko I.V. Possibilities of using modern technical means to design the scheme of the place of a traffic accident // Information technologies and innovations in transport. Materials of the 4th International Scientific and Practical Conference. 2019. – pp. 156-163;
8. Romanov, V. I. Criminalistic technique and the needs of investigative practice / Romanov V. I. // Russian investigator. – 2015. – No. 24. – pp. 13-16.
9. Organization of urgent investigative actions: studies. handbook / O.V. Volokhova, E.P. Ishchenko, etc.; Edited by O.V. Volokhova. - M.: YurLitinform, 2019. – 368 p.
10. Modern methods and means of detecting, removing and examining handprints: studies. manual / L.A. Chernitsyn et al. M.: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. – 176 p.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОХРАНЫ ПРАВ ГРАЖДАН НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ Comparative legal study of the protection of citizens' rights to freedom of conscience and religion

СМИРНОВА Анастасия Сергеевна,

аспирант, Университет прокуратуры Российской Федерации.

107078, Россия, г. Москва, ул. Н. Басманная, д. 10, стр. 1.

E-mail: smnans@mail.ru;

Smirnova Anastasia Sergeevna,

Postgraduate student University of Public Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Moscow, N. Basmannaya str., 10, p. 1

E-mail: smnans@mail.ru

Краткая аннотация: в эпоху глобализации защита прав граждан на свободу совести и вероисповедания выступает одной из приоритетных задач. Сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран с населением, большинство из которых придерживается христианства, и законодательства мусульманских стран позволяет сделать вывод о значительной разнице в подходах к уголовно-правовой охране свободы совести и вероисповедания. Для выявления тенденций и закономерностей в части охраны свободы совести и вероисповедания в мусульманских странах автор обращается к законодательству Турции, Индонезии, Йемена и Египта.

Abstract: in the era of globalization, the protection of citizens' rights to freedom of conscience and religion is one of the priorities. A comparative legal analysis of the legislation of foreign countries with populations, most of which adhere to Christianity, and the legislation of Muslim countries allows us to conclude that there is a significant difference in approaches to the criminal protection of freedom of conscience and religion. To identify trends and patterns in the protection of freedom of conscience and religion in Muslim countries, the author refers to the legislation of Turkey, Indonesia, Yemen and Egypt.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, религиозные преступления, мусульманское право, ислам.

Keywords: criminal law, criminal liability, religious crimes, Muslim law, Islam.

Для цитирования: Смирнова А.С. Сравнительно-правовое исследование охраны прав граждан на свободу совести и вероисповедания // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 417-420. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_417.

For citation: Smirnova A.S. Comparative legal study of the protection of citizens' rights to freedom of conscience and religion // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 417-420. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_417.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2024

Вопросы религии, соблюдения прав граждан на ее исповедание, а также охрана названных прав является важной и зачастую весьма дискуссионной темой для множества стран. До настоящего времени не утихают споры о целесообразности установления уголовной ответственности за посягательства на охрану прав граждан на свободу совести и вероисповедания (так называемые религиозные преступления).

Исследование опыта уголовно-правовой охраны свободы совести и вероисповедания в отдельных странах, исповедующих преимущественно христианство и иудаизм, позволяет сделать предварительный вывод о плюрализме и неоднозначности мнений относительно самого факта необходимости криминализации деяний, посягающих на вышеобозначенные права и свободы [4, с. 33]. Кроме того, Карабанова Е.Н. обращает внимание на складывающуюся тенденцию по «отходу от уголовно-правовой охраны религии» [2, с. 222] в пользу реализации права на свободу совести, которая присуща семьям континентального и общего права.

Существенно иным подходом и спецификой в разрезе указанной проблематики обладает уголовное право мусульманских стран.

В рамках настоящей статьи мы не ставим перед собой задачу исследовать уголовное законодательство всех мусульманских стран. Целью нашего исследования представляется определение существующих подходов уголовно-правовой охраны свободы совести и вероисповедания, а также выделение существующих различий в указанных подходах, несмотря на их существование в единой религиозной системе ислама на примере Турции, Индонезии, Йемена и Египта как представителей 2 групп подходов, которые будут приведены далее.

К первой группе стран, которые посредством установления уголовной ответственности за посягательства на религию и связанные с ней права и свободы, основным охраняемым благом определяют общественную безопасность и общественный порядок, мы можем отнести Турцию и Индонезию (страны с преимущественно мусульманским населением); ко второй группе стран, которые посредством установления уголовной ответственности за религиозные преступления ставят под охрану безопасность государства, можно отнести Египет и Йемен (страны, признающие ислам в качестве государственной религии).

Обращаясь к Турции как представительнице первой выделенной нами группе стран, мы видим что уголовный кодекс Турции (далее по тексту – УК Турции) устанавливает ответственность в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до трех лет за действия, которые провоцируют общественность на ненависть, враждебность или унижение достоинства (статья 216). К таким действиям законодатель относит:

- публичное провоцирование ненависти или враждебности в одной части общества по отношению к другой части, которая имеет другие характеристики, основанные на социальном классе, расе, религии, секте или региональных различиях, что создает явную и непосредственную угрозу общественной безопасности (часть 1 статьи);

- публичное унижение части общества по признаку социального класса, расы, религии, секты, гендерных или региональных различий;

- публичное унижение религиозных ценностей определенной части общества [12], если это деяние способно нарушить общественный покой (часть 3 статьи).

Статья 216 (1)(2) действующего Уголовного кодекса заменила статью 312 бывшего Уголовного кодекса Турции. ЕСПЧ рассмотрел множе-

ство дел лиц, осужденных по ст. 312 бывшего Уголовного кодекса. В этих случаях ЕСПЧ установил нарушения в части осуждения заявителей за публикацию статей или книг, которые якобы разжигали ненависть или вражду либо восхваляли преступление или преступника. Суд заявил, что хотя такие статьи и книги содержали резкую критику государственной политики (особенно меры, принимаемые в рамках борьбы с терроризмом), они либо не возбуждали ненависти, либо насилие, либо примененная санкция была явно несоразмерна преследуемой законной цели помехой) [8];

Анализ частей 1 и 2 данной статьи приводит нас к выводу о ее определенной схожести с отечественной статьей 282 УК РФ в части объективной стороны состава преступления, а именно в действиях, направленных на «возбуждение ненависти или вражды» ... «по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично» [5]. При этом, часть 3 статьи 216 УК Турции является наиболее интересной для исследования и возможного использования в отечественном законодательстве, поскольку направлена на защиту общественного покоя через охрану свободы совести и вероисповедания.

Необходимо отметить, что рассматриваемая нами статья относится к 5 разделу УК Турции, в котором находятся преступления против общественного спокойствия. Объясняя такое законодательное решение, турецкие юристы указывают, что «в современных пенитенциарных системах охраняемый законом интерес заключается не в защите святости религиозного лица, а в уважении религиозных чувств и взглядов отдельных лиц, сообществ и групп и избежании преступлений на почве ненависти в целом» [6, с. 294].

Несмотря на то, что законодатель исходит из единства предмета посягательства, закрепленного в частях 1-2 и части 3 статьи 216 УК Турции, в виде общественной безопасности, часть 3 статьи содержит в себе самостоятельный состав, предусматривающий также посягательство на свободу совести и вероисповедания.

Хотелось бы обратить внимание на то, что даже с учетом принятия нового, «демократического» УК Турции, Венецианская комиссия (Venice commission or European commission for democracy through law) с самого начала отмечала, что «в пунктах (2) и (3) статьи 216, соответственно, оскорбление части общества и оскорбление религиозных ценностей наказуемы отдельно от провоцирования ненависти и вражды в первом пункте. Эти два дополнительных абзаца проблематичны, поскольку термину «унижать» можно придать очень широкое значение, в то время как выражения мнений, которые оскорбляют, шокируют...защищены статьей 10 ЕСПЧ. С другой стороны, условие о том, что выражение должно «создавать явную и непосредственную угрозу общественной безопасности» в пункте (1) статьи 216, не включено в пункты (2) и (3)» [8].

В качестве рекомендации высказывается мнение, что «пункты (2) и (3) соответственно следует сформулировать гораздо более ограничительно или включить в пункт (1)» [8].

Также необходимо отметить, что Турция осуществляет активное сотрудничество с ODIHR (The OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights), в частности по вопросу защиты лиц, исповедующих ислам.

По информации Freedom of Belief Initiative (Норвежский Хельсинкский комитет) наиболее часто на территории Турции фиксируются нападения и угрозы в адрес алевитов. Например, в 2021 году члены курдской семьи алевитов неоднократно подвергались антиалевитским и ксенофобным оскорблениям и угрозам со стороны соседей. Аналогичные инциденты с алевитами произошли в то время в стране [10].

В том же году Human Rights Association сообщалось о том, что мужчина-алевит подвергся антиалевитским оскорблениям и был избит соседями из-за своей религии. Пострадавший получил травмы лица. Аналогичные инциденты с алевитами произошли в то время в стране. Причины по которым именно алевиты из всех мусульманских течений наиболее часто становятся жертвами религиозных преступлений не ODIHR, ни Human Rights Association не представлены и заслуживают отдельного исследования.

В целях пресечения подобных преступлений Турция внедрила программу ODIHR по обучению сотрудников правоохранительных органов борьбе с преступлениями на почве ненависти (TANCLE) и проводит ежегодный анализ обстоятельств и мотивов совершения преступлений на религиозной почве, в частности в отношении представителей мусульманского сообщества [10].

К первой группе стран мы также относим Индонезию. Согласно Уголовному кодексу Индонезии [6] лишением свободы на срок до пяти лет наказывается любое лицо, которое намеренно публично выражает чувства или совершает действие:

- а. которое главным образом носит характер вражды, оскорбления или порочащего религию, которой придерживаются в Индонезии;
- б. с намерением помешать человеку придерживаться какой-либо религии, основанной на вере во всемогущего Бога.

В Индонезии преступления против религии (статья 156а) также отнесены к преступлениям против общественного порядка.

Уголовный кодекс Индонезии в качестве предмета посягательства статьи 156а устанавливает саму религию, а не связанные с ней ценности и чувства людей, ее исповедующих. При этом, закрепляется охрана не любой религии, а лишь той, которой придерживаются в Индонезии (ислам).

Таким образом, обращаясь к уголовному законодательству Турции и Индонезии, мы видим, что кроме определения сходного предмета посягательства – общественной безопасности и общественного порядка, похожим является и подход к установлению ответственности в виде лишения свободы за совершение указанных преступлений.

Обращаясь ко второй, выделенной нами группе стран, необходимо отметить, что даже с учетом тенденции последних десятилетий к глобализации и относительной «европеизации», в отдельных мусульманских странах ислам на официальном уровне признан государственной религией. Это обстоятельство отражается и на уголовном праве, которое сохраняет в себе нормы шариата.

Одной из особенностей мусульманского права выступает наличие собственной системы источников, основными из которых является Коран и Сунна. По мнению М.Ю. Дворецкого, «...своеобразие содержательной части мусульманского деликтного права определяется оригинальностью закрепленной в шариате системы преступлений и соответствующих им видов наказаний» [1, с. 412].

В основу классификации правонарушений в мусульманском праве положена степень определенности наказания за проступок и харак-

тер нарушения интересов и прав. Исходя из этой классификации, по мнению автора, выделяют несколько групп преступлений: «хадд» - преступления, представляющие наибольшую общественную опасность и посягающие на Аллаха и интересы мусульманской общины (к данной категории относятся исследуемые нами религиозные преступления); «кисас» - нарушение прав отдельных лиц; «тазир» - преступления могут затрагивать и первую, и вторую группу нарушений [1, с. 413].

Египет, согласно Конституции, является демократической республикой. При этом государственной религией страны является Ислам, а основой нормативного регулирования - шариат. Данные обстоятельства объясняют факт установления достаточно строгих санкций (задержание на срок не менее шести месяцев и не более пяти лет или выплата штрафа) за ряд следующих действий, устанавливаемых статьей 98F Уголовного кодекса Египта (далее по тексту – УК Египта):

- эксплуатацию религии и использование ее в пропаганде устно или письменно, или любым другим способом;
- за экстремистские мысли с целью подстрекательства к мятежу и расколу или презрения к любой из небесных религий или сект, принадлежащих к ним, или нанесения ущерба национальному единству или социальному миру [7].

Данное преступление расположено в разделе, посвященном тяжким преступлениям и проступкам, наносящим внутренний ущерб правительству.

Раздел 11 УК Египта (проступки, связанные с религией) включает в себя 2 статьи, устанавливающие уголовную ответственность за:

- создание помех проведению религиозных ритуалов или связанных с ними религиозных церемоний, в частности с применением угроз и насилия;

- разорение, разрушение или нарушение неприкосновенности зданий, предусмотренных для проведения религиозных церемоний, символов или других объектов, являющихся святыми для религиозных групп;

- нарушение святости или неприкосновенности могил или кладбищ (статья 160 УК Египта).

Дополнительно определено наказание, не превышающее пяти лет, в случае, если любое из этих преступлений совершено в террористических целях.

Статья 161 УК Египта запрещает печать и публикацию книг, которые считаются священными для представителей религии, чьи ритуалы являются публичными, если текст этой книги извращается таким образом, что это меняет его смысл.

Также названной статьей устанавливается ответственность за имитацию религиозного празднования в общественном месте или общественном сообществе с целью насмешки.

Говоря о статьях 98F, 160 и 161 УК Египта можно сделать вывод, что свобода совести и вероисповедания, а также чувства граждан в связи с посягательством на исповедуемую ими религию, не являются тем общественным благом, защита которого осуществляется законодателем в Египте. В данном случае осуществляется охрана государства и правящего режима (статья 98 F) и ислама как религии (статьи 160 и 161).

Защита религии в качестве самостоятельного блага выявляет сходство уголовного законодательства в Египте и Индонезии.

Йемен является еще одной страной, официальной религией которой выступает ислам, а исламский шариат представлен в качестве основного источника права, что прямо отражено в уголовном законодательстве страны.

Уголовный кодекс Йемена [11] (далее по тексту – УК Йемена) устанавливает ответственность в виде тюремного наказания до пяти лет или штрафа за умышленное искажение (изменение) Священного Корана с целью нанесения вреда религии (статья 260).

Аналогичные действия по изданию искаженного религиозного источника, в частности Евангелия, при соблюдении ряда условий (публичность и явное неуважение к обществу, оскорбление чувств верующих) признаются преступлением и в уголовном праве России (часть 1 статьи 148 УК РФ). Вместе с тем говорить о сходстве законодательства Йемена и России в плане охраны религиозных отношений не приходится. Статья 260 УК Йемена, судя по ее законодательной конструкции, нацелена на охрану господствующей религии, тогда как статья 148 УК РФ охраняет чувства верующих. Таким образом, наблюдается существенное различие подходов в части объектов уголовно-правовой охраны.

В УК Йемена также предусмотрена уголовная ответственность в виде тюремного заключения (на срок не более одного года) или штрафа в (размере не более двух тысяч риалов) за разрушение, искажение или осквернение мечети или любого другого места, созданного по лицензии государства для совершения религиозных ритуалов, или символов или других объектов, которые имеют религиозную ценность.

Проводя сравнение с отечественным законодательством, представляется возможным отметить, что данные действия охватываются частью 2 статьи 148 УК РФ. Например, решением Скопинского районного суда Рязанской области (уголовное дело № 1-49/2019) к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 148, ч. 2 ст. 214, ч. 2 п. «б» ст. 244, ч. 1 ст. 318 УК РФ привлечен Аверин С.В. Преступление по ч. 2 ст. 148 УК РФ совершено при следующих обстоятельствах: в один из дней апреля 2018 года, Аверин С.В. вырезал из религиозных книг листы и произвел в них надписи в отношении Иисуса Христа и Богородицы, которые оскорбляют религиозные чувства верующих. Далее Аверин С.В. прибыл к зданию церкви, после чего находясь в указанном выше месте, на дверях церкви, при помощи липкой ленты типа «скотч» в указанное выше время разместил (наклеил) вырезанные им ранее из религиозных книг листы, с выполненными им в них надписями в отношении Иисуса Христа и Богородицы, которые оскорбляли религиозные чувства верующих. Данные действия возможно рассматривать как осквернение места, предназначенного для проведения богослужения, и одновременно, как умышленное искажение Священного Писания.

Также УК Йемена устанавливается ответственность за намеренное искажение признанных ритуалов, празднований или религиозных собраний, или нарушение указанных мероприятий, или запрет их проведения силой или угрозами.

Интересным и нетипичным для нашей правовой действительности представляется факт наличия в уголовном законодательстве Йе-

мена ответственности за «отступничество». Статья 259 УК Йемена устанавливает смертную казнь (после того, как его трижды допрашивают о покаянии и дают ему отсрочку в тридцать дней) для тех, кто отворачивается от религии ислам или осуждает ее.

Публичное отступничество в виде речей или действий считается противоречащим принципам Ислама в намерениях и решимости.

Если намерение или решимость не установлены и виновный проявляет раскаяние, наказания не будет. Данные преступления выделены в отдельную главу - преступления, связанные с религией и святостью мертвых. Предметом посягательства данных деяний, кроме религии, будет выступать безопасность государства, поддерживаемая исламом. Особенностью, которую мы можем выделить во второй группе стран – это строгость санкций, установленных в статьях, посягающих на религию и связанные с ней права и свободы (вплоть до смертной казни).

Таким образом, одной из особенностей уголовного законодательства стран как с преимущественно мусульманским населением, так и признающих ислам в качестве государственной религии, является размещение преступлений против религии в главах кодексов, устанавливающих ответственность за преступления против общественного порядка и общественной безопасности [3], а также безопасности государства. Основными ценностями, защита которых осуществляется посредством уголовно-правового регулирования, выступают как правило государство и государственная религия (либо религия, исповедуемая большинством населения).

В странах, признающих ислам в качестве государственной религии, данное обстоятельство обуславливается тем, что преступления против религии представляют высокую степень общественной опасности, поскольку посягают на святых и интересы мусульманской общины. Данное положение также находит свое отражение в санкциях статей, устанавливающих ответственность за религиозные преступления (вплоть до смертной казни за отдельные деяния).

В странах, где ислам не признан в качестве государственной религии, но большинство населения являются мусульманами, мы можем сделать вывод о том, что санкции за религиозные преступления являются более мягкими, чем у стран с мусульманским правом. Также в диспозициях статей нет прямого указания на конкретную религию, подлежащую защите со стороны государства. Вместе с тем, несмотря на светский характер государств и равную защиту всех религий, на примере Турции и Индонезии мы можем наблюдать, что преступления против религии, по мнению законодателя, представляют угрозу, в первую очередь, для общественного порядка и безопасности (поскольку большинство проживающего в указанных странах населения является религиозным), что обуславливает размещение соответствующих статей в указанных главах.

Подходы, применяемые к уголовно-правовой охране мусульманских стран и стран с преимущественно мусульманским населением, являются несомненно интересными для исследования, но сложными для использования в отечественной правовой системе в связи с имеющимися существенными различиями (например в объектах охраны (государство и государственная религия в странах, преимущественно исповедующих мусульманство, и права граждан на свободу совести и вероисповедания – в Российской Федерации), что обусловлено, в частности, ролью религии в общественно-политической жизни стран с преимущественно мусульманским большинством населения). Однако, при определенных социально-политических условиях, использование в России опыта уголовно-правового регулирования свободы совести и вероисповедания стран, с преимущественно мусульманским большинством, представляется возможным, поскольку особого внимания заслуживает подход, согласно которому через установление уголовной ответственности за посягательство на религию, связанные с ней права и свободы, осуществляется охрана общественного порядка и безопасности.

Библиография:

1. Дворецкий М.Ю. Учение об уголовной ответственности и наказании в уголовно-правовой семье религиозного права: проблемы теории и практики применения // Вестник ТГУ, выпуск 9 (113), 2012. С. 412.
2. Карabanova E.N. Многообъектные преступления: теория, законодательство, практика: дис. ... доктора юридических наук : 12.00.08. С. 222.
3. Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на свободу мысли, совести и религии [Электронный ресурс] URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27658/ (дата обращения: 14.02.2024).
4. Смирнова А.С. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны свободы совести и вероисповедания // «Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки» 10 февраля, (2023, Москва). Сб. материалов VI Международной научно-практич. конференции, Изд-во «Алеф», 2023. С. 33.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
6. Celal Hakan KAN. Yönetim ve Ekonomi Araştırmaları Dergisi / Journal of Management and Economics Research Cilt/Volume: 20 Sayı/Issue: 2 Haziran/June 2022 ss. /pp. 294 (дата обращения: 11.01.2024).
7. Criminal Code of Egypt <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/57560/111585/F1337119832/EGY57560.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).
8. European commission for democracy through law (venice commission) opinion on articles 216, 299, 301 and 341 of the Penal Code of Turkey. Adopted by the Venice Commission at its 106th Plenary Session (Venice, 11-12 March 2016) [Электронный ресурс] URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)002-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)002-e) (дата обращения: 11.01.2024).
9. Indonesian Penal Code <https://www.globalanimallaw.org/downloads/database/national/indonesia/Indonesia-Penal-Code-1982.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).
10. OSCE ODIHR Hate crime reporting [Электронный ресурс] URL: <https://hatecrime-osce.org.translate.googleusercontent.com/s3/document-hosting/v1/111585/F1337119832/EGY57560.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).
11. Republican Decree for Law No 12 for the Year 1994 Concerning Crimes and Penalties [Электронный ресурс] URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/83557/92354/F1549605860/YEM83557.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).
12. Penal Code of Turkey [Электронный ресурс] URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-REF\(2016\)011-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-REF(2016)011-e) (дата обращения: 11.01.2024).

References:

1. Dvoretzky M.Y. The doctrine of criminal responsibility and punishment in the criminal family of religious law: problems of theory and practice of application // Bulletin of TSU, issue 9 (113), 2012. p. 412.
2. Karabanova E.N. Multi-object crimes: theory, legislation, practice: dis. ... Doctor of Law : 12.00.08. p. 222.
3. Generalization of the legal positions of international contractual and non-contractual bodies operating in the field of protection of human rights and freedoms on the protection of a person's right to freedom of thought, conscience and religion [Electronic resource] URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27658/.
4. Sмирнова А.С. Foreign experience of criminal law protection of freedom of conscience and religion // "Modern strategies and digital transformations of sustainable development of society, education and science" February 10, (2023, Moscow). Collection of materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Alef Publishing House, 2023 – p.33.
5. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ // SPS Consultant Plus.
6. Celal Hakan KAN. Yönetim ve Ekonomi Araştırmaları Dergisi / Journal of Management and Economics Research Cilt/Volume: 20 Sayı/Is. 2 Haziran/June 2022 ss. /pp. 294.
7. Criminal Code of Egypt <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/57560/111585/F1337119832/EGY57560.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).
8. European commission for democracy through law (venice commission) opinion on articles 216, 299, 301 and 341 of the Penal Code of Turkey. Adopted by the Venice Commission at its 106th Plenary Session (Venice, 11-12 March 2016) [Электронный ресурс] URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)002-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)002-e).
9. Indonesian Penal Code <https://www.globalanimallaw.org/downloads/database/national/indonesia/Indonesia-Penal-Code-1982.pdf>.
10. OSCE ODIHR Hate crime reporting [Электронный ресурс] URL: <https://hatecrime-osce.org.translate.googleusercontent.com/s3/document-hosting/v1/111585/F1337119832/EGY57560.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).
11. Republican Decree for Law No 12 for the Year 1994 Concerning Crimes and Penalties [Электронный ресурс] URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/83557/92354/F1549605860/YEM83557.pdf>.
12. Penal Code of Turkey [Электронный ресурс] URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-REF\(2016\)011-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-REF(2016)011-e).

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПОБОЯХ:
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
Problematic issues of conducting an inquiry in criminal cases of beatings:
criminal procedural and criminalistic aspect**

ХИСМАТУЛЛИН Ильдар Гайсович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Уральского филиала Российского государственного университета правосудия (РГУП).
454119, Россия, г. Челябинск, ул. Энергетиков, 63.

E-mail: ildar-khismatullin@yandex.ru;

KNISMATULLIN Ildar Gaisovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
Ural Branch of the Russian State University of Justice (RSUJ).

454119, Russia, Chelyabinsk, Energetikov str., 63.

E-mail: ildar-khismatullin@yandex.ru

***Краткая аннотация:** в статье рассматриваются проблемные вопросы ведомственного процессуального контроля за производством дознания, осуществляемого начальниками органа и подразделения дознания; проанализированы некоторые особенности предварительного расследования по уголовным делам о побоях.*

***Abstract:** the article deals with problematic issues of departmental procedural control over the production of an inquiry carried out by the heads of the body and division of the inquiry; analyzes some features of the preliminary investigation in criminal cases of beatings.*

***Ключевые слова:** дознаватель, дознание, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, побои.*

***Keywords:** the inquirer, the inquiry, the head of the body of inquiry, the head of the department of inquiry, beatings.*

***Для цитирования:** Хисматуллин И.Г. Проблемные вопросы производства дознания по уголовным делам о побоях: уголовно-процессуальный и криминалистический аспект // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 421-424. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_421.*

***For citation:** Khismatullin I.G. Problematic issues of conducting an inquiry in criminal cases of beatings: criminal procedural and criminalistic aspect // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 421-424. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_421.*

Статья поступила в редакцию: 26.02.2024

Более двадцати лет в России существует, предусмотренная уголовно-процессуальным законодательством РФ, предварительное расследование в форме дознания. Однако до настоящего времени проблемы, связанные с его производством, остаются неразрешенными.

Дознаватели, руководствуясь в большинстве случаев, аналогией закона и наработанной правоприменительной практикой, вынуждены смириться со сложившимся положением, а законодатель не торопится вносить изменения в УПК РФ для устранения имеющихся проблем в правоприменительной практике производства дознания и совершенствования порядка его проведения.

Кроме того, в настоящее время существуют также некоторые проблемы, связанные с расследованием побоев. На эти проблемы ни раз обращалось внимание в юридической литературе [3; 9-11].

Вместе с тем, представляется необходимым изначально рассмотреть отдельные проблемные вопросы самой формы дознания, т.е. его производства в процессуальном аспекте.

Как показывает проведенный нами анализ, немало вопросов в научной литературе среди ученых вызывает проблема, обусловленная осуществлением ведомственного процессуального контроля начальниками органа и подразделения дознания.

Так, по мнению О.А. Малышевой неоптимальным является порядок утверждения обвинительного акта начальником органа дознания. Данное процессуальное действие должен выполнять начальник подразделения дознания [8, с. 257].

Ю.А. Коротаяева отмечает, что в гл. 32.1 УПК РФ по неизвестным причинам отсутствует упоминание о начальнике подразделения дознания.

В связи с этим, складывается мнение, что реализация ведомственного процессуального контроля в органах дознания при осуществлении дознания в сокращенной форме проводится исключительно начальником органа дознания. Начальник подразделения дознания осуществляет такой контроль при производстве дознания в общем порядке [5, с. 20].

Необходимо отметить, что в ст. 40.1 УПК раскрываются полномочия начальника подразделения дознания, которые распространяются на обе формы дознания. Производство дознания в сокращенной форме регламентируется в порядке, предусмотренном гл. 32 и 32.1 УПК РФ. В гл. 32 УПК полномочия начальника подразделения дознания указаны исключительно только в случае приостановления дознания. Учитывая, что он в ходе осуществления ведомственного процессуального контроля не вправе утверждать обвинительное постановление (обвинительный акт), о нем нет упоминания в гл. 32.1 УПК РФ, в отличие от начальника органа дознания.

Если говорить о передаче некоторых полномочий начальника органа дознания, в том числе по утверждению обвинительного акта (обвинительного постановления) начальнику подразделения дознания (как это часто предлагается в юридической литературе), то необходимо под-

черкнуть, что должность последнего предусмотрена не во всех органах дознания. Поэтому законодатель это предусмотрел в ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ.

Начальник органа дознания как руководитель (пусть даже в определенной степени формально) реализует свои процессуальные полномочия, предусмотренные законом.

Прокурор в соответствии с требованиями УПК РФ осуществляет надзор за процессуальной деятельностью дознавателей и иных должностных лиц органа дознания. Однако, думается, никто не утверждает, что именно прокурор в каждом случае лично проверяет все материалы уголовных дел. Аналогично и начальник подразделения дознания после проверки материалов уголовного дела, передает их для утверждения начальнику органа дознания. На какие положительные изменения можно рассчитывать, если обвинительный акт, допустим, утвердит начальник подразделения дознания? Что существенно изменится? В таком случае, возможно, возникнет вопрос о его правосубъектности, так как он всего лишь руководитель структурного подразделения.

Следующую проблему обозначила О.В. Мичурина, которая задается вопросом: «А может ли начальник органа дознания при проверке уголовного дела, представленного ему с обвинительным актом, если он не утверждает итоговый документ и возвращает его дознавателю для производства дополнительного дознания, установить дополнительный срок, в рамках которого дознаватель, сможет полноценно расследовать уголовное дело?». Следует согласиться, что вряд ли, поскольку срок дополнительного дознания, который вправе установить начальник органа дознания, не может выходить за пределы общего срока предварительного расследования по уголовному делу [7, с. 10-11].

В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ начальник органа дознания вправе возвращать уголовное дело дознавателю для производства дополнительного дознания, пересоставления обвинительного акта. Однако, учитывая, что одно из таких решений он может принять незадолго до окончания срока предварительного расследования, дознаватель вынужден будет обратиться к прокурору с ходатайством о продлении срока дознания. Нет никаких гарантий, что последний примет решение по данному ходатайству в кратчайшие сроки.

В связи с этим, представляется логичным предоставить начальнику органа дознания в такой ситуации право самому установить дополнительный срок предварительного расследования для выполнения процессуальных действий, изложенных в его указании, а дознавателю – возможность обжаловать данное решение, в случае несогласия с ним, прокурору.

Поэтому предлагается дополнить пункт 9 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ в следующей редакции: «Начальник органа дознания вправе, в случае возвращения уголовного дела дознавателю, установить срок для производства дополнительного дознания до 5 суток, а для пересоставления обвинительного акта (постановления) – не более 3 суток».

Начальник органа дознания незамедлительно (в течение 24 часов) уведомляет об этом прокурора. В случае, если прокурор признает данное решение незаконным или необоснованным, он вправе отменить своим постановлением, ранее принятое решение начальника органа дознания.

Таким образом, нами допускается в исключительных случаях установление срока дополнительного расследования для реализации начальником органа дознания своих полномочий, предусмотренных п. 9 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ. Вместе с тем, продление срока дознания в порядке ст. 223 УПК, однозначно прерогатива прокурора.

Как полагают Х.М. Лукожев и А.М. Долгов, в действующей редакции УПК РФ начальник органа дознания, возглавляющий соответствующий орган, лишен полномочий по установлению и продлению сроков дознания. Вышеуказанному субъекту определена только «созерцательная роль». При этом, если дознаватель представит материалы уголовного дела с ходатайством для продления срока дознания по его истечению, прокурор будет вынужден продлить срок расследования, так как законодатель не предусмотрел для него иных вариантов принятия решения [6, с. 115].

По мнению О.В. Мичуриной, «в законе никак не регламентируется порядок действий дознавателя в случае отказа прокурора в удовлетворении ходатайства о продлении срока дознания. По большому счету, отказ прокурора в удовлетворении ходатайства о продлении срока дознания заведомо уже неправомерен. Ведь имея широкие надзорные полномочия, он мог не допустить негативного развития ситуации, заблаговременно спрогнозировав, что дознаватель не укладывается в отведенный срок дознания» [7, с. 10].

Вышеуказанное представляется нам дискуссионным, так как прокурор при всех его возможностях не может контролировать каждое уголовное дело, находящееся в производстве дознавателей всех поднадзорных ему органов дознания. Для этого существует установленный порядок направления ходатайств о продлении срока дознания, предусмотренный приказом Генеральной прокуратуры РФ от 19.01.2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [1]. Согласно п. 33 приказа Генеральной прокуратуры РФ, дознаватели представляют ходатайства о продлении срока дознания до 60 суток за 5 дней до истечения срока, свыше 60 суток – за 10 дней, свыше 6 месяцев – за 15 дней [1].

Следовательно, не прокурор, а дознаватель должен заблаговременно принимать меры, чтобы не допустить подобной ситуации.

Однако вызывает при этом вопросы следующая проблема, на которую также обращают внимание Х.М. Лукожев и А.М. Долгов.

Согласно ч. 4 и 5 ст. 223 УПК РФ, срок дознания может быть продлен до 6 месяцев прокурорами района, города и их заместителями, а до 12 месяцев – прокурором субъекта РФ и приравненным к нему военным прокурором.

В вышеуказанном перечне отсутствуют транспортные и иные прокуроры специализированных прокуратур. При этом, например, транспортные прокуроры осуществляют надзор за производством дознания дознавателями органов внутренних дел на транспорте и таможенных органов [6, с. 115-116].

В связи с этим, солидарны с вышеуказанными авторами о том, что данный пробел, который продолжительное время остается незаме-

ченным со стороны законодателя, должен быть устранен.

Данная проблема на практике разрешается в настоящее время на основании указанного ранее (п. 33) приказа Генеральной прокуратуры РФ от 19.01.2022 г. № 11.

Необходимо также обратить внимание на существующую проблему многосубъектности начальника органа дознания в системе МВД России.

Согласно п. 17 ст. 5 УПК начальником органа дознания является должностное лицо, которое возглавляет этот орган, а также его заместитель.

Проблема заключается в том, что у начальника органа внутренних дел четыре заместителя, два из них: руководитель следственного органа и начальник полиции. У начальника полиции также есть заместители.

В соответствии с ч. 3 ст. 40.2 УПК РФ в органах МВД полномочия начальника органа дознания распространяются также и на заместителей начальника полиции.

Соответственно, в правоприменительной практике может возникнуть резонный вопрос, кто вправе осуществлять процессуальный контроль, кто-то один или все одновременно?

Переходя к рассмотрению проблемных вопросов производства дознания в криминалистическом аспекте, следует отметить, что в процессе расследования побоев немаловажное значение имеют своевременное назначение и производство судебной экспертизы и предварительные исследования. Результаты судебно-медицинских экспертиз и иных исследований, наряду с другими доказательствами, оказывают неоценимую помощь в установлении всех обстоятельств совершенного преступления, правильной квалификации, в доказывании вины лица, совершившего побои или иные насильственные действия [2, с. 129].

Результат и эффективность производства дознания нередко зависит от правильного и своевременного планирования дознавателем предварительного расследования.

При осмотре места происшествия по делам о побоях имеет значение также обнаружение и дальнейшее судебно-медицинское исследование следов крови, при чем не только ее групповой и половой принадлежности, но и механизма образования обнаруженных следов, что нередко, как показывает практика расследования побоев, упускается дознавателями [2, с. 125].

На стадии возбуждения уголовного дела, принимая решение в порядке ст. 144-146 УПК РФ, следует ограничивать уголовно-наказуемое деяние, предусмотренное ст. 116 УК РФ от административного правонарушения по ст. 6.1.1 КоАП РФ.

По мнению Н.А. Чесноковой, при расследовании преступлений против здоровья, побоев, совершенных из хулиганских побуждений несовершеннолетними, правоприменители сталкиваются со сложностью в доказывании хулиганских побуждений, доминирующих в поведении подростка в момент совершения преступного деяния. Использование при производстве следственных действий информации об особенностях проявления хулиганских побуждений способствует процессуальной экономии, успешному раскрытию и расследованию преступления [11, с. 130].

В.Н. Григорьев обращает внимание на негативную практику применения участниками уголовного процесса со стороны обвинения приема произвольной фрагментации обстоятельств происшествия, когда дознаватели, а в некоторых случаях и суд, прибегают к таким методам. В результате, указанные обстоятельства рассматриваются не в хронологической последовательности с определением юридически значимых свойств каждого следующего действия и обстоятельства, а выборочно, с произвольной фиксацией одних действий и игнорированием других. Особенно наглядно применение рассматриваемого приема при производстве расследования по преступлениям, связанным с противоборством (побои, причинение вреда здоровью и др.), предполагающих оборонительные действия, сопротивление нападающему [4, с. 25].

Не всегда драка – это хулиганство. Возможно законопослушный гражданин неспособен быстро и эффективно справиться с правонарушителем. В результате, его правомерное сопротивление преступному посягательству, попытки задержать лицо, совершившее преступление, предстают в глазах очевидцев как неправомерное насилие [4, с. 26].

Полагаем, следует избегать дознавателям от применения в своей повседневной практике производства дознания (в том числе по уголовным делам о побоях), вышеуказанных приемов фрагментации обстоятельств преступления. Проявлять объективность при проведении дознания.

Таким образом, на сегодняшний день порядок производства дознания требует совершенствования, путем внесения необходимых изменений в УПК РФ, в том числе нуждается в четкой регламентации процесс осуществления ведомственного контроля.

Принимая во внимание складывающиеся проблемы в ходе дознания по уголовным делам о побоях, предлагается для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, производство на стадии возбуждения уголовного дела следственных действий: осмотр места происшествия, назначение и производство судебных, в том числе судебно-медицинских экспертиз (для правильной квалификации преступления), а также на первоначальном этапе расследования: допрос свидетелей и потерпевшего, освидетельствование и предъявление для опознания.

Библиография:

1. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19.01.2022 г. № 11 (ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdadf518/ (дата обращения: 01.02.2024).
2. Абрамова Н.Г. Проблемы использования специальных знаний при расследовании побоев // Вестник криминалистики. 2009. № 4 (32). С. 123-129.
3. Абрамова Н.Г. Особенности назначения и проведения судебных экспертиз при расследовании побоев // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. № 2-2. С. 17-23.

4. Григорьев В.Н. «Новый прием» установления истины по уголовному делу - фрагментирование обстоятельств // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Симферополь-Алушта, 26-27 апреля 2018 года. – Симферополь-Алушта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. С. 25-27.
5. Коротаева Ю.А. О проблеме реализации ведомственного процессуального контроля при производстве дознания в сокращенной форме в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 2. С. 19-21.
6. Лукожев Х.М., Долгов А.М. Дознание как форма предварительного расследования: монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 160 с.
7. Мичурина О.В. Извечные вопросы дознания и попытки дать ответы на них // Российский следователь. 2022. № 11. С. 8-11.
8. Малышева О.А. Процессуальная форма дознания: состояние и перспективы (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова) // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Гаврилова): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 3 ноября 2023 г.): в 2 ч. / под ред. Б.Я. Гаврилова, Ю.Е. Салеевой, Ю.В. Шпагиной. – М.: Академия управления МВД России, 2023. Ч. 1. С. 252-258.
9. Недоступенко Т.А. О проблемных аспектах, возникающих в рамках сбора материала доследственной проверки по фактам применения физического насилия в отношении несовершеннолетнего // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 1. С. 54-58.
10. Рудов Д.Н. Привлечение специалиста при расследовании побоев, совершенных из расовой ненависти и вражды (на примере Белгородской области) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. № 2. С. 12-17.
11. Чеснокова Н.А. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам о причинении вреда здоровью, побоев, совершенных из хулиганских побуждений несовершеннолетними // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 1. С. 126-130.

References:

1. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated 01/19/2022 No. 11 (ed. dated 02.22.2023) "On the organization of prosecutorial supervision of the procedural activities of the bodies of inquiry" // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddafdadf518/ (date accessed: 01.02.2024).
2. Abramova N.G. Problems of using special knowledge in the investigation of beatings // Bulletin of criminalistics. 2009. No. 4 (32), pp. 123-129.
3. Abramova N.G. Features of the appointment and conduct of forensic examinations in the investigation of beatings // Izvestia TuiSU. Economic and legal sciences. 2015. No. 2-2. pp. 17-23.
4. Grigoriev V.N. "A new method" of establishing the truth in a criminal case - fragmentation of circumstances // Criminal proceedings: procedural theory and criminalistic practice: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Simferopol-Alushta, April 26-27, 2018. – Simferopol-Alushta: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Ariall", 2018. pp. 25-27.
5. Korotaeva Yu.A. On the problem of implementing departmental procedural control during the production of an inquiry in an abbreviated form in criminal proceedings // Russian investigator. 2022. No. 2. pp. 19-21.
6. Lukozhev H.M., Dolgov A.M. Inquiry as a form of preliminary investigation: monograph. – М.: Yurilitinform, 2018. – 160 p.
7. Michurina O.V. Eternal questions of inquiry and attempts to give answers to them // Russian investigator. 2022. No. 11. pp. 8-11.
8. Malysheva O.A. The procedural form of inquiry: state and prospects (to the 75th anniversary of the birth of Professor B.Ya. Gavrilov) // Criminal procedure and criminalistics: legal foundations, theory, practice, didactics (to the 75th anniversary of the birth of Professor Gavrilov): collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference (Moscow, November 3, 2023): at 2 o'clock / edited by B.Ya. Gavrilov, Yu.E. Saleeva, Yu.V. Shpagina. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. Part 1. pp. 252-258.
9. Nedostupenko T.A. On problematic aspects arising within the framework of collecting material for pre-investigation verification of the facts of the use of physical violence against a minor // Problems of law enforcement. 2022. No. 1. pp. 54-58.
10. Rudov D.N. Involvement of a specialist in the investigation of beatings committed out of racial hatred and enmity (on the example of the Belgorod region) // Problems of law enforcement. 2012. No. 2. pp. 12-17.
11. Chesnokova N.A. Circumstances to be proved in criminal cases of injury to health, beatings committed from hooligan motives by minors // The rule of law: theory and practice. 2013. No. 1. pp. 126-130.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СЛЕДОВ ПАЛЬЦЕВ РУК С ПОМОЩЬЮ НИНГИДРИН/ХЛОРИДА ИНДИЯ С ПОСЛЕДУЮЩИМ ВОЗБУЖДЕНИЕМ ФЛУОРЕСЦЕНЦИИ ИМПУЛЬСНЫМ ЗЕЛЕНЫМ ЛАЗЕРОМ: ОПЫТ ЯПОНИИ

Visualization of fingerprints using ninhydrin/indium chloride, followed by fluorescence excitation with a pulsed green laser: the experience of Japan

ХОЛЕВЧУК Артур Георгиевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Кубанский государственный университет, филиал в г. Новороссийске. 353900, Россия, г. Новороссийск, ул. Коммунистическая, 36.

E-mail: aholvchuk@mail.ru;

ПОЛЕВА Екатерина Константиновна,

обучающаяся АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет», Новороссийский институт (филиал).

353900, Россия, г. Новороссийск, ул. Энгельса, 53.

E-mail: aholvchuk@mail.ru;

Holevchuk Artur Georgievich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities

Kuban State University, branch in Novorossiysk.

353900, Novorossiysk, str. Kommunisticheskaya 36.

E-mail: aholvchuk@mail.ru;

Poleva Ekaterina Konstantinovna,

student of ANO VO Moscow University of Humanities and Economics, Novorossiysk Institute (branch).

53 Engels Street, Novorossiysk, 353900.

E-mail: aholvchuk@mail.ru

Краткая аннотация: в работе анализируются зарубежные технологии оптимизации процесса визуализации следов пальцев рук, отображенных на различных поверхностях. В процессе экспериментов исследователями использовалась газетная, копировальная и цветная бумага в качестве объектов-образцов. В сочетании различных комбинаций нингидрина и хлорида индия с применением лазерного излучения следовоспринимающей поверхности получены результаты, позволяющие определить эффективность методов, предложенных японскими экспертами. Эти и другие результаты могут быть использованы в качестве основы, с одной стороны, для глубоко и системного анализа зарубежного опыта на предмет определения возможности его применения в рамках отечественных экспертных исследований, с другой - для повышения качества исследований в области создания новых отечественных методов и технологий визуализации следов пальцев рук, основанных на применении нингидрина и бесконтактных технических средств.

Abstract: The paper analyzes foreign technologies for optimizing the visualization process of finger marks displayed on various surfaces. During the experiments, the researchers used newspaper, copy and colored paper as sample objects. In combination of various combinations of ninhydrin and indium chloride with the use of laser radiation of the trace-receiving surface, results were obtained that allow us to determine the effectiveness of the methods proposed by Japanese experts. These and other results can be used as a basis, on the one hand, for a deep and systematic analysis of foreign experience in order to determine the possibility of its application within the framework of domestic expert research, on the other hand, to improve the quality of research in the field of creating new domestic methods and technologies for visualizing fingerprints based on the use of ninhydrin and contactless technical means.

Ключевые слова: нингидрин; идентификация личности; дактилоскопия; хлорид индия; зеленый лазер.

Keywords: ninhydrin; identity identification; fingerprinting; indium chloride; green laser.

Для цитирования: Холевчук А.Г., Полева Е.К. Визуализация следов пальцев рук с помощью нингидрин/хлорида индия с последующим возбуждением флуоресценции импульсным зеленым лазером: опыт Японии // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 425-430. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_425.

For citation: Holevchuk A.G., Poleva E.K. Visualization of fingerprints using ninhydrin/indium chloride, followed by fluorescence excitation with a pulsed green laser: the experience of Japan // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 425-430. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_425.

Статья поступила в редакцию: 29.02.2024

Нингидрин вступая в реакцию с потожировым веществом, выделяемым из пор пальцев рук, окрашивает аминокислотный компонент вещества в пурпурный – сине-пурпурный цвет (пурпур Руэманна, далее - ПР) и в комбинации с хлоридом индия дает флуоресценцию. Японскими специалистами предложен метод визуализации следов пальцев рук, отображенных на поверхностях бумаги разного типа [1].

Предлагается использовать этот метод исключительно в ситуации, когда рисунок папиллярного узора не проявился в необходимом качестве исключительно с помощью нингидрина, что выгоднее, по сравнению с методами, где нингидрин не применяется [2-8]. Кроме того, метод имеет улучшенные характеристики в отличие от метода Менцеля (E.R. Menzel), в основе которого лежит технология применения нингидрина с хлоридом цинка (ZnCl).

Используя данный метод в комбинации с разными источниками света, исследовано 8 типов бумаги: газетная, отпечатанная типографской краской чёрного цвета, на которой сложно инициировать флуоресценцию, и копировальная (белая бумага для копировальных аппаратов), тонированная чёрным цветом. На основании результатов проведенных исследований, разработан метод визуализации флуоресцентных следов.

Материалы и методы.

В качестве реагентов использовали: нингидрин, хлорид цинка (ZnCl₂) – химические реагенты определенного качества компании Wako Pure Chemical Industries Ltd. и InCl₃ (четырёхводная соль) компании Shinkyo Kagaku Kogyo Ltd.

Источники возбуждающего света:

1. Средство освещения, используемое на месте происшествия, компании SPEX, модель CS-16;

2. Аргон-ионный лазер (458 – 514 нм, 6 W) компании Spectra-physics, модель Stabilite 2017 Ar;
 3. Твердотельный (Nd: YVO₄) CW (непрерывный свет) зелёный лазер (532 нм, 5 W или 10 W) производства компании Coherent, модель Verdi-5 или 10 LD;

4. Твердотельный (Nd: YVO₄) импульсный зелёный лазер (532 нм, 10 нс, 20 кГц, 1 W) компании Coherent, модель Vector-532-1000-20 LD.

Измерение флуоресценции выполнили микрофотоспектрометром производства компании Leica (Германия), модель MPV, в диапазоне флуоресценции синего цвета 450–490 нм.

Эксперимент.

1. Следы пальцев рук отобразили на следовоспринимающей поверхности (8 листов бумаги: сиреневого, синего, зелёного, жёлтого, оранжевого, красного, серого и чёрного цветов) на газетной и следокопировальной бумаге (пальцы касались следовоспринимающей поверхности на 1 секунду). Поскольку следы сложно визуализировать на цветной бумаге или бумаге с отпечатанной поверхностью, а проведение работ по визуализации, может повредить рисунок папиллярного узора, решено было оставить их в условиях комнатной температуры. Исследователи работали со следами, которые были помещены на следовоспринимающую поверхность за 24 часа до их визуализации.

2. Бумагу с образцом погружали в 0,6%-ный раствор нингидрина (ацетон: лигроин = 3:7), после извлекали и помещали в инкубатор на 1-2 часа с температурой 55-60°C для удаления остатков воды, что способствовало проявлению пурпурно-сине-пурпурных следов. Как отмечают исследователи, если время нагревания будет долгим, либо температура – высокой, пигмент самого цвета может разрушиться, а другие участки, кроме следа, окраситься. К тому же, вместо погружения бумаги с образцом в раствор нингидрина, есть возможность визуализации следов путём распыления раствора нингидрина с 2%-ным метанолом.

3. Распылили 2%-ный раствор InCl₃ с метанолом. Для исключения нечеткости следа, исследователи использовали мелкодисперсную распылительную установку (PRO-SPRAY Mk-3, производства компании Gunze Sangyou Ltd. и воздушный компрессор REVO компании Tamiya Mosei модели Spray-work HG). Комплексная реакция флуоресценции завершилась, примерно, за 30 секунд, изменив пурпурный-сине-пурпурный цвет следа, обработанного нингидрином на красно-сиреневый. Концентрация распыляемого раствора составила 0,1 мл/см².

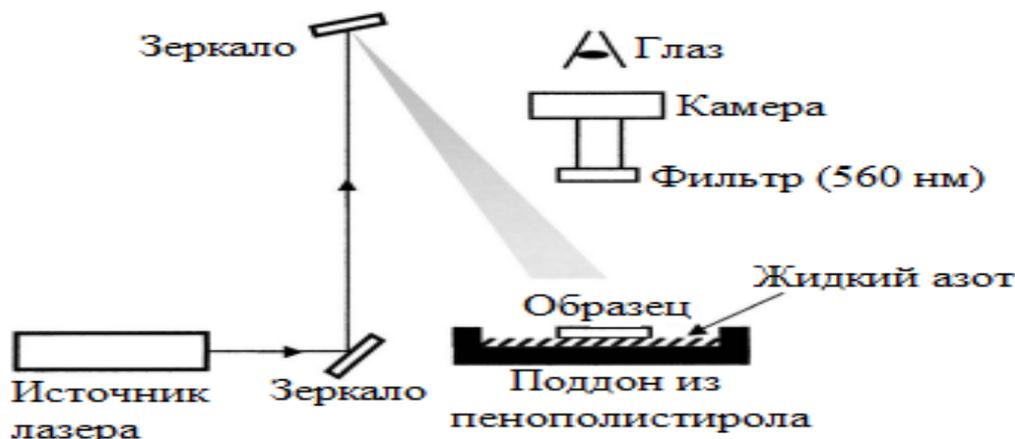

Рис. 1. Схема визуализации следов пальцев рук с помощью зеленого лазера.

4. Воздействие излучения на флуоресценцию следов показано на рис. 1 с фиксацией оптической камерой на цветную плёнку (Fuji, ISO 100), в процессе охлаждения бумаги (следовоспринимающий объект) и помещения объекта в ванночку из пенополистирола с жидким азотом. Время воздействия лазерным излучением составило 1-4 секунды, использовали фильтр с острым срезом (компании Kenko YA-3 (SO-56)). Для увеличения чёткости флуоресценции следов поверхность, на которую воздействовали излучением уменьшили и осветили, а для снижения отражённого света, на обратную сторону приложили чёрную бумагу. Наблюдение без специальных технических средств с помощью очков оранжевого цвета, составило 580 нм и меньше.

При условии, что рисунок папиллярного узора, проявленный нингидрином, тонкий и прерывистый – нераспознаваем, его обработка ZnCl₂ [9] или InCl₃ в несколько раз увеличивает чувствительность к флуоресценции, оптимизируя процесс визуализации. Кроме того, аналогичная чувствительность увеличивается, если выполнить жидкостное охлаждение камеры (-196°C).

Выявление флуоресценции следов на белой, в основном, высококачественной, бумаге, относительно легко выполнить, проведя фото возбуждение обычным средством освещения, используемым на местах происшествий при комнатной температуре. На рис. 2 (а) показан след, обработанный раствором нингидрина с низким контрастом; на рис. 2 (б) – тот же образец, разделённый на две половины, обработанный ZnCl₂ и InCl₃ соответственно, и наблюдаемый с помощью освещения с излучением синего цвета (495 нм). Эта длина волны возбуждения в 495 нм эффективнее для комбинации ПР нингидрина – ZnCl₂ (496 нм) по сравнению с длиной волны для ПР нингидрина/InCl₃ (510 нм), поскольку она ближе к максимуму поглощения первого раствора. Тем не менее, чувствительность к флуоресценции выше у соединения ПР с InCl₃, солью индия – рис. 2 (б) справа, чем у ПР – ZnCl₂ (левая половина рис. 2 (б)). К тому же, при увеличении длины волны до 515 нм, (максимум поглощения ПР с InCl₃), эти различия в интенсивности флуоресценции были заметнее.

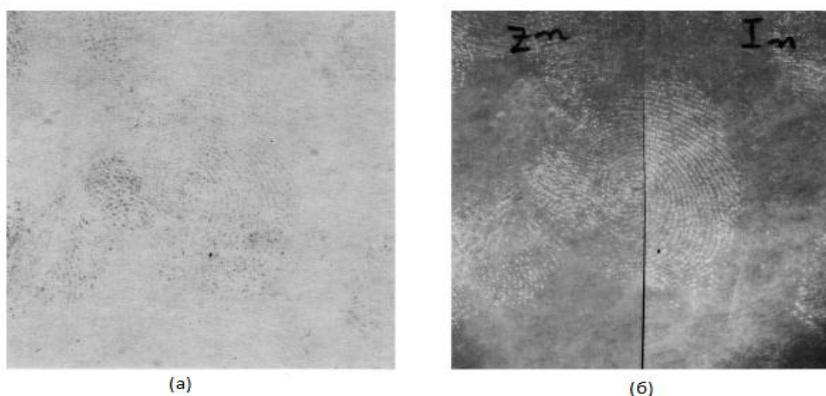

Рис. 2. Результат обработки нингидрином/солями металлов слабовидимого следа на белой бумаге: (а) - нингидрин; (б) - слева: нингидрин/ $ZnCl_2$, (б) – справа: нингидрин/ $InCl_3$; для возбуждения использовалось средство освещения, используемое на местах происшествий (495 нм, комнатная температура).

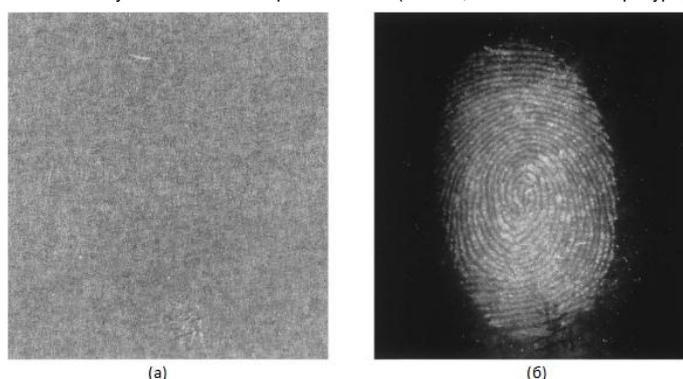

Рис. 3. Эффект от излучения импульсным зелёным лазером (532 нм, 10 нс ширина импульса, 20 кГц частота повторений импульса, 1 W – средняя мощность, $-196^{\circ}C$, фильтр в 560 нм) после обработки следов пальцев рук $InCl_3$, обнаруженных на бумаге фиолетового цвета: нингидрин (а) и нингидрин/ $InCl_3$ флуоресценция (б).

Цвет бумаги	Средство освещения	Лазер Ag	Зелёный лазер	Импульсный зелёный лазер
	515 нм CW	458-514 нм CW: 6W	532 нм CW: 5W (или 10W)	532 нм 10 нс, 20 кГц, 1W
Фиолетовый	Хорошо	Хорошо	Хорошо	Хорошо
Синий	Слабо	Хорошо	Хорошо	Хорошо
Зелёный	–	Слабо	Хорошо	Хорошо
Желто-зелёный	–	–	Хорошо	Хорошо
Оранжевый	–	–	–	–
Красный	–	–	–	–
Серый	Хорошо	Хорошо	Хорошо	Хорошо
Чёрный	Слабо	Хорошо	Хорошо	Хорошо
Чёрный (газета)	–	Слабо	Слабо	Хорошо
Чёрный (копия)	–	–	Слабо	Хорошо

Табл. 1. Интенсивность флуоресценции следов пальцев рук, выполненная посредством возбуждения излучения на следовоспринимающей поверхности (цветная бумага) со следами пальцев рук 4 источниками света после обработки нингидрином/ $InCl_3$.

Цветная печать широко применяется в различных областях жизнедеятельности, в частности, в процессе издания газет и журналов. Следы пальцев рук на цветной бумаге, обработанные нингидрином сложно визуализировать так, чтобы в них отобразились частные признаки папиллярного узора. В качестве примера на рис. 3 показан образец отпечатка, нанесенный на фиолетовую бумагу, и поскольку он по цвету идентичен следу, обработанному нингидрином (ПР), его сложно наблюдать без специальных технических средств (рис. 3 (а)). Используя для возбуждения света $InCl_3$ в сочетании с зелёным лазером (532 нм), можно наблюдать ярко проявившийся след (рис. 3 (б)).

В табл. 1 приведены результаты применения 4 видов источников возбуждения света для визуализации следов, отображенных на цветной, газетной и копировальной бумаге, отпечатанной черной типографской краской. Эксперименты проводились без жидкого азота. Исключив два цвета - оранжевый и красный, не показавших необходимого качества визуализации, позитивные результаты получены вследствие применения импульсного зелёного лазера, следующий по эффективности – зелёный лазер CW*, затем – лазер Ag и средство освещения. Для CW зелёного лазера исследовали выходную мощность в 5W и 10W, при этом наблюдалась существенная разница в полученных результатах. На двух листах цветной бумаги: оранжевом и красном, никакого результата не получено, поэтому решено было провести исследование спектра

флуоресценции и, как видно на рис. 4, оба объекта дали сильную флуоресценцию в области отображения следов при возбуждении в 560 нм и более, однако, как отмечают исследователи, по причине сильной фоновой флуоресценции цветной бумаги ничего не удалось рассмотреть.

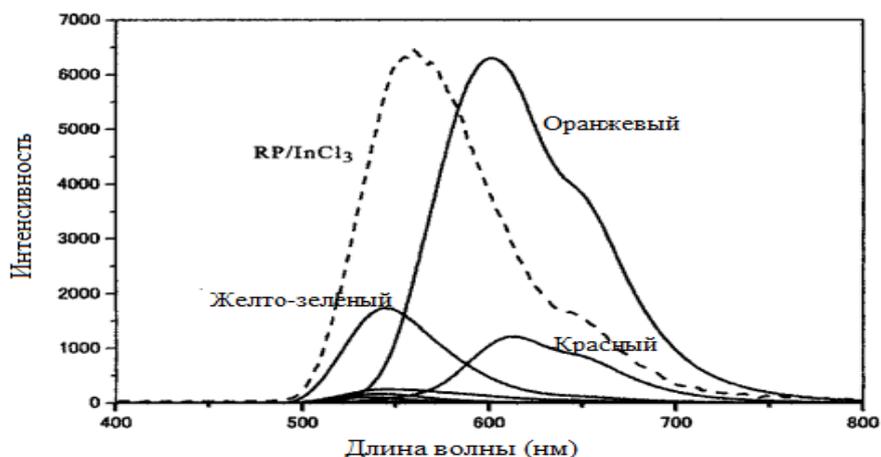

Рис. 4. Спектр флуоресценции RP в комплексном использовании с InCl_3 на фоне цветной бумаги, возбужденной излучением синего цвета (450-490 нм).

Бумагу оранжевого цвета на которой был отображен след, исследовали с помощью полосового фильтра диапазонов и оборудования, соответствующего техническим характеристикам, предложенным Менцелем (E.R. Menzel). Длина волны 550 нм, показала снижение фоновой флуоресценции и усиление флуоресценции следа [13].

Визуализация следов пальцев рук на черной газетной и копировальной бумаге оказалась одной из сложных из-за объекта на котором были отображены следы. В этом случае исследователи воздействовали на объект комплексно, применив нингидрин/ InCl_3 , а флуоресценцию возбуждали импульсным зеленым лазером, достигнув положительных результатов (рис. 5).

Сравнивая среднюю мощность импульсного зеленого лазера (1W) и зеленого лазера CW (5W), установлено, что она составляет 1/5. Однако, из-за того, что время воздействия импульса короткое (10 нс, 20 кГц), реальная интенсивность света во время излучения, примерно, в 1000 раз больше, что, как полагают исследователи, влечет большую выпускную способность импульсного зеленого лазера.

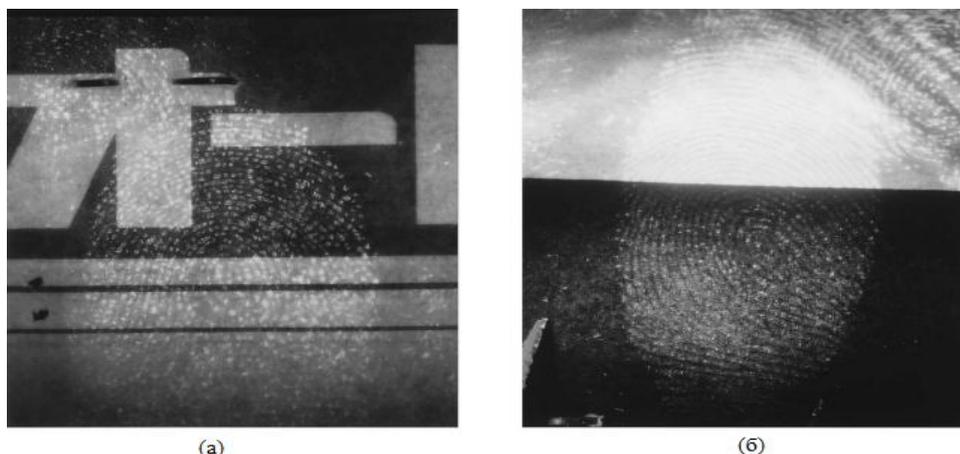

Рис. 5. Следы пальцев рук на газетной (а) и копировальной бумаге (б), обнаруженные при возбуждении излучения импульсным зеленым лазером (532 нм, 10 нс, 20 кГц, 1W -196°С, фильтр в 560 нм) после обработки нингидрином/ InCl_3 .

Для получения высокой эффективности возбуждения, необходимо использовать излучение, длина волны которого максимально близка к максимуму поглощения потожирового вещества. Поскольку максимум поглощения комплекса RP нингидрина/ InCl_3 составляет 510 нм, применение зеленого лазера (532 нм) по сравнению с зеленым светом технического средства освещения, используемого на местах происшествий (515 нм) и лазера Ar (514 нм) - нецелесообразно. Однако, по результатам, представленным в табл. 1, становится очевидно, что сильный свет возбуждения может компенсировать недостатки длины волны излучения. Кроме того, дополнительным преимуществом использования импульсного зеленого лазера, в отличие от зеленого лазера CW, является его короткое излучение, которое даёт слабое облучение, что рационально при использовании ванночки с жидким азотом.

На основании полученных результатов, исследователи отмечают, что, для возбуждения флуоресценции в комплексном применении нингидрина/ InCl_3 наиболее подходящим является комбинирование с импульсным зеленым лазером.

К тому же, проведя исследование по обнаружению флуоресценции в следах на чёрной газетной и копировальной бумаге, тонированной в чёрный цвет, исследователи обращают внимание на следующие аспекты. Первый состоит в том, что следы, отображенные на чёрной бумаге и визуализированные нингидрином, особенно при комбинированном воздействии InCl_3 , будут нечеткими из-за раствора, и, при достаточно высокой степени растекания, могут исчезнуть. Чтобы избежать этого, необходимо подождать пока бумага и следы на ней полностью высохнут, до обработки нингидрином. Кроме того, при нанесении раствора InCl_3 с метанолом, необходимо использовать мелкодисперсное распыление. В процессе эксперимента необходимо действовать соблюдая меры предосторожности. Второе, использование химического реагента с высокой степенью возбудимости. Найденный исследователями InCl_3 имеет большую степень флуоресценции в следах, нежели ZnCl_2 . Кроме того, если использовать InCl_3 в комплексе с дорогими, но эффективными, по сравнению с нингидрином, 5-метоксинингидрином или бензонингидрином, комбинация станет высокоэффективной. Третий аспект состоит в использовании импульсного зелёного лазера [10-12].

Исследователи пришли к выводу о необходимости создания устройства для визуализации следов пальцев рук, как показанного на рис. 6. Импульсный зелёный лазер (Nd: YAG, 10 Гц, 0.2 W), используемый в качестве источника света, расположен так, чтобы излучать свет в две стороны и для обеспечения безопасности, использовали модель закрытого типа, в которую, после сборки, поместили образец извне. Сборка включала регулировку положения облучения с помощью подставки XY, добавление жидкого азота для охлаждения и регулировку интенсивности излучения. Кроме импульсного зелёного лазера, в установку включен источник ультрафиолетового света, используемый для обнаружения следов пальцев рук в качестве источника белого света с инициацией люминесценции порошка европия, а наблюдение и фотографирование можно выполнять с помощью ПЗС-камеры, подсоединённой к компьютеру.

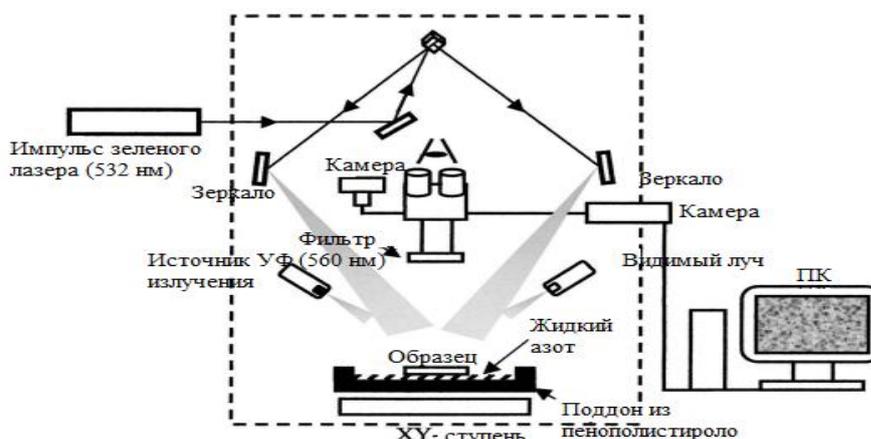

Рис. 6. Схема визуализации следов пальцев рук, путём возбуждения флуоресценции.

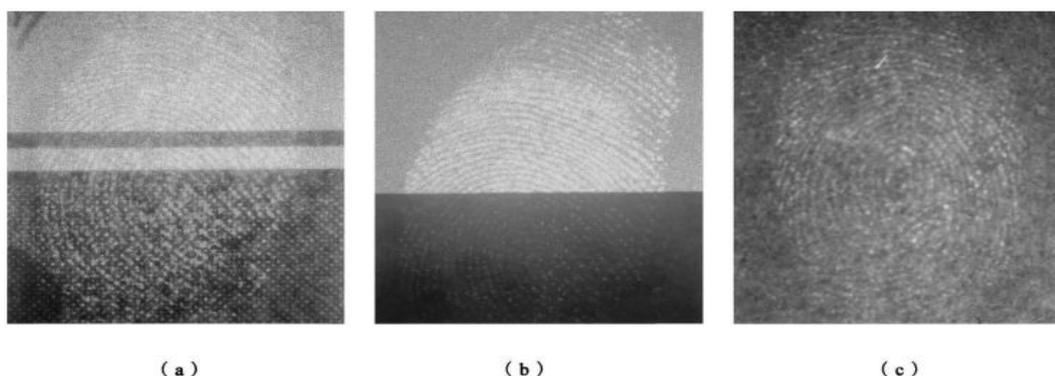

Рис. 7. Следы пальцев рук, визуализированные на газете (а), копировальной бумаге (б) и бумаге оранжевого цвета (в), обнаруженные с помощью системы (532 нм, 10 Гц, 0.2 W, -196°C), продемонстрированной на рис. 6, после обработки нингидрин/ InCl_3 . На бумаге оранжевого цвета (в) использовался полосовой фильтр диапазонов (550±25 нм).

С помощью представленного устройства исследователи смогли обнаружить флуоресцентные следы на газете и копировальной бумаге (рис. 7 (а) и (б)). Они смогли выполнить обнаружение следов на образце бумаги оранжевого цвета, с помощью полосового фильтра диапазонов в 550 нм, благодаря чему уменьшилась фоновая флуоресценция и получен след положительного качества (рис. 7 (в)).

Метод обнаружения флуоресценции с комплексом нингидрин/ InCl_3 эффективен для повышения качества изображения следа. Для этого метода подходящим является импульсный зелёный лазер, излучающий сильный свет. Комбинируя метод обнаружения флуоресценции комплексом нингидрин/ InCl_3 с воздействием импульсным зелёным лазером, можно обнаружить следы пальцев рук на относительно большом количестве поверхностей, на которых, обнаружение следов затруднено или невозможно (к примеру, цветная или газетная бумага). Исследователям

впервые удалось обнаружить след на бумаге, тонированной чёрным цветом. Основываясь на полученных результатах, они соединили импульсный зелёный лазер и высокочувствительную ПЗС-камеру, создав высокочувствительную установку для обнаружения следов пальцев рук.

Библиография:

1. Takatsu M., Sumida N., Shimoda O., Tateishi Y. Detection of Latent Fingerprints on Colored Papers by Fluorescence Using Ninhydrin/InCl₃ Treatment Followed by Pulsed Green Laser Excitation // Japanese Journal of Science and Technology for Identification. 2002. Vol. 7. Iss. 1. P. 45-52.
2. Takatsu Masahisa, Sumida Noriaki, Tateishi Yukinori, Shimoda Osamu Regarding the fluorescence high sensitivity of latent fingerprints detected by ninhydrin and 5-metoxyninhydrin using of indium trichloride // Iron Science. 2000. Vol. 5. Iss. 1. P. 23-32.
3. Mayer S.W., Meilleur C.P., Jones P.F. The use of ortho-phthalaldehyde for superior fluorescent visualization of latent fingerprint // Journal of the Forensic Science Society. 1978. Vol. 18. Iss. 3-4. P. 233-235.
4. Ooki Hiroshi A new method of detecting latent fingerprint using o-phthalaldehyde // Police Research Laboratory report. 1978. Vol. 31. P. 295-298.
5. Ooki Hiroshi A new method of detecting latent fingerprint using fluorescamine // Police Research Laboratory report. 1976. Vol. 29. P. 120-121.
6. Menzel E.R. Laser detection of latent fingerprints on skin // Journal of Forensic Science. 1982. Vol. 27. P. 918-922.
7. Salares V.R., Eves C.R., Carey P.R. On the detection of fingerprints by laser excited luminescence // Forensic Science International. 1979. Vol. 14. P. 229-237.
8. Sasson Y., Almog J. Chemical reagents for the development of latent fingerprints. Scope and limitations of the reagent 4-dimethylaminocinnamaldehyde // Journal of Forensic Science. 1978. Vol. 23. P. 852-855.
9. Pounds C.A., Grigg R., Mongkolaussavaratana T. The use of 1,8-diazafluoren-9-one (DFO) for the fluorescent detection of latent fingerprints on paper. A preliminary evaluation // Journal of Forensic Science. 1990. Vol. 35. P. 169-175.
10. Menzel E.R., Herod D.W. Laser detection of latent fingerprints: ninhydrin followed by zinc chloride // Journal of Forensic Science. 1982. Vol. 27. P. 513-518.
11. Almog J., Hirschfeld A. 5-metoxyninhydrin: a reagent for the chemical development of latent fingerprints that is compatible with the copper-vapor laser // Journal of Forensic Science. 1988. Vol. 33. P. 1027-1030.
12. Almog J., Hirschfeld A., Klug J.T. Reagents for the chemical development of latent fingerprints: synthesis and properties of some ninhydrin analogues // Journal of Forensic Science. 1982. Vol. 27. P. 912-917.
13. Menzel E.R. Fingerprint Detection with Laser (Second Edition, Revised and Expanded), Marcel Dekker, New York. 1999.

References:

1. Takatsu M., Sumida N., Shimoda O., Tateishi Y. Detection of Latent Fingerprints on Colored Papers by Fluorescence Using Ninhydrin/InCl₃ Treatment Followed by Pulsed Green Laser Excitation // Japanese Journal of Science and Technology for Identification. 2002. Vol. 7. Iss. 1. P. 45-52.
2. Takatsu Masahisa, Sumida Noriaki, Tateishi Yukinori, Shimoda Osamu Regarding the fluorescence high sensitivity of latent fingerprints detected by ninhydrin and 5-metoxyninhydrin using of indium trichloride // Iron Science. 2000. Vol. 5. Iss. 1. P. 23-32.
3. Mayer S.W., Meilleur C.P., Jones P.F. The use of ortho-phthalaldehyde for superior fluorescent visualization of latent fingerprint // Journal of the Forensic Science Society. 1978. Vol. 18. Iss. 3-4. P. 233-235.
4. Ooki Hiroshi A new method of detecting latent fingerprint using o-phthalaldehyde // Police Research Laboratory report. 1978. Vol. 31. P. 295-298.
5. Ooki Hiroshi A new method of detecting latent fingerprint using fluorescamine // Police Research Laboratory report. 1976. Vol. 29. P. 120-121.
6. Menzel E.R. Laser detection of latent fingerprints on skin // Journal of Forensic Science. 1982. Vol. 27. P. 918-922.
7. Salares V.R., Eves C.R., Carey P.R. On the detection of fingerprints by laser excited luminescence // Forensic Science International. 1979. Vol. 14. P. 229-237.
8. Sasson Y., Almog J. Chemical reagents for the development of latent fingerprints. Scope and limitations of the reagent 4-dimethylaminocinnamaldehyde // Journal of Forensic Science. 1978. Vol. 23. P. 852-855.
9. Pounds C.A., Grigg R., Mongkolaussavaratana T. The use of 1,8-diazafluoren-9-one (DFO) for the fluorescent detection of latent fingerprints on paper. A preliminary evaluation // Journal of Forensic Science. 1990. Vol. 35. P. 169-175.
10. Menzel E.R., Herod D.W. Laser detection of latent fingerprints: ninhydrin followed by zinc chloride // Journal of Forensic Science. 1982. Vol. 27. P. 513-518.
11. Almog J., Hirschfeld A. 5-metoxyninhydrin: a reagent for the chemical development of latent fingerprints that is compatible with the copper-vapor laser // Journal of Forensic Science. 1988. Vol. 33. P. 1027-1030.
12. Almog J., Hirschfeld A., Klug J.T. Reagents for the chemical development of latent fingerprints: synthesis and properties of some ninhydrin analogues // Journal of Forensic Science. 1982. Vol. 27. P. 912-917.
13. Menzel E.R. Fingerprint Detection with Laser (Second Edition, Revised and Expanded), Marcel Dekker, New York. 1999.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF MEASURES AIMED AT COMBATING CORRUPTION IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

ТОМАЩУК Яна Юрьевна,

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, полковник полиции.
ул. Горького, 71, г. Белгород, Белгородская обл., 308024, Россия.
E-mail: janatomashuk@yandex.ru;

БАРСОВА Екатерина Руслановна,

слушатель 253 взвода 5 курса факультета правоохранительной деятельности,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, младший лейтенант полиции.
ул. Горького, 71, г. Белгород, Белгородская обл., 308024, Россия.
E-mail: eekateriina0412@gmail.com;

TOMASCHUK Yana Yurievna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Police Colonel, Deputy Head of the Department of Criminal Law Disciplines,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.
Gorky str., 71, Belgorod, Belgorod region, 308024, Russia.
E-mail: janatomashuk@yandex.ru;

BARSOVA Ekaterina Ruslanovna,

is a junior police lieutenant a student of the 253rd platoon of the 5th year of the Faculty of Law Enforcement,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.
Gorky str., 71, Belgorod, Belgorod region, 308024, Russia.
E-mail: eekateriina0412@gmail.com

Краткая аннотация: в статье рассматриваются отдельные аспекты государственной политики в области противодействия коррупции. Несмотря на предпринимаемые попытки государственных органов в области противодействия коррупции, эффективность данных мер неоднозначна. С одной стороны, на сегодняшний день существует множество нормативных актов, регламентирующих названную деятельность, государственные органы, исполняющие её, организуется множество мероприятий, осуществляется прогнозирование, статистический учёт, планирование на несколько лет вперёд и т.д. Тем не менее отдельные факты резонансных преступных деяний, статистические данные и негативные прогнозы специалистов позволяют усомниться в эффективности деятельности государства.

Abstract: the article discusses certain aspects of state policy in the field of anti-corruption. Despite the attempts made by government agencies in the field of combating corruption, the effectiveness of these measures is ambiguous. On the one hand, today there are many normative acts regulating these activities, state bodies executing them, many events are organized, forecasting, statistical accounting, planning for several years ahead, etc. Nevertheless, some facts of high-profile criminal acts, statistical data and negative forecasts of experts allow us to doubt the effectiveness of the state's activities.

Ключевые слова: коррупция, деятельность государственных органов, предупреждение, коррупционные преступления, антикоррупционная стратегия.

Keywords: corruption, activities of state bodies, prevention, corruption crimes, anti-corruption strategy.

Для цитирования: Томащук Я.Ю., Барсова Е.Р. Анализ эффективности мер, направленных на противодействие коррупции в России на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 431-433. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_431.

For citation: Tomaschuk Ya.Yu., Barsova E.R. Analysis of the effectiveness of measures aimed at combating corruption in Russia at the present stage // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 431-433. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_431.

Статья поступила в редакцию: 04.03.2024

Коррупция на сегодняшний день является неотъемлемым спутником институтов государственной власти, уходящим в глубину веков. Как негативный социальный фактор, коррупция возникла с момента формирования управленческого аппарата и была присуща каждому государству в любые этапы их развития. Коррупция была и остаётся одной из наиболее актуальных проблем человечества. Названное негативное явление прошло через всю историю, сопровождало каждое государственное объединение, ослабляя его, нарушая адекватное функционирование публичной власти. Окончательно искоренить коррупцию не удавалось ни в одном обществе и государстве, вследствие чего данное явление приобрело тотальный характер. На сегодняшний день оно стало реальной угрозой не только для благополучной жизнедеятельности личности, но также и для экономического и политического развития.

На сегодняшний день такое негативное явление как коррупция признано «одной из самых серьёзных мировых проблем, затрагивающих все государства» [1]. Она дестабилизирует национальные экономики, нарушает права человека, подрывает принципы справедливости, провоцирует социальную напряжённость в обществе. Противодействие коррупции в современной России является одним из основных направлений деятельности Правительства РФ правоохранительных органов.

За последнее время органами государственной деятельности были сделаны иные необходимые шаги, направленные на осуществление антикоррупционной стратегии. Так, если коснуться области законодательного регулирования, то следует отметить, что в сфере регулирования указанного негативного явления был принят ряд правовых актов с целью повышения результативности антикоррупционной направленности.

Активная деятельность нормотворческих органов – далеко не единственное направление в сфере антикоррупционной деятельности

России. К числу реализации государственной политики в области борьбы с коррупцией можно также отнести работу отдельных структурных подразделений, в число которых, в том числе, входит система правоохранительных органов. В частности, перечислим основные меры практической направленности противодействия коррупции:

- Работа специального реестра лиц, в который попадают субъекты, уволенные с государственной службы вследствие совершения преступных деяний в данной области сроком на 5 лет с момента принятия официального документа, который являлся основанием для включения лица в названный список.
- Активная деятельность органов правоохранительной деятельности, направленная на пресечение преступлений в области коррупции (так, исходя из сведений «ИНФО24», органы внутренних дел России в 2022 году арестовали рекордное количество органов власти за последние 27 лет) [4].
- Проверка информации о гражданах, поступающих на государственную службу, а также увольнение чиновников в случае их отказа на предоставление таковых сведений, или предоставлении ложных сведений (это необходимо для предупреждения новых преступлений в названной сфере лицами, которые уже имели подобный опыт).
- Деятельность государственных органов, направленная на профилактику и пресечение коррупции, основывается на формировании у населения негативных настроений по отношению к коррупционному проявлению, организует институты общественного контроля за названным социально-вредным явлением [10, с. 50].
- Предоставление госслужащими, претендующими на замещение должностей, сведений о собственных доходах, а также доходах своих супругов, несовершеннолетних детей. Подобная проверка действует не только на доходы, но и на расходы лиц, включённых в определённый перечень (также предусмотрен специальная процедура выявления соответствия расходов и доходов субъекта за последние 3 года).
- Активное сотрудничество с иностранными государствами в вопросе противодействия коррупции. К примеру, ведётся результативная деятельность по розыску лиц, подозреваемых в коррупции, а также обмен сведениями, выявление скрытого имущества и иных направлений, относящихся к компетенции сотрудников правоохранительных органов.

Однако несмотря на попытки государственных органов снизить уровень коррупции, её проявления всё равно не могут оставаться незамеченными. Подобные факты наиболее показательно демонстрирует статистика, а также отдельные судебные решения, свидетельствующие о том, что степень коррупции в нашей стране до сих пор находится на высоком уровне.

Так, согласно международной статистике и данным самостоятельного некоммерческого учреждения «Центр антикоррупционных исследований и инициатив», Российская Федерация занимает одно из первых мест по степени злоупотребления должностными обязанностями служащих в мире, что в значительной мере негативно влияет на нормальное функционирование всех сфер жизнедеятельности общества [9].

За 12 месяцев 2022 года зарегистрировано 35140 дел коррупционной направленности. Цифра выглядит впечатляюще, пока мы не сравним её с общим количеством зарегистрированных за этот период преступлений. Всего по статистике в отчёте МВД значится 1 966 795, то есть почти 2 миллиона зарегистрированных преступлений. В сравнении с этой цифрой 35 тысяч дел выглядят гораздо скромнее, а в процентном выражении – всего 1,8% от общего количества дел, то есть менее двух процентов.

Как и ранее, основную часть этих преступлений согласно статистике по коррупции в 2022 году в России составляют эпизоды взяточничества – их на сей раз 19490. Причём, что интересно, за 7 месяцев 2022 года этих количество выявленных эпизодов взяточничества составило 13252 (вот здесь наш обзор за указанный период), то есть за 5 оставшихся месяцев года добавилось чуть больше 6000 новых коррупционных случаев. Очевидно, что интенсивность взяточничества снизилась, так как, если бы сохранялась прежняя «скорость» выявления фактов этой направленности, то за 5 месяцев добавилось бы более 8000 новых эпизодов. Средний же размер взятки, исходя из официальных сведений различных ведомств, составил в 2019 году 450-600 тысяч рублей [7].

За 12 месяцев 2022 года органами предварительного расследования выявлены 18194 человек, совершивших преступления коррупционной направленности. Из них очевидное большинство (12157 человек) привлечены к ответственности за преступления, связанные со взяточничеством. Это и понятно, учитывая, что большинство преступлений коррупционной направленности как раз и составляют эпизоды такой направленности.

Кстати, по количеству лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, 2022 год держит лидирующие позиции по сравнению с тем же периодом 2021 года. Год назад, по статистике МВД, таковых было 17495.

Из данных статистики по коррупции в 2022 году можно сделать вывод, что органы предварительного расследования ещё более интенсивно работают над выявлением преступлений коррупционной направленности и выявлению лиц, ответственных за их совершение.

Улучшаются и показатели раскрываемости преступлений интересующей нас сферы. За 2021 год раскрываемость составила 97,8%, а в 2022 году – уже 98,2%. Достаточно высокий процент раскрываемости, несомненно, связан и с повышением внимания руководства страны к коррупционным проблемам общества [8].

Так, при общении с журналистами РИА Новости председатель Следственного Комитета РФ А.Бастрыкин рассказал, что за 9 месяцев 2022 года в суды было направлено практически столько же уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности, сколько за весь 2021 год. При этом к уголовной ответственности привлекли почти полторы тысячи сотрудников правоохранительных органов, а также более 600 военных. Кроме того, как указал глава СК, были заведены уголовные дела о коррупции в оборонно-промышленном комплексе, где привлечёнными оказались 60 человек. Появились и дела, связанные с коррупцией при реализации госзаказа – таких подследственных набралось 27 человек.

Генеральный прокурор РФ И.Краснов в своём декабрьском интервью затронул вопрос ущерба от коррупционных преступлений. По статистике по коррупции в 2022 году, только за первые 9 месяцев в России зафиксирован ущерб от коррупционных преступлений в размере 45,4 млрд. рублей. При этом средняя сумма полученной взятки составила около полумиллиона рублей [3].

Как видим, правоохранительные органы не прекращают своих усилий по выявлению, расследованию и предотвращению преступлений коррупционной направленности [2, с. 125]. С каждым годом профессионализм ответственных лиц растёт, а собранная и структурированная МВД статистика по коррупции в 2022 году помогает фиксировать эту позитивную динамику [8].

Исследование отдельных фактов из судебной практики также свидетельствуют о существовании проблем в данной сфере. Так, в рамках данной темы необходимо привести в качестве примера судебные дела высокопоставленных чиновников за последние несколько лет, которые смогли вызвать общественный резонанс:

1. «Дело Гайзера» - судебное производство по делу главы Республики Коми, который на протяжении 5 лет своей службы и членстве в политсовете «Единая Россия» осуществлял преступную деятельность вместе со своими сообщниками. Так, в 2015 году по пути в отпуск за границу его задержали. Повод для задержания заключался в следующем – в его квартире и квартирах сообщников было найдено более 60 килограммов драгоценностей, 150 наручных часов стоимостью от 30 тысяч до миллиона долларов. Следствие заявило, что чиновники организовали настоящее преступное сообщество и отмывали деньги у граждан [5].

2. Выдача России экс-министра финансов Московской области Алексея Кузнецова, который несколько лет скрывался от правосудия. Сущность его дела заключается в мошенничестве в области жилищно-коммунального хозяйства, а вместе с тем в растрате 14 млрд рублей, что не могло не вызвать широкий общественный резонанс, ведь данную деятельность представитель власти осуществлял на протяжении многих лет [6].

3. Арест главы второго отдела управления службы экономической безопасности ФСБ полковника Кирилла Черкалина, который стал обвиняемым по делу о получении взяток и мошенничества в отношении владельца строительной компании. Так, за 9 лет службы он приобрёл 5 квартир, 2 загородных дома, 6 земельных участков, 14 объектов недвижимости и две машины, а также накопил 72 млн долларов и 8 млн евро, что не могло не вызвать подозрений [6]. Однако, как и в предыдущих примерах, противозаконная деятельность служащего продолжалась на протяжении долгого периода времени.

Таким образом, эффективность мер, направленных на предупреждение коррупционных преступлений в России неоднозначна. С одной стороны, на сегодняшний день существует множество нормативных актов, регламентирующих названную деятельность, государственные органы, исполняющие её. Также организуется множество мероприятий в целях уменьшения степени проявления коррупционной составляющей, осуществляется прогнозирование, статистический учёт, планирование на несколько лет вперёд и многое другое.

Однако наличие огромного количества резонансных дел, статистических данных, указывающих на усиление проявлений неблагоприятной тенденции, а также негативных прогнозов, позволяет усомниться в эффективности деятельности государства. Именно поэтому так необходимо выявить проблемы, проявляющиеся при реализации данных мер и, учитывая международный опыт, найти грамотные решения в целях преодоления причин и условий коррупции.

Библиография:

1. Из послания президента РФ Владимира Путина участникам 6 сессии Конференции государств-участников Конвенции ООН по борьбе с коррупцией (г. Санкт-Петербург, 02 ноября 2015 г.) // Официальный сайт Российской газеты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/11/02/putin-site.html> (доступ получен: 15.02.2024).
2. Лимаренко, А.П. Проблемы эффективности антикоррупционной политики в современной России/ А. П. Лимаренко, С. Е. Туркулец // Приоритеты развития социогуманитарного знания, экономики и права: научная дискуссия и эксперименты: сб. материалов науч. исследований молодых ученых в рамках Междунар. науч.-практ. конф./ под общ. ред. С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой.-М.: Научный консультант, 2017. – 230 с.
3. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_31 (доступ получен: 19.11.2023).
4. Официальный сайт правовой информации «ИНФО24» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://info24.ru/news/v-2018-godu-v-rossii-arestovali-rekordnoe-chislo-federalnyh-chinovnikov.html> (доступ получен: 19.11.2023).
5. Право.ру: законодательство, судебная система, новости и аналитика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/> (доступ получен: 19.11.2023).
6. РосБизнесКонсалтинг – информационное агентство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/search/?query> (доступ получен: 19.11.2023).
7. Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (доступ получен: 19.11.2023).
8. Статистика и аналитика // Официальный сайт Следственного Комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sledcom.ru/> (доступ получен: 19.11.2023).
9. Центр антикоррупционных исследований 2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.transparency.org/> (доступ получен: 19.11.2023).
10. Чернышева, Л.А. Антикоррупционная экспертиза нормативно правовых актов субъектов Р. Ф. и органов местного самоуправления: проблемы теории и практики/ Л. А. Чернышева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 6. – С. 50-53.

References:

1. From the Message of Russian President Vladimir Putin to the participants of the 6th session of the Conference of the States Parties to the UN Convention against Corruption (. PDF) St. Petersburg, November 02, 2015) // The official website of the Russian newspaper [Electronic resource]. Access mode: <http://www.rg.ru/2015/11/02/putin-site.html> (available: 15.02.2024).
2. Limarenko, A.P. Problems of the effectiveness of anti-corruption policy in modern Russia/ A. P. Limarenko, S. E. Turkulets // Priorities for the development of socio-humanitarian knowledge, economics and law: scientific discussion and experiments: Collection of scientific materials. Research by young scientists in the framework of international scientific and practical conference/ under the general editorship of S. E. Turkulets, E. V. Listopadova.-M.: Scientific consultant, 2017. -230 p.
3. The official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_31 (available: 19.11.2023).
4. The official website of legal information "INFO24" [Electronic resource]. Access mode: <https://info24.ru/news/v-2018-godu-v-rossii-arestovali-rekordnoe-chislo-federalnyh-chinovnikov.html> (available: 19.11.2023).
5. Law.gi: legislation, judicial system, news and analytics. [electronic resource]. Access mode: <https://pravo.ru/> (available: 11/19/2023).
6. RosBusinessConsulting-information agency [Electronic resource]. Access mode: <https://www.rbc.ru/search/?query> (available: 19.11.2023).
7. Statistics and analytics // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Electronic resource]. Access mode: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (available: 11/19/2023).
8. Statistics and analytics // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://sledcom.ru/> (available: 11/19/2023).
9. Center for Anti-Corruption Research 2022 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.transparency.org/> (available: 19.11.2023).
10. Chernysheva, L.A. Anti-corruption expertise of regulatory legal acts of the subjects of the Russian Federation F. and local governments: problems of theory and practice/ L. A. Chernysheva // State power and local self-government. – 2017. – No. 6. – p. 50-53.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_434

УДК 343.985.1

**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ, ПОЗВОЛЯЮЩЕЙ ПРАВИЛЬНО
ОФОРМИТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗЪЯТИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**
**The problem of legal regulation, which makes it possible
to correctly formalize the results of the seizure of computer information
during the production of operational investigative measures**

ТХАКУМАЧЕВ Борис Юрьевич,

кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедры юриспруденции

АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА».

300026, Россия, Тульская обл., г. Тула, Рязанская улица, 1.

E-mail: men2007kbr@bk.ru;

Thakumachev Boris Yuryevich,

Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Jurisprudence

of ANO IN «International Police Academy of the Russian Academy of Law».

1 Ryazanskaya Street, Tula, Tula region, 300026, Russia.

E-mail: men2007kbr@bk.ru

Краткая аннотация: автор считает, что существует практическая проблема, которая возникает по причине отсутствия прозрачного в законе порядка регулирования действий, направленных на аккуратное изъятие компьютерной информации с портативных устройств сотовой связи, которые обеспечивают защиту прав и свобод граждан, закрепленных в Конституции РФ, а также направлены на достижение задач оперативно-розыскной работы.

Abstract: The author believes that there is a practical problem that arises due to the lack of a transparent procedure in the law for regulating actions aimed at carefully removing computer information from portable cellular communication devices that protect the rights and freedoms of citizens enshrined in the Constitution of the Russian Federation, as well as aimed at achieving the objectives of operational investigative work.

Ключевые слова: компьютерная информация, оперативно-розыскные мероприятия, специальные цифровые знания, цифровая трансформация, электронный носитель информации, средство электронно-вычислительной техники.

Keywords: computer information, operational investigative measures, special digital knowledge, digital transformation, electronic media, electronic computing equipment.

Для цитирования: Тхакумачев Б.Ю. Проблема правовой регламентации, позволяющей правильно оформить результаты изъятия компьютерной информации в процессе производства оперативно-розыскных мероприятий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 434-437. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_434.

For citation: Thakumachev B.Yu. The problem of legal regulation, which makes it possible to correctly formalize the results of the seizure of computer information during the production of operational investigative measures // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 434-437. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_434.

Статья поступила в редакцию: 26.02.2024

Организация деятельности по повышению эффективности проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступлений в сфере цифровой трансформации, компьютерной информации, которые осуществляются с применением средств электронно-вычислительной техники, выступает в качестве одно из важных задач правоохранительных структур России.

Причины указанного явления заключаются в бурном развитии цифровой трансформации, компьютерной информации и определенной свободой доступа к средствам сотовой связи, компьютерным прикладным программным продуктам, средствам электронно-вычислительной техники, при помощи которых осуществляются преступления в указанной сфере.

Также, в качестве приоритетного направления проведения оперативно-розыскной деятельности правоохранительных структур России в указанной сфере, ранее неоднократно высказывал в своих речах президент Российской Федерации В. В. Путин ¹.

По причине сложности веб-технологий в системе правоохранительных структур имеют место проблемы, связанные с обнаружением и установлением месторасположения лиц, совершающих преступления в исследуемой сфере. С целью раскрытия преступлений, которые совершаются в указанной сфере, первоначальной задачей производства оперативно-розыскных мероприятий является установление места жительства либо месторасположения, которое использовалось лицом для совершения следующих незаконных действий в сфере цифровой трансформации, компьютерной информации:

- рассылка через международную сеть Интернет порнографических материалов с использованием прикладных программных продуктов, работающих в пиринговой сети DC++, например: FlylinkDC++, EiskaltDC++, ApexDC++, StrongDC++, LinuxDC++, AirDC++, Shakespeer, Jusu и других ;

- осуществление торговли наркотическими средствами, психотропными веществами, запрещенной спецтехникой либо оружием, взрывчатыми вещества, взрывными устройствами, запрещенной литературой, которая пропагандирует насилие, экстремистскую деятельность,

¹ См.: Выступление Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России (Москва, 28 февр. 2019 г.) // Офиц. сайт Администрации Президента РФ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/news/59913> (дата обращения: 23.02.2024 года).

расовую либо религиозную вражду и т.п.;

- реализация незаконного электронного доступа к закрытому электронному ресурсу для осуществления реорганизации, совершения кражи денежных средств, неправомерного осуществления копирования компьютерной информации, хищения путем мошенничества и т.п.;

- формирование и применение резервного, параллельного сайта для совершения кражи регистрационных сведений банковских карт оплаты либо осуществление иных видов мошенничества в международной электронной сети Интернет.

С целью установления месторасположения преступника либо применяемого им веб-ресурса целесообразно провести идентификацию IP-адреса и с помощью компьютерной информации, которая была получена с помощью поставщика услуг Интернета, установить личные сведения указанного преступника.

Целесообразно суметь применять следующий перечень способов и методов установления преступника и его IP-адреса:

- применение стандартной команды ping из интерфейса командной строки с использованием следующего формата: «ping исходный сайт». К примеру, с целью установления IP-адреса сайта Yandex, необходимо ввести «ping yandex.ru»;

- применение специализированных сервисов отождествления IP-адреса ресурса международной сети Интернета, к примеру: <https://ya.ru/>;

- использование специального программного продукта - облачное хранилище данных, которые собирали компьютерную информацию об абонентах ресурса международной сети Интернета, с помощью распределения интересных гиперссылок на массово применяемых электронных сайтах социальных сетей, веб-сайтах, либо веб-форумах. При активизации указанной ссылки возникает информация о колоссальном прибыли в лотерейной игре либо безвозмездной услуге, в реальности же осуществляется консервация сведений об абонентах в официальном исходном файле облачного хранилище данных. В качестве примера указанного программного продукта в соответствии с протоколом http является: http://www1.hut.ru/testi.shtml?Your_ID, где Your_ID используется в виде комбинации символов, которая состоит из латинских букв и цифр, и отождествляя преступника в роли абонента, указанного облачного хранилище данных с целью выявления электронных записей внутри исходного файла;

- с целью осуществления анализа различных видов присоединений атакуемому средству электронно-вычислительной техники целесообразно извлечь перечень электронных присоединений с применением команды netstat(aon) из интерфейса командной строки. В открывшемся отверстии MS-DOS по результатам исполнения указанной команды необходимо ознакомиться со столбцом «Внешний адрес», который отображает IP-адреса, с которыми имело место электронное присоединение указанного средства электронно-вычислительной техники.

При применении неизвестного сервера используются минимально два способа установления действительного IP-адреса¹:

1) совершить действия по вынуждению преступника исполнить инициативный прикладной программный продукт JavaScript либо ActiveX, VBScript, plug-ins для мобильных браузеров, программный продукт Java на открываемом веб-сайте, которые позволяют передать действительный IP-адрес напрямую, без участия прокси-сервера;

2) приобретение электронных журналов в форме исходных файлов с прокси-сервера с помощью применения публичных запрашиваний либо с применением средств электронной разведки.

Вынесение постановлений о возбуждении уголовных дел по преступлениям в сфере цифровой трансформации, компьютерной информации в подавляющем количестве случаев осуществляется в соответствии с материалами оперативно-розыскной работы. Наличие положительного результата в сфере раскрытия указанных преступлений имеет место и, связан с верной организацией взаимодействия с иными структурными подразделениями и службами правоохранительных структур.

В качестве наиболее перспективных направлений деятельности с целью осуществления предварительного расследования и будущего направления уголовного дела в суд, выступают документы уголовного дела, которые взаимосвязаны с задержанием преступников, которые совершали указанные преступления, а также документы, полученные в результате осуществления оперативно-розыскных мероприятий².

Электронные носители информации, полученные в рамках оперативно-розыскной деятельности, представляется возможным приобщать к рапорту об обнаружении признаков преступления, который представляется для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в порядке, который установлен Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд³.

В соответствии с Федеральным законом от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» в Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) были внесены изменения, в соответствии с которыми количество оперативно-розыскных мероприятий было расширено и добавлено новое оперативно-розыскное мероприятие, а именно: получение компьютерной информации в соответствии с пунктом 15 части 1 статьи 6

¹ См.: Лабутин Н.Г. Некоторые способы поиска и определения местонахождения злоумышленников в сети Интернет // Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции «Математические методы и информационно-технические средства». - Краснодар, 2014. – С. 164 – 168.

² См.: Самолаева Е.Ю. Организационно-тактические особенности обеспечения расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сборник статей Международной научно-практической конференции. – Электронные текстовые данные (2,33 Мб). – М.: Академия управления МВД России, 2018. – С. 256 – 261.

³ См.: Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Справочно-правовая система «ГАРАНТ» (дата обращения: 23.02.2024 года)

Закона об ОРД, которое позволяет разрешить всю совокупность задач, которые обязаны решить субъекты оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации¹. Целесообразно отметить, что до момента внесения данных изменений весь перечень мероприятий по отношению к средствам электронно-вычислительной техники, компьютерной информации осуществлялся в рамках производства оперативно-розыскного мероприятия, а именно: снятие информации с технических каналов связи в соответствии со статьей 8 Закона об ОРД.

Как справедливо отмечает А.Л. Осипенко, в техническом отношении процесс получения компьютерной информации можно осуществлять, также, и в процессе непосредственного доступа к электронным носителям информации, жестким дискам, оперативным запоминающим устройствам, которые установлены в средствах электронно-вычислительной техники и сетевом оборудовании.

В данном случае указанный автор предлагает процесс получения компьютерной информации с технических линий связи с электронных носителей информации, которые были получены с применением гласных путей, закреплять с помощью иных оперативно-розыскных мероприятий, таких как: получение справок, осуществление сбора образцов для сравнительного исследования, которое проводится гласно в процессе обследования зданий, помещений, сооружений, транспортных средств, участков местности и иных².

По причине отсутствия отработанной практики применения указанной формы оперативно-розыскных мероприятий в виде получения компьютерной информации, а также по причине присутствия факторов, связанных с высоким риском ограничения прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ на тайну телефонных переговоров, переписки, почтовых, телеграфных и других сообщений, имеет место осложнение по активному применению и осуществлению возможностей данного оперативно-розыскного мероприятия в процессе решения задач оперативно-розыскной работы.

По результатам анализа правоприменительной практики, вытекает вывод о существовании еще одной проблемы, которая способна спровоцировать признание доказательств в качестве недопустимых. В данной ситуации проблема заключается в отсутствии прозрачного в законе порядка регулирования действий, которые направлены на аккуратное изъятие компьютерной информации с портативных устройств сотовой связи, которые обеспечивают защиту прав и свобод граждан, закрепленных в Конституции РФ, а также направлены на достижение задач оперативно-розыскной работы.

В практической деятельности процесс изъятия компьютерной информации, электронных сообщений, в соответствии с основаниями, которые установлены пунктом 5 части 2 статьи 7 Закона об ОРД, осуществляется без вынесения решения суда, путем получения согласия с лица в письменном виде либо оформляются указанные результаты производством оперативно-розыскного мероприятия - исследование предметов и документов.

В указанном случае, имеет место высокий потенциальный риск того, что указанное доказательство будет признано в качестве недопустимого.

Согласно части 1 статьи 75 УПК России доказательства, которые были получены с нарушением требований УПК России, выступают в качестве недопустимых, а в соответствии со статьей 89 УПК России закреплен запрет на применение результатов оперативно-розыскной работы в случае, когда они не соответствуют требованиям, которые предъявляются уголовно-процессуальным законом к указанным доказательствам³.

Разрешение тех либо других задач оперативно-розыскной деятельности, которые закреплены в статье 2 Закона Об ОРД, во-первых, заключается в получении в процессе производства каждого по отдельности оперативно-розыскного мероприятия либо их совокупности различного перечня важной оперативно-розыскной информации. С целью получения наилучших показателей от проведения оперативно-розыскных мероприятий в подавляющем количестве случаев не имеет значения в каком виде будет осуществлена фиксация их результатов: в устном либо письменном виде, на видео- либо аудионосителях, на фотографиях и т. п.

Следовательно, перспективы, связанные с быстрым раскрытием преступлений в указанной сфере по горячим следам, приобретение важной компьютерной информации в целях подтверждения либо опровержения первоначальных подозрений в совершении преступлений вынуждает органы законодательной власти внести изменения в закон с целью дополнительной правовой регламентации, которые позволяют правильно оформить результаты изъятия компьютерной информации в процессе производства оперативно-розыскных мероприятий и в будущем применять в роли доказательств в процессе расследования преступлений в сфере цифровой трансформации, компьютерной информации, без нарушения конституционных прав граждан.

Библиография:

1. Выступление Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России (Москва, 28 февр. 2019 г.) // Официальный сайт Администрации Президента РФ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/news/59913> (дата обращения: 23.02.2024 года).
2. Корнаухова Н.Г., Катков С.В. Получение компьютерной информации: проблемы теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — Иркутск, 2020. - № 1 (92). — С. 182 - 190.
3. Лабутин Н.Г. Некоторые способы поиска и определения местонахождения злоумышленников в сети Интернет // Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции «Математические методы и информационно-технические средства». - Краснодар, 2014. — С. 164 – 168.

¹ См.: Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 23.02.2024 года); Корнаухова Н.Г., Катков С.В. Получение компьютерной информации: проблемы теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — Иркутск, 2020. - № 1 (92). — С. 182 - 190.

² См.: Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. — Воронеж, 2016. - № 3. - С. 83–90.

³ См.: Макарова О.В. О некоторых проблемах допустимости доказательств в уголовном процессе при изъятии компьютерной информации с мобильных устройств связи // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) [Электронный ресурс]: сборник статей Международной научно-практической конференции. — Электронные текстовые данные (2,33 Мб). — М.: Академия управления МВД России, 2018. — 163 – 168.

4. Макарова О.В. О некоторых проблемах допустимости доказательств в уголовном процессе при изъятии компьютерной информации с мобильных устройств связи // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) [Электронный ресурс]: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Электронные текстовые данные (2,33 Мб). – М.: Академия управления МВД России, 2018. – 163 – 168.
5. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. – Воронеж, 2016. - № 3. - С. 83–90.
6. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Справочно-правовая система «ГАРАНТ» (дата обращения: 23.02.2024 года)
7. Самолаева Е.Ю. Организационно-тактические особенности обеспечения расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сборник статей Международной научно-практической конференции. – Электронные текстовые данные (2,33 Мб). – М.: Академия управления МВД России, 2018. – С. 256 – 261.
8. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 23.02.2024 года).

References:

1. Speech by the President of the Russian Federation V. V. Putin at an expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, February 28, 2019) // Ofic. website of the Administration of the President of the Russian Federation [Electronic resource]. — URL: <http://www.kremlin.ru/news / 59913> (date of issue: 02/23/2024).
2. Kornaukhova N.G., Katkov S.V. Obtaining computer information: problems of theory and practice // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Irkutsk, 2020. - № 1 (92). – Pp. 182 - 190.
3. Labutin N.G. Some ways of searching and locating intruders on the Internet // Collection of materials of the XI All-Russian scientific and practical conference "Mathematical methods and information technology tools". - Krasnodar, 2014. – pp. 164-168.
4. Makarova O.V. On some problems of the admissibility of evidence in criminal proceedings in the seizure of computer information from mobile communication devices // Criminalistics in the context of the development of the information society (59th annual forensic readings) [Electronic resource]: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. – Electronic text data (2.33 Mb). – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – 163-168.
5. Osipenko A.L. New operational investigative event "obtaining computer information": content and basics of implementation // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Voronezh, 2016. - No. 3. - pp. 83-90.
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the FSB of Russia, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Customs Service, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation, the Investigative Committee of the Russian Federation dated September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "On approval of Instructions on the procedure for submitting results promptly-investigative activities to the body of inquiry, investigator or to the court" // Legal reference system "GARANT" (date of application: 02/23/2024)
7. Samolaeva E.Y. Organizational and tactical features of ensuring the investigation of crimes committed using information and telecommunication technologies // Criminalistics in the context of the development of the information society (59th annual forensic readings): collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. – Electronic text data (2.33 Mb). – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – pp. 256 – 261.
8. Federal Law No. 374-FZ dated 07/06/2016 "On Amendments to the Federal Law "On Countering Terrorism" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety" // Consultant Plus Legal Reference System (accessed 02/23/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_438

УДК 343.1

ОБЫСК КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ОПРАВДАНАЯ ТОЛЬКО НЕОБХОДИМОСТЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Search as a measure of criminal procedural coercion, justified only by the need to obtain evidence

ТАРАСОВ Алексей Александрович,
старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности
сотрудников подразделений охраны общественного порядка,
Нижегородская академия МВД России.
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: doktoi@inbox.ru;

Tarasov Alexey Alexandrovich,
Senior lecturer of the department of professional activities of employees of public order units,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye highway, 3.
E-mail: doktoi@inbox.ru

Краткая аннотация: Проведение обыска в отсутствие достаточных оснований для его проведения, исходя из общего предположения о возможности получения доказательств, может причинить существенный вред конституционным правам и свободам лиц. Необходимо свести к минимуму риск безрезультативности обыска и его негативных последствий для прав и свобод лиц. Современная редакция статьи 182 УПК РФ оставляет простор для правоусмотрения следователя и суда в принятии решения о производстве обыска при отсутствии конкретных фактических данных для его проведения. Судебный контроль не выступает достаточной гарантией защиты прав лиц от необоснованного обыска. Поэтому правовое регулирование данного следственного действия нуждается в существенных изменениях, которые предлагаются автором статьи. Их суть состоит в том, чтобы максимально конкретизировать требования к обоснованию этого следственного действия следователем, дознавателем, ограничить пределы обыска предметом доказывания по расследуемому делу.

Abstract: Conducting a search in the absence of sufficient grounds for its conduct, based on the general assumption of the possibility of obtaining evidence, can cause significant harm to the constitutional rights and freedoms of individuals. It is necessary to minimize the risk of an unsuccessful search and its negative consequences for the rights and freedoms of individuals. The modern version of Article 182 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation leaves room for the discretion of the investigator and the court in making a decision to conduct a search in the absence of specific factual data for its conduct. Judicial control is not a sufficient guarantee of protecting the rights of individuals from unreasonable searches. Therefore, the legal regulation of this investigative action requires significant changes, which are proposed by the author of the article. Their essence is to maximally specify the requirements for the justification of this investigative action by the investigator, interrogating officer, and to limit the scope of the search to the subject of evidence in the case under investigation.

Ключевые слова: обыск, конституционные права и свободы лиц, предмет и пределы обыска, гарантии обоснованности.

Key words: search, constitutional rights and freedoms of persons, subject and limits of search, guarantees of validity.

Для цитирования: Тарасов А.А. Обыск как мера уголовно-процессуального принуждения, оправданная только необходимостью получения доказательств // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 438-441. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_438.

For citation: Tarasov A.A. Search as a measure of criminal procedural coercion, justified only by the need to obtain evidence // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 438-441. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_438.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2024

В российской уголовно-процессуальной науке общепризнанным является положение о том, что обыск, будучи способом собирания доказательств, отличается ярко выраженной принудительностью^[1, с. 117-119; 2, с. 78; 3, с. 14]. Данное следственное действие потенциально сопряжено с существенным ограничением прав человека и гражданина, гарантированных статьями 23, 24 и 29 Конституции РФ.

В основе правового регулирования и проведения данного следственного действия, которое в идеале должно обеспечиваться прокурорским надзором и судебным контролем, должны лежать следующие, сформулированные в позициях Конституционного Суда России^[4;5], идеи: прав и свободы определяют смысл, содержание и реализацию законодательства; государство обязано обеспечивать приоритетную защиту прав и свобод человека и гражданина; ограничение прав и свобод человека и гражданина должно быть соразмерно защищаемым публичным интересам, перечисленным в ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ; оправданным могут быть правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны необходимому публично-правовому результату, получаемому государственными органами.

Таким образом, базовый правовой стандарт обыска должен исключать возможность несоразмерного ограничения права и свобод человека и гражданина, в том числе закрепленных в ст. 23, 24 и 29 Конституции Российской Федерации, которая выходит за разумные пределы государственных интересов и искажает сущность правосудия.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод о том, что исходный, первичный критерий законности, можно сказать – «правовости», «правомерности»¹, обыска является тяжесть преступления для расследования которого он проводится. Это можно сказать материально-правовой показатель разумности, правомерности использования такого уголовно-процессуального средства как обыск для достижения публично-правовых целей привлечения к уголовной ответственности виновника преступления, собирания доказательств с целью его изобличения.

Обыск не может проводиться по уголовным делам частного обвинения. Это обусловлено особенностью порядка производства по де-

¹ Термин «правовость» используется нами в том, естественно-правовом значении, который ему придает Конституцией России применительно к естественным, неотчуждаемым правам и свободам человека и гражданина (ст. ст. 2, 55 Конституции России).

лам частного обвинения и невозможностью проведения обыск в судебных стадиях уголовного судопроизводства. На наш взгляд, это законоположение распространяется и на ситуации, когда уголовное дело преступлениях, предусмотренных статьями 115 частью первой, 116.1 частью первой и 128.1 частью первой УК РФ, ведется в публичном порядке органом предварительного расследования.

Формального запрета на производство органом предварительного расследования обыска в подобных ситуациях нет. Однако, мы исходим из того, что небольшая тяжесть этих преступлений делает несоразмерным применением столь «жесткого» следственного действия по собиранию доказательств.

Более того, мы считаем, что производство обыска должно быть запрещено по уголовным делам *обо всех преступлениях небольшой тяжести*, ибо возможное ограничение прав лиц, затрагиваемых обыском, несоразмерно общественной опасности преступления, являющегося предметом расследования. Цель правосудия в подобном случае достигалась бы несоразмерным уголовно-процессуальным средством принуждения, ценой неоправданно сильного ограничения конституционных прав и свобод лиц, искажающим сущность правосудия.

К сожалению, на практике имеют место случаи, когда обыск проводится по уголовным делам, производство по которым должно проводиться у мирового судьи в частном порядке (ч. 1 ст. 20, 318-319 УПК РФ). Так, по уголовному делу № 12301220076000291[6], возбужденному 23 марта 2023 г. органом дознания по заявлению Р.Л. о причинении ей ее сестрой А.И. 23.04.2022 г. легких телесных повреждений, то есть совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, заместителем руководителя следственного отдела по Приокскому району г. Н. Новгород-да СУ СК по Нижегородской области Л.А. 18.08.2023 г. было возбуждено ходатайство перед судом о проведении обыска в жилище А.И. в связи с подозрением о совершении ею преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ. Оно было удовлетворено Приокским районным судом 28.08.2023 г. и 24.10.2023 г. обыск был проведен в жилище А.И., то есть спустя более года после предполагаемого события преступления.

Мы оцениваем такую практику как недопустимую. Поэтому предлагаем дополнить статью 182 УПК РФ следующими нормами: 1. «Запрещено проводить обыск по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести». 2. «Постановление суда о разрешении производства обыска может быть исполнено не позднее 10 суток».

Другой фундаментальный показатель *правомерности обыска* можно назвать «фактологическим», то есть следующий из фактов. Указанная фактологичность обыска может быть измерена по нескольким параметрам. Во-первых, это обоснованность обыска (ч. 1 ст. 182 УПК РФ), которая должна быть обеспечена доказанностью с достаточно высокой степенью вероятности самого факта совершения преступления. Это обеспечивается тем, что обыск проводится только в стадии предварительного расследования. Основание для возбуждения уголовного дела есть первая составляющая фактической обоснованности обыска. Из этого вытекает, на наш взгляд, требование о том, что обыск может проводиться при наличии доказанности факта совершения преступления или сформулированного органом уголовного преследования подозрения и выдвинутого обвинения. Орган предварительного расследования обязан представить суду достаточные доказательства, подтверждающие факт совершения преступления, для раскрытия которого стало необходимым проведение обыска и невозможности собирания доказательств совершенного преступления иным способом. Из этого положения вытекает вывод о *связанности* предмета обыска, пределов действия разрешения суда на его производства предметом доказывания по расследуемому уголовному делу или же формулой подозрения/обвинения в отношении уголовно-преследуемого лица. При даче разрешения на производство обыска суд должен указать, что обыск разрешен для собирания доказательств с целью раскрытия того преступления, которое было указано в постановлении, а не для раскрытия любых иных преступлений.

Как верно указывал М.С. Строгович: «Неправильно производить обыск, не зная, с расчетом обнаружить что-либо, и нельзя ставить в положение обыскиваемого того, кто ничего не скрывает»[1, с. 117]. Такое же мнение высказывали и другие ученые[7, с. 124, 125].

При получении разрешения на проведение следственного действия в жилище с целью поиска и изъятия доказательств по делу, следователь должен быть ограничен пределами подозрения, обвинения и предмета доказывания. Выход за их пределы разрешенного судом обыска по данному делу допустим исключительно для изъятия предметов, ограниченного оборота (ч. 9 статьи 182 УПК РФ).

Если же в ходе обыска обнаруживаются следы иных преступлений, для раскрытия которых требуется изъятие предметов, документов, то следователь, дознаватель, проводящий обыск должен руководствоваться частью пятой статьи 165 УПК РФ, то есть получить отдельное судебное разрешение на эти действия в рамках последующего судебного контроля.

Введение подробного принципиального ограничения пределов обыска и круга объектов, допустимых к изъятию в ходе его проведения, является необходимой гарантией прав лиц, в жилище или помещении которых проводится обыск. В развитие и закрепления этого положения мы предлагаем включить в статью 182 УПК РФ норм следующего содержания.

1.«В постановлении органа предварительного расследования о возбуждении ходатайства перед судом о получении разрешения на производство обыска должен быть определено преступление, для раскрытия которого необходимо проведение обыска. В своем ходатайстве орган предварительного расследования обязан обосновать необходимость проведения обыска как единственно возможного способа получения доказательств по данному делу».

2. «В постановлении суда о разрешении производства обыска должны быть определено на раскрытие какого конкретно преступления должно быть направлено проведение обыска и круг объектов, которые могут быть изъятые в связи с этим».

Показателем обоснованности обыска является представление органом предварительного расследования достаточной совокупности доказательств суду получения разрешения на производство этого следственного действия.

Мы разделяем точку зрения, основанную на разъяснении смысла части первой статьи 182 УПК РФ Пленумом Верховного Суда России[8], согласно которой ограничение конституционных прав лиц, в отношении которых проводится обыск, будет оправданным, разумным и спра-

ведливым только, если на момент принятия решения о проведении обыска у следователя имелись конкретные доказательства, данные, получение в результате оперативно-разыскной деятельности, которые с высокой степенью вероятности позволяли предполагать о наличии в месте проведения обыска объектов, которые могут иметь доказательственное значение по расследуемому уголовному делу[9, с. 130-139].

Если обратиться к уже упомянутому нами казусу, то орган предварительного расследования обосновал свое ходатайство перед судом о проведении обыска следующей формулировкой: «В настоящее время предмет, которым А.И. нанесла телесные повреждения Р.Л., не обнаружен и не изъят. В настоящее время возникла необходимость в проведении обыска в жилище А.И., ... года рождения, по адресу: ..., где могут находиться предметы, имеющие значение для уголовного дела №12301220076000291. На основании изложенного, и руководствуясь частями первой и второй ст. 182 (частью первой или третьей ст. 183) УПК, постановил ходатайствовать перед Приокским районным судом г. Н. Новгорода о разрешении производства обыска в жилище А.И.».

С нашей точки зрения, тем критериям фактичности, обоснованности правопритязаний на производство обыска, о которых говорит Пленум Верховного Суда России, доктрина, данное ходатайство не отвечает, ибо в нем не указан какие конкретно предметы подлежат обнаружению и изъятию в жилище А.И.А., какие фактические обстоятельства могут быть установлены посредством обыска, какие есть основания для собирания доказательств таким способом, как обыск, который сопряжен с существенным ограничением конституционных прав лиц, которые проживали совместно с А.И.А. в жилище.

Согласно пункту 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19, суд разрешая ходатайство о производстве следственного действия обязан проверить наличие фактических обстоятельств, служащих основанием для производства указанного в ходатайстве следственного действия.

Мы разделяем точку зрения[10, с. 245-250] о том, что в постановлении суда о разрешении производства обыска должно быть указаны какие конкретно предметы подлежат обнаружению и изъятию в ходе обыска. В анализируемом нами примере из практики судья в своем постановлении о разрешении производства обыска при определении предмета обыска и круга подлежащих обнаружению и изъятию объектов, ограничился воспроизведением формулировки части первой статьи 182 УПК РФ, то есть конкретика отсутствовала полностью. Это позволило сотрудникам, проводившим обыск в жилище И.А. изъять все, что они увидели, включая средства связи, электронные носители информации, документы, принадлежащие членам семьи И.А., проживавших с нею в одном жилище. Ни один из изъятых и осмотренных предметов, как и протокол обыска не были признаны доказательствами по делу.

Приведенный конкретный пример в полной мере иллюстрирует какой произвол, который творится в правоприменительной практике при производстве обыска.

В этой связи мы выступаем за введение в статью 182 УПК РФ следующих правовых предписаний:

1. «В постановлении судьи о разрешении производства обыска должны быть приведены достаточная совокупность фактических данных, подтверждающих разумность и необходимость конкретные отыскиваемые предметы».
2. «В постановлении судьи о разрешении производства обыска должны быть перечислены конкретные объекты, подлежащие обнаружению и изъятию в данном месте».
3. «При проведении обыска следователь, другие участники следственного действия не могут выходить за пределы доказывания и санкции суда относительно предмета, цели обыска и круга объектов, которые могут быть изъяты в виду предполагаемой относимости к предмету доказывания по расследуемому делу».
4. «Изъятие вещей у их собственника или владельца не относящихся к предмету расследования и не разрешенных к изъятию судом не допускается, за исключением предметов и документов, исключенных законом из гражданского оборота».

Библиография:

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса в 2-х томах. Том 2. М.: Изд-во Наука, 1970.
2. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2004.
3. Луценко О.А. Обыск и выемка. Процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение: учебное пособие. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2005.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.06.2021 № 29-П "По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова".
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. N 33-П "по делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других".
6. Уголовное дело № 12301220076000291 по обвинению А.И. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК / Участок мировых судей № 1 Приокского района г. Н. Новгорода.
7. Жогин Н.В., Фатуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе М.: Юрид. лит., 1965.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 "О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)" // Российская газета. 09.06.2017, № 125.
9. Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. Научно-практический журнал. 2018. № 2. С. 130-139.
10. Моругина Н.А., Сидорова Е.И. Обыск: понятие, некоторые виды и особенности производства в современных условиях // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 245-250.

References:

1. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process in 2 volumes. Volume 2. Moscow: Nauka Publishing House, 1970.
2. Shafer S.A. Investigative actions. Grounds, procedural procedure and evidentiary value. Moscow: Publishing house "Yurilitinform", 2004.
3. Lutsenko O.A. Search and seizure. Procedural procedure, tactics and evidentiary value: a textbook. Rostov n/A: Publishing house "Phoenix", 2005.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/17/2021 No. 29-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 106, 110 and 389.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.A. Filippov".

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2015 No.33-P "in the case of checking the constitutionality of paragraph 7 of Part two of Article 29, Part four of Art. 165 and part one of Article 182 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens A.V. Balyan, M.S. Dzyuba and others."

6. Criminal case No. 12301220076000291 on charges of A.I. of committing a crime provided for in paragraph "b" of Part 2 of Article 115 of the Criminal Code / Section of magistrates No. 1 of the Prioksky district of Nizhny Novgorod.

7. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. Preliminary investigation in the Soviet criminal process M.: Jurid. lit., 1965.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 1, 2017 No. 19 "On the practice of consideration by courts of petitions for investigative actions related to the restriction of constitutional rights of citizens (Article 165 OF the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)" // Rossiyskaya gazeta. 09.06.2017, № 125.

9. Alexandrov A.S. Problems of the theory of criminal procedural evidence that must be solved in connection with the transition to the era of digital technologies // Judicial power and criminal procedure. Scientific and practical journal. 2018. No. 2. pp. 130-139.

10. Morugina N.A., Sidorova E.I. Search: the concept, some types and features of production in modern conditions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. pp. 245-250.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_442

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ: ПРАВА ОТДЕЛЬНОГО ЛИЦА НЕ МОГУТ БЫТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ БЕЗОПАСНОСТИ НАЦИИ

Criminal proceedings in special conditions: the rights of an individual cannot be higher than the interests of the security of the nation

САФРОНОВ Дмитрий Михайлович,

докторант научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России,

кандидат юридических наук, доцент.

пр. Комарова, 7, г. Омск, Омская обл., 644092, Россия.

E-mail: dimsafronov@bk.ru;

Safronov Dmitrii Michailovich,

doctoral student of the Research Department, Candidate of Law, associate professor,

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

7 Komarova Ave., Omsk, Omsk region, 644092, Russia.

E-mail: dimsafronov@bk.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье проводится анализ международных правовых актов с целью выявления общих подходов к ограничению прав и свобод лиц, касающихся уголовного судопроизводства, формируются представления о заложенных международно-правовых стандартах ограничений таких прав и свобод, вносятся предложения о возможных направлениях совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства в особых условиях.

Abstract: this article analyzes international legal acts in order to identify general approaches to limiting the rights and freedoms of persons relating to criminal proceedings, forms ideas about the established international legal standards for limiting such rights and freedoms, and makes proposals on possible directions for improving domestic criminal procedural legislation in special conditions.

Ключевые слова: особые условия, уголовное судопроизводство в особых условиях, права и свободы лиц в уголовном судопроизводстве

Key words: special conditions, criminal proceedings in special conditions, rights and freedoms of persons in criminal proceedings.

Для цитирования: Сафронов Д.М. Уголовное судопроизводство в особых условиях: права отдельного лица не могут быть выше интересов безопасности нации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 442-444. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_442.

For citation: Safronov D.M. Criminal proceedings in special conditions: the rights of an individual cannot be higher than the interests of the security of the nation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 442-444. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_442.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Защита прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, названа в качестве его предназначения в ст. 6 УПК РФ. Такой подход обусловил формирование всего уголовно-процессуального законодательства, которое, по сути, является законодательством «мирного времени» [5, с. 7]. Между тем в современной истории происходят события, побуждающие оценить безусловность установленных стандартов. С 2022 года в нашей стране проводится специальная военная операция [4]. Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 на территории четырех субъектов нашей страны введено военное положение. Изменившиеся условия потребовали корректировки всех видов государственной деятельности, включая уголовное судопроизводство. 31 июля 2023 г. был принят федеральный закон № 396-ФЗ, установивший особую процедуру задержания, подлежащую применению при введении режима военного положения.

Этим законом стандартный порядок ограничений действий был заменен на иной. Вместе с тем, произведенные изменения вызывают ряд вопросов. Достаточно ли сделанного для успешного осуществления предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в суде на территории новых республик и областей нашей страны? Имеются ли возможности для его дальнейшей оптимизации? Можно ли решить проблемы, не затрагивая существующие в УПК РФ процедуры.

Для того, чтобы дать ответы на поставленные вопросы, необходимо вспомнить, что реформирование должно в своей основе иметь определенные ориентиры. К таким ориентирам мы отнесем международные ценности, признаваемые всеми либо большинством.

Итак, реформирование отечественного уголовно-процессуального законодательства с целью его адаптации к деятельности в особых условиях необходимо осуществлять с учетом накопленного международного опыта. Его изучение может позволить избежать допущенных ошибок, с одной стороны, и использовать удачные решения, с другой.

Для того, чтобы начать готовить уголовное судопроизводство к деятельности в особых условиях, необходимо обеспечить его защиту общественных и государственных интересах. В сложных условиях спастись можно только сообща. Между тем современной уголовно-процессуальной парадигмой стало обеспечение такого состояния прав и свобод личности, когда она (эта личность) не только противопоставляет свои интересы общественным и государственным, но и имеет возможность достигать собственных интересов вопреки интересам многих. Эта идея, как мы привыкли считать, ориентируется на некую «западную модель уголовного процесса», в которой права и свободы человека уверенно защищаются от произвола органов предварительного расследования и суда [3, с. 161-163]. Но как множество абсолютных идей, она не истина.

Для того, чтобы начать говорить о необходимости формирования уголовного судопроизводства в особых условиях, необходимо ввести сам термин «особые условия». Под ним мы понимаем такие ситуации непреодолимого характера, которые угрожают жизни и здоровью лиц, безопасности общества и государства, оказывают воздействие на деятельность органов государственной власти и управления, затрудняют либо

исключают возможность реализации ими возложенных на них функций путем применения закрепленных в законодательстве правовых средств.

С учетом такого понимания содержания данного термина, рассмотрим существующие международные положения об уголовном судопроизводстве в целом, и в особых условиях, в частности.

Исходно, такие положения были заложены в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16.12.1966 Резолюцией ООН № 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (далее – Пакт) и во *Всеобщей* декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 (далее – Всеобщая декларация прав человека). Их изучение позволяет установить следующее.

1. Права и свободы отдельной личности не могут истолковываться как возможность оказания давления на группу иных лиц и общество в целом.

Наша страна, подписывая вместе с другими государствами названные международные договоры, установила, что общественные интересы выступают более важными ценностями, которым интересы отдельной личности в определенных условиях должны быть подчинены.

Так, согласно Пакту, каждый человек имеет обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому принадлежит (абз. 5 ч. 1 Преамбулы к Пакту).

Согласно Всеобщей декларации прав человека, «каждый человек имеет *обязанности* перед обществом...» (ч. 1 ст. 29). При этом вводимые ограничения допускаются лишь для обеспечения прав других лиц либо общественного порядка (ч. 2 ст. 29).

2. Международное законодательство также допускает ограничения для решения коллективных задач в нестандартных или особых условиях.

Так, Пакт оговаривает возможность ограничения прав «во время чрезвычайного положения» при условии угрозы нации (ст. 4). При этом мы исходим из того, что здесь речь идет не конкретном особом правовом режиме чрезвычайного положения, а об условиях, существенно отличающихся от обычных. Такие условия по сути охватывают и иные виды особых правовых режимов.

Всеобщая декларация прав человека в части 2 ст. 29 также нацеливает своих участников на обеспечение общественного порядка.

О важности приоритетной защиты коллективного интереса при угрозе нации высказывался и Европейский Суд по Правам Человека в Постановлении от 21 июня 2016 г. по делу «Аль-Дулими и компания "Монтана Менеджмент Инк.» (Al-Dulimian and Montana Management Inc.) против Швейцарии по жалобе № 5809/08 (п. 8.3) [2].

Следует заметить, что в отличие от международных актов, межгосударственное законодательство сконцентрировано преимущественно на деятельности государственных органов и не регулирует вопросы ограничения прав лиц, в том числе и в особых условиях.

Об этом свидетельствуют, в частности, анализ Договора о коллективной безопасности, подписанного в Ташкенте 15 мая 1992 года, в рамках которого принято решение о создании действенного универсального (многофункционального) инструмента данной системы - Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ [1, с. 28]; Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.; Соглашения о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств - участников Содружества Независимых Государств, заключенного в п. Бурабай 16 октября 2015 г. Но это на общую оценку ситуации не влияет.

Таким образом, угроза жизни нации предполагает ограничение прав и свобод лица по нормам международного законодательства.

3. Международное законодательство устанавливает возможность отступления от определенных ранее принятых обязательств по обеспечению прав и свобод лиц, касающихся уголовного судопроизводства.

При этом оговаривается два принципиальных исключения. Устанавливается запрет на: (1) пытки; (2) жестокое, бесчеловечное или унижающее лицо обращение и (3) наказание (ч. 2 ст. 4, ст. 7 Пакта), (4) не за смертную казнь, если она применена некомпетентным судом или применяется не за наиболее тяжкие преступления (ч.ч. 1 и 2 ст. 6 Пакта).

Иные права и свободы отдельных лиц могут быть ограничены в ходе уголовного судопроизводства, и, особенно, в ходе уголовного судопроизводства в особых условиях, защищающего безопасность нации. В частности, международные договоры не запрещают возможность ограничения положений, касающихся презумпции невиновности (ч. 2 ст. 14 Пакта), языка уголовного судопроизводства, права на пользование бесплатной помощью переводчика (п. f ч. 3 ст. 14 Пакта), включая уведомление о предъявленном обвинении на языке, который лицо понимает (п. а ч. 3 ст. 14 Пакта); права на защиту лица (п. b ч. 3 ст. 2, п. b ч. 3 ст. 14 Пакта).

Кроме того, международные соглашения допускают установление иных ограничений, касающихся оснований и порядка предварительного лишения свободы лица (ч. 1 ст. 9 Пакта), уведомления о причинах ареста и предъявляемом обвинении (ч. 2 ст. 9 Пакта); доставления содержащегося под стражей лица к судье или другому должностному лицу, которому предоставляется право осуществлять судебную власть (ч. 3 ст. 9 Пакта); безотлагательной проверки законности его задержания (ч. 4 ст. 9 Пакта), освобождения лица, содержащегося под стражей и ожидающего судебного разбирательства в связи с предоставлением гарантий явки (ч. 3 ст. 9 Пакта).

Возможность отступления от данных гарантий также может быть продиктована соображениями безопасности и невозможностью обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства в особых условиях, иными способами.

Анализ международных актов позволяет утверждать, что страны участницы в интересах обеспечения безопасности общества и государства также допускают возможность дополнительного ограничения прав лиц на:

- неприкосновенность жилища (ч. 1 ст. 17 Пакта);

- тайну корреспонденции (ч. 1 ст. 17 Пакта), создав возможность формирования уголовно-процессуальных процедур по своему характеру и содержанию отличающихся от стандартных, с целью обеспечения скорейшей возможности преодоления чрезвычайного положения в

государстве, угрожающего нации;

- допрос, показывающих против лица свидетелей (п. «е» ч. 3 ст. 14 Пакта);
- беспрепятственное следование своему мнению (п. b ч. 3 ст. 19 Пакта).

Данные положения, как представляется, требуют расширенных пояснений.

Во-первых, данное право не распространяется на необходимость выполнения требования государства установить личность подозреваемого или обвиняемого, что следует из Директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза в г. Страсбурге от 9 марта 2016 г. № 2016/343. И каждое лицо обязано сообщить свои данные представителю государства.

Во-вторых, следует уточнить предмет и пределы данного права. Каждое лицо вправе высказывать свое мнение и отказываться от такого высказывания. Для уголовного судопроизводства это означает, что право отказаться от свидетельствования, когда лицо считает, что это ему невыгодно. Между тем у государства должно быть право настаивать на получении информации, когда защищаемый интерес шире, чем интерес отдельной личности. Так, в США, например, такое право связано с V поправкой к Конституции США, закрепившей так называемую «привилегию против самообвинения», устанавливающую, что «лицо, обвиняемое в совершении преступления, ... не должно принуждаться свидетельствовать против себя». Вместе с тем, оно не распространяется на уголовные дела о преступлениях, затрагивающих общественную безопасность. Отнесение преступления к категории «против общественной безопасности» исключает возможность лица обратиться к этому конституционному положению, повышая возможности правоохранительной системы защищать общество и государство, отказывая лицу в праве не свидетельствовать, если предмет его показаний становится важным для обеспечения безопасности общества и государства, что и подтвердил Верховный Суд США в деле «New York v. Quarles, 467 U.S. 649 (1984)».

Помимо ограничений прав на досудебном производстве, страны - участницы международных соглашений признали возможность ограничения и ряда прав, касающихся судебного уголовного судопроизводства. Речь идет о возможности ограничения права: быть судимым без неосновательной задержки (п. с ч. 3 ст. 14 Пакта); на разбирательство, в ходе которого будут установлены основания для привлечения к ответственности лица либо оно должно быть освобождено (ч. 3 ст. 9 Пакта); на рассмотрение любого уголовного обвинения, предъявленного ему компетентным, независимым и беспристрастным судом (ч. 1 ст. 14 Пакта); на участие защитника (п. d ч. 3 ст. 14 Пакта).

Кроме того, режим чрезвычайного положения в государстве, как одна из разновидностей особых условий, может повлечь и ограничение некоторых других прав, связанных с уголовно-процессуальными.

Так в особых условиях согласно положениям международного права допускаются ограничения свободы передвижения и определения места жительства (ч. 1 ст. 12 Пакта); высылка по императивным соображениям государственной безопасности любого иностранца, в том числе законно находящегося на территории (ст. 13 Пакта); ограничение печати по причинам обеспечения общественного порядка или государственной безопасности (ч. 1 ст. 14 Пакта); ограничение прав на мирные собрания в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья, или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц (ст. 21 Пакта).

Изложенные правовые ограничения позволяют защищать публичные интересы в государстве в особых условиях, что возвращает нас к необходимости ответить на поставленные ранее вопросы: Полагаем, принятие закона, устанавливающего особенности задержания в особых условиях на примере условий военного положения для успешного осуществления уголовно-процессуальной деятельности в изменившихся условиях, не достаточно. Международные правовые акты предоставляют широкие возможности для адаптации уголовного судопроизводства к особым условиям. При этом, очевидно, ряду процедур может потребоваться существенная переработка.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Уголовно-процессуальное регулирование деятельности в особых условиях создает предпосылки для усиления борьбы с преступностью без дополнительного привлечения неспециализированных сил и средств.
2. Международно-правовое регулирование, касающееся данного вопроса, исходит из возможности безусловного установления двух запретов: на применение пыток и вынесение смертной казни не уполномоченным судом и за преступление, не являющимся самым тяжким.
3. Анализ международного законодательства позволяет сформулировать выводы по предмету и пределам ограничения прав и свобод лиц в уголовном судопроизводстве в особых условиях в целях защиты интересов национальной безопасности: защиты общества, основ конституционного строя страны и государства; и формирования соответствующего таким угрозам отечественного законодательства.

Библиография:

1. Андреев А.Ф. Правовое обеспечение деятельности Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности // Международное право и международные организации. 2018. № 4. С. 28 [С. 28 - 38.]
2. Дело «Аль-Дулими и компания "Монтана Менеджмент Инк.» (Al-Dulimi and Montana Management Inc.) против Швейцарии (жалоба № 5809/08) // Прецеденты Европейского Суда права человека. Специальный выпуск. 2018. № 11(23).
3. Канкулов А.Х. 9598998 нарушений прав человека в деятельности органов внутренних дел // Человек: преступление и наказание. 2015. №4 (91). С. 161-163.
4. Обращение Президента Российской Федерации от 24.02.2022 года. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 5.03.2022)
5. Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: автореф... дис. кан. юрид. наук. - Челябинск.: 2014. 24 с.

References:

1. Andreev A.F. Legal support for the activities of the Collective Rapid Reaction Forces of the Collective Security Treaty Organization // International law and international organizations. 2018. No. 4. P. 28 [pp. 28-38.]
2. The case of Al-Dulimi and Montana Management Inc. (Al-Dulimi and Montana Management Inc.) v. Switzerland (complaint No. 5809/08) // Precedents of the European Court of Human Rights. Special issue. 2018. No. 11(23).
3. Kankulov A.H. 9598998 violations of human rights in the activities of internal affairs bodies // Man: crime and punishment. 2015. No.4 (91). pp. 161-163.
4. Address of the President of the Russian Federation dated 02/24/2022. URL: <http://kremlin.ru> (date of application: 03/5/2022)
5. Schmidt T.N. Emergency legal regulation: general theoretical research: abstract... dissertation of the candidate. Jurid. sciences'. - Chelyabinsk.: 2014. 24 p.

РАССРОЧКА ПРИ ВЫПЛАТЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА INSTALLMENT PAYMENT FOR THE PAYMENT OF A COURT FINE

ЛАТЫНИН Юрий Анатольевич,

старший преподаватель кафедры уголовного права
Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.
295051, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5.
E-mail: homesweethome@mail.ru;

Latynin Yuri Anatolyevich,

senior lecturer of the Department of Criminal Law
Crimean branch Russian State University of Justice.
295051, Republic of Crimea, Simferopol, st. Pavlenko, 5.
E-mail: homesweethome@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена проблеме закрепления на законодательном уровне рассрочки уплаты судебного штрафа. Приводятся аргументы в обоснование данного предложения, основными из которых являются: уменьшение репрессивности судебного штрафа, как меры уголовно-правового воздействия и реализации принципа гуманизма; устранение перекоса в репрессивности между штрафом как уголовным наказанием, для которого предусмотрена такая рассрочка и судебным штрафом, в связи с этим предлагаются условия, сроки предоставления рассрочки судебного штрафа. Автором приведены аргументы в подтверждение рассрочки уплаты судебного штрафа на срок пять лет. Сформулированы соответствующие выводы, связанные с усовершенствованием и дополнением действующего уголовного закона России и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

Abstract: the article is devoted to the problem of fixing the payment of a court fine by installments at the legislative level. Arguments are given to substantiate this proposal, the main of which are: reduction of the repressiveness of the judicial fine as a measure of criminal legal impact and the implementation of the principle of humanism; elimination of the bias in repressiveness between the fine as a criminal punishment, for which such an installment plan is provided and a judicial fine, in this regard, the conditions and terms for the provision of installments of the judicial fine are proposed. The author proposed an installment payment of a court fine for a period of five years. Relevant proposals have been formulated to amend the current criminal law of Russia and the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 dated December 20, 2011 "On the practice of courts applying legislation on the execution of a sentence".

Ключевые слова: штраф, освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, рассрочка, срок рассрочки.

Keywords: fine, exemption from criminal liability, judicial fine, installment plan, installment period.

Для цитирования: Латынин Ю.А. Рассрочка при выплате судебного штрафа // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 445-447. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_445.

For citation: Latynin Yu.A. Installment payment for the payment of a court fine // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 445-447. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_445.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2024

В уголовном законодательстве, исходя из принципа гуманизма, предусматривается возможность освобождения лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности, когда достижение цели исправления виновных, возможно без применения правового воздействия на них. В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указано, что посредством применения норм главы 11 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) реализуются принципы справедливости и гуманизма. Освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица) [1].

Освобождение от уголовной ответственности возможно только при наличии оснований и условий, предусмотренных законом. Законодатель отразил основания в гл. 11 УК РФ «Освобождения от уголовной ответственности» и других нормах его Особенной части.

К числу дискуссионных принадлежит и понятие «освобождение от уголовной ответственности». По мнению А.Ф. Зелинского, освобождение от уголовной ответственности представляет собой отказ государства от уголовного преследования и осуждения лица, совершившего преступление. Рарог А.И. считает, что «освобождение от уголовной ответственности означает выраженное в официальном акте компетентного государственного органа решение освободить лицо, совершившее преступление, от обязанности подвергнуться судебному осуждению и претерпеть меры государственного принудительного воздействия» [2, с. 262]. Кузнецова Н.Ф. указывает на то, что освобождение от уголовной ответственности - это освобождение, прежде всего, от вынесения обвинительного приговора [3, с. 120]. Освобождение от уголовной ответственности В.К. Дуюнов относит к одной из форм механизма уголовно-правового воздействия, под которым понимает объективно необходимый сложный динамичный процесс практической реализации негативной, справедливой и неотвратимой реакции государства на совершение преступления [4, с. 12, 33]. Тер-Акопов А.А. считает, что «освобождение от уголовной ответственности – институт, содержащий внутреннее противоречие: деяние должно признаваться преступлением, иначе нет оснований для освобождения от уголовной ответственности, но акт его признания таковым, а именно обвинительный приговор суда, считается необязательным» [5, с. 73].

Мы придерживаемся мнения, что освобождение от уголовной ответственности следует рассматривать, как отказ государства от уголовно-правового ограничения прав и свобод лица, совершившего преступление. Как институт уголовного права, освобождение от уголовной ответственности представляет собой совокупность норм, определяющих юридические основания и фактические условия отказа от публичного

(официального) государственного осуждения.

Одним из видов освобождения от уголовной ответственности, а также самым «молодым видом» (был введен в УК РФ 3.07.2016 [6]), является судебный штраф.

Данный вид может применяться в отношении лица, которое впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред (ст. 76.2 УК РФ) [7].

В действующем уголовном законодательстве не предусмотрено положений, относительно возможности применения рассрочки уплаты судебного штрафа. Также, отсутствуют какие-либо пояснения по данному поводу в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

По нашему мнению, целесообразно указать на возможность, предусмотренную законодателем, рассрочки выплаты штрафа, несмотря на то, что он является видом уголовного наказания и не является аналогом судебного штрафа, так как они относятся к разным институтам, институту наказания и институту освобождения от уголовной ответственности, соответственно. Так, в ч. 2 ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) указано: «уплата штрафа может быть отсрочена или рассрочена на срок до пяти лет, если немедленная уплата его является для осужденного невозможной» [8].

Законодательное закрепление возможности установления рассрочки уплаты штрафа, как уголовного наказания, является реализацией принципа гуманизма, закрепленного в ст. 7 УК РФ. Рассрочка уплаты данного вида наказания устанавливается на усмотрение суда, на момент его назначения, при условии, что со стороны подсудимого имеют место обстоятельства, которые не позволяют выплатить всю сумму одним платежом. Перечень указанных обстоятельств не закреплен в каком-либо нормативно-правовом акте и отсутствует в каких-либо иных источниках. Как отмечалось, данные условия устанавливаются и принимаются как уважительные, исключительно судом, при наличии конкретных обстоятельств, в каждом конкретном случае, в отношении конкретного подсудимого. В качестве таковых, могут рассматриваться утрата работы, необходимость использования материальных средств на лечение осужденного или близких родственников, утрата жилья, по причинам, не зависящим от воли осужденного и т.п.

Считаем, что отсутствие положения о невозможности применения рассрочки при выплате судебного штрафа не соответствует указанному принципу гуманизма. Кроме того, не проводя аналогии между такими институтами, как наказание и освобождение от уголовной ответственности, следует указать, что возможность установления рассрочки предусмотрена при назначении такого наказания как штраф, т.е. при осуждении лица, вследствие отсутствия условий освобождения его от уголовной ответственности или от наказания. Однако, если будут иметь место условия освобождения от указанного вида ответственности и суд примет решение о назначении судебного штрафа, установление рассрочки его выплаты отсутствуют. Отмеченное обстоятельство, не только не соответствует принципу гуманизма, но и является необоснованным, с точки зрения законодательного закрепления положений об указанных институтах. В данном случае лицо, которое освобождается от уголовной ответственности, т.е. лицо, которое характеризуется положительным посткриминальным поведением и имеются основания полагать, что оно встало на путь исправления, находится в безусловно неравном положении с лицом, в отношении которого указанные факты отсутствуют.

Раскрывая данный вопрос, Л.А. Абашина отметила целесообразность установления рассрочки при уплате судебного штрафа. По мнению автора, относительно уплаты судебного штрафа, указанный срок необходимо установить в пределах двух лет. В качестве обоснования данного периода, выдвигается тезис о его соотношении со сроками давности привлечения лица к уголовной ответственности [9, с. 271]. В свою очередь, О.В. Дорошенко отмечено, что данный срок должен составлять не более 6 месяцев [10, с. 19], аргументируя данное положение опытом зарубежных стран.

По нашему мнению, срок рассрочки уплаты судебного штрафа не может быть меньшим срока отсрочки уплаты штрафа, как уголовного наказания. В качестве обоснования целесообразно отметить, как указывалось, при применении данного вида освобождения от уголовной ответственности, общественная опасность лица меньше, в виду совершенного преступления и определенного посткриминального поведения, в сравнении с лицами, в отношении которых невозможно его применить. В данном случае необходимо также учитывать факт, что и при условии применения судебного штрафа, лицо признается виновным в совершении преступления, предусмотренного особенной частью УК РФ. Безусловно, вследствие последующего поведения общественная опасность лица снижается, но при этом общественная опасность преступления, совершенного им, является аналогичной, как и в случае отсутствия оснований применения к лицу того или иного вида освобождения от уголовной ответственности.

Принимая во внимание существующий законодательно закрепленный запрет на аналогию в уголовном праве (ч. 2 ст. 3 УК РФ [7]), и соответственно отсутствие возможности применения положений уголовного закона, регулирующих рассрочку в отношении штрафа как вида наказания, считаем, что в отношении судебного штрафа целесообразным является установление возможности рассрочки его уплаты на срок в пять лет.

Учитывая указанное, предлагается дополнить ч. 1.1 ст. 104.4 УК РФ следующим содержанием: «В случае наличия уважительных причин, суд может принять решение о рассрочке уплаты судебного штрафа на срок до пяти лет».

Также, предлагается внести изменения в п. 21.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», изложив его в следующей редакции: «Обратить внимание судов на возможность принятия решения о рассрочке уплаты судебного штрафа на срок до пяти лет».

Библиография:

1. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Российская газета. – 2013. – 5 июля.
2. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. – 3-е изд. – М.: Эксмо, 2009. – 496 с.
3. Новое уголовное право России. Общая часть : Учебное пособие / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, Теис, 1996. – 168 с.
4. Дуюнов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : автореф. дис. на соискание учен. степени докт. юрид. наук. / Дуюнов Владимир Кузьмич ; Волжский ун-т. – М., 2001. – 49 с.
5. Тер-Акопов А.А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом / А.А. Тер-Акопов // Советское государство и право. – 1991. – № 10. – С. 73.
6. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения 27.01.2023).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/fb522826ace216c139340de9ed06214ba989c656/ (дата обращения 27.01.2023).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – ст. 4921.
9. Абашина Л. А. Судебный штраф — новая иная мера уголовно-правового характера / Л.А. Абашина, Г.Л. Минаков // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12 № 2. – С. 266–274.
10. Дорошенко О.В. Реализация принципа справедливости при назначении судебного штрафа / О.В. Дорошенко // Уголовная юстиция. – 2020. – № 16. – С. 16–24.

References:

1. On the application by the courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: resolution of the Plenum of the Upper Echelons. The court grew. Federation No. 19 dated June 27, 2013 // Rossiyskaya gazeta. – 2013. – July 5th.
2. Criminal law of Russia. General part / Edited by A.I. Rarog. – 3rd ed. – Moscow: Eksmo, 2009. – 496 p.
3. The new criminal law of Russia. General part : Study guide / Edited by N.F. Kuznetsova. – M.: Zertsalo, Teis, 1996. – 168 p.
4. Duyanov V.K. The mechanism of criminal legal impact: theoretical foundations and practice of implementation : abstract. dis. for the application of a scientist. doctorate degrees. Jurid. sciences. / Vladimir Kuzmich Duyanov ; Volzhsky Univ., 2001. – 49 p.
5. Ter-Akopov A.A. Grounds for differentiation of responsibility for acts provided for by criminal law / A.A. Ter-Akopov // The Soviet state and law. – 1991. – No. 10. – p. 73.
6. Federal Law No. 323-FZ dated 07/03/2016 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on Improving the Grounds and Procedure for exemption from Criminal Liability". [electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (date of appeal 01/27/2023).
7. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06/13/1996 [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/fb522826ace216c139340de9ed06214ba989c656/ (date of application 27.01.2023).
8. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation : Feder. Law No. 174-FZ of December 18, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52. – Article 4921.
9. Abashina L. A. Judicial fine — a new different measure of a criminal legal nature / L.A. Abashina, G.L. Minakov // All-Russian Journal of Criminology. - 2018. – Vol. 12 No. 2. – С. 266-274.
11. Doroshenko O.V. Implementation of the principle of justice in the appointment of a judicial fine / O.V. Doroshenko // Criminal justice. - 2020. – No. 16. – pp. 16-24.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_448

УДК 343.341

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ COUNTERING TERRORIST ACTIVITIES

СТАРИЦЫН Алексей Валентинович,

декан факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет)
Крымского филиала Российского государственного университета правосудия
кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный работник образования Республики Крым.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Мате Залки, 19.
E-mail: aleksstar2006@yandex.ru;

Staritsin Alexey Valentinovich,

dean of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law)
Crimean Branch of the Russian State University of Justice,
candidate of juridical science, associate professor, Honored Worker of Education of the Republic of Crimea.
295053, Republic of Crimea, Simferopol, st. Mate Zalky, 19, 46
E-mail: aleksstar2006@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье дается краткий анализ нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы противодействия терроризму. Указываются полномочия государственных органов, в указанной сфере. Отмечаются задачи и направления деятельности государственных органов в сфере противодействия терроризму. Указываются основные цели государственной стратегии в противодействии данной деятельности.

Abstract: the article provides a brief analysis of the normative legal acts regulating the issues of countering terrorism. The powers of state bodies in the specified area are indicated. The tasks and activities of state bodies in the field of countering terrorism are noted. The main objectives of the state strategy in countering this activity are indicated.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, террористическая деятельность, противодействие террористической деятельности.

Keywords: terrorism, extremism, terrorist activity, counteraction to terrorist activity.

Для цитирования: Старицын А.В. Противодействие террористической деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 448-450. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_448.

For citation: Staritsin A.V. Countering terrorist activities // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 448-450. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_448.

Статья поступила в редакцию: 22.04.2024

Терроризм являет собой сложное, многоплановое явление, которое посягает на различные блага и общественные интересы, охраняемые законом, что вызывает определенные трудности в выработке его общего понятия, при решении вопроса ответственности за его совершение, а также при разграничении с другими, схожими преступными деяниями. Терроризм по своей природе является социально-политическим явлением, которое основывается на конфликте и как международное преступление представляет длительное во времени противостояние по меньшей мере двух сторон при условиях, когда хотя бы одна из них прибегает к совершению террористических актов, как средства влияния на другую [1, с. 70].

Российская Федерация, в лице уполномоченных органов, уделяет много внимания относительно разработки и принятия мер, направленных на противодействие террористической деятельности. Терроризм (террористическая деятельность) является крайней формой проявления экстремизма (экстремистской деятельности), в связи с чем терроризм основывается на экстремистской идеологии. В соответствии со Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года, под идеологией экстремизма понимается совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов [2]. Угроза терроризма будет сохраняться до тех пор, пока существуют источники и каналы распространения этой идеологии.

Основой правовой базы противодействия террористической деятельности является Конституция Российской Федерации, в которой указан прямой запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральный закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, «О противодействии экстремистской деятельности», нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, направленные на противодействие анализируемой деятельности.

В концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 05 октября 2009 года, терроризм рассматривается как угроза национальной безопасности России. В данном документе указаны основные тенденции современного терроризма: увеличение количество террористических актов и пострадавших от них лиц, повышения уровня организованности террористической деятельности и взаимосвязь терроризма с организованной преступностью, в том числе транснациональной, разработка новых форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабности последствий террористических актов и количества пострадавших [3].

Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 года № 35 ФЗ «О противодействии терроризму», определяет принципы, понятия, организационные и координационные механизмы противодействия терроризму.

В соответствии с указанными нормативными правовыми актами, можно констатировать, что основными составляющими террористи-

ческой деятельности являются: подстрекательство к совершению террористического акта, а также распространение информации или материалов, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость ее осуществления.

Под противодействием терроризму понимается деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по профилактике терроризма, борьбы с ним, минимизация и ликвидация его последствий. При этом профилактика предполагает устранение условий, порождающих терроризм и позволяющих совершать террористические акты, а борьба с терроризмом представляет собой совокупность мероприятий, направленных на недопущение и пресечение конкретных террористических актов.

Субъектами противодействия терроризму являются уполномоченные органы государственной власти и органы местного самоуправления, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по противодействию указанной деятельности, негосударственные организации и объединения, а также граждане, оказывающие содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления в осуществлении антитеррористических мероприятий.

Президент Российской Федерации определяет основные направления государственной политики в области противодействия терроризму; устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти; принимает решение в установленном порядке об использовании за пределами территории Российской Федерации формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделений специального назначения для борьбы с террористической деятельностью, осуществляемой против Российской Федерации либо граждан Российской Федерации или лиц без гражданства, постоянно проживающих в Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации определяет компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых оно осуществляет, в области противодействия терроризму; организует разработку и осуществление мер по предупреждению терроризма и минимизацию и (или) ликвидацию последствий проявлений терроризма; организует обеспечение деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию терроризму необходимыми силами, средствами и ресурсами [4].

Также необходимо отметить, что законодательством предусмотрен конкретный правовой механизм, позволяющий привлекать Вооруженные Силы Российской Федерации для пресечения террористических актов, в том числе и за пределами территории Российской Федерации. В этом контексте установлено, что Президент Российской Федерации вправе принять решение об использовании подразделений специального назначения органов безопасности против находящихся за пределами территории Российской Федерации террористов и (или) их баз для устранения угрозы безопасности Российской Федерации.

Законом предусмотрено применение более жестких мер по пресечению террористических акций с использованием объектов воздушного, водного и морского транспорта. На основе имеющегося у России практического опыта законом переработаны подходы к проведению контртеррористических операций, а также четко установлена персональная ответственность должностных лиц за принятие решений, связанных с осуществлением мер по пресечению террористических актов [5, с. 5].

Особое внимание, со стороны государственных органов, которое уделяется противодействию анализируемой деятельности, в том числе, обуславливается тем фактом, что она сопровождается применением предметов, действие которых прямо направлено на причинение вреда здоровью и жизни человека – различных видов вооружений. При совершении преступлений террористической направленности, безусловным является тот факт, что совершение такой категории преступлений невозможно без использования оружия, а именно взрывчатых веществ и взрывных устройств [6, с. 256].

Основными задачами противодействия терроризму являются:

- выявление и устранение причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма;
- выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение террористических актов и иных преступлений террористического характера;
- привлечение к ответственности субъектов террористической деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- поддержание в состоянии постоянной готовности к эффективному использованию сил и средств, предназначенных для выявления, предупреждения, пресечения террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма;
- обеспечение безопасности граждан и антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей;
- противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий [3].

Главные направления противодействия террористической деятельности должны включать:

- прогнозирование террористической активности с определением ее возможных субъектов;
- воздействие на основные явления и процессы в обществе, способствующие росту терроризма;
- пресечение совершающихся террористических актов в отношении государственных и общественных деятелей, задержание виновных и предание их суду, причем крайне важно наказание не только рядовых исполнителей и пособников, но и организаторов, и вдохно-

вителей террора, а также тех, кто занимается финансированием террористической деятельности;

- предупреждение и пресечение сходных с терроризмом преступлений (захват заложников, геноцид, диверсия и др.);
- сотрудничество международных организаций в предупреждении и пресечении террористической деятельности [7, с. 36].

Противодействие террористической деятельности подразумевает комплексный подход, который должен предусматривать меры из различных сфер жизнедеятельности государства (экономика, политика и др.).

Очевидным является то, что для развития эффективной национальной антитеррористической системы необходима консолидация усилий властных и силовых структур, с одной стороны, и гражданского общества – с другой.

Антитеррористическая политика государства должна строиться на создании эффективной государственной системы противодействия терроризму на основе: создания единой государственной системы управления в кризисных ситуациях, предусматривающей выработку адекватных мер по предупреждению, выявлению и пресечению террористической деятельности в любой форме и соответствующей складывающейся оперативной обстановке и тенденциям развития терроризма. Достижение указанной стратегической цели государственной политики возможно на основе координации деятельности по противодействию терроризму, организации планирования применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по борьбе с терроризмом [8].

В завершении необходимо отметить, что цели рассматриваемой государственной стратегии могут быть достигнуты только при условии адекватного воздействия на зарубежные политические, идеологические, пропагандистские, финансовые, материально-технические и кадровые источники террористической угрозы и силы, заинтересованные в сохранении этой угрозы в качестве средства давления на Российскую Федерацию и ее ослабления.

Библиография:

1. Емельянов В. П. Проблемы ответственности за международный терроризм / В. П. Емельянов // Государство и право. – 2000 г. – № 1. – С. 70 – 77.
2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утверждена указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.02.2024).
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.02.2024).
4. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35 ФЗ «О противодействии терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 12.02.2024).
5. Буртны К.П. Современный терроризм: история возникновения, классификация, правовые основы применения вооруженных сил в борьбе с терроризмом. Задачи военнослужащих-контрактников по противодействию угрозам террористических актов // Ориентир. - 2010. - № 1. — С. 1-5.
6. Робак В.А. Незаконный оборот оружия, как фактор терроризма // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе : сб. науч. тр. Междунар.науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора В. В. Мальцева. Волгоград, 11 мая 2018 г. – Волгоград: ООО «Бланк», 2018. – С. 255-257.
7. Полежаев А.П. Терроризм и антитеррористические меры (организация, методы и средства): вопросы и ответы / А.П. Полежаев, М.Ф. Савелий. – Москва: Объед. ред. МВД России, 2003. – 158 с.
8. Указ Президента РФ от 15.02.2006 N 116 (ред. от 26.12.2015) "О мерах по противодействию терроризму" (вместе с "Положением о Национальном антитеррористическом комитете") // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 12.02.2024).

References:

1. Yemelyanov V. P. Problems of responsibility for international terrorism / V. P. Yemelyanov // State and Law. – 2000 – No. 1. – pp. 70-77.
2. Strategy of countering extremism in the Russian Federation until 2025 : approved by decree of the President of the Russian Federation dated May 29, 2020 // Official Internet -legal information portal. [electronic resource]. – URL: www.pravo.gov.ru (accessed 10.02.2024).
3. The concept of countering terrorism in the Russian Federation : approved by the President of the Russian Federation on October 5, 2009 // Official Internet Portal of Legal Information. [electronic resource]. – URL: www.pravo.gov.ru (date of appeal 02/10/2024).
4. Federal Law of the Russian Federation dated March 6, 2006 No. 35 FZ "On Countering Terrorism" // Official Internet portal of legal information. [electronic resource]. – URL: www.pravo.gov.ru (accessed 12.02.2024).
5. Burtny K.P. Modern terrorism: the history of its origin, classification, legal basis for the use of armed forces in the fight against terrorism. Tasks of contract servicemen in countering the threats of terrorist acts // Orientir. - 2010. - No. 1. - pp. 1-5.
6. Robak V.A. Illegal arms trafficking as a factor of terrorism // Actual problems of criminal legislation at the present stage : collection of scientific tr. International scientific and practical conf. dedicated to the memory of Professor V. V. Maltsev. Volgograd, May 11, 2018 – Volgograd: Blank LLC, 2018. – pp. 255-257.
7. Polezhaev A.P. Terrorism and anti-terrorist measures (organization, methods and means): questions and answers / A.P. Polezhaev, M.F. Savely. – Moscow: United Ed. The Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. – 158 p.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/15/2006 No. 116 (as amended on 12/26/2015) "On measures to counter terrorism" (together with the "Regulations on the National Anti-Terrorist Committee") // Official Internet portal of legal information. [electronic resource]. – URL: www.pravo.gov.ru (accessed 12.02.2024).

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ И РЕАЛИЗАЦИИ СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ PROBLEMS OF LEGISLATIVE DESIGN AND IMPLEMENTATION OF A SHORTENED INQUIRY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

ПАНТЕЛЕЕВ Игорь Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики и инженерно-технических экспертиз
ФГБОУ ВО «Уральский институт ГПС МЧС России».
ул. Мира, 22, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620137, Россия.
E-mail: dianagor@yandex.ru;

КОПЫЛОВА (ГОРОЖАНКИНА) Диана Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственной службы и кадровой политики
ФГБОУ ВО «Уральский институт ГПС МЧС России».
ул. Мира, 22, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620137, Россия.
E-mail: dianagor@yandex.ru;

ВЫГУЗОВА Евгения Вячеславна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики и инженерно-технических экспертиз
ФГБОУ ВО «Уральский институт ГПС МЧС России».
ул. Мира, 22, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620137, Россия.
E-mail: dianagor@yandex.ru;

Panteleev Igor Anatolyevich,

Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminology and Engineering Expertise
Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
Mira str., 22, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620137, Russia.
E-mail: dianagor@yandex.ru;

Kopylova (Gorozhankina) Diana Valeryevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Public Service and Personnel Policy
Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
Mira str., 22, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620137, Russia.
E-mail: dianagor@yandex.ru;

Vyguzova Evgenia Vyacheslavna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminology and Engineering Expertise
Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
Mira str., 22, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620137, Russia.
E-mail: dianagor@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена проблемам законодательного закрепления и вопросам совершенствования сокращенного дознания. Проанализировано советское и российское законодательство, научные источники; предложены основания для начала сокращенного дознания, обобщены процессуальные способы установления обстоятельств, совершенного противоправного деяния, с учетом соблюдения прав и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности.

Abstract: the article is devoted to the problems of legislative consolidation and issues of improving the shortened inquiry. The Soviet and Russian legislation, scientific sources are analyzed; the grounds for starting a shortened inquiry are proposed, procedural ways of establishing the circumstances of an illegal act committed are summarized, taking into account the observance of the rights and legitimate interests of participants in criminal procedural activities.

Ключевые слова: дознание, очевидность совершения деяния определенным лицом, уведомление о подозрении в совершении преступления, следственная проверка, возбуждение уголовного дела.

Keywords: inquiry, evidence of the commission of an act by a certain person, notification of suspicion of committing a crime, pre-investigation check, initiation of a criminal case.

Для цитирования: Пантелеев И.А., Копылова (Горожанкина) Д.В., Выгузова Е.В. Проблемы законодательной конструкции и реализации сокращенного дознания в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 451-456. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_451.

For citation: Panteleev I.A., Kopylova (Gorozhankina) D.V., Vyguzova E.V. Problems of legislative design and implementation of a shortened inquiry in criminal proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 451-456. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_451.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

В современном уголовном судопроизводстве основной и обязательной формой расследования является предварительное следствие, при этом дознание является скорее, как исключение из общих правил, имея более сжатые процессуальные сроки и отдельные механизмы упрощения производства, обусловленные категорией уголовных дел небольшой и средней тяжести.

Право на отдельный институт, наравне с предварительным следствием, дознание приобретало, проходя довольно сложный путь раз-

вития – от временного сближения и смешения, до существенных отличий за счет избавления от лишних формальностей, которые влияли на качество работы правоприменителя.

Проблема дифференциации предварительного расследования до сих пор остается не разрешенной в концепции отечественного уголовного судопроизводства, несмотря на изначально заложенную нормативную модель дознания, альтернативную предварительному следствию.

В уголовном судопроизводстве дознание выполняет роль более упрощенной и ускоренной формы предварительного расследования, объективно давая возможность повысить эффективность предварительного следствия по тяжким и особо тяжким преступлениям [1].

Дознание в меньшей степени отягощено необходимыми процедурными формальностями по сравнению с предварительным следствием. И в этом его основное преимущество. Думается, что главная мысль, заложенная в законе, тут вполне очевидна: все, что можно сделать за отведенный срок дознания, - сделайте. Однако в практической деятельности далеко не всегда можно уложиться в установленные законом сроки, как, например, в случаях, связанных с назначением и получением результата проведенной судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела.

Кроме того, существенный документооборот при производстве по уголовному делу, несвоевременное получение справок, выписок, характеризующего материала и проч. тоже являются объективным препятствием для дознавателя, для того чтобы уложиться в отведенный для него законом более быстрый, по сравнению с предварительным следствием, процессуальный срок.

В целях совершенствования производства дознания необходимо определить главное – если мы говорим о более ускоренной процедуре, то она должна быть тогда и более упрощенной. При разделении этих понятий, рассмотрении их автономно друг от друга не получим ни того ни другого.

При совершенствовании дознания как формы предварительного расследования, прежде всего, следует определиться с критериями, которые будут формировать процессуальный порядок общего или особого (сокращенное) его производства.

Для этого, в первую очередь, необходимо решить принципиальный вопрос – какие категории уголовных дел и в каком порядке должны расследоваться в дознании?

В соответствии с ч. 3 ст. 150 УПК РФ, дознание производится, как правило, по преступлениям небольшой и средней тяжести, которые указаны в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ или по иным преступлениям данных категорий – по письменному указанию прокурора. Вместе с тем, при определении перечня преступлений, отнесенных к подследственности дознания, логику законодателя сложно понять, что влечет к нему ряд вопросов.

Во-первых, по какому принципу сформирован перечень преступлений, закрепленных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ? Казалось бы, ответ простой – в этот перечень входят преступления небольшой и средней тяжести. Однако это далеко не так. Например, ст. 203 УК РФ полностью отнесена к подследственности дознавателя, при этом часть вторая данной статьи относится к категории тяжкого преступления (наказывается лишением свободы на срок до семи лет). То же самое относится и к ст. 242 УК РФ, где в части третьей предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет. Таким образом, однозначно признать тот факт, что к подследственности дознавателя относятся исключительно преступления небольшой и средней тяжести, нельзя.

Во-вторых, не ясно в связи с какой необходимостью прокурор своим письменным указанием поручит производство дознания по иным, чем указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, преступлениям небольшой и средней тяжести. Получается, что перечень преступлений, отнесенных к подследственности дознания, фактически открытый и охватывает все преступления небольшой и средней тяжести, закрепленные в УК РФ.

На сегодняшний день действующая законодательная конструкция подследственности имеет следующий вид:

- 1) по всем преступлениям небольшой и средней тяжести производится дознание;
- 2) почти по всем тяжким и особо тяжким преступлениям производится предварительное следствие.

По нашему мнению, отнесение к подследственности дознания всех преступлений небольшой и средней тяжести не в полной мере отвечает предназначению данной формы предварительного расследования, так как среди них есть такие деяния, которые, с одной стороны, совершаются в условиях очевидности и установленным на момент совершения деяния, содержащего признаки преступления, лицом, и, с другой – совершаемые при отсутствии очевидцев, при неопределенности совершения преступления конкретным лицом.

Например, состав ч. 1 ст. 313 УК РФ сконструирован таким образом, что исключает побег из места лишения неуставленным лицом, т.е. на момент побега правоприменителю точно известно имя сбежавшего. И, напротив, в соответствии с ч. 1 ст. 158 УК (кража) лицо похищает чужое имущество тайно, т.е., как правило, при отсутствии очевидцев. В данном случае на момент сообщения о преступлении информация о лице, причастном к совершению преступления, отсутствует, если только оно не задержано на месте преступления с поличным.

На наш взгляд, порядок расследования в форме дознания по преступлениям небольшой и средней тяжести следует дифференцировать, исходя из критерия «очевидности совершения деяния определенным лицом» на момент начала и окончания доследственной проверки. Исходя из этого, полагаем, что:

- а) если в ходе доследственной проверки установлено лицо, причастное к совершению преступления, то после возбуждения уголовного дела дознание должно осуществляться в сокращенные сроки;
- б) если на момент возбуждения уголовного дела лицо, причастное к совершению преступления, не известно, то дознание должно осуществляться в общем порядке, закрепленном в Главе 32 УПК РФ.

На сегодняшний день особую сложность как для правоприменителя, так и для иных участников уголовного судопроизводства, представляет реализация законодательной конструкции сокращенного дознания, в порядке Главы 32.1. УПК РФ. Поэтому нам представляется на ос-

нове положительных и проблемных аспектов различных законодательных конструкций дознания, сформированных в советский период и существующих в настоящее время, обозначить отдельные выводы и предложения, которые позволят наиболее эффективно, с учетом соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса, смоделировать структуру особого (сокращенного) порядка досудебного производства в форме дознания.

Предложенная модель особого (сокращенного) порядка досудебного производства не претендует на завершенность, поскольку в ней обозначены лишь базовые, основные принципиальные идеи.

Начальным моментом уголовно-процессуальной деятельности является повод для возбуждения уголовного дела. В особом (сокращенном) порядке повод не имеет каких-либо особенностей и представляет собой сообщение, содержащее признаки преступления, полученное из источников, предусмотренных ст. 140-143 УПК РФ.

Для применения особого (сокращенного) порядка в случае очевидности деяния, содержащего признаки преступления, а также наличия лица, причастного к совершению преступления, необходимо учитывать следующие особенности перехода от общего к сокращенному порядку уголовно-процессуальной деятельности.

Особый (сокращенный) порядок должен применяться в отношении лица, причастного к совершению одного или нескольких преступлений, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, при наличии одного из следующих оснований:

1) когда это лицо застигнуто при совершении деяния, содержащего признаки преступления, или непосредственно после его совершения;

2) когда пострадавшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее деяние, содержащее признаки преступления;

3) когда на этом лице, при нем или на его одежде будут обнаружены явные следы деяния, содержащего признаки преступления.

За основу вышеуказанных оснований дифференциации форм дознания взяты те, которые сегодня закреплены, как основания задержания подозреваемого (ст. 91 УПК РФ). Вместе с тем, данный перечень оснований представляет собой набор «доказательственных ситуаций», наличие каждой из которых, по мнению законодателя, достаточно для того, чтобы подозревать лицо в совершении преступления [2].

Начинаться особый (сокращенный) порядок должен дознавателем по письменному поручению начальника органа дознания, в котором необходимо указать: 1) дату и место его вынесения; 2) должность, фамилию и инициалы лица, которому поручается производство особого (сокращенного) порядка; 3) краткое изложение события, содержащего признаки преступления; 4) должность, фамилию и инициалы лица, давшего поручение о применении особого (сокращенного) порядка.

Учитывая фактор очевидности совершенного преступления, в ходе проверки сообщения, содержащего признаки преступления, до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, должны быть установлены и проверены обстоятельства, имеющие значение, как для принятия решения о возбуждении уголовного дела, или об отказе в возбуждении уголовного дела, так и для обоснованного вывода о производстве досудебного производства в общем порядке.

По нашему мнению, такими значимыми обстоятельствами являются:

1) событие, содержащее признаки преступления;

2) характер и размер вреда, причиненного событием, содержащим признаки преступления;

3) причастность лица в совершении деяния, содержащего признаки преступления.

4) обстоятельства, исключающие уголовно-процессуальное производство (например, недостижение лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность).

Закономерный вопрос, какими процессуальными способами должны устанавливаться данные обстоятельства на стадии возбуждения уголовного дела при решении вопроса об особом (сокращенном) порядке досудебного производства? Думается, что установление и проверка вышеперечисленных обстоятельств должна заключаться в использовании непринудительных способов собирания доказательств, исключающих ограничение прав участников на этапе досудебной проверки. Такими процессуальными действиями могут являться:

1) получение письменных объяснений от участников досудебной проверки – очевидцев происшествия; лица, пострадавшего от противоправных действий; лица, подозреваемого (заподозренного) в совершении преступления;

2) истребование материалов (предметов и документов) от физических или юридических лиц (например, первичных бухгалтерских документов, справок, характеристик и т.п.);

3) осмотр места происшествия, предметов, документов;

4) изъятие предметов и документов на месте происшествия для дальнейшего сравнительного исследования;

5) производство первичных (не экспертных) исследований с привлечением специалистов.

Еще одним значимым и проблемным вопросом в уголовном процессе является момент официального начала уголовного преследования лица, причастного к совершению преступления. Если на стадии предварительного расследования он решен путем наделения лица процессуальным статусом подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) или обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), то на стадии возбуждения уголовного дела этих участников нет. При этом уже на этапе досудебной проверки лицо может быть проверено на причастность к совершению преступления. Поэтому закономерно, что Конституционный Суд РФ в своем решении по жалобе В.И. Маслова постановил началом уголовного преследования «момент начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления» [3].

Смысл данной нормы в том, что уголовного преследования нет до тех пор, пока изблительная деятельность органов следствия и

дознания не касается лично человека, не затрагивает его неприкосновенность, ни словом, ни действием должностного лица не указывает на его причастность к преступлению. Уголовное преследование начинается с того момента, когда представитель правоохранительного органа вступает в непосредственный контакт с человеком с целью получить от него либо с его участием те или иные сведения о причастности к преступлению. Такая ситуация возникает в следующих случаях: получение от лица объяснений; истребование, изъятие у него документов, предметов; получение у него образцов для сравнительного исследования; его освидетельствование и т. д. Во всех этих ситуациях осуществляется избобличительная деятельность, непосредственно обращенная против лица, поскольку оно фактически оказывается под подозрением. Но прежде, чем начать такие избобличительные действия, лицо должно быть уведомлено о том, что стало подозреваемым, а также получить разъяснение своих правомочий в данном статусе [4].

В этой связи заслуживает поддержки вывод А.А. Давлетова и И.А. Федоровой о том, что в стадии возбуждения уголовного дела «задача выдвижения официального тезиса подозрения возлагается, как правило, не на «профессионального процессуалиста», каким является следователь, дознаватель, а на дежурного по отделу полиции, участкового уполномоченного, оперуполномоченного уголовного розыска и других сотрудников правоохранительных органов. При этом факт преступления еще не установлен, так как идет проверка сообщения о преступлении, и потому зачастую не ясно, против кого и в какой момент следует выдвигать утверждение о подозрении.

При таких обстоятельствах нереально требовать от сотрудника полиции, проводящего доследственную проверку, выносить обоснованное и мотивированное постановление о признании лица подозреваемым. Здесь необходима другая, более упрощенная форма официального тезиса уголовного преследования. Она известна нашему уголовному процессу как уведомление о подозрении (ст. 223.1 УПК РФ). Однако его содержание и назначение применительно к стадии возбуждения уголовного дела должны быть заметно иными, чем уведомление о подозрении, существующее в настоящее время в дознании» [4].

Таким образом, если причастность лица к событию, содержащего признаки преступления очевидна, лицо, осуществляющее доследственную проверку, должно вынести письменное уведомление о подозрении, в котором указываются:

- 1) дата, время и место составления уведомления;
- 2) данные должностного лица, которое вынесло настоящее уведомление;
- 3) фамилия, имя и отчество лица, в отношении которого выдвигается подозрение, число, месяц и год его рождения;
- 4) указание на причастность лица к событию, в связи с которым производится проверка сообщения о преступлении в порядке ст. 144

УПК РФ.

Официально выдвинутое подозрение должно быть предъявлено лицу не позднее 24 часов со дня вынесения уведомления о подозрении в совершении деяния, содержащего признаки преступления.

С целью соблюдения прав и законных интересов лица, оказавшегося под подозрением, дознаватель извещает его о дне предъявления подозрения и одновременно разъясняет ему право самостоятельно воспользоваться услугами адвоката либо ходатайствовать об обеспечении участия адвоката дознавателем.

С момента ознакомления с текстом уведомления о подозрении, лицо приобретает статус подозреваемого со всем комплексом правомочий, закрепленных в ст. 46 УПК РФ. Дознаватель вручает подозреваемому копию уведомления о подозрении и разъясняет ему сущность подозрения и права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, о чем составляется протокол с отметкой о вручении копии уведомления. После вручения лицу уведомления о подозрении дознаватель немедленно опрашивает подозреваемого по существу подозрения, о чем составляется письменное объяснение подозреваемого.

Предлагаемая схема выдвижения официального подозрения в стадии возбуждения уголовного дела не является абстрактной научной конструкцией. Это неотложная практическая потребность сегодняшнего дня, вызванная не только фактическим наличием уголовного преследования на этапе доследственной проверки, но и закреплением в УПК РФ права на защитника лица, в отношении которого проводится такая проверка [4].

Вполне допустима ситуация, в которой причастность лица к деянию, содержащего признаки преступления, в ходе доследственной проверки не будет установлена. В таком случае дознаватель на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ принимает решение о прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого, продолжая познавательную-доказательственную деятельность с целью принятия итогового или промежуточного процессуального решения по результатам доследственной проверки.

По нашему мнению, уголовно-процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела должна осуществляться в течение 3 (трех) суток со дня поступления сообщения, содержащего признаки преступления. Вопрос о продлении данного срока является дискуссионным и требует отдельного научного анализа.

Таким образом, в рамках трехсуточного срока, лицо, осуществляющее доследственную проверку, обязано проверить сообщение о деянии, содержащее признаки преступления, и принять по нему одно из следующих решений.

Если во время доследственной проверки получены достаточные данные, указывающие на причастность лица к совершению деяния, содержащего признаки преступления, дознаватель принимает решение о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству.

В постановлении о возбуждении уголовного дела указываются:

- 1) дата и место его составления;
- 2) фамилия, инициалы лица, его составившего;

3) фамилия, имя и отчество подозреваемого, число, месяц, год и место его рождения;

4) описание преступления с указанием места, времени его совершения; характер и размер вреда, причиненного преступлением; причастность лица в совершении преступления.

5) пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за данное преступление.

Если сообщение о преступлении поступило в орган дознания, который в силу правил о подследственности (ст. 151 УПК) не вправе возбудить по нему уголовное дело и расследовать его сам, то материалы доследственной проверки передаются по подследственности.

При отсутствии достаточных данных для возбуждения уголовного дела дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, руководствуясь статьями 24 и 148 УПК РФ.

Для решения проблемы производства следственных действий в ходе особого (сокращенного) порядка досудебного производства, следует обратиться к системе неотложных следственных действий советского периода. Согласно ст. 119 УПК РСФСР, при наличии признаков преступления, по которым производство предварительного следствия обязательно, орган дознания возбуждает уголовное дело и, руководствуясь правилами уголовно-процессуального закона, производит неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей. Однако в действующем уголовно-процессуальном законодательстве перечень неотложных следственных действий является открытым и, по нашему мнению, неопределенным, что требует его конкретизации к той или иной форме досудебного производства.

Между тем, применение аналогии при совершенствовании особого (сокращенного) порядка досудебного производства будем уместным, т.к. деятельность органов дознания по производству неотложных следственных действий в порядке ст. 119 УПК РСФСР осуществлялась в ограниченный (сокращенный) десятисуточный срок и была направлена на установление обстоятельств, связанных с событием преступления и установлением причастности лица к совершенному преступлению.

Поэтому, взяв за основу вышеуказанный конкретизированный перечень неотложных следственных действий, за исключением задержания подозреваемого, предлагаем следующий порядок и систему следственных действий в особом (сокращенном) порядке досудебного производства.

Если доказывание причастности подозреваемого к совершению преступления не представляет сложности, то после возбуждения уголовного дела до составления обвинительного постановления дознаватель вправе произвести следующие следственные действия: осмотр; освидетельствование; обыск; выемку; допрос подозреваемых, потерпевших и свидетелей; очную ставку; опознание. Полагаем, что данные следственные действия позволят собрать доказательства в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления.

Дальнейший порядок особого (сокращенного) порядка досудебного производства основывается положениях, сочетающих положительные черты протокольной формы досудебной подготовки материалов [5], дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ) и Проекта особого порядка досудебного производства [6]. Перечислим предложения, которые, на наш взгляд, позволят усовершенствовать уголовно-процессуальное законодательство, в части расследования очевидных преступлений и уголовных дел, не представляющих особой сложности в доказывании обстоятельств совершения преступления.

Во-первых, дознание в особом (сокращенном) порядке должно быть окончено в срок, не превышающий семи суток. Этот срок исчисляется с момента возбуждения уголовного дела до составления обвинительного постановления. При этом дознание в особом (сокращенном) порядке может оканчиваться одним из следующих решений: 1) о передаче уголовного дела в суд с обвинительным постановлением; 2) о прекращении уголовного дела.

Во-вторых, признав, что необходимые процессуальные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере вреда, причиненного преступлением, а также причастности подозреваемого к преступлению, дознаватель составляет обвинительное постановление.

В обвинительном постановлении указываются: 1) дата и место его составления; 2) должность, фамилия, инициалы лица, его составившего; 3) данные о лице, в отношении которого осуществляется уголовное преследование; 4) место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела; 5) формулировка обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации; 6) перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания; 7) данные о потерпевшем, характере и размере причиненного ему вреда; 8) сведения о гражданском иске, данные о гражданском истце и гражданском ответчике; 9) список лиц, подлежащий вызову в суд.

Далее обвинительное постановление подписывается дознавателем и утверждается начальником органа дознания, после чего дознаватель уведомляет об этом обвиняемого, защитника, законного представителя обвиняемого, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей и разъясняет им право на ознакомление с материалами уголовного дела.

В-третьих, в течение двух суток с момента уведомления об окончании процессуальных действий дознаватель знакомит потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, подозреваемого, его защитника и законного представителя подозреваемого с материалами уголовного дела. Об ознакомлении участников с материалами уголовного дела составляется протокол.

Затем уголовное дело с обвинительным постановлением незамедлительно направляется прокурору, который рассматривает его, и в

течение 24 часов принимает по нему одно из следующих решений:

- 1) об утверждении обвинительного постановления и о направлении уголовного дела в суд;
- 2) о возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям УПК РФ, устанавливая для этого срок не более 24 часов;
- 3) о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьями 24, 25, 27, 28 и 28.1 УПК РФ.

При утверждении обвинительного постановления прокурор вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо перекалвалифицировать обвинение на менее тяжкое.

Копия обвинительного постановления с приложениями вручается обвиняемому, его защитнику, потерпевшему и (или) его представителю.

После вручения копий обвинительного постановления прокурор незамедлительно направляет уголовное дело в суд, о чем уведомляет обвиняемого, его защитника, потерпевшего и (или) его представителя.

Обозначенные нами проблемы, а также предложения по их разрешению, представляют в настоящее время серьезный научный и практический интерес, а актуальность их исследования для дознания обусловлена комплексом вопросов, связанных с поиском наиболее оптимальных процедур производства по уголовному делу.

Библиография:

1. Семенцов В.А., Науменко О.А. Проблемы совершенствования дознания как формы предварительного расследования // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 260.
2. Давлетов А. А., Вечтомов С. В. О совершенствовании процессуального порядка задержания подозреваемого // Советская юстиция. 1991. № 5. С. 12–13.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27705/ (дата обращения: 26.02.2024).
4. Давлетов А.А., Федорова И.А. Уведомление о подозрении - процессуальная форма признания лица подозреваемым в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2016. N 12. С. 31 - 33.
5. УПК РСФСР. Протокольная форма досудебной подготовки материалов. Глава 34 // <https://base.garant.ru/3975183/a8f92e5cedad2749832151822cfbecf9/> (дата обращения: 14.02.2024).
6. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» (подготовлен МВД России) // <http://regulation.gov.ru> по состоянию на 31.01.2015 (дата обращения: 14.02.2024).

References:

1. Sementsov V.A., Naumenko O.A. Problems of improving the inquiry as a form of preliminary investigation // Society and law. 2011. No. 4 (36). p. 260.
2. Davletov A. A., Vechtomov S. V. On improving the procedural procedure for detaining a suspect // Soviet Justice. 1991. No. 5. pp. 12-13.
3. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation on the case of checking the constitutionality of the provisions of part one of Article 47 and part two of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.I. Maslov // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27705/ (date of address: 02/26/2024).
4. Davletov A.A., Fedorova I.A. Notification on suspicion - the procedural form of recognizing a person as a suspect at the stage of initiation of a criminal case // The Russian justice system. 2016. N 12. pp. 31-33.
5. The Code of Criminal Procedure OF the RSFSR. The protocol form of pre-trial preparation of materials. Chapter 34 // <https://base.garant.ru/3975183/a8f92e5cedad2749832151822cfbecf9/> (date of application: 02/14/2024).
6. Draft Federal Law «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (regarding the introduction of a special procedure for pre-trial proceedings)» (prepared by the Ministry of Internal Affairs of Russia) // <http://regulation.gov.ru> as of 01/31/2015 (accessed: 02/14/2024).

О ВВЕДЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОПАГАНДУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ On the introduction of criminal liability for the propaganda of narcotic drugs and psychotropic substances

ПАНКРАТОВА Виолетта Николаевна,

студентка Юридического института,
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.
Московское ш., 34, г. Самара, Самарская обл., 443086, Россия.
E-mail: vio-666@mail.ru;

СИМОНИХИН Валентин Сергеевич,

магистрант факультета права НИУ «Высшая школа экономики».
Покровский бульвар, 11, г. Москва, 109028, Россия.
E-mail: cimonixin_valik@mail.ru;

УШАКОВ Руслан Михайлович,

преподаватель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права
НИУ «Высшая школа экономики».
Покровский бульвар, 11, г. Москва, 109028, Россия.
E-mail: ru.usushakov@yandex.ru;

PANKRATOVA Violetta Nikolaevna,

student of the Law Institute, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev.
Moskovskoe sh., 34, Samara, Samara region, 443086, Russia.
E-mail: vio-666@mail.ru;

SIMONIKHIN Valentin Sergeevich,

graduate student of the Faculty of Law of the Higher School of Economics.
11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russia.
E-mail: cimonixin_valik@mail.ru ;

USHAKOV Ruslan Mikhailovich,

Lecturer at the Department of Law of Digital Technologies and Biopraw of the Faculty of Law
Higher School of Economics.
11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russia.
E-mail: ru.usushakov@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье поднимается вопрос о введении уголовной ответственности за пропаганду и рекламу наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, культивирования наркосодержащих растений, лицом, подвергнутым административному наказанию за пропаганду наркотиков. В работе проанализирована статистика совершения преступлений в сфере, связанной с пропагандой запрещенных веществ, подчеркнуто отсутствие эффективности административных мер по борьбе с рекламой наркотиков. Авторами проанализированы законопроекты из архива Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и представлен проект советующей статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации. В результате исследования авторы предлагают ввести новую статью 230⁴ в Уголовный Кодекс РФ.

Abstract: the article raises the issue of the introduction of criminal liability for the propaganda and advertising of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, cultivation of narcotic plants, by a person subjected to administrative punishment for drug propaganda. The paper analyzes the statistics of crimes committed in the field related to the promotion of prohibited substances, and highlights the lack of effectiveness of administrative measures to combat drug advertising. The authors analyzed draft laws from the archive of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation and presented a draft advisory article of the Criminal Code of the Russian Federation. As a result of the study, the authors propose to introduce a new Article 230⁴ into the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: пропаганда, сеть «Интернет», наркотические средства и психотропные вещества, административная преюдиция, уголовное наказание.

Keywords: propaganda, the Internet, narcotic drugs and psychotropic substances, administrative prosecution, criminal punishment.

Для цитирования: Панкратова В.Н., Симонихин В.С., Ушаков Р.М. О введении уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств и психотропных веществ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 457-460. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_457.

For citation: Pankratova V.N., Simonikhin V.S., Ushakov R.M. On the introduction of criminal liability for the propaganda of narcotic drugs and psychotropic substances // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 457-460. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_457.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

Основными задачами государства являются повышение уровня социального благосостояния и обеспечения граждан страны, укрепление гарантий соблюдения прав человека и борьба с преступностью. Последнее при этом выходит на первый план, поскольку при достаточно высоком уровне преступности граждане не могут чувствовать себя в полной безопасности, их права и свободы часто нарушаются, соответственно, уровень социальной защищенности населения снижается, замедляются темпы развития экономики и ухудшается качество жизни общества.

Внимание государства на наркоситуацию в целом остается неизменно повышенным с 90-х годов XX века, то есть на протяжении всего существования современного российского государства. Это отмечает Президент Российской Федерации. Несмотря на гуманистическую направленность уголовной политики, глава государства выступает против идеи либерализации уголовных норм в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, отмечая необходимость системности и поступательности в поставленных задачах [1].

Рост наркопреступности является неизменным пунктом в отчетных докладах МВД РФ [2]. Указом Президента РФ от 23.11.2020 №733 была принята стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [3]. В список угроз национальной

безопасности добавилось масштабное распространение наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети «Интернет».

Современный наркооборот реализуется через публикации в сети, где и указана информация для связи с продавцом. Кроме этого, многие сайты используются исключительно для оплаты, а именно, открывая web-страницу, высвечиваются банковские реквизиты или система быстрых платежей. После осуществления оплаты, определяется адрес и иная информация о конкретном местонахождении дозы, например, места в парках, проёмы между окон, пустоты под лестницами, электрические щиты в подъездах, дупла деревьев, заброшенные здания. Всё чаще на практике наркоторговцы прикрывают свой нелегальный бизнес иной предпринимательской деятельностью: продажа цветов (сбыт веществ в горшках), газетные ларьки и даже безобидные тележки с мороженым в многолюдных местах.

Информационная система «Интернет» стала ключевым способом получения любой информации. Изначально сеть использовалась преступниками для мошеннических действий, распространения вредоносных программ. В 2020 году, на который приходится один из пиков наркопреступности, согласно статистическим данным Генеральной Прокуратуры РФ [4], продажа и реклама наркотиков через социальные сети и иные сайты, стали особо распространенной практикой у наркодиллеров. На эту проблему в 2020 году указывал Президент Российской Федерации: «...важнейшее направление нашей работы! Нужно работать здесь более гибко и решительно, жёстко, но строго в рамках закона... Обращаю ваше внимание: совместно с Роскомнадзором Министерства Внутренних Дел России необходимо перекрыть доступ к сайтам и страницам в социальных сетях, пропагандирующим наркотики... Кроме того, прошу Государственную Думу РФ и Правительство РФ вернуться к детальной проработке законодательной инициативы по установлению уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в интернете...» [5].

В настоящее время за пропаганду и незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ установлена административная ответственность по ст. 6.13 КоАП РФ.

Стоит отметить, что административные меры не оказывают эффективного воздействия в этом направлении, а общественная опасность рассматриваемых деяний растёт. Согласно данным по форме федерального статистического наблюдения 4-ЕГС, утвержденной Приказом Генпрокуратуры России от 17.01.2020 № 30 [6], в 2018 году с использованием информационных технологий было выявлено 18805 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, связанных с их сбытом. В 2019 году их количество возросло до 24677 единиц, рост составил около 31%, в 2020 году – 47060, соответственный рост на 91% в сравнении с предшествующим отчетным периодом. В 2021 году динамика прироста сохраняется, хоть и в меньшем процентном соотношении + 9% (51444), в 2022 +8% (57029) [7].

В 2020 году из-за локдауна и массового распространения общения через сеть «Интернет» было самое большое процентное возрастание. Однако неспадающая тенденция к увеличению статистических показателей свидетельствует о необходимости принятия государственных мер.

Значение проблемы подтверждается статистикой распространения наркопреступлений, непосредственно связанных с пропагандой (с ч. 1 ст. 230 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов). Согласно проанализированным данным о назначении наказаний по некоторым статьям УК РФ, следователями и судами все чаще подерживается квалификация деяний за склонение к потреблению наркотиков и других запрещенных уголовным законодательством веществ [8]. Взаимосвязь преступлений, связанных со склонением к употреблению, и пропагандой запрещенных веществ, прямая, так как действия выполняют схожую функцию: распространение, призыв (в первом случае более индивидуальный), внушение мысли о доступности и наркотиков. Различие в наличии потерпевшего по ст. 230 УК РФ, т.е. лица, в отношении которого совершаются действия по склонению, а значит, состав более персонализирован. В случае с пропагандой или рекламой субъект в основном действует из возможности получить выгоду и не имеет цели привлечения конкретного лица. Пропаганда и реклама наркотиков — это более сложная форма привлечения потребителя в наркосреду.

В научной литературе все чаще появляются предложения о введении уголовной ответственности для разработчиков и администраторов сайтов с продажей и рекламой наркотиков (например, Ю.П. Попова [9], Р.В. Калинка) [10]. Однако, несмотря на информационный прогресс и улучшение возможностей правоохранительных органов по отслеживанию личных данных, используемые продавцами наркотиков SIM-карты, зачастую, оформлены на лиц, не имеющих к данным деяниям никакого отношения, либо на утерянные или украденные документы. По номеру ID через интернет-сайты потенциального преступника по аналогичной причине сложно отследить. Этот фактор существенно затруднит применение такой нормы на практике. Проблема квалификации подобных деяний по причине трудности доказывания и пути её решения поднимаются во многих научных исследованиях (например, М.А. Зотов и В.В. Павлов) [11].

Многие авторы приходят к мнению о необходимости разработки уголовной нормы, устанавливающей ответственность за распространение, продажу, рекламу и пропаганду запрещенных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров и новых потенциально опасных психоактивных веществ (например, Г.Р. Масягутова) [12].

С этим предложением нельзя не согласиться, исходя из роста отравившихся наркотическими веществами, о чем свидетельствуют данные на сайтах региональных органов власти. Например, в Самарской области Департамент по вопросам общественной безопасности и противодействию коррупции периодически обновляет данные о состоянии наркоситуации в регионе, указывая на повышение уровня употребления запрещенных веществ [13]. Аналогичные данные представлены в докладе о наркоситуации за 2023 год Департаментом региональной безопасности Ханты-Мансийского автономного округа-Югры [14]. Обобщенная информация по всем регионам о росте распространения наркотических средств и психотропных веществ зафиксирована в выдержках из докладов о наркоситуации, подготовленных Государственным Антинаркотическим Комитетом [15].

Общественная опасность деятельности, направленной на пропаганду и рекламу употребления запрещенных веществ, связана не

только с распространенностью применения смежных норм УК РФ и ростом употребляющих их лиц. В первую очередь общественная опасность связана с отсутствием эффективности административных мер, что является одним из главных критериев для криминализации деяния. А именно судебная статистика РФ по отдельным правонарушениям показывает ежегодный прирост правонарушений по ст. 6.13 КоАП РФ, который за последние пять лет составил + 371,49% [16].

В последнее время продавцы все чаще используют символику запрещенных веществ, растений с целью привлечения внимания к продукции. В основном в продаже головные уборы, носки, сумочки с изображением наркотических растений. Спрос растет за счет необычного принта, который формирует не только модную тенденцию, но и лояльность общества к запрещенным веществам, что является противозаконным. Например, постановлением Старорусского районного суда Новгородской области лицо было привлечено к административной ответственности за продажу панам с изображением конопли [17] или постановлением Ленинского районного суда г. Пензы лицо привлечено за продажу кепок с вышитой на них марихуанной по ст. 6.13 КоАП РФ [18].

Реклама и пропаганда через сеть-Интернет также встречается в практике судов. Однако такая форма деяния связана с проблемой отсутствия привлекаемого к ответственности лица. В результате чего принимается решение только о блокировке сайтов, web-страниц, например, в Решении по делу по делу № 2А-415/2023 Краснозерского районного суда Новосибирской области [19].

Однако общественная опасность выходит за рамки административных мер, так как вход на Интернет-сайты свободный, не требует предварительной регистрации и пароля, ознакомиться с содержанием данных сайтов, осуществить заказ представленной продукции может любой Интернет-пользователь, в том числе несовершеннолетний. В аналогичных делах суды также принимают решение о блокировке сайта, однако его создатель избегает какой-либо ответственности.

Если вывести рассматриваемую сферу в рамки уголовного законодательства, то Роскомнадзор по запросу в рамках следственных действий сможет более оперативно предоставлять информацию о распространителях запрещенной информации. Постоянная блокировка сайтов не приводит к целям, поставленным в стратегии государственной антинаркотической политике, направленным на снижение распространения информации о наркотиках.

Подводя итог, считается необходимым не только улучшить методику расследования преступлений в сети-Интернет через дополнительное обучение сотрудников правоохранительных органов, но и ввести новую статью в УК РФ за пропаганду и рекламу наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ и культивирования наркосодержащих растений.

Для мягкости введения нормы и соблюдения основных направлений уголовной политики — либерализации, гуманизма — предлагается сузить субъект преступления через административную преюдицию. Тем самым уголовной ответственности будет подлежать лицо, ранее привлекавшееся по КоАП РФ за пропаганду и незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Санкции нормы выбраны из общего перечня ст. 44 УК РФ, с учетом общественной опасности деяния, его распространенности и криминальной наркоситуации. Стоит учитывать, что пропагандой и рекламой запрещенных веществ зачастую занимаются не лица с низким уровнем правовой культуры, а целенаправленно осуществляющие эту деятельность с целью получения выгоды и осознающие степень разрушительности своих действий.

На основании существующих законопроектов в архиве Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с учетом их недостатков предлагается дополнить УК РФ статьей 230⁴ «Пропаганда и реклама наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ и культивирования наркосодержащих растений» со следующим содержанием:

«1. Пропаганда и реклама наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ и культивирования наркосодержащих растений, лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за пропаганду наркотиков, -

наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до шести месяцев с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет"), -

наказываются лишением свободы на срок до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового.»

Примечанием к статье для грамотной квалификации на практике следует ввести «В настоящей статье под пропагандой понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица убежденности в их привлекательно-

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МАЙНИНГОВЫХ ФЕРМ INSPECTION OF THE SCENE OF THE INCIDENT IN CRIMINAL CASES OF CRIMES RELATED TO THE ACTIVITIES OF MINING FARMS

ТЕБИЕВ Рустам Русланович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт МВД России».
660131, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.
E-mail: r.tebiev@yandex.ru;

TEBIEV Rustam Ruslanovich,

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Criminalistics,
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.
E-mail: r.tebiev@yandex.ru

Краткая аннотация: количество совершаемых преступлений, связанных с незаконной деятельностью майнинговых ферм, на протяжении последних нескольких лет остается на высоком уровне. Кроме того, с большой долей уверенности можно заявить, что в ряде субъектов РФ данные преступления приобрели вид хорошо организованного криминального бизнеса. Это и явилось одной из предпосылок, способствовавших исследованию проблем, возникающих при проведении осмотра места происшествия по указанной категории дел. Предложены практические рекомендации по повышению обозначенного следственного действия.

Abstract: The number of crimes committed related to the illegal activities of mining farms has remained at a high level over the past few years. In addition, it can be stated with a high degree of confidence that in a number of subjects of the Russian Federation, these crimes have acquired the appearance of a well-organized criminal business. This was one of the prerequisites that contributed to the study of problems arising during the inspection of the scene of the incident in this category of cases. Practical recommendations for improving the designated investigative action are proposed.

Ключевые слова: криминалистика, следственные действия, осмотр места происшествия, майнинг, майнинговые фермы.
Keywords: criminalistics, investigative actions, inspection of the scene, mining, mining farms.

Для цитирования: Тебиев Р.Р. Осмотр места происшествия по уголовным делам о преступлениях, связанных с деятельностью майнинговых ферм // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 5(233). С. 461-465. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_461.

For citation: Tebiev R.R. Inspection of the scene of the incident in criminal cases of crimes related to the activities of mining farms // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 5(233). pp. 461-465. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_461.

Статья поступила в редакцию: 22.04.2024

Современные тенденции преступной деятельности свидетельствуют о том, что борьба с преступлениями, связанными с незаконной деятельностью майнинговых ферм, остается весьма актуальной задачей, требующей научного и практического решения. Даже не смотря на снижение общего числа совершаемых из года в год данных преступлений, в отдельных субъектах Российской Федерации эти преступления остаются на стабильно высоком уровне, в частности в Сибири, где относительно дешевая стоимость электроэнергии [6]. С момента появления такого вида преступлений, оно приобрело вид хорошо организованного криминального бизнеса. В связи с чем, многие научные труды в последние годы были посвящены рассмотрению уголовно-правовых, процессуальных и криминалистических вопросов борьбы с незаконной деятельностью майнинговых ферм.

Не смотря на наличие серьезных вопросов при расследовании данных преступлений, в частности, вопросов их выявления, уголовно-правовой квалификации, проверки сообщения о преступлении, тактики отдельных следственных действий, а также вопросов возмещения вреда, причиненного преступлением, данная статья посвящена проблемным тактическим особенностям осмотра места происшествия. Указанный выбор был сделан не случайно, поскольку именно от полноты и качества его описания, изъятых объектов и иных криминалистически значимых следов, во многом в дальнейшем зависит успех расследования, не говоря уже о том, что осмотр места происшествия по делам, связанным с деятельностью майнинговых ферм, проводится по всем преступлениям и является неотложным следственным действием [4, с. 206].

Задачами осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с организацией деятельности майнинговых ферм, являются:

1. Поиск, обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления, обнаруженных на месте происшествия, свидетельствующих о незаконной деятельности майнинговых ферм (как правило, материальных следов, которыми выступает само оборудование, комплектующие к ним, маскирующие предметы).

Например, в г. Каспийске полицейские обнаружили крупнейшую майнинг-ферму, где производили цифровую криптовалюту, для чего незаконно подключились к электросетям. На стройке оборудование прятали в бытовке.

Кроме того, полицией совместно со специалистами кузбасского филиала «Россети Сибирь» в июле 2021 года обнаружили и пресекли деятельность майнинг-фермы по незаконному производству криптовалюты. Объект работал в п. Благодатный Кемеровского муниципального округа. Преступники незаконно похитили около 300 тысяч киловатт/часов электроэнергии на 1,7 млн рублей. Энергетики зафиксировали небаланс поступившей и оплаченной электроэнергии в поселке и выехали с проверкой. Сначала их внимание привлекла трансформаторная

подстанция, питающая здание заброшенной школы. А уже в подвале последней полицией были обнаружены 140 действующих устройств для майнинга криптовалюты. Оборудование стоимостью около 10 млн. рублей было описано и изъято.

Примечательно, что в этом же поселке месяцем ранее полицией была пресечена незаконная деятельность майнинг-фермы, которая располагалась на территории животноводческой фермы.

Таким образом, перед правоохранительными органами стоит непростая задача по установлению личности преступников, и большую роль в этом, определенно, сыграют изъятые следы и оборудование;

2) Изучение и фиксация обстановки с целью выявления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (например, мест расположения объектов, тайников и т.д.);

Так, например, по заявлению энергетической компании на территории заброшенного завода в Оренбургской области сотрудники МВД России обнаружили более 6000 единиц техники, подключённых к электросети (см. рисунок 1). Также обнаружены силовые кабели, ведущие к подстанции неподалёку. По данному факту возбуждено уголовное дело по статье 165 УК РФ. Как установлено в ходе расследования работа данного предприятия осуществлялась без учёта потребления электроэнергии объёмом свыше восьми миллионов киловатт-часов. Двух организаторов фермы задержали. На сегодняшний день стоимость 6000 ASIC составляет примерно 600 млн. рублей.

Рисунок 1 - Подпольная майнинг-ферма, обнаруженная на территории заброшенного завода в Оренбургской области

3. Поиск, обнаружение, осмотр и изъятие средств подготовки, совершения и сокрытия преступления (например, специальной литературы или видеороликов, раскрывающих способы незаконного подключения майнинг-ферм к электросети).

4) Получение поисковой информации о членах организованной группы, причастных к незаконной деятельности майнинг-ферм, скрывшихся от следствия или ранее неустановленных [1, с. 273].

Анализ судебно-следственной практики по делам о незаконной деятельности майнинг-ферм, позволяет выделить наиболее типичные места, в которых производится осмотр места происшествия, к которым по нашему мнению относятся:

- 1) Различные жилые и нежилые помещения (дома, квартиры, комнаты в общежитиях, гаражи, чердаки, погреба, подвалы и т.д.) [7, с. 13];
- 2) Участки местности;
- 3) Транспортные средства и оборудование, предназначенное для перевозки (легковые и грузовые автомобили, прицепы, полуприцепы и т.д.);
- 4) Иные места, имеющие значение для уголовного дела (например, места задержания подозреваемых).

Не смотря на казалось бы устоявшуюся обыденность данных тактических приемов и относительную их простоту, ими не стоит пренебрегать.

На подготовительном этапе следователю необходимо:

- 1) Получить информацию о месте, в котором планируется проведение следственного действия (адрес точного местоположения, расположение относительно других объектов и т.д.);
- 2) По результатам изучения материалов уголовного дела, в частности показаний допрошенных лиц, представленных результатов

оперативно-розыскной деятельности и т.д., сформировать представление о характерных следах, которые могут находиться в указанном месте и свидетельствовать о преступлении;

3) Составить примерный план следственного действия, в котором указать какие объекты необходимо исследовать для обнаружения следов преступления;

4) Определиться с оптимальным составом участников следственного действия, которые должны принять участие в осмотре места происшествия (специалист-криминалист, сотрудники оперативных подразделений, представители общественности и др.);

5) Произвести тщательный инструктаж участников следственного действия, с целью соблюдения мер безопасности, например, при осмотре отдельных участков местности и тайников, в которых преступниками могут быть заранее установлены ловушки в виде взрывных и сигнальных устройств;

6) Подготовить материальные и технические средства необходимые для фиксации хода и результатов осмотра места происшествия, а также обнаружения и изъятия следов преступления [2, с. 9].

На месте следователь должен определить границы осмотра места происшествия и способ его производства. Границы осмотра могут включать в себя не только само место, но и прилегающую территорию.

Рабочий этап осмотра места происшествия классически можно разделить на две стадии:

- 1) Общий осмотр (статическая стадия);
- 2) Детальный осмотр (динамическая стадия).

При общем осмотре следователю необходимо ознакомиться с местом предстоящего осмотра, что делается без изменения обстановки.

При детальном осмотре следователь изучает обстановку места происшествия в целом и каждого объекта в отдельности, в частности он должен тщательно произвести анализ имеющейся обстановки и попытаться мысленно воссоздать обстановку совершенного преступления с целью выдвижения версий.

В ходе осмотра места происшествия необходимо обнаружить следы, указывающие на лиц, причастных к преступлению, а именно отпечатки папиллярных узоров, следы обуви, биологические следы (волосы, кровь, слюна), микрочастицы, предметы случайно оставленные преступниками. Для наиболее полного производства осмотра целесообразно привлекать к участию в нем соответствующих специалистов, которые могут помочь в обнаружении следов, их правильном закреплении и изъятии [1, с. 15].

Так, в ходе осмотра места происшествия, а именно места нахождения майнингового оборудования и прилегающей территории, было изъято два следа материи, четыре следа пальцев рук, следы подошвы обуви, части ручки входной двери. В последствии по всем изъятым объектам были проведены соответствующие судебные экспертизы, направленные на идентификацию объектов, оставивших указанные следы [2].

Место обнаружения майнингового оборудования и само оборудование подробно описываются в протоколе осмотра места происшествия, с указанием индивидуальных признаков, фотографируются.

Для управления процессом майнинга и распоряжения полученной криптовалютой необходимо соответствующее программное обеспечение. Наличие таких программ быть установлено по наличию на экране или в меню ярлыков данных программ. Примеры ярлыков программ для управления кошельками приведены на рисунке 2. Отметим, что управление кошельком криптовалюты может осуществляться с использованием веб-сервисов, которые, как правило, совмещены с биржами криптовалюты. Посещение последних может быть установлено путём анализа истории браузера подозреваемого на изъятых компьютерах и/или смартфонах.

Обнаруженные программы-кошельки позволяют определить, какими криптовалютами пользовался подозреваемый, номера кошельков в этих криптовалютах, а также историю операций с данными кошельками.

Аналогичным образом может быть установлено и наличие программ для управления майнинговым оборудованием. Примерами такого программного обеспечения являются EasyMiner, CGMiner, Awesome Miner, Kryptex Miner, ECOS, Nicehash. Логотипы данных программ показаны на рисунке 3.

Рисунок 2. Значки приложения для управления кошельками криптовалютой

Рисунок 3. Логотипы программного обеспечения для управления процессом майнинга.

На сегодняшний день майнинг криптовалюты Bitcoin осуществляется в составе так называемых пулов (объединений майнеров, осуществляющих майнинг совместно и делящих вознаграждение в зависимости от вклада вычислительной мощности участников). Поэтому на компьютерах лиц, занимающихся майнингом данной криптовалюты, могут быть найдены следы посещения сайтов этих пулов: foundrydigital.com, antpool.com, f2pool.com, viabtc.com, pool.binance.com. Для иных криптовалют может быть целесообразен индивидуальный майнинг.

Как правило, местность, где работает майнинговая ферма, можно условно поделить на следующие составляющие (для тех случаев, когда добыча криптовалюты осуществляется в больших объемах):

- админская - это то место, где происходит контроль работы всего майнингового оборудования, может состоять из одного или нескольких стационарных компьютеров, подключенных к сети Интернет. Именно с данного компьютера происходит общее управление всем майнинговым оборудованием, задаются различные настройки, исправляются ошибки в работе ASIC и т.д.;

- помещение, где расположены ASIC. В основном, большое количество стеллажей, с находящимися на ними ASIC, соединенных между собой и выводящихся в админскую [5, с. 18];

- щитовые - то место, где сосредоточено электропитание всей майнинг фермы;

- тепловые коридоры – пространство, куда от ASIC поступает горячий воздух, а затем с помощью вентиляторов выгоняется на улицу.

Все указанные помещения также подлежат осмотру и фиксации.

Результаты осмотра места происшествия необходимо анализировать и оценивать в полном объеме в совокупности с уже имеющимися доказательствами по делу. Это способствует эффективному применению тактических приемов при проведении как повторных осмотров, так и иных следственных действий.

Учитывая, что при совершении данных преступлений лица общаются между собой с помощью электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, то в ходе осмотра места происшествия необходимо обратить пристальное внимание на обнаружение компьютерных устройств (персональных компьютеров, ноутбуков, планшетов) и мобильных устройств, а также иных носителей компьютерной информации, например, винчестеров, флэшкарт и т.п. При обнаружении указанных предметов следователю необходимо зафиксировать в протоколе осмотра места происшествия место их обнаружения, тип, марку, маркировку и серийные номера. Необходимо обратить внимание, что осмотр и изъятие указанных объектов следует осуществлять с участием привлеченного специалиста. Привлеченный к осмотру специалист может оказать помощь следователю в поиске, обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления. Обусловлено это, прежде всего тем, что следователи, как правило, не обладают достаточными знаниями в области компьютерных технологий, что может привести к утрате следов преступления [3, с.315]. Так, например, при неправильном изъятии указанных объектов может произойти уничтожение ранее удаленной информации, которая может иметь значение для уголовного дела.

Протокол осмотра места происшествия заполняют в ходе следственного действия, после завершения его подписывают все участники. В протоколе полно и объективно, отражают все действия, все обнаруженное и изъятые. Вне зависимости от упоминания в описательной части протокола в его конце перечисляют все изъятые объекты, а также указывают как они упакованы и какие пояснительные записи выполнены на упаковке.

В ходе осмотра обязательным является использование фотосъемки для фиксации предметов, тайников и следов.

Из тактических соображений, а также возможной необходимости в дальнейшем исследовать обстановку места происшествия, целесообразно в ходе осмотра производить видеозапись.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что следственная практика по расследованию преступлений, связанных с деятельностью майнинговых ферм не свободна от типичных нарушений и недочетов, в том числе касательно осмотра места происшествия. В данной статье на основе правоприменительной практики и с учетом современного уровня развития криминалистики, представлен комплекс рекомендаций по повышению эффективности данного следственного действия.

Библиография:

1. Еремеева, А. Н. К вопросу о понятии и дифференциации личности преступника по делам о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет / А. Н. Еремеева // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 года / Академия управления МВД России. Том Часть 2. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023.
2. Поляков, Н. В. Организационно-тактические особенности осмотра при расследовании незаконного перемещения и транспортировки наркотиков в странах Америки и Карибского бассейна / Н. В. Поляков, В. Э. К. Карраско // Научный компонент. – 2023. – № 1(17). – С. 5-11.
3. Тебиев, Р. Р. Криминалистический анализ интернет-страниц, содержащих факты жестокого обращения с животными / Р. Р. Тебиев // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 года / Академия управления МВД России. Том Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 313-317.
4. Варданян, Г. А. Осмотр места происшествия в системе типичных следственных действий, осуществляемых по уголовным делам о преступлениях в сфере теневого фармацевтического рынка: вопросы повышения эффективности / Г. А. Варданян // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 437. – С. 205-209. – DOI 10.17223/15617793/437/29.
5. Меерович, Д. И. Майнинг фермы на видеокартах / Д. И. Меерович // Информационные технологии, системный анализ и управление (ITSAU-2020) : Сборник трудов XVIII Всероссийской научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. В 3-х томах, Таганрог, 03–05 декабря 2020 года. Том 3. – Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. – С. 17-21.
6. Майнинг как угроза обеспечения экономической безопасности Иркутской области / И. В. Деревцова, А. Н. Грязнов, К. В. Семенцов, Е. Е. Чалов // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 2. – DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(2).29.
7. Незаконный майнинг криптовалюты: сверхприбыли за счет добросовестных потребителей // Энергоэксперт. – 2022. – № 4(84). – С. 12-13.

References:

1. Eremeeva, A. N. On the question of the concept and differentiation of the personality of a criminal in cases of illegal sale of narcotic drugs committed using the Internet information and telecommunications network / A. N. Eremeeva // State scientific and technical policy in the field of criminalistic support of law enforcement : a collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference, Moscow, May 26, 2023 / Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volume Part 2. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023.
2. Polyakov, N. V. Organizational and tactical features of inspection in the investigation of illegal movement and transportation of drugs in the Americas and the Caribbean / N. V. Polyakov, V. E. K. Carrasco // Scientific component. – 2023. – № 1(17). – Pp. 5-11.
3. Tebiev, R. R. Criminalistic analysis of Internet pages containing facts of cruelty to animals / R. R. Tebiev // State scientific and technical policy in the field of criminalistic support for law enforcement : a collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference, Moscow, May 26, 2023 / Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volume Part 1. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. – pp. 313-317.
4. Vardanyan, G. A. Inspection of the scene in the system of typical investigative actions carried out in criminal cases of crimes in the sphere of the shadow pharmaceutical market: issues of increasing efficiency / G. A. Vardanyan // Bulletin of Tomsk State University. – 2018. – No. 437. – pp. 205-209. – DOI 10.17223/15617793/437/29.
5. Meerovich, D. I. Mining farms on video cards / D. I. Meerovich // Information technologies, system analysis and management (ITSAU-2020) : Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific Conference of young scientists, postgraduates and students. In 3 volumes, Taganrog, December 03-05, 2020. Volume 3. Rostov-on-Don - Taganrog: Southern Federal University, 2020. – pp. 17-21.
6. Mining as a threat to the economic security of the Irkutsk region / I. V. Derevtsova, A. N. Gryaznov, K. V. Sementsov, E. E. Chalov // Baikal Research Journal. – 2022. – Vol. 13, No. 2. – DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(2).29.
7. Illegal mining of cryptocurrencies: super profits at the expense of conscientious consumers // Energy Expert. – 2022. – № 4(84). – Pp. 12-13.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_466

УДК 343.985

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА
(НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАТОРА ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ, ЗАНИМАЮЩЕЙСЯ
НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»)
Forensic characteristics of the personality of a criminal (using the example
of the organizer of an organized group involved in the illegal sale of narcotic drugs
using the Internet information and telecommunications network)**

ЕРЕМЕЕВА Алёна Николаевна,

преподаватель кафедры криминалистики
ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт МВД России».
660131, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.
E-mail: alena.eremeeva91@mail.ru;

Eremeeva Alena Nikolaevna,

Lecturer of the Department of Criminalistics
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
660131, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.
E-mail: alena.eremeeva91@mail.ru

Краткая аннотация: В статье автором в ходе анализа правоприменительной практики по делам о сбытах наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сделан вывод, что в настоящее время указанные преступления совершаются организованными преступными группами, где преступника возможно установить, в том числе, на основе данных, полученных в ходе составления и анализа криминалистической характеристики лица, совершившего конкретное преступление. На примере организатора организованной преступной группы, занимающейся сбытом наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» автором предложена криминалистическая характеристика личности указанного лица, как совокупность психологического и социально-демографического компонентов.

Abstract: The article deals with the interdisciplinary concept of "personality". The study of the identity of the offender from the standpoint of the science of criminology seems to be relevant. In the course of the analysis of law enforcement practice in cases of the sale of narcotic drugs using the Internet information and telecommunication network, the author concluded that at present these crimes are committed by organized criminal groups, where the offender can be identified, including on the basis of data obtained in the course of compiling and analyzing the forensic characteristics of a person who has committed a specific crime. On the example of the organizer of an organized criminal group engaged in the sale of narcotic drugs using the Internet information and telecommunication network, the author proposes a forensic characterization of the personality of the specified person as a combination of psychological and socio-demographic components.

Ключевые слова: личность преступника, психологический портрет преступника, криминалистическая характеристика личности преступника, сбыт наркотических средств.

Keywords: personality of the criminal, psychological portrait of the criminal, forensic characteristics of the personality of the criminal, sale of narcotic drugs.

Для цитирования: Еремеева А.Н. Криминалистическая характеристика личности преступника (на примере организатора организованной группы, занимающейся незаконным сбытом наркотических средств, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет») // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 466-468. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_466.

For citation: Eremeeva A.N. Forensic characteristics of the personality of a criminal (using the example of the organizer of an organized group involved in the illegal sale of narcotic drugs using the Internet information and telecommunications network) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 466-468. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_466.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2024

Личность человека является объектом изучения множества наук, таких как философия, социология, психология, медицина, уголовное право, криминология, уголовный процесс, теория оперативно-розыскной деятельности и др. Не смотря на общезначимый характер данной категории, личность человека изучается каждой наукой с позиции своего предмета исследования и в рамках принятых парадигм.

В юридических науках категория личности рассматривается в прикладном аспекте и используется в таких сочетаниях как «личность преступника», «личность потерпевшего», «личность свидетеля». При этом наиболее востребованными являются возможности и результаты изучения личности преступника.

Криминалистика выделяет личность преступника как один из главных элементов криминалистической характеристики преступления, в том числе, подлежит изучению взаимосвязь личности преступника и способа совершения преступления [1, с. 16].

Выбор способа преступления зависит не столько от условий объективного характера, сколько от субъективных особенностей личности преступника. Основоположником данной идеи в криминалистике можно считать Г.Гросса. Системный анализ работы Г. Гросса позволяет утверждать, что автор предпринял попытку создания психологического портрета личности преступника, на основе изучения способа, времени, места совершения преступления, объекта преступного посягательства, действий по подготовке и сокрытию преступления и иных обстоятельствах, имеющих значение для расследования уголовного дела [2, с. 41].

Наиболее известным практическим применением методики построения «психологического портрета» преступника в отечественной

правоприменительной деятельности является портрет, составленный психиатром А. Бухановским, который помог установить маньяка А. Чикотило, державшего весь СССР в страхе 12 лет.

Учет психологических особенностей личности преступника рассматривался в работах Л.П. Ахмедшина [3, с. 58]. Указанная позиция, в том числе, подтверждается авторитетным мнением Д.В. Кима который высказывался о том, что «итог преступной деятельности лица должен рассматриваться как результат поведения, детерминированного особенностями субъекта, совершившего общественно-опасное деяние на основании системы как осознаваемых, так и неосознаваемых побуждений... Информированность о таких особенностях является неременным условием правильной организации оперативно-розыскной деятельности и последующего предварительного расследования» [4, с. 95].

Особое значение анализ психологических данных о личности преступника приобретает в ситуации, когда лицо, совершившее преступление не установлено и данных о нем нет. В такой ситуации анализ следовой картины на месте преступления, которая образовалась благодаря индивидуальным поведенческим проявлениям лица, напрямую зависящим от его психологических особенностей, должен стать приоритетным источником информации о личности преступника и осуществлении его поиска [5, с. 71].

Согласно официальным статистическим данным, опубликованным Главным информационно-аналитическим центром МВД России за период с января по ноябрь 2023 года, число зарегистрированных незаконных сбытов наркотических средств составило 118679, что на 15,2% больше в сравнении с аналогичным периодом прошлого года [6].

В ходе анализа уголовных дел по преступлениям о незаконном сбыте наркотических средств с использованием ИТС «Интернет» было установлено, что данные общественно-опасные деяния имеют групповой характер¹. Выявленные признаки: устойчивость существования, наличие в составе группы организатора и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределение функций между участниками, деятельность которых направлена на незаконный сбыт наркотических средств посредством ИТС «Интернет», свидетельствуют об организованном характере группы.

Преступления, совершаемые в составе организованных преступных групп (далее – ОПГ) представляют одну из самых серьезных угроз государственной безопасности нашей страны.

Результаты анкетирования практических сотрудников показали, что наибольшее затруднение в ходе раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, возникает при установлении личности организатора ОПГ². Из числа всех причин, затрудняющих установление указанного лица, участники исследования указывали географическую удаленность организатора ОПГ от места совершения преступления. Важно отметить, что если группа функционирует на территории одного или нескольких смежных регионов или в отдельном городе, то вероятность установления и привлечения к уголовной ответственности организатора преступной группы значительно возрастает. В целях повышения эффективности работы правоохранительных органов по установлению организатора ОПГ по вышеуказанным преступлениям автором предложена криминалистическая характеристика личности указанного лица с выделением психологического и социально-демографического компонентов.

Структура психологического компонента криминалистической характеристики личности организатора при сбыте наркотических средств с использованием ИТС «Интернет», на основе анализа уголовных дел данной направленности и интервьюирования практических сотрудников, занимающихся выявлением, раскрытием и расследованием указанных преступлений видится следующей³:

1. Ценностные ориентации: слабо выраженная привязанность к традиционным ценностям, ярко выраженная ориентация на себя, на независимость, стремление к свободе, самовыражению. Моральные ценности не сформированы. Будет доминировать ориентация на обладание значительными материальными ресурсами (выше среднего), возможно обесценивание чужой человеческой жизни и здоровья, как в целом, так и отдельных категорий (в данном случае наркоманов). Наркотики не представляют ценности, а являются инструментом обогащения.

2. Мотивационный уровень. Очевидным является корыстная мотивация, однако, с учетом полимотивационного подхода в деятельности, следует дополнительно выделить мотив достижения успеха, самореализации, возможны компенсаторные мотивы. Может проявляться стремление обеспечить материально не только себя, но и свою семью, оградить их от финансовых проблем, с которыми организатор столкнулся в детском возрасте.

3. Уровень притязаний. Желание добиться успеха любой ценой, в максимально короткие сроки. Для организатора цель оправдывает средства – быстрый пусть и незаконный способ возвыситься в финансовом плане над остальными, при этом затратив минимум личностных ресурсов.

Дополнить психологический компонент криминалистической характеристики личности организатора можно следующим – это люди, обладающие хорошими организационными качествами, значительно выражены лидерские качества, самооценка завышена. При этом с учетом

¹ В рамках предварительного исследования было изучено 10 уголовных дел, находящихся в производстве следователей ГСУ МВД России по Красноярскому краю, 5 апелляционных приговоров Верховного Суда Российской Федерации.

² При исследовании этого вопроса было проанкетировано 23 сотрудника оперативных подразделений, осуществляющих выявление и оперативное сопровождение уголовных дел по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств в следующих субъектах РФ: Амурская область, Белгородская область, Красноярский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Самарская область, Свердловская область, Тюменская область, Тверская область.

³ При исследовании именно этого вопроса было изучено 5 апелляционных приговоров Верховного Суда Российской Федерации; проанкетировано 23 сотрудника оперативных подразделений, осуществляющих выявление и оперативное сопровождение уголовных дел по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств в следующих субъектах РФ: Амурская область, Белгородская область, Красноярский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Самарская область, Свердловская область, Тюменская область, Тверская область; проанкетировано 35 сотрудников следственных подразделений, осуществляющих расследование уголовных дел по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств в следующих субъектах РФ: Амурская область, Белгородская область, Красноярский край, Костромская область, Кемеровская область, Московская область, Новосибирская область, Республика Тыва, Самарская область, Свердловская область, Смоленская область, Тюменская область, Тверская область.

опосредованности взаимодействия участников ОПГ при сбыте наркотических средств посредством использования ИТС «Интернет», лидерские качества могут быть не столь выражены, наряду с этим проявляется хорошее знание инструментов мотивации членов ОПГ и маркетинговых технологий по продвижению товара и информационных ресурсов. У лидера преобладает рациональное мышление, эмоциональная сфера в преступной деятельности выражена в минимальной степени. Наблюдается уверенность в себе, развитые коммуникативные навыки и навыки оценки людей, может проявляться недоверие к окружающим. Проявляется нацеленность на результат и умение справляться с трудностями, выражена склонность к новаторству, риску. Под воздействием внешних обстоятельств организатор способен перестроить программу поведения для достижения максимального результата. Высокая стрессоустойчивость. Может не уделять должного внимания мелочам, не замечать признаки опасности.

Социально-демографический компонент криминалистической характеристики личности организатора при сбыте наркотических средств с использованием ИТС «Интернет» выглядит следующим образом:

1. Сведения бытового характера. Учитывая, что организатор прилагает максимальные усилия на стадии становления и налаживания работы ОПГ, перейдя к стадии ее стабильного функционирования, он вполне может заниматься иными видами деятельности, даже быть официально трудоустроенным, либо иметь собственный небольшой легальный бизнес, что может использоваться, в том числе, как способ конспирации или легализации части доходов, полученных преступным путем. Хотя в большинстве случаев организатор не трудоустроен, основной источник дохода – преступная деятельность. Наличие среднего образования, редко высшего, знания в сфере IT-технологий.

2. Сведения социально-правового характера. Мужчина 30-40 лет с устоявшимся жизненным опытом, с большой степенью вероятности ранее судим за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, имеет значительный опыт и познания в данной сфере преступной деятельности, а также осведомлен о методах работы правоохранительных органов. Привлечение к административной ответственности может носить не систематический, разовый характер, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание. В повседневной жизни может демонстрировать законопослушное поведение, хотя не разделяет общепринятые нормы поведения. Обладает необходимыми знаниями правового характера для организации такой структуры ОПГ и способов связи между участниками, которые максимально затрудняют установление его личности и (или) причастности к преступной деятельности.

Требует уточнения тот факт, что при совмещении нескольких ролей в преступной группе (при территориальной неразвитости ОПГ) при сбыте наркотических средств с использованием ИТС «Интернет», организатор, может проявлять личностные особенности, присущие дополнительно принятым на себя ролям, что позволяет на основе анализа дифференцированного деятельностного компонента составить его развернутую криминалистическую характеристику личности.

Учет психологического компонента внутри криминалистической характеристики личности организатора, а также диагностика лиц, попавших в орбиту интереса правоохранительных органов, позволит определить место и роль конкретного человека в структуре преступной группы, выявить особенности взаимодействия между участниками ОПГ, наметить оптимальные тактико-психологические приемы взаимодействия с участниками уголовного судопроизводства, определить пути разобщения ОПГ.

Библиография:

1. Нугаева Э.Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг: автореф...дис.кан.юр.наук. – Ростов на Дону. 2018. – 28 с.
2. Сокол В.Ю. Ханс Гросс – основатель современной криминалистики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 3 (17). С. 39-51. 8. Образцов В.А. Криминалистическая психология. – М.: Изд-во Юнити Дана, Закон и Право, 2002 – 273 с.
3. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: природа и содержание // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 55-62.
4. Ким Д.В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография / под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 196 с.
5. Еремеев С.Г. Психологические приемы и способы воздействия на преступные группы в целях их разобщения на стадии предварительного расследования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. №4 (63). С. 69-73.
6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – ноябрь 2023 года: ГИАЦ МФД РФ. М., 2023. 61 с.

References:

1. Nugaeva E.D. Features of the investigation of fraud in the provision of occult services: abstract...dis.kan.jur.sciences. – Rostov on Don. 2018. – 28 p.
2. Sokol V.Y. Hans Gross – founder of modern criminology // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 3 (17). pp. 39-51.
8. Obratsov V.A. Criminalistic psychology. – M.: Publishing house of Unity Dana, Law and Law, 2002 - 273 p.
3. Akhmedshin R.L. Criminalistic characteristics of the criminal's personality: nature and content // Bulletin of Tomsk State University. 2004. No. 283. pp. 55-62.
4. Kim D.V. Theoretical and applied aspects of criminalistic situations: monograph / edited by Prof. V.K. Gavlo. Barnaul: Publishing House of the Alt. university, 2008. - 196 p.
5. Yermeev S.G. Psychological techniques and methods of influencing criminal groups in order to separate them at the stage of preliminary investigation // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2015. No.4 (63). pp. 69-73.
6. The state of crime in the Russian Federation in January – November 2023: GIAC MFD RF. M., 2023. 61 p.

О СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СФЕРЫ БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

On the structural elements of the system of ensuring economic security in the field of budget financing

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. Зою и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

Ivanov Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. Концепция реализации в системе МВД РФ государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации (приказ МВД России № 760 от 14 октября 2021 г.) среди вызовов и угроз называет криминализацию экономических отношений, что, безусловно, такой феномен недопустим в условиях правового государства. Правоохранительные органы принимают меры по снижению ее уровня. Между тем негативное влияние криминализации ощутимо сказывается на состоянии сохранности бюджетных средств, выделяемых на реализацию крупных инвестиционных и национальных проектов (программ). На этом фоне деятельность по защите бюджетных средств от преступных посягательств на объектах бюджетного финансирования, на наш взгляд, нуждается в научно-теоретическом осмыслении с целью поиска оптимальных форм и методов ее обеспечения в условиях цифровой трансформации. Одним из вариантов может послужить разработка современной системы обеспечения экономической безопасности сферы бюджетного финансирования. В настоящей статье предложен авторское ее видение.

Abstract: The concept of implementing the state policy on ensuring the economic security of the Russian Federation in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 760 dated October 14, 2021) calls criminalization of economic relations among the challenges and threats, which, of course, such a phenomenon is unacceptable in a rule-of-law state. Law enforcement agencies are taking measures to reduce its level. Meanwhile, the negative impact of criminalization significantly affects the state of preservation of budget funds allocated for the implementation of major investment and national projects (programs). Against this background, the activity of protecting budget funds from criminal encroachments on budget financing facilities, in our opinion, needs scientific and theoretical understanding in order to find optimal forms and methods of its provision in the context of digital transformation. One of the options may be the development of a modern system for ensuring economic security in the field of budget financing. In this article, the author's vision of it is proposed.

Ключевые слова: органы внутренних дел, оперативные подразделения полиции, оперативно-розыскная политика, экономическая безопасность, ее система, структурные элементы, сфера бюджетного финансирования, новые вызовы и угрозы, противодействие, система комплекса мер.

Keywords: internal affairs bodies, operational police units, operational search policy, economic security, its system, structural elements, budget financing, new challenges and threats, counteraction, a system of complex measures.

Для цитирования: Иванов П.И. О структурных элементах системы обеспечения экономической безопасности сферы бюджетного финансирования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 469-474. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_469.

For citation: Ivanov P.I. On the structural elements of the system of ensuring economic security in the field of budget financing // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 469-474. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_469.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2024

Объективная необходимость разработки отечественной системы оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности сферы бюджетного финансирования во многом продиктована принятой Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года¹. Вызовы и угрозы экономической безопасности, указанные в этом документе, характерны и для названной сферы, а именно: высокий уровень криминализации и коррупции, сохранение значительной доли теневой экономики. Представляется, что только посредством принятия комплекса мер возможна их нейтрализация. А это в свою очередь предполагает разработку отечественной системы оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности сферы бюджетного финансирования [5].

В рамках настоящей статьи нами предпринята попытка предложить читателям авторский вариант указанной системы.

Вначале, на наш взгляд, следует определиться с понятием «отечественная система оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности сферы бюджетного финансирования», под которой понимается реализация органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД) во взаимодействии с другими правоохранительными органами и иными заинтересованными организациями, теоретических, нормативно-правовых, организационных, информационных, аналитических, оперативно-тактических, координационных и методических мер, направленных на стабилизацию криминогенной ситуации на объектах указанной сферы.

Реализуя вышеуказанные виды мер, следует иметь в виду, что обеспечение экономической безопасности сферы бюджетного финан-

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

сирования на основе постоянного мониторинга рисков и угроз, возникающих в том числе в результате совершения преступлений экономической и коррупционной направленности, – общегосударственная задача [4, 6], в решении которой самое непосредственное участие принимают органы внутренних дел и их подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК). При этом указанные органы взаимодействуют с органами государственной власти, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и средствами массовой информации.

Стоит заметить, что в системе органов внутренних дел головной службой по организации обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции все же выступают подразделения ЭБиПК.

Отечественная система оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности должна преследовать цель предотвращения угроз экономической безопасности, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба прежде всего экономическим интересам государства. Одновременно она должна способствовать:

- 1) соблюдению законодательства о защите бюджетных средств от преступных посягательств физическими и юридическими лицами, осуществляющими операции с бюджетными денежными средствами или иным имуществом при реализации национальных проектов (целевых программ);
- 2) повышению уровня прозрачности финансово-хозяйственной деятельности в рассматриваемом сегменте экономики, в том числе за счет применения механизма установления бенефициарных владельцев хозяйствующих в нем субъектов;
- 3) своевременному предупреждению нецелевого расходования бюджетных средств, выделяемых прежде всего для реализации государственных программ, крупных инвестиционных проектов, а также обеспечения повышения эффективности использования этих средств.

Рассмотрим более подробно вышеуказанную систему мер.

Меры *теоретического* характера в отечественной системе оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности рассматриваемой сферы должны быть направлены:

- на определение понятийного аппарата (основные понятия: «отечественная система обеспечения экономической безопасности»; «сфера бюджетного финансирования»; «угроза экономической безопасности»; «уязвимость экономической безопасности»; «риск совершения сомнительных операций (сделок) в целях извлечения преступных доходов»; «противодействие угрозам экономической безопасности»; «минимизация преступных последствий»);
- на установление закономерностей возникновения и развития организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией как наиболее опасного социально-правового явления;
- на изучение состояния и тенденций развития экономической преступности, сопряженной с коррупцией, сущности и форм ее проявления;
- на углубленное изучение составных элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений экономической и коррупционной направленности;
- на исследование принципов организации оперативно-розыскной деятельности по обеспечению экономической безопасности сферы бюджетного финансирования;
- на анализ общих (специфических) обстоятельств, способствующих криминальным деяниям экономической и коррупционной направленности на объектах указанной сферы.

На наш взгляд, значительное место в рассматриваемой системе должны занимать меры *нормативно-правового* характера, предполагающие:

- совершенствование нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в сфере оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности. В настоящее время из-за несовершенства даже процессуальные нормы, регламентирующие проверку сообщения о преступлении, оказались весьма уязвимыми в части совершения рейдерских захватов имущества. Схема их совершения выглядит следующим образом: «рейдеры устанавливают коррупционные связи с должностными лицами правоохранительных органов, в частности органов следствия и дознания, для инициирования процессуальной проверки по сообщению о преступлении, якобы совершенном руководителем и (или) собственником предприятия-цели, для оказания на них давления, принуждения к совершению сделки, изъятия необходимых документов, получения значимой для захвата информации и т.д. Именно с принятия и регистрации заявления о «несуществующем» преступлении и проведении по нему процессуальной проверки в предусмотренном ст. 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации порядке начинается процесс рейдерского захвата имущества с использованием полномочий должностных лиц правоохранительных органов» [2];
- адаптацию отечественного законодательства и правоприменительной практики по мере необходимости к зарубежному положительному опыту;
- совершенствование нормативно-правового регулирования кредитных организаций и инвестиционных компаний, на которых сегодня оказывают влияние финансовые технологии, связанные с цифровой (виртуальной) валютой. Профессор Ю. В. Трунцевский справедливо отмечает, что «мир банковских и финансовых услуг продолжает стремительно и кардинально меняться, ежедневно внедряются альтернативы традиционным продуктам и услугам, что существенно влияет на использование денег – создаются новые рынки» [12]. Как нам представляется,

использование цифровых (виртуальных) валют как финансовый инструмент в условиях вне правового поля, безусловно, создает повышенный риск, например, при отмывании денег в финансовом секторе;

— обеспечение неукоснительного выполнения правоохранительными органами требований законодательных и иных нормативных правовых актов в части усиления борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности в социально-бюджетной сфере путем принятия комплекса оперативно-розыскных мер;

— принятие законодательных и иных мер, направленных на недопущение лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость за преступления, совершенные в сфере экономики, преступления против государственной власти, к бенефициарному владению организациями, осуществляющими сомнительные операции с денежными средствами и иным имуществом;

— повышение профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов и в первую очередь органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в целях активизации борьбы с экономическими преступлениями, в том числе противодействием легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В этом плане заслуживает внимания точка зрения Е. П. Шляхтина, предлагающего при преподавании оперативно-розыскных дисциплин внедрить практико-ориентированный подход [13]. Повышение образовательного уровня субъектов ОРД по борьбе, например, с высокотехнологичной преступностью немыслимо без совершенствования системы профессионального образования на основе современных научных и технологических достижений [1].

Относительно самостоятельную группу, на наш взгляд, образуют меры *организационного* характера, которые направлены:

— на реализацию государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, в том числе сферы бюджетного финансирования. В ней определены цели, основные направления и задачи. Среди целей, по нашему мнению, повышение устойчивости названной сферы к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз. В настоящее время в условиях реализации национальных проектов одним из основных источников угрозы выступают хищения бюджетных средств и их нецелевого расходования;

— на возложение функции оценки угроз экономической безопасности, возникающих в результате совершения сомнительных операций (сделок) с бюджетными денежными средствами или иным имуществом, а также выработку мер противодействия этим угрозам Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), которая для этого располагает апробированной на практике методикой и механизмом ее реализации;

— на создание единой информационной системы в сфере борьбы с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой; на совершенствование механизма участия в деятельности предлагаемой нами системы негосударственных организаций правоохранительной направленности по защите бюджетных средств от преступных посягательств. С их помощью целесообразно выявить бюджетополучателей, осуществляющих сомнительные операции с денежными средствами и иным имуществом. Как известно, подобного рода операции приводят к неосновательному обогащению. Учитывая это, профессор Ю. В. Трунцевский предлагает (мы солидарны с ним) рассмотреть возможность криминализации неосновательно-го обогащения и его использования в качестве предикатного преступления в отношении отмывания денег, возможность конфискации в этой области [12];

— на осуществление постоянного мониторинга реализации вышеуказанной системы, корректировки ее целей и основных направлений по его результатам. На наш взгляд, дальнейшее развитие предлагаемой нами системы (в случае ее принятия) следует ставить в зависимость от изменений нормативных правовых актов, правоприменительной практики, складывающейся оперативной обстановки на объектах сферы бюджетного финансирования. Эти параметры, как показывает исследование, оказывают существенное влияние на состояние отечественной системы обеспечения экономической безопасности указанной сферы;

— на определение научно обоснованных количественных и качественных критериев и показателей оценки эффективности функционирования указанной системы, ее отдельных элементов и механизмов.

Как нам представляется, следующую отдельную группу в рассматриваемой совокупности действий составляют меры *информационного* характера, принятие которых должно способствовать:

— расширению информационно-технологических возможностей органов внутренних дел и их подразделений ЭБиПК по сбору, своевременной обработке, анализу, хранению и передаче оперативным подразделениям полиции необходимой информации, к примеру, о преступлениях, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем (создав при этом необходимые условия для расширения практики дополнительной квалификации действий подозреваемых (обвиняемых) по ст. 174, 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации при расследовании уголовных дел по предикатным преступлениям), а также о преступлениях, связанных с заключением ограничивающих конкуренцию соглашений, запрещенных антимонопольным законодательством.

Таким образом, перспективным направлением является активное внедрение цифровых способов учета, сбора, хранения, обработки, преобразования и передачи информации. На это ориентирует и реализация программы цифровизации экономики России¹. Одновременно следует иметь в виду, что цифровизация наряду с положительным эффектом несет и угрозы. В последнее время наблюдается рост преступности с использованием информационных технологий. Так, специалисты отмечают, что «по мере развития цифровизации в условиях социальной диф-

¹ Понятие цифровой экономики определено в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»: «Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, до- ставки товаров и услуг».

ференциации мы будем иметь нарастание традиционной экономической преступности, но будут развиваться и новые формы, связанные с киберпреступностью. Киберпреступления станут все более изощренными и жестокими» [11];

— использованию информации, полученной из сети Интернет, в интересах своевременного выявления и пресечения экономических и коррупционных преступлений. Как показывает практика, с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий участились случаи совершения фактов мошенничества. Для того чтобы своевременно и быстро пресечь подобного рода преступления, оперативно значимую информацию можно получить из социальных сетей, сервисов мгновенных сообщений, электронной почты, платежных систем [7, 8]. Надолго остается информация в электронной форме, что позволяет эффективно решать тактические задачи, возникающие в процессе выявления, предупреждения и раскрытия экономических преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, включая установление события преступления, лиц, его совершившего¹.

Наряду с указанными мерами неотъемлемой частью предлагаемой системы, по нашему мнению, должна выступать совокупность действий *аналитического* плана. Эти действия преследуют следующие цели:

определение состояния рисков и угроз безопасности (совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба бюджетной системе страны);

установление с использованием оперативно-розыскных сил и средств уязвимых мест предлагаемой системы (совокупности условий и факторов, приводящих к нарушениям организационного, нормативно-правового, материально-технического и иного характера, затрудняющих деятельность в первую очередь правоохранительных органов);

заблаговременное установление возможных потенциальных рисков совершения сомнительных операций (сделок) бюджетными средствами, когда слишком высока вероятность нанесения материального ущерба.

В систему мер следует также включить совокупность действий *оперативно-тактического характера*. Основная суть этих мер заключается в упреждении посредством проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий совокупности условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба бюджетной системе на раннем этапе их формирования. Здесь речь идет о рисках различного вида, а именно:

а) *риски совершения операций (сделок) в кредитно-финансовой сфере*, проявляющиеся в виде:

- осуществления фиктивной финансово-экономической деятельности;
- перевода безналичных денежных средств в теневой наличный оборот;
- незаконного вывода денежных средств и иных активов за рубеж;

б) *риски совершения операций (сделок) в бюджетной сфере*, находящие отражение в виде:

— хищений бюджетных средств при осуществлении поставщиками (подрядчиками, исполнителями) закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд;

- неэффективного расходования бюджетных средств, в особенности в жилищно-коммунальном хозяйстве;

в) *коррупционные риски совершения операций (сделок)*, проявляющиеся в виде:

- легализации доходов, полученных в результате совершения коррупционных преступлений;
- несоблюдения ограничений и нарушения запретов, установленных законодательством о противодействии коррупции.

В юридической литературе исследователи высказывают ряд предложений по изменению и дополнению норм, которые закреплены в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В частности, Н. С. Гончарук предлагает следующее: придание реестру лиц, уволенных в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений, запретительного свойства сроком хотя бы до одного года при приеме данных лиц на государственную службу; расширение списка (при декларировании сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера) подотчетного лица, замещающего государственные должности, путем включения в него приобретение предметов роскоши стоимостью более 500 000 руб., наконец формирование банка данных коррупционных практик на основе создания специализированного информационного ресурса [3];

- лоббирования корыстных интересов при заключении контрактов (договоров, соглашений) [9];

г) *риски совершения операций (сделок), связанные с преступлениями, совершаемыми в целях систематического получения крупного дохода*:

- легализация доходов, полученных вследствие уклонения от уплаты налогов;
- незаконные схемы «дробления бизнеса» [10].

Осуществление в рамках предлагаемой отечественной системы экономической безопасности комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий по обеспечению прозрачности финансовых операций, а также деятельности хозяйствующих субъектов, организаций, осуществляющих сомнительные операции с бюджетными денежными средствами и иным имуществом, позволяет минимизировать указанные виды рисков. Минимизацией рисков можно добиться снижения уровня экономической и коррупционной преступности, связанной с освоением бюджетных средств.

Оперативно-тактические меры направлены на поиск оптимальной модели осуществления действий, преследующих цель недопущения

¹ С 2018 г. в России начала функционировать Единая биометрическая система, представляющая цифровую платформу для дистанционной биометрической идентификации граждан по голосу и изображению лица.

совершения преступлений экономической и коррупционной направленности.

В системе анализируемой группы мер оперативно-розыскные мероприятия играют не менее важную роль. Они в первую очередь нацелены на получение новой информации о противоправной деятельности лиц, совершающих либо совершивших преступления экономической и коррупционной направленности в социально-бюджетной сфере. При этом отправной точкой выступает знание сотрудниками подразделений ЭБиПК совокупности признаков, указывающих на это. Приведем наиболее часто встречающиеся в практике их деятельности признаки распознавания представляющих оперативный интерес объектов воздействия:

- запутанный или необычный характер сделки, не имеющей очевидного экономического смысла или очевидной законной цели;
- несоответствие сделки целям деятельности организации установленным учредительным документам этой организации;
- выявление неоднократного совершения операций или сделок, характер которых дает основание полагать, что целью их осуществления является уклонение от процедур обязательного контроля, предусмотренных действующим законодательством;
- потенциальные возможности использования неконтролируемых со стороны правоохранительных и надзорных органов наличных денежных средств в интересах финансирования экстремистской деятельности и терроризма. Пока существуют «площадки» по обслуживанию теневого потока (признаки незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ)), продолжают сохраняться риски;
- фиктивная внешнеэкономическая деятельность юридического лица;
- использование иностранных юридических лиц и образований (трастов), зарегистрированных преимущественно в стране со льготным налогообложением;
- участие номинальных юридических лиц – резидентов (фирм-однодневок) в цепочках финансовых трансакций;
- необоснованный вывод средств за рубеж (нарушение банковского законодательства и нормативов, установленных Банком России).

Как нам представляется, предлагаемая система не может обойтись без принятия мер *координационного* характера¹. В реализации перечисленных мер должно быть задействовано достаточно много субъектов, из чего, безусловно, объективно возникает необходимость их координации и взаимодействия. В частности, вышеназванные меры должны быть нацелены:

- на обеспечение координации деятельности органов, предприятий, учреждений и организаций, входящих в рассматриваемую систему, и усиление информационного взаимодействия между ними;
- на совершенствование правоприменительной практики и модернизацию механизмов межведомственной координации в сфере борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности на объектах сферы бюджетного финансирования.

В предлагаемой отечественной системе обеспечения экономической безопасности рассматриваемой сферы особое место, на наш взгляд, занимают меры *методического* обеспечения, преследующие следующие цели:

- разработка на основе глубокого мониторинга методики выявления, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений экономической и коррупционной направленности, связанных с освоением бюджетных средств;
- совершенствование механизмов конфискации и иных форм изъятия доходов, полученных преступным путем, у лиц, совершивших преступления, а также возмещение ущерба, причиненного противоправными деяниями государству, организациям и индивидуальным предпринимателям, оказывающим посреднические услуги;
- совершенствование деятельности государственных судебно-экспертных учреждений (подразделений) в целях повышения эффективности экспертного сопровождения при расследовании и рассмотрении уголовных дел, связанных с освоением бюджетных средств и коррупцией;
- расширение правоприменительной практики по своевременному выявлению и блокированию (замораживанию) активов, предназначенных для финансирования экстремизма и терроризма;
- совершенствование механизмов контроля за надлежащим расходованием бюджетных средств при осуществлении закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, в том числе посредством казначейского и банковского сопровождения контрактов;
- обобщение положительного опыта осуществления правоприменительной практики по выявлению бенефициарных владельцев хозяйствующих субъектов, находящихся на оперативном их обслуживании, органами, осуществляющими ОРД совместно с Росфинмониторингом.

В заключение считаем необходимым сделать следующие выводы.

Во-первых, разработка отечественной системы обеспечения экономической безопасности сферы бюджетного финансирования предполагает учет в первую очередь основных положений Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года и Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утвержденной Президентом РФ 30 мая 2018 г.

Во-вторых, автор под отечественной системой обеспечения экономической безопасности рассматриваемой сферы понимает совокуп-

¹ Одним из условий успешного осуществления этих мер служит наличие правовых предпосылок (О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 // СЗ РФ. 1996 г. № 17. Ст. 1958).

ность рисков и угроз, создающих возможность нанесения ущерба консолидированному бюджету страны. Одной из опаснейших угроз в настоящее время продолжает оставаться совершение преступлений экономической и коррупционной направленности. Отсутствие на сегодня отечественной системы обеспечения экономической безопасности является уязвимым фактором, приводящим к рискам и угрозам экономической безопасности сферы бюджетного финансирования.

Библиография:

1. Аносов А. В. Специально-криминологическое предупреждение преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48).
2. Бурынин С. С. Общая характеристика уязвимости процессуальных норм, регламентирующих проверку сообщения о преступлении, способствующих совершению рейдерских захватов имущества // Безопасность бизнеса. 2019. № 1.
3. Гончарук Н. С. Изменения Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в части усиления административно-правовых мер противодействия коррупции в органах государственной власти // Безопасность бизнеса. 2019. № 1.
4. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2(63).
5. Иванов П.И. О разработке отечественной системы оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности социально-бюджетной сферы // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).
6. Иванов П.И. О формировании современной оперативно-розыскной политики: точка зрения // Юристы-Правоведь. 2022. № 4 (103).
7. Иванов П.И. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение / П. И. Иванов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (68).
8. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям: точка зрения // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 4 (64).
9. Ларичев В. Д. Преступления коррупционной направленности: понятие, структура и состояние: сб. ст. участников межведомственной конф. «Современная экономическая преступность», посвященной 70-летию профессора В. Д. Ларичева. М., 2019.
10. Переседов А. М. Признаки незаконного дробления бизнеса и его существенные отличия от легальной оптимизации расходов // Безопасность бизнеса. 2019. № 1.
11. Соловых Н. Н. Ключевой ресурс цифровой экономики – человек с компетенциями XXI века // Безопасность бизнеса. 2019. № 1.
12. Трунцевский Ю. В. Криминологический взгляд на цифровые технологии: сб. статей участников межведомственной конф. «Современная экономическая преступность», посвященной 70-летию профессора В. Д. Ларичева. М., 2019.
13. Шляхтин Е. П. Практико-ориентированный подход при преподавании оперативно-розыскных дисциплин: проблемы и пути их решения: сб. статей участников межведомственной конф. «Современная экономическая преступность», посвященной 70-летию профессора В. Д. Ларичева. М., 2019.

References:

1. Anosov A.V. Special criminological prevention of crimes committed using high technologies // Proceedings of the Academy of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4 (48).
2. Burynin S. S. General characteristics of the vulnerability of procedural norms regulating the verification of a crime report, contributing to the commission of raider seizures of property // Business security. 2019. № 1.
3. Goncharuk N. S. Amendments to Federal Law No. 273-FZ "On Combating Corruption" in terms of strengthening administrative and legal measures to combat corruption in public authorities // Business security. 2019. № 1.
4. Ivanov P.I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. № 2(63).
5. Ivanov P.I. On the development of a domestic system of operational investigative support for economic security in the socio-budgetary sphere // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (51).
6. Ivanov P.I. On the formation of modern operational investigative policy: a point of view // Jurist-Pravoved. 2022. № 4 (103).
7. Ivanov P.I. Operational investigative activity in the conditions of digital reality: its scientific support / P. I. Ivanov // Bulletin of the Kalinin-Grady branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (68).
8. Ivanov P.I. Operational investigative counteraction to cybercrimes: a point of view // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (64).
9. Larichev V. D. Corruption-related crimes: concept, structure and condition: collection of articles of the participants of the interdepartmental conference "Contemporary economic crime" dedicated to the 70th anniversary of Professor V. D. Larichev. M., 2019.
10. Peresedov A.M. Signs of illegal fragmentation business and its significant differences from legal cost optimization // Business security. 2019. № 1.
11. Solovykh N. N. The key resource of the digital economy is a person with the competencies of the 21st century // Business security. 2019. № 1.
12. Truntsevsky Yu. V. Criminological view of digital technologies: collection of articles by participants of the interdepartmental conference. "Modern economic crime", dedicated to the 70th anniversary of Professor V. D. Larichev. M., 2019.
13. Shlyakhtin E. P. A practice-oriented approach in teaching operational investigative disciplines: problems and ways to solve them: collection of articles by participants of the interdepartmental conference. "Modern economic crime", dedicated to the 70th anniversary of Professor V. D. Larichev. M., 2019.

АКТУАЛЬНЫЕ ОШИБКИ И СЛОЖНОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ С ПРИВИЛЕГИРОВАННЫМ СОСТАВОМ (АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ) Current errors and difficulties in the qualification of crimes against health with a privileged composition (analysis of judicial practice)

УСАЧЕВА Алена Павловна,
соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России.
Ярославская ул., 128, г. Краснодар, Краснодарский край, 350005, Россия.
E-mail: lalenal@mail.ru;

Usacheva Alena Pavlovna,
Candidate of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Yaroslavskaya str., 128, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350005, Russia.
E-mail: lalenal@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются основные проблемы возникающие в ходе квалификации преступлений против здоровья с привилегированным составом. На основе анализа судебной практике обозначены основные проблемные аспекты квалификации указанных деяний, а так же приведены примеры. Новизна исследования заключается в том, что автором подробно рассмотрены основные ошибки возникающие при квалификации, среди которых формальное отношение следователя к указанным видам преступлений, не обеспечен должный уровень прокурорского надзора, привилегированный виды должны быть установлены на стадии предварительного следствия.

Abstract: The article examines the main problems that arise during the qualification of crimes against health with a privileged composition. Based on the analysis of judicial practice, the main problematic aspects of the qualification of these acts are identified, as well as examples are given. The novelty of the study lies in the fact that the author examines in detail the main errors that arise during qualification, among which is the formal attitude of the investigator to these types of crimes, the proper level of prosecutorial supervision is not provided, privileged types should be established at the stage of preliminary investigation.

Ключевые слова: судебная практика, статистика, суд, ошибка, переквалификация, квалификации «с запасом».

Keywords: judicial practice, statistics, court, error, retraining, qualifications "with a margin".

Для цитирования: Усачева А.П. Актуальные ошибки и сложности при квалификации преступлений против здоровья с привилегированным составом (анализ судебной практики) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 475-477. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_475.

For citation: Usacheva A.P. Current errors and difficulties in the qualification of crimes against health with a privileged composition (analysis of judicial practice) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 475-477. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_475.

Статья поступила в редакцию: 28.03.2024Необходимость анализа судебной практики квалификации преступлений против здоровья с привилегированным составом, вызвана тем, что статистические данные судов демонстрируют тенденцию увеличения числа уголовных дел по преступлениям против здоровья, по которым судьями принято решения о переквалификации на преступления с привилегированным составом, а равно неверную квалификацию на стадии предварительного следствия. Статистические сведения судебной статистики подтверждают вышеуказанное, так, в 2021 году по ст. 113 УК РФ приговоры вынесены по уголовным делам в количестве: 2021- 6, 2022- 5; в 2023-4, соответственно по ст. 114 УК РФ в 2021 г. – 412, в 2022 г. – 407, 2023 г. – 405 [6]. Весьма интересным представляется то, что если за последние несколько лет число осужденных по ст. 113 и 114 УК РФ уменьшилось в разы, то за последние десятилетия – почти в сотни раз. Так например, по ст. 113 УК РФ в 1997 г. было привлечено 1 218 человек, в 1998 г. – 1 066, в 1999 г. – 903 [7]. Аналогичным образом обстояли дела и в отношении преступлений по ст. 114 УК РФ [1, с. 400]. Обозначенные статистические данные, на наш взгляд, отражают тот факт, что существенная часть привилегированных видов причинения вреда здоровью по ряду обстоятельств не получает нужной правовой оценки и лицо привлекается за совершенное им преступление по другой, как правило, более тяжкой статье УК РФ. Как правило, неверная квалификация является результатом следственной ошибки, как верно отметила М.Л. Голубева, что это действие/бездействие лица, производящего предварительное следствие по уголовному делу, основанное в неверном применении и несоблюдении норм уголовного закона, повлекшее существенное нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина [2, с. 250].

Анализ судебной практики апелляционной и кассационных инстанций, открывает еще более существенные ошибки квалификации исследуемых преступлений. Так статистические сведения за предыдущие три года показывают, что Областными и Верховными Судами было неоднократно принято решения о переквалификации со ст. 111 УК РФ на ст. 113 и 114 УК РФ, а именно в 2021 году не менее 172 уголовных дел, в процентном соотношении 5,5%, 2022 4,69 %, 2023-1,82%. То есть ежегодно в апелляционном порядке принимается решения о переквалификации порядка 5% от общего количества ст. 111 УК РФ.

На первый взгляд такой процент выглядит незначительными, учитывая общее количество преступлений квалифицируемых по ст. 111 УК РФ в 2021-3096, 2022-3174, 2023 - 3069 [2]. Однако, если рассмотреть со стороны ст. ст. 113 и 114 УК РФ то такой процент фундаментален, и составляет порядка 33 %. Тем более что за каждой такой ошибкой квалификации стоит человеческая судьба. Закрывать глаза на такие ошибки

на стадии предварительного следствия становится невозможным. Тем более все чаще в средствах массовой информации освещаются такие дела. Так, общественный резонанс привлекло апелляционное определение от 18.08.2023 по уголовному делу №22-1184/2023, дело было рассмотрено по апелляционному представлению помощника прокурора Бежицкого района г.Брянска и апелляционной жалобе потерпевшего. Из материалов уголовного дела прослеживаются типичные следственные ошибки, так на стадии производства следствия гр-ну Н. было предъявлено обвинение по п.«з» ч.2 ст.111 УК РФ, то есть в том, что умышленно обвиняемым Н. было нанесено потерпевшему тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, при этом преступление было совершено с использованием предмета, в качестве оружия. Сотрудниками прокуратуры вышеуказанное обвинительное заключение по ч.2 ст.111 УК РФ было поддержано и уголовное дело передано в суд. Однако, по итогам судебного разбирательства суд принял решение о переквалификации деяний гр. Н. с ч.2 ст.111 УК РФ на ч.1 ст.114 УК РФ, то есть преступление совершено с привилегированным составом, а именно при превышении мер необходимой обороны. Интересным представляются показания данные обвиняемым как на стадии следствия так и поддержанные им в суде, о том, что вину в совершении преступления, предусмотренного п.«з» ч.2 ст.111 УК РФ не признает, но при этом не отрицает нанесения не менее одного удара ножом находящегося в правой кисти в живот Л., но при этом утверждал, что действовал с превышением пределов необходимой обороны. Суд исследовал все материалы дела, заслушав стороны определил оставить приговор без изменения, то есть суд полностью поддержал решения суда о переквалификации состава преступления, так же суд апелляционное представление государственного обвинителя и поданную потерпевшим апелляционную жалобу оставил без удовлетворения [8].

Анализируя вышеуказанное апелляционное определение можно сделать вывод о том, что суд первой инстанции правильно пришел к выводу о переквалификации действий гр. Н. на ст. 114 УК РФ. Ошибки следователя и прокурора очевидны, прослеживается квалификация «с запасом», при квалификации следователем не учтены показания обвиняемого.

В другой ситуации, апеллянтом выступает адвокат потерпевшего, который не согласен с решением суда первой инстанции. Так, Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда 12.12.2023 по уголовному делу № 22-10031/2023, рассмотрена апелляционная жалоба представителя потерпевшего адвокат М. который считает приговор Подольского городского суда незаконным, его отменить, и принять новое решение, в котором признать гр. С. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч.2 ст.111 УК РФ. Заявляет, что суд незаконно переквалифицировал действия гр. С. на ч.1 ст.114 УК РФ. В своей жалобе адвокат М. основывался на положении Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 19 "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление", настаивал на том, что гр. С. спровоцировал конфликт с гр. З., поэтому превышения необходимой обороны в действиях гр. С. не имеется. Действия гр. С. правильно квалифицированы судом первой инстанции по ч.1 ст.114 УК РФ. Так же судебная коллегия находит необубедительными доводы адвоката М. необходимости квалификации действий гр. С. по п. «з» ч.2 ст.111 УК РФ. По рассмотрению всех доводов изложенных в суде, судебная коллегия определила приговор Подольского городского суда в отношении гр. С. оставить без изменения [9].

Выше рассмотренный пример свидетельствует о сложности процесса квалификации преступлений против здоровья с привилегированным составом.

Аналогичное, но весьма интересный путь прошло уголовное дело №1-90/2023 от 31 мая 2023 г.. Так , 09.10.2023 Салаватский межрайонный суд Республики Башкортостан рассмотрел материалы уголовного дела в отношении обвиняемого С. которому предъявлено обвинение в умышленном совершении преступления, квалифицируемого по ч.4 ст.111 УК РФ. На стадии доследственной проверки лицом осуществлявшим предварительное следствие было принято решение о возбуждении уголовного дела именно по ч.4 ст.111 УК РФ. Однако, в ходе судебного заседания суд заслушав все стороны и свидетелей, а так же проанализировав предоставленные доказательства, пришел к выводу о необходимости переквалификации действий гр. С. с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 114 УК РФ – то есть суд решил, что гр. С. нанес вред здоровью при превышении мер необходимой обороны. Однако, прокурор посчитал решения суда необоснованным и подал апелляционное представление. Которое было рассмотрено 18.12.2023 Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Башкортостан. В апелляционном представлении прокурор Я. Заявил, что приговор незаконен, так как неправильно применен уголовный закон и полагает Салаватского межрайонного суда Республики Башкортостан от 9 октября 2023 года изменить, то есть квалифицировать действия гр. С. по ч.4 ст.111 УК РФ. В свою очередь судебная коллегия исследовав и оценив все представленные доказательства, полагает, что суд верно в отношении гр. С. переквалифицировал действия с ч.4 ст.111 УК РФ на ч.1 ст.114 УК РФ, что соответствует обстоятельствам дела, установленным в судебном заседании. При переквалификации действий гр. С. на ч.1 ст.114 УК РФ судом каких-либо фундаментальных нарушений требований уголовного закона либо уголовно-процессуальных основ, подвергших сомнению смысл правосудия и суть вносимого судебного решения, судом допущено не было. После выхода из совещательной комнаты состав судей из судебной коллегии определили, что приговор Салаватского межрайонного суда Республики Башкортостан от 9 октября 2023 года в отношении гр. С. должен быть оставлен без изменения, а так же судом дана оценка апелляционному представлению прокурора, которое судом определено оставить без удовлетворения [10].

Рассмотренные судебные определения и приговора в первую очередь обнажают квалификационные ошибки, это те пробельности которые отражают отрицательный результат правоприменительной практики в уголовно-правовой области. Лицами допускающими приведенных выше ошибки как правило выступают лица проводящие дознание либо следствие, а так же прокуроры и судьи [4, с. 8].

Приведенные судебные примеры демонстрируют ряд проблемных аспектов. Наиболее весомыми представляются такие так, несовершенство уголовно-правовых норм, сложность процесса квалификации рассматриваемых видов преступлений, квалификации «с запасом», необходимости проведения ряда экспертиз, формальное отношение следователя к указанным видам преступлений, не обеспечен должный уровень

прокурорского надзора, и иные.

Тщательная оценка ошибок совершенных при квалификации исследуемых деяний, будет давать огромный толчок соблюдения законности в уголовной сфере, устранение причин выше обозначенных проблем а самое главное направленное на неукоснительное обеспечение прав и свобод человека [3].

Представляется актуальным на основании выявленных ошибок при квалификации преступлений против здоровья с привилегированным составом, осветить алгоритм решения. В первую очередь на стадии предварительного следствия уделять внимание на причины возникновения соответствующих событий, а также допросу подозреваемого \ обвиняемого, дача верной правовой оценки действий потерпевшего как во время совершения преступления, так и до совершения противоправного деяния; исключить практику вменение более тяжкого преступления взамен очевидному менее тяжкому.

Сотрудники следствия, а равно сотрудники, проводящие дознание, зачастую не отражают детали, нацеленные на выяснения психического состояния обвиняемого при совершении преступления в протоколах допроса участников происшествия, а также наличие психотравмирующей ситуации, которая способна повлиять на сознание и действия обвиняемого лица. Большинство лиц проводящих слабо исследуют действия обвиняемого упуская тот факт, что поведение и состояние виновного как в момент совершения преступления так и до, имеет важное уголовно-правовое значение [5, с. 594].

Проведенный анализ судебной практики не освещает всех нюансов квалификации исследуемых преступлений, а демонстрирует актуальные сложности при квалификации преступлений против здоровья с привилегированным составом.

Библиография:

1. Ванюшкин С.В., Даниленко Н.Н., Долгова А.И. Власть: криминологические и правовые проблемы. М.: Криминологическая ассоциация, 2000. – 600 с.
2. Голубева Марина Львовна. Судебная ошибка: теоретико-прикладной анализ : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Голубева Марина Львовна; [Место защиты: Нижегород. акад. МВД России].- Нижний Новгород, 2009.- 250 с.
3. Решетников Александр Юрьевич Квалификационные ошибки: сущность, классификация и причины // Журнал российского права. 2016. №10 (238). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsionnye-oshibki-suschnost-klassifikatsiya-i-prichiny> (дата обращения: 18.02.2024).
4. Сумский Д. В. Переоценка преступлений: монография. М., 2016.- 398 с.
5. Усачева А.П.: Проблемы ошибочной квалификации и квалификации «с запасом» при привлечении к ответственности за привилегированные виды причинения вреда здоровью // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2020. – Т. 30. – № 4. – 653 с.
6. Судебная статистика Российской Федерации: «Данные о назначенном наказании по статьям УК»// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai> (дата обращения 18.02.2024)
7. Судебная статистика Российской Федерации: «Данные о назначенном наказании по статьям УК»// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai> (дата обращения 18.02.2024).
8. Судебные решения Российской Федерации: «Данные судебных решений»// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/5289763/extended> (дата обращения 18.02.2024).
9. Судебные решения Российской Федерации: «Данные судебных решений»// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/9875698/extended> (дата обращения 18.02.2024).
10. Судебные решения Российской Федерации: «Данные судебных решений»// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/8456987/extended> (дата обращения 18.02.2024).

References:

1. Vanyushkin S.V., Danilenko N.N., Dolgova A.I. Power: criminological and legal problems. Moscow: Criminological Association, 2000. – 600 p.
2. Golubeva Marina Lvovna. Judicial error: theoretical and applied analysis : dissertation ... Candidate of Law : 12.00.08 / Golubeva Marina Lvovna; [Place of defense: Nizhegorod. acad. The Ministry of Internal Affairs of Russia].- Nizhny Novgorod, 2009.- 250 p.
3. Reshetnikov Alexander Yuryevich Qualification errors: essence, classification and causes // Journal of Russian Law. 2016. No.10 (238). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsionnye-oshibki-suschnost-klassifikatsiya-i-prichiny> (date of reference: 02/18/2024).
4. Sumsky D. V. Re-qualification of crimes: monograph. M., 2016.- 398 p.
5. Usacheva A.P.: Problems of erroneous qualification and qualification "with a margin" when being held accountable for privileged types of harm to health // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. – 2020. – vol. 30. – No. 4. – 653 p.
6. Judicial statistics of the Russian Federation: "Data on sentencing under articles of the Criminal Code"// [Electronic resource]. Access mode: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai> (accessed 02/18/2024)
7. Judicial statistics of the Russian Federation: "Data on sentencing under articles of the Criminal Code"// [Electronic resource]. Access mode: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai> (date of appeal 02/18/2024).
8. Judicial decisions of the Russian Federation: "Data of judicial decisions"// [Electronic resource]. Access mode: <https://судебныерешения .RF/5289763/extended> (date of appeal 02/18/2024).
9. Judicial decisions of the Russian Federation: "Data of judicial decisions"// [Electronic resource]. Access mode: <https://судебныерешения .RF/9875698/extended> (accessed 02/18/2024).
10. Judicial decisions of the Russian Federation: "Data of judicial decisions"// [Electronic resource]. Access mode: <https://судебныерешения .RF/8456987/extended> (accessed 02/18/2024).

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журналов «Право и государство: теория и практика» и «Аграрное и земельное право»

• Статья должна содержать название; фамилию, полное имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**

• Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru**.

• Объем материала не должен превышать 20000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.

• При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.

• Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.

• Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.

• В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.

• Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.

• Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;

Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте prigos@mail.ru

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.
2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.
3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.
4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.
5. Редсовет журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**
6. Редсовет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.
7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.
8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.